

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929171 0

Allen

15

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ
ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, КРИТИКИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. В. ДРУЖНИНА.

Ohne Hast, ohne Rast.
Goethe.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.

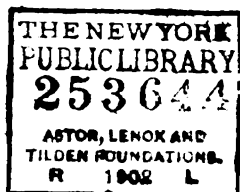
ЯНВАРЬ.

ТОМЪ СТО-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

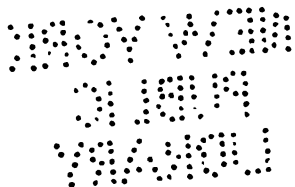
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 4 января 1858 года.

Ценсоры *А. Фрейманъ* и *И. Гончаровъ*.

БОЯРЩИНА.*

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ..

Часть первая.

I.

Въ одной изъ сѣверныхъ губерній , въ С..... уѣздѣ есть небольшая волость , въ которой очень большое и препятное со-
сѣдство. Всякій, кому только Господь Богъ соблаговолилъ по-
ѣздить по святой Руси, всякій, безъ сомнѣнiя, замѣтилъ, какъ
пустыютъ нынче усадьбы. Ему, вѣрно, случалось проѣзжать цѣ-
лые уѣзды, не набредя ни на одно жилое барское помѣстье,
хотя часто ему метался въ глаза господскiй домъ, но, увы!
вѣрно съ заколоченными окнами и съ краснымъ дворомъ, глу-
хо заросшими крапивою; но никакъ нельзя было этого сказать

* Романъ этотъ былъ мною написанъ десять лѣтъ тому назадъ. Не пе-
чатая его тогда, я смотрѣлъ на него, какъ на матеріалъ, и заимствовалъ
изъ него для другаго моего романа «Богатый женихъ», одну или двѣ сце-
ны, которыя въ настоящемъ случаѣ измѣнять и вообще маскировать это
дѣло я не считаю себя въ правѣ.

Авторъ.

Т. СXLVII. — Отд. I.

1

про упомянутую волость: усадьбы ея были и въ настоящее время пренеполнены помѣщиками: не многія изъ нихъ заключали по одному владѣльцу, но въ большей части проживали цѣлыя семейства. Мѣстечко это еще изстари прозвано было Боярщиной и даже до-сихъ-поръ, если прїѣдетъ къ вамъ владимірецъ-разнощикъ и вы его спросите:

— Откуда, плуть, пробираешься?

— Изъ Боярщины, судырь... Около мѣсяца тамъ плутовалъ, отвѣтитъ онъ вамъ.

— Тамъ?

— Тамъ-съ. Такое ужъ тамъ для насъ мѣсто притопающее.

Засѣдатель земскаго суда, какъ бывало, попадетъ туда на свидѣніе, такъ мѣсяца два, три и не выѣдетъ: все по гостямъ; а исправникъ, котораго очень все любили, просто не выѣзжалъ оттуда: круглый годъ ѣздилъ отъ одного помѣщика къ другому. На балотировкахъ боярщинцы всегда дѣйствовали за одно и, надобно сказать, имѣли тамъ значительный голосъ, тѣмъ болѣе, что самъ губернскій предводитель былъ изъ числа ихъ.

На сѣверномъ краю этой волости есть усадьба Могилки, которая какъ — то рѣзко отличалась отъ прочихъ усадебъ тѣмъ, что вся обнесена была толстымъ деревяннымъ заборомъ. Двухъ-этажный, съ небольшими окнами, господскій домъ былъ выкрашенъ сѣрою краскою; отъ самыхъ почти оконъ начиналъ тянуться огромный прудъ, берега котораго густо были обсажены соснами, разросшимися въ огромныя деревья, которыя вмѣстѣ съ домомъ, отражаясь въ тинистой и непрозрачной водѣ, дѣлали прудъ похожимъ на пропасть; далѣе за нимъ слѣдовалъ темный и заглохшій садъ, въ которомъ, кажется, никто и никогда не гулялъ. Высокіе; покрытые острымъ колпакомъ флигеля, также съ маленькими окнами, и посѣрѣвшіе отъ времени, тянулись отъ господскаго дома по обоямъ бакамъ и заключались скотными дворами, то же сѣрыми, которые были обильно, но неаккуратно покрыты соломой. При самомъ почти въѣздѣ въ усадьбу, на правой рукѣ, стояла полуразвалившаяся часовня, около которой возвышалось нѣсколько

бугровъ, напомиравшихъ о нѣкогда бывшемъ тутъ кладбищѣ. Однимъ словомъ,—все какъ-то было сѣро и мрачно и наводило на васъ грустное и непріятное чувство. Всякій разъ, когда я проѣзжалъ мимо этой усадьбы, меня поражало необыкновенное ея сходство съ расколыничьимъ кладбищемъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ этой усадьбѣ жилъ высокій, худошавый старикъ Егоръ Егорычъ Задоръ-Мановскій, который одинъ изъ всехъ сосѣднихъ дворянъ составлялъ какъ бы исключеніе: онъ ни къ кому не ходилъ, и у него никто не бывалъ. Про него носились весьма невыгодные слухи: говорили, что будто бы онъ уморилъ жену и проклялъ собственнаго сына за то, что тотъ потребовалъ въ свое распоряженіе материнское имѣніе. Но это были одни слухи; достоверно же знали только то, что сынъ лѣтъ двѣнадцать не бывалъ у отца.

— Нужно бы намъ подобраться къ Задоръ-Мановскому, часто говаривалъ губернскій предводитель.

— Нужно бы, ваше превосходительство; подхватывалъ С...кій исправникъ.

— Да какъ подберешься? продолжалъ предводитель.

— Именно, какъ подберешься? заключалъ исправникъ.

Между тѣмъ, покуда они рѣшали этотъ вопросъ, Задоръ-Мановскій скоростижно умеръ и послѣ него стало совершаться все то, что обыкновенно совершается по смерти одинокихъ людей: деньги и вещи, сколько возможно, были разворованы домашними, а остальные запечатаны. Нѣкоторые изъ сосѣдей пріѣхали на похороны, пожалѣли о покойникѣ, открыли его нѣсколько рѣдкихъ добродѣтелей, о которыхъ при жизни и помню не было, и укоряли наконецъ неблагодарнаго сына, не хотѣвшаго пріѣхать къ умирающему отцу. Пять лѣтъ послѣ того Могилки пустыли. Наконецъ въ нихъ пріѣхалъ новый господинъ—сынъ покойника, Михайло Егорычъ Задоръ-Мановскій и пріѣхалъ не одинъ, а съ молодою женою. Последнее обстоятельство не понравилось особенно тѣмъ изъ сосѣдей, у которыхъ на рукахъ были взрослые дочери, потому что Мановскій, не смотря на невыгодные слухи объ отцѣ, былъ очень выгодный женихъ. Все знали, что у него триста незаложенныхъ душъ, да еще, въ придачу, на нѣсколько тысячъ ломбардныхъ билетовъ, сверхъ того, онъ былъ полковникъ въ отставкѣ.

— Я думаю, — будетъ въ батюшку и станетъ жить медвѣдемъ, проговорили многіе.

Но предсказаніе это не сбылось. Въ продолженіи двухъ недель послѣ своего пріѣзда, Мановскій посѣтилъ почти всѣхъ сосѣдей и пригласилъ ихъ къ себѣ. Результатомъ такихъ посѣщеній было то, что самъ Задоръ-Мановскій понравился всѣмъ; скажу болѣе, внушилъ къ себѣ уваженіе. Правда, приемы его были нѣсколько угловаты, но вѣжливы, мысли рѣзки, но основательны. Что касается до его наружности, то онъ былъ въ полномъ смыслѣ атлетъ, въ сажень почти ростомъ и съ огромной курчавой головой. По значительному развитію ручныхъ мускуловъ не трудно было догадаться, что онъ имѣлъ львинную силу. Впрочемъ багровый, изжелта, цвѣтъ лица, тусклые, оловянные глаза и осиплый голосъ ясно давали знать, что не въ нѣтъ и не совсѣмъ скромно провелъ онъ нервную молодость, но только желѣзная натура его, еще болѣе закаленная въ нуждѣ, не поддавалась ничему, и онъ, въ сорокъ лѣтъ, остался тѣмъ же здоровякомъ, какимъ былъ и въ осьмнадцать.

Но совершенно другое впечатлѣніе произвела на общество его жена. Посѣщая, вмѣстѣ съ мужемъ, сосѣдей, она вела себя какъ-то странно: послѣ обычныхъ привѣтствій, которыя исполняются при новыхъ знакомствахъ, и которыя, надо отдать справедливость, Мановская высказывала довольно ловко и свободно, во все остальное время она молчала, или только отвѣчала на вопросы, которые ей дѣлали, и то весьма коротко. Болѣе тонкій наблюдатель, съ перваго бы взгляда, замѣтилъ по грустному выраженію лица молодой женщины, что молчаливость ея происходила отъ какого-то тайнаго горя, которое, будучи постояннымъ предметомъ размышленій, отрывало ее отъ всего окружающаго міра и заставляло невольно сосредоточиваться въ самой себѣ. Но не такъ показалось это сосѣдямъ: «она горда», сказали побѣдиве изъ нихъ; «она глупа», рѣшили богатые. Наружность ея тоже не понравилась. Это была блондинка, черты лица ея были правильны, но она была худа; на щекахъ ея игралъ болѣзненный румянецъ, а тонкія губы были пепельнаго цвѣта. Эти признаки органическаго разстройства и были причиною, что въ наружности т-ще Мановской сосѣди и сосѣдки, привыкшіе болѣе видѣть въ своихъ дочкахъ здоровую красоту, не нашли ничего особеннаго, за исключеніемъ довольно недурныхъ глазъ. Мановскій въ гостяхъ обходился съ женою не очень внимательно

дома же, при постороннихъ, онъ былъ съ ней повелителенъ и даже почти грубъ. Это еще болѣе уронило Мановскую въ глазахъ сосѣдей. «Ее, кажется, и мужъ-то не любитъ», говорили одни; — «И не за что, и не за что», подтверждали другіе.

Такъ прошли два года. Задоръ-Мановскій сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей между помѣщиками Боярщины. Его все уважали, даже поговаривали, что, врядъ ли онъ не будетъ на слѣдующую балотировку предводителемъ. Дамамъ это было очень досадно: «вотъ, ужъ нечего сказать, будетъ у насъ предводительша, даетъ же Богъ такимъ счастье», говорили онъ...

Перенесемся однако на нѣсколько времени въ Могилки. Гостинная Мановскихъ была самая большая и холодная комната въ цѣломъ домѣ. Стѣны ея были голы; кожаная, старинная мебель составляла единственное ея убранство. Она была любимымъ мѣстопребываніемъ Михайла Егорыча, который любилъ просторъ и свѣжій воздухъ. Рядомъ съ гостиной была спальная комната, въ которой цѣлые дни просиживала Анна Павловна. Однажды, это было въ началѣ мая, Михайло Егорычъ мѣрными шагами ходилъ по гостиной. На лицѣ его была видна досада. Онъ только-что откуда-то прѣвхалъ. Несмотря на то, что въ комнатѣ, по причинѣ растворенныхъ оконъ, былъ страшный холодъ, Мановскій былъ безъ сюртука, безъ галстука и безъ жилета, въ однихъ только широкихъ шальварахъ, съ красными лампасами. Молодой, лѣтъ двадцати, лакей въ сѣромъ, изъ домашняго сукна, казакнѣ, перекладывалъ со стула на руку барское платье.

— Вы, этта, соколики, началъ Мановскій, — вздвигши съ барыней къ обѣднѣ, весь задокъ отворотили у коляски, шельмы этакіе? и молчатъ еще! Какъ это вамъ нелегкая помогла?

— Лошади разбили-сь. Не то что насъ, барыню-то чуть до смерти не убили, отвѣчалъ лакей.

— Прахъ бы васъ взялъ и съ барыней! Чуть ихъ до смерти не убили?... Сахарные какіе!... А коляску теперь чини!... Гдѣ кузнецъ-то?... Свой, вонъ каналья, гвоздя сковать не умѣетъ; теперь посылай въ чужіе люди!.. одолайся!.. Уроды этакіе! И та-то, вѣдь, какъ-же, Богу молиться? Богомольщица не мудрая, прости Господи! Ступай и скажи сейчасъ Сенькѣ, чтобы вхалъ къ предводителю и попросилъ, — нельзя ли кузнеца одолжить, дня на два, дискать! Что глаза-то выпучилъ?

— Семена дома нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей.

— Это какъ? Гдѣ же онъ?

— Въ городъ на почту увхалъ; барыня послали.

— Да, вѣдь, я говорилъ, вскрикнулъ Мановскій,—чтобы ни одна бестія не смѣлъ вздѣть безъ моего спросу.

— Барыня изволили послать.

— Какъ барынъ не послать? помѣщица какая! Хозяйствомъ не занимается, а только письма пишетъ — писательница! Какъ же, вѣдь, папеньку надобно поздравить съ праздникомъ,—только людей да лошадей гонять! Пошелъ, скажи кучеру, чтобы съвздѣлъ за кузнецомъ.

Лакей ушелъ. Михайло Егорычъ, надѣвши только картузъ и въ томъ же костюмъ, отправился на конскій дворъ.

Анна Павловна, сидѣвшая въ своей спальнѣ, слышала весь этотъ разговоръ; но, кажется, она привыкла къ подобнымъ выходкамъ мужа и только покачала головой съ какою-то горькою улыбкой, когда онъ называлъ ее писательницею. Она была очень худа и блѣдна. Черезъ четверть часа Мановскій вернулся и, казалось, былъ еще болѣе чѣмъ-то раздосадованъ. Онъ прямо пошелъ въ спальню.

— Что у насъ теперь дѣлаютъ? спросилъ онъ, садясь въ уголъ и не глядя на жену.

— Ячмень съютъ. Овесъ вчерашній день кончили, отвѣчала та.

— Много ли высѣяно ячменя?

— Сегодня я не знаю.

— Да что-жъ вы знаете? перебилъ Мановскій: — я, кажется, говорилъ вамъ, чтобы вы сами навѣдывались въ полъ, а то опять обсъвки пойдутъ.

— Но я больна, Михайло Егорычъ!

— Вѣчная отговорка: я больна! Надѣли бы шубу, коли очень знобки. Для чего вы здѣсь живете? Последняя коровница и та больше пользы дѣлаетъ. Людей разсылать, да коляски ломать ваше дѣло! Будь я подлець, если я не запрю всѣ экипажи на замокъ; вонъ, паземныхъ телегъ много, на любой извольте кататься! Что это, въ самомъ дѣлѣ, заняться ни чѣмъ не хотеть: столонъ, что называется, порядочно распорядиться не уметь. Идетъ, Богъ знаетъ, сколько, а толку нѣтъ! Куда этта, въ два мѣсяца какіе-нибудь, вышелъ пудъ крупчатки? Знаете ли вы

это? Вѣдь ничего не понимаете! Что у насъ, — балы, что-ли? Блѣдорука какая! Я больна!... Я нездорова!... Я не могу!... Вспомнили бы лучше, много ли приданаго-то принесли, — только бабій хвостъ, съ позволенія сказать.

— Зачѣмъ же вы женились на мнѣ?

— Кто васъ зналъ, что вы аферисты этакіе! За меня въ Москвѣ купчихи шли, но вамъ чета, со ста тысячами. Такъ, вѣдь, какъ же, фу ты, Боже мой, какое богатство показывали! Экипажъ, не экипажъ, лошади — не лошади, по Петербургамъ, да по Москвамъ развѣзжали, миллионеры какіе, а на новѣрку-то вышло — нуль! Этакой подлости мужикъ порядочный не сдѣлаетъ, какъ милый родитель вашъ, а еще генераль!

Последнія слова, кажется, болѣе всего оскорбили и огорчили Анну Павловну: она вся вспыхнула, и заплакала.

— Какъ же, вѣдь, нюни распустить сейчасъ надобно!... Ужасно, какъ жалко! я вотъ сейчасъ самъ зарыдаю!...

Анна Павловна продолжала плакать.

— За что вы меня мучите, проговорила наконецъ она грустнымъ голосомъ: — что я вамъ сдѣлала? Я просила и прошу васъ объ одномъ, чтобъ вы не бранили при мнѣ моего отца. Онъ не виноватъ, онъ не зналъ, что вы женитесь не на мнѣ, а на состояніи.

— Скажите, пожалуйста! Онъ не зналъ этого, какой малолетокъ! Онъ думалъ, что дочку въ одной юбкѣ благородно отпустить? Золото какое! Осчастливилъ!

— Я васъ давно просила отнустить меня. Зачѣмъ я вамъ? Вы меня не любите, и не уважаете!

— Смѣю ли я васъ не уважать, помилуйте! Глубочайшее почтеніе долженъ питать! Какъ же, вѣдь: такая красавица! такая образованная! Какъ мнѣ васъ не уважать? Вами только и на свѣтъ существую.

Мановскій долго еще бранился, но Анна Павловна не говорила уже ни слова; наконецъ, видно, и ему наскучило: онъ замолчалъ и все сидѣлъ, насупившись.

Молодой лакей вошелъ и сказалъ, что обѣдъ готовъ. Михайло Егорычъ пошелъ первый. Онъ выпилъ первоначально огромную рюмку водки, съѣлъ и, самъ наливши себѣ полную тарелку горячаго, началъ ѣсть, почти съ обжорствомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ желчные люди. Анна Павловна сидѣла за столомъ, больше для виду, потому что ничего не ѣла. Между тѣмъ

выраженіе лица Мановскаго въ той мѣрѣ, какъ онъ надеялся, запивая каждое блюдо неподслащенной наливкой, дѣлалось какъ будто бы добрее. Вставши изъ-за стола, онъ выкурилъ залпомъ три трубки крѣпкаго турецкаго табаку и легъ въ гостиной на диванъ. Анна Павловна прошла въ спальню.

Мановскій, кажется, думалъ заснуть, но не могъ.

— Анна Павловна! подите сюда! крикнулъ онъ.

Анна Павловна не отвѣчала. Михайло Егорычъ снова позвалъ ее, но она не шла и даже не откликнулась, а потомъ, потихоньку вставши, хотѣла уйти изъ спальни, но Михайло Егорычъ увидѣлъ ее въ зеркалѣ.

— Куда же вы? говорятъ вамъ, подите сюда! произнесъ онъ.

Анна Павловна остановилась въ раздумьѣ.

— Подите сюда, повторилъ Мановскій.

Анна Павловна вошла и села въ нѣкоторомъ отдаленіи на кресло.

— Сядьте сюда поближе, сказалъ Мановскій.

Анна Павловна не трогалась. Михайло Егорычъ досталъ ее рукою и посадилъ къ себѣ на диванъ. Онъ видимо хотѣлъ приласкаться къ женѣ. У Анны Павловны между тѣмъ лицо горѣло, на глазахъ опять навернулись слезы.

— Оставьте меня, проговорила она, отодвигаясь на другой конецъ дивана.

Михайло Егорычъ молча придвинулъ ее къ себѣ.

— Ну, помиримтесь, поцѣлуйте меня, проговорилъ онъ нѣсколько ласковымъ голосомъ.

Анна Павловна поцѣловала его. Слезы ручьями текли по ея щекамъ.

— О чемъ вы плачете? что за глупости! проговорилъ Мановскій, и, наклонивъ голову жены, хотѣлъ ее еще поцѣловать. Анна Павловна не въ состояніи была долѣе владѣть собой: почти силой вырвалась она изъ рукъ мужа и проговоривъ: «оставьте меня!» ушла. Мановскій посмотрѣлъ ей вслѣдъ озлобленнымъ взглядомъ и по-крайней-мѣрѣ около часу просидѣлъ на диванѣ нахмуренный и молчаливый, а потомъ велѣлъ себѣ заложить бѣгвые дрожки и уѣхалъ. Одѣвавшій и провожавшій его молодой лакей вернулся въ прихожую въ какомъ-то раздумьѣ: постоявъ, онъ развелъ что-то руками и легъ на завалокъ.

— Костя, куда баринъ уѣхалъ? спросила горничная дѣвушка Анны Павловны, Матрена, заглянувши въ лакейскую.

— Въ Спиридоново, чай, отвѣчалъ тотъ.

— Къ Марфѣ?

— Ну, да.

— Ой, Господи, согрѣшили грѣшные! проговорила горничная въ раздумьѣ.

— Да тебѣ чего тутъ жаль? проговорилъ лакей.

— Барыню больно жаль, сидитъ да плачетъ....

— Что плакать-то. Не сегодня у нихъ согласья нѣтъ: все другъ дружку на перекоръ идутъ. Онъ-то, вишь, какой обломъ, а она хворая.

— Чтожъ хворая? возразила горничная.

— Что хворая! извѣстно: мужъ любить жену здоровую, а брать сестру богатую.

— Да ужъ это такъ, отвѣчала горничная и ушла въ дѣвичью.

— Да, такъ.... Знаемъ тоже и тебя.... По што вотъ Марфѣ попадаетъ, а не мнѣ, знаемъ! произнесъ самъ съ собой лакей и, прикурнувши головой на лѣвую руку, задремалъ.

II.

Спустя мѣсяцъ послѣ описаннаго нами происшествія, вся Боярщина собиралась въ домъ у губернскаго предводителя. Это былъ день именинъ его жены. Все почти общество было въ гостиной. Самой хозяйки, впрочемъ, не было дома. Она уже года три жила безъ выезда въ Петербургъ, потому что, по ея собственнымъ словамъ, бывши до безумія страстною матерью, не могла разстаться съ дѣтьми, а другіе толковали такъ, что гвардейскій уланъ былъ тому причиною. Не менѣе того, именины ея ежегодно справлялись, въ силу того обычая, что губернскіе предводители, кажется, и послѣ смерти женъ, должны давать обѣды въ день ихъ именинъ. Самъ хозяинъ, маленькій, съ динькій старичокъ, съ очень добрымъ лицомъ, въ камлотовомъ сюртукъ, разговаривалъ съ сидѣвшею съ нимъ рядомъ на диванъ толстою барынею Усвтковою, которая говорила съ такимъ жаромъ, что, не замѣчая сама того, брызгала слюнями во всѣ стороны. Она жаловалась теперь на становаго пристава. Всѣ кресла, которыя обыкновенно, въ количествѣ полутора дюжинъ, разставляются по обѣимъ сторонамъ дивана, были заняты дамами въ яркихъ шелковыхъ платьяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ блон-

довыхъ чепцахъ, а другіе просто въ гребенкахъ. Лица у всѣхъ по большей части были полныя и слегка у иныхъ подбѣлены. Нѣсколько мужчинъ, столпившись у дверей, толковали кой-о-чемъ. Другіе ходили, или, заложивши руки назадъ, стояли и только по временамъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, переглядывались съ своими женами. Сосѣдняя съ гостиною комната называлась диванною. Въ ней также помѣщалось нѣсколько человекъ гостей: приходскій священникъ съ своей попадьей, которые тихо, но съ замѣтнымъ удовольствіемъ разговаривали между собою, какъ будто бы для этого имъ рѣшительно не было дома времени; потомъ, жена становаго пристава, которой, кажется, было очень неловко въ застегнутомъ платьѣ; гувернантка Уситковой въ терновомъ капотѣ и съ огромнымъ ридикюлемъ, собственно назначеннымъ не для ношенія платка, а для собиранія на всѣхъ праздникахъ яблоковъ, конфетъ и другихъ сладкихъ благодатей, съдаемыхъ послѣ, въ продолженіи недѣли, и наконецъ, молодой писмоводитель предводителя, напомаженный и завитой, который съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ сквозь стекло во внутренность стоявшихъ близъ него столовыхъ часовъ: ему ужасно хотѣлось открыть, — отъ чего это маятникъ безпрестанно шевелится. Кромѣ этихъ лицъ здѣсь были еще три собесѣдника, которые, видимо, удалились изъ гостиной за тѣмъ, чтобы свободнѣе предаваться разговорамъ, лично для нихъ интересныхъ. Это были: племянница хозяйина, довольно богатая, лѣтъ тридцати, вдова, Клеопатра Николаевна Маурова. Высокая ростомъ, съ открытой физиономіей, она была то, что называютъ *belle femme*, имѣя притомъ какой-то тихой, мелодическій голосъ и манеры довольно хорошія, хотя нѣсколько и жеманныя; но главное ея достоинство состояло въ замѣчательной легкости характера и въ неподдѣльной, природной веселости. Сидѣвшая съ нею рядомъ особа была совершенно противоположна ей: это была худая, желтая, озлобленная дѣвственница, известная въ околдѣхъ подъ именемъ барышни, про которую впрочемъ говорили, что у нея было что-то такое въ родѣ мужа. Третье лицо былъ молодой человекъ: онъ былъ довольно худъ, съ густыми, длинными а-ля-мужикъ и слегка въощившимися волосами; въ блѣдномъ и выразительномъ лицѣ его, если нельзя было прочесть рановременныхъ страданій, то, крайней-мѣрѣ, высказывалась сильная юношеская раздражитель-

ность. По модному черному фраку и гладко натянутымъ французскимъ палевымъ перчаткамъ, а главное по стеклышку, которое онъ, во временамъ, вставлялъ въ глазъ, нетрудно было догадаться, что онъ недѣвно изъ столицы.

Эти три лица разговаривали о чувствахъ и страстяхъ.

— Итакъ, Monsieur Эльчаниновъ, вы говорите, что вашъ идеаль-женщина страдавшая, вотъ ужъ не понимаю, говорила Клеопатра Николаевна, пожимая плечами.

— Что тутъ непонятнаго? отвѣчалъ молодой человекъ. Горе облагораживаетъ и возвышаетъ душу женщины, какъ и человека вообще.

— Ахъ, Боже мой! подхватила вдова, послѣ этого, всякая женщина можетъ быть идеаломъ, потому что всякая женщина страдаетъ. Полноте, господа! Вы не имѣете идеала. Я видѣла мужчинъ влюбленныхъ въ такихъ милыхъ, прекрасныхъ женщинъ, и что же послѣ? Они влюблялись въ уродовъ, просто въ уродовъ! Какъ вы это объясните?

— Я могу объяснить только то, что самъ переживалъ, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Клеопатра Николаевна васъ спрашиваетъ про наружность вашего идеала, замѣтила барышня съ ядовитой улыбкою,—страдаетъ, вѣдь, всякая женщина, прибавила она.

— Про наружность я не могу вамъ сказать опредѣлительно, отвѣчалъ молодой человекъ: — впрочемъ мнѣ лучше нравятся женщины слабыя, немножко съ болзненнымъ румянцемъ и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Станный вкусъ! сказала съ усмѣшкою вдова:—здѣсь есть одна такая женщина, только жаль, что нѣсколько глупа.

— А, понимаю, о комъ вы говорите, замѣтила барышня:—о Зе?

— Конечно, о комъ же больше, отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Кто такая эта Зе? спросилъ молодой человекъ.

— Женщина слабая, съ болзненнымъ цвѣтомъ лица, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ и, въ добавокъ, еще глупенькая, отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Худая и больная женщина, врядъ ли, можетъ быть глупа? возразилъ молодой человекъ. Все дураки пользуются, обыкновенно, благомъ здоровья:—у нихъ тѣло развивается на счетъ души.

— Желаю вамъ отыскать поскорѣе вашъ идеалъ, сказала вдово-

ва, поспѣшно вставая. Пойдемте, Nathalie, прибавила она, взявъ за руку свою собесѣдницу. Обѣ дамы пошли въ гостиную.

Не смотря на стараніе скрыть, досада промелькнула въ лицѣ Клеопатры Николаевны.

Молодой человекъ съ насмѣшливой гримасой посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Это былъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, нѣкто Валерьянъ Александрычъ Эльчаниновъ. Мнѣніе сосѣдей объ немъ было такое, что онъ матушкинъ баловень, которая возилась съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ и, немного-немало, проучила и прожила на него 200 душъ. Ну, и выучить, конечно, выучили многому; но проку изъ того, кажется, вышло мало, потому что молодой человекъ врядъ ли служилъ гдѣ нибудь и имѣлъ ли даже какой нибудь чинъ. Послѣ смерти матери онъ жилъ по століцамъ, а теперь пріѣхалъ на житье въ свою раззоренную усадьбу—на какую-нибудь сотню душъ; и вмѣсто того, чтобы какъ нибудь поустроить имѣнье, только и занимался тѣмъ, что вздиръ по гостямъ, либо ходилъ съ ружьемъ да съ собакой на охоту. Прекрасное занятіе для молодаго, образованнаго человека!

Шумъ въ залѣ возвѣстилъ о пріѣздѣ новыхъ гостей. Хозяинъ привсталъ съ мѣста. — Въ гостиную вошелъ Мановскій, сопровождаемый женою. Мужчины привѣтливо и съ почтеніемъ подавали руки первому.

— Милости просимъ, дорогой гость, говорилъ хозяинъ, тоже протягивая объ руки къ Задоръ-Мановскому: — Какъ ваше здоровье, Анна Павловна? прибавилъ онъ.

Мановскій и жена поздравили предводителя съ дорогою именинницею и справились, давно ли отъ нея получалъ письма.

— Недавно, очень недавно, отвѣчалъ старикъ и солгалъ.

Новопривъзжіе разошлись: Анна Павловна, поклонившись нѣкоторымъ дамамъ, съѣла на отдаленное кресло; Задоръ-Мановскій подошелъ къ мужчинамъ.

Въ это время въ гостиную вошелъ Эльчаниновъ, прислонился къ колоннѣ и, стараясь принять нѣсколько изысканное положеніе, вставилъ стеклышко въ глазъ и взоромъ наблюдателя началъ оглядывать общество. Вдругъ глаза его неподвижно остановились на одномъ предметѣ; блѣдное лицо его вспыхнуло.

— Кто эта дама? спросилъ онъ торопливо и не безъ волненія, схвативъ за руку проходившаго мимо исправника.

— Которая-съ?

— На крайнемъ креслѣ, въ коричневомъ платьѣ.

— Это жена Задоръ-Мановскаго.

— Чтожь, она здѣшная?

— Нѣтъ, онъ женился тамъ гдѣ-то далеко.

Въ это время мимо ихъ прошла Клеопатра Николаевна съ своей спутницею.

— Вашъ идеаль пріѣхалъ, можете адресоваться, сказала она Эльчанинову. Тотъ ей ничего не отвѣтилъ и врядъ-ли даже слышалъ ея замѣчаніе. Онъ, не спуская глазъ, глядѣлъ на Мановскую.

— Какъ имя этой М-ше Мановской? спросилъ онъ опять исправника.

— Анна Павловна, отвѣчалъ тотъ.

— Это она, почти въ слухъ сказалъ Эльчаниновъ и быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Мановская.

Исправникъ, съ усмѣшкою, посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну, теперь пошелъ, сказалъ онъ, подмигнувъ стоявшему возлѣ толстому Уситкову и тоже наблюдавшему эту сцену: — видно, Мановскаго еще не видалъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ, усмѣхнувшись; тутъ на счетъ этого не безопасно! и не такому жиденькому кости переломають.

Между тѣмъ Эльчаниновъ стоялъ уже передъ Мановской.

— Вы ли это, Анна Павловна? сказалъ онъ, все еще въ недоумѣніи, глядя на молодую женщину.

Мановская взглянула на него, и судорожный трепетъ пробѣжалъ по ея лицу. Она хотѣла что-то отвѣчать, но голосъ ей измѣнялъ.

— Валерьянъ Александрычъ, какъ вы здѣсь? проговорила наконецъ она.

— Я здѣшній уроженецъ! Скажите лучше, какъ вы попали сюда? сказалъ Эльчаниновъ, садясь около нея.

— Я замужемъ.

— Замужемъ? За кѣмъ? Мнѣ говорили....

— За Мановскимъ.

— Но вы больны, голосъ вашъ слабъ, вы не похожи на себя? Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Неужели мои пророчества, продолжалъ молодой человекъ, которыя я предсказывалъ вамъ въ шутку, неужели они сбылись? Неужели вы?...

— Бога ради, не говорите со мною, перервала шопотомъ молодая женщина:—на насъ смотреть, отойдите отъ меня.

— Я не отойду отъ васъ , покуда вы мнѣ не скажете , что съ вами? Отчего эта переменна? Помните, вы называли меня когда-то вашимъ другомъ! Вы должны быть со мною откровенны!..

— Только не здѣсь , Бога ради , не здѣсь, подхватила Анна Павловна.

— Гдѣ же?

— Гдѣ хотите: въ лѣсу, въ полѣ, только не при людяхъ!... Отойдите!

— По-крайней-мѣрѣ, назначьте время и мѣсто.

— Я гуляю въ полѣ, близъ Лапинской рощи, сказала шопотомъ Анна Павловна: — будьте тамъ въ пятницу, въ 4 часа!... Отойдите!

Эльчаниновъ повиновался ей , и первымъ его дѣломъ было — выйти на балконъ. Лицо его горѣло. Нѣсколько минутъ просто-ялъ онъ , наклонившись надъ перилами и, какъ бы желая освѣжиться отъ внутренняго волненія, вдыхалъ довольно свѣжій воздухъ, потомъ улыбнулся, встряхнулъ волосами и весело возвратился въ гостиную.

— Вамъ нечего меня опасаться, сказалъ онъ тихо Мановской, проходя мимо ея: — Здѣсь всемъ извѣстно, что я влюбленъ въ М-ше Маурову.

Молодая женщина взглянула на него и, кажется, поняла этотъ намекъ.

Эльчаниновъ подошелъ къ вдовѣ , которая , на этотъ разъ , была одна и сидѣла опять въ наугольной, задумчиво перебирая концы своего шарфа.

— Какъ я радъ, сказалъ онъ, усаживаясь около нея, что наконецъ встрѣтилъ васъ безъ вашей гувернантки.

— Это что значить? спросила вдова, внимательно поглядывая на молодаго чловѣка.

— Это значить, что я могу съ вами наконецъ говорить откровенно.

— Право?.. А я не замѣчала въ васъ притворства? Напротивъ, вы слишкомъ откровенны.

— А мой идеаль?

— Чтожъ вашъ идеаль?

— Я изобрѣлъ его, чтобы скрыть настоящій.

— Или вы тогда хитрили, или теперь хитрите, сказала Клеопатра Николаевна, снова внимательно взглянувъ на молодаго чловѣка.

— Она умище, нежелая я поларая, подумала про себя Эльчаниновъ.

— Позвольте мнѣ съ вами рядомъ сѣсть за столомъ, сказалъ онъ вслухъ.

— Извольте.

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Еще одна просьба!

— А именно?

— Чтобы не было около васъ вашей спутницы.

— Это почему?

— Я ее терпѣть немогу: она сплетница, и я долженъ буду невольно притворяться.

— За что же вы ее не любите? Вотъ что значитъ наружность! Ахъ, господа, господа мужчины!

— Прошу васъ!

— Извольте! впрочемъ помните, это жертва!

— Merci, сказалъ Эльчаниновъ, и снова поцѣловалъ руку Клеопатры Николаевны.

— Вы мнѣ скажите вашъ идеалъ, сказала вдова, не отнимая руки.

— Скажу, отвѣчалъ молодой человекъ съ притворнымъ смущеніемъ и сжалъ ей руку.

Они разошлись.

Черезъ полчаса сѣли за столъ. Эльчаниновъ былъ рядомъ съ Клеопатрой Николаевною. Вдова была, говоря безъ преувеличенія, примадонною всѣхъ съзвдовъ боярщины. Она была исключительнымъ предметомъ вниманія и любезности со стороны мужчинъ, хоть сколько-нибудь претендующихъ еще на любезность. Причина этому конечно заключалась въ независимости ея положенія, въ ея живомъ, развязномъ характерѣ, а больше всего: въ кокетствѣ, къ которому она чувствовала чрезмѣрную склонность. Въ числѣ ея поклонниковъ былъ, между прочимъ, и Задоръ-Мановскій, суровый и мрачный Задоръ-Мановскій и, надобно сказать, что до сего времени Клеопатра Николаевна предпочитала его прочимъ: она часто ѣздила къ нимъ верхомъ, принимала его къ себѣ во всякое время, а главное, терпѣть не могла его жены, съ которою она, несмотря на дружеское знакомство съ мужемъ, почти не кланялась.

Судьба посадила Задоръ-Мановскаго напротивъ вдовы.

— Кто этот молодой человек? спросил он у своего соседа, указывая на Эльчанинова.

— Это соседъ его превосходительства, недавно приѣхалъ, отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Въ Коровинъ.

— Въ Коровинъ?.. Что же онъ служить что ли гдѣ-нибудь?

— Богъ его знаетъ, неизвѣстно.

Въ это время Эльчаниновъ что-то съ жаромъ началъ говорить вдовѣ. Она краснѣла нѣсколько. Мановскій сталъ прислушиваться, но, увы! Эльчаниновъ говорилъ по-французски. Задоръ началъ кусать губы.

— Клеопатра Николаевна! сказалъ онъ, не вытерпѣвъ. Отвѣта не было.

— Клеопатра Николаевна! повторилъ еще разъ Мановскій. Вдова взглянула.

— Когда же мы съ вами поѣдемъ на охоту? спросилъ онъ.

— Я не буду больше ѣздить на охоту, отвѣчала торопливо Клеопатра Николаевна. Ну, продолжайте, Бога ради, продолжайте, это очень интересно, прибавила она, обращаясь къ Эльчанинову.

— Почему же вы не хотите ѣздить? спросилъ неотвязчиво Мановскій.

— Ахъ, Боже мой, почему? Потому что... не хочу.

— А вы ѣздите на охоту?... Странное для дамы удовольствіе, замѣтилъ съ усмѣшкой Эльчаниновъ.

— А почему оно страннѣе удовольствія—бесѣдовать съ вами? замѣтилъ дерзко Мановскій.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ на своего противника.

— А вамъ это, видно, очень непріятно? сказалъ онъ опять съ усмѣшкой.

Мановскій только взглянулъ на него своими выпуклыми сѣрыми глазами.

— Неужели? подхватила съ громкимъ смѣхомъ вдова, это очень лестно. Благодарю васъ, monsieur Эльчаниновъ, вы открываете мнѣ глаза.

Эльчаниновъ многозначительно улыбулся.

Мановскій былъ совершенно уничтоженъ: его не только предпочли, но еще и осмѣяли.

Есть люди, въ душѣ которыхъ вы никакою любовію, ника-

кимъ участіемъ, никакою преданностію съ вашей стороны не возбудите чувства дружбы, но съ которыми довольно сказать два, три слова на перекоръ для того, чтобы сдѣлать ихъ себя смертельными врагами. Таковъ былъ и Задоръ. Ревнивый по натурѣ, онъ тутъ же заподозрилъ вдову въ двусмысленныхъ отношеніяхъ съ молодымъ человѣкомъ и далъ себѣ слово — всеми силами мѣшать ихъ любви. Такимъ образомъ судьба, какъ бы нарочно, направила прощительный взоръ этого человѣка совершенно не въ ту сторону, куда бы слѣдовало.

— Кто это такой? спросилъ Эльчаниновъ Клеопатру Николаевну, онъ, — кажется, не равнодушенъ къ вамъ.

— Не знаю, отвѣчала она кокетливо и прибавила: это Задоръ-Мановскій.

— Задоръ-Мановскій, повторилъ Эльчаниновъ. Последнее извѣстіе его весьма обезпокоило.

Въ это время въ залу вошелъ низенькій, невзрачный человѣчекъ, но съ огромною, какъ обыкновенно бываетъ у карликовъ, головою. Въ одеждѣ его видна была страшная борьба опрятности со временемъ, щегольства съ бѣдностію. На плоскомъ и широкомъ лицѣ его сіяло удовольствіе. Онъ быстро проходилъ залу, едва успѣвая поклониться нѣкоторымъ изъ гостей. Хозяинъ смотрѣлъ, прищурившись, чтобъ узнать, кто это былъ новопріѣзжій.

— Честь имѣю, ваше превосходительство, началъ бойко гость, поздравить съ драгоценнѣйшею именинницею и позвольте узнать, какъ ихъ здоровье?

— Благодарю, Иванъ Александрычъ, благодарю! пишетъ, что здорова, отвѣчала съ обязательною улыбкою Алексѣй Михайлычъ; — прошу покорно садиться!.. Мамой! поставь приборъ.

— Извините, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Александрычъ, что не имѣлъ времени поутру засвидѣтельствовать моего поздравленія: дядюшка изволили прибыть.

— Графъ Юрій Петровичъ пріѣхалъ! почти вскрикнулъ хозяинъ.

— Графъ пріѣхалъ, повторилось почти во всѣхъ концахъ стола.

— Вчерашній день, началъ Иванъ Александрычъ, въ 12 часовъ ночи, совершенно неожиданно. Конечно, онъ мнѣ писалъ, да все, какъ-то, двусмысленно. Знаете, великіе люди все любить загадки загадывать. Домъ-то, впрочемъ, всегда, вѣдь, готовъ. Вдругъ сегодня изъ Каменки ночью верховой... Что та-

кое, братец?.. Перепугался, знаете, со сна. «Дядюшка, говорить, его сиятельство, приехал и желают васъ видѣть.» Я сейчасъ отправляюсь. Старикъ немножко больнъ съ дороги, ну, конечно, обрадовался. Такъ мы и просидѣли. Приятное родственное свиданіе!

— А на долго приехалъ Юрій Петровичъ? спросилъ хозяинъ. Да садитесь около меня, Иванъ Александровичъ!... Эй, переставьте сюда приборъ!

Иванъ Александровичъ съль.

— Надо полагать, что на годъ, если только не соскучится, началъ онъ, а потомъ, склонивши голову немного на бокъ, продолжалъ: Сегодня, за кофеемъ уморилъ меня со смѣху старикъ. «Твсенъ, говоритъ, Ваня, у меня здѣсь домъ.» Каменской домъ твсенъ, въ 30 комнатъ!

— Да зачѣмъ же вашъ дядюшка приехалъ такъ на долго? Видно, въ Петербургъ ужь не надобенъ? спросилъ Мановскій.

Иванъ Александровичъ только усмѣхнулся.

— Дядюшка, началъ онъ внушительнымъ тономъ, можетъ жить, гдѣ захочетъ и какъ захочетъ.

— Будто? спросилъ Задоръ.

Иванъ Александровичъ точно не слышалъ этого вопроса.—Для здоровья, надо полагать, онъ больше приехалъ, чтобы здоровье свое поправить, которое точно что потратилъ отъ трудовъ своихъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

— Конечно, конечно, подтвердилъ тотъ.

— Враки! произнесъ, какъ бы самъ съ собою, впрочемъ довольно громко, Мановскій.

Извѣстіе о приездѣ графа заняло всѣхъ. Во всю остальную часть обѣда, только и говорили объ немъ. Графъ Юрій Петровичъ Сапѣга былъ совсѣмъ большой баринъ по породѣ, богатству и своему officialному положенію, а по добротѣ его всѣ почти окружные помѣщики были обязаны имъ, или надѣялись быть обязанными. Сверхъ того, можетъ ли маленькій человѣчекъ не почувствовать живаго интереса къ лицу важному. Всѣ себя дали слово: на другой же день явиться къ графу для засвидѣтельствованія глубочайшаго почтенія и только четыре лица не раздѣляли общаго чувства; это были Задоръ-Мановскій, который, любя управлять чужими мнѣніями, не любилъ ихъ принимать отъ другихъ, Анна Павловна, не замѣчавшая и не видѣвшая ничего, что происходило вокругъ ея; потомъ герой мой

Эльчаниновъ, котораго въ это время занимала какая-то мысль, и наконецъ вдова, любовавшаяся, въ молчаніи, задумчивымъ лицомъ своего собесѣдника. Что касается до Ивана Александровича, то онъ былъ просто на небѣ. Всѣ къ нему адресовались съ вопросами, всѣ желали говорить съ нимъ. О такой минутѣ онъ давно и постоянно мечталъ. Въ околodкѣ онъ былъ извѣстенъ не столько подъ своимъ собственнымъ именемъ и фамиліей, сколько подъ именемъ *графскаго племянника*, хотя родство это было весьма сомнительно, и снисканъ нѣкоторымъ вниманіемъ Сапѣгъ онъ собственно былъ за то, что еще въ дѣтствѣ росъ у нихъ въ домѣ съ предназначеніемъ быть карликомъ; но такъ какъ выросъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, то и былъ отправленъ обратно въ свою усадьбу съ назначеніемъ пожизненной пенсіи. Проживая такимъ-образомъ лѣтъ около двадцати въ Боярщинѣ, Иванъ Александровичъ какъ будто не имѣлъ личнаго существованія, а былъ какимъ-то телеграфомъ, который разглашалъ помѣщикамъ все, что дѣлалъ его дядя въ Петербургѣ, или что дѣлается въ имѣніи дяди; какой блистательный балъ давалъ его дядя, на которомъ одинъ ужинъ стоилъ сто тысячъ, и наконецъ какую къ нему самому пламенную любовь питаетъ его дядюшка. «Да чтожъ вы не ѣдете въ Петербургъ?» спрашивали его нѣкоторые изъ сосѣдей, видя его очень небогатую жизнь, которую онъ велъ въ своей деревнюшкѣ.

— А имѣнье-то дяди? отвѣчалъ Иванъ Александровичъ, хотя при имѣнии былъ особый нѣмецъ-управитель, который, говорятъ, даже не пускалъ и въ усадьбу племянника по какимъ-то личнымъ неудовольствіямъ. Но возвращаюсь къ разсказу моему: послѣ обѣда Эльчаниновъ тотчасъ же отошелъ отъ вдовы. Ему было досадно на себя за нѣсколько колкихъ словъ, которыя онъ, по незнанію, сказалъ Задоръ-Мановскому. «Мнѣ бы надобно было съ нимъ познакомиться, сойтись, сдѣлаться частымъ его гостемъ, а тамъ и пріятелемъ, а теперь... какъ теперь поѣдешь съ визитомъ?» «Впрочемъ нельзя ли какъ-нибудь еще поправить, думалъ онъ самъ съ собой:—можно съ нимъ опять заговорить, приласкаться, счесся дальнимъ родствомъ и поемвѣться даже надъ вдовой.»

Съ этимъ намѣреніемъ онъ вошелъ въ гостиную. Первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ Задоръ-Мановскій съ картузомъ въ рукахъ. Онъ прощался съ хозяиномъ, отгова-

риваясь болѣзнію жены; не вдалекѣ отъ него стояла Анна Павловна уже въ шляпкѣ.

Всѣ надежды рушились... Теперь прошу ожидать, когда удастся встрѣтиться съ Мановскимъ гдѣ-нибудь въ домѣ. Онъ посмотрѣлъ на Анну Павловну и ему показалось, что ей тоже не хотѣлось уѣзжать. Какъ она была хороша въ эту минуту и какъ позавидовалъ онъ ся мужу, который поведетъ вмѣстѣ съ нею вдвоемъ въ коляскѣ, будетъ ласкать ее, поцѣлуетъ, тогда какъ ему нельзя даже проститься съ ней, хоть бы еще два слова сказать, хоть бы еще разъ условиться въ свиданіи. Боже мой! Къ чему эти общественныя понятія, которыя такъ стѣсняють свободу челоуѣка!.. Такъ думалъ Эльчаниновъ и когда Мановскіе уѣхали, ему сдѣлалась страшная скука. Походя, безъ всякой цѣли, изъ комнаты въ комнату, онъ рѣшился ѣхать домой. А потому, взявшись за шляпу, простился съ хозяиномъ и пошелъ отыскивать Клеопатру Николаевну.

Вдова сидѣла въ диванной съ исправникомъ и еще съ нѣкоторыми мужчинами.

— Это что значить? сказала она, увидѣвъ Эльчанинова со шляпою въ рукахъ. Вы ѣдете?

— Я еще поутру говорилъ вамъ, что мнѣ послѣ обѣда нужно будетъ ѣхать, отвѣчалъ онъ, какъ бы стараясь оправдаться.

— Полно такъ ли? спросила вдова, устремивъ проницательный взоръ на молодаго челоуѣка. Полноте, не ѣдите.

— Нужно-съ.

— Когда же вы у меня будете?

— Когда прикажете.

— Пріѣзжайте завтра.

— Хорошо.

— На цѣлый день?

— На цѣлый день. Adieu.

— Adieu, ужасный челоуѣкъ.

III.

Чтобы объяснить читателю тѣ отношенія, въ которыхъ находилась Мановская съ Эльчаниновымъ, я долженъ нѣсколько вернуться назадъ.

Хорошенькой собой и очень умненькой Валеръ перебивалъ, я думаю, во всѣхъ пансіонахъ московскихъ. Мать вездѣ находила, что или дурно кушать ему даютъ, или строго учать.

Лѣтъ 18-ти наконецъ, оставшись послѣ смерти ея полнымъ распорядителемъ самого себя, онъ рѣшился поступить въ тамошній университетъ съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, работать, заниматься и наконецъ образовать изъ себя ученаго чловѣка, во славу современникамъ и для блага потомства, намѣреніе, которое имѣютъ почти все студенты въ начальные мѣсяцы перваго курса. Онъ закупилъ себѣ кнѣгъ, записался во все возможные библіотеки и началъ слушать лекціи; но все пошло не такъ, какъ онъ ожидалъ: на лекціяхъ ему была страшная скука; записывать слова профессора онъ не могъ; поупробовалъ читать дома руководства, источникп; но это оказалось еще скучнѣе. А между тѣмъ жизнь пахнула уже на него своимъ обаяніемъ: онъ ходилъ въ театры, на гулянья, познакомился съ четырехкурсными студентами, пропировалъ съ ними цѣлую ночь въ трактиръ и выучился безъ ошибки пѣть *Gadueamus igitur*. Рядомъ съ нимъ стояла актриса; онъ познакомился съ актрисою и сталъ съ нею декламировать Шекспира. Время между тѣмъ шло: Эльчаниновъ опомнился передъ экзаменомъ: въ три-четыре дня списалъ онъ пропущенныя лекціи и, въ одинъ мѣсяцъ, съ свойственною только студентамъ быстротою, приготовился къ экзамену. Его перевели. Этотъ успѣхъ сдѣлалъ то, что Эльчаниновъ, въ продолженіи года, рѣшительно пересталъ думать объ университетѣ. Жизнь сдѣлалась главною его цѣлью. У него были пріятели, были знакомые. Онъ кутилъ, танцевалъ, изъяснялся въ любви, игралъ на домашнихъ театрахъ и писалъ въ безсонныя ночи стихи. Теряя такимъ образомъ въ отношеніи образованія, Эльчаниновъ въ тоже время натирался, что называется, въ жизни: онъ узналъ хорошо женщинъ, или, лучше сказать, ихъ слабости и былъ съ ними смѣлъ и даже дерзокъ. Онъ умѣлъ съ перваго взгляда разгадывать людей или по-крайней-мѣрѣ опредѣлить: богатъ ли чловѣкъ или нѣтъ, питаетъ ли онъ къ своей личности уваженіе или вовсе не дерзаетъ на самолюбіе. Бывая въ разнородныхъ обществахъ, Эльчаниновъ сдѣлался въ некоторой степени тонокъ въ обращеніи съ людьми. Онъ старался поддѣлаться къ тѣмъ, которые были его выше, и не чуждъ былъ даунуть тѣхъ, которыхъ считалъ ниже себя. Но хуже всего Эльчаниновъ, какъ и большая часть людей, понималъ самаго себя. Впечатлительный по характеру, энергическій и смѣлый въ своихъ предпріятіяхъ, но слабый при исполненіи ихъ, онъ

сталь предполагать въ себѣ сильныя страсти, а въ слѣдствіе ихъ глубокія страданія.

Одинъ изъ пріятелей Эльчанинова познакомилъ его съ своею теткою, радушною старухою, у которой была внучка, только что выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Это была пухленькая брюнетка, съ розовыми щечками и съ быстрыми, какъ у дикой серны, глазками. Она очень понравилась Эльчанинову. Онъ началъ ласкаться къ старухѣ, болѣе и болѣе сталъ учащать свои посѣщенія, и чрезъ мѣсяцъ сдѣлался уже совершенно домашнимъ челоувкомъ. Все шло, какъ нельзя лучше для студента: старушка его полюбила, маленькая брюнетка часъ отъ часу къ нему привыкала и вотъ въ одинъ вечеръ Эльчаниновъ, оставшись на одинъ съ Вѣрочкой (такъ звали брюнетку), долго и высокопарно толковалъ ей о любви, а потомъ, какъ бы невольнo схвативши ея пухленькую ручку, покрылъ ее страстными поцѣлуями. Вѣрочка заплакала отъ стыда. Студентъ утѣшалъ ее, умолялъ любить его и говорилъ, что если она сейчасъ же не скажетъ, что любитъ его, такъ онъ пойдетъ и застрѣлится. Вѣрочка испугалась и сказала, что она дѣйствительно его любить, что ей безъ него страшная скука и въ заключеніи просила, какъ можно чаще ходить къ нимъ. Эльчаниновъ былъ въ восторгѣ: онъ цѣловалъ, обнималъ тысячу разъ свою Лауру, такъ называлъ онъ Вѣру, а потомъ, почти не помня себя, убѣждалъ домой. Эта минута была поѣсомъ любви его къ Вѣрѣ. Въ послѣдующее за тѣмъ время, онъ уже ничего новаго не открывалъ въ своей Лаурѣ: она оставалась такой, какой была въ первую минуту, то-есть, хорошенькою дѣвушкою, которую съ удовольствіемъ можно цѣловать, ласкать и которая сама очень мило ласкалась, но за тѣмъ больше ничего. Вѣрочка была дѣйствительно не богата внутреннимъ содержаніемъ. Эльчанинову начинало становиться скучно у старой нѣмки, и онъ ходилъ къ ней болѣе уже по привычкѣ. Но вотъ, однажды, это было въ воскресенье, онъ пришелъ къ нимъ обѣдать. Вѣрочка выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Валерьянъ! сказала она, взявши его за руки, поздравь меня, Анета пріѣхала. Ахъ, какъ намъ троемъ будетъ весело. Съ послѣдними словами Вѣра потащила студента въ гостиную.

— Вотъ она, сказала брюнетка, указывая на молодую дѣвушку, сидѣвшую возлѣ старой нѣмки.

Эльчаниновъ невольнo остановился въ смущеніи, несвязно про-

бормоталъ что-то такое старухъ и поклонился пріятельницѣ Вэры, которая поразила его своею наружностью. Она была блондинка. Никогда еще Эльчаниновъ не встрѣчалъ такой нѣжной красоты, никогда еще не видалъ такого кроткаго и спокойнаго взгляда, какимъ взглянула на него дѣвушка своими карими глазами изъ-подъ длинныхъ ресницъ. Она была такъ стройна и воздушна, что показалась Эльчанинову одною изъ тѣхъ перн, которыя населяютъ заоблачный міръ, и какъ бы нарочно, была одѣта въ бѣлое, газовое платьѣ. Это была Анна Павловна, теперь больная, худая Анна Павловна, но тогда счастливая, не знакомая ни съ однимъ изъ житейскихъ золъ, жившая въ кругу людей, которые истинно любили и берегли ее. Анна Павловна вмѣстѣ съ Вэрою вышла изъ Смольнаго монастыря и теперь только что воротилась изъ деревни, гдѣ почти цѣлый годъ прожила съ отцомъ своимъ. Она, видно, искренно любила пріятельницу свою, потому что на другой же день по возвращеніи пріѣхала навѣстить ее. Объ дѣвушки, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, далеко были раскинуты общественнымъ положеніемъ. Анна Павловна, какъ дочь одного изъ значительныхъ людей, стала принадлежать совершенно иному міру, нежели бѣдная Вэра, которая бывши не болѣе, какъ дочерью полковаго лекаря, поселилась у своей бабушки, съ тѣмъ, чтобы, проскучавъ лѣтъ пять, тоже выйти за какого нибудь лекаря.

Эльчаниновъ поправился и началъ разговаривать со старухою, между тѣмъ Вэра, усѣвшись возлѣ пріятельницы, начала ей что-то шептать.

— Кто эта дѣвица? спросилъ студентъ тихо у старухи.

— Дочь генерала Кронштейна, отвѣчала та. Очень добрая дѣвушка, какъ любить мою Вэрочку, дай ей Богъ здоровья. Онъ объѣздъ смолянки. Эта-то аристократка, богатая, прибавила старуха. И слова эти еще болѣе подняли Кронштейнъ въ глазахъ Эльчанинова. Онъ цѣлос утро проговорилъ со старухою и не подходилъ къ дѣвушкамъ, боясь, чтобы Анна Павловна не замѣтила его отношеній съ Вэрочкою, которыхъ онъ начиналъ уже стыдиться. Но не такъ думала Вэра.

Послѣ обѣда, старуха ушла въ спальню, а студентъ остался съ дѣвушками.

Онъ сѣлъ по-отдалѣ.

— Валерьянъ, сказала Вэра, поди сюда, Анета знаетъ все, я ей разсказала.

Эльчанинову легче было бы провалиться сквозь землю; впрочемъ онъ совладѣлъ съ собой.

— Вѣра Александровна, началъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ, могла быть съ вами откровенна, но я не имѣю на это никакого права.

Анна Павловна опять взглянула на него изъ-подъ длинныхъ ресницъ своихъ.

— Я могу желать только одного, продолжалъ Эльчаниновъ, чтобы вы сами убѣдились, что я достоинъ вашего участія. Позвольте мнѣ съ вами видѣться, какъ можно чаще, бывать передъ вами въ горькія и отрадныя минуты моей жизни.

— Я безъ вашей просьбы дала себѣ слово строго наблюдать за вами, отвѣчала съ легкою улыбкою Анна Павловна.

Такимъ образомъ то, чего боялся Эльчаниновъ, послужило ему въ пользу. Онъ много рассчитывалъ на этомъ дружескомъ сближеніи и все остальное время былъ очень занятъ: онъ говорилъ, какъ говорятъ обыкновенно студенты, о любви, о дружбѣ, стараясь всюду выказать благородство чувствъ и мѣлелъ, и въ тоже время весьма мало упоминалъ, по извѣстной ему цѣли, о своей любви къ Вѣрѣ. Изъ этой бестыды онъ увидѣлъ, что Анна Павловна далеко превосходила свою подругу умомъ и образованіемъ, не смотря на равенство лѣтъ и одинаковость воспитанія. Эльчаниновъ возвратился домой совершенно очарованный своею новою знакомою. Планъ его былъ таковъ: сблизившись и подружившись съ молодой дѣвушкой, онъ покажетъ ей, на сколько онъ выше ея подруги и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ей понять, что, при его нравственномъ развитіи, онъ не можетъ истинно любить такую дѣвушку; какова была Вѣра, а потомъ... потомъ признаться ей самой въ любви, но увы! расчетъ его оказался слишкомъ невѣренъ. Правда, онъ болѣе и болѣе сблизжался съ Анной Павловною, но въ тоже время увидѣлъ, что она чрезвычайно искренно любитъ добренькую и пустую Вѣру, и у него духу даже не доставало хоть бы разъ намекнуть ей, что онъ не любитъ, а только обманываетъ ее пріятельницу. Онъ увидѣлъ, напротивъ, что чѣмъ болѣе будетъ обнаруживать любви къ Вѣрѣ, тѣмъ выше будетъ становиться въ глазахъ Анны Павловны и онъ принялся за послѣднее. Благодаря усердию чтенію романовъ, а частію и собственнымъ опытамъ, Эльчаниновъ успѣлъ утончить свои чувства, зналъ любовь въ малѣйшихъ ея подробностяхъ и всѣ

это высказывалъ передъ молодыми дѣвушками, изъ которыхъ Вѣра часто дремала при этомъ, но совершенно другое было съ Анною Павловною: она заслушивалась Эльчанинова до онянени. Онъ видѣлъ это и постоянно старался держать себя на высокомъ строю. Впрочемъ судьба скоро измѣнила ходъ этой маленькой драмы и на долго растолкнула эти три лица, жившія почти въ продолженіе года въ такихъ тѣсныхъ между собою отношеніяхъ. Вѣра занемогла. Бабушка, Анна Павловна и Эльчаниновъ не отходили отъ больной; но все было тщетно: чрезъ двѣ недѣли она умерла. Эльчаниновъ обнаружилъ сильную горестъ; Анна Павловна утѣшала его, хотя сама гораздо болѣе нуждалась въ этомъ. Почти со слезами умолялъ онъ ее не прекращать съ нимъ дружбы, и позволить ему видѣться съ ней. Анна Павловна согласилась: она еще раза два пріѣзжала къ старой нѣмкѣ, которая почти ослѣпла, плача день и ночь по своей внучкѣ. Эльчаниновъ былъ конечно тутъ же, и въ оба раза молодая дѣвушка показалась ему нѣсколько странною: она какъ будто бы остерегалась его, боялась за самое себя и безпрестанно говорила о Вѣрѣ. Она любитъ меня, подумалъ Эльчаниновъ, и надежда снова зародилась въ душѣ его. Дня чрезъ два онъ пошелъ къ старой нѣмкѣ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Анну Павловну. Старуха была одна и, по обыкновенію, плакала.

— У меня еще горе, сказала она: — Анна Павловна вчера пріѣзжала ко мнѣ прощаться: она увѣла навсегда изъ Москвы съ батюшкой. Вамъ она велѣла отдать письмецо.

Въ глазахъ потемнѣло у студента, руки и ноги задрожали. Онъ воровно схватилъ записку и воровно пробѣжалъ ея строки, какъ бы стараясь разувѣриться въ томъ, что онъ слышалъ. Письмо было слѣдующее: «Прощайте, добрый и благородный человѣкъ! я съ вами расстаюсь, и расстаюсь, можетъ быть, на всегда; но гдѣ бы я не была, чтобы со мною не было, я сохраняю о васъ воспоминаніе, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о моей доброй подругѣ. Да наградитъ васъ Богъ счастіемъ: вы его достойны, по благородству вашихъ чувствъ. Не забудьте меня, я васъ очень любила, и буду любить всегда. Adieu!»

Эльчаниновъ почти обезпамятѣлъ: онъ со слезами на глазахъ началъ цѣловать письмо, а потомъ, не простясь со старухою, выбѣжалъ изъ дому, въ который шелъ, за нѣсколько минутъ, съ такими богатыми надеждами и цѣлую почти ночь бродилъ по улицамъ. Москва ему опротивѣла. Первымъ его намѣрніемъ бы-

ло вхвать въ следъ за Анною Павловною , но гдѣ она будетъ жить и какъ онъ съ нею будетъ видѣться? Съ отцомъ онъ не знакомъ, тайныхъ свиданій ни какого права не имѣлъ требовать! и этихъ мыслей было достаточно, чтобы онъ откинулъ свое намѣреніе и остался въ Москвѣ. Цѣлую недѣлю послѣ того никуда не выходилъ изъ квартиры, не вѣлъ, не спалъ, однимъ словомъ, страдалъ добросовѣстно, а потомъ, какъ бы для разсѣянія, пустился во вся тяжкія студенческой жизни.

Приближающійся экзаменъ заставилъ его наконецъ опомниться и онъ принялся готовиться. Необходимость заниматься лекціями, а не собственными своими чувствами, очень ослабилъ горестъ впечатлѣнія, которое произвелъ на него отъездъ Анны Павловны. Окончивши курсъ, онъ совершенно уже не тосковалъ и въ немъ только осталось блѣдное воспоминаніе благороднаго женскаго существа, которое рано или поздно должно было улетѣть въ родныя небеса, и на тему эту принимался нѣсколько разъ писать стихи, а между тѣмъ носилъ въ душѣ болѣе живую и совершенно новую для него мысль: ему надобно было начать службу и онъ ее началъ, но, какъ бѣднякъ и безъ протекціи, началъ ее слишкомъ не блистательно. Его опредѣлили куда-то сверхштатнымъ писцомъ, общаюсь впрочемъ, въ послѣдствіи, за прилежаніе и когда узнаетъ канцелярскій порядокъ, сдѣлать столоначальникомъ, но не таковъ былъ Эльчаниновъ. Въ двѣ недѣли служба опротивѣла ему на-смерть. И могъ ли онъ, никогда постоянно не трудившійся, убивши первую молодость на пирюги съ женщинами, на пирушки съ друзьями, на увлеченія искусствами, могъ ли онъ, говорю я, съ его подвижнымъ характеромъ, привыкнувши бѣжать за первымъ ощущеніемъ, сдружиться съ монотонною обязанностью службы и равнодушно выдерживать канцелярскія сидѣнія, гдѣ еще безпрестанно оскорбляли его самолюбіе, безбожно перемарывая сочиненныя имъ бумаги. Эльчаниновъ началъ падать духомъ: жизнь ему стала казаться несносною. Друзей, этихъ беззаботныхъ, но умныхъ юношей, около него уже не было: всѣ они или разбрелись, или начали, какъ выражался онъ, подлѣть въ жизни; волочиться ему не хотѣлось, или, лучше сказать, не попадалось на глаза женщины, въ выборъ которыхъ онъ сдѣлался строже. Сначала онъ думалъ выйти въ отставку и жить такъ, въ Москвѣ; но растроенное состояніе не давало ему на то никакой возможности. Вхвать въ деревню и жениться... на этой мысли Эль-

чаниновъ остановился; она казалась ему лучшею и единственною: по-крайней-мѣрѣ онъ будетъ имѣть цѣль, а если достигнетъ ее, такъ войдетъ въ совершенно новыя обязанности. Съ такимъ намѣреніемъ вышелъ онъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню, давъ себѣ слово никого изъ сосѣдей не знакомить съ своимъ формуляромъ и непремѣнно влюбить въ себя какую-нибудь богатую невесту. Клеопатра Николаевна была первая женщина, которую онъ замѣтилъ; но она была вдова, ей было 30 лѣтъ, и кромѣ того нѣсколько провинціальныя манеры и легкость побѣды, которую замѣтилъ онъ въ ней, значительно уронили ее въ его глазахъ. Возвести ее на степень своей жены, онъ считалъ недостойною и волочилъ за нею отъ нечего дѣлать, любя иногда подразнить ее, что было весьма не трудно, потому что вдова замѣтно имъ интересовалась и была немного вспыльчива. Появленіе Мановской показалось Эльчанинову какимъ-то чудомъ, совершившимся для того, чтобы вознаграждать его за всѣ страданія и несчастія, которыхъ онъ себя очень много насчитывалъ. Мысль, что она живетъ отъ него въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, обрадовала его, а такъ быстро назначенное тайное свиданіе подало ему полную надежду достигнуть взаимности. Въ одну минуту забьлъ онъ свое намѣреніе жениться. Любить эту женщину, заставить ее полюбить себя, вотъ на что онъ рѣшился теперь. У нихъ будетъ интрига, будутъ тайныя свиданія, будутъ силетни общества, надъ которыми они станутъ смѣяться и съ помощію Клеопатры Николаевны сбивать всѣхъ съ толку, вотъ о чемъ онъ мечталъ. Небольшая размолвка съ Задоромъ-Мановскимъ, стала казаться ему еще въ пользу. Это лучше, думалъ онъ, мы будемъ видаться тайно, а при тайныхъ свиданіяхъ скорѣе можно достигнуть цѣли. Возвратившись домой, онъ совершенно погрузился въ мечтанія о своей любви и будущихъ наслажденіяхъ. Онъ воображалъ, какъ эта женщина, послѣ долгой борьбы, уступить, наконецъ, его желаніямъ и предастся ему въ полное обладаніе, а далѣе за тѣмъ ее самоотверженіе: вотъ онъ дѣлается боленъ, она обманываетъ мужа, пріѣзжаетъ къ нему, просиживаетъ цѣлыя ночи у его изголовья.... Мечты его и на этомъ не оставались: ему представлялось, что у нихъ уже есть прекрасный ребенокъ, къ которому, въ послѣдствіи, очень кстати, можно будетъ проговорить стихи Лермонтова:

«Съ отрадой тайною и тайнымъ содраганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю,
О! еслибъ знала ты, какъ я тебя люблю» и пр.

Этого ребенка надобно будетъ воспитывать. Онъ будетъ его руководителемъ, наставникомъ. Мечтая и размышляя такимъ образомъ, Эльчаниновъ ни разу не подумалъ, отъ чего это такъ измѣнилась Анна Павловна и не повредитъ ли онъ ей еще болѣе своей любовію? Болѣзненный и печальный видъ Мановской, поразившей его при первой встрѣчѣ, совершенно изгладился изъ его воображенія, когда онъ пересталъ ее видѣть. Онъ мечталъ и думалъ только о себѣ и о своихъ будущихъ наслажденіяхъ.

IV.

Но что было послѣ этого свиданья съ Анною Павловною, о чемъ думала и мечтала она? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, я снова долженъ вернуться назадъ.

Анна Павловна дѣйствительно была нѣкоторымъ образомъ достойна той высоты, на которую возносилъ ее Эльчаниновъ. Нѣмка по отцу, она была двушка уменькая, но болѣе того, добрая, чувствительная и страшно мечтательная. Въ сердцѣ своемъ она носила самую теплую вѣру въ Провидѣніе. Она любила своихъ подругъ, своихъ наставницъ, страстно любила своего отца и конечно, если бы судьба послала ей добраго мужа, она сдѣлалась бы доброю женою и нѣжной матерью и вся бы жизнь ея протекла въ выполненіи этаго чувства любви, какъ бы единственной нравственной силы, которая дана была ей съ избыткомъ отъ природы. Въ Эльчанинова она влюбилась съ самаго перваго свиданія, хотя совершенно была увѣрена, что чувствуетъ къ нему только дружбу. Смерть Вѣры, какъ бы раскрыла ей самое себя. Она сдѣлалась осторожна въ обращеніи съ Эльчаниновымъ, потому что стыдилась его. Расставшись съ нимъ на-всегда и ѣхавши въ Петербургъ, она всю дорогу обливалась слезами, думая объ немъ. Ни театры, ни вечера не развлекали ее. Почти съ восторгомъ повзала она съ отцомъ въ деревню, рассчитывая мечтать объ Эльчаниновѣ цѣлые дни, никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемая, но и тутъ неудача: съ первыхъ же дней къ нимъ нахлынули офицеры близъ стоящаго полка и стали за ней ухаживать. Они ей были противны. Ей могли нравиться только студенты, потому что Эль-

чашниковъ былъ студентъ. Новый ударъ окончательно убилъ ея счастье. Старый генералъ объявилъ дочери о предложеніи полковаго командира Мановскаго. Анна Павловна сначала и не поняла хорошенько, что ей предстоитъ, потомъ плакала, страдала, молилась,—отецъ убъждалъ, просилъ и наконецъ настаивалъ. Результатъ былъ тотъ, что бѣдная дѣвушка, какъ новая Татьяна, полная самоотверженія, чтобъ угодить отцу, любя одного, отдала руку другому, впрочемъ обрекая себя впередъ на полное повиновеніе и вѣрность своему мужу, и дѣйствительно, съ первыхъ же дней, она начала оказывать ему покорность и возможную внимательность, но не понялъ и не оцѣнилъ ничего Мановскій. Это былъ не глупый, но необразованный человекъ. Упрямый и злой по природѣ, онъ былъ въ тоже время честолюбивъ и жаденъ. Служба польстила первой изъ его страстей и возвела его на степень полковника и полковаго командира; чинъ генерала былъ у него почти подъ рукою; но ему этого было еще мало: онъ хотѣлъ богатства и женитьбою хотѣлъ окончательно устроить свою карьеру. Дочь генерала Кронштейна казалась ему выгодною партією: всѣ очень хорошо знали богатые помѣстья, которыми владѣлъ старикъ. Мановскій сдѣлалъ предложеніе, не будучи еще самъ увѣренъ въ успѣхъ своихъ исканій, но сверхъ ожиданія отецъ согласился, а вскорѣ за тѣмъ и пѣвста дала слово. Свадьбу назначили черезъ двѣ недѣли. Въ продолженіи этого времени, Анна Павловна такъ измѣнилась и такъ похудѣла, что когда она стояла подъ вѣнцомъ, многіе ее не узнавали. Мановскій еще ни слова не говорилъ тестю о приданомъ и рассчитывалъ на будущее время, какъ вдругъ неожиданный случай разстроилъ всѣ его планы: имѣніе Кронштейна, какъ лопнувшего откупщика, было конфисковано въ казну: у него осталось только шестьдесятъ заложенныхъ душъ. При этомъ извѣстіи съ Задоръ-Мановскимъ сдѣлалось что-то въ родѣ удара; но онъ скрылъ это отъ всѣхъ и выздоровѣлъ, и только съ каждымъ днемъ началъ хуже и хуже обращаться съ женою. Никакой покорностью, никакимъ вниманіемъ не могла она угодить ему. Онъ вспрестанно сердился, кричалъ и бранилъ ее. Анна Павловна, никогда не любившая мужа, начала къ нему чувствовать страхъ и отвращеніе. Не смотря на все ея стараніе уничтожить или по-крайней-мѣрѣ скрыть это страшное чувство, Мановскій замѣтилъ и это былъ послѣдній ударъ, который навсегда уничтожилъ ихъ семейное спокойствіе. Мановскій вынужденнымъ на-

шелся выйти въ отставку и уѣхать въ свои Могилки. Живши въ полку, посреди молодыхъ офицеровъ, онъ боялся измѣны жены, а кромѣ того, увезя несчастную жертву отъ родныхъ, онъ получалъ болѣе возможности вымещать на ней свою ошибку и любовь къ себѣ. Сцены, которыя я въ началѣ описалъ, повторялись каждодневно. Бѣдная женщина, не видя ничего въ будущемъ, отторгнутая въ настоящемъ отъ всего, что ей было дорого, сосредоточилась на прошедшемъ и, съ помощію мечтательнаго характера, составила изъ него цѣлый мірокъ. Эльчаниновъ былъ на первомъ планѣ, онъ былъ ея братъ, другъ, покровитель. Въ своемъ уединеніи, посреди хозяйственныхъ заботъ, даже въ минуты брани и укоровъ мужа, она думала и мечтала объ Эльчаниновѣ. Она шептала ему страстные рѣчи, припоминала его голосъ, его наружность, пробѣгала въ памяти эти долгія бесѣды, на которыхъ онъ такъ много и такъ прекрасно говорилъ о дружбѣ, о любви. Въ безсонныя ночи, которыя проводила она постоянно, ей казалось, что ея мечтательный другъ стоялъ близь ся. Она жаловалась ему на судьбу свою, рассказывала свои страданія, просила защиты и участія, и въ тоже время, какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что она рано или поздно встрѣтитъ этого человѣка, и вдругъ это предчувствіе сбылось въ самомъ дѣлѣ. Я ужь конечно не въ состояніи выразить того, что было съ Анной Павловной въ первыя минуты этого свиданія. Ей сдѣлалось весело, страшно и стыдно, тоска сдавила ей сердце: ей хотѣлось плакать, у ней едва достало памяти, чтобъ попросить его отойти и прекратить разговоръ, который могъ заставить обнаружить тайну передъ обществомъ, передъ нимъ самимъ; но онъ не отходилъ, онъ желалъ говорить, вызывалъ ее на откровенность, что было дѣлать? Не помня себя, она назначила ему свиданье, и, во все остальное время, какъ бы липила къ сознанію: во всемъ тѣлѣ ся былъ лихорадочный трепеть, лице горѣло, въ глазахъ было темно, грудь тяжело дышала; но и въ этомъ состояніи она живо чувствовала присутствіе милаго человѣка, не глядя на него, она знала, былъ ли онъ въ комнатѣ или нѣтъ; не слушавши, она слышала его голосъ и, какъ сомнамбула, кажется, чувствовала каждое его движеніе. По приѣздѣ домой, мысли ея стали мало-по-малу приходить въ порядокъ. Она вспомнила о назначенномъ свиданіи и рѣшилась не ходить на него, рѣшилась никуда не выѣзжать; чтобъ только не встрѣтиться съ Эльчаниновымъ: видѣться съ этимъ человѣкомъ, чего она

такъ давно, такъ страстно желала, видѣться съ нимъ теперь ей было страшно! Она боялась за самое себя, боялась, что не въ состояніи будетъ скрыть своей тайной любви. Но, Боже мой! ей хотѣлось еще разъ видѣть его, посмотреть, не пзмѣнился ли онъ, ей хотѣлось рассказать ему о своемъ положеніи, попросить у него совѣта. Неужели она должна была отказать себя и въ этомъ? Нѣтъ, это выше ея силъ: «я пойду, я буду говорить съ нимъ только о Върѣ... онъ вѣрно любитъ еще Вѣру; ему пріятно будетъ говорить со мною объ ней, опъ помнитъ еще и меня.... Онъ не похожъ на другихъ людей... Я пойду!...»

V.

Село Каменка графа Сапѣги, сдѣлавшееся въ настоящее время главнѣйшимъ пунктомъ вниманія окружныхъ дворянъ, превосходило все прочія усадьбы красивымъ мѣстоположеніемъ и богатствомъ строеній. Огромный каменный домъ стоялъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ. По крутому скату горы, которая начинала склоняться отъ передняго его фаса, разбитъ былъ въ видъ четвероугольника англійской садъ, съ своими подстриженными деревьями и песчаными дорожками. Весь садъ былъ обхваченъ чугунною рѣшеткою. Прочія усадебныя строенія и службы были тоже каменные. Село это съ незапамятныхъ временъ находилось во владѣніи Сапѣгъ. Несмотря на то, что владѣльцы никогда не жили въ немъ, оно постоянно поддерживалось и улучшалось, что было, я думаю, не столько по желанію самихъ графовъ, сколько дѣломъ пѣмцевъ—управителей, присылаемыхъ изъ Петербурга. Настоящій владѣлецъ графъ Юрій Петровичъ Сапѣга всего раза три въ жизнь свою пріѣзжалъ въ Каменку и проживалъ въ ней обыкновенно лѣто.

Часовъ въ шесть по-полудни, это было въ пятницу, графъ, принявши отъ всехъ сосѣдей визиты, самъ никуда еще не выѣзжалъ,—и теперь, отобѣдавши, полулежалъ на широкомъ каванѣ въ своемъ кабинетѣ.

Въ углу, около курильницы, на маленькомъ табуретѣ, въ почетнѣйшемъ положеніи, сидѣлъ Иванъ Александрычъ. Сапѣга, какъ видно, былъ въ самомъ пріятномъ, послѣобѣденномъ расположеніи духа. Это былъ лѣтъ шестидесяти мужчина, съ нѣсколько измятымъ лицомъ, впрочемъ съ орлинымъ носомъ и со вздернутымъ кверху подбородкомъ, съ прямыми рѣдкими и

посѣдѣвшими волосами; руки его были хороши, но женоподобны; движенія медленны, хотя въ то же время свѣрые, проницательные глаза, покрывавшіеся свѣтлой влагой, показывали, что страсти еще не совершенно оставили графа и что онъ не былъ совсѣмъ старикъ.

— Что, Иванъ, все ужь у меня перебивали здѣшніе помѣщики? спросилъ Сапѣга, даже не взглянувъ на того, къ кому относились эти слова.

— Все, ваше сіятельство, рѣшительно все, отвѣчалъ, вытянувшись, Иванъ Александрычъ, или нѣтъ.... позвольте, не все.... Задоръ-Мановскій не былъ.

— Задоръ-Мановскій? Кто же это Задоръ-Мановскій и почему онъ не былъ?

— Я полагаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ протяжно, придумывая средство оправдать Мановскаго, котораго въ эту минуту считалъ уже погибшимъ. Я полагаю, что у него или жена умираетъ, или самъ онъ при смерти боленъ.

— Жена умираетъ! повторилъ графъ, а онъ женатъ?

— Женатъ, ваше сіятельство.

— На хорошенькой?

— Нѣтъ-съ: не очень счастливъ партіей.

— А на комъ онъ женатъ? спросилъ графъ.

— На... на... дай Богъ память, она не здѣшняя, на... на... на нѣмкѣ какой-то, на Кронштейнъ.

— На дочери генерала Кронштейна? спросилъ стремительно графъ.

— Именно, ваше сіятельство, должно быть, что генерала Кронштейна.

— Анета Кронштейнъ! говорилъ графъ, какъ бы припоминая. Глаза его заблестали. Помню, продолжалъ онъ, стройная блондинка, хорошенькая, даже очень хорошенькая. А что, Иванъ, нравится тебѣ она?

— Кто ваше сіятельство?

— Ну, жена этого Забора, что-ли?

— Задоръ-Мановскаго? Худа очень, ваше сіятельство.

— Да ты знатокъ, Иванъ, въ женской красотѣ? спросилъ графъ.

— Ха, ха, ха, ваше сіятельство, какъ вамъ сказать, конечно-съ, большихъ красавицъ не случилось видать.

— А развѣ ты не видалъ Анеты Кронштейнъ?

— То-есть, Задоръ-Мановской-съ, ваше сіятельство? какъ же-съ, сколько разъ объдывалъ, ночевалъ у нихъ.

— Какъ же ты говоришь, что не видалъ красавицъ? Вотъ тебѣ красавица!

— Красавица, ваше сіятельство? спросилъ удивленный Иванъ Александровичъ.

— Трудное, братъ, дѣло, понимать женскую красоту; ни ты, да и многіе не понимаютъ ее.

— Конечно, ваше сіятельство, мы люди необразованные.

— Тутъ не образованіе, мой милой, а собственное, внутреннее чутье, возразилъ графъ. Видалъ ли ты, продолжалъ онъ, прищуриваясь, этихъ женщинъ съ тонкою, нѣжною кожею, подернутою легкимъ розовымъ отливомъ, и у которыхъ до того доведена округлость частей, что каждый членъ почти незамѣтно переходитъ въ другой?

Иванъ Александровичъ слушалъ, покраснѣвъ и потушившись.

— А замѣчалъ ли ты, продолжалъ Сапѣга, одушевляясь, у нихъ эти маленькія уши, сквозь которыя какъ будто бы просвѣчиваетъ, или эти длинныя и какъ бы безъ костей пальцы! Сапѣга остановился.

Иванъ Александровичъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать.

— Или эта эластичность тѣла, продолжалъ графъ, какъ бы болѣе самъ съ собой. Это не опухлость и ненадутость жира; напротивъ: это полнота мускуловъ! и наконецъ это вліяніе свѣжей, благоухающей женской теплоты? Что, Иванъ, темна вода въ облацяхъ? заключилъ Сапѣга, обратившись къ Ивану Александровичу.

— Вы, ваше сіятельство, такъ говорите, что... началъ было тотъ.

— Что—что?

— Ничего, ваше сіятельство, я говорю, что вы ужь очень хорошо говорите.

— Словами не передашь всѣхъ тонкостей! произнесъ графъ, вздохнувъ и замолчалъ.

— Вотъ, если осмѣлюсь доложить, началъ Иванъ Александровичъ, ободренный вниманіемъ дяди, здѣсь есть еще красавица.

— Красавица?

— Да, ваше сіятельство, прелесть женщина, только ухъ какая!

- Какая же?
- Кокетка, ваше сіятельство, ужасная.
- Дѣвушка?
- Вдова, ваше сіятельство.
- Вдова? произнесъ графъ, чѣмъ же она красавица?
- Да ужь, этакъ, женщина высокая, бѣлая-съ, началъ Иванъ Александровичъ, глаза каріе... нѣтъ, позвольте... голубые, зубы тоже бѣлые.
- Купчиха!—мерзость какая нибудь, должно быть, расскажи лучше, нѣтъ ли другихъ, перебилъ Сапѣга.
- Другихъ, ваше сіятельство, лучше этой нѣтъ.
- Дрянъ же, братъ, видно у васъ женщины.
- Известное дѣло, ваше сіятельство, не въ Петербургъ!
- Нынче и въ Петербургъ ничего нѣтъ порядочнаго, возразилъ графъ: или толстая, или большая!
- Последнія, видно, времена приходятъ, ваше сіятельство. Народъ ужь замѣтно очень мельчаетъ.
- Послушай, Иванъ, перебилъ Сапѣга, отъ чего это у меня не былъ этотъ Мановскій?
- Болѣнъ, должно-быть, ваше сіятельство.
- Кто онъ такой?
- Помѣщикъ-съ.
- Какъ бы заставить его пріѣхать ко мнѣ?
- Заставить, ваше сіятельство? заставить-то трудно: очень упрямя....
- Упрямя? сказалъ графъ, подумавъ, стало-быть онъ, не былъ у меня не потому, что болѣнъ, а потому, что не хочетъ.
- Иванъ Александровичъ, пойманный во лжи, поблѣднѣлъ.
- Богатъ онъ? прибавилъ графъ.
- Богатъ, ваше сіятельство, триста душъ, да денегъ куча! Врядъ ли не будетъ на слѣдующую балотировку губернскимъ.
- Чинъ его?
- Полковникъ-съ.
- Завтра я поѣду къ нему, сказалъ графъ, вставая.
- Къ Задоръ-Мановскому, ваше сіятельство? спросилъ Иванъ Александровичъ, какъ бы не въря ушамъ своимъ.
- Да, отвѣчалъ отрывисто графъ, ты теперь ступай въ ихъ усадьбу и, какъ можно, акуратнѣе узнай: будетъ ли дома мужъ и жена? Теперь прощай, я спать хочу!

Графъ легъ на диванъ и повернулся къ стѣнѣ; Иванъ Александровичъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

— Иванъ! крикнулъ графъ.

Племянникъ снова явился въ дверяхъ.

— Вели къ 8-ми часамъ приготовить мнѣ карету: я еду къ предводителю, а самъ сегодня же исполни, что я говорилъ.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ и вышелъ.

— Приготовить карету его сіятельству къ 8-ми часамъ, сказалъ онъ, проходя важно по официантской.

Нѣсколько слугъ посмотрѣли ему вслѣдъ съ усмѣшкою.

— Вишь, какой командиръ! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Видно графъ далъ синевскую на бѣдность, такъ и куражится, чучело гороховое! подхватилъ другой.

VI.

Въ ту самую минуту, какъ Иванъ Александровичъ вышелъ съ порученіемъ отъ графа, по небольшой тропинкѣ, идущей съ большой дороги къ казенной Лапинской роцѣ, верхомъ на сѣрой заводской лошади, пробирался Эльчаниновъ, завернувшись въ широкій черный плащъ. Онъ вхалъ на тайное свиданіе съ Анной Павловной. Лошадь шла шагомъ. Герой мой придумывалъ, какъ начать ему объясненіе въ любви: сказать ли, что онъ прежде любилъ ее, признаться ли ей, что Вѣра была однимъ предложомъ для того только, чтобы сблизиться съ нею?... но она знала, что онъ Вѣру любилъ, еще не выдавши ее. Гораздо лучше сказать, что теперь она осталась одна для него въ цѣломъ мірѣ, что онъ только ее одну можетъ любить; а что она къ нему равнодушна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья, онъ замѣтилъ это еще въ Москвѣ, и къ чему бы, въ самомъ дѣлѣ, назначать свиданье; она теперь дама и, какъ видно, не любитъ мужа и несчастлива съ нимъ, а въ этомъ положеніи женщины очень склонны къ любви. Ему только надобно быть рѣшительнымъ. Съ такими мыслями подвѣхалъ онъ къ роцѣ, привязалъ лошадь къ дереву и пошелъ пѣшкомъ въ ту сторону, которая прилежала къ могилковскому полю.

Глубокое молчаніе царствовало въ лѣсу, только шумъ его шаговъ, да по временамъ взмахъ поднявшагося изъ-подъ куста тетерева нарушалъ тишину. Огромныя сосны, поросшія мохомъ, часто заслоняли ему дорогу своими длинными вѣтвями, такъ

что онъ долженъ былъ или нагибаться, или отводить руками упругія сучья. Съ приближеніемъ въ середину, лѣсъ становился чаще и темнѣе. Подъ ногами у него хрустѣли безпрестанно сухія сучья, которыя покрывали землю цѣлымъ пластомъ. Кроме того, ему часто приходилось перелѣзать черезъ толстыя колоды упавшихъ сухихъ деревь. Преодолѣніе этихъ небольшихъ препятствій нѣсколько отвлекало моего героя отъ главнаго предмета его мыслей: вмѣстѣ съ физическимъ утомленіемъ уменьшалась въ немъ и рѣшительность. Мысли его приняли печальное и нѣсколько боязливое направленіе: «что, если мы разойдемся», подумалъ онъ и посмотрѣлъ въ даль. Передъ нимъ растлалось широкое желтѣющее поле, вдали были видны Могилки. Такъ здѣсь-то живетъ она, подумалъ онъ, глядя на высокій домъ, выходящій верхнимъ этажемъ изъ-за стѣнной ограды, которою обнесена была усадьба. Гдѣ-то ея комната, у котораго сидитъ она окна? и гдѣ теперь она? Небольшой шумъ листьевъ перервалъ его размышленіе. Онъ обернулся назадъ: передъ нимъ стояла Анна Павловна, въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. Эльчаниновъ, ни слова не говоря, бросился къ ней и началъ цѣловать ея руку.

— Сядемте, проговорила Анна Павловна, указывая на сухое дерево. Голосъ ея дрожалъ. Видно было, что она дѣлала надъ собой усиліе. Я хочу съ вами поговорить, продолжала она, спросить васъ, не измѣнились ли вы? любите ли вы еще бѣдную Вѣру?

Этого вопроса Эльчаниновъ никакъ не ожидалъ.

— Я... Вѣру?... пробормоталъ онъ и далѣе ничего не могъ придумать.

Анна Павловна, съ своей стороны, тоже, казалось, не знала, о чемъ ей говорить и что начать.

— Вы ее еще любите, вы не забыли ее? начала наконецъ она: вы не забыли и меня?

— Нѣтъ, я не забылъ васъ, я не могъ васъ забыть, подхватилъ Эльчаниновъ и схватилъ себя за голову.

Молодые люди замолчали на нѣкоторое время.

— Но, Боже мой! какъ вы перемѣнились, произнесъ онъ, всплеснувъ руками и всматриваясь въ лицо Анны Павловны: вы или больны, или несчастливы!

— Я несчастлива! отвѣчала она.

— Мужемъ? такъ?...

— Да. Онъ не любитъ и не уважаетъ меня. Я безпрестанно должна выслушивать упреки, что я бѣдна, что его обманомъ женили на мнѣ. Эльчаниновъ сдѣлалъ движеніе. Онъ не позволяетъ мнѣ, продолжала Анна Павловна, читать, запретилъ мнѣ музыку. При всемъ моемъ стараніи угодить ему, онъ ни чѣмъ не бываетъ доволенъ. Онъ бранитъ меня.

Эльчаниновъ всталъ и началъ ходить.

— Я способенъ убить этого чловѣка! Онъ съ перваго раза показался мнѣ ненавистенъ, вскричалъ онъ задыхающимся голо-сомъ, и въ эту минуту дѣйствительно забылъ свою любовь, забылъ самаго себя. Онъ видѣлъ только несчастливую жертву, которую надобно было спасти.

— Нѣтъ, добрый другъ, возразила Анна Павловна, убить его нельзя, но вы посоветуйте, что я должна дѣлать.... Я думала ѣхать къ батюшкѣ, по это его ужасно огорчить; я думала бѣжать, скрыться гдѣ-нибудь въ монастырь....

— Но отъ чего вамъ не разойтись просто съ нимъ? спросилъ Эльчаниновъ, нѣсколько пришедши въ себя: — отчего вамъ не жить въ рознь?

— Мнѣ не чѣмъ жить: я бѣдна!

— Но вашъ батюшка?

— Батюшка мнѣ не далъ ничего, потому что все наше имѣніе конфисковано.

— Вы не должны жить съ мужемъ, началъ Эльчаниновъ рѣшительнымъ тономъ. Узжайте отъ него на этихъ же дняхъ, сегодня, завтра, если хотите... У меня есть небольшое состояніе и съ этой минуты оно принадлежитъ вамъ.

Слезы показались на глазахъ Анны Павловны. Она вся вспыхнула.

— Вы меня очень любите? невольно проговорила она, протягивая ему руку.

Эльчаниновъ на этотъ вопросъ могъ или не отвѣчать, или открыться во всемъ.

— Вы удостоиваете меня вашей дружбой, началъ онъ не безъ волненія, вы почтили меня довѣріемъ; возьмите все это назадъ: я не стою того.

Мановская вздрогнула.

— Я не могу быть вашимъ другомъ, я васъ люблю, произнесъ Эльчаниновъ.

Силы совершенно оставили бѣдную женщину. Она не могла долѣе притворяться, не могла долѣе выдерживать заученой роли и зарыдала. Потомъ, какъ бы обезпамятѣвъ, пристально взглянула на Эльчанинова и схватила его за руку.

— Правду ли вы говорите, не обманываете ли вы меня? поклянитесь мнѣ въ томъ, что вы сказали.

— Клянусь Богомъ! вскричалъ Эльчаниновъ.

— Хорошо, продолжала Мановская: — любите меня!.. я сама васъ давно люблю! Но теперъ прощайте: отпустите меня, я не могу долѣе оставаться.

Эльчаниновъ обезумѣлъ отъ восторга.

— Человѣкъ ты или ангелъ! вскричалъ онъ, обхвативъ за талию Анну Павловну и цѣлуя ее въ лицо. Я тебя не пущу, ты моя, хоть бы цѣлый мѣръ тебя отнималъ у меня.

— Пустите меня! я слаба, пощадите меня!

— Но когда я увижу тебя еще? я съ ума сойду, если это будетъ долго!

— Хорошо, я буду здѣсь.

— Но когда же?

— Въ воскресенье.

Раздавшійся въ это время не въ далекомъ голосъ заставилъ ихъ оглянуться. Къ нимъ подходилъ Иванъ Александровичъ. — Эльчаниновъ, какъ можно было судить по его движенію, хотѣлъ бѣжать, но ужъ было поздно.

— Наконецъ-то я васъ нашелъ, Анна Павловна, началъ Иванъ Александровичъ; бѣгалъ, бѣгалъ, обѣгалъ все поле, — дѣло очень важное. Пріѣзжаю, спрашиваю, дома ли вы? Одна, говорятъ, только барыня, да и та въ полѣ. — Въ какомъ? — Въ оржаномъ. — Валий въ оржаное. Наше вамъ почтеніе, Валерьянъ Александровичъ! Вы какъ здѣсь?

— Такъ же, какъ и вы, отвѣчалъ Эльчаниновъ; пріѣхалъ, — говорятъ, Анна Павловна въ полѣ, я и пошелъ въ поле.

— Вотъ какъ-съ, а я, вѣдь, думалъ, что вы не знакомы съ Михайломъ Егорычемъ. Матушка, Анна Павловна, первѣй всего: я, вѣдь, къ вамъ съ важнымъ порученіемъ. Гдѣ супругъ-то?

— Онъ уѣхалъ въ городъ, отвѣчала Анна Павловна, едва приходя въ себя.

— Пошлите за нимъ, Бога ради, нарочно. Завтра вамъ надобно быть дома обнимъ. Его сіятельство пріѣдетъ къ вамъ. Онъ говорить, что васъ знаетъ и ужасно, какъ хвалить.

— Мы будемъ дома, отвѣчала Анна Павловна. Пойдемте! доведите меня, Иванъ Александровичъ.

— А мнѣ позвольте проститься, сказалъ Эльчаниновъ: я пройду прямо.

— Прощайте.

Эльчаниновъ ушелъ въ лѣсъ, Иванъ Александровичъ подаль руку Аннѣ Павловнѣ и они пошли.

— Отчего это Валерьянъ Александровичъ не пошелъ въ усадьбу? спросилъ, будто съ простодушнымъ любопытствомъ, Иванъ Александровичъ.

— Вѣрно не хочетъ.

— А отъ чего жъ онъ не хочетъ?

— Онъ не знакомъ съ мужемъ; я его прежде знала.

— Прекрасный онъ молодой человекъ, умный, образованный, замѣтилъ Иванъ Александровичъ.

Анна Павловна ничего не отвѣчала и они молча вошли въ усадьбу.

Стало уже смеркаться, когда Иванъ Александровичъ выгхалъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ изъ Могилокъ.

— Каково соколѣна! началъ онъ разсуждать вслухъ; тихая, вѣдь, кажется, такая; поди ты, узнай бабу. А молодецъ-то... локкой малый! Разсказывать или нѣтъ? подожду пока! Кажется, его сѣятельство тутъ того... Слабый старикъ по этой части.

На этихъ словахъ онъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за воротникъ шинели. Иванъ Александровичъ обернулся. Это былъ верхомъ Эльчаниновъ.

— Ба! вы все еще ѣдете, сказалъ онъ: не тяните, пожалуйста, шинели; сукно тонкое, какъ разъ лопнетъ.

— Остановите вашу лошадь, мнѣ нужно съ вами поговорить, сказалъ мрачно Эльчаниновъ.

Иванъ Александровичъ повиновался.

— Вы никому не должны говорить, что сегодня видѣли меня въ Могилкахъ, продолжалъ Эльчаниновъ, колотя рукой по сѣдлу, въ противномъ случаѣ я васъ убью.

— Да мнѣ-то что за дѣло? возразилъ Иванъ Александровичъ. Самъ бывалъ въ такихъ передѣлкахъ.

— Нѣтъ, вы должны поклясться.

— Ей-Богу не скажу! Я не изъ такихъ: не люблю изъ избы выносить сору.

— Хорошо, помните же, проговорилъ Эльчаниновъ и, поворотивши свою лошадь, поскакалъ въ галопъ.

— Вотъ оно, какую передрагу надѣлалъ, думалъ Иванъ Александровичъ; дѣлать нечего, побожился. Охо, хо, хо! Самъ, бывало, въ полку жиду въ ноги кланялся, чтобы не сказывалъ! Подсмотрѣлъ, проклятый Иуда, какъ на чердакъ цѣловался. Захватъ было къ Уситковымъ, очень просили сказать, если графъ къ кому нибудь поѣдетъ! заключилъ онъ и похвалъ рысцой.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Анна Павловна, совсѣмъ забывшая объ извѣстїи, сообщенномъ Иваномъ Александровичемъ, сидѣла въ гостиной. Она какъ будто бы была повеселѣе, какъ будто бы все измѣнилось въ ея глазахъ. Эта мрачная и темная гостиная не казалась ей такъ скучна и печальна; ей думалось, что легче наконецъ будетъ жить на свѣтъ, потому что теперь у ней есть человекъ, который поучаствуетъ въ ней, который раздѣлитъ съ ней ея горе. Мужъ, общество, да что ей за дѣло до нихъ? У нея есть другъ, который замѣнитъ ей все, защититъ ее отъ всѣхъ. Онъ самъ говорилъ это: развѣ не доказалъ онъ своего самоотверженія, когда предложилъ ей свое состояніе для того только, чтобы облегчить ея участь.

Прїездъ мужа прервалъ эти мысли. Михайло Егорычъ вошелъ въ гостиную и сухо поздоровался съ женой.

— Здоровы ли вы? спросилъ онъ.

— Здорова.

— Велите дать мнѣ вѣсть.

Анна Павловна вышла. Мановскій осторожно вынулъ какія-то бумаги изъ кармана и заперъ въ стоявшую подъ диваномъ желѣзную шкатулку.

Въ это время на дворъ раздался шумъ подѣзжавшаго экипажа. Мановскій взглянулъ въ окно: къ крыльцу подѣзжала запряженная четверней карета.

— Кто это такой? сказалъ Мановскій, не узнавая гостя по экипажу и вышелъ на половину залы.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ графъ. Мановскій, не двигаясь съ мѣста, глядѣлъ въ глаза новопрїбывшему.

— Честь имѣю рекомендоваться: я графъ Сапѣга, началъ тотъ, подходя къ хозяину, осѣдъ вашъ и прїѣхалъ, чтобы начать зна-

кометво съ вамп, которое тѣмъ болѣе интересно для меня, что супруга ваша уже знакома мнѣ. Она дочь моего пріятеля.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство, за сдѣланную мнѣ честь, въжливо отвѣчалъ Мановскій:—и прошу извиненія, что первый не представился вамъ, но это единственно потому, что меня не было дома: я только что сейчасъ вернулся. Прошу пожаловать, продолжалъ онъ, показывая графу съ почтеніемъ на дверь въ гостиную. Жена сейчасъ выйдетъ, ей очень пріятно будетъ встрѣтить стараго знакомаго. Просите Анну Павловну, прибавилъ онъ стоявшему у дверей лакею.

Гость и хозяинъ вошли въ гостиную. Мановскій, очень хорошо знавшій, что графъ ни къ кому еще въ губерніи первый не пріѣзжалъ, съ первыхъ же словъ понялъ, что тотъ пріѣхалъ не для него, а для жены. О сердечныхъ слабостяхъ графа давно уже ходили слухи въ Боярщинѣ. Ревность и оскорбленное самолюбіе забушевали въ душѣ Мановскаго. Впрочемъ, очень хорошо убѣжденный, что Анна Павловна, полюбя другаго, могла взмѣнить ему, онъ въ тоже время зналъ, что никогда и ничего не добьется отъ нея Сапѣга, и потому рѣшился всеми средствами способствовать намѣреніямъ графа, а потомъ одурачить его, на сколько только возможно. Извинившись еще разъ что не представлялся первый, онъ вышелъ изъ гостиной, какъ бы по хозяйственнымъ распоряженіямъ и прошелъ въ комнату жены.

— Графъ Сапѣга пріѣхалъ, другъ вашего отца, будьте съ нимъ полюбезнѣе, онъ человекъ богатый, сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ; та пошла. — Пріѣздъ графа ее нѣсколько обрадовалъ. Она помнила, что отецъ часто говорилъ о добромъ графѣ, котораго онъ пользовался нѣкоторой дружбой, и который даже самъ бывалъ у нихъ въ домѣ.

— Здравствуйте, Анна Павловна, сказалъ Сапѣга, вставая и подходя къ ея рукѣ. Помните ли вы меня?

— Помню, графъ, отвѣчала Анна Павловна, мнѣ нельзя забыть васъ. Васъ такъ любитъ мой батюшка.

Графъ и хозяйка усѣлись на диванъ.

— Я такъ былъ удивленъ и обрадованъ, началъ Сапѣга, что вы здѣсь, въ нашемъ сосѣдствѣ, что сейчасъ же поспѣшилъ пріѣхать, чтобъ только скорѣй увидѣть мою мпую и добрую знакомую, надѣясь, что она лично сама заплатитъ мнѣ визитъ.

Анна Павловна отвѣчала ему улыбкой.

Между ними завязался обычный, при встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ, разговоръ. Графъ спрашивалъ ее объ отцѣ, давно ли она вышла замужъ, давно ли переселилась въ это мѣсто?

— Какъ вы худы и бользненны, Анна Павловна, сказалъ наконецъ онъ, всматриваясь ей въ лицо:—не скучаете ли вы въ деревнѣ? Имѣете ли вы книги? Есть ли наконецъ у васъ рояль? Я помню, вы премило играли, и покойная ваша матушка подозрѣвала въ васъ рѣшительно музыкальныя дарованія, это я очень хорошо помню.

— Рояля у меня нѣтъ еще покуда, отвѣчала Анна Павловна, сконфузившись.

— Какъ это не грѣхъ, какъ это не стыдно. Чтожъ смотреть вашъ супругъ?

Въ это время вошелъ Мановскій.

— Вы мало заботитесь, Михайло Егорычъ, объ удовольствіи вашей супруги, продолжалъ графъ, обращаясь къ нему. Отъ чего вы не выпишете для нихъ рояль?

— Всего вдругъ нельзя, ваше сіятельство, отвѣчалъ Мановскій:—и вотъ, какъ видите, живемъ въ пустыхъ стѣнахъ, и съ необитой почти мебелью.

— Слишкомъ ничтожное оправданіе, возразилъ Сапѣга:—мы съ вами, Анна Павловна, сдѣлаемъ вотъ какой заговоръ противъ вашего мужа. У меня въ домѣ есть довольно порядочный рояль, вздите ко мнѣ, старику, какъ можно чаще, занимайтесь музыкою, а мужа оставляйте дома. Соскучится объ васъ, да и купить вамъ рояль. Согласны?

— Благодарю васъ, графъ, отвѣчала Анна Павловна.

— Она и безъ того должна за честь, которую вы ей сдѣлали, быть у вашего сіятельства, сказалъ Мановскій, и такъ какъ я нисколько не принимаю ваше посѣщеніе на свой счетъ, то она должна вѣхать одна, а я ужъ буду имѣть честь представиться послѣ.

— Благодарю, сказалъ графъ, протягивая Мановскому руку. Вы очень оригинально хотите отмстить мнѣ за любовь къ вашей супругѣ.

— Она сама вамъ отмститъ за эту любовь, отвѣчалъ съ усмѣшкою Мановскій.

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что наскучитъ вамъ.

— Анна Павловна не наскучить мнѣ, сказалъ графъ сладкимъ голосомъ, цѣлуя руку хозяйки.

Въ залъ раздался шумъ: это были новые гости. Съ каждымъ приездомъ графа, между помѣщиками Боярщины заводился странный обычай. Они прѣзжали обыкновенно вслѣдъ за нимъ во весь дома, которымъ онъ дѣлалъ честь своимъ посвященіемъ, частью для того, чтобы болѣе и болѣе сближаться съ знатнымъ туземцемъ, а частью и для наслажденія его бесѣдою. Новоприбытіе были: толстый Уситковъ съ женою, той самой барынею въ блондовомъ чепцѣ, которую мы видали у предводителя и которая приняла теперь намѣреніе всюду преслѣдовать графа въ видахъ помѣщенія своего седьмого сынишку въ корпусъ. Ихъ сопровождала молодая чета Симановскихъ, недавно женившаяся по страсти. Мужъ былъ высокій и необыкновенно худой, отставной уланскій корнетъ, а м-те Симановская, не смотря на молодость лѣтъ, уже замѣчательно обнаруживающая въ себѣ практическія способности, въ силу которыхъ тоже рѣшившаяся искать въ графѣ, для опредѣленія мужа въ какую нибудь доходную службу, безъ которой онъ будто бы ужасно скучаетъ. При входѣ, мужчины отдали почтительный поклонъ Сапѣгѣ, а дамы, присѣвши ему, помѣстившись на диванъ съ хозяйкой.

Всѣмъ имъ графъ слегка кивнулъ головою и на лицѣ его замѣтно отразилось неудовольствіе: ему было досадно, что Анна Павловна, кромѣ его, должна будетъ заниматься съ прочими гостями.

Мановскій, все это, кажется, замѣтившій, сейчасъ же подошелъ съ разговоромъ къ дамамъ, а мужчины, не осмѣливаясь говорить съ графомъ, разсѣлись по уголкамъ. Такимъ образомъ, Сапѣга опять заговорилъ съ Анною Павловною. Онъ рассказывалъ ей о Петербургѣ, припоминалъ съ нею старыхъ знакомыхъ, описывалъ успѣхи въ свѣтъ ея сверстницъ. Такъ время прошло до объѣда. За столомъ графъ помѣстился возлѣ хозяйки. Мановскій продолжалъ занимать прочихъ гостей.

— Анна Павловна вѣрно прежде была знакома съ графомъ? Она, говорятъ, ему крестница? спросила его Уситкова.

— Крестница, отвѣчалъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ, сказалъ графъ, обращаясь къ хозяину:— когда же вы доставите мнѣ удовольствіе видѣть васъ и Анну Павловну у себя въ домъ?

— Я сегодня ночью долженъ буду ѣхать въ городъ, вамъ

сіятельство, отвѣчалъ Мановскій. Что касается до жены, то она, я полагаю, завтра же должна отплатить вамъ визитъ, чтобы тѣмъ хоть нѣсколько извинить невольную мою противъ васъ невѣжливость.

— Браво! вскричалъ графъ, а вы что скажете, Анна Павловна?

Мановская поблѣднѣла. Она очень хорошо знала, что слово *полагаю* на языкъ ея мужа значить—она пріѣдетъ. Но завтра! завтра былъ день, назначенный ею для свиданія съ Эльчаниновымъ.

— Позвольте мнѣ, графъ, пріѣхать къ вамъ въ понедѣльникъ, сказала она, я чувствую себя не такъ здороваю.

— Зачѣмъ же откладываетъ, возразилъ Мановскій, не любившій исполнять ни малѣйшаго желанія жены. Прилпчїе заставляетъ, кажется, поторопиться.

— Но, можетъ быть, Анна Павловна дѣйствительно дурно себя чувствуетъ, сказалъ графъ отсѣскимъ голосомъ, въ душѣ радовавшійся поспѣшности мужа.

— Она постоянно не такъ здорова, потому ей все равно. Она пріѣдетъ завтра, отвѣчалъ Мановскій.

Тоска сдавила сердце Анны Павловны: что ей было дѣлать, на что рѣшиться! Сначала она думала притвориться больной, но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ выйти въ поле, тѣмъ болѣе, если мужъ не уйдетъ. Эльчаниновъ будетъ ее дожидаться, онъ подумаетъ, что она не хотѣла сдержать обѣщанія. Когда она опять съ нимъ увидится! и какъ ему дать знать? Оставалось одно средство: идти и оставить на мѣстѣ свиданія записку, въ которой уведомить Эльчанинова о случившемся и назначить ему прїѣхать туда въ понедѣльникъ. На этомъ намѣреніи она нѣсколько успокоилась и снова пачала говорить съ графомъ.

Обѣдъ кончился. Графъ не отходилъ отъ хозяйки и не давалъ ей рѣшительно заниматься съ дамами.

— О чемъ это говорить графъ съ Анной Павловной? шепнула, обращаясь къ мужу, Уситкова, немного тупая на ухо.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ.

— Николай Николаичъ, Николай Николаичъ, отнеслась Уситкова къ Симановскому, смотрѣвшемуся въ зеркало.

Симановскій подошелъ.

— Вы отсюда къ намъ?

— Жена къ вамъ провѣдетъ, а мнѣ надобно въ Новинское на панихиду.

— Къ кому, батюшка? произнесла съ испугомъ Уситкова.

— Бахуловъ померъ.

— Опсунъ Клеопатры Николаевны? Скажите! Царство небесное! Истинно добрый былъ человекъ. Что-то теперь Клеопатра Николаевна. Какъ она была имъ довольна. Кого-то ей теперь назначать, потому что, надобно сказать, она порядочно поразстроила дочкино состояніе. Для нея это очень важно, кого ей назначать.

— Да врядъ ли не здѣшняго?

— Кого, Михайло Егорычъ?

Симановскій подтвердительно кивнулъ головой.

— Посмотрите, посмотрите, продолжала Уситкова, показывая глазами на графа, который цѣловалъ руку у Анны Павловны.

— Да-съ, отвѣчалъ Симановскій и взглянулъ на жену, которая сидѣла, въ замѣтно щекотливомъ положеніи, около Анны Павловны.

Вскорѣ послѣ чаю, графъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ поднялись и прочіе гости, глубоко обиженные невниманіемъ Сапѣги и предпочтеніемъ, которое оказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

— Завтра, часу въ двѣнадцатомъ, вы поведете къ графу, сказалъ Мановскій, оставшись одинъ съ женой: — а я послѣ.

— Хорошо, отвѣчала та: — а я теперь, Михайло Егорычъ, пойду гулять, прибавила она съ невольною боязнію.

— Ступайте, отвѣчалъ Мановскій.

Анна Павловна почти вбѣжала въ свою комнату и написала къ Эльчанинову записку: «Простите меня, что я не могла исполнить обѣщанія. Мой мужъ посылаетъ меня къ графу Сапѣгъ, который былъ сегодня у насъ. Вы знаете, могу ли я ему не повиноваться? Не огорчайтесь, добрый другъ, этой неудачей: мы будемъ съ вами видаться часто, очень часто. Приходите въ понедельникъ на это мѣсто, я буду непременно. Одна только смерть можетъ останоить меня. До свиданья.»

Спрятавши эту записку за перчатку, она вышла и чрезъ несколько минутъ была на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтилась съ Эльчаниновымъ. Записка была положена въ трещину дерева такимъ образомъ, что часть ея была видна.

Воротившись домой, она не видала ужъ мужа. Онъ что-то писалъ въ гостиной.

VIII.

Въ воскресенье, часу въ третьемъ по-полудни, Эльчаниновъ снова въхалъ на своей сѣрой лошади, погруженный въ тихую задумчивость. Онъ предвкушалъ, такъ сказать, наслажденія любви; которая готовила для него эта женщина, предметъ его страстныхъ мечтаній. Подъѣхавши къ роцъ, онъ уже не пошелъ на этотъ разъ пшкомъ, а объхалъ ее кругомъ, и, остановясь не въ далеку отъ назначеннаго мѣста, посмотрѣлъ вокругъ себя: по прежнему передъ нимъ разстилалось широкое поле, вдали были видны Могилки, которыя на этотъ разъ показались ему еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Небо покрыто было сѣрыми тучами, которыя, какъ бы перегоняя одна другую, гигантскими массами плыли отъ сѣвера. Эльчаниновъ слезъ съ лошади и, привязавъ ее, подошелъ къ сухому дереву, на которомъ сидѣлъ съ Анною Павловною. Еще разъ окинулъ онъ глазами окрестность и сълъ: при этомъ движеніи его, записка юркнула въ довольно глубокую трещину, и такимъ образомъ не сбылись надежды Анны Павловны—извѣстіе не дошло по назначенію. Прошло полчаса, безпокойство и скука начали овладѣвать Эльчаниновымъ: напрасно смотрѣлъ онъ на Могилки, напрасно вставалъ на дерево, садясь на лошадь верхомъ, даже втапалъ на сѣдло ногами, чтобъ такимъ образомъ окинуть взоромъ большее пространство, никого не было видно. Безпокойство и скука все болѣе и болѣе возрастали. Не больна ли она? подумалъ онъ: прошлый разъ она могла простудиться, захворать, и теперь, можетъ быть, умираетъ. При этой мысли онъ рѣшился идти въ усадьбу: но если встрѣтится съ мужемъ? что же такое! подумалъ Эльчаниновъ: я могу сказать, что меня сшибла лошадь и убѣжала; могъ же я въхать не вдалекъ. Съ такимъ намѣреніемъ онъ выбрался на большую дорогу, слезъ съ лошади, оборвалъ поводья, свернулъ немного на боку сѣдло и ударилъ ее нѣсколько разъ арапникомъ. Лошадь понеслась маршъ-маршъ по дорогѣ. Эльчаниновъ, вымаравъ себя, для большаго въроятія, въ грязи лицо, платье и руки, отправился въ Могилки. Первая представилась ему толстая баба, съ засученными рукавами, въшившая на заборъ бѣлье.

— Эй, любезная, сказала Эльчаниновъ, подходя къ ней:—
нѣтъ ли у васъ кого нибудь поймать мою лошадь?

Баба посмотрѣла на него съ любопытствомъ и съ удивленіемъ.

— Лошадь!... А кое мѣсто ваша лошадь? спросила она.

— Должно быть въ здышемъ полѣ. Она меня сшибла и убъ-
жала.

— Ишь ты!... А вы чьи такіе?

— Я изъ Коровина.

— Такъ, знаемъ. Баринъ что ли?

— Баринъ, моя милая. Кто бы мнѣ лошадь поймалъ?

— Ой, батюшка, кого посылать-то, развѣ ребятишекъ... боль-
шихъ-то нѣтъ дома. Кучера съ барями уехали, а другіе на ра-
ботѣ.

— Съ барями уехали? спросилъ Эльчаниновъ. А куда ваши
баря уехали?

— А Богъ ихъ знаетъ, куда уехали. Незвѣстно. Барыня,
говорятъ, въ Каменки, а баринъ незвѣстно.

— Куда въ Каменки?

— А вонъ въ село Каменки, къ емералу. Онъ вчера-ткъ
былъ здѣсь, такъ, слышь, барыня и повчала къ нему, въ кареть,
шестерикомъ, такая нарядная.

Эльчаниновъ ничего не могъ понять. Онъ догадался, впрочемъ,
что Анна Павловна уехала къ графу Сапѣгъ, о которомъ онъ
слышалъ отъ многихъ. Но за чѣмъ уехала, и какъ одна, и въ
тотъ именно день, когда назначено было свиданіе. Ему одѣла-
лось не на шутку грустно и досадно.

— Ребятишекъ послать что-ли? спросила баба, видя, что Эль-
чаниновъ стоялъ, задумавшись.

— Пошли, любезная, сказалъ онъ.

Баба влезла на заборъ.

— Ванька, Федька, подьте сюда, закричала она. Вонъ изъ
Коровина барина лошадь сшибла, такъ пригоньте ее.

На этотъ зовъ за ворота выбѣжали три мальчишка въ пе-
стрядинныхъ рубашкахъ, съ грязными руками и ногами. Они всѣ
трое стали въ недоумѣніи: имъ нужно было снова растолковать,
въ чемъ дѣло.

— Да кое мѣсто лошадь-то? спросилъ старшій изъ нихъ; поле-
то велико.

— Да, поди, чай у воротецъ къ Коровину, отвѣчала догадли-
вая баба.

— Такъ туда что-ли бѣжать?

— Вѣстимо, что туда, а можетъ, что и въ болотъ.

— Пойдемте, сказалъ старшій, и всѣ въ прискокку пустились по дорогѣ.

Эльчаниновъ стоялъ въ раздумьѣ.

— Барыня-то есть у васъ? спросила словоохотливая баба.

— Нѣтъ, я не женатъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ, а что у васъ хороша барыня?

— Хороша, добрая такая, только баринъ-то ее не больно любить; у него есть другая, еще и не одна, пожалуй; да и тѣмъ житье не больно хорошо: колотить часто.

Послышался конскій топотъ. Это были мальчишки, которые, усѣвшись всѣ трое на лошадь Эльчанинова, гнали ее во весь опоръ.

— Вотъ и пригнали, проговорила баба.

— Спасибо, любезные, сказалъ Эльчаниновъ, садясь на лошадь и одвля мальчишекъ по пятаку. Вотъ и тебѣ, прибавилъ онъ, давая гривенникъ женщинѣ. Всѣ поклонились ему.

Эльчаниновъ скорой рысью поѣхалъ обратно; но, миновавъ Могилковское поле, остановился. Слезы чуть не брызнули изъ его глазъ, такъ ему было тошно. Вотъ женщины, подумалъ онъ, вотъ любовь ихъ! Забыть обѣщаніе, забыть мою нетерпеливую любовь, свою любовь. Забыть все и увхатъ въ гости! Но зачѣмъ она поѣхала къ графу и почему одна, безъ мужа? Можетъ быть у графа балъ? Конечно балъ, а чѣмъ женщина не пожертвуетъ для бала? Но какъ бы узнать, что такое у графа сегодня. Заѣду къ предводителю: если балъ, онъ долженъ быть тамъ же. Принявши такое намѣреніе, Эльчаниновъ прищипорилъ лошадь и поверотилъ на дорогу къ предводительской усадьбѣ. Черезъ полчаса вѣды онъ вѣзхалъ на красный дворъ и отдалъ свою лошадь поцавшемуся на встрѣчу кучеру.

— Дома Алексѣй Михайлычъ? спросилъ онъ.

— У себя-съ, отвѣчалъ тотъ.

Эльчаниновъ быстро вѣзжалъ на лѣстницу, сбросилъ на полъ плащъ и вошелъ въ гостиную.

Предводитель сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ и съ величайшимъ стараніемъ сдиралъ съ персика кожицу, которыхъ нѣсколько десятковъ лежало въ серебряной корзинѣ, стоявшей на кругломъ столѣ. Напротивъ его, на диванъ, сидѣла Уситкова, по прежнему въ блондовомъ чепцѣ; толстый мужъ ея стоялъ

несколько съ боку и тоже въ персикъ; на одномъ изъ кресель сидѣлъ исправникъ, съ сигарою въ зубахъ, и наконецъ вдали отъ прочихъ помѣщался, въ довольно почтительномъ положеніи, на стулѣ, молодой человекъ, съ открытымъ, хотя несколько грубымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ синемъ, изъ толстаго сукна, сюртукѣ; на ногахъ у него были огромные, прошивные, подбитые на подошвѣ гвоздями, сапоги, которые какъ-то странно было видѣть на паркетномъ полу.

Увидя входившаго Эльчанинова, предводитель несколько привсталъ.

— Здравствуйте, Валерьянъ Александровичъ! сказалъ онъ. Но, Господи, что съ вами, вы все въ грязи?

Эльчаниновъ, начавшій уже раскланиваться, тутъ только вспомнилъ, что былъ весь испачканъ.

— Меня сейчасъ спшибла лошадь, отвѣчалъ онъ.

— Скажите, пожалуйста! ахъ, молодые, молодые люди, прозвесь предводитель. Долго ли до бѣды. Не ушиблись ли вы однако?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я только, какъ видите, перепачкался, да и про то забылъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ и вышелъ.

— Ну, матушка, Татьяна Григорьевна, продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Уситковой, вы начали, кажется, что-то рассказывать?

— Странныя, просто странныя вещи, начала та, пожимая плечами:—сидимъ мы третьяго дня съ Карпомъ Ѳедорычемъ за ужиномъ; вдругъ является Иванъ Александровичъ; захопотался, говорить, позвольте отдохнуть, сейчасъ вздѣлъ въ Могилки съ порученіемъ отъ графа.

На этихъ словахъ Эльчаниновъ вернулся и началъ вслушиваться.

— Что такое за порученье? продолжала Уситкова:—а порученье, говорить, сказать Михайлу Егорычу, чтобъ онъ завтрашній день былъ дома, потому что графъ хочетъ завтра къ нему прѣхать. Какъ, говорить, Карпъ Ѳедорычъ, да являлся ли самъ Михайла Егорычъ къ графу? Нѣтъ, говорить, да ужъ его сіятельству по добротѣ его души такъ угодно, потому что Анна Павловна ему крестница. Ну мы такъ, я и Карпъ Ѳедорычъ, ну, можетъ быть, и крестница.

— Конечно, что-жъ тутъ удивительнаго? сказалъ предводитель, очень возможно, что и крестница.

— Ну, да-съ, мы и ничего, только я и говорю: съездимъ-жо, говорю, и мы, Карпъ Федорычъ, завтра въ Могилки, я же Анны Павловны давно не видала. Хорошо, говорить. На другой день по утру къ намъ прїѣхали Симановскіе. Мы имъ говоримъ, что ѣдемъ. Ахъ, говорить, это и прекрасно, и мы съ вами съездимъ. Поѣхали. Графъ ужъ тутъ и, ахъ, Алексѣй Михайлычъ! вы представить себѣ не можете, какія сцены мы видали, и я одному только не могу удивиться, какимъ образомъ Михайло Егорычъ, человекъ не глупый бы...

— Что-жъ такое? что такое? спросилъ съ любопытствомъ предводитель.

— Это интересно, отнесся исправникъ къ Эльчанинову, который, казалось, весь превратился въ слухъ.

— Вспомнить не могу, продолжала Уситкова; ну, мы вошли, поздоровались и начали было говорить, но ни графъ, ни хозяйка ни на кого никакого вниманія не обращаютъ и, какъ голуби, воркуютъ между собою, и только ужъ блѣдный Михайло Егорычъ (ему видно и совѣстно), суется, какъ угорьный, то къ тому, то къ другому: вотъ тебѣ и смиренница, подумала я.

— Не можетъ, кажется, быть, церъшительно возразилъ предводитель.

— Ахъ, Алексѣй Михайлочь, не знаю, можетъ или не можетъ быть, возразила въ свою очередь барыня; но вы только выслушайте: мало того, что цѣлый день говорили, глазки дѣлали другъ другу, цѣловались; мало этого: условились при всѣхъ, что она сегодня прїѣдетъ къ нему одна и поѣхала; мы встретили ее. Положимъ, что крестница, но все-таки — она молодая женщина, а онъ человекъ холостой; у него, я думаю, и горничныхъ въ домъ нѣтъ, ну ей поправить что-нибудь надобно, башмакъ, чулокъ, кто ей это сдѣластъ—лакей?

— Конечно, подтвердилъ предводитель, и потомъ шопотомъ прибавилъ: что графъ къ этому склонещъ, то...

— Безъ всякаго сомнѣнія, подхватила разсказщица. Господи! до чего нынче доводятъ себя нынѣшнія женщины. Ну, добро бы молодой человекъ — влюбилась бы, а то старикъ: просто развратъ, чтобъ подарилъ что нибудь.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ всталъ.

— Что съ вами, Валерьянъ Алескаандрычъ! спросилъ предводитель.

— Ничего-съ, это, кажется, послѣдствія паденія, проговорилъ онъ и вышелъ.

— Савелій, сказалъ предводитель, обращаясь къ молодому чловѣку, тоже, кажется, принимавшему большое участіе въ ихъ разговоръ: — поиди къ Валерьяну Александрычу, посмотри, что тамъ съ нимъ, да спроси, не хочетъ ли онъ прилечь въ моемъ кабинетѣ.

Молодой чловѣкъ всталъ и вышелъ въ залу.

— Напрасно вы рассказываете при этихъ дворянишкахъ, сказалъ исправникъ, показывая глазами на ушедшаго молодого чловѣка; какъ разъ перенесутъ графу.

— Ай, батюшки, что я надѣлала! вскричала въ испугъ Уситкова.

— Ты всегда такъ неосторожна на языкъ, замѣтилъ ей мужъ, махнувъ рукою.

— Нѣтъ, Савелій не такой, я его знаю, сказалъ предводитель.

— Вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ не говорилъ, сказала Уситкова почти умоляющимъ голосомъ.

— Не безпокойтесь, Савелій не болтунъ.

Молодой чловѣкъ, котораго называли однимъ только полуименемъ Савелій, былъ такой же дворянинъ, какъ Эльчаниновъ, какъ предводитель, какъ даже самъ графъ; но у него было только нѣсколько десятинъ земли и выстроенный на той землѣ маленький, деревянный флигель. Онъ съ трудомъ умѣлъ читать, нигдѣ не служилъ, но не смотря на бѣдность, на отсутствіе всякаго образованія, онъ былъ въ высшей степени честный, добрый и умный малый. Онъ никогда и никому не жаловался на свою участь и никогда не позволялъ себѣ, подобно другимъ бѣднымъ дворянамъ, просить помощи у богатыхъ. Онъ неусыпно цахалъ, съ помощью одного крѣпостнаго мужика, свою землю, и такимъ образомъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Кромѣ того, онъ очень былъ искусенъ въ разныхъ ремеслахъ: собственными руками выстроилъ себѣ мельницу, дѣлалъ телеги, починивалъ стѣнные часы и переплеталъ наконецъ книги. Ни отца, ни матери не было у него съ двѣнадцати-лѣтняго возраста. Жилъ онъ въ одной усадьбѣ со вдовою.

Эльчаниновъ между тѣмъ стоялъ на задней галереѣ дома, прислонившись къ деревянной колоннѣ, и вовсе не обратилъ вниманія на Савелья, когда тотъ подошелъ къ нему и внимательно посмотрѣлъ на него.

Героя моего мучила въ настоящую минуту ревность и онъ ревновалъ Анну Павловну къ графу. Раздосадованный и обманутый ожиданіемъ, онъ повѣрилъ всему. Если бы Анна Павловна поѣхала къ графу не въ этотъ день, въ который назначено было свиданіе, то, можетъ быть, онъ еще усомнился бы въ истинѣ словъ Уситковой, но она забыла его, забыла свое слово и увѣхала. Это явно, что если она не любитъ графа, то все-таки ей пріятно его исканіе; что графъ за ней ухаживалъ, Эльчаниновъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ. Теперь прошу вѣрить въ нравственную высоту женщинъ, думалъ онъ, если она, казавшаяся ему столь чистою, столь прекрасною, унизила себя до благосклонности къ старому развратнику и предпочла его человѣку, который любитъ ее со всею искренностью, который, мало этого, обожаетъ ее, забыть все прошедшее и увлечься вниманіемъ Сапѣги, который только можетъ се позорить въ глазахъ совѣсти и людей; бояться со мною переговорить два слова и потомъ безстыдно вѣхать одной къ новому обожателю. О, женщины! ничтожество вамъ имя! проговорилъ Эльчаниновъ мысленно, всѣ вы равны: не знаю, почему я предпочелъ это худенькое созданьице, наиримѣръ, передъ вдовою. Если ужъ входить въ сношеніе съ женщиной, такъ ужъ конечно лучше съ свободной: — меньше труда, а то игра не стоитъ свѣчь! Хорошо, Анна Павловна, мы поквитаемся. Вы поѣхали любезничать къ графу, а я поѣду ко вдовѣ. На послѣдней мысли засталъ его Савелій.

— Алексѣй Михайлычъ приказали мнѣ сказать вамъ, не хотите ли вы прилечь въ его кабинетъ, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю, я сейчасъ вѣду, отвѣчалъ сухо Эльчаниновъ и пошелъ въ гостиную.

— Прощайте, Алексѣй Михайловичъ, сказалъ онъ, берясь за шляпу.

— Куда это вы? отдохните лучше.

— Благодарю покорно, мнѣ теперь лучше, а воздухъ меня еще больше обвѣжитъ. Онъ поклонился гостямъ, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ ужъ на дорогѣ въ усадьбу Ярцово, гдѣ жила вдова. Лошадь шла шагомъ. Не смотря на стараніе Эльчанинова придать мыслямъ своимъ болѣе вѣтренности и безопасности, ему было грустно. Онъ вѣхалъ ко вдовѣ, потому что былъ ожесточенъ противъ Анны Павловны. Онъ ей хотѣлъ за вѣтренность отплатить тою же монетою. Раздавшійся сза-

ди лошадиной топотъ заставилъ наконецъ его обернуться. Его нагонялъ Савелій, въхавшій тоже верхомъ, на маленькой крестьянской лошаденкѣ.

— Какъ вы тихо ѣдете, сказалъ онъ, кланяясь съ доброю улыбкою Эльчанинову.

— Мнѣ нѣкуда торопиться, отвѣчалъ тотъ разсѣянно.

— А куда вы, смѣю спросить, ѣдете? спросилъ Савелій, которому хотѣлось, видно, завести разговоръ.

— Въ Ярцово, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— И я туда же, позвольте мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Вы ужь меня, я думаю, не помните, Валерьянъ Александровичъ, сказалъ Савелій, а я съ вами игрывалъ и гащивалъ у васъ въ Коровинѣ.

— Теперь припоминаю, отвѣчалъ Эльчаниновъ, вглядываясь въ своего спутника и дѣйствительно узнавая въ немъ сына одного бѣднаго дворянина, который часто ѣздилъ къ нимъ въ усадьбу и привозилъ съ собою мальчика, почти ему ровесника.

— Гдѣ вашъ батюшка? спросилъ онъ.

— Отецъ мой умеръ.

— И вы теперь одни?

— Одинъ, отвѣчалъ Савелій. Вы много перемѣнились, Валерьянъ Александровичъ! я васъ не узналъ было, прибавилъ онъ.

— Не мудрено, произнесъ Эльчаниновъ со вздохомъ; перемѣнившись, проживши на свѣтѣ, прибавилъ онъ.

— Да вы много ли еще нажили; развѣ горе какое особенное у васъ есть, а то, что бы, кажись... возразилъ Савелій.

— Горе? повторилъ Эльчаниновъ, горя нѣтъ, а такъ скучаю!

— Отъ чего же вы скучаете?

— Отъ нечего дѣлать.

Савелій улыбнулся.

— Вотъ какъ, проговорилъ онъ, намъ работа руки намозолила; а есть на свѣтѣ люди, которымъ скучно отъ того, что дѣлать нечего.

— И очень много, подхватилъ Эльчаниновъ, большая часть людей несчастны отъ того, что не знаютъ, что имъ дѣлать. Изъ нихъ же первый—азмъ есть, заключилъ онъ и зѣвнулъ.

— Вамъ, я думаю, надобно служить, замѣтилъ Савелій.

— Служить—то бы я радъ, подслуживать тошно, проговорилъ съ усмѣшкою Эльчаниновъ.

- Ну, женитесь.
- Жениться! на комъ?
- Я не знаю, а думаю, за васъ пойдетъ хорошая невеста.
- Съищите.
- Я не свать, сказалъ съ улыбкой Савелій. Съищите сами.
- Легко сказать. Сами вы, напримѣръ, отъ чего не женитесь? Савелій при этомъ вопросъ покраснѣлъ.
- Какой я женихъ? За меня двушка, у которой есть кусокъ хлѣба, не пойдетъ.
- А вы бѣдны?
- Три души у меня-съ, изъ нихъ одна моя собственная.
- Чѣмъ же вы живете?
- Да хлѣбопашествомъ больше-съ.
- И сами пашете землю?
- Пашу-съ.
- Это ужасно! воскликнулъ Эльчаниновъ; дворянинъ по рожденію....

Молодые люди на некоторое время замолчали.

— Любили ли вы когданибудь въ жизни? спросилъ вдругъ Эльчаниновъ, у котораго поступокъ Анны Павловны не выходилъ изъ головы, и которому ужъ начинался нравиться его новый знакомый.

— Любилъ ли я женщинъ? спросилъ Савелій:—нѣтъ еще.

— И не любите.

— Почему же?

— Потому что онъ этого не стоятъ. Слышали ли вы у предводителя, что говорили про Мановскую? Это еще лучшая изъ всѣхъ.

— Это не правда, что про нее говорили!

— Вы ее знаете?

— Какъ же-съ: сосѣдское дѣло, бываю у нихъ, видалъ ее; а вы ее знаете?

— Я еще ее въ Москвѣ зналъ. Она не дурна.

— Да-съ, и очень добрая, и не гордая, сказалъ Савелій.

Эльчанинову пришло въ голову сдѣлать Савелью порученіе къ Аннѣ Павловнѣ, но онъ боялся.

— А когда вы будете опять у нихъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, какъ случится. А вы ѣздите къ нимъ?

— Нѣтъ, мнѣ не нравится ея мужъ.

— Я позволюсь ей отъ васъ, коли угодно, сказалъ Савелій, какъ бы угадывая намѣреніе своего слугивка.

— Ахъ, сделайте милость, сказалъ Эльчаниновъ, обрадованный этимъ вызовомъ, и скажите ей, что въ Москвѣ она лучше держала свое обещаніе.

— А развѣ она не сдержала какого нибудь обещанія?

— Да, вустяки, конечно: обещалась у предводителя танцевать со мною надрывъ и увхала.

— Ее, можетъ быть, мужъ увезъ.

— Очень можетъ быть. Сяжигте..

— Извольте.

— Только съ глазу на глазъ.

— Это для чего-съ?

— Потому что этотъ господинъ мужъ можетъ подумать Богъ знаетъ что.

— Такъ я лучше ничего не буду говорить, сказалъ, подумавши, Савелій.

— Нѣтъ, нѣтъ, Бога ради, скажите, проговорилъ Эльчаниновъ, немуганный мысляю, что не догадывается ли Савелій.

— А вамъ очень хочется? спросилъ тотъ.

— Очень...

— Да тутъ ничего такого нѣтъ?

— Рѣшительно ничего.

— Хорошо, скажу-съ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди подъѣхали къ Ярцову.

— Прощайте! сказалъ Савелій.

— Доброй ночи, проговорилъ Эльчаниновъ, протягивая къ нему руку, пріѣзжайте ко мнѣ: мы старые знакомые.

— Хорошо-съ, отвѣчалъ тотъ и поворотилъ лошадь къ своему флигелю, а Эльчаниновъ подъѣхалъ къ крыльцу дома Клеопатры Николаевны.

При входѣ въ гостиную, онъ увидѣлъ колоссальную фигуру Задоръ-Мановскаго, который, въ широкомъ сукожномъ спортулкѣ, сидѣлъ, развалившись въ креслахъ; не въ далекъ отъ нея на диванѣ сидѣла хозяйка. Но разстроенному виду и бознокойству въ безпечномъ, по обыкновенію, лицѣ Клеопатры Николаевны не трудно было догадаться, что она имѣла непріятный для нея разговоръ съ своимъ собесѣдникомъ: глаза ея были заплаканы. За-

дורך-Мановскій видно имѣлъ необыкновенную способность всахъ женщинъ заставлятъ плакать.

При появленіи Эльчанинова хозяйка издала восклицаніе:

— Боже мой! М-еиг Эльчаниновъ! сказала она:— такъ-то вы исполняете ваше обѣщаніе, прекрасно!

— Извините меня, началъ Эльчаниновъ, не кланяясь Задורך-Мановскому, которій въ свою очередь не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія. — Я не могъ пріѣхать, потому что былъ боленъ. Но, кажется, и вы чѣмъ-то разстроены?

— Ахъ, у меня горе, Валерьянъ Александровичъ, мой опекунъ померъ.

— Опекунъ? Зачѣмъ у васъ опекунъ?

— Опекунъ надъ имѣніемъ моей дочери; вы не знаете, съ какими это сопряжено хлопотами. Нужно имѣть другаго; вотъ Михайло Егорычъ, по своей добротѣ, принимаетъ ужь на себя эту трудную обязанность.

— Напротивъ, я полагаю, пріятную, возразилъ Эльчаниновъ.

— Можетъ быть это вамъ такъ кажется; для меня ни то, ни другое. Я назначенъ опекою, проговорилъ Задורך-Мановскій.

— Что жъ тутъ для васъ, Клеопатра Николаевна, за хлопоты, сказалъ Эльчаниновъ; все равно, кто бы не былъ.

Вдова вздохнула.

— Чѣмъ вы были больны? спросила она, помолчавъ.

— Я былъ болѣе разстроенъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Нельзя ли узнать, чѣмъ?

— Я полагаю, вы знаете.

Эльчаниновъ нарочно сталъ говорить намеками, чтобы досадить Мановскому, котораго онъ считалъ за обожателя вдовы.

— Нѣтъ, я не знаю, сказала вдова.

— Ну, такъ я вамъ скажу.

— Когда же?

— Когда будемъ вдвоемъ.

Задורך-Мановскій повернулся въ креслахъ.

— Позвольте мнѣ остаться у васъ ночевать, сказалъ Эльчаниновъ; я боюсь волковъ ночью вхатъ домой.

— Даже прошу васъ.

— Это не предсудительно по здѣшнимъ понятіямъ?

— Нисколько... А вы, Михайло Егорычъ?

— Ночую-съ, отвѣчалъ тотъ лаконически.

Разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ. Веселая и без-

вечная Клеопатра Николаевна была рѣшительно не въ духъ. Задоръ-Мановскій сидѣлъ, потупя голову. Эльчаниновъ придумывалъ средства, чѣмъ бы разбѣсить своего соперника: объ Аннѣ Павловнѣ... Увы!.. она не приходила ему въ голову и въ Задоръ-Мановскомъ онъ уже видѣлъ въ эту минуту не мужа ея, а искавшаго вдовы.

— Чѣмъ же вы занимались въ это время? спросила Клеопатра Николаевна.

— Думалъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— О чѣмъ?

— О томъ, что наши свѣрныя женщины любятъ какъ-то холодно и расчетливо. Онѣ никогда подъ вліяніемъ страсти не приносятъ ни одной жертвы, если только тысячи обстоятельствъ не натолкнутъ ихъ на то.

— Потому что свѣрныя женщины знаютъ, какъ мало цѣнятъ ихъ жертвы.

— Да потому жертвы мало и цѣнятся, что онѣ происходятъ не отъ страсти, а отъ случая.

— Я васъ не понимаю.

— Извольте, объясню подробнѣе, отвѣчалъ Эльчаниновъ: положимъ, что вы полюбили бы человѣка, принесли бы вы ему жертву, не пройдя этой обычной колѣи вздоховъ, страданій, объясненій и тому подобнаго, а просто, непосредственно отдались бы ему въ полное обладаніе.

— Но надобно знать этого человѣка, сказала вдова, нѣсколько покрасивши.

— Вы его знаете, какъ человѣка, а не знаете только, простите за рѣзкость выраженія, не знаете, какъ любовника.

Задоръ-Мановскій, наблюдавшій молчаніе, при этихъ словахъ посмотрѣлъ на вдову. Она потупилась и ничего не отвѣчала. Эльчанинову показалось, что она боится или, по-крайней-мѣрѣ, остерегается Мановскаго, и онъ съ упорствомъ сталъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ.

— Что жъ вы на это скажете? повторилъ онъ снова.

— Какой вы странный, начала Клеопатра Николаевна;— надобно знать, какой человѣкъ и какія жертвы; къ тому же я, ей-Богу, не могу судить, потому что никогда не бывала въ подобномъ положеніи.

«Она отыгрывается», подумалъ Эльчаниновъ.

— Жертвы обыкновенныя, началъ онъ; на примѣръ, рѣшиться

на тайное свиданіе, и пусть это будет сопряжено съ опасностью общественной огласки, потому что всегда и вездѣ есть перзаны, которые подсматриваютъ.

— Я не знаю, отвѣчала вдова; всего вѣроятнѣе, что не рѣшилась бы.

— Не угодно ли, Клеопатра Николаевна, повернуть ее милою описи, такъ какъ я завтра уѣду чѣмъ свѣтъ, сказалъ, вставая, Мановскій и вынулъ изъ кармана бумаги.

— Извольте, отвѣчала Клеопатра Николаевна. Извините меня, Валерьянъ Александровичъ, прибавила она, обращаясь ласково къ Эльчанинову:—я должна, по милости моихъ проклятыхъ дѣлъ, удалить нѣсколько минутъ Михайлу Егорычу. Они оба вышли.

Эльчаниновъ чуть не лопнулъ отъ досады и удивленія.

— Что это значитъ? подумалъ онъ; кажется, сегодня все женщины рѣшились предпочесть мнѣ другихъ: что она будетъ тамъ съ нимъ дѣлать? Ему стало досадно и грустно, и онъ также страдалъ отъ ревности ко вдовѣ, какъ за нѣсколько минутъ страдалъ, ревнуя Анну Павловну.

Черезъ полчаса вдова и Мановскій возвратились. Клеопатра Николаевна была въ окончательно разстроенномъ состояніи духа и молча сѣла на диванъ. Мановскій спокойно помѣстился на прежнемъ мѣстѣ.

Эльчаниновъ, не могшій подавить въ себѣ досады, не говорилъ ни слова. На столовыхъ часахъ пробило двѣнадцать. Вошелъ слуга и доложилъ, что ужинъ готовъ. Хозяйка и гости вышли въ залу и сѣли за столъ.

Эльчаниновъ рѣшился наговорить колкостей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Отъ чего вы, Клеопатра Николаевна, не выходите замужъ? спросилъ онъ.

— Женховъ нѣтъ, отвѣчала та.

— Помилуйте, возразилъ Эльчаниновъ, мало ли есть любезныхъ, милыхъ, красивыхъ и здоровыхъ помѣщиковъ!

— Вотъ, напримѣръ, самъ г-ль Эльчаниновъ, подхватилъ Мановскій.

— Я не считаю себя достойнымъ этой чести; вотъ, напримѣръ, вы, когда овдовѣете, это другое дѣло.

— Типунъ бы вамъ на языкъ, у меня жена еще не умираетъ, сказалъ Мановскій.

— Потому что вы видно бережете ее здоровье; это впрочем не въ тонъ русскихъ барь, замѣтилъ Эльчаниновъ.

— Да изъ боязни, чтобъ, овдовѣвъ, не перебить у васъ Клеопатры Николаевны.

— Господа! сказала она, вы, стараясь кольнуть другъ-друга, колете меня.

— Что жъ дѣлать, отвѣчалъ Эльчаниновъ, мы не можемъ при васъ и объ васъ говорить съ г-мъ Мановскимъ безъ колкостей; въ этомъ виноваты вы.

— Не знаю, какъ вы, а я съ вами говорю просто, проговорилъ Мановскій.

— Прекратите, Бога ради, господа, этотъ неприятный для меня разговоръ, сказала Клеопатра Николаевна.

— А мнѣ, кажется, онъ долженъ пріятно щекотать ваше самолюбіе. Вамъ принадлежать нравственно все, а вы—ни кому! возразилъ съ удареніемъ на послѣднія слова Эльчаниновъ.

Вдова не на шутку обидѣлась, но въ это время кончилась ужинъ.

— Покойной ночи, госюда! сказала она, вставая изъ-за стола, я васъ прошу переночевать вмѣстѣ, въ кабинетъ моего покойнаго мужа.

Эльчаниновъ очень хорошо замѣтилъ, что при этихъ словахъ Мановскій нахмурился. Оба они подошли къ рукъ хозяйки.

— Вы ужасный человекъ, я на васъ сердита, сказала она попотомъ Эльчанинову,

— Что для васъ значить этотъ человекъ? спросилъ онъ тихо.

— Многое!...

Вдова ушла.

Два гостя, оставшись на одинъ, ни слова не говорили между собою и молча вошли въ назначенный для нихъ кабинетъ. Задоръ-Мановскій тотчасъ раздѣлся и легъ на свою постель; Эльчанинову не хотѣлось еще спать и онъ, свѣвъ въ раздумьѣ, сталъ смотреть на своего товарища, который, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, лежалъ, зажмуривъ глаза, и тяжело дышалъ. Грубое лицо его, лежавшее на тонкой наволочкѣ подушки и освѣщенное слабымъ свѣтомъ одной свѣчи, казалось еще грубѣе. Огромная, красная рука, съ напряженными жилами, поддерживала голову; другая была свѣшена. Онъ показался Эльчанинову страшень и гадокъ. «Такъ этому-то морскому чудовищу, подумаешь онъ, принадлежитъ изящная и прекрасная Анна Павловна.

Когда я, мужчина, не могу безъ отвращенія смотреть на него, что же должна чувствовать она!» Ему хотѣлось убить Задорь-Мановскаго. «За чѣмъ это она повѣхала къ графу? Видно женщина, при всѣхъ несчастіяхъ, останется женщиной. Когда и какъ я ее увижу? Но отъ чего же мнѣ не прѣвхать къ нимъ? Съ мужемъ я уже знакомъ.»

Мановскій повернулся.

— А что, вы скоро свѣчу погасите? проговорилъ онъ.

— Вы, вѣрно, рано любите ложиться спать? спросилъ Эльчаниновъ.

— Гасите, пожалуйста, поскорѣе, сказалъ вмѣсто отвѣта Мановскій.

— Я еще не хочу спать, возразилъ Эльчаниновъ.

Задорь-Мановскій, не отвѣчая, повернулся къ стѣнѣ.

— Чорта съ два, познакомишься съ этимъ медвѣдемъ, подумалъ Эльчаниновъ и легъ, рѣшившись не гасить свѣчу, чтобы хоть этимъ досадить Мановскому. Изтерзанный душевнымъ волненіемъ, усталый физически, онъ задремалъ. Уже передъ нимъ начиналъ носиться образъ Анны Павловны, который, какъ бы незаметно принималъ наружность вдовы. Этотъ призракъ улыбался ему, манилъ его и потомъ съ громкимъ смѣхомъ отталкивалъ отъ себя. Голова его закружилась, сердце замерло, онъ чувствовалъ, что падаетъ въ какую-то пропасть и проснулся. Окинувъ глазами комнату, онъ увидѣлъ, что Задорь-Мановскій, вставшій въ одной рубашкѣ съ постели, брался за свѣчу.

— Что вы дѣлаете? спросилъ онъ.

Мановскій, не отвѣчая ни слова, погасилъ свѣчу и опять легъ на постель.

Эльчаниновъ видѣлъ необходимость повиноваться.

«Этакая скотина, думалъ онъ, и досада, и тоска не давали ему спать. Прошелъ уже цѣлый часъ въ мучительной бессонницѣ, какъ вдругъ ему послышалось, что товарищъ его начинаетъ приподниматься. Эльчаниновъ напрягъ вниманіе: Задорь-Мановскій дѣйствительно всталъ съ постели, тихими шагами подошелъ къ двери, отперъ ее и вышелъ, потомъ Эльчанинову послышалось, что замокъ въ дверяхъ щелкнулъ.»

— Что вы дѣлаете? воскликнулъ было онъ. Отвѣта не было. Эльчаниновъ всталъ съ постели и подошелъ къ двери: она была дѣйствительно заперта съ наружи. Что это значить? думалъ онъ и, рѣшившись, во что бы то ни стало, разгадать

загадку, подошелъ къ окну, которое было створчатое и отворилъ его. До земли было аршина три, следовательно выпрыгнуть было очень возможно. Одвѣвшись на скорую руку, Эльчаниновъ соскочилъ на землю и очутился въ саду. Ночь была темная. Почти ощупью пробрался онъ на главную аллею и вошелъ на балконъ, выходъ на который былъ изъ гостиной, гдѣ увидѣлъ свѣчку на столѣ, Клеопатру Николаевну, сидѣвшую на диванѣ, въ спальномъ капотѣ, и Мановскаго, который былъ въ халатъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Эльчаниновъ приложилъ ухо къ желѣзной форточкѣ въ нижнемъ стеклѣ и сталъ прислушиваться.

— Я васъ прошу объ одномъ, чтобы вы ушли, потому что онъ можетъ проснуться и придти сюда же, говорила Клеопатра Николаевна умоляющимъ голосомъ.

— Не придетъ: я его заперъ, отвѣчалъ Мановскій. А мнѣ надобно съ вами переговорить.

— Ну, говорите же, по-крайней-мѣрѣ, я васъ слушаю, отвѣчала Клеопатра Николаевна и кокетливо завернула въ платокъ.

Эльчанинову показалось отвратительнымъ это движеніе.

— А говорить то, что я изъ-за васъ въ петлю не полезу. Если вы ко мнѣ такъ, такъ и я къ вамъ такъ. Считать тоже умѣемъ. Свою седьмую часть вы давно продали. Всего семь сотъ рублей платятъ за дѣвушку въ институтъ. Прочіе доходы должны идти для приращенія дѣтскаго капитала, следовательно... говорилъ Мановскій.

— Это ужасно! воскликнула Клеопатра Николаевна, вслеснувъ руками.

Первымъ движеніемъ Эльчанинова было вступить за бѣдную женщину и для того войти въ гостиную и раскронить стуломъ голову ея мучителю. Съ такого рода намѣреніемъ онъ соскочилъ съ балкона, пробрался садомъ на крыльцо и вошелъ въ лакейскую, но тутъ мысли его пришли нѣсколько въ порядокъ и онъ остановился: вся сцена между хозяйкой и Мановскимъ показалась ему гадка. Подумавъ немного, онъ вынулъ изъ кармана ключекъ бумаги и написалъ: «Я все видѣлъ и могу только пожалѣть объ васъ, вамъ предстоитъ очень низко упасть. Удержитесь.» Разбудивъ потомъ лакея и велѣвъ ему отдать письмо барынѣ, когда она проснется, спросилъ себя лошадь, и черезъ четверть часа скакалъ уже по дорогѣ къ своей усадьбѣ.

IX.

Въ тоже самое воскресенье, въ которое по воле судебъ, моему герою назначено было испытать столько разнообразно-неприятныхъ ощущенийъ, графъ, начавшій ждать Анну Павловну еще съ десяти часовъ утра, ходилъ по своей огромной гостиной. Въ костюмъ его была замѣтна изысканность и претензія на молодость: на немъ былъ англійскаго тонкаго сукна, довольно коротенькій сюртучекъ; невъжливый и мягкій платокъ, замысловато завязанный, огибалъ его шею; двѣ бриліантовыя пуговицы застегивали батистовую рубашку съ хитрѣйшими складками. Жилетъ былъ изъ тонкаго индѣйскаго кашемиру; рѣдкіе волосы графа были слегка и такъ искусно подвиты, что какъ будто-бы они вилсь отъ природы. Пробыло двѣнадцать. Графъ болѣе и болѣе начиналъ ходить безокошными шагами, посматривая по временамъ въ окно.

Тихими шагами вошелъ Иванъ Александрычъ, съ ногъ до головы одѣтый въ новое платье, которое подарилъ ему Сапѣга, не могшій видѣть, по его словамъ, близъ себя человека въ такомъ запачканномъ фракѣ. Графъ молча кивнулъ племяннику головою и протянулъ руку, которую тотъ схватилъ обѣими руками и поцѣловалъ съ благоговѣніемъ. Улыбка презрѣнія промелькнула въ лицѣ Сапѣги, и онъ снова началъ ходить по комнатѣ; прошло еще четверть часа въ молчаніи. Графъ посмотрѣлъ въ окно.

— Что, если она не пріѣдетъ? сказалъ онъ, какъ бы про себя.

— Пріѣдетъ, ваше сіятельство, непременно пріѣдетъ, подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— А ты почему знаешь?

— А ужъ знаю, ваше сіятельство, непременно пріѣдетъ.

— Ничего ты не знаешь.

Въ это время вдали показалась шестерикомъ карета.

— А что, ваше сіятельство, это что? вскрикнулъ Иванъ Александрычъ, смотрѣвшій также внимательно на дорогу, какъ и самъ графъ.

— А что такое? спросилъ Сапѣга, какъ бы боясь обмануться.

— Это-съ карета Задоръ-Маиовскаго, вотъ и подсыдельная ихняя—я знаю.

— Будто? сказалъ графъ; глаза его заблестали радостью.

Поди, Иванъ , скажи , чтобы люди встрѣтили. Иванъ Александрычъ выбѣжалъ.

— Милочка моя, душечка, ахъ, какъ она хороша! глазки какіе! О, чудные глазки! говорилъ старикъ, потирая руки, и обыкновенно медленныя движенія его сдѣлались живѣе; онъ принялся было глядеться въ зеркало, но потомъ, какъ бы не могли сдержать въ себѣ чувства нетерпѣнія, вышелъ въ залу. Анна Павловна, одѣтая очень мило и къ лицу, была уже на половникъ залы.

— Милости просимъ, мой безцѣнная Анна Павловна, говорилъ старикъ, протягивая къ ней руки.

Матковская поклонилась.

— Ручку вашу, ручку... или нѣтъ, я старикъ, меня можно поцѣловать, поцѣлуйте меня!

— Извольте, графъ, отвѣчала съ улыбкою Анна Павловна.

Они поцѣловались. Графъ подѣ руку ввелъ ее въ гостиную. Иванъ Александрычъ остался въ залѣ (при гостяхъ онъ не смѣлъ входить въ гостиную). Въ этой же залѣ, у дверей къ офицантской, стояли три лакея въ голубыхъ гербовыхъ ливреяхъ.

— Иванъ Александрычъ, Иванъ Александрычъ! кто эта барыня? спросилъ одинъ изъ нихъ.

Иванъ Александрычъ ни слова не отвѣчалъ: онъ очень обижался, когда съ нимъ заговаривали графскіе лакеи.

— Иванъ Александрычъ! что вы сердиты, что ли? а еще старый пріятель, продолжалъ насмѣшникъ и лакеи захохотали.

Сконфуженный и разсерженный Иванъ Александрычъ глядѣлъ въ окно.

Между тѣмъ графъ усадилъ свою гостью на диванъ и самъ помѣстился рядомъ.

— Ахъ, солибъ вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждалъ, началъ онъ.

— Благодарю, графъ.

— И... только-то?

Молодая женщина ничего не отвѣчала.

— Я васъ очень люблю, продолжалъ старикъ, ближе подвигаясь къ Аннѣ Павловнѣ, дайте мнѣ еще поцѣловать вашу ручку: вы все что-то печальны, скажите мнѣ, любите ли вы вашего мужа?

Анна Павловна вонюкнула.

— Волкамъ женщины должна любить своего мужа, сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ откровенно, какъ другу вашего

отца, какъ человеку , который дорожить вашимъ счастьемъ и который готовъ сдѣлать для васъ все.

— Я люблю моего мужа , отвѣчала молодая женщина , не рѣшившаяся быть откровенной.

— Нѣтъ, вы не любите вашего мужа, возразилъ Сапѣга, внимательно смотря на свою гостью: — вы не можете любить его, потому что онъ самъ васъ не любитъ и не понимаетъ.

— Кто вамъ сказалъ это, графъ!

— Мои собственные наблюденія, милая Анна Павловна. Будьте со мною откровенны, признайтесь мнѣ, какъ бы вы признались вашему отцу, который, помните, любилъ меня когда-то. Скажите мнѣ, счастливы ли вы?

Анна Павловна начала колебаться: ей казалось, что графъ говорилъ искренно и слезы невольно навернулись на ея глазахъ.

— Я вижу, вы не любите мужа и онъ васъ не любитъ, продолжалъ графъ, едва скрывая внутреннее удовольствіе.

Анна Павловна не могла долѣе воздержаться и зарыдала.

— Бѣдная моя, говорилъ графъ, не плачьте, ради Бога, не плачьте. Я не могу видѣть вашихъ слезъ: чѣмъ бесполезно грустить, лучше обратиться къ вашимъ друзьямъ. Хотите ли, я разорву вашъ бракъ? выхлопочу вамъ разводъ, обезпечу ваше состояніе, если только вы нуждаетесь въ этомъ.

— Графъ, возразила молодая женщина, я должна и буду принадлежать моему мужу всегда.

Сапѣга увидѣлъ, что онъ слишкомъ далеко зашелъ.

— По-крайней-мѣрѣ позвольте мнѣ участвовать въ вашей судьбѣ, облегчать ваше горе, и за все это прошу у васъ ласки, не больше ласки: позвольте цѣловать мнѣ вашу ручку. Не правда ли, вы будете меня любить? Ахъ, если бы вы въ сотую долю любили меня, какъ я васъ! дайте мнѣ вашу ручку, и онъ почти силою взялъ ея руку, и началъ цѣловать.

Внутреннее волненіе графа было слишкомъ явно: глаза его горѣли, лице покрывалось красными пятнами, руки и ноги дрожали.

Анна Павловна замѣтила это и неудовольствіе промелькнуло по ея лицу. Она встала съ дивана и сѣла на кресло.

— О, не убѣгайте меня! говорилъ растерявшійся старикъ, протягивая къ ней руки, ласки... одной ничтожной ласки прошу у васъ. Позвольте мнѣ любить васъ, говорить вамъ о любви моей: я за это сдѣлаюсъ вашимъ рабомъ; ваша малѣйшая прихоть бу—

доть для меня закономъ. Хотите, я выведу вашего мужа въ почете, въ славу, я выставлю васъ на первый планъ петербургскаго общества: только позвольте мнѣ любить васъ.

Негодование и горестъ изобразились на кроткомъ лицѣ Анны Павловны.

— Умоляю васъ, графъ, не унижайте меня; я несчастлива и безъ того! сказала она, заливаясь слезами, и столько глубокихъ страданій, жалобъ и моленій, столько чистоты и непорочности сердца нослышалось въ этихъ словахъ, что Сапѣга, не смотря на свое увлеченіе, какъ бы невольно остановился.

Въ первый почти разъ женщина не гнѣвомъ и презрѣніемъ, а слезами просила его прекратить свои исканія, или, лучше сказать, въ первый еще разъ женщина отвергнула его, богатаго и знатнаго человѣка. Онъ рѣшился притвориться и ожидать отъ времени. Ее надобно пріучить къ мысли любить другаго, а не мужа, подумалъ онъ, а я ей не противенъ, это видно.

— Простите моему невольному увлеченію и останьтесь друзьями, сказалъ онъ, подходя къ Аннѣ Павловнѣ и подавая ей руку.

Во весь остальной день графъ не возобновлялъ перваго разговора; онъ просилъ Анну Павловну играть на фортепіанахъ, съ восторгомъ хвалилъ ея игру, показывалъ ей альбомы съ рисунками, водилъ въ свою картинную галерею, отбиралъ ей книги изъ библіотеки. Узнавши, что она любитъ цвѣты, онъ самъ повелъ ее въ оранжерею, самъ вязалъ для нея изъ лучшихъ цвѣтовъ букеты, однимъ словомъ сдѣлался внимательнымъ родственникомъ и больше ничего.

Часу въ шестомъ вечера Анна Павловна начала собираться домой. При прощаніи, графъ, какъ бы не могшій выдержать своей роли, долго и долго цѣловалъ ея руку, а потомъ почти умоляющимъ голосомъ просилъ дать ему прощальный поцѣлуй.

На этотъ разъ Анна Павловна исполнила его желаніе почти съ неудовольствіемъ. Провожая ее до крыльца, графъ взялъ съ нея честное слово пріѣхать къ нему чрезъ недѣлю и обѣщался самъ у нихъ быть послѣ перваго визита Задоръ-Мановскаго.

Анна Павловна уѣхала.

Графъ остался одинъ: наружное спокойствіе, которое онъ умѣлъ выдержать въ присутствіи Мановской, пропало.

— Что это значитъ, думалъ онъ, она не любитъ мужа—это видно, почему же она отвергаетъ и даже оскорбляется моими исканіями? я ей не противенъ, никакого чувства отвращенія я не за-

мѣтилъ въ ней, напротивъ! Если я круто повернулъ, и если только это дѣтская мораль, ребяческое предубѣжденіе, то оно должно пройти со временемъ. Да и что же можетъ быть другое? Ужь не любить ли она кого-нибудь?

На этой мысли графъ остановился.

— Отъ чего я не узналъ подумалъ онъ съ досадою, она начинала быть такъ откровенна. Но узнать ея любовь къ другому отъ нея самой, значить, потерять ее навсегда. Но отъ кого же узнать? Сосѣди... ихъ неловко спрашивать. Графъ вспомнилъ объ Иванѣ Александровичѣ и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Позвать Ивана Александрыча, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Не прошло секунды, Иванъ Александрычъ былъ уже въ гостиной. Онъ давно стоялъ у дверей и боялся только войти.

— Пойдемъ, Иванъ, въ кабинетъ, сказалъ графъ, уходя изъ гостиной. Оба родственника вошли въ знакомый уже намъ кабинетъ. Графъ сѣлъ на диванъ; Иванъ Александрычъ всталъ передъ нимъ, вытянувшись.

— Говори что-нибудь, Иванъ, произнесъ графъ.

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Напримѣръ, сплетни здѣшнія.

— Сплетни, ваше сіятельство?

— Да, сплетни: напримѣръ, что здѣсь говорятъ про эту даму, которая у меня была здѣсь сейчасъ?

— Что говорятъ, ваше сіятельство, да мало ли что говорятъ! Хвалятъ-съ, отвѣчалъ Иванъ Александрычъ, который, видя вниманіе, оказанное графомъ Мановской, счелъ за лучшее хвалить ее.

— За что же хвалятъ?

— За красоту, ваше сіятельство, отвѣчалъ племянникъ, припоминая, что графъ называлъ ее красавицей.

— А каково она живетъ съ мужемъ?

— Дѣла семейныя трудно судить, ваше сіятельство, кажется, что не очень согласно: въ прочемъ онъ-то...

— Онъ боровъ!

— Именно боровъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ, и засмѣялся, чтобъ угодить графу.

— Такъ стало быть она не любитъ мужа?

— Не любитъ, ваше сіятельство, будьте спокойны, не любить.

— А другаго кого нибудь не любитъ ли?

— Другаго-съ?

— Да, нѣтъ ли слуховъ?

— Слуховъ-то нѣтъ, ваше сіятельство! началъ Иванъ Александрычъ и остановился. Онъ вспомнилъ угрозы Эльчанинова.

— Ну, такъ что же, если слуховъ нѣтъ? повторилъ графъ.

— Слуховъ нѣтъ-съ, а я кой-что знаю, отвѣтилъ Иванъ Александрычъ. Онъ рѣшительно не въ состояніи былъ скрыть отъ графа узнанной имъ про Анну Павловну тайны, которою тотъ, какъ казалось ему, интересовался.

— Что же такое ты знаешь? спросилъ Сапѣга съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— А знаю, ваше сіятельство! только, Бога ради, не говорите, что отъ меня слышали.

— Не торгуйся, сказалъ нетерпѣливо графъ.

— Изволите припомнить, какъ вы изволили посылать меня въ Могилки, чтобы извѣстить о вашемъ пріездѣ?

— Ну!

— Вотъ я и пріѣзжаю. Спрашиваю: дома господа? Нѣтъ, говорятъ: баринъ ухалъ въ городъ, а барыня въ оржаномъ полѣ прогуливается. Ахъ, думаю, что дѣлать?.. Пометался по полю туда-сюда; однако, думаю: дай-ка, пойду къ Ланинской рошцѣ; тамъ грибы растутъ: не за грибами ли ушла Анна Павловна? Только подхожу къ опушкѣ, глядь, она какъ тутъ, да еще и не одна.

— Какъ не одна! съ кѣмъ же?

— Съ Валерьяномъ Александровичемъ Эльчаниновымъ.

— Кто такой Эльчанпповъ?

— Помѣщикъ-съ, молодой человекъ, образованный, умный. Ба, ба, думаю себя, вотъ оно что! Подхожу; переконфузилсь; на обвяхъ лица нѣтъ; однако ничего: поздоровались. Я передалъ приказаніе вашего сіятельства. Анна Павловна ничего ужъ и не понимаетъ! Иванъ Александровичъ, Валерьянъ Александровичъ! говорить и сама не знаетъ что.

— Ты не лжешь ли, Иванъ? спросилъ графъ.

— Скорѣе жизни себя лишу, чѣмъ солгу вашему сіятельству, отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Но, можетъ быть, онъ, какъ гость, пріѣхалъ, и они гуляли, спросилъ Сапѣга.

— Вотъ въ томъ-то и штука, ваше сіятельство, что съ мужемъ онъ не знакомъ. Послѣ, какъ поздоровались мы, пойдемте, говорить Анна-то Павловна, въ усадьбу, а Эльчаниновъ гово-

рить: прощайте, я не пойду! «Ну, прощайте!» говорить. Вотъ мы и пошли съ нею вдвоемъ. «Что это, говорю я, Валерьянъ Александрычъ не пошелъ въ усадьбу? Не хочетъ, говорить, не знакомъ съ мужемъ. А сама такъ и дрожить. Ну, я что жъ и не сталъ больше спрашивать; ѣду потомъ назадъ, гляжу: Валерьянъ Александровичъ дожидается и только что не всталъ передо мной на колѣни. «Вы, говорить, благородный человекъ, Иванъ Александрычъ! Не погубите насъ, не говорите никому!.. Люди мы молодые.» Что мнѣ, говорю, за дѣло, помилуйте. «Нѣтъ, говорить, побожитесь.» И я побожился. Да ужъ для вашего сѣятельства и божба ни почемъ: вамъ сказать, и Богъ простить!

Теперь для графа все было ясно: Анна Павловна отвергала его исканія потому, что любила другаго. Мысль эта, которая, можетъ быть, охлдила бы пылкаго юношу и заставила бы смѣренно отказаться отъ предмета любви своей, эта мысль еще болѣе раздражила избалованнаго старика: онъ далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, обладать Анною Павловною. Первое, что считалъ онъ нужнымъ сдѣлать, это прекратить всякое сношеніе молодой женщины съ ея любовникомъ: лучшимъ для этого средствомъ казалось ему возбудить ревность Мановскаго, котораго, видѣвъ одинъ разъ, онъ очень хорошо понялъ, какого сорту тотъ гусь, и потому очень вѣрно рассчитывалъ, что тотъ сразу поставитъ непреоборимую преграду къ свиданіямъ любовниковъ. Въ деревнѣ это возможно: молодой человекъ, послѣ тщетныхъ усилій, утомится, будетъ скучать; начнетъ искать развлеченій и, можетъ быть, даже увидѣтъ въ другое мѣсто. Анна Павловна будетъ еще хуже жить съ мужемъ; она будетъ нуждаться въ участіи, въ помощи; все это представитъ ей графъ; а тамъ... На что женщина не рѣшается въ горькомъ и безнадежномъ положеніи, когда будутъ предлагать ей, не только избавить отъ окружающаго ея зла, но откроютъ передъ нею перспективу удовольствій, богатства и всѣхъ благъ, которыя такъ чаруютъ молодость. Не удивляйтесь, читатель, тому отдаленному и не совсѣмъ честному плану, который такъ быстро построилъ въ головѣ своей графъ. Онъ не былъ въ сущности злой человекъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ сластолюбивыхъ стариковъ, для которыхъ женщины всё и которыя, тонко и вѣчно толкуя о красотѣ женской, имѣютъ въ то же время объ нихъ самое грубое и матеріальное понятіе. Но какъ дать знать мужу?

продолжалъ разсуждать графъ, самому сказать объ этомъ не прилично. Иванъ Александровичъ былъ избранъ для того.

— Послушай, Иванъ, сказалъ графъ, ты скверно поступаешь.

— Я, ваше сіятельство? спросилъ тотъ удивленный и нѣсколько испуганный.

— Да, ты, продолжалъ графъ, ты видѣлъ, что жена твоего сосѣда гибнетъ и не предуведомилъ мужа, чтобы тотъ могъ и себя, и ее спасти. Тебѣ слѣдуетъ сказать и сказать, какъ можно скорѣе Мановскому.

— Сказать!... Да что такое я скажу, ваше сіятельство?

— Что ты видѣлъ его жену на тайномъ свиданіи съ этимъ, какъ его?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не могу, вся ваша воля, не могу; меня тутъ же убьетъ Мановскій. Я знаю его: онъ шутить не любитъ!... Да и Эльчанниковъ ужь очень обидится!

— Ты страшный болванъ, сказалъ графъ сердито. За что же тебя убьетъ Мановскій? ты еще сдѣлалъ ему добро!... А другою не можетъ этого узнать: какъ онъ узнаетъ?

— Оно такъ, ваше сіятельство! Все-таки, сами посудите! Я человекъ маленький!... Меня всякій можетъ раздавить!... Да и то сказать, Богъ съ ними! Люди молодые... но божески, конечно, не слѣдуетъ, а по человѣчески...

— Поди же вонъ, сказалъ графъ, я не люблю мерзавцевъ, которые способствуютъ разврату.

Иванъ Александровичъ чуть не уналъ въ обморокъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, сказалъ онъ плачевнымъ голосомъ, я не къ тому говорю... Извольте, если вамъ угодно, я скажу.

— Давно бы такъ! сказалъ графъ болѣе ласковымъ голосомъ. Ты, по чувству чести, долженъ сказать, какъ дворянинъ, который не хочетъ видѣть безчестіе своего брата.

— Конечно, ваше сіятельство. Я такъ и скажу; скажу, какъ дворянинъ дворянину.

— Такъ и скажи! Ступай! но обо мнѣ чтобы и помину не было, я только такъ говорю.

— Какъ можно-съ!... Можно ли ваше сіятельство мѣшать въ эти дѣла?

— Ну, ступай!

Иванъ Александровичъ вышелъ изъ кабинета не съ такою воспѣшностію, какъ дѣлалъ это прежде, получая отъ графа ка-

кое-либо приказаніе. Въ первый разъ еще было тягостно ему порученіе дяди, въ первый разъ онъ почти готовъ былъ отказать отъ него: онъ безъ ужаса не могъ представить себя мину-ты, когда онъ будетъ рассказывать Мановскому; ему такъ и думалось, что тотъ съ первыхъ же словъ пришибетъ его намѣстъ.

X.

Теперь прошу читателя, вмѣстѣ со мною, перенестись на нѣсколько минутъ въ усадьбу Коровино, принадлежащую Эльчанинову, и посмотрѣть на домашнюю жизнь моего героя. Онъ жилъ въ большомъ, но очень ветхомъ домѣ, выстроенномъ еще его отцомъ. Гостиная этого дома, какъ и въ домѣ Задоръ-Мановскаго, была, по преимуществу, то мѣсто, гдѣ хозяинъ проводилъ свое время, когда бывалъ дома. Странный представляла видъ эта комната, съ-тѣхъ-поръ, какъ поселился въ ней молодой баринъ. Вмѣсто церемонности и чистоты, которыми обыкновенно отличаются гостиныя въ семейныхъ, помѣщпщпхъ домахъ, она представляла страшный беспорядокъ: на столѣ и на диванахъ валялись разныя книги, изъ которыхъ однѣ были раскрыты, другія совершенно лишены переплета. По большей части это были прошлогодніе журналы, переводныя сочиненія и нѣсколько французскихъ романовъ; большимъ почтеніемъ, казалось, пользовались: Шекспиръ въ переводѣ Кетчера и полныя сочиненія Гёте на нѣмецкомъ языкѣ. Они стояли на стоявшей въ углу этажеркѣ и даже были притиснуты мраморной дощечкой съ сидящею на ней собакой. На кругломъ столѣ стояла матовая лампа; на полу и на окнѣ были цѣлыя кучи табачнаго пепла и валялось нѣсколько недокуренныхъ сигаръ. На столѣ, подъ зеркаломъ, стоялъ очень хорошій мраморный бюстъ Валтера Скотта. За рамкою портрета отца былъ заткнутъ портретъ Щепкина. Рядомъ съ портретомъ матери висѣла гравюра какой-то полуобнаженной женщины. Словомъ, тутъ было все, что бываетъ обыкновенно въ грязныхъ и холодныхъ номерахъ, занимаемыхъ студентами.

Спустя четыре дня съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ Эльчаниновымъ, онъ, въ длинномъ, польскаго покроя, халатѣ, спдѣль, задумавшись на среднемъ диванѣ; на стулѣ близъ окна, помѣщался Савелій, который другой день ужъ гостилъ въ Коровинѣ. Молодые люди были почти друзья! Случилось это слѣдующимъ образомъ: на другой день, послѣ пріѣзда отъ

идовы, Эльчаниновъ проснулся часовъ въ 12-ть. Ему была страшная тоска и скука: онъ грустилъ по Аннѣ Павловнѣ. Забыть и ревность, и неисполненное обѣщаніе, онъ страстно желалъ ее видѣть. Ѣхать прямо не было никакой возможности. Задоръ-Мановскій, конечно, не пуститъ его и на крыльцо. Два раза онъ подъезжалъ къ Могилкамъ; два раза приходилъ на мѣсто свиданія; обходилъ кругомъ поле, но все было напрасно. Онъ не видалъ никого...

Грустный и растерзанный возвратился онъ домой. «Что мнѣ дѣлать, что мнѣ предпринять?» говорилъ онъ самъ съ собою; нельзя ли послать человека, но гдѣ и какъ лакей можетъ ее видѣть? Тутъ онъ вспомнилъ о порученіи, которое сдѣлалъ Савелью: можетъ быть онъ исполнилъ его, можетъ быть, онъ былъ и тамъ и что-нибудь ему скажетъ.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ къ Савелью письмо, которымъ приглашалъ его пріѣхать къ нему и посѣтить его больного. вмѣстѣ почти съ посланнымъ явился и Савелій. После первыхъ же привѣтствій, нетерпливый Эльчаниновъ спросилъ своего гостя: былъ ли онъ у Мановскаго?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ.

— А скоро ли думаете быть?

— Дня черезъ два.

— За чѣмъ же такъ долго?

— Я видѣлъ Михайла Егорыча. Онъ велѣлъ мнѣ послѣ завтра побывать у него.

Еще два дня, страшные, мучительные два дня долженъ былъ дожидаться Эльчаниновъ, одинъ, въ скукѣ; въ гости ѣхать онъ никуда не могъ:

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе? сказалъ онъ, обращаясь къ своему гостю?

— Какое?

— Пробудьте эти два дня у меня.

— Работа у насъ теперь спѣшная: сѣнокосъ-съ.

— Я къ вамъ пошлю двухъ-трехъ мужиковъ, сколько вы хотите, сказалъ Эльчаниновъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Савелій, и остался.

Молодые люди начали разговаривать. Эльчаниновъ много говорилъ о женщинахъ, объ обязанностяхъ человека, объ различіи состояній, о правахъ состояній, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, о чемъ говорятъ современная молодежь. Савелій слушалъ

со вниманіемъ и только изрѣдка дѣлалъ небольшія замѣчанія и, странное дѣло, при каждомъ изъ этихъ замѣчаній, сказанныя простымъ и необразованнымъ человѣкомъ, Эльчаниновъ сбивался съ толку, мѣшался, и принужденъ былъ иногда перемѣнять предметъ разговора. Результатомъ этой бесѣды было то, что Эльчаниновъ началъ съ полнымъ уваженіемъ смотрѣть на Савелья. Онъ видѣлъ въ немъ очень умнаго человѣка. Цѣлый день друзья проговорили безъ умолку. Ночью Эльчанинову пришло въ голову попросить Савелья передать Аннѣ Павловнѣ письмо. Съ этою мыслию онъ проснулся часу въ девятомъ. Савелій, привыкши рано вставать, давно уже сидѣлъ, одѣвшись, у окна.

— Вы поздно встаете, сказалъ онъ хозяину.

— Привычка, отвѣчалъ Эльчаниновъ, впрочемъ я вчера долго не спалъ. Мнѣ было грустно.

— О чемъ?

— Я много имѣю причинъ грустить.

Савелій молча смотрѣлъ на него.

— Напримѣръ, мнѣ теперь ужасно хочется видѣться съ одною женщиною, продолжалъ Эльчаниновъ, и я не имѣю на это никакихъ средствъ.

— Что же вамъ мѣшаетъ?

— Что, обыкновенно, мѣшаетъ въ этихъ случаяхъ... мужъ!...

Савелій улыбнулся.

— Вы говорите про Анну Павловну? проговорилъ онъ.

— Однако вы догадливѣе, нежели я думалъ, сказалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся окончательно посвятить въ свою тайну Савелья, въ благородство котораго онъ уже вѣрилъ.

— Да не трудно и догадаться, сказалъ тотъ.

— Я надѣюсь, сказалъ Эльчаниновъ, пожимая руку новому повѣренному.

Савелій ничего не отвѣчалъ. Въ лицѣ его видно было какое-то странное выраженіе.

— Я васъ хотѣлъ попросить, Савелій Никандровичъ, началъ Эльчаниновъ, съ небольшимъ волненіемъ, не передадите ли вы отъ меня письмо Аннѣ Павловнѣ?

Удивленіе изобразилось въ лицѣ Савелья.

— Письмо! сказалъ онъ... Развѣ вы переписываетесь?

— Я зналъ ее еще въ Москвѣ и тамъ уже любилъ ее. Шесть лѣтъ, какъ я люблю ее одну, шесть лѣтъ, какъ для меня не существуетъ другой женщины!

— Отъ чего же вы не женились на ней?

— Насъ разлучили!... И притомъ же она была дочь богатаго чловѣка!

— А можетъ, она и пошла бы за васъ?

— Можетъ быть, но дѣло въ томъ, что насъ разлучили совершенно нечаянно: отецъ ея почти въ одинъ день собрался и уѣхалъ въ свое имѣніе.

— Отъ чего же вы за ними не поѣхали?

— Я не зналъ, куда они уѣхали.

— А развѣ этого нельзя было узнать?

Эльчаниновъ смѣшался.

— Я и самъ не знаю, какъ это случилось, началъ онъ, поправившись; но только мы потеряли другъ друга изъ виду. Три года прожилъ я въ адскихъ мученіяхъ, какъ вдругъ услышалъ, что она здѣсь; бросилъ все, бросилъ службу, все надежды на будущность и пріѣхалъ сюда, чтобъ только жить близъ этой женщины, видѣться съ нею; но и на этотъ разъ удачи нѣтъ. Маленькая неприятность, которую я имѣлъ недавно съ ея мужемъ; не позволяетъ быть у нихъ въ домѣ. Переписка осталась единственнымъ утѣшеніемъ, но и та, безъ вашей помощи, не возможна. Не откажитесь, добрый другъ, сдѣлать чловѣка счастливымъ, дайте возможность хоть нѣсколько вознаградить мои страданія. Вы себя представить не можете, какъ это ужасно! Желать!... стремиться!...

Эльчаниновъ вздохнулъ. Савелій слушалъ его очень внимательно.

— А Анна Павловна васъ любитъ? спросилъ онъ.

— Это очень щекотливый вопросъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ; впрочемъ я вамъ скажу: она любитъ меня.

— Она очень несчастлива въ замужествѣ! сказалъ Савелій.

— Знаю, отвѣчалъ мрачно Эльчаниновъ. Я готовъ былъ почти убить этого господина, но что изъ этого, какая можетъ быть польза! Скажите лучше, другъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Извольте! отвѣчалъ Савелій.

Эльчаниновъ бросился его обнимать.

Весь остальной день пріятели только и говорили, что объ Аннѣ Павловнѣ, или лучше сказать, Эльчаниновъ одинъ безпрестанно говорилъ объ ней: онъ описывалъ рѣдкія качества ея сердца; превозносилъ ея умъ, ея образованіе и, всякой почти разъ, приходилъ въ ожесточеніе, когда вспоминалъ, какому она

принадлежить тирану. Ночью онъ изготавилъ къ ней письмо такого содержанія:

«Богъ вамъ судья, что вы не исполнили обѣщанія. Боюсь отыскивать тому причины и заставляю себя думать, что вы не могли поступить иначе.—Безнадежность увидѣться съ вами заставляетъ меня рисковать: письмо это посылаю съ С... Н....; онъ добрый и благородный человекъ, въ глубокомъ значеніи этого слова. Чтобы не умереть отъ грусти, я долженъ съ вами видѣться. Если пройдетъ нѣсколько дней и я не увижусь съ вами, не ручаюсь, что со мной будетъ... Я не застрѣлюсь... Нѣтъ! Я просто умру съ печалю... Прощайте, до свиданья.»

Савелій ушелъ по утру, обѣщаясь въ тотъ же день принести Эльчанинову отвѣтъ.

XI.

Въ Могилкахъ между тѣмъ шло по-видимому прежнимъ порядкомъ. Задоръ-Мановскій только-что пріѣхалъ изъ города. Анна Павловна не такъ хорошо себя чувствовала и почти лежала въ постели. Приѣмъ графа сдѣлалъ на нее самое непріятное впечатлѣніе. Оскорбленная его обращеніемъ, она едва въ состояніи была скрыть непріятное чувство, которое началъ внушать ей этотъ человекъ, и свободно вздохнула тогда только, какъ выѣхала отъ него и очутилась одна въ своей каретѣ; а потомъ мысли ея снова устремились къ постоянному предмету мечтаній—къ Эльчанинову, къ честному, доброму и благородному Эльчанинову. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, не перемѣнивъ даже платья, пошла она къ Лачинской роцѣ, въ нетерпѣніи скорѣе узнать, взялъ ли онъ письмо и нѣтъ ли еще его тамъ, потому что было всего восемь часов-вечера, но никого не нашла. Со вниманіемъ начала она осматривать то мѣсто дерева, гдѣ положена была записка—тамъ ее не было. На сердцѣ Анны Павловны начинало становиться легче, но вдругъ она замѣтила что-то бѣлое, лежавшее на днѣ тресины и съ помощію шпильки вытщила бумажку. — Это была ея записка. Всѣ надежды рушились: она не будетъ его видѣть завтра, можетъ быть, никогда. Онъ разсердился и оставилъ ее одну, опять одну, среди ея мукъ, въ то время, когда ей угрожаетъ еще новая опасность отъ графа. Непомня почти себя, она возвратилась домой и бросилась на кровать. Тысяча средствъ было придумано, чтобы извѣстить Эльчанинова, но ни одно не было возможно, и такимъ образомъ прошли три страшные, мучи-

темные дня: отъ Эльчанинова не было ни вѣсточки. Въ припадкѣ иступленія, Анна Павловна рѣшилась идти пѣшкомъ въ усадьбу его, которая, она слыхала, въ десяти всего верстахъ; идти туда, чтобы только видѣться съ нимъ и выпросить у него прощеніе въ невольномъ проступкѣ, и, вѣроятно бы, рѣшилась на это; но пріѣхалъ мужъ, и то сдѣлалось невозможно. Сама не зная, что дѣлать, бѣдная женщина притворилась больной и легла въ постель. Михайло Егорычъ возвратился на этотъ разъ въ болѣе, казалось, добромъ и вселомъ расположеніи духа, нежеле обикновенно. Узнавши о болѣзни жены, онъ вошелъ въ ея спальню и, чего еще никогда не бывало, довольно ласково спросилъ, чѣмъ именно она больна, и потомъ даже посовѣтовалъ ей обтереться виномъ съ перцомъ, единственнымъ лекарствомъ, которымъ онъ самъ пользовался и въ цѣлительную силу котораго вѣрилъ.

— Ужь не сіятельныя ли любезности уложили тебя въ постель? сказалъ онъ шутя.

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

Постоявъ еще немного въ спальнѣ, Мановскій вышелъ, отобѣдалъ и потомъ, вытянувшись на диванъ въ гостиной и подложивъ подъ голову жесткую кожаную подушку, началъ дремать; по шумъ мужскихъ шаговъ въ залъ заставилъ его проснуться.

Это былъ Савелій:

— Здорово, братъ, сказалъ хозяинъ, не поднимаясь съ дивана и протягивая свою огромную руку гостю.

Мановскій обходился съ Савельемъ ласково, потому что часто нуждался въ немъ по хозяйству.

— Здравствуйте, отвѣчалъ тотъ, садясь на ближайшее кресло.

— Что скажешь новенькаго?

— Вы говорили мнѣ побывать у васъ.

— Да, похмисти, братъ, у меня на мельницѣ, чортъ ее знаетъ, что сдѣлалось: не промалываетъ. Мой-то дурачье никакъ въ толкъ взять не могутъ.

— Камни плохи.

— Новые: съ полгода, какъ купилъ. Посмотри, пожалуйста, сегодня некогда, а завтра.

— Мнѣ до завтра нельзя остаться.

— Ну, полно, Савелій, погости, братецъ; скажи-ка лучше, здорова ли сосѣдка твоя Клеопатра Николаевна!

— Я ее не видалъ. А ваша Анна Павловна?

— Больна, братецъ, должно быть простудилась. Хлялая она въдь такая.

— И очень больна? спросилъ Савелій.

— Да, лежить.

— Увижу ли я ее, подумалъ Савелій, придется ночевать. Авось утромъ выйдетъ.

— Кто тамъ? закричалъ Мановскій, услышавши небольшой шумъ.

Вмѣсто отвѣта въ комнату вошелъ Иванъ Александрычъ, блѣдный, на цыпочкахъ, какъ бы удерживая дыханіе.

— А, ваше сіятельство! сказалъ хозяинъ; прошу покорнѣйше пожаловать: сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Мановскій былъ въ очень добромъ расположеніи духа.

Но Иванъ Александрычъ вмѣсто отвѣта только кланялся.

— Что это вы такіе пересовращенные? Ужь не ухалъ ли вашъ дядюшка?

— Никакъ нѣтъ-съ. Его сіятельство еще долго проживуть.

— Благодареніе Господу!... Садитесь, батюшка Иванъ Александрычъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Раскажите-ко намъ, что подѣлываетъ вашъ сіятельнѣйшій дядюшка, каково поживаетъ, каково кушаетъ?

— То-сѣтъ каково здоровье его сіятельства?

— Да, хоть каково здоровье.

— Очень хорошо-съ.

— Благодареніе Господу! Да сохранитъ Онъ его на долгіе дни!

Иванъ Александровичъ перемѣнился.

— Я имѣю вамъ, Михайло Егорычъ, нѣчто сказать, проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Миѣ?... А что бы такое?...

— Я могу сказать только одинъ на одинъ.

— Странно!... Ужь не хотите ли у меня для дядюшки попросить денегъ въ займы. Впередъ говорю: не дамъ.

— У его сіятельства у самихъ денегъ цѣлыя горы.

— Такъ чтобы такое это было?

— При людяхъ не могу, Михайло Егорычъ, ей-Богу, не могу...

— При людяхъ не можете... дѣлать нечего... выдь, братъ Савелій, пройди къ женѣ въ спальню, знаешь гдѣ?

— Знаю, сказала Савелій, обрадованный случасемъ повидать-ся съ Анною Павловною и вышелъ.

— Ну, говорите, сказала Мановскій.

Иванъ Александровичъ медилъ, лицо его было блѣдно, руки и ноги дрожали.

— Да что это съ вами? спросилъ Задоръ-Мановскій, видя смущеніе его.

— Михайло Егорычъ, началъ наконецъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Александровичъ, я дворянинъ не богатый, но дворянинъ, повиннаете, въ душъ дворянинъ!

— Чортъ васъ знаетъ, что у васъ тамъ въ душъ? сказалъ Мановскій, котораго начинали бѣсить загадочныя рѣчи сосѣда.

— Въ душъ у меня сердце, Михайло Егорычъ, продолжалъ тотъ: я дворянинъ... мнѣ горько, когда другаго дворянина обижаютъ.

— Что за околица, дворянинъ, дворянина обижаютъ!.. да что вы такое городите?

— Михайло Егорычъ! вы не знаете, а васъ обижаютъ.

— Меня обижаютъ? Кто меня обижаетъ!

— Валерьянъ Александровичъ Эльчаниновъ, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— Эльчаниновъ... да вамъ кой чортъ на беретъ это написалъ, сказалъ, покраснѣвши, Мановскій, думая, что Иванъ Александровичъ хочетъ говорить про происшествіе у вдовы.

— Я самъ видѣлъ, Михайло Егорычъ.

— Сами видѣли... да гдѣ же и что вы видѣли?

— Видѣлъ ихъ вмѣстѣ.

— Гдѣ вмѣстѣ?

— Здѣсь, въ полѣ, и, кажется, цѣловались.

При послѣднихъ словахъ досада и безпокойство показали на лицъ Мановскаго.

— Да по кой чортъ въ полѣ — то они сюда зашли? спросилъ онъ.

— Видно такъ согласились, я ихъ нашелъ вдвоемъ и послѣ съ ней пришелъ сюда въ Могилки.

— Сюда? да сюда за чѣмъ же?

— Она меня пригласила къ себѣ.

— Ну такъ вы бы къ ней и шли.

— Я и пришелъ къ нимъ.

— Какъ пришелъ къ нимъ? да вѣдь кто васъ пригласилъ?

— Анна Павловна-съ....

— Жена моя? произнесъ Мановскій.

— Супруга ваша-съ, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— Да се-то гдѣ вы видѣли?

— Я вамъ докладывалъ, что я ихъ видѣлъ въ полѣ съ Валерьяномъ Александровичемъ.

— Такъ это жена моя была, ты ее видѣлъ съ Эльчаниновымъ? началъ глухимъ голосомъ Мановскій, приподнимаясь съ дивана — и глаза его наплелись кровью, и страшно взглянули на Ивана Александровича, который ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ на стулѣ и не могъ даже ничего отвѣчать.

— А, милостивая государыня, сказалъ Мановскій, переломивши первое движеніе гнѣва, — такъ вотъ ты чѣмъ больна. Эй! закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Пошли сюда барыню, сейчасъ же, сію секунду.

Иванъ Александровичъ поднялся со стула.

— Прощайте, Михайло Егоровичъ, проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Сидите, вы мнѣ нужны, сказалъ Мановскій повелительнымъ голосомъ.

Иванъ Александровичъ сѣлъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ гостиную вошла Анна Павловна, съ довольно веселымъ лицомъ. Она сейчасъ получила письмо отъ Эльчанинова. Вслѣдъ за ней вошелъ Савелій.

— Поди сюда ближе, сказалъ Мановскій. Этотъ человекъ, продолжалъ онъ, указывая на Ивана Александровича, говоритъ, что видѣлъ тебя съ любовникомъ въ здѣшнемъ полѣ... уличи его, что онъ лжетъ.

Смертная блѣдность покрыла лицо бѣдной женщины; дыханіе остановилось у ней въ груди.

— Вы, Иванъ Александровичъ, начала она, но голосъ ея прервался.

— Говорять тебя, оправдывайся или я тебя убью! заревѣлъ Мановскій, и схватилъ ее одною рукою за воротъ капота, а другою замахнулся. Въ первый еще разъ поднималъ онъ на жену руку. Негодованіе и какое-то отчаяніе отразилось на блѣдномъ ея лицѣ.

— Онъ не лжетъ, я люблю того человека и ненавижу васъ! вскричала она почти безумнымъ голосомъ, и въ ту же минуту

раздался сильный звук удара по гостиной. Анна Павловна, какъ пласть, упала на полъ. Мановскій вскочилъ и, приподнявъ свою громадную ногу, хотѣлъ, кажется, съ разу придавить ее; но Савелій успѣлъ несчастную жертву схватить и вытащить изъ гостиной. Она почти не дышала.

— А! ревѣлъ Мановскій, такъ это такъ-то!... и обратился было къ Ивану Александровичу, но тотъ ужь скрылся и, что есть силы, гналъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ Каменку.

— Люди, произнесъ Мановскій, какъ бы обезпамятѣвъ отъ гнѣва и садясь на диванъ.

Въ комнату вошелъ блѣдный лакей.

— Сейчасъ выгнать ее изъ дома моего, сказалъ онъ, какимъ-то страшно-спокойнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ показался Савелій.

— Михайло Егоровичъ, вспомните что вы дѣлаете, сказалъ онъ; куда пойдеть Анна Павловна?

— Къ чорту! Пускай идетъ къ любовнику.

— Богъ васъ накажетъ, Михайло Егорычъ, вы и себя, и ее губите.

Мановскій не отвѣчалъ.

— Малой! крикнулъ онъ.

Въ комнату явился прежній лакей.

— Выгнали ли?

— Барыня лежатъ въ обморокъ, произнесъ робко лакей.

— Вытащить ее на рукахъ! проревѣлъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ! произнесъ Савелій.

— Убирайтесь къ чорту! продолжалъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ! я на васъ донесу предводителю.

— Хо, хо, хо! Ахъ ты лапотникъ! Пошелъ вонъ.

— Вспомните, Михайло Егорычъ, Бога! Не раскайтесь! сказалъ Савелій и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ страшная сцена совершилась на Могильскомъ дворѣ. Двое лакеевъ несли безчувственную Анну Павловну на рукахъ, сзади ихъ шелъ мальчикъ съ чемоданомъ. Дворовыя женщины и даже мужики, стоя за углами своихъ избъ, на взрыдъ плакали, провожая барыню. Мановскій стоялъ на крыльцѣ; на лицѣ его видна была безчувственная холодность. Мщеніе его было удовлетворено. Онъ зналъ, что обрекалъ жену или на нищету, или на позоръ. Между тѣмъ

двое слугъ, несшихъ Анну Павловну, прошли Могильское поле и остановились.

— Ужь не умерла ли она?

— Боюсь, Сеня, дальше-то идти; положимъ здѣсь, авось опомнится и добредеть куда-нибудь...

— Да, только бы опомнилась.

— Ну, такъ класть, что ли? Лучше ночью можно сбгать сюда.

Въ это время отъ опушки лѣса вышелъ Савелій.

— Оставьте, братцы, ее, сказалъ онъ:— какъ опомнится, я доведу ее куда-нибудь.

— Доведите, Савелій Никандровичъ, сказали лакеи, мы ужъ въ той надеждѣ будемъ.

И они сложили свою ношу. Мальчикъ положилъ возлѣ небольшой чемоданъ.

— Прощайте, матушка Анна Павловна, сказалъ Сенька, дѣлая безчувственную руку госпожи.

Всѣ они отправились въ обратный путь. Савелій одинъ остался съ Анной Павловной. Что было ему дѣлать? Куда отвести? Къ кому-нибудь изъ сосѣдей? Онъ зналъ, что всѣ ее не любятъ и не дадутъ прибѣжища, тѣмъ болѣе, когда узнаютъ причину ея изгнанія. Къ Эльчанинову? Но это было.... Онъ холостой человѣкъ, онъ любовникъ ея: скажутъ, что она убѣжала къ нему. Къ себѣ? Не все ли это равно, что къ Эльчанинову. Отвести ее къ графу и просить его покровительства и защиты? Это казалось ему всего лучше. А что скажетъ Эльчаниновъ? Да и куда захочетъ она сама?

Размышленія его были прерваны стономъ, вырвавшимся изъ груди Анны Павловны. Она опомнилась и приподнялась съ земли.

— Гдѣ я? проговорила страдальница, обводя вокругъ себя мутнымъ взоромъ.

— Здѣсь, со мной, Анна Павловна, сказалъ Савелій.

— Здѣсь.... Гдѣ здѣсь? Мнѣ помнится, онъ кричалъ на меня, онъ хотѣлъ убить меня.

— Это такъ, Анна Павловна, говорилъ Савелій; на глазахъ его навернулись слезы. Успокойтесь, вамъ теперь лучше. Пойдемте.

— Идти, — куда? Домой?

Савелій ничего не отвѣчалъ.

— Куда же мы пойдемъ? Я не пойду домой. Мнѣ страшно.

— Мы не пойдѣмъ въ Могилки, отвѣчалъ Савелій.

— Куда же идти?

— Мы пойдѣмъ.... куда вы захотите.

— Погодите.... Я понимаю.... мужъ меня выгналъ, онъ не убилъ меня, а только выгналъ, и за что? за то, что я сказала, что люблю этого чловѣка... Что же? Ведите меня къ нему. Я хочу его видѣть, хочу рассказать ему, какъ меня выгналъ мужъ за него. Ведите меня, я давно его не видала, я обманула его.

— Но, Анна Павловна, какъ же, это неприлично! возразилъ было Савелій.

— Ведите меня къ нему: у меня никого кромъ его нѣтъ! Бога ради, ведите! воскликнула бѣдная женщина, почти вставая передъ Савельемъ на колѣни.

— Ну, суди меня Богъ, проговорилъ онъ, махнувъ рукою, и потомъ поднялъ ее и почти на рукахъ понесъ въ Коровино къ Эльчанинову.

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Изъ Шиллера.)

Силы творческой создавья
Силой злой завоеванья
Съ бою взялъ суровый Галль
И, какъ брашныя трофеи,
Гордо выставилъ въ музей
На показъ средь пышныхъ залъ.
Но средь суетной столицы
Олимпійцевъ гордыхъ лица
Не прывѣтливо глядятъ
И толпъ не посвященной
Тайны творчества священной
Выдать взоромъ не хотять!

В. АЛМАЗОВЪ..

БОСОНОЖКА.

Новѣсть Ауэрбаха.

Часть первая.

I.

Дѣти стучатся у дверей.

Раннимъ утромъ, по осеннему туману, идутъ двое дѣтей лѣтъ шести-семи, идутъ рука объ руку по расчищенной лѣсной дорожкѣ къ деревнѣ. Дѣвочка замѣтно старше, у нея подъ мышкой асианная доска, книги и тетради; у мальчика школьныя принадлежности въ сумкѣ изъ суроваго холста, надѣтой черезъ плечо. На дѣвочкѣ бѣлый коленкорový чепецъ, опускающійся на самыя брови; отъ этого выпуклый лобъ ея кажется еще выпуклѣе; а мальчикъ безъ шапки. Только и слышны его шаги, потому что на немъ грубыя башмаки; дѣвочка идетъ босая. Когда дорога достаточно широка, дѣти идутъ рядомъ, но лишь только кустарникъ становится слишкомъ частъ, дѣвочка идетъ впередъ.

Бѣлымъ туманъ покрываетъ поблеклую зелень кустовъ; брусника, верескъ и особенно высоко-торчащія на голыхъ стебляхъ шишки иголки кажутся высеребранными. Въ кустахъ чирикаютъ воробьи; они вспархиваютъ безпокойными кучами, слышны приближеніе дѣтей, и слова садятся неподалеку отъ нихъ,

пока не приходится имъ опять вспорхнуть; наконецъ бросаются они куда-нибудь въ садъ, и спускаются тамъ на яблоню, и съ яблони шумно осыпаются листья. Сорока быстро слетаетъ съ дороги, и удаляется на большую дикую грушу, гдѣ молча сидятъ вороны; сорока, должно быть, сообщила имъ что-нибудь, потому что вороны поднимаются, кружатся надъ деревомъ, и старшая изъ нихъ опускается на качающуюся верхушку, а другія выбираютъ на нижнихъ сучкахъ удобныя мѣста для наблюдения; имъ хочется знать, зачѣмъ дѣти съ школьными принадлежностями идутъ обратной дорогой къ деревнѣ; да, одна ворона лазутчикомъ летитъ впередъ, и садится у пруда на срубленную иву. Дѣти же молча идутъ своей дорогой до пруда; тутъ у прибрежныхъ ольхъ они выходятъ на большую дорогу и пробираются къ маленькому домику, что стоитъ по ту сторону ея. Двери дома затворены, и дѣти стоятъ у дверей и тихо стучатся. Дѣвочка смѣло кричитъ: «Батюшка! матушка!» Мальчикъ боязливо повторяетъ за ней: «Батюшка! матушка!» Дѣвочка беретъ за занавѣвѣвшій звонокъ и тихо дергаетъ его; доски дверей скрипнули; она прислушивается — ничего не слышно; и она опять начинаетъ дергать звонокъ, дергаетъ очень сильно, но звукъ колокольчика замираетъ въ пустыхъ сѣняхъ, и никакой голосъ человѣческой ему не отвѣчаетъ; а мальчикъ кричитъ въ дверь, приложивъ ротъ къ щелкѣ: «батюшка! матушка!» Онъ вопросительно взглядываетъ на сестру, и когда опускаетъ глаза, видитъ, что дыханіе его уже замерзло на двери.

Изъ окутанной туманомъ деревни доносится мзрнѣй стукъ молотбы: то быстрой и частой дробью, то тяжело и лѣниво стучать цѣпы; звукъ то рвзокъ, то глухъ; вотъ слышатся одинокіе удары, а вотъ и опять посыпались они шумнымъ градомъ. Дѣти стоятъ словно потерянные. Наконецъ они перестаютъ стучать и кричать, и садятся на выкопанные пни. Пни лежатъ кучей вокругъ ствола рябины, стоящей подлѣ дома и красующійся гроздьями красныхъ ягодъ. Взоръ дѣтей все еще обращенъ на дверь, но дверь остается затворенною.

— Батюшка добылъ ихъ въ моховомъ болотѣ, говоритъ дѣвочка, указывая на пни, и прибавляетъ съ умнымъ, не по лѣтамъ, выраженіемъ: — они славно грѣютъ, въ нихъ много смолы; горятъ что твои восковыя свѣчки; а главное — за рубку ихъ хорошо платятъ.

— Если бы я былъ большой, отвѣчалъ мальчикъ: — я взялъ

бы большой батюшкинъ топоръ и буковую колотушку, да два желѣзныхъ клина, да ясневый, и все бы перерубилъ въ лѣсу; то-то бы славную высокую кучу навалилъ — точь-въ-точь какъ въ лѣсу у угольщика Матеса; и какъ бы обрадовался батюшка, воротившись! Смотри, не смѣй говорить ему, кто это сдѣлалъ.

Такъ заключилъ мальчикъ, обращаясь къ сестрѣ, и грозилъ ей пальцемъ. У дѣвочки же начинало появляться смутное безпокойство: ожиданіе отца и матери казалось ей не совсѣмъ вѣрно, она почти печально оглядѣла мальчика, и когда взглядъ ея остановился на башмакахъ брата, она сказала:

— Тогда тебѣ надо будетъ надѣть батюшкины саногы. Но, пойдѣмъ, станемъ бросать на воду камешки. Вотъ увидишь, что я брошу дальше.

Дорогой дѣвочка сказала:

— Я тебѣ задамъ загадку: «какое дерево грѣеть, хоть имъ и не топятъ печки?»

— Ливѣйка учителя, когда бьютъ ею по рукамъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Нѣтъ, не то; дерево, которое колятъ, грѣеть безъ огня. И остановившись у куста, она спросила:

— А это что? сидитъ на палочкѣ, въ красной рубашечкѣ, брюшко сыто, камнями набито?

Мальчикъ серьезно задумался и воскликнулъ:

— Постой, не говори мнѣ, что это такое... Ахъ! это шишка шиповника.

Дѣвочка одобрительно кивнула головой и сдѣлала видъ, какъ будто задала ему эту загадку въ первый разъ, между тѣмъ какъ это случалось очень часто, и она повторяла загадку, чтобы потѣшить братишку.

Когда дѣти подходили къ пруду, чтобы плоскими камешками дѣлать на водѣ круги, солнце уже разсѣяло туманъ, и маленькая долина показалась въ яркомъ великолѣпнѣ. Мимоходомъ дѣвочка еще разъ дернула за звонокъ домика, но дверь не отворилась и въ окнахъ никто не показывался. Вскорѣ дѣти съ крикомъ и хохотомъ играли у пруда, и дѣвочка казалась дѣйствительно довольной, что братъ оказывался ловче ея, и потому торжествовалъ и былъ въ восхищеніи; да, дѣвочка видимо старалась быть менѣе ловкою, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ, и потому камешки ея съ перваго же раза уходили въ воду, надѣ чѣмъ порядкомъ смѣялись оба. Въ жару игры дѣти совершенно

забыли, гдѣ они, и по какому случаю пришли сюда; а между тѣмъ и то и другое было очень грустно.

Еще недавно въ затворенномъ домикъ жилъ Юзенгансъ съ женою и двумя дѣтьми—Амреей (Анной Маріей) и Дами (Даміаномъ). Отецъ былъ дровосѣкъ, но притомъ мастеръ и на всякое другое дѣло; домъ, что онъ купилъ въ неустроенномъ видѣ, онъ убралъ самъ, перекрылъ на немъ крышу, и осенью собирался вновь выбѣлить внутри, и известка для этого уже лежала въ ямъ, прикрытой красноватымъ хворостомъ. Жена же была лучшей поденщицей въ деревнѣ, и день и ночь, и въ горѣ и въ радости готова на всякій трудъ; и дѣтей своихъ, особенно Амрею, приучила она съ ранняго возраста заботиться самихъ о себѣ. Но тутъ ходившая въ округъ болѣзнь сломила мать, на другой вечеръ пристала къ отцу, и черезъ нѣсколько дней изъ маленькаго домика вынесли два гроба. При началъ болѣзни родителей, дѣтей увели въ сосѣдній домъ, къ угольщику Матесу, и они узнали о смерти отца и матери только когда ихъ одѣли по праздничному, чтобы идти за покойниками.

У Юзенганса и жены его не было близкихъ родственниковъ въ деревнѣ, а все-таки слышался громкій плачъ и похвалы покойникамъ, и самъ деревенскій судья велъ за гробами обонхъ дѣтей за руки. На похоронахъ дѣти были еще покойны, беззаботны и почти веселы; обѣдая за столомъ у судьи, гдѣ все было чрезвычайно съ ними ласковы, они часто однакоже спрашивали объ отцѣ и матери; послѣ обѣда имъ завернули въ бумажку пирожковъ, чтобы взять съ собою. Только вечеромъ, когда, по распоряженію общественнаго совѣта, Крапенцахеръ взялъ Дами, а черная Маранна пришла за Амреею, дѣти не хотѣли разставаться, стали громко плакать и проситься домой. Всякаго рода обманомъ удалось уговорить Дами, но съ Амреей пришлось дѣйствовать силой: она не трогалась съ мѣста, и ее долженъ былъ смести на рукахъ большой судейскій слуга въ домъ черной Маранны. Хотя она тамъ и увидѣла свою домашнюю кровать, но она не захотѣла лечь въ нее, покуда не уснула на полу, измученная плачемъ, и ее не положили на постель не раздавая. У Крапенцахера Дами тоже громко плакала и жалобно кричала, но вскорѣ замолкъ. Всѣмъ извѣстная черная Маранна съ перваго же вечера показала, какъ она заботится о своей питомицѣ. Уже много, много лѣтъ около нея не было никого изъ дѣтей, и она стояла теперь передъ спящей дѣвочкой и го-

ворила почти вслухъ: «Счастливый дѣтскій сонъ! кажется, плачетъ, а не успѣешь оглянуться, ужъ и уснула—и спать безъ заботъ, не ворочается съ боку на бокъ.»

И она тяжело вздохнула.

На слѣдующее утро Амрея тотчасъ же отравила къ своему брату, помогла ему одѣваться и утѣшала его, и говорила, что когда придетъ отецъ, онъ разсчитается съ Крапенцаевымъ. После этого дѣти отравились къ родительскому домику, стучали въ двери и громко плакали, пока угольщикъ Матеевъ, жившій возле, не пришелъ и не увелъ ихъ въ школу. Онъ просилъ учителя объяснить дѣтямъ, что родители ихъ умерли; самъ не умѣлъ онъ разяснить имъ этого, въ особенности Амрея не хотѣла никакъ его понять. Учитель старался, сколько могъ, чтобъ дѣти были спокойнѣе. Но изъ школы они опять-таки пошли къ родительскому домику, и ждали тамъ, голодные и точно немнѣшныя, пока не пришли за ними.

Домъ Юзенганса должень былъ перейти къ заимодавцу, у котораго былъ заложень; засмъ, одѣванный покойникомъ на покушку дома, считался потеряннымъ, потому что по случаю эмиграціи кѣна на дома сильно упала; въ деревнѣ стояло множе-ство пустыхъ домовъ, и домъ Юзенганса также стоялъ безъ жильцовъ. Весь домашній скарбъ былъ проданъ и тѣмъ составлена малѣйшій капиталъ дѣтямъ, не превышавшій однакоже платы за дѣтей; они были теперь дѣти общества, и потому ихъ отдали тѣмъ, кто дешевле взялъ за нихъ.

Однажды Амрея съ радостью сообщила брату, что знаетъ, гдѣ ихъ часы съ кукушкой, что ихъ купилъ угольщикъ Матеевъ; и въ тотъ же вечеръ дѣти стояли у его дома и ждали, когда кукушка закричитъ; и оба смѣялись они ея крику.

И каждое утро ходили дѣти къ родительскому дому, стучались, и играли потомъ у ируда, какъ сегодня; но вѣтъ они предшествоуютъ, въ это время года въ лѣсу не кричать кукушки: это у угольщика Матеса восемь разъ прокуковала кукушка на часахъ.

— Надо идти въ школу, сказала Амрея и быстро пошла съ братомъ по лѣсной дорожкѣ въ деревню.

У задняго амбара Роделя, сказалъ Дами:

— Сегодня ужъ много намолотили у нашего онекуна.

Онъ при этомъ указалъ на вымолоченные снопы, вѣсившіе въ вѣдъ троею надъ дверями амбара. Амрея молча кивнула головой.

II.

Чужая душа.

Домъ Роделя, съ размалеванными красными балками, и съ благочестивымъ изреченіемъ на доскѣ въ формѣ сердца, стоялъ не подалеку отъ дома Юзенганса; Родель былъ выбранъ общественнымъ совѣтомъ въ опекуны дѣтямъ. Онъ не отказывался отъ опекунства, потому что помнилъ, какъ Юзенгансъ служилъ у него нѣкогда. Опекунство его состояло въ томъ, что онъ спряталъ непроданное отцовское платье дѣтей, и иногда, встрѣтивъ кого нибудь изъ нихъ, спрашивалъ мимоходомъ: «умница ты? а!» и проходилъ дальше, не дожидаясь ответа. Не смотря на это, дѣти удивительно возгордились, когда узнали, что опекуномъ ихъ такой важный крестьянинъ; они стали смотреть и на себя, какъ на что-то особенное, даже важное. Они часто стояли около большаго дома, и пристально смотрѣли на него, будто ждали чего-то, сами не зная, чего именно; часто сѣдѣли они на боронѣ или плугѣ около амбара, и постоянно читали библейское изреченіе на домъ. Только домъ и бесѣдовалъ съ ними, больше никто.

Случилось, что въ воскресенье передъ родительской субботой, когда дѣти играли около затвореннаго маленькаго домика (они были точно приколдованы къ этому мѣсту), по гохдорфской дорогѣ шла крестьянка Ландфридша, подъ мышкой у ней былъ большой красный дождевой зонтикъ, а въ рукѣ черный молявничекъ. Она въ послѣдній разъ посвящала мѣсто своего рожденія, потому что еще вчера работникъ увезъ изъ деревни, на огромной телегѣ, весь домашній скарбъ, а завтра рано утромъ она сама съ мужемъ и тремя дѣтьми переезжала далеко, въ Альгей, въ новокупленную мызу. Еще издали кивнула Ландфридша дѣтямъ, потому что первая встрѣча съ дѣтьми считается доброй встрѣчей; дѣти не могли видѣть этого кивка, не видѣли также и унылаго выраженія ея лица. Она остановилась около нихъ и сказала:

— Здравствуйте, дѣти! Что вы тутъ дѣлаете? чьи вы?

— Юзенгансовы, отвѣчала Амрея, указывая на домъ.

— Ахъ, вы бѣдныя дѣти, бѣдныя! воскликнула Ландфридша, всплеснувъ руками: тебя бы я могла узнать, дѣвочка; мать твоя была точь-въ-точь какъ ты, когда ходила со мной въ школу. Мы были большими пріятельницами, а отецъ вашъ вѣдь слу-

хль у моего двоюроднаго брата. Я все про васъ знаю. Но что это, Амрея? отчего нтъ на тебъ башмаковъ? Вѣдь ты можешь простудиться по этакой погодѣ. Скажи Мараннъ, что Ландфридша изъ Гохдорфа велѣла наказать ей, не хорошо моль пускать тебя бѣгать такъ. Или нтъ, не надо говорить, я сама переговорю съ ней. Ну, Амрея, теперь тебъ надо быть большой и умной, и самой о себѣ заботиться. Подумай-ка, что, если бы мать твоя дознала, что ты въ этакое время бѣгаешь босая.

Дѣвочка съ удивленіемъ посмотрѣла на крестьянку, будто хотѣла сказать: развѣ мать не знаетъ этого? А Ландфридша продолжала:

— Всего больше жаль, что вы не можете знать, какіе честные люди были ваши родители: старые люди должны вамъ постоянно говорить объ этомъ. Помните, что родители ваши будутъ тогда только вполнѣ блаженны тамъ, въ небесахъ, когда здѣсь люди будутъ говорить: Юзенгансовы дѣти примѣрные дѣти, на нихъ видимо благословеніе честныхъ родителей.

Съ послѣдними словами, слезы быстро потекли по щекамъ крестьянки. Горькое чувство, имѣвшее еще другое основаніе въ ея душѣ, вырвалось неудержимо наружу при этихъ мысляхъ и словахъ; и свое и чужое горе слились вмѣстѣ. Она положила руку на голову дѣвочки, которая, при видѣ плачущей женщины, также сильно начала плакать; когда чужая добрая душа обратилась къ ней съ лаской, она смутно почувствовала, что дѣйствительно навсегда потеряла своихъ родителей.

Но лицо Ландфридши вдругъ просіяло. Она подняла еще влажные глаза къ небу и сказала: «Господи! это Ты посылаешь мнѣ радость.» Потомъ она продолжала, обращаясь къ дѣвочкѣ:

— Слушай, я хочу взять тебя къ себѣ. Мою Лизбету я потеряла на старости лѣтъ. Скажи мнѣ, хочешь ли ты вѣхать со мной въ Альгей и остаться у меня?

— Да, рѣшительно сказала Амрея.

Тутъ она почувствовала, что кто-то ее обхватилъ сзади, и ударилъ.

— Не смѣй, вскрикнулъ Дами, прижимаясь къ сестрѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Будь спокоенъ, говорила Амрея:—вѣдь добрая госпожа и тебя возьметъ. Не правда ли, Дами отправится съ нами?

— Нтъ, дѣтя мое, нельзя, у меня довольно и своихъ мальчиковъ.

— Ну, такъ и я останусь, сказала Амрета и взяла брата за руку.

Какъ въ лихорадкѣ чередуются жаръ и ознобъ, такъ желаніе одышать добро смѣняется часто въ душѣ боязнью за притѣвляемую на себя обязанность. Въ Ландфридшѣ происходила до сихъ поръ борьба, но теперь она взглянула на девочку какъ бы утѣшенная. Поддавшись порыву чувствъ и влеченію своего добраго сердца, она хотѣла взять на себя тяжелую, трудную и важную обязанность, какой не могла бы въ точности выполнить; да и какъ бы еще посмотрѣть на это дѣло мужъ, котораго она не спросила предварительно? Теперь, когда девочка сама отказывалась, Ландфридша какъ бы опомнилась, и все сдѣлалось ей ясно; поэтому она не безъ довольства отступала отъ своего намѣренія. Она удовлетворила свое сердце тѣмъ, что желала сдѣлать доброе дѣло; а когда явилось къ тому препятствіе, у ней было своего рода утѣшеніе въ томъ, что ей не пришлось брать назадъ свое слово.

— Какъ хочешь! сказала она: я не буду принуждать тебя. Кто знаетъ, можетъ это и къ лучшему: ты раньше вырастешь. И нужда, какъ приходится переносить ее въ молодости, полезна; счастье лучше цѣнится. Тотъ, кто выплывъ хорошо, вѣрно въ юности перенесъ много тяжелаго. Будь только умницей. Да помни, что тебѣ всегда, если ты будешь умницей, какъ желали того твои родители, всегда, покуда я жива, будетъ у меня пріютъ. Помни, если тебѣ трудно будетъ, что ты не вступишь. Вспомни Ландфридину въ Пузмарсгофенъ изъ Альгей. Еще одно. Не говори въ деревнѣ, что я хотѣла взять тебя; а то, пожалуй, станутъ бранить тебя, зачѣмъ ты не пошла. Не такъ будетъ хорошо. Пустой, я тебѣ дамъ кое-что на память.

Она конемала сначала въ карманъ, потомъ вдругъ подняла руки къ шеѣ своей и сказала:

— Нѣтъ, возьми лучше вотъ это.

Она долго дула на свои ожочившіе вальцы, прежде-чѣмъ могла развязать нитку гранатъ въ пять рядовъ, на которой былъ привѣшенъ шведскій дукачъ; она сняла ее съ себя, надѣла на шею девочки, и поцѣловала Амрету.

Амрета была въ восторгѣ.

— А для тебя у меня нѣтъ ничего, сказала Ландфридша Дами, державшему въ рукахъ прутикъ, и доставшему его на кусочки: — но я приплю тебѣ кожаные панталоны моего Югана,

они еще совсѣмъ новенькіе. Когда вырастешь, можешь ихъ носить. Теперь Христосъ надъ вами, милыя дѣти. Если будетъ можно, я еще приду къ тебѣ, Амрея. Во всякомъ случаѣ пришли ко мнѣ Маранну. Будьте умницами, и усердно молитесь о душѣ вашихъ родителей, да не забудете, что у васъ есть пріютъ и на небѣ, и на землѣ.

У Ландфридши былъ подвернуть подолъ платья, чтобъ не билъ ся по ногамъ при быстрой ходьбѣ; теперь, при входѣ въ деревню, она опустила его и пошла скорыми шагами по улицѣ, не обращиваясь болѣе.

Амрея ощупывала себѣ шею, наклоняла голову, чтобы полюбоваться на подарокъ; но это ей плохо удавалось. Дами жеваль кусочекъ прутика; сестра, взглянувъ на него, увидѣла слезы у него на глазахъ, и сказала:

— Вотъ увидишь, у тебя будутъ панталоны лучше всѣхъ въ деревнѣ.

— А я ихъ не возьму, сказалъ Дами, выплевывая кусочекъ прута.

— Я скажу ей, чтобы она купила тебѣ еще ножикъ. Сегодня я просижу цѣлый день дома, она вѣдь еще придетъ къ намъ.

— Да, хорошо, кабы такъ, отвѣчалъ Дами, самъ не зная, что говорить; онъ сердился, что имъ пренебрегли.

Начали благовѣстять, и дѣти поскакивали въ деревню. Амрея передала Мараннѣ, при короткомъ объясненіи, пріобрѣтенное ожерелье, и Маранна сказала:

— Да ты просто счастливица! Я тебѣ его сохранию бережно. А теперь скорѣе въ церковь.

Во время службы дѣти все смотрѣли на Ландфридшу, а по выходѣ ждали ея у дверей; но важную крестьянку окружало столько людей! всѣ разговаривали съ ней, и она должна была вертѣться то туда, то сюда, и отвѣчать-то въ ту, то въ другую сторону. На ожидающіе взоры дѣтей и на ихъ киванья она не обратила вниманія.

Ландфридша держала за руку меньшую дочь Роделя, Розель; дѣвочка была годомъ старше Амреи.

Нужно важная крестьянка обращала вниманіе на Амрею только у крайняго домика и съ глазу на глазъ, а теперь, при народѣ, и не узнать ея? Или здѣсь обращается вниманіе только на дѣтей богатыхъ людей, или на дѣтей родственниковъ? Амрею испугалась, когда эта мысль, тихо шевелившаяся у ней въ головѣ, вдругъ была высказана вслухъ Дами; но пока она съ братомъ

шла въ отдаленіи за толпой, окружавшей Ландфридшу, ей хотѣлось, чтобы и братъ, и сама она высказали свои злыя мысли. Наконецъ Ландфридша скрылась въ домъ Роделя, а дѣти тихо побрели назадъ; тутъ Дами вдругъ сказалъ:

— Если она придетъ къ тебѣ, скажи ей, чтобы она зашла и къ Крапенцахеру, и сказала ему, чтобы онъ хорошо со мной обращался.

Амрея кивнула ему, и дѣти разстались; они побрели по домамъ, гдѣ нашли себя приютъ.

Разсѣявшійся по утру туманъ разлился къ полдню проливнымъ дождемъ.

Большой красный зонтикъ Ландфридши былъ развернуть и мелькалъ то тамъ, то сямъ по деревнѣ, и не было видно, кто укрывается подъ нимъ. Черная Маранна не застала дома Ландфридшу, и сказала, возвратившись:

— Она и сама можетъ прийти ко мнѣ, мнѣ нѣтъ въ ней надобности.

Дѣти снова пошли къ маленькому домику, съли тамъ подгорюнясь на крылечкѣ, и почти ни слова не говорили. Они какъ будто начинали снова чувствовать, что родители ихъ никогда ужь не воротятся; Дами хотѣлъ сосчитать, сколько упадетъ капель съ крыши; но онъ капали слишкомъ скоро, и онъ съ разу закричалъ: «Тысяча милліоновъ»!

— Вѣдь если она поѣдетъ домой, ей надо будетъ вхатъ мимо, сказала Амрея:—мы закричимъ ей; закричи и ты погромче, выистъ со мной; ужь мы тогда потолкуемъ съ ней.

Такъ говорила Амрея, и дѣти ждали Ландфридшу.

Они услышали, какъ въ деревнѣ хлопнулъ бичъ; по грязной дорогѣ зашлепали лошадиныя копыта; къ домику подъѣзжала тележка.

— Вотъ увидишь, это батюшка съ матушкой вдутъ за нами, воскликнулъ Дами.

Амрея печально взглянула на брата и сказала:

— Не болтай такъ много.

Когда она обернулась, тележка была уже совсѣмъ близко, и кто-то кивалъ изъ-подъ краснаго зонтика; только и видѣли дѣти: тележка проехала мимо; собака угольщика Матеса кинулась съ лаемъ вслѣдъ за нею, и, казалось, хотѣла ухватиться зубами за спицы колесъ; но у пруда воротилась назадъ, полаяла еще у воротъ, и шмыгнула во дворъ.

— Что? а! Вотъ и увхала! съ торжествомъ сказалъ Дами;

вѣдь это Ландфридша. Не узнала развѣ родельскихъ лошадей? Вѣдь она на нихъ ѣхала. Не забудь же мои кожаные панталоны! закричалъ онъ изо всей мочи, хотя тележка была уже далеко и поднималась на холмъ въ Бузинной-Полянѣ.

Дѣти тихо побрели въ деревню.

Какъ знать, можетъ быть, это происшествіе заронило незамѣтное сѣмя въ ихъ сердца, и Богъ вѣсть, что произрастетъ изъ него.

Но скоро другое чувство смѣнитъ первое тяжелое разочарованіе.

III.

ДЕРЕВО У РОДНАГО ДОМИКА.

Наканунъ родительской субботы сказала дѣтямъ черная Марьяна :

— Теперь наберите хорошей рябины, завтра намъ она понадобится на кладбищѣ.

— Я знаю, гдѣ есть рябина, я могу набрать, сказалъ Дами съ совершеннымъ восторгомъ, и такъ пустился по деревнѣ, что Амрею насилу могла догнать его, и когда подошла къ родному домику, онъ уже сидѣлъ на деревѣ, и гордо поддразнивалъ ее взобраться къ нему, зная очень хорошо, что она не въ состояніи этого сдѣлать. Онъ срывалъ однѣ ягоды, безъ стеблей, и бросалъ ихъ въ передникъ сестры. Она просила его, чтобы онъ рвалъ ягоды съ стеблями, что она хочетъ сдѣлать вѣнокъ. Онъ сказалъ: «Этого не будетъ!» И послѣ этого не падала уже къ ней ни одна ягодка безъ стебля.

— Послушай, какъ бранятся воробья! воскликнулъ Дами съ дерева:—они злятся, что обрываютъ ихъ кормъ.

Оборвавъ всѣ ягоды, онъ сказалъ:

— Я не сойду внизъ, я день и ночь буду сидѣть тутъ, пока не умру и не свалюсь, я ужъ никогда больше не приду къ тебѣ, если ты не общаешь мнѣ одну вещь.

— Что такое?

— Чтобы я никогда не видалъ на тебѣ эту ландфридшину висюльку; общаешь мнѣ это?

— Нѣтъ.

— Ну такъ я никогда не сойду!

— Мнѣ все равно! сказала Амрея и пошла прочь съ ягодами.

Она впрочемъ неподалеку съѣла у полвницы дровъ, начала плести вѣнокъ и изкоса поглядывала, неидетъ ли Дами. Она надѣла

на себя вѣнокъ, и вдругъ навалъ на нее страхъ за Дами. Она побѣжала назадъ, Дами сидѣль приклонившись охиной къ стволу и сложивъ руки.

— Сойди, я обѣщаю все, что ты хочешь! вскричала Амрея, и въ одну минуту Дами стояль уже на земль.

Дома черная Маранна избрала глупую дѣвочку, что она сдѣлала себѣ вѣнокъ изъ ягодъ, которыя надо снести на могилу родителей. Она разорвала его, и насажала много сердитыхъ рвчей; потомъ взяла за руки дѣтей и повела ихъ на кладбище. У двухъ рядомъ насыпанныхъ могильныхъ холмовъ она сказала:

— Здѣсь вотъ ваши родители.

Дѣти съ удивленіемъ взглянули другъ на друга. Маранна же провела на могилахъ палочкой борозду въ видѣ креста, и велѣла дѣтямъ положить по ней ягоды. Дами проворно все сдѣлалъ и торжествовалъ, что его красный крестъ прежде готовъ, чѣмъ оостринь. Амрея посмотрѣла на него и ничего не отвѣчала, и только когда Дами сказалъ: «это обрадуетъ батюшку», она ударила его сзади и проволыла: «молчи». Дами заплакаль, какъ заплакаль бы отъ розги, и Амрея принялась утишать его.

— Ради Бога, прости меня, прости меня, что я обидѣла тебя. Обѣщаю тебѣ, покуда жива, все буду дѣлать для тебя, все, что могу, все отдамъ тебѣ, что у меня будетъ; скажи, Дами, вѣдь я не ушибла тебя? Поверь мнѣ, этого больше никогда не случится, во всю мою жизнь, никогда, никогда. Матушка, батюшка, даю вамъ слово, что буду умницей; ахъ, матушка! ахъ, батюшка!

Дальше говорить она не могла; она не плакала громко, но видно было, что сердцу ея очень больно; только когда громко заплакала черная Маранна, заплакала съ нею и Амрея.

Они отирались домой, и когда Дами сталъ прощаться, Амрея шепнула ему на ухо:

— Теперь я знаю, мы никогда больше не увидимъ на этомъ свѣтѣ нашихъ родителей.

Но говоря это, она какъ будто радовалась своему знанію, дѣтски гордилась имъ. А между тѣмъ въ душѣ ея возникало уже темное понятіе о жизни и смерти, объ узахъ, связующихъ людей, о сиротствѣ и одиночествѣ.

Съ той минуты, какъ смерть заклочила уста, называвшія тебя дочерью, ты утратила, дитя, одно живое дыханіе, которое никогда уже не согрѣетъ тебя.

Амрея говорила Мараннѣ, сидѣвшей у ея кровати:

Мнѣ кажется, я все лечу, все лечу, дайте мнѣ свою руку. Она крико держалась за руку Маранны и начала дремать; но что Маранна хотѣла отнять свою руку, Амрен снова встала за нее. Маранна понимала, что значитъ, когда ребенокъ спитъ, будто летитъ куда-то безъ отдыха; но смерти ей ему кажется, будто онъ несется въ небесномъ прогнѣ, отъискивая ихъ. Только поздно за полночь могла чераранна отойти отъ кровати Амрен, надъ которою не одерочитала но двенадцати разъ: Отче нашъ.

спящаго ребенка выражало строгую задумчивость; одна жала на груди. Черная Маранна тихо сняла ее, и прона въ холлоеса:

«если бы былъ всегда взоръ, наблюдающій за тобой, помогающая тебѣ, какъ теперь, во время сна и безъ твоего, рука, которая бы сняла тяжесть съ твоего Но никакой человекъ не въ силахъ сдѣлать этого, только Онъ... Господи! сдѣлай для моего дитяти на чужой, что дѣлаю я для этого младенца.

Маранна была женщина бойкая, и весь почти болельности. Уже восемнадцать лѣтъ прошло со смерти ея онъ съ товарищами вздумалъ напасть и ограбить провозкарету въ лесу, и его застрѣлили. Маранна была бо, когда въ деревню принесли тѣло мужа ея съ почерь лицомъ; но она не потерялась, и вымыла лицо покойкѣ можно чище, будто старалась смыть съ него черный Три дочери ея тоже умерли и остался только сынъ, ко она носила въ ту пору модъ сердцемъ. Это былъ красальчикъ, хотя лицо у него было удивительно черно; же онъ промышлялъ ремесломъ каменьщика на чужой . Со времени Брози, именно съ тѣхъ поръ, какъ сынъ еверинъ, достигъ такихъ высокихъ почестей молоткомъ цика, большая часть мальчиковъ въ деревнѣ посвятила ому ремеслу. Между дѣтьми всегда говорилось о Северакъ о какомъ-то сказочномъ царевичѣ. Такъ и единственль черной Маранны, не смотря на ея возраженія, сдѣлал: каменьщикомъ, и велъ походящую жизнь; Маранна, нивыѣзжавшая изъ деревни, да и не имѣвшая на то средотвѣ, оворила, что она похожа на курицу, высидавшую цывирочемъ, большею частью, горевала она только про

отря на горести олов, черная Маранна смотрѣла чуть ли

не веселѣе въсхъ въ деревнѣ; ея никогда не видѣли печальною; она не хотѣла, чтобы люди жалѣли ея, и потому чуждалась ихъ. Зимой она была прилежнѣйшей пряхой въ деревнѣ, а лѣтомъ усерднѣйшей собиралицей хвороста, такъ-что могла продавать изъ него хорошую долю; у нея съ языка не сходилъ «мой Юганъ,» «мой Югашъ» (такъ называла она своего отсутствующаго сына). Она говорила, что взяла маленькую Амрею не ради добраго дѣла, а только чтобы около нея было живое существо. Передъ людьми она выказывала себя суровой, и потому еще более чувствовала себя правой.

Совершенно противоположенъ ей былъ Крапенцахеръ, пріютившій Дами; онъ передъ людьми выставялъ себя добрѣйшимъ человѣкомъ, а потихоньку бранилъ и давалъ пинки своимъ домашнимъ, а особенно Дами, за котораго получалъ скудную плату. У Крапенцахера была вмѣсто одной ноги деревяшка, и потому онъ былъ неспособенъ къ тяжелой работѣ, а занимался вязаньемъ шерстяныхъ чулокъ и фуфакъ; онъ ходилъ по всей деревнѣ съ своимъ руководлемъ, сидѣлъ гдѣ было о чемъ поговорить, и разговоры эти служили ему для обдѣлки выгодныхъ дѣлишекъ. Онъ считался вездѣ въ окрестностяхъ сватомъ, мастеръ былъ провѣдать, у кого какое состояніе, и условиться обо всемъ заранѣе; если же свадьба удавалась, Крапенцахеръ игралъ гостямъ на скрипкѣ; въ этомъ дѣлѣ онъ былъ также искуснѣйшимъ человѣкомъ. Онъ игралъ и на кларнетъ и на трубу, когда руки уставали играть на скрипкѣ. Человѣкъ былъ на всѣ руки.

Плаксивый и жалкій видъ Дами сильно не нравился Крапенцахеру, и онъ хотѣлъ уничтожить его тѣмъ, что безпрестанно заставлялъ ребенка плакать, и дразнилъ, когда только удавалось.

Такимъ образомъ, два цвѣтка, выросшіе на одной почвѣ, были пересажены теперь въ разныя страны. Мъстность, почва и ихъ собственная натура развили ихъ различнымъ образомъ.

IV

Отомкнись!

Въ родительскую субботу деньъ былъ пасмурный и туманный; дѣти стояли между собравшимися на кладбищѣ. Крапенцахеръ привелъ туда за руку Дами. Амрею же пришла одна, безъ черной Маранны; многіе бранили недобрую женщину, и иные высказали частичку правды, говоря, что Маранна не хочетъ прій-

могилы потому, что не знаетъ, гдѣ могила ея мужа. Амреча стояла и не плакала, между тѣмъ какъ Дами отъ дивныхъ людскихъ рычей горько плакала, вѣроятно также того, что Крапенцахеръ нѣсколько разъ въ тихомолку ему тумаконъ и щипала его. Амреча долго задумчиво на свѣчи, поставленныя въ головахъ могилъ, и грустнѣла, какъ пламя пожираетъ воскъ и какъ убываетъ она, покуда наконецъ не сгоритъ вся свѣча.

У собравшимся былъ также человекъ въ богатомъ, крапчатомъ, съ ленточкой въ петлицѣ; это былъ обербауверингъ, взявшій куда-то по дѣламъ службы и захватившій, чтобы посвятить могилы родителей своихъ, Бронн и Сестра его съ домохозяиномъ своимъ смотрѣла на него съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, и молитва была почти вся обращена на это важное лицо.

Амреча также смотрѣла на него и спросила у Крапенцахера: «Тотъ, это женихъ?»

«Кто женихъ?»

«У него ленточка въ петлицѣ.»

«Но всякаго отвѣта, Крапенцахеръ поспѣшилъ вторгнуться и началъ разсказывать, какую глупость сказалъ ребенокъ. И могилами раздавался громкій хохотъ надъ глупостью ребенка. Только Родельша сказала: «Я не нахожу, чтобы это было душно. Если это и почетный знакъ у Северина, то все-таки нѣтъ, что онъ надѣваетъ знаки отличія идя на службу, гдѣ все показываетъ, что изъ насъ всѣхъ будетъ, и платья мы ни носили при жизни—шелковыя или тиконныя—раздосадовала меня ужъ и тѣмъ, что пришелъ такъ поздно; такія вещи надо снимать, когда идешь въ церковь, гдѣ болѣе на кладбище.»

«Но вопросъ маленькой Амречи, должно быть, дошла и до него, потому что онъ быстро застегнулъ сюртукъ и пригнулся къ дѣвчонкѣ. Слышно было также, какъ онъ спросилъ кто она такая, и лишь только дождался отвѣта, быстро подошелъ къ дѣтямъ, которые стояли у свѣжихъ могилъ, и сказалъ: «Подойди сюда, дѣвочка, дай руку, вотъ тебѣ дукать, вотъ тебѣ, что тебѣ понадобится.»

Амреча смотрѣла на дукать и ничего не говорила. Но лишь Северинъ повернулся къ ней спиной, Амреча закричала: «Не беру подарковъ!» и швырнула вслѣдъ за нимъ дукать.

нать. — Многие видявшие это напустились на Амрею, бранили ее, и уже обирались побить, но Родельща, уже разъ защитница ее словами, защитила теперь и руками. Впрочемъ, она все-таки требовала, чтобы Амрея по-крайней-мѣрѣ пошла за Северномъ и поблагодарила его; на все увѣщанія Амрея не отвѣчала ни слова и не трогалась съ мѣста, такъ что и защитница наконецъ отступилась отъ нея. Дукать насылу могли найти, и присутствовавшее тутъ общество взяло его на сохраненіе, чтобы передать потомъ опекуну дѣтей.

Происшествіе это распространило странную славу о маленькой Амреѣ по всей деревнѣ. Говорили, что она еще всего нѣсколько дней у черной Маранны, а уже переняла ея манеры и обращеніе. Находили неслыханнымъ, что у ребенка изъ такого бѣднаго состоянія столько гордости, и чѣмъ больше на каждомъ углу и перекресткѣ попрекали ее въ этой гордости, тѣмъ сильнѣе убѣждалась она въ своей правотѣ, и въ юномъ сердцѣ дѣвочки родилась твердость сохранить въ себѣ это чувство. Черная Маранна еще помогла ей утвердиться въ этомъ рѣшеніи тѣмъ, что сказала: «Для бѣднаго нѣтъ выше счастья, какъ чтобы его считали гордымъ, а то всякой готовъ топтать на него ногами, да еще требовать благодарности за это.»

Зимою Амрея очень часто бывала у Крапонцахера, и въ особености любила слушать его игру на скрипкѣ. Да и Крапонцахеръ очень похвалялъ ее разъ. «Ты не глупа, сказалъ онъ Амреѣ, когда разъ, послѣ долгой его игры, Амрея замѣтила, что ей удивительно, какъ какая-нибудь скрипка можетъ такъ долго удерживать дыханіе, когда и она, Амрея, не можетъ. И когда дома, въ тихіе и долги зимніе вечера, черная Маранна рассказывала затѣйливыя и страшныя волшебныя сказки, по окончаніи разсказа Амрея всякій разъ говорила, глубоко вздыхая: «Ахъ, Маранна, мнѣ надо теперь хорошенько вздохнуть; я не могла дышать, покуда вы рассказывали.»

Не было ли это знакомъ глубокой покорности всему встрѣчающемуся въ жизни, по вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣтой свободнаго наблюденія надъ жизненными явленіями и своими отношеніями къ нимъ?

Никто не обращалъ большаго вниманія на Амрею, и она могла мечтать, сколько ей хотѣлось; только разъ учитель сказалъ въ засѣданіи общественнаго совѣта, что онъ никогда еще не встрѣчалъ подобнаго ребенка, что дѣвочка упряма и уступчива, разсѣянна и внимательна; и въ самомъ дѣлѣ, не смотря на дѣтскую

близость, въ ней рано развилось сознание своей самостоятельности и необходимости независимыхъ отношеній къ окружающимъ, между тѣмъ какъ Дами, при каждомъ случаѣ, прибѣгалъ къ сестрѣ въ словахъ и съ жалобами. Онъ всегда былъ страдальческимъ лицомъ, и если товарищи побуждали его въ драгъ, онъ хныкалъ: «Да, вы бьете меня потому, что я сирота. Ахъ, если бы знали объ этомъ батюшка и матушка!» Дами принималъ отъ всѣхъ съзвѣстные подаянны, и потому сдѣлался обжорливъ; Амрею же довольствовалась малымъ и тѣмъ приучила себя къ умеренности. Самыя отъявленные шалуны боялись Амрею, хотя никто не зналъ, въ чемъ выказала она свою силу; Дами, напротивъ, боялся самаго маленькаго мальчика. Въ школѣ Дами всегда пошаливалъ, во время чтенія онъ болталъ ногами и загибалъ углы у книги. Амрею, напротивъ, всегда бывала скромна и опрятна; она часто плакала въ школѣ, но не отъ того, что ее наказывали (этого не случалось), но всякій разъ, какъ наказывали Дами.

Всегда больше доставляла Амрею удовольствія Дами, когда «дарила ему свои загадки». Дати все еще сжижали у дома своего богатаго оцкуна, то у телеги, то у хлѣбной печки за домомъ, грязясь около нея, особенно осенью. Амрею спрашивала:

— А что всего лучше въ хлѣбной печкѣ?

— Ты вѣдь знаешь, я не умѣю отгадывать, жалобно отвѣчала Дами.

— Ну такъ я тебѣ скажу: лучше всего въ хлѣбной печкѣ то, что она не съдастъ сама хлѣба.—И указывая на телегу, стоящую передъ домомъ, Амрею спрашивала:—Ну, а это что: все въ дырахъ, а ужъ какъ крѣпко, просто страхъ?

И не дожидая долго отвѣта, она прибавляла:—Это цѣпь.

— Эту загадку подари мнѣ, говорилъ Дами, а Амрею отвѣтала:

— Да, можешь задавать ее кому хочешь. А видишь тамъ овецъ? Теперь я еще загадку выдумала.

— Нѣтъ, восклицала Дами, нѣтъ, трехъ мнѣ не запомнить, мнѣ довольно и двухъ.

— Нѣтъ, слушай, а то я и ты отниму.

И Дами съ беззастѣнчивымъ шенталъ, чтобы не позабыть: — «Цѣпь, печка», между тѣмъ какъ Амрею спрашивала: «Съ какой стороны у овецъ больше шероти? Мя! мя! съ наружной!» добавляла она, шутливо папвая, а Дами послѣ этого бѣжалъ загадать свои новыя загадки товарищамъ. Онъ сжималъ объ руки

въ кулаки, какъ-будто загадки сидѣли въ нихъ и онъ боялся ихъ потерять. Приходя къ товарищамъ, онъ однакожь помнилъ только одну изъ загадокъ, а старшій Родель, котораго онъ совсѣмъ и не спрашивалъ, скоро отгадывалъ загадки, потому что былъ почти совсѣмъ большой, и Дами снова прибѣгалъ со слезами къ сестрѣ.

Искусство маленькой Амреи сочинять загадки не осталось не замѣченнымъ въ деревнѣ; даже богатые и гордые крестьяне, не терявшие много словъ въ разговоръ съ кѣмъ-бы то ни было, въ особенности же съ бѣдной дѣвочкой, позволяли себѣ иногда подходить къ маленькой Амреѣ, и задавать ей загадки. Что она знала много загадокъ, это было еще не удивительно, она могла имъ выучиться отъ черной Маранны; но всѣхъ удивляло, что она разгадывала тотчасъ же заданныя ей новыя загадки. Амреѣ не было бы отъ загадокъ свободнаго прохода ни по улицѣ, ни по полю, если бы она не выдумала противъ этого средства: она рѣшила разгадывать загадки только тѣмъ, кому сама не смѣла предложить ихъ. Еще никогда въ деревнѣ не обращали такого вниманія на бѣднаго ребенка, какъ это было относительно маленькой Амреи. Но вниманіе уменьшалось по мѣрѣ того, какъ она становилась старше, потому что люди любятъ только цвѣты, да плоды, а для Амреи наступило долгое переходное состояніе изъ одного возраста въ другой.

Еще передъ выходомъ изъ школы, судьба задала Амреѣ загадку, которую рѣшить было очень трудно.

У дѣтей былъ дядя, дровосѣкъ въ Флуорнѣ, въ семи часахъ ѣзды отъ Гальденбруна; они его видѣли только разъ; на похоронахъ отца онъ шелъ за судьей, ведшимъ ихъ за руки. Съ тѣхъ поръ дѣти много мечтали о флуорнскомъ дядѣ. Имъ часто говорили, что онъ похожъ на ихъ отца, и оттого имъ еще больше хотѣлось его видѣть; хотя они еще иногда и думали, что вдругъ явится къ нимъ отецъ съ матерью (вѣдь не можетъ же быть, чтобы этого никогда не случилось); но все-таки эта надежда понемногу отлетала: каждый годъ они убирали могилу рябиной, и уже давно читали на одномъ и томъ же черномъ крестѣ имя родителей. И дядю изъ Флуорна они почти забыли, потому что много лѣтъ не слыхали о немъ ничего. Однажды позвали дѣтей въ домъ ихъ опекуна. Тамъ сидѣлъ толстый и высокій мужчина съ смуглымъ лицомъ.

— Подойдите сюда, дѣти, воскликнулъ этотъ человекъ смѣлымъ сухимъ голосомъ. — Развѣ вы меня не знаете?

Дети вытаращили на него глаза. Пробудилось ли у них воспоминаніе о звукѣ отцовскаго голоса? Человѣкъ продолжалъ:

— Вѣдь я братъ вашего отца. Поди сюда, Лизбета! и ты, Дами!

— Меня зовутъ не Лизбетой; я Амрея! сказала дѣвочка и расвакалась.

Она не подала руки дядѣ, и вся дрожала отъ горя, что дядя назвалъ ее не тѣмъ именемъ. Она чувствовала, что тутъ нѣтъ истинной привязанности, потому что уже забыли ея имя.

— Если вы мой дядя, зачѣмъ же вы забыли мое имя? спросила она.

— Ты глупый ребенокъ; сейчасъ же иди сюда, и подай ему руку, приказалъ ей Родель, и прибавилъ въ полголоса, обращаясь къ гостю:—Это предикое дитя. Черная Маранна набила ей въ голову разныхъ странностей, и вѣдь ты знаешь, ей этого не занимать стать.

Амрея съ удивленіемъ осмотрѣлась, и дрожа подала руку дядѣ. Дами подаль руку раньше и спрашивалъ:

— Принесъ ты намъ что-нибудь, дядя?

— Нечего мнѣ приносить; я пришелъ за вами, и вы отправитесь со мной. Знаешь ли, Амрея, вѣдь это совсѣмъ не хорошо, что ты не рада своему дядѣ. У тебя больше никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ меня. Иди-ка лучше сюда, да оядь подаль меня поближе. Смотри, Дами твой гораздо умнѣе тебя. Онъ, кажется, больше подходитъ къ вашему семейству, но вѣдь и ты наша.

Пришла служанка и принесла много мужскаго платья, и положила на столъ.

— Вотъ платье твоего брата, сказалъ Родель дядѣ; а тотъ продолжалъ, обращаясь къ Амреѣ:

— Видишь: это платье отца твоего, мы возьмемъ его съ собой, и вы отправитесь также со мной, сначала въ Флуорнтъ, а потомъ черезъ ручей.

Амрея дрожая дотронулась до отцовскаго платья и до его голубой полосатой жилетки; а дядя приподнялъ платье, и указывая на потертый локоть, сказалъ Роделю:

— Не слишкомъ-то хороша эта одежда! какъ бы не осмѣяли меня, если я повезу ее въ Америку.

Амрея лихорадочно схватила за край платья. Какъ! называть не хорошимъ платье ея отца, платье, объ которомъ она мечтала, какъ о драгоценнѣйшемъ, неоцѣненномъ сокровищѣ; и это платье хотѣтъ везти въ Америку, и оно можетъ быть осмѣяно;

это все совершенно смущало Амрею, къ тому же тутъ припшала какая-то Америка.

Дѣло скоро разъяснилось, пришла Родельша съ черной Маранной, и Родельша сказала:

— Послушай-ка, мужъ, мнѣ кажется, нечего торониться отсылать дѣтей съ дядей въ Америку.

— Но вѣдь это у нихъ единственный родотвенникъ, вѣдь это братъ Иозенганса.

— Оно такъ, но до-сихъ-поръ онъ не слишкомъ-то старался доказать, что родотвенникъ имъ; мнѣ кажется, безъ общественнаго совѣта этого сдѣлать нельзя; дѣти приписаны къ здышнему приходу, нельзя же у нихъ его отнять; вѣдь дѣти еще не могутъ сами сказать, чего хотять. Это все равно, что увезти ихъ во снѣ.

— Амрея моя ужъ не спитъ, ей теперь ужъ тринадцать лѣтъ, и она умнѣе всякой другой тридцати-лѣтней, она знаетъ, чего хочеть, сказала черная Маранна.

— Вамъ бы двоимъ бытъ у насъ вмѣсто общественнаго совѣта, сказалъ Родель:—впрочемъ, и я того мнѣнїя, что дѣтей нельзя какъ телятъ увести на веревочкѣ. Пусть дядя самъ поговоритъ съ ними, а послѣ увидимъ, что намъ дѣлать; онъ ихъ прямой покровитель, и можетъ, если захочеть, замѣнить имъ отца. Песлушай-ка, отправся ты съ племянниками погулять за деревню; а вы, бабы, оставайтесь тутъ, и ни одна не смѣй ни отговаривать, ни уговаривать дѣтей.

Дровосѣкъ взялъ дѣтей за руки и вышелъ изъ дому.

— Куда же мы поидемъ? спросилъ онъ ихъ на улицѣ.

— Если ты хочешь бытъ нашимъ отцомъ, такъ поидемъ съ нами домой; тамъ вонъ нашъ домикъ, сказалъ Дами.

— Развѣ онъ отворемъ? опросилъ дядя.

— Нѣтъ, но ключъ у угольщика Матеса, и онъ насъ еще никогда не пускалъ туда. Я побѣгу впередъ и достану ключъ.

И Дами торонливо отнял у дяди свою руку и побыкалъ.

Амрея казалась точно прикованною къ рукамъ дяди, и дядя говорилъ теперь съ ней съ довѣрчивою искренностию; какъ будто въ оправданіе себѣ, рассказывалъ онъ, что у него у самого большая семья, что онъ самъ не безъ нужды перебивался съ женой и пятью дѣтьми, и только недавно одинъ господинъ, имъющій лѣса въ Америкѣ, предложилъ ему перевезти его даромъ съ семействомъ туда и дать ему за очистку лѣсовъ черезъ пять лѣтъ большое хлѣбопашество въ полное владѣніе. Въ благодареніе Богу за то, что Онъ даруетъ ему и его дѣтямъ, дядя и общалъ

сдѣлать доброе дѣло: взять съ собой своихъ племянниковъ; но не хотеть принуждать ихъ, и беретъ только въ такомъ случаѣ, если они сами отъ души захотятъ этого, и будутъ смотрѣть на него какъ на втораго отца. После этихъ словъ, Амрехъ проинтересованно посмотрѣла на дядю. Если бы только она могла полюбить этого человѣка! Но она постоянно трусила его, и теперь не знала, чѣмъ помочь горю. Онъ вдругъ какъ съ неба свалился, и требуетъ: полюби меня! это цуццо всего отталкивало ее.

— Гдѣ же жена твоя? спросила Амрехъ.

Она чувствовала, что женщина обошлась бы съ ней нѣжнѣе и мягче.

— Я по совѣсти скажу тебѣ, отвѣчалъ дядя:—что жена моя не вытшвается въ эти дѣла; она сказала, что не будетъ со мною спорить. Она немножко грубовата, но только сначала; если же ты будешь добра къ ней, а вѣдь ты умница, такъ ты будешь вертѣть ею, какъ захочешь. Коли случится, что тебя обидятъ, помни, что ты у брата твоего отца, и рассказывай мнѣ одному, что съ тобой: я помогу, гдѣ могу. Но ты увидишь, ты только у насъ и жить-то начнешь.

Слезы показались на глазахъ Амрехъ и она не могла выговорить ни слова; она чувствовала себя чуждой этому человѣку. Голосъ его трогалъ ее, но когда она взглядывала на него, ей хотѣлось убѣжать.

Тутъ Дами прибѣжалъ съ ключемъ. Амрехъ хотѣла у него взять ключъ, но онъ его не далъ ей. Съ свойственной дѣтямъ педантической совѣстливостью онъ сказалъ, что свято обѣщаль жевъ угольщика, отдать ключъ одному дядѣ. Дядя взялъ ключъ, и Амрехъ казалось, что передъ нею отверзается какаля-то волшебная тайна, когда ключъ въ первый разъ застучалъ и повернулся въ замкъ; дядя подавилъ ручку и дверь распахнулась. Изъ мрачныхъ сѣней, служившихъ прежде и кухней, пахнуло могильнымъ холодомъ. На очагѣ лежала еще кучка золы, надъ дверями видны еще были начальныя буквы имени Гаспара Мельхиора Бальтеса и надъ ними меломъ написанный годъ и число смерти родителей. Амрехъ прочитала имя громко: это написалъ еще отецъ.

— Посмотри, воскликнулъ Дами: восемь написано точно какъ ты его пишешь, и какъ не любить учителя, съ права на лево.

Амрехъ кивнула ему, чтобы онъ замолчалъ. Она находила ужаснымъ преступнымъ, что Дами говорить тутъ такъ громко, тутъ, гдѣ она была точно въ церкви, или какъ будто въ самой вѣнчости,

какъ бы въ свѣта, хотя и среди него. Она сама отворила двери комнаты. Комната была мрачна какъ могила, потому что ставни были заперты, и дрожающій лучъ свѣта пробирался только сквозь щелку прямо на головку ангела, изображеннаго на изразцовой печкѣ, и ангель, казалосъ, улыбался. Амрею въ испугъ упала ницъ, а когда оправилась, дядя уже отворилъ окно и теплый воздухъ проникъ въ комнату. А въ комнатѣ было такъ холодно. Здѣсь ничего не осталось уже изъ домашняго скарба, кромѣ прибитой къ стѣнѣ скамейки. Тутъ пришла мать, и тутъ она складывала рученки Амрен, уча ее вязать.

— Ну, дѣти, теперь отправимтесь, сказалъ дядя: — тутъ не слишкомъ-то хорошо. Пойдемте къ булочнику, я куплю вамъ каждому по булкѣ; или, можетъ быть, вы хотите лучше кренделя.

— Нѣтъ, лучше побыть еще здѣсь, говорила Амрея, все смотря на мѣсто, гдѣ сживала мать. Потомъ она продолжала въ полголоса, указывая на бѣлое пятно на стѣнѣ: — Тутъ висѣли наши часы съ кукушкой, а тутъ солдатская отставка отца, а тутъ висѣла кудель, которую матушка пряла; она пряла еще лучше черной Маранны, да и сама черная Маранна говорить, что у нея изъ фунта всегда пасмой больше выходило и все такъ ровно — нигдѣ ни узелочка. А видишь тамъ на потолокъ кольцо? Славно было, когда матушка сучила нитки. Еслибы я въ то время была поумнѣе, я бы не позволила продать ихъ, это было бы мое наследство; но въ насъ никто не принялъ участія. О, моя милая матушка! о, мой милый батюшка! еслибы вы знали, какъ горька сиротская жизнь, вы пожалѣли бы объ насъ на томъ свѣтѣ.

Амрея громко заплакала, и Дами тоже заплакалъ. Даже дядя отеръ слезу, и еще разъ сказалъ, что пора уходить: ему было досадно, что онъ причинилъ и себѣ и дѣтямъ ненужное огорченіе; но Амрея строго сказала:

— Если вы уходите, такъ я найду съ вами.

— Что такое? ты совсѣмъ не хочешь отправляться со мной?

Амрея испугалась; она тутъ только сообразила, что сказала, и хотя эти слова были почти вдохновеніемъ, но она отвѣчала тотчасъ же:

— Нѣтъ, объ этомъ я еще не знаю. Я говорю, что добровольно не выйду изъ этого дома, покуда все не осмотрю. Пойдемъ, Дами; вѣдь ты братъ мой! пойдемъ на чердакъ, знаешь, гдѣ мы играли въ прятки, за трубой; посмотримъ тамъ въ окно,

ы оунили сморчки—помнишь? Еще батюшка получилъ за такую красивую монету.

ъ вотолкомъ что-то зашевелилось и покотилось. Вся трое
лись. Но дядя векоръ сказалъ:

Не ходи, Дами, и ты также не ходи. Чего вамъ тамъ на-
Слышите, какъ тамъ мыши скребутся.

Пойдемъ съ нами, они насъ не съядятъ, наставляла Амрея,
и объявилъ, что не пойдетъ, и хотя Амрея боялась и сама,
релась съ духомъ и пошла одна на чердакъ. Скоро одна
она воротилась, блѣдная какъ мертвецъ, съ пучкомъ ста-
ниной травы въ рукъ.

Дами отправляется со мной въ Америку, сказала ей дядя.
ея отвѣчала, надламывая сухіе прутики:

Не противъ этого. Я еще не знаю, какъ сдѣлаю сама,
можетъ и безъ меня отправляться.

Гать, воскликнулъ Дами, этому не бывать. Ты въдь то-
отправилась съ Ландфридшей, когда она брала тебя, ну
и я нейду одинъ, безъ тебя.

у, такъ рѣшай сама, ты на столько умна, заключилъ
и снова закрылъ ставни, такъ что они очутились опять
махъ. Онъ вывелъ дѣтей черезъ сѣни вонъ, заперъ двери,
гь къ угольнику отдать ему ключъ, а потомъ отправился
и въ деревню. Еще издали кричалъ онъ Амрею:—Завтра
я уѣзжаю; у тебя есть еще время рѣшить, поедете ли
ною или нѣтъ.

я стояла одна и смотрѣла на удаляющихся, и ей каза-
раннымъ, что человекъ можетъ разлучаться съ челове-
«Вотъ онъ уходитъ отсюда, думала она: а между тѣмъ
сажется, мой, и я его.»

но! какъ въ настоящемъ онъ, гдѣ чуть замѣтныя событія
обновляются и смѣшиваются съ разными чувствами, такъ
Амрею на яву. Дами лишь мелькомъ говорилъ ей о встрѣчѣ
Фридшей: слова его почти стерлись изъ ея памяти, а
возставали они передъ нею ясно, словно образъ изъ про-
жизни. Амрею почти вслухъ проговорила: «Почемъ знать,
быть иногда и она также вдругъ, Богъ вѣсть почему,
объ тебѣ, и, можетъ быть, теперь, именно въ эту ми-
въды обшчалась же она тебѣ здѣсь, что возьметъ тебя къ
ли ты придешь вонъ, туда къ ветламъ. Отчего эти де-
егда стоять, и все на одномъ мѣстѣ? отчего слово не

такъ, не такъ же какъ дерево, держится крѣпко, чтобы и за него можно было держаться. Впрочемъ, кто какъ хочетъ : у много слово такъ же крѣпко какъ дерево.... Что окажется такая почтенная женщина, то навѣрное твердо и крѣпко, и вѣдь она плакала, уезжая изъ родины, а она уже давно вышла замужъ изъ нашей деревни, и у ней дѣти, да, и одного зовутъ Юганомъ.» Амрея стояла у рябины, и приложила руку къ стволу ея и сказала: «Отчего же ты не уходишь? отчего не зовутъ тебя люди идти съ ними? Можетъ быть въ другомъ мѣстѣ тебѣ бы было лучше. Да, правда, ты слишкомъ велика, и не сама же ты тутъ выросла; кто знаетъ, можетъ ты явилась изъ другаго мѣста. Все глупости! Вѣдь мнѣ надо отсюда уйти. Да, вѣдь еслибы это былъ мой отецъ, я вѣдь должна же бы съ нимъ отправиться. Ему бы нечего было спрашивать меня, а кто много спрашиваетъ, тотъ много ошибается. Советывать мнѣ никто не можетъ, даже Маранна. А у дяди это вотъ какъ вышло: онъ думаетъ, я дѣлаю тебѣ добро, а ты должна отплатить мнѣ за него. Если онъ будетъ грубъ со мной или съ Дами, вѣдь Дами такой непроворный, ну, мы уйдемъ, а потомъ.... Куда жъ мы потомъ двинемся въ дикой, чужой сторонѣ? А здѣсь насъ знаетъ каждый человекъ, каждый кустъ, намъ всякое дерево знакомо. Ты, вѣдь ты знаешь меня? сказала она, снова обращаясь къ дереву. Ахъ, еслибы ты могло говорить! Вѣдь тебя создалъ Богъ же; зачѣмъ же ты не можешь говорить! Вѣдь ты также коротко знало батюшку и матушку; зачѣмъ же ты не можешь сказать мнѣ, что бы они мнѣ посоветовали? Ахъ, милый батюшка, милая матушка! мнѣ такъ тяжело отъ того, что надо уезжать отсюда. У меня нѣтъ здѣсь ничего и почти никого, а мнѣ все равно, какъ будто я должна перейти изъ теплой постели въ холодный снѣгъ. Эта тошка, не есть ли это знакъ, что мнѣ не должно уезжать отсюда? Вѣрное ли это предчувствіе или глупый страхъ? О, Господи! я не знаю, что это такое! Ахъ, еслибы съ неба послышался теперь какой-нибудь голосъ, и сказалъ, что мнѣ дѣлать.»

Дѣвочка дрожала отъ внутренняго волненія; въ первый разъ чувствовала она разладъ въ своей жизни. И снова начала она не то говорить, не то думать, но уже съ большою рѣшимостью.

«Еслибы я была одна, знаю навѣрное, что не позвала бы, я бы осталась, мнѣ слишкомъ тяжело уезжать; вѣдь я могу себя добывать хлѣбъ. Хорошо, замѣть же это. Такъ одно ужъ

ты рѣшила , съ собой ты кончила. Да , но что это за глупая мысль! какъ можно думать, что я одна, безъ Дами? Вѣдь я не одна, вѣдь Дами мой, я его. А вѣдь для Дами было бы лучше, еслибы онъ былъ подъ отцовской властью ; онъ поумнѣлъ бы. Да къ чему жъ ему другаго ? развѣ не можешь ты сама позаботиться объ немъ? А если онъ пойдетъ въ люди, я ужъ чувствую, онъ всю жизнь останется работникомъ ; и кто знаетъ , какъ будутъ обращаться съ нами дядины дѣти. Они сами бѣдные люди , и потому будутъ корчить съ нами господъ. Нѣтъ, нѣтъ, они вѣрно добрые. И какъ пріятно, когда можно сказать кому-нибудь: здравствуй, двоюродный братецъ! здравствуй, сестра! Хотѣ бы одного изъ дѣтей привезъ съ собой дядя; тогда бы и скорѣе рѣшилась, и все бы лучше разузнала. О, Господи! какъ трудно съ разу рѣшиться.»

Амрѣя свла подъ деревомъ; прилетѣлъ зябликъ, подпрыгивая вынулъ зернышко , осмотрѣлся и упорхнулъ. Что-то поползло по лицу Амрѣи , она смахнула , это была божья коровка. Она поползала по рукѣ, между пальцами, допозла до кончика пальца и полетѣла. «Какъ-то она будетъ рассказывать, гдѣ была? думала Амрѣя : славно этакой букашкѣ; куда прилетитъ , тамъ и родина ей. Чу! какъ поютъ жаворонки, имъ хорошо, имъ нечего обдумывать, какъ говорить и что дѣлать. А вонъ мясникъ со своей собакой! гонять изъ деревни теленка. У мясниковой собаки совсѣмъ иной голосъ, чѣмъ у жаворонка; да пвѣнемъ жаворонка и нельзя бы было пугнуть теленка.»

— Куда съ жеребенкомъ ? закричалъ въ окошко угольщикъ Матесь молодому парню, ведшему за узду жеребенка.

— Родель продалъ, раздался отвѣтъ, и скоро уже въ долину слышалось ржаніе жеребенка.

Амрѣя опять начала думать:

«Вотъ животное продаютъ отъ матери, а мать про то и не знаетъ ; кто заплатитъ , тотъ и возьметъ ; а человекъ купить вельзя, и кто не захочетъ, на того не надвнешь узду. А! вонъ Родель идетъ на своихъ лошадяхъ, большой жеребенокъ бѣжитъ подлѣ. Тебя также скоро впрягутъ въ оглобли, а можетъ быть и продадутъ. Человекъ не купишь , его можно только панять. Животное за свои труды получаетъ, вмѣсто жалованья, только еду да питье , а человекъ , кромѣ того , деньги беретъ. Да, вѣдь я могу идти теперь въ служанки, а на жалованье отдамъ Дами въ ученье , пусть будетъ также каменщикомъ. А

когда мы будемъ у дяди , Дами не будетъ ужь мой, какъ теперь. Вонъ летить домой скворецъ; тамъ на верху его домикъ, это еще отецъ выстроилъ; и какъ онъ весело поетъ ! А отецъ сдвигалъ домикъ изъ старыхъ досокъ. Я еще помню, какъ онъ говорилъ, что скворецъ не станетъ жить въ домикъ изъ новыхъ досокъ; я точно также не стала бы.... Слушай, дерево, вотъ что: если ты зашумишь , покуда я тутъ буду сидеть сегодня, я останусь....»

И Амрея начала прислушиваться. Вскорь ей послышалось, что дерево шумитъ; она посмотрѣла на вѣтви, онъ были недвижны, и она не понимала, что же она слышала.

Поднимая цѣлую тучу пыли, приближалось съ шумнымъ гоготаньемъ стадо гусей съ Бузиной Поляны. Амрея долго персраживала про себя ихъ гоготанье.

Глаза у нея закрылись, и она задремала.

Пышная весна распустилась въ ея душѣ, и цвѣтущія деревья въ долицѣ, увлаженныя ночной росой, вѣяли душистымъ воздухомъ на дѣвочку, уснувшую на родной почвѣ , съ которою она не въ силахъ была разстаться.

Уже ночь давно настала, когда она проснулась, и чей-то голосъ кричалъ: «Амрея, гдѣ ты?» Она встала, но ничего не отвѣчала. Съ удивленіемъ смотрѣла она на звѣзды, и ей казалось, что голосъ этотъ сходилъ съ небесъ; только когда окликъ повторился, узнала она голосъ Маранны и отвѣчала: «Я здѣсь!»

Тутъ подошла черная Маранна и сказала :

— Хорошо, что я нашла тебя. Всѣ въ деревнѣ какъ дураки какіе. Кто говорить: я видѣлъ ее въ лѣсу; кто говорить , что встрѣтилъ тебя въ полѣ, какъ ты въ горести бѣгала тамъ, и не оборачивалась ни на какой зовъ. А мнѣ думалось, ужь не бросилась ли ты прудъ. Тебѣ нечего бояться, моя милая, нечего убѣгать. Тебя никто не можетъ принудить отправиться съ дядей.

— Да кто же сказалъ, что я не хочу этого ?

Вдругъ по дереву пронеслась сильная струя вѣтра, и оно зашумѣло.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ, я не хочу! заключила Амрея, приложивъ руку къ дереву.

— Пойдемъ домой; разыгрывается непогода, сейчасъ поднимется вѣтеръ, настаивала черная Маранна.

Амрея шатаясь пошла домой съ черной Маранной. Что это значить, что люди видѣли ее , бѣгающую по полю и по лѣсу ?

или это только такъ говорила черная Маранна? Ночь была темна, хоть глазъ выколи, и только порой быстрая молнія озаряла яркимъ свѣтомъ дома и слѣпила очи. Маранна и Амрея принуждены были останавливаться; но когда молнія погасала, ничего не было видно. Въ родной деревнѣ своей блуждали онъ какъ въ чужой землѣ, и невѣрно подвигались впередъ. Къ тому же поднялся вихорь, такъ что едва можно было тронуться съ мѣста; измученныя, онъ добрались до дому подъ крупными каплями дождя.

Порывъ вѣтра распахнулъ дверь, и Амрея проговорила:

— Отомкнись!

Она вѣрно вспомнила сказку, гдѣ по одному волшебному слову отворяется заколдованный замокъ.

V.

Бузинная Поляна.

На слѣдующее утро, когда пришелъ дядя, Амрея объявила, что она остается. Странная смѣсь горечи и добродушія слышалась въ словахъ дяди, когда онъ говорилъ: «Право, ты уродилась вся въ мать: она никогда не хотѣла знать насъ; но Дами одного взять я не могу, хоть бы онъ и хотѣлъ этого. Онъ еще долго будетъ только ѣсть хлѣбъ, а ты могла бы и зарабатывать его.»

Амрея отвѣчала, что хочетъ зарабатывать хлѣбъ, здѣсь поближе, и что пріѣдетъ съ братомъ къ дядѣ потомъ, если онъ будетъ также расположенъ къ нимъ.

Изъявленіе участія дяди снова поколебало—было рѣшеніе Амреи, но, по своему обычному благоразумію, она не показала виду, и только сказала: «Поклонитесь отъ меня вашимъ дѣтямъ, и скажите имъ, что мнѣ очень тяжело, что я не видѣла самыхъ ближайшихъ родственниковъ своихъ; а теперь они увѣзжаютъ далеко, за море, и я, можетъ быть, уже никогда во всю жизнь ихъ не увижу.»

Дядя скоро собрался, и поручилъ еще Амрею поклониться отъ него Дами, потому что ему нѣкогда было самому проститься съ нимъ.

Затѣмъ онъ уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Дами, и узнавъ объ отъѣздѣ дяди, хотѣлъ бѣжать за нимъ; и сама Амрея готова была послѣдовать за братомъ; но она снова принудила себя не поддаваться

нерзительности. Она говорила и действовала, какъ-будто кто нащипывалъ ей каждое слово, и приказывалъ каждое дѣйствіе, а все-таки мысли ея блуждали по той дорогѣ, которою вѣдалъ дядя. Она пошла объ руку съ братомъ по деревнѣ, и кивала всемъ встрѣчнымъ. Вѣдь ее хотѣли увезти изъ родной стороны; она думала, что все также, какъ она, должны быть рады; но скоро однакоже замѣтила, что все не только съ радостью отпустили бы ее, но даже какъ будто сердились теперь, что она не уехала. Крапенцахеръ вытаращилъ на нее глаза и сказалъ:

— Да, дѣвушка, у тебя упрямая годовушка, и вся деревня сердится на тебя, что ты оттолкнула ногой свое счастье. Кто знаетъ, можетъ эта и не счастье вовсе, да они-то говорятъ такъ теперь про это дѣло; кто ни взглянетъ на тебя, всякій толкуетъ, что ты живешь на счетъ общества. Старайся же не нуждаться въ мірскомъ подаваніи.

— Да что же мнѣ дѣлать?

— Родельша хотѣла взять тебя въ услуженіе; да самъ-то Родель не конетъ.

Амрея чувствовала, что ей надо быть впередъ вдвое тверже, чтобы не заслуживать упрековъ ни отъ себя самой, ни отъ другихъ, и она еще разъ спросила Крапенцахера:

— Такъ вы не знаете ничего?

— Какъ не знать! тебя только ничто не должно пугать, кроме просьбы о подаваніи. Развѣ ты не слыхала, что глупый Фридолишъ убилъ вчера двухъ гусей у Кирхешни? Теперь мѣсто гусятницы свободно, я советую тебѣ взять его.

Дѣло скоро сладилось, и уже въ полдень Амрея гнада гусей на Бузинную Поляну, въ пивовой роць, на горъ, у Голоднаго Ключа. Дамъ усердно помогаль сестрѣ.

Черная же Маранна была не довольна этой новой службой, и утверждала не безъ основанія:

— У кого была этакая служба, того во всю жизнь пресѣдуютъ; люди никогда не забудутъ этого, и всегда будутъ попрекать; всякой еще призадумается, взять ли тебя въ услуженіе, все будутъ говорить: да вѣдь она гусятница; а если и возьмутъ изъ милости, такъ ты станешь подучать маденькое жалованье, и съ тобой будутъ дурно обходиться, все будутъ говорить: для гусятницы и то ладно.

— Нѣтъ, мнѣ не будетъ такъ дурно, отвѣчала Амрея:—вѣдь

исказывали же столько сказокъ, гдѣ гусятицы дѣлались мевани.

То было въ старыя времена. А впрочемъ, кто знаетъ! Ты словно еще изъ старыхъ временъ; иногда мнѣ кажется, и не дитя вовсе; кто знаетъ? можетъ и съ тобой, ста-ша, сотворится какое-нибудь чудо.

ею сильно изумило указаніе, что она стоитъ еще не на і ступени общественной лѣстницы, и что есть еще ступенекоторымъ она можетъ спуститься еще ниже. Для самой же она не желала ничего лучшаго, но она не стала больше по-дами стеречь съ нею гусей. Онъ мужчина, изъ него бы выйдти человекъ, и ему повредило бы, еслибы его было упрекнуть, что онъ прежде пасъ гусей. Но при желаніи, Амрею не могла разъяснить ему этого, и онъ и ссорился съ сестрой; всегда бываетъ такъ: тамъ, гдѣ есть дѣйствовать разсудокъ, начинается досада. Внубезсиліе выказывается во вѣшной несправедливости и

я почти радовалась, что Дами могъ сердиться на нее дней: онъ учился на ней противостоять свѣту, и отъ свою собственную волю.

, между тѣмъ, скоро сыскалъ себѣ должность. Опекунъ дель, взявъ Дами пугать птицъ въ своемъ фруктовомъ Дами долженъ былъ целый день вертѣть трещетку, что-гивать воробьевъ съ вишневыхъ деревьевъ и съ салат-рядъ; онъ однакожь скоро отказался отъ этой обязан-забавлявшей его въ первое время.

ность, принятая на себя Амрею, была хоть и пріятна, но льна; часто особенно было ей грустно, что она не зна-съ привязать къ себѣ своихъ птицъ. Ихъ съ трудомъ было даже отличать другъ отъ друга, и не совсѣмъ сказала ей однажды черная Маранна, прійдя на мохо-отъ: что животныя, живущіе стадами, каждое отдѣль-щя.

И я тоже думаю, прибавила Амрея:—гуси потому такъ что они слишкомъ многого могутъ дѣлать; могутъ и и ходить, и летать, а нигдѣ совершенно не свободны—одъ, ни на землѣ, ни въ воздухѣ, отъ того-то они и

—Я такъ думаю, отвѣчала черная Маранна:—что въ тебѣ сидитъ старый отшельникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Амреѣ образовались отшельническія мечты, рѣдко освѣщаемыя жизненнымъ расчетомъ; но при всѣхъ мечтахъ и размышленіяхъ своихъ она тщательно вязала и не спускала ни одной петли. Какъ у корня соседней груши рядомъ росли опьяняющая псинка и освѣжительная клубника, и росли такъ близко другъ къ другу, словно выходили изъ одного съмени, — такъ же близки были въ сердцѣ дитяти ясный взглядъ и туманная мечтательность.

Бузинная Поляна не была совершенно уединеннымъ мѣстомъ, гдѣ невольно обступаютъ человека образы тихаго сказочнаго міра. По самой серединѣ поляны шла дорога въ Эндрингенъ, не далеко стояли разноцвѣтные столбы съ гербами двухъ владѣльцевъ, которыхъ земли тутъ сходились. Провзжали здѣсь крестьяне съ разными земледѣльческими орудіями, проходили мужчины, женщины и дѣвушки съ заступами, косами и серпами. Появлялись и ланд-егери изъ обоихъ владѣній, и стволы ихъ ружей еще издали блестяли. Амреѣ, если она сидѣла у дороги, почти всегда кланялся эндрингенскій егеръ, и иногда предлагалъ ей вопросы, не проходилъ ли здѣсь такой-то или такой-то; но она никогда не отвѣчала, можетъ быть утаивая правду, по известной неприязни народа и особенно деревенскихъ дѣтей къ ланд-егерямъ, на которыхъ они смотрятъ, какъ на вѣчно вооруженныхъ враговъ человечества, бродящихъ вездѣ и ищущихъ, кого бы имъ погубить.

Манцъ изъ Тейсле, разбивавшій камни при дорогѣ, не перебрасывался ни однимъ словомъ съ Амреей: онъ ходилъ отъ одной кучки камней къ другой и стукъ его кирки раздавался такъ же неумолчно, какъ долбня дятла въ лѣсу и стрекотанье кузнечиковъ въ окрестныхъ лугахъ.

Но, помимо всей окружающей жизни, часто уносились Амрею въ область грезъ, вольной птицей возносились ея душа въ безграничный эфиръ. Какъ жаворонки, что поютъ и веселятся и не хотятъ знать, гдѣ граница пашни того или другаго земледѣльца, и уносятся за межевые столбы и за грани цѣлыхъ земель, такъ и душа дѣвочки не знала преградъ, воздвигаемыхъ тѣсной дѣйствительностью. И все обычное облекалось для нея въ одежду чудесъ, и чудеса становились въ рядъ повседневныхъ явленій. «Чу, какъ кричитъ кукушка, это живое эхо лѣса,

ебя зовущее, само себя отвѣчающее! птица сидитъ надъ въ вѣткахъ лѣсной груши, но ты не смотри на нее, а улетишь прочь. Какъ громко кричитъ она, какъ неуто- какъ далеко разносится этотъ крикъ, изъ какой дали его. У маленькой птицы голосъ сильнѣе, чѣмъ у человѣка. а на дерево, да попробуй закричать какъ она, тебя не стъ такъ далеко, какъ эту птицу, а она вся-то съ ку- . Ну, а что, если это заколдованный принцъ, и вдругъ б говорить? Задай только мнѣ загадку, я подумаю и от- и освобожу тебя отъ зарока, и поведемъ мы къ тебѣ въ дворецъ, и возьмемъ съ собой черную Маранну, и Да- кенится Дами на принцессу и пошлемъ мы гонцовъ по вѣсту — искать Югана черной Маранны, и кто найдетъ му достанется цѣлое королевство. Ахъ, зачѣмъ это все да, и отчего все это думается, если это неправда.»

о время, какъ мысли Амреи витали Богъ знаетъ гдѣ, гу- оже переступили должныя границы, и съ удовольстві- схаживали по сосѣднему полю, засѣянному клеверомъ, орые забралась даже въ просо и овесъ. Когда Амрея б отъ своихъ мечтаній, немалого труда стоило ей со- хъ опять; собравшись, много рассказывали они о при- земль, гдѣ прогуливались; расскажем и гоготанью не внца, и еще долго потомъ то тамъ, то сямъ прогова- нной гусь какъ во снѣ и про себя какое нибудь много- льное слово, а нѣкоторые молчаливо мечтали, запрятавъ подъ крыло. И опять унеслись далеко мечты Амреи. этия птицы, и ни одна изъ птицъ не заннется въ воз- даже ласточка въ своемъ причудливомъ полетѣ. Всегда на, всегда свободна. О, еслибъ можно было летать! Ка- мженъ казаться свѣтъ, какъ взглянуть на него оттуда, летаетъ жаворонокъ! «Полетѣла бы все выше и выше, ьше и дальше. Полетѣла бы по широкому свѣту къ идшь, и посмотрѣла бы, что она дѣлаетъ, и спросила бы нить ли она меня.»

Вспоминаетъ ли меня
На чужой сторонкѣ?

запѣла вдругъ Амрея посреди своихъ думъ, грезъ и і, и опять стало спокойно и ровно ея дыханіе, которое
СХLVII. — Отд 1.

при мысли о полетѣ становилось все тяжеле и быстрее, словно и въ самомъ дѣлѣ носится она въ поднебесьи.

Но не все разгораются щеки отъ грезъ на яву, не все ясно свѣтитъ солнце надъ распустившимися цвѣтами и надъ волнующею жатвой. Еще весной наступили тѣ сырые, холодные дни, когда деревья въ цвѣту стоятъ будто зябкіе чужеземцы, и едва проглядываетъ солнце, и постоянный ознобъ ходитъ по всей природѣ, и порой буйный вѣтеръ обрываетъ и уноситъ цвѣтъ деревьевъ; только жаворонокъ ликуетъ еще въ воздухъ, вѣрно далеко за облаками, да жалобно пищитъ зябликъ въ зелени львеной груши, около которой, прислонясь къ ея пню, стоитъ Амрея. Манцъ всталъ подале, подѣ липой у деревяннаго выкрашеннаго красной краской, креста и бѣлыми полосами хлещетъ шумный градъ, и гуси стоятъ поднявъ къ верху носы, чтобы градъ, по деревенскому повѣрью, не прошибъ имъ мягкаго мозгу; но тамъ за Эндрингеномъ уже свѣтло, а вотъ выглянуло и солнце, и горы, и лѣсъ, и поля, все смотритъ какъ человеческое лицо, выплакавшее свой страхъ и ярко озарившееся радостью. Въ воздухъ и на деревьяхъ весело щебечуть птицы, и гуси, согнанные грозой и въ изумленіи поднимавшіе носы, рвшаются теперь расходиться, щипать траву, гоготать и толковать о минувшемъ событіи со своими юными, пушистыми птенцами, которые въ первый разъ на вѣку своемъ видѣли такую бѣду. Послѣ первой непогоды, застигшей Амрею, она стала принимать предосторожности и на будущее время. Всякій разъ, выгоняя гусей, брала она съ собой пустой хлѣбный мѣшокъ, доставшійся ей послѣ отца. На мѣшкѣ еще не стерлись два нарисованные топора крестъ-на-крестъ и имя отца; Амрея въ непогоду прикрывалась мѣшкомъ и почти совсѣмъ завертывалась въ него; сидя подѣ мѣшкомъ, какъ подѣ спасительной крышей, смотрѣла она изъ-подѣ него на странную борьбу, происходившую на небѣ. Часто холодная дрожь, переходившая въ тоску, овлаждала Амреей; ей хотѣлось плакать надъ судьбой своей, оставившей ее одинокой на свѣтѣ, безъ отца, безъ матери; но Амрея рано приобрѣла трудно-дающееся искусство и силу—удерживать слезы.

Амрея отгоняла отъ себя тоску особенно припоминая одну поговорку черной Маранны: кто не хочетъ, чтобы у него зябли руки, пусть сожметъ кулаки. Амрея такъ и дѣлала, душевно и тѣлесно; смѣло смотрѣла на свѣтѣ, и ясность скоро являлась на

ея; она любовалась блестящей молніей, и тихо подражала оумъ грому. Гуси, снова собравшіеся вмѣстѣ, опять съ удивемъ смотрѣли въ небо; но имъ все-таки было хорошо: недимая одежда росла на нихъ, и въ замѣнъ вылинявшаго весплатья, выросло новое; а теперь, когда непогода минои снова все радуется въ воздухъ и на деревьяхъ, гуси радуются рѣдкому пиру: сбившись въ кучу, лакомятся они зпими наружу улитками и лягушками.

лько одна черная Маранна узнавала кое-что изъ тысячи, жившихъ въ Амрѣ, когда, возвращаясь изъ лѣсу, Мараннимала съ плечъ своихъ около гусятницы вязанку дровъ и къ съ пойманными жуками и червями, и отдыхала. Оды Амрѣ сказала ей:

Знаете ли, тетушка, зачѣмъ вѣть вѣтеръ?

Нѣтъ; а ты развѣ знаешь?

Да, я примѣтила, зачѣмъ. Вы поглядите только: все, что сть, должно двигаться. Птица вонъ летаетъ, жукъ ползаетъ, ъ, олень, лошадь и всѣ другія животныя бѣгаютъ, и рыба етъ и лягушка тоже, а вотъ дерево, рожъ и трава стоятъ, могутъ шевелиться, а вѣдь они должны же расти и расатся, вотъ и приходитъ вѣтеръ, и говоритъ: «Стой-знай, ъ постараюсь объ тебѣ. Видишь, какъ я тебя ворочаю, ъ, наклоняю и шевелю? Радуйся, что я прихожу, а то бы деревцо, скорчилось и изъ тебя ничего бы не вышло; если утомлю тебя, это тебѣ на пользу, ты само почувствуешь

і такія рѣчи черная Маранна всегда говорила свою обыкновеную фразу:

Я такъ думаю, что въ тебѣ сидитъ душа стараго отшель-

лько разъ помогла Маранна мыслямъ Амрѣ принять друнаправление.

ь высокой ржи постоянно билъ перепелъ, а подлѣ Амрѣ поцвѣлый день расплывалъ на землѣ полевой жаворонокъ, проваясь взадъ и впередъ; онъ пѣлъ такъ задушевно, такъ пѣго проникало глубоко въ душу, какъ будто хотѣло высосать нея всю радость жизненную. Это пѣнье было лучше трелей юбесваго жаворонка, уносявшагося такъ высоко; часто птичка содѣла совсѣмъ близко къ Амрѣ, и Амрѣ почти громко го-

ворила: «Зачѣмъ не могу я сказать тебѣ, что ничего не одѣлаю тебѣ? Останься тутъ!» Но птичка пугалась и снова упархивала. Но подумавши, Амрея говорила себѣ: «Вѣдь это все-таки хорошо, что птицы боятся, иначе нельзя было бы отгонять вороватыхъ воробьевъ.»

Разъ когда Маранна пришла къ ней въ полдень, Амрея сказала ей:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что можетъ говорить цѣлый Божій день такая птичка, а вѣдь она безъ умолку болтаетъ.

На это отвѣчала Маранна:

— Видишь ли ты, этакой звѣрочекъ ничего не можетъ удержать въ себѣ, и про себя, въ душѣ, говорить тоже не можетъ, вотъ онъ лепечетъ и поетъ; въ человѣкѣ же всегда что-то говорить, никогда не перестаетъ, но не все говорится громко; въ человѣкѣ мысли и поютъ, и плачутъ, и говорятъ, но такъ тихо, что и самому-то ему едва можно ихъ слышать, а такая птичка, если перестала пѣть, то значить или вѣть или спать.

Когда черная Маранна уходила съ вязанкою дровъ, Амрея улыбаясь смотрѣла ей вслѣдъ. «Она теперь про себя поющая птица», думала дѣвочка, и только солнце одно видѣло, какъ она долго еще тихо улыбалась своей мысли.

Амрея жила такъ день за днемъ, по цѣлымъ часамъ могла она мечтательно смотреть, какъ тѣнь вѣтвей лѣсной груши, тронутый дыханьемъ вѣтра, шевелилась по землѣ и какъ темныя точки ползали и копошились словно муравьи; потомъ засматривалась она на неподвижную массу тучъ, или на бродячія летучія облака, перегонявшія другъ-друга. И такъ же, какъ въ широкомъ небесномъ пространствѣ, толпились, блуждали и расплывались разнообразныя туманныя картины, незримыя, минутой порождаемыя и минутой уносимыя. Кто услѣдитъ, какъ образуются эти тучки въ небѣ и въ сердцѣ человѣческомъ?

Когда надъ землей появляется весна, не наглядись на тысячи различныхъ травъ и цвѣтовъ, возникающихъ повсюду, не наслушайся радостнаго пѣнія на вѣткахъ и въ воздухѣ. Посмотри хорошенько и прислушайся хоть къ одному жаворонку: вотъ онъ взлетаетъ, съ минуту еще видишь ты, какъ взмахиваетъ онъ крыльями, съ минуту еще отличаешь его какъ черную точку, и наконецъ онъ исчезъ изъ глазъ. Ты еще слышишь пѣніе, но откуда оно доносится, не знаешь. И если бы могъ ты слѣдить цѣлый

за жаворонкомъ, ты бы услыхалъ, что онъ поутру, въ полдень и вечеромъ поетъ различно; и если бы ты могъ прослѣдить его пѣнье отъ первыхъ боязливыхъ восклицаній весной, ты бы слыхалъ, что онъ поетъ на различные лады весною, лѣтомъ и осенью.

Тогда весна начинается въ душѣ человѣка, когда и передъ нимъ и въ немъ самомъ распускается цѣлый міръ, также не можетъ и не удержать тебя этихъ тысячи голосовъ, этого тысячаобразнаго расцвѣта. Ты знаешь только, что и поется и цвѣтеть въ душѣ.

Какъ тихо живется потомъ! какъ растенію, глубоко утвердившему корень. У львиной груши живая изгородь изъ терновниковъ на немъ цвѣтутъ рано, но рѣдко созреваютъ. И какъ красивый цвѣтъ былъ у брусники, какой душистый, и вотъ изъ него образовались уже маленькія ягоды, и начинаютъ краснѣть и ядовитая голубика. Наступаютъ ясные жатвенные дни, небо безоблачное, синее, весь день виднѣтъ въ немъ солнце, видишь, какъ онъ нарождается и убываетъ, блѣдая въ немъ какъ едва приметное облачко. И природа, и душа человѣка какъ-будто задерживаютъ дыханіе, приближаясь къ цѣли. И вотъ началась шумная жизнь по дорогѣ, проходящей черезъ ую Поляну: громко стуча, провзжали пустыя телеги, на сидѣли женщины и дѣти, и смѣялись, подпрыгивая отъ смѣха и отъ смѣха; порой тихо двигался покрякивая тяжелый поповъ, а жнецы и жницы шли подлѣ.

Съ досталось отъ богатой жатвы не больше, чѣмъ гусямъ горные иногда, съ дерзкимъ нахальствомъ, бросались къ енному возу и разщипывали свѣсившійся колось.

Какъ зажелтѣетъ соломой первое сжатое поле, радость, что жатва убрана и свезена уже домой, соединяется въ душѣ жатвенномъ-то грустнымъ чувствомъ: ожиданіе уже превратилось въ сожалѣніе, и тамъ, гдѣ все такъ волновалось, теперь пусто. И жатва перемѣничиво. Лѣто клонится къ концу.

Въ ую Поляну былъ обгороженный родникъ, около котораго любили толпиться гуси; вода родника считалась лучшею по чистотѣ, и провзжіе не пропускали случая напиться изъ него. И часто лошади уходили у нихъ впередъ: тогда жатва наскоро ротъ, торопились они догнать свою телегу и вслѣдъ покрякивая. Другіе, возвращаясь съ поля, поили вонхъ коней.

Амрея приобрѣла благосклонность многихъ, предлагая для питья маленькій глиняный горшечекъ, который она выклячила у черной Маранны; только что показывался у ключа прохожій, Амрея подходила и говорила: «Изъ этой посуды вамъ будетъ удобнѣе напиться.» При возвращеніи горшечка, на нее обращался то продолжительный, то бѣглый взоръ, и это было ей такъ пріятно, что она почти сердилась, когда люди проходили, не останавливаясь напиться. Тогда она становилась у ключа, и то наполняла горшечекъ, то выливала его; если же всѣ эти знаки не помогали, вспугивала гусей, неожиданно окачивая ихъ.

Однажды провзжала тележка, запряженная двумя красивыми лошадьми, и толстый оберландскій мѣщанинъ одинъ занималъ почти всю скамейку. Онъ остановился на дорогѣ и спросилъ:

- Нѣтъ ли у тебя посудинки, изъ чего бы напиться, дѣвочка?
- Какъ же, я сейчасъ принесу.

И Амрея поспѣшно принесла горшечекъ, наполнивъ его водой.

— А! сказалъ оберландецъ, хлебнувъ порядочный глотокъ, и приостанавливаясь.— Вѣдь этакой воды въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь.

Онъ снова принялся за кружку, и при этомъ далъ знакъ Амрею, чтобы она молчала, потому что онъ собирается напиться хорошенько, а разговоръ во время питья только мѣшаетъ: торопись пить, и можешь захлебнуться.

Дѣвочка, казалось, поняла это, и только когда провзжій возвратилъ ей кружку, отвѣчала ему:

— Да, эта вода и хороша и здорова; вы бы и лошадей напоили.

— Лошади разгорячились, и пить имъ нельзя. Ты, дѣвочка, изъ Гальденбруна?

— Да.

— А какъ тебя зовутъ?

— Амреей.

— А чья ты?

— Ничья; отецъ мой былъ Юзенгансъ.

— Юзенгансъ, что служилъ у Роделя?

— Да.

— Я хорошо зналъ его. Жаль, что онъ умеръ такъ рано. Постой, дѣвочка, я дамъ тебѣ кое-что.

Онъ вытащилъ изъ кармана большой кожанный мѣшокъ, долго рылся въ немъ и наконецъ сказалъ:

— Вотъ возьми-ка.

— Я не хочу подарковъ, спасибо, я ничего не беру.

— Бери, полно! отъ меня тебѣ можно взять. Не Родель ли у тебя опекуномъ?

— Да, онъ.

— Могъ бы, кажется, изъ тебя сдѣлать что-нибудь получше гусятницы. Богъ съ тобой!

Тележка покатила дальше; монета осталась въ рукахъ у Амрея.

«Отъ меня тебѣ можно взять... Кто же этотъ человекъ, что онъ можетъ такъ говорить, и зачѣмъ онъ не сказалъ, кто онъ? Э! да это грошъ, и на немъ птица. Ну, не обвѣдываетъ отъ этого, а я не разбогачью.»

Во весь этотъ день Амрея не предлагала своего горшечка прохожимъ. Въ ней явился тайный страхъ, что ей могутъ еще подарить что-нибудь.

Вечеромъ, возвратившись домой, сказала ей черная Маранна, что Родель присылалъ за ней, и чтобы она тотчасъ шла къ нему.

Амрея поспѣшила къ опекуну, и Родель, только что вошла она, спросилъ у нея:

— Что сказала ты Ландфриду?

— Я не знаю никакого Ландфрида.

— Онъ былъ сегодня у тебя на Бузинной Полянѣ, и что-то подарилъ тебѣ.

— Я не знала, кто это, а вотъ его деньги.

— Это не мое дѣло. Скажи только, дьяволенокъ ты этакой, положи руку на сердце: развѣ я говорилъ тебѣ сдѣлаться гусятницей? Если ты сегодня же не бросишь эту должность, я не хочу больше быть твоимъ опекуномъ. Я не позволю такъ говорить обо мнѣ.

— Я предъ всѣмъ свѣтомъ завѣрю, что вы тутъ ни въ чемъ не виноваты; но бросить эту должность я не могу, по-крайней-мѣрѣ до конца лѣта. Я должна же кончить что начала.

— Ты вѣдь, известно, зелье, заключилъ Родель, и вышелъ изъ комнаты; большая жена его, лежавшая въ постели, воскликнула:

— Ты права, оставайся только, какъ есть: предсказываю, бу-

деть тебѣ хорошо. И сто лѣтъ пройдетъ, въ деревнѣ будутъ говорить про счастливецѣ такъ: онъ счастливъ какъ сынъ Бронзи, Северинъ, и какъ Амрея Юзенгансова. Черствый хлѣбъ твой еще попадетъ въ медъ.

Большую Родельшу считали немножко тронувшуюся; Амрея испугалась и ушла, не сказавъ ни слова.

Она рассказала черной Мараннѣ, какое случилось съ ней чудо. Съ нею говорилъ Ландфридъ, о женѣ котораго она такъ часто думала, вступился за нее передъ Роделемъ, и подарилъ ей кое-что. И она показала при этомъ монету. Маранна засмѣялась и вскричала:

— Да, я и сама бы угадала, что это Ландфридъ. Это на него похоже! Дарить бѣдному ребенку фальшивый грошъ.

— Отъ чего же онъ фальшивый? спросила Амрея и слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— Да, это, известно, чугунный грошъ, онъ стоитъ всего полтора крейцера.

— Да онъ и хотѣлъ подарить мнѣ только полтора крейцера, строго сказала Амрея. И тутъ впервые выказалось въ ней душевно противорѣчье съ черной Маранной. Маранна почти радовалась каждому злему поступку людей; Амрея же, напротивъ, на все смотрѣла съ хорошей стороны: она была всегда счастлива, и какъ ни много терялась въ мечтахъ, но отъ дѣйствительности ничего не требовала; ее удивляло все, что она ни получала, и всегда и за все была она благодарна.

— Онъ и хотѣлъ подарить мнѣ только полтора крейцера, не больше, и этого довольно, и я рада.

Это она не разъ сердито повторила, пока ѣла супъ, какъ-будто говоря съ черной Маранной, хотя той и не было въ комнатѣ.

Въ этотъ же вечеръ Амрея сшила вмѣстѣ двѣ тряпочки и между ними зашила грошъ, повѣсила его какъ образокъ на шею, и спрятала на груди. Казалось, вычеканенная на монетѣ птица пробуждала что-то радостное въ груди дѣвочки, потому что съ утра до ночи она пѣла разныя веселыя пѣсенки, и все думала о Ландфридѣ; она знала теперь и мужа и жену, и отъ обоихъ было у ней кое-что на память; ей все казалось, что ее оставили тутъ на время, и что вотъ-вотъ подѣдетъ тележка о двухъ лошадакъ, и въ ней сидятъ ся знакомцы, они возьмутъ

собой и скажутъ: «ты вѣдь наша, дѣвочка!» Навѣрное ридъ рассказываетъ теперь дома о своей встрѣчѣ съ ней. страннымъ выраженіемъ во взглядѣ смотрѣла она часто енное небо; оно было такъ ясно, такъ безоблачно, и луга какъ зелены, и конопля, разложенная для сушки, покрытыхъ какъ тонкая сѣть; между нею проглядываютъ марин; вороны летаютъ надъ полями взадъ и впередъ, и черерья ихъ блестятъ на солнцѣ; воздухъ не колеблется, кобродятъ по сжатымъ пашнямъ, со всѣхъ полей раздаются бичей и пѣніе, лѣсная груша задумчиво стоитъ и ролисточки. Осень наступила.

тій разъ, какъ возвращалась домой, Амрею вопросительнола на черную Маранну: она думала, не скажетъ ли та, что ридъ присылалъ за ней; съ тяжелымъ сердцемъ гоняласей на ржаные поля, что были такъ далеко отъ дороги, заглядывала на Бузинную Поляну. Но уже кусты торчали истьевъ, жаворонки едва щебетали, тяжело и низко летая, еще не приходило никакого извѣстія, и Амрею пугала какъ тюрьма какая. Она утѣшала теперь себя полученжалованьемъ; его все-таки было не мало. Никто изъ ея ценныхъ не умеръ, и даже не охромѣлъ. Черная Маранна на по хорошей цѣнѣ собранная Амреею перья.

да по деревнѣ только и слышно было, что стукотня цѣ- Амрея сказала однажды:

Все лѣто зерна въ колосьяхъ слышали надъ собой только жаворонковъ, а теперь люди бьютъ ихъ по головамъ цѣпаго совсѣмъ нная музыка.

А въ тебѣ, что ни говори, сидитъ душа стараго отшельзамѣтила, по обыкновенію, черная Маранна.

VI.

ЧЕРНАЯ МАРАННА.

ная Маранна вела одинокую, удаленную отъ всѣхъ жизнь, вали въ деревнѣ неслудимкой; единственною пищей были янка и картофель, картофель и овсянка. Она всегда жпбнякомъ, вся погруженная въ самое себя, и не любила гься съ людьми. Только къ осени овладѣвало ею сильное

безпокойство: она часто шептала что-то себѣ подъ-носъ и нередко заговаривала съ людьми, особенно съ посторонними, проходившими чрезъ деревню; справлялась, не пришли ли домой каменщики, оттуда-то и оттуда-то, и не говорили ль чего-нибудь объ ея Юганѣ. Когда она бучила и стирала холстъ, выбѣленный лѣтомъ, и всю ночь спать не ложилась, она все шептала что-то. Ничего нельзя было понять, только ясны были иногда слова: «это тебѣ; а это мнѣ.» Она ежедневно читала по двѣнадцати разъ «Отче нашъ» за своего Югана, а въ ночь стирки повторяла молитву безъ счету. Когда же выпадалъ первый снѣгъ, она становилась особенно весела. Теперь кончена работа въ людяхъ, теперь онъ воротится. Тогда она часто разговаривала съ бѣлой своей курицей, и говорила, что ей придется умереть, когда воротится Юганъ.

Такъ прошло много лѣтъ, и деревенскіе перестали уже говорить Мараннѣ, что глупо постоянно думать о возвращеніи Югана, но Маранна не исправилась, а только стала чуждаться людей.

Въ эту осень уже минуло восемнадцать лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ ушелъ Юганъ. Каждый годъ публиковали въ газетахъ Югана Михаэля Винклера въ числѣ пропавшихъ безъ вѣсти. Ему было теперь тридцать шесть лѣтъ.

По деревнѣ ходили слухи, что Юганъ ушелъ съ цыганами, и поэтому мать приняла разъ за сына молодого цыгана, который поразительно походилъ на пропавшаго; онъ былъ такой же коренастый, и лицо такое же смуглое; кажется, онъ былъ не совсѣмъ недоволенъ, что его принимаютъ за Югана; но Маранна начала его испытывать: у ней былъ еще цѣль молитвенникъ, съ которымъ конфирмовался Юганъ; а кто не узнавалъ и не умѣлъ сказать, кто были ему крестнымъ отцемъ и крестною матерью, и что съ нимъ случилось въ тотъ день, какъ Северинъ Броннъ пріѣхалъ съ англичанкой, и потомъ когда рыли новый колодезь,—кто не зналъ этого и еще кой-чего другаго, тотъ не могъ быть настоящимъ Юганомъ. Все-таки Маранна давала у себя пріютъ молодому цыгану всякій разъ, какъ онъ приходилъ въ деревню и уличные мальчишки кричали ему вслѣдъ: «Юганъ! Юганъ!»

Юганъ былъ занесенъ въ рекрутскій списокъ и хотя мать говорила, что онъ слишкомъ малъ ростомъ и не выйдетъ въ

мру, но она знала, что ему, по возвращеніи, не избѣгнуть штрафа; оттого-то, думала она, и не возвращается Іоганъ, и соединяла въ молитву желаніе добра сыну.

Каждый годъ Маранна получала въ подарокъ отъ школьнаго учителя листъ газеты, въ которомъ былъ показанъ въ числѣ выбывшихъ Іоганъ, и клала газету къ его молитвеннику. Хорошо, что въ этотъ годъ Маранна уже не могла читать: учитель, вмѣсто желаемого, прислалъ ей другой листокъ. Странные толки ходили по всей деревнѣ и часто было слышно: «Черной Мараннѣ ничего не сказываютъ. Это убьетъ ее. Она съ-ума сойдетъ, узнавши.» Дѣло шло объ извѣстіи, полученномъ изъ Парижа отъ посланника, о томъ, что Іоганъ Винклеръ изъ Гальденбруна убитъ въ Алжирѣ въ сраженіи. Это извѣстіе должно было пройти много инстанцій и рукъ, прежде чѣмъ дошло до деревенскаго совѣта.

Въ деревнѣ не мало удивлялись тому, что столько важныхъ чиновниковъ занимаютъ участію Іогана. Въ общественномъ совѣтѣ рѣшили—ничего не говорить черной Мараннѣ. Жестоко было бы отравить послѣдніе годы ея жизни и отнять у нея послѣднее утѣшеніе.

Но, вмѣсто того, чтобы скрыть полученное извѣстіе, члены совѣта поспѣшили все разболтать дома, и вся деревня тотчасъ узнала о гибели Іогана, исключая одной черной Маранны. Вся какъ-то странно смотрѣли на нее, боялись выдать тайну и не говорили съ ней, даже едва отвѣчали на ея привѣтствія. Надо было отличатся такими странностями, какъ черная Маранна, чтобы не смутиться всѣмъ этимъ. Если кто и говорилъ съ ней о смерти Іогана, то только въ видѣ предположенія; но такъ какъ это продолжалось уже нѣсколько лѣтъ, то Маранна такъ же мало вѣрила предположеніямъ, какъ и прежде; объ извѣстіи никто ей не говорилъ.

Лучше было бы, еслибы и Амрею ничего не знала; но есть какое-то особенное наслажденіе—подойти какъ можно ближе къ недосыгаемому, и потому каждый говорилъ съ Амреей о печальномъ происшествіи, предостерегалъ ее не говорить о немъ черной Мараннѣ и хотѣлъ знать, нѣтъ ли какихъ-нибудь предчувствій у матери и не случилось ли чего дома. Амрея постоянно чувствовала внутренней страхъ и трепетъ. Она одна была такъ близка къ черной Мараннѣ, между тѣмъ ей приходилось

таняться отъ нея. Хозяева, у которыхъ черная Маранна наняла себѣ комнатку, стали тоже бояться близости ея и выказали свое участіе тѣмъ, что отказали ей отъ квартиры. Но какъ странно сплетаются разные случаи въ жизни! Это происшествіе доставило Амреѣ вмѣстѣ съ горемъ и радость: снова отворился для нея родной ея домикъ; черная Маранна переехала туда съ Амреей; Амрея сначала ходила въ волненіи взадъ и впередъ по комнатамъ, и когда раскладывала огонь или приносила воду, все думала: «вотъ теперь придутъ мать съ отцомъ»; но, мало-помалу, привыкла и успокоилась. Она день и ночь пряла, пока не накопила столько денегъ, чтобы купить у угольщика Матеса часы съ кукушкой, принадлежавшіе ея родителямъ. Теперь у ней была, наконецъ, своя собственность. Но часы пострадали въ чужихъ рукахъ; у нихъ пропала половина голоса, кукушка выкрикивала только одно «ку», другое какъ-будто останавливалось у нея въ горлѣ; въ первое время Амрея всякій разъ почти безсознательно добавляла второе «ку». Когда она жаловалась Мараннѣ, что часы дурно бьютъ и вообще уже не такъ хороши, какъ были во время ея дѣтства, черная Маранна сказала:

— Какъ знать! еслибы на старости случилось съ нами точь-въ-точь то, что въ дѣтствѣ было намъ полнымъ счастьемъ, можетъ быть и тутъ была бы, какъ въ часахъ твоихъ, только половина прежняго. Ахъ, еслибы я могла, дитя, выучить тебя! мнѣ дорого стоило самой выучиться правилу — не желать ничего изъ прошедшей жизни! Да этому словами не научишь: надо пролить много поту и много слезъ. Не привязывайся ни къ чему, ни къ людямъ, ни къ вещамъ, тогда ты будешь вольной пташкой.

Ръчи Маранны были дики и страшны и раздавались только въ сумеркахъ, какъ крикъ звѣря въ лѣсу.

Трудно было Амреѣ привыкнуть къ ней.

Черная Маранна не терпѣла часовъ съ кукушкой; она сняла съ нихъ совсѣмъ боевую гирю, такъ что часы только постукивали маятникомъ, но уже не били. Говоръ часовъ былъ также противенъ черной Мараннѣ, маятникъ беспокоилъ ее, и потому часы, наконецъ, совсѣмъ уже не заводились. Маранна говорила, что часы у ней въ головѣ, и въ-самомъ-дѣль это было такъ. Она всегда знала, который часъ, хотя это было для нея все равно. Маранна была очень бодра, и какъ-будто всегда на стра-

ожиданія сына. Хотя она ни у кого не бывала въ де-
ти ни съ кѣмъ не говорила, но знала все, что случалось,
самыя потаенныя дѣла. Она угадывала многое изъ того,
юди встрѣчались, угадывала изъ ихъ отрывочныхъ словъ:
все боялись и обгали ее. Она называла себя женщиной
ей, а между тѣмъ она была полна жизни. Нѣсколько лѣтъ
здава она каждый день по нѣскольку можжевельныхъ ягодъ,
говорила, что оттого она и бодрая такая, что оттого
съ виду 66 лѣтъ. Когда въ цифрѣ годовъ ея стали
двѣ шестерки, на нее начали смотреть какъ на колдунью,
не совсемъ вѣрили этому. Говорили, что Маранна донтъ
рную козу по цѣлымъ часамъ, и та все даетъ множество
по что, доя свою козу, она тянетъ молоко изъ выме-
ихъ коровъ, именно принадлежащихъ тѣмъ, кого она не-
тъ; особенно замѣчали эту продѣлку на скотницѣ Родоля.
Маранна разводила много куръ — и это считали кол-
мъ; откуда было ей взять корму для нихъ и какъ мо-
на постоянно продавать и яйца и цыплятъ? Конечно, лѣ-
сто видали, какъ она собираетъ майскихъ жуковъ, стре-
разныхъ червей, а въ темныя ночи ходитъ, точно блу-
гонекъ, между могилъ съ зажженной лучиной въ рукахъ
аетъ дождевыхъ червей, выползающихъ наружу, и все
шепчетъ. Говорили даже, что въ тихія зимнія ночи она
странныя рѣчи съ своей козой и курами, зимующими въ
ать. Весь этотъ дикій рой разказовъ про вѣдьмъ и кол-
прогнанный школьнымъ воспитаніемъ, снова воскресъ у
ъ воображеніи и былъ приуроченъ къ черной Мараннѣ.
лгія и тихія зимнія ночи, Амрею часто чувствовала ро-
когда прядла около Маранны и вокругъ слышалось из-
онное кудахтанье куръ или бляеніе козы въ просонкахъ;
казалась тогда чѣмъ-то волшебнымъ быстрота, съ кото-
гла Маранна. Разъ она и сама сказала: «Мнѣ кажется,
нѣ помогаетъ прядь мой Юганъ.» А все-таки въ эту
а впервые была не такъ поглощена, какъ прежде, ду-
своемъ Юганъ. Она упрекала себя въ этомъ и говори-
она дурная мать, жаловалась, что изъ памяти ея мало-
исчезаютъ черты ея Югана, что она какъ будто на-
позабываетъ, что онъ тогда-то и тогда-то дѣлалъ, какъ
ялся, пѣлъ и плакалъ, какъ лазилъ на деревья и ска-
рвать.

— Вѣдь это ужасно, говорила она:—что изъ памяти можетъ что-нибудь такъ мало-по-малу исчезнуть, потомъ ничего хорошенько и не знаешь.

Тутъ она съ видимымъ напряженіемъ памяти рассказывала Амрею все о своемъ сынѣ до самыхъ незначительныхъ мелочей, и Амрею было очень неприятно слушать постоянно рассказы про покойника, какъ про живаго.

— Вѣдь это грѣшно, продолжала жаловаться Маранна:—что я совсѣмъ не могу нынче плакать о моемъ Іоганѣ. Разъ я слышала, что можно плакать о человѣкѣ, съ которымъ расстался, до тѣхъ только поръ, пока онъ живъ и не сгнилъ въ сырой землѣ. Но когда онъ снова превратится въ землю, плачь объ немъ перестаетъ на землѣ. Нѣтъ, этого не можетъ быть, не должно быть, чтобъ Іоганъ мой умеръ; ахъ! тогда и мнѣ жить не долго. Тутъ, вотъ тутъ, у моей двери, сидитъ смерть; прудъ не далеко, я пойду и какъ съпавшая собака захлебнусь въ немъ; да это и будетъ, если умретъ мой Іоганъ. Нѣтъ! нѣтъ! прости мнѣ Господи, что я хочу пробить стѣну, Тобой поставленную! Прости мнѣ и отвори дверь мою, отвори и впусти ко мнѣ моего Іогана. Вотъ радость-то! Подойди и сядь тутъ, Іоганъ. Не рассказывай мнѣ ничего, я ничего знать не хочу, ты тутъ, и мнѣ хорошо, радостно. Долгіе, долгіе годы прошли, какъ минута. Что мнѣ за дѣло, гдѣ ты странствовалъ. Гдѣ ты былъ, я тамъ не была, а теперь ты у меня. И ужъ я не выпущу тебя изъ рукъ, пока онъ не остынуть. О, Амрея! мой Іоганъ долженъ подождать, пока ты не вырастешь... дальше не скажу. Отчего ты ничего не говоришь, Амрея?

У Амрея захватывало дыханіе. Ей все казалось, будто тѣмъ покойника тутъ, около нихъ; уста ея хранили тайну; она могла бы открыть ее; тогда спала бы завѣса и все бы было кончено.

Иногда Маранна говорила и о другихъ предметахъ, но въ основаніи словъ ея всегда была мысль о сынѣ. И возникали въ умѣ Амрея тяжелые вопросы о законахъ жизни: «зачѣмъ же умерло дитя, котораго мать ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, отдавши ему всю душу; а мы съ Дами, мы, потерянные дѣти, такъ желали бы взяться за руку матери, но рука эта превратилась уже въ землю!»

Мысли бѣдной дѣвочки уносились въ мрачную, неразгаданную

область, и она, не зная, какъ выпутаться изъ смущенія, начинала повторять про себя таблицу умноженія.

Въ особенности любила черная Маранна рассказывать по воскреснымъ вечерамъ. По старому повѣрью, она никогда не прядла по воскреснымъ вечерамъ, а вязала; если же собиралась рассказывать какую-нибудь исторію, то сперва сматывала порядочное количество нитокъ съ мотка, чтобы ее не задержало что-нибудь, и тогда говорила безъ остановки.

— О, дитя, часто заключала она: — помни ты это — въ тебѣ же сидитъ старый отшельникъ — кто хочетъ хорошо прожить, тотъ долженъ жить одинъ, ни съ кѣмъ не сходиться, и ни отъ кого не ждать ничего. Знаешь ли, кто богатъ? Кому не нужно ничего, что не его собственное. А кто бѣденъ? Кто ждетъ чего-нибудь отъ чужихъ. Такъ — то сидитъ иной, да и ждетъ своей руки, что на туловищѣ другаго, или своего глаза, что въ чужомъ лбу. Будь одна, да живи для себя, тогда руки твои всегда при тебѣ будутъ, тогда тебѣ никого не надо, можешь сдѣлать все сама. Кто надѣется на другихъ, тотъ нищій; только надѣйся на счастье, да на братьевъ, вотъ ты и нищій; стой тутъ и держи руку, не попадетъ ли въ нее чего-нибудь. Всего лучше оставаться одной, тогда у тебя все въ тебѣ; хорошо быть одной! Глубоко въ муравейной кучѣ лежитъ маленькій незамѣтный блестящій камешекъ; кто найдетъ его, можетъ сдѣлаться невидимкой, и ему никто не сдѣлаетъ бѣды; но въ муравейникъ возня, да бѣготня, гдѣ тутъ найдешь камешекъ? и въ свѣтъ есть тайна, но кто узнаетъ ее? Знай, что нѣтъ ни счастья, ни несчастья. Всякій можетъ все для себя сдѣлать, если хорошо знаетъ и себя и людей, но только одно условіе: пусть остается одинокимъ. Одинокимъ! одинокимъ! А то ничего не сдѣлаешь.

Маранна высказывала всю душу свою передъ Амреей въ этихъ неясныхъ словахъ; дѣвочка не могла понять ихъ; но какъ знать, какой слѣдъ оставляетъ и полупонятное во внимательной душѣ? Дико осмотрѣвшись кругомъ, черная Маранна продолжала:

— Ахъ, если бы я могла жить одна! Правда, что я? часть меня уже въ землѣ, а другая бѣгаетъ по свѣту, и кто знаетъ, гдѣ она? Мнѣ хотѣлось бы быть этой черной козой.

Какъ бы весело и свѣтло ни начинала рѣчь свою черная Маранна, къ концу всегда примѣшивалась мрачная злоба и печаль,

и она, желавшая быть одной, ни о чемъ не думать, ничего не любить, жила только мыслью о своемъ сынѣ и любовью къ нему.

Амрею прибѣгнула къ рѣшительному средству, чтобы прекратить это неприятное одиночество съ черной Маранной; она требовала, чтобы Дами былъ взятъ въ домъ, и какъ сильно ни возставала противъ этого черная Маранна, но угрозы Амреи, что она сама уйдетъ отъ нея, дѣтскія ласки ея и предупредительность побѣдили ее, и она наконецъ согласилась.

Дами, выучившійся у Крапенцахера вязанью, сталъ сидѣть теперь въ родной комнатѣ; ночью онъ спалъ съ сестрой на чердакѣ, и они будили другъ друга, заслышавъ, что внизу шепчеть что-то и расхаживаетъ черная Маранна.

Отъ перевѣзда Дами къ черной Мараннѣ вышла однакожъ новая бѣда. Дами былъ чрезвычайно недоволенъ, что выучился пустому рукодѣлью, годному только для калѣкъ; ему хотѣлось пойти въ каменьщики, и хотя Амрея была сильно противъ этого, чувствуя, что брату ея не выдержать труднаго ученья, но черная Маранна поощряла его въ этомъ намѣреніи. Она съ радостью сдѣлала бы каменьщиками всѣхъ молодыхъ парней деревни, чтобы разослать ихъ по чужимъ странамъ и получать черезъ нихъ извѣстія о своемъ Іоганѣ.

Черная Маранна рѣдко ходила въ церковь, но любила, когда брали у нея молитвенникъ, чтобы идти съ нимъ къ Божьей службѣ; ей, казалось, доставляло большое удовольствіе—знать, что молитвенникъ ея тамъ. Особенно радовалась она, когда какой-нибудь чужой работникъ, временно проживавшій въ деревнѣ, бралъ для той же цѣли оставленную Іоганомъ книгу; ей казалось, что это какъ-будто самъ Іоганъ молится въ родной церкви, потому что молитвы читаются и поются по его книгѣ; и Дами долженъ былъ каждое воскресенье два раза отправляться въ церковь съ молитвенникомъ Іогана.

Маранна рѣдко ходила въ церковь, но за то присутствовала на каждомъ праздникѣ, на каждой церемоніи и въ родной и въ сосѣднихъ деревняхъ. Не случалось ни однихъ похоронъ, при которыхъ не шла бы вся въ трауръ черная Маранна, а при проповѣди, при отпѣваньи, и у могилы, даже если покойникъ былъ самый маленькій ребенокъ, такъ горько плакала, какъ будто была ближайшей родственницей; но за то на возвратномъ пути она

чувствовала особенное облегченіе отъ этихъ слезъ своему дѣйствительному горю. Въ продолженіе года у нея накапливалось на душѣ столько невидимой людямъ скорби, что она бывала рада случаю поплакать.

Можно ли упрекать людей, что они смотрѣли на Маранну, какъ на какое-то страшное явленіе въ своемъ обществѣ? При томъ вся хранили отъ нея горькую тайну. На Амрею отразилась также часть этого всеобщаго отчужденія, и во многихъ домахъ, куда она заходила по какому-нибудь дѣлу, ей ясно давали замѣтить, что не желали бы ея присутствія, особенно по поводу разныхъ ея странностей, удивлявшихъ всѣхъ въ деревнѣ. Она постоянно ходила босоногая, даже самой суровой весной, и люди говорили, что у ней должно быть какое-нибудь тайное предохранительное средство отъ холоду, потому что она никогда не заболѣвала отъ простуды, тогда какъ другая давно бы умерла на ея мѣстѣ.

Только въ домъ Роделя охотно встрѣчали Амрею, потому ли, что Родель былъ ея опекуномъ, а Родельша всегда принимала въ ней участіе и помнила обѣщаніе свое—взять Амрею, когда она выростетъ, къ себѣ, хотя и не могла его выполнить. Ее самое вскорѣ взяла смерть. Только на склонѣ жизни обнаруживается обыкновенно чловѣку вся горестъ земнаго существованія, когда много привязанностей утрачено и отъ нихъ осталась только память въ душѣ; это старческое чувство Амрея испытала въ раннюю весну свою, и на похоронахъ Родельши она и черная Маранна плакали больше, чѣмъ всѣ родные покойницы.

Родель постоянно жаловался на то, что ему придется скоро дѣлать свое имѣніе: никто изъ троихъ дѣтей его не былъ еще пристроенъ. Но едва прошелъ годъ (Дами уже вторую весну работалъ на каменоломнѣ), какъ въ деревнѣ праздновались двѣ свадьбы разомъ. Родель выдавалъ замужъ свою старшую дочь и въ то же время женилъ своего единственнаго сына, которому въ день свадьбы передавалъ свое хозяйство; на этой двойной свадьбѣ Амрея получила новое прозвище, и вступила въ новую жизнь.

Въ передней передъ большимъ танцевальнымъ заломъ собрались дѣти, и въ то время, какъ въ залѣ танцовали и веселились большіе, маленькіе подражали имъ въ передней. Но, странное дѣло! съ

Амреей не хотѣли танцовать ни мальчики, ни дѣвочки; неизвѣстно, кто сказалъ, но всѣ слышали громко произнесенныя слова: «Кто станетъ танцовать съ тобой? вѣдь ты босоножка!»—И вотъ прозвище: «Босоножка, босоножка, босоножка!» послышалось со всѣхъ сторонъ. Амрею стояла со слезами на глазахъ; но призвала на помощь всю силу свою, которою обыкновенно преодолевала насмѣшки и обиды; она проглотила слезы, и стала приподнимать то въ ту, то въ другую сторону передникъ, и кружиться одна, но такъ мило, такъ ловко, что всѣ дѣти приостановились. Вскорѣ въ дверяхъ появились и взрослые; они кивали другъ другу на Амрею, и вотъ ее окружили женщины и дѣвушки. Родель, сдѣлавшійся въ этотъ день вдвое добрее, особенно поощрительно хлопалъ въ ладоши и подсвистывалъ раздававшемуся въ залъ вальсу, а Амрею продолжала танцовать, и, казалось, не знала усталости. Когда наконецъ музыка умолкла, Родель взялъ Амрею за руку и спросилъ:

— Ахъ ты, живчикъ! кто это тебя такъ славно выучилъ?

— Никто.

— Отчего ты ни съ кѣмъ не танцуешь?

— Лучше танцовать одной, тогда не надо никого ждать, и кавалеръ всегда подъ рукой.

— Дали ль тебѣ чего-нибудь полакомиться? спросилъ Родель, ласково улыбаясь.

— Нѣтъ.

— Иди и поѣшь, сказалъ гордый крестьянинъ; повелъ бѣднаго ребенка въ комнаты и усадилъ за столъ, на которомъ въ продолженіе всего дня мѣнялись блюда. Амрею ѣла не много, и Родель, желая позабавиться, хотѣлъ напоить ее виномъ, но она хитро отвѣчала:

— Если я еще выпью, тогда надо будетъ вести меня, я уже не смогу идти сама, а Маранна говорить: ноги—самыя лучшія лошади, онѣ постоянно запряжены.

Всѣ удивлялись уму ребенка.

Молодой Родель подошелъ съ женой и лукаво спросилъ дѣвочку: «А принесла ли ты намъ свадебный подарокъ? Кто столько ѣсть, долженъ и подарокъ принести.»

Отецъ новобрачныхъ, при этомъ вопросѣ, съ непостижимымъ великодушіемъ сунулъ потихоньку въ руку Амреи шесть бац-

веровъ. Амрею удержала деньги, кивнула старику и сказала молодой четъ:

— Мнѣ ужъ и слово дано, и задатокъ. Покойная матушка ваша всегда обѣщала мнѣ, что я буду служить у нея, и что никто, кромѣ меня, не будетъ нянькой у ея перваго внучка.

— Да, покойная жена всегда этого хотѣла, сказалъ старикъ.

Чего онъ, боясь хлопотъ и заботъ о сиротѣ, во всю жизнь не позволялъ женѣ, на то соглашался теперь, когда не могъ этимъ доставить никакой пользы дѣвочкѣ; онъ показывалъ видъ, будто дѣлаетъ доброе дѣло въ память покойницы. Въ рѣшеніи этомъ вовсе не участвовала доброта; тутъ былъ вѣрный расчетъ, что сирота станетъ услуживать ему, безхозяйному старуку, бывшему ея опекуномъ, а плата и заботы объ ней будутъ уже не его дѣломъ.

Новобрачные взглянули другъ на друга, а молодой Родель сказалъ:

— Завтра приноси свой узелокъ. Можешь пересхать къ намъ.

— Хорошо, сказала Амрея:—завтра принесу свой узелокъ; а теперь хотѣлось бы мнѣ унести съ собой узелокъ. Дайте-ка мнѣ бутылочку вина, да я заверну говядины, и снесу все это Мараннѣ да своему Дами.

Просьба ея была исполнена; но старый Родель тихо сказалъ ей:

— Отдай мнѣ мои шесть бацперевъ. Я думалъ, что ты подарить ихъ.

— Я беру ихъ отъ васъ какъ подарокъ, лукаво отвчала Амрея:—но вы увидите, что я вамъ заслужу ихъ.

Родель полу-сердито усмѣхнулся, а Амрея пошла къ черной Мараннѣ съ деньгами, виномъ и говядиной.

Домъ былъ запертъ, и неволью поражала разниа между громкимъ шумомъ музыки и пляски въ праздничномъ домѣ молодыхъ и тихой пустотой жилища Маранны. Амрея знала, гдѣ могла ждать ее Маранна на возвратномъ пути со свадьбы; она часто ходила къ каменоломнѣ, садилась тамъ подъ плетнемъ и слушала, какъ стучать молотки и долота. Эти звуки напоминали ей старыя времена, когда Юганъ тоже работалъ тутъ, а она сидѣла и слушала, какъ онъ поколачиваетъ молоткомъ.

Амрея точно застала Маранну тутъ, и еще за полчаса до праздничнаго ужина, вызвала изъ каменоломни Дами, и тутъ же въ

*

поль, на открытомъ воздухѣ, устроился другой свадебный пиръ, болѣе веселый, нежели тотъ, что происходилъ въ залъ при громѣ музыки. Особенно ликовалъ Дами, и даже Маранна повеселяла, хотя не выпила ни капли вина, потому-что не хотѣла мочить губъ виномъ до свадьбы своего Югана. Но когда Амрея, среди общаго веселья, рассказала, что получила мѣсто у молодого Роделя, и что поступаетъ туда завтра, черная Маранна встала съ дикой злостью, подняла камень съ земли и, приложивъ его къ груди своей, сказала:—Въ тысячу разъ лучше было бы, если бь въмѣсто живаго сердца былъ у меня тутъ вотъ такой камень. Зачѣмъ это я не могла остаться одна? Зачѣмъ я снова соблазнилась, и опять полюбила? Ну, теперъ за то все прошло, и навѣки! Какъ бросаю я этотъ камень, такъ прочь отъ себя всякую привязанность къ людямъ. Ахъ, ты, коварное, невѣрное дитя! Только-что смогла расправить крылья, ужъ и улетаешь. Такъ ладно же! я одна, и Юганъ мой пусть останется одинокимъ, когда воротится; все, чего я желала, прахомъ развѣло.

И она побѣжала къ деревнѣ.

— А вѣдь она колдунья, сказалъ Дами, глядя ей вслѣдъ: я не стану больше пить вина; кто знаетъ! можетъ она заколдовала его.

— Пей знай, она не колдунья, а просто несчастная негодимка, и на ней тяжелый крестъ; со мной она опять помирится.

Такъ утѣшала Амрея себя и брата.

VII.

ДОВРАЯ СЕСТРА.

Домъ Роделя оживился. Босоножка, какъ постоянно стали звать Амрею, вездѣ поспѣвала и всѣхъ умѣла заставить полюбить себя; молодой Родельшъ, прѣвхавшей въ деревню издалека, съ чужой стороны, она рассказывала, какіе водятся тутъ обычаи, учила ее наблюдать свойства ближайшихъ родственниковъ, чтобы соображаться съ ними, а старому Роделю, который цѣлый день горевалъ, и ничѣмъ не былъ доволенъ, потому что слишкомъ рано отказался отъ всего, Амрея оказывала тоже разныя услуги и ласки, и все толковала ему, какъ добра его не-

а, и какъ все идетъ ладно; но когда черезъ годъ у молодяся первый ребенокъ, Амрея была такъ счастлива и смѣлива на всѣ требованія, что всѣ въ домѣ не могли на-тяться ею, хотя, по обыкновенію деревенскому, ее чаще бра-за всякіе пустяки, чѣмъ хвалили за дѣло.

Амрея не обращала на это вниманія, и умѣла принести ду перваго внука всегда во время, и унести назадъ то-е время, такъ что всѣ были довольны. При первомъ зубь а, она показала его Роделю, и старикъ сказалъ ей: «Дарю шесть бацнеровъ, потому что ты доставила мнѣ истинное льствіе. Но знаешь ли что? возьми ты тѣ шесть бацнеровъ, таила у меня на свадьбѣ; теперь они могутъ честнымъ омъ у тебя остаться.»

Черной Мараннѣ Амрея тоже не забывала, хотя и трудно стать съ ней въ прежнія отношенія. Маранна ничего и слы-не хотѣла о Босоножкѣ, а ея новые хозяева не позволяли дить къ ней, особенно съ ребенкомъ, потому что все еще ѣ, что Маранна колдовствомъ своимъ можетъ сдѣлать ди-то-нибудь недоброе. Требовалось много искусства и тер-чтобы побѣдить эту вражду, и Амрея уладила таки дѣ-а, Босоножка умѣла добиться того, что Родель нѣсколько навѣщалъ черную Маранну, на что въ деревнѣ смотрѣли, на настоящее чудо. Но скоро посѣщенія Роделя прекрати-потому что черная Маранна сказала ему однажды: «Мнѣ теперъ скоро семьдесятъ лѣтъ, и я прожила вѣкъ безъ дру-съ богатыми людьми, такъ теперъ и подавно не стоитъ диться новыми друзьями.»

и, разумѣется, часто бывалъ у сестры; но молодой Родель обиль этого, говоря не безъ основанія, что ему приходит-кимъ образомъ кормить и его, а онъ ужъ большой маль-Поэтому Родель запретилъ Дами приходить къ себѣ въ иначе, какъ въ воскресенье послѣ обѣда. Дами между тѣмъ ль удовольствія быть въ такомъ богатомъ домѣ, и у него слюнки при мысли жить тутъ, хотя бы простымъ работ-ль. Жизнь каменьщика была такая скудная! Босоножка мно-ворила противъ этого; она напоминала брату, что онъ при-теперь ужъ за второе ремесло, такъ долженъ бы и ос-я при немъ, а то никакого толку не выйдетъ, какъ нач-приниматься то за то, то за другое; если хочешь быть

счастливъ, оставайся на одномъ мѣстѣ, а то никогда ничего не добьешься. Дами вскорѣ согласился съ сестрой, и такъ велико было невольное вліяніе Босоножки на Дами, и такъ тепло ея участіе къ брату, что его постоянно называли «Босоножкинымъ Дами», какъ будто онъ былъ не братомъ ея, а сыномъ, а между тѣмъ Дами переросъ сестру цѣлой головой, и вовсе не показывалъ виду, что подчиняется ей. Даже часто выговаривалъ, какъ ему непріятно, что его считаютъ хуже ея отъ того только, что онъ не такъ прытокъ на словахъ. Недовольство собою и своимъ дѣломъ онъ всегда вымещалъ на сестрѣ. Она терпѣливо переносила его несправедливости, тѣмъ болѣе, что онъ часто высказывалъ передъ людьми свое требованіе, чтобы она слушала его. Амрея покорствомъ своимъ все болѣе и болѣе пріобрѣтала уваженія въ деревнѣ; всѣ говорили: «это хорошо со стороны Босоножки, что она готова на все для брата; она позволяетъ ему не совсѣмъ хорошо обходиться съ собой, а между тѣмъ сама какъ мать заботится о немъ.» Амрея, въ самомъ дѣлѣ, и мыла и шила на брата по ночамъ, и Дами былъ однимъ изъ первыхъ по опрятству во всей деревнѣ; къ двумъ парамъ башмаковъ, которые она получала отъ хозяевъ каждые полгода въ счетъ жалованья, она добавляла денегъ и заказывала башмачнику, въ обмѣнъ на свои, башмаки для Дами; сама же постоянно ходила босикомъ, и надѣвала башмаки только когда шла въ воскресенье въ церковь. Босоножку сильно огорчало, что Дами, неизвѣстно почему, былъ цѣлью всеобщихъ шутокъ и насмѣшекъ въ деревнѣ. Она строго выговаривала ему, чтобы онъ не допускалъ этого; а Дами требовалъ, чтобы она сама запретила людямъ обижать его, потому что онъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать. Дами, впрочемъ, совсѣмъ не было непріятно, что его вездѣ дурачили, хотя онъ иногда и обижался; гораздо болѣе огорчался онъ, если на него не обращали никакого вниманія, и тогда самъ старался вызвать смѣхъ надъ собою.

Босоножка, напротивъ, смотрѣла «старымъ отшельникомъ», какъ говорила обыкновенно Маранна. Она довольствовалась одной подругой, это была дочь угольщика Матеса; но и та уже нѣсколько лѣтъ была работницею на фабрику въ Эльзасѣ, и объ ней не было ни слуху, ни духу. Босоножка жила такъ одиноко, что ее въ деревнѣ почти не считали и молоденькою; она была ласкова и разговорчива съ своими однолѣтками, но настоящую ея подругой была все-таки черная Маранна. Именно отъ того-то,

что вела такую уединенную жизнь, не могла Босоножка имѣть вліянія на общественное положеніе Дами, который, не смотря на то, что его дурачили и дразнили, не могъ все-таки обходиться безъ общества, и оставаться, какъ сестра, одинъ.

Вскорѣ Дами вздумалъ дѣйствовать совершенно независимо: въ одно прекрасное воскресенье онъ показалъ сестрѣ задатокъ, полученный имъ отъ Дергача изъ Гирлингена, къ которому на- нялся въ работники.

— Кабы ты мнѣ сказалъ это, сказала Босоножка:—я нашла бѣ тебѣ мѣсто получше. Я дала бы тебѣ письмо къ Ландфридшъ въ Альгей, и тамъ бы тебя приняли какъ сына.

— Лучше не говори объ ней, сердито сказалъ Дами:—вотъ ужъ скоро тринадцать лѣтъ, какъ она должна мнѣ пару кожаныхъ панталонъ, что обѣщала. Помнишь? Тогда мы были еще маленькіе и думали, что если будемъ стучаться у своего дома, то намъ отворятъ батюшка съ матушкой. Молчи лучше о Ландфридшъ; Богъ знаетъ, помнитъ ли она объ насъ, и жива ли еще.

— Да, жива; вѣдь она родня нашимъ, и дома объ ней часто говорятъ; она пережила всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одного сына, которому передастъ свое хозяйство.

— Ты только отворишь меня отъ моей новой службы, жалобно сказалъ Дами:—вотъ ты говоришь, что я могъ бы достать мѣсто получше. Хорошо ли это?

Голосъ у него задрожалъ.

— Не будь же такимъ нѣженкой, сказала Босоножка.—Развѣ я отнимаю у тебя что-нибудь? Ты дѣлаешь всегда такой видъ, какъ будто тебя гуси щиплютъ. Вотъ что скажу я тебѣ: теперь оставайся при томъ, что есть у тебя, постарайся остаться на этомъ мѣстѣ. Не дѣло, какъ кукушка переходить всякую ночь почевать на новое дерево. Я бы также могла достать другое мѣсто, но не хочу; я вотъ сдѣлала, что мнѣ и тутъ хорошо. Кто каждую минуту переходитъ съ мѣста на мѣсто, на того смотреть какъ на чужаго; знаютъ, что завтра его не будетъ ужъ въ домѣ, и потому и сегодня онъ тамъ, какъ не дома.

— Мнѣ не надо твоихъ нравоученій, сказалъ Дами, и разсердившись хотѣлъ уйти.—Ты всегда стараешься задѣть меня, а со всѣми другими ты уступчива.

— Да, потому что ты братъ мнѣ, смѣясь сказала Босоножка, лаская недовольнаго.

Странная разница образовалась между сестрой и братомъ. Въ Дами было что-то нищенское, и временами вдругъ что-то гордое, между тѣмъ какъ Босоножка всегда была услужлива и предупредительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ хранила въ душѣ гордость, не покидавшую ея даже при услуживаньи другимъ.

Ей надо было успокоить брата и она сказала: «Вотъ что пришло мнѣ въ голову; но напередъ надо, чтобы ты исправился, потому что платью этому не слѣдуетъ прикрывать злое сердце. Въдь у Роделя есть еще платье нашего покойнаго отца; теперь ты большой, оно тебѣ какъ-разъ будетъ въ пору; ты въ немъ будешь имѣть лучшей видъ, и когда придешь къ хозяевамъ въ такомъ славномъ платьѣ, всѣ увидятъ, каковъ ты, и какіе порадочные были у тебя родители.

Эта мысль улыбнулась Дами, и, не смотря на сильное сопротивленіе Роделя, не хотѣвшаго отдать платья, Босоножка добилась-таки, что онъ вручилъ его Дами; тогда повела она Дами на верхъ въ свою комнату и онъ долженъ былъ тотчасъ же надѣть отцовское платье; Дами отговаривался, но что разъ задумала Амрея, то должно было исполниться. Дами не позволилъ только нахлобучить себѣ шляпу. Когда Дами одѣлся, Амрея положила ему на плечо руку и сказала:

— Теперь ты мнѣ и братъ и отецъ; отцовское платье теперь въ первый разъ опять явится на свѣтъ, а подъ платьемъ уже новый человекъ. Ахъ, Дами, у тебя теперь славное платье! почитай и береги его, и будь въ немъ такимъ же честнымъ человекомъ, какимъ былъ нашъ покойный батюшка.

Больше она не могла говорить, и припала головой къ плечу брата; слезы ея капали на отцовское платье.

— Ты говоришь, что я нѣженка, утѣшалъ ее Дами:—а сама-то!

Въ самомъ дѣлѣ, Босоножку все сильно трогало, но при этомъ она оставалась тверда и рѣзва какъ ребенокъ; по замѣчанію Маранны, въ Амреѣ какъ-то странно сливались бодрствованіе и сонъ, плачь и смѣхъ; она поддавалась вполне всякому впечатлѣнію и чувству, но скоро умѣла отдѣлываться отъ нихъ.

Теперь, однакожъ, она все еще плакала.

— Ты точно камень кладешь мнѣ на сердце, жаловался Дами:—а ужъ и безъ того мнѣ тяжело, что надо уйти изъ род-

гороны къ чужимъ людямъ. Тебѣ бы слѣдовало развеселить меня, а ты вотъ....

Честныя мысли лучше всякаго веселья, сказала Босоножка: ихъ не можетъ быть тяжело сердцу. Но твоя правда, ты же ужь натерпѣлся, и теперь лишнее огорченіе надо гнать. Я, прѣсто, глупая. Пойдемъ, я хочу посмотреть, что-то тамъ солнце, снова увидавши идущаго подъ нимъ отца. Я не то хотѣла сказать. Пойдемъ, вотъ увидишь, куда же сходимъ, и съ кѣмъ тебѣ надо проститься; вѣдь если же версту уходишь, значить уходишь изъ деревни, и надо паться. Мнѣ также тяжело, что ты не будешь больше у меня; вѣтъ, я хотѣла сказать, что я не буду больше у я не хочу управлять тобой, какъ люди говорятъ. Да, да, Маранна права: *одна*, это великое слово, и ему скоро учишься. Когда ты былъ тутъ, на улицѣ, хотя я тебя и по цѣлой недѣлѣ не видала, все-таки было мнѣ ничего. Я тебя видѣть каждую минуту, быть съ тобою вмѣстѣ... какъ хорошо; а теперь? Ну, да вѣдь не на краю же свѣта дешь. Объ одномъ прошу тебя, не надорвись ты какъ-нибудь не захворать; а если у тебя что разорвется, при- нѣтъ—я зашью и заштопаю тебѣ; а теперь пойдемъ, надо ѣ на кладбище.

и былъ противъ этого, и объяснялъ, что ему и безъ того), такъ онъ не хочетъ добавлять себѣ горя. Босоножка и имъ согласилась. Онъ снялъ отцовское платье, и Амрея ла его въ мѣшокъ, что она носила когда-то, бывши гу- рей, вмѣсто плаща, и на которомъ еще видно было имя Но она умоляла Дами прислать ей мѣшокъ съ первою же і.

гъ и сестра отправились вмѣстѣ. Герлингенская дорога ьрезъ деревню. Дами забѣжалъ домой, и скоро уложилъ онъ пожитки. Тогда они пошли рука объ руку изъ дерев- Босоножка старалась развеселить брата, говоря:

Помнишь ли ты, какую я задавала тебѣ загадку у хлѣб- чки?

Нѣтъ!

Вспомни: что всего лучше въ хлѣбной печкѣ? Не пом-

— Нѣтъ!

— Всего лучше въ хлѣбной печкѣ то, что она сама не съедаетъ хлѣба.

— Да, да, ты можешь быть весела, ты остаешься дома.

— Да вѣдь ты самъ хотѣлъ этого, и ты можешь быть веселымъ, если только захочешь.

Она молча проводила брата до Бузинной Поляны; тамъ, у лѣсной груши, сказала она ему:

— Тутъ мы простимся. Да сохранить тебя Господь.

Они крѣпко пожали другъ-другу руки и Дами пошелъ къ Гирлингену, а Босоножка въ деревню. Только подъ горой, когда Дами не могъ уже ея видѣть, рѣшилась она приподнять передникъ и обтереть слезы, катившіяся у ней по щекамъ, и громко сказала:

— Прости меня Господи, что я давеча сказала: хорошо быть *одной*. Благодарю Тебя, что Ты далъ мнѣ брата. Сохрани мнѣ его, пока я жива.

Когда Амрея пришла въ деревню, все казалось ей какъ-то пусто, и къ вечеру, когда она укачивала роделевыхъ дѣтей, не пѣлась ей ни одна пѣсенка, тогда какъ прежде она всегда разпѣвала какъ жаворанокъ. Она все думала, гдѣ долженъ быть теперь братъ, что говорятъ съ нимъ, какъ принимаютъ его, и все-таки ничего этого не могла представить себѣ. Она желала отправиться туда, и сказать всѣмъ людямъ, какой онъ добрый, и что съ нимъ надо быть также добрыми; но потомъ утѣшала себя мыслью, что никто не можетъ во всемъ и вездѣ заботиться о другомъ. И Амрея надвѣялась, что брату принесетъ пользу необходимость самому заботиться о себѣ.

Когда наступила ночь, Босоножка отправилась къ себѣ въ комнату, снова вымылась, вычесалась, пареодвѣлась, какъ-будто бы это было утромъ; съ этимъ страннымъ повтореніемъ утреннихъ заботъ для нея какъ будто настало новое пробужденіе.

Когда все уснуло, она снова ушла изъ дому, къ черной Мараннѣ, и долго сидѣла у ея постели безъ свѣчи въ темной комнатѣ; онъ говорилъ о томъ, какъ это бываетъ, что человекъ живетъ на одномъ концѣ свѣта, а часть его на другомъ, и Босоножка удалилась только когда Маранна заснула. Но она взяла ведро, принесла воды для Маранны, положила подъ очагъ

, так что поутру ихъ стоило лишь растопить, и тогда ушла домой.

значить благодѣяніе, состоящее изъ раздачи денегъ? Данукъ сила, которой рука вновь лишается. То ли дѣло сую душевную силу, отдать часть жизни, и притомъ гвенную оставшуюся часть. Въ свободные часы по восьмью, Босоножка посвящала черной Мараннѣ, и при этомъ яля еще нападать на себя и бранить, если дѣлала что-ни не по праву немудимки; ей и на умъ не приходило подумли сказать: какъ можете вы быть недовольной и браменя, за то, что я дарю вамъ? Но Амрея и не подозр-акого-нибудь значенія въ томъ, что дѣлала для Маран-олько когда по воскреснымъ вечерамъ тихо ондѣла она у одинокой старухи и въ тысячный разъ слушала разсказъ о какой былъ красивый мужчина Юганъ, а молодые люди и д-проходили по деревнѣ и распѣвали разныя пѣсни, тогда становилось немного грустно, что она сидитъ тутъ, уя своею веселостью, и она тихо вторила пѣсню, которую идущая толпа; но взглянувъ на Маранну, она тотчасъ же ла, и думала вслѣдъ за этимъ, что въ сущности хорошо, ами уже нѣтъ болѣе въ деревнѣ. Онъ уже не олужитъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и возвратится, конеч-олодцомъ, котораго всѣ будутъ уважать.

ько въ зимніе вечера, когда въ домъ Роделя прѣли и пв-ѣла подпвзвать Босоножка, и хотя голосъ у нея былъ и звонокъ, она все-таки только вторила. Розель, неза-я сестра Роделя, была годомъ старше Босоножки; она всегда первый голосъ; и само собою разумѣется, голосъ жки долженъ былъ только подмогать ей, потому что Ро-гордое и недоброе существо, смотрѣла на Босоножку и алась съ ней, какъ съ выучнымъ животнымъ; разумѣется, съ глазу на глазъ, чѣмъ при людяхъ. Такъ-какъ вся де-уважала Босоножку за то, что она хорошо смотрѣла за ствомъ Роделя, то главнымъ дѣломъ Розели было разсла-ю людямъ, сколько надо имѣть терпѣнія съ Босоножкой; ювамъ ея, гусятница все дѣлаетъ на зло, и она, Розель, ть долгомъ выставить Босоножку передъ свѣтомъ такой, она на самомъ дѣлѣ.

дметомъ особенныхъ насмѣшекъ и не всегда приличныхъ

шутокъ постоянно служили башмаки Босоножки. Она почти всегда ходила босая, и только въ суровую зиму надѣвала обрѣзанные сапоги хозяина, хотя и брала-таки каждые полгода следовавшіе ей въ счетъ уплаты башмаки; они стояли на верху въ коморкѣ нетронутые, и Босоножка ходила такъ гордо, какъ будто они всѣ разомъ были у ней на ногахъ; она мысленно носила ихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дами служилъ у Дергача, шесть паръ башмаковъ стояли одна подлѣ другой. Башмаки были набиты сѣномъ, и отъ времени до времени Босоножка смазывала ихъ саломъ, чтобы они не ссыхались. Босоножка уже совсѣмъ выросла; она была не высока ростомъ, но крѣпко сложена; одѣвалась всегда бѣдно, но чисто и миловидно, а миловидность украшеніе бѣдности: она ничего не стоитъ, но и купить ее нельзя. Только по воскресеньямъ, ради чести дома Роделя, Босоножка надѣвала лучшее платье, чтобы показаться при людяхъ, но потомъ она поспѣшно раздѣвалась и уже въ будничномъ платьѣ сидѣла у черной Маранны или стояла передъ своими цвѣтами, которые разводила у себя въ слуховомъ окошкѣ въ старыхъ горшкахъ. Гвоздика, желтыя фіалки и розмаринъ славно росли у нея и хотя она отсадила отъ нихъ нѣсколько отросткомъ на родную могилу, разрослись вдвое гуще. Далекій выступъ соломенной крыши служилъ щитомъ для цвѣтовъ, и если только Босоножка была дома, то не проходило ни одного лѣтняго дождя, чтобы она не вынесла цвѣтовъ своихъ въ садъ. Маленькій розмаринъ, посаженный въ тотъ горшокъ, что брала Босоножка въ Бузинную Поляну для питья проѣзжимъ, особенно хорошо принялся и выросъ красивымъ деревцомъ, и Босоножка часто сжимала правый кулакъ, и ударяя по немъ лѣвой рукой, говорила про себя:

«Если будетъ свадьба у кого-нибудь изъ близкихъ мнѣ, или моего Дами свадьба, тогда я припилю себѣ розмариновую вѣточку.» Въ ней вдругъ родилась другая мысль, отъ которой на до ушей покраснѣла и наклонилась и стала нюхать розмаринъ; запахъ цвѣтка повѣялъ ей чѣмъ-то сладкимъ изъ будущаго времени; она какъ-будто испугалась и съ страстною быстротою заставила розмаринъ другими большими цвѣтами, чтобы не видѣть его больше, потомъ закрыла окно, потому что началась буря.

— Пожаръ у Дергача въ Гирлингснъ! раздался вскорѣ крикъ на улицѣ.

Выѣхали пожарныя трубы и Босоножка поскакала вмѣстѣ съ ними.

— Дами мой! Дами! грустно шептала она; но вѣдь теперѣ день, а днемъ нельзя же сгорѣть человѣку. И точно, когда подъѣхали къ Гирлингену, домъ уже совсѣмъ сгорѣлъ, но по дорогѣ у сада стоялъ Дами и привязывалъ двухъ красивыхъ лошадей къ дереву, вокругъ же въ безпорядкѣ толпились пестрые быки, коровы и всякій скотъ.

Тутъ телега остановилась, чтобы дать сойти Босоножкѣ, и она подбѣжала къ брату съ словами: «Слава Богу, что съ тобой ничего не случилось.» Но Дами ничего не отвѣчалъ и стоялъ, обвивъ руками шею лошади.

— Что это? Отчѣго ты молчишь? Не сдѣлалъ ли ты чего?

— Не я, а пожаръ.

— Чтó же такое?

— Всѣ вещи мои сгорѣли, платье мое, и денегъ малая толпа. У меня только и осталось чтó на мнѣ.

— И батюшкино платье сгорѣло?

— Да развѣ оно не сгараемое? сердито сказалъ Дами. — Не спрашивай такъ глупо.

Босоножкѣ хотѣлось заплакать отъ этого грубаго отвѣта брата; но она тотчасъ поняла, какъ легко при первомъ ударѣ несчастія сдѣлаться на время грубымъ и несговорчивымъ, и сказала только:

— Благодарю Бога, что онъ сохранилъ тебѣ жизнь; конечно, съ батюшкинымъ платьемъ сгорѣло то, чего уже не воротишь, но оно было старо, и такъ или иначе пришлось же бы ему уничтожиться.

— Все пустое болтаешь, сказалъ Дами, продолжая ласкать лошадь. — Богъ не оставитъ меня. Вотъ если бы лошади могли говорить, онъ другое бы сказали. Изъ того, что я хорошаго дѣлаю, не выходитъ ничего, а все-таки...

Онъ не могъ продолжать, голосъ у него оборвался.

— Да что же случилось?

— Вотъ лошади, и коровы, и быки, всѣ цѣлы, и у насъ не сгорѣло ни какой скотины, кромѣ свиней; тѣхъ не могли спасти. Видишь, та лошадь, она разорвала мнѣ рубашку, когда я

тащилъ ее изъ стойла, а вотъ моя ручная лошадка—она ничего мнѣ не сдѣлала, она знаетъ меня. Знаешь меня, сивка? Да, мы знаемъ другъ друга.

Лошадь положила голову на шею къ сосѣдкѣ своей и смотрѣла во всѣ глаза на Дами, который продолжалъ такъ :

— Когда я съ радостью извѣщалъ хозяина, что спасъ всю скотину, тогда онъ сказалъ: «не надо было; все у меня застраховано, и мнѣ бы еще лучше заплатили!» Да развѣ не жаль дать умереть безвинному животному? Развѣ, если заплатятъ, такъ тутъ и все? Развѣ жизнь ничего не значить? Хозяинъ, должно быть, замѣтилъ, о чемъ я думаю, и спросилъ меня: «вѣдь ты спасъ свою одежду и вещи?» Я сказалъ тогда: «нѣтъ, не спасъ ни ниточки, я тотчасъ же побѣжалъ въ конюшню»; а онъ говорить: «ты дуракъ!» «Какъ? говорю я, вѣдь у васъ все застраховано: если должны были заплатить за скотину, такъ заплатятъ и за мое платье, это еще платье моего покойнаго отца, да еще 14 гульденовъ денегъ, да карманные часы, да трубка.» На это онъ сказалъ: «кури изъ нея! мои вещи застрахованы, а не вещи моей прислуги.» Я сказалъ: «это еще увидимъ, я затѣю съ вами тяжбу.» А онъ мнѣ на это: «этакъ-то ты? Ну, такъ можешь сейчасъ же убираться. Коли хочешь затѣвать тяжбу, такъ убирайся къ чорту. Я бы подарилъ тебѣ пару гульденовъ, а теперь не получишь ни полушки, отправляйся куда знаешь!» Ну, вотъ и все... Мнѣ, кажется, слѣдовало бы взять съ собой мою ручную лошадь, я спасъ ей жизнь, и она рада идти со мной. Не правда ли? Но я не учился воровству; лучше было бы въ воду броситься. Изъ меня никогда ничего не выйдетъ и ничего у меня нѣтъ.

— У меня есть, и я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, я больше не хочу обирать тебя; тебѣ вѣдь также не легко достается.

Босоножка утѣшала брата и уговорила его идти съ ней домой въ деревню; но лишь только они прошли шаговъ сто, какъ услышали за собой топоть. Это лошадь оторвалась и побѣжала за Дами, и онъ долженъ былъ отогнать отъ себя каменьями любимое животное.

Дами стыдился своего несчастія, и почти ни кому не показывался; это свойство всѣхъ слабыхъ характеровъ; у нихъ сила не въ собственномъ сознанин, а проявляется только въ слѣдствіе постороннихъ возбужденій; на несудачу смотреть они какъ на

своей слабости, и когда не могут скрыть этой неудачи, тся сами.

ько у первыхъ домовъ деревни Дами остановился. Черная на подарила ему платье своего убитого мужа. Непресо-отвращеніе мѣшало Дами надѣть его; но Босоножка, смоя прежде на платьѣ своего отца какъ на святыню, на-таки и доказывала Дами, что платье—пустяки, и ничего чить, кто бы прежде ни носилъ его.

льщикъ Матесь, жившій неподалеку отъ черной Маранны, Дами себя въ помощники на рубку дровъ и обугливанье Дами была съ руки эта уединенная жизнь, онъ хотѣлъ по-ъ до тѣхъ поръ, пока ему можно будетъ идти въ солда-огда онъ хотѣлъ поступить на службу, и всю жизнь ос-солдатомъ; въ солдатской жизни и справедливостъ бы по-ь, и тамъ ни у кого нѣтъ ни сестеръ, ни своего соб-аго дома, ни платья; пища и питье—все готовое; а слу-ойна, такъ и умереть храброй солдатской смертью лучше, какой другою.

ь, въ воскресенье, Дами говорилъ объ этомъ Босоножкѣ, она пришла на моховое болото къ дровяному костру, при-брату масла, муки и курительнаго табаку, и хотѣла его ть получше двѣять клѣчки, которыя онъ самъ себя гото-кромъ обыкновенной ѣды угольщикомъ, состоящей изъ мас-ь булокъ; Дами не хотѣлъ учиться; какъ клѣчки удавались, му было и ладно: онъ съ радостью ѣлъ плохую пищу, могъ бы ѣсть и лучше; онъ не хотѣлъ ни на волосъ забо-о себя, покуда не поступить въ солдаты. Босоножка силь-олась противъ этихъ вѣчныхъ гаданій о будущемъ времени, нѣтъ этого пренебреженія настоящимъ; ей все хотѣлось обо-Дами, который безпрестанно поддавался апатіи и въ то же самъ надъ собою плакался; но Дами, казалось, нравилась сутренняя разладица. Онъ могъ вдоволь горевать надъ со-для этого не требовалось никакого напряженія воли. Съ ть добилась Босоножка, чтобы Дами пріобрѣлъ себя изъ зарплатковъ хоть собственный топоръ, именно отцовскій ь, который былъ купленъ съ молотка угольщикомъ Ма-ь.

то въ глубокомъ отчаяніи возвращалась Босоножка изъ но она не надолго поддавалась горькому чувству; вну-

тренняя увѣренность и бодрость духа невольно пробивались наружу и сливались веселой пѣсней съ ея губъ; кто не зналъ, верно не замѣтилъ бы, что у Босоножки было или есть какое-нибудь горе. Безсознательное чувство радости, что она строго и безропотно исполняетъ свою обязанность и дѣлаетъ добро черной Мараннѣ и Дами, сообщало лицу ея неомрачающуюся ясность. Никто во всемъ домѣ не смѣялся такъ отъ души какъ Босоножка, и старый Родель говорилъ: «вотъ смѣется-то! точно перепелъ бьетъ!» видя ея постоянную услужливость и почтительность, онъ далъ ей замѣтить, что со временемъ не забудетъ ея въ своемъ завѣщаніи. Босоножка не заботилась объ этомъ и все не рассчитывала на завѣщаніе: она ожидала только платы, которой могла требовать по праву, и все, что ни дѣлала—дѣлала отъ добраго сердца, безъ всякихъ надеждъ на награду. Не истинно ли добрая сестра была Амрея?

I.

Въ лѣса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью,
Меня порой уносятъ сны
Въ твою привѣтливую келью.

Въ благоуханьи простоты,
Цвѣтокъ, дитя дубравной сѣни,
Опять встрѣчать выходишь ты
Меня на шаткія ступени.

Вечерній воздухъ влажно чистъ.
Вся покраснѣвъ, ты жмешь мнѣ руки
И, сонныхъ липъ тревожа листь,
Порхаютъ гаснущіе звуки.

II.

Разстались мы; ты странствуешь далече,
Но намъ дано опять
Въ таинственной и ежечастной встрѣчѣ
Другъ друга понимать.

Когда въ толпѣ живой и своевольной,
Поникнувъ головой,
Смолкаешь ты съ улыбкою невольной —
Я говорю съ тобой.

И вечеромъ, когда въ аллеѣ южной
Ты пьешь невую ночь,
Знай, тополи и звезды нѣгой дружной
Мнѣ вызвались помочь.

Когда ты спишь и пологъ твой кисейный
Раздвинется въ лучахъ,
И сонъ тебя прозрачный, тиховѣйный
Уноситъ на крылахъ;

А ты, летя въ эфиръ неизмѣримой,
Ленечешь: «я люблю» —
Я этотъ сонъ — п я рукой незримой
Твой пологъ шевелю.

ОЕТЪ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Снова я въ сказачномъ старомъ лѣсу:
Лѣпы осыпаны цвѣтомъ;
Мѣсяцъ, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.

Лѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки:
Это поетъ соловей про любовь
И про любовныя муки.

Страсти и горя та нѣсія полна:
Слышны и смѣхъ въ ней, и слезы,
Темная радость и свѣтлая грусть...
Встали забытыя грѣзы.

Дальше иду я. Поляна въ лѣсу;
Замокъ стоитъ на полянѣ.
Старыя круглыя башни его
Спать въ серебристомъ туманѣ.

Заперты окна; унынье и мракъ,
И гробовое молчанье,
Словно безмолвная смерть избрала
Это заглухшее зданье.

Сфинксъ, вождеденень и страшень, лежалъ
Въ мѣсть, гдѣ вымерли люди:
Львиныя лапы, спина, а лицо
Женское, женскія груди.

Дивная женщина! Въ бѣлыхъ глазахъ
Дико свѣтилось желанье;
Страстной улыбкой нѣмыя уста
Страстное звали лобзанье.

Чудно запелъ, зарыдалъ соловей...
 И, вожделенемъ волнуемъ,
 Весь задрожалъ я — и къ бѣлымъ устамъ
 Жаркимъ прильнулъ поцалуемъ.

Камень холодный вдругъ началъ дышать.
 Грудн со стономъ вздымались;
 Жадно огнемъ поцалуевъ монхъ
 Губы дрожа ушвались.

Душу мнѣ вышить хотѣла она,
 Нѣгою вся изнывая.
 Вотъ замерла — и меня обняла,
 Когти мнѣ въ тѣло вонзая.

Сладкая мука! блаженная скорбь!
 Счастье и боль безъ предѣла!
 Райскимъ блаженствомъ дарить поцалуй,
 Когти терзаютъ мнѣ тѣло.

«Эту загадку, о Сфинксъ! о Любовь!»
 Пѣлъ соловей: «разрви ты...»
 «Какъ въ тебѣ счастье и смертная скорбь,
 «Горе и радости слиты?»

«Сфинксъ! надъ разгадкою тайны твоей
 «Мучусь я многія лѣта.
 «Или загадкою будетъ она
 «И до скончанія свѣта?»

М. Л. МИХАЙЛОВЪ.

ЕРКИ БЫТА УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

емся, читатель, лѣтъ за тридцать назадъ, и перенесемся въ одну изъ нашихъ казачьихъ станицъ, на примѣръ Исюарскій форпостъ; тамъ, я вамъ скажу, и сами вы увидите, житье-бытье казацкое. Вообразите, что мы съ вами на крыльцѣ есаульскаго (начальническаго) дома, подъ навѣсомъ, сдѣланнаго изъ тальниковыхъ прутьевъ, — пьемъ *каймакомъ* * и куримъ сигары—вы гаванскую, а я русское произведеніе. Сидимъ мы не въ креслахъ, а, извините, по старому обычаю, на полу. Въмѣсто роскошнаго ковра, подъ простой бѣлый войлокъ или узорчатая *текелетъ*. ** Пестрыми коврами, гдѣ мы съ вами возсѣдаемъ, небольшая плоскокаменная незатѣйливыйми, но опрятными казачьими долами, или бѣлыми глиняными, съ плоскими кровлями, или деревянными, съ кровлями высокими, тесовыми, украшенными или коврами, или пѣтушками, или рогами оленей и разныхъ невольныхъ допотопныхъ животныхъ, находимыми въ окаменѣломъ въ р. Уралъ.

а. День теплый, ясный и праздничный. Весь форпостъ, весь обыватель, пообѣдавъ и принарядившись, кто во что вышли на открытій воздухъ и, пестрыми живописными группами, разсѣлись или на завалинахъ домовъ, или около заборовъ, или подъ навѣсами воротъ, гдѣ была тѣнь.

Сливки парадныхъ группъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Разница между сливками и каймакомъ та, что сливки, вѣстно всѣмъ и каждому, снимаются съ сыраго, а каймакъ съ ванили вскипяченнаго, но уже остывшаго, молока. Изъ каймаку пахнетъ масломъ.

Въмѣсто ковра, сшитаго изъ разноцѣтныхъ, узорами расположенныхъ, кусковъ.

маніе двѣ: группа мальчишекъ и группа людей взрослыхъ, пожилыхъ, солидныхъ. Къ послѣднимъ, т. е. къ людямъ пожилымъ, мы обратимся послѣ, а теперь займемся казачатами.

Смотрите: они давно уже играютъ въ *альчи* (родъ бабокъ); скоро игру эту прекратятъ и примутся за иную забаву, такъ называемую *войну*. Полюбуемся на эту дѣтскую забаву, новую жизни, энергіи, смысла и—позволимъ себѣ такъ выразиться—поэзіи; опишемъ ее, какъ съумѣемъ, и потомъ передадимъ всей читающей публикѣ. Итакъ, безъ дальнихъ словъ къ дѣлу.

I.

Наскучивъ игрой въ «альчи», вдругъ одинъ изъ казачатъ, возвысивъ голосъ, кричитъ:

— Воевать давайте, братцы!

— Что же? Давайте! откликнется другой казаченокъ.

— Согласны? спрашиваетъ первый.

— Согласны, согласны! воевать, воевать! кричитъ въ одинъ голосъ вострепнувшаяся и склубившаяся въ кучу ватага мальчишекъ.

Начинается выборъ предводителей, а потомъ играющіе дѣлятся на двѣ партіи: русскую и киргизскую.

— Кому атаманомъ быть? начнетъ одинъ голосъ.

— Я вашъ атаманъ! отвѣчаетъ другой голосъ.

— Нѣтъ, братъ, рыломъ не вышелъ! замѣчаютъ со стороны.

— Отчего бы такъ? говоритъ самозванецъ-кандидатъ.

— А оттого, что не выкунялъ еще, ты мелко плаваешь: си-на, братъ, наружи. Есть и почище тебя...

— Кто же? не ты ли? Дрянъ такая...

— Хоть бы и я. Ну, чѣмъ я хуже тебя?

— Самъ ты дрянъ...

Завязывается маленькій споръ, но вскорѣ прекращается. Кто-то кличетъ:

— Терешку Каплина!..

— Не надо Терешку Каплина! замѣчаютъ со стороны. Онъ понаровщикъ, потатчикъ; онъ родня своей потакаетъ, товарищамъ потворствуетъ. Намедни Васька Ларининъ провинился, а онъ не наказалъ его... Не надо Терешку!...

— Ну, такъ Гришку Малоземова!...

— И Гришку не надо! онъ дрянъ, онъ плакса! Куда ему въ атаманы! будетъ съ него и въ деньщики атаманскіе.

— Сидорку Корнаухова!...

Никто не возражаетъ. Сидорка сдѣлалъ шагъ — другой впередъ... но вдругъ раздается хохоть.

— Ха, ха, ха, ха! Сидорку въ атаманы! Что выдумали, одра-
ло бы васъ... ха, ха, ха, ха! Куда ему, косому! Въдѣ у него
одинъ глазъ на насъ, а другой въ Арзамасъ. Ну, какъ онъ, съ
косыхъ — то глазъ, да и удереть въ талы, словно «тушканъ»
(заяцъ) гошый? Поди да нищи его тамъ съ собаками.

Слова раздается хохоть. Вся хохочуть; хохочетъ и тотъ,
кто предложилъ Сидорку въ атаманы, — хохочетъ, скрѣпя сердце,
и самъ Сидорка, строя гримасы въ утѣшеніе себя и высовывая
языкъ товарищамъ.

Въ это время проходить мимо ребятишекъ какой-то старикъ,
и узнавъ въ чемъ дѣло, шутки ради, конечно, предлагаетъ имъ
себя въ атаманы.

— Спасибо, дѣдушка: — не надо намъ тебя, отвѣтитъ одинъ
изъ казачатъ.

— Отваливай, сѣдая борода! не годисся... стара стала... глу-
на стала... пропичить вслѣдъ старнику изъ толпы другой то-
нешній голосокъ, но такъ однакоже тихо, чтобы старикъ не
ее слышалъ.

И вся толпа заливается громкимъ хохотомъ.

Старикъ догадается, что смѣются на его счетъ, обернется,
погрознитъ шалунамъ посохомъ, проговоритъ притворнообвиненнымъ
тономъ: — Вотъ я васъ, озорниковъ! — вздохнетъ, да и полетится
своей дорогой, думая про себя: — Творецъ небесный! куда все
дѣвалось? и я въдѣ когда-то былъ такой.

Атамана еще нѣтъ, поднимается шумъ, споръ. Одни желаютъ
того, другіе — этого. Замѣтно, однакожь, что выборъ падеть на
Сидорку Корнаухова, который хоть и косой, но парнишка бой-
кій, а главное справедливый: — однажды онъ «отпироль» розгами
роднаго своего братишку, за нарушеніе правилъ игры, а это въ
глазакъ казачатъ много значитъ.

Но вотъ изъ-за углаваго дома показалась быстро бѣгущая, съ
припрыжкой, фигура казаченка, лѣтъ двѣнадцати, въ красно-пе-
строй съ широкими разводами рубахъ, только-что въ первый
разъ лѣдтой, — отчего она, раздуваясь на вѣтръ, шумитъ какъ
летѣть бумаги. Въ одной рукѣ казаченокъ держалъ два пече-
ныхъ яйца, а въ другой комъ блиновъ. Свѣтло-русые, отъ при-
роды, волосы на головѣ этого казаченка, отъ безпрестаннаго

купанья въ Уралѣ , посоловли и походили на мочку пожелтѣвшаго льна. Лице казаченка отъ этой же причины, т. е. отъ частаго купанья , похоже было на куличное яйцо *. Но все это не мѣшало Мишкѣ Хандохиноу—это былъ Мишка Хандохинъ — стоять въ главѣ своихъ товарищей. Мишка Хандохинъ—первый выдумщикъ, первый зачинщикъ разныхъ дѣтскихъ проказъ. Кто, бывало, первый вскарабкается на высокое дерево, чтобы раззорить коршуниное или пюстальжиное гнѣздо? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, проворнѣе всѣхъ облазитъ кровли домовъ и амбаровъ и повытаскаетъ изъ гнѣздъ воробьятъ для разныхъ анатомическихкихъ наблюдений? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, искуснѣе другихъ , не оставивъ никакихъ слѣдовъ, проберется, хоть черезъ трубу, въ запертую кухню какой нибудь старушки - соседки или даже родной своей бабушки, чтобы стащить оттуда кувшинъ каймаку или молока на общую потребу своихъ товарищей? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, успеетъ, не бывъ замеченъ, набросать всякихъ псеудобоваримыхъ и псеудобосѣдасмыхъ веществъ въ котель или чугунокъ дѣвушкамъ , когда онѣ , на вечерникахъ , готовятъ для себя купанья ? Мишка Хандохинъ. Словомъ, Мишка Хандохинъ всѣмъ проказамъ голова. Его и не называли иначе , какъ: или *удочка*, или *скопа* (родъ хищной птицы), или *маташникъ*, или *лицарь*, или *отрокъ*,—чаще всего однакоже честили его *отрокомъ* , и не даромъ. Это слово , въ понятіи казаковъ , хотя и равносильно слову *сорви-голова*, но имѣетъ отъ послѣдняго нѣкоторое и не малое даже отличіе.

«Сорви-голова» означаетъ забіяку сбалмошнаго , дѣлающаго все очертя голову , безъ разсужденія — пройдетъ ли ему проказа его даромъ, или взъѣдетъ на шею,—безъ соображенія, какое она произведетъ впечатлѣніе на другихъ, безъ страха , наконецъ, потерять свою репутацію.

Но, «отрокъ»—человѣкъ тонкій. Онъ ничего не сдѣлаетъ наобумъ, не размысливъ предварительно, что и какъ выйдетъ. Онъ знаетъ, какую именно и надъ кѣмъ именно спутить шутку. У него на первомъ планѣ не одно желаніе насолить кому или потѣшить себя. Нѣтъ, онъ такъ же умно и тонко разсчитываетъ и на то, чтобы проказа его была вполнѣ достойна казака, чтобы она одному кому показалась горькой и соленой, а другимъ доставила бы смѣхъ и нѣкотораго рода удовольствіе , чтобы,

* Не издавшіе куличныхъ яицъ могутъ справиться въ «Зап. Руж. Охотника» г. Аксакова. Тамъ, кажется, объ нихъ упоминается.

нецъ, проказничая, не пропасть самому въ общемъ мнѣнїи въ бытъ Мишка Хандохинъ.

ия образчика, приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ сго по-овъ на поврищъ отроческихъ проказъ.

ла-была старуха, по фамилиі Кушумова, или, какъ назы-ею обыватели, Кушумиха, строитивая, брюзгливая и скряга вленная, какихъ свѣтъ не видываль. Единственнаго сына, таго и нмѣвшаго кучу маленькихъ дѣтей, она, изъ нена-къ снохъ, согнала со двора, давъ ему только для службы юшади, да на прокормъ дѣтей яловую тѣлку. Жила Кушумодна-однихонька, и все копила, а для чего—однѣ дья-зналь.

нажды, на канунъ какого-то большаго праздника, кажется нунъ Пасхи, пришли къ ней маленькіе внучата и попросили разговѣться. У старухи всего было вдоволь: и говядины, ла, и яицъ, а о молокъ и каймакъ говорить нечего: этимъ мь хоть прудъ-пруди. Но старуха-скряга дала внучатамъ разговѣнья только кислаго молока, и то не свѣжаго или мѣ-го, а кадочнаго, прогорьклаго, такога, котораго добрые и побѣднѣе ея, сами не ѣдятъ, а употребляютъ на вы-овчинъ, да даромъ раздають киргизамъ-байгушамъ (ни-). Узналъ объ этомъ весь форпостъ, и вознегодовалъ на у-бабушку.

руха-Кушумиха и безъ того была во всеобщемъ презрѣнїи, безсмысленная и отвратительная скряга. Мишка Хандохинъ, отря на то, что ему было отъ роду только 10 или 11 лѣтъ, аеть уже что хорошо, что худо. Онъ и прежде ненавидѣль мнху за скряжничество, но когда узналъ, какъ она скотски ась съ своими родными-кровными, онъ озлобился на нея, на вѣдму какую, или какъ на киргизскаго разбойника Сю-у, который часто дѣлываль набѣги на казачьи станицы и жилъ казаковъ.

Удружу жь я тебѣ, вѣдьма кїевская!.. сказалъ самъ себѣ а, и отправился въ поле. Тамъ онъ наловилъ нѣсколько ыхъ мышей, сусликовъ и карбышей, задушилъ ихъ, склалъ шпокъ и возвратился домой. Онъ выждалъ, когда Кушумухала къ заутренѣ, въ соседственную станицу, гдѣ была въ, и отправился къ ней въ домъ. Караульщицей и вивѣсть угой въ домъ Кушумихи была старуха изъ киргизскихъ бай-, но и та, пользуясь отсутствїемъ ворчливой хозяйки, ушла

въ сосѣдственный киргизскій ауль. Слѣдовательно Мишка-отроку представлялся полный просторъ проказничать или такъ-сказать «отрочествовать». Сначала, сквозь широкую трубу «юрка»*, онъ забрался въ кухню, и тамъ во все кадки, горшки, миски, чашки, словомъ, во всю домашнюю посуду, съ чѣмъ бы она ни была, со щами ли, съ молокомъ ли, или пустая, набросалъ дохлыхъ мышей, сусляковъ и карбышей. Изъ кухни Мишка перебрался на ледникъ, разломавъ для того въ одномъ мѣстѣ камышевую крышу, спустился въ самый погребъ, отыскалъ тамъ кадки и кубышки съ коровьимъ масломъ, скопленнымъ, въ теченіи цѣлаго поста, для продажи, и вездѣ, т. е. во все кадки и кубышки, разсвалъ мертвечину...

Такимъ образомъ Мишка - отрокъ сдѣлалъ старухѣ - скрягѣ тройное зло: во-первыхъ онъ непоганилъ у ней все масло, которое она должна была или бросить, или задешево сбыть киргизамъ, потому что изъ русскихъ никто бы не купилъ у ней масло, какъ поганое. Во-вторыхъ, напоганилъ у ней всю домашнюю посуду, которую нельзя было употребить въ дѣло дотѣхъ-поръ, пока священникъ «не дастъ посудѣ молитву», т. е. не освятитъ ее св. водой, а для этого нужно было ѣхать и везти посуду въ сосѣдственную станцію, да сверхъ того заплатить за труды. Въ-третьихъ, исторія эта до такой степени озадачила старуха-скрягу, что, въ первыя минуты горя, она чуть-чуть не взбѣсилась и не сошла съ ума; насплу, говорятъ, работница-киргизка отлила ее водой.

Кромѣ того отрокъ Мишка выходкой этой, довольно однакожь, между нами будь сказано, рѣзкой, доставилъ всему форпосту немалое удовольствіе; пбо все были рады случаю посмѣяться надъ скрягой, которая мерзкою жизнью своею вселяла во всехъ къ себѣ одно только омерзеніе. Стало быть понятно будетъ, ежели мы скажемъ, что никто не подалъ старухѣ руку помощи, никто не пожалѣлъ о ея горѣ, а напротивъ, все гласно говорили: «у скупаго больше чортъ беретъ», или «копала, копала, да чорта купила». Даже киргизка-работница, жившая въ ея домѣ, и такъ ли, сякъ ли, питавшаяся ея крохами, и та украдкой улыбалась, радуясь въ душѣ, что ей приведется хоть разъ въ жизни поѣсть досыта молока на счетъ своей милой и доброй хозяйки.

Кушумиха предчувствовала, что все это дѣло рукъ Мишки

* Родъ камина, гдѣ варять молоко.

Хандокина, и потому, лишь только прошло первое тяжелое впечатлѣніе, она, съ воємъ и плачемъ, побѣжала жаловаться есаулу. Чтобы не показаться несправедливымъ и избавить старушѣнку отъ конечнаго отчаянія, ибо она близка была къ петлѣ, есаулъ позвалъ Мишку къ допросу. Но Мишка оказался правымъ, по-крайней-мѣрѣ никакихъ уликъ противъ него не было. Мало того, онъ, словно банкирецъ, самъ сталъ обвинять старуху.

— Ты, саулъ, самоѣ-то еѣ приетрумъ хорошенько, говорилъ Мишка есаулу: зачѣмъ она держитъ у себя псороченное масло? Кто знаетъ, какое у нея было масло-то, може навороженое, съ перцей. Вонъ они, голубчики, суслики-та, продолжалъ унылымъ и плачевнымъ голосомъ Мишка, показывая тѣмъ жалость къ мышамъ, сусликамъ и карбынамъ, вонъ они, бѣдненькіе, навлісь ея масла-та, да и померли... Этакъ, пожалуй, и люди отъ ея масла перемрутъ...

Есаулъ заомывая, старуха плюнула и хотѣла было вцѣпиться отроку въ соловые волоса, но отрокъ не дался, онъ не изъ тановскихъ, чтобы поддаться старухѣ, ускользнулъ, и съ честію вышелъ изъ начальническаго дома. На улицѣ, у самаго крыльца, его ожидала ватага друзей и товарищей. Тѣ, видя своего друга здоровымъ и невредимымъ, привѣтствовали его единодушнымъ восклицаніемъ: «Ай-да, Михукъ! ай-да, молодецъ! настоящий отрокъ!» и чуть было не задушили своими обнимающими, да цѣлованьями.

Мишка Хандокинъ былъ идоломъ своихъ товарищей. Теперь ясно, что появленіе его въ кругу своей «храброй братьи» должно тотчасъ рзнить споры по выбору атамана.

Какъ шаръ, Мишка вкатился въ толпу ребятишекъ, прокричавъ еще издали:

— Шире, давь съ пирогами, дай дорогу съ табакомъ!

— Меня ли вамъ надо? сказалъ Мишка, повернувшись насколько разъ на одной ногѣ и состроивъ преуморительную гримасу, отъ которой вся толпа захохотала.

— А то кого же, коль не тебя? не бѣса же лысаго, сказали казачата, и въ ту же минуту общимъ голосомъ нарекли Мишку Давыдомъ Мартемьяновичемъ, въ честь войсковаго атамана Бородинна.

Теперь, мы видимъ, Мишка Хандокинъ уже не Мишка Хандокинъ, а Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ.

Покончивъ дѣло о выборѣ атамана, какъ о предметъ большей

важности, казачата приступаютъ къ выбору другаго предводителя, киргизскаго батыря, какого нибудь Чинебека или Кайбалу, долженствующаго противудѣйствовать атаману. На этотъ разъ дѣло устроивается скоро. Первый голосъ, поданный въ пользу Сидорки Корнаухова, онъ же косою, принимается безпрекословно, одобряется и утверждается общимъ согласіемъ и приговоромъ. Спора тутъ не могло быть, во-первыхъ потому, что Мишка Хандохинъ не противорѣчитъ, во-вторыхъ потому, что охотниковъ въ предводители киргизской партіи вообще мало, ибо киргизской партіи обычаемъ узаконено, волей-неволей, терпѣть пораженіе отъ русской, а предводителю ея неминуемо быть въ пльву и, какъ пльнику, сносить нѣкотораго рода униженіе.

За выборомъ предводителей, начинается раздѣленіе на партіи. Атаманъ кричитъ:

— Мстаться! метаться!

И всѣ повторяютъ эти слова, въ томъ числѣ и Сидорка Карнауховъ, представляющій собой лицо киргизскаго батыря. Принаравливаясь къ акценту киргизовъ, когда тѣ, объясняясь по-русски, коверкаютъ русскія слова, Сидорка кричитъ:

— Мстасса! метасса!

Начинаютъ «метаться». Всѣ мальчишки разбиваются на пары, наблюдая притомъ правило, чтобы каждая пара состояла непременно изъ однолѣтковъ или по-крайней-мѣрѣ изъ мальчиковъ, возрасты которыхъ хотя приблизительно были бы равны между собой. И это дѣлается не просто, а съ цѣлью. Такъ какъ одинъ мальчикъ изъ пары переходитъ, какъ увидимъ ниже, на сторону атамана, а другой на сторону киргизскаго батыря,—то такимъ образомъ силы обѣихъ партій уравниваются.

Разбившись на пары, казачата отходятъ въ сторону и шепчутся между себя; потомъ обнявшись или взявшись за руки, возвращаются къ предводителямъ, а тѣ встрѣчаютъ ихъ съ подобающею важностію и гордою осанкою.

Подходитъ одна пара и обращается къ атаману съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Тебѣ кого надо:—царя или князя?

— Царя! говоритъ атаманъ.

И мальчикъ, взявшій на себя имя царя, переходитъ на сторону атамана, а другой, князь, на сторону киргизскаго батыря.

Подходитъ другая пара и обращается къ представителю киргизовъ:

Тебѣ, вылокъ * проклятый, кого надо: старика или старуху? Старикъ дабай! говорить киргизъ.

старикъ переходитъ на сторону киргиза, а старуха на сторону атамана.

Идти третья пара и обращается, по очереди, снова къ цу:

Тебѣ кого надо: инерала или губернатора?

Все равно—говоритъ атаманъ: давай инерала!

Идти четвертая пара и спрашиваетъ киргиза:

Тебѣ, не умыта харя, кого надо: свинью или борова!

Пся равна, говорить киргизъ, принаравливаясь къ отвѣтамъ атамана: дабай свинья!... мала-мала шнать ево станемъ.... Имъ образомъ въ пары расходятся или «размѣтываются» эти: атаманскую и киргизскую. Ежели одинъ казаченокъ тся лишній, безъ пары, то онъ пристраивается къ какой-либо партіи по жеребью, или такъ, куда случайно попадетъ. Ясь въ общемъ планъ, какъ, гдѣ и чѣмъ дѣйствовать, шники расходятся.

Ика Хандохинъ — онъ же Давыдъ Мартемьяновичъ Боро — отводитъ свою партію въ сторону, а Спдорка Карна — онъ же и старшина Кайбала — въ другую. Тутъ уже ются и оканчиваются частныя совѣщанія. Всѣ садятся на ш и верхомъ, будто на коней; всѣ вооружаются длинными ткими прутьями, будто шками и саблями; каждый, на поизъ пряжи, шметъ за плечами ружье, но не настоящее, коа тростниковое или сдѣланное изъ другихъ какихъ коыхъ растений, съ пустотой въ серединѣ. Ружья заряжаюткомъ, т. е. просто-на-просто импровизированный воинъ гъ, во время боя, изъ-подъ погъ у себя горсть песку или всыплетъ ее въ пустоту тростника, да взмахомъ руки выш зарядъ въ противника. Иной забавникъ заранѣе паскрезъ трубы или печки сажн, завернетъ въ бумажку и спряш пазухой; а потомъ, во время боя, набьетъ сажей свое да и влшнтъ кому набудъ въ лицо. Отъ такихъ выходромъ смѣха съ обѣихъ сторонъ, никакихъ худыхъ послѣдеш бываетъ, и шалунъ остается безъ наказанія. Развъ тольгивникъ его въ слѣдующую игру самъ изловчится и отш ему той же монетой.

сть, другаго рода шалости, которыя не проходятъ иногда

шшлнвыи намекъ на бритую голову.

даромъ. Вместе съ пехотомъ, иной шалухъ занустантъ въ ружье маленкій камушекъ или нѣсколько камушковъ, да и угоститъ когонибудь изъ мнимыхъ недруговъ своихъ. Хорошо, ежели камушекъ попадетъ въ бокъ или въ спину непріятели: онь, т. е. камушакъ, только обожжетъ, оконтуженный только встрепнется, да побѣжится, и игра этимъ не нарушится. Но ежели камушекъ попадетъ въ другое, болѣе чувствительное мѣсто, и оставитъ по себѣ хоть незначительный слѣдъ, тогда, по известному условному знаку, сраженіе тотчасъ прекращается, и дѣлается разслѣдованіе. Съ обѣихъ сторонъ жарко принимаются за дѣло открытъ виновнаго. Удиченный въ подлогъ, или, по выраженію казачать, въ подвохъ, мальчишка наказывается розгами, съ обиднаго приговора партіи, или атаманомъ, или киргизскимъ предводителемъ, смотря потому, къ какой партіи принадлежитъ виденный; наказывается иногда довольно презрѣдно. Оштрафованный не только не посмѣетъ пожаловаться отцу или матери, но не посмѣетъ и плакать. Ежели кто сдѣлаетъ это, — пропаль тотъ на вѣки! Осмѣютъ его товарищи, разсѣвать на весь мальчишескій міръ, не только въ своей станицѣ, но и въ сосѣдственныхъ; оборвутъ, несчастнаго, опозорятъ, дѣвкой назовутъ, и ужь, что всего горше — никогда не примутъ въ свое общество.

Равнымъ образомъ и раненый или оконтуженный не рѣшится жаловаться отцу, не станетъ и плакать, и также изъ боязни, чтобы не прозвали его плаксою, нѣженкой, недотрогой. «Терпи! говорятъ ему товарищи: — ты не дѣвка. Окоту тѣшить — не бѣду платить.» И терпитъ бѣдный воишь, хотя немного и морщится.

Мишка Хандокинъ выстраиваетъ свой отрядъ, переключаетъ, разумѣется, не по списку, а назусть; назначаетъ есауловъ и урядниковъ, — даетъ наставленіе, какъ дѣйствовать, — увѣщеваетъ: не робѣть, другъ друга не выдавать, камушковъ въ дѣло не пускать, а главное: не спать, но дремать. Одинъ изъ воиновъ его отряда сбѣгаетъ въ домъ, выпроситъ у матери или у сестры, а ежели не выпроситъ, то и украдетъ, или, по выраженію казачать, *обондитъ* красный или другой какой цвѣтной платокъ. Нацѣптъ этотъ платокъ на палку, и знамя, или «*харунка*» готова.

Партія, предводительствуемая Давыдомъ Мартемьяновичемъ, онь же Мишка Хандокинъ, выступаетъ въ походъ съ пѣснями. Поютъ какуюнибудь военную пѣсню, изъ числа заводимыхъ на

Ураль казаками съ видныхъ службъ, изъ армій, а чаще всего казую=явбудь изъ своихъ, сложешныхъ доморощенными поэтами, Напримѣръ:

Кайбала * салтанъ разбойникъ,
Ужь такой-то безпокойникъ,
Въ саму зимнюю пору,
Объявиль салтанъ войну—
Объявляль батырь войну
Хану—Джангару своему.—
Каваци изъ Горь ** въ походъ ходили,
По дикой степи гуляли,
Старшину Кайбалу искали,
Но ордынцевъ не видали.
Подъѣзжали ко мару;
Увидали Кайбалу.
Увидавши Кайбалу,
Заманили старшину.
Генераль нашъ Бородинъ
Отъѣзжалъ въ сторону одинъ.
Подъѣзжалъ онъ ко мару,
Замаячилъ Кайбалу.
—«Ты, салтанъ ли Кайбала,
Укажи намъ, гдѣ вода.»
Салтанъ съ лошади слѣзалъ,
Таку речь злодѣй держалъ:
—«Ни воды нѣтъ, ни травы,
Лишь желты одни пески». —

* *Канит-Галий Имамовъ*, султанъ внутренней киргизской орды, кочующей между пизорьями Волги и Урала. Этотъ султанъ, извѣстный однакъ какъ разъ между русскими казаками, такъ и между киргизами подъ сокращенномъ, уменьшительнымъ именемъ: *Кайбала*, въ началѣ 1829 года взводновалъ часть киргизовъ, противъ хана Джангира, объявивъ послѣдняго въ небреженіи къ пользамъ народа, и хотѣлъ перейти за Уралъ. Но уральскіе казаки, подъ командой самаго войсковаго атамана, генераль-майора Давида Мартемьяновича Бородина, не допустили киргизовъ къ переходу за Уралъ. Въ Великій постъ, въ первыхъ числахъ марта, казачій отрядъ вышелъ изъ Горской крѣпости противъ киргизовъ и встрѣтился съ ними въ степи, не далеко отъ Урала. Тутъ генераль Бородинъ и султанъ Канит-Галий, онъ же Кайбала, лично знавшіе другъ друга, выѣхали одинъ къ другому на переговоры, — и Давидъ Мартемьяновичъ успѣлъ склонить Канит-Галия оставить вся эти затѣи, какъ ни къ намъ добромъ не ведущія, промъ какъ къ напрасному кровопролитію и раззорѣнію. Султанъ оставилъ киргизское сборище, которое велъ было за Уралъ, велѣлъ ему разойтись по своимъ кочевкамъ, а самъ съѣлъ съ Бородинымъ въ коляску и уѣхалъ въ Уральскъ, а протамъ въ Оренбургъ... Волченіе въ ордѣ прекратилось. Вотъ, по случаю этого событія и явилась у казаковъ вышеприведенная

Тѣмъ временемъ и старшина Кайбала, онъ же Сидорка Карнауховъ, устроиваетъ и приготовляетъ къ бою свою партію, въ другой улицѣ или за околицей, внѣ форпоста, гдѣ-нибудь въ огородахъ или около огородовъ.

Объ партіи начинаютъ сходитья. Но киргизская партія не прямо наступаетъ, а уклоняется отъ боя, прячется, таятся, хоронится гдѣ-нибудь за плетнями, да за строениями, ежели дѣло происходитъ въ жиломъ мѣстѣ, или въ кустахъ, въ оврагахъ, за деревьями, ежели дѣло происходитъ внѣ форпоста. Казачья же партія, напротивъ, дѣйствуетъ открыто, самонадѣянно, въ увѣренности, что киргизская партія—прахъ. Казачья партія скачетъ, рыщетъ изъ улицы въ улицу, или отъ куста къ кусту, отъ оврага къ оврагу, отыскивая разбойническую партію; по временамъ останавливается, прислушивается, разсылаетъ по сторонамъ и впередъ себя патрули, разставляетъ «секреты», словомъ, дѣлаетъ все то, что дѣлаютъ дѣйствительныя казачьи партіи противъ дѣйствительныхъ киргизскихъ партій.

Наконецъ на задахъ форпоста, за соляными складами или за банями, казачья партія открываетъ киргизскую. Сраженіе начинается перестрѣлкой съ обѣихъ сторонъ: вмѣстѣ съ клубомъ или, правильнѣе, съ струей пыли, вылетающей изъ дула тростниковаго ружья, стрѣлокъ кричатъ: «бу!» — знакъ, что пищаль его била. Отчего въ теченіи нѣсколькихъ минутъ безпрестанно раздаются звуки: бу! бу! бу!, сливающимися наконецъ въ одинъ протяжный звукъ: бу-у-у-у! По временамъ выскакиваютъ съ той и другой стороны единоборцы; наскочутъ другъ на дружку, пустятъ въ буквальный смыслъ одинъ другому пыль въ глаза—и разъѣдутся при одобрительныхъ кликахъ своихъ товарищей.

Затѣмъ казачья партія, съ крикомъ: ура!, идетъ на ударъ, или на словъ (въ атаку). Въ тоже мгновеніе по всей киргизской партіи проносится заунывный гулъ, похожій на слившіеся въ-одно звуки: о-о-о-о!—у-у-у-у! ій-ій-ій-ій!—знакъ или предвѣстникъ грозящей опасности или конечной гибели; потомъ раздается одобрительный военный возгласъ: «Аблай! Аблай! Аблай!» * Начинается общая свалка. Русскіе кричатъ: «бей! кол!»

пѣсенка, гдѣ по дѣломъ конечно чествуютъ Кайбалу и разбойникомъ и злодѣемъ....

** Горская крѣпость, или иначе: крѣпость Индерскихъ горъ.

* Это лозунгъ. У Киргизовъ въ обычаѣ, передъ сраженіемъ и во время

зы кричатъ: «урз! чанч!» (тоже, что—бей, коли). Казачья партія выбиваетъ изъ засады киргизскую, гонитъ подь въ луга. Вотъ тутъ уже начинается цирь-горой: непріятель бѣжитъ, рассыпается по кустамъ, перескакиваетъ рвы, какидается въ ручьи, въ озера; русскіе преслѣдуютъ по б. Отстающихъ, падающихъ отъ усталости, спотыкаясь отъ неосторожности непріятелей берутъ въ плѣнь или въ видъ, что прикалываютъ пикой. Взятый въ плѣнь, не связанъ, въ силу обычая, не смѣетъ бѣжать, а тотъ, ювко по затылку или по спинѣ коснется пруть, замѣняющу или саблю, падаетъ на полъ, и какъ убитый обязанъ, на мѣсть до окончанія драки. Вся эта суматоха длится поры, пока и та и другая сторона натѣшится вдоволь, ется и напрыгается до упаду, до послѣдняго почти истосвя. Бой прекращается. Казачья партія провозглашаетъ, —она торжествуетъ и кричить: «наша взяла! наша взяла!» Киргизская партія смолкаетъ, бросаетъ оружіе и преклопредь побѣдителями. Предводителя непріятельской парту въ плѣнь, накидываютъ ему на шею какую нибудь, или просто-на-просто тесьмянный поясъ, который съ снимутъ, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками ведутъ съ омъ на форпостъ. Тѣ же, которымъ рокъ судилъ валятьоль битвы мертвыми, оживаютъ, когда военная или цереная процессія пройдетъ мимо ихъ, и присоединяются къ телямъ. Плѣнные, какъ бытъ двлу, идутъ повѣсивъ гоиздыхаютъ и ударяютъ себя въ грудь, въ знакъ глубочаянія. Побѣдители же, напротивъ, выражаютъ свой вопрыжками и отчаянными скачками, которымъ, кажется, овалъ бы любой козель сайгакъ.

пая въ форпостъ или подходя къ мѣсту, заранее назначаю сборнымъ, послѣ сраженія, пунктомъ, казачья партія, у Мишки Хандохина: «пѣсенники впередъ!», начинаетъ пѣть какую нибудь пѣсню, ежели не доморощеннаго проія, то общую армейскую, передѣланную или, такъ скаридаженную на случай торжественнаго событія. Напри-

Ночи темны, тучи грозны

и, призывать на помощь какого нибудь однопородца, стариннаго прославившагося при жизни военными подвигами, а по смерти и, что служить, разумѣется, признакомъ святости батыря.

По поднебесью идутъ.
 Идутъ, идутъ казаченьки,
 Идутъ они тихимъ маршемъ,
 И межъ собою говорятъ:
 — Хоша трудно намъ ребята
 Подъ хивинцами стоять,—
 Труднѣй того намъ казакамъ
 Подъ пушечки подбѣжать.
 Мы подъ пушки подбѣжали,
 Закричали въ разъ: ура!
 Ура-ура! городъ взяли,
 Затряслися стѣны—валъ.
 Вы злые, лютые хивинцы!
 Покоритесь вы намъ.
 Еслижъ вы намъ не коритесь,—
 Пропадете какъ трава!
 Идетъ съ нами Мать-Расея,
 Всѣмъ сударствамъ голова!—

— Спасибо, атаманы-молодцы! говорить Мишка Хандохинъ,
 своимъ сподвижникамъ.

— Рады стараться! отвѣчаютъ тѣ.

И война кончается, войско отпускается. Всѣ бѣгутъ купаться въ Уралъ, чтобы смыть съ себя пыль и грязь. Еще на дорогѣ къ рѣкѣ, иные нетерпѣливые и задорные любители купанья, скидаютъ съ себя чуть не всю одежду, къ рѣкѣ подбѣгаютъ почти совсѣмъ уже готовые, и съ крикомъ: «купа-вода! жара взяла!» стремглавъ бросаются въ воду, внизъ головой, иногда съ 4-хъ или 6-ти саженнаго яра,—только брызги летятъ.

Затѣмъ казачата могутъ начать и другую какую игру, ежели не похожую на вышеописанную по дѣйствию и приемамъ, то во всякомъ случаѣ не уступающую ей въ живости и ловкости, которой должны обладать или которую должны приобретать играющіе. Но на этотъ разъ всѣхъ дѣтскихъ игръ намъ не пересмотрѣть и не описать. Довольно, кажется, и одной, уже описанной, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какъ казачій мальчикъ проводитъ дѣтство. Вообще про игры и забавы казачатъ можно сказать одно, что онѣ служатъ играющимъ такого рода гимнастикой, какую въ вѣкъ не выдумать ни одному фокуснику во фракъ съ свѣтлыми пуговицами.

Тѣмъ временемъ, пока Мишка Хандохинъ и его свита купаются, а они проплаваютъ и проныряютъ въ Уралъ по малой мѣрѣ съ часъ времени, если не больше, мы подосадемъ къ группѣ

казакѣвъ, о которой сказано выше, познакоимся съ нѣкоторыми личностями, и послушаемъ казачью бесѣду.

II.

Въ тѣни, у тесовыхъ воротъ дома Кузьмы Семеныча Ефремова, одного изъ зажиточныхъ, во свое время, обывателей Красноярскаго форпоста, собрался не малый кружокъ казакѣвъ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ самыхъ, такъ называемыхъ, отборныхъ казакѣвъ, и по уму, и по зажиточности, и по нѣкоторой, свойственной только имъ однимъ, оригинальности, изъ тѣхъ казакѣвъ, которые въ былое время составляли украшеніе и цвѣтъ казачества, въ смыслъ казачества, изъ тѣхъ казакѣвъ, рѣдкіе остатки которыхъ еще понинѣ виднѣются между измелъчавшимъ потомствомъ, какъ крупныя жемчужины между мелкими, чтобы не сказать поддѣльными. Тутъ были : и старикъ Михайло Бакеровъ, хорошо помнившій время пугачевского бунта, и, между прочимъ, цѣловавшій руку у Пугачева, близъ Бударимскаго форпоста, когда самозванецъ, на бѣломъ конѣ и въ богатой парчевой одеждѣ, впервые явился обманутому народу, и Данила Мостовщиковъ, бывшій въ 1791 году при осадѣ Анапы, гдѣ пуля турецкаго наѣздника разлепѣшилась на груди казака, ударившись о мѣдную икону Чудотворца Николая, и Василій Рыгинъ, ходившій въ 1809 году, вмѣстѣ съ товарищемъ, или, правильнѣе, съ дядькой своимъ, Васильемъ Струпашевымъ, черезъ Ботническій заливъ на шведскій берегъ *, и Григорій Маркобруновъ, гулявшій, въ 1814 году, по садамъ и кофейнямъ и другимъ кое-какимъ заведеніямъ Парижа, гдѣ онъ объяснялся жемами съ помощію 5-ти франковыхъ монетъ.

Тутъ былъ и завзятій изъ Уральска гость, Максимъ Багайдинъ, онъ же и Максимъ *Безсудный*, который никому не боялся высказывать горькія истины, даже и самому покойному войсковому атаману, Д. М. Бородину, одному изъ самыхъ строгихъ и справедливыхъ атамановъ, когда-либо въ уральскомъ казачьемъ войскѣ бывшихъ. Багайдину, что онъ ни говорилъ, разумѣется, дѣльное, все сходило съ рукъ; оттого-то казаки и прозвали его «безсуднымъ», т. е. человекомъ, котораго не бралъ ни какой судъ. Багайдинъ частенько говаривалъ самому атаману, за которымъ, не объ немъ будь сказано, водилась слабость къ прекрасному полу, такія рѣчи: «Ты—Давыдъ Бородинъ, а я—Мак-

* См. «От. Зап.» 1857 года, № 11, ст. «Уральск. Старина».

симъ Багайдинъ. Ты хоша большой госнодинъ, да и я въ войскъ не одинъ. Смотри, чужихъ женъ не отбивай!..»

Тутъ находился и молодой казакъ Абрамъ Пастуховъ, который въ послѣдствіи былъ офицеромъ и отличался между своей братьею поэтической замашкой и лаконизмомъ въ своихъ «липортахъ». (Пастуховъ былъ грамотный). Однажды, въ бытность его начальникомъ Калмыковской крѣпости, къ нему пришло «прочетное» (т. е. одно для всѣхъ достаточныхъ и форпостныхъ начальниковъ предписание) отъ войсковаго начальства о заготовленіи такъ называемаго экономическаго сѣна, которое въ голодные, неурожайные года раздается безденежно, *въ откосъ* *, или продается по умѣренной цѣнѣ обывателямъ для прокормленія скота. Или въ то время трава не созрѣла, или на хорунжаго нашло вдохновеніе, или хорунжій, въ слѣдствіе поэтической природы, предчувствовалъ, что заготовленіе экономическаго сѣна не достигаетъ истинной цѣли—не извѣстно. Достоверно только то, что онъ на самомъ «прочетномъ» написалъ и отослалъ къ другимъ начальникамъ и тѣ передали дальше по принадлежности слѣдующіе стихи, которые послѣ того вошли въ поговорку:

«Для скотовъ
Сѣно косить не готовъ:
Спрошу команду казаковъ.
Читай хорунжій Пастуховъ.»

Подобная выходка со стороны заносчиваго и энергичнаго хорунжаго не прошла, разумеется, даромъ: хорунжему крѣпко за нее досталось, и по дѣломъ:—«знай, толкують мудрые люди, сверчокъ свой шестокъ». Слово: скотовъ, въ стихахъ значущее, хотя и не было ни подчеркнуто, ни отмѣчено никакими знаками, этихъ хитростей Пастуховъ не разумѣлъ, но за всѣмъ тѣмъ—на Сенькѣ, видно, шапка горитъ,—завсѣмъ тѣмъ, нашлись люди, которые, по долгомъ размышленіи, уразумѣли въ этомъ неблагозвучномъ словѣ нѣчто оскорбительное, вольнодумное, масонское, намекающее на что-то пли на кого-то... Эти же люди уразумѣли въ послѣдствіи такую «задать нахлобучку» неосторожному и откровенному поэту, что онъ въ вѣкъ не справился... По разсказамъ честныхъ людей, современниковъ Пастухова, онъ, этотъ поэтъ-офицеръ, имѣлъ голову пылкую и серд-

* Брать сѣно *въ откосъ* значитъ то, что казакъ, взявши безденежно зимой сѣно, обязывается такое же количество, какое взялъ, накосить лѣтомъ и пополнить экономическій запасъ.

це чувствительное, но къ сожалѣнію не былъ столько развитъ, чтобы не потерять и не истереться въ томъ омутъ, гдѣ волей судьбы родился, жилъ и подвизался. Онъ только кое-какъ, на мѣдныя, какъ говорится, деньги, обучился грамотъ—и все тутъ. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго и удивительнаго, что этотъ офицеръ, онъ-же непризнанный поэтъ, изжилъ свой вѣкъ не какъ человекъ: предался, не въ укоръ будь сказано его памяти, предался злодѣйкъ-чарочкъ, извелся, бѣдняжка, стерся съ лица земли, какъ будто его и не было...

Онъ же въ долговой книгѣ одного мясника, у котораго взялъ въ долгъ нѣсколько пудовъ говядины, самъ за собой, по просьбѣ безграмотнаго мясника, написалъ счетъ такого содержанія:

Дѣло свято —
У Кайбагара * мясо взято.
Мясо коровье,
Ѣшь казакъ на здоровье.
Хотя мясо и съѣтся,
А съ Кайбагаромъ надо расчесться.

Въ сейчасъ приведенныхъ, немудрыхъ, конечно, стихкахъ, написанныхъ на скорую руку въ то время, когда поэтъ не зналъ гдѣ головы преклонить, когда онъ перебивался съ куска на кусокъ,—въ этихъ стихкахъ проглядываетъ и замашка хорунжаго сострить, хотя, казалось бы, не до остроу, и честность благородной души, хотя, по неизданной житейской логикѣ, казалось бы, не до чести, когда нечего вѣсти. Но у Пастухова заключалась логика не въ голову, а въ душу; онъ, рано ли, поздно ли, буквально исполнилъ по послѣднему стиху, т. е. рассчитался съ Кайбагаромъ, когда тотъ по безграмотству спутался въ счетахъ и не зналъ на комъ искать долгъ.

Тутъ былъ и Иванъ Метлинъ, имѣвшій *похвальную привычку*, въ извѣжаніе или въ предупрежденіе всякихъ золь-нанастей, по нѣсколькx разъ въ день, колотить безответную жену свою, въ силу какого-то велемудраго изрѣченія, которое скрывается въ тайникахъ сокровенныхъ книгъ, и которое, якобы, гласитъ такъ: «И хорошая жена три раза въ день помыслить на мужа своего лихо, а злая—о! паче того.»

Нельзя сказать, чтобы Метлинъ вовсе не любилъ жену, нѣтъ! онъ любилъ ее, на сколько можетъ любить простой человекъ женщину, мать дѣтей своихъ, и хозяйку дома, словомъ онъ лю-

* Фамилія казака-мясника.

бить ее, какъ любить большая часть казаковъ женъ своихъ, т. е. любить—любить, но и не баловаль. Въ отношеніи къ женѣ онъ держаль себя такъ, какъ, примѣрно, держитъ себя благовоспитанный человекъ.—Если Метлинъ возвращался, бывало, изъ какой-либо повъздки въ домъ, жена непремѣнно должна, обязана была встрѣчать его на улицѣ у воротъ и кланяться ему въ ноги. Еслибъ даже Метлинъ возвращался съ возомъ сына изъ луговъ, куда, конечно, повхаль утромъ того же дня, все-равно: жена обязана встрѣчать мужа по указанному порядку. Не исполни этого, прозвѣвай какъ-нибудь прѣздъ благовернаго муженька—бѣда! волосникъ на сторону и пошла потасовка!—«Фи! какое варварство!» скажутъ благовоспитанныя читательницы. Это еще что! скажемъ мы,—это ничего, пустяки. А вотъ жилъ на Уралѣ одинъ старикъ-казакъ:—такъ тотъ не Метлину былъ чета; Метлинъ передъ нимъ агнецъ. Онъ, этотъ замѣчательный старикъ, въ день отъезда на какой-либо промыселъ, напримѣръ на багрениое рыболовство, *домомъ поставляль* себя, при разставаньи, поколотить жену, т. е. пожалуй и не поколотить, а только разъ отпустить женъ полновьсный кулачище, чтобы у бѣдняжки кровь хлынула изъ носа или изъ зубовъ!.. Пожалуй, не повѣрять сейчасъ сказанному, подумаютъ, что мы *сочинили*, а между тѣмъ это голая правда. Хотите знать причину такого, между нами будь сказано, варварскаго обращенія мужа съ женой?.. Извольте. Казакъ, имѣвшій такой странный обычай, былъ до крайности суевѣренъ. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ, что ежели, на прощаньи при вывздѣ изъ дома, *не окрovenить* жену, т. е. не измордуеть ее до крови, то промыселъ будетъ неудаченъ.

Рядомъ съ Метлинымъ сидѣль Нефедъ Ж...нъ, личность диаметрально противоположная личности Метлина. Кроткій и безответный Нефедъ не только не колотилъ, какъ сосѣдъ его и кумъ Метлинъ, свою жену, но напротивъ, какъ гласитъ народная молва, самъ жилъ подъ началомъ у жены, по ремешку, что называется, ходилъ. Въ какой степени это справедливо, утвердительно сказать не можемъ, и пускаться въ сужденіе по этому поводу намъ не приводится, во-первыхъ потому, что это не очень, думаю, интересно для читателей, во-вторыхъ потому, что жену Нефеда Ж...на, почтенную старушку, мы довольно коротко знаемъ и, безъ лести сказать, уважаемъ. Следовательно, толковать объ этомъ, повторимъ, не приводится, да и ще-

котливо съ одной стороны. Скажемъ только вотъ что. Умное, толковое и короткое обращеніе почтенной старушки съ сыновьями, а главное съ снохами доказываетъ, что не она была главной причиной, что покойный Нефедъ ходилъ по ремешку, ежели только это дѣйствительно было такъ, а самъ Нефедъ, нуждавшійся вѣроятно въ помочахъ. Это въ порядкѣ вещей. Но такъ ли, сякъ ли, останемся на сторонѣ молвы, тѣмъ болѣе, что Иванъ Метлинъ здравствуетъ; а онъ можетъ осудить насъ въ пристрастіи къ вдовѣ Нефеда, его кума и друга, о которомъ онъ доселѣ не можетъ вспомнить и говорить безъ того, чтобы въ заключеніе не прибавить: «Горе тому чловѣку, который жены слушается!»

Кротость и смиренность Нефеда больше всѣхъ не нравились Ивану Метлину. Послѣдній вчуже досадовалъ и часто извнялъ Нефеду: «Эй, кумъ! не давай воли женѣ: плохо будетъ... Сказано: «аще кто слушаетъ жены—тотъ въ добрѣ не бываетъ.»

Метлинъ досталъ гдѣ-то писаную уставомъ тетрадку—сборъ, разумется, разныхъ нелѣпостей. Не зная грамотъ, онъ упрямивалъ и умаливалъ каждого грамотнаго чловѣка читать вслухъ эту нелѣпицу, вѣрилъ, конечно, каждому слову, и затвердилъ всю эту чепуху на память. Понятно, откуда Метлинъ почерпалъ вышеприведенныя изрѣчснія. Но онъ не ограничивался только ими, у него была въ запасъ бездна такихъ назидательныхъ правилъ; у него между прочимъ былъ цѣлый катихизисъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Въ книгѣ блаженнаго Августина речется: Вопросы и отвѣты на нихъ крѣпкіе. Вопросъ: Что есть лучше злата?—Отвѣтъ: Яхонтъ—камень. — Вопросъ: Что есть лучше яхонта? — Отвѣтъ: добродѣтель.—Вопросъ: Что есть лучше добродѣтели?—Отвѣтъ: Богъ!—Вопросъ: Что есть лучше Бога и выше? — Отвѣтъ: Ничто!—Вопросъ: Что есть злѣе аспида? — Отвѣтъ: Тигръ.—Вопросъ: Что есть злѣе тигра?—Отвѣтъ: Дьяволъ.—Вопросъ: Что есть злѣе діавола?—Отвѣтъ: Жена. — Вопросъ: Что есть злѣе жены?—Отвѣтъ: Ни что!—Вопросъ: Что есть хуже на свѣтъ во скотахъ?—Отвѣтъ: Козла. — Вопросъ: Во звѣряхъ? — Отвѣтъ: Ежа.—Вопросъ: Въ рыбахъ?—Отвѣтъ: Рыбы—ракъ. — Вопросъ: Во птицахъ?—Отвѣтъ: Птица—натапырь.—Вопросъ: Въ чловѣцхъ?—Отвѣтъ: Въ чловѣцхъ нѣсть того хуже, которымъ жена владѣтъ.»

Вотъ этимъ-то катихизисомъ Метлицъ часто донималъ Нефедъ, но, по сознанию самого Метлина, все было напрасно...

Тутъ былъ и Осинька Вертячкинъ, лицо, по характеру своему, нѣчто среднее между Метлинымъ и Нефедомъ. Осинька, какъ и Нефедъ, ни разу въ жизни не наложилъ руки на благоверную свою сожительницу, но за то много бранилъ ее и никогда не слушалъ, а все дѣлалъ по своему желанію и по своимъ убѣжденіямъ, часто наперекоръ не только женѣ, но и здравому смыслу. Осинькѣ Вертячкину посвященъ отъ насъ особый рассказъ*. По этому читатели ничего больше этого объ Осинькѣ здѣсь не услышатъ.

Тутъ былъ и Николай Барматинъ, или Микулушка Бармата (его такъ звали казаки; будемъ и мы такъ звать). Бармата имѣлъ длинное-предлинное прозвище: *«Дирьюшка-лебедушка, положи въ сумки пожичекъ, да поострѣ...»* Это прозвище дано Барматѣ по случаю слѣдующаго забавнаго происшествія.

За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Бармата служилъ въ гурьевской линейной командѣ. Однажды послали изъ этой команды человѣкъ съ десять казаковъ для встрѣчи какого-то хивинскаго каравана, приближавшагося къ Гурьеву. Въ лунную ночь, ѣхали казаки шажкомъ къ каравану и толковали между собой кой-о-чемъ. Вдругъ, на полпути до назначеннаго мѣста, лошадь подъ Микулушкой ни съ того ни съ сего стала ѣжиться, порываться впередъ, потомъ брыкаться и отчаянно прыгать. Микулушка удивился, и было отчего: дотолъ такой удали за его сѣропѣгимъ не важивалось. Стиснувъ ногами бока сѣропѣжки, Бармата сильной рукой сдерживалъ неумѣстную рьяность его, по временамъ покрикивая: «дуришь! шалишь!» но сѣропѣгій не унимался, часъ-отъ-часу бѣсился; наконецъ, закусивъ удила, понесся по кочковатой степи, какъ изъ лука стрѣла, и вдругъ споткнулся, упалъ, захрипѣлъ и растянулся, придавивъ собой и Микулушку.

Подскакиваютъ къ Микулушкѣ товарищи, помогаютъ ему высвободиться изъ-подъ лошади, смотрятъ на лежащаго коня, а конь хрипитъ, издыхаетъ; потомъ снимаютъ съ коня сѣдло и чтожь видятъ? И смѣхъ и горе! Микулушка ахнулъ и со всѣмъ отчаяніемъ вскрикнулъ, а товарищи его разразились громкимъ хохотомъ. И было надъ чѣмъ одному ахнуть, а другимъ за-смѣяться: лѣвый бокъ у лошади распоротъ, и изъ огромной ра-

* См. «От. Зап.» 1857 г., № 5, стат. «Сайгачники».

ываливались книжки, а сквозь одну изъ перемѣтныхъ сумокъ, ороченныхъ къ оудлу, торчалъ широкій острокошечный, называемый *чеботарный* ножикъ. Какимъ образомъ попалъ умку ножикъ — покрыто мракомъ неизвѣстности. По всей ятности, ножикъ попалъ въ сумку случайно, когда она вивъ сняхъ, на стѣнкъ. Собирая муженька своего въ путь-у, и кладя въ сумки провизию, микулушкина жена, Дарья, какъ обыкновенно звалъ ее самъ Микулушка, Дарьюшка-ушка, въ суетахъ и въ торопяхъ не доглядѣла, что въ сумбрался непрошенный гость, этотъ роковой чеботарный ножъ.

бы то ни было, ясно, что ножикъ попалъ въ сумку слубу, безъ вѣдома Микулушки и его лебедушки. Но казаки... и ужъ народъ казаки... но казаки не преминули воспольсья этимъ, для нихъ смѣшнымъ, а для Микулушки горестобьтгемъ. Одинъ изъ казаковъ, соездъ Барматы, тутъ же сходя съ мѣста, сочинилъ, и какъ слѣдуетъ, безъ заняння сообщилъ товарищамъ исторiю на счетъ ножа, сгубивубдняка лошадь.

Вы что думаете, братцы, на счетъ этой оказiи? оказалитель-казакъ. Знаете ли, какимъ манеромъ очутился въ ихъ ножикъ? а? чай, не знаете. А я такъ знаю, братцы. Я своими ушами, по сосѣдству, изъ-за плетня, когда свдконя, слышала, какъ Микулушка снаряжался въ путь-доро-разговаривала съ своей сожительницей. Онъ приказывала *Дарьюшка-лебедушка! положи мнѣ въ сумки ножичекъ, овострѣ: идется идъ кибудь тючекъ* (тюкъ съ товаромъ) *звать... жемчужку достать и тебѣ гостинчикъ привезъ*. Вотъ, глядите, братцы, и разрѣзалъ тючекъ. Ай-да, Ми-Микаланчъ! молодецъ! какъ разъ попалъ на тючекъ съ ужкомъ.

умвется, всѣ знали, что это выдумка, что это поклѣнъ на лушку, но не смотря на то, всѣ смѣялись и подшучивали Микулушкой. Съ-тѣхъ-норъ и осталось за нимъ прозвище: *ьюшка-лебедушка*, и проч.

много, много было тутъ казаковъ, которые или отличались и-либо особенностью и оригинальностью своихъ характеровъ, лавились какими-либо подвигами и похождениями.

жду собесѣдниками, замѣтнѣе всѣхъ казался самъ хозяинъ у воротъ котораго собрались казаки. К. С. Ефремовъ хотя и ке былъ многихъ казаковъ (исключая поэта Пастухова, кото-

рый предъ всѣми былъ тогда мальчикомъ), хотя Ефремовъ и грамотъ не зналъ, но умнѣе, дѣльнѣе и расторопнѣе былъ многихъ обывателей, за то достаночные атаманы постоянно назначали его приказнымъ надъ форпостной командой, а когда не находилось на лицо форпостнаго есаула (начальника), поручали Ефремову начальство надъ всѣми обывателями.

Безъ калата, по праву хозяина, и безъ шапки, въ одной желто-красной тафтяной рубахѣ, обшитой по косому воротнику галунчикомъ, и въ черныхъ плисовыхъ шараварахъ, Ефремовъ, какъ паша какой, сидѣлъ въ кругу пріятелей и угощалъ ихъ бузой (брагой), которую хозяйка его умѣла отлично готовить изъ пшеннаго отвара, съ примѣсью хмѣля, меда, изюма и разныхъ пряностей. Кто нибудь подумаетъ: странно-де, что казаки угощались бузой, почему не водкой? Совсе не странно. Во-первыхъ, въ Красноярскомъ форпостѣ не было и нѣтъ кабака *; стало быть за виномъ нужно было посылать въ другую станицу, а Ефремовъ жалѣлъ мучить лошадей изъ — за пустяковъ, и берегъ ихъ для царской службы, да для честной работы. Во-вторыхъ день былъ теплый; слѣдовательно безъ водки было жарко. Въ-третьихъ, Ефремовъ самъ почти не пилъ крепкаго вина, не любилъ угощать имъ и другихъ, исключая, разумѣется, торжественныхъ случаевъ, какъ-то: именинъ, родинъ, крестинъ, и т. под.

Сначала предметомъ разговора у казаковъ были непокорные въ то время киргизы, надоедавшіе, какъ горькая рѣдка, казакамъ своими набѣгами; потомъ рѣчь склонилась на предметы домашніе, всѣдневные, а потомъ не замѣтно перешли уже на предметы серьезные, на казачью политику, если позволено такъ выразиться, а по-просту сказать, казаки пустились судить-рядить и трактовать о дѣйствіяхъ дистаночныхъ атамановъ и мѣстныхъ форпостныхъ начальниковъ; а это было любимую темою всѣхъ рѣчей Михаила Безсуднаго, онъ первый и заговорилъ объ этомъ предметѣ. Безсудному никакъ не терпѣлось, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, не высказать, въ рѣзкихъ словахъ, мнѣніе свое на счетъ дѣйствій «набольшихъ», когда дѣйствія наибольшихъ, по его понятіямъ, расходились съ пользой народной. У Безсудна-

* Отсутствие въ селевіяхъ кабаковъ—статья не маоважная въ отношеніи и нравственности, и благосостоянія обывателей: тамъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, обыватели и зажиточнѣе, и честнѣе, а гдѣ есть кабаки, тамъ уже... тамъ уже свѣтъ другой...

го, извольте знать, былъ особый такой кланачникъ, который, при малѣйшемъ намекѣ на предметы подобнаго рода, тотчасъ открывался и начиналась неумолкаемая пѣсенка, не въ похвалу, разумется, набольшимъ. Иногда Безсудный переступалъ границы всякой осторожности и умѣренности; казаки, болѣе его умѣренные въ сужденіяхъ, замѣчали ему, что не худо бы иногда языкъ и за зубами подержать, вѣдь не ровень часъ, пожалуй и войсковой атаманъ услышитъ, не похвалить... Но Максимъ Безсудный мало на это смотрѣлъ или почти вовсе не смотрѣлъ. На подобнаго рода предостереженія, онъ обыкновенно говаривалъ:

— Какое мнѣ дѣло до *войсковаго* атамана или ему до меня, когда я скажу правду-истину про *дистаночнаго* атамана или про форпостнаго есаула!... Всякому чиху не наздравствуешься...

Хорошъ былъ въ этомъ смыслѣ и Кузьма Семенычъ; во взглядѣ на предметы онъ не уступалъ и Безсудному, но былъ умѣреннѣе, сдержаннѣе его: Кузьма Семенычъ мало говорилъ, но за то много размышлялъ.

— Киргизы ничего, сказала Максимъ Багайдинъ, осушивъ мѣдный вылуженный ковшикъ бузы: — Киргизы дрянъ, съ Киргизами можно справиться, меньше только по ночамъ спи, крепче на лошади сиди, да чаще ружье въ рукахъ держи—такъ все трень-трава! А вотъ что, братцы, не хорошо, присовокупилъ безсудный, понизивъ голосъ: грачи-то, какъ погляжу близъ себя, да около, грачи-то насъ больно клюютъ, братцы, а мы не токма-что отмахнуться, пикнуть не смѣи, пожалуйся—тебя же буянкомъ сочтуть... да сквозь зсленую улицу проведуть... Вотъ что больно не ладно... да!..

«Грачи клюютъ»—выраженіе иносказательное: это —намекъ на форпостныхъ и крепостныхъ начальниковъ, которые, между нами будь сказано, не очень-то чисты были на-руку, и далеко запускали лапу, даже за предѣлы обыкновенныхъ—увы!—необходимостію въ казацкомъ быту допускаемыхъ, но во всякомъ случаѣ нетерпимыхъ и унижающихъ челоувчество—взятокъ и поборовъ...

— Что грачи? но посму и грачи ничего, какъ по твоему киргизы ничего, возразилъ Кузьма Семенычъ. Грачи и далдыкнуть (клюнуть) насъ не посмѣли бы, еслибъ только соколы-то вангъ ясный не дремалъ.

Выраженіе: «соколъ не дремалъ» также иносказательное: это намекъ на дистаночнаго атамана, завѣдывающаго всеми фор-

постными есаулами. Атаманъ былъ, какъ гласить преданье, былъ — страшно сказать, а совѣстно утаить, былъ, что называется, себѣ на умъ: онъ, ради своего благополучія и карманолюбія, сквозь пальцы смотрѣлъ на продѣлки есауловъ и потакалъ всякимъ нечистымъ дѣяніямъ съ ихъ стороны.

— Да, да, правда твоя, Кузьма Семенычъ, сказалъ Максимъ Безсудный. — Онъ, соколъ-то нашъ ясный, никуда не годится, такая дрянь, что мочи нѣтъ... Какой онъ соколъ? *карга**, какъ есть карга! Залѣзъ въ высокія хоромы, да и думочки не думаетъ, будто не до него дѣло. Было ему тепло и гоже, а тамъ хотя трава не расти, хоть все огнемъ сгинь—пропади, и «охъ» не скажетъ. Ужъ не знаю, что и подумать, братцы, присокупилъ Безсудный:—грачи-то ли больно назойливы, а соколъ-то тухлый, или ужъ онъ за одно съ ними, сиречь съ грачами-то? а?—какъ вы думаете?

— Знамо дѣло такъ, что и толковать: рука руку моетъ, проговорилъ со вздохомъ Кузьма Семенычъ, которому хорошо была извѣстна связь атамана съ есаулами.

Настало молчаніе. Красноярцамъ въ сотый разъ доводилось толковать объ одномъ и томъ же, такъ ужъ толковня-то имъ надоела. Но Максимъ Багайдинъ, какъ гость завѣжій, и какъ человекъ, имѣвшій особый клапанъ критиковать дѣйствіе набольшихъ, снова заговорилъ объ этомъ предметѣ. Онъ обратился къ старику Михайлу Бакирову и спросилъ:

— Ты что скажешь, Михайла Михайлычъ, на счетъ этой статьи?

— Что я скажу? Слышь, что говоритъ Кузьма. Ему ближе наше знать: онъ саульску должность справляетъ... проговорилъ Бакировъ.

— Что объ этомъ толковать, братцы, сказалъ Ефремовъ, махнувъ рукой: во многомъ глаголь нѣтъ спасенія. Давайте-ка выпьемъ лучше. Фоминишна! закричалъ онъ, наклонясь къ подворотнѣ. Дай-ка намъ еще жбанчикъ.

— Сейчасъ, проговорилъ тонкій голосъ на дворъ за воротами.

И черезъ минуту Кузьма Семенычъ цѣдилъ въ ковшъ изъ новаго жбана пивнстую и ядреную бузу, и подавалъ собесѣдникамъ.

— Слышь, кумъ! сказалъ Метлинъ, толкая локтемъ Нефедя

* Мѣстное названіе *вороны*.

Ж... — Вишь, какъ добры люди умвють женъ держать. Не умвль Кузьма Семенычъ слово сказать, а ужь откликнутся: «сейчасъ», не успвль усомъ моргнуть, а ужь и жбанъ готовъ. И въ книгъ блаженнаго Августина речется...

— Отвяжись, пожалуйста! сказалъ съ сердцемъ Нефедъ: — надобль ты мнв своей книгой... ужь тошно...

— Въстимо дьло, тошно; всяка наука не легко дается, замвтилъ Метлинъ.—А вотъ кабы ты поняль да въ толкъ взяль, что въ книгъ блаженнаго Августина речется...

— Мочи нвтъ... прошенталь Нефедъ и пересвль на другое мьсто, подальше отъ Метлина.

— Не понутру видно, сказалъ Метлинъ и кивнулъ головой на Нефеда.—Ничего, ничего, кумъ, продолжалъ Метлинъ. — Крвппсь дружокъ: стерпится—слубится.

Нвкоторые изъ собесвдниковъ засмвлялись.

— Въ книгъ блаженнаго Августина... началъ-было снова Метлинъ, подсаживаясь съ другаго боку къ Нефеду... но продолжать дальше не могъ. Въ это самое время затрещала трещетка въ рукахъ часоваго, стоявшаго на вышкв, и въ разныхъ концахъ форпоста послышалось не новое и не рьдкое, но не меньше того неожиданное и во всякомъ случаъ возмутительное восклицаніе: «Киргизы! Киргизы! Киргизы!»

Куда и жбанъ съ бузой пошелъ! Куда пошла и книга блаженнаго Августина! Поднялась страшная суматоха, тревога, отнявшая возможность—у иныхъ пить бузу, у Максима Безсуднаго критиковать набольшихъ, а у Ивана Метлина читать куму Нефеду поученія. Въ одно мгновеніе казаки побросались по домамъ къ лошадямъ и оружію.

Пусть казаки готовятся къ походу, а мы перенесемся изъ форпоста въ луга: тамъ ожидаютъ насъ и новыя лица, и нынѣ сцены.

III.

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, на правомъ, нвскольکو отлогомъ, берегу Урала, въ томъ самомъ мьствѣ, гдѣ *Яикъ-Горымычъ* (Ураль), упираясь въ высокій, обрывистый яръ, дьлаеть крутой поворотъ нальво, отдыхали рыболовы—*севрюжники*. Это были рыболовы *отсталые*, или такъ называемые *зады*. Главная же масса казаковъ—рыболововъ, или такъ называемое *войско*, ушла въ то время далеко впередъ,

внизъ по теченію Урала, и располагалась *рубжею* между Гребенцаковскимъ форпостомъ и Кулагинной кривостью, что будетъ отъ Красноярскаго форпоста верстахъ въ 50-ти или около того.

Въ тотъ годъ, къ которому относится разсказъ, весна была поздняя и неудачная. Водоразлитіе было малое или почти его и вовсе не было. Уральскъ немного поднялся или, какъ говорятъ казаки, вздулся, запылился, покрылъ только однѣ *косы* (низкіе песчаные острова), да слишкомъ низкіе берега, потому кое-гдѣ, чрезъ рытвины, ерички и старички, успѣлъ прорваться въ луга, залилъ кое-какія впадины, лоцины, суходолы и тому подобныя низменности, соединенныя между собой сътыю ериковъ; но на возвышенности, или на такъ называемыя *гивы*, взойти не смогъ. Хотѣлось почтенному старику, Янку Горынычу, послѣ 5-ти мѣсячнаго оцѣпненія, вздохнуть и раскинуться во всю ширину займища, по которому идетъ его ложе, отъ кряжа до кряжа, — хотѣлось побурлить и порыться на просторѣ, хотѣлось поразгуляться и вмѣстѣ съ тѣмъ обмытъ, напоить и освѣжить землю, попираемую почти въ теченіи цѣлаго года ногами всякаго рода животныхъ, хотѣлось удалъ свою показать, хотѣлось отъ сосѣдки своей, матушки Волги, не отстать, хотѣлось... но силъ не хватило, воды не достало, а съ чертями, или по-крайней-мѣрѣ съ «чертистыми» мельниками, видно, не былъ знакомъ, пособить, значить, некому было. Разсердился старикъ, нахмурился какъ *курунъ* (индѣйскій пѣтухъ), нуще прежняго запылился и, пристыженный, побѣжалъ къ морю по всегдашнему, не очень-то широкому, своему ложу, между всегдашними и на этотъ разъ непокорными берегами, не дозволившими ему вырваться на просторѣ... Это значить, по выраженію казаковъ, *Янкъ въ трубѣ*.

Если весной «Янкъ въ трубѣ», т. е. въ обыкновенныхъ своихъ берегахъ, это значить истинная благодать для «севрюжниковъ». Вся рыба, разумѣется, красная, какъ-то: бѣлуга, осетеръ, севрюга, преимущественно послѣдняя, вся рыба, какая только войдетъ изъ моря въ рѣку, сжатую берегами, по необходимости тѣснится и держится густо въ узкомъ пространствѣ, и въ большомъ количествѣ, цѣлыми иногда косяками, попадаетъ въ длинныя съты, охватывающія Уральскъ чуть не чрезъ всю его ширину. Тутъ казакъ успѣвай только выбирать съть и *чекунить* или *лушить* севрюгъ—добыча будетъ, и добыча славная, будетъ на что купить для себя шелковый халатъ и козлю-

вые сапоги, а для жены или дочери штэфный или левантиновый сарафанъ; на все, на все достанетъ.

Напротивъ, въ большую полую воду, когда Уралъ разольется во всю ширину долины, отъ кряжа до кряжа, на разстояніи семи, восьми и больше верстъ, рыбу не такъ-то легко поймать, ей есть гдѣ разгуляться, разсыяться и попрятаться. Пожалуй, разметай и распусти во сто саженой свѣть, плыви съ ней по течению воды, скоро ли еще зачутается въ нее севрюжка, другая— не известно, но скорѣе всего — это не подлежитъ сомнѣнію — скорѣе всего нанесетъ тебя съ свѣтью или на *каришу* (коряга), или на цѣлое дерево, залитое водой; тогда поклонись, по выраженію казаковъ, веселой свточкѣ, достань изъ-подъ ногъ другую, запасную, а севрюжку ищи гдѣ хочешь, гдѣ знаешь, но все-таки съ оглядкой, да съ опаской, чтобы и запасную свточку не посвятить на каршѣ.

Въ большое половодье нужно отыскать или, правильнѣе, случайно попасть на *наборъ*, а это счастье дается не многимъ и не всегда. Но что такое «наборъ»?—сейчасъ объяснимъ.

Когда Уралъ выйдетъ изъ береговъ и покроетъ луга сплошной массой воды, глубиной отъ одной до нѣсколькихъ саженой, тогда рыба оставляетъ главное рѣчное русло, которое въ то время превращается чуть-чуть не въ *клянъ-море* и котораго, конечно, тогда и не съищешь, и расходится по всему водному пространству. Выбравъ удобное мѣсто, преимущественно въ затишь, за какимъ нибудь *отрогомъ*, или кряжнымъ мысомъ, въ луга вдающимся, севрюга собирается или набирается въ кучи, или, такъ сказать, свертывается въ клубы и остается по нѣскольку дней на одномъ мѣстѣ: тутъ она мечетъ икру. Вотъ это-то сборище севрюгъ и называется *наборъ*.

Попавъ случайно или не случайно на «наборъ», рыболовъ съ одного *обмета*, т. е. съ одного приѣма, столько можетъ заворотить свѣтью севрюгъ, что буквально загружаетъ бударку и все-таки не умѣститъ въ нее всей добычи; тогда часть добычи рыболовъ сажаетъ на *куканъ*, т. е. на веревку. Ясно, что въ большое половодье, на «наборахъ» больше можно поймать рыбы, чѣмъ тогда, когда Уралъ въ «трубѣ». Но, повторимъ, «наборъ», какъ кладъ, не всегда и не всякому дается; отыскать «наборъ» на такомъ, чуть не на безбрежномъ, водномъ пространствѣ тоже, что, по пословицѣ, попасть въ серебряную копѣечку. Поэтому севрюжье рыболовство, говоря вообще, добычливѣе

бываетъ въ то время, когда «Ураль въ трубъ», а не тогда, когда онъ принимаетъ на себя образъ «синя-моря Хвалынскаго».

Мы говоримъ, что тогда-то рыболовство бываетъ добычливее, чѣмъ тогда-то. Это въ настоящее время слѣдуетъ понимать относительно, потому что нынѣшняя добыча равняется старинной недобычъ.

Еще говоримъ, что тогда-то, напримѣръ, когда «Янкъ въ трубъ», казакъ цѣлыми косяками ловить севрюгъ, а тогда-то, напримѣръ, на «наборахъ», казакъ заворачиваетъ сѣтью съ одного приема столько рыбы, что загружаетъ бударку. Это къ теперешнему, т. е. къ современному быту Уральцевъ, и относительно не слѣдуетъ понимать. Молодое поколѣние казаковъ лишь отъ стариковъ слышитъ о такой давно минувшей благодати, но само не пользуется ею и, конечно, никогда не будетъ пользоваться, потому что Янкъ-Горынычъ истощился, оскудѣлъ и отъ вѣрной службы отказался — хоть въ штрафной журналъ заноси, или изъ службы вонъ гони, все равно — ни легче, ни тяжеле не будетъ. Въ старину онъ дѣйствительно давалъ средства казакамъ одѣваться въ шелкъ и носить козловые сапоги, а нынче?... что и говорить! не до козловыхъ уже сапогъ, — избавилъ бы Господь Богъ отъ лаптей: лапотникъ-казакъ — какой уже казакъ! не лучше, ежели еще не хуже, высиженнаго паромъ цыпленка...

И такъ все, что сказано выше о большой добычъ севрюжнаго рыболовства, отнесемъ къ давно минувшимъ, напримѣръ, двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтїя, когда Уралъ слылъ еще недаромъ *золотымъ дномъ*, т. е. къ тѣмъ временамъ, когда на Уралъ жилъ и здравствовалъ Максимъ Багайдинъ, котораго Кузьма Ефремовъ угощалъ «бузой», что мы видѣли во II-й главѣ этого разсказа.

По случаю праздника, рыболовы, о которыхъ начата рѣчь въ началѣ этой главы, отдыхали. Они располагались артелями по песку, т. е. по самому берегу Урала, а телеги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, по косогору. Сѣти у рыболововъ просушивались; у иныхъ онъ были развѣшены на шестахъ и жердочкахъ, а у иныхъ просто-на-просто разослапы по песку. Лошади казачьи гуляли въ лугахъ, по «гривамъ», безъ «*косяшника*» (пастуха). За лошадей казаки не боялись; лошадямъ некуда было уйдти: кругомъ «гривъ» вода, а о киргизахъ-ворахъ казаки не думали, полагаясь на казачьи пикеты, разставленные, и каждый годъ, во время «севрюжнаго» (весенняго) и «плавеннаго» (осенняго)

рыболовства, разставляемые, за Ураломъ, отъ линейной казачей же стражи.

Во многихъ мѣстахъ курились и пылали костры. Казаки готовили обѣдъ. Кто варилъ изъ наливовъ уху, кто стряпалъ съ осетриной пельмени, кто жарилъ въ котлахъ севрюжину, изрѣзанную въ мелкіе кусочки, кто, болѣе другихъ прихотливѣе, или кому и уха, и пельмени, и жаркое надовли, прѣвлись—пѣкъ въ горячей золь, для разнообразія, цѣлыхъ осетрять и севрюжать, а кто, уже отвѣдавъ дѣ-сыта, или, какъ говорится, до-отвала, того, другаго, третьяго, лежалъ, пригрѣвшись на майскомъ солнышкѣ; словомъ, отдыхали казаки-братцы послѣ трудовъ праведныхъ.

Изъ числа молодежи, одинъ, записной гуляка, или, какъ выражаются казачата, *гуляжка*, и первый, можно сказать, артистъ-балалаечникъ, съ повязкой на одномъ глазѣ и съ бисернымъ чрезъ плечо гайтаномъ—подаркомъ, разумется, возлюбленной—досталъ изъ *тагарки* (повозка) балалайку и сталъ наигрывать или, по выраженію казачатъ, «отчабачивать» залихвацаго *казыньку*, съ «приговорцемъ», разумется, т. е. съ «припѣвцемъ»:

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленкой дружокъ....
Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки....
Дылай!!!....

Съ послѣднимъ словомъ Матька Гутарѣвъ—имя балалаечника—встряхнулъ головой, поднялъ надъ собой балалайку и отрывисто спросилъ:

— Есть ли охотники танцовать?

Но охотниковъ *танцовать* не выискалось.

— Тебѣ хорошо сидя наяривать, отозвался одинъ изъ казачатъ:—поди-ка самъ попляши, такъ и узнаешь, каково по песку-то плясать.

— Ну, чортъ съ вами! сказалъ Матька и снова принялся «наяривать» на балалайкѣ.

За «казынькой» послѣдовали другаго рода «приговорцы». Съ

позволенія читателей мы приведемъ и эти «приговорцы». Вот они:

Хороша наша деревня—только улица грязна.
Хороши нашѣ ребята—только славушка худа.

Это правда, это правда, это правда все была!

Только славушка худа, не пускають никуда.
Величаютъ насъ ворами да разбойниками.

Это правда, это правда, это правда все была!

Мы не воры, мы не воры, не разбойнички,
Мы уральскіе казаки—рыболовщички.

Это правда, это правда, это правда все была!

Ужь мы рыбушку ловили по сухимъ берегамъ,
По сухимъ берегамъ, по амбарамъ, по клѣтямъ.

Это правда, это правда, это правда все была!

По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ мужикамъ.
Выбирали насъ хозяйинъ—что ни лучшихъ молодцовъ.

Это правда, это правда, это правда все была!

Посылали насъ хозяйинъ все по рыночку гулять.
Мы по рыночку гуляли, невода мы закупали.

Это правда, это правда, это правда все была!

Ужь такіе невода—что ременные повода.
Запускали невода подъ богатые дома.

Это правда, это правда, это правда все была!

Наловили мы *щукъ*—что шубы изъ нихъ шьютъ,
Наловили мы *блужженекъ*—калачикомъ рожки.

Это правда, это правда, это правда все была!

Наловили мы *севрюженекъ*—подвязаны хвосты.
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра.

Это правда, это правда, это правда все была!

Ужь такого осетра—что гнѣдаго жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.

Это правда, это правда, это правда все была!

Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.

Это правда, это правда, это правда все была!

Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно, только денежкамъ не водѣ.
Мы въ «парашнички» найдемся, намъ пойдетъ большой доходъ.

Это правда, это правда, это правда все была!

Какъ пойдетъ доходъ калачный—только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калачный—только спину подставляй.

Это правда, это правда, это правда все была!

Какъ завалять разъ пятнадцать—такъ заплянешь казачка.
Заревешь словно теленокъ, пуще Спасскаго дьячка.

Это правда, это правда, это правда все была!

Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьюми.
Молодецкою ухваткой пожимается плечми.

Это правда, это правда, это правда все была!

Хоща били больно—гуляли довольно.

Хоща спинушка бита—девчонка нажита.

Это правда, это правда, это правда все была *.

Какъ слѣдуетъ, около Матьки Гутарева собрался порядочный кружокъ «храброй братьи». Матька вошелъ въ себя, или, какъ говорится, на Матьку на самого нашелъ такой счастливый стихъ, что онъ въ «приговорцы», всѣмъ и каждому, изъ слушающей его братьи, известные, сталъ мало-по-малу вкленывать слова собственнаго изобрѣтенія, а наконецъ, увлекаясь болѣе и болѣе, словно импровизаторъ какой, прищелкивая пальцами и подмигивая единственнымъ глазомъ — другой былъ завязанъ — началъ сыпать цѣлыми фразами, но такими, по словамъ казаковъ, забористыми, огневыми, что не только молодежь, но и солидные, или такъ называемые степенные, казаки, до слуха которыхъ волей-неволей долетали матькины прибаутки, часто подхватывали животы, чтобы не умереть со смѣха.

— Ну васъ къ «шишигамъ», сказалъ пожилой казакъ, сидѣвшій недалеко отъ молодежи, совсѣмъ уморили грѣховодники, оставьте. А вы лучше спойте-ка что-нибудь хорошенькое, продолжалъ казакъ. Хватите-ка про Янкушку, и мы, старики, подтянемъ вамъ.

Казачата не заставили долго упранивать себя. Они и безъ того скоро бы запѣли хвалебный гимнъ Горынычу; но когда услышали желаніе стариковъ, тотчасъ же разсѣлись, по возможности, по «голосамъ», и дирижируемые запѣвалою—а запѣ-

* Что эта удалая пѣсня не есть произведеніе Уральцевъ, что она занесена ими на Яикъ изъ матушки Россіи, изъ Москвы, напримѣръ, куда, со времени изгнанія Французовъ, стали посылать казаковъ для полицейской службы—объ этомъ нечего и говорить. Безъ сомнѣнія, многимъ извѣстно, что пѣсню эту, на голось: «Въ роцѣ Марьиной гуляла», распѣваетъ весь православный людъ изъ класса фабричныхъ, заводскихъ и т. под. Разумѣется, вмѣсто стиха: «мы уральскіе казаки-рыболовщички», каждый вставляетъ въ эту пѣсню стихъ другаго рода, приличный званію поющаго. Напримѣръ, оренбуржцы вставляютъ: «мы оренбургскіе казаки» и т. д. Все это, повторимъ, дѣло извѣстное, и распространяться объ этомъ не слѣдовало бы. Но вставляя эту пѣсню въ наши разказы, мы вспомнили (въ слѣдствіе чего и родилась выписка на пѣсню)—мы вспомнили пословицу: *Около чего поводишься, тому и научишься.* Какъ это вѣрно! Перенимать и заносить въ свой край какія бы то ни было пѣсни, конечно, не бѣда, но то дурно, что иные, жалости достойно! иные усваиваютъ себѣ и то удалство, которое служить содержаніемъ удалыхъ пѣсень.

*

вало былъ никто другой, какъ балалаечникъ-Матька — запѣли
унылымъ мелодическимъ голосомъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ.

Про тебя, про Яикушку,
Идетъ слава добрая.

Про тебя, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая.

Золочено у Яикушки
Его было донышко.

Серебряна у Яикушки
Его была покрывечка.

Жемчужные у Горыныча
Его круты—бережки.

Мутнохонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты быстрехонекъ:

Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки.

Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты—острова.

Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до низу.

До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицага.

Какъ до славнаго города,
До города до Гурьева.

За Гурьевымъ выпадали ты
Во батюшку сине-море.

Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина.

На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ.

Старики, братцы, старожилые—
Они по девяносту лѣтъ.

Съ покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ.

Казачата не пропѣли еще и половины этой пѣсни, какъ по-
дошелъ къ нимъ слѣпой старикъ, Елифанъ Наумовъ, отдышав-

шій дотолъ гдѣ-то подѣ телегой. Не вытерпѣлъ слѣпой, когда услыхалъ родную, прямо за ретивое хватющую пѣсню, не выдержалъ слѣпой, увлекся и къ голосу казачать присоединилъ свой старческій: до такой степени пріятны и сладки для Уралца звуки этой пѣсни!

Есть на Уралѣ еще пѣсни, такъ называемыя мѣстныя, никому иному, кромѣ уральцевъ, не принадлежащія, и ни до кого иного, кромѣ уральцевъ, не касающіяся; но лучше, усладительнѣе и слѣдовательно любимѣе приведенной здѣсь пѣсенки, т. е. пѣсенки про Якиushку Горыныча, по нашему мнѣнію, нѣтъ. Это долженъ знать, долженъ чувствовать каждый уралець, иначе опъ не уралець, не сынъ своей земли... но что мы говоримъ? такихъ казаковъ нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ такихъ казаковъ не должно быть!

Да! пріятны и сладки звуки родной пѣсни.

Не говоря о временахъ, давно прошедшихъ, когда на Уралѣ, какъ разсказываютъ старики — и имъ надо вѣрить — когда на Уралѣ болѣе или менѣе все пѣло, плясало и веселилось, не говоря о беззаботной старинѣ, слѣдуетъ сказать, что и теперь, ни одинъ свдой и почтенный старикъ, не лишенный слуха, о молодыхъ не говоримъ (тотъ изъ нихъ уже не казакъ, а рыба, кого не разведелитъ пѣсня про Якиushку), ни одинъ свдой старикъ, заслышавъ эту пѣсню, не останется равнодушнымъ слушателемъ, а ужъ непременно, или промурлычить, хоть подѣ носъ себѣ, два-три стиха изъ нея, или, потряхнувъ головой и свдлавъ выразительный жестъ, крикнетъ, да скажетъ: «Эхъ, канальство!.. славно!.. такъ за душу и хватаетъ, все-бы слушалъ!»

Послѣ этого не удивительно, что слѣпой старикъ присталъ къ казачатамъ, и за-одно съ ними выводилъ трудныя ноты въ честь Горыныча.

— Спасибо, дѣтушки! спасибо птенчики! утѣшили и меня, слѣпую каргу, сказалъ, по окончаніи пѣнія, Епифанъ Наумовъ, обнимая и цѣлуя то того, то другаго казаченка, которые попадались ему подѣ руки. Угостилъ бы васъ, соколики, и винцомъ, да вишь, горе какое: *зямки* * здѣсь нѣтъ.

* Во время рыболовства, питейный откупъ высылаетъ въ луга на продажу вино въ бочкахъ. Чтобы видно было бочку между безчисленнымъ множествомъ казачьихъ телегъ, къ бочкѣ или къ телегѣ, на которой возится бочка, прикрѣпляютъ шесть, а къ нему лоскутъ цвѣтной матеріи, въ родѣ, напр., значка, что на уланскихъ пикахъ. Отсюда и происходитъ названіе: *зямка*.

— Спасибо, дѣдушка, на ласковомъ словѣ, сказали казачата. Ежели тебѣ любо, мы еще что-нибудь споемъ.

Старикъ замоталъ головой.

— Не надо, не надо, дѣтушки, возразилъ онъ:—это будетъ, что называется, послѣ скобеля топоромъ. Нѣтъ лучше, нѣтъ слаще для меня пѣсни, какъ пѣсенка про Якиushку. Больно люблю его, Горыныча: люблю и пѣсенку про него. Все, братцы, что дается трудомъ и потомъ, все это, братцы, мило и дорого сердцу нашему, продолжалъ съ увлеченіемъ слѣпой. Чуете ли вы, понимаете ли, дѣтушки, какъ дорогъ намъ Якиushка? О, больно дорогъ! И не тѣмъ дорогъ, что хорошъ-пригожъ, что объ этомъ толковать! его хорошество и пригожество можетъ со временемъ пройти; а тѣмъ дорогъ, что много добра на него стариками, нашими праотцами, потрачено, тоишь такъ много, дѣтушки, что языкъ не расскажетъ. Нѣтъ ярика, нѣтъ марика*, нѣтъ пригорочка, гдѣ бъ не лежала богатырская казачья косточка. У насъ и приговорочка на счетъ этого изстари ведется вотъ какая. Хотите? спросилъ слѣпой, попавъ на свой любимый конекъ.

Казачата не разъ слышали отъ стариковъ и отъ самого иногда Епифана о томъ, о чемъ послѣдній собирался рассказывать. Но уважая слѣпаго, они ни на мгновение не призадумались, а тотчасъ же сказали:

— Говори, говори, дѣдушка!

Слѣпой прокашлялся и на распѣвъ началъ такъ:

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Якиushки,
Костями бѣлыми, казачьими усъяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючми слезами матерей и женъ поливаны.

Старикъ на минуту остановился, вздохнулъ и снова продолжалъ:

Гдѣ кость лежитъ—
Тамъ шиханъ стоитъ:
Гдѣ кровь лилась—
Тамъ везель сплелась.
Гдѣ слеза пала—
Тамъ озерцо стало...

* Ярискъ и марискъ—уменьшительныя: яръ и маръ.—Маръ возвыщенность, холмъ, курганъ.

— Вотъ она, вещь-та такая, дѣтушки! заключилъ слѣпой. После этого, продолжалъ старикъ:—вѣрите ли, голубчики, зло беретъ на тѣхъ, кто завидуетъ намъ и кто говоритъ, что на-до-де ихъ, сирѣчь насъ, хорошенько прижать, что-де они, сирѣчь мы, зазнались, деньги лопатами гребутъ, что-де, не орутъ, не сѣютъ, а только готовое пожинаютъ.

— Правда, говорилъ слѣпой и говорилъ съ жаромъ:—правда, мы не пашемъ сохой, не боронимъ бороной, не засѣваемъ бяло-яровой пшеницей—у насъ и заведенья нѣтъ. Но мы пашемъ бу-латнымъ копьемъ, боронимъ конскимъ хвостомъ, а засѣваемъ своими головами. Такая пашенка—у! чего-нибудь да стоитъ!

Слѣпой остановился и вздохнулъ. Замѣтно было, что ему крѣпко-крѣпко взгрустнулось; даже слезы на рѣсницахъ пока-зались. Онъ поспѣшилъ переменить разговоръ.

— Матинька! спросилъ слѣпой, послѣ минутнаго молчанія: расскажи-ка, я путемъ не слыхаль, расскажи-ка, какъ ты на-медни, говорятъ, поколотилъ цаловальника?

Матьку Гутарева будто кто-то укололъ; онъ встрепенулся и сконфузился. Казачата засмѣялись, и одинъ изъ нихъ сквозь зубы замѣтилъ:

— Какъ же, своими-то боками онъ хорошо отдѣлалъ цаловальника: вонъ еще теперича съ фонаремъ въ одномъ глазѣ щеголяетъ.

— Ой-ли? сказалъ улыбаясь слѣпой.—Какъ же это ты, Матинька, поддался мужлану?.. Кажись, ты парень не промахъ.

Матька съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на казаченка, кото-рый на его счетъ съострилъ, потряхнулъ головой, подвинулся ближе къ слѣпому и съ какимъ-то ожесточеніемъ сказалъ:

— Не вѣрь ему, дѣдушка: онъ вретъ! Такой, вишь, случай вы-шелъ, что не спасешься. Дѣло вотъ какъ было. Третеводни, на «рубежъ», пришелъ я къ «знямкѣ» и купилъ полведра вина, а цаловальникъ-то, кабацкая совѣсть, возьми да и обмѣрь ме-ня, я думаю, на цѣлый полштофъ. Вотъ изъ-за этого мы съ нимъ и поспорили. Однако я взялъ свое, и подъ конецъ ска-залъ ему: «Смотри, говорю, продажна душа, впередъ не смѣй обманывать, а то худо будетъ... Вотъ онъ, говорю я, и пока-зываю ему кулакъ, вотъ онъ, говорю, не моча пять фунтовъ тянетъ, а какъ помочу—всѣ будутъ десять.» Сказалъ я это да и пошелъ прочь, своей дорогой, а онъ, мужланъ, въ задъ-то мнѣ и закричалъ: «Разина порода!» Ну, ужь моч почтеніе! Какъ услыхаль я это, такъ во мнѣ сердце-то и заходило. Бросилъ я

флягу на полъ, подошелъ къ этому цаловальнишкѣ, размахнулся, да ужъ такую отпустилъ горячую, что онъ съ ногъ сгорѣлъ.—«Знай, говорю, мужланъ, край, да не падай! впередъ, говорю, казачью честь, какъ не слѣдуетъ, не обзывай.» Сказалъ это я да и повернулся назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало; поднялъ флягу да и пошелъ себѣ. А онъ, бестія, не сдользълъ, схватилъ со злости «крючекъ», да и пустилъ въ меня въ догонку, а я и не вижу. Только со стороны кто-то изъ казаковъ и закричалъ: «берегись, Матька!» Я оглянулся, а мѣдный-то крючекъ хлопъ мнѣ въ глазъ, индо искры полетѣли; да спасибо еще, что не прямо, а немного вскользь, а то быть-бы доброму молодцу безъ глаза.

Казачата снова засмѣялись, слѣпой также улыбнулся, покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ, Матинька, Матинька! какой же ты выходишь дурачекъ. И глазъ-то тебѣ подбили, ни за что, ни про что; да и товарищи надъ тобой посмѣиваются, скалозубятъ. Ну, стоило ли изъ-за такихъ пустяковъ связываться съ мужланомъ? Вѣдь кто онъ, цаловальникъ-то?—Мужланъ, какъ есть мужланъ, кругомъ брюхо. Ему простительно городить какую нибудь чушь, а ты вѣдь по-крайности казакъ, ты долженъ знать, что чести казачьей зазорно, и что чести казачей не зазорно. Ты говоришь: онъ обозвалъ тебя «разинной породой». Онъ, выходитъ, дуракъ; онъ, значитъ, ни бельмеса не знаетъ, да и ты тоже, голубчикъ. Развѣ мы, казаки, разинной породы? Разинъ ни какой породы на Яикъ не оставлялъ! Еще разинной и прабабушки на свѣтъ не было, а ужъ наши казаки на Яикушкѣ жили, и нехристей били. Разинъ къ намъ съ боку припѣка. Въ ту пору, какъ Разинъ прокуратилъ, онъ, правда, былъ на Яикъ, но не у нашихъ казаковъ, не вверху, не въ *Лицкомъ городѣ*, что по нынѣшнему *Уральскъ городъ*, а былъ на низу, при устьяхъ рѣки Яика, въ *Гурьевъ-городкѣ*, а Гурьевъ городокъ — я въ дѣтствѣ отъ старыхъ людей слыхалъ—звался въ старину: и *Гурьевомъ*, потому что строилъ его купецъ Гурій или Гурьевъ, и *Каменнымъ городкомъ*, потому онъ такъ звался, что стѣной каменной былъ обнесенъ. Въ разину пору въ Гурьевъ-городкѣ наши казаки не жили, а жили тамъ астраханскіе стрѣльцы. Они, за-мѣсто солдать... тогда въ нашемъ осударствѣ и имени солдатскаго не знали, а были стрѣльцы... Они, эти-то стрѣльцы, замѣсто солдать, говорю, и содержали въ Гурьевъ-городкѣ караулъ, по

нынѣшнему гарнизонѣ. Съ ними-то, съ этими, выходитъ, стрельцами, да съ ихъ головами, Разинъ и велѣ войну: городокъ обманомъ какъ-то взялъ, стрельцовъ многихъ вырубилъ, многихъ къ себѣ примаилъ. Прокладываясь въ Гурьевъ, Разинъ неоднократно посылалъ съ подсылкомъ и къ нашимъ казакамъ въ Уральскъ, по старинному Яицкѣ, чтобы шли на его сторону; но наши казаки не послушались, сторону разбойника не приняли. Конечно, не безъ того было, и приставали кто изъ нашихъ по одиночку къ Разину, и отъ него, кому гульба надоела, переходили къ нашимъ, такія ужь времена были—старина матушка, неурядица всемыстная. Ну, а все наше Яицкое войско было въ сторонѣ отъ Разина, не явшалось съ нимъ,—истинно такъ было. Ежели насъ считать разной породой, такъ астраханцевъ и по давню: вѣдь Разинъ-то дневалъ и годовалъ въ Астрахани, это была почитай его столица. Да и не однихъ астраханцевъ, а всѣхъ православныхъ, что живутъ по Волгѣ, вплоть до Нижняго, надо звать разной породой. Вѣдь Разинъ все время, какъ разбойничалъ, кутилъ-мутилъ, гулялъ-пировалъ по городамъ и селамъ, что при Волгѣ, а у насъ-то ему не повезло. Вотъ и значить, что мы не разной породы, и обижаться на это не слѣдуетъ; а кто это скажетъ—налевать на того; пуская говорить: собака лагетъ—вътеръ носить.

— Злой же, говорятъ, онъ былъ, этотъ Разинъ, сказалъ одинъ изъ казачать.

— Еще бы! возразилъ старикъ:—ему и имя-то Разинъ.

— Отъ него, говорятъ, ни одинъ человекъ живъ не выходилъ, если только къ его парти не приставалъ, замѣтилъ другой казаченокъ.

— Ну, не всегда, сказалъ слѣпой:—и на Стенюшку въ ину пору находилъ такой стихъ, что онъ отпуская отъ себя по добру-по-здорову. Вотъ, если хотите, я расскажу вамъ одинъ такой случай. Слушайте-ка.

Казачата еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ слѣпаго, насторожили уши и почти притаили дыханіе. Слѣпой началъ:

— Одинъ казачекъ, *гулебщикъ* (охотникъ), плылъ въ бударкѣ по Баксаю *, не далеко отъ моря; плылъ онъ это и увидалъ на берегу, въ камышъ, на небольшой полянѣ, стоитъ бѣ-

* *Баксай*—рукавъ Урала, отдаляющійся отъ него съ правой стороны между Сарайчиковской крѣп. и Яманхалинскимъ форпостомъ, верстахъ въ 60-ти или 70-ти отъ моря.

мый съ красными узорамъ шатерьъ, а на шатрь какъ жарь горить золотая маковница. Увидалъ это казачекъ, да и дивуется. «Что за оказія такая, думаетъ самъ про себя казачекъ, ужь не дьявольское ли павожденіе, не бвсь ли морочить?» Думаетъ казачекъ, а самъ и глазъ не сводитъ съ золотой маковки, да и не знаетъ, что дѣлать: пристать ли къ берегу, гдѣ шатерь-то стоитъ, или своротить скорѣе въ какой-нибудь ерикъ, да и удрать по-добру по-здорову?—«А что я скажу товарищамъ? думаетъ казачекъ, скажу: шатерьъ, моль, съ золотой маковкой, видѣль; а что за шатерь и кто въ немъ? не знаю, не вѣдаю. Подвинутъ тогда меня на смѣхъ, проходу не дадутъ... Ну, была-не-была!» сказалъ самъ себя гулебщикъ, взялъ да и присталъ къ берегу.

«Вышелъ онъ на берегъ и видитъ: около шатра, у дверей, сидитъ пригорюнившисъ дѣвица, въ расейскомъ шелковомъ сарафанѣ, да такая раскрасавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: бѣлолица, круглолица, румянице во всю щеку, — глаза что твои спѣлыя торновины, а русая коса чуть не до земли; просто: дѣвка кровь съ молокомъ. Спервоначала, какъ увидалъ ее, казакъ остолбенѣлъ. Однако онъ скоро подошелъ къ ней, а самъ читаетъ про себя: «Да воскреснетъ Богъ», думаетъ, ужь не шутовка ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христіанскую.—Подошелъ онъ къ ней и говоритъ: «Здравствуй, красна дѣвица!» — «Я, говоритъ она, не дѣвица...» Сказала она это да и заплакала. — «Кто же ты такая?» спрашиваетъ казачекъ.—«Стеньки Разина полюбовница...» Сказала она, да пуще прежняго заплакала. — «Ага! подумалъ казачекъ: видно я попался къ медвѣдю въ берлогу». И сталъ казакъ съ испугомъ озираться кругомъ.—«Ты не бойся, сказала дѣвица:» Она значить замѣтила, что казачекъ-то не много струхнулъ... «Не бойся, говоритъ она: *его* здѣсь нѣтъ.» — «Гдѣ-жь *онъ*?»—«На охоту съ своими ушелъ.»

«Какъ водится, слово-за-слово, и разговорились они, казакъ и дѣвица, межъ себя. Дѣвица пригласила казачка въ шатерьъ и угостила его кизляркой, а сѣ — сирѣчь кизлярской водки-то, былъ полный боченокъ, ведра въ три или въ четыре. Тутъ дѣвица и рассказала казаку, кто она такова.

— Я, стала говорить дѣвица, изъ города Царицына, дочь богатаго купца. Въ прошломъ году, Разинъ городъ нашъ разорилъ, отца и мать и всѣхъ родныхъ моихъ побилъ, и меня пль-

мигъ, да и держитъ при себѣ. Такая участь моя несчастная... На этомъ мѣстѣ мы живемъ вотъ уже цѣлую недѣлю. Здѣсь при *лемѣ* не много его подручниковъ, человекъ съ двадцать, не больше; а прочіе всѣ разбѣгаются, кто по морю, кто по Волгѣ. Онъ скоро ожидаетъ всѣхъ къ себѣ, послалъ уже гонцовъ во всѣ концы, гдѣ только есть его подручники. — «Какъ только слетятся орлы мои, говоритъ онъ, такъ сей же мигъ пойду на каменный городокъ, возьму его, а стрѣльцовъ выгоню,—засяду, говоритъ, въ этомъ городкѣ, да и пошлю въ Яицкій городъ, къ Яицкимъ казакамъ—кликъ кликать: «ко мнѣ, охотинки!»—принимаю, говоритъ, къ себѣ всѣхъ яицкихъ казаковъ и ихнихъ атамановъ молодцовъ. Тогда, говоритъ, всѣ города по Волгѣ покорю, да и въ бѣлокамену махну. Вотъ что онъ, злодѣй, затѣваетъ...

— Ну, улита-то ѣдетъ, да когда-то будетъ, сказала гулебчикъ и выпилъ чарку кизлярки. Что онъ тамъ ни толкуй, а мы мекѣемъ свое. Якшиться съ нимъ мы не намѣрены: супротивъ присяги и совѣсти не пойдѣмъ, такъ и будетъ! А ты, красавица, говоритъ онъ ей, не много погода, поѣдемъ-ка лучше со мной, чѣмъ жить у этого разбойника. Согласна что ли? спрашиваетъ казачекъ.

Покачала головой дѣвица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала:

— Нѣтъ, молодецъ, не поѣду я съ тобой; все едино гибнуть, тамъ ли, здѣсь ли; вѣдь ни конемъ манеромъ не спасешься, не спрячешься отъ него, лиходѣя; на днѣ моря найдетъ онъ меня, неточію-что на Яикъ у васъ; живую онъ меня зароетъ въ землю. Да и тебѣ, добрый молодецъ, даромъ это не пройдетъ, а что за охота гибнуть понапрасну изъ-за меня, ледащей женщины; на что я тебѣ гожусь и чего я стою теперь? разбитаго горшка, думаю, никто за меня не дастъ... Да и въ св. писаніи сказано, я слышала отъ матери, что кто-де ѣзжитъ отъ бѣды-напасти, тотъ ѣзжитъ отъ царствія небеснаго. Пусть будетъ со мной святая воля Господня.... стану до конца терпѣть.

Прошло много ли, мало ли времени, и говоритъ дѣвица казаку:

— Повзжай, молодецъ, домой, скоро *самъ* будетъ.

Нечего дѣлать, простился казачекъ съ дѣвицей, съѣлъ въ бударку да и повзхалъ во свояси. Только дорогой-то и втемяшилась казаку блажная мысль; знамо дѣло *шишита* (дьяволъ) соблаз-

нилъ: вѣдь онъ, окаянный, не объ немъ будь сказано, горами качаетъ. «Дай, думаетъ гулебщикъ, ворочусь назадъ: дѣвка-то больно хороша... жаль разстаться... Ну, то-ли, сѣ-ли, думаетъ казачекъ, ежели не успѣю уговорить, такъ... что тутъ церемониться?... такъ хоша боченокъ съ кизляркой увезу, что она для Стеньки, кизлярка-та, стоить? вѣстимо, не покупная. Да и за дѣвку-то, знамо дѣло, «кладки не давалъ.»

Вотъ съ такими-то, братцы, нехорошими мыслями казачекъ и воротился назадъ; воротился да и попалъ какъ куръ во щи: тѣмъ временемъ и Стенька воротился съ своими молодцами на станъ. Лишь только казачекъ вышелъ изъ бударки, его и сцапали два разбойника. Они издали еще его увидали и караулили у берега въ камышъ. Сцапали добраго мѣлодца, вырвали у него изъ рукъ винтовку, распетлили, голубчика, да и повели къ атаману, къ самому князю — боярину, какъ величали разбойники Стеньку. Дотолева казачекъ былъ напорядкахъ выпимши, а тутъ, какъ увидалъ вокругъ себя съ десятокъ харь, одна другой страшнѣй, съ мушкетонами да съ бизменными шишками въ рукахъ, такъ куда у голубчика и хмѣль дѣвался, словно и не нюхалъ горькаго; протрезвился, идно въ ляхманку бѣдненькаго кинуло.

Стенька сидѣлъ на богатѣющемъ персидскомъ коврѣ около шатра, и потягивалъ изъ серебрянаго ковша кизлярку.

— Этотъ что ли? спросилъ онъ тихонько дѣвицу, и указалъ на казака.

Она кивнула головой. Значить, она рассказала, что у ней былъ въ гостяхъ яницкій казакъ.

— Милости просимъ, сказалъ Стенька казаку. Садись, гость будешь. Пустите его, сказалъ онъ разбойникамъ.

И ослободили разбойники казака. Но казакъ съ умомъ-разумомъ не соберется, едва духъ переводить, и слова вымолвить не можетъ. Онъ ждалъ, вотъ какъ хватятъ его по головѣ обухомъ, а тутъ слышитъ ласковыя рвчи. Казакъ только поклонился.

— Да что ты, нѣмой что ли? что ничего не говоришь? спросилъ Разинъ и самъ захохоталъ. Аль языкъ у тебя ушелъ въ пятки?

Казачекъ опять поклонился, да ужъ кое-какъ, съ запинкой, проговорилъ:

— По имени звать твою милость знаю, а какъ величать тебя, добраго молодца, по батюшкѣ, хоть зарѣжь, не знаю....

— Вотъ оно какъ! говоритъ Стенька, а самъ смется: въ глаза-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, я именемъ не назовуть. Такъ ли?

— За другихъ не отвѣтчикъ, говоритъ казакъ.

— Ладно, ладно, говоритъ Разинъ. А скажи-ка мнѣ: зачѣмъ твоя милость сюда опять пожаловала? Развѣ не знаешь, что отъ меня одна дорога—къ чертямъ на кулички...

Казачекъ только-было собрался съ духомъ, а тутъ опять перепугался. Однако отудобилъ и пустился на хитрости, словно башкирецъ, котораго на кражъ поймають.

— Былъ я давеча, говоритъ казакъ, у твоей милости въ шатръ, зѣлъ хлѣбъ-соль твою, пилъ вино твое, а самого тебя не видалъ, за угощенье «спасибо» не сказалъ: такъ совѣстно стало, вотъ я и воротился за тѣмъ, чтобы милости твоей честь отдать...

— Ого! говоритъ Стенька, а самъ, бестія, смется. Да ты, вижу, продувная каналья: складно поешь, только не выносишь, и хитришь хоть куда, вчередь схитрить такъ моему Анкудинкѣ, а онъ вѣдь изъ московскихъ приказныхъ... Такого молодца, какъ ты, и губить кое-какъ жалко. Такъ и быть, ведю разстрѣлять тебя, добраго молодца, на славу, изъ десяти или изъ двадцати мушкетонровъ, чтобы на томъ свѣтъ помнилъ! Доволенъ ли? говоритъ Разинъ, а самъ смотритъ на казака, да и хохочетъ во все горло.

Казака дрожь пробрала. Онъ слышитъ, какъ позади его защелкали курки. Однако видитъ, что Разинъ и говоритъ и смется. «Може онъ, потѣхи ради, только страшаетъ, думаетъ казакъ; дай, думаетъ казакъ, всю правду скажу.»

— Есть когда на правду пошло, такъ слушай, Степанъ, по прозванью Разинъ! говоритъ казакъ, а самъ бодрится. Ты, говоритъ, казнишь, ты и помилуешь; а я скажу тебѣ правду-истинну; по-крайности будешь знать, что казакъ не любитъ врать. Воротился я сюда не за тѣмъ, чтобы персону твою видѣть—её хоть-бы въкъ не видать,—и не затѣмъ, чтобы за хлѣбъ-соль тебя благодарить: хлѣбъ-соль твоя не куплена, не трудями добыта, а затѣмъ, чтобы боченокъ съ кизляркой увезти. Вотъ зачѣмъ я воротился.

— Ну, а на счетъ её, сказалъ Разинъ и кивнулъ на дѣвицу,

ну, насчетъ её—то что скажешь? Чай, тоже думалъ поживиться, а? говори, да правду говори! Смотри! баловать не люблю.

— Что таять! сказалъ казакъ. Быль гряхъ, — лукавый попуталь: и на нее подумаль. Да вотъ какъ видишь, и попалел, словно самъ блудникъ на самоловникъ. Теперьча я въ твоихъ рукахъ. Хошь казни, хошь на волю пусти: твоя влаоть. Казнишь—не буду плакать, отнустышь—снаебно скажу.

— Люблю такихъ молодцовъ, что отъвѣтъ держать умноты! сказалъ Разинъ и хлопнулъ казака по плечу. — Тебѣ давеча бы спервоначала, это сказать, такъ у насъ и рвчей—бы объ этомъ никакихъ не было. Давай—ка выпьемъ.

И выпили они по ковшу—другому кизлярки.

— Ее (сирьчь дѣвницу—то, замѣтилъ слѣпой разснаэчикъ), её, говоритъ Разинъ, никому ни за какія тысячи не уступлю! за неё, говоритъ, самого чорта въ бараній рогъ согну! А другой кто и не суйся лучше: всякого иного въ ланшу искрошу, въ муку измелю!... Вотъ что! слышишь! Ну, насчетъ кизлярки, статья иная; такъ и быть, куда не шло, уступаю для такого дорогаго гостя, какъ ты, полбоченка: ты мнѣ понравился. Только тутъ есть небольшая задѣба. Давеча одиъ изъ моихъ молодцовъ, вотъ этотъ,—Стенька указаль на одного реслаге разбойника,—вотъ этотъ хвалелел, что въ ета саженьяхъ попадетъ изъ винтовки въ грошъ. За это я обѣщаль на его пай полбоченки водки, однако съ уговоромъ: если не попадетъ, какъ слѣдывать, въ цѣль, то, замѣсто водки, это линьковъ герятныхъ въ спину; чтобъ не хвастался понапрасну. Поспорь съ нимъ, есть—когда надьясся на свое молодечество, говоритъ Стенька казаку. Есть—когда убьешь въ цѣль лучше его, то кизлярка твоя, а есть—когда нѣтъ—не прогивайся: сто линьковъ въ спину... Такой обычай: люблю за дѣло только награждать.

Казакъ подумаль и сназаль:

— Не берусь, что лучше его убью, кто знаеть, онъ неже важный стрѣлокъ; а берусь, что не хуже его убью.

— Хорошо, согласенъ, сказалъ Разинъ и велель устроить цѣль.

Отвѣрили двѣсти большихъ шаговъ, поставили «напѣсть» * и къ ней прилязнили грошъ.

* Доска, въ родѣ лавки, употребляемой въ маленькихъ лодкахъ.

Первый выстрѣлилъ разбойникъ и попалъ въ доску, около самого гроша, но гроша-то не задѣлъ.

— Гмъ! не велика важность, проговорилъ казакъ: этакъ-то и мы, пожалуй, потрафимъ.

Вотъ послѣ разбойника выстрѣлилъ и казакъ, изъ своей винтовки, и попалъ въ самую серѣдку гроша; видно грошъ-то врезался въ доску.

— Ай-да, молодецъ! сказалъ Разинъ. Ну-ка еще!

Еще выстрѣлили по разу. Разбойникъ со злости трясся, и въ доску-то не попалъ, нетома-что въ грошъ.

— Ну, дружище, сказалъ казакъ разбойнику:—видно у тебя двойная кожа, коли не умѣешь стрѣлять, а идешь на споръ.

Казакъ былъ уже тово... на порядкахъ пьянъ; онъ позабылъ, гдѣ онъ, думаетъ, что онъ у себя на форпостъ съ товарищами; по этому и разговорился.

Выстрѣлилъ и казакъ вдругорядъ, и влѣпилъ опять въ грошъ и дно перегнулъ его.

— Баста! твоя кизлярка, сказалъ Разинъ казаку. И вельвь изъ большаго боченка нацѣдить въ другой, поменьше. А тебѣ, сказалъ онъ разбойнику, на три дня винной порціи нѣтъ, а за-мѣсто того сто ливковъ въ спину: осрамилъ, говоритъ, ты и себя и насъ.

Опосля того Разинъ и казакъ еще выпили малую-толику водочки, и казакъ въ добромъ здоровьи увхалъ отъ ласковаго хозяина восвояси. На прощаньи Разинъ и говоритъ казаку, самъ бестія, подмигиваетъ и улыбается:

— Може, увидимся когда нибудь: я къ вашимъ хочу толкнуться. Примете что ль?

— Не знаю. Какъ «войско» захочетъ, сказалъ казакъ, и потупился въ землю, а самъ думаетъ про себя: «Сунься-ка, приятель! зубъ скусишь!»

Когда старикъ кончилъ, казачата переглянулись другъ съ другомъ, покачали головой въ знакъ удивленія, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Эка вещь какая! подумаешь: разбойникъ вѣдь, а прокурать подѣ-часъ словно неразбойникъ, а шутникъ какой.

Затѣмъ начался общій разговоръ. Предметомъ разговора, конечно, былъ все-таки Разинъ. Подѣ конецъ кто-то изъ казачатъ жазалъ:

— Желательно знать: какая смерть была этому Разину?

— Чай пятирили, нль-бо па коль посадили, сказалъ другой казаченокъ.

— Какая бы тамъ ни была смерть—все едино, замѣтилъ третій казаченокъ. А вотъ, какая мука-то теперъ этому Разину? желалъ бы я знать.

— Какая? Знамо какая: чай *въ тартарарахъ*, *въ треисподней*, на горячихъ угляхъ теперъ сидитъ, да голымъ языкомъ съ горячей сковороды слезываетъ... сказалъ тономъ увѣренности тотъ же казаченокъ, который опредѣлялъ и казнь Разину.

— Нѣтъ, дѣтушки! это все не то, сказалъ Епифанъ Наумовъ, дотоль молчавшій.

— Что же? спросило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что, дѣтушки. Слушайте-ка.

Казачата снова притихли, какъ будто ихъ и не было. Слѣпой началъ:

«Давненько, а какъ давненько, признаться, не умѣю сказать, запомятоваль, довелось мнѣ разговаривать, вотъ этакъ, какъ теперича съ вами, довелось, говорю, разговаривать съ однимъ отставнымъ солдатикомъ, и онъ разсказалъ мнѣ вотъ какія вещи. Служилъ онъ, этотъ солдатикъ, на своемъ вѣку въ матросахъ и былъ на *безвѣстныхъ карабляхъ*. А знаете ли вы, что такое «безвѣстные» корабли? спросилъ слѣпой слушателей.

Отвѣтъ былъ отрицательный. Каждый изъ казачатъ, разумется, имѣлъ общее понятіе о корабль, но безъ всякихъ прилагательныхъ, а просто какъ о суднѣ, на которомъ плаваютъ по водамъ. Но что такое «безвѣстный» корабль? вотъ это было для каждаго изъ нихъ новостью. Слѣпой пустился объяснять.

— Безвѣстный корабль значить... началъ было старикъ, но объясненіе его не ладилось: на словъ «значить», старикъ запнулся; за словомъ этимъ другаго, разумется, самого главнаго, не послѣдовало.

Слѣпой сталъ въ затрудненіе, чего съ нимъ почти никогда не бывало; разсердился слѣпой, не зная или не умѣя въ короткихъ словахъ объяснить значеніе «безвѣстнаго» корабля, на что вызвался самъ. Почмокавъ губами, или, какъ говорится, помуюкавъ немного, и потеревъ по лбу кулакомъ, старикъ сообразилъ мысли и съизнова приступилъ къ объясненію.

— «Безвѣстный» корабль, значить, вотъ какая штука, сказалъ слѣпой. Теперича, къ примѣру сказать, проштрафится какой ни на есть изъ набольшихъ: со всякимъ грѣхъ случается... Сослать

такого гуся сволоачатаго въ ссылку, примѣрно туда, гдѣ солнца не видать, иль бо смертію казнить жалко: сердце-то не камень. Вотъ и велятъ, до поры до времени, посадить его голубчика, въ сибирку. «Посиди-ка тамъ, скажутъ доброму молодцу, такъ и узнаешь кузькину мать.» Приспокоятъ этого, а тамъ, глядишь, еще какой нибудь гусь голанской свихнется съ пути истиннаго, позарится, примѣрно сказать, на царскую казну, да и запуститъ грабли-то глубоконыко, видно не вытащить... Ну, и этого лакомку туда же, въ сибирку, чтобы, этакъ, знаете, отбить у него охоту лазить въ неположенное мѣсто... Наберется такихъ молодчиковъ не одинъ, не два, а многоныко-таки. Знамо, кормить ихъ задаромъ убыточно. Вотъ и велятъ посадить ихъ на корабль—для этого и корабли особые имѣются, старые, что выслужили срокъ, да и выпустить въ «Кіань-море.» «Ступайте-ка, голубчики, на всѣ четыре стороны», скажутъ имъ: «вы намъ не нужны.» А у кіань-моря и береговъ-то нѣтъ: кіань-море, знаете, на китъ-рыбъ стоитъ. Поплавайка по кіань-морю—спокаисся, другу-не-другу закажешь сосать невинну кровь... И простыхъ солдатъ посадятъ на этотъ корабль, чтобы было кому работать на немъ; безъ людей, знамо, съ лодкой не справишься, нетокма что съ такой машиной, какъ корабль... Солдатъ тоже берутъ больше изъ проштрафленныхъ, примѣрно изъ острога иль-бо изъ ристанскихъ ротъ, значить вмѣсто пропажи. Ну, конечно, не все штрафованныхъ, сажаютъ и хорошихъ, не штрафованныхъ, солдатъ, примѣрно музуриковъ, тоисъ матросиковъ, которые по компасу понимаютъ. Тамъ какіе ни на есть будь мудреные люди, а ужъ безъ компаса соваться въ море не могли: заблудисся и въ первый же день пропадешь. Этихъ бѣдненькихъ, тоисъ музуриковъ, по жеребью посылаютъ, кому ужъ такой выпадеть.

Дадутъ всему «кипажу», тоисъ всемъ людямъ на корабль,—они всѣ сообча зовутся «кипажемъ», такъ мнѣ матросикъ сказывалъ,—дадутъ всему «кипажу» провизіи на годъ, и раньше пяти годовъ вертаться домой не велятъ. Если найдешь въ кіань-морѣ чѣмъ питаться, питайся, на доброе здоровье; не найдешь—умирай, а раньше пяти годовъ все-таки на Русь не вертайся: такъ ужъ исконибъ узаконено, говорятъ, Петромъ Первымъ, что бороды велѣлъ брить! Если вернешся раньше, все едино, что въ морѣ пропалъ: смертію казнить, альбо живаго въ столбъ закладутъ: и на это есть законъ. Въ старые годы такихъ кораблей въ кіань-море много выпускали, и почитай всѣ они пропадали безъ вѣсти.

Развъ-развъ что изъ десяти одинъ, за чьи-нибудь молитвы, вернется, а то вся сплошь пропадали: отъ этого и называются корабли *безвѣстными*, что *безъ вѣсти* пропадаютъ *.

— Нынче, продолжалъ слѣпой:—нынче, говорятъ, мало стали посылать въ клянъ-море безвѣстные корабли, оттого, говорятъ, мало, что корабли жаль губить: корабли-то, вишь, нынѣ стали дороги. Взамѣнъ того, нынче стали давать *волчьи билеты*...

— Вы, чай, и объ этихъ билетахъ ничего не знаете? сказалъ слѣпой. Это значитъ вотъ что, продолжалъ онъ, когда казачата отозвались, что въ первый разъ слышать о такой мудреной вещи... Коль-скоро, слышите, проштрафится кто, и обличенъ будетъ, ему, и дадутъ въ руки чистую оставку, тоись билетъ съ печатью, а въ немъ красными, будто огненными, словами и напишутъ: «*Больше-де трехъ день сего челоуька ни въ какомъ жительство не держать, и въ общество отнюдь не приниматьъ: съ виновныхъ-де штрафъ большой.*» Вотъ онъ, этотъ проштрафленный, съ ербовымъ билетомъ за пазухой, и ходитъ и бродитъ, весь свой вѣкъ, пока не умретъ, изъ села въ село, изъ города въ городъ, аки волкъ презрѣнный. Отъ этого и билетъ прозывается *волчьимъ* **.

— Ровно два годика, сказывалъ мнѣ матросикъ, плавали они по клянъ-мору, продолжалъ слѣпой. Провизія почитай вся вышла, даромъ что потребляли ея по полпорціямъ. Попадались имъ

* Нужно ли пояснять, о какихъ корабляхъ рассказываетъ слѣпой старикъ казачатамъ? Безъ всякихъ, думаемъ, поясненій, читатели поймутъ, и поняли уже, что тутъ рѣчь идетъ о корабляхъ, отправляющихся въ кругосвѣтныя путешествія. Что народная фантазія довольно — таки искажила смыслъ этихъ путешествій, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Народная фантазія бываетъ иногда до поразительности остра, а подѣ часть до крайности наивна, чтобы не сказать: глупа, за то она и народная фантазія... Кто прислушивался къ толкамъ и сужденіямъ простолюдиновъ, прозябающихъ на вольномъ свѣтѣ, какъ христіанскомъ, такъ и басурманскомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, слышалъ не такія еще искаженія, какъ это, т. е. искаженія о корабляхъ, свершающихъ кругосвѣтныя путешествія, и, главное, о лицахъ, тутъ участвующихъ. Да не обидятся ученые труженики, жертвующіе изъ любви къ наукѣ, слѣдовательно изъ любви къ ближнему, всѣми благами жизни, даже и самою жизнью!.. Народной фантазіи, ежели она иногда и слишкомъ ударится въ народность, Богъ проститъ!

** Здѣсь, т. е. въ понятіи о волчьемъ билетѣ, народная фантазія также не приминула нѣсколько разыгратъ, но за то отъ смысла не отстала, мало того, она даже съострила ловко.

по морю кой-какіе острова, и къ нимъ они приставали. На иныхъ находили еще какую ни на есть нищу, примѣрно: травы, коренья, иль-бо птиць, звѣрей; всѣмъ этимъ по малой толики запасались и пробавлялись. Иные острова были совсѣмъ пусты, хоть шаромъ покати—одни гальки да ракуша (раковины). А на иныхъ островахъ встрѣчали дивныхъ людей: на лбу, примѣрно, одинъ глазъ, а посередь живота ротъ. На такіе острова и не выходили, а мимо обходили; только съ корабля видали, какъ дивніи люди грозили имъ, да зубами щелкали.

А ужъ на самомъ кіянь-морѣ какихъ чудесъ не видали, Господи, ты мой Боже! просто ужаси! Какъ зачнетъ, бывало, матросикъ рассказывать, такъ вчуже морозъ по кожѣ подираетъ, видно волосъ дыбомъ стоить, просто такія страсти, что сказать не въ мочь. Въ ину пору плыветъ корабль по зеленой водѣ, а вода-то свѣтла, что твоя слезочка, все дно видно; а на дно гомозятся и ползаютъ разные такіе гады, что смотрѣть мерзко; иные на маверъ раковъ съ верблюда величиной, съ пребольшими клещами, какъ взглянешь на нихъ, такъ сердце замретъ. Это, сказывалъ матросъ, море называется: *чудовищное море*.

Въ ину пору корабль плыветъ по водѣ красной, что твоя кровь, только будто сейчасъ изъ быка выпущена, видно паръ отъ нея валить, словно на бойнѣ. Это—*красное море*.

И въ ину пору корабль плыветъ по водѣ желтой, что твой сабуръ или серпій. Это—*желтое море*.

Въ ину пору корабль наплыветъ на такое мѣсто, что воды не знаетъ, а замѣсто воды только букашки да вошки гомозятся, словно черви въ падали. Корабль сле-сле движется по такой кашѣ, и того и гляди, какъ совсѣмъ остановится и застрянетъ. Это *вишное море*.

Въ ину пору корабль плыветъ хоша и по обноковенной водѣ, но за то по сторонамъ-то его безперечь выныриваютъ чудовища: отъ головы до пояса человекъ, а отъ пояса до ногъ соминой плѣскъ. Вынырять это чудовища, встряхнуть зелеными длинными волосами, видно брызги на версту летать, да и закричатъ глухимъ хриплымъ голосомъ: «фараонъ!» Это фараоновы вошны, что за Мысенемъ гнались, да потонули. Въ ину пору эти самыя чудовища, ихъ тоже зовутъ фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашиваютъ: «когда Осподь съ судомъ сойдетъ?» «Завтра» иль-бо «послѣ завтра», скажутъ имъ съ корабля, чтобъ только отвязаться. Ну, и от-

*

стануть, а безъ того ни за что не отстануть, такіе привязчивые, правѣ. Имъ, вишь, узаконено жить въ моръ до преставленья свѣта. Тогда вишь, ихъ и разсудятъ съ царемъ фараономъ: изъ-за него вѣдь погibli и сдѣлались получеловѣкми! Это море такъ и прозывается *фараонское море*.

Одинова, сказывалъ мнѣ матросикъ, подплыли они къ острову и остановились за версту отъ него. Ближе нельзя было подойти: кругомъ острова, вишь, камни изъ воды торчали. А островъ былъ большой, и весь заросъ лѣсомъ. Обрадовались они этому острову: чаяли найдти на немъ и воды пресной, и дичи всякой, а дотелева долго не видали такого острова. Поспускали съ корабля нѣсколько шлюбокъ, тоись маленькихъ лодочекъ; и цѣлая рота солдатъ съ ружьями съехала на берегъ. По долобѣ (по тропѣ), скрозъ густой лѣсъ, пошли солдатики въ середку острова, и вскорости вышли на поляну. Глядятъ и видятъ: въ одной сторонѣ стоитъ широкій дворъ, обнесенъ высокимъ тыномъ, точь-въ-точь острогъ веселый. Съ другой стороны видятъ: изъ лѣса вышло стадо овецъ, а овцы такія прекрупнѣйшія, съ коровъ нашихъ. Позадъ овецъ идетъ челоѣкъ, какъ есть челоѣкъ, истовый челоѣкъ, но такой превеличайшій, что твоя колокольня. Въ рукахъ у него цѣлое березовое дерево, въ обхватъ толщиной, и не срублено, а просто-на-просто съ корнемъ изъ земли вырвано, а онъ, этотъ уродина, помахиваетъ имъ, деревомъ-то, словно нашъ братъ тоненькой хворостинкой. Поровнялся онъ съ солдатами, глянулъ на нихъ, да и заворотилъ деревомъ-то всю роту къ овечьему стаду, а потомъ погналъ вмѣстѣ съ овцами, будто дѣло сдѣлалъ. Солдаты и фицеръ, что былъ съ солдатами, перепугались насмерть, не знаютъ, что начать, и поневоле идуть, только поглядываютъ другъ-на-другу, да и молитвы шепчуть. Загналъ великанъ овецъ и солдатъ на дворъ, поставилъ чиннымъ манеромъ овецъ въ уголъ, а солдатъ въ другой. На дворъ у одной стѣны врыты въ землю четыре огромнѣйшихъ, може ведеръ по сту, котла, а около котловъ навалены «урсы» обглоданныхъ костей: значить, тутъ обжорство творится. У другой стѣны стоятъ ведра, по сороковой бочкѣ кажинно ведро, да разная посуда, и все это во сто разъ больше обыкновенной нашей посуды.

* Кучи въ большихъ размѣрахъ. *Урсъ, урсы*, кажется, испорченное *ярусъ, ярусы*. По-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдуетъ сказать: *ярусы*, уральскій казакъ говорить: *урсы*.

Натаскалъ великанъ воды откуда-то, изъ моря ли, изъ рѣки ли какой, солдатамъ изъ-за ограды не видать было; натаскалъ онъ это воды, налилъ въ котлы и развелъ огонь, а ворота-то на запоръ. Смотрятъ солдаты, что-то будетъ. Стала въ котлахъ вода закипать. Тогда великанъ подошелъ къ солдатамъ, и взялъ пятерыхъ или шестерыхъ подъ мышку, столько же подъ другую, отнесъ къ одному котлу, да и швырнулъ ихъ въ него: только, бѣдненькіе, и свѣту видѣли!...

Послѣ того великанъ опять подошелъ къ солдатамъ. Но солдатки, видя бѣду не минуемую, рѣшились обороняться: не даромъ видно есть поговорка: «страхъ силы придаетъ». Видя бѣду неминуемую, солдатики и рѣшились попробовать: всѣмъ разомъ выстрѣлить въ великана. «Что будетъ, думаютъ солдатки: убьемъ не убьемъ, а попробуемъ: не даромъ же на вѣриво идти.» Какъ только великанъ подошелъ къ нимъ, они и грянули изъ всѣхъ ружей, да прямо ему въ рожу: глаза-то ему и выбили. Вотъ онъ и заревнъ благимъ матомъ, да и давай кидаться со слѣпу-то изъ стороны въ сторону. А солдаты тѣмъ временемъ и улепетнули. Ворота хоша были и запорты, но подворотни не было. Великану, конечно, не въ домѣкъ, что подворотни нѣтъ; вѣдь у него подъ полотнище воротъ и лапа не подлезала, а для обноковеннаго чловѣка оставалось тутъ просторнаго мѣста почестъ по колынки. Вотъ въ эту-то щель солдатки и повывлезали. А великанъ, знай, оретъ себѣ во все горло, а изъ лѣсу ему откликаются другіе, его братья; тѣ еще страшнѣй ревутъ, идно лѣсъ трясется, земля дрожить. Тутъ-то ужъ такой страхъ нашелъ на солдатиковъ, что и ружья, и муницу всю побросали, да давай Богъ ноги! Бѣгутъ, голубчики, чуть не задыхаются, бѣгутъ молодчики, земли не касаются, только пятки взмываютъ... Лишь только солдатки побросались въ шлюбки и отсунулись отъ берега, еще до корабля-то не доплыли, какъ на то мѣсто, гдѣ стояли ихни шлюбки, прибѣжали великаны, чловѣкъ до ста или больше. Подняли они такой ужасный вой, идно лѣсъ закачался, море взволновалось. Принялись они къзъ корня рвать сыры-матеры дубы и кидать ими по лодкамъ и по кораблику, одну лодку расколоти и затопили, да чуть-чуть и корабликъ не повредили. Насялу пушками съ корабля отъ нихъ отбились, и отплыли въ море.

— Вот какія бываютъ на вольномъ свѣтъ страсти и ужасты, прибавилъ слѣпой.— Не много погода, онъ продолжалъ :

— Такимъ-то манеромъ, сказывалъ матросикъ, проплавали они два года , а на третій годъ корабль ихъ разбило бурей. Онъ , этотъ матросикъ , да еще одинъ музуринъ , его товарищъ , ухватились за корабельную машту (мачту) , и дня три носило ихъ на ней по морю. На четвертый день море затихло и машту прибило къ берегу... Въ ту пору корабль-то изъ кіянь-моря вышелъ въ обноковенное море; рѣшились они , тоись набольшіе-то , и солдаты люди подначальные , рѣшились они , значить , пристать въ иномъ какомъ царствѣ , и отдаться невѣрному царю , чтобы не умереть съ голода—нужда до всего доводитъ... Отдохнули они , тоись матросикъ и его товарищъ , на берегу , да и пошли въ горы—по берегу тянулись превысокія горы.

Много ли , мало ли ходили они по горамъ , да и наткнулись на избушку или землянку—все едино: не то изба , не то нора вырыта была въ горѣ , одна дверь да маленькое окошечко съ пузыремъ , — вотъ и все. Вошли они въ избушку и видятъ : въ переднемъ углу на лавкѣ лежитъ человекъ , не молодой да и не старій , а такъ себѣ «сердовичъ» ; на немъ красная лжксандревская рубаха , козловые сапоги съ кисточкой на голенищахъ — значить щеголь какой нибудь. Глаза у этого человека закрыты , а самъ онъ такой худой , такой блѣдный , что твой мертвецъ. Сначала они подумали , что онъ мертвый , а какъ немного всмотрѣлись , увидали , что спитъ. Не трогая его , солдатики тоѣжь секунду бросились къ печкѣ и на шесткѣ въ горшкѣ нашли не то кашу , не то кисель , Богъ знаетъ что , не могли разобратъ , да и некогда было разбиратъ , — вѣдь голодъ не свой братъ , а у нихъ съ голоду кожа трещала ; шутка-ли ! три-четыре дня были не ѣвши. Покамѣсть возились они около горшка , хозяинъ-то проснулся , съѣлъ на лавку , да и говоритъ имъ тихонько по росейски. Вы , братцы , мотрите... не много зньте этой пищи: не хороша она для непривычнаго человека...

Услышали расейскій языкъ , солдатики обрадовались , пуще не знай чего ; бросили ѣду , подбѣжали къ неизвѣстному человеку , да въ одинъ голосъ и сказали :

— Неужто мы въ Расейской земль ?

Покачалъ этотъ человекъ головой , да и сказалъ :

— Нѣтъ , родимые: эта земля турскаго салтана.

— Да и ты-то кто? спросили солдатики. .

— Я, говоритъ онъ, Степанъ Разинъ: слышали, чай, о богомерзскихъ дѣлахъ моихъ...

Тѣхъ такъ и ошеломило.

— Вамъ диво это? говоритъ онъ.

Тѣ ничего не говорятъ, только блѣднѣютъ, да пучать глаза на человека, что Разиннымъ назвался.

— Вы не бойтесь, говоритъ онъ. — Хоша я и настоящій Разинъ, но ужъ не тотъ, что въ мое время разбойничалъ на православной Руси и творилъ всякое беззаконіе въ угоду врагу рода человѣческаго, сатанъ триклятому: теперь я совсѣмъ иной человекъ. Присядьте-ка и выслушайте меня, родимые, и послѣ повѣдайте міру, какъ тяжело и горько окоянному грѣшнику отвѣтъ давать за дѣла безбожныя.

И говоритъ это Разинъ тихо, плавно, смиренно, внятно, словно какой начетчикъ по книгѣ или-бо изъ книги. Солдатики отудобили, присѣли на скамеечку супротивъ Разина. И онъ сталъ имъ говорить:

— Отъ начала міра и до сегодня, не было ни въ чело-
вахъ—человѣка, ни въ звѣряхъ—звѣря, ни въ змїяхъ—змїя,
ни въ гадахъ—гада, подобнаго мнѣ, не было ни единой на
свѣтъ твари, коя-бы равнялась со мной по злобѣ и лютости:
я всѣхъ превышилъ!... Многое-множество пролилъ я крови
христіанской; многое-множество загубилъ душъ неповинныхъ.
Мало того: я Царю благоверному измѣнилъ, надъ вѣрой пра-
вославной надругаясь, отъ Бога истиннаго отрекся, сатанъ
триклятому предался — и вотъ за то мучусь и страдаю те-
перь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анаемъ, и
потомъ, какъ поймали, казнили, тѣло мое на огнь сожгли, а
прахъ развѣяли по вѣтру. Но этимъ дѣло не завершилось. Аки
богоотступника, душегубца, измѣнника, еретика, душу свою и
тѣло отдавши сатанъ, меня ни въ рай не впустили, ни въ адъ
не приняли; отъ меня и земля, и вода, и огонь, и воздухъ со
вѣтрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прахъ мой
собрала и оживила, и вотъ въ сіи мѣста уединенныя поселила.
Здѣсь я буду жить до втораго пришествія, до суда Страшнаго;
тогда судьба моя окончательно рѣшится, тогда и муку мнѣ
положатъ настоящую, по дѣломъ моимъ, какую заслужилъ. Те-
перь же пока тиранятъ меня два змїя ужасные. По Божьему
велѣнію, въ мѣсяць разъ они приползаютъ ко мнѣ и сосутъ
кровь изъ меня, почти всю до капли высасываютъ. Одинъ за-

пустить жало подъ мышку, а другой подъ другую, и такимъ родомъ точуть кровь мою. Третьяго дня они у меня были, — вотъ и раны, посмотрите, не зажили еще; а черезъ двадцать семь-восемь день, какъ я поправлюсь, кровью-то соберусь, они опять приползуть. И вотъ такимъ-то родомъ мучусь я цѣлыхъ полтора-ста лѣтъ, и не умираю, и не умру, до Христова прішествія не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимаетъ... вотъ что!... А всего горше для меня бываетъ въ тѣ дни, когда въ церквахъ анаѣему мнѣ провозглашаютъ. Вотъ что!...

— Питаюсь я глиной: есть, не подалеку отсюда, въ одной горѣ, такая глина, что похожа на муку, говоритъ Разинъ. Варю ее, эту глину, въ водѣ, и изъ того выходитъ какой-то кисель—что сейчасъ и вы ѣли. Сначала пища эта мнѣ не нравилась, какъ грузило ложилось въ животъ, а потомъ мало-помалу сталъ привыкать къ ней, и вотъ ужъ полтора-ста лѣтъ питаюсь—и ничего.

Я выдаю иногда, что, по близости меня люди ходятъ, но ни меня, ни избушки моей не замѣчаютъ: невидимая сила, значить, закрываетъ. Вотъ вы первые увидали и зашли ко мнѣ: значить, невидимая сила надъ вами сжалилась, чтобы вы не умерли съ голоду. По утреннимъ и вечернимъ зарямъ я слышу отсюда на солнечномъ восходѣ колокольный звонъ: значить, тамъ городъ христіанскій или село есть: въ землѣ турецкаго салтана и христіане живутъ. Ступайте въ ту сторону.

И точно, заключилъ слѣпой, солдатики въ тотъ же день къ вечеру пришли въ селеніе, гдѣ жили Греки, что турецкому салтану подвластны. Отъ нихъ уже, чрезъ сколько-то времени, и вышли они на Русь святую.

— Вотъ, дѣтушки, какія чудеса бываютъ на вольномъ свѣтѣ, прибавилъ слѣпой. Вдругоредъ я поразскажу вамъ еще кой-о-чемъ, чего вы не знаете, а теперь, не безсудьте, усталъ, отдохнуть пойду.

Съ этимъ словомъ Ешифанъ Наумовъ всталъ съ мѣста и, ощущывая впереди себя дорогу посохомъ, направился къ обозу. Но не прошелъ слѣпой еще десяти шаговъ, не успѣли еще казача-ста двѣять ни одного замѣчанія на счетъ разсказа его, какъ

взъ обоза раздался голосъ казака. Стоя на возу и махая руками, казакъ причалъ:

— Ай! ай! Киргизы! Киргизы!... Лошадей нашихъ Киргизы гонять!...

И всъ рыболовы пришли въ смятеніе, засуетились и кинулись — кто къ ружью, у кого было ружье, кто къ веслу, у кого ружья не было, кто схватилъ «чекушку», кто топоръ; словомъ заварилась каша, поднялась ужасная суматоха, или, какъ выражаются казаки, «ватарба.»

Но отчего случилась такая бѣда? Откуда взялись Киргизы, да еще среди бѣлаго дня, когда за Ураломъ разставлены казачьи пикеты? Въ томъ-то и сила, что казаковъ за Ураломъ въ тотъ день уже не было: они еще на канунъ, съ вечера, оставили посты и пріютились подъ теплымъ крылушкомъ благоувранныхъ сожителейницъ... Пикетнымъ казакамъ слѣдовало пребыть на постахъ еще дня два, пока «войско» ушло бы внизъ за Кулагинскую крѣпость; но они соскучились о блинахъ и лепешкахъ, да о молодыхъ женушкахъ, а главное понадѣялись на Янкушку, что вотъ-де онъ, батюшка, разольется какъ кіянь-море, что тогда-де черезъ него не только поганому киргизизшкъ переплыть, но и птицъ въ чередъ перелетѣть; понадѣялись такъ-то на Янкушку, и, не дождавшись урочнаго времени, съехали съ постовъ безъ опроса и позволенія приказнаго, Ефремова, распорядившагося всѣмъ форпостомъ. Пріѣхавъ въ тихомолку на форпостъ, они разбрелись по домамъ и не показали приказному, зная, что онъ прогналъ бы ихъ опять за Уралъ или, по-крайней-мѣрѣ, разослалъ бы по обыкновеннымъ пикетамъ такъ называемымъ «реданкамъ» и «третьямъ», устроеннымъ на правомъ берегу Урала; а имъ хотѣлось попраздновать дома... Глядя на Красноярскихъ, тоже самое сдѣлали и Харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже пикетовъ красноярскихъ, т. е. противу дачь своего форпоста. Такимъ образомъ цѣлыхъ два промежутка, отъ верхней межи Красноярскаго до нижней межи Харкинскаго форпоста, остались открытыми, т. е. на этомъ протяженіи не осталось ни одного поста ни на правой (Внутренней, или Самарской), ни на лѣвой (Зауральской, или Бухарской) сторонѣ Урала. Уралъ же, мы видѣли, только поманилъ, только подумалъ възграть да разлѣяться, но не възгралъ и не разлѣлся, а это Киргизамъ и на руку. Пользуясь кустарникомъ да перелѣсками, они подкрались къ берегу, переплыли, чело-

вѣкъ до 20-ти, рѣку повыше того мѣста, гдѣ располагались рыболовы-севрюжники, да и кинулись къ ихъ лошадямъ, съ цѣлю, разумѣется, угнать ихъ за Уралъ.

Но какъ ни ловки, какъ ни проворны Киргизы въ подобнаго рода продѣлкахъ, однакожь предпріятіе это имъ не удалось; хватки и увертки ихъ на этотъ разъ позамедлились оттого, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, гдѣ двѣ, гдѣ три лошади, по «гривамъ», раздѣленнымъ одна отъ другой водой. Для того, чтобы согнать лошадей въ одинъ «косякъ» и потомъ удобнѣе, за одинъ пріёмъ, переплавить ихъ за Уралъ, Киргизамъ нужно было въ иныхъ мѣстахъ безпрестанно перевозжать съ «гривы» на «гриву» черезъ воду, а это не то, конечно, что скакать по чистому полю; въ иныхъ же мѣстахъ доводилось обскакивать кругомъ болѣе глубокіе заливы и лощины, и такимъ образомъ колесить на одномъ мѣстѣ въ ущербъ времени. Къ тому же большая часть казачьихъ лошадей была спутана, а съ спутанными лошадьми возиться не ловко и не легко. Все это замедлило дѣйствія Киргизовъ и дало рыболовамъ время оправиться, обсудить и сообразить степень опасности и съ толкомъ пуститься отстаивать свою собственность отъ непрошенныхъ гостей.

Часть казакѡвъ, человекъ до десяти, съ винтовками въ рукахъ, бросилась въ луга, гдѣ работали Киргизы около лошадей. Нѣсколько человекъ безъ ружей, съ одними шестами да чекушками, съли въ бударки и пустились, что было силы-мочи, плыть вверхъ по Уралу, къ тому мѣсту, гдѣ, по соображенію казакѡвъ, Киргизы должны были обратно переплывать рѣку. Тѣ же, которые остались на стану, преимущественно старики, начали на всякій случай огораживаться телегами—предосторожность необходимая; ибо вскорѣ послѣ того, какъ завязалась у казакѡвъ съ киргизами драка на этой, то есть на правой, сторонѣ Урала, показалась на лѣвомъ берегу другая партія Киргизовъ, человекъ до сорока или больше; даже было пущено оттуда нѣсколько стрѣлъ въ казачій станъ, но стрѣлы не долетали и падали на срединѣ Урала.

Казакѡ, побѣжавшіе въ луга, увидели, что имъ «цѣпшимъ боемъ» не угоняться за конными Киргизами, и потому сочли за полезное рассыпаться по берегу и засѣсть въ кустахъ, съ цѣлю, отрѣзать киргизамъ путь къ отступленію или, по-крайней мѣрѣ, встрѣтить и проводить ихъ огнемъ, когда они пойдутъ

на утекъ , въ чемъ казаки не сомнѣвались ; но манѣвръ этотъ не удался. Киргизы почували тревогу въ станѣ рыболововъ и , лишь только завидѣли казаковъ съ винтовками, тотчасъ же бросили казачьихъ лошадей , и давай , какъ говорится , Богъ ноги. Естественно, пѣшіе казаки не успѣли забѣжать впередъ и преградить дорогу коннымъ киргизамъ. Послѣдніе хотя и проскакали подѣ выстрѣлами казаковъ , но на столь далекомъ разстояніи , что выстрѣлы не сдѣлали быглемъ никакого вреда , а только напугали ихъ досталь. Какъ угорьвые , киргизы кинулись въ Уралъ и поплыли на Зауральскую, или Бухарскую сторону, держась , какъ обыкновенно водится при подобнаго рода переправахъ , кто за гриву , кто за хвостъ лошади. Со страха киргизы не оглядѣли мѣстность и попались въ просакъ. Противоположный берегъ , гдѣ имъ доводилось приставать, будто въ наказанье воршикамъ , оказался довольно-таки крутъ , а подѣ самымъ яромъ было топко, или вязко, такъ что лошади ихъ, утопая и вязнувъ въ илъ, не могли выпрыгнуть изъ воды. По необходимости киргизы должны были спуститься по водѣ внизъ по теченію , они какъ разъ наткнулись на казаковъ , плывшихъ въ бударкахъ. И тутъ-то вотъ пошла потѣха, потѣха славная , по замѣчанію казаковъ. «Идно», рассказывали старики , участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ , «идно Яикушка застоналъ, какъ пошли наши глушить нехристей, словно бѣлугъ.» Въ самомъ дѣлѣ, будто осетровъ или бѣлугъ, казаки принялись тузить воршиекъ шестами и чекушками. Человѣкъ съ десять киргизовъ пошло ко дну, остальные кое-какъ вскарабкались на берегъ и бросились подѣ защиту своихъ сообщниковъ , остававшихся на Бухарской сторонѣ и прискакавшихъ къ мѣсту драки. Киргизы отбили казаковъ отъ Бухарскаго берега , выпустивъ въ нихъ десятка два стрѣль. Не имѣя ружей, казаки отплыли къ Самарскому берегу, взяли на бударки своихъ товарищей, у которыхъ были ружья, и снова перекинулись на Бухарскій берегъ ; но киргизы отступили и удалились въ степь.

Послѣ этого подвига, казаки собрали своихъ разсѣянныхъ по лугамъ лошадей, захватили часть киргизскихъ, выплывшихъ послѣ убіенія хозяевъ на Самарскій берегъ , и стали собираться въ путь-дорогу. Они рѣшили , ухватъ по добру-по-здорову съ этого мѣста и присоединиться къ «войску.» Но между тѣмъ послали двоихъ гонцевъ въ Красноярскій форпостъ сказать, что-де неблагополучно на Яикѣ, что-де такъ и такъ: киргизы оби-

жають. Вотъ появленіе этихъ-то гонцевъ на форпостъ и встревожило Красноярцевъ и помъшало, какъ мы ужъ видѣли, Кузьмъ Семёнычу Ефремову угостить бѣзой Кузьму Безсуднаго и прочюю «харабру-братю», и Ивану Метлину читать наставленія куму Нефеду.

IV.

— Ахъ, мошенники! Ахъ, варвары! Что надълали, каторжные. Подумать страшно! Шутка ли! Бросить пикеты—а! Что это такое? На что это похоже?—Ужъ не съ-ума ли я спятилъ? Не вонъ-ли мнѣ это мерещится? Охъ, Господи, ты мой Боже! За чьи грѣхи така бѣда на меня накачалась! А что теперича «войско» скажетъ? Срамъ! срамъ! срамъ!.. А все вы, подлецы, виноваты—издохнуть бы вамъ! Вы всему причиной, каторжные!

Такъ , бѣгая по форпосту, кричалъ Кузьма Семёнычъ Ефремовъ на казаковъ, которые самовольно оставили пикеты за Ураломъ,—о чемъ сказано въ предъидущей главѣ.

Между тѣмъ всѣ казаки , сколько ихъ было въ наличности , сѣдлали лошадей , вооружались и готовились въ погоню за киргизами.

Правда, не для чего было бы пускаться за Уралъ. Киргизы, нарушивъ покой казаковъ , заплатились уже за то : мы знаемъ , что человекъ десять изъ нихъ отправились на дно рѣки. Кроме того, ни одну казачью лошадь киргизы не угнали, а напротивъ, своихъ нѣсколько лошадей оставили въ добычу казакамъ ; следовательно послѣднимъ не предстояло особенной нужды скакать за Уралъ, тѣмъ болѣе не нужно было попусту рыцарствовать, что киргизы удалились въ степь. Довольно было разставить по прежнему пикеты.

Такъ думали, и отчасти справедливо, нѣкоторые старики. Но приказный Ефремовъ думалъ иначе. Гордый своей репутаціей , онъ не хотѣлъ потерять ее , онъ не хотѣлъ запятнать себя ни однимъ недостойнымъ дѣломъ ; пуще Богъ знаетъ чего онъ боялся, чтобы въ «войскѣ» не сказали про него, что онъ «саньга» (соня), что киргизы подъ носомъ, въ глазахъ у него, врываются на Самарскую сторону , что команда не слушаетъ его (послѣдняя мысль кидала его и въ жаръ, и въ ознобъ). Вотъ эта-то причина и побудила Ефремова пуститься въ погоню за Киргизами и, во что бы то ни стало, нагнать и хорошенько пощипать хищную птицу, какъ звалъ онъ Киргизовъ.

— Мало съ насъ одного срама, что Киргизовъ проспали, про-

звали, говорилъ онъ:—видно еще надо, видно желательно вамъ, чтобы про насъ сказали, что мы трусы, Киргизовъ боимся.

Говоря это, Ефремовъ скрипнѣлъ зубами и торопилъ казаковъ.

Скоро вокругъ него собралось человекъ до тридцати «храброй братьи», почти весь наличный комплектъ служащихъ казаковъ. Съ ними Ефремовъ махнулъ за Уралъ, оставивъ при будкѣ, т. е. при караульномъ домѣ, на часахъ человекъ пять-шесть.

Въ торопяхъ Кузьма Семеновичъ забылъ послать гонцовъ или встѣпковъ въ сосѣдственныя станицы: въ Калмыковскую крепость и въ Харкинской форпостъ, извѣстить тамошнихъ казаковъ, дѣлы они, въ силу существующаго на Уралъ обычая, или постановленія, вызажали за Уралъ, на помощь Ефремова и его командъ. Уже съ Бухарской стороны онъ прокричалъ оставшимся на Самарскомъ берегу казакамъ, чтобы они сами распорядились этимъ дѣломъ.

Выбравшись изъ луговъ на степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командъ; на форпостъ съ горячности онъ этого не успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что всѣ казаки, кромѣ одного, были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ. Только Нефедъ Ж...нъ оказался неисправнымъ; лошадь подъ нимъ была не хороша, тяжела на бѣгу, просто-на-просто маштакъ, у котораго нѣтъ ни рыси, ни скачи, и который годенъ только для воза, но не для верховой ѣзды, особенно для такой, которая предстояла Ефремову съ командой. Нефеда забраковали и велѣли вернуться назадъ. Стыда ради, онъ началъ—было доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ, но его не слушали, да и слушать не слѣдовало: улыка была на лицо.

— Ступай домой! тебѣ говорятъ, сказалъ Ефремовъ Нефеду. Рази не знаешь, что пѣвнй конному не товарищъ. Ступай домой!

— Ахъ! кумъ, кумъ! заговорилъ Иванъ Метлинъ, подъхвативъ съ боку къ Нефеду и трепля его за плечо.—Не слушаешь добрыхъ людей, а слушаешь жены. Что чалаго не засѣдлалъ? Вѣдь онъ у тебя, знаю, дома. Жена, что ли, не велья?—Гмъ!.. знаю, знаю, да никому не скажу. Вотъ кабы ты понялъ да въ толкъ взялъ, что въ книгѣ блаженнаго Августина речется....

— Ну, не растобарывать! сказалъ Ефремовъ и указалъ въ степь, а въ степи это время, довольно далеко отъ казаковъ, взвилось облако пыли.

— Молись, ребята! сказалъ Ефремовъ, и, снявъ шапку, перекрестился. Команда съѣзжала тоже.

— Съ Богомъ! сказалъ Ефремовъ.

И припавъ къ луку, съ пиками наперевъсъ, понеслись казаки на облоко пыли.

Пристыженный и сконфуженный, Нефедъ Ж...нъ остался и поворотилъ пѣгаго маштачка къ Уралу.

Казаки скакали молча; кругомъ ихъ была глушь и тишь страшная,—только конскій топотъ отъ песчанаго грунта, по которому скакали казаки, какъ-то глухо отдавался въ ухахъ, но и тотъ оставался позади и замиралъ въ воздухъ; да по временамъ Кузьма Семенычъ тихо, чуть не шепотомъ, проговаривалъ: «сдержи!» когда считалъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: «припусти!» когда находилъ возможнымъ прибавить бѣга.

Скачутъ казаки не версту, не двѣ,—а скачутъ казаки десять, скачутъ пятнадцать, двадцать верстъ. Вотъ облако пыли стало рѣдѣть, вотъ въ срединѣ его, какъ въ туманъ, показалась черная точка; точка эта растеть, увеличивается; изъ точки образуется большое пятно, огромная масса; вотъ наконецъ черная масса распадается на отдѣльныя движущіяся точки, каждая точка обозначается, обрисовывается ясно: это киргизскіе наездники, бѣгущіе отъ казаковъ. Вотъ они, эти бѣглецы, близко, близко; вотъ какихъ нибудь полверсты осталось до нихъ.

Дотоль казаки, сдерживая по приказу Ефремова лошадей, скакали всѣ вмѣстѣ, кучкой; но при послѣднихъ словахъ приказанаго, каждый казакъ, закричавъ и загайкавъ, далъ волю своей лошади; и тогда, въ нѣсколько секундъ, казаки развернулись и вытянулись въ одну линію, и тѣ изъ нихъ, у кого лошади были рѣзвѣе, стали настигать Киргизовъ и неслись, какъ говорятся, на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ попавшіе на ратное дѣло. Подобрались казачата къ заднимъ Киргизамъ близко; вотъ, вотъ, сейчасъ, сію минуту, того гляди, ударятъ по спинѣ непріятеля, но со стороны послѣдняго есть отпоръ: два наездника, два храбрыхъ батыря, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ, словно гонные волки отъ собаки, отгрызаются отъ казачатъ. Отдѣлясь отъ своей партіи—одинъ вправо, другой влѣво, эти наездники, время-отъ-времени, оборачиваются и съ боку, описывая дугу, быстро, съ произи-

тельными гикомъ и воплемъ, насканиваютъ на казачать; бить не бьютъ, а длинными-предлинными пиками задаютъ казачатамъ не малую острастку. Казачата невольно придерживать лошадей, укрываются на стременахъ и обернутся лицомъ къ нападающимъ, чтобы не прозвать и смѣле встѣтить ихъ пиками; но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казачатамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ назадъ и летятъ прочь.

По видимому въ этомъ манѣврѣ ничего нѣтъ важнаго, но въ сущности онъ много приноситъ пользы бѣгущимъ киргизамъ. При столкновеніи киргизскихъ наездниковъ съ казачатами, послѣдніе, по чувству самохраненія, хотъ на нѣсколько секундъ, умзрятъ, укоротятъ бѣгъ своихъ лошадей, иногда вовсе пріостановятся, чтобы безопасно принять и ловче отвести непріятельскіе удары; а этимъ самымъ временемъ бѣгущая киргизская партія, нѣсколькими лишними скачками, подвинется впередъ и выйдетъ изъ-подъ казачьихъ пикъ.

Кузьма Семенычъ, скакавшій за казачатами, не спускалъ съ нихъ глазъ и время-отъ-времени ободрялъ ихъ своими кликами.

— Вправо, вправо забирайте, ребяташки! кричалъ онъ казачатамъ, когда замѣчалъ, что они, какъ новички въ дѣлѣ ратномъ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть сколотымъ.

«Забирать вправо», т. е. держаться самому правой стороны, а преслѣдуемаго непріятели оставлять въ лѣвой сторонѣ, значитъ выигрывать перевѣсъ надъ непріятеlemъ по самой простой, физической, причинѣ: справа влѣво ловко бить пикой, стоитъ только размахнуть рукой, а для этого достаочно одного момента. Слѣва же вправо бить пикой не только не ловко, но и совсѣмъ неудобно; для этого придется изгибаться на лошади, но какъ ни изгибайся, ударъ не ловокъ, слѣдовательно и не вѣренъ будетъ; для этого придется поворачивать самую лошадь, а непріятели ждать не будетъ: пока ты будешь поворачивать лошадь, и лошадь, слѣдуетъ замѣтить, и поворачивается вправо не такъ легко и скоро, какъ влѣво; пока ты поворачиваешь лошадь, непріятели, сдѣлавъ только поворотъ налѣво на сдѣл, взмахомъ руки можетъ сколоть тебя.

Киргизы между тѣмъ употребляли всѣ возможные уловки, чтобы ускользнуть отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные, отстегнувъ на

всемъ скаку подпруги, сѣдывали и самыя сѣдла. Но ничто не помогало. Съ каждымъ моментомъ казаки подбирались къ Киргизамъ ближе и ближе.

Два киргизскіе наездника, о которыхъ сказано выше, видя, что къ безбородымъ казачатамъ подвигаются казаки борода-тые, стали рже и рже наскакивать на нихъ, а наконецъ и сами пошли на утекъ.

Кузьма Семенычъ съ радостію сталъ замѣчать, что аргамаки подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомлялись, а его доморощенный бурый конь чѣмъ дальше скакалъ, тѣмъ больше и больше прибавлялъ бѣгу. Немного погодя, Кузьма Семенычъ сверстался съ казачатами; еще немного погодя, онъ опередилъ ихъ и сталъ помышлять о томъ, за котораго изъ батырей приняться прежде.

Кузьма Семенычъ оглянулся вокругъ себя, ища на всякій случай опоры: на казачатъ, какъ на людей неопытныхъ, онъ много не надѣялся, а одному на двоихъ пускаться все-таки опасно. Явилась Кузьмѣ Семенычу и опора: рядомъ съ нимъ, почти стремя въ стремя, ухо въ ухо, скакалъ еще казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго игреній конь также сталъ разминаться и скакать быстрее и быстрее.

— Теперь нашъ чередъ! сказалъ Ефремовъ Азовскову.—Ты, Сѣма, бери себѣ *голубаю*, а я возьму *краснаго*.

Слова: *голубаю* и *краснаго* относились къ киргизскимъ наездникамъ, которые были одѣты—одинъ въ голубой чапанъ, а другой въ красный халатъ.

Азовсковъ, рослый и сильный, вмѣсто всякаго отвѣта, кивнулъ головой, поникъ на сѣдлѣ, припалъ почти къ самой гривѣ игреняго, какъ мѣхами потянулъ въ себя воздухъ, и потомъ испуская его, словно изъ трубы, ринулся на голубаго всадника. Кузьма Семенычъ припустилъ на краснаго.

Загайкали, залюлюкали казаки вслѣдъ Ефремову и Азовскову. «Туту его! возьми его!» кричали иные казаки въ шутку, будучи увѣрены, что Ефремовъ и Азовсковъ сейчасъ, сію минуту—благо, лошади бѣгутъ, что эти казаки сейчасъ какъ съ полки сдунуть смѣлыхъ батырей; но не тутъ-то было: дѣло приняло оборотъ не совсѣмъ-то благопріятный. Батырь, въ голубомъ чапанѣ, улепетывая отъ Азовскова и безпрестанно оглядываясь назадъ, сметилъ, вѣроятно, что не уйдти ему отъ казака, и потому рѣшился на богатырскій отчаянный подвигъ: онъ круто по-

вернулъ аргамакъ назадъ и со всѣмъ отчаяніемъ, испуская пронзительный гикъ, устремился на Азовскова.

— «Ловокъ, бестія...» успѣлъ только подумать Азовсковъ, какъ батырь налетѣлъ на него, и обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ.... Отчего это такъ случилось? А вотъ отчего.

У Киргизовъ вообще пики длинныя, длиннѣе казачьихъ воютора, если не больше. При нападеніи, Киргизъ держитъ пику за самый почти конецъ, упирая его подъ мышку или, по-крайней-мѣрѣ, прижимая его подъ мышкой, и напрягая притомъ всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновѣсіе и удержать другою, острый, конецъ, т. е. лезвее пики, въ горизонтальномъ положеніи. Эту манеру или этотъ приѣмъ держанія пики Киргизы основываютъ на томъ, что дальше можно достать непріятеля. Конечно, это нелѣпость, и пусть Киргизы остаются при этой нелѣпости, намъ же, русскимъ, лучше; это нелѣпо потому, что пика, когда ее такимъ образомъ держатъ, какой бы силой ея ни владѣлъ, все-таки гнется и жиблется, и острый конецъ ея, отъ давленія воздуха, все-таки клонится долу и ставитъ Киргиза въ неловкое положеніе.

У казаковъ, напротивъ, пики короткія, и казаки держутъ пики не за конецъ, какъ толковыя и предусмотрительныя Киргизы, а поперекъ или, какъ говорится, на перевѣсъ. У казака, когда онъ идетъ въ атаку или когда бросается одинъ-на-одинъ на непріятеля, положимъ на Киргиза, у казака въ это время лезвее пики впередъ отъ лошадиной головы высовывается только на полъ-аршина или немного больше, потому впервыхъ, что пика у казака, какъ сказано, короче, а вовторыхъ потому, что казакъ относитъ руку немного назадъ, чтобы при ударѣ былъ размахъ; но не смотря на то, это лезвее скорѣе и върнѣе достигаетъ цѣли.

При столкновеніи съ Киргизомъ, казакъ ударяетъ сверху внизъ концомъ своей пики по концу киргизской пики, и послѣдняя безъ того къ низу клонящаяся, отъ удара мгновенно ныряетъ и утыкается въ землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и Киргизъ грудью или животомъ самъ налетитъ на нея. Разумѣется, все это дѣлается далеко скорѣе, нежели мы рассказываемъ; все это совершается въ одно мгновеніе, не больше.

При столкновеніи же съ такимъ непріятелемъ, у котораго пика не длиннѣе казачьей, или который держитъ пику не по-кир-

гизски, то-есть, не за самый тупой конецъ, а на перевѣсъ — казакъ отводитъ непріятельскій ударъ, то-есть непріятельскую пику инымъ манеромъ: онъ ударяетъ по ней не сверху внизъ, а уже снизу вверхъ, такъ чтобы непріятельская пика взвивалась вверхъ и проносилась мимо казака, или черезъ голову или черезъ плечо. Но эта уловка, эта сноровка, слѣдуетъ замѣтить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость, да и ловкость,—а главное: безстрашіе, безстрашіе, да и безстрашіе! Вотъ и Семенъ Азовсковъ, мы видѣли, попался въ просакъ, и онъ куда былъ ловокъ и безстрашенъ; онъ такъ искусно владѣлъ пикой, какъ только можно владѣть ею ловкому и безстрашному казаку.

Киргизъ, устремившійся на него, нечаянно ли, безъ сознанія, или сознательно, съ обдуманной цѣлью — неизвѣстно, держалъ пику наперевѣсъ; казакъ замѣтилъ это уже тогда, когда врагъ висѣлъ, что называется, у него на носу, оттого-то онъ и не успѣлъ изловчиться и отвести, какъ слѣдуетъ, киргизскую пикку. Правда, онъ ударить—ударилъ по ней снизу вверхъ, но не ловко, правда, пика киргиза взвиться—взвилась вверхъ, но не высоко, и въ самую, какъ выражаются казаки, «припорцію»: киргизская пика ударила Азовскову въ лобъ, надъ лѣвой бровью. Азовсковъ опрокинулся назадъ, но удержался, съ лошади не упалъ. Хотя пику свою онъ уронилъ, поводья изъ рукъ выпустилъ, но за то обѣими руками ухватился за киргизскую пику.

Повернулись они съ киргизомъ на мѣствъ разъ-два: киргизская пика изломилась.

Сцѣпились они съ киргизомъ, какъ Ермакъ съ Махметъ-Куломъ, крутились, крутились и, не одинъ, *а оба на полъ свалились.

Тутъ, какъ орлы, налетѣли казаки и прикололи голубаго.

А что краснѣй? Краснѣй бросился было на помощь къ голубому, когда тотъ катался съ Азовсковымъ по землѣ, но Ефремовъ не допустилъ: онъ пронизалъ его пикой, и успѣлъ еще подскочить къ голубому и, за компанію съ другими, кольнуть разъ-другой и этого.

Приостановились казаки, подосадовали, поскрипѣли зубами на киргизовъ, перевязали Азовскову рану платкомъ (рана сначала казалась не опасной, но въ послѣдствіи была смертельной), дали немного вздохнуть и оправиться раненому, поймали лошадей его, и снова поскакали за киргизами, а киргизы между тѣмъ умчались далеко.

Была пора казакамъ остановиться ; они, вопреки войсковымъ постановленіямъ, слишкомъ уже далеко увлеклись, но казаки не думали останавливаться и возвращаться домой, не пощипавъ хорошенько ордынцевъ. Казаки надвѣялись, что къ нимъ можетъ подоспѣть которая нибудь изъ командъ, харкинская или калмыковская, извѣщенные гонцами, ибо, мы слышали, Кузьма Семенычъ, отправляясь въ погоню за киргизами, велѣлъ послать вѣстниковъ и въ Харкинской форпостъ, и въ Калмыковскую крѣпость. Кроме того, казаки озлобились на киргизовъ, что они одного изъ нихъ, что ни лучшаго молодца, ранили, а ужь одно это обстоятельство могло разгорячить воображеніе и отуманить всякое мышленіе у казаковъ: они рѣшили гнать за киргизами, на сколько хватить силы въ лошадахъ.

Между тѣмъ киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человекъ изъ 20-ти, направилась на юго-востокъ, а другая, человекъ изъ 30-ти, на сѣверо-востокъ. Цель у киргизовъ была—разъединить силы казаковъ, но казаки обману не поддались: они всей командой пустились за одной, пошедшей на сѣверо-востокъ, партіей.

Снова гонять казаки киргизовъ, и начинаютъ нагонять. «Вотъ скоро, думаютъ казаки, будетъ опять работа.» Но киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ казаковъ.

Казаки подсакиваютъ къ лощинѣ, гдѣ скрылись киргизы, и видятъ чудеса: вся лощина занята огромнымъ лагеремъ и усѣяна киргизами. «Чтобы не солгать, говорили старики, участвовавшіе въ этой погонѣ, ихъ, тоись, басурмановъ, было видимо-невидимо, большое собранье, человекъ ста четыре, ильбо и больше, да все со значками: что не кучка, то на пикъ значки.»

Плохо, подумали казаки.

— Слѣзай, ребята! закричалъ Кузьма Семенычъ.

И въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей. Назадъ скакать и думать нельзя было, это бы значило гибнуть навѣрное. У казаковъ, проскакавшихъ до 50-ти верстъ, разумется не все въ скачь, а гдѣ и рысью, гдѣ и грунью, у казаковъ, проскакавшихъ такое разстояніе, лошади были сильно истомлены, а у киргизовъ, отдохавшихъ на мѣсть, лошади были съ свѣжими силами. Слѣдовательно ускакать казакамъ отъ киргизовъ не было никакой возможности, и киргизы, пустившись всей массой за казаками, могли всѣхъ ихъ по одиночку переколоть пиками. Казаки чуяли эту невыгоду, и къ тому спѣшились, сомкнули лоша-

дѣй въ кучку, и переплели ихъ поводьями, чтобы онъ, при натискѣ киргизовъ, не разбллись и не разбѣжались, а сами прижались со всѣхъ сторонъ къ лошадямъ и взялись за винтовки.

Попались, добрые молодцы, въ осаду.

Какъ море, заволновалось киргизское скопище, какъ волны, нахлынули ордынцы со всѣхъ сторонъ на казаковъ, и какъ волны же, столкнувшись со скалой, отхлынули назадъ.

Казакъ, прижавшись къ лошадямъ, и припавъ на колѣни, встрѣтилъ киргизовъ выстрѣлами, но не залпомъ (къ этому они приучены не были), а въ перемежку, или, какъ говорится, черезъ ружье (этому ихъ опытъ и практика научилъ), и человекъ десять киргизскихъ наездниковъ свалилось съ лошадей. Этого весьма достаточно было для того, чтобы охладить жаръ нападающихъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще азіятцы, только съ перваго раза, такъ сказать, съ-горяча, нападаютъ храбро и стремительно, но если первая попытка не увѣнчается успѣхомъ, особенно если они замѣтятъ на комъ-либо изъ своихъ кровь, а ужъ объ убитыхъ говорить нечего,—храбрость ихъ колеблется, слабѣетъ и пронадеваетъ: тогда самими ими овладѣваетъ страхъ и ужась.

Такъ было и теперь при нападеніи на горсть красноярскихъ казаковъ. Сначала, поднявъ страшный неумолкаемый крикъ и гикъ, ордынцы, по выраженію казаковъ, такъ зажгли, т. е. такъ горячо и стремительно атаковали русскихъ, что у иныхъ казаковъ, надо правду сказать, волосъ сталъ дыбомъ; Осинька Вертячкинъ, читавшій про себя, чтобы другіе не слыхали, всаломъ: «*Живий въ помощи Вышняго, въ кровь Бога Небеснаго...*» забываясь и провозгласилъ во всеуслышаніе, на горе себѣ и на потѣху другимъ; ибо казаки не упустили и тутъ предлога пошутить, посколозубить надъ Осинькой, замѣчая, что онъ дьячекъ славный, хоть куда; а это Осипу Иванычу крѣпко не нравилось.

Но когда казаки, благодаря своей находчивости и опытности, благодаря хладнокровію и сознанию своего достоинства, выдержали натискъ ордынцевъ, когда, сверхъ этого, нѣсколько человекъ ордынцевъ попадало съ лошадей, кто убитый, кто раненый: тогда киргизы отхлынули назадъ и какъ обваренные кипяткомъ, остановились. Значитъ, съѣсъ съ нихъ была сбита.

Немного погодя, киргизы опять закричали, опять загайкали неистовымъ голосомъ, и въ другой разъ пытались было всей-массой атаковать русскихъ, но такъ только пытались, а не пускались.

Правда, являлись смѣльчаки, напускались на казаковъ, взывали къ своимъ, чтобы тѣ слѣдовали за ними, но масса только шумѣла, неистово кричала, да кружилась около казаковъ, а въ атаку не шла.

Казаки вздохнули свободнѣе, ободрились, «отудобили» казаки. Припадая на ражки, они не торопясь стали отстрѣливаться, выбирая цѣлью тѣхъ ордынцевъ, которые казались имъ вожаками, предводителями.

Казакамъ посчастливилось убить нѣсколькихъ человекъ изъ среды послѣднихъ, т. е. изъ среды предводителей, и между прочимъ одного, что ни самого батыря, который, какъ злая и неотвязчивая оса, надѣдалъ казакамъ. Этотъ батырь, подъ защитой панцыря, прикрытаго халатомъ, безпрестанно лѣзъ въ глаза казакамъ, помахивая длинной пикой. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли по немъ, но не убивали, хотя и попадали. Дивились казаки этому чуду. Наконецъ одинъ изъ нихъ, отличный стрѣлокъ, Трифонъ Махакинъ, разгадалъ причину неуязвимости батыря, изловчился, выстрѣлилъ и попалъ батырю въ лобъ; батырь недохнулъ.

Послѣ этого киргизы присмирѣли, нападенія прекратили и отступили, какъ говорится, на благородную дистанцію. Но, не легче того, они окружили казаковъ густой стѣной, преградили имъ дорогу и отняли у нихъ всякую возможность къ отступленію, а потомъ стали беспокоить казаковъ стрѣльбой изъ луковъ и изъ ружей: у нѣмыхъ изъ киргизовъ были и ружья, хоть сами собой плохія, съ фитилемъ, но все-таки ружья.

Правда, казаки не боялись, собственно за себя, ни стрѣлъ, ни пуль киргизскихъ: и стрѣлы и пули киргизскія, за дальностью разстоянія (киргизы держались далеко, чтобы самимъ быть въ казачьихъ выстрѣловъ) не могли быть ни върны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Стрѣлы рѣдко долетали, но и долетая, падали въ казачій кружокъ съ навѣсу, тихо. Казакамъ видно было, какъ спускались на нихъ стрѣлы, слѣдовательно казаки легко успѣвали отъ нихъ увертываться—и увертывались. Только одинъ Осипька Вертякинъ какъ-то сплеховалъ, и то оттого, что былъ нѣсколько косоватъ, и стрѣла ранила въ плечо, но легко и не опасно. Пули киргизскія не опаснѣе были стрѣлъ. Кромъ того, что киргизы стрѣляли издайска, выстрѣлы ихъ не могли равняться съ выстрѣлами казачьими еще потому, что и ружья ихъ, противу казачьихъ, были пло-

хія, и заряды скудные — порохо́мъ киргизы бѣдны — и пули не такія, какъ казачьи: киргизская пуля не иное что, какъ округленный камушекъ или галька, облитая свинцомъ или даже не облитая, а просто-напросто обвернутая листочкомъ изъ свинца. Естественно, такія пули не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Изъ всѣхъ одна только пуля, повѣсившись другихъ, попала Ивану Метлину въ бокъ, такъ что казакъ свалился съ ногъ, но дѣло кончилось одной контузіей. Если и былъ вредъ отъ киргизскихъ пуль и стрѣлъ, особенно отъ стрѣлъ, такъ это былъ вредъ инаго рода: пули и стрѣлы попадали иногда въ казачьихъ лошадей, и лошади, служившія нѣкотораго рода защитой или такъ сказать оплотомъ казакамъ, бѣсались, рвались и грозили выйдти изъ послушанія, разстроить и смять самихъ казаковъ.

Положеніе казаковъ было незавидное, выйдти имъ изъ этого положенія не легко было безъ помощи командъ сосѣдственныхъ станицъ: Харкиной и Калмыковой. Но команды эти не являлись на выручку, хотя и давно настала пора имъ явиться. Атакованные Красноярцы часовъ пять-шесть толкутся на одномъ мѣстѣ, вотъ уже вечеръ насталь, скоро солнышко зайдетъ, а помощи все-таки нѣтъ.

Ждали, ждали красноярцы подмоги, но не дождались, смотрѣли, смотрѣли въ ту сторону, откуда сами прискакали, и откуда ждали помощи, но ничего, кромѣ неба да земли, не выдали, наконецъ перестали ждать, перестали и смотрѣть. Нечего было попусту тратить время, уже солнце закатилось. Такъ ли, сякъ ли, нужно было спасаться, пока не совсѣмъ еще стемнѣло: ночью опасность могла увеличиться. Рѣшились они тѣсной толпой, какъ стояли, подвигаться къ Уралу, идя шагъ за шагомъ, время отъ времени отстрѣливаясь отъ непріятеля и ведя за собой лошадей, большею частію скошеванныхъ, т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. По мѣрѣ того, какъ казаки подвигались, киргизы отступали передъ ними, а наконецъ разступились и открыли казакамъ дорогу, слѣдуя однакожь по ихъ пятамъ и по сторонамъ, какъ будто тѣлохранители какіе. Киргизы, разступившись передъ казаками, вѣроятно надѣялись, что казаки, увидавъ открытое поле, сядутъ на лошадей и поскачутъ. Сдѣлай это казакъ, т. е. сядь только на лошадей, пропали бъ казаки; по казакъ, наученные опытомъ, обману не поддались.

Прошли или нѣтъ такимъ образомъ казаки съ версту, какъ со стороны Урала показался всадникъ.

— Наши, наши! закричало нѣсколько голосовъ, когда вершникъ приблизился на такое разстояніе, что можно было узнать въ немъ казака.

Красноярцы запрыгали отъ радости и громко, громко прокричали: «ура!» такъ что озадачили киргизовъ, тѣ даже остановились, думая, что казаки рѣшились идти на нихъ въ атаку.

— Пойдите, пойдите, братцы, радоваться, сказалъ не веселымъ тономъ Ефремовъ, пристально глядя на приближавшагося всадника. Всмотритесь—ка хорошенько, кто это?

Казаки устремили глаза на всадника и ахнули отъ удивленія. Казакъ, котораго они приняли за передоваго вспомогательныхъ командъ, былъ, кто бы вы думали?—Нефедъ Ж...нъ!

Какимъ образомъ, или какимъ чудомъ онъ, этотъ несчастный Нефедъ, явился тутъ, когда товарищи оставили его близъ Урала, въ виду форпоста, и велѣли ему вернуться домой? Это осталось отчасти тайной. Впрочемъ казаки тайну эту весьма легко разгадали. И догадка или разгадка казаковъ въ этомъ случаѣ достойна всякаго вѣроятія. Нефедъ, иной причины не могло быть, Нефедъ не вернулся на форноость, а рѣшился тащиться по слѣдамъ товарищей по весьма простой и натуральной причинѣ: ему, извольте знать, какъ забракованному, стало быть (по казачьей логикѣ) ледящему казаку, стыдно было глаза показать домой; вѣдь ему не дали бы въ послѣдствіи прохода, засмѣяли бы товарищи, вѣдь на него стали бы пальцами указывать; вѣдь ему, чего добраго, дали бы кличку, на примѣръ: «бракованный» или въ родъ того, а эта кличка осталась бы за нимъ на всю жизнь; мало того, эта кличка могла бы перейти и на дѣтей его, словомъ на все потомство, до седьмаго колѣна или дальше; все это въ характеръ казаковъ: не любятъ они давать пощады никому и никому. Зная это, могъ ли несчастный Нефедъ не бояться стыда и поношенья.

— Ну! конченъ балъ! сказалъ кто-то изъ казаковъ, и не безъ причины.

Въ ту самую минуту человекъ пятнадцать киргизовъ отдѣлилось отъ толпы и понеслось на встрѣчу Нефеду. Нефедъ бросился было въ сторону, но напрасно. Лошадь подъ нимъ едва-едва переваливалась, или, по выраженію казаковъ, только, только-что ковыляла. Бѣдняжка спрыгнулъ съ лошади, палъ на колѣни, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ киргизовъ, но другіе мгновенно окружили его и пльнили.

Все это свершилось такъ быстро, что казаки не могли опомниться. Впрочемъ казаки ничего не могли сдѣлать въ пользу Нефедѣ; выручить его они ни коимъ образомъ не могли; для того казакамъ слѣдовало бы сѣсть на лошадей и скакать къ Нефеду, но сѣсть на лошадей, значило бы самимъ всемъ гибнуть.

Связали киргизы Нефеду руки назадъ, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ, кивалъ имъ головой, кричалъ что-то, но за шумомъ и крикомъ казаки не слышали его словъ. Замѣтно, что онъ прощался съ ними.

— Прощай, прощай, товарищъ! кричали казаки Нефеду.

— Прощай, прощай, любезный кумъ! кричалъ, въ числѣ другихъ, и Иванъ Метлинъ. Теперь, чай, вспомнилъ меня, да поздно, добавилъ онъ тономъ ироніи, хотя и напрасно, потому что Нефедъ не могъ слышать его словъ. Говорилъ я тебѣ, что въ книгѣ блаженнаго Августина...

— Перестань, Иванъ! сказалъ Ефремовъ тономъ увѣщанія и укора, схвативъ Метлина за руку. Какъ тебѣ не грѣхъ насмѣхаться надъ челоувкомъ въ безвременьи.

— Ахъ! Кузьма Семенычъ! возразилъ Метлинъ плачевнымъ голосомъ.—Радъ бы молчать, да сердце не терпять. Вѣдь онъ, Нефедъ-то, кумъ мой, и жаль мнѣ его, и досада-то беретъ: вѣдь изъ-за жены и пропадаетъ...

— Молчи! не время объ этомъ толковать, сказала сурово и повелительно Ефремовъ.

Метлинъ замолчалъ.

Между тѣмъ киргизы, плывшіе Нефедѣ, подѣхали къ своимъ и смѣшались съ толпой. Нефедъ пропалъ и его никто уже больше не видалъ, по-крайней-мѣрѣ живаго.

Вскорѣ все киргизское собранье столпилось въ одну кучу, потомъ раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и отхлынуло отъ казаковъ въ разныя стороны. Казаки дивились и радовались такому обороту дѣла. Въ послѣдствіи, по показанію мирныхъ киргизовъ, объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ, и объявилъ киргизамъ, что команды тѣ сейчасъ, сію минуту должны прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищей. Киргизы, не могшіе справиться съ одной командой, натурально боялись встрѣтиться еще съ нѣсколькими, и удалились въ степь, держась разныхъ направленій.

А гдѣ вспомогательныя команды харкинская и калмыковская?—

Дома. Онъ и не думали ѣхать на выручку красноярской. — Почему? Да потому, что и въ Харкиномъ и въ Калмыковой узнали про погоню красноярскихъ казаковъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда Красноярцы возвращались на Уралъ.

Казакъ, молодой парень, поскакавшій гонцомъ въ Харкинской форпостъ, подъ самымъ почти этимъ форпостомъ, въ лугахъ, между кустарникомъ тальника, неожиданно столкнулся съ киргизами. Въ тотъ день, пользуясь случаемъ, что не было нигдѣ пикетовъ, киргизы разъѣзжали по лугамъ въ дачахъ Харкинского форпоста, и высматривали добычи. Семеро киргизовъ, нечаянно, изъ-за кустовъ, вдругъ бросились на казака съ пиками. Погибъ бы казакъ, еслибъ только на мгновение остановился и вздумалъ защищаться. Одному противъ семерыхъ возможно ли устоять! Казакъ прыгнулъ съ коня и бросился въ кусты, киргизы бросились за нимъ, и успѣли ранить его пикой, но не смертельно. Спасаясь, казакъ кинулся въ воду, въ разливы, и прятался въ трущебы тальника и куги, залитыхъ водой. Забившись въ воду по самую шею, казакъ просидѣлъ тутъ весь день. Уже ночью, истекая кровью, онъ выплелся изъ трущебы и съ величайшимъ трудомъ дотащился до Харкинского форпоста, когда уже дѣло въ степи было кончено.

Въ Калмыковскую крѣпость поѣхалъ старикъ Михайло Бакировъ, и не по наряду: какъ старикъ, онъ уволенъ былъ отъ всякой службы, а по собственной охотѣ: ему нужно было и безъ того тамъ быть. Сватъ его, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, женилъ сына, и въ тотъ день дѣлалъ заключительный пиръ для однихъ близкихъ родственниковъ. Вотъ къ этому-то родственнику Михайло Михайлычъ и собрался ѣхать въ гости.

— Зачѣмъ посылать нарочнаго: васъ и безъ того мало, говорилъ онъ казакамъ, хлопотавшимъ о томъ, кого бы послать другимъ гонцомъ. Кстати, я ѣду въ Калмыковъ по случаю; ну, и ваше дѣло справлю — будьте благонадежны.

И поѣхалъ Михайло Михайлычъ въ Калмыковъ и пріѣхалъ туда благополучно. Но дѣла казачьяго, какъ общалъ, не справилъ—вотъ бѣда! Во всю дорогу онъ думалъ больше объ ожидавшемъ его пирѣ, чѣмъ о казачьемъ дѣлѣ; а пріѣхавъ въ Калмыковскую крѣпость, онъ прямо съ коня попалъ въ объятія свата и всей честной компаніи (сватъ жилъ на самомъ краю крѣпости, какъ въѣзжать въ нее изъ красноярскаго форпоста). Тутъ пошли обниманья, да поздравленья, начались тары-бары, да раस्ताбары, то о томъ, то о другомъ, а потомъ, по обычаю пред-

ковъ, и чарочка загуляла. Такъ не мудро, что безпечный старикъ совсѣмъ забылъ о казацкомъ дѣлѣ. Вспомнилъ объ немъ уже тогда, когда на пиръ пришелъ калмыковскій есаулъ, а онъ пришелъ въ компанію уже вечеромъ, когда зажгли огни. Слѣдовательно и калмыковской командѣ поздно было скакать за Уралъ. Притомъ еще Михайло Михайлычъ, сообщая эту новость калмыковскому есаулу, прехладнокровно прибавилъ:

— Пустяшно дѣло, саулъ! наши только сгоряча погнади, на вѣй вѣтеръ, что называется, и теперича, чай, ужь дома.

— Ну, коли пустяшно дѣло, такъ нечего и толковать, сказалъ есаулъ. Значить, можно погулять?

— Можно!.. сказалъ Михайло Михайлычъ, и со всей беззаботностью махнулъ рукой.

Красноярцы возвратились на Уралъ, но долго, долго помнили этотъ славный и несчастный день.

Славенъ этотъ день для казаковъ былъ тѣмъ, что горсть казаковъ, меньше чѣмъ 30 человекъ, выдержала нападеніе огромнаго скопища ордынцевъ, и съ честью возвратилась на Уралъ. Несчастенъ этотъ день былъ тѣмъ, что два казака погибли. Семенъ Азовсковъ*, раненый киргизскимъ наездникомъ пикой въ лобъ, на третій день умеръ, а бѣдняжка Нефедъ Ж...нъ остался въ рукахъ киргизовъ и погибъ.

Спустя два мѣсяца, въ самую сенокосную пору, пришелъ въ домъ Нефедѣ киргизъ изъ числа мирныхъ и съ подобающею таинственностію, свойственною ордынцамъ, объявилъ плачущей нефедовой женѣ, что мужъ ея лежитъ въ степи тамъ-то. Тотчасъ послали туда команду, и привезли на форпостъ полумстлввшій трупъ несчастнаго Нефедѣ.

Плѣнивъ Нефедѣ, киргизы отдали его въ полное распоряженіе брату того самаго киргиза, котораго Нефедъ, при столкновеніи, ранилъ изъ ружья. Пока раненый киргизъ былъ живъ — живъ былъ и Нефедъ, но когда киргизъ умеръ, тогда братъ умершаго зарѣзалъ Нефедѣ и тѣло его бросилъ въ степи на съдѣньѣ волкамъ. Но Бочка, имя киргиза, который указалъ, гдѣ лежалъ трупъ бѣднаго казака, наблюдалъ за этимъ трупомъ и берегъ его по возможности отъ совершеннаго истребленія. Не думайте, однакожь, не воображайте, что Бочка дѣлалъ это изъ какихъ-либо челоувколюбивыхъ побужденій. Совсѣмъ нѣтъ. Побужденіе въ этомъ дѣлѣ у киргиза было одно — корысть. Онъ зналъ, что за указаніе, гдѣ лежало тѣло казака, онъ получитъ — и получилъ, разумѣется, — *сююнчи*, т. е. вознагражденіе.

ЮАСАФЪ ЖЕЛѢЗНОВЪ.

* Житель калмыковской крѣпости. Въ тотъ годъ онъ былъ въ стойкѣ въ Красноярскомъ форпостѣ, т. е. состоялъ въ линейной красноярской командѣ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

БОРРО,

АНГЛІЙСКАГО МИССІОНЕРА ВЪ ИСПА- НІИ.

I.

Въщій сонъ.—Пріѣздъ.—Великолѣпная Синтра.—Плохой учитель.—Еще
плохой учитель.—Религіозное образованіе Португаліи.

При самомъ началѣ моего пути случилось очень странное про-
исшествіе. Мы вѣхали въ Лиссабонъ и только что миновали мысъ
Финистерре. Утромъ море сильно бурлило. Я стоялъ на палубѣ
и разговаривалъ съ двумя матросами. Одинъ изъ нихъ, только
что вылезшій изъ своей койки, сказалъ: — Я видѣлъ пресквер-
ный сонъ; мнѣ снилось, будто я упалъ съ мачты въ море.

Слова эти, кромѣ меня, слышали многіе изъ его товарищей.
Спустя нѣсколько минутъ, капитанъ парохода, замѣтивъ, что
буря усиливалась, приказалъ убрать верхніе паруса. Этотъ ма-
трось, въ числѣ другихъ, полвзъ наверхъ. Только что начали
спускать рей, какъ сильный порывъ вѣтра повернулъ его, и кто-
то полетѣлъ сверху въ кипучія волны. Черезъ нѣсколько минутъ
онъ вынырнулъ; я увидѣлъ его голову посреди разъяренной пѣ-
ны и узналъ несчастнаго матроса, который за нѣсколько ми-
нутъ предъ тѣмъ рассказывалъ намъ свой въщій сонъ! Ни-
когда не забуду я его взгляда, исполненнаго страшнаго отчаянія,

когда пароходъ нашъ пролетѣлъ мимо. Ударили, разумеется, тревогу; всѣ бѣжали, толкали другъ друга. Нужно было по-крайней-мѣрѣ двѣ минуты, чтобы остановить пароходъ, а этимъ временемъ несчастный остался далеко назади. Я однако не спускалъ съ него глазъ и видѣлъ, какъ онъ отчаянно бросался съ волнами. Наконецъ спустили лодку, къ несчастію, безъ руля; могли прінскать только два весла, съ помощью которыхъ было весьма трудно подвигаться во время бури. Впрочемъ гребцы сдѣлали все, что могли; они были уже недалеко отъ тонувшаго, какъ вдругъ онъ исчезъ. Гребцы рассказывали потомъ, что видѣли, въ прозрачныхъ волнахъ, какъ несчастный, съ поднятой рукою кверху, съ окостенѣлыми уже членами, погружался все глубже и глубже. Спасти его не было никакой возможности. Скоро море начало стихать, какъ будто удовлетворившись этой добычей. Погибшій былъ прекрасный, всѣми любимый молодой человекъ лѣтъ двадцати семи, единственный сынъ вдовы, лучшей матросъ въ экипажѣ. Это печальное происшествіе случилось 11-го ноября 1835 г. на лондонскомъ купеческомъ пароходѣ.

На слѣдующее утро мы вошли въ главную лиссабонскую гавань. Первое мое вступленіе на твердую землю было не слишкомъ пріятное; не прошло и часа, какъ я началъ съ сожалѣніемъ вспоминать о Россіи, гдѣ я оставилъ добрыхъ друзей и знакомыхъ.

Отдѣлавшись отъ придирчивыхъ и грубыхъ таможенныхъ, я отправился искать квартиру, и съ трудомъ нашелъ довольно скверную и дорогую. На другой день я нанялъ слугу—Португальца. Моей неизмѣнной привычкой было всегда, прїѣзжая въ какую-либо страну, брать въ услуженіе туземца. Я дѣлалъ это преимущественно для того, чтобы скорѣе усовершенствоваться въ языкѣ. Имѣя большую способность къ изученію языковъ и зная нѣсколько древнихъ и новыхъ, я, спустя двѣ недѣли, говорилъ по португальски довольно плавно.

Скажу теперь нѣсколько словъ о Лиссабонѣ, который достоинъ вниманія каждаго путешественника. Вездѣ я видѣлъ въ немъ слѣды страшнаго землетрясенія, бывшаго, какъ извѣстно, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. Городъ стоитъ на семи холмахъ; на самомъ возвышенномъ изъ нихъ находится церковь св. Георгія. Но несмотря на свои огромныя развалины, Лиссабонъ замѣчательнѣйшій городъ на югъ Европы. Я не имѣю намѣренія входить въ подробности описанія мѣстности и только скажу, что

этотъ городъ также достоинъ замѣчанія артиста, какъ и Римъ. Хотя въ Лиссабонѣ нѣтъ храма, подобнаго храму св. Петра, за то никакой памятникъ древняго или современнаго Рима не можетъ сравниться съ лиссабонскимъ водопроводомъ, который черезъ всю сѣверо-восточную долину несетъ на своихъ аркахъ холодную, чистую воду и выливаетъ ее въ гранитную истерну, находящуюся въ прекрасномъ зданіи, называемомъ: *Матерь Водъ*, откуда снабжается весь Лиссабонъ свѣжей водою, хотя источникъ ея находится въ семи миляхъ отъ него.

Я не имѣлъ намѣренія долго оставаться ни въ Лиссабонѣ, ни въ Португаліи; цель моя была Испанія, куда я и хотѣлъ отправиться въ самомъ скоромъ времени. Библейское общество желало и здѣсь начать благотельные труды свои, состоящіе въ распространеніи слова Божія. До-сихъ-поръ въ Испанію не пропускался ни одинъ экземпляръ библіи; не такъ какъ въ Португаліи, гдѣ со времени политическаго переворота ввозъ и продажа Библіи дозволены. Что касается до меня, то я хотѣлъ начать мои дѣйствія недалеко отъ Лиссабона, и первый выездъ мой былъ въ Синтру. Если есть мѣсто на земномъ шарѣ истинно волшебное, то, безъ сомнѣнія, это Синтра.

Подъ этимъ именемъ должно разумѣть цѣлую страну съ городами, дворцами, скалами, лѣсами, мавританскими развалинами. Все это обнимаетъ великолѣпной рамкой дикую, безплодную, мрачную гору, составляющую черту горизонта, съ юго-западной стороны Лиссабона; сколько прелести, величія и вкуса въ куполахъ храмовъ, башняхъ, въ гигантской растительности, цвѣтахъ и кристалльныхъ водопадахъ! Историческія воспоминанія развалинъ Синтры также чудны, какъ и ея природа. Долгое время спустя послѣ изгнанія Мавровъ, въ извѣстномъ мѣсяцѣ въ году, священно-служители пророка приходили сюда молиться на гробницу славнаго Сиди. Въ одномъ изъ этихъ дворцовъ, юный король Себастьянъ, собиралъ послѣдній совѣтъ передъ романическимъ походомъ своимъ противъ Мавровъ. Тутъ, въ палатахъ, подъ тѣнью высокихъ деревьевъ жилъ когда-то Іоаннъ де-Кастро, вице-король Гоа, который заложилъ волосы изъ бороды своего мертваго сына, чтобы исправить развалившуюся крѣпость, осаждаемую Индѣйцами.

На разрушенныхъ камняхъ, противъ дверей его дворца, видны еще санскритскіе стихи Веды, вывезенные Іоанномъ изъ Гоа, — гдѣ онъ совершилъ свои славные подвиги. Куда ни взглянешь,

вездѣ воспоминанія прошедшаго возстаютъ на великихъ его развалинахъ!

Съ Синтры начались мои ученія путешествія. На другое же утро, осматривая развалины, я встрѣтилъ очень любезнаго тамошняго священника. На вопросъ мой о народномъ образованіи, възвренномъ его попеченіямъ, онъ отвѣчалъ, что народъ въ самомъ жалкомъ положеніи, что весьма немногіе умѣютъ читать и писать. Что касается до школъ, то здѣсь только и есть одна, въ которой не болѣе пяти или шести учениковъ, да и та теперь закрыта. Но, говорилъ священникъ, въ деревнѣ Колхаресъ, которая отстоитъ не болѣе, какъ на милю, есть школа. Между прочимъ онъ очень тонко замѣтилъ мнѣ, какъ такой образованный народъ, какъ англичане, рѣшаются ѣздить въ Синтру, въ которой нѣтъ ничего ни замѣчательнаго, ни полезнаго для литературы и науки. Въ этихъ словахъ достойнаго патера я чувствовалъ легкую насмѣшку; но я и самъ не былъ простъ; я принялъ его замѣчаніе какъ самую лестную похвалу и, снявъ шляпу, простился съ нимъ, кланаясь какъ можно учтивѣе.

Въ Колхаресъ я увидѣлъ школу вѣроятно не лучше той, которой не видѣлъ въ Синтрѣ. Я нашелъ учителя въ маленькой комнатѣ съ дюжиной учениковъ, стоящихъ передъ нимъ въ рядъ. Онъ обошелся со мною, какъ нельзя любезнѣе, поцѣловался и показалъ мнѣ книги, по которымъ училъ:—все просвѣщеніе ограничивалось азбукой. Тутъ же онъ разсказалъ, что правительство, поддерживающее школы, весьма рѣдко платитъ учителямъ, почему многіе изъ нихъ оставили свои должности. Что же касается до изученія священнаго писанія, о чемъ я, разумется, спросилъ, какъ о главномъ моемъ предметѣ, учитель отвѣчалъ, что родители, нуждающіеся въ помощникахъ для своихъ полевыхъ работъ, берутъ обыкновенно дѣтей изъ школъ въ такомъ возрастѣ, когда они еще не могутъ понимать духовныхъ предметовъ. Тутъ же онъ объявилъ, что имѣетъ копію съ Новаго Завета; но это были только Посланія Апостоловъ съ огромными нотами и поясненіями.

— Зачѣмъ эти поясненія? спросилъ я; развѣ вы думаете, что безъ нихъ народу опасно читать священное писаніе?

— Разумется нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но безъ поясненій эти простые люди извлекутъ слишкомъ мало пользы, не понимая того, что читаютъ.

Я схватилъ шляпу и началъ откланиваться, замѣтивъ одна-

ко г. учителю, что все эти ученые комментарии гораздо труднее понимать, чем самый текст, которому они служатъ объясненіемъ и который написанъ именно съ тою цѣлью, чтобы служить духовнымъ свѣтильникомъ равно для всехъ людей.

Быль я еще въ сосѣдней деревнѣ, Мафрѣ, гдѣ нашелъ такую же плохую школу, но за то отличную бібліотеку.

Мафра—большая деревня; не далеко отъ нея находится огромное, великолѣпное зданіе, какъ дворецъ, бывшее прежде монастыремъ. Въ этомъ зданіи теперь помѣщена лучшая бібліотека въ Португаліи, состоящая изъ книгъ на всехъ языкахъ, по всемъ отраслямъ наукъ. Тутъ не было, какъ въ прежнія времена, монаховъ, которые съ заботливымъ стараніемъ сохраняли эти ученые сокровища. Монахи оставили это жилище во время политическихъ смутъ. Теперь оно представляетъ видъ печальнаго запустѣнія и ввѣрено двумъ или тремъ слугителямъ.

Осматривая бывшій монастырь, я встрѣтилъ тамъ красиваго мальчика и попросилъ его показать тамошнюю школу. Съ видимою неохотой повелъ онъ меня, увѣряя, что въ школѣ не было ничего любопытнаго и что она состояла изъ полдюжины учениковъ, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Дорогой мальчикъ успѣлъ рассказать мнѣ, что учитель ихъ изъ монаховъ, оставившихъ монастыря, что онъ очень ученый человекъ и говоритъ по-французски и по-гречески. Подойдя къ дому, гдѣ жила эта ученость, мальчикъ указалъ мнѣ на дверь, а самъ остался на улицѣ.

Меня встрѣтилъ низенькій, плотный старикъ, довольно угрюмаго вида и спросилъ по-французски, что мнѣ угодно. Я объяснилъ ему свою цѣль, прося извиненія, что потревожилъ почтеннаго учителя.

— Кто вамъ сказалъ, что я учитель, тотъ солгалъ, произнесъ онъ:—я монахъ и болѣе ничего.

— Но монастыри упразднены, сказалъ я, и монахи разошлись; правда ли это?

— Правда... правда! отвѣчалъ онъ со вздохомъ и замолчалъ. Во время минутнаго молчанія добрая его натура побѣдила, кажется, чувство досады; онъ вынулъ табакерку и протянулъ ее ко мнѣ. Хотя я терпѣть не могу табаку, однако взялъ щепочку и мы тотчасъ же стали короткими пріятелями. Онъ забросалъ меня вопросами о новостяхъ въ Лиссабонѣ и въ Испаніи. У насъ завязался предлинный политическій разговоръ. Я нѣсколько разъ сводилъ рѣчь на школу, но монахъ все уклонялся отъ этого пред-

мета и объявилъ на-чисто, что о школь и ученіи ничего не знаетъ. На возвратномъ пути, я встрѣтилъ опять мальчика и узналъ, почему онъ остался на улицѣ. Онъ боялся показаться на глаза учителю-монаху, который могъ подумать, что мальчикъ привелъ меня къ нему и объявилъ мнѣ о его новомъ званіи. Почтенный монахъ никакъ не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ иностранцевъ зналъ, что онъ школьный учитель.

Дорогой я спрашивалъ мальчика, знаетъ ли онъ, или его родители священное писаніе, и читаютъ ли они его когда нибудь. Изъ отвѣта оказалось, что онъ даже не понимаетъ о чемъ я спрашивалъ. Мальчику этому было по-крайней-мѣрѣ пятнадцать лѣтъ; онъ былъ очень понятливъ и имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ. Въ послѣдствіи я съ грустію удостоверился, что двѣ трети тамошняго народонаселенія, столько же знали объ этомъ важномъ предметѣ, какъ и онъ. Въ деревняхъ въ открытомъ полѣ, на перекресткахъ, у колодцевъ, вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ простой народъ, я спрашивалъ дѣтей о святомъ писаніи — и они не понимали, о чемъ я говорилъ! На другіе вопросы они отвѣчали довольно удовлетворительно. Меня всего болѣе удивило природное краснорѣчіе простаго народа въ Португаліи; они объясняются чистымъ и правильнымъ языкомъ, а между тѣмъ рѣдкій изъ нихъ умѣетъ читать. Въ Англіи совсѣмъ напротивъ, не смотря на то, что конструкція англійскаго языка гораздо проще, чѣмъ португальскаго.

По возвращеніи въ Лиссабонъ, я нашелъ тамъ одного изъ нашихъ друзей, и имѣлъ съ нимъ большое совѣщаніе о распространеніи Евангелія. Онъ совѣтовалъ мнѣ дѣйствовать чрезъ книгопродавцевъ и уличныхъ букинистовъ, разумѣется, платя имъ извѣстный процентъ. Но по деревнямъ опасно было посылать купцовъ; народъ, находящійся въ рукахъ духовенства, могъ принять ихъ весьма худо. Поэтому я рѣшился, передъ выѣздомъ изъ Португаліи, устроить дѣло о продажѣ книгъ въ одномъ или двухъ провинціальныхъ городахъ. Послѣ того я осмотрѣлъ еще нѣкоторыя мѣста и отправился въ Эвору съ двадцатью экземплярами Новаго Завета и двумя экземплярами Библии.

II.

Безпокойная ночь.—Разбойники.—Пріятная встрѣча.—Удивительный пастьухъ.—Вѣздъ въ кущю.

Претерпѣвъ на Таго сильную бурю во время прилива, про-

моксіе до костей, мы наконецъ достигли вечеромъ большой деревни, называемой Алдеа Галлега. Было уже темно, когда мы сошли на берегъ; но пущенныя со всѣхъ сторонъ ракеты освѣтили нашъ путь. Эта несожиданная торжественность произошла оттого, что мы прѣехали на канунъ церковнаго праздника, какъ мнѣ здѣсь же сказали.

Такъ какъ въ тамошнихъ трактирахъ нѣтъ обыкновенія снабжать путешественниковъ съестной провизіей, то я и отправился отыскивать себѣ пищу и нашелъ ее наконецъ, за довольно дорогую цѣну. На слѣдующій день надо было вѣхать. Подрядивъ муловъ къ пяти часамъ утра, я легъ спать; въ той же комнатѣ помѣстился и мой слуга. Уголь этотъ былъ единственный свободный номеръ во всей гостинницѣ. Но увы! въ продолженіе всей ночи нельзя было и глазъ сомкнуть. Подъ нами была конюшня, гдѣ спали извозчики съ мулами; а сзади скотный дворъ. Съ одной стороны мычаніе, съ другой бляніе, хрюканье, кваканье на всевозможные лады. Какъ тутъ спать? Я слышалъ, какъ били деревенскіе часы до четырехъ утра; у меня не стало терпѣнья; я всталъ, одѣлся и послалъ моего слугу шаторопить муловщика.

Наконецъ мы собрались. Къ намъ присоединился еще хозяинъ муловъ, дядя нашего извозчика; онъ хотѣлъ проводить насъ до Эворы. Едва мы выѣхали на песчаную дорогу, какъ вдругъ пронеслись мимо насъ пять или шесть верховыхъ, въ полномъ вооруженіи. Я спросилъ у нашего новаго спутника, что значилъ этотъ боевой видъ. Онъ отвѣчалъ: что дороги опасны, и тутъ же разсказалъ мнѣ нѣсколько самыхъ странныхъ исторій о разбойникахъ. Этимъ не кончилось. Мы вѣхали въ перельсокъ; извозчикъ началъ понть муловъ, въ виду разрушенной стѣны. «Это, сказалъ намъ вожатый, указывая на стѣну, остатки стараго трактира, который былъ прежде притономъ извѣстнаго разбойника Сабоча. Сабочъ этотъ, лѣтъ 60 тому назадъ, имѣлъ цѣлую шайку; они грабили и убивали всѣхъ, кто имѣлъ несчастье останавливаться въ ихъ трактирѣ, примыкавшемъ съ одной стороны къ лѣсу. Удаленный отъ жилья, трактиръ этотъ представлялъ всѣ выгоды для ихъ преступныхъ подвиговъ. Послѣ смерти Сабоча, домъ его былъ срытъ по повелѣнію правительства.

Но бандиты и до-сихъ-поръ посѣщаютъ эти развалины; они тутъ укрываются, пьютъ, вѣдятъ и выжидаютъ себѣ поживы,

потому что отсюда видна вся проезжая дорога. Старикъ, дядя нашего извозчика, увѣрялъ меня, что два мѣсяца тому назадъ, возвращаясь съ мулами изъ Алдеа Галлега, онъ былъ остановленъ страшнымъ разбойникомъ, съ огромными усами и бакенбардами, который приколотилъ его до полусмерти, обобралъ до-чиста и пустилъ нагишомъ. Десять дней спустя, старикъ увидѣлъ этого чловѣка въ Вендасъ Новасъ (гдѣ и намъ приходилось ночевать). Разбойникъ тотчасъ узналъ старика и, отведя въ сторону, началъ угрожать ему смертію, если онъ вздумаетъ донести на него. Старикъ увѣрплъ его, что ничего не сдѣлаетъ; и дѣйствительно, схватить разбойника было бы совершенно бесполезно; а для обвиняющаго, напротивъ, было бы весьма опасно, потому что, по неизмѣнно свидѣтелей, разбойникъ получилъ бы свободу, и тогда—чего бы онъ не сдѣлалъ, чтобъ отмстить.

Я подошелъ къ развалинамъ и увидѣлъ остатки огня и возлѣ него разбитыя бутылки. Положивъ на камняхъ нѣсколько напечатанныхъ молитвъ и Новый Завѣтъ, я поспѣшилъ удалиться.

Наконецъ солнце разсыяло утренній туманъ и въ воздухѣ стало теплѣе. Мы вѣхали около часа, какъ вдругъ послышался издали конскій топотъ. Минуть черезъ 20, насъ настггли нѣсколько всадниковъ. Впередн вѣхалъ молодой чловѣкъ въ щегольскомъ дорожномъ костюмѣ; немного позади скакалъ офицеръ съ двумя солдатами и мальчикомъ въ ливрѣ. Передовой всадникъ, поравнявшись съ моимъ слугой, спросилъ у него, кто я—французъ или англичанинъ. Узнавъ, что я англійскій путешественникъ, онъ спросилъ еще, понимаю ли я по-португальски. Тотъ отвѣчалъ, что я понимаю этотъ языкъ, но вѣроятно, лучше говорю по-французски и по-итальянски. Тогда молодой чловѣкъ, подѣхавъ ко мнѣ, заговорилъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ, безъ малѣйшаго иностраннаго акцента, и еслибы не его фізіономія (въ англійской фізіономіи есть что-то, почему всякій можетъ узнать англичанина), я бы могъ подумать, что говорилъ съ своимъ соотечественникомъ.

Мы пріѣхали все вмѣстѣ въ маленькую деревушку, состоящую изъ двухъ домовъ и трактира. Тутъ же находилось нѣчто въ родѣ сарая, или казармы, гдѣ помѣщалось подлѣжины солдатъ. Во всей Португаліи ни одинъ постоялый дворъ вѣроятно не пользуется такой дурной репутаціей, какъ этотъ, справедливо названный *Estalagem de Ladroes*, т.-е. разбойничей харчевней.

И действительно, бандиты со всехъ окрестныхъ мѣстъ собирались сюда тратить въ шумныхъ пирахъ деньги, добытыя грабежемъ. Когда мы вошли въ трактиръ, въ огромной кухнѣ насъ приветливо встрѣтилъ пылающій каминъ съ поставленными возле горшками, изъ которыхъ поднимались благовонныя пары разныхъ блюдъ, напомнившіе мнѣ, что я не вѣлъ съ самаго утра и прохалъ пять миль верхомъ. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько человекъ довольно звѣрской наружности; ихъ смѣло можно было принять за бандитовъ, если они въ дѣйствительности не были ими. Я сдѣлалъ имъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и, къ величайшему моему удивленію, получилъ весьма учтивый отвѣтъ; даже одинъ изъ нихъ, который умѣлъ читать, принялъ отъ меня брошюру духовнаго содержанія.

Новый спутникъ мой предложилъ мнѣ обѣдъ съ величайшей любезностью, и тутъ я узналъ, что онъ донъ Жеронимо Жозе д'Азвето, и служить секретаремъ въ Эворѣ, а гусарскій офицеръ, слѣдовавшій за нимъ, его братъ, главная квартира котораго находилась тамъ же. Донъ Жеронимо воспитывался въ Англіи съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, этимъ только и можно было объяснить его превосходный выговоръ. Разговоръ нашъ шелъ о политикѣ и литературѣ, и Жеронимо чрезвычайно удивился, услышавъ, что я знаю почти всехъ знаменитыхъ португальскихъ писателей. Онъ былъ въ восторгѣ. Ничто такъ не лестно для португальца, какъ встрѣтить чужеземца, знающаго ихъ литературу и говорящаго объ ней съ похвалою; они, по справедливости, могутъ гордиться ею.

Около двухъ часовъ, мы снова отправились въ путь. Мы вхлѣли по такимъ же безплоднымъ мѣстамъ, какъ и прежде; на дорогѣ осмотрѣли дворецъ послѣдняго португальскаго короля, въ деревнѣ Вендасъ Новасъ. Дворецъ не представлялъ ничего особеннаго, кромѣ великолѣпной кухни, которая могла накормить за одинъ разъ цѣлос селеніе.

Отсюда природа стала замѣтно измѣняться; мы увидѣли зеленые холмы и долины; пробковыя деревья и азангири вдругъ обступили насъ со всехъ сторонъ. На послѣднихъ росли вкусныя плоды въ родѣ каштановъ, называемые *болотасъ*; въ зимнее время они составляютъ главную пищу тамошнихъ отлчнхъ свицей. Но самый прелестный видъ ожидалъ насъ въ Монте-Альпо. Это небольшая гора, вся покрытая деревьями. Свѣтлый источникъ шумитъ у ея подножія. Когда я провѣзжалъ

через него, солнце ярко освещало изумрудную зелень, по которой паслось стадо барановъ, звеня своими маленькими колокольчиками. Къ довершенію этой сельской картины я увидѣлъ и пастуха, сидящаго подъ тѣнью азагира, — и какого пастуха! На плечахъ его лежало претвратительное животное, въ родъ ящерицы, которое онъ поймалъ въ ближнемъ источникѣ. На шеѣ этой ящерицы была веревочка, которую онъ держалъ въ одной рукѣ. Возлѣ него, съ одной стороны, лежалъ мѣшокъ, изъ котораго выглядывали двѣ или три престранныя морды; съ другой — былъ волченокъ, котораго онъ хотѣлъ сдѣлать ручнымъ. Самъ пастухъ казался такимъ же дикимъ, какъ и окружающія его животныя. Я спросилъ его, умѣетъ ли онъ читать; но онъ ничего не отвѣчалъ. Тогда я спросилъ, имѣетъ ли онъ понятіе о Богѣ, объ Иисусѣ Христѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и указалъ на солнце. Я, кажется, понялъ его отвѣтъ. Онъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что Богъ поставилъ на небѣ солнце для освѣщенія міра. Нравственное состояніе этого дикаря, при всемъ жалкомъ его невѣдѣніи, казалось мнѣ утѣшительнѣе, чѣмъ гордое, самоувѣренное заблужденіе отпадшаго. Дикій человекъ близокъ къ природѣ; онъ не можетъ не составить себѣ какого нибудь понятія о Богѣ, тогда какъ извращенный умъ отказывается отъ него. Довольный молчаливымъ отвѣтомъ пастуха, я оставилъ его и поспѣшилъ къ моимъ спутникамъ, которые тѣмъ временемъ уѣхали довольно далеко.

Была уже темная ночь, когда мы достигли Эворы. Простившись съ моими новыми друзьями, я съ своимъ туземцемъ отправился на постоялый дворъ Ларго де-санъ-Франциско, который, по увѣренію муловщика, былъ лучшей гостинницей во всемъ городѣ. Мы вѣхали въ кухню; въ концѣ ея, по тамошнему обыкновенію, находилась стойла. Гостинницу эту содержали двѣ женщины: одна старая, похожая на цыганку, другая молоденькая, красивая, дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она была дочь старухи. Домъ былъ помѣстительнѣе. Верхній этажъ, почти во всю длину дома, состоялъ изъ огромной комнаты; въ остальной части были маленькія комнатки, довольно порядочныя, но очень холодныя отъ черепичнаго пола, которымъ была выстлана и большая комната, гдѣ обыкновенно ночевали муловщики. Послѣ ужина я отправился спать, довольно тѣмъ, что сдѣлалъ опасный переходъ безъ всякихъ неприятныхъ приключеній.

III.

Жалкое состояніе народнаго просвѣщенія.—Дѣйствія миссіонера.—Контра-
бандисты.—Суевѣріе.

Эвора—небольшой городокъ, окруженный стѣнами; но укрѣпленія его такъ неправильны, что не выдержатъ и одного дня осады. Въ немъ пять воротъ; съ юго-западной стороны, передъ ними находится мѣсто народныхъ гуляній, тутъ же бываетъ и ярмарка въ Ивановъ день. Дома вообще старинныя и многіе пусты. Въ шести миляхъ къ юго-востоку поднимаются синъюція горы, изъ которыхъ самая высокая Серра-Дарсо. Въ живописныхъ, темныхъ ея пещерахъ водится много волковъ и дикихъ кабановъ.

Въ первые дни я бродилъ по городу и окрестностямъ, распрощивалъ всѣхъ съ кѣмъ встрѣчался. Люди эти, большею частію, принадлежали къ среднему классу, лавочники, купцы. Изъ ихъ отвѣтовъ я увидѣлъ, что народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Тутъ не было ни одной школы, даже ни одной книжной лавки. Когда же я начиналъ говорить о религіи, они смотрѣли на меня какъ-то тупо, кланялись и уходили какъ можно скорѣе.

Имѣя при себѣ рекомендательное письмо къ одному купцу на рынокъ, я отправился въ его лавку и засталъ его за конторкой. Во время разговора съ нимъ, я замѣтилъ, что онъ сильно негодовалъ на прежнюю систему правленія, во время которой имѣлъ много непріятностей. Я сказалъ ему откровенно, что недостатокъ духовнаго просвѣщенія всего болѣе поддерживалъ въ народѣ прежній образъ мыслей, и что вѣрнѣйшее средство избѣжать подобнаго несчастья было образованіе ума и сердца. Я прибавилъ, что привезъ съ собою нѣсколько экземпляровъ Библіи, которые желаю сдать на руки какому нибудь почтенному продавцу для распространенія ихъ въ народъ, и если ему угодно служить для общей пользы, то онъ ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ принять на себя исполненіе этого святаго дѣла. Купецъ охотно согласился, и я, уходя, обѣщалъ подѣлиться съ нимъ половиною моего духовнаго сокровища. Въ гостинницѣ моей ожидало меня совершенно другое зрѣлище. Я усѣлся на бревнѣ противъ огромнаго устья камина нашей общей залы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на каменномъ полу, стояли на колыняхъ два молодые человѣка весьма сомнительной наружности, передъ

ними лежала цѣлая куча стараго желѣза и мѣди; они разбирали ее и раскладывали въ разные мѣшки. Люди эти были испанскіе контрабандисты, самаго низкаго класса, занимающіеся переноской этой дряни, мимо таможенъ, изъ Португаліи въ Испанію. Они не сказали другъ другу ни одного слова, и когда я заговаривалъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, отвѣчали мнѣ какимъ-то мычаніемъ. Выраженіе ихъ лицъ было также холодно и грубо, какъ желѣзо, которымъ они пріобрѣтали насущный хлѣбъ. Но хозяйка гостинницы и ея дочь были ко мнѣ весьма внимательны; онѣ усѣлись возлѣ меня и стали разспрашивать объ Англіи. По другую сторону камина сидѣлъ человекъ, одѣтый какъ наши матросы; но онъ не былъ англичанинъ и сознался, что не очень ихъ жалуешь. Впрочемъ, при концѣ разговора мы помирлись и даже сдѣлались друзьями. Онъ былъ изъ Палмеллы, не далеко отъ св. Уба, имѣлъ нѣсколько лошадей, муловъ, и торговалъ хлѣбомъ. Я замѣчаю этого человека потому, что скажу о немъ нѣсколько словъ послѣ.

Время проводилъ я довольно пріятно. Въ полумиліи отъ сѣверной стороны есть каменный водоемъ, гдѣ муловщики и другіе горожане обыкновенно поятъ свой скотъ. Ежедневно я проводилъ у колодца часа по два, заговаривая со всеми кто приходилъ туда, и могу сказать, что въ продолженіи всего моего пребыванія въ Эворъ, я переговорилъ по-крайней-мѣрѣ съ двумястами португальцевъ о важномъ предметѣ ихъ душевнаго спасенія. Но увы! въ весьма немногихъ можно было замѣтить самыя слабыя слѣды книжнаго образованія; никто изъ нихъ даже не видѣлъ Библии, нѣкоторые вовсе не желали знать ея содержанія! И при всемъ томъ эти люди были отчаянные фанатики! Когда они говорили мнѣ, что они христіане, я отвѣчалъ имъ, что нельзя быть христіаниномъ, не зная живыхъ словъ Христа и его ученія. Я не могъ не прибавить, что если бы ихъ духовные наставники были истинными служителями Бога, то не оставили бы паствы Его безъ изученія религіи.

Не смотря на увѣщанія мои, нерѣдко строгія, и при всемъ фанатизмѣ народномъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что меня не гнали и не оскорбляли. Самъ я тоже дѣйствовалъ безъ малѣйшаго страха, и это вѣроятно происходило отъ глубокаго увѣренія въ покровительство Бога. Я имѣлъ твердую надежду, что слова мои далеко западутъ въ сердца слушателей, и замѣчалъ, какъ многіе изъ нихъ, отходя, казалось, размышляли. Я далъ имъ по нѣ-

сколько книжекъ, и думаю, что эти брошюры, переходя со временемъ изъ рукъ въ руки, принесутъ хоть малую пользу.

На слѣдующій день я отправился отыскивать моего друга донъ-Жеронимо д'Азвето. Его не было дома, но мнѣ указали на епископскій дворецъ, куда онъ пошелъ. Я засталъ Жеронимо за письменнымъ столомъ съ другимъ господиномъ, которому мой новый другъ меня и представилъ. То былъ эворскій губернаторъ. Онъ принялъ меня необыкновенно любезно. Поговоривъ немного, мы всѣ вмѣстѣ пошли осматривать древнее зданіе, бывшее, какъ говорили, въ прежнія времена храмомъ Діаны. Одна часть его очевидно была римской архитектуры, судя по стройнымъ, легкимъ колоннамъ, поддерживающимъ куполъ, подъ которымъ вѣроятно возносились когда-то куренія жертвъ, приносимыхъ въ даръ поэтической богинѣ лэсовъ. Къ сожалѣнію, внутренность храма между колоннами была завалена обломками строеній, принадлежавшихъ позднѣйшему времени. Колоннада эта примыкаетъ съ одного конца къ зданію, гдѣ некогда засѣдало инквизиціонное судилище; до постройки теперешняго дворца, оно было мѣстопробываніемъ епископа. Внутри строенія, гдѣ живетъ губернаторъ, въ огромной, великолѣпной готической залѣ, я видѣлъ богатую бібліотеку и возлѣ нея собраніе картинъ, большею частію портретовъ, писанныхъ португальскими художниками. Тамъ я нашелъ портретъ донъ-Себастіана; мнѣ было бы пріятнѣе, если бы онъ не имѣлъ сходства съ оригиналомъ. Картина представляетъ неуклюжаго парня лѣтъ семнадцати, съ бездушными глазами и съ толстой шей.

Вечеромъ я обѣдалъ съ донъ-Жеронимо и съ его братомъ, гусарскимъ офицеромъ, который вскорѣ ушелъ по дѣламъ службы. Когда мы остались одни, Жеронимо съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія началъ описывать жалкое невѣжество нисшаго класса народа. Онъ и пріятель его, губернаторъ, хотѣли завести вблизи школу и просили правительство о дозволеніи помѣстить ее въ пустомъ монастырѣ, находящемся въ одной милѣ оттуда; но, какъ видно, немного надѣялись на успѣхъ своей просьбы. Я еще прежде открылъ ему свои собственныя намѣренія относительно распространенія Евангелія, и чрезвычайно обрадовался, услышавъ объ его планахъ. Я только умолялъ д'Азвето употребить всю усилія, чтобы основаніемъ воспитанія положено было божественное слово, и тутъ же предложилъ ему свои экземпляры Библии, которые привезъ собой въ Эвору. Жеронимо съ большой

готовностью принялъ мое предложеніе и отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все возможное для исполненія моего плана, который нѣкоторымъ образомъ былъ его собственнѣйшій. Я сказалъ въ заключеніе, что прѣхалъ въ Португалію не для распространенія какого-либо особаго догмата, но съ единственной надеждой указать народу настоящій путь къ душевному спасенію, одинаковый для всѣхъ людей, къ какой бы церкви они ни принадлежали. Мы разстались поздно вечеромъ; на слѣдующее утро я послалъ ему книги съ полнымъ убѣжденіемъ и надеждой, что наконецъ благодатный свѣтъ христіанства взойдетъ надъ этой страной и разгонитъ мракъ заблужденія.

Въ тотъ же день, т. е. въ субботу, я разговорился съ чело-вѣкомъ изъ Палмеллы, о которомъ упомянулъ выше, и между прочимъ спросилъ, не случалось ли ему встрѣчаться съ разбойниками во время путешествій. Онъ отвѣчалъ, что не встрѣчался съ ними, потому что ѣздилъ всегда не одинъ. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, еслибы я былъ и одинъ, то и тогда мнѣ нечего бояться; я хорошо защищенъ.» Вѣроятно оружіемъ, замѣтилъ я. «Вотъ все мое оружіе», сказалъ онъ, вынимая длинный англійскій ножъ, который находится у каждого простолюдина въ Португаліи. «Но главная моя защита не этотъ ножъ.» На вопросъ мой, въ чемъ она состоитъ, онъ разстегнулъ платье и показалъ мнѣ на шеѣ небольшой мѣшечекъ на шелковомъ шнуркѣ. «Въ этомъ мѣшечкѣ зашитъ талисманъ, написанный весьма сильнымъ чело-вѣкомъ», сказалъ онъ, «и покуда я буду носить его, со мною не случится никакого несчастія.»

Хозяйка дома и дочь ея тоже носили подобные талисманы, которые, какъ онъ увѣряли, предохраняютъ ихъ отъ колдовства, во что вѣрить простой народъ не только въ Альтемджо, но, я думаю, и въ другихъ провинціяхъ Португаліи. Въ этихъ амулеткахъ виденъ еще остатокъ грубыхъ понятій народа, который, руководясь сильнымъ фанатизмомъ, ищетъ спасенія въ обманѣ шарлатана и пренебрегаетъ знаніемъ настоящаго смысла религіи.

Какъ простое, неиспорченное сердце бессознательно подчиняется всякому влиянію, каково бы оно ни было, я имѣлъ тому живой примѣръ на другой день. Утромъ, въ воскресеніе послѣ обѣда я зашелъ въ нашу общую кухню. Тамъ у огня сидѣла дочь нашей хозяйки. Сказавъ со мною нѣсколько словъ, она спросила, не хочу ли я почитать ихъ книги, такъ какъ день былъ воскресный, и, не дожидаясь отвѣта, принесла съ полдюжины

различныхъ книгъ. То были большею частію народныя легенды и жизнеописанія святыхъ; между ними я нашелъ переводъ сочиненія Волпея—«Паденіе государствъ.» Это не мало удивило меня. Я спросилъ, какъ попала къ нимъ эта книга. Она отвѣчала, что ес за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ принесъ одинъ молодой человекъ, ревностный конституціонистъ, настоятельно прося ихъ читать ее, потому что, по его мнѣнію, это лучшее сочиненіе въ мірѣ. Я, разумеется, сказалъ ей, что сочинитель этой книги былъ врагъ Христа; что онъ имѣлъ одну цѣль—низверженіе религіи и взры въ будущую жизнь. Дѣвушка слушала меня съ большимъ вниманіемъ; когда я кончилъ, она встала, принесла сухихъ щепокъ и, не говоря ни слова, принялась разводить огонь; потомъ, взявъ изъ моихъ рукъ книгу, бросила ее въ огонь, а сама села напротивъ, набожно перебирая свои четки, пока листы не обратились въ пепелъ. Такимъ образомъ было совершено *auto de fé*, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ слѣдующіе дни я опять ходилъ къ колодезю или ѣздилъ на ослѣ по окрестностямъ, съ намѣреніемъ раздавать мои печатныя поученія. Нѣсколько листовъ я разбросалъ по дорогѣ, гдѣ всего болѣе проходило народа, въ надеждѣ, что многіе подымутъ ихъ и полюбопытствуютъ узнать ихъ содержаніе; потому что, я былъ увѣренъ, мои слова не могли бы имѣть большаго успѣха.

Во вторникъ вечеромъ я простился съ моимъ другомъ Азвето, намѣреваясь на другой день отправиться въ Ансабонъ. Возвратясь въ трактиръ, я нашелъ нѣсколько контрабандистовъ, только что прибывшихъ изъ Испаніи. Это былъ молодой, славный пародъ, разговорчивый и учтивый, не такъ, какъ тѣ двое, которыхъ я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ. Въ оиъ говорилъ прекраснымъ испанскимъ языкомъ и по-видимому не высоко цѣнилъ португальское нарѣчіе. Между ними завязался жаркій споръ, изъ котораго я съ удовольствіемъ узналъ, что все они умѣли читать. Самому старшему изъ нихъ, человеку лѣтъ пятидесяти, я предложилъ брошюру на испанскомъ языкѣ. Онъ разсматривалъ ее нѣсколько минутъ съ большимъ вниманіемъ, потомъ сталъ посреди комнаты и началъ читать вслухъ, тихо и выразительно; товарищи сѣо подошли къ нему и стали прислушиваться, нѣредко дѣлая ободрительныя замѣчанія. Читающій нѣсколько разъ обращался ко мнѣ, прося растолковать ему нѣкоторыя фразы, ссылающіяся на текстъ св. писанія, потому что никто изъ нихъ не

только не читаль, но даже никогда не видяль ни Старого, ни Новаго Завѣта!

Люди эти, хотя и просвѣщенные крестьянѣ, стоятъ все-таки на весьма низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Они также вѣрятъ въ колдовство и въ непобѣдимую силу амулетовъ; я въ этомъ убѣдился чрезъ нѣсколько часовъ. Ночью поднялась буря. Было около девяти часовъ, когда вдругъ мы услышали конскій топотъ и вслѣдъ за тѣмъ сильный стукъ въ двери. Когда ихъ отворили, къ намъ влетѣлъ верхомъ человекъ съ разстроеннымъ видомъ, въ разорванной одеждѣ и босой. Вокругъ его огромной шляпы были натыканы розмариновыя вѣтви. Человекъ этотъ, казалось, былъ пораженъ ужасомъ и объявилъ намъ, что вѣдьмы провожали его всю дорогу и шептались надъ его головою. Онъ вѣхалъ съ испанской границы съ мукою и другими вещами; чрезъ нѣсколько минутъ явилась и жена его, вся промокшая и тоже на конѣ. Я спросилъ контрабандистовъ, зачѣмъ у него былъ розмаринъ на шляпѣ. Они очень серьезно отвѣчали, что это предохранительное средство отъ колдовства и опасныхъ случаевъ въ дорогѣ. Мнѣ не удалось высказать моего мнѣнія объ этомъ спасительномъ средствѣ, потому что экипажъ мой былъ приговоренъ къ пяти часамъ утра, а времени оставалось немного для отдыха; я простился съ ними и отправился спать.

IV.

Отчаяніе пьянаго муловника.—Страхъ отъ темноты.—Страхъ отъ богатства.—Жидовское племя.

Съ восходомъ солнца я уже былъ на ногахъ. Войдя въ кухню, я нашелъ спящими, въ одномъ углу у потухающаго кампа, вчерашняго ѣздока и его жену. Они скоро проснулись и, услышавъ, что я вду, жена предложила мнѣ вѣтви розмарина для счастливаго пути. Я имѣлъ глупость принять подарокъ, не желая оскорбить ее. Муловникъ мой былъ готовъ; я простился съ добрыми хозяевами и отправился въ путь съ мопомъ слугою.

Мулы наши были отличныя. Хозяинъ ихъ, краснощекий отставной солдатъ наполеоновской арміи, объявилъ, что для него они дороже жены и дѣтей. Онъ чрезвычайно гордился своимъ прежнимъ званіемъ, хотя былъ Португалецъ, и изъяснялся на ломаномъ французскомъ языкѣ, презирая свой собственный. Выѣхавъ за городъ, онъ остановился у какого-то большаго дома и сошелъ съ

козелъ, говоря, что боится ъхать далѣе, потому что на дорогѣ могутъ напасть на насъ разбойники; во избѣжаніе подобной встрѣчи, онъ предлагалъ немного подождать, такъ-какъ изъ этого дома должны были вскорѣ отпратиться попутчики въ сопровожденіи солдатъ, за которыми и мы могли ъхать. Я отвѣчалъ, что ничего не боюсь, и приказалъ продолжать путь; но онъ куда-то скрылся, оставивъ насъ посреди дороги. Нечего было дѣлать, пришлось дожидаться. Мы простояли почти часъ. Въ это время подъехали къ дому два экипажа, вѣроятно за попутчиками, но какъ они еще не были готовы, то муловщики сошли съ козелъ и тоже куда-то скрылись. Спустя полчаса, явился попутчикъ и, уложивъ чемоданы, стали звать кучеровъ; но они не являлись. Начались поиски совершенно бесполезные. Прошелъ еще часъ, пока могли сыскать новыхъ вожатыхъ; но тутъ опять случилась остановка за конвоемъ, нужно было два раза посылать въ казармы. Наконецъ все уладилось и попутчики мои тронулись.

Но моего муловщика все еще не было; я уже думалъ, что онъ насъ совершенно бросилъ, какъ вдругъ онъ появился на улицѣ, мертвецки пьяный! Простоявъ нѣсколько минутъ передъ повозкой, увѣряя, что онъ совсѣмъ не такъ пьянъ, какъ кажется, онъ послѣ необычайныхъ усилій влѣзъ на самаго низенькаго мула, на которомъ было сѣдло, и поскакалъ сломя голову. Прѣхавъ такимъ образомъ по большой дорогѣ до перваго узкаго поворота, муловщикъ вдругъ свернулъ въ проселокъ, который, по увѣршенію его, былъ въ-двое короче, такъ что мы въ нѣскольکو минутъ должны были нагнать нашихъ попутчиковъ. Но Боже мой, что это за дорога! мы неслись по страшнымъ ухабамъ; повозка трещала; я каждую минуту ожидалъ, что насъ вышвырнетъ на десять сажени. Наконецъ это стало до того невыносимо, что я закричалъ нашему вожатому по португальски, чтобы онъ остановился; но онъ еще сильнѣе сталъ работать кнутомъ. Слуга умолялъ меня повторить мое приказаніе по французски, потому что, если что нибудь могло на него подѣйствовать, такъ вѣроятно это было единственное средство. Я послушался и сказалъ кучеру, что хочу идти пѣшкомъ. Португалецъ мой былъ правъ. Муловщикъ тотчасъ остановился и произнесъ:

— Вы господиш; вы только приказывайте, а я долженъ повиноваться.

Когда мы снова выбрались на большую дорогу, попутчики наши были съ четверть мили впереди. Едва мы успѣли въ

*

экинажъ, какъ наполеоно: жій вопнъ опять понесся во весь духъ; съ намъреніемъ догнать ихъ. Отъ этого движенія плащъ его свалился съ плечъ; онъ хотѣлъ одѣть его и выронилъ изъ рукъ возжи. Въ ту же минуту одинъ изъ муловъ запутался въ нпхъ и упалъ подъ самое колесо. Я полетѣлъ въ грязь; муловщикъ свалился на задавленнаго мула.

— Пьяница! закричалъ я, не помня себя отъ досады, ты стыдился говорить на своемъ родномъ языкѣ, а не стыдишься пьянствовать. Полюбуйся, что ты надѣлалъ. Ты убилъ бѣднаго мула, который кормилъ тебя.

— Потерпите, отвѣчалъ тотъ, стараясь поднять бѣдное животное. Но напрасно, мулъ былъ мертвъ.

Кучеръ какъ ни былъ пьянъ, началъ однако понимать свою потерю.

— Окольтъ! произнесъ онъ въ раздумьи, глядя на бездыханное животное. Ну, чтожъ? на то воля Божья, коли п окольтъ... нечего говорить. Потерпимъ.

Я послалъ своего слугу въ городъ нанять новыхъ муловъ и, вынувъ чемоданы, свѣлъ на дорогъ, ожидая его возвращенія.

Въ продолженіе этого времени, голова муловщика начала по немногу освобождаться отъ внипыхъ паровъ. Онъ вдругъ увидѣлъ весь ужасъ своего положенія; со смертію мула прекращалось единственное средство его существованія. Онъ началъ въ слухъ исчислять весь его достоинства и добродѣтели; дѣйствительно, мулъ былъ отличный въ своемъ родѣ. Къ довершенію несчастія, изъ города прибѣжалъ тринадцати-лѣтній сынъ старика и горько зарыдалъ, при видѣ мертваго животнаго. Это уже было слишкомъ для бѣднаго горемыки. Онъ закричалъ на сына, а самъ съ отчаянія кинулся на землю.

— Одинъ, я перенесъ бы мою потерю, какъ ни тяжело, говорилъ онъ, но не могу слышать, когда сынъ плачетъ. Я съума сойду!

Я далъ ему нѣсколько монетъ и присовокупилъ увѣщаніе, что если онъ перестанетъ нить, то, вѣроятно, Богъ поможетъ ему и вознаградитъ потерю. Когда муловщикъ немного успокоился, мы снова уложили чемоданы и возвратились въ городскую гостиницу, гдѣ меня ожидалъ молодой кучеръ съ парой отличныхъ муловъ. Жаль, что я не нашелъ уже тамъ испанки, снабдившей меня розмариномъ; я бы непременно сказалъ ей, какъ мало онъ принесъ пользы.

Много встрѣчалъ я пьяницъ Португальцевъ; все они, безъ

исключенія, бывали по нѣскольکو лѣтъ за границей и возвращались оттуда съ пренебреженіемъ къ' роднѣи и со всеи пороками другихъ народовъ. Советую всеи путешественникамъ, провзажающимъ Испанію и Португалію, никогда не брать въ услуженіе тѣхъ, которые не хотятъ говорить на своемъ родномъ языкѣ. Это самый худой признакъ, потому что послѣ любви къ Богу, любовь къ отечеству есть лучшій хранитель отъ всякаго рода пороковъ и преступленій; тотъ, кто гордится своей родной, не будетъ унижать ее своимъ поведеніемъ.

Подкрѣпивъ себя пищею въ Монте-Моро, мы продолжали путь по дорогѣ къ Лиссабону. Въ одномъ дикомъ мѣстѣ насъ нагналъ какой-то всадникъ. Человѣкъ этотъ былъ средняго роста, слабо сложенія и вѣхалъ на отличномъ испанскомъ конѣ. Одежда всадника была очень живописна: широкая надвинутая на глаза шляпа, голубое платье съ большими серебряными пуговицами и такими же застежками; желтые кожаные панталоны и высокіе сапоги. У сѣдла его висѣло ружье. Онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, желаю ли я ночевать въ Вендасъ Новасъ. Узнавъ, что это было мое намѣреніе, онъ предложилъ вѣхать вмѣстѣ. Тогда онъ посмотрѣлъ на солнце, уже склонявшееся къ горизонту, и сталъ умолять меня вѣхать какъ можно скорѣе, чтобы за-свѣтло добраться, потому что болото, по которому намъ приходилось вѣхать было, по его увѣренію, самое опасное мѣсто. Онъ поскакалъ впередъ, я съ своимъ слугою сзади, а за нами молодой муловщикъ.

Но едва мы провзали мило по болоту, какъ темная ночь сгустилась надъ нами. Мы были на страшно дикой дорогѣ, съ высокими кустарниками по обѣимъ сторонамъ. Вдругъ нашъ всадникъ остановился, объявивъ, что не можетъ вѣхать въ темнотѣ, и просилъ меня отправиться въ авангардъ. Мнѣ показалось, что онъ дрожитъ. Я спросилъ его о причинѣ этого внезапнаго страха. Онъ отвѣчалъ, что прежде для него все равно было — день или ночь, но что нѣскольکو лѣтъ тому назадъ онъ началъ бояться темноты, особенно въ дикомъ мѣстѣ. Я, разумѣется, согласился исполнить его просьбу, но какъ тѣма сдѣлалась такая, что вѣлзя было различить своей руки, то я каждую минуту сбивался съ дороги. Это вывело его изъ терпѣнія, и онъ опять по-вѣхалъ впередъ. Такимъ образомъ мы вѣхали довольно долго; но всадникъ опять остановился, увѣряя, что такой мракъ для него невыносимъ. Лошадь его, казалось, тоже раздвляла этотъ па-

нической страхъ: она тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Тогда я посоветовалъ ему приблизиться къ молитвѣ; но онъ громко вскрикнулъ, и схвативъ ружье, выстрѣлилъ на воздухъ. Отъ этого выстрѣла лошадь его понеслась вскачь и мой мулъ кинулся за нею. Слуга мой съ мальчикомъ муловщикомъ остались назадъ. Мы неслись какъ вихрь, только нескры изъ-подъ копытъ, ударяющихъ о камни, освѣщали на мгновеніе дорогу. Я вовсе не понималъ куда мы мчались; къ счастью наши животныя отлично знали дорогу и, благодаря имъ, мы въ нѣсколько минутъ пріѣхали въ Вездасъ Новасъ, гдѣ скоро нагнали насъ и наши отсталые спутники.

Я думалъ сначала, что мой передовой всадникъ трусъ, но вышло совсѣмъ иначе; днемъ онъ былъ неустрашимъ какъ левъ. Я узналъ, что однажды, когда онъ ѣхалъ одинъ, на него напали два разбойника; онъ связалъ имъ руки назадъ и передалъ ихъ полиціи. Ночью же—упавшій листокъ приводилъ его въ трепетъ. Мнѣ удавалось видѣть подобныя страшныя явленія въ людяхъ, необыкновенно отважныхъ.

Въ трактиръ Вездасъ Новасъ мы едва могли помѣститься. Онъ былъ занятъ семействомъ и свитой какого-то Фидальго, который тоже отпиривался въ Лиссабонъ и везъ съ собою большую сумму денегъ. Несмотря на многочисленность сопровождавшихъ его людей, въ числѣ которыхъ былъ его сынъ и племянникъ (все они были страшно вооружены), Фидальго, какъ видно, не на шутку боялся пустаго мѣста, по которому мы ѣхали, и попросилъ еще четырехъ солдатъ въ подкрѣпленіе своему отряду. Паружность этого человѣка мнѣ не понравилась. У него былъ длинный носъ, загнутый крючкомъ, маленькіе хитрые глаза; на устахъ его безпрестанно блуждала ядовитая улыбка, что мнѣ казалось вѣрнымъ признакомъ хитраго и злаго характера. Онъ, когда мы ушлись всеъ вокругъ огня, обратился было ко мнѣ съ вопросомъ на испанскомъ языкѣ, но я, противъ обыкновенія, отвѣчалъ сухо и не продолжалъ разговора.

На другой день утромъ, я со вчерашнимъ моимъ спутникомъ, ночнымъ вздокомъ, снова отправился въ путь. Фидальго же уѣхалъ гораздо прежде насъ. Солнце было во всемъ блескѣ и панической страхъ моего товарища совершенно исчезъ. Когда мы проѣхали добрую милю, мальчикъ, сопровождавшій насъ, вдругъ сказалъ, что нѣсколько головъ показались въ кустахъ. Мой храбрецъ тотчасъ же схватился за ружье и, поднявъ лошадь на ды-

бы, направилъ дуло въ ту сторону, куда указалъ мальчикъ, но головы не появлялись и вѣроятно эта была фальшивая тревога.

Разумѣется, разговоръ между нами шелъ о ворахъ и разбойникахъ. Въ это время мы проѣзжали два возвышенія, находившіяся недалеко одно отъ другаго и командовавшія окрестной мѣстностью. Товарищъ мой, рассказывавшій цѣлыя исторіи о каждомъ холмикѣ, о каждомъ столбѣ, мимо которыхъ мы проѣзжали, объявилъ, что эти возвышенія были главнымъ наблюдательнымъ пунктомъ бандитовъ, что года два тому назадъ шайка ихъ, состоявшая изъ семи верховыхъ, стояла здѣсь нѣсколько дней и грабля всѣхъ проѣзжихъ, съ какой бы стороны они ни показывались. Мы къ счастью миновали эти мѣста совершенно безопасно и нагнали Фидальго съ его многочисленной свитой.

Вѣроятно, еслибы онъ везъ сокровища по пустынь Аравійской, то не взялъ бы большихъ предосторожностей. Племянникъ съ обнаженной саблей вѣхалъ впереди; у сѣдла его висѣло ружье и заткнуты были два пистолета. Сзади слѣдовала шеренга въ шесть человекъ, съ ружьями на плечахъ и съ топорами, вѣроятно для того, чтобы разкромить на двое перваго врага, который осмѣлится показать голову. Потомъ вѣхало шесть повозокъ съ кладью, двѣ послѣднія были заняты самимъ Фидальго и его семействомъ. Возлѣ каждой повозки былъ тоже вооруженный человекъ. Въ аррьергардѣ вѣхалъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, также вооруженный. Солдаты, у которыхъ были славныя лошади, скакали по разнымъ направленіямъ, разыскивая повсюду скрытаго врага. И при всемъ томъ, проѣзжая мимо этого вооруженнаго каравана, я подумалъ, что именно эти враждебныя приготовленія должны были непременно показать, что тутъ-то именно и должно искать поживы. Не знаю, какъ бы повели себя во время атаки солдаты и челядь Фидальго, но мнѣ кажется, что еслибы сзади изъ-за деревьевъ вдругъ выскочило трое смельчаковъ, не одобровать бы ларцу г. Фидальго, не смотря на всѣхъ его тылохранителей!

Съ этой минуты ничего достойнаго замѣчанія не случилось со мною по всему пути до Альдеа Галлега, откуда, переночевавъ, мы поплыли утромъ въ Лиссабонъ.

Въ столицѣ Португаліи я былъ только мимоходомъ; осмотрѣлъ заведенія англійскихъ католиковъ, да еще встрѣтился съ жидами. Ихъ всегда можно видѣть въ полдень. Они стоятъ кучами, прижавшись къ столбамъ, на концѣ извѣстныхъ улицъ. Одежда

ихъ состоитъ изъ красной шапки съ голубой шелковой кистью, голубаго тюника, подпоясанаго краснымъ кушакомъ и холстинныхъ шараваръ. Говорятъ они на ломаномъ португальскомъ языкѣ или на своемъ нарѣчїи съ примѣсью арабскаго языка. Я подошелъ къ нимъ и произнесъ по еврейски благословеніе. Мнѣ случилось быть съ жидами долгое время и я зналъ много словъ на ихъ языкѣ.

— Этотъ господинъ большой раввинъ, произнесъ одинъ голосъ по своему, надо намъ быть съ нимъ какъ можно учтивѣе.

Послѣ этой фразы они все приветствовали меня по еврейски. Я не выводилъ ихъ изъ заблужденія и скоро узналъ все ихъ житье-бытье въ Лиссабонѣ.

Евреевъ въ Европѣ раздѣляютъ на два класса, или синагоги, какъ иные называютъ ихъ, на португальскихъ и германскихъ. На первыхъ вообще смотрятъ, какъ на самыхъ образованныхъ и глубоко изучившихъ священный языкъ и преданія. Въ Лондонѣ есть большое зданіе, называемое синагогой Португальскихъ Евреевъ, гдѣ они совершаютъ свое богослуженіе со всевозможной пышностію и великолѣпіемъ. Зная все это, я, какъ англичанинъ, думалъ, что найду въ Португалїи главный центръ іуданзма. Какъ же я удивился, услышавъ отъ встрѣченныхъ мною жалкихъ жидовъ слѣдующіе рассказы :

— Мы не Португальцы, говорили они, мы изъ Варварійской земли, иные съ Востока, иные изъ Алжира. И они указывали на сѣверо-западъ.

— Но гдѣ же португальскіе жидаы? спросилъ я: — гдѣ тѣ, которые здѣсь родились?

— Мы никого не знаемъ, кромѣ нашихъ, отвѣчали они, хотя и слышали, что здѣсь живутъ и другіе. Если это правда, то тѣ хорошо дѣлаютъ, что не мѣшаютъ съ нами, потому что мы поганый народъ, все воры. Всякій годъ привозятъ изъ Могадара корабли воровъ, т. е. жидовъ.

— Ну, а ваши жены, дѣти, здѣсь съ вами?

— Ай, нѣтъ; мы ихъ оставили въ Могадаре или Сале, откуда мы сами.

— Есть у васъ по-крайней-мѣрѣ синагога, учитель?

— О, есть, но очень плохіе.

— Если они худы, зачѣмъ же вы ихъ слушаете!

— А какъ же намъ ихъ не слушать, какъ же мы будемъ жить? хотя они и учителя и худые, такіе же воры и мошенники

какъ мы, но они наши учителя, и мы ихъ боимся. Имъ повинуются духи и ангелы; они великіе колдуны и могутъ загнать души наши въ сырую землю и въ туманъ, какъ и ты самъ правдивый равинъ!

Вотъ безсмыслица, которую они мнѣ рассказывали и вѣроятно подобныя понятія распространены повсемѣстно. Невѣжество всегда идетъ рука объ руку съ порокомъ! Эти несчастные попираютъ нравственныя заповѣди закона, но никто изъ нихъ не будетъ вѣсть звѣря съ неразвоеннымъ копытомъ. Они не внимаютъ словамъ пророковъ, а вѣрятъ темнымъ изрѣченіямъ кабалы, произнесеннымъ такими же или еще большими обманщиками, чѣмъ они сами.

Дѣйствительно, было время, когда португальскіе Евреи славились своимъ богатствомъ, ученостью и образованіемъ. Но все это исчезло во времена инквизиціи. Тѣ, которые успѣли спастись, переселились за границу, преимущественно въ Англію. Въ настоящее время, несмотря на вѣротерпимость въ Португаліи, туземныхъ евреевъ никто не видитъ, только эти африканскіе выходцы показываются на улицахъ Лиссабона. Существуютъ однако удивительные рассказы, по которымъ можно заключить, что и прежне поколѣніе славныхъ Евреевъ не совсѣмъ исчезло изъ Португаліи; я тѣмъ менѣе въ этомъ сомнѣваюсь, что имѣлъ самъ престранную встрѣчу, о которой скажу въ своемъ мѣствѣ.

V.

Тяжелое чувство одиночества.—Идіотъ.—Запертыя монахи.—Чудная картина.—Алтарь Друидовъ.—Пустынная башня.—Дѣйствія миссіонера.—Встрѣча съ цыганами.

На пути въ Мадридъ мнѣ опять случилось поспѣтнть Монте Моро, гдѣ я уже былъ разъ, провзжая Эвору; но теперь я отправлялся съ однимъ муловщикомъ, безъ слуги, съ которымъ, къ великому сожалѣнію, долженъ былъ разстаться въ Альдеа Галлега. Ночью было такъ холодно, что несмотря на шубу, которой я занася въ Россіи, я продрогъ до костей.

На слѣдующее утро въ пять часовъ мулы мои были готовы; при нихъ находился паренъ лѣтъ 19 или 20-ти. Онъ былъ необыкновенно плотнаго сложенія, точно какъ сбитый, и имѣлъ огромнѣйшую голову, которая могла помѣститься на человѣчeskихъ плечахъ; шеи у него вовсе не было: только голова да

туловище; безобразное лицо вполне соответствовало всей фигурѣ. Когда я заговорилъ съ нимъ, то увидѣлъ, что онъ былъ идиотъ. Таковъ былъ мой товарищъ, съ которымъ я долженъ былъ проехать миль 100, т.-е. четыре дня, по самой дпкой и непроходимой дорогѣ во всемъ королевствѣ.

Мы тронулись. Мой молчаливый вожатый сидѣлъ, поджавши ноги, на навьюченномъ мулъ. Луна только что скрылась, утро было темно; воздухъ по обыкновенію пронизательно холодеетъ. Тихо и молчаливо тащились мы по страшному, темному лѣсу. Кругомъ ничего не было слышно, кромѣ тяжелой поступи нашихъ муловъ; ни одно дыханіе вѣтра не колебало вѣтвей, ни одно живое существо не выглянуло изъ-за темной чащи, птичка не пролетѣла надъ нашими головами — все было мертво и страшно. Никогда въ жизни моей, несмотря на дальнія, трудныя путешествія, такъ не томилъ меня одиночество и желаніе поговорить съ кѣмъ нибудь. Завести разговоръ съ идиотомъ не было никакой возможности. Онъ зналъ только свою дорогу, и на вопросы отвѣчалъ однимъ бессмысленнымъ смѣхомъ.

Мы ѣхали безостановочно. Ни бандиты намъ не показывались, ни даже обыкновенные путешественники. Въ Вендасъ Новасъ я былъ принятъ съ большимъ радушіемъ, подъ гостепримный кровъ гостинницы. Содержатель ея, Жозе Діазъ Азидо, былъ прекрасный человекъ и бралъ вдвое меньше, чѣмъ другіе. На другой день я поѣхалъ въ Монте Моро, и какъ ничто меня не торопило, хотѣлъ посмотреть развалины и другія строенія, покрывающія вершины и середину высокихъ холмовъ надъ городомъ. Пройдя сквозь широкую башню, отъ которой шла стѣна, окружающая весь холмъ, я вошелъ во внутренность строения. Влѣво стояла церковь, но я не могъ войти въ нее, потому что двери были заперты, а привратника не случилось. Я продолжалъ идти довольно долго по восточному валу, какъ вдругъ раздался страшный лай и огромный ибсъ, одинъ изъ тѣхъ, которые обыкновенно сторожатъ стада, налетѣлъ на меня съ оскаленными зубами. Отступи я, или замахнись чѣмъ-нибудь, онъ бы непременно разорвалъ меня въ куски; но я прибѣгнулъ къ средству, которое всегда употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ. Присѣвъ и согнувшись такъ, что подбородокъ мой касался колѣна, я началъ глядѣть прямо въ глаза собакамъ. Это фактъ, извѣстный многимъ народамъ, что никакое сильное, большое животное (исключая впрочемъ буйвола, который бѣжитъ на вра-

га съ закрытыми глазами,) не пойдеть на челоуька, встръчающаго его неподвижно, лицомъ къ лицу. Я говорю сильное, большое животное, потому что этимъ способомъ гораздо легче остановить, напримъръ, огромную собаку или медвѣдя, чѣмъ дрянную шавку, противъ которой камень и палка лучшая оборона. Легко повяты, что холодный, строгій взглядъ разумнаго существа, придаетъ только задорную смѣлость безсильному животному, которое легко успокоить побоями; тогда какъ ударъ или выстрѣлъ приводитъ въ бѣшенство сильнаго, заставляетъ его отважно бросаться на опасность и истреблять все вокругъ себя.

На ревъ собаки явился какой-то челоуькъ, вѣроятно ея господинъ; избавившись отъ нападенія пса, я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно этого мѣста. Челоуькъ этотъ, отставной солдатъ британской арміи, обошелся со мною весьма учтиво и сказалъ, что тутъ неподалеку есть женскій монастырь, куда мы и отправились. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ огромное полуразрушенное зданіе монастыря. Мы вошли въ темную каменную залу; въ одномъ углу ея находилось отверстіе, занимаемое большимъ столомъ съ поворотомъ, на который, т.-е. на столъ, клали обыкновенно вещи, принимаемыя монахами, или получаемыя отъ нихъ. Вожатый мой ударилъ въ колоколь и потомъ, не сказавъ ни слова, ушелъ, оставивъ меня одного. Но тутъ я услышалъ, хотя говорившая была невидима, тоненькій женскій голосъ. Меня спросили: кто я и зачѣмъ пришелъ. Я отвѣчалъ, что я англичанинъ, путешествую по Испаніи и желаю осмотрѣть эти мѣста. Тотъ же голосъ сказалъ опять:

— Я думаю вы военный и пришли сюда воевать противъ короля, какъ и другіе изъ вашихъ соотечественниковъ.

— Нѣтъ, я не военный, отвѣчалъ я:—иду не проливать кровь, но распространять слово Божье въ земль, гдѣ оно неизвѣстно.

Тутъ я оувѣдомился, была ли у нихъ Библия, но говорившая со мною не могла мнѣ дать на это никакого отвѣта и едва ли она понимала мой вопросъ. Я спросилъ еще, какъ монахи проводятъ время, и замѣтилъ, что оно должно казаться имъ необыкновенно долгимъ; но узналъ, что когда имъ нечего дѣлать, то онѣ приготавливаютъ сыръ и продаютъ его по сосѣдству. Пройдя по стѣнѣ, я услышалъ надъ собою молодой, звонкій смѣхъ и, поднявъ глаза, увидѣлъ въ окошкахъ нѣсколько темныхъ головокъ съ черными волосами; то были монахи, желавшія

посмотреть на чужеземца. Я сдвинулся и прощальный знак рукою и удалился.

День былъ необыкновенно жаркій не смотря на холодную ночь; блестящее солнце Португаліи освѣтило передо мной чудную картину. Группы корковыхъ деревьевъ стояли вдали по отлогостямъ зеленыхъ холмовъ, облитыхъ яркими лучами, двигались стада, щипля изумрудную траву. Тихое журчанье источника, бѣгущаго по камнямъ, долетало до моего слуха и наполнило всю мою душу удивительнымъ, сладостнымъ чувствомъ. Я съѣлъ на обвалившуюся стѣну и сталъ глядѣть на окружающую мѣстность. Воспоминанія о прошломъ носились предо мною какъ фантастическіе призраки. Солнце жгло меня раскаленными лучами; но я ничего не чувствовалъ, погруженный въ глубокое раздумье, и вѣрно просидѣлъ бы тамъ до вечера, еслибы внезапный выстрѣлъ изъ ружья, нарушившій царствующее вокругъ молчаніе, не прервалъ моихъ размышленій. Я вспомнилъ въ эту минуту, что оставалось еще три мили до гостиницы, гдѣ я хотѣлъ ночевать.

Долго мнѣ придется простраствовать по бѣлому свѣту, чтобы забыть этотъ полузаброшенный монастырь, эти развалины, принадлежація какому-то древнему храму, эти обвалившіяся стѣны, между которыми удалось мнѣ провести, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ часовъ въ моей жизни!

Возвратясь въ гостиницу, я замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какое-то смущеніе. Передъ огнемъ, въ глубокой горести, сидѣла хозяйка. Она сказала, что мужъ ея заболѣлъ холерой и лекаръ находитъ его положеніе безнадежнымъ. На это я отвѣчалъ, что еще есть надежда—на Бога, что надо обратиться къ Нему, и прибавилъ, что если она не умѣетъ молиться сама, то я готовъ исполнить это за нее, съ тѣмъ только, чтобы она мысленно соединила со мной искреннее желаніе души своей. Тогда я произнесъ молитву на португальскомъ языкѣ. Она слушала меня съ большимъ вниманіемъ, набожно сложа руки, и смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Когда я окончилъ, она не произнесла ни слова, изъ котораго я могъ бы заключить, какъ она приняла эту молитву. Въ это время мнѣ сказали, что мулы готовы; я пожелалъ хозяевамъ всего хорошаго и отправился по дорогѣ въ Арроіолосъ.

Для сокращенія пути, мы свернули на проселокъ. Дорога была страшная—песокъ и камни, какъ обнаженныя кости громад-

наго животнаго, покрывали всю степь, по которой можно было проехать только верхомъ. Многіе изъ этихъ камней поднимались изъ грунта, другіе лежали бокомъ на песокъ, вѣроятно опрокинутые всемірнымъ катаклизмомъ.

Вниманіе мое было привлечено великимъ столбомъ, въ основаніи котораго лежали огромныя камни; къ верху онъ суживался и завершался плоскимъ камнемъ, на подобіе навислой шапки. Это памятникъ давно минувшихъ временъ — алтарь Друидовъ; я ивовольно остановился передъ нимъ въ глубокомъ молчаніи.

Вокругъ него разсыпались въ прахъ великолѣпныя римскія храмы; отъ архитектуры аріанскихъ Готфовъ, пресмыквовъ ихъ величія, не осталось и слѣда; отъ мечетей Мавровъ, побѣдителей Готфовъ, видны въ пустынь однѣ мшистыя развалины; между тѣмъ какъ алтарь Друидовъ, воздвигнутый, можетъ быть, за три тысячи лѣтъ, Богъ знаетъ почему, остался цѣль и невредимъ въ своемъ гордомъ молчаніи.

Я прѣхалъ въ Арроіолосъ уже ночью; заплатилъ за ночлегъ страшно дорого, а по выѣздѣ оттуда на другое утро имѣлъ непріятность наткнуться на нѣяныхъ солдатъ, которые чуть не убилъ меня. Когда я проѣзжалъ мимо, одинъ изъ нихъ звѣрски взглянулъ на меня и началъ бранить иностранцевъ.

— Вотъ, напримѣръ, говорилъ онъ, этотъ французъ ѣдетъ верхомъ на лошади (я былъ на мулѣ), да еще съ чловѣкомъ! и пулю, вотъ видишь, давать ему дорогу и оказывать уваженіе, за то, что у него есть деньги; тогда какъ, бѣдный солдатъ, долженъ идти пѣшкомъ. Я бы такъ и всадилъ ему пулю въ лобъ. Почему онъ лучше меня? Но опъ иностранецъ, а чортъ помогаетъ иностранцамъ!

Солдатъ продолжалъ браниться. Отъѣхавъ нѣсколько впередъ, я засмѣялся; но лучше бы мнѣ было продолжать путь мой въ скромномъ молчаніи, потому что спустя мгновеніе двѣ пули свиснули мимо моихъ ушей. Къ счастью, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди была рѣчка; я кинулся черезъ воду на другой берегъ съ моимъ испуганнымъ провожатымъ и едва успѣлъ спастись. Одинъ муловщикъ изъ ближняго города, рассказывалъ потомъ, что и вся эта шайка солдатъ состояла изъ мошенниковъ, которые однажды ограбили его на дорогѣ и угрожали смертью, если опъ вздумаетъ на нихъ донести.

Я чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ наконецъ на холмѣ Естремозъ, менѣе чѣмъ за милю. Картина была дикая, но прекрас-

ная. Солнце погружалось въ середину кровавыхъ бурныхъ тучъ, и лучи его обливали красивымъ цвѣтомъ высокія стѣны города, къ которому мы приближались. Не далеко, на юго-западѣ, возвышалась Серра Дорсо—живописная гора въ Альтеморю, которую я видѣлъ изъ Эворы. Мой идіотъ повернулъ къ ней бессмысленное лице свое, и оно озарилось какимъ-то минутнымъ вдохновеніемъ—онъ вдругъ заговорилъ! заговорилъ о чудной охотѣ въ этихъ горахъ, о страшной собакѣ, которая жила тутъ не подальку съ своимъ господиномъ и ходила на волковъ и медвѣдей... много говорилъ!

Я выслушивалъ всѣ эти неожиданныя изліянія чувствъ моего бѣднаго вожатаго, покуда мы не пріѣхали наконецъ въ Естремозъ; холодъ былъ такой страшный, что не было возможности оставаться въ отведенной мнѣ комнатѣ. Я сошелъ въ кухню, гдѣ въ жерлѣ необъятнаго камня трещало цѣлое дерево. Вокругъ собралось множество народа: тутъ были крестьяне, фермеры, контрабандисты съ ближней границы, и я съ большимъ трудомъ нашелъ себѣ мѣстечко у огня, потому что здѣшній народъ весьма неповоротливъ, особенно для иностранца, при приближеніи котораго всякій испанецъ внутренно говоритъ себѣ: я понимаю, что тебѣ нужно, но съ мѣста не сойду.

Къ довершенію этого не совсемъ дружескаго пріема, случилась еще драка. Какой-то пьяница влетѣлъ верхомъ въ нашу огромную кухню и чуть не передавилъ народъ; его съ трудомъ выпроводили, но черезъ нѣсколько минутъ онъ опять явился пѣшій, едва держась на ногахъ; онъ подходилъ ко всемъ, ругался на ломаномъ французскомъ языкѣ и наконецъ пустилъ бутылкой въ одного Испанца, который имѣлъ неосторожность назвать его пьяницей. Испанецъ, какъ бѣшеный, кинулся на него съ пожемы; къ счастью я успѣлъ остановить его руку во-время. Пьяницу вывели и тутъ я узналъ, что онъ, какъ и извѣстный уже читателю муловщикъ изъ Эворы, былъ отставной солдатъ наполеоновской гвардіи. Послѣ этого происшествія все утихло и я на другой день спокойно продолжалъ путь мой, но такой же голой пустынь, какъ и прежде. Единственный предметъ, издавъ поразившій меня, была высокая древняя башня на холмѣ; у подножія его бѣжалъ источникъ, свѣтлый какъ кристалль. Я вскарабкался на башню по каменнымъ уступамъ, потому что лѣстницы не было, и увидѣлъ внутри небольшую келью шаговъ въ пять или шесть. Вѣроятно, съ пограничной башни этой,

откуда открывается видъ на всю окрестность, въ старые годы давали знать о приближеніи врага. Я уже собирался сойти съ нея, какъ вдругъ услышалъ снизу какой-то странный, двікій голосъ. Подойдя, я увидѣлъ сумасшедшаго нищаго въ лахмотьяхъ, лишенаго языка и слуха. Онъ сидѣлъ на голыхъ камняхъ; искаженное лицо его отвратительно двигалось во все стороны. Ничто не могло такъ страшно дополнить такой картины окружающей пустыни и молчаливой башни, какъ видъ этого несчастнаго, надъ головою котораго сумрачно тяготѣло свинцовое небо. И тутъ я еще разъ удостовѣрился въ справедливости чьего-то замѣчанія, что истина иногда бываетъ страшнѣе вымысла!

Я сѣлъ на мула и уѣхалъ.

На другой день, по приѣздѣ въ Ельвасъ, я познакомился съ весьма почтеннымъ купцомъ по имени Альмеда. Съ суровой паружностью онъ соединилъ теплую талантливую природу. Услышавъ, что я привезъ съ собою книги Священнаго Писанія, онъ тотчасъ же предложилъ пустить ихъ въ продажу между многочисленными его знакомыми и покупателями, отказавшись отъ всякихъ выгодъ для себя.

Устроивъ это важное дѣло такимъ неожиданнымъ образомъ, и не найдя ничего особеннаго въ городѣ, кромѣ одного форта въ окрестности, который мнѣ хотѣлось осмотрѣть (и въ который меня не пустили, потому что я Англичанинъ,)—я отправился съ новымъ провожатымъ къ испанской границѣ, тоже на мулѣ, но на этотъ разъ безъ поводьевъ и безъ стремянъ; приходилось управляться посредствомъ веревки. Я думалъ, что не доѣду до воинственной, славной Испаніи; но опасенія мои были несправедливы; мулъ, несмотря на свою большую ногу и слѣпой глазъ, пустился какъ стрѣла, такъ что черезъ полчаса мы перѣехали черезъ рѣку, на другомъ берегу которой, привѣтствовалъ меня голосъ по-испански, слѣдующими словами:—Подайте милостыню, благородный кавалеръ, на глотокъ вина!

Я былъ на испанской землѣ. Рѣчка, которую мы проѣхали, называется Акаія и составляетъ границу обонхъ королевствъ. Бросивъ мелкую монету нищему, я съ восторженнымъ чувствомъ кинулся впередъ, едва внимая благословеніямъ, которыя сыпалась на меня за скудное подаяніе. Но потомъ я узналъ, что нищій этотъ—отчаянный пьяница, обыкновенно днемъ сидитъ у границы и выпрашиваетъ милостыню у путешественниковъ, а

вечеромъ пропиваетъ се. За отказъ онъ осыпаетъ проклятіями также велеръчиво, какъ благодарностію за подаваніе.

Наконецъ я въ Испаніи. Первый городъ, въ которомъ я остановился, былъ Бадахось. По окрестностямъ его нельзя было судить о чудной, поэтической Испаніи: во все стороны тянулись пространныя болота, покрытыя мелкимъ лѣсомъ, называемымъ по-испански *карраско*; только вдали синюющія горы нѣсколько оживляютъ скучное однообразіе бѣднаго ландшафта.

Въ Бадахось, столицъ Эстремадуры, я въ первый разъ сошелся съ этимъ удивительнымъ народомъ—съ испанскими цыганами. Тутъ я узналъ сухорукаго Пако, который искусно работалъ ножицами, держа ихъ лѣвой рукой; его суровую жену Антонію, посвященную во все таинства ворожбы и обмановъ; наконецъ, отважнаго Антоніо Лопезъ, ихъ отца, и много другихъ не менѣ странныхъ и интересныхъ лицъ цыганскаго племени. Здѣсь въ первый разъ я проповѣдывалъ славу Божіе между цыганами и началъ переводить на ихъ нарѣчіе Новый Заветъ, который частію я напечаталъ потомъ въ Мадридѣ.

Проживъ три недѣли въ Бадахось, я собрался вхатъ въ Мадридъ. Въ то время, когда я укладывалъ мой скромный чемоданъ, вошелъ ко мнѣ цыганъ Антоніо въ своей остроконечной андалузской шапкѣ.

— Добрый вечеръ, братъ! пронзесъ онъ, наши говорятъ, что ты отправляешься послѣ завтра въ Мадрилати? (въ Мадридѣ).

— Да, отвѣчалъ я.

— Путь не близкій, продолжалъ цыганъ: — тамъ воюють, да и дороги не безопасны отъ воровъ и бандитовъ; ты не боишься вхатъ?

— Нѣтъ, судьба человека въ рукахъ Божьихъ.

— Я тоже не боюсь, братъ, сказалъ цыганъ, ночь или день, пустыня или городъ — для меня все равно. Я ношу на груди драгоцѣнный камень, который охраняетъ меня отъ всѣхъ несчастій.

— Какъ же ты можешь вѣрить, перебилъ я, чтобы бездушный камень могъ тебя спасти?

— Братъ! отвѣчалъ Антоніо, мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, а я еще крѣпокъ и силенъ. Какъ же бы это могло случиться, еслибы я не носилъ талисмана? Я былъ и солдатомъ, и контрабандистомъ; пускался на разныя почыныя продѣлки противъ Испанцевъ, пули французскихъ солдатъ и таможенныхъ не разъ свистѣли мимо

моихъ ушей, но ни одна меня не задвѣла, потому что со мной былъ всемогущій *баръ-лачи* (талисманъ). Тысяча разъ я затѣвалъ такія дѣла, за которыя, по здѣшнимъ законамъ, пришлось бы поплатиться головой, но никогда къ шеѣ моей не прикоснулось холодное желѣзо. Я вѣрю въ великую силу *баръ-лачи*; если я упаду посреди моря, то и тутъ не испугаюсь, потому что на груди у меня этотъ чудесный камень! Онъ приведетъ меня безопасно къ берегу; въ немъ сокрыты великія силы.

Я не хотѣлъ разувѣрять его, не имѣя на это времени и потому ничего не отвѣчалъ.

— Братъ! сказалъ вдругъ цыганъ, ты вѣрно не знаешь, зачѣмъ я пришелъ?

— Если не для того, чтобы проститься со мною, то не знаю, отвѣчалъ я; я не имѣю такого дара, какъ вы, отгадывать чужія мысли.

— Вотъ видишь ли, продолжалъ онъ: — я цѣлую ночь все думалъ, что мнѣ нужно ѣхать на Кастильскую границу, по нѣкоторымъ дѣламъ. Вотъ я и говорю самъ себѣ: иностранный господинъ тоже отправляется въ Мадрилати.

— Прежде, чѣмъ ты отправишься, мнѣ бы хотѣлось знать, зачѣмъ ты хочешь ѣхать на Кастильскую границу, сказалъ я.

— Это наши дѣла, отвѣчалъ онъ, — и я не долженъ говорить о нихъ. Довольно. Хочешь, или не хочешь — твоя воля. Въ Мадрилати идетъ большая дорога; можешь ѣхать и съ другими, въ повозкѣ, или на мулѣ, но только повѣрь, братъ, на дорогѣ много воровъ и нѣкоторые тоже и изъ нашихъ.

Вѣроятно немногіе на моемъ мѣстѣ согласились бы на предложеніе цыгана; оно для меня имѣло свою прелесть. Я никакъ не могъ предполагать, чтобъ у него были какія нибудь дурныя намѣренія на мой счетъ; напротивъ, онъ видѣлъ во мнѣ одного изъ своихъ, и привязанность его къ родному племени, соединенная съ ненавистью къ туземцамъ, были для меня достаточнымъ ручательствомъ. Мнѣ хотѣлось узнать покорооче испанскихъ цыганъ и вотъ представляется удобный случай при самомъ въѣздѣ въ Испанію. Какъ пропустить его? Однимъ словомъ, я рѣшился ѣхать съ цыганомъ.

— Хорошо, сказалъ я: — ѣдемъ! Что же касается до поклажи, я отправлю ее въ Мадриль прежде.

— Сдѣлай такъ, братъ, отвѣчалъ цыганъ: — лошади будетъ

легче. Къ чему поклажа, когда ѣдешь верхомъ? насъ осмѣютъ на дорогъ.

Вотъ какимъ образомъ я вошелъ въ тѣсную дружбу съ цыганами, и нахожу, что всѣ они, гдѣ я ихъ ни встрѣчалъ, гораздо общительнѣе, чѣмъ молчаливые Испанцы, съ которыми иностранецъ можетъ прожить цѣлый вѣкъ и не услышать ни одного слова, если не заговорить самъ; да и тутъ чаще всего Испанецъ отвѣтитъ: — не понимаю, и это только потому, что у нихъ между прочими предразсудками есть еще одно странное убѣжденіе, будто бы ни одинъ иностранецъ не можетъ говорить хорошо по-испански, хотя сами они слышатъ, какъ онъ говоритъ. Въ этомъ случаѣ Испанецъ непременно скажетъ:—Да, но онъ только эти слова и можетъ сказать, не болѣе.

VI.

Жилище Антоніо.—Разсказъ цыганки.

И такъ, рѣшившись ѣхать съ цыганомъ Антоніо, я явился къ нему ранехонько утромъ, еще до солнечнаго восхода. На дворъ было темно, но улица освѣщалась пукомъ горящей соломѣ, возлѣ которой сутились два или три человѣка, поворачивавшіе что-то надъ огнемъ.

— Войди, братъ! сказалъ Антоніо, показавшись въ эту минуту на порогъ своей неприхотливой хижины; мы повѣдимъ вотъ того, что жарится теперь на огнѣ.

То была отличная свинина.

Я вошелъ съ нимъ въ небольшую комнатку, которая нагрѣвалась посредствомъ *бразеро*, т. е. жаровни, наполненной горящими угольями. Возлѣ стоялъ массивный столъ, накрытый толстой скатертью, на немъ хлѣбъ и большое блюдо. Мы сѣли завтракать. Антоніо ѣлъ за троихъ.

— Есть ли у тебя паспортъ? спросилъ онъ, вставая.

Я показалъ ему паспортъ.

— Хорошо, тебѣ онъ можетъ пригодиться; мнѣ не нужно никакого. Мой паспортъ—*баръ-лачи*. Теперь выпьемъ по стакану вина—и въ дорогъ.

Онъ отправился въ конюшню, я вышелъ на улицу. Солнце еще не вставало и воздухъ былъ довольно холоденъ. Спустя несколько минутъ, я услышалъ лошадиный топотъ и вскорѣ появился Антоніо, ведя подъ уздцы назначеннаго мнѣ коня; за нимъ

следоваль муть. Я посмотрель на мою лошадь и пожаль плечами; уродливье я еще ничега не видываль въ жизни. Она была блесоватаго цвѣта, короткая, на замѣчательно длинныхъ ногахъ.

— Ты смотришь на коня, братъ? сказалъ Антоніо:—ему 18 лѣтъ, правда, но онъ одинъ изъ лучшихъ въ дель-Манро. Я всегда ѣзжу на немъ по нашимъ дѣламъ. Садись же верхомъ, братъ, садись, не бойся!

Я вскарабкался кое-какъ на коня и мы выехали за городъ.

— Однако, любезный другъ, сказалъ я, поворачиваясь на сѣдлѣ отъ нетерпѣнія, конь-то, кажется, очень плохъ — на-силу переступаетъ.

— Помилуй, братъ! воскликнулъ Антоніо:—да это самая быстрая лошадь въ дель-Манро! съ ней ни одна лошадь не сравняется; но ей 18-ть лѣтъ, и потому, особенно въ утренній холодъ, у нея не двигаются ноги. Дай только разогрѣться коню, ты увидишь, никакой уздой не удержишь! Я всегда беру ее, когда ѣзжу по нашимъ дѣламъ.

Въ ожиданіи этой счастливой переменъ, мы продолжали путь, и около полудня добрались до небольшой деревеньки, выстроенной на высокому холму.

— Здѣсь нашихъ нѣтъ, сказалъ мнѣ цыганъ, такъ надо остановиться въ обыкновенномъ трактирѣ.

Мы въехали, какъ водится, въ кухню, отвели въ стойло лошадь и мула и, устывшись возлѣ огня, спросили хлѣба и вина. Кромѣ насъ въ кухню еще сидѣли двое мужчинъ суроваго вида и курили сигары. Я сказалъ не помню что-то Антоніо по цыгански.

— Это что за языкъ? произнесъ одинъ изъ присутствующихъ, особенно замѣчательный огромными усами;—цыганское племя смѣетъ входить въ нашу деревню, да еще и говорить передо мной на своемъ проклятомъ языкъ? Развѣ это не запрещено законами! Какъ смѣетъ цыганъ входить въ Меркадо? Послушай, дружище! если я услышу еще одно слово на вашемъ поганомъ языкъ, то я сломаю вамъ обѣимъ шею.

— И ты поступишь весьма справедливо, присовокупилъ его товарищъ:—дерзости этихъ цыганъ нельзя болѣе сносить. Я пошелъ въ Бадахосъ на рынокъ, и вообрази, тамъ цѣлыми сотнями толкаются цыганы и разговариваютъ по своему. Я не понялъ ни одного слова. «Господинъ цыганъ, сказалъ я одному изъ нихъ, что вы хо-

тите за эту лошадь?» — «Десять долларовъ, кабалеро! отвѣчалъ цыганъ, это лучший конь во всей Испаніи.» — «Мнѣ бы хотѣлось сперва видѣть, какъ онъ бѣжитъ,» замѣтилъ я. — «Очень хорошо,» отвѣчалъ тотъ, вскочилъ на лошадь и шепнулъ что-то ей въ ухо по-цыгански; лошадь пошла какъ нельзя лучше. — «Я думаю, лошадь добрая,» сказалъ я, вынулъ деньги и расплатился. — «Однако меня ждуть домой,» произнесъ цыганъ, спрятавъ деньги, — да и былъ таковъ. — «А мнѣ надо ѣхать въ деревню, отвѣчалъ я, сѣвъ на коня. Ну, товарищъ, говорю я лошади, трогай! — лошадь ни съ мѣста! Я се кнутомъ — не тутъ-то было, стоять какъ пень! — Эдакъ-то? говорю я, и пришпорилъ. Что же ты думаешь? Проклятая лошадь только что почувствовала шпоры, какъ брыкнула головой внизъ и я полетѣлъ черезъ шею прямо въ лужу. Нечего дѣлать, я поднялся на ноги и гляжу во все стороны. Противъ меня, протянувъ свою глупую морду, остановилась лошадь, а вокругъ цѣлая толпа цыганъ.» — «Гдѣ тотъ мошенникъ, который мнѣ продалъ эту лошадь?» закричалъ я. — «Онъ отправился въ Гренаду, кавалеръ!» отвѣчалъ мнѣ одинъ. — «Онъ поѣхалъ навѣстить друзей,» сказалъ другой. — «Я видѣлъ сейчасъ, какъ онъ скакалъ по полю и чортъ сидѣлъ у него за сѣдломъ,» выкликнулъ третій. Что тутъ было дѣлать? Однимъ словомъ, меня надули. Я, разумеется, тутъ же рѣшился избавиться отъ лошади, но никто не хотѣлъ купить ее. Это, говорятъ, цыганская лошадь; всякій пятится отъ нея. Наконецъ проклятые сами вызвались купить ее у меня и я радъ-радъ, что сбылъ коня за два долара! И все это были штуки. Лошадь опять перешла къ своему первому хозяину, а деньги раздѣлили мошенники поровну между собою. Я такъ думаю, что еслибы они не говорили по-цыгански, то и мошенничества бы не было, потому что какое другое слово, кромѣ цыганскаго, можетъ заставить лошадь брыкаться, стоя на одномъ мѣстѣ?

Мрачные господа, казалось, были совершенно убѣждены въ вѣрности этого заключенія. Докуривъ свои сигары, они встали, покручивая усы, и вышли изъ кухни, бросивъ на насъ взглядъ, исполненный презрѣнія.

— Эти господа, кажется, не слишкомъ жалуютъ васъ и вашъ языкъ, сказалъ я Антонию.

— А чтобъ имъ ни дна, ни покрывки! отвѣчалъ Антонию, вѣрно наши ихъ порядкомъ пощипали. Однако, братъ, не надо говорить по-нашему въ этихъ деревняхъ. Нашъ языкъ здѣсь

запрещень. Поѣдемъ-ка лучше, а не то эти каналы нащлютъ на насъ всю здѣшнюю юстицію.

Около вечера мы подъехали къ большому селенію или городу, называемому Мерида.

— Мы тутъ остановимся на ночлеги, а можетъ быть и дня на два, сказалъ Антоніо; я долженъ здѣсь обдѣлать кое-какія дѣла. Теперь, братъ, остановись въ сторонкѣ, вотъ за этой стѣной, и дождайся меня. Я пойду и посмотрю прежде, какъ тамъ все.

Я сошелъ съ лошади и сълъ на камень у развалившейся стѣны, на которую мнѣ указалъ Антоніо. Солнце уже закатилось и въ воздухѣ стало необыкновенно холодно. Я крѣпко завернулся въ цыганскій плащъ, которымъ снабдилъ меня мой товарищъ, и, утомленный дорогой, скоро заснулъ. Такъ прошло, кажется, около часа; какъ вдругъ раздался въ ухахъ моихъ незнакомый мнѣ голосъ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ваша милость, лондонскій кавалеръ?

Я открылъ глаза и увидѣлъ женскую фигуру, которая заглядывала мнѣ подъ шляпу. Не смотря на темноту, я могъ разобрать отвратительныя черты почти чернаго лица. Это была цыганка лѣтъ 70-ти, съ костьюемъ въ рукахъ.

— Ваша милость, лондонскій кавалеръ? повторила она.

Я отвѣчалъ утвердительно и спросилъ, гдѣ Антоніо.

— Занятъ дѣломъ; у него много работы, много хлопотъ, говорила старуха, поиди ко мнѣ, кавалеръ, онъ скоро будетъ.

Я пошелъ за старухой. Скоро мы вошли въ городъ, почти пустой, состоявшій большею частію изъ развалинъ. Цыганка повела меня по какому-то узкому переулку и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у дверей большаго полуразрушеннаго зданія.

— Войди, кавалеръ, сказала она, отворяя двери.

— А лошадь моя? спросилъ я.

— Введи и лошадь, кавалеръ, отвѣчала она, мѣста довольно.

Мы очутились на пространномъ дворѣ, въ концѣ котораго былъ широкій проходъ въ ворота.

— Вотъ сюда, говорила цыганка, веди и лошадь.

— Но тутъ темно, хоть глазъ выколи, произнесъ я, останавливаясь въ раздумьи:—принеси огня, иначе я не пойду.

— Дай-ка мнѣ поводъ, я сама введу коня.

Она взяла подъ уздцы мою лошадь и исчезла съ нею въ не-

проницаемой тьмъ. Я слышалъ, какъ она ее разнуздада и какъ лошадь начала фыркать. Старуха черезъ нѣсколько минутъ вышла оттуда съ поводомъ въ рукахъ.

— Пойдемъ теперь, сказала она.

Мы вошли въ домъ и очутились въ огромной комнатѣ, почти совсѣмъ темной, кромѣ одного угла, въ которомъ стояло *бразеро* съ красными угольями; противъ него сидѣли двѣ темныя фигуры.

— Это наши, сказала старуха, указывая на сидящихъ передъ огнемъ: дочь моя и внучка. Садись, кавалеръ, поговоримъ.

Я началъ искать глазами стула или скамейки, но ничего подобнаго не было. Замѣтивъ на порогъ какой-то разрубленный чурбанъ, я подкатилъ его къ огню и усѣлся, какъ могъ.

— Ваше жилище очень просторно, сказалъ я; здѣсь, правда, довольно холодно и темно, но за то можетъ помѣститься много народа.

— У насъ довольно такихъ домовъ осталось еще со времени Кораганосъ, отвѣчала старуха. А славный народъ Кораганосъ! Какъ бы хотѣлось къ нимъ возвратиться опять.

— А развѣ ты была въ землѣ Мавровъ? спросилъ я.

— Два раза, кавалеръ, произнесла со вздохомъ цыганка. Два раза я была въ землѣ Корагай. Первый разъ, лѣтъ 50 тому назадъ, я ходила туда съ Испанцами, потому что мужъ мой служилъ тогда солдатомъ и Оранъ принадлежалъ Испаніи.

— Но вы не были съ настоящими Маврами, сказалъ я, а съ Испанцами, которые завладѣли частію ихъ земли.

— Нѣтъ, кавалеръ, съ истинными Маврами. Кто знаетъ ихъ лучше меня? Лѣтъ 40 тому назадъ я была съ мужемъ въ Цевтъ, тамъ онъ служилъ солдатомъ у короля. Вотъ одинъ разъ мужъ и говорить мнѣ: — надоело мнѣ жить въ этой сторонѣ; здѣсь нѣтъ ни хлѣба, ни воды; убѣгу я назадъ въ Корагано. Сегодняшнюю ночь убью сержанта и перейду къ Маврамъ. — Хорошо, сказала я, и какъ только мнѣ будетъ возможно, я пойду за тобою и сдѣлаюсь кораганкой. Вотъ этой же ночью онъ и убилъ сержанта; а этотъ сержантъ, пять лѣтъ тому назадъ, назвалъ моего мужа проклятымъ цыганомъ; потомъ мужъ суетился со стѣны и бѣжалъ. Много пулъ было послано ему въ погоню, но онъ счастливо успѣлъ добраться до земли Корагай. Я же осталась маркитаншей въ Цевтъ, продавала вино и водку солдатамъ. Такъ прошло два года и я ничего не слыхала о мо-

емъ мужъ, какъ вдругъ однажды входитъ въ мою лавку какой-то человекъ, одѣтый какъ Кораганъ, но не совсѣмъ похожій лицомъ на этотъ народъ. Онъ скорѣй походилъ на негра, но не былъ и негръ, хотя у него кожа совсѣмъ почернѣла. Когда я посмотрѣла на него, мнѣ показалось, что онъ изъ нашихъ. Вотъ онъ и сказалъ мнѣ, но такъ, что я едва поняла:

— Пойдемъ, любезная сестра! твой мужъ ждетъ тебя; я тебя поведу къ нему.

— Гдѣ же онъ? спросила я. Онъ указалъ на западъ, къ землѣ Корагай и сказалъ:—онъ тамъ, онъ тамъ, пойдемъ, сестра; мужъ твой ждетъ. Сначала я было испугалась, но потомъ подумала о мужѣ и рѣшилась идти въ Корагай. Я взяла съ собою небольшой мѣшокъ съ деньгами, все, что у меня было, собрала лавку и отправилась съ этимъ иностранцемъ. Въ городскихъ воротахъ насъ остановилъ было часовой; но я дала ему водки и насъ пропустили. Скоро мы пришли въ землю Корагай. Милъ двѣ отъ города, подъ горой, мы увидѣли цѣлый народъ; мужчины и женщины, всѣ были черные, какъ и тотъ, который велъ меня. Мы подошли къ нимъ; они здоровались со мною и всѣ называли любезной сестрой. Вотъ все, что я поняла на ихъ мудреномъ языкѣ, потомъ они взяли мое платье и дали другое, чтобы я совсѣмъ была похожа на Корагайцевъ. И вотъ мы пошли оттуда все далѣе и далѣе, чрезъ разныя пустыя мѣста и малыя деревни; мнѣ все казалось, будто я была между нашими, потому что народъ этотъ также жилъ, какъ и наши: мужчины торговали лошадьми и мулами, женщины ворожили. Чрезъ много дней, подошли мы къ большому городу; черный человекъ и говоритъ мнѣ: указывая на городъ:—ступай туда, любезная сестра, тамъ и найдешь своего мужа. Я подошла къ воротамъ; за ними стоялъ Корагано съ оружіемъ, я взглянула на него, и что же? это былъ мой мужъ. О! какой это былъ удивительный городъ! Тамъ мы увидѣли множество народа; онъ былъ прежде христіанскій, а теперь обрѣтился въ вѣру Корагайцевъ. Тамъ были испанцы и португальцы и всякій другой народъ; были и наши. Всѣ они служили солдатами и ходили на войну съ корагайскимъ царемъ. Въ этомъ городѣ я долго прожила съ мужемъ, ходила съ нимъ на войну и часто спрашивала о черныхъ людяхъ, съ которыми пришла туда. Мужъ отвѣчалъ, что онъ имѣлъ съ ними разныя дѣла и думаетъ, что они были изъ нашего поколѣнія. Потомъ, кавалеръ, мужъ мой

былъ убитъ на войнѣ, когда Корагайцы осаждали одинъ городъ, и я, оставшись вдовой, возвратилась въ деревню къ ренегатамъ, какъ ихъ называютъ, и жила какъ могла. Однажды сижу я и плачу; вдругъ явился передо мной тотъ черный чело-вѣкъ, который привелъ меня къ мужу и котораго я не видѣла съ того дня. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: — пойдемъ, любезная сестра, мужъ твой близко! И когда я пошла за нимъ, въ открытомъ полѣ я встрѣтила опять также черныхъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ уже видѣла разъ. — Гдѣ же мой мужъ? сказала я.

— А вотъ онъ, любезная сестра, отвѣчалъ черный чело-вѣкъ, — это я! съ этого дня я буду твой мужъ, а ты моя жена. Но пойдемъ, у насъ много дѣла. Я пошла за нимъ. Мы жили въ пустынѣ, торговали лошадыми, я занималась ворожбой. Часто я говорила: здѣсь лучше, чѣмъ въ моей землѣ. Этотъ народъ вѣрно изъ нашихъ. Они смѣялись и говорили: — можетъ быть, что и такъ, мы сами не знаемъ, кто мы. Такъ прошло много лѣтъ; у меня ужъ было трое дѣтей отъ чернаго чело-вѣка. Двое умерли, а третья дочка, вотъ что сидитъ передъ *бразеро*, осталась. Мы все торговали и ворожили. Случилось намъ перевозить зимой одну глубокую большую рѣку. Сдѣлалась буря, лодка перевернулась и всѣ наши погибли, кромѣ меня и моего ребенка, котораго я держала у груди. У меня не было болѣе друзей между Корагайцами; я пошла по деревнямъ, плакала, чуть съ ума не сошла и добралась наконецъ до берега; добрый капитанъ взялъ меня на корабль и перевезъ сюда, въ Испанію. И теперь я живу здѣсь; а все бы хотѣлось возвратиться въ Корагай.

Окончивъ свой длинный разсказъ, старуха начала громко смѣяться; ея примѣру послѣдовали дочь и внучка; этотъ смѣхъ до того былъ неестественъ, страненъ, что я наконецъ подумалъ, что онъ всѣ три сумасшедшія.

Между тѣмъ проходили часы за часами, а мы все продолжали сидѣть передъ потухающимъ бразеро, который наконецъ совершенно потухъ, и мракъ и холодъ распространились по всей комнатѣ, или лучше сказать по сараю. Женщины сидѣли неподвижно. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ; мнѣ стало неловко.

— Антоніо ночуетъ здѣсь? спросилъ я наконецъ.

— Антоніо, Антоніо! дико повторила старуха, онъ уже здѣсь давно,

У меня не стало терпѣнія и я только что хотѣлъ выбѣжать изъ этого дома, какъ почувствовалъ чью-то руку на плечъ и въ тоже мгновение раздался голосъ Антоніо:—не бойся, братъ! это я, мы добудемъ огня и поужинаемъ.

Ужинъ былъ довольно простъ: хлѣбъ, сыръ и овлипки. Антоніо принесъ мнѣ съ отличнымъ виномъ и мы разложили все это при свѣтѣ глиняной лампы, поставленной на полу.

— Теперь, произнесъ Антоніо, обратясь къ молодой женщннѣ, принеси мнѣ гитару, я хочу спѣть нашу любимую пѣсню.

Дѣвушка принесла гитару; Антоніо настроилъ ее не безъ труда, и началъ пѣть сильнымъ и громкимъ голосомъ.

Во время пѣнія обѣ женщины пустились плясать съ необыкновенной живостью, а старуха начала прищелкивать пальцами и бить тактъ по землѣ своимъ костылемъ.

— Однако, лондонскій кавалеръ, вѣроятно, усталъ, произнесъ Антоніо, положивъ гитару. Довольно, довольно на сегодня, теперь пора спать.

— Очень радъ, отвѣчалъ я; гдѣ же мы будемъ спать?

— А въ конюшнѣ, въ ясляхъ, сказалъ онъ. Хотя тамъ и холодно, но мы согреемся подъ одеждой.

VII.

Невѣста.—Три фурія.—Ночь въ лѣсу.—Подпись лодра Пальмерстона.—
«Всѣ захвачены!»—Таинственная встрѣча.

Мы пробыли три дня въ этомъ полуразрушенномъ домѣ въ обществѣ цыганъ. Каждое утро Антоніо уезжалъ куда-то рванехонько на своемъ мулѣ и возвращался поздно вечеромъ.

— Станный здѣсь домъ, сказалъ я однажды Антоніо, когда онъ собирался сѣдлатъ своего мула: — странный домъ и странные жилцы, старуха очень похожа на колдунью. Какъ ты думаешь?

— Похожа! возразилъ Антоніо, не похожа, а дѣйствительно колдунья. Она долго жила съ дикими Маврами и научилась отъ нихъ колдовству и ворожбѣ. Разъ она дала мнѣ попробовать одного зелья и только я съѣлъ его, какъ мнѣ показалось, что я въ страшныхъ лѣсахъ между чудовищами, звѣрями и разной чертовщиной; и это продолжалось цѣлую ночь. Она многому выучалась въ Корагай; мнѣ самому хотѣлось бы знать хетъ немножко того, что она знаетъ.

— Ты давно ее знаешь? спросилъ я, кажется, ты здѣсь какъ у себя.

— Какъ же не знать, отвѣчалъ Антонио, мой братъ былъ женатъ на ея дочери; 17 лѣтъ тому назадъ, она родила эту молодую дѣвушку за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ его повѣсили. Сказавъ это, Антонио съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ съѣлъ на своего мула и уѣхалъ.

Послѣ объѣда я остался одинъ со старухой, дочь и внучка ея отправились въ городъ ворожить, что, кажется, было главнымъ ихъ ремесломъ.

— Лондонскій кавалеръ, сказала мнѣ старуха, когда мы остались одни: — у тебя есть жена?

— Нѣтъ, а что?

— А вотъ, моей внучкѣ пора имѣть мужа, хорошо, еслибъ ты взялъ ее за себя.

— О, цыганка, цыганка! воскликнулъ я:—я здѣсь въ чужой землѣ и едва могу прокормить себя, какъ же мнѣ еще жениться?

— Ничего, быстро перебила старуха, дѣвченкѣ ничего не надо, она еще сама достанетъ для себя и для мужа. Она умѣетъ ворожить, выбирать лошадей, и никто искуснѣе ся не надуетъ. Пусть она только попадетъ въ Мадрилати, — ты вѣдь туда ѣдешь—тамъ она получитъ большое сокровище. Ты только возьми ее; она здѣсь пропадетъ, потому что въ этой сторонѣ ничего не наживешь. О, еслибъ ей хоть разъ выбратъся отсюда, она бы ходила въ шелкъ, да въ золотъ, а ты бы ѣхалъ возлѣ нея на своемъ ворономъ конѣ. А когда ужъ у васъ будетъ много, много богатства, то можете возвратиться сюда и тогда всѣ наши будутъ вамъ поклоняться. Что же ты скажешь на это, мой лондонскій кавалеръ?

— Вѣдь я не вашей земли, и здѣсь не останусь, замѣтилъ я.

— Такъ чтожъ? возьми ее съ собой въ Лондонъ, и тамъ есть наши. Не то, повѣжай въ Корагай. Тогда и я съ вами поѣду и дочку возьму.

— Что же мы будемъ дѣлать въ Корагаѣ? это должно быть дикая и бѣдная земля.

— Какъ! воскликнула съ удивленіемъ цыганка:—ты спрашиваешь, что мы будемъ дѣлать въ Корагаѣ? Или ты безъ головы? Развѣ тамъ нѣтъ лошадей? да еще какихъ, не то, что здѣсь! А мулы, а ослы! тамъ всего много! Въ Корагаѣ можно торговать также, какъ и здѣсь или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Развѣ

ты не нашъ? Посмотри какъ обживешься съ нами, полюбишь нашъ народъ. Мнѣ семьдесятъ лѣтъ, а я только и думаю о томъ, чтобы не здѣсь умереть, а тамъ, далеко, гдѣ умерли мои оба мужа. Но прежде возьми мою внучку; повзжайте въ Мадрилати за богатствомъ, а потомъ, какъ прїѣдешь назадъ, мы здѣсь въ Меридѣ зададимъ пиръ всемъ испанцамъ... я накормлю ихъ такимъ зеліемъ, что все они переколыблютъ, какъ собаки. Тогда мы оставимъ ихъ за столомъ, а сами на коней и туда, туда, въ славную землю Корагай!

Въ такихъ бесѣдахъ провелъ я все время моего пребыванія въ Меридѣ, не выходя изъ дому ни на шагъ, какъ совѣтовалъ мнѣ Антонио. Онъ обыкновенно возвращался поздно ночью, и потому я долженъ былъ говорить съ женщинами. Старуха рассказывала мнѣ много странныхъ исторій о маврахъ и о себѣ, когда она жила съ ними. Во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то необыкновенное. Глаза ея какъ-то дико глядѣли. Часто она вдругъ останавливалась посреди самаго жаркаго разговора и рука ея судорожно поднималась, какъ будто отталкивала какое-то страшное видѣніе. Разъ она упала въ конвульсіяхъ, но дочь и внучка не обратили на это никакого вниманія, сказавъ, что она однажды сошла было съ ума и что это скоро пройдетъ.

На третій день вечеромъ, когда я и цыганки сидѣли по обыкновенію и грѣлись у brazero, къ намъ вдругъ вошелъ мужчина, довольно некрасивой наружности, завернутый въ плащъ; не говоря ни слова, онъ подселъ къ нашему огню и началъ курить сигару. По лицу его я видѣлъ, что онъ не цыганъ. Пустьивъ нѣсколько клубовъ дыму, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ сквозь зубы:

— Гмъ! это кто?

На вопросъ его никто не отвѣчалъ; одна старуха начала ворчать что-то себѣ подъ носъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ гость, я васъ спрашиваю, какъ этотъ человекъ попалъ сюда?

— Не отвѣчай ему, кавалеръ, сказала мнѣ потихоньку старуха:—онъ альгуазиль (полицейскій), потомъ обращаясь къ вошедшему, она произнесла громко, указывая на меня:—это одинъ изъ нашихъ; онъ торгуетъ и пришелъ навѣстить свою сестру.

— Такъ пусть же онъ дастъ мнѣ табаку, произнесъ альгуазиль, вѣроятно съ нимъ есть табакъ.

— Убирайся ты! нѣтъ у него табаку! воскликнула одна изъ

женщинъ:—на вотъ, возьми сигару и ступай своей дорогой! Говоря это, она вытащила изъ своего башмака нѣсколько листьевъ табаку и подала ихъ полицейскому.

— Экую дрянъ ты мнѣ дашь! сказалъ тотъ, глядя на табакъ:—дай-ка мнѣ что-нибудь получше, не то я представлю тебя въ судъ.

— Онъ хочетъ насъ посадить въ тюрьму! воскликнула дочь: А! а! а!

— Полицейскій хочетъ засадить насъ въ тюрьму! подхватила внучка еще громче: э! э! э!

— Проклятый собирается запереть всѣхъ насъ въ тюрьму! закричала старуха, поднимаясь съ своего мѣста. О! го! го!

И вдругъ всѣ онъ, вскочивъ, начали ходить вокругъ него, сверкая своими страшными глазами. Онъ, какъ видно, струсилъ и хотѣлъ было уже отступить; но обѣ молодыя женщины внезапно схватили его за руки. Между тѣмъ какъ онъ силился освободиться отъ нихъ, старуха подступила къ нему очень близко и сказала:

— Тебѣ нужно табаку, мошенникъ? Хорошо. И ты пришелъ сюда грозить намъ и нашему гостю! У насъ ничего нѣтъ для тебя, кромѣ пыли.

И цыганка, говоря это, опустила руку въ карманъ и вынувъ оттуда цѣлую горсть какого-то порошку, бросила его въ глаза альгуазилу, который заревѣлъ какъ бѣшеный и отчаянно рванулся впередъ, но молодыя руки держали его какъ клещи. Онъ наконецъ успѣлъ освободить одну руку и силился достать ею ножъ, заткнутый у него за поясомъ; замѣтивъ это движеніе, женщины вцѣпились въ него какъ фурія и старуха довершила побѣду, направивъ свой костыль прямо ему въ лицо. Счастливъ былъ бѣдный альгуазиль, что еще цѣль убрался изъ нашего жилища, оставивъ впрочемъ на полъ сраженія шляпу и плащъ, которые были тотчасъ же подобраны женщинами и вышвырнуты вслѣдъ за убѣжавшимъ на улицу.

Къ сожалѣнію, я не могъ за него заступиться, хотя, правду сказать, онъ и не стоилъ этого.

— А вы вѣдь худо сдѣлали, сказалъ я: — человекъ этотъ донесетъ на васъ и насъ всѣхъ потащатъ.

— Эге! воскликнула дочь: — онъ не страшень! онъ больше бонется насъ, чѣмъ мы его; я это-то знаю!

Она была права, потому что съ этихъ норъ ничто болѣе не

возмутило нашего скромнаго жилища. На другой день мы съ Антонію уехали изъ Мерида по дорогѣ къ Труджилло. Погода была страшная: дождь лилъ какъ изъ ведра, по дорогамъ почти не было провзда отъ грязи. Къ вечеру дождь прекратился, но за то поднялся сильный вѣтеръ. Знаменитый конь мой едва передвигалъ ноги, и я началъ крѣпко сомнѣваться въ его способностяхъ, о которыхъ такъ убѣдительно говорилъ Антонію. Я употреблялъ различныя средства для того, чтобы разгорячить старую кровь благороднаго животнаго, но кончилось тѣмъ, что конь мой вовсе отказался идти. Мы были тогда на гладкомъ мѣстѣ. Антонію вдругъ отъехалъ впередъ и закричалъ, чтобы я далъ поводья и ударилъ лошадь кнутомъ. Я послушался, и что же? конь пошелъ рысью, сначала маленькой, потомъ и крупной; длинныя его ноги получили откуда-то невѣдомую силу. Мы проехали такимъ образомъ съ милою; лошадь моя горячилась все болѣе и болѣе и скоро пустилась въ галопъ, а наконецъ вскачь. Антонію остался далеко назадъ, не смотря на то, что у него былъ отличный мулъ. Теперь я заботился только о томъ, чтобы не сломать себѣ шею или не зацѣпиться о камни, мимо которыхъ мчался вихремъ. Остановить коня было также трудно, какъ и заставить его бѣжать. Къ счастью, я увидѣлъ впереди крутой холмъ и направивъ на него лошадь, только такимъ способомъ удержалъ ее. Пока я дожидался Антонію, наступила ночь. Мы проехали еще часа три въ темнотѣ. Я былъ измученъ до нельзя. Наконецъ послышался вблизи собачій лай и блеснули огни.

— Вотъ Труджилло, сказалъ цыганъ, который во все это время молчалъ и даже не сдѣлалъ замѣчанія о способностяхъ своего коня.

— Очень радъ, отвѣчалъ я:—надѣюсь отлично уснуть, потому что жестоко усталъ.

— Посмотримъ, удастся ли, проговорилъ Антонію и свернулъ на проселокъ. Скоро мы въехали въ городъ, темный и грязный. Я держался какъ можно ближе къ моему спутнику, который ѣхалъ по пустымъ мрачнымъ улицамъ. Наконецъ онъ остановился у покачнувшейся темной избушки.

— Здѣсь, сказалъ цыганъ, слезая съ мула.

Постучались—отвѣта не было. Цыганъ началъ пробовать, нельзя ли отворить дверь,—она была заперта на замокъ.

— Чортъ побери! ихъ върно нѣтъ. Что тутъ дѣлать? сказалъ онъ съ досадою.

— Очень просто, отвѣчалъ я:—поведемъ въ трактиръ.

— Братъ! ты не знаешь, что говоришь, сказалъ Антоніо: — я не могу показаться здѣсь ни въ одномъ домѣ, кромѣ этого, а этотъ запертъ. Нечего дѣлать, надо вѣхать дальше, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Здѣсь схватили моего брата!

Антоніо высвѣкъ огня, закурилъ сигарку и мы снова поплелись по темнымъ, грязнымъ улицамъ, чтобы выбраться на дорогу. Я очень хорошо понималъ, что спорить съ цыганомъ было бы бесполезно. А какъ бы мнѣ хотѣлось отдохнуть, прилечь куданибудь, хоть въ сарай! Я едва держался на сѣдлѣ. Къ довершенію неприятности, опять пошелъ дождикъ; ночь была такъ темна, что я своей руки не видѣлъ.

Мы вѣхали долго; Антоніо молчалъ, какъ рыба. Признаюсь, все это меня начинало беспокоить, но я разъ ввѣрился ему—надо было терпѣть до конца.

— Однако, братъ, сказалъ я наконецъ: — это не совсѣмъ удобное время для путешествія.

— Правда, братъ, отвѣчалъ Антоніо:—но все же лучше быть теперь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ проклятой западнѣ въ Труджилло.

Въ это время мы подъѣхали къ лѣсу, о чемъ я узналъ по шуму деревьевъ.

Вдругъ цыганъ остановилъ мула.

— Братъ! посмотри-ка на лѣво, твои глаза зорче моихъ, не видать ли тамъ огня?

Сначала я ничего не видѣлъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, впередъ по этому направленію, точно различилъ свѣтъ между деревьями.

— Это должно быть не въ домѣ блестить; вѣроятно огонь разведенъ въ лѣсу, сказалъ я цыгану.

— Да, отвѣчалъ онъ:—тутъ нѣтъ жилья. Это пастухи развели костеръ. Подъедемъ къ нимъ.

Мы спѣшились и начали пробираться между густымъ лѣсомъ, ведя осторожно за поводъ нашихъ животныхъ. Минуть черезъ пять мы увидѣли небольшую площадку, ярко освѣщенную пылающимъ костромъ, вокругъ котораго двигались двѣ или три фигуры. Онъ услышали наши шаги.

— Кто идетъ! воскликнула одна фигура.

— Я знаю этотъ годось, тихо сказалъ Антоніо, оставляя меня и быстро подходя къ огню.

Послышалось восклицаніе: *poia!* потомуъ раздался смѣхъ и Антоніо кликнулъ меня. Подойдя въ свою очередь къ костру, я увидѣлъ двухъ черныхъ цыганъ и такого же цвѣта женщину, лѣтъ сорока. Она сидѣла на папонѣ. У дерева были привязаны лошади. Передо мною былъ настоящій цыганскій бивуакъ.

— Подойди, братъ, и покажись, сказалъ мнѣ Антоніо: — мы здѣсь между друзьями. Это тѣ самые, у которыхъ я хотѣлъ было остановиться въ Труджилло.

— Зачѣмъ же они проводятъ ночь подѣ дождемъ, въ лѣсу? спросилъ я невольно.

— Вѣроятно, свои дѣла, отвѣчалъ цыганъ:—это до насъ не касается. Какое счастье, что мы нашли ихъ, а то пришлось бы вочевать безъ ужина.

— Мой мужъ сидитъ тамъ въ тюрьмѣ, за то, что укралъ лошадь, произнесла женщина, указывая по направленію къ городу:—вотъ мы и собрались сюда потолковать, какъ бы ему помочь. А гдѣ же намъ безопасно говорить, какъ не здѣсь? къ тому же здѣсь и платить ничего не надо.

Мы принялись ужинать. Блюдо со свиной и разными разностями было снято съ огня и представлено въ наше распоряженіе. Сами хозяева отказались, потому что поужинали прежде, но за то отдали честь кожаной бутылкѣ съ виномъ, которую привезъ Антоніо изъ Мерида.

У меня глаза слипались отъ сна. Антоніо притащилъ огромную папону, завернулъ меня въ нее, сунулъ что-то подѣ голову и уложилъ спать ногами къ огню, а самъ подсылъ къ цыганамъ и завелъ съ ними тихій разговоръ. Черезъ минуту я уже ничего не слышалъ, несмотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, шумно колебавшій вершины деревьевъ.

Когда на другое утро я открылъ глаза, ни лошадей, ни цыганъ, ни Антоніо — никого не было; одинъ мулъ его стоялъ привязанный къ дереву и дождавъ свой кормъ.—Вѣроятно опять отправились по своимъ дѣламъ, подумалъ я.

Когда мнѣ захотѣлось подняться съ моего походнаго ложа, я почувствовалъ что значить провести ночь подѣ дождемъ; всѣ члены у меня болѣли, какъ изломанные; концы волосъ были покрыты инеемъ отъ ночнаго мороза. Несмотря на то, я отыскалъ блюдо со свиной и, подбросивъ нѣсколько сучьевъ въ

потухающей костеръ, принялся завтракать, въ ожиданіи моего проводника. Спустя довольно долгое время послышался быстрый конскій топотъ и черезъ минуту предо мною явился Антоніо съ озабоченнымъ видомъ. Онъ соскачилъ съ лошади и поспѣшно принялся свдлатъ мула.

— На коня, братъ! на коня! сказалъ онъ указывая на лошадь. Нашихъ схватили въ томъ же мѣстѣ, гдѣ сидитъ мужъ этой цыганки; я чуть было не попался, да успѣлъ ускакать. Поѣдемъ, братъ, поѣдемъ скорѣй! не то эти каналы найдутъ и здѣсь.

Нечего дѣлать, надо было отправиться. Мы поскакали по дорогѣ, съ которой своротили вчера.

— Что это такое за строеніе на холмъ? спросилъ я, когда мы, проскакавъ почти часъ, начали спускаться въ глубокую долину.

— Это Джарайседжо, отвѣчалъ Антоніо, прескверное мѣсто, особенно для нашихъ.

— Такъ зачѣмъ же намъ вхатъ туда?

— Надо, сказалъ цыганъ. Во первыхъ потому, что это наша дорога, во вторыхъ только тутъ можно запастись провизіей; дальше все пустырь.

Когда мы подвѣхали къ селенію, цыганъ сказалъ мнѣ — лучше намъ вхатъ врозь. Я отправлюсь впередъ и буду ждать тебя за городомъ, а ты купи здѣсь провизію. Тебѣ нечего бояться. И не дожидаясь моего отвѣта, Антоніо ускакалъ.

Я вхалъ по длинной, единственной улицѣ этого полуразрушеннаго города или деревни, какъ вдругъ наткнулся на человека съ ружьемъ въ огромной шляпѣ. Онъ прямо подступилъ ко мнѣ.

— Кто вы и откуда?—спросилъ онъ довольно грубо.

— Изъ Бадахоса и Труджилло, отвѣчалъ я, становясь. А вамъ что надо?

— Я солдатъ національной гвардіи, сказалъ онъ, поставленъ для осмотра провзжающихъ. Говорятъ тутъ сейчасъ провхалъ цыганъ. Счастіе его, что я былъ въ это время дома. Вы не съ нимъ ли вхали?

— Развѣ я похожъ на человека, который ѣздитъ въ компаніи съ цыганами, спросилъ я очень хладнокровно.

Гвардеецъ посмотрѣлъ на меня довольно сомнительно, что кажется означало: — а почему же и нѣтъ. Наружность моя мало говорила въ мою пользу. На мнѣ была страшно взмятая анда-

лузская шляпа, покрытый грязью старый плащ, лицо было запачкано и борода очень давно не брита.

— Есть у васъ паспортъ? спросилъ наконецъ солдатъ національной гвардіи.

Я вспоминалъ, что единственное средство приобрести уваженіе Испанца состоитъ въ учтивости. Потому я сошелъ съ лошади и снявъ шляпу съ низкимъ поклономъ, отвѣчалъ: — снѣгоръ гвардеецъ! я англійскій джентельменъ, путешествующій для удовольствія. Вотъ мой паспортъ. Вѣроятно, вы найдете его въ совершенномъ порядкѣ. Онъ мнѣ данъ и подписанъ великимъ лордомъ Пальмерстономъ, англійскимъ министромъ, о которомъ вы, вѣроятно, не разъ слышали. Я вамъ советую замѣтить подпись, потому что можетъ быть вамъ не придется увидѣть ее другой разъ въ жизни. Такъ какъ я увѣренъ въ чести солдата, то и оставляю паспортъ въ вашихъ рукахъ, а самъ пойду отдохнуть на постоялый дворъ. Осмотрѣвъ паспортъ, будьте такъ добры, принесите его туда. Снѣгоръ-гвардеецъ — имѣю честь вамъ откланяться!

Сказавъ это, я подалъ ему паспортъ; онъ сталъ разсматривать его съ большимъ вниманіемъ; а я отправился искать гостиницу, куда привелъ меня попавшійся нищій. Тутъ я занесся провизіей, по совету Антоніо, и накупилъ дичи у птичника, который сидѣлъ со мной въ трактирѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явился и гвардеецъ съ моимъ паспортомъ. Теперь онъ былъ необыкновенно учтивъ. Подсѣлъ къ намъ и началъ разспрашивать меня объ Англии, о войнѣ и остался мной чрезвычайно доволенъ, такъ что предложилъ даже конвой въ доказательство своего расположенія, говоря, что дороги были не безопасны. Я, разумеется, отказался.

— Досадно, сказалъ онъ въ заключеніе, что этотъ проклятый цыганъ прохалъ мимо моего поса. Впрочемъ, если вы его встрѣтите на дорогѣ и лице вамъ его не понравится, вы можете его просто пришибить, какъ скотину. Онъ воръ, мошенникъ и разбойникъ, какихъ еще свѣтъ не производилъ. Позвольте еще разъ взглянуть на подпись кабаллеро Бальмерстона — и потомъ счастливый путь.

Я снова подалъ ему паспортъ. Онъ снялъ шляпу и поглядѣлъ на него съ величайшимъ уваженіемъ, послѣ чего мы обнялись и расстались.

Выѣхавъ за городъ, я поскакалъ по страшному пустырю, за-

росшему мелкимъ кустарникомъ. Ни одно живое существо не попадалось мнѣ на встрѣчу; меня начало безпокоить отсутствіе Антонію, не провхаль ли я мимо него въ то время, какъ онъ лежалъ, спрятавшись гдѣ нибудь за кустомъ. Провзжая мимо одного возвышенія, я вдругъ услышалъ знакомое:—пола! и черная голова цыгана показалась изъ-за кустовъ.

— Однако, братъ, долго же ты тамъ просидѣлъ, я ужъ подумалъ, что ты меня совсѣмъ оставилъ, сказалъ онъ.

Антонію попросилъ меня сойти съ лошади и повелъ ее въ чащу, гдѣ былъ привязанъ и его мулъ; тамъ насъ нельзя было замѣтить съ дороги. Я отдалъ ему провизию и рассказалъ въ подробности мою встрѣчу съ національнымъ гвардейцемъ.

— Пускай бы онъ пришелъ сюда, я бы послушалъ, какъ онъ меня бранить! говорилъ съ досадою цыганъ.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я ожидаю одного извѣстія, отвѣчалъ Антонію, и покуда оно не придетъ, я не могу двинуться съ мѣста. Это извѣстіе касается до нашихъ дѣлъ.

Антонію уже нѣсколько разъ употреблялъ выраженіе: *по нашимъ дѣламъ*, очевидно только за тѣмъ, чтобы избѣгнуть моихъ вопросовъ, я видѣлъ, что онъ не хочетъ говорить и замолчалъ. Мы дали корму лошади и мулу и начали завтракать.

— Отъ чего бы не изжарить дичи? сказалъ я, тутъ можно развести огонь.

— Дымъ откроетъ насъ, отвѣчалъ Антонію; а меня никто не долженъ видѣть, пока я не дождусь посланнаго.

Было уже за полдень. Цыганъ показывалъ знаки величайшаго нетерпѣнія. Онъ то ложился, то вскакивалъ, глядя съ ожиданіемъ на холмъ, который былъ противъ насъ, то прислушивался, то опять ложился, ворча что-то про себя сквозь зубы.

— Братъ! сказалъ онъ наконецъ, смотря прямо мнѣ въ глаза, я не могу повясть, для чего ты ѣдешь по нашей землѣ.

— Можетъ быть, по той же причинѣ, какъ и ты, отвѣчалъ я, *по нашимъ дѣламъ*.

— Нѣтъ, братъ, не то! хотя ты и говоришь по нашему, но все же ты не то, что мы.

— Ты слышалъ, сказалъ я, когда я говорилъ о Богѣ и о Христѣ. Я пріѣхалъ сюда именно для того, чтобы проповѣдать ученіе Христа.

— Кто же послалъ тебя? спросилъ цыганъ съ удивленіемъ.

— Ты едва ли поймешь, если я скажу, что многіе въ дальнихъ земляхъ жалуютъ о томъ, что ваша Испанія въ страшномъ невѣжествѣ и что до-сихъ-поръ это невѣжество было причиною разбоевъ и грабежей.

— А что это за люди, братъ, — наши или чужіе?

— Что за дѣло, кто они, отвѣчалъ я:— все равно, всѣ дѣти одного Бога.

— Врешь, братъ, не все равно, сказалъ цыганъ. Здѣсь много не нашихъ, а потому много и воровъ и разбойниковъ. Наши никогда не воруютъ другъ у друга, а другіе всѣ воруютъ. Стало, если бы мы были одни, то ни воровства, ни разбоя бы не было. Цыганъ даже и скота не ударитъ; намъ это запрещено. Разъ я, еще бывши мальчикомъ, ударилъ курицу; отецъ взялъ меня за руку, и сказалъ: — не обижай ея, въ ней душа твоей покойной сестры.

— И ты вѣришь этому? сказалъ я, качая головой.

— Какъ случится, иногда вѣрю, иногда нѣтъ, отвѣчалъ онъ равнодушно.— Но не въ этомъ дѣло. Ты говоришь, что прѣхалъ сюда проповѣдывать, — это доброе дѣло, а другіе говорятъ, будто ты лондонскій шпіонъ; но для меня и это все равно. Лучше встань-ка братъ, да посмотри, не ѣдетъ ли кто по дороге.

— Я вижу темную точку; но очень далеко.

Мы оба припаялись глядѣть во всѣ глаза; но разстояніе было такъ велико, что я не могъ сказать, двигалась ли эта точка, или нѣтъ. Сомнѣніе наше разсѣялось черезъ нѣсколько минутъ; мы дѣйствительно увидѣли фигуру, сидящую верхомъ.

— Кажется, это женщина, сказалъ я.

— Такъ, это мой посланный! воскликнулъ цыганъ, никто другой и быть не можетъ.

На нѣсколько минутъ всадница скрылась отъ насъ за густымъ кустарникомъ, и когда она опять появилась, то мы легко могли видѣть, что она была окутана съ ногъ до головы въ мужской плащъ и сидѣла на отличномъ молодомъ ослѣ, который шелъ такъ легко, что, казалось, едва касался земли. Увидѣвъ насъ, оселъ кинулся въ сторону и началъ лягать передними и задними ногами. Я бросился на помощь, но всадница быстро соскочила на землю, при чемъ оборотилась ко мнѣ лицомъ. Оно показалась мнѣ знакомымъ; дѣйствительно, то была дочь Антонію. Я

ее видѣлъ еще въ Бадахосѣ. Не сказавъ мнѣ ни слова, она подошла къ отцу и начала что-то говорить ему, но такъ тихо, что я ничего не могъ слышать.

— Всѣ! воскликнулъ онъ, отступая назадъ, какъ всѣ!

— Да, отвѣчала она, всѣ захвачены!

Заключая по этимъ словамъ, что дѣла, о которыхъ такъ часто говорилъ мой спутникъ, вѣроятно, пошли худо, и, не желая мѣшать ихъ разговору, я отошелъ въ сторону; но до моего слуха еще долго доносились брань и громкія восклицанія. Спустя полчаса, я возвратился къ нимъ; оба они сидѣли на травѣ. Антонио былъ угрюмъ и судоржно втыкалъ свой походный ножъ въ землю, приговаривая мрачно: — Всѣ! всѣ!...

— Братъ, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ, я не могу далѣе вѣхать съ тобой, дѣла не позволяютъ. Повзжай одинъ.

— Какъ же я повзду? отвѣчалъ я. — Ты, вѣроятно, возьмешь свою лошадь...

Антонио задумался.

— Правда, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — лошадь мнѣ нужна. Купи у меня осла, онъ отлично ходитъ; дочь поѣдетъ на мулъ.

— Да какъ же, замѣтилъ я, осель, кажется, совершенно дикій, да еще и съ норовомъ?

— Есть и то, и другое, братъ, отвѣчалъ цыганъ: — но за то у него отличныя ноги, ты вѣдь нашъ, съумѣешь съ нимъ справиться.

Нечего дѣлать, надо было и на это согласиться, потому что продолжать путь пышкомъ не было никакой возможности.

Я заплатилъ за осла и мы разстались.

Черезъ полчаса я уже былъ на другой сторонѣ холма.

Дѣла, о которыхъ такъ часто говорилъ Антонио, объяснились для меня самымъ неожиданнымъ образомъ и не позже, какъ вечеромъ того же дня.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Новой Кастиліи, я остановился въ трактиръ пообѣдать остатками моей дичи. Тутъ, у огня собрались охотники, пастухи; между ними былъ одинъ нищій — необходимое лицо въ испанской картинѣ. Въ ожиданіи ужина, я заснулъ подъ шумный говоръ посятителей, которые толковали о приключеніяхъ охотничьей жизни; вдругъ раздалось громкое восклицаніе: — всѣ захвачены!

Я невольно открылъ глаза. Это были именно тѣ самыя слова, которыя поразили цыгана. Я окинулъ глазами собраніе. Всѣ слушали нищаго, доканчивавшаго свой разсказъ.

— Позвольте васъ спросить, синьоръ кабалеро, сказалъ я ему, вставая, я не слыхалъ начала вашего разговора, кого захватили?

— Шайку проклятыхъ цыганъ, синьоръ кабалеро, отвѣчалъ нищій, платя мнѣ той же учтивостію. Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ они, пользуясь военными смутами, опустошаютъ пограничныя дороги Кастиліи. Но, слава Богу, всѣхъ захватили; я самъ видѣлъ, какъ ихъ вели въ тюрьму.

— Такъ вотъ что значили *наши дѣла*, подумалъ я. Неужели и мой вѣрный Антоніо принадлежалъ къ числу воровъ и мошенниковъ, или по-крайней-мѣрѣ покрывалъ ихъ? Не зная, до какой степени онъ былъ съ ними въ сообществѣ, я не сказалъ о немъ ничего, и на другой день похалъ далѣе.

Влѣво, на горизонтѣ, поднимался величественный рядъ горъ, которыхъ вершины были покрыты снѣгомъ.

— Какія это горы? спросилъ я у лекаря-цирульника, съ которымъ случайно встрѣтился и вхалъ довольно долго по одной дорогѣ.

— Ихъ называютъ различными именами, кабалеро, смотря потому, въ какой сторонѣ онъ лежатъ, отвѣчалъ онъ. Противъ Мадрита—Гводарама, по имени этой рѣки, которая вытекаетъ оттуда; противъ насъ—Серанія Пласенція, это чудныя горы, кабалеро, и подобныхъ имъ нѣтъ во всей Испаніи! Сколько тамъ пещеръ и долинъ. Вы можете ходить цѣлые дни и не найдете имъ конца! Многіе тамъ заблудились и никогда не возвращались оттуда. Разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ находятся сокрытыя озера; въ этихъ озерахъ живутъ страшныя чудовища, огромныя змѣи съ корковое дерево и водяныя лошади, которыя, какъ говорятъ, много дѣлаютъ вреда, когда выходятъ на поверхность земли. Но вотъ что не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ серединѣ этихъ горъ находится удивительная долина, но такая глубокая, что солнце свѣтитъ въ нее только въ половину. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ никто не зналъ о существованіи этой долины; однажды зашли туда совершенно нечаянно охотники. Какъ вы думаете, кабалеро, что они увидѣли?—народъ, до-сихъ-поръ никому неизвѣстный, говорящій на неизвѣстномъ языкѣ. Этотъ народъ жилъ тамъ, можетъ быть,

съ сотворенія міра, не имѣлъ никакого сообщенія съ другими людьми, не зналъ даже о ихъ существованіи. Развѣ вы, кабалеро, никогда не слыхали о долинь Батуэкасъ? это она и есть. О! еслибы у меня не было жены и дѣтей, я бы непременно отправился въ эти горы, узнать, что въ нихъ скрывается.

Не знаю, въ какой мѣрѣ рассказъ лекаря-цирульника былъ истиненъ. Скоро я съ нимъ разстался; но чудесное меня не оставляло. Ночью я встрѣтился съ однимъ удивительнымъ лицомъ, котораго таинственность какъ нельзя лучше шла къ описанію чудесной долины съ ея невѣдомыми обитателями.

Ночь была темная и холодная. Не имѣя возможности различить большую дорогу отъ пересѣкающихъ ее проселковъ, я предоставилъ ослу выбирать дорогу, и долженъ сказать, что онъ везъ меня довольно исправно. Наконецъ взошла луна и при блескѣ ея я вдругъ замѣтилъ движущуюся передо мной фигуру пѣшехода. Я подѣхалъ ближе. Прохожій не обращалъ на меня никакого вниманія. То былъ человекъ очень высокаго роста, одѣтый весьма странно для Испанца. На немъ была шляпа съ маленькой туліей и огромными полями, которыя, впрочемъ, не могли скрыть его густыхъ, длинныхъ волосъ, черныхъ, какъ смоль. Одежда его состояла изъ широкаго матерчатаго тювика, изъ-подъ котораго видно было другое платье и короткіе бархатные панталоны. Въ рукахъ онъ держалъ длинную палку.

Меня всего болѣе удивляло совершенное равнодушіе этого человека къ моей особѣ, которую онъ не могъ не замѣтить. Глаза его пристально глядѣли вдаль, на дорогу и только изрѣдка онъ поднималъ ихъ и взглядывалъ на луну.

Я рѣшился заговорить.

— Какая холодная ночь! произнесъ я. Скажите, это ли дорога въ Талаверу?

— Это дорога въ Талаверу, и ночь точно холодна, отвѣчалъ онъ.

— Я ѣду въ Талаверу и вы, думаю, туда же? сказалъ я опять.

— И я туда же, отвѣчалъ онъ, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, не показывая никакого желанія, ни продолжать, ни прекратить разговоръ.

Послѣдовало молчаніе.

По немногимъ словамъ, сказаннымъ прохожимъ по испански, безъ малѣйшей ошпбки, я замѣтилъ однако въ голось и въ уда-

рени одного слова, что-то такое, что не могло принадлежать Испанцу чистой породы. Мнѣ показалось, что я слышалъ уже когда-то подобный выговоръ; но въ эту минуту я не могъ припомнить, гдѣ именно.

— Какъ же вы не боитесь идти одни по такой дорогѣ в еще ночью? спросилъ я:—говорятъ, здѣсь много воровъ.

— Вы вѣдь тоже не боитесь вхатъ здѣсь ночью, отвѣчалъ онъ:—а вы еще Англичанинъ и не знаете здѣшняго края.

— Вы почему знаете, что я Англичанинъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Не мудрено узнать, вашъ выговоръ это доказываетъ.

— Вы говорите о выговорѣ, сказалъ я, пристально глядя на моего спутника; какъ вы думаете, по вашему—нельзя узнать, кто вы?

— Не думаю. Вы обо мнѣ ничего не можете знать, сказалъ онъ спокойно.

— Вы ошибаетесь, любезный другъ, прервалъ я; я знаю о васъ то, что вамъ и въ голову не придетъ.

— Именно?... сказалъ онъ.

— Именно, отвѣчалъ я:—что вы говорите на двухъ языкахъ; это первое.

Спутникъ обернулся и посмотрѣлъ на меня съ минуту, потомъ произнесъ:—*bueno* (хорошо).

— И у васъ два имени, продолжалъ я, одно для своихъ, другое для народа. Оба, можетъ быть, хороши, но первое для васъ лучше.

Во время моего разговора съ этимъ страннымъ лицомъ, я смутно вспомнилъ о потомкахъ славныхъ евреевъ, тайно проживающихъ въ Испаніи, подъ чужими именами; мнѣ показалось, что я видѣлъ передъ собою одного изъ нихъ.

Новый знакомецъ мой сдѣлалъ шаговъ десять, не отвѣчая на послѣднія мои слова. Вдругъ онъ повернулся ко мнѣ и, взявъ потихоньку за поводъ моего осла, остановилъ его. Въ эту минуту я могъ ясно разглядѣть его выразительное лицо, ярко освѣщенное луной. Онъ устремилъ на меня свой открытый, спокойный взглядъ и сказалъ тихо:

— Не изъ нашихъ ли вы сами?

Поздно ночью мы достигли Талавера. Спутникъ мой повелъ меня въ гостиницу, гдѣ стараніемъ его намъ подали, въ особой комнатѣ, прекрасный ужинъ, гораздо лучше тѣхъ, которыми я

обыкновенно пользовался и поставили бразеро. Сидя возлѣ огня, я продолжалъ съ любопытствомъ разсиранивать моего новаго знакома и узналъ слѣдующее:

Онъ занимался торговлей, но болѣе для вида, чѣмъ въ дѣйствительности, потому что имѣлъ огромное состояніе, доставшееся ему послѣ отца и состоящее изъ золота, серебра, драгоценныхъ каменевъ и древнихъ монетъ; все это, или по-крайней-мѣрѣ большая часть, была зарыта въ землѣ, и онъ самъ на вѣрное не зналъ сколько у него богатства. Главное его занятіе состояло въ томъ, что онъ отдавалъ деньги на проценты, и какъ почти вся знать и духовенство были ему должны, то его никто не беспокоилъ, хотя, можетъ быть, и догадывались о его происхожденіи. Придаться же къ нему явно было мудрено, да и опасно. Онъ и подобные ему люди исполняли всѣ наружныя обычаи той земли, въ которой жили и выказывали всегда мнимую нищету, хотя всѣ они (ихъ весьма немного въ Испаніи) были богаты, и безъ различія служили другъ другу. Обыкновенно служащій женился на дочери своего господина. Только въ нѣкоторые торжественные дни, затворясь на-глухо въ своихъ жилищахъ, они задавали великолѣпные пиры, вли на серебряныхъ и золотыхъ блюдахъ, какихъ не видывали на столахъ королевы. Местъ ихъ была страшна; они преслѣдовали своихъ враговъ вездѣ, гдѣ только могли. Спутникъ мой, за нанесенную ему обиду, обвинилъ одного человека въ богохульствѣ и засадилъ его въ тюрьму, гдѣ несчастный сошелъ съ ума отъ отчаянія и вскорѣ умеръ.

Почти всю ночь я проговорилъ съ этимъ страннымъ лицомъ. На другой день мы должны были разстаться. Онъ купилъ у меня осла для своего слуги, советуя мнѣ вхать въ дилижансъ.

БОЯРЩИНА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть вторая.

I.

Прошло два мѣсяца послѣ того дня, какъ въ Могилахъ разыгралась страшная драма. Она исключительно была предметомъ разговоръ всѣхъ сосѣдей. Въ настоящее время ихъ удивляло то странное положеніе, въ которомъ держали себя лица, заинтересованныя въ этомъ происшествіи, которое рассказывалось слѣдующимъ образомъ: Анна Павловна еще до замужства вела себя двусмысленно, причина, по которой Мановскій дурно жилъ съ женою. Графъ, знавшій ее по Петербургу и, можетъ быть, уже бывшій съ нею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пріѣхавъ въ деревню, захотѣлъ возобновить съ нею прошедшее, а потому первый пріѣхалъ къ Мановскому. Михайло Егорычъ, ничего не подозрѣвая собственно на счетъ графа, отпустилъ ее въ Каменки одну. Но Анна Павловна отвергнула на этотъ разъ исканіе графа, потому что уже любила другаго, молодаго, Эльчанинова. Графъ, изъ ревности, велѣлъ присматривать за нею Ивану Александровичу, который засталъ молодыхъ людей въ лѣсу и сказалъ объ этомъ Мановскому. Михайло Егорычъ очень естественно вышелъ изъ себя и сказалъ съ горяча женѣ, чтобъ она оставила его домъ и Анна Павловна, воспользовавшись этимъ, убѣжала къ своему любовнику, захвативши съ собою все брѣль-

лиантовые вещи, съ тѣмъ, чтобы бѣжать за границу, — самое удобное, какъ известно, мѣсто для убѣжища незаконныхъ любовниковъ. До-сихъ-поръ все это было очень понятно, но далее вставали въ тупикъ самые пронцательные умы. Анна Павловна не увѣжала за границу, а жила, къ стыду и поношенію своего мужа, въ усадьбѣ Эльчанинова. Михайло Егорычъ, человекъ съ амбиціей, все это терпѣлъ и допускалъ ее жить не въ далекомъ отъ него. Съ часу на часъ ожидали всѣ съ его стороны какого нибудь рѣшительнаго поступка; но онъ не предпринималъ ничего и никуда не вызъжалъ. Къ нему же вѣхать никто не смѣлъ. Не менѣе того удивлялъ и графъ. Въмѣсто-того, чтобы бросить и забыть измѣнившую ему Анну Павловну, онъ вездѣ и всѣмъ ее хвалилъ и совершенно извинялъ и оправдывалъ ея поступокъ и, при всей своей деликатности, называлъ Мановскаго мерзавцемъ.

Между тѣмъ, какъ въ обществѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ развязки, менѣе всего, кажется, думали о своемъ положеніи главныя дѣйствующія лица. Почти цѣлые сутки послѣ страшнаго катастрофы, Анна Павловна находилась въ какомъ-то безчувственномъ состояніи. Наконецъ, къ ней возвратилось сознание, и первый человекъ, котораго она увидѣла и узнала, былъ блѣдный и худой Эльчаниновъ. Она настоятельно просила разсказать ей обо всемъ случившемся. Эльчаниновъ повиновался. Выслушавъ разсказъ, она протянула руку къ своему покровителю и со слезами благодарила за данное ей убѣжище.

— Нина! вскричалъ въ изступленіи Эльчаниновъ. Самъ Богъ вырвалъ тебя изъ рукъ злодѣя и отдалъ мнѣ. Ты на вѣки моя и должна мнѣ принадлежать, какъ собственность.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя. Я хочу и должна принадлежать тебѣ! сказала блѣдная женщина и безъ борьбы, безъ раскаянія бросилась въ пропасть, въ которую увлекалъ ее энергическій, но слабый и вѣтренный человекъ. Но какъ бы то ни было, съ этой минуты для нихъ началось блаженство. Цѣлые дни проходили незамѣтно: они гуляли по полямъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ читали и перечитывали, какіе только были у нихъ подъ рукой романы, которые имъ напоминали ихъ собственныя чувства, и наконецъ цѣловались и глядели, по цѣлымъ часамъ, другъ на друга. Они забыли о толкахъ людей, о двусмысленности своего положенія, объ опасностяхъ, о будущемъ. Одинъ только человекъ сталъ нарушать счастье Эльчанинова, — это Савелій. Съ тѣхъ поръ, какъ

выздоровѣла Анна Павловна, онъ непрестанно говорилъ своему пріятелю о необходимости куда нибудь уѣхать, объ опасности со стороны Мановскаго, который не остановится на этомъ. Но Эльчаниновъ никуда не могъ тронуться съ мѣста; у него не было денегъ. Сначала онъ скрывалъ истинную причину отъ своего пріятеля и старался выдумывать различные предлоги отложить отъѣздъ. Наконецъ долженъ былъ признаться откровенно. Лицо Савелія нахмурилось. Въ первый еще разъ онъ увидѣлъ для любовниковъ опасность съ этой стороны. «При самомъ началѣ они нуждаются, думалъ онъ, но что же будетъ дальше?»

— Когда же у васъ будутъ деньги? спросилъ онъ Эльчанинова.

— У меня должны быть скоро небольшія!.. Впрочемъ, можно заложить имѣніе, отвѣчалъ Эльчаниновъ и солгалъ. Имѣніе было давно заложено. Кромѣ того, онъ имѣлъ еще долги, о которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ видѣть своихъ кредиторовъ, почти совершенно забылъ.

— Ну, такъ повѣжайте и заложите скорѣе, говорилъ Савелій.

— Да, я повѣду скоро, отвѣчалъ Эльчаниновъ, чтобъ что нибудь сказать.

Анна Павловна не знала этихъ разговоровъ, которые происходили между друзьями, и только замѣчала, что Эльчаниновъ, всякій разъ, поговоривши съ Савельемъ, становился скучнымъ, но, впрочемъ, это проходило очень скоро.

Между тѣмъ время шло. Савелій, по прежнему, настаивалъ объ отъѣздѣ; Эльчаниновъ, по прежнему, отъигрывался. Наконецъ онъ, казалось, началъ избѣгать оставаться вдвоемъ съ своимъ пріятелемъ, и всякій разъ, когда это случалось, онъ или кликалъ слугу, или самъ выходилъ изъ комнаты, или призывалъ Анну Павловну. Савелій замѣчалъ, хмурился и все-таки старался найти случай возобновить свои убѣжденія, но Эльчаниновъ былъ ловчѣе въ этой игрѣ: Савелью ни разу не случилось остаться наединѣ съ нимъ.

Неожиданное обстоятельство нѣсколько измѣнило порядокъ ихъ жизни. Однажды, это было уже спустя два мѣсяца, отъ графа привезли письмо. На конвертъ было написано: «Аннѣ Павловнѣ, въ собственныя руки.» Оно было слѣдующее:

«Милая моя Анна Павловна!

«Съ прискорбіемъ и радостью услышалъ я о постигшей васъ

*

участи и о перемятъ въ вашей жизни. Не могу васъ судить потому что въ глубинѣ сердца оправдываю вашъ поступокъ. За что же вы забыли меня? За что же вы поставили меня ряду съ людьми, которые вамъ сдѣлали много зла и желаютъ еще сдѣлать? Зачѣмъ же вы, отторгнувшись отъ нихъ, отторнулись и отъ меня? Я съ этими людьми не раздѣляю и, вообщемъ, а тѣмъ болѣе мнѣнія о васъ. Я старѣйшій другъ вашего отца! Не отвергайте моей отеческой привязанности, которую питаю къ вамъ; можетъ быть, она послужитъ вамъ въ пользу особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Прїѣзжайте ко мнѣ и привѣзжайте съ нимъ! Я хочу видѣть, достоинъ ли онъ любви вашей. Скажите ему, что я начинаю уже любить его, потому что онъ любимъ вами.

Остаюсь преданный вамъ

Графъ Сапѣга.»

Анна Павловна, прочитавши письмо, отдала его Эльчанинову. Оно ей было непріятно. Инстинктъ женщины очень ясно говорила, что участіе графа было не безкорыстное и не родственное такъ что она не хотѣла было даже отвѣчать, но совершенно иными глазами взглянула на это Эльчаниновъ. Не смотря на то что Анна Павловна пересказала ему еще прежде объ объясненіяхъ графа и объ его предложеніяхъ, онъ обрадовался покровительству Сапѣги, которое могло быть очень полезно въ настоящемъ положеніи, потому что хоть онъ и скрывалъ, но въ душѣ ужасно боялся Задоръ-Мановскаго.

— Мнѣ кажется, графъ любитъ тебя просто, сказалъ онъ: иначе къ чему бы ему предлагать при теперешнихъ обстоятельствахъ свое участіе?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Чтожъ мнѣ написать къ нему? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Поблагодарить и принять приглашеніе; я самъ поведу съ тобой, отвѣчалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся впрочемъ никогда не отпускать Анну Павловну одну къ графу, и тотчасъ же продиктовалъ ей отвѣтъ:

«Милостивый государь,

графъ Юрій Петровичъ!

«Благодарю васъ за ваше участіе. Богъ вамъ заплатитъ з...

« не забывала васъ, я не отторгалась отъ вашей призна- дружбы; я помнила васъ всегда, цѣнила и надѣялась , но не обращалась къ вамъ потому, что только теперь я поправляюсь отъ тяжелой болѣзни. Принимаю ваше при- е и буду у васъ съ нимъ, когда вы прикажете; прошу , чтобы намъ не встрѣтиться въ вашемъ домѣ съ кѣмъ изъ сосѣдей, такъ враждующихъ теперь противъ насъ. въ повторяя мою благодарность, имѣю честь пребыть
обязанная вамъ и проч.»

« Это было запечатано и отдано посланному. послѣ того пришелъ Савелій. Эльчаниновъ на этотъ избѣгалъ остаться съ нимъ наединѣ. Савелій тотчасъ зовался удобнымъ случаемъ.

« Наконецъ я васъ поймалъ, сказалъ онъ. Когда же вы, нъ Александровичъ, поѣдете закладывать имѣніе? перь, Савелій Никандровичъ, не нужно вхатъ; оставать- ь больше нѣтъ опасности.

« Какъ не нужно? Мановскій живѣхонекъ; вчера видѣлъ: къ рь Николаевнѣ прѣзжалъ!

« Онъ можетъ жить, сколько ему угодно; но дѣло въ томъ, дня графъ прислалъ къ намъ письмо и совѣтовалъ быть ыми, общая своимъ покровительствомъ охранить насъ о.

« Не понимаю, какимъ манеромъ онъ можетъ охранить особливо Анну Цавловну отъ мужа.

« Какъ, Савелій Никандровичъ, какъ вы мало знаете жизнь! ть Эльчаниновъ. Богатый и знатный человекъ... Да че- не можетъ сдѣлать! Знаете ли, что одного его слова нно, чтобы усмирить мужа и заставить его навсегда от- отъ жены.

« Мужа, хоть бы и какого-то не было, врядъ ли кто мо- ставить отказаться отъ жены, а ужъ Мановскаго и по- ы, ей-Богу, Валерьянъ Александровичъ, очень ужъ какъ- чны?

« Безпеченъ я, а только лучше васъ знаю людей, и знаю, терпѣливы къ подобнымъ проступкамъ.

« Какъ вы и не думаете уѣхать отсюда?

« Вижу надобности.

« Валерьянъ Александровичъ, увѣжайте! сказалъ умоляю-

щимъ голосомъ Савелій:—Бога ради, уѣзжайте! Что такое васъ удерживаетъ?... Неужели вамъ жаль денегъ?

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ вспыхнулъ.

— Я не далъ вамъ, кажется, поводу, такъ думать обо мнѣ. Я рискую для этой женщины, оставаясь здѣсь, можетъ быть, жизнью; такъ что тутъ значать деньги?

— Зачѣмъ же рисковать жизнью? Лучше уѣзжайте!.. Отъ чего же вы не ѣдете?

— Невозможно!

— Отъ чего же невозможно?

— Во первыхъ, отъ того, что Анна Павловна больна, во вторыхъ... Да я не вижу: какая будетъ польза, если мы уѣдемъ? Мановскій, если захочетъ сдѣлать зло, сдѣлаетъ вездѣ: будемъ ли мы здѣсь, въ Петербургъ, или Москвѣ? Тамъ, еще болѣе!.. Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, есть покровитель!..

— Какъ это можно! Въ городѣ большая разница, возразилъ Савелій. Тамъ вы будете у него не на глазахъ. Вы можете жить по разнымъ домамъ!... Будетъ подозрѣвiе, да улики по крайности, не будетъ... а покровитель? Помните, что вы сами мнѣ говорили объ этомъ покровителѣ?

— Чтожъ такое?.. Это была ошибка съ моей стороны. Я самъ хорошо вижу, что графъ ее любитъ, какъ другъ ея отца, тѣмъ болѣе, что онъ ей дальнiй родственникъ.

При этомъ словѣ Савелій только усмѣхнулся.

— Уѣзжайте, Валерьянъ Александрычъ, повторилъ онъ; вы еще, видно, и не знаете, что можетъ быть?

— Чтожъ можетъ быть? произнесъ Эльчаниновъ съ поддѣльной безпечностiю.

— А то можетъ, что Мановскій, говорятъ, хочетъ написать тестя, да и прiѣдетъ сюда съ нимъ!.. Каково это будетъ для Анны Павловны? А не то, пожалуй, и къ правительству обратится... Не скроешь этого дѣла.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ поблѣднѣлъ.

— Я знаю, все знаю, проговорилъ онъ, но чтожъ мнѣ дѣлать, если я не имѣю, съ чѣмъ мнѣ теперѣ вѣхать?

— Поезжайте и заложите имѣнiе, а тамъ поступите на службу.

— Но какъ я поѣду? Какъ се оставлю одну? Я не могу съ нею разстаться. Это выше моихъ силъ.

— Поезжайте вмѣстѣ.

вмѣстѣ? Но вмѣстѣ... На это у меня просто не хватитъ де-
казаль, совершенно растерявшись, Эльчаниновъ.

графъ вамъ обѣщаль покровительство! попросите у графа,
Савелій.

графа? Никогда! Да онъ и не дасть.

можетъ, и дасть!.. Вы сами говорите: онъ любить Анну
и родственникъ ей. Вы объясните ему откровенно.

и за что на свѣтъ, чтобы я унижилъ себя до того, что-
подобнаго господина сталъ ханжить денегъ! ни за что!
съ рѣшительно Эльчаниновъ.

чтожь тутъ за униженіе? возразилъ Савелій. Не хотите
.. Кабы я зналъ, я бы лучше отвезъ Анну Павловну въ
къ отцу протопопу знакомому... онъ можетъ поддержаль
пока она своему папенькѣ написала.

благодарю васъ, что вы такъ меня понимаете, сказалъ
нымъ голосомъ Эльчаниновъ.

то мнѣ васъ понимать? я человекъ простой, а вы обра-
нній!.. Взялъ я только на свою душу грѣхъ!..

очень сожалью, что приняли для меня на свою душу грѣхъ,
Эльчаниновъ, начинавшій уже окончательно выходить изъ
я.

одъ Анны Павловны прекратилъ ихъ разговоръ.

черезъ четыре графъ прислаль человека съ письмомъ, въ
тъ въ тотъ же день приглашалъ ихъ къ себѣ и увѣдом-
то онъ весь день будетъ одинъ. Часу въ двѣнадцатомъ
Павловна, къ соблазну всѣхъ сосѣдей, выѣхала съ Эльча-
ннмъ, какъ бы съ мужемъ, въ одной коляскѣ.

встрѣтилъ сейчасъ новобрачныхъ! сказалъ исправникъ
скому предводителю, пріѣхавши къ нему и повстрѣчавши
тельно нашихъ любовниковъ.

какихъ новобрачныхъ? спросилъ тотъ.

эльчанинова съ Мановской.

неужели они обвѣнчались?

нѣтъ-съ; я шучу, сказалъ исправникъ. Только вдутъ вдво-
поворотили въ Каменки.

господи—твоя воля! сказалъ предводитель. Что это такое
ея!.. Эдакая безстыдница!..

а, ваше превосходительство, нечего сказать, еще и не-
такой!.. Что-то Мановскій?

огъ его знаетъ, сидитъ, сказалъ предводитель.

— Да уж онъ что-нибудь и выондить, замѣтилъ исправникъ.

— Но мнѣ всѣхъ тутъ страннѣе графъ, продолжалъ предводитель: то онъ дѣйствуетъ такъ, то иначе.

— Не понятно, подхватилъ исправникъ.

Одно и тоже почти говорили во всѣхъ домахъ, съ тою только разницею, что мужчины старались больше понять и разгадать, а дамы просто бранили Анну Павловну, объясняя все тѣмъ, что она женщина безъ всякихъ правилъ.

Между тѣмъ графъ часу въ первомъ по-полудни былъ по прежнему въ своей гостиной; хотя туалетъ его былъ все также изысканъ, но онъ, казалось, въ этотъ разъ былъ болѣе въ спокойномъ состояніи духа, чѣмъ передъ первымъ визитомъ Анны Павловны: онъ не ходилъ по комнатамъ безпокойными шагами, не заглядывалъ въ окно, а спокойно сидѣлъ на диванѣ и передъ нимъ лежала раскрытая книга. Ивана Александровича не было около него. Графъ прогналъ его вскорѣ послѣ того, какъ онъ произвелъ кутерьму у Задоръ-Мановскаго, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе на счетъ участія въ открытіи тайны. Бѣдный племянникъ скрывалъ это отъ всѣхъ, и притворился больнымъ. Вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ Анны Павловны и Эльчанинова.

— Просить! сказалъ графъ и привсталъ съ дивана.

Анна Павловна вошла первая, а за нею Эльчаниновъ.

— Здравствуйте, гордая Анна Павловна! сказалъ графъ. Нѣтъ, я опять за старое, поцѣлуйте!

Анна Павловна повиновалась.

— Здравствуйте и вы, тоже гордый молодой человекъ, прибавилъ онъ, протягивая Эльчанинову руку, которую тотъ принималъ съ нѣкоторымъ волненіемъ: ему было какъ-то совѣстно своего положенія.

— Здоровы ли вы?.. Поспокойнѣе ли? спросилъ графъ Анну Павловну, усадивши ее на диванъ. Эльчаниновъ сѣлъ поодаль.

— Я здорова, графъ, отвѣчала она.

— Васъ я не спрашиваю, продолжалъ Сапѣга, обращаясь къ Эльчанинову, вы должны быть здоровы, потому что счастливы. Сядьте къ намъ поближе.

Эльчаниновъ пересѣлъ на ближнее кресло.

— Вы давно живете въ деревнѣ? спросилъ его графъ.

— Молода, ваше сіятельство, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Только полгода? повторилъ графъ, посмотрѣвши на Анну Павловну. А прежде гдѣ вы жили?

— Въ Москвѣ.

— Служили тамъ?

— Сначала учился въ университетъ, а потомъ служилъ.

— А!.. произнесъ протяжно графъ, и потомъ, какъ бы самъ съ собою, прибавилъ: въ Москвѣ собственно службы для молодыхъ людей нѣтъ.

— Кажется, или по-крайней-мѣрѣ я это на себя очень чувствовалъ, подхватилъ Эльчаниновъ. Меня сдѣлали сверхъ-штатнымъ писцомъ, тогда какъ я и сноснаго почерка не имѣю.

Графъ, съ улыбкою, покачалъ головой.

— Вы, вѣроятно, не имѣли никакихъ связей, произнесъ онъ совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Рѣшительно никакихъ, ваше сіятельство, кромѣ добросовѣстнаго желанія трудиться, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Богъ дастъ, вамъ и придетъ это время трудиться, а теперь покуда мы васъ не отпустимъ на службу; живите здѣсь въ деревнѣ, честолюбіе отложите въ сторону, вамъ весело и безъ службы.

— Мнѣ надобно бы служить, графъ, хоть за тѣмъ, чтобы уехать отсюда.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать, проговорилъ Сапѣга, но я думаю, что я такъ люблю Анну Павловну и что покуда я здѣсь, то зорко буду слѣдить за вашимъ спокойствіемъ; а тамъ, Богъ дастъ, переведемъ и въ Петербургъ, гдѣ я имѣю нѣкоторую возможность устроить васъ.

Будь другой человекъ на мѣстѣ Эльчанинова, онъ бы, можетъ, понялъ на что билъ графъ; онъ бы понялъ, что Сапѣга съ намѣреніемъ будилъ въ немъ давно уснувшее честолюбіе; онъ бы понялъ, что тотъ хочетъ его удержать при себѣ, покуда самъ будетъ жить въ деревнѣ, а потомъ увести вмѣстѣ съ Анной Павловной въ Петербургъ. Но, увы! Эльчанинову только мелькнула богатая перспектива, которую можетъ открыть ему покровительство такого человека, каковъ былъ графъ. Въ первый разъ еще кой герой вспомнилъ о службѣ, о возможности жить ею въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Анной Павловной, и привязался къ этой мысли.

— Мнѣ очень нужно служить, ваше сіятельство, сказалъ онъ.

— Увидимъ, увидимъ, отвѣчалъ графъ. Не помнитъ ли еще

намъ Анна Павловна? Мы еще не спрашивали ее, да и не будем спрашивать покуда.

Во весь остальной день Сапъга, бывши очень ласковъ съ Анною Павловной, много говорилъ съ Эльчаниновымъ и говорилъ о серьезныхъ предметахъ. Онъ рассказывалъ между прочимъ какъ много въ настоящее время молодыхъ людей единственно посредствомъ службы вышло въ знать и составляютъ теперешнюю почти главныхъ дѣятелей по разнымъ отраслямъ государственнаго управления. Такъ прошелъ цѣлый день. Молодые люди уехали послѣ ужина.

Графъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Услышавши о страшной развязкѣ, которою кончилось объясненіе Ивана Александровича съ Мановскимъ и о бѣгствѣ Анны Павловны къ Эльчанинову, Сапъга, удивленный этимъ, еще болѣе раздражился. Стеснительная прихоть превратилась въ страсть. Но въ то же время онъ видѣлъ, что дѣйствовать рѣшительно нельзя, а надобно ожидать времени. Привязать къ себѣ участіемъ молодыхъ людей, которыхъ всѣми, казалось ему первымъ шагомъ, а тамъ возбуждая въ душѣ молодаго человѣка другую страсть — честолюбія, которая, по мнѣнію его, должна была вытѣснить всѣ другія: оставленная мужемъ, забытая любовникомъ, Анна Павловна не могла уйти отъ него; Мановскаго онъ боялся и не боялся, какъ боялся и не боялся медвѣдей. Но однако мы замѣтимъ, графъ выждалъ цѣлый мѣсяцъ войти въ прямыя сношенія молодыми людьми, и, въ продолженіи этого времени, только хвалилъ и защищалъ Анну Павловну; но Мановскій ни къ чему не приступалъ, и графъ началъ.

II.

Прошло еще три мѣсяца. Дѣйствующія лица моего разсказа оставались въ прежнемъ положеніи. Анна Павловна все такъ жила у Эльчанинова, графъ приглашалъ ихъ къ себѣ и самъ къ нимъ ѣздилъ. Мановскій молчалъ и бывалъ только у Клеопатры Николаевны, къ которой по этому всѣ адресовались съ вопросами, но вдова говорила, что она не знаетъ ничего. Болѣе любопытные даже пріѣзжали къ ней въ усадьбу, чтобы посмотреть на оставленнаго мужа, но имъ никогда не удавалось встрѣтить Мановскаго, хотя они и слышали, что въ этотъ самый день онъ проѣзжалъ въ Ярцово.

У предводителя назначенъ былъ объѣздъ. Общество было прежнее, за исключеніемъ Мановскаго и Эльчаннинова. Клеопатра Николаевна сидѣла на диванѣ между Уситковой и Симановскою. Передъ ними стоялъ исправникъ. Прочія дамы сидѣли на креслахъ. Мужчины стояли и ходили. Всѣ ожидали графа.

— Давно ли вы видѣли вашего несчастнаго онекуна? спросилъ исправникъ Клеопатру Николаевну.

— Онъ былъ вчера у меня, отвѣчала Клеопатра Николаевна. Почему же несчастнаго? прибавила она.

— Да какъ же? Жену отняли! возразилъ исправникъ.

— Онъ, кажется, забылъ объ ней и думать, впрочемъ я съ нимъ никогда объ этомъ не говорю.

— Я ее встрѣтилъ, сказалъ исправникъ, пополнила, такая хорошенькая.

— Желаю ей, отвѣчала съ презрѣніемъ вдова: всѣ подобныя ей хорошенькія, и вамъ мужчинамъ обыкновенно нравятся.

— Оно лучше; а то что толку, напримѣръ, въ васъ, Клеопатра Николаевна? Ни Богу, ни людямъ! Замѣтилъ съ усмѣшкою исправникъ, немного волокита по характеру, и изкогда тоже улаживавшій за Клеопатрою Николаевною, но не успѣвшій, и теперь слегка подсмѣивающійся надъ ней.

— Пожалуйста, избавьте меня отъ такихъ сравненій, отвѣчала вдова, обиженнымъ тономъ.

— Я васъ не смѣю и сравнивать, сказалъ исправникъ.

— Графъ ѣдетъ! произнесъ громко Уситковъ, уже давно смотрѣвшій въ окно.

При этомъ извѣстїи мужчины встали, дамы начали поправляться и сѣли по прямѣ; на всѣхъ лицахъ было небольшое волненіе. Одна только Клеопатра Николаевна не увлеклась этимъ общимъ движеніемъ и еще небрежно развалилась на диванѣ. Хозяинъ былъ въ наугольной. Услышавъ о прибытіи графа, онъ впрочемъ пробѣжалъ гостиную, и, вышедши въ залу, остановился не вдалекъ отъ дверей изъ лакейской. За нимъ послѣдовали почти всѣ мужчины. Графъ быстро, но гордо прошелъ залу, привѣтствовалъ хозяина; поклонился на обѣ стороны мужчинамъ и вошелъ въ гостиную. Казалось, это былъ другой человекъ, а не тотъ, котораго мы видѣли въ его домашнемъ быту, при посѣщенїи Анны Павловны, и даже при собственномъ его визитѣ Мановскому. На лицѣ его, бывшемъ тогда привѣтливымъ и радушнымъ, написана была теперь важная холодность.

Онъ сдѣлалъ общій поклонъ дамамъ и, сопровождаемый хозяйномъ, подошелъ къ дивану. Двѣ звѣзды свѣтились на его фронтонѣ. Уситкова проворно вскочила, чтобъ уступить ему свободное мѣсто.

— Не безпокойтесь, сударыня, сказалъ графъ, вѣжливо поклонившись, и сѣлъ на пустое кресло, стоявшее у того конца дивана, гдѣ сидѣла Клеопатра Николаевна. Вдова сдѣлала движеніе, чтобы повернуться къ нему лицомъ: она еще въ первый разъ видѣла графа. Хозяинъ и нѣсколько мужчинъ стояли ногахъ передъ Сапѣгою.

— Какъ здоровье вашего сіятельства? спросилъ хозяинъ.

— Благодарю васъ, я здоровъ, только скучаю.

— Что мудренаго, ваше сіятельство, послѣ Петербурга, замѣтилъ Уситковъ, вотъ наше дѣло привычное, да и тутъ...

— Меня не любятъ здѣшнія дамы! прибавилъ графъ, вскинувъ взглядъ на вдову. Ни одна изъ нихъ не посѣтила меня.

— Дамы, вѣроятно, боятся обезпокоить васъ, графъ, сказала съ жеманною улыбкою вдова.

— Въ томъ числѣ и вы, сударыня? спросилъ Сапѣга.

— Я не имѣю чести быть знакома съ вами, графъ, отвѣчала Клеопатра Николаевна, приподнявъ, съ гордостью, голову.

Графу видимо понравился тонъ этого отвѣта.

— Такъ позвольте же мнѣ завтрашній день устранить это препятствіе и сдѣлать вамъ визитъ.

— Много обяжете, графъ.

— Вашъ супругъ?

— Я вдова, и потому боюсь, что вамъ скучно будетъ у меня.

— Вы позволили мнѣ быть у васъ? сказалъ графъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

Вдова отвѣчала улыбкою: она торжествовала.

Послѣ этого легкаго разговора, графъ всталъ и пошелъ на балконъ, чтобы разсмотрѣть окружныя виды. Лице его, одушевленное нѣсколько при разговорѣ съ Клеопатрою Николаевною, сдѣлалось по прежнему важно и холодно. Вслѣдъ за нимъ потянулись мужчины; графъ началъ разговаривать съ хозяйномъ.

— Мнѣ говорили, что онъ совершенный старикъ! сказала Клеопатра Николаевна Симановской.

— Какой же старикъ, я вамъ говорила, отвѣчала та, теперя еще что? а посмотрѣли бы вы на него у Мановскихъ.

Вдова сдѣлала гримасу.

Каждый мужчина съ подобными женщинами бываетъ любезному что онъ сами вызываютъ ихъ на то, сказала она итальной улыбкою.

Время въ гостиную вошелъ высокой мужчина. Удивленіе и любопытство показалось на всѣхъ лицахъ. Это былъ Захаровскій. Онъ прямо подошелъ къ хозяину, отдалъ поклонъ графу, на который Сапѣга отвѣчалъ сухо, поклонившись дамамъ, подалъ нѣкоторымъ мужчинамъ рукопожатіе съ ними обыкновенный разговоръ. При его прихода Клеопатра Николаевна нѣсколько измѣнилась въ лицѣ, физиономія ея сдѣлалась еще важнѣе и серьезнѣе. Что касается до остальныхъ гостей, то они чувствовали нѣкоторый страхъ, но не знали, какъ себя держать. Оказать вниманіе Мановскому какъ покажется это графу, который называлъ его своимъ покровительствомъ его женѣ. Не замѣчать Мановского они не могли, потому что чувствовали къ нему уваженіе, кромѣ того, имъ хотѣлось поговорить съ нимъ и узнать можно, выведать, что у него на душѣ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ перемѣну въ лицѣ Мановскаго. Онъ какъ будто сдѣлался, обрюзгъ и похудѣлъ. Недоумѣвая такимъ образомъ, однакожь были сущіе обыкновеннаго съ Михайломъ Мановскимъ, но онъ какъ бы не замѣчалъ этого, и, поговоря съ нимъ, подошелъ къ дамамъ, спросилъ нѣкоторыхъ о здравьи около Клеопатры Николаевны, которая опять нѣсколько сконфузилась.

Здравьте меня, Михайло Егорычъ, сказала она, ко мнѣ идетъ графъ.

Кто? спросилъ Мановскій, взглянувши пристально на

графа и спросился.

Кто я, какъ онъ спросился, сказалъ Михайло Егорычъ, Мановскій. Мнѣ бы нужно переговорить съ Алексѣемъ Михайловичемъ, продолжалъ онъ, помолчавъ.

Кто дядей?

Кто чѣмъ?

Кто знаетъ, говорилъ Мановскій, не отвѣчая на вопросы Клеопатры Николаевны, никогда нельзя прѣвѣхать по дѣлу, Мановскій онъ дамъ сволочи... гдѣ его кабинетъ?

Кто корридора первая комната, стеклянныя двери.

— Тамъ никого нѣтъ?

— Я думаю.

— Я теперь пойду туда, позовите его ко мнѣ, я ему шлю кой что сказать.

Проговоря это, Мановскій всталъ и ушелъ.

— О чемъ это съ вами говорилъ Михайло Егорычъ? спросила Клеопатру Николаевну Симановская, давно уже обмиравшая отъ любопытства.

— Все по этой проклятой опекѣ, отвѣчала вдова.

— А объ женѣ ничего не говорилъ?

— Отвяжитесь вы, Бога ради, съ этой женой, отвѣчала Клеопатра Николаевна, которая послѣ разговора съ Мановскимъ была не въ духъ.

— Ахъ, какъ интересно знать, что онъ думаетъ о женѣ, произнесла Симановская.

— Спросите его сами.

— Сохрани Богъ!

— Напрасно, я бы вамъ совѣтовала.

— Я могу обойтись и безъ вашихъ совѣтовъ! возразила, вспыхнувши отъ досады, Симановская и затѣмъ объ дамы замолчала. Клеопатра Николаевна, поодѣвъ немного, вышла въ диванную и прошла въ дѣвичью, гдѣ, поздоровавшись съ цѣлою дюжиною горничныхъ дѣвокъ и справившись, что теперь онѣ работаютъ, объявила имъ, что она своими горничными очень довольна, и что на прошлый недѣль купила имъ всѣмъ на платья прехорошенькой холстинки. Послѣ того, она снова вернулась въ гостиную и, подошедши къ дядѣ, который съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ графа, ударила его потихоньку по плечу. Старикъ обернулся.

— Васъ спрашиваютъ, mon oncle!

— Зачѣмъ, душа моя?

— Нужно-съ.

Старикъ, извинившись передъ графомъ, пошелъ было въ диванную.

— Въ кабинетъ, mon oncle.

— Завертѣла ты меня, говорилъ старикъ, повернувшись.

— Я люблю командовать! проговорила, какъ бы ни къ кому собственно не обращаясь, Клеопатра Николаевна.

— Право? спросилъ графъ, весьма хорошо догававшій, что эта фраза сказана была собственно для него.

— Очень.... Однако я у васъ отняла слушателя, позвольте мнѣ занять его мѣсто? сказала Клеопатра Николаевна, вставая на мѣсто дяди.

— Вы очень снисходительны, сударыня, сказалъ графъ съ улыбкою:—мы говорили о весьма скучномъ для молодой дамы предметѣ.

— О какомъ же это?

— О хозяйствѣ.

— Ахъ, Боже мой! Я очень люблю сельское хозяйство, хочу даже у себя сдѣлать эту шестипольную систему. Это очень удобно и выгодно. Клеопатра Николаевна, видимо, хотѣла похвастать передъ графомъ своими агрономическими свѣденіями.

— Ба!.. да вы большія агрономки! сказалъ графъ.

— Нѣтъ! я только деревенская жительница.

— У Клеопатры Николаевны всегда родится прекрасный хлѣбъ! замѣтилъ Уситковъ.

— Это въ новомъ вкусѣ, замѣтилъ графъ: — молодая, прекрасная и образованная хозяйка.

— Благодарю, графъ, за насмѣшку.

— Позвольте лучше мнѣ благодарить васъ за вашу недовѣрчивость къ моимъ словамъ.

— Недовѣрчивость?... повторила съ довольно милой гримасой вдова. — Мужчинамъ нельзя довѣрять, не только въ важныхъ вещахъ, но даже и въ пустякахъ.

— Я принадлежу къ старому поколѣнію.

— Это все равно: никому нельзя довѣрять, и я одному только человеку въ жизнь мою вѣрила.

— А именно?

— Моему мужу.

— А теперь?

— А теперь никому не вѣрю, не вѣрила и не буду вѣрить.

— Это ужасно!

— Ничего нѣтъ ужаснаго!... «Я мертвецу святыней слова обречена!» произнесла съ полунасмѣшкою Клеопатра Николаевна, и хотѣла еще что-то продолжать, но въ это время вошелъ хозяинъ съ озабоченнымъ и сконфуженнымъ лицомъ. Онъ значительно посмотрѣлъ на Клеопатру Николаевну и подошелъ къ графу.

— Вы не dokonчили вашей мысли, сказалъ Сапѣга замолчавшей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ, я все сказала, отвѣчала та, взглянувши искоса в залу и увидѣвши входящаго Мановскаго. — Теперь мое мѣсто опять займетъ дядюшка.

Съ этими словами Клеопатра Николаевна отошла, сѣла на прежнее мѣсто и начала разговаривать съ Уситковой. Михайла Егорычъ подошелъ къ толпѣ мужчинъ, окружавшей графа и, какъ казалось, хотѣлъ принять участіе въ разговоръ, но Савьга отошла и сѣла около дамъ. Онъ много шутилъ, заговаривая преимуществу съ Клеопатрою Николаевной, которая, впрочемъ, была какъ-то не въ духъ. Мановскій ухалъ, поклонясь хозяйкѣ и графу, и сказавъ что-то на ухо Клеопатрѣ Николаевнѣ. Вдова, по отъездѣ его, сдѣлалась гораздо веселѣе и любезнѣе и сама начала заговаривать съ графомъ, и вечеромъ, когда ужъ солнце начало садиться и общество вышло въ садъ гулять, графъ и Клеопатра Николаевна стали ходить вдвоемъ по одной изъ отдаленныхъ аллей.

— Отъ чего вы намъ, графъ, не дадите балу? сказала она.

— У меня нѣтъ хозяйки, возразилъ графъ.

— Ахъ, Боже мой! Каждая изъ насъ готова съ радостью принять на себя эту обязанность.

— Напримѣръ, если я васъ попрошу.

— Съ большимъ удовольствіемъ, только съ умью ли? Впрочемъ вы меня научите.

— Я буду самъ васъ слушаться.

— Желала бы хоть не на долго повелѣвать вами.

— Скоро соскучитесь, старики, какъ дѣти, скоро надобно дадутъ.

— Ихъ не надобно дразнить.

— А какимъ образомъ вы это сдѣлаете? спросилъ графъ.

— Очень просто, надобно ихъ, какъ и дѣтей, то пожуришь, то приласкать, отвѣчала вдова.

— Вы опасная для стариковъ женщина! проговорилъ Савьга.

— И они для меня опасны!

— Желалъ бы убѣдиться въ томъ.

— Испытайте. Но впрочемъ вамъ не возможно, вы не старикъ! объяснила Клеопатра Николаевна.

Графъ посмотрѣлъ на нее: не совсѣмъ скромное и хорошаго тона кокетство ея, благодаря красивой наружности, начинало ему нравиться. Въ подобныхъ разговорахъ день кончился. Графъ ухалъ поздно. Онъ говорилъ, по большей части, съ

вдовою. Предпочтеніе, которое оказалъ Сапъга Клеопатрѣ Николаевнѣ, не обидѣло и не удивило прочихъ дамъ, какъ случилось это, послѣ оказаннаго имъ вниманія Аннѣ Павловнѣ. Всѣ давно привыкли сознать превосходство вдовы. Она ухала вскорѣ послѣ графа, мечтая о завтрашнемъ его визитѣ.

Хозяинъ, послѣ разговора съ Мановскимъ, былъ цѣлый день чѣмъ-то озабоченъ и разстроенъ. Часа въ два гости всѣ разѣхались, остался одинъ только исправникъ.

— Вы, Алексѣй Михайлычъ, изволите сегодня быть какъ будто разстроены! сказалъ онъ, видя, что предводитель сидѣлъ, потупя голову.

— Будешь разстроены, отвѣчалъ старикъ: — неприятность на неприятности.

— Что такое случилось?

— Какъ что? Видѣли, соколь-то прѣвзжалъ.

— Какой?

— Мановской. Господи Боже! что это за человѣкъ!

— Да что такое? повторилъ исправникъ, сильно заинтересованный.

— Просить у меня... да вы, пожалуйста, никому не говорите... просить, дай ему удостовѣреніе въ дурномъ поведеніи жены. Хочетъ производить формальное слѣдствіе и хлопотать о разводѣ. Вы, говорить, предводитель, должны знать домашнюю жизнь помѣщиковъ! А я... Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ такое!.. она ихъ ничего не сдѣлала.

— Какъ же вы намѣрены поступить?

— Самъ не знаю; теперь покуда отдѣлался, сказалъ, что даже и не слышалъ ничего, такъ, говорить, сдѣлайте дознаніе. Что прикажешь дѣлать! Придется дать. Всѣмъ извѣстно, что она живетъ у Эльчанинова, такъ и напишу, что дѣйствительно живетъ, а въ какихъ отношеніяхъ—не знаю.

— Да, такъ и напишите, что точно живетъ, а какъ?—не извѣстно.

— Оно такъ, да все кляузы.

— Конечно кляузы, и кляузы неприятныя; а мы, вотъ, ваше превосходительство, земская полиція, вѣкъ живемъ на этихъ кляузахъ.

— И не говорите ужъ лучше! подтвердилъ добродушно старикъ.

III.

Въ Корвинъ тоже происходили своего рода сцены. Эльчаниновъ, послѣ поѣздки къ графу, сдѣлался задумчивѣе и разсѣяннѣе противъ прежняго. Казалось, какая-то мысль занимала его. Онъ не говорилъ уже безпрестанно съ Анной Павловной и часто не отвѣчалъ даже на ея ласки. Съ Савельемъ онъ былъ какъ-то сухъ и, по-прежнему, избѣгалъ оставаться съ нимъ наединѣ. Впрочемъ тотъ однажды нашолъ случай и спросилъ его: придумалъ ли онъ какое нибудь средство уѣхать, но Эльчаниновъ, рассказавъ очень подробно весь свой разговоръ съ графомъ, рѣшительно объявилъ, что онъ безъ воли Сапги ничего не хочетъ дѣлать и во всемъ полагается на ея совѣты. Послѣ этого Савелій пересталъ говорить и только иногда долго и долго смотрѣлъ на Анну Павловну какимъ-то страннымъ взоромъ, потомъ вдругъ опускалъ глаза и тотчасъ послѣ того уходилъ. Посѣщенія его стали рѣже, но продолжительнѣе, какъ будто бы ему было тяжело прійти, а, пришедши, — трудно уйти.

Анна Павловна начала замѣчать перемѣну въ Эльчаниновѣ. Сперва она думала, что онъ боленъ, и безпрестанно спрашивала, каково онъ себя чувствуетъ. Эльчаниновъ клялся, божился, что онъ здоровъ, и послѣ того старался быть веселымъ, но потомъ вскорѣ внадалѣ опять въ разсѣянность. Мой герой думалъ о службѣ.

Жизнь въ столицѣ, — обширное поле дѣятельности, наконецъ богатство и почти несомнѣнная надежда — достигнуто всего этого чрезъ покровительство знатнаго чловѣка, — вотъ что занимало его теперь. Любовь, не представлявшая ничего рельефнаго, ничего выпуклаго, что обыкновенно дѣйствуетъ на характеры впечатлительные, но не глубокіе, не могла уже увлекать Эльчанинова; онъ былъ слишкомъ еще молодъ да и по натурѣ вряд-ли способенъ къ семейной жизни. Ему хотѣлось перемѣнъ, новыхъ впечатлѣній и онъ думалъ, что все это можетъ доставить ему служба, и думалъ о томъ безпрестанно. Были даже минуты, когда ему приходило въ голову, что какъ бы было хорошо, еслибы онъ былъ совершенно свободенъ — не связанъ съ этою женщиною; какъ бы могъ онъ воспользоваться покровительствомъ графа, который могъ ему доставить мѣсто при посольствѣ; онъ поѣхалъ бы за границу, сдѣлался бы секретаремъ посольства,

далше... Увлеченъ, онъ начиналъ вѣрить, что Сазываеъ ему ласки и общаетъ покровительство за личностности. Въ этой мысли поддерживалъ его самъ сторый, бывши съ нимъ весьма любезенъ, постоянно и мекалъ на его необыкновенныя опособности и жаллъ томъ, что подобный ему молодой человекъ не служить губить свой вѣкъ. Эльчаниновъ очень часто вздлъ въ и каждый разъ возвращался погруженный въ самого

Анна Павловна убѣдилась, что Эльчаниновъ здоровъ, страшная мысль, что онъ разлюбилъ ее, пришла ей въ представилось, что онъ тяготится ею, онъ, единственный человекъ, который остался у ней въ мѣрѣ. Это было. Она хотѣла молиться, чтобы хоть нѣсколько облегчи муки, и не могла. О, какъ эти страданія далеко преи всѣ прежнія. Ес опять не любить близкій человекъ, близкій, котораго она сама страстно любила, привязан- которому наполняла все ея сердце. Онъ, можетъ быть, жить ей любить себя. Ея ласки будутъ ему въ тягость. жить ее одну, безъ имени, безъ средствъ и что буда съ нею? Цѣлую ночь она протрадала и проплакала вшнись, была такъ худа и блѣдна, какъ бы послѣ тяж- знии. Эльчаниновъ замѣтилъ это.

о съ тобою, Анета? спросилъ онъ.

урно спала, отвѣчала Анна Павловна слабымъ голосомъ. на себя не похожа, продолжалъ Эльчаниновъ, взгляды- въ лицо. Что съ тобою?

ночью думала: что если ты меня разлюбишь, поки-

чему эти мысли, ангель мой?... Зачѣмъ ты мучишь се- тами?.. Я люблю тебя и буду любить! отвѣчалъ до- лодно Эльчаниновъ.

Павловна не могла долѣе скрывать мучительной для нея ть невыносимомъ волненіи унала она головой на козлы ва и зарыдала.

не покидай меня! вскричала она. Я вижу, ты скучаешь .. Я тебя въ тягость?... Ты разлюбилъ меня?

сильнаго движенія отчаянія и мольбы, которыя, сверхъ нія, обнаружила Анна Павловна, слишкомъ было доста-

точно, чтобы снова, хоть на некоторое время, возбудить въ Эльчаниновъ остывающую страсть. Онъ схватилъ ее въ объятія.

— Мнѣ разлюбить тебя! Когда моя жизнь, мои надежды, моя будущность сосредоточены въ тебѣ! Оттолкнуть тебя!... Господи!... Скорѣй я сдѣлаюсь самоубійцею!... Anette! Anette! И ты могла подумать?... Это горько и обидно!... Откуда пришли тебѣ эти черныя мысли?...

— Ты былъ все это время печаленъ и задумчивъ! говорилъ нѣсколько успокоившись, молодая женщина.

— Задумчивъ?... Да знаешь ли ты, о чемъ я думалъ? началъ Эльчаниновъ. Я думалъ о тебѣ, о твоей будущности; думалъ какъ бы окружить тебя всеми удобствами, всеми благами жизни; думалъ сдѣлать себя достойнымъ тѣхъ надеждъ, которыя ты питаешь ко мнѣ. А ты меня ревнуешь къ этимъ мыслямъ! Это горько и обидно! и онъ снова обнялъ ее, и посадилъ съ бою на диванъ.

— Прости меня, сказала Анна Павловна. Ты былъ задумчивъ и я подумала...

— Подумала... Вотъ какъ вы, женщины, дурно знаете насъ! Но ты не должна быть похожа на другихъ. Наша любовь не къмъ ничего не должна имѣть общаго: изъ любви ко мнѣ, должна мнѣ вѣрить и надѣяться; изъ любви къ тебѣ, я буду работать, буду трудиться. Вотъ какова должна быть любовь наша!

Говоря это, Эльчаниновъ не лгалъ ни слова и въ эти минуты онъ дѣйствительно такъ думалъ; въ голосъ его было столько неотразимой убѣдительности, что Анна Павловна сразу ему вѣрила и успокоилась. Во весь остальной день онъ не задумывался и говорилъ съ нею. Онъ рассказывалъ ей все свои надежды; съ восторгомъ описывалъ жизнь, которую онъ намѣренъ былъ повести съ нею въ Петербургъ. Вечеромъ пришелъ Савелій. Лице его было мрачнѣе обыкновеннаго; онъ, молча, пошелъ и съѣлъ.

— На меня, сегодня поутру, разсердилась Анна Павловна, сказалъ Эльчаниновъ своему пріятелю.

Савелій посмотрѣлъ на Мановскую.

— За что-съ? спросилъ онъ.

— За то, что я иногда задумывался.

Савелій ничего на это не сказалъ.

— Тогда какъ, продолжалъ Эльчаниновъ, какъ бы стараясь

тѣсь передъ пріятелемъ, я и задумывался объ ней самой, будущности.

то же вы думали объ ихъ будущности? сказалъ Савелій
нлся.

ниновъ нѣсколько замаялся; впрочемъ, послѣ минутнаго
ленія, онъ началъ:

о первыхъ, я думалъ о моей службѣ въ Петербургѣ. Я
получать двѣ тысячи рублей серебромъ, это вѣрно, графъ
. И если къ этому прибавить мои тысячу рублей сереб-
начить, я буду имѣть три тысячи рублей,—сумма весь-
маточная, чтобы жить вдвоемъ.

го въ родъ улыбки пробѣжало по лицу Савелья; но Эль-
чь, увлеченный своею мыслию и потому, ничего уже не
шій, что вокругъ его происходило, продолжалъ:

какъ это будетъ хорошо! воскликнулъ онъ. А тутъ, Богъ
прибавилъ онъ, обращаясь къ Савелью, и вы, мой другъ

Никандрычъ, перевъдете къ намъ въ Петербургъ. Мы
сведемъ особую комнату и найдемъ приличную службу.

рть возьми, губить свой вѣкъ въ деревнѣ?... Двѣтель-
движеніе впередъ, прогрессъ нравственный и обществен-
гъ, чѣмъ должна отличаться молодежь!... Дайте-ка вамъ
съ вашимъ умомъ, какъ вы далеко уйдете.

ій опять ничего не отвѣчалъ. Видимо, что ему было да-
адно слушать этотъ вздоръ.

нѣ бы съ вами надобно переговорить, Валерьянъ Але-
вичъ! сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, и самъ

то такое? спросилъ Эльчаниновъ, ужъ нахмурившись.

о одному моему дѣлу, отвѣчалъ Савелій, показывая го-
а залю.

у, старыя пѣсни, подумалъ Эльчаниновъ, — и оба пріа-
шли.

ера я былъ на почтѣ, началъ Савелій, и встрѣтилъ тамъ
а Мановскаго. Онъ получилъ письмо съ черною печатью.

знаться сказать, попросилъ мнѣ показать. На конвертѣ
о, что изъ Кременчуга, а тамъ живетъ папенька Анны
ы. Я боюсь, не умеръ ли онъ?

сли онъ и умеръ, я въ этомъ совершенно не виноватъ.
мнѣ дѣлать? отвѣчалъ Эльчаниновъ, пожавъ плечами.

— Вы прикажите, по-крайней-мѣрѣ, чтобы оно не дошло какъ нибудь до Анны Павловны.

— Дойти до Анны Павловны оно ни коимъ образомъ не можетъ. Я давно такъ распорядился, чтобы собаки изъ Могилки сюда не пускали.

— Да вы вѣдь такъ только это говорите! А тутъ смотришь. Проговорилъ Савелій, и не докончивъ фразы, ушелъ вскорѣ домой.

— О чемъ съ тобою по секрету говорилъ Савелій Никандровичъ спросила Анна Павловна.

— Хлѣба у меня взаимы просилъ; бѣднякъ, вѣдь, онъ ужасный! отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Онъ очень добрый и хорошій человекъ, сказала Анна Павловна.

— О, это идеаль честности и благородства! отвѣчалъ Эльчаниновъ и потомъ, обнявъ и прижавъ къ груди Анну Павловну началъ ей снова говорить о службѣ, о петербургской жизни.

Анна Павловна тоже была счастлива, потому, что единственнѣйшій другъ любилъ ее по-прежнему.

Проснувшись на другой день, Эльчаниновъ совершенно забылъ слова Савелья о какомъ-то письмѣ и похвалъ въ 12-ть часовъ къ графу. Анна Павловна, всегда скучавшая въ отсутствіе ея напрасно принималась читать книги, ей было грустно. Въ цѣломъ домѣ она была одна: прислуга, благодаря неаккуратности Эльчанинова, не имѣла привычки сидѣть въ комнатахъ и преблаженно проводила время въ перебранкахъ и въ разговорахъ избамъ. Кашель и шаги въ залъ вывели Анну Павловну изъ задумчивости.

— Кто тамъ? спросила она. Въмѣсто отвѣта послышались шаги. Анна Павловна вышла.

— Здравствуйте, матушка Анна Павловна! Еще привелъ Богъ васъ видѣть, говорилъ могилковскій Сенька, подходя къ рукѣ. Анна Павловна вся поблѣднѣла.

— Что тебѣ надобно? сказала она испуганнымъ голосомъ.

— Баринъ прислалъ вамъ письма, отвѣчалъ Сенька, и пода ей большой конвертъ.

— Отъ кого? говорила Анна Павловна, принимая дрожащими руками конвертъ.

— Не знаю, сударыня-матушка, вчерась я барину привезъ почты, не знаю.

Благодарю, сказала Мановская, стараясь скрыть безпокой—
—Вотъ тебѣ, продолжала она, взявъ спиченькую бумажку
пошенинаго бумажника Эльчанинова, вотъ тебѣ!

Она взявъ ассигнацію, поклонился и ушелъ. Анна Павлов-
на въ гостинную. Тайное предчувствіе говорило ей, что
было для нея роковое. Она едва имѣла силы разломить
конвертъ. Изъ конверта вышали два письма. Одно изъ нихъ было
отъ отца, другое написано женскою рукой. Анна Павловна
начала читать последнее и быстро пробѣжала глазами, но бользнен-
ный приступ прервалъ ея чтеніе и она, безъ чувствъ, упала на
полъ. Она долго ли бы пробыла въ этомъ положеніи, не из-
вѣстно, если бы Эльчаниновъ не вернулся домой. Увидѣвъ Анну
Павловну одну, безъ чувствъ, онъ сначала не могъ сообразить,
что случилось, и сталъ кликать людей. Старуха-ключница,
идя къ ней, стала на него звать, переложивъ безчувственную Анну Павловну
на кровать и стала на нее брызгать водою съ камушка, думая, что
она кто нибудь изурочилъ. Эльчаниновъ, какъ полоумный, во-
шелъ въ гостинную. Ему попались на глаза письма. Вспомнивъ тутъ
предостереженія Савелья, онъ схватилъ ихъ и прочиталъ.
—Девъ просыпается! воскликнулъ онъ, схвативъ себя за го-

ловъ, дѣйствительно, начиналъ просыпаться. Одно письмо
было отъ отца и такого содержанія:

«Почтеннѣйшія государины, письмо вашей теткы,
содержащее о смерти вашего отца, которая послѣдовала свѣдѣн-
іемъ о полученіи имъ извѣстія о побѣгѣ вашемъ въ настоящее
время, остается извѣстный вамъ

Задоръ-Мановскій.»

Второе письмо было слѣдующее:

«Почтеннѣйшій Михайло Егорычъ!

Извѣстіе ваше о побѣгѣ отъ васъ недостойной моею
теткою мы получили и бѣдный Павелъ Петровычъ, не въ
состояніи будучи вынести посягательства чести своей фамиліи, по-
павъ въ параличъ и одночасно скончался, проклиная свою дочь
и ославляя васъ. Я и прочіе родные на всегда отказываемся
отъ нея. Чери почтеннаго Павла Петровыча, который лежитъ те-
перь въ сырой землѣ. Не могу вамъ описать, въ ка-
кой степени я горестъ. Теперь жду изъ гимназіи племянни-
ка моего, а мнѣ я тотчасъ же послала послѣ смерти ихъ роди-

теля. Похороны справили, какъ слѣдуетъ, хоть и пришлось заплатить. Послѣ покойнаго осталось всего 15 руб., а одинъ покровъ стоитъ полтора ста. Не забывайте насъ и не поможете ли намъ чѣмъ-нибудь.

Остаюсь съ почтеніемъ

тетка ваша Марья Кронштейнъ.»

Прошло полчаса. Анна Павловна начинала приходить въ чувство, а Эльчаниновъ все еще продолжалъ бѣсноваться. Сидя въ гостиной, онъ рвалъ на себя волосы, проклиналъ себя и Мановскаго, хотѣлъ даже разбить себѣ голову объ ручку дивана, потомъ отложилъ это намѣреніе до того времени, когда Анна Павловна умретъ; за тѣмъ, нѣсколько успокоившись, заглянулъ въ спальню больной и, видя, что она открыла уже глаза, махнулъ ей только рукой, чтобъ она не тревожилась, а самъ ворочился въ гостинную и легъ на диванъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ себѣ трубку, крикнувъ при этомъ довольно громко, и снова началъ думать о петербургской жизни и о службѣ при посольствѣ.

IV.

На другой день послѣ предводительскаго обѣда, часу въ первомъ, Сапѣга, въ богатой вѣнской коляскѣ, шестерикомъ, ѣхалъ въ Ярдово съ визитомъ къ Клеопатрѣ Николаевнѣ. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ прямую возможность приволокнуться за очень милою дамой, въ которой замѣтилъ важное, по его понятіямъ, женское достоинство-*эластичность тѣла*.

Клеопатра Николаевна встрѣтила графа въ залѣ и ввела его въ гостинную. На тѣхъ же самыхъ широкихъ креслахъ, какъ и при посвященіи Эльчанинова, сидѣлъ Задоръ-Мановскій. При входѣ графа, онъ всталъ, поклонился и опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Гость и хозяйка усѣлись на диванъ. Графъ началъ разговоръ о балѣ, который намѣренъ былъ дать и въ которомъ Клеопатрѣ Николаевнѣ предстояло быть хозяйкою. Онъ думалъ этимъ вызвать вдову на любезность, но Клеопатра Николаевна конфузилась, мѣшалась въ словахъ и не отвѣчала на вопросы, а между тѣмъ была очень интересна: полукрѣпко открытыя руки ея изъ-подъ широкихъ рукавовъ капота блески были близкой; глаза ея были подернуты какою-то масля-

ною и мягкой влагою; кроме того, полная грудь вдовы, как грудь совершенно развившейся тридцати-лѣтней женщины, покрытая легкими кисейными складками, тоже производила свое впечатлѣніе. Графъ начиналъ таять. Задоръ-Мановскій, ни слова не проговорившій, но въ тоже время, кажется, внимательно слѣдившій за гостемъ и хозяйкой, вдругъ всталъ и взялся за картузь.

— Куда вы? спросила, съ живостію, Клеопатра Николаевна.

— Домой! отвѣчалъ Мановскій.

Въ лицѣ его было видно что-то въ родѣ улыбки.

— Посидите, проговорила вдова.

Мановскій, не отвѣчая, поклонился графу и вышелъ.

Клеопатра Николаевна какъ будто ожила.

— Слава Богу! сказала она, не могши удержать радостнаго движенія.

— Какъ я радъ, что вы раздѣляете со мною одно чувство къ этому человеку! замѣтилъ Сапѣга.

— Ахъ! да... произнесла Клеопатра Николаевна; я до того его ненавижу, что не могу ни думать, ни говорить ничего при немъ.

— За чѣмъ же вы принимаете его? сказалъ графъ, взглянувъ пристально на вдову.

— Онъ опекунъ моей дочери, отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— И обожатель вашъ! прибавилъ графъ, съ улыбкой.

— *Et donc!* вскричала вдова. Онъ не смѣетъ этого и подумать. Забудете его. Я еще не поблагодарила васъ за ваше посѣщеніе.

— Готовъ съ вами забыть всѣхъ, кроме васъ! отвѣчалъ Сапѣга.

— Не льстите, графъ, а то я не стану вѣрить вашимъ словамъ.

— Одному слову только повѣрьте.

— Какому?

— Вы прекрасны.

Вдова жеманно опустила голову.

— Вѣрите? спросилъ графъ.

— Къ чему вы это говорите? сказала Клеопатра Николаевна.

— Сердце заставляетъ говорить меня.

Вдова сдѣлала кокетливую гримасу.

— Знаете ли, какую горькую истину я скажу вамъ про ваше сердце? Оно влюбчиво, проговорила она внушительнымъ тономъ.

— Да, это была бы правда, если бы все женщины походили на васъ.

— А развѣ Мановская похожа на меня?

Графъ немного смѣшался.

— Чтожъ Мановская? проговорилъ онъ; нѣтъ, это одна сплетни, увѣряю васъ. Я покровительствую ей, и больше ничего.

— А изъ чего вы ей покровительствуете?

— Боже мой! она дочь моего стараго друга, сказалъ графъ совершенно невиннымъ голосомъ.

— Желала бы вѣрить, проговорила Клеопатра Николаевна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— О, вѣрьте, вѣрьте мнѣ во всемъ! подхватилъ Сапѣга.

— Въ чемъ еще? спросила вдова, какъ бы удивленная.

— Въ то, что я васъ люблю, прошепталъ старикъ, прижимая руку къ сердцу.

Клеопатра Николаевна вздрогнула.

— Меня, графъ, повторила она, какъ бы совершенно растерявшись. Что вы это говорите?... Къ чему вы это говорите?... Вы, меня?.. Такъ скоро?.. Нѣтъ, графъ, это невозможно!..

— Люблю васъ! воскликнулъ Сапѣга и сразу схвативши Клеопатру Николаевну за руки, началъ ихъ цѣловать и прижимать къ груди.

— Пустите, графъ, пустите! Нѣтъ, это ужасно!.. Это невозможно, говорила Клеопатра Николаевна, слабо вырывая у него руки; но графъ за нихъ крѣпко держался.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ гостиную не вошелъ вдругъ Задоръ-Мановскій. Графъ и вдова раскопались въ разныя стороны. Последняя не могла на этотъ разъ сохранить присутствія духа и выбѣжала вонъ.

— Я забылъ моп бумаги, говорилъ, какъ бы незамѣтившій ничего, Мановскій. Онъ началъ первоначально смотрѣть по окнамъ, а потомъ, будто не сыскавши того, что было ему нужно, прошелъ въ спальню вдовы, примыкавную къ гостиной, гдѣ осмотрѣлъ тоже всю комнату, потомъ сѣлъ, наконецъ, къ маленькому столику, вынулъ изъ кармана ключекъ бумаги и написалъ что-то карандашемъ. Оставивъ эту записочку на столъ, онъ вышелъ.

Между тѣмъ графъ сидѣлъ въ гостиной, совершенно растерявшись.

Не находя, чтобы такое предпринять, онъ вздумалъ прила-

снаться къ Мановскому и постараться придать всему происшествію видъ легкой шутки.

— Какъ вы насъ перепугали! сказалъ онъ. Я позволилъ себѣ маленькую шалость съ хозяйкой; она очень мила и веселая дама!.. Вы, я думаю, удивились.

Мановскій посмотрѣлъ на графа.

— Ни крошки, отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ. Я и самъ съ нею шучивалъ.

— Право? спросилъ графъ.

— Да; она, вѣдь, ужъ давно такая!.. Вчера со мной, сегодня съ вами, а завтра съ третьимъ. Ужъ такая у нея натура, проговорилъ Мановскій и вышелъ.

Между тѣмъ Клеопатра Николаевна забѣжала на мезонинъ и съѣла за небольшія стоявшія тамъ ширмы. Она, видно, знала, что ее будутъ искать. Не прошло десяти минутъ, какъ стукъ отъѣзжавшаго экипажа заставилъ наконецъ ее переменить положеіе.

Она бросилась къ окну и, увидѣвъ выѣзжавшаго Мановскаго, тотчасъ же сбѣжала внизъ, выглянула изъ спальни въ гостинную, чтобы посмотрѣть, не уѣхалъ ли графъ, но Сапѣга сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Клеопатра Николаевна, несмотря на внутреннее безпокойство, поправила приведенный въ безпорядокъ туалетъ и хотѣла войти въ гостинную, какъ вдругъ глаза ея остановились на оставленной Мановскимъ запискѣ. Она схватила ее, прочитала и встала въ растерявшейся позѣ.

Мановскій ей писалъ:

«Прошу васъ, къ будущему четвергу, приготовить всѣ брилліантовыя, хозяйственныя и усадебныя вещи, по составленной послѣ смерти вашего мужа описи. Я намѣренъ принять и приступить къ управленію имѣніемъ, а равнымъ образомъ прошу васъ выѣхать изъ усадьбы, въ которой, не считая нужнымъ, по случаю отсутствія вашей дочери, освѣщать, отопливать домъ и держать горничную прислугу, чтобы тѣмъ прекратить всякіе излишніе расходы, могущіе, при вашей жизни, въ оной послѣдовать изъ имѣнія малолѣтней, на каковое вы не имѣете никакого права.

Задоръ-Мановскій.»

Что было дѣлать Клеопатрѣ Николаевнѣ?... Прибѣгнуть къ графу — казалось ей единственнымъ средствомъ. Съ этимъ на-

мзрениемъ, она, взявши письмо, вошла въ гостинную и, молча, бросилась, въ отчаяніи; на диванъ; горестъ ея на этотъ разъ была неподдѣльная.

— Успокойтесь, успокойтесь, говорилъ графъ.

— Ахъ, я погибла! отвѣчала вдова и подала ему письмо Мановскаго.

Графъ прочиталъ письмо.

— Я дурно понимаю, сказалъ онъ.

— Ахъ! отвѣчала вдова, онъ опекунъ моей дочери, онъ выгоняетъ меня изъ этой усадьбы; мнѣ нечѣмъ будетъ жить!.. Все, что вы видите, все это принадлежитъ моей дочери!.. Покойный мужъ мой устранилъ меня отъ опекуства!..

Сапѣга думалъ. Теперь онъ понималъ все: Мановскій былъ опекуномъ Клеопатры Николаевны, и интриговалъ съ нею; но, вѣрно, наскучилъ вдовѣ и она хочетъ отдѣлаться отъ него,—и это возможно въ такомъ только случаѣ, когда Михайло Егорычъ будетъ устраненъ отъ опекуства. Ему легко будетъ это сдѣлать. И за это одолженіе можно будетъ получить отъ вдовы все, что только онъ желалъ отъ женщины, особенно если прибавитъ къ тому обещаніе, — взять ее въ Петербургъ съ собою. Кроме того, онъ замаскируетъ этимъ себя передъ обществомъ и Мановскимъ, который станетъ подозрѣвать его въ интригѣ съ Клеопатрою Николаевной, а въ участіи къ Аннѣ Павловнѣ, будутъ видѣть одно дружеское расположеніе.

Обдумавши все это и очень хорошо понимая, съ какою женщиною имѣетъ дѣло, графъ началъ прямо:

— Ваши обстоятельства очень неприятны!... Я могу помочь вамъ.

— Ахъ, помогите, помогите, графъ! Я буду вамъ всю жизнь благодарна!

— Благодарны? Этого мало.

— Я васъ буду любить, отвѣчала вдова, которой обещаніе графа возвратило веселость и кокетство.

— Вы будете любить? Я самъ васъ буду любить. Дайте мнѣ васъ обнять.

Вдова повиновалась.

Графъ обнялъ ее и потухшій въ глазахъ его огонь снова заблисталъ.

— Поцѣлуйте меня! произнесъ онъ.

Вдова поцѣловала.

вы избавите меня отъ Задорь-Мановскаго?

вы будете любить меня?

уду, только избавьте меня поскорѣе,—до этого я не могу жить васъ.

вѣтъ! Напередъ вы полюбите меня, а тамъ и я для васъ все, что только захотите.

вы меня будете любить, графъ?

васъ люблю и буду любить.

вы возьмете меня въ Петербургъ. Безъ васъ я не въ со-буду здѣсь остаться.

васъ никогда не оставлю.

ы-демонъ! сказала Клеопатра Николаевна и склонила голову себѣ на грудь.

уѣхалъ изъ Ярцова часу въ двѣнадцатомъ. Клеопатра Николаевна, оставшись одна, долго и даже очень долго сидѣла за-пись; въ лицѣ ея показалось даже что-то въ родѣ страданья. Она взяла она съ своего туалетнаго столика портретъ маленькой дѣвочки, поцѣловала и проговорила: «простишь ли да нибудь меня?» Это былъ портретъ ея дочери. Посты-го на прежнее мѣсто, она вынула изъ ящика небольшой, развернула его. На одной изъ страницъ приклеено было мое намъ письмо Эльчанинова, которое онъ написалъ ей, отъ нея ночью. «Прости и ты меня!» сказала Клеопатра Николаевна, глядя на записку и цѣлуя ее; потомъ опусти-диванъ и снова задумалась. Нравственный инстинктъ вы говорилъ въ ней, какъ бы помимо ея воли.

тоже возвратился домой въ какомъ-то странномъ рас-положеніи духа. «Однако мнѣ здѣсь не такъ скучно, какъ я вѣлъ», сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ. Но потомъ презрительную гримасу и задумался.

черезъ два послѣ того, становой привезъ Мановскому изъ оеки объ устраненіи его отъ оекуинства надъ имъ-валомътней Мауровой.

еще не принималъ имѣнія, сказалъ Мановскій, подавая крѣпости и другіе документы становому: — а получилъ бумаги. Вотъ онъ, передайте ихъ кому будетъ слѣдо-

знаете, кто назначенъ на ваше мѣсто?

вѣтъ, не знаю.

— Иванъ Александрычъ Гуликовъ. Нечего сказать, славный опекунъ. Я сейчасъ везу къ нему указъ.

Мановскій ничего не отвѣчалъ.

V.

Время шло. Анна Павловна очень грустила объ отцѣ, считая себя виновницею его смерти, но старалась это скрыть и когда слезы одолевали ее, она поспѣшно уходила и плакала иногда въ цѣлымъ часамъ, не переставая. Положеніе Эльчанинова въ своей очередь тоже дѣлалось день ото дня несноснѣе; онъ, не открываясь, хандрилъ. Анна Павловна начинала окончательно терять въ его глазахъ всякую прелесть: она стала казаться ему и собой не хороша, и мало образована, и безъ всякаго характера. Онъ не находилъ, что съ нею говорить; ему было скучно сидѣть и даже глядѣть на нее. Уединенная и однообразная жизнь, къ которой онъ вовсе не привыкъ и на которую онъ речень былъ обстоятельствами, сдѣлалась ему невыносима. «Хотѣлъ бы выхвать куда нибудь къ сосѣдямъ, думалъ онъ: стыдно, да, пожалуй, встрѣтишься еще съ Мановскимъ.» Ухвать куда нибудь съ Анною Павловною, гдѣ бы онъ могъ по-крайней-мѣрѣ выѣзжать изъ дому, по на это не было никакой возможности, потому что у него ни копейки не было денегъ. Однажды это было по утру, Анна Павловна сидѣла въ гостиной на краяхъ. Савелій стоялъ и смотрѣлъ въ окно. Эльчаниновъ лежалъ внизъ лицомъ на диванѣ.

— Что ты, Валеръ, все лежишь? проговорила Анна Павловна.

— Такъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ и позевнулъ. Кажется и дождешься этого счастливаго дня, продолжалъ онъ: когда выберешься отсюда. Мнѣ, наконецъ, не достаетъ никакого терпѣнія здѣсь жить.

— Тебѣ скучно? проговорила Анна Павловна. Голосъ ея дрожалъ.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно, съ тобой я никогда не могу скучать; по это ожиданіе, эта неопредѣленность положенія, это ужасно!

— Чего же вы ожидаете? спросилъ Савелій.

— Мѣста, которое могло бы обезпечить мою и Анны Павловны будущность и которое обѣщалъ мнѣ дать графъ.

— Отъ чего же онъ теперь не даетъ? замѣтилъ Савелій.

— Ахъ, Господи Боже мой, да развѣ это можно заочно сдѣ-

лать? Это не то, что определять куда нибудь писцомъ, или становымъ приставомъ.

— Но какое же вамъ хочетъ дать мѣсто графъ?

— Какое? Я не знаю собственно какое, отвѣчалъ съ досадою Эльчаниновъ, которому начинали уже надоедать допросы пріятеля, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно не зналъ, потому что графъ общаясь, никогда и ничего не говорилъ опредѣлительно; и самъ онъ безпрестанно мѣнялъ въ головѣ своей мѣста: то воображалъ себя правителемъ канцеляріи графа, которой у того впрочемъ не было, то начальникомъ какого нибудь отдѣленія, то чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ и даже секретаремъ посольства.

— Я знаю только то, присовокунилъ онъ: — что графъ можетъ дать мѣсто и выгодное и видное.

Савелій, кажется, хотѣлъ что-то возразить ему, но, взглянувши въ это время въ окно, вдругъ остановился и проговорилъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Михайло Егорычъ, кажется, сюда ѣдетъ!

Эльчаниновъ вскопился и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Анна Павловна задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Эй, люди! не пускать тамъ кто пріѣдетъ! вскрикнулъ было Эльчаниновъ.

— Нельзя не пускать. Ступайте туда и задержите его въ залѣ; говорите, что Анны Павловны у васъ нѣтъ, перебилъ Савелій, и, почти вытолкнувъ пріятеля, захлопнулъ за нимъ дверь, а самъ взялъ проворно Анну Павловну за руку и увелъ въ заднія комнаты. Къ крыльцу подъѣхалъ Мановскій, съ которымъ рядомъ сидѣлъ исправникъ, а на передней скамейкѣ помещался у нихъ стражничій, карявѣйшая физиономія, когда-либо существовавшая въ мірѣ. Всѣ втроемъ они вошли въ залу. Эльчаниновъ блѣдный, но, на сколько возможно, владея собой, встрѣтилъ ихъ и спросилъ, что имъ угодно?

Исправникъ началъ сконфуженнымъ голосомъ, показывая на Мановскаго:

— Мы пріѣхали по поданному прошенію Михайла Егорыча, что супруга нхъ проживаетъ въ здѣшней усадьбѣ.

— Чтожъ вамъ собственно угодно отъ меня? болтнулъ Эльчаниновъ и самъ не зная хорошенько, что говорить.

— Приступайте къ слѣдствію; что тутъ разговаривать? проговорилъ Мановскій и сѣлъ.

— Конечно лучше къ слѣдствію, подтвердилъ стряпчій и икнулъ, отвернувшись въ сторону, табаку, при чемъ одну поздю зажалъ, а въ другую втянулъ всю щепотку, а потомъ, вынувъ изъ боковаго кармана бумагу, подалъ ее исправнику, проговоря: «Вопросные пункты.» Исправникъ нѣкоторое время переминался:

— Не угодно ли вамъ, началъ онъ, подавши Эльчанинову бумагу:—отвѣтить на эти вопросы.

Эльчаниновъ взялъ. Кровь бросилась у него въ голову, онъ готовъ былъ въ эти минуты убить всѣхъ троихъ, если бы только достало у него на это силы.

— Можетъ быть вамъ угодно, чтобы я здѣсь, при васъ отвѣчалъ, проговорилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.

— По закону слѣдуетъ здѣсь, въ присутствіи гг. слѣдователей, произнесть стряпчій и опять икнулъ.

Эльчаниновъ взялъ чернильницу, поставилъ ее на ближайшій столъ, сѣлъ и началъ писать. На вопросъ: какъ его зовутъ, какой онъ вѣры и проч., онъ отвѣтилъ сейчасъ же; но далѣе его спрашивали: дѣйствительно ли Анна Павловна бѣжала къ нему отъ мужа, живетъ у него около года и находится съ нимъ въ любовномъ отношеніи, Эльчаниновъ остановился. Что было отвѣчать на это? Припомнивъ, впрочемъ, слова Савелья, онъ поставилъ одну общую скобку и написалъ: «ничего не знаю.» Исправникъ взялъ у него потомъ отвѣты дрожащими руками и началъ читать. Стряпчій заглянулъ ему черезъ плечо.

— Стало быть г-жа Мановская и теперь проживаетъ не въ вашемъ домѣ? спросилъ онъ, обращаясь къ Эльчанинову.

— Я ужъ на это отвѣтилъ и съ вами разговаривать больше не желаю, сказалъ тотъ, съ презрѣніемъ взглянувши на стряпчаго. Мановскій всталъ, молча взялъ отвѣты у исправника, прочиталъ ихъ и произнесть ровнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ, господа, сдѣлать обыскъ въ усадьбѣ и въ домѣ. Исправникъ пожалъ плечами и обратился къ стряпчему, проговоря: «слѣдуетъ ли?»

— Безъ сомнѣнія слѣдуетъ; желаніе истца на то есть, отвѣчалъ тотъ и какъ-то значительно откашлянувшись и плюнувъ въ сторону, какъ бы желая этими движеніями намекнуть Мановскому: помни же мои услуги.

Слѣдователи и Мановскій пошли по дому. Эльчаниновъ потерялся: онъ прислонился къ косяку окошка и не могъ ни говорить, ни двинуться съ мѣста.

о шаль моей жены! говорилъ Мановскій, проходя по го-
лѣ видя лежавшій на диванѣ платокъ Анны Павловны; за-
отнесся онъ къ страпчему.

мною и такъ, безъ записки, подхватилъ тотъ.

я наугольную и чайную, они вошли въ спальню.

о женинъ салопъ, сказалъ Мановскій страпчему.

жу, вижу, отвѣчалъ тотъ.

енно платье, заключилъ Михайло Егорычъ, отворивъ
и вынувъ оттуда два или три платья Анны Павловны.

пальни слѣдователи перешли въ другія комнаты. Ми-
горычъ осматривалъ каждый уголъ, заставляя отпирать
я; чуланы, лазилъ въ подвалъ и все-таки Анны Павлов-
ашли.

рввши домъ, Мановскій пошелъ по избамъ: лазилъ на
заглядывалъ въ печи и все ничего.

т моя жена? спросилъ онъ, проходя по двору, понав-
му на встрѣчу бабу.

горницъ, поди, чай, батюшка, отвѣчала та простодуш-
вко кланяясь.

писать это надо? сказалъ Мановскій, обращаясь опять
щему.

премьнно, непременно, отвѣчалъ тотъ.

да уехала Анна Павловна? озадачилъ Мановскій прохо-
мимо Эльчаниновскаго кучера.

чего я не знаю-съ, отвѣчалъ тотъ бойко.

отина, произнесъ Мановскій и пошелъ далѣе.

т они возвратились въ зало, гдѣ Эльчаниновъ стоялъ
на прежнемъ мѣстѣ.

ставьте постановленіе нашему осмотру, проговорилъ Ми-
горычъ.

йчасъ, сію секунду, отвѣчалъ страпчій, понюхалъ та-
ткашлянулся, сълъ и написалъ минутъ въ пять листъ

очитайте въ слухъ, сказалъ Мановскій.

чій читалъ.

дпишите, проговорилъ Михайло Егорычъ.

ватели подписались.

у, теперь и вы удостовѣрьте, что все это справедливо;

ы повторимъ осмотръ, отнесся Задоръ къ Эльчанинову.

— Извольте, отвзчалъ тотъ, совершенно уже потерянный, подписалъ постановленіе.

— Ну, пока будетъ, сказалъ Мановскій и пошелъ. Исправникъ и стряпчій пошли за нимъ. Черезъ минуту они всъ уѣха.

— Вы куда теперь? спросилъ Михайло Егорычъ исправни

— На минуточку къ вамъ, а тутъ къ графу на балъ.

— Чортъ бы дралъ ихъ съ ихъ балами!... Смотрите, не бо тайте тамъ объ дѣль.

— Чтой-то, Господи, не молодой мальчикъ, отвзчалъ правникъ.

— Послѣ поблагодарю, продолжалъ Мановскій, а теперь до другой еще разъ, хоть на той недѣль, нахвать, чтобы ихъ захватить.

— Для видимости въ дѣль непременно надо обвихъ захтитъ, подтвердилъ стряпчій.

Исправникъ только вздохнулъ. Эльчаниновъ между тѣмъ шелъ въ гостиную, бросился на диванъ и зарыдалъ. Это было выше силъ его! Въ настоящую минуту онъ рѣшительно не думалъ объ Аннѣ Павловнѣ; онъ думалъ только, какъ бы ему спасти самого себя, и мысленно проклиналъ ту минуту, когда сошелся съ этою женщиной, которая принесла ему крупницу достей и горы страданій.

Черезъ четверть часа вошелъ къ нему Савелій, который свелъ Анну Павловну отъ свиданія съ мужемъ тѣмъ, что высочилъ съ нею въ окно въ садъ, провелъ по захолустной аллѣ въ ржаное поле, гдѣ оба они, наклонившись, чтобы не было видно головъ, дошли до луговъ: Савелій посадилъ Анну Павловну въ стогъ сѣна, обложилъ ее такъ, что ей только-что можно было дышать, а самъ опять подползъ ржанымъ полемъ къ усадьбѣ и сталъ наблюдать, что тамъ дѣлается. Видя, что Мановскій уѣхалъ совсѣмъ, онъ сбѣгалъ за Анной Павловной и привелъ ее въ усадьбу.

— Что они тутъ дѣлали? спросилъ онъ Эльчанинова. Тотъ едва въ состояніи былъ разсказать. Савелій нѣсколько времени думалъ.

— Повзжайте сейчасъ же къ графу, Валерьянъ Александрычъ и просите, чтобы онъ или взялъ къ себѣ Анну Павловну, или помогъ бы вамъ какъ нибудь, какъ знаетъ, а то Мановскій сегодня же ночью, пожалуй, опять прїѣдетъ.

Эльчаниновъ всплеснулъ руками и схватилъ себя за голову.

Боже мой, Боже мой, что я за несчастный человек! воск-
нул онъ и зарыдалъ.

А полно вамъ ревѣть! точно женщина какая; хуже Анны
Богучаровой, ей-Богу, та смѣлѣе васъ. Одѣвайтесь! проговорилъ
Савелій.

Савелій какъ бы механически повиновался ему. Онъ на-
дѣвается и велѣлъ закладывать лошадей. Савелій прошелъ
къ Павловнѣ, которая сидѣла въ гостиной.

Что Валеръ? спросила она.

Ничего, одѣвается, хочетъ сейчасъ ѣхать къ графу и по-
говорить съ нимъ на исправника.

А я одна останусь? Я боюсь, Савелій Никамдрычъ, произ-
веденная женщина.

Ничего-съ; я у васъ останусь, отвѣчалъ Савелій.

Савелій какъ добрый другъ, произнесла Анна Павловна, протягивая ему
руку, которую Савелій въ первый еще разъ взялъ и поцѣло-
валъ, окрасивъ при этомъ, какъ маковъ цвѣтъ.

Савелій вошелъ совсѣмъ одѣтый, во фракъ и раздушен-
ный, какъ обыкновенно онъ ѣздилъ къ графу.

Что, Валеръ? спросила Анна Павловна, протягивая къ не-
му руку.

Ничего, вздоръ, отвѣчалъ онъ, какъ-то судорожно поежи-
ваясь, торопливо цѣлуя ея руку, и тотчасъ же уѣхалъ.

VI.

Въ этотъ самый день, какъ Эльчаниновъ ѣхалъ къ графу, у
него назначенъ былъ балъ, на которомъ хозяйкою должна была
быть графиня Леопатра Николаевна. Пробыло семь часовъ. Эльчаниновъ
подъѣхалъ къ графскому крыльцу.

Что дома его сиятельство? спросилъ онъ, войдя въ офиціант-
скую, гдѣ стояла цѣлая стая лакеевъ, одѣтыхъ въ парадные,
красные фраки и штіблеты.

Что себя-съ, въ гостиной, отвѣчалъ вѣжливо одинъ изъ
слугъ Эльчаниновъ пошелъ.

Савелій, М-г Эльчаниновъ, произнесъ ласково графъ, сидѣвшій
въ фракѣ и завитый на диванъ, ожидая гостей. Очень радъ
вамъ видѣть на моемъ вечерѣ, хоть и не звалъ васъ по неже-
вашему встрѣчаться съ здѣшними господами.

Савелій, ваше сиятельство, отвѣчалъ Эльчаниновъ, и приѣ-
хавъ собственно не на балъ, а съ просьбой.

— Съ просьбой? повторилъ графъ. Все, что только могу повзреть, будетъ исполнено, прибавилъ онъ.

Эльчаниновъ хотѣлъ-было начать разсказъ, но раздавшійся зади голосъ остановилъ его.

— Я исполнила, графъ, ваше желаніе и нарочно пріѣхала раньше за тѣмъ, чтобы занять свою должность.

— Je vous merci, madame, je vous merci, сказалъ графъ, вставая. Эльчаниновъ обернулся. Это была Клеопатра Николаевна въ дорогомъ кружевномъ платьѣ, присланномъ къ ней на послѣдней почтѣ изъ Петербурга, и наконецъ въ цвѣтахъ и брилльянтахъ. Въ этомъ нарядѣ она была очень представительна и произвела на героя моего самое выгодное впечатлѣніе. Съ нѣкотораго времени всѣ почти женщины стали казаться ему лучше и прекраснѣе его Анны Павловны.

— Валерьянъ Александрычъ! васъ ли я вижу? полувскрикнула Клеопатра Николаевна.

— А вы знакомы? спросилъ графъ.

— Мы были друзья, отвѣчала Клеопатра Николаевна; по крайней-мѣрѣ я могу это сказать про себя, но М-г Эльчаниновъ за что-то разлюбилъ меня.

— Напротивъ, но... началъ было Эльчаниновъ.

— Забудемте прошлое, мы еще съ вами объяснимся, перебила Клеопатра Николаевна, подавая ему руку.

— О, да между вами что-то интересное, замѣтилъ съ улыбкою графъ.

— Что дѣлать? Валерьянъ Александрычъ самъ очень интересенъ для женщинъ; это не одна я такъ думаю, произнесла вдова, съ кокетливою улыбкою. Видимо, что она запкивала въ Эльчаниновъ.

— Или эта женщина дьяволъ, или она невинна, подумалъ тотъ про себя и обратился къ графу.

— Могу ли я съ вами переговорить, ваше сіятельство? мнѣ очень нужно.

— Если очень нужно, произнесъ графъ.

— Нужно, ваше сіятельство, повторилъ Эльчаниновъ.

— Извольте, отвѣчалъ Сапѣга. Pardon, Madame, прибавилъ онъ, кивнувъ головой Клеопатрѣ Николаевнѣ, и выпелъ съ Эльчаниновымъ въ кабинетъ.

Герой мой пересказалъ ему все, съ нѣкоторыми даже прибав-

я, и описалъ въ такихъ яркихъ краскахъ, что графъ, слу-
ножималъ только плечами.

Для счастья, для спасенія этой женщины я долженъ уѣ-
тсуда! заключилъ Эльчаниновъ.

Прошелся нѣсколько разъ по кабинету.

Да, вамъ надобно ухватъ и не мѣшкая, промзметъ оми.

аниновъ замеръ отъ восторга.

Меня одно только безноконтъ, ваше сїятельство, началъ
акъ она?

Да, но это ужъ ваше дѣло, проговорилъ Сапзга.

Она не согласится, она будетъ проситься со мною. Да и
вѣйствительно ее оставить.

Оставить вамъ ее нѣтъ никакой опасности. Мановскій ни-
е можетъ сдѣлать, когда васъ не будетъ, да къ тому же
всь. Но вамъ съ собой ее брать не вижу ни малѣйшей
ности. Этимъ вы и себя свяжете и ей повредите. Вамъ
о по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время разлучиться со-
но, чтобы дать позатихнуть всей этой исторіи.

вѣйствительно надобно разстаться, подхватилъ Эльчаниновъ,
апередъ знаю, она не будетъ отпускать.

резоньте.

И думаю ее обмануть, ваше сїятельство.

Можъ позволительна, если служить ко спасенію, развѣшая

Но чѣмъ же вы ее обманете?

И скажу, что повду закладывать имѣніе, чтобы имѣть
съ чѣмъ подняться.

орошо!... А въ-самомъ-дѣлѣ, есть ли у васъ деньги?

тъ графъ.

аниновъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ.

вѣтъ?... Что тутъ за скрытность, fi, mon cher! позвольте
мъ услужить этой мелочью.

рафъ?...

езъ церемоніи, другъ... Когда же вы думаете выѣхать?

ослѣ завтра.

тожъ, можно и послѣ завтра. Завзжайте ко мнѣ, и я
васъ рекомендательными письмами и деньгами.

рафъ, чѣмъ мнѣ отблагодарить васъ? сказалъ Эльчани-

убите меня и слушайте, отвѣчалъ старикъ и хотѣлъ

было идти, но Эльчаниновъ переминался и, видно, хотѣлъ еще что-то сказать.

— Я даже и теперь, ваше сіятельство, началъ онъ съ принужденною улыбкою, боюсь вхатъ домой, потому что сегодня — завтра ожидаю, что господинъ Мановскій посѣтитъ меня.

Графъ опять прошелся по кабинету.

— Ни сегодня, ни завтра не будетъ этого, потому что все эти здѣшнія гг. власти будутъ у меня, и я ихъ остановлю, а вы подождите, побудьте у меня. Я скажу вамъ, когда можно будетъ вхатъ.

— Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

Графъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно Анны Павловны, пока выжидавшій, очень обрадовался намѣренію Эльчанинова узхатъ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что тотъ не любитъ уже Мановскую и скучаетъ ею, а, пріѣхавши въ Петербургъ, конечно сейчасъ же ее забудетъ, а потомъ... потомъ графъ составилъ, по обыкновенію, планъ, исполненіе котораго мы увидимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа.

Сопровождаемый Эльчаниновымъ, онъ возвратился въ гостиную. Тамъ уже были все почти званые гости, пріѣхавшіе ровно въ 8-мь часовъ, какъ было назначено въ пригласительныхъ билетахъ, и все были разряжены, на сколько только могли: даже старуха Усяткова была въ корсетъ, а мужъ ея напомадилъ такой пахучей помадою, что даже самому было это непріятно. М-ме Симановская пріѣхала съ красными и распухнувшими глазами: она два дни ихъ не осушала, не получивъ къ сроку изъ губернскаго города бальнаго платья, которое она заказала на послѣдніи деньги. Старая дѣвица-барышня была въ легкомъ платьѣ и совершенно обнаруживши костлявую шею. Молодыхъ дѣвицъ было очень много привезено и въ этомъ случаѣ, должно отдать справедливость, преобладала порода Марковыхъ, двухъ братьевъ, одного вдовца, а другаго женатаго, у которыхъ было по семи дочерей у каждаго. Изъ кавалеровъ были лучшими два молоденькіе брата, мищманы Жигаловы, только-что пріѣхавшіе къ больной матери въ отпускъ и бывшіе совершенно уврѣнными, въ простотѣ юношескаго сердца, что балъ собственно и устроился по случаю пріѣзда ихъ. Графъ всехъ и каждаго опривѣтствовалъ и, открывъ потомъ польскимъ съ Клеопатрою Николаевною балъ, пригласилъ молодыхъ людей продолжать танцы, а самъ началъ ходить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей,

которые были постарше и попочтеннѣе. Проходя мимо исправника и другихъ узднхъ чиновниковъ, которые прѣехали въ мундирахъ, Сапѣга произнесъ: «О, господа, это немножко лишнее, къ чему эта церемонія въ деревнѣ», а потомъ тутъ же, обратившись къ исправнику, сказалъ мимоходомъ въ полголоса: «потрудитесь придти черезъ четверть часа въ мой кабинетъ, мнѣ надобно съ вами поговорить». Исправникъ поблѣднѣлъ; предчувствіе говорило ему, что на него пожаловался Эльчаниновъ. Желая приласкаться къ нему и поразспросить его, онъ подошелъ было къ моему герою и началъ:

— Меня графъ зачѣмъ-то зоветъ въ кабинетъ... Но Эльчаниновъ въ отвѣтъ на это отвернулся отъ него.

Исправникъ только вздохнулъ и, проведя потомъ мучительныя четверть часа, отправился наконецъ въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ, что графъ стоитъ, выпрямившись и опершись одною рукою на спинку креселъ, и въ этой позѣ онъ опять какъ-будто бы былъ другой человекъ, какъ-будто бы сдѣлался выше ростомъ; приподнятый подбородокъ, кажется, еще выше поднялся, ласковое выраженіе лица перемѣнилось на такое строгое, что какъ-будто бы лице это никогда даже не улыбалось.

Исправникъ окончательно растерялся и сталъ на вытяжку, какъ говорится, руки по швамъ.

— Извините, что я васъ обезпокоилъ, началъ графъ очень серьезнымъ тономъ; я хотѣлъ васъ спросить, какой вы въ усадьбѣ и въ домѣ г-на помѣщика Эльчанинова дѣлали обыскъ?

— Вамъ сіятельство, такъ какъ отъ г. Мановскаго поступило прошеніе въ томъ, что супруга ихъ не живутъ съ ними и имѣютъ мѣсто жительства въ домѣ г-на Эльчанинова, отвѣчала исправникъ, суя руками туда и сюда.

На весь этотъ отвѣтъ его графъ только кивнулъ головою.

— А вамъ извѣстны причины, по которымъ г-жа Мановская не живетъ съ мужемъ? спросилъ онъ.

Исправникъ молчалъ.

— Вы знаете это, повторилъ графъ и слегка притопнулъ своею небольшою ногой.

— Какъ не знать, ваше сіятельство, все знаемъ-съ, отвѣчала исправникъ.

— Какъ же вы знаете и что дѣлаетъ? началъ Сапѣга. Вы прѣзжаете въ усадьбу, производите обыскъ, какъ въ домъ какихъ-нибудь дѣлателей фальшивыхъ монетъ, или въ вертепъ разбой-

никовъ; вы ходите по кладовымъ, открываете всѣ шкафы, суе дуки, выкидываете оттуда платье, бѣлье, наконецъ, ходите по усадьбѣ, какъ марадеры! Такъ служить, мой милый, нельзя!

Исправникъ начиналъ заумирать.

— Если, наконецъ, эта несчастная женщина и тутъ, вы должны были только бумагой ее спросить, потому что въ законѣ прямо сказано: больныя и знатныя женщины по уголовнымъ дѣламъ же слѣдствіямъ не требуются лично, а спрашиваются письменн произнесъ Сапѣга.

— Ваше сіятельство, я тутъ ничего... видитъ Богъ, ничего говорилъ исправникъ, почти со слезами на глазахъ; тутъ у насъ все стряпчій: онъ всѣ дѣла этакія ведетъ, хоть кого извольте спросить.

— Слова ваши о стряпчемъ, мой милый, даже смѣшны, вообразилъ Сапѣга, вы полицейская власть, вы цензоръ нравовъ, а не стряпчій.

— У меня, ваше сіятельство, есть удостовѣреніе г-на предводителя дворянства, отвѣчалъ исправникъ; какъ мнѣ было тутъ дѣлать, а собственно я ничего, спросите хоть Валерьяна Александрыча, я бы никогда не позволилъ себѣ такъ сдѣлать. третіе выборы служу и ни одинъ дворянинъ отъ меня никогда никакой обиды не видалъ...

— Попросите сюда Алексѣя Михайлыча и сами пожелайте перебить его съ досадою графъ.

Исправникъ юркнулъ въ двери и черезъ минуту онъ и предводитель вошли. Графъ сейчасъ же посадилъ Алексѣя Михайлыча и самъ сѣлъ.

— Я хочу васъ, ваше превосходительство, просить, началъ Сапѣга, нельзя ли какъ нибудь затупить это неприятное дѣло Мановскихъ. Вы, какъ предводитель, лучше другихъ знаете, кто тутъ виноватъ.

— Знаю, ваше сіятельство, все знаю, отвѣчалъ Алексѣй Михайлычъ; но чтожъ мнѣ дѣлать? продолжалъ онъ, разводя руки. Еще отецъ этого Мановскаго былъ божеское наказаніе для меня, а сынъ—просто мое несчастіе!

— Именно несчастіе, ваше сіятельство, подхватилъ исправникъ, и теперь вотъ они съ стряпчимъ сошлись, а отъ стряпчего мы ужъ давно всѣ плачемъ... Алексѣй Михайлычъ это знаетъ, человекъ онъ дѣйствительно знающій, но эхидный и неблаго

ный до послѣдняго волоса: ни дня, ни ночи мы не имѣ-
емъ него покоя, онъ то и дѣло пишетъ на насъ доносы.

Вашъ стряпчій, мой любезнѣйшій, можетъ писать доносы,
если ему угодно, перебилъ опять съ отъязкой легкой доса-
дой, дѣло не въ томъ; я васъ прошу обоимъ, чтобы дѣ-
ловскихъ такъ или иначе, какъ вы знаете тамъ, было за-
конно, потому что оно исполнено величайшей несправедливости,
а вы не будете строго отвѣчать. Оберегитесь.

Какъ затушить: я ужъ и не знаю, можно ли теперь? сире-
чьскій Михайлычъ, взглянувъ на исправника.

Можно, отвѣчалъ тотъ.

И прекрасно, подхватилъ графъ. Потомъ, обратившись къ
исправнику, прибавилъ:—а я васъ прошу еще, чтобы нога ваша
не была въ усадьбѣ г-на Эльчанинова, иначе мы съ вами по-
говоримъ.

Какъ вамъ мнѣ вѣдѣть, отвѣчалъ исправникъ.

Графъ его попросилъ возвратиться въ гостиную наклопеніемъ
руки, а Алексѣя Михайлыча движеніемъ руки.

Какъ намъ дѣлать? спросилъ выходя старикъ-предводитель
исправника.

Какъ дѣлать? скажу, что первый обыскъ потерялъ, а боль-
шеюшду; пускай хоть въ Сибирь ссылаютъ.

Происходили всѣ эти сцены въ кабинетъ, въ залъ тан-
цовой комнаты. Бойцами на этомъ поприщѣ оказались толь-
ко мичмана, изъ коихъ каждый танцевалъ по-крайней-мѣрѣ
одну барышню. Мѣстные кавалеры, по новости этого
не умѣли еще его. Впрочемъ длинный Симановскій принялъ
за себя, но оказалось, что онъ танцевалъ одну польку, дама—
другую, а музыка играла третью, такъ что никакого складу не

было. Патра Николаевна, какъ игравшая роль хозяйки дома, не
сидѣла, но сидѣла и наблюдала, чтобы никто не скучалъ.

Патрарьянъ Александрычъ, сказала она Эльчанинову, оди-
нкому по залъ.

Подошелъ и сѣлъ около нея.

Позвольте мнѣ посмотреть на васъ, продолжала Клеопатра Ни-
колаевна, вы еще интереснѣе стали.

Правда? спросилъ небрежно Эльчаниновъ, но внутренно до-
вольный этимъ замѣчаніемъ.

— Въ лицѣ у васъ какая-то грусть, отвѣчала Клеопатра Николаевна и сама о чемъ-то вздохнула.

— Не мудрено, я много страдалъ, проговорилъ Эльчаниновъ.

— Но были и счастливы.

— Очень рѣдко.

— За то вполне.

— Конечно.

— Вы на меня сердитесь? Отъ чего вы тогда уехали? продолжала Клеопатра Николаевна, почти уже шепотомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лице.

— Я не хотѣлъ вамъ мѣшать, отвѣчалъ онъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула.

— Чему мѣшать? спросила она.

Эльчаниновъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— Довольны ли вы вашимъ новымъ опекуномъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Которымъ?

— Разумѣется, Мановскимъ.

— Ахъ, Боже мой, какую вы старину вспомнили! Мой опекунъ давно ужъ Иванъ Александрычъ. Вотъ онъ, легокъ на поминъ. Приблизьтесь ко мнѣ, милой мой Иванъ Александрычъ! продолжала Клеопатра Николаевна, обращаясь къ графскому племяннику, который входилъ въ это время въ залу, и хотѣлъ было уже подойти на этотъ зовъ; но вдругъ быстро повернулся назадъ и почти бѣгомъ куда-то скрылся.

— Онъ вѣрно васъ испугался, сказала Клеопатра Николаевна Эльчанинову, скажите, какой мерзавецъ!

— Здѣсь много такихъ господъ, отвѣчалъ тотъ. За чѣмъ вы смѣшили вашего стараго опекуна; вы, кажется, съ нимъ начинали такъ ладить?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Припомните хорошенько ту ночь, когда я отъ васъ уѣхалъ, сказалъ Эльчаниновъ, устремивъ на вдову проницательный взглядъ.

— Что же такое?

— Онъ имѣлъ съ вами тайное свиданіе.

Клеопатра Николаевна опять нѣсколько покраснѣла.

— Да вы почему это знаете? спросила она впрочемъ довольно спокойно.

— Я подсмотрѣлъ въ окно.

— Чтожъ вы изъ этого заключили?

— Заключилъ, что обыкновенно заключаютъ изъ этого.

— Подите отъ меня! я не думала, чтобы вы были обо мнѣ такого мнѣнія, проговорила Клеопатра Николаевна, обиженнымъ голосомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лицо, въ которомъ не замѣтилъ ни малѣйшаго разстройства.

— Однакожъ онъ былъ у васъ? сказалъ онъ.

— Былъ! Ему нужно было взять у меня бумаги, а вечеромъ онъ забылъ, и по утру хотѣлъ чѣмъ свѣтъ ухватъ. Онъ прислалъ за мной горничную, чтобы я вышла, и я вышла въ гостиную. Вотъ вамъ и исторія вся.

— О чемъ же вы плакали? спросилъ Эльчаниновъ.

— Плакала объ томъ, что онъ, человекъ жадный, скупой и акуратный, сталъ уцѣпывать мнѣ въ каждой копѣйкѣ — какъ мнѣ было не плакать, когда я самая дурная, я думаю, въ мирѣ хозяйка.

— Желалъ бы върять, проговорилъ Эльчаниновъ.

Клеопатра Николаевна потупилась.

— Если бы я чтонибудь за собой чувствовала, начала она, неужели бы я могла говорить объ этомъ такъ равнодушно? Ахъ, какъ вы меня мало знаете, Богъ вамъ судья за это подозрѣнiе.

При послѣднихъ словахъ Эльчанинову показалось, что у ней какъ будто бы навернулись слезы.

— Какъ вы меня, я думаю, презирали, продолжала вдова послѣ минутнаго молчанiя и взявъ себя рукой за лобъ: получивши вашу записку, я рѣшительно была въ недоумѣнiи и догадалась только, что вы меня въ чемъ-то подозрѣваете и, видитъ Богъ, какъ я страдала. Этотъ человекъ, думала, меня презираетъ и за что же?

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Клеопатра Николаевна на этотъ разъ очень ловко держала себя съ Эльчаниновымъ: она не кокетничала ужъ съ нимъ, а просто хвалила его, удивлялась его глубокой привязанности къ Аннѣ Павловнѣ, говоря, что такъ чувствовать можетъ только человекъ съ великой душою. Словомъ, она всеми средствами щекотала самолюбiе молодого человека.

Эльчаниновъ окончательно съ ней помпирлся: онъ рассказалъ ей о своей повздкѣ въ Петербургъ, повѣрилъ ей отчасти свои надежды, просилъ ее писать къ нему, общался къ ней самъ

прежде написать. Клеопатра Николаевна благодарила его и дала слово навещать больную Анну Павловну, хоть бы весь свѣтъ ее за это проклинали.

Въ залу вошелъ графъ и прямо подошелъ къ Эльчанинову. Тотъ всталъ.

— Ваше дѣло устроено, сказалъ виолголосо Сауэга, вы можете свободно ѣхать и собираться въ путь, а тамъ ко мнѣ заѣдете.

Эльчаниновъ глубокимъ поклономъ поблагодарилъ графа и отошелъ. Сауэга занялъ его мѣсто. Эльчаниновъ впрочемъ не ѣхалъ сейчасъ домой; онъ даже протанцовалъ одну кадрыль и передъ ужиномъ, проходя въ буфетъ, въ одномъ, довольно темномъ, корридорѣ встрѣтилъ Клеопатру Николаевну.

— Ахъ, это вы, сказала она, и протянула Эльчанинову руку, которую тотъ взялъ и поцѣловалъ. Вдова, желая ему отвѣтить обыкновеннымъ поцѣлуемъ въ голову, какъ-то въ тороняхъ поцѣловала его довольно искренно въ губы, — прощайте! проговорила она.

— Прощайте!... отвѣчалъ онъ ей съ чувствомъ.

Въ продолженіи всего ужина Эльчаниновъ переглядывался съ Клеопатрою Николаевною какимъ-то грустнымъ и многозначительнымъ взоромъ. Ночевать, по деревенскому обычаю, у графа осталось только Алексѣй Михайлычъ, никогда и не откуда не здвигавшій по ночамъ, и Клеопатра Николаевна, которая хотѣла было непременно уѣхать, но графъ ее рѣшительно не пустилъ, убѣдивъ ее тѣмъ, что онъ не понимаетъ возможности, какъ можно по деревенскимъ проселочнымъ дорогамъ ѣхать дамъ одной, безъ мужины, надѣясь на однихъ кучеровъ.

VII.

Эльчаниновъ возвращался домой волнуемый различными чувствованіями: уѣхать въ Петербургъ, оставить эти мѣста, гдѣ онъ претерпѣлъ столько непріятностей, гдѣ столько скучалъ, все это приводило его рѣшительно въ восторгъ: но для этого надобно было обмануть Анну Павловну, а главное обмануть Савелья. — Чтожъ такое, думалъ онъ, это не на долго, я могу тотчасъ, по полученіи мѣста, вызвать ее къ себѣ въ Петербургъ, а оставаться здѣсь и дожидаться пока она выздоровѣетъ, нѣтъ никакой

ости. Надобно только пролавиловать по искуснѣй, сказалъ
 себѣ, входя на крыльцо дома.

истинной встрѣтилъ его Савелій.

ше, сказалъ тотъ, когда Эльчаниновъ довольно громко
 орожно вошелъ въ комнату.

то Нина? спросилъ ужь шепотомъ Эльчаниновъ.

ачего, поразстроились, а теперъ заснули, отвѣчалъ Са-

ели нѣкоторое время молчали.

велій Никандрычъ, началъ Эльчаниновъ, усаживаясь на
 посидимте здѣсь рядомъ, мнѣ нужно съ вами поговорить.
 ѣй свѣль.

хочу вхаты отсюда.

ѣй посмотрѣлъ на него.

первыхъ, всѣ эти дразги, продолжалъ Эльчаниновъ, графъ
 иль сейчасъ же. У него былъ балъ, былъ, между про-
 исправникъ, и такую получилъ головомойку, что, какъ
 дшій, куда-то ускакалъ, и графъ говоритъ, что оста-
 ннѣ такъ вдвоемъ съ Анною Павловною превышаетъ вся-
 прличія и что мы должны по-крайней-мѣрѣ на пол-
 войтись, чтобы дать хоть немного позатихнуть всей этой
 ной исторіи.

Анна Павловна стало быть останется здѣсь у васъ же
 ? возразилъ Савелій.

тъ, не у меня, а у себя: я это имѣнье ей продалъ, по-
 оно не мое, а ее.

гожь этому повѣрять?

тъ, повѣрять, потому что я изъ перваго же города
 крѣпость на ея имя: удостовѣреніе, кажется, вѣрное;
 ѣ здѣсь ничего не могутъ сдѣлать, но оставаться и жить
 образомъ, какъ мы до сихъ поръ жили, это безуміе.

е знаю, какъ хотите, такъ и дѣлайте: я и самъ съ вами
 ишился, возразилъ Савелій и махнулъ рукой.

ниновъ испугался, что Савелій разсердится.

остите меня и ее, мой добрый Савелій Никандрычъ,
 иль онъ, протягивая къ пріятелю руки: — но чтожь дѣ-
 ми кромъ васъ и графа у насъ никого нѣтъ въ мірѣ?—
 гь наградить за ваше участіе. Дѣло теперъ уже не въ
 вхаты я долженъ, но какимъ образомъ, я скажу объ этомъ
 на это меня рѣшительно не хватить.

Савелій молчалъ.

— Савелій Никандрычъ, скажите ей, предувъдомьте, прощаюсь жалъ Эльчаниновъ.

— Что же я ей скажу?

— Ну, скажите... скажите, что я долженъ ѣхать непременно, обманите ее, скажите, что я ѣду закладывать это имъ всего на двѣ недѣли.

Савелій думалъ: жить молодымъ людямъ вмѣстѣ действительно было невозможно: совѣтъ графа разстаться на нѣсколько времени, казался ему весьма благоразумнымъ. Неужели же Эльчаниновъ такой гнусный человекъ, что броситъ и оставитъ совершенно эту бѣдную женщину въ ея несчастномъ положеніи? Онъ вѣтренъ, но не подлъ, рѣшилъ Савелій и проговорилъ:

— Извольте, я скажу.

Эльчаниновъ бросился обнимать его.

Анна Павловна проснулась на другой день часовъ въ девять. Она была очень слаба.

— Подите, Савелій Никандрычъ, сказалъ Эльчаниновъ, похлопывая ее по плечу, толкая въ спальню пріятеля, подите, поговорите.

Савелій вошелъ.

— Онъ пріѣхалъ, я слышала его голосъ, говорила Анна Павловна.

— Валерьянъ Александрычъ пріѣхалъ, онъ сейчасъ придетъ, отвѣчалъ Савелій.

— А гдѣ же онъ?

— Онъ вышелъ.

— Мнѣ хочется видѣть его поскорѣе.

— Онъ сейчасъ придетъ, поговорите лучше со мной. Я скажу вамъ новость, мы все скоро отсюда уѣдемъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! мнѣ здѣсь страшно; что если онъ опять пріѣдетъ... Куда же мы уѣдемъ?

— Въ Москву, Анна Павловна.

— А скоро?

— Скоро, только выздоравливайте, а Валерьянъ Александрычъ попрежде съѣздитъ одинъ и заложитъ имъенье, говорилъ Савелій.

— А я? спросила Анна Павловна.

— А мы съ вами послѣ.

— Нѣтъ, я безъ Валерьяна не останусь, я умру безъ него.

— Но какъ же? вы больны, вамъ ѣхать нельзя.

— Мне теперь лучше; съ чего вы это взяли? говорила Анна Павловна:—ей-Богу, лучше, я могу въхать съ нимъ.

— Какъ же вамъ въхать, Анна Павловна?... это не хорошо, вы не бережете своего здоровья для Валерьяна Александрыча, ему это будетъ неприятно.

— Такъ онъ хочетъ меня оставить одну... Чтожь онъ не идетъ, я упрошу его взять съ собою, произнесла Анна Павловна и залилась горячими слезами.

— Успокойтесь, Анна Павловна, успокойтесь, говорилъ Савадий, съ глазами, полными слезъ: — Валерьянъ Александрычъ ѣдетъ только на двѣ недѣли.

— На двѣ недѣли! нѣтъ, я поѣду съ нимъ, я пойду за нимъ пешкомъ, если онъ не возьметъ меня.

— Отпустите, Анна Павловна: Валерьянъ Александрычъ ѣдетъ всего на двѣ недѣли, это необходимо для его счастья.

— Ахъ, какъ я желаю счастья Валерьяну, говорила Анна Павловна.

— Ну вотъ видите, а не хотите его отпустить на двѣ недѣли.

— Да я не могу, вы видите, я не могу, произнесла она раздирающимъ голосомъ, прижавъ руки къ груди.

— Укрѣпитесь, Анна Павловна, вы должны это сдѣлать для счастья и спокойствія Валерьяна Александрыча.

— Когда же онъ ѣдетъ?

— Послѣ завтра.

— Послѣ завтра?... отъ чего онъ неидетъ! Скажите ему, чтобы онъ пришелъ по-крайней-мѣрѣ. Пошлите его.

Эльчаниновъ, стоявшій у дверей и слушавшій весь разговоръ, вбѣжалъ въ комнату.

— Нина! другъ мой! вскричалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.

Анна Павловна ничего не могла говорить и только крѣпко обвила его голову руками и прижала къ груди.

— Ты ѣдешь? проговорила она.

— Ёду, мой ангелъ! это необходимо, чтобы упрочить общую нашу будущность.

— Поѣзжай, это необходимо для твоего счастья, я буду молиться за тебя.

— Я поѣду не на долго, мой ангелъ; скоро увидимся, скажь Эльчаниновъ: — мнѣ надо заложить только мое имѣніе, и ты прѣдешь ко мнѣ.

— Да, чтобы не долго, пожалуйста, не долго! Сядь ко мнѣ поближе, посмотри на меня. Ахъ, какъ я люблю тебя! и она снова обвила голову Эльчанинова своими руками и крѣпко прижала къ груди. Завтра тебя не будетъ уже въ это время, ты будешь далеко, а я одна... одна, и она снова залилась слезами.

— Съ тобой останется Савелій Никандрычъ, онъ будетъ тебя утѣшать, говорилъ растроганный Эльчаниновъ, и готовъ почти отказаться отъ своего намѣренія и опять остаться въ деревнѣ и скучать. Всю ночь просидѣлъ онъ у кровати больной, которая не въ состояніи будучи говорить, только глядѣла на него и, Боже! сколько любви, сколько привязанности было видно въ этомъ потухшемъ взорѣ. Она скорѣе похожа была на мать, на страстно-любящую мать, чѣмъ на любовницу. Во всю ночь, не смотря на убѣжденія Савелья, на просьбы Эльчанинова, Анна Павловна не заснула.

Начинало уже разсвѣтать.

— Дай мнѣ руку, Валеръ, сказала она. Эльчаниновъ подавалъ ей руку. Она долго держала ее въ своихъ слабыхъ рукахъ, прижимая къ своей груди и потомъ, залившись слезами, произнесла: — оставляй меня, не оставляй Валеръ! мнѣ сердце говорить, чѣмъ я безъ тебя умру!

— Анета! другъ мой, успокойся! говорилъ Эльчаниновъ, самъ готовый плакать.

— Да, я буду спокойна, ты этого хочешь, и я буду!.. Позвѣдай съ Богомъ. Въ чемъ же ты поѣдешь, вѣзъ ли ты приготовить экипажъ?

— Я покуда поѣду въ коляскѣ.

— Непремѣнно же въ коляскѣ, тебѣ будетъ покойнѣе! кто съ тобой поѣдетъ?

— Я думаю взять Николая.

— Возьми Николая, онъ любитъ тебя. Позовите ко мнѣ Николая, я попрошу, чтобъ онъ тебѣ хорошо служилъ.

Эльчаниновъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился вмѣстѣ съ лакеемъ лѣтъ 40, рябымъ, но добродушнымъ и веселымъ лицомъ и съ серебряною серьгою въ ухѣ.

— Николай, ты поѣдешь съ барининомъ, успокойвай его и себя, начала больная.

— Будьте спокойны, Анна Павловна, все исправимъ.

— Ахъ, какъ ты счастливъ, Николай: ты поѣдешь съ барининомъ, ты будешь видѣть его, ты счастливѣе меня, Николай.

е пожалуемся, господа любятъ, отвѣчалъ тотъ.
и будешь беречь Валера, если онъ сдѣлается болѣнъ,
сейчасъ же напиши, и я тотчасъ прїѣду.
удьте покойны, Анна Павловна!.. слава Богу, намъ не въ
разъ.

готово ли у васъ?

оляску вытащили, теперь укладываемся. Какую прика-
валерьянъ Александрычъ, на пристяжку? Кучера говорятъ,
рая очень шибко хромасть.

кую хотите, отвѣчалъ Эльчаниновъ. Ему было невыно-
ушно. Савелій Никандрычъ, потрудитесь распорядить-
бавиль онъ.

ій и Николай вышли.

Павловна обняла Эльчанинова. Онъ чувствовалъ, какъ
его падали горячія ея слезы; онъ чувствовалъ, какъ
илась крѣпче прижимать его своими слабыми руками.
несколько минутъ въ глубокомъ и тяжеломъ молчаніи.
лъ Савелій.

жъ начали запрягать, сказалъ онъ.

ора! проговорила больная удушливымъ голосомъ:—соби-
ты, Валеръ; что ты надѣнешь? Одѣвайся теплѣе.

ниновъ вышелъ; ему хотѣлось только одного, чтобы
ожно поскорѣй уѣхать.

воровице, сказалъ онъ попавшемуся на встрѣчу Николаю,
у уже въ дорожную шинель.

отово-съ, прикажете подавать?

одавайте!

юди хотятъ проститься, Валерьянъ Александрычъ, при-
илъ Николай.

осылай! произнесъ съ досадою Эльчаниновъ.

айъ вышелъ и вслѣдъ за нимъ вошло челоуѣкъ двѣнад-
оровыхъ бабъ и мужиковъ.

рощайте, батюшка Валерьянъ Александрычъ, говорили
дходя къ рукъ барина.

рощайте, прощайте, повторялъ торопливо Эльчаниновъ и
даже напомнить имъ беречь Анну Павловну и слушаться
въ теплый дорожный сюртукъ, онъ вошелъ въ спаль-
ной. Анна Павловна сидѣла на кровати, Савелій стоялъ
въ задумчивости.

— Ты совсѣмъ? сказала больная, довольно спокойнымъ тономъ.

— Прощай, Анета, до свиданья! проговорилъ Эльчаниновъ цѣлуя ея руку.

— Прощай! тихо проговорила она:—дай мнѣ обнять тебя, тебя провожу.

— Не дѣлай этого, Анета, ты слаба.

— Позволь мнѣ хоть проводить тебя, дай мнѣ руку, и она встала, опираясь на руку Эльчанинова.

— Прощайте, Савелій Никандрычъ, говорилъ тотъ, подавая свободную руку пріятелю.

— Прощайте, Валерьянъ Александрычъ, отвѣчалъ Савелій крѣпко сжавъ руку друга.

Они поцѣловались и всѣ трое вышли въ залу.

— Постой, сказала Анна Павловна, какъ бы вспомнивъ что-то:—ты будешь писать ко мнѣ?

— Буду, другъ мой!

— А часто ли?

— Часто.

— Пиши два раза въ недѣлю, непременно пиши. Теперь благослови меня.

Эльчаниновъ перекрестилъ ее.

— Прощай, Анета, останься здѣсь, ты слаба.

— Я провожу тебя на крыльцо. Анна Павловна хотѣла идти, но силы ее совершенно оставили.

— Не могу... Прощай! произнесла она, и ужь въ безпамятствѣ обхватила Эльчанинова за станъ.

— Примите ее, сказалъ Эльчаниновъ, разводя холодныя руки любовницы, и почти бѣгомъ выбѣжавъ на крыльцо, вскочилъ въ коляску.

— Пошелъ скорѣе въ Каменки! крикнулъ онъ.

Кучеръ ударилъ по лошадамъ и коляска съ шумомъ выѣхала въ поле. Эльчанинову стало легче; какъ бы тяжелое бремя спало у него съ души; минута растанья была скорѣй досадна ему, чѣмъ тяжела.

— Какъ эти женщины слабы, думалъ онъ, я люблю ее меньше. да чтожъ такос? такъ необходимо я повинуюсь. Размышляя такимъ образомъ, онъ мало-по-малу погрузился въ мечты о будущемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость, что онъ

выхалъ изъ своей усадьбы съ твердымъ намѣреніемъ, выписать Анну Павловну при первой возможности.

Между тѣмъ графъ только-что еще проснулся и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

— А! вы ужь совсѣмъ, сказалъ онъ, увидя входящаго Эльчанинова въ дорожномъ платьѣ. Исправны. Присядьте. Какъ здоровье Анны Павловны? Какъ она васъ отпустила?

— Не спрашивайте лучше, ваше сіятельство, одна только неизбежная необходимость заставила меня не отказаться отъ моего намѣренія, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Честь вашей воли! Это прекрасно въ молодомъ человѣкѣ. Повѣрьте: все къ лучшему! Вамъ надобно теперь письма и деньги.

Съ этимъ словомъ графъ подошелъ къ письменному столу и началъ писать. Черезъ полчаса онъ вручилъ Эльчанинову четыре пакета и 200 рублей серебромъ.

— Извините, что мало, сказалъ онъ, подавая деньги; тамъ, по письму, вы можете, въ случаѣ нужды, адресоваться къ моему повѣренному.

Эльчаниновъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Прощайте, милый другъ, говорилъ графъ, обнимая молодого чедовзка:—не забывайте меня, пишите; могу ли я бывать у Анны Павловны?

— Графъ! я васъ хотѣлъ просить объ этомъ. Позвольте мнѣ предоставить се въ полное ваше покровительство. Вы одинъ, можете быть, въ цѣломъ мірѣ...

— Все будетъ хорошо! все будетъ хорошо! говорилъ старикъ, еще разъ обнимая Эльчанинова, и когда тотъ, въ послѣдній разъ раскланявшись, вышелъ изъ кабинета, опять сѣлъ на свос канапе и задумался. Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, нехотя позвонилъ.

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ, въ модномъ синемъ фракѣ.

— Какой сегодня день?

— Четвергъ, ваше сіятельство.

— А когда почта въ Петербургъ?

— Сегодняшній день, ваше сіятельство.

— Вели приготовить верховаго въ городъ.

Камердинеръ вышелъ. Графъ снова подошелъ къ бюро и началъ лѣниво писать.

«Любезный Федоръ Петровичъ!

Къ тебѣ явится, съ моими письмами отъ 5 сентября, молодой человекъ Эльчаниновъ. Онъ мнѣ здѣсь мѣшаетъ, затяни его въ Петербургъ, и для того, или принижи ему службу повиднѣй и потруднѣй, но онъ врядъ ли къ этому способенъ, а потому выдавай ему денегъ, по немногу, чтобы было ему на что флянерствовать. Сведи его непременно съ Надей. Скажи ей отъ меня, чтобы она занялась имъ, я ей заплачу; а главное, чтобы она вызвала его на переписку, и письма его къ ней пришли ко мнѣ. Надѣюсь, что исполнишь.

Графъ Сапѣга.»

Написавши письмо, графъ опять позвонилъ нехотя. Вошелъ тотъ же камердинеръ.

— Отправить страховымъ, сказалъ Сапѣга, и началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, вздыхая по временамъ и хватаясь за лѣвый бокъ груди. Ему не столько нездоровилось, сколько было совѣстно своихъ поступковъ, потому что, опять повторю, Сапѣга былъ добрый въ душъ человекъ, — но женщины! — Женщинъ онъ очень любилъ, и любилъ, конечно, по своему.

VIII.

Спустя недѣлю послѣ отъезда Эльчанинова, графъ пріѣхалъ въ Коровино. Анна Павловна была по большей части въ безпамятствѣ. Савелій встрѣтилъ графа въ гостиной.

— Могу ли, любезный, я видѣть больную? спросилъ графъ, принявъ Савелія за лакея.

— Она въ безпамятствѣ теперь, ваше сіятельство, отвѣчалъ почтительно Савелій.

— Все-таки я могу войти?

— Пожалуйте.

Графъ вошелъ въ спальню.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ, всплеснувъ руками, ахъ, какъ она больна! она въ отчаянномъ положеніи. Кто же ее лечитъ! Кто за ней ходитъ?

— Я за ней хожу, ваше сіятельство, отвѣчалъ Савелій.

— Но какъ же ты можешь ходить? Это неприлично даже, — ты мужчина.

— Мнѣ поручилъ ее Валерьянъ Александрычъ, отвѣчалъ Савелій.

— Очень неосмотрительно сдѣлалъ Валерьянъ Александрычъ; ты можешь любить госпожу, быть ей взрѣнь, но никакъ не ходить за ней больною.

Савелій не отвѣчалъ.

— Какъ сыро, какъ холодно въ комнату! продолжалъ графъ; бѣдная... бѣдная моя Анета! Часто ли вздѣть къ ней по-крайней-мѣрѣ лекарь?

— Лекарь не вздѣть, ваше сіятельство, отвѣчалъ Савелій.

— Господи, Боже мой! вскричалъ графъ, что вы съ нею дѣлаете! вы хотите просто ее уморить! Это ужасно! Сегодня же, сейчасъ же я перевезу ее къ себѣ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, возразилъ было Савелій.

— Что такое нѣтъ? Оставить вамъ ее здѣсь уморить? перебилъ графъ.

— Я не могу отпустить Анны Павловны: она мнѣ поручена, сказалъ съ твердостью Савелій.

— А я не могу оставить ее здѣсь, отвѣчалъ графъ, нѣсколько удивленный дерзостью Савелья. Оставить, когда у ней нѣтъ ни доктора, ни прислуги даже, которая могла бы ходить за ней.

Слова его были отчасти справедливы. Служанки, рѣдко бывшія въ горницѣ и въ бытность Эльчанинова, теперь совершенно поселились въ избахъ. Одинъ только Савелій былъ безотлучно при больной. Пригласить медика не было никакой возможности; Эльчаниновъ, ухвативши, оставилъ въ домѣ только десять рублей. Савелій, никакъ не предполагавшій подобной безопасности со стороны пріятеля, узналъ объ этомъ послѣ. Услышавши намѣреніе графа взять къ себѣ Анну Павловну, онъ сначала не хотѣлъ отпускать ее, не зная, будетъ ли на это согласна она сама и не разсердится ли за то; но, обдумавши весь ужасъ положенія больной, лишенной всякаго пособія, и не зная, что еще будетъ впереди, онъ началъ колебаться.

— Я не знаю, ваше сіятельство, началъ онъ, не съ прежнею твердостью, захочетъ ли больная перѣхатъ къ вамъ.

— Чего тутъ больная! она умираеть, а ее спрашивать, хочеть ли она помощи. Я сейчасъ возьму ее.

— Я не могу совсѣмъ оставить Анны Павловны; если вамъ угодно взять ее, то позвольте и мнѣ быть при нихъ.

— Ты можешь навѣдываться, пожалуй.

— Я долженъ быть непрестанно при нихъ. Я поклялся въ этомъ Валерьяну Александрычу.

— Это совершенно не нужно; у Анны Павловны и безъ тебѣ будетъ много прислуги.

— Я не слуга, ваше сіятельство, сказалъ наконецъ Савелій вынужденный объявить свое настоящее имя.

Графъ съ удивленіемъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на молодаго челоувѣка.

— Но кто же вы? спросилъ онъ..

— Я знакомый Валерьяна Александрыча, отвѣчалъ Савелій

— Фамилія ваша?

— Молотовъ.

— Имя ваше, званіе?

— Савелій Никандрычъ, а званіе—дворянинъ-съ.

— И вы говорите, что Валерьянъ Александрычъ поручилъ вамъ Анну Павловну?

— Да, ваше сіятельство.

— Но я полагаю, что это не мѣшаетъ мнѣ взять къ себѣ въ домъ Анну Павловну; вы можете бывать у меня, сколько вамъ угодно.

— Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, позвольте, я буду при ней неотлучно.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Сапѣга, слегка пожавъ плечами, и потомъ прибавилъ:—потрудитесь велѣть подать карету. Савелій вышелъ.

— Что это за челоувѣкъ? подумалъ графъ, онъ, кажется, очень привязанъ къ больной, и пользуется довѣріемъ Эльчанинова. Онъ можетъ повредить мнѣ во многомъ, но все-таки оттолкнуть его покуда не возможно, а тамъ увидимъ.

Савелій воротился:

— Карета готова, ваше сіятельство.

— Ну, теперь прикажите положить постель, я полагаю, это необходимо.

— Я уже все сдѣлалъ, теперь только вынести Анну Павловну.

— Одвѣйте ее, Бога ради, потешьте, произнесъ графъ.

— Одвѣну-съ, отвѣчалъ Савелій и вышелъ.

Графъ еще разъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого человека и вышелъ въ гостиную.

Между тѣмъ Анна Павловна, бывшая съ открытыми глазами, ничего въ то же время не видѣла и не понимала, что вокругъ нея происходило. Савелій позвалъ двухъ горничныхъ, приподнялъ ее, надѣлъ на нее все, какое только было теплое платье, обернулъ сверхъ того въ ваточное одѣяло и вынесъ на рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ она была уложена на перинъ вдоль кареты.

Графъ съѣлъ съ другой стороны.

— Позвольте ужъ и мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ Савелій, влезая вслѣдъ за графомъ въ экипажъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ и только продолжалъ съ удивленіемъ смотрѣть на него.

Отъ Коровина до Каменокъ было не болѣе семи верстъ, но такъ какъ графъ, по просьбѣ Савелья, велѣлъ вѣхать шагомъ, чтобъ не обезпокоить больную, то перевзѣдъ ихъ продолжался около двухъ часовъ. Во всю дорогу Савелій и графъ молчали; первый со всей внимательностью слѣдилъ за больною; чтожъ касается до Сапѣги, то его занимала, кажется, какая-то особенная мысль. Часа въ два пополудни карета остановилась у крыльца, графъ вышелъ первый и тотчасъ распорядился, чтобъ была приготовлена отдѣльная комната, близъ библіотеки и велѣлъ сію же секунду скакать верховому въ городъ за медикомъ. Анну Павловну перенесли и уложили въ постель, двѣ горничныя поставлены были на безсмынное дежурство къ ней, однако Савелій, не смотря на это, послѣдовалъ за ней и помѣстился на дальнемъ стулѣ. Графъ прошелъ въ свой кабинетъ; его безпокоило, что скажетъ Анна Павловна, пришедши въ чувство, и не захочетъ ли опять вернуться въ Коровино. Онъ придумывалъ различныя средства, которыми могъ бы заставить ее остаться у него. Кромѣ того, его начиналъ безпокоить Савелій, котораго живое участіе казалось весьма ему подозрительнымъ. Сапѣга еще дорогой рѣшился подслушать, что будетъ говорить больная съ своимъ повзрѣвшимъ и такимъ образомъ узнать, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою молодые люди. Онъ съ намѣреніемъ помѣстился Анну Павловну рядомъ съ библіотекою, въ которую никто почти никогда не входилъ, и въ которой, надѣ

однимъ изъ шкафовъ, было сдѣлано круглое окно, весьма удобное для наблюденія, что дѣлалось и говорилось въ комнатѣ больной. Теперь Сапѣга размышлялъ, кому поручить подслушать. Ему самому не возможно; для этого можетъ быть нужно будетъ просидѣть цѣлый день, ночь въ библіотекѣ и влезть наконецъ на шкафъ, надъ которымъ было окно. Употребить для того когонибудь изъ людей, графъ не хотѣлъ; Иванъ Александрычъ лучше всѣхъ оказался удобнымъ исполнить это порученіе... За нимъ былъ посланъ гонецъ и чрезъ полчаса изгнанный племянникъ, въ восторгъ отъ возвращенной къ нему милости, стоялъ въ кабинетѣ.

— Мнѣ до тебя маленькая надобность, Иванъ, сказалъ графъ ласково. Сядь поближе.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Какой есть дворянинъ Молотовъ, Савелій, кажется, Макарычъ, что ли? продолжалъ Сапѣга.

— Савелій? ваше сіятельство, точно такъ-съ, подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Чтожъ онъ такое за господинъ? спросилъ Сапѣга.

— Какой господинъ, ваше сіятельство, бѣднякъ лѣтъ тридцати дубина, нигдѣ еще и не служилъ. Дѣлаетъ, вонъ, телеги, подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Онъ часто бываетъ у Эльчанинова?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Онъ теперь у меня, вмѣстѣ съ Мановской, я ее большую привезъ къ себѣ.

— У васъ, ваше сіятельство?

— Да, у меня. Я ихъ обоихъ привезъ изъ Коровина; больная въ безпамятствѣ. Хочешь посмотрѣть.

— Для чего же, ваше сіятельство, не посмотрѣть.

— Ну, такъ ступай въ библіотеку, знаешь, тамъ окно надъ шкафомъ, влезь на шкафъ и посмотри.

— На шкафъ влезть, ваше сіятельство, нѣтъ, Богъ съ ними. Нельзя ли какънибудь въ щелочку.

— Не нарочно же для тебя дѣлать щели.

— Ну, такъ и не надо, ваше сіятельство, я не хочу.

— Ты-то не хочешь, да я хочу. Мнѣ надобно знать, что будетъ говорить больная, когда придетъ въ себя. Сослужи мнѣ эту службу.

— Помилуйте, ваше сіятельство, если вамъ угодно, такъ я

сейчас же... Я, вѣдь, думалъ, что вы говорите это такъ, для меня-съ.

— Именно сейчасъ же, только вотъ въ чемъ дѣло; тебѣ, можешь быть, придется просидѣть цѣлую ночь да и завтрашній день.

— Это ничего, ваше сіятельство, лишь бы вамъ было угодно.

— Ну, значить, спасибо, только слушай: ты какъ можно внимательнѣе долженъ смотрѣть, что будутъ они дѣлать и что говорить. Я нарочно оставилъ ихъ вдвоемъ.

— Съ кѣмъ же вдвоемъ, ваше сіятельство?

— Да я тебѣ говорилъ съ этимъ Молотовымъ.

— Понимаю-съ, понимаю-съ теперь, а то никакъ еще въ умъ-то хорошенько не могъ сразу взять, подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Тебѣ нечего тутъ въ умъ и брать, перебилъ его графъ, твое дѣло будетъ только подслушать и подсмотрѣть все, что будетъ дѣлаться въ комнатѣ, и мнѣ все передать, хотя бы стали брать меня. Понимаешь?

— Понимаю, ваше сіятельство.

— Ну, такъ пойдѣмъ... я тебя запроу въ библіотекъ.

— Только ночью-то, ваше сіятельство, больно темно тамъ будетъ.

— Да что ты, чертей что ли боишься?

— Маленькаго нянька напугала, вотъ теперь, если комната чуть-чуть побольше, да темно, такъ ужъ ужасно боюсь.

— Полно вздоръ молоть, пойдѣмъ.

Графъ и племянникъ вошли въ библіотеку. Начинало уже смеркаться. Невольно пробѣжала холодная дрожь по всемъ членамъ Ивана Александрыча, когда они очутились въ огромной и пустой библіотекѣ, въ которой чутко отдались ихъ шаги; но надобно было еще влезть на шкафъ. Здѣсь оказалось немаловажное препятствіе: малорослый Иванъ Александрычъ никакъ не могъ исполнить этого безъ помощи другаго.

— Дай, я тебя подсажу, сказалъ графъ.

— Вы, ваше сіятельство?... какъ это можно вамъ беспокоиться. Позвольте ужъ, я лучше обвѣгаю за стуломъ.

— Давай сюда ногу.

— Не могу, ваше сіятельство, грязна очень, я, признаться, сказать, прѣхалъ безъ калошъ.

— Говорять тебѣ давай, несносной человекъ.

Иванъ Александрычъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, обернулъ имъ свой сапогъ, и въ такомъ только видѣ осмѣлится подставить свою ногу на руку графа, которую тотъ пронулъ. Сапъга съ небольшимъ усиліемъ поднялъ его и посадилъ на шкафъ. Иванъ Александрычъ въ этомъ положеніи сталъ очо походить на мартышку.

— Ну, прощай, смотри хорошенько, я побываю у тебя, сказалъ графъ, вышедши и заперъ дверь.

Ивану Александрычу сдѣлалось очень страшно и онъ рѣшилъ все вниманіе обратить на сосѣднюю комнату, въ которой у него показался огонь.

Сапъга вошелъ въ комнату больной.

— Вы здѣсь? сказалъ онъ, подходя къ Савелью и садясь на ближайшій диванъ.

— Я попрошу позволенія провести здѣсь всю ночь.

Сапъга хотѣлъ что-то отвѣчать, но пріѣхавшій медикъ прервалъ ихъ разговоръ. Онъ объявилъ, что Анна Павловна въ критическомъ положеніи, но кризисъ болѣзни уже совершился.

— Когда она придетъ въ себя? спросилъ заботливо графъ.

— Я полагаю сегодняшнюю ночь или по утру.

— Сегодняшнюю ночь, повторилъ графъ. Послушайте, привѣтилъ онъ, обращаясь къ Савелью, мнѣ кажется, вамъ лучше одному остаться у больной, чтобы видѣ незнакомыхъ лицъ, когда она придетъ въ себя, не испугалъ ее.

— Это очень хорошо, ваше сіятельство, отвѣчалъ Савелій.

— Мы такъ и распорядимся.. вы сегодня не будете дежурить, сказалъ Сапъга горничной, впрочемъ не нужно ли что-нибудь сдѣлать? спросилъ онъ медика.

— Теперь ни къ чему нельзя приступить, надобно ожидать отъ природы, я долженъ остаться до завтрашняго дня, отвѣчалъ медикъ.

— Благодарю, стало быть мы можемъ уйти. До свиданія, Хозяинъ, медикъ и горничная вышли изъ комнаты.

Савелій, оставшись одинъ въ спальнѣ, сейчасъ пересѣлъ ближе къ больной. Глаза его, полные слезъ, съ любовью остановились на блѣдномъ лицѣ страдальницы, которой кажется становилось лучше, потому что она свободнѣе дышала, на лбу у нея появились капли испарины, этотъ благодѣтельный признакъ въ тѣсномъ состояніи. Прошло нѣсколько минутъ, Савелій все еще смотрѣлъ на нее, и потомъ, какъ бы не могли удержать с

орожно взялъ ея худую руку и тихо подъяловалъ. При наступкѣ лице молодого человѣка вспыхнуло, какъ обыкновенно это бываетъ у людей, почувствовавшихъ тайный стыдъ. Поворотно опустилъ руку, всталъ съ своего мѣста и перенесъ кресло въ отдаленное кресло.

Вызваніе врача сбылось, больная часа чрезъ два пришла въ себя, она открыла глаза, но, видно, зрѣніе ея было слабо, и въ состояніи была вдругъ осмотрѣть всей комнаты. Садомъ дошелъ.

Что вы? сказала она слабымъ голосомъ.

Анна Павловна, слава Богу вамъ лучше, отвѣчалъ Са-

Вамъ погодите, начала больная, осматриваясь и водя рукой по стѣнѣ бы припоминая что-то, и глаза ея заблестали радостью. Гдѣ мы? Вѣрно въ Москвѣ, у Валера, сказала она съ радостью. Мы прѣехали къ нему, гдѣ же онъ? Бога ради, скажите мнѣ гдѣ онъ?

Онъ не у Валерьяна Александрыча, а только скоро къ нему придетъ.

Къ не у него! Господи, я его не увижу! Гдѣ же мы?

Мы у графа, Анна Павловна.

У графа! вскрикнула она, зачѣмъ же мы у графа? Поведемъ же, ради, поведемте поскорѣе, я не хочу здѣсь оставаться. Скажите мнѣ здѣсь покойнѣе, Анна Павловна, сказалъ Савелій. Я нарочно перевезъ васъ; онъ очень заботится, пригласилъ доктора, и вотъ вамъ ужъ лучше.

Скажите, Бога ради, уведете, просила она, мнѣ здѣсь не

Хорошо ли мы поведемъ въ Коровино, вамъ опять будетъ хуже, сказала больная, нельзя будетъ вѣхать къ Валерьяну Александровичу, а ужъ скажите мнѣ, скоро напишеть.

Здѣсь будетъ и тамъ лучше, я буду беречь себя, я буду беречь и тамъ.

Сказать нельзя будетъ лечиться, у насъ нѣтъ денегъ; это сказала Анна Павловна; мнѣ оставилъ Валерьянъ Александровичъ 200 рублей, а я ихъ потерялъ.

Скажи мнѣ Валеръ оставилъ 200 рублей? какой онъ добрый!.. мы скажемъ ему, онъ еще пришлетъ намъ, только уведете отсюда. Скажите да же мы будемъ писать, Анна Павловна, мы не знаемъ гдѣ Валерьянъ Александровичъ. Поживите здѣсь покуда.

— Здѣсь? Ахъ, нѣтъ, я не могу, не вѣрьте графу, я боюсь его.

— Но чего же вамъ опасаться, Анна Павловна? Я при васъ неотлучно буду.

— Нѣтъ, уведите, Бога ради, уведите, мнѣ сердце говорить. Вы не знаете графа, онъ дурной человѣкъ, онъ погубилъ меня.

— Анна Павловна, вспомните, что вы будете здѣсь жить для Валерьяна Александровича, чтобы поскорѣе выздоровѣть и ѣхать къ нему... Что если онъ напишетъ и станетъ ждать васъ, а вы не сможете ѣхать?

— Ахъ, какъ мнѣ тяжело! сказала бѣдная женщина, и закрыла лице руками.

— Мы останемся здѣсь не долго, Богъ дастъ Валерьянъ Александровичъ напишетъ, мы и поѣдемъ. До тѣхъ поръ я буду безпрестанно около васъ.

— Да, будьте, непременно будьте. Я безъ васъ здѣсь не остаюсь, не отходите отъ меня ни на минуту, графъ ужасный человѣкъ.

Вся эта сцена, съ малѣйшими подробностями, была Иваномъ Александровичемъ передана Сапѣгъ, который вывелъ изъ нея три результата: во первыхъ, Савелій привязанъ къ Аннѣ Павловнѣ не простымъ чувствомъ, во вторыхъ, Анна Павловна гораздо болѣе любила Эльчанинова, нежели онъ предполагалъ, и наконецъ третье, что его самага боятся и не любятъ. Все это весьма обезпокоило графа.

IX.

О переездѣ Анны Павловны въ Каменики, точно ворона на хвостѣ разнесла въ тотъ же почти день по всей Боярщинѣ: ай да соколена, говорили многіе, по преимуществу дамы:—не успѣлъ еще бросить одинъ, а она ужъ нашла и другаго... Да вѣдь она больна, осмѣливались возражать нѣкоторые подобре, говорятъ, просто вѣсть было нечего, графъ взялъ изъ челоуѣколюбія... Сдѣлайте милость, знаемъ мы это челоуѣколюбіе! восклицали имъ на это. Что-то Михайло-то Егорычъ, батюшки мои, что онъ-то ничего не предпринимаетъ!.. Какъ не предпринимаетъ, онъ и съ полиціей прѣвзжалъ-было, и за тѣмъ слѣдовалъ разсказъ, какъ Мановскій навзжалъ съ полиціей и какъ исправника распекъ за это графъ, такъ что тотъ теперь лежитъ больпехонекъ, и при этомъ разсказѣ большая же часть восклицали: прахъ

что такое дѣлается на свѣтъ, не поймешь ничего. Впро-
 оездъ Мановской къ графу чувствительнѣе всѣхъ пора-
 еопатру Николаевну. Помирившись съ своей совѣстью
 авши удовольствіе быть любимою богатымъ стари-
 на рѣшительно испугалась пребыванія въ домъ графа Ма-
 которую она считала своей соперницей. Очень естест-
 то она навсегда утратитъ покровительство Сапѣги, ко-
 оставить и не возьметъ ее съ собою въ Петербургъ,
 асно ей хотѣлось, и оставитъ наконецъ въ жертву Ма-
 у, съ которымъ встрѣчу въ обществѣ она не могла
 ить себя безъ ужаса. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній,
 ялась объясниться съ графомъ и написала къ нему пись-
 оррымъ умоляла его пріѣхать къ ней, но получила хо-
 отвѣтъ, извѣщающій ее, что графъ занятъ дѣлами и не
 быть впредь до свободнаго времени. Она послала еще
 на которое ничего ужъ ей не отвѣчали. Видя тщетность
 что еще болѣе усилило ея опасенія, она сама рѣшилась
 къ графу и узнать причину его невниманія.

у тѣмъ, какъ все это происходило, одинъ только За-
 новскій, къ которому никто не ѣздилъ, ничего не зналъ.
 ѣздивеньевъ день бываетъ праздникъ въ Могилковскомъ
 Михайло Егорычъ, впрочемъ, былъ дома и обходилъ свои
 томъ онъ пришелъ въ комнаты и легъ по обыкновенію
 ной на диванъ. Вошла тихими шагами лѣтъ двадцати-пя-
 чная дѣвка въ китайчатомъ капотѣ и въ шелковой косынкѣ,
 ой маленькой головкой, какъ обыкновенно повязываются
 Это была уже знакомая намъ горничная Анны Павловны,
 , возведенная въ степень ключницы и называемая теперь
 рни Матреною Григорьевною, хотя баринъ по прежнему
 алъ называть ее Матрешкой. Постоявши немного и видя,
 айло Егорычъ не замѣчаетъ ее, она кашлянула.

го тамъ? спросилъ Мановскій.

батюшка, отвѣчала Матрена.

и? повторилъ Михайло Егорычъ.

сь, отвѣчала ключница, благодаримъ покорно за ло-
 прибавила она, подходя и цѣлуя руку барина.

у, что тамъ?

ичего, батюшка, молились, таково было много народу!
 были, отвѣчала ключница. Она была, кажется, немно-
 есель и, чувствуя желаніе поговорить, продолжала: Ни-

колай Николаичъ Симановскій съ барыней былъ, Надежда Павловна Карина, да еще какой-то баринъ, я ужъ и не знаю, апалетахъ.

— Да что вы долго, поди, чай, по деревнямъ ездили?

— Ой, полноте, батюшка, возразила Матрена; какъ это можно, тихо въхали-съ, да я и не люблю, что? Богъ съ ними. Токо и зашли, по совѣсти сказать, къ предводительскому вольному отпущенному, къ Иринарху Алексичу, изволите знать? Рыбко еще торгуетъ. Онъ, признаться сказать, увидѣлъ меня въ ошкю, да и закликалъ. Матрена Григорьевна, говоритъ, сдѣлайте ваше одолженіе, пожалуйста. Тутъ только, батюшка, и посидѣть.

— Только?

— Только-съ. Да я бы, вѣдь, и тутъ бы не засидѣлась, чего сказать, домъ гребтитъ, да разговоръ такой ужъ зашевелился, что нельзя было...

— Какой же?

— Про нашу Анну Павловну, батюшка.

— Про жену?

— Да-съ.

— Чтожъ такое?

— Да изволите видѣть, начала Матрена, вздохнувъ и приложивъ руку къ щекъ; тутъ былъ графскій староста, прославился такой, изъ мужиковъ. Онъ, сказать такъ, съ Иринархомъ Алексичемъ пріятели большіе, такъ по секрету и сказалъ ему, что Иринархъ Алексичъ, какъ тотъ увхалъ, послѣ мнѣ и говорилъ.

— Матрена Григорьевна, гдѣ у васъ барыня? А я вотъ, признаться сказать, передъ вами, какъ передъ Богомъ, и говорю, что говорю, не скроешь этого, въ Коровинъ живетъ. Нѣтъ, говоритъ, Коровинскаго барина и дома нѣтъ, увхалъ въ Москву.

— Какъ въ Москву? проговорилъ Мановскій, приподымаясь съ дивана.

— Да, батюшка, въ Москву, а барыня наша ужъ другой день перѣехала въ Каменки.

Мановскій, какъ бы не могшій еще придти въ себя, пострѣлъ на ключницу какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Какъ въ Москву? Какъ въ Каменки? повторялъ онъ бодро и болѣе краснѣя.

— Да, въ Москву, отвѣчала Матрена, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

— Такъ чтожъ ты мнѣ прежде этого не сказала? зарев...

вдругъ Мановскій , вскочивши съ дивана и опрокинувши при этомъ круглый столъ.

— Батюшка, Михайло Егорычъ, лонни мои глаза, сегодня только узнала.

— Заговоръ! Мошеничество! кричалъ Мановскій. По праздникамъ только ѣздить, пьянствовать!..

— Отецъ мой, Михайло Егорычъ, успокойтесь, можетъ и не правда.

— Пошла вошь!.. Увхаль! переухала!... Старая-то крыса эта! А! крыса!.. Это его штуки, его предъяки. Увхаль, врешь, нагоню, уморю въ тюрьмъ! говорилъ Мановскій, ходя взадъ и впередъ по комнатъ, потомъ вдругъ вошелъ въ спальню, тамъ иопались ему на глаза приданныя ширмы Анны Павловны: однимъ пинкомъ повалилъ онъ ихъ на полъ, въ нѣсколько минутъ изщипалъ на куски, и вслѣдъ за этимъ началъ бить окна, не колотя по стекламъ, а ударяя по переплету, такъ что отъ одного удара разлеталась вся рама. Послѣ трехъ, четырехъ пріемовъ, въ спальнѣ не осталось ни одного стекла, и Мановскій, видно уже обезсилившій, упалъ на постель. Холодный втеръ, пахнувшій въ разбитыя окна, а, можетъ быть, и физическое утомленіе затушили его горячку. Почти цѣлый часъ пролежалъ онъ, не измѣнивъ положенія и казалось что-то обдумывалъ, потомъ крикнулъ:

— Эй, кто тамъ!

Вошла опять та же Матрена.

— Вели сейчасъ лошадей готовить, проговорилъ онъ. Матрена ушла.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи Михайло Егорычъ былъ уже въ уѣздномъ городѣ, взялъ тамъ почтовыхъ лошадей и поскакалъ въ губернскій городъ.

Въ этотъ же самый день графъ Сапѣга сидѣлъ въ своей гостиной и былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. У него не выходила изъ головы сцена, происходившая между Савельемъ и Анной Павловной и пересказанная ему Иваномъ Александрычемъ. «Какъ она любитъ его,» думалъ онъ и невольно оглянулся на свое прошедшее, ему сдѣлалось горько и какъ-то совѣстно за самого себя. Любила ли его хоть разъ женщина такимъ образомъ! Все было наемное, купленное. Вотъ теперь онъ старый холостякъ, ему около 60 лѣтъ; онъ, можетъ быть, скоро умретъ... Умретъ!... Какъ это страшно. Да, онъ чувствуетъ, что

силы его часъ отъ часу слабѣютъ, и что же онъ дѣлаетъ? Интригуетъ съ одною женщиною и хочетъ соблазнить другую. На этихъ печальныхъ мысляхъ доложили ему о прїездѣ Клеопатры Николаевны.

Графъ сдѣлалъ гримасу и когда вдова вошла и подала ему, по обыкновенію, руку, онъ едва привсталъ съ мѣста.

Клеопатра Николаевна съѣла.

— Извините меня, графъ, начала она, что я не могла себя отказать въ желаніи видѣть васъ, хоть вамъ это и непріятно.

— Напротивъ, я всегда радуюсь вашему посвященію, возразилъ Сапѣга.

— Вы не хотѣли однако исполнить моей просьбы и прїехать ко мнѣ, вы даже не хотѣли отвѣчать мнѣ, Богъ съ вами! проговорила вдова.

— Я не имѣлъ времени, отвѣтилъ графъ, и оба они замолчали на нѣкоторое время.

— Опасенія мои, кажется, сбываются, начала Клеопатра Николаевна.

— Какія опасенія? спросилъ Сапѣга.

— Въ вашемъ домѣ, продолжала Клеопатра Николаевна, какъ бы отвѣчая на вопросъ, живетъ женщина, которую вы любите и для которой забудете многое.

— Не обижайте этой женщины, перебилъ ее строго графъ, она дочь моего стараго друга, и полумертвая живетъ въ моемъ домѣ. Въ любовницы выбираютъ здоровыхъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула, она поняла намекъ графа.

— Простите мою ревность, начала она, скрывая досаду, но что же дѣлать, вы мнѣ дороги.

— И вы мнѣ дороги, сказалъ двусмысленно графъ.

Клеопатра Николаевна поняла тоже и этотъ каламбуръ. Она ясно видѣла, что графъ хочетъ отъ нея отдѣлаться и рѣшилась на послѣднее средство—притвориться страстно влюбленною и поразить графа драматическими эффектами.

— Теперь я понимаю, графъ, сказала она, я забыта, презрѣна, вы смѣтаетесь надо мной!.. За что же вы погубили меня, за что же вы отняли у меня спокойную совѣсть. Зачѣмъ вы старались внушить къ себѣ довѣріе, любовь, которая довела меня до забвенія самой себя, своего долга, заставила забыть меня, что я мать.

— Отъ чего вы не адресовались съ подобными вопросами къ

Мановскому, спросил насмѣшливо графъ. Это превышало всякое терпѣніе. Клеопатра Николаевна сначала думала упасть въ обморокъ, но ей хотѣлось еще поговорить, оправдаться и снова возбудить любовь въ старикъ.

— Это клевета, графъ, обидная, безбожная клевета, отвѣчала она; я Мановскаго всегда ненавидѣла, вы сами это знаете.

— Тѣмъ хуже для васъ, возразилъ Сапѣга.

— Графъ! Я вижу, вы хотите обижать меня, но это ужасно! Если вы разлюбили меня, то скажите лучше прямо.

— А вы меня любили? спросилъ немилосердно Сапѣга.

— И вы, графъ, имѣете духу меня объ этомъ спрашивать, когда я принесла вамъ въ жертву свою совѣсть, утратила свое имя. Со временемъ меня будетъ проклипать за васъ дочь моя.

— Чтожь вамъ собственно отъ меня угодно? спросилъ Сапѣга.

— Я хочу вашей любви, графъ, продолжала Клеопатра Николаевна; хочу, чтобъ вы позволили любить васъ, видѣть васъ иногда, слышать вашъ голосъ. О! не покидайте меня! воскликнула она, и упала передъ графомъ на колѣни.

Презрѣніе и досада выразились на лицѣ Сапѣги.

— Встаньте, сударыня, началъ онъ строго, не заставляйте меня думать, что вы къ вашимъ качествамъ прибавляете еще и притворство! Къ чему эти сцены?

— Ахъ! вскрикнула вдова, и упала въ обморокъ, чтобы доказать графу испрительность своей горести.

Сапѣга только посмотрѣлъ на нее и вышелъ въ кабинетъ, рѣшившись не посылать никого на помощь, а самъ между тѣмъ сѣлъ противъ зеркала, въ которомъ видна была та часть гостиной, гдѣ лежала Клеопатра Николаевна и сталъ наблюдать, что предприметъ она, ожидая тщетно пособія.

Прошло нѣсколько минутъ, Клеопатра Николаевна лежала съ закрытыми глазами. Графъ начиналъ уже думать, не въ самомъ ли дѣлѣ она въ обморокъ, какъ вдругъ глаза ея открылись. Осмотрѣвши всю комнату, и видя, что никого нѣтъ, она поправила немного лѣвую руку, на которую видно не ловко легла, и растегнула верхнюю пуговицу капота, открывъ такимъ образомъ верхнюю часть своей роскошной груди, и снова, закрывши глаза, притворилась безчувственной. Всѣ эти продѣлки начинали тѣшить графа, и онъ рѣшился еще ожидать, что будетъ дальше. Про-

шло около четверти часа, терпѣнія не стало болѣе у Клеопатры Николаевны.

— Гдѣ я? произнесла она, приподымаясь съ полу, какъ приподымаются послѣ обморока въ театрахъ актрисы, но, увидя, что по прежнему никого не было, она проворно встала и начала подходить къ зеркалу. Графъ, не ожидавшій этого движенія, не успѣвъ отвернуться, и глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ. Сапѣга, не могшій удержаться, покотился со смѣху. Клеопатра Николаевна вышла изъ себя, и съ раздраженнымъ видомъ почти въбѣжала въ кабинетъ.

— Что это вы со мной дѣлаете! Подлый человѣкъ! Развратный старичишко! Мало того, что обезчестилъ, еще насмѣхается!... кричала она, забывши всякое приличіе и задыхаясь отъ слезъ.

— Тише! тише, сумасшедшая женщина! говорилъ графъ.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, ты сумасшедшій, низкій человѣкъ!

— Тише, говорятъ, не кричите.

— Нѣтъ, я буду кричать на весь домъ, чтобы слышала твоя новая любовница. Послѣднія слова она произнесла еще громче.

— Поди же вонъ! сказалъ въ свою очередь взбѣсившійся графъ, и взявши вдову за плечи, повернулъ къ дверямъ въ гостинную, и вытолкнулъ изъ кабинета, замкнувши тотчасъ дверь.

Х.

На тѣхъ же самыхъ дняхъ, по утру, начальникъ губерніи сидѣлъ, по обыкновенію, таинственно въ своемъ кабинетѣ. Это уже былъ старикъ и, какъ по большей части водится, пльшивый. Съ молодости, говорятъ, онъ извѣстенъ былъ какъ масонъ, а теперь сильно страдалъ ипохондріей. Слывъ за человѣка неглупаго и дальновиднаго, особенно въ сношеніяхъ съ сильными лицами, онъ вообще былъ изъ хитрецовъ меланхолическихъ, самыхъ, какъ извѣстно, непроходимыхъ.

Часовъ около двѣнадцати дежурный чиновникъ доложилъ:

— Полковникъ Мановскій.

— Просите, повторилъ губернаторъ съ нѣкоторою даже строгостью.

Задоръ вошелъ.

дравствуйте, полковникъ, произнесъ губернаторъ, ласково
 я ему на стуль. Тотъ сълъ и видимо былъ чъмь-то
 женъ. Губернаторъ между тъмь устремилъ грустный
 на видявшуюся передъ нимъ рѣку, тоже какъ-то мрач-
 рошенную осеннимъ вѣтромъ.

кая погода скверная, произнесъ онъ.

е хороша, отвѣчалъ Мановскій:—и меня вотъ третій день
 мааетъ, чортъ знаетъ, что такое и отъ чего.

огода, повѣрьте! рѣшилъ губернаторъ.

вскій на это вздохнулъ и, помолчавши, началъ официаль-
 номъ:

къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство.

то такое? спросилъ губернаторъ, несмотря на свою ме-
 ю, не совсѣмъ равнодушнымъ тономъ. Онъ давно уже
 ѣ объ ужасныхъ неприятностяхъ Мановскаго въ семейной

меня жена убѣжала, отвѣчалъ Михайло Егорычъ, съ
 енною ему твердостью и рѣзкостью, хотя въ тоже вре-
 лицо его покрылось красными матажами. Цѣлый годъ
 одолжалъ онъ:—она не только что не живетъ со мной
 ужескомъ сожитіи, но даже мы не видались съ ней.

онаторъ грустно.

е смотря на это, снова продолжалъ Мановскій:—я из-
 я, что она находится въ бременномъ состояніи, а пото-
 билъ бы ваше превосходительство объ освидѣтельствова-
 черезъ кого слѣдуетъ, и выдать мнѣ на то документъ,
 къ я именуемъ своимъ не хочу покрывать этой распутной
 ы и желаю имѣть съ ней разводъ.

онаторъ думалъ.

гдѣ же ваша супруга теперь проживаетъ? спросилъ онъ,
 и вопросъ этотъ озадачилъ немного Мановскаго.

на живетъ теперь въ усадьбѣ графа Сапѣги, отвѣчалъ

живетъ ужъ? повторилъ губернаторъ и позвонилъ. Во-
 ежурный чиновникъ.

отрудитесь, любезный, принести мнѣ отъ правителя кон-
 альное письмо графа Сапѣги, запечатанное въ пакетъ,

*

проговорилъ онъ кротчайшимъ голосомъ. Чиновникъ поклонился и вышелъ.

— А отъ графа есть письмо по моему дѣлу? спросилъ Мановскій.

— Есть, отвѣчалъ значительно губернаторъ, и чтобъ не распространять dalje разговора, началъ опять грустно глядѣть въ окно. Чиновникъ принесъ дѣло, губернаторъ, взявъ отъ него, смалъ его кивкомъ головы изъ кабинета и приказалъ по плоту притворить дверь.

— Это самое письмо и есть, собственной рукой графа написанное, продолжалъ губернаторъ таинственнымъ голосомъ:— позволите прочесть вамъ? прибавилъ онъ.

Мановскій кивкомъ головы изъяснилъ согласіе.

Губернаторъ началъ: «Сверхъ чаянія, зажившись въ губернии въ вѣренной управленію вашего превосходительства, я сдѣлался вольно близкимъ свидѣтелемъ одной непріятной семейной исторіи. Сосѣдь мой, г. Мановскій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до того мучилъ и тиранилъ свою жену, женщину весьма милая и образованную, что та вынуждена была бѣжать отъ него и скрылась въ усадьбѣ другаго моего сосѣда, Эльчанинова, тогда еще человека, который, если и справедливы слухи, влюбленъ въ нее, то во всякомъ случаѣ смѣло могу заявить, что между нимъ нѣтъ той близкой связи, которая могла бы положить пятно на имя г-жи Мановской. Не смотря на это, мнѣ извѣстная полиція, подкупаемая варваромъ-мужемъ, производила совершенно выходящія изъ предѣловъ ихъ власти въ усадьбѣ Эльчанинова обыски, пугая несчастную женщину и производя вратительный безпорядокъ въ домъ. Прекративъ все эти незаконныя дѣйствія, я вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляю себя долгомъ уведомить объ томъ и ваше превосходительство, для надлежнаго съ вашей стороны распоряженія, которымъ вы удержите налицу отъ дальнѣйшихъ ея притязаній и примете подѣломъ средственное ваше покровительство несчастную женщину, пользу которой, все сдѣланное съ вашей стороны, я приму за безконечное и собственно для меня сдѣланное одолженіе.»

При чтеніи этихъ строчекъ Мановскій только блѣднѣлъ.

— Чтожъ мнѣ дѣлать послѣ того, ваше превосходительство проговорилъ онъ.

— А мнѣ-то что тоже дѣлать? спросилъ губернаторъ.

— Повѣду теперь, значитъ, въ Петербургъ, продолжалъ

новскій:—и буду тамъ ходатайствовать. Двадцать пять лѣтъ, ваше превосходительство, я служилъ честно. Я на груди своей ношу знаки отличія, и надѣюсь, что не позволятъ и воспретятъ марасть какой нибудь позорной женщины мундиръ и кресты офицера. При послѣднихъ словахъ у Михайлы Егорыча навернулись даже слезы. Губернаторъ развелъ руками и потупилъ голову.

— Самый лучший и единственный путь, проговорилъ онъ.

— Я и на васъ, ваше превосходительство, буду жаловаться, извините меня, продолжалъ Мановскій, уже вставая:—такъ какъ вы выдаете хошь бы насъ, дворянъ, допуская въ домахъ нашихъ дѣлать развратъ кому угодно, оставляя насъ беззащитными. Передъ закономъ, полагаю, должны быть все равны: что я, что графъ какой нибудь. Принимая присягу, мы не то говоримъ передъ крестомъ.

— Ваше дѣло будетъ жаловаться, а мое будетъ отвѣчать, возразилъ на это губернаторъ съ замѣтною сухостью, и Мановскій, поклонившись ему гордо, вышелъ. Не смотря на свою свирѣпую запальчивость, онъ на этотъ разъ себя сдержалъ на сколько могъ, понимая, что губернаторъ не захочетъ, да и не можетъ даже ничего сдѣлать тутъ. Выйдя изъ губернаторскаго дома и проходя бульваромъ, онъ, какъ бы желая освѣжиться, шелъ безъ шапки и все что-то хватался за голову.

Остановился онъ, въ этотъ разъ, на квартирѣ, какъ и всегда, у одного бѣднаго приказнаго, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, ко всему ихнему роду, чувствовалъ какую-то рабскую преданность, за которую вознаграждаемъ былъ каждагодно нѣсколькими пудами муки и еще кой-чѣмъ изъ домашняго запаса. Пришедши на квартиру, Мановскій спросилъ себѣ обѣдать, впрочемъ ничего почти не вѣлъ и все пилъ воду; потомъ прилегъ какъ бы соснуть; но не прошло и получаса, какъ знакомый нашъ Сенька, вмѣсто обычнаго барскаго крика:—«*Эй мальш!*» услышалъ какое-то мычаніе, и, вошедши въ спальню, увидѣлъ, что Михайло Егорычъ лежалъ вверхъ лицомъ. При входѣ его, онъ хотѣлъ видно встать, но вмѣсто того упалъ на правую руку.

Сенька постоялъ немного, поглядѣлъ и, видя, что ничего ему не приказываютъ, опять ушелъ въ свою маленькую прихожую.

— Хмъленъ, видно!... ловко, знать, гдѣ-то попало!.. привстать-то даже не сможетъ, рѣшилъ онъ, мотнувъ головой.

Такъ прошло время до трехъ часовъ; хозяинъ—чиновникъ возвратясь изъ должности, зашелъ, какъ дѣлалъ онъ это каждый день, на половину Михайла Егорыча, ради того, чтобъ изъяснить ему свое почтеніе, а другое, можетъ быть, и для того, что не удастся ли рюмочку, другую выпить водочки, которая у Мановскаго была всегда отличная.

— А что, ихъ милость дома или нѣтъ? спросилъ онъ у Сеньки.

— Дома-то, дома, хмвленъ только, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ на здоровье; поживать, значить, теперь изволятъ.

— Богъ его знаетъ, спать не спать, а лежить да глазами только хлопаетъ. Слышите, вонъ замычалъ.

— Ай батинька, царица небесная! да чтой-то это такое, поглядѣть надо, проговорилъ добрякъ и заглянулъ въ спальню. Михайло Егорычъ лежалъ верхъ лицомъ, сначала неподвижно, потомъ приподнялъ лѣвой рукой правую, подержалъ ее на воздухъ и отпустилъ; она, какъ плеть, упала на постель.

— Отцы мои! да у него владѣнья, знать, нѣтъ, вскрикнулъ приказный, всплеснувши руками. Отецъ мой! Михайло Егорычъ! произнесъ онъ, подходя къ постель.

— Хмы, хмы, хмы, мычалъ Мановской.

— Не сходить ли за докторомъ, Михайло Егорычъ?

Мановскій мотнулъ головой.

— Сейчасъ, батюшка, сказалъ добрякъ и выбѣжалъ. Поди къ барину-то, произнесъ онъ Сенькѣ, пробѣгая лакейскую.

Вскорѣ, пріѣхавшій съ нимъ лекаръ, осмотрѣлъ Мановскаго и велѣлъ ему пустить кровь и растирать правую сторону щетками.

— Что это такое, батюшка, что такое съ благодѣтелемъ-то случилось? спросилъ приказный, когда они вышли изъ спальни.

— Ничего, параличъ, отвѣчалъ мрачно и лаконически докторъ и потомъ, сѣвши на дрожки, проговорилъ самъ съ собою: скоты эдакіе, зовутъ и не платятъ!

Положеніе графа въ свою очередь тоже становилось часъ отъ часу непріятнѣе. Конечно, ему писали изъ Петербурга, что Эльчаниновъ пріѣхалъ туда и съ первыхъ же дней началъ пользоваться Петербургскою жизнію, а о деревнѣ, кажется, забылъ и думать, тѣмъ болѣе, что познакомился съ Надинькой и цѣлые вечера просиживалъ у ней; кромѣ того Сапѣга зналъ уже, что и Мановскій, главный врагъ его, разбитъ параличемъ и полумертвый

вѣнь въ деревню. Не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, Сапѣга болѣе и болѣе терялъ надежду видѣть Анну Павловну на свои исканія. Горесть ея была такъ велика, такъ непритворна, что онъ даже никогда не рѣшался говорить ей о любви своей, чему еще, надобно сказать, мѣшало и Савелій, оттолкнуть котораго не было никакой возможности, а между тѣмъ Иванъ Александрычъ пересказывалъ всевозможныя сплетни, которыя сочинялись въ Бояр-насчетъ его отношеній къ Аннѣ Павловнѣ. Терпѣніе Сапѣги начинало ослабѣвать, роль безкорыстнаго покровителя рѣшительно была не въ его духъ. Онъ начиналъ не на шутку раздражаться и досадовать. Онъ даже жалѣлъ, что разстался съ Клеопатрой Николаевной и рѣшился было снова возобновить ей прежнія отношенія, но вновь полученныя письма изъ Петербурга измѣнили его планы. Ему писали, что, по случаю казанію его, Эльчаниновъ былъ познакомленъ между прочимъ и съ домомъ Неворскаго и понравился тамъ всѣмъ дамамъ своей кротости своими разказами объ ужасной провинціи и о нравахъ помѣщикахъ, среди которыхъ онъ жилъ и живетъ самъ, графъ, и всѣмъ этимъ заинтересовалъ даже самого старшаго сына такой мѣрѣ, что тотъ велѣлъ его зачислить себѣ членомъ особыхъ порученій и пригласилъ его каждый день ходить къ нему обѣдать, и что, наконецъ, на дняхъ пріѣзжалъ въ деревню Эльчаниновъ, сначала очень разстроенный, а потомъ откровенно признавшійся, что онъ не можетъ и не считаетъ почти своимъ обязанностямъ вѣхать въ деревню, или вызывать къ себѣ изъ деревни даму, передъ которой просилъ даже солгать и сказать, что онъ умеръ, и въ доказательство чего отдалъ послать ей письмо отъ него и локонь волосъ. Прочитавъ эти извѣстія, даже графъ былъ пораженъ.

Ахъ, какой дрянной и вѣтренной мальчишка! проговорилъ онъ.

Чтобы оправдать хоть сколько нибудь моего героя, я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Клеопатра Николаевна писала

«Добрый другъ!

Я не могу удержаться, чтобъ не извѣстить васъ объ одномъ, очень неприятномъ для вашего сердца случаѣ, но призовите,

добрый другъ, на помощь религію, вашъ разсудокъ, и будьте благоразумны. Женщина, которую вы любите, не стоитъ того. Ахъ! еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело это сказать, она на другой же день переехала къ графу и теперь очень спокойно живетъ у него. Нужно ли говорить, въ какихъ они отношеніяхъ? Теперь очень понятно поведеніе этого ужаснаго старика. Какъ можно теперь вѣрить женщинамъ! Мы еще иногда обвиняемъ мужчинъ, но они противъ насъ, просто, ангелы. Услышавши, что эта особа переехала въ Каменки и еще кой-что, я рѣшилась сама убедиться въ томъ и поѣхала къ графу, но жестоко была наказана за мое любопытство. Когда я вошла въ гостиную, то увидѣла совершенно аркадскую сцену, отъ которой ужасъ овладѣлъ мною и я тотчасъ уехала. Не огорчайтесь и не отчаявайтесь, добрый другъ! Вы мужчина, должны быть тверды, должны забыть недостойную. Я очень боюсь, чтобы вы не предприняли чего нибудь рѣшительнаго и не захотѣли бы кровью отмстить коварному вашему покровителю. Конечно, онъ стоитъ смерти, но, поберегите себя, хоть для меня, если по прежнему считаете меня вашимъ другомъ.

Любившая и любящая васъ

Cléopatre. »

Эльчаниновъ, получивши это письмо и желавшій въ душѣ, чтобы это было такъ, повѣрилъ всему безусловно. Считая потомъ себя въ правѣ окончательно отказаться, отъ этой же ищины, нагаль при этомъ случай, сколько только возможно нагаль. Графъ между тѣмъ разсуждалъ самъ съ собой: что дѣлать?... Объявить ли Аннѣ Павловнѣ о мнимой смерти Эльчанинова, раскрыть передъ нею страшную перспективу бѣдности, униженія и обещать ей все это исправить, при извѣстныхъ условіяхъ. Неужели же эта женщина скорее рѣшится умереть съ голоду, чѣмъ приневолить себя полюбить его? Конечно. благоразуміе требовало бы нѣкоторой постепенности, надобно, чтобы она привыкла къ мысли, что для нея болѣе не существуетъ любимый человекъ, но можетъ быть это продолжится еще долго, заключилъ графъ, и принялъ намѣреніе дѣйствовать, не отлагая времени и рѣшительно. Слѣдующая же ночь была избрана для того, потому что Савелій только на это время и оставлялъ Анну Павловну одну, и уходилъ спать въ отдаленную комнату.

Съ приближеніемъ рѣшительной минуты, графомъ начало жи-

живѣй овладѣвать безпокойство. Разсудокъ говорилъ о
удной его дерзости, совѣтовалъ повызждать для болѣе
успѣха, но извѣстенъ законъ, что самые запальчивые и
днѣе люди въ любви,—то старики и молоденькіе юноши.
робило на часахъ двѣнадцать и все въ домѣ, казалось,
и заснуло, Сапѣга вышелъ изъ кабинета, почти бѣгомъ
лъ корридоръ и тихонько отворилъ дверь въ спальню
Павловны. Ночная лампада слабо освѣщала комнату и
ярко блестя въ золотой окладъ старинной иконы. Графъ
отвернулъ глаза отъ образа и взглянулъ на кровать:
Павловна крѣпко спала; на бѣдномъ лицѣ ея видна была
какъ будто бѣ ей снились пріятныя грезы; изъ-подъ бѣ-
вляла выставлялась, почти до плеча, голая рука; нѣсколько
волосъ выбивались изъ-подъ ночнаго чепчика. Этого бы-
точно, чтобы графа оставило всякое другое чувство.
стро подошелъ къ кровати и поцѣловалъ спящую Анну
у въ лобъ. Она открыла глаза и болѣзненно вскрикнула.
ше, Бога ради, тише, началъ графъ, я пришелъ къ вамъ
ь, я буду говорить объ Валерьянѣ Александровичѣ, я объ
мъ окажу.

Павловна не могла еще опомниться.
сейчасъ получилъ объ Валеріанѣ Александровичѣ извѣ-
хочу съ вами говорить, продолжалъ торопливо Сапѣга.
объ Валерѣ?... Вы отъ Валера получили письмо? Онъ
рино зоветъ, сказала Анна Павловна, приподымаясь. По-
мнѣ письмо, дайте мнѣ поскорѣе; Боже! неужели это
Дайте, гдѣ оно у васъ? и она хватала графа за руки.
позвольте мнѣ състь около васъ, сказалъ тотъ, садясь на

айте мнѣ письмо! Здоровъ ли Валеръ? Дайте поскорѣе.
рошо, хорошо, отвѣчалъ Сапѣга, только вы прежде ска-
нѣ, за что вы его такъ любите?

графъ! воскликнула уже со слезами бѣдная женщина, вы
е меня, вы злой человекъ, я не хочу съ вами говорить.
сть, Анна Павловна, я долженъ съ вами говорить, про-
съ твердостью Сапѣга, уже овладѣвши собою.

окажите мнѣ письмо Валера.

окажу, но прежде позвольте мнѣ сказать вамъ хоть нѣ-
словъ о себѣ. Знаете ли, какъ я васъ люблю, какъ я

страдалъ за васъ, вы ничего этого не видите, вы не чувствуете даже ко мнѣ благодарности.

— Я благодарна вамъ.

— Нѣтъ, и этого нѣтъ, вы только опасаетесь и почти ненавидите меня. Вы не понимаете, чего мнѣ стоило покровительство вашему любимцу, когда я самъ въ васъ влюбленъ. Поставьте себя хоть на минуту въ мое положеніе.

— Графъ!

— Дайте мнѣ договорить: я цѣлые полгода скрывалъ себя, я обрекъ себя на полное самоотверженіе. Любя васъ, я покровительствовалъ вашей любви къ другому человѣку, потому что, думалъ въ этой любви ваше счастье.

— Я буду вамъ вѣчно признательна, графъ,—покажите мнѣ письмо.

— Еще два слова: я думалъ, что если она и не любитъ меня, то по-крайней-мѣрѣ благословитъ когда нибудь мою память, но Богъ не далъ мнѣ и этого: я не сдѣлалъ васъ счастливою, я обманулъ, какъ обманулись и вы. Въ этой любви ваша гибель, если только вы сами не будете благоразумны.

— Графъ, выйдите вонъ! сказала Анна Павловна, съ какой-то несвойственною ей твердостью. Вы нарочно сюда пришли, выйдите; иначе я крикну, вы обманываете меня, вы не получили письма.

— Извольте, я уйду, но только я получилъ письмо, отвѣчалъ хладнокровно Сапѣга, и всталъ.

— Пойдите! вскричала Анна Павловна, останавливая его руку. Покажите мнѣ письмо, Бога ради, покажите!

— Поцѣлуйте меня за это, такъ и покажу, проговорилъ Сапѣга, какъ бы съ отеческою улыбкою.

— Извольте, я васъ буду цѣловать сколько хотите, отвѣчала Анна Павловна, и сама, обнявъ его шею руками, начала торпливо цѣловать.

У графа опять кровь бросилась въ голову, онъ обхватилъ ее за талию, цѣловалъ ее шею, глаза... Анна Павловна поняла опасность своего положенія. Чувство стыда и самосохраненія, овладѣвшее ею, заставило забыть главную мысль. Она сильно толкнула графа, но тотъ держалъ ее крѣпко.

— Помогите! вскрикнула бѣдная женщина.

— Не кричите, или вы погибли, началъ шепотомъ Сапѣга, я васъ оставляю одну, на нищету, на позоръ, забуду мою лю-

предамъ васъ мужу. Любовникъ вашъ умеръ, вотъ из-за его смерти, прибавилъ онъ и выбросилъ изъ кармана посланное письмо повѣреннаго, извѣщавшее о смерти оного. Все забывшая Анна Павловна, схватила его, разорвала, и при этомъ выпали кольцо и волосы Эльчанинова. Онъ прочелъ первыя же строки, бѣдная женщина что-то присоснула губы. Графъ съ невольнымъ удивленіемъ взглянулъ ей въ глаза, въ которыхъ, какъ бы мгновенно изгладилось всякое примыслие и чувства: ни горя, ни испуга, ни удивленія, не было видно въ чертахъ; глаза ея, взглянувъ на него, недвижно остановились, ротъ полураскрылся, опустившіяся губы дрожали.

— Анна Павловна, что съ вами? спросилъ Сапѣга, взявъ ее за руку.

— Ничего не было.

— Поди! что съ вами? Анна Павловна, придите въ себя, успокойтесь, продолжалъ онъ испуганнымъ тономъ, поднимая руку и складывая пальцы въ крестъ.

— Дайте мнѣ письмо, дайте, проговорила больная, какимъ-то слабымъ голосомъ.

— Не отдаю вамъ письмо, но вы ему не вѣрьте, это все ложь. Эльчаниновъ живъ, онъ только измѣнилъ вамъ, но я заставлю его любить васъ, если вы этого хотите! но только теперь, сейчасъ, лягте, успокойтесь, говорилъ окончательно rassлабленный старикъ, взявъ Анну Павловну за плеча и стараясь удержать ее.

— Душно! закричала она раздрающимъ голосомъ, сильно стуча кулакомъ въ грудь. Мнѣ душно! Жарко! кричала она. Графъ только догадался, что Анна Павловна помѣшалась.

— Душно! Жарко! продолжала она кричать, метаясь по комнате, душно!

— Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ужасъ, совѣсть и жалость охватили его самого. Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы позвать кого нибудь на помощь, но вмѣсто того прошелъ въ кабинетъ и въ изнеможеніи упалъ на диванъ. Ему все случилось, какъ несчастная кричала: «душно! жарко!» Онъ зажалъ себѣ уши. Прошло нѣсколько минутъ, въ проходахъ слышались крики, но криковъ не было слышно.

— Она умерла! проговорилъ онъ и вскочивши съ дивана,

что есть силы началъ звонить въ колокольчикъ: вбѣжалъ полу-сонный камердинеръ.

— Вели, бѣги, стой, я слышалъ въ комнатѣ Анны Павловны крикъ, пооди, попроси Савелья Никандрыча сюда. Нѣтъ, говорилъ, Сапѣга, но въ это время снова раздался крикъ, и онъ опять упалъ на диванъ и зажалъ уши. Ничего не понимавшій камердинеръ не трогался съ мѣста.

— Пошли, говорятъ тебѣ, Савелья Никандрыча, произнесъ взбѣшеннымъ голосомъ графъ. Камердинеръ вышелъ и скоро возвратился со свѣчею.

— Савелій Никандрычъ у Анны Павловны, проговорилъ онъ.

— Что съ ней, что она? спросилъ дрожавшимъ голосомъ Сапѣга.

— Не могу доложить, ваше сіятельство, должно быть хуже, Савелій Никандрычъ укладываютъ ихъ въ постель.

Крики снова раздались.

— Господи! сохрани ее, воскликнулъ графъ, послушай, теперь можно вхатъ.

— Куда, ваше сіятельство?

— Въ Петербургъ; вели готовить лошадей, я сейчасъ вду въ Петербургъ.

Камердинеръ стоялъ въ недоумѣніи.

— Сейчасъ вду, повторилъ графъ, вы прїѣдете послѣ. Вели готовить лошадей.

Камердинеръ вышелъ.

Оставшись одинъ, графъ подошелъ къ рабочему бюро и взялъ было сначала письменный портфель, видно съ намѣреніемъ писать, но потомъ, какъ бы что-то вспомнивъ, вынулъ изъ шка-тулки пукъ ассигнацій и началъ ихъ считать. Руки его дрожали, онъ безпрестанно ошибался. Вошелъ камердинеръ, и графъ, какъ пойманный школьникъ, поспѣшно бросилъ отсчитанную пачку опять назадъ въ шкатулку.

— Вамъ угодно переодѣться? спросилъ тотъ.

— Приготовь.

Камердинеръ вышелъ.

Сапѣга вынулъ изъ портфеля листъ почтовой бумаги и написалъ скорѣй какими-то каракулями, чѣмъ буквами:

«Мой любезный Савелій Никандрычъ! Нечаянное извѣстіе за-ставляетъ меня сію минуту вхатъ въ Петербургъ. Я слышалъ,

что Анна Павловна хуже, посылаю вамъ двѣ тысячи рублей, Бога ради сейчасъ повзжайте въ городъ и пользуйте ее; возьмите мой экипажъ, но только не теряйте времени. Я не хочу большую обезпокоить прощаниемъ, и не хочу отвлекать васъ. Прощайте, не оставляйте больную, теперь она по преимуществу нуждается въ вашей помощи. Эльчаниновъ оказался очень низкимъ человекомъ.

Сапѣга.»

Графъ торопливо свернулъ письмо, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

— Лошади готовы-съ, сказалъ вошедшій камердинеръ.

Сапѣга проворно пересодѣлся въ дорожное платье.

— Отдай это письмо Савелью Никандровичу, сказалъ онъ, подавая ему пакетъ, и вели управителю дать ему мой экипажъ, онъ съ больной скоро увидетъ. Вы соберитесь послѣ завтра.

Эти слова графъ говорилъ уже проходя залу, и послѣдующій камердинеромъ, который несъ за нимъ шкатулку и портфель. Лестницу Сапѣга пробѣжалъ бѣгомъ.

— Пойдите, ваше сіятельство, раздался голосъ съ верху. Скажите, живъ ли пѣтъ Валерьянъ Александровичъ?

— Живъ! отвѣчалъ графъ. Пошелъ! крикнулъ онъ и экипажъ помчался.

На крыльцѣ остался блѣдный Савелій, въ рукахъ у него было письмо Эльчанинова, найденное имъ на постель больной.

— Его сіятельство приказали вамъ отдать письмо! сказалъ камердинеръ, подавая ему письмо графа.

— Куда уѣхалъ графъ?

— Въ Петербургъ.

— Анна Павловна очень тоскуетъ, послышался голосъ горничной.

Савелій бросился въ комнаты.

XI.

Савелій снова поселился въ своемъ домикѣ. Вместе съ нимъ жила больная и помѣшанная Анна Павловна. Графъ, растерявшійся, какъ мы видѣли, въ концѣ, написалъ къ Савелью письмо, въ которомъ упоминалъ объ деньгахъ, но самыя деньги забылъ вложить. Савелій, пораженный припадкомъ безумія Анны Павловны, потомъ извѣстивъ о смерти Эльчанинова, нечаяннымъ

отъездомъ самого графа, и наконецъ новымъ известіемъ, Эльчаниновъ живъ, только на другой день прочиталъ это письмо и остался въ окончательномъ недоумѣніи. Онъ началъ спрашивать людей, не оставилъ ли кому нибудь графу отвѣчать, что его сіятельство приказали только готовить экипажъ для отъезда Анны Павловны, куда ей деть угодно. Поступокъ графа крайне удивилъ его. Онъ былъ ночью у Анны Павловны, и показалъ письмо о смерти Эльчанинова, а теперь, когда она помѣшалась, онъ бѣжитъ будучи не въ состояніи выгнать ее при себѣ изъ дома, но же въ деньгахъ—то, при его состояніи, сподличать, это ужъ вѣроятно!... Подумавъ, Савелій въ тотъ же день потребовалъ экипажъ и перевезъ больную къ себѣ въ Ярцово.

Флигилекъ его раздѣлялся на двѣ половины, въ одной изъ нихъ жила его мужикъ съ семействомъ и пускался по загонамъ коровы и овцы, а другую занималъ онъ самъ. Последняя была въ свою очередь, разгорожена на двѣ комнатки, на прихожую и спальню, въ которой онъ помѣстилъ больную.

Прошла недѣля, Аннѣ Павловнѣ было все хуже и хуже. вслѣдствіи сидѣлъ, облокотясь на деревянный некрашенный столъ, понуривъ головой. Боже! какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, мы въ первый разъ съ нимъ встрѣтились: здоровый и свѣжій человекъ, лица его былъ блѣднѣе, густые волосы, которые онъ прежде держалъ всегда въ порядкѣ, теперь безобразными клочками висѣли на головѣ; одѣтъ онъ былъ во что попало; занятый, видимо, тяжелыми размышленіями, онъ впрочемъ не переставалъ прислушиваться, что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ двери оттуда тихо отворились: вышла баба въ нагольномъ тулупѣ и ситцевомъ повойникѣ.

— Что, Аксинья? спросилъ Савелій.

— Мечется, сердечная, больно, отвѣчала та.

— Что-то Кузьма, скоро ли пріѣдетъ! проговорилъ Савелій.

— Ну, гдѣ еще скоро, поди, чай, дешево даютъ. Только жалъ больно, Савелій Никандровичъ, кобылы-то: корова, ну, не шло! плоха была къ молоку, кобылы-то больно жалъ, сѣменная была и бережа еще къ тому.

— Ну, что тутъ вздоръ жалтъ, лекаръ бы только пріѣхалъ.

— Охъ, ужъ вы, съ вашими лекарями-то; ну, что оно имъ постоялъ, постоялъ да и увхалъ, а еще красненькую дали.

— Холодной водой хотѣлъ попробовать обливать, проговорилъ Савелій, какъ бы самъ съ собою.

— Вонъ еще холодной водой обливать, словно пьянаго мужика, подхватила баба. Послушались бы меня, отслужили бы учетный молебенъ: ей вчерась, послѣ причастья, словно полегче стало. Отецъ Василій больно вонъ гораздъ служить. Я спосылаю пармишку.

— Спосылай! отвѣчалъ Савелій.

Баба ушла, воротилась и опять прошла въ спальню. Савелій все сидѣлъ, не перемѣняя своего положенія, наконецъ Аксинья снова вышла.

— Батюшка, Савелій Никандрычъ, начала она, голубушка-то наша что-то больно ужъ тяжело дышетъ и ручки вытянула, ужъ не кончается ли она?

Савелій вскочилъ и торопливо пошелъ въ спаленку. Аксинья послѣдовала за нимъ.

Больная лежала вверхъ лицомъ, глаза ея были закрыты, безжизненное выраженіе лица безумной замѣнилось какимъ-то спокойствіемъ. Она действительно тяжело дышала. Савелій приблизился и взялъ ее за руку, больная взмахнула глазами; Савелій едва не вскрикнулъ отъ радости: въ глазахъ ея не было прежняго безумія.

— Анна Павловна! узнали ли меня? спросилъ онъ.

Но она только ласково улыбнулась, и, ничего не отвѣтивъ, снова закрыла глаза. Богъ судилъ ей въ послѣдній разъ предъти въ себя и посмотреть на истинно любящаго ее человѣка. Дыханье ея стало учащаться, лице болѣе и болѣе блѣднѣло.

Пріѣхалъ священникъ, и вмѣсто учетнаго молебна, началъ читать отходную. Черезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Аксинья завывала во весь голосъ, священникъ, не смотря на привычку, прослезился. Окончивъ отходную, онъ отеръ глаза бумажнымъ платкомъ, и въ какомъ-то раздумьѣ сѣлъ на стулъ. Савелій стоялъ, прислонясь къ косяку, и глядѣлъ на покойницу.

— Умерла она, батюшка? спросилъ онъ священника.

— Померла, сударь, пріяла успокоеніе, отвѣчалъ священникъ, своимъ праведника почилъ, на рѣдкость у младенцевъ такой тихой кончины.

— Холоднешенька, моя родная, говорила Аксинья, щупая руки умершей и заливаясь слезами.

Савелій вышелъ въ другую комнату и сѣлъ на прежнее мѣ-

сто. Аксинья ушла позвать на помощь сосѣдокъ, обряжать койницу. Священникъ зажегъ нѣсколько восковыхъ свѣчей и чашъ кадить ладаномъ.

Вошелъ воротившійся Кузьма.

— Лекарю-то некогда, къ нему какой-то генераль прѣхъ такъ, слышь, все и сидитъ у него, сказалъ онъ, послѣ мнѣнаго молчанія, видя, что баринъ ничего его не спрашиваетъ.

— А продалъ ли, что я велѣлъ? спросилъ наконецъ Савелій.

— Продалъ, Савелій Никандрычъ, да только дешево далъ обвѣхъ-то 75 рублей, съ этимъ словами онъ положилъ деньги на столъ.

— Довольно на похороны? спросилъ онъ священника.

— Да вѣдь какъ повернете? надо полагать, что довольно.

Савелій вздохнулъ.

Въ Могилкахъ тоже были слезы. Въ той же самой гостиной, въ которой мы въ первой разъ встрѣтили несокрушимое казалось, физически и нравственно Михайла Егорыча, молчаливо и сурово ходившаго по комнатамъ, онъ уже полулежалъ креслахъ на колесахъ, правая рука его висѣла, какъ плеть, на вѣя стороне щеки и губъ отвисла. Матрена, еще болѣе похвѣвшая, пошла барина чаемъ съ блюдечка, поднося его, въ не совсѣмъ простывшимъ, такъ что больной хлебнувъ, томорщился и трясъ головою.

— Что попъ?.. помолится, проговорилъ намеками Михайла Егорычъ.

— Послали, батюшка... не замѣшкаютъ, прѣдутъ, отвѣтила Матрена. Похороны, слышь, у нихъ сегодня! прибавила вздохнувъ.

— Чи? намекнулъ Михайло Егорычъ.

Матрена нѣкоторое время медлила.

— Нашей Анны Павловны, батюшка, отвѣтила наконецъ Мановскій вдругъ заревѣлъ на весь домъ.

— Батюшка! да о чемъ это? Что это, полноте...

— Мнѣ жаль ее, промычалъ явственно Мановскій, и прожалъ рыдать.

Пришли священники и стали служить всенощную. Михайла Егорычъ крестился лѣвой рукой и все что-то шепталъ губами, а когда служба кончилась, онъ подозвалъ къ себѣ Матрену и указалъ ей рукой на что-то подъ диванъ. Та, видно знавшая, вынула оттуда желѣзную шкатулку.

— Топри, топри, бормоталъ Михайло Егорычъ.

Матрена отперла ключемъ, навязаннымъ на носовомъ платкѣ барина. Мановскій вынулъ лъвой рукой пукъ ассигнацій и подалъ священнику.

— Ради чего это? спросилъ тотъ Матрену.

— За покой души! Памятникъ!... намекнулъ Мановскій.

— Чьей, судырь, души? спросилъ священникъ.

— Аннушки! Мнѣ жаль ее, промычалъ Михайло Егорычъ и опять заревѣлъ.

ХІІ.

Прошелъ годъ послѣ смерти Анны Павловны. Предводительша возвратилась изъ Петербурга, Боярщина еще чаще стала ѣздить въ Кочарево. Возвратившаяся хозяйка принимала гостей по большей части въ диванной, которую она въ послѣднее время полюбила передъ прочими комнатами, потому что меблировала ее привезенною изъ Петербурга премиленькою мебелью.

Однажды вечеромъ, она полулежала на маленькомъ диванѣ; это была очень еще не старая дама, искренно или притворно чувствительная и вѣчно страдавшая нервами, въ доказательство чего, даже въ настоящую минуту, она держала флаконъ съ одеколономъ въ рукахъ. Около ея ногъ, на креслахъ, помычался старый ея суругъ, съ какой-то собачьей преданностью смотрѣвшій ей въ глаза. Изъ гостей были самые частые ихъ гости: Симановская съ мужемъ, Уситкова въ своемъ безсмысленномъ блондовомъ чепцѣ и, наконецъ, самъ Уситковъ, по загорѣлому и красному цвѣту лица котораго можно было догадаться, что онъ недавно возвратился изъ дальней дороги.

— Наконецъ, вы помѣстили вашего ребенка, сказала хозяйка, обращаясь къ нему, и онъ разинулъ уже было ротъ, чтобъ отвѣчать, но жена перебила его.

— Ничего бы ему не помѣстить, кабы не графъ и не мой къ нему просьбы, проговорила она.

— А вы видѣли графа? спросила предводительша Уситкова.

— Видѣлъ-съ, какъ же: постарѣлъ очень, узнать нельзя, говоритъ, что какъ пріѣхалъ изъ деревни, все хвораетъ: простудился.

— А еще кого нибудь изъ нашихъ знакомыхъ не видали ли? спросила молоденькая Симановская, имѣющая наклонность, по

известному свойству характера, знать как можно больше больше.

— Да кого еще изъ знакомыхъ-то, отвѣчала съ разстановкою Уситкова. Эльчанинова видѣлъ, прибавилъ онъ.

— Что жъ онъ тамъ дѣлаетъ? спросилъ хозяинъ.

— Сочинителемъ сдѣлался, сочиненья, говорить, пишетъ только въ тонкихъ, кажется, обстоятельствахъ: послѣ третей же слова денегъ попросилъ въ займы... отвѣчала Уситкова.

— Эльчанинова? повторила хозяйка, прищуривъ глаза и охаясь къ мужу. Не объ немъ ли, папаша, ты писалъ ко мнѣ какое-то *романическое приключеніе*, что-то такое, онъ у у кого-то, женился что ли?

— Да, у Задоръ-Мановскаго жену увезъ.

Предводительша произнесла: а! и съ какимъ-то особымъ раженіемъ сжала губы.

— Что, господи, не видали ли кто Михайла Егорыча? долженъ старикъ, обращаясь къ гостямъ.

— Я на дняхъ завзжалъ и видѣлъ, отвѣчала Симановская жалко смотря, что стало: изъ такого сильнаго мужичины вылезъ какой-то малой ребенокъ.

— Богъ знаетъ, что дѣлаетъ! произнесла Уситкова, качая головой, хотя конечно, прибавила она, по милости женушкѣ такомъ положеніи.

— Чтожъ ему женушка сдѣлала? спросила предводительша.

— Какъ, Софья Михайловна, помилуйте, что сдѣлала? возразила Уситкова, почти обиженнымъ голосомъ, острамила на мнѣ, ну, человекъ съ амбиціей — не вынесъ этаго и свалился! хотя опять-таки скажу, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Гдѣ жъ теперь она? спросила хозяйка.

— Она и сама, бѣдненькая, умерла; отвѣчала грустнымъ голосомъ Симановская.

— Очень бѣдненькая! какъ этакихъ бѣдненькихъ жалеть, жалости не достанетъ. Была въ связи съ Эльчаниновымъ, бросилъ, поддѣлалась къ графу, а тутъ и къ лапотнику пошла! произнесла Уситкова.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила Симановская:—что у графа и у велья она жила, лишившись разсудка, это я навѣрное знаю.

— Да вѣдь и я тоже знаю, не моложе васъ, и, можетъ быть, поопытнѣй, возразила Уситкова.

васъ никто и не перебиваетъ вашего права , возразила вская.

на тутъ , у этого бѣдняка Савелья и умерла ? перебила хозяйка, обращаясь къ Симановской.

тутъ и умерла, отвѣчала та.

предводительша вздохнула.

взадолго до моего отъезда изъ Петербурга, одна двушная рѣзительно отъ любви, произнесла она, и разговоръ некоторое время прекратился.

ро графа, кажется, тутъ пустяки, началъ было хозяйинъ.

еужели еще онъ думаетъ правиться женщинамъ? перебила стремительно и съ пѣкоторымъ негодованіемъ предводи-

какъ же, отвѣчалъ старикъ:—онъ и за нашей Клеопашей мѣлъ.

еужели? Ахъ, это мило! Что жъ она?

вечечно мазала по губамъ.

къ, да, она ужасная шалунья въ этихъ случаяхъ, не всякіе такіе легкіе характеры , произнесла хозяйка и опять ма.

Клеопатра Николаевна, при всей своей веселости, женщина плами, начала Уситкова, имѣвшая привычку и хвалить, и человечество,—рѣзко, гдѣ, по ея расчетамъ, было это Я недавно была у нея цѣлый день и не могла налюбоваться какъ она обращается съ своей дочерью : что называетъ трого, и ласково, какъ слѣдуетъ матери, прибавила она, годить хозяевамъ, но предводительша не обратила вниманія на ея слова, потому что терпѣть ее не могла, гъ на собственномъ имени остроту ея зубовъ.

ея все занимаетъ это романическое приключеніе, началъ — гдѣ жъ этотъ Савелій? я у тебя, Alexis, его не вижу. чого онъ не ходитъ къ тебѣ?

къ службу, милушка, ушелъ, на Кавказъ, отвѣчалъ предводительша:—едва и дворянство-то ему выхлопотали.

наивный будетъ служака, замѣтилъ Уситковъ.

наивный здоровый, пѣшкомъ ушелъ на Кавказъ-то, произ-

*

несъ Симановскій, поѣжившись отъ безпрерывной ревматической ломоты въ сухихъ своихъ ногахъ.

— Пъшкомъ? Ахъ, бѣдненькій, ему вѣрно не на что брѣхаться, произнесла предводительша и покачала головой.

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

1844 года: Сентября 30.
Москва.

ГУБЕРНСКІЕ ЧЕСТОЛЮБЦЫ.

І. УТРО У ХРЕПТЮГИНА.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Д Ъ Й С Т В У Ю Щ І Я Л И Ц А :

Онуровичъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.
Ивановичъ, иначе *Démétrius*, сынъ его, 20 лѣтъ, служитъ при
Губернаторѣ.

Иванъ Саввичъ Семень Семенычъ Фурначевъ, 50 лѣтъ, имѣеть къ
Хрептюгину начальственныя отношенія.

Станиславъ Фаддеечъ Понжеперховскій, 40 л., ремесломъ про-
ходивецъ.

Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лекаръ, 55 лѣтъ.

Сергѣичъ Развитной, чиновникъ особыхъ порученій при губер-
наторѣ, молодой человекъ.

Иванъ Подпоручикъ Живовскій, 50 л.

Ивановна совѣтница Степанида Карповна Гусова, 45 л., экономка
Хрептюгиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

С Ц Е Н А І.

представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина.
Иванъ и на право отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ
поставлена закуска и водка.

Ивановна. (*Гусова пожилая женщина, одѣта въ черное шел-
ковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль; на головѣ
При открытіи завѣсьса она занимается пригото-
вкою закуски.*) Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а

онъ еще дрыхнетъ! И не убьетъ же Богъ громомъ этакого аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, анъ онъ вотъ валяется... Да и спать въдь не спать, а именно только валяется, потому-дескать, что въ Петербургъ благородные люди такимъ манеромъ дѣлають. (*Задумывается.*) Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили, и того нѣтъ!

С Ц Е Н А II.

Гнусова и Понжперховскій (*видный мужчина, въ военномъ сюртукѣ; усы нафабрены и тщательно завиты; волосы на затылокъ прилажены; вертясь и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ.*)

Понжперховскій. Иванъ Онуфричъ не вставалъ?

Гнусова. Ужь гдѣ же ему встать, батюшка.

Понжперховскій. Это лучше-съ; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчать... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-съ...

Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотреть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрентюгина я нахожу-съ. Сладостенно, чтожъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не въсть въ какой родословной записанъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столъ приготовлена, водка есть... пу, и ваша пріятная бесѣда тоже-съ... за ваше здоровье, Степанида Карповна! (*пьетъ и закусываетъ*).

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди навъзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродить, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А каково-то намъ, грѣшнымъ? Бѣднякъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ, гдѣ щель тамъ постель! Намъ-днись вотъ чуть со двора меня не согналъ: «хочу, говоритъ,

у меня нѣмка въ экономкахъ была!» Ну, разсудите вы
 Степановъ Фаддеевъ, хуже что ли я нѣмки-то!

Иерховскій. Сѣ... да онъ, долженъ былъ бы радовать-
 ему дворянка служить!

Ивановна. Тоже вотъ и я говорю... наслы ужь его Аксинья
 на уняла!

Иерховскій. Д-да-сѣ... такъ вотъ видите: стало быть,
 и-то Ивановна добрая!

Ивановна. И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Иерховскій. Это можно взмѣнить-сѣ... Будетъ не только
 я, а даже бархатная: на это манера еоть-сѣ... А вы
 ли порученьеце-то, моя почтенная?

Ивановна. Говорила, сударь... только она все чтой-то мвется...

Иерховскій. Было подалась, а потомъ и опять на попятную.

Иерховскій. Да что же такое-сѣ?

Ивановна. Да говорить, что ты больно по гостямъ шататься
 , а я, говорить, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмынно
 сидѣлъ...

Иерховскій. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жад-
 ная! Да вы бы внушили ей , моя ночтеннѣйшая, что и
 го ей ужь подъ тридцать!

Ивановна. Говорила я, такъ она все свое: панаша , говорить,
 кошетъ, такъ для браку и изъ Петербурга генералы при-

Иерховскій. Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что
 -то кровь, какъ ты тамъ се ни нерегоий сквозъ кубъ,
 кажется... Миз не ся-сѣ , а вотъ приложеній-то жалко!

Ивановна. Что и говорить, сударь!

С Ц Е Н А III.

Ивановна и Доброзраковъ (*рости большаго и нѣсколькo при этомъ
 ватъ; смотритъ урюмо; въ военномъ сюртукѣ*).

Доброзраковъ (*становясь въ дверяхъ*). Пану полковнику здра-
 аемъ! Чи добрже мѣшъ, пане?

Иерховскій. Что намъ дѣлается , докторъ! отъ насъ вамъ
 плохая.

Доброзраковъ. Ну , это еще бабушка на двос сказала... объ
 будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ поги, дружи-
 тягивать стоимъ! (*устремляетъ взоръ на водку*) А! и

водка на столъ! это добрже! А ну, полковникъ, испытаемъ целебныя свойства этой жидкости! Мнѣ, я вамъ скажу, что сегодня не здоровится: стара стала, слаба стала... поту да живъ, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та нынче мвнять стала! (*Пьетъ*). Было, было и наше времечко! выпы бывало, сколько подынешь, а нынче... сколько глазомъ снешь! (*Всѣ смѣются*).

Понжперховскій. А что вы думаете, докторъ: можетъ быть отъ этого-то всполаскиванья и не дѣйствуютъ. Вотъ въ нашѣхъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ порите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ — тамъ скончался-сь!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! (*ударяетъ себя по животу*). Эта печка такого сорта, что какъ ее ни топи, все къ дальнѣйшей шей тонкъ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ свѣтъ живу, и могу сказать, бывала-таки у насъ топка... изрядная! А все хотъ сейчасъ въ походъ готовъ!.. (*Гнусова Иванъ Онуфрчъ всталъ?*)

Гнусова. Никакъ нѣтъ еще, Иванъ Петровичъ: какъ можетъ!

Доброзраковъ. То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да т еще часъ, видно, не пробилъ, въ который богатымъ просыпается прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько вари, все сыростью пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни сѣ, а ближе, то гаже!

Гнусова (*иронически*). Ну такъ, сударь. Известно, возвысь Богъ куликовъ родъ — какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что, по-крайней-мѣръ, не гон худаго слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ, полковникъ! (*Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ*).

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ сказали, человекъ, покуда въ дикомъ состояніи находится, ничег даже можно сказать, что это именно почтенный человекъ. Но коль скоро повезла ему фортуна, или успѣлъ онъ, такъ сказать, надуть себъ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ? Первымъ долгомъ — ги на столъ... этотъ переворотъ и Хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брвзетъ?

враковъ. Съ бородой-то по-моему еще лучше. Борода замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза, плюнетъ въ бороду! *(плещутся)*.

перховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы эта-редства да человѣку образованному,—сколько бы можно было сдѣлать!

враковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, за чѣмъ ему годовою пенсіею вы что окажете! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Иванъ *(иронически)*. Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ, не говорите, ужъ, кажется, не въ мѣру его конфузите!

враковъ *(смотритъ на часы)*. Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ давно-поди всталъ!

С Ц Е Н А IV.

ДМИТРІЙ ИВАНЫЧЪ *(вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ въ фрактъ и завитъ)*.

Иванъ. Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадцатый часъ тамъ прокладается! Вы-то чегожь смотрите, Степановна?

Иванъ *(оскорбляясь)*. Помилуйте, Дмитрій Иванычъ; я вѣдь развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ войти?

Иванъ *(останавливаясь въ изумленіи передъ Гнушиной)*. Дама?!.. а кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнушина. Все же, чай, не мужчина, сударь!

Иванъ. Такъ вы говорите «женщина»; а то «дама»!

враковъ. Да чтожь такое случилось, Дмитрій Иванычъ?

Иванъ *(размахивая руками)*. Князь.... князь....

враковъ. Узнать о папашинѣмъ здоровьи... поняли что ли? *(Гнушина мучительно машетъ руками, стремительно убѣгаетъ)*.

враковъ *(машая застѣиваться)*. Ахъ ты, Господи! Какое сѣятельство вѣдетъ!

Иванъ. Кто вамъ говорить про его сѣятельство! Поверьте, вамъ его сѣятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Сергѣича пришлетъ!

Доброзраковъ (*разстегиваясь*). А! Разбитней! ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть предостаточно!

Дмитрій Ивановичъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ (*озираясь кругомъ*). А въ какомъ? въ камсиномъ!... Ну, да полноте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь это такъ, шутки ради... Известно ужь, Леонидъ Сергѣичъ особа не простая... гдѣ жь намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундиръ и полезъ въ воду...

Дмитрій Ивановичъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Ивановичъ; кому же и пошутить-то!

Понжперховскій. А мнѣ, видно, уйти покуда... не люблю я этого Разбитнаго!

Доброзраковъ. Что такъ?

Понжперховскій. Гордишка-съ.

С Ц Е Н А V.

Дмитрій Ивановичъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Ивановичъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напримѣръ, этотъ выходецъ сюда таскается?

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умекъ сладенько повость... Вы ужь очень строги, Дмитрій Ивановичъ.

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ! я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? (*указываетъ на сердце*.) Вѣдь на улицу выдти нельзя: свитья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго, тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать, чтобъ нейзажъ живонясенъ былъ!

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе, докторъ! Намѣднись вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ; ну, и княжна тутъ... Только откуда ни возьмись — бабушкинъ братъ; весь въ кубовой краскѣ выпачканъ: «а это, говорятъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходить!» Вы поймите, что я тутъ долженъ былъ вытерпеть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Ивановичъ, дѣдушку-то подъ

салазки! Знаете, и пословница гласитъ: Еремея подчуютъ умъя, за-воротъ да въ три шея! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Ивановичъ. Вы всё шутите, докторъ, а мнѣ ужъ не до шутокъ, право! (*Подходитъ къ закускѣ.*) Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ! грибы, да рыжикки, да ветчина! Эй, кто тутъ есть? (*Является горничная.*) Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломнись! Возьми подносъ, да вели приготовить закуску—генеральскую, слышишь? (*Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышенъ шорохъ.*) А! да вотъ, кажись, и папаша идетъ!

Доброзраковъ (*вполголоса*). Раздайся грязь, навозъ ползеть!

С Ц Е Н А VI.

Тъ же и Хрептюгинъ (*въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ скруткѣ; на шею повязанъ неглиже желтый батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ кошорой онъ полезоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развальцемъ и шаркаетъ ногами.*)

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сіятельство стосковался по насъ? Леонидъ Сергѣвичъ, что ли, изволить пожаловать? Ну, чтожъ, милости просимъ! приготовленій никакихъ не дѣлаемъ, а запросто милости просимъ!

Доброзраковъ. Чтò вамъ, Иванъ Онуфричъ? разумѣется, вы люди свальные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! между нами, просто шавера! Вотъ въ Петербургъ... это точно... тамъ я на своемъ мѣствѣ...

Доброзраковъ. Что и говорить! я вотъ на счетъ здоровья узнать пріѣхаль...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни па сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съешь что нибудь этакое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянъ выходитъ!

Доброзраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, наше. Мы и померемъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно, что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да что прикажешь дѣлать! Съ волками жить, по волчьи быть — иногда и перепустишь!...

Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску вельель приготовить; съ Гнусовой, что тамъ на третьей полкъ жестянка непочатая пть.

Дмитрій Ивановичъ. Я ужь сказалъ... Да что это у васъ, ра, съ утра до вечера точно кабакъ! только и дѣлають водку пьють... вѣдь это свинство!

Доброзраковъ. Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! да вѣдь паненька сказывали, что съ волками жить, по волчьи выть... ну, и ка, стало быть, поставлена тутъ правильно!

С Ц Е Н А VII.

Ть же и Живновскій (*входитъ изъ среднихъ дверей*)

Живновскій. Благодарю Ивану Онуфричу низжайше кланя Дмитрій Ивановичъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталь-сь... Кто что, а я все на зу общую-сь... на вчерашнемъ пожарищѣ былъ-сь.

Хрептюгинъ. Потухъ что ли?

Живновскій. Дымится, благодѣтель, дымится! по этом случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому: полицій стерришка дрянъ, пожарные тоже-сь,—вотъ и пришлось за работать! всю ночь провозились, да и утро такъ между цевъ ушло!

Доброзраковъ. Ишь тебя нелегкая носить! точно тебѣ ть за это дають!

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь человекъ погибаетъ!

Доброзраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ за сто праздника!

Живновскій. Нельзя же-сь! (*Озираясь*). А водочка-то, ви «ау» сказала?

Доброзраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выинить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь—не умрешь. Рассказывай го же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и ст онидомъ Сергвичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узна ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова вору, пятеро дѣтей... вдова — фигура этакая растрепанн

гильчики, кричатъ ии-ии! и все это, знаете, въ необ-
лишь, по ночному времени, ношебномъ платъ.... Да,
огъ никому,—вотъ я какъ скажу! Бываль я, конечно,
влахъ: и тонуть-сь, и со втораго этажа прыгиваль...
огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергъ-
амъ вѣдь здеть.

гинъ. Развѣ говорили что нибудь?

вскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ
, пересказаль намъ все это, такъ княжна тутъ же къ
Сергъичу обратилсь: вль ѳо, говорятъ, Khgerthioughine...
Иванычъ (*озабоченно*). Деньги при васъ, папаша?

гинъ. Небось, вотъ у него (*показываетъ на Живо-*
аймы попрошу.... ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ
ь, четвертной довольно!

Иванычъ. Что вы, что вы, папаша! да Леонидъ Сер-
не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать, такъ жертвовать—
торублевой нельзя!

гинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то ска-
ихъ только и надежды, что на меня!

раковъ. Что и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ гръш-
ая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со-
гато, чего ни хватись, за возмъ въ люди покатиоб!

гинъ. Только, братецъ ты мой, одолвли ужъ они ме-
—даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ
ь и лезуть! Намъднись вотъ на приютъ: отъ князя
ривъжала, — нельзя, говорить, меньше тысячи; черезъ
та, предъдатель чиновника присылаеть—ну, пятьсотъ;
правляющій... какъ-то оно ужъ и надовло, братецъ!

раковъ. За то честь большая, Иванъ Онуфричъ!

гинъ. Ну, конечно...

вскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-та-
тса... Такъ по-моему лучше ужъ честью...

гинъ (*величественно*). Ну, ты что еще!

Иванычъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы говорите
къ пустякахъ.... это все прежнее сквалыжничество въ
ствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные со-
асъ представилъ!

гинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, вотъ мы здѣсь про
бъ, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ

господи́нь ма́дворный совѣтникъ ужь давно меня измаялъ! жеть, и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился!

Живновскій. Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! всякое ченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрентюгинъ (Доброзракову). Да, братъ, могу сказать, ч эти пожертвованія именно знаю! Еще княжой предмѣстникъ исторію-то поднялъ: «пожертвуй, да пожертвуй на общеное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ и донешки настрояли, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прди въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди-чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрентюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ-моль и говорю, чтожъ это за мода! А онъ мнѣ: «ну, говорить, еще жертвовать приходится, — давай, говорить, пловучій м черезъ рѣку строить!» Дѣлать нече, позатынулся ужь я в болото маленько, стѣль и мостъ строить!.. Ну, и прислалъ даль... и что жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превдательство по этому случаю пиръ задать вслѣль!

Дмитрій Ивапычъ. Ахъ, папаша! право, васъ даже тошнить, что вы говорите!

Доброзраковъ. А что, Иванъ Онуфричъ! вѣдь коли по прто сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда но было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрентюгинъ (смущаясь, Живновскому). Ну, ты чего е

Дмитрій Ивапычъ (смотря въ окно). Ёдетъ, ѣдетъ! Ахъ Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закусдаеть! Голова кругомъ идетъ!

С Ц Е Н А VIII.

Тѣ же и Развѣтной (*входитъ гордо и даже съ нѣкоторою третельностію*).

Развѣтной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте какъ ваше здоровье? (*Жистъ ему руку*).

Хрентюгинъ (развязно). Милости просимъ, Леонидъ Сичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Развѣтной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ веселомъ расположеніи духа... Ночью, знаете, пожаръ

былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освидѣтельсаться объ вашемъ здоровьѣ, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, — право! Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ мнѣ: «я не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ.»

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сіятельству... *Démétriüs!*

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, панаша! *(Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается)*.

Развитной. Онъ очень часто объ васъ вспоминаетъ — такой, право, памятливый старикашка! Я вамъ скажу, что еслибы этому человеку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе вивють большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Довгозраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Развитной. Д—да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ—какъ же! И теперь еще любить объ этомъ времени вспоминать: «я, говоритъ, mon cher, съ-молоду-то сорви голова былъ!» Преуморительный старикашка!

(Входитъ лакей во фракъ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гицова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверями и по временамъ выглядываетъ).

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закуonomy!

Развитной. Э... я охотно съѣмъ этого стразбургскаго пирога. *(Подходитъ къ столу и ѣстъ)*. Да вы гастропомъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужъ куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! иной разъ и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откусывать...

Дмитрій Ивановичъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, панаша! князь къ вамъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности...

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я всегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Развитной. Хорошо-съ... я скажу князю; онъ, вѣроятно, назначитъ вамъ день, когда вы можете принять его... Однако,

пирогъ этотъ такъ хорошгь, что я рѣшаюсь съѣсть еще к
чекъ.... Ma foi, tant pis pour lediner du prince! А вы, докторъ

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко в
этимъ тонкостямъ не привыкли; по нашему этакъ калбасы
сокъ, чтобы, знаете, жевать было что.

Разбитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ (*наливъ рюмку водки, кланяется*). За здо
его сiятельства, князя Льва Михайлыча.

Живновскiй. А мнѣ, видно, безъ подчиванья вышить! (*По
дитъ къ столу*).

Хрещиугинъ (*Доброзракову*). Что ты, что ты, Иванъ Па
вичъ! кто жъ пьетъ здоровье водкой... Démétrius, чтожъ?

Дмитрiй Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*убываетъ*).

Разбитной (*вслѣдъ ему*). Mais dites, mon cher, qu'on donne
verres et que le champagne soit frappé. (*Хрещиугину*). Мы ва
сына-таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ.

(*Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и
тылку шампанскаго; Дмитрiй Ивановичъ
ваетъ вслѣдъ, кромь Живновскаго*).

Разбитной (*съ стаканомъ въ руку*). За здоровье его сiя
ства, князя Льва Михайлыча! (*выпиваетъ*).

Дмитрiй Ивановичъ. Ура! (*выпиваетъ*).

Доброзраковъ. Желая здравствовать (*выпиваетъ*).

Живновскiй. Чтожъ, и мнѣ, видно, вышить! Я, признаться
охотникъ до винограднаго! ну, да ужъ для его сiятель
(*наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ*).

Хрещиугинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я
люблю, Леонидъ Сергвичъ! потому что оно вино легкое...
кое...

Разбитной. Господа! я требую слова!

Дмитрiй Ивановичъ. Шшъ... (*Всѣ умолкаютъ*).

Разбитной. Господа! мнѣ прiятно будетъ засвидѣтельств
передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней преданности,
рыя я нашелъ въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердц
чальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатств
дечное расположенiе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнiя — и п
памъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью, — что вс
ныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сер
подчиненныхъ жили чувства любви и преданности. Какъ
эти истинныя, основныя начала всѣхъ благоустроенныхъ общ

исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всюю жизнью на пользу общую (*указываетъ на Хрептюгина*); вижу старыѣхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству, (*указываетъ на Доброзракова и Живновскаго; послѣдній крутитъ усы*) и наконецъ вижу юношу полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица, и маститая старость, и увѣчанная розами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ пріятно отъ лица князя изъяснить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! (*Подходитъ съ стаканомъ къ Ивану Хрептюгину и жметъ ему руку*). Иванъ Онуфричъ! да продлитъ Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобы вы могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца и отирать слезы сырыхъ, лишенныхъ крова... (*выпиваетъ*).

Дмитрій Ивановичъ. Ура! (*пьетъ*).

Доброзраковъ (*въ сторону*). Ловко подпустилъ!..

Живновскій (*въ сторону*). А по-русски это значить: перметте... ле бурстъ (*показываетъ руками*). Молодецъ!

Хрептюгинъ. Очень-очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сергѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣичъ, остались тамъ вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти рублей на общественное устройство! (*Вынимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Развитному*).

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стоять-съ, такъ, по крайности, пушай хоть Богу за насъ помолятся! а деньги что-съ? деньги дѣло наживное-съ!

Живновскій. Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... вотъ въ вино вассервеяницу малую толику подпустите — анъ пожертвованье-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградноя вкусилъ!

Развитной (*кладя деньги въ карманъ*). Повѣрьте, Иванъ Онуфричъ, князь съумѣетъ оцѣнить...

С Ц Е Н А IX.

ТѢ ЖЕ И ФУРНАЧЕВЪ.

Фурначевъ (*останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*). Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ вѣхалъ домой и доложилъ Настасьѣ Ивановнѣ, что я прибылъ въ домъ Ивана Онуфрича благополучно. Да сейчасъ же чтобъ и воротился.. Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! (*Жметъ всѣмъ руки, кромѣ Живновскаго*) Вы, господа, кажется, съ утра за двломъ!...

Доброзраковъ. По благотворительной части, Семень Семенычъ!

Живновскій. Призираемъ такъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше на счетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! (*суетится около Фурначева*).

Фурначевъ. Не трудись, любезный, я сяду самъ!.. Такъ вы, господа, по благотворительной части? чтожь, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семень Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!... знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сирыхъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не объ себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... (*Вносятъ стаканы съ шампанскимъ*).

Разбитной. Такъ вы затѣжайте къ князю: ему будетъ очень пріятно. (*Беретъ стаканы и намывается пить безъ тоста*).

Хрептюгинъ. Нѣтъ, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! (*беретъ стаканы*) Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! (*Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спогватывается, подбѣгаетъ къ Фурначеву и говоритъ вполголоса*): Извините, ваше высокородіе! обмолвился... мы за ваше здоровье послѣ-съ... на прохладъ выпьемъ!

ачевъ (*тоже вполголоса*). Что разъ ужь сдѣлано, того гь нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное гь невозможно!

твой. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою гьность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ гь, гь не меня самого, а въ лицъ моемъ упорный трудъ и гьбимое безкорыстіе на высококомъ поприщѣ общественнаго гь! Господа! не подъ влияніемъ виновныхъ паровъ, но недъ гь благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: де- гьнашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный, гьникъмъ не замѣаемый, но честный, трудъ сегодня окон- гьійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для гьра обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, гьнаться съ нашими собственными язвами и изыскать сред- гь уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, и не роза- gьтерніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженника, въ потъ gьздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются gь! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, по- gьему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего серд- gьпомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучемъ радо- gьотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся,—вспо- gьэто я не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго уча- gьи одобреній... я сказалъ, господа! (*пѣетъ*).

гій Иванычъ. Ура! (*пѣетъ*).

ачевъ. (*Жметъ Разбитому руку*). Вы благородный че- gь Леонидъ Сергвичъ! (*Отвѣчаетъ немого и ставитъ gь*).

овскій (*въ сторону*). И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ гово- gьучился!

югивъ (*Фурначеву*). Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше вы- gьіе! опростайте стаканчикъ-то!

ачевъ. Не могу, Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья я gьгъ Леониду Сергвичу отъ глубины души, а пить не могу. gь, знаете, натура не принимаетъ!

твой. Господа! я не могу больше! сердце мое совер- gьпереполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ gьчъ, что я со всею подробностью передамъ князю гь гь висчатльвія, которыя доставило мнѣ утро, проведен- gьась... Прощайте, господа! (*Уходитъ. Дмитрій Ива- gьоввозжаетъ его за двери*).

*

С Ц Е Н А Х.

Тъ же, кромъ Развитнаго.

Фурначевъ. (*Хрептюгину*) А за что же ты, любезный, ме обидѣлъ?

Хрептюгинъ. Помилуйте, ваше высокородіе, извините!

Фурначевъ. Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и к титулярный совѣтникъ?

Живновскій (*въ сторону*). Да, братъ, даль ты маху, Хрептюга!

Хрептюгинъ. Да ужъ помилуйте, ваше высокородіе! языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи сказалъ!

Фурначевъ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, и слова чловѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

Доброзраковъ. Это правда, Семень Семенычъ! Только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше о необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ сществе жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свинья!

Живновскій (*въ сторону*). Заступился!

Хрептюгинъ (*насилъственно улыбаясь*). Все шутить... а Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! (*Фурначеву*). Мы ваше высокородию за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Фурначевъ. То-то «послужимъ!» ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Иванычъ (*возвращаясь*). Нѣтъ, каково говорить-Леонидъ Сергѣичъ, каково говорить! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего не сдѣлалъ.

Фурначевъ (*съ разстановкой*). Мягко стелеть, но жестко спать.

Живновскій. Это правильно!

Фурначевъ. Въ головъ-то у него вътеръ ходитъ! Ему, конечно, еще не знакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученья горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почему онъ знаетъ: можетъ быть, тотъ, котораго онъ, по вѣтренности

своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ писаніи сказано! (*Краснѣетъ, и на секунду умолкаетъ*) Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Про то только Владыка Небесный можетъ знать, что у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онъ, быть можетъ, черезъ великій жизненный искусь пріобрѣтены! (*Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки*).

Хрептюгинъ (*осторожно возобновляя разговоръ*). Что новаго въ городу, дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатъ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти по пяти копѣекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій. Ну, и на нищюю братію, чай, пришлось... это правильно!

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе! прикажите его съ лѣстницы спустить!

Фурначевъ. Оставьте!

Хрептюгинъ. (*Живновскому*). Ничтожный ты человекъ! вотъ какъ его высокородіе про тебя разуметь!

Фурначевъ. Оставьте! (*Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ пальцами обзъ ручку дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ порывается возобновить разговоръ, но не можетъ*).

Хрептюгинъ (*рѣшительно*). Не прикажете ли холодиенькаго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хрептюгинъ. Или изъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

С Ц Е Н А XI.

ТѢ ЖЕ И ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ (*подавая Хрептюгину письмо*). Съ почты-съ.

Хрептюгинъ. (*Разматривая письмо*). Отъ кого бы? А! отъ Антононаки! (*къ Фурначеву*). Позвольте, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Можешь.

Доброзраковъ. Ишь въдь, и знакомые—то у него какіе: все ами да идросы!

Живновскій. Питейная часть—съ... греки, римляне-финикияне... вавилонъ—съ! (Фурначевъ снисходительно смѣется).

Хрептюгинъ (читаетъ): «Спышу увѣдомить тебя, любезный «другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоёмъ чинѣ приняло самую «непріятную турнюру. Извѣстный тебѣ и облагодѣтельствованный «тобою столоначальникъ оказался вслчайшимъ вертопрахомъ, «ибо не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по «назначенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ все сполна на «покупку картинъ непристойнаго содержанія». (Останавливается совершенно растерянный) Гм... да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побери! (Усмѣхается и вздрагиваетъ).

Дмитрій Ивановичъ (подбывая къ отцу). Ну, чтожь за бѣда! надо еще жертвовать—вотъ и все! есть отъ чѣго приходитъ въ отчаянье!

Живновскій. Правильно! это значитъ только, что каррьеръ нужно съизнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрептюгинъ (въ раздумьи). Нѣтъ, да чтожь это такое? Жизни что ли они меня хотятъ лишить? (къ Фурначеву). Ваше высокородіе!...

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты .. это именно, что пострадалъ! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... а много ли, скажи ты мнѣ, много ли найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу... я въдь въ молодыхъ—то лѣтахъ на все руки былъ, даже и стихи сочинялъ... (Припоминаетъ). Какъ бишь? «Не унывай»... Не унывай... «не унывай»... эхъ, позабылъ, канальство! ну, да все равно... главное—то «не унывай»... стало быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрептюгинъ (тоскливо). Господи! денегъ—то, денегъ—то что изведено! (Занавѣсъ опускается).

Н. ЩЕДРИНЪ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

И девять разъ уже смѣнилось время,
Мѣряло дня и ночи для людей,
Какъ Сатана, со скипциемъ проклятымъ
Лежалъ,—въ горящей пропасти вращаясь,
Разбитый, сокрушенный, хотъ бессмертный.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему иная кара—
И большая—была присуждена:
Его съ тѣхъ поръ терзать долженствовали
Двѣ мысли—объ утраченномъ блаженствѣ
И мукахъ, нескончаемыхъ во вѣки.
Уныло онъ вокругъ бросаетъ взоры,
Горящю и скорбю мятежной,
И гордой, закосмелою враждою.
И вдаль онъ смотритъ,—и вездѣ, куда
Достигнуть можетъ ангельское око,
Онъ видитъ лишь ужасную пустыню,
Обширную и дикую темницу,
Округлую со всехъ сторонъ, подобно
Горнилу расналенному; но пламя
Не изливаетъ свѣта въ ней, а только
Мракъ видимый, способный озарить
Мерцаиємъ ужасные предметы—
Страму печалей, горестныя сны,
Гдѣ никогда не могутъ обитать
Ни тишина, ни миръ; куда надежда,
Возмъ близкая, ни разу не достигла;
Гдѣ муки пытки длятся безконечно;
Гдѣ жуалъ несгараемый питаетъ
Всечасно прибывающій потопъ
Огня геэнны... Такова обитель,

Назначенная ввчнымъ Правосудьемъ
 Мятежникамъ. Ихъ мрачная темница
 Удалена отъ Бога, и отъ свѣта
 На разстоянъе, бѣльшее трикраты,
 Чѣмъ отъ земнаго средоточья полюсь...
 О, какъ несхожа эта бездна съ высью,
 Откуда духи сверженные пали!
 И вотъ—своихъ сообщниковъ въ паденьѣ,
 Затопленныхъ горящими волнами,
 Средь ярыхъ вихрей бурнаго огня,
 Узрѣлъ онъ вскорѣ, и съ собою рядомъ
 Узрѣлъ въ мученьяхъ скорченнаго духа,
 Совмѣстника по силѣ и нечестью,
 Того, къ кому, чрезъ вѣки, Палестина,
 Постыдно поклоняясь, взывала:
 Веэльзевулъ! Ему-то архи-врагъ,
 На небѣ нарѣченный Сатанюю,
 Ужасное молчаніе нарушивъ,
 Вьщаль такія дерзостныя рѣчи:
 «Ты-ль это? О!.. какъ глубокó ты палъ!
 Какъ не похожъ на образъ лучезарный,
 Что нѣкогда въ блаженномъ царствѣ свѣта,
 Своимъ сіяньемъ яркимъ затѣмьвалъ,
 Воителей небесныхъ мірады!
 И ежели ты—тотъ, кого со мною
 Одни и тѣ-жь намѣренья и думы,
 Одна и та-жь надежда и отвага
 На славный подвигъ вмѣстѣ съединили,
 Какъ съединяетъ равная погибель,
 Ты видишь самъ, въ какую пропасть пали
 Мы съ высоты, низвержены громами
 И молніей Всевышняго... Но кто-же
 Досель зналъ всю мощь Его десницы?
 Однако же ни эта мощь, ни кары,
 Быть можетъ уготованныя впредь
 Мнѣ гнѣвнымъ Побѣдителемъ, не въ силахъ
 Вселить въ меня раскаянья, и я
 Хотя въ наружномъ блескѣ измѣненный,
 Не измѣню ни умысла того,
 Ни высшаго того пренебреженья

Къ обидъ, мнѣ не право нанесенной,
 Которые принудили меня
 Со Всемогущимъ смѣло состязаться
 И вызвали на лютую борьбу
 И бой тьмы-темь духовъ вооруженныхъ:
 Они Его владычество отринуть
 Осмѣлились, и предпочли меня,
 И, воспротивясь силою своею
 Всевышней Силѣ, средь равнинъ небесныхъ,
 Въ сомнительномъ бою поколебали.
 Его Престоль... Мы потеряли поле,
 Но что-жь? не все потеряно: остались
 И воля непреклонная, и месть,
 И мужество, не свичное яру:—
 Вотъ—что во вѣкъ ни чѣмъ непобѣдимо!..
 И этой славы отъ меня исторгнуть
 Ни гнѣвъ Его, ни сила не возмогутъ!
 И неужель козльнопреклоненно
 Мнѣ пасть во прахъ челомъ и умолять
 О милости, и власть боготворить
 Того, Кто Самъ содрогнулся недавно
 За власть Свою предъ грозной сей десницей?
 О, нѣтъ! такое униженіе будетъ
 Безчестивъ и позоривъ паденья!..
 Зане, судьбы вельнѣемъ, существо
 И мощь духовъ ничѣмъ не сокрушимы
 Мы,—опытомъ событій приснославныхъ
 Увѣрять въ силу нашего оружія
 И искушая въ предвидѣньѣ разумномъ:
 Должны рѣшить, съ надеждой необманной:
 Вести-ль отнынѣ силой, иль коварствомъ
 Непримиристо-вѣчную войну
 Съ Врагомъ Великимъ—Онъ же торжествуетъ
 Въ избыткѣ радости побѣдной, и царить
 На небесахъ—Единый, самовластно!»

Такъ говорилъ богоотступникъ-ангелъ
 И, посреди мученій, громогласно
 Отчаянѣемъ и пыткой величался.

Л. МЕЙ.

ВАНЯ-ГОЛАЯ КОТОМКА.

(СЫРЬСКАЯ ПЬЕСА).

Какъ пируетъ самъ король Янѣка,
Во Янѣкъ, въ городъ бѣломъ,
Съ нимъ пируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ.
Вдругъ подходитъ молодецъ удамый,
Чудная на молодцѣ одѣжа:
У чакширь прорѣхи на колынахъ,
У долмана провалились локти,
Сапоги—заплата на заплатѣ,
А рубашки не было и вовсе.
По чакширамъ златошитый поясъ,
А за нимъ турецкіе кинжалы,
Рукояти въ серебрѣ и златѣ;
У бедра привѣшемъ палашина,
Палашина мѣрой три аршина.
Кабы знали, какъ юнака звали:
Звали: Ваня-голая котомка.
Подошелъ онъ прямо къ капитанамъ,
Подошелъ онъ, Божью помощь назвалъ,
Капитаны дали мѣсто Ванѣ,
Съ королемъ его сажаютъ рядомъ,
Тридцать чашъ ему вина подносятъ,—
Выпилъ разомъ, не моргнувши глазомъ!
Стали пить опосля капитаны,
Говорятъ они юнаку Ванѣ:
«Охъ, ты Ваня, голытьба Янѣцкій!
Для чего не хочешь ты жениться?
Насъ пируетъ тридцать капитановъ,

И гуляетъ тридцать генераловъ,
Всякій Ванъ приберетъ невзлету,
Кто сестру, а кто и дочь родную,
Поклонись, кому ты пожелаешь,
И отказа молодцу не будетъ!»
Говоритъ имъ изъ Янёка Ваня:
«Честь и слава всемъ вамъ, капитаны,
И спасибо вамъ на добромъ словѣ,
Но зарокъ я положилъ предъ Богомъ,
Положилъ зарокъ я не жениться
Ни на Сербкѣ и ни на Латинкѣ,
А на дочери Аги-Османа,
Изъ турецкаго Удбина-Града.»
Капитаны все переглянулись,
Межъ собой смѣются въ-тихомолку;
Стало Ванъ горько и досадно,
Что надъ нимъ смѣются капитаны,
Бросилъ пить онъ, всталъ на легки ноги,
Никому гостямъ не поклонился;
Внизъ идетъ по лѣстницѣ высокой,
Палашомъ пересчиталъ ступени;
Онъ идетъ къ себѣ въ свой теремъ свѣтлый,
Сундуки большіе отпираетъ,
Достаеъ богатую одежду:
Достаеъ онъ тонкую сорочку,
По поясъ изъ серебра и злата,
Отъ пояса бѣлую шелкову;
На себя сорочку надѣваетъ;
Сверхъ сорочки надѣваетъ куртку,
А на куртку золоченый долманъ,
По долману кованыя латы,
Были латы шелкомъ подослаты;
Надѣваетъ на голову шапку,
А на шапкѣ было девять перьевъ,
Да еще десятая челенка,
Изъ челенки три висѣло кисти,
По плечамъ мотаются и бьются;
Да крыло изъ камней самоцвѣтныхъ,
Что лицо его обороняло
Отъ погоды и отъ стужи лютой;

Надъвѣаетъ на мюги чакчиры,
 Желтые чакчиры до колъна,
 Словно птица желтоногий соколъ;
 Надъвѣаетъ златолитый поясъ,
 Затыкаетъ за поясъ кинжалы
 И четыре гданскихъ * пистолета;
 Прицѣпляетъ свой палашь булатный,
 И коня выводитъ изъ конюшни,
 Добраго коня себѣ выводитъ;
 Достаетъ богатое сѣдельце,
 И чапракъ зеленый, пограничный,
 Что живетъ у пограничныхъ Турокъ;
 На коня садится онъ и ѣдетъ,
 Ёдетъ Ваня, держитъ темнымъ льсомъ,
 Въ Огорьльцы къ ночи приѣзжаетъ,
 Въ Огорьльцахъ ночь его застала,
 А на зорькѣ былъ онъ подъ Удбиномъ,
 Ёдетъ прямо къ терему Османа,
 Какъ подъѣхалъ, кашлянулъ, и смотритъ:
 Изъ окошка высунули руку;
 Шопотомъ опрашиваетъ Ваня:
 «Чья рука въ окошкѣ показалась?
 То-ль вдовицы, то-ль красы-дѣвицы?»
 Отвѣчаетъ голосъ изъ окошка:
 «Не вдовицы, а красы-дѣвицы,
 Милой дочери Аги-Османа!»
 Говоритъ ей Ваня изъ Янѣка:
 «О, Фатима, красная дѣвица,
 Покажися, выглянь изъ окошка!
 Чтобы могъ я вдосталь наглядѣться!
 Приходилъ я, кланялся три раза
 Твоему отцу Агъ-Осману,
 И просилъ тебя себѣ въ замужство;
 Да не хочеть, знать, тебя онъ выдать;
 Вотъ и ѣду въ городъ я Кладушу,
 Чтобъ посватать Мунну Хайкуну!»
 Какъ услышала про то Фатима,
 Говоритъ Ивану изъ Янѣка:

* Гданскъ—Данцигъ.

«Кто-жъ ты будешь, мѳлодецъ удамый,
 И откуда племенемъ и родомъ?»
 Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѳка:
 «О, Фатима, красная дѣвица!
 Я изъ града бѣлаго Баграда,
 А зовутъ меня Баградскій Муѳо.»
 Говоритъ ему краса-дѣвица:
 «Загони скорѣй коня въ конюшню;
 Какъ Османъ вернется изъ Планины,
 Мы уже его попросимъ вмѣстѣ!»
 Говоритъ ей Ваня изъ Янѳка:
 «О, Фатима, ясное ты солнце!
 Передъ Богомъ далъ себѣ я клятву,
 Что Осману кланяться не стану;
 Коли хочешь вѣковать со мною,
 Соберись ты, приберись въ дорогу,
 Подожду я полчаса—не долго,
 Выходи, садися и поѣдемъ!»
 Повернулъ коня онъ воронова,
 А Фатима изъ окошка кличетъ:
 «Подожди ты полчаса—не долго!
 Соберусь я, приберусь въ дорогу
 И съ тобою вмѣстѣ мы поѣдемъ!»
 Слѣзъ съ коня онъ, на траву садится
 И свою Фатиму поджидаетъ.
 Шумъ и звонъ пошелъ изъ бѣлой башни,
 Зазвенѣли кольца, ожерелья,
 Зашумѣло шелковое платье,
 Застучали туфли и папучи,—
 И выходитъ ясная Фатима,
 Подъ полой несетъ мѣшокъ червонцевъ,
 А въ рукѣ тяжеловѣсный кубокъ,
 Чтобъ вина у ней нашлся Муѳо;
 Передъ нимъ она вино ставитъ
 И цалуетъ Муѳо въ праву руку,
 Тотъ ее межъ черными очами;
 Вынулъ кубокъ, взялъ себѣ червонцы,
 Привязалъ ихъ у луки сѣдельной,
 На коня садится воронова,
 Подаетъ Фатимѣ бѣлу руку

И сажаетъ дѣвицу позади,
 Вкругъ нея обматываетъ поясъ,
 Ёдетъ прямо на гору-Планину,
 Какъ довхалъ до горы-Планины—
 Три бѣгутъ ему пути широкихъ:
 Въ городъ Нишу, въ городъ Шибенику,
 Третій будетъ въ городъ Баградъ турецкій.
 Говоритъ ему Фатима сзади:
 «Ты послушай, изъ Баграда Муѳо!
 Я слыхала отъ отца Османа,
 Какъ идутъ дороги по Планинѣ:
 Ты не ѣдешь въ градъ Баградъ турецкій,
 А везешь меня въ Янѣкъ гаурскій!»
 Отвѣчаетъ изъ Янѣка Ваня:
 «О, Фатима, красная дѣвица!
 Я не Муѳо изъ Баграда града,
 А, я чай, слыхала ты про Ваню,
 По прозванью Голая Котомка:
 Такъ я буду этотъ самый Ваня!»
 Тутъ спустился подъ гору-Планину,
 Видятъ: скачетъ молодецъ удалый,
 Конь въ крови по самыя колѣни,
 А вздокъ по самыя по локти;
 Повстрѣчался, и съ коня онъ кличетъ:
 «А, здорово, изъ Янѣка Ваня!»
 — «Вогъ на помощь, изъ Баграда Муѳо!
 Гдѣ гулялъ ты и откуда ѣдешь?
 Не отъ насъ ли, изъ Янѣка града?
 Гдѣ-жъ твоя дружина удалая?»—
 Отвѣчаетъ изъ Баграда Муѳо:
 «Точно былъ я у тебя въ Янѣкъ,
 Взялъ съ собою тридцать провожатыхъ,
 Да напали на меня Пандуры *,
 Изрубили всю мою дружину,
 Я поскѣ ихъ пятьдесятъ четыре
 И ухалъ на конѣ ретивомъ.
 Ты откуда, изъ Янѣка Ваня?
 Не отъ насъ ли, изъ Баграда града?»

* Пандуръ—пограничный объѣзчикъ.

Гдѣ-жъ твоя дружина удалая?»
 Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѣка:
 «Нѣтъ со мною ни какой дружины,
 Силы-рати не хочу я брати,
 Съ вѣрой въ Бога мнѣ вездѣ дорога!
 Ъду я изъ города Удбина,
 Изъ Удбина, отъ Агѣ-Османа;
 Я похитилъ дочь его Фатиму,
 Посмотри: сидитъ за мною сзади!»
 Говоритъ красавица-дѣвица:
 «Будь ты проклятъ, изъ Баграда Муйо.
 Прогулялъ съ побойцемъ невѣсту!
 Онъ сманилъ меня твоимъ прозваньемъ,
 Не назвался Ваней изъ Янѣка,
 А назвался—изъ Баграда Муйо!»
 Какъ услышалъ Муйо эти рѣчи,
 Говоритъ Ивану изъ Янѣка:
 «Ой ты Ваня-Голая Котомка!
 Вотъ какой ты гяуръ окаянный,
 На чужія прозвища воруетъ!»
 Вынулъ Муйо пистолетъ турецкій
 И стрѣляетъ онъ изъ пистолета,
 Не по Ванѣ, по коню лихому,
 Чтобъ Фатиму сзади не поранить;
 Ткнулся конь, подъ Ваню спотыкнулся,
 Придавиль Ивану праву ногу,
 А Турчинъ коня лихова гонитъ,
 Чтобъ башку скорѣй Ивану срѣзать,
 Только ногу высвободилъ Ваня,
 Достаетъ онъ пистолетъ свой гданскій,
 Выстрѣлилъ изъ пистолета въ Муйо:
 Знать была судьба такая Муйо:
 Угодилъ ему онъ прямо въ сердце!
 Взялъ коня лихова изъ-подъ Турки,
 Съѣлъ, Фатиму за собою бросилъ,
 И помчался къ городу Янѣку:
 Онъ помчался, а турчинъ кончался.
 Подъѣзжаетъ Ваня изъ Янѣка,
 Подъѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ,
 Какъ увидѣла Ивана стража,

Побѣжала къ королю съ докладомъ:
«Воротился нашъ удамый Ваня,
Съ нимъ Туркена, да и конь турецкій!»
Но король, покуда не увидѣлъ,
Не увидѣлъ самъ всего очами,
Ничьему докладу не повѣрилъ;
А увидѣлъ,—подозвалъ онъ Ваню,
Три-раза въ чело его цалуетъ,
И такое задалъ пированье,
Словно землю захватилъ большую,
Цѣлый день велѣлъ палить изъ пушекъ.
Окрестилъ свою Фатиму Ваня,
Зажилъ съ нею, какъ съ женой своею,
Только встанутъ, цаловаться станутъ.

Н. ВЕРГЪ.

БОСОНОЖКА.

Новѣсть Ауэрбаха.

Часть вторая и последняя.

VIII.

Мѣшокъ и топоръ.

Домъ Дергача снова отстроился еще лучше прежняго. Зима прошла, и насталъ рекрутскій наборъ. Никогда не производилъ столько горя счастливый жребій, какъ когда Дами вынулъ его. Онъ былъ въ отчаяніи, и Босоножка почти также, потому что и ей солдатская жизнь казалась лучшимъ средствомъ возбудить энергію въ вяломъ Дами; она сказала ему:

— Смотри на это, какъ на указаніе, что теперь ты долженъ сдѣлаться человѣкомъ. А ты дѣйствуешь все какъ малый ребенокъ, что не можешь самъ ѣсть, и котораго надо кормить.

— Ты попрекаешь меня, что я объѣдаю тебя?

— Нѣтъ, я этого и не думаю. Не будь вѣчно такимъ жалкимъ, не канючь безпрестанно: «кто мнѣ поможетъ? кто сдѣлаетъ мнѣ добро или зло?» Дѣлай все самъ для себя!

— Такъ и будетъ; и я далеко уйду! заключилъ Дами.

Онъ долго не говорилъ, что это значило; но гордо ходилъ по деревнѣ, свободно со всеми разговаривалъ, и въ лѣсу усердно рубилъ дрова; у него былъ отцовскій топоръ, была и сила отцовская—и онъ достойно владелъ ими.

Разъ, ранней весной, возвращаясь изъ моховаго болота, встрѣтилъ онъ Босоножку, и сказалъ ей, снимая съ плеча топоръ:

— Какъ ты думаешь, куда топоръ уходитъ?

Т. СХLVII. — Отд. I.

— Въ дерево, отвѣчала Босоножка.—Только онъ не самъ уходить: имъ надо колотить.

— Правда; но онъ идетъ соединиться со своимъ братомъ: братъ будетъ колотить съ одной стороны, а онъ съ другой, и деревья затрепещатъ и повалятся; а ты этого не услышишь, или, пожалуй, и услышишь, но кромъ тебя никто изъ всей деревни не услышитъ.

— Я въ твоихъ словахъ ни аза не смыслю, отвѣчала Босоножка.—Я слишкомъ состарѣлась для загадокъ. Говори яснѣе.

— Я отправляюсь къ дядѣ, въ Америку.

— Какъ? Сегодня и идешь? сказала, подшучивая, Босоножка.—Знаешь ли ты, что вотъ такъ каменщикъ Мартинъ подозвалъ разъ къ окну мать свою, да и говоритъ: «Матушка, выброси мнѣ чистый носовой платокъ: я иду въ Америку.» Всѣ, кто собирався такъ быстро улетѣть, и до сихъ поръ дома живутъ.

— Увидишь, что я недолго тутъ останусь, сказалъ Дами, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій пошелъ въ домъ угольщика Матеса.

Босоножка хотѣла позабавиться надъ смѣшнымъ планомъ Дами, и не могла; ова чувствовала, что тутъ есть что-то серьезное, и въ ту же ночь, когда все улеглось спать, еще разъ отправилась къ брату, и наотрѣвъ объявила ему, что нейдетъ съ нимъ. Она думала вдругъ побѣдить его этимъ; но Дами рѣзко отвѣчалъ:

— Я не приросъ къ тебѣ.

Намѣреніе было твердо.

Босоножку опять волновали размышленія, являвшіяся ей уже разъ въ дѣтствѣ; но теперь она не говорила, какъ тогда, съ рябиной, будто ожидая, что дерево отвѣтитъ ей; изъ всѣхъ размышленій своихъ вывела она теперь такое заключеніе: «онъ правъ, что идетъ; я тоже права, что остаюсь.» Сама она въ душѣ очень радовалась, что Дами принялъ такое разумное рѣшеніе. Это показывало въ немъ силу воли; но все-таки Амрѣ было очень грустно оставаться съ этихъ поръ можетъ-быть совсѣмъ одной на блѣдомъ свѣтѣ.

Впрочемъ, она все-таки еще не вполне вѣрила брату. На слѣдующій вечеръ она выждала случая и сказала ему:

— Не говори только никому о своемъ намѣреніи переселиться, а то, если это тебѣ не удастся—тебя осмѣютъ.

— Правда, сказалъ Дами:—но не совсѣмъ; я не боюсь люд-

насмѣшекъ: что я отправлюсь прежде, чѣмъ здѣсь по-
виши, это такъ же вѣрно, какъ то, что у меня на рукѣ
мѣдвѣтъ; даже если бы мнѣ пришлось просить милостыню
идти, чтобы уйти, я все-таки уйду. Одно только огор-
ченіе, что я не могу передъ уходомъ отплатить Дергачу
за то, чтобы онъ всю жизнь меня помнилъ.

— Не стыдно ли? живо сказала Босоножка:—какое же у тебя
чистое сердце! тебѣ хочется оставить за собой память о
смерти. Вонъ тамъ, недалеко, покоятся наши родители; пой-
демъ со мной на ихъ могилы, и повтори тамъ свои
пожеланія, если будешь въ силахъ. Знаешь ли, кто никуда не годенъ?
кто попускаетъ себя къ дурнымъ мыслямъ. Подай сюда
руку, ты не стовишь того, чтобы брать въ руки вещи, которыя
лежатъ въ рукахъ у батюшки; тебѣ надо прежде вырвать зло съ
сердца. Подай сюда топоръ! Онъ не долженъ быть
у чужака, который говоритъ объ убійствѣ и воров-
ствѣ. Поддай сюда топоръ! Или я не знаю что сдѣлаю.

робко отвѣчалъ:

— Это были такъ только пустыя слова. Повѣрь мнѣ, я не
могу этого сдѣлать, да и не могъ бы; но такъ какъ все меня
обманывало, то я и думала, что не мѣшало бы мнѣ по-
говорить съ ними, пошумѣть и побраниться. Но ты права; я,
какъ ты говоришь, сегодня же ночью схожу къ Дергачу и скажу ему,
что у меня нѣтъ злобы на него.

— Не надо, этого не надо, это ужъ слишкомъ; но за то, что ты
такъ разумная, я сама помогу тебѣ, какъ смогу.

— Не лучше ли было, если бы ты отправилась со мной.
Я могу, я не могу, и сама не знаю почему, но не могу
идти безъ тебя. Впрочемъ, зарокъ на себя не кладу: если ты
хочешь мнѣ, что тебѣ хорошо у дяди—я приѣду. Но такъ
чувствую, ничего не зная... я не люблю перемены, да мнѣ
здѣсь хорошо. Поговоримъ лучше о твоёмъ-то отъѣздѣ.
Изъ характеристическихъ особенностей нашихъ переселен-
цевъ, свидѣтельствующая какъ о силѣ темной стороны чело-
вѣческой природы вообще, такъ и о печальномъ положеніи края
нашего, есть желаніе безнаказанно отмстить чѣмъ-нибудь,
переселеніемъ, тѣмъ, кто остается дома. У многихъ да-
же въ дѣлѣ по переезду въ Новый Свѣтъ бываетъ—за-
быть дѣло въ уголовномъ судѣ родной стороны, обви-

пивъ кого-нибудь изъ личныхъ враговъ своихъ въ разныхъ оставшихся безъ огласки преступленіяхъ.

Были страшные примѣры такого рода въ окрестностяхъ, и потому-то Босоножка такъ сильно разсердилась, когда братъ ея высказалъ намѣреніе свое сдѣлаться такимъ же стрѣлкомъ изъ-за угла. Она была чрезвычайно счастлива, что побѣдила дурное желаніе въ Дами; изъ всѣхъ благодѣяній болѣе всего улаживаетъ душу отклоненіе другаго отъ преступленія или порока.

Амрею обсуждала всѣ обстоятельства съ обыкновенною ясностью ума. Жена дяди писала къ сестрѣ своей, что они хорошо поживаютъ, и такимъ образомъ мѣстопробываніе дяди было извѣстно.

Деньги, скопленные Дами, были ничтожны; немного было накоплено и Босоножкой. Дами говорила, что общество должно дать ему денежное вспомошествованіе; но сестра не хотѣла и слышать объ этомъ. «Къ этому можно прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ, говорила она: когда все другое не удастся.» Она не объясняла, что хотѣла еще попытаться. Безъ сомнѣнія, первой мыслью ея было—обратиться къ Ландфридшу въ Цузмарсгофенъ; но она знала, что богатой крестьянкѣ письмо съ просьбой о деньгахъ можетъ показаться нищенской уловкой. Потомъ Амрея думала о Родель, обѣщавшемъ ей помѣстить ее въ своемъ завѣщаніи: пусть бы онъ далъ ей обѣщанное теперь — хоть бы даже меньше. Потомъ ей пришло въ голову, что можетъ быть можно попросить о вспомошествованіи Дергача, обстоятельства котораго теперь чрезвычайно понравились. Дами она ничего этого не сказала; но принялась чинить его платье, достала съ большимъ трудомъ займы отъ черной Маранны кусокъ холста, скроила и въ одну ночь спила кое-что изъ бѣлья... всѣ эти быстрыя приготовленія бросали Дами чуть не въ дрожь. Хотя онъ дѣлалъ видъ, что планъ переселенія въ немъ непоколебимъ, но все-таки чувствовалъ себя связаннымъ, принужденнымъ, какъ бы стѣсненнымъ волею сестры. Да, сестра казалась ему жестокосердою; она какъ будто вытѣсняла его, хотѣла отдѣлаться отъ него. Онъ не смѣлъ однако же ясно выразить своихъ чувствъ, и мрачный видъ его Амрея принимала за выраженіе тоски по поводу разлуки съ родиной.

Прежде всего Босоножка обратилась къ Роделю; она просила его дать ей теперь давно обѣщанную долю изъ наслѣдства.

Старый Родель сказалъ:

— Что такъ торопишься? можешь и подождать. Что съ тобою?

ничего, но и ждать я не могу.

Объяснила, что хочет снарядить брата въ Америку. По-
го извѣстія старому Роделю было ловко отговориться:
свою онъ могъ выставить, какъ черту благоразумія и
отрицательности, и сказалъ Босоножкѣ, что теперь ни за
дасть ей ни копейки, потому что не хочетъ быть при-
чиной разоренія въ пользу брата. Босоножка стала просить,
онъ поговорилъ за нее съ Дергачемъ; онъ наконецъ со-
гласился; по его, это было великое дѣло — идти просить для
незнакомаго человѣка; впрочемъ исполненіе обѣщанія сво-
его откладывалъ со дня на день и собрался въ дорогу толь-
ко въ неотступныхъ просьбъ Босоножки. Возвратился Родель.
Возможно было заранее предвидѣть, съ пустыми руками, по-
тому что первымъ вопросомъ Дергача было, поручится ли Родель.

Босоножка повѣряла черной Мараннѣ свое горе, стару-
шка ей: «Таковы-то люди! Если кто бросится въ воду и
спасать оттуда мертваго, каждый говоритъ: «что онъ не
спасетъ меня, чего ему надо: вѣдь я съ радостью далъ бы ему
все, что въ моемъ карманѣ, вѣдь я не далъ, чтобы воскресить
мертвца, вѣдь никто не протянулъ руки, чтобы удержать бѣднаго.»
но, но, можетъ быть, именно потому, что на Босонож-
ку вся тяжесть этого дѣла, она приучилась легко пере-
носить неудачи. «Надо полагаться только на самое себя», была
любимая поговорка, и, вмѣсто того, чтобы сокрушаться,
она была еще болѣе силы. Она собрала и продала все, что
у нея было, и богатое ожерелье отправилось ко вдовѣ стараго
старосты, которая давала подъ залогъ деньги за
проценты. Амрею вытребовала и дукать, что бросила
она вслѣдъ за обербауратомъ, а Родель, противъ ожиданія,
заболталъ о выдачѣ общественнаго вспоможенія выселяю-
щимъ Дами. Онъ былъ очень великодушенъ и добръ на обще-
ственную пользу. Несмотря на то, Босоножка испугалась, когда
несколько дней Родель сообщилъ ей, что общественный
комитетъ на все согласенъ, только съ условіемъ, чтобы Дами от-
казались отъ всякаго права гражданства въ деревнѣ. Это разу-
мно само собою, иначе не могло и быть; но когда отказъ
былъ первымъ условіемъ, Амрею стало страшно отъ одной
мысли, что братъ ея не будетъ имѣть нигдѣ родины. Босоножка
успокоила Дами этой мысли; онъ казался веселъ и доволенъ.
Она уговаривала его ухватить черная Маранна; она съ ра-

достью разослала бы всѣхъ по чужимъ краямъ, чтобы, наконецъ, получить извѣстіе о своемъ Іоганнѣ; она твердо была увѣрена, что Іоганнъ ея за моремъ.

Босоножка получила позволеніе отъ хозяевъ своихъ отправиться съ братомъ, когда тотъ поѣхалъ въ городъ заключить тамъ съ агентомъ условіе о своемъ переездѣ. Но какъ были они удивлены, узнавъ, что условіе уже заключено: общественный совѣтъ все обдѣлалъ самъ, и Дами былъ вписанъ въ число отъезжающихъ на правахъ неимущаго. Онъ долженъ былъ уже на корабль подписать свидѣтельство о своемъ отъездѣ, и тогда только могли быть заплачены деньги за проездъ.

Братъ и сестра печально возвратились домой и молча шли къ деревнѣ. Дами снова овладѣла его обычная лѣнь: вѣдь все должно было произойти безъ его стараній. Босоножка было чрезвычайно грустно, что брата ея какъ-будто силой вытѣсняють изъ родной деревни. У рынка Дами громко сказалъ, обращаясь къ столбу, на которомъ выставлено было названіе деревни и ея округа:

— Сохраняй тебя, Боже! Теперь ужъ ты мнѣ не родина и до всѣхъ жителей твоихъ мнѣ теперь такъ же никакого нѣтъ дѣла, какъ и до тебя.

Босоножка заплакала, но дала себѣ слово, что это послѣднія слезы до самаго отъезда Дами, и даже далѣе. Она сдержала слово. Деревенскіе говорили: «Босоножка должна быть бездушная, у ней даже глаза не омочились, когда братъ ея увѣзжалъ.» Люди съ радостью видятъ чужія слезы; а что имъ за дѣло до скрытыхъ слезъ? Но Босоножка была бодрa и тверда. Только въ послѣдніе дни передъ отъездомъ Дами она впервые была небрежна въ домашней работѣ и въ хозяйствѣ, и все была у Дами. Розель бранила ее за это, и Босоножка говорила только: «ты права»; но все-таки бѣгала вездѣ за братомъ, и минуты не хотѣла потерять, пока онъ еще тутъ; она думала, что каждую минуту можетъ сдѣлать ему что-нибудь особенное и сказать что-нибудь на всю жизнь, и безпрестанно беспокоилась, что говорить все обыкновенныя вещи, да нерѣдко и ссорится съ нимъ.

О, эти минуты разлуки! какъ сжимаютъ онъ сердце! И прошедшее, и будущее соединяются въ одинъ мигъ, и весь терпѣшься въ нихъ, и только взглядомъ и движеніемъ выражаешь свою печаль.

Амрея, впрочемъ, нашла-таки слова. Передавая счетомъ брату бѣлье, она сказала: «Вотъ тебѣ хорошія, опрятныя рубашки; будь и ты въ нихъ хорошъ и чистъ!» Когда она укладывала все въ большой мѣшокъ, на которомъ стояло еще имя отца, она сказала: «Смотри, приноси его назадъ, да полный золотомъ. Увидишь, какъ рады будутъ записать тебя здѣсь въ крестьяне, и Роделева Розель, если только еще не будетъ замужемъ, выскочить къ тебѣ на встрѣчу за версту.» Когда клала она отцовскій топоръ въ большой ящикъ, она сказала: «Какое топориче-то гладкое! сколько разъ побывало оно у отца въ рукахъ! мнѣ кажется, я еще чувствую на немъ его руку. Пусть тебѣ въ этомъ предвѣстье будетъ... Мѣшокъ и топоръ! Работать, да копить—самое лучшее, и счастливъ человекъ, и здоровъ, и весело ему жить на свѣтъ. Господь тебя храни! Почаще говори ты самъ себѣ: Мѣшокъ и топоръ! Я стану тоже часто говорить эти слова, и пусть они будутъ постоянной нашей мыслью, нашимъ ключемъ, когда мы будемъ врозь — далеко, далеко другъ отъ друга; потомъ напишешь ты мнѣ или самъ за мной прѣдешь, или какъ тамъ тебѣ Богъ дастъ. Мѣшокъ и топоръ! Въ нихъ все. Пусть они у тебя будутъ всегда въ умѣ, а съ ними ты всего добьешься.»

И когда Дами сидѣла уже въ телегѣ, и Амрея въ послѣдній разъ подала ему руку, и долго не выпускала ея, пока телега наконецъ не двинулась, и тутъ вскричала она ему громкимъ голосомъ: «Смотри же, не забывай! Мѣшокъ и топоръ....» Онъ обернулся назадъ и кивнулъ головой, и вскорѣ исчезъ изъ виду.

IX.

Незванный гость.

«Да здравствуетъ Америка!» восклицала на всеобщую потѣху ночной стражъ, въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, каждый часъ, вмѣсто обычнаго воззванія. И Крапенцахеръ, который самъ гроша не стоялъ, и потому любилъ побранить своего брата бѣдняка, говорилъ при выходѣ изъ церкви въ воскресенье или сидя послѣ обѣда на длинной лавкѣ передъ гостинницей *Глухаго Тетерева*: «Праведный былъ человекъ Колумбъ, что открылъ Америку. Америка—это помойная яма Старога Свѣта; туда выбрасываютъ все, чего въ кухнѣ не нужно: капусту, рѣпу и всякую всячину.»

При недостаткѣ въ предметахъ для разговора, долгое время занималъ языки выселившійся Дами, и каждый, принадлежавшій къ общественному совѣту, хвастался тѣмъ, что помогъ обществу освободиться отъ чловѣка, который, безъ сомнѣнія, былъ бы со временемъ всемъ въ тягость. «Ужъ кто бросается на разныя ремесла, говорили всѣ: изъ того прока не будетъ.»

Конечно, нашлись добрые люди, которые извѣстили Босоножку обо всемъ, что говорить о ея братѣ и какъ насмѣхаются надъ нимъ. Но Босоножка смѣялась надо всемъ этимъ, и когда пришло изъ Бремена пріятное письмо отъ Дами, никакъ не думала, чтобы онъ все такъ порядочно обдѣлалъ; она торжествовала въ глазахъ людей, и прочитывала по нѣскольку разъ письмо. Втайнѣ же она грустила, что почти навсегда потеряла брата. Она упрекала себя, что не довольно хлопотала о немъ и не довольно выставляла его на видъ; теперь только выказалъ Дами, какой онъ молодецъ, и притомъ какой добрый. Онъ, желавшій со всеми въ деревнѣ проститься такъ, какъ прощался со столбомъ на рынкѣ, наполнилъ теперь цѣлую страницу поклонами каждому поименно и называлъ притомъ всякаго «милымъ, любезнымъ и добрымъ». Босоножка слышала похвалы брату всюду, гдѣ передавала поклонны, и при этомъ всегда показывала пальцемъ въ письмѣ: «Видите, вамъ тутъ написано!»

Нѣкоторое время она была молчалива и задумчива; казалось, раскаявалась, что отпустила брата или что не увъхала съ нимъ. Прежде она пѣла и въ ковюшнѣ, и въ коровникѣ, и въ кухнѣ, и въ комнатѣ, и съ косою на плечъ, и съ мышкомъ подъ мышкой; теперь же все стала дѣлать молча. Казалось, она силой удерживала себя, потому что по вечерамъ, укладывая Роделевыхъ дѣтей, пѣла она безъ устали, даже когда дѣти засышали уже. Потомъ шла она къ черной Мараннѣ, и приносила ей дрова, воду и все, что надобно.

Послѣ обѣда, по воскресеньямъ, когда все веселилось, Босоножка часто стояла молча и недвижимо у двернаго косяка своего дома и устремляла взоры въ даль на небо; смотрѣла, какъ летятъ птицы, и мечтала о далекомъ краѣ, гдѣ живетъ Дами; потомъ обращала глаза на лежащій на землѣ плугъ, на роющую въ песокъ курицу. Когда проѣзжала по деревнѣ телега, она взглядывала на нее, и почти вслухъ говорила: «Они ѣдутъ къ кому нибудь! Ни по какой дорогѣ на всемъ свѣтѣ никто не ѣдетъ ко мнѣ, никто не думаетъ обо мнѣ; а развѣ я не живу на этомъ

свѣтъ?» И она какъ будто ожидала чего-то ; сердце у ней билось сильнѣе, какъ у возвращающагося на родину. И невольно голосъ ея напѣвалъ:

Своя путь дорога
Есть у каждой рѣчки;
Нѣтъ пути дороги
Къ моему сердечку.

— Мнѣ хотѣлось бы быть вашихъ лѣтъ, сказала она однажды, придя къ черной Мараннѣ послѣ подобныхъ грѣзъ.

— Радуйся, что желаніе твое не можеть вдругъ исполниться, отвѣчала черная Маранна.—Въ твои лѣта я была всегда весела, и ты, дурочка, не горюй, что молода ; тебѣ никто потомъ не возвратитъ молодыхъ годовъ. А старые сами собой придуть.

Черной Мараннѣ было не трудно утѣшить Босоножку. Только когда Амрея оставалась одна, на нее падалъ страшный страхъ. Что изъ всего этого будетъ?

Вскорѣ страшная суматоха поднялась по всей деревнѣ. Нѣсколько дней уже говорили о томъ, что въ Эндрингенъ будетъ свадьба, какой не было въ окрестности на людской памяти. Старшая дочь Доминика и Амейле выходитъ замужъ за богатаго льсо-промышленника изъ Мургталя, и всѣ ждали такого веселья, какого никогда еще не бывало.

День свадьбы приближался. Гдѣ только встрѣчались двѣ дѣвушки, тотчасъ же заходили за заборъ или за сѣноваль, и не могли наговориться, хотя постоянно увѣряли, что страшно торопятся по дѣлу. Говорили, что гости наѣдутъ со всѣхъ мѣстъ, изъ Мургталя и верстъ за тридцать изъ окружности. У общаго деревенскаго колодца слышалась постоянная толковня. За распросами и разговорами забывали черпать воду, и Босоножка, приходя всѣхъ позже, уходила всѣхъ раньше съ полными ведрами. Что ей до танцевъ! Впрочемъ, и ей казалось, будто она всюду слышитъ музыку.

Въ день свадьбы Босоножкѣ пришлось много бѣгать по дому: она должна была одѣвать Розель. Ей досталось нѣсколько толковъ, но она ихъ молча перенесла.

У Розели были густые волосы ; она хотѣла ими хорошенько пощеголять и попробовать сдѣлать новую прическу à la Maria-Terezia — заплести волосы въ четырнадцать косъ. Эта прическа должна была обратить на себя общее вниманіе. Босонож-

къ наконецъ удалось привести къ концу эту трудную за-
 по лишь только все было окончено, недовольная Розель
 расплетала волосы, и казалась дикою, когда расшлетенны
 ди падали ей на лицо; но при всемъ томъ она была очене
 сива, и все въ ней говорило: «въ домъ, куда я войду хоз
 не можетъ быть менѣ четырехъ лошадей!» И въ самомъ
 много жениховъ сваталось за нее, но, казалось, она во
 имѣла желанія выходить замужъ. Она рѣшилась на этотъ
 остаться въ обыкновенной прическѣ: съ двумя, висящими з
 ною, косами, съ красными лентами, спускающимися отъ
 почти до полу. Она была совершенно готова и потребовал
 кетъ. Сама она свои цвѣты забросила, и потому, не смот
 всь отговорки, Босоножка должна была наконецъ соглас
 оборвать всь цвѣты съ кустовъ на своемъ окошкѣ. Розел
 тѣла также и вѣтку розмарина, но Босоножка скорѣе позв
 бы разорвать себя на части, чѣмъ согласиться на это. И
 насмѣхалась и подшучивала, и сердлась и бранила упряму
 оятницу, которая такъ своевольничаетъ, хотя ее держатъ в
 мѣ изъ милости. Босоножка ничего не отвѣчала, но такъ в
 нула на Розель, что та опустила глаза. Тутъ у лѣваго ба
 Розели отпоролась розетка, и Босоножка встала на колѣни
 бы осторожно пришить ее. Частью раскаяваясь въ своемъ
 щеніи съ Амреей, частью шутя, Розель сказала ей:

— Босоножка, я непременно хочу, чтобы ты сегодня вѣх
 нами на танцы.

— Полно шутить! что я тебѣ сдѣлала?

— Я не шучу, отвѣчала, слегка улыбаясь, Розель:—тебѣ
 же слѣдуетъ разокъ потанцовать; вѣдь и ты молодая дѣв
 Тамъ будетъ довольно и вашего брата: кучеръ нашъ такж
 правляется; и съ тобой можетъ танцовать какой-нибудь па
 я стану посылать къ тебѣ тѣхъ, кому не достанетъ пары.

— Оставь меня въ покоѣ, или я уколою тебя, говорила ст
 лу Босоножка, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ радости и горя.

— Розель-то вѣдь права, сказала до тѣхъ поръ молча
 молодая Родельша:—ты отъ меня не услышишь добраго с
 если не отправишься сегодня съ ними на танцы. Вотъ, с
 сюда, я тебя приберу.

Босоножку безпрестанно бросало въ краску, когда она с
 ла передъ хозяйкой, а та зачесывала ей волосы назадъ и

Босоножка чуть не упала со стула отъ робости, сказала ей:

— шу тебя, какъ носить альгейскія дѣвушки. Это къ тебѣ идетъ; ты будешь точь въ точь альгейская: тѣлесная, смуглая и круглая, будто дочь Ландфрид-маргофена.

— же именно ея дочь? спросила Босоножка, дрожа

— именно теперь напомнили ей о Ландфридшѣ, которая не выходила у ней изъ головы, а тогда когда-то годъ-двѣ сказочной волшебницей? Но у Амреи обручнаго кольца, которое стоило повернуть, чтобы она могла только призывать ее въ душѣ, и часто только.

— верно, а не то я ущипну тебя, сказала Родельша. присмирѣла и чуть дышала.

— я, какъ ей расчесывали волосы, и она сидѣла сло-во позволяла все съ собой дѣлать, ей казалось, что она, и Амрея не произносила ни слова, какъ будто шить очарованіе, и кротко потупила взоръ.

— хотѣлось бы нарядить тебя такъ и къ свадьбѣ твоей, сказала Родельша.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы у тебя было хозяйство; но нынче этого ужь не случается. деньги идутъ къ деньгамъ. Будь впрочемъ покойна. Тебѣ у насъ ни въ чемъ не будетъ недостатка, а я не знаю, что это мнѣ нынче такъ страшны мои сны. смотри, не оставляй дѣтей моихъ, и займи для матери!

— о Небесный! какъ можно думать объ этомъ! Босоножка и слезы хлынули у нея изъ глазъ.—Это грѣхъ думать объ этомъ и мысли гнать слѣдуетъ.

— твоя правда, сказала Родельша:—подожди еще немного, смиренно, я достану свое ожерелье и надѣну тебѣ

— ади Бога, не надо; я не надѣну того, что не мое. тогда.

— такъ тебѣ нельзя вѣхать. Развѣ у тебя самой нѣтъ ожерелья на шею?

— объяснила, что у ней и есть ожерелье, подаренное

ей еще въ дѣтствѣ Ландфридшей, да по случаю переселенія Дами она заложила его у вдовы церковнаго старосты.

Босоножка должна была смиренно сидѣть и общать не смотрѣть въ зеркало, пока не вернется Родельша, которая вызвалась сходить за ожерельемъ и поручиться за его сохранность.

Какое волненіе было въ душѣ Босоножки! Она вѣчно прислуживала сама, а теперь ей прислуживаютъ; не въ самомъ ли дѣлѣ заколдована она! Амрею почти боялась танцевъ: теперь съ ней такъ хорошо и такъ дружески обращаются; а кто знаетъ, можетъ быть, тамъ все отвернутся отъ нея, никто на нее и не посмотреть, и весь этотъ уборъ, и вся ея радость напрасны! «Нѣтъ, сказала она сама себѣ: если только и есть мнѣ радости, что теперь, такъ и этого довольно. Хотя бы мнѣ пришлось сейчасъ раздѣться и остаться дома, я и то была бы довольна.»

Родельша воротилась съ ожерельемъ, очень похвалила его и бранила вдову, что беретъ съ бѣдной дѣвушки такіе страшные проценты. Она общала сегодня же внести выкупъ и вычитать его потомъ изъ жаловавца Босоножки.

Только теперь Босоножка могла насмотрѣться въ зеркало. Сама хозяйка держала его передъ ней и лица обвѣхъ блистали радостью.

— Я не узнаю себя! я не узнаю себя! повторяла Босоножка, ощупывая руками лицо свое. — Ахъ, Господи! если бы меня могла видѣть теперь покойная матушка! Но она вѣрно благословляетъ васъ съ небесъ, за вашу доброту ко мнѣ, и помолится за васъ во время вашихъ родовъ; нечего вамъ бояться.

— Не хмурь такъ лицо! сказала Родельша: — впрочемъ, оно само собой просвѣтлѣетъ, когда ты услышишь музыку.

— Мнѣ кажется, я уже слышу ее, сказала Босоножка. — Да, слышите? вотъ она.

И въ самомъ дѣлѣ, по деревнѣ проѣзжала большая телега съ сѣдоками въ зеленыхъ платьяхъ, и тутъ же помѣщалась вся музыка; а Крапенцахеръ стоялъ посреди музыкантовъ и дулъ въ трубу, такъ что въ ухахъ трещало.

Тутъ въ деревнѣ все зашевелилось; все спѣшили вѣхать. Тележки въ одну и въ двѣ лошади перегоняли другъ друга какъ на бѣгу. Розель сѣла рядомъ съ братомъ на переднюю скамейку, а Босоножка сзади, въ кузовъ. Она все смотрѣла внизъ, пока вѣхали по деревнѣ — такъ ей было стыдно. Только у роднаго домика осмѣлилась она поднять глаза: черная Маранна

кланялась ей; красный пѣтухъ распѣвалъ на шесть; а рябина кивала вершиной, будто шелестя: «Счастливаго пути!»

Вотъ тележка провзжаетъ по лугу, гдѣ Манцъ разбиваетъ камни; вотъ ѣдетъ по Бузинной Полянѣ, гдѣ старуха пасетъ гусей. Босоножка дружески кивнула ей. «Ахъ, Господи! какъ это случилось, что я тутъ такъ гордо сѣжу и вду разряженная? Вѣдь до Эндрингена считается кажется добрый часъ взы; а мы только что успѣли съѣсть, и ужъ пора выходить.» Розель окружена разными знакомыми, и здоровается со всеми. «Это не сестра ли твоѣй невѣстки, что прѣехала съ тобой?» раздается со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, это просто наша служанка, отвѣчала Розель.

Нѣсколько нищихъ изъ Гальденбруна, бывшихъ тутъ, съ удивленіемъ смотрѣли на Босоножку; они не могли сразу узнать ее, и только всмотрѣвшись, восклицали: «Ба! да вѣдь это Босоножка!»

«Это просто наша служанка.» Слово *просто* глубоко запало въ сердце Босоножки; но она скоро одумалась и улыбнулась, потому что сказала себѣ: «Не допускай, чтобы какое нибудь слово омрачало твоѣ удовольствіе. Если ты будешь такъ обращать на все вниманіе, то тебѣ вездѣ будетъ не весело.» Розель отвела въ сторону Босоножку, и сказала ей:

— Ты покуда отправляйся въ танцевальный залъ, или къ кому нибудь въ деревню, если у тебя есть тутъ знакомые; когда заиграютъ музыканты, мы увидимся съ тобой.

Тутъ Босоножка осталась будто всеми покинутая; ей казалось, что и платье на ней какъ будто украденое, что она тутъ и не у мѣста вовсе, словно силою ворвалась. «Какъ это случилось, что ты прѣехала на свадьбу?» спрашивала она себя, и ей хотѣлось увѣхать домой. Она ходила взадъ и впередъ по деревнѣ, мимо хорошенькаго домика, выстроеннаго для Брози и теперь полнаго жизни, потому что обербауратша прѣехала сюда на лѣто съ своими сыновьями и дочерьми. Босоножка снова прошла по деревнѣ, не оборачиваясь, хотя желала, чтобы ее кто нибудь окликнулъ, и ей не ходить одной.

Въ концѣ деревни встрѣтился ей красивый всадникъ. На немъ было не такое платье, какъ носили въ деревнѣ, и онъ гордо смотрѣлъ. Но вотъ онъ остановился, подбоченился правой рукой съ хлыстикомъ, а лѣвой потрепалъ по шеѣ лошадь свою, и сказалъ: «Здравствуй, красавица! Ужъ устала отъ танцевъ?»

— Устала отъ ненужныхъ вопросовъ, отвѣчала Амрея.

Всадникъ отъѣхалъ; Босоножка долго сидѣла за ореховымъ кустомъ, и думала о всякой всячинѣ; щеки ея пылали, отъ досады на себя за рѣзкій отвѣтъ на скромный вопросъ; она чувствовала волненіе и душевное безпокойство, и губы невольно какъ-то напѣвали пѣсенку:

Какъ у насъ въ деревнѣ
 Парень съ дѣвкой жили—
 Другъ дружку любили.

Она начала день этотъ такъ весело, а теперь желала бы умереть. «Заснуть бы тутъ за кустомъ и не существовать болѣе! Ахъ, какъ бы это было хорошо! Тебѣ не будетъ радости,—такъ зачѣмъ и жить? Какъ чирикаютъ въ травѣ кузнечики! Теплый паръ поднимается съ земли; малиновка не перестаетъ щебетать; кажется, будто голосъ ея извлекается изъ души все новые звуки, и никакъ не можетъ выговорить все, что ей хочется сказать; въ поднебесьи поютъ жаворонки... Каждая птичка поетъ для себя, ни одна не слушаетъ другой, ни одна не подпѣваетъ другой; а между тѣмъ все...»

Еще ни разу въ жизни Босоножка не засыпала въ полдень, и поутру, какъ будто случилось теперь; солнечные лучи цаловали ее въ уста, какъ будто упрямо сжатые во снѣ, и розовый подбородокъ раскраснѣлся еще болѣе. Она проспала съ часъ, но вздрогнувъ, вдругъ проснулась. На нее наѣхалъ всадникъ, и уже лошадь подняла переднія ноги, готовясь опустить ихъ ей на грудь. Все это былъ сонъ; Амрея осмотрѣлась; она свалилась какъ будто съ неба. Музыка, раздававшаяся въ деревнѣ, скоро все объяснила ей, и Амрея съ новыми силами пошла туда. Тамъ было теперь еще болѣе жизни. Босоножка чувствовала, что отдохнула отъ всего, случившагося съ нею сегодня. Теперь бы только явился кавалеры! Она намѣревалась протанцовать безъ отдыха до слѣдующаго утра и даже не устать.

Свѣжій румянецъ дѣтскаго сна разливался по ея лицу, и въ съ удивленіемъ смотрѣли на нее. Она пошла въ танцевальную залу; тамъ гремѣла музыка, но въ пустой комнатѣ не было танцоровъ. Только дѣвушки, нанятыя для прислуги гостямъ, танцовали другъ съ дружкой. Крапенцахеръ долго смотрѣлъ на Босоножку и покачалъ головой. Онъ, казалось, не узнавалъ ее,

Амрея ходила взадъ и впередъ около стѣпъ. Она встрѣтила Доминика Фурхена, оіявшаго радостью.

— Позвольте узнать, сказалъ онъ: — вы изъ числа свадебныхъ гостей?

— Нѣтъ, я просто служанка, и пріѣхала съ хозяйской сестрой, съ Роделевой Розелью.

— Хорошо, такъ ступай туда, во дворъ къ хозяйкѣ; и скажи ей, что я прислалъ тебя ей на подмогу; сегодня не наберешься рукъ.

— Съ удовольствіемъ, сказала Амрея, отправляясь.

Дорогою она все думала о томъ, что вѣдь и Доминкъ былъ также слугою, а теперь... «Ну, такія вещи случаются только разъ въ сто лѣтъ. И сколько стоило ему поту и крови, чтобы добыть себѣ домъ! грустно это.»

Фурхенша Амейле съ радостью приняла предложеніе Амрей, и Амрея тотчасъ же скинула съ себя кофту, и надѣла большой фартукъ съ нагрудникомъ; но хозяйка хотѣла, чтобы Амрея, прежде чѣмъ прислуживать другимъ, поѣла сама. Амрея безъ отговорокъ согласилась, и тотчасъ же пріобрѣла расположеніе Фурхенши тѣмъ, что сказала: «Я перехвачу чего-нибудь, потому что должна-таки признаться, очень голодна, и не буду много отговариваться.»

Амрея осталась въ кухнѣ, и такъ хорошо помогала хозяйничать, такъ ловко умѣла все поставить и принять, что хозяйка сказала: «Вы двѣ Амрей, ты да братнина дочь, можете теперь все сами дѣлать, а я останусь при гостяхъ.»

Амрея изъ Зибенгофена, прозванная Сдобной Графиней, всюду была известна гордостью и упрямствомъ, но дружески обращалась съ Босоножкой, и Фурхенша сказала по этому поводу Босоножкѣ:

— Жаль, что ты не мужнина; я думаю, Амрея тотчасъ вышла бы за тебя замужъ: не выпроводила бы, какъ другихъ жениховъ.

— У меня есть братъ; за него можно замужъ выйти. Только онъ въ Америкѣ, шутила Босоножка.

— Пусть остается тамъ, отвѣчала Сдобная Графиня:—хорошо бы услать туда и всѣхъ мужчинъ, а намъ здѣсь однимъ остаться.

Амрея ушла изъ дому не раньше, какъ поставила все по мѣстамъ; снявъ передникъ, она была такъ опрятна и не измята, какъ будто только что нарядилась.

— Ты устала и не будешь въ силахъ танцовать, сказала хозяйка, когда Амрея, получивъ за свои труды, пришла съ ней проститься.

— Какое устала? отвѣчала Амрея:—это забава, а не работа. Повѣрьте, мнѣ теперь гораздо веселѣе, оттого что я поработала. Я не могла бы, кажется, цѣлый день посвятить удовольствію; поэтому-то вѣроятно я и была печальна сегодня поутру: мнѣ недоставало чего-то, теперь же отброшу всѣ заботы, и буду только веселиться. Славно потанцую, найти бы только кавалеровъ.

Амейле не знала, чѣмъ лучше отблагодарить Босоножку, какъ провести ее съ важностью по всему дому. Въ комнатѣ молодыхъ показала она ей большой сундукъ съ свадебными подарками и открыла высокіе голубые шкапы съ надписаннымъ надъ ними именемъ и годомъ; шкапы были набиты разнымъ приданнымъ и бѣльемъ, перевязаннымъ пестрыми ленточками. Въ платяномъ шкапѣ было по-крайней-мѣрѣ тридцать платьевъ; подлѣ шкапа стояла высокая постель, люлька, прялка съ красивымъ веретенемъ, и все это было обвѣшено дѣтскимъ бѣльемъ, подареннымъ подружками.

— Господи! сказала Босоножка:—какъ должна быть счастлива дѣвушка изъ такого дома!

— Ужъ ты не завистлива ли? спросила хозяйка, вспомнивъ, что все это она показываетъ бѣдной дѣвушкѣ, и прибавила потомъ:—Повѣрь мнѣ, не въ приданомъ дѣло; есть много болѣе счастливыхъ и между тѣми, которые не получили отъ родителей ни булавки.

— Конечно такъ; но я не столько завидую богатству, сколько тому, что дочь ваша можетъ благодарить за все это васъ. Платья, сдѣланныя матерью, теплѣе грѣютъ.

Хозяйка оказала Босоножкѣ и еще милость; она проводила ее до дверей, какъ какую нибудь крестьянку, имѣющую на конюшнѣ шестерку лошадей.

Все было уже въ движеніи, когда Амрея пришла въ танцевальный залъ. Сначала она робко остановилась въ дверяхъ. Гдѣ же дѣти, которые прежде тутъ толпились? Да! вѣдь это запрещено нынче правительствомъ: пасторъ и школьный учитель не позволяютъ дѣтямъ смотрѣть на танцы, или самимъ кружиться, какъ бывало въ дѣтство Амреи.

По пустымъ сѣнямъ, гдѣ только иногда пробѣгалъ кто нибудь, одиноко бродилъ ланд-егерь.

Увидавши входящую Амрею, у которой разгорьлось лицо, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Здравствуй, Амрея! Такъ и ты прѣехала?

Амрея осмотрѣлась и поблѣднѣла, какъ полотно: ужь не провинулась ли она въ чемъ-нибудь? Не ходила ли, напримѣръ, съ огнемъ въ конюшню? Она пробѣжала всю жизнь свою и ничего не нашла; а онъ обращается съ ней съ такою короткостью, какъ будто когда-нибудь ужь арестовалъ ее. Эта мысль смутила Амрею: она стояла какъ преступница, и насилу отвѣтила:

— Благодарю покорно; я и не знала, что мы говоримъ другъ другу ты. Вы чего-нибудь желаете отъ меня?

— Ого! какъ гордо! Да я не съемъ тебя: можешь хорошенько отвѣтить мнѣ. За что ты сердишься? А?

— Я не сержусь; я никому не хочу сдѣлать зла; я такъ только—глупая дѣвушка.

— Не скрытничай! Будь такою, какъ всегда.

— Да откуда вы знаете, какая я?

— А оттуда, что ты ходишь неосторожно съ огнемъ.

— Когда? гдѣ? куда я хожу съ огнемъ? Я всегда беру фонарь, когда иду въ конюшню.

Егеръ засмѣялся и сказалъ: — Въ твоихъ темныхъ зрачкахъ огонь; глаза у тебя огненные.

— Такъ идите прочь, чтобы не сгорѣть; а то, пожалуй, взлетите на воздухъ, какъ порохъ въ вашемъ патронташѣ вспыхнетъ.

— Въ патронташѣ ничего нѣтъ, сказалъ егеръ, чтобы что-нибудь сказать.—А меня самого ты ужь обожгла.

— Я этого не вижу, все на васъ цѣло. Довольно, однакожь: оставьте меня.

— Я не держу тебя, шнилька! плохо будетъ тому жить, кто полюбитъ тебя.

— Нечего меня и любить! сказала Амрея, и встала въ дверяхъ, гдѣ тѣснилось много зрителей.

Только что начался новый танецъ, и она въ тактъ покачивалась на мѣсть; ее очень радовало, что она отдѣлала егеря; она справилась бы, кажется, съ цѣлымъ свѣтомъ, не только что съ нимъ однимъ. Егеръ, однакожь, скоро снова очутился вблизи, сталъ за Амрею и говорилъ ей всякую всячину; она ничего не отвѣчала, какъ будто и не слышала его словъ, и кивала танцующимъ, какъ бы въ отвѣтъ на поклонъ. Только когда егеръ ска-

заль: «Если бы я могъ жениться, я взялъ бы тебя!» она начала: «Взялъ бы! Да я то бы не пошла.»

Егеръ обрадовался, что по-крайней-мѣрѣ добился отвѣта, продолжалъ:

— Еслибы я могъ здѣсь танцовать, я сейчасъ прошелъ съ тобой.

— Танцовать я не умью, сказала Амрея.

Тутъ музыка умолкла; Амрея растолкала стоявшихъ передъ нею, и прошла въ залу, чтобы выискать себѣ незамѣтное мѣсто; она слышала за собой только слова: «Мастерица танцовать! такой другой поискать въ окрестностяхъ.»

Х.

Еще танецъ!

Крапенцахеръ подавъ Босоножкѣ стаканъ съ подмоштовкою, стояли музыканты. Она отхлебнула и протянула стаканъ на

— Когда же ты будешь танцовать, Амрея? спросилъ Крапенцахеръ.

— У меня и кавалера-то не будетъ, отвѣчала Амрея, и шутила, полупечально, и начала думать: зачѣмъ егеръ находится при танцахъ. Она, впрочемъ, не остановилась на этой мысли и тотчасъ же подумала: «Вѣдь онъ такой же человекъ, какъ другіе, хотя на немъ и надѣта сабля, и прежде чѣмъ сдѣлать егеремъ, былъ онъ такимъ же крестьяниномъ, какъ и другіе. Грустно должно быть ему, что онъ не смѣетъ танцовать, всѣмъ. Но что мнѣ до этого за дѣло! Я вѣдь также должна трѣпать, а еще не получаю за это жалованья.»

Въ залѣ на нѣкоторое время все стихло и присмирѣло, потому что на танцы пришла съ своими дѣтьми «англичанка», все еще звали въ деревнѣ и въ окрестностяхъ Аги, жену баурата Северина. Знатные льсопромышленники зацѣпили глазами шампанскаго, и поднесли стаканъ англичанкѣ; она въ знакъ заботы о здоровьѣ молодыхъ, и потомъ къ каждому обращалась какимъ нибудь милостивымъ словечкомъ. На лицахъ всѣхъ отсутствующихъ явилась продолжительная любезная улыбка; отвѣчала на тосты нѣкоторыхъ крестьянъ, пившихъ изъ чистыхъ стакановъ, прикладывая губы къ своему стакану старушки, сидѣвшія неподалеку отъ Босоножки, хвалили а

, и вставали съ мѣсть задолго передъ тѣмъ, какъ она подошла къ нимъ и говорила имъ что-нибудь. Когда Аги ушла, танцы, пѣнье, танцы, топанье и ликованье начались съ новой силой.

Першій слуга Роделя подошелъ къ Босоножкѣ. Она вздрогнула отъ ожиданія; но слуга сказалъ:

Подержи-ка, Босоножка, мою трубку, пока я потанцую. Тебѣ ей подходило много окрестныхъ дѣвушекъ; одна давай тебѣ поддержать кофту, другая ченець, платокъ, ключъ отъ сумки и чѣмъ болѣе танцовали, тѣмъ болѣе навьючивали ее. Она выбалась, но никто не подходилъ звать ее. Вотъ заиграли музыка, такой плавный: подъ него танцуешь какъ-будто плывешь; а потомъ галопъ, такой дикій, бѣшеный. У! какъ все прыгаетъ, скачетъ и скачетъ! какъ все тяжело дышать отъ удовольствія! Горятъ у всѣхъ глаза! а старушки, сидящія въ углу, гдѣ сидѣлъ Амрея, жалуются на пыль и жаръ, но домой все-таки не идутъ. Вотъ... Амрея вздрогнула, взоръ ея остановился на молодомъ парнѣ, гордо ходившемъ взадъ и впередъ въ толпѣ. Это тотъ всадникъ, что встрѣтился ей сегодня поутру: она такъ колко его отдѣлала. Всѣ взоры обращены на невѣстину: въ правой держитъ поперечную трубку; серебряная цѣпочка его покачивается. На немъ красивый черный бархатный сюртукъ и широкіе черные бархатные панталоны и красный жилетъ. Но еще лучше его голова, съ курчавыми темными волосами, съ блестящими глазами; лицо ниже глазъ сильно загорѣло; маленькій подбородокъ и щеки опушены густой бородкой.

Это чиновникъ, сказала одна изъ старухъ.

Какіе у него прекрасные голубые глаза! добавила другая:— голубые и вмѣстѣ съ тѣмъ добрые.

Откуда бы онъ могъ быть? Онъ не изъ здѣшнихъ мѣсть, сказала третья; а четвертая дополнила:

Это вѣрно опять женихъ Амрей.

Босоножка вздрогнула. Что это такое? Что это значитъ? Но она не успѣла объяснить; первая старуха сказала:

Жаль мнѣ его! Сдобная Графиня отпускаетъ съ носомъ жениховъ.

Вѣдь и Сдобную Графиню зовутъ Амреей.

Молодой человекъ нѣсколько разъ прошелся по залу и смотрѣлъ по сторонамъ; но вдругъ остановился неподалеку отъ

*

Босоножки. Онъ кивнулъ ей; ее бросило въ жаръ; но она т приросла къ мѣсту и не двинулась. Нѣтъ, онъ вѣрно кив кому нибудь сзади ея, а не ей. Онъ приближается; Амрея ропитъ. Онъ вѣрно ищетъ другую.

— Нѣтъ, мнѣ тебя надо, говоритъ парень, взявъ ее за ку.—Хочешь?

Амрея не въ силахъ отвѣчать; да и къ чему? Она бь бросаетъ въ уголь все, что у ней въ рукахъ: кофты, пла ченцы, трубки и ключи. Она точно ожила; а парень кид музыкантамъ талеръ, и Краненцахеръ, видя Амрею рука об ку съ чужимъ танцоромъ, гремитъ трубой такъ, что стѣны жать. Амрея кружится, не помня себя, не чувствуя под бою пола, какъ будто влекомая незнакомцемъ по воздуху никто кромѣ ихъ не танцуетъ въ залъ. Оба такъ мило та вали, что всѣ невольно остановилась полюбоваться на нихъ.

— Мы одни, сказала, кружась, Амрея, и тотчасъ же по ствовала горячее дыханіе своего кавалера, отвѣчавшаго ей.

— Ахъ! кабы мы были одни, одни на свѣтъ! Зачѣмъ не такъ танцовать до самой смерти?

— Мнѣ теперь кажется, сказала Амрея:—какъ будто мы голубя, летающіе въ поднебесья. Юггу! мы летимъ къ са небу!

— Юггу! вскричалъ и парень, пристукнувъ ногой.

— Юггу! вторила ему Амрея, и они все съ большимъ и шимъ наслажденіемъ кружились въ вальсъ.—Скажи, прогов она:—музыка еще играетъ? Играютъ еще музыканты? Я не шу больше.

— Конечно, играютъ: развѣ ты не слышишь?

— Да, теперь вотъ слышу, сказала Амрея.

Они остановились; кавалеръ ея замѣтилъ, что у ней от достя кружится голова.

Онъ подвелъ Амрею къ стулу, и далъ ей напитокъ, не пуская при этомъ ея руки. Онъ прикоснулся къ шведскому кату, висѣвшему на ея ожерельѣ, и сказалъ:

— Этотъ дукать на хорошемъ мѣствѣ.

— И изъ хорошихъ рукъ, отвѣчала Босоножка:—я получила это ожерелье въ подарокъ, когда была еще ребенкомъ.

— Отъ родственника?

— Нѣтъ; крестьянка, сдѣлавшая мнѣ этотъ подарокъ, не родня мнѣ.

— Кажется, танцы тебѣ нравятся?

— Ахъ, еще какъ! Круглый годъ бѣгаешь-бѣгаешь, все безъ музыки. Оттого теперь вдвое пріятнѣе покружиться подъ музыку.

— Ты такая кругленькая! шутливо сказалъ незнакомецъ: — тебя должно быть хорошо откармливаютъ.

Амрея быстро возразила:

— Кормятъ-то хорошо, да мнѣ-то вкусно ли?

Незнакомецъ кивнулъ головой, и послѣ непродолжительнаго молчанія, сказалъ полувопросительно:

— Ты дочь крестьянина....

— Нѣтъ, я въ услуженіи, сказала Амрея, пристально глядя ему въ глаза.

Онъ тоже не опустилъ глазъ, хотя рѣсницы дрогнули у него. Эта видимая борьба и побѣда надъ собой казались вѣрнымъ отраженіемъ того, что происходило въ его сердцѣ. Онъ уже чуть не оставилъ дѣвушку; но какъ будто на зло себѣ и съ усиліемъ сказалъ ей:

— Пойдемъ, протацнуемъ еще разъ!

Крѣпко держаль онъ ее за руку, и снова начались для нихъ счастье и радость, но на этотъ разъ уже спокойнѣе и ровнѣе. Оба чувствовали, что они теперь не въ небѣ, и, какъ бы руководимая этимъ чувствомъ, Амрея сказала:

— А вѣдь мы были такъ счастливы другъ съ другомъ, что потомъ хоть бы и вѣкъ не встрѣчаться, и не знать другъ друга даже по имени.

Парень кивнулъ головой и сказалъ:

— Да.

Амрею въ смущеніи взяла въ ротъ свою лъвую косу, и немного погодя, снова сказала:

— Что разъ у челоуѣка было, того нельзя ужъ у него отнять, и кто бы ты ни былъ, ты не долженъ раскаиваться, что ошастливилъ бѣдную дѣвушку на всю ея жизнь.

— Я и не раскаяваюсь, сказалъ парень:—но ты раскаявась-ся вѣрно, что такъ жестоко отдѣлала меня сегодня по утру.

— Да, твоя правда, сказала Амрея.

— Ты не побоишься идти со мной въ поле?

— Нѣтъ, отвѣчала Амрея.

— И доверяешь мнѣ?

— Да.

— Но что же скажутъ твои?

— Я никому не обязана отдавать отчета въ своихъ поступкахъ, кромъ себя; я сирота.

Рука съ рукой покинули они залу. Босоножка слышала за собой шопотъ и говоръ и не поднимала глазъ. Въ самомъ дѣлѣ, она слишкомъ на многое отваживалась.

Посреди полей, на которыхъ только-что распускались первые колосья и еще были полузакрѣты трубчатыми листьями, они молча взглянули другъ на друга.

Долго глядѣли они такъ, и долго не говорили ни слова. Парень началъ первый:

— Мнѣ хотѣлось бы одно знать, проговорилъ онъ будто про себя:—отчего это такъ бываетъ, что съ перваго взгляда вдругъ и самъ не знаешь почему... вдругъ дѣлаешься привязанъ къ человѣку. Откуда знаешь, что написано на лицѣ у человѣка?

— Мы спасли бѣдную душу, воскликнула Амрея: — ты вѣдь знаешь, когда двое въ одну минуту объ одномъ думаютъ, то спасаютъ бѣдную душу; и я думала то же, что ты—точь-въ-точь.

— Неужто? Такъ ты знаешь, отчего это бываетъ?

— Знаю.

— А мнѣ скажешь?

— Отчего не сказать! Вотъ видишь ли: я вѣдь была гусятницей.

При этихъ словахъ парня опять передернуло; но онъ сдѣлалъ видъ, будто ему попало что-то въ глаза, и сталъ тереть ихъ.

Босоножка продолжала:

— Какъ сидишь или лежишь въ полѣ одна одиноконька, такъ чего-чего не приходитъ въ голову! чудныя такія мысли! Я тогда ясно увидала.... замѣчай только—и ты самъ согласишься... каждое дерево, какъ вдругъ посмотрѣть на него, имѣетъ точь-въ-точь такой видъ, какъ плодъ, который на немъ родится. Смотри вотъ на яблоню! развѣ она не такая же широкая, не такая же круглая, какъ само яблоко? Такъ и груша и вишня. Присмотришься только къ нимъ. Вонъ у вишни такой же длинный стебель, какъ у ея ягоды. Вотъ я и думаю....

— Ну-ка, что ты думаешь?

— Не смѣйся надо мной. Я думаю: какъ у деревьевъ такой же видъ, какъ у ихъ плодовъ, такъ и у человѣка все можно понять сразу. Правда, у деревьевъ всегда видъ честный, а люди умѣютъ притворяться. Ахъ, какой я вздоръ все болтаю!

Нѣтъ, ты не даромъ насла гусей, сказалъ парень подѣ влія-
емутнаго чувства:—и съ тобой пріятно поговорить. Мнѣ
хотѣлось бы поцѣловать тебя, только боюсь грѣха.

Босоножка дрожала всѣмъ тѣломъ; она наклонилась сорвать
одеяло и не сорвала его. Долго они молчали; наконецъ парень
сказалъ:

Мы вѣрно больше никогда не увидимся; поэтому лучше
остаться такъ.

Они воротились они опять въ танцевальную залу, и опять
начали танцевать, не говоря ни слова. Когда танецъ кончился,
Босоножка подошла опять Амрею къ столу и сказала:

Теперь я съ тобой прощусь. Переведи-ка духъ да выпей еще!
Босоножка подала ей стаканъ и, когда она отставляла его, сказала:
Нѣтъ, ты должна выпить все до дна, за мое здоровье.

Босоножка стала пить глотокъ за глоткомъ, и когда, наконецъ, въ
руку ея былъ уже пустой стаканъ и она осмотрѣлась во-
кругъ — чужаго парня какъ не бывало. Она вышла изъ дому
черезъ окно и увидела его еще не вдалекѣ: онъ тихо вѣхалъ на сво-
ей лошади и ни разу не оглянулся назадъ.

Босоножка пошла дымной пеленой стлался въ долину; солнце уже за-
шло. И почти громко проговорила Босоножка:

Лучше бы ужъ никогда не наступало завтра: все бы сего-
годня, все сегодня.

Босоножка стояла она, теряясь въ грезахъ. Быстро наступила ночь;
луна, словно тонкій серпъ, прорвалась уже надъ темными го-
рами и неподалеку отъ него, ближе къ Гальденбруну, мерцала
маленькая звездочка.

Босоножка на тележка за другою стали отираваться во-своихъ. Бо-
соножка подошла къ экипажу своихъ хозяевъ. Вотъ вышла Ро-
за и сказала своему брату, что общала деревенскимъ пар-
немъ и дѣвушкамъ — идти домой вместе съ ними: само собой
ясно, Роделю нельзя было вѣхать вдвоемъ со служанкой.

Босоножка его затрѣмѣла по дорогѣ. Розель, вѣроятно, видѣла
Босоножку; но сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ ее. Босоножка
шла по дорогѣ, по которой только-что увѣхалъ чужой всад-
никъ.

Куда-то онъ увѣхалъ? Сколько сотъ селъ и деревень ле-
житъ по этой дорогѣ, и какъ знать, куда повернулъ онъ? Бо-
соножка нашла то мѣсто, гдѣ онъ въ это утро въ первый разъ
споткнулся съ ней; она проговорила про себя и его привѣт-
ливо и свой отвѣтъ. Она пошла опять тамъ, за орѣшникомъ,

гдѣ въ это утро спала и грезила. Овсянка сидѣла на гибкой верхушкѣ деревца и пять звуковъ ся какъ-будто говорили: «Ты-то что все тутъ? ты-то что все тутъ?» Босоножка въ этотъ день прожила какъ-будто цѣлую жизнь. И неужто это былъ въ самомъ дѣлѣ одинъ день? Она воротилась опять къ дому, гдѣ танцовали, но не вошла въ него и отправилась одна домой въ Гальденбрунъ. Она прошла уже почти половину дороги и опять-таки воротилась. Казалось, она не могла оторваться отъ мѣста, гдѣ была такъ счастлива, хотя и говорила самой себѣ, что неловко ей возвращаться одной. Она хотѣла идти вмѣстѣ съ парнями и дѣвушками своей деревни. Когда она была опять передъ эндрингенской гостинницей, какъ-разъ собирались домой многіе изъ ея однодеревенцевъ. «А! и ты здѣсь, Босоножка?» вотъ были единственныя слова, къ ней обращенныя. Тутъ пошла бѣготня и суетня, потому что иные, торопившіе другихъ собираться домой, танцовали еще на верху; а чужіе парни то и дѣло приставали, упрасивали и умоляли протанцовать еще разокъ, только одинъ разокъ. Какъ было не согласиться? Босоножка поднялась съ другими на верхъ; но не танцовала, а только смотрѣла. Наконецъ стали говорить: «Ну, кто теперь станетъ танцовать, того оставимъ здѣсь!» Послѣ долгаго бѣганья и собиранья, всѣ, кто пришѣлъ изъ Гальденбруна, столпились передъ домомъ. Часть музыкантовъ пошла провожать до деревни, и не одинъ заспанный глава дома выглянулъ изъ окна, не одна замужняя женщина, не участвовавшая болѣе въ танцахъ, крикнула имъ вслѣдъ: «счастливаго пути».

Ночь была темна. Вмѣсто факеловъ взяли съ собой длинныя сосновыя лучины, и парни, несшіе ихъ, приплясывали съ ними и напѣвали. Но только-что музыканты отправились назадъ, только-что гости отошли нѣсколько шаговъ отъ Эндрингена, какъ начали говорить, что отъ факеловъ только глазамъ больно. Особенно два отпускные солдата, бывшіе въ толпѣ въ полчомѣ мундирѣ и щеголявшіе подвѣшенной къ поясу саблей, подсмѣивались. Въ ближайшемъ рву лучины затушили. Тутъ начало окликаться, что того или этаго нѣтъ, и той или этой. Ихъ окликали и они отвѣчали издали. Розель провожалъ сынъ Капеля изъ Лаутербаха; но только-что онъ ушелъ и она осталась со своими, она громко сказала: «я его знать не хочу». Нѣсколько парней заплѣли пѣсню; къ нимъ приставалъ то тотъ, то другой, но большаго толку не выходило, потому что солдаты хотѣли за-

новыя пѣсни. По временамъ раздавался громкій смѣхъ, и что одинъ изъ солдатъ былъ внукъ веселаго Броза, сынъ чихи Моники, и безпрестанно острилъ, особенно надъ Юрпортнымъ; который шелъ съ ними. Потомъ опять начали и наконецъ, кажется, споры прекратились, потому что загремѣли полнозвучно и согласно.

Лесовожка шла все сзади, въ некоторомъ отдаленіи. На нее обращали вниманія, и это было самое лучшее. Она была собою и въ то же время одна. Часто оглядывала она окрестности и рощи: какъ чудны казались онѣ ей въ ночи! и такъ близко, и такъ близки! Цѣлый міръ облекся для нея какимъ-то свѣтомъ, какъ и собственное сердце ее. Шагъ за шагомъ шла она, словно кто велъ, или влекъ ее, и сама не знала куда идетъ; такъ же шли впередъ сами-собою и мысли ея, идясь то въ одну, то въ другую сторону: она не могла ни остановиться, ни направить ихъ бѣга; она не знала, что съ нею. Рядомъ у ней пылали, словно каждая звезда на небесномъ сводахъ горячимъ лучезарнымъ солнцемъ, и сердце Амрея было охвачено пламенемъ. Между тѣмъ, какъ бы по собственному ея желанію, какъ бы ею запѣтая, раздалась пѣсня шедшихъ спешившихъ пѣсней, которая поутру приходила ей на уста...

Какъ у насъ въ деревнѣ
Парень съ дѣвкой жили—
Другъ дружку любили.

Сталъ онъ съ ней прощаться.

«Ахъ, когда, мой милый,
Ты вернешься къ милой?»

«Радъ бы я повѣдать,
Долго-ль прогуляю;
Да и самъ не знаю!»

Они запѣли другую пѣсню, и Амрея вторила ей издали:

Темной ночью
— Ты прости, мой свѣтикъ! —
Всѣ сосѣди спятъ;
Только я не сплю,
Горемычная.

«Темной ночью
— Ты прости, мой свѣтикъ! —
Уѣзжаю вдаль...

Поджидай меня!
Горькихъ слезъ не лей!

«Ворочусь къ тебѣ
— Ворочусь, мой свѣтикъ! —
Обоймемся мы,
Поцѣдуемся,
Не разстанемся.

«Не разстанемся
— Цѣлый вѣкъ, мой свѣтикъ! —
Не разстанемся,
Станемъ жить да быть,
Припѣваючи!»

Наконецъ пришли въ деревню, и группа за группой стали отставать. Босоножка остановилась у отцовскаго дома, около рабины, и долго стояла въ задумчивыхъ мечтахъ. Ей хотѣлось войти и рассказать все Мараннѣ; но она раздумала. Зачѣмъ и для чего тревожить ся сонъ? И Амрея тихо пошла домой. Все вокругъ крѣпко спало.

Когда наконецъ вступила она въ домъ, все представлялось ей здѣсь еще страннѣе, чѣмъ внѣ дома: такъ чуждо казалось все, такъ не кстати! «Зачѣмъ же ты опять пришла сюда? Чего ты хочешь?» Въ каждомъ звукѣ чудились ей какъ будто вопросы—собака ли лаяла, лѣстница ли скрипѣла, корова ли мычала въ стойлѣ; казалось, все спрашивало: «Кто это идетъ сюда? Кто это такой?» Войдя наконецъ къ себѣ въ комнату, Амрея тихо опустилась на стулъ, и остановила глаза на свѣчкѣ; потомъ вдругъ встала, взяла ее, и стала свѣтить себѣ въ зеркало, и смотрѣла на свое лицо, и все спрашивала про себя: «Кто это?» Второй мыслью ея было: «вотъ такую видѣлъ онъ тебя, вотъ ты какая. Въдѣ ему вѣрно понравилось что нибудь въ тебѣ: иначе зачѣмъ бы ему засматриваться на тебя?» Тихое чувство довольства родилось въ ней и постепенно возростало при мысли, что на нее наконецъ обратили вниманіе—на нее, бывшую только для услугъ и помощи другимъ. «Доброй ночи, Амрея! Ахъ, какой это былъ чудный день!» Но и этому дню долженъ былъ придти конецъ. Было уже за полночь. Босоножка потихоньку раздѣлась, и бережно сложила свое платье. «Чу! опять музыка—вальсъ.» Она отворила окно. Никакой музыки не было слышно: это просто звенѣло въ ухахъ у Амреи. Тамъ, вдали, у черной Маранны, кричить уже пѣтухъ; лягушки квакаютъ; по

мужские шаги: это вѣрно поздній гость со свадьбы раздается шагъ въ ночи! Во дворъ дома гоголчуть гуси. Вѣдь гуси спятъ, какъ имъ придется, то днемъ, то ночью, вѣдь гуси стоятъ тихо, недвижно. Дерево ночью совсѣмъ мертвымъ днемъ. Такая сплошная, темная масса, точно величавый плащъ! Что такое живетъ въ неподвижно стоящемъ деревѣ за мѣръ, къ которому принадлежитъ оно? Воздухъ не движется, а вотъ какъ будто кто-то сдулъ капли съ деревьевъ, вѣрно червячокъ, или жучокъ свалился. Вотъ перенелъ и навѣрное тотъ самый, что запертъ въ гостиницѣ. Онъ знаетъ, что теперь ночь. А вечерняя звезда, которая при закатахъ стояла низко подъ мѣсяцемъ, теперь около самаго горизонта уже надъ нимъ; и чѣмъ больше смотришь на нее, темъ ярче свѣтитъ она. Чувствуетъ ли она взглядъ человѣка? И соловей запѣлъ. Что это за пѣнье! чудо! Одна только такая птица. Вдругъ Амрею вздрогнула: часы ударили, а съ кровли сорвалась черепица и громко ударилась о полъ. Сердце замерло у Амреи, какъ при появленіи призрака; Амрею еще прислушивалась она къ соловью, и потомъ закрыла окно. Ночная бабочка вползла при этомъ на чердакъ, и стала кружиться вокругъ свѣчи. Огонь то привлекалъ ее, то пугалъ ее. Амрею стало что-то страшно; она поймала бабочку и выбросила ее за окно.

Амрея она укладывала въ сундукъ свой чепецъ, платье и кофточку. Опалась старая тетрадка, бережливая сестра изъ школьной тетрадки. Ама не зная зачѣмъ, прочитала она въ тетради нѣсколько изреченій. Какъ прямо и старательно были они выписаны въ тетрадь! Можетъ быть Амрея хотѣла, чтобъ хоть эти изреченія сказали ей, что у нея было пропущено, потому что ей казалось, будто все исчезло.

«Теперь скорѣе въ постель!» проговорила она; но съ своей привычкой къ ей тщательностью тихо и спокойно распускала она застѣжки, и развязывала узелки и руками, и зубами. Еще не во всю свою жизнь не развязывала она узла, и даже при всей внутренней тревогѣ, не покинула ея склонность къ порядку, и ей удалось распутать по видимому безнадежные узлы. Наконецъ спокойно и осторожно погасила она свѣчу и легла въ постель; но она не находила спокойствія: поспѣшно сошла съ кровати и прилегла на открытое окно, глядя на темную ночь и на роящіяся золотыя звезды, и обвѣяла ру-

ками закрывая грудь и шею, въ дѣвственной стыдливости передъ самой собою.

И долго смотрѣла она, и долго мечтала безъ цѣли, безъ словъ, безъ желаній; она какъ будто умерла для себя, и слилась съ общою, вѣчною жизнью вселенной.

Душу этой бѣдной служанки, въ низенькомъ углу чердака, освѣнили вся безконечная жизнь, все величїе и все блаженство, какія только могутъ вмѣститься въ сердце челоуѣка; они освѣтили ее, не спрашивая, чье существо освѣчаютъ, ибо и надъ самой скромной хижинной сияютъ съ небесъ вѣчныя, неугасимыя звезды!...

Порывъ вѣтра съ шумомъ закрылъ окно и разбудилъ Амрею. Она не помнила, какъ ворочилась въ постель. Ужь свѣтало.

ХІ.

О чемъ въ пѣснѣ поется.

Словно въ лютѣмъ пламени
Сердце кипятится,
Какъ съ своей любовью
Отъ людей таится.

Такъ пѣла Амрея, стоя по утру у затопленной печки, въ то время, какъ все въ домѣ еще спало.

Работникъ, задававшій въ первый разъ кормъ лошадямъ, пришелъ въ кухню и досталъ уголекъ закурить трубку.

— Что ты дѣлаешь тутъ спозаранку? съ воробьями поднялась! спросилъ онъ Босоножку.

— Я дѣлаю пойло для телятъ, отвѣчала Босоножка, мѣшая муку съ травой, и не оглядываясь.

— Мы съ другимъ работникомъ искали тебя вчера на танцахъ, но тебя нельзя было нигдѣ отыскать, сказалъ работникъ.

— Вѣрно ты не хотѣла больше танцевать; съ тебя было довольно, что чужой господинъ посмѣялся надъ тобой.

— Онъ не господинъ, и не смѣялся надо мной. Да если бы это было и такъ, то все-таки пусть лучше такой челоуѣкъ считаетъ меня за дуру, чѣмъ ты и другой работникъ за умную.

— Отчего же онъ не сказалъ, кто онъ?

— Оттого, что я не спрашивала его, отвѣчала Босоножка.

Работникъ сказалъ какую-то грубую остроту, и самъ засмѣял-

ней. Лицо Босоножки пылало и отъ жара печки, и отъ ялаго огня. Она стиснула зубы и сказала:

«Что скажу я тебѣ: ты долженъ знать, чего ты стоишь и не могу запретить тебѣ не имѣть къ себѣ уваженія; я не могу запретить тебѣ быть неуважительнымъ со мной. Вотъ пелль вонъ изъ кухни; тебѣ тутъ нечего дѣлать. Если ейчасъ не уйдешь, я покажу тебѣ, какъ тебя слѣдуетъ кивать.»

«Ты не хочешь ли ты разбудить хозяевъ?»

«Ихъ не надо, вскричала Босоножка, и взяла изъ печную головню, отъ которой съ трескомъ летѣли искры. «Иди! или я хвачу тебя.»

«Иди!» вышелъ съ принужденнымъ смѣхомъ. Босоножка подобрала платье, и тяжело вздыхая, понесла въ коровнящесю поило. Теленокъ, казалось, почувствовалъ благодать, что объ немъ вспомнили въ такой ранній часъ: онъ началъ пить, и нѣсколько разъ переставалъ пить, взглядывая на хозяйку.

«Теперь меня будутъ—таки много спрашивать и дразнить», сказала про себя Босоножка:—но что за важность?

Идя къ коровѣ съ подойникомъ, она запѣла:

«Ты коровушка, буренушка моя!

Выйду замужъ— кто донть будетъ тебя?»

«Глупости!» добавила она, какъ бы браня самоё себя, и пошла работать молча; въ домъ постепенно начала пробуждаться жизнь. Лишь только проснулась Розель, она побѣжала къ хозяйкѣ, и разбранила ее за то, что сама потеряла хорошенький платокъ. Она утверждала, что дала его спрятать хозяйкѣ; но что та, по глупости своей, бросила его, когда хозяйка еще подошла пригласить ее; кто еще знаетъ, не онъ ли это: можетъ быть и лошадь у него, и платье краденныя, и его закуютъ въ цѣпи; потомъ Розель говорила, что это срамъ, что Босоножка такъ вскрикивала въ танцахъ; потомъ Энцианъ Валентинъ говоритъ: «когда курица поетъ, значитъ—будетъ непогода и случится несчастье.» Розель утверждала, что взяла ее въ первый и въ послѣдній разъ; что она чуть не сгорѣла со стыда; что принуждена была уйти, какъ говорили: «этакая—то у васъ служанка!» Ес-

ли бы за нее не стояла горой невестка, то гусятницу т прогнали бы изъ дому.

Босоножка не обращала вниманія на слова Розели: она узнала въ этотъ день объ крайности въ обращеніи, которо ходилооь ей испытывать отъ людей, и рѣшила: на упреки отвѣчать молчаніемъ, а на насмѣшки—грубостью.

Если у ней подъ рукой не всегда бывала горячая гора, какъ въ это утро при разговорѣ съ работникомъ, то у ней всегда были въ запасъ взгляды и слова, которые могли прийтись въ точь въ точь такую же услугу.

Босоножка не могла наговориться у черной Маранны въ приятностяхъ, которыя дѣлаетъ ей Розель, и такъ какъ она ничѣмъ не могла отвѣчать на нихъ, то тутъ дала волю ку и бранила Розель въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Впрочемъ она опомнилась и сказала:

— Ахъ, Господи! это не хорошо: она и меня дѣлаетъ заставляя произносить такія слова.

— И прекрасно, утѣшала ее Маранна:—что ты такъ боишься ее. Если возьмешь въ ротъ что нибудь противное, надо выдержать, иначе захвораетъ; а если увидишь, услышишь и узнаешь что нибудь дурное, надобно выбраниться, чтобы вылить изъ души; иначе въ душѣ будетъ накапливаться зло.

Босоножка смѣялась странному утѣшенію черной Маранны. Дни пошли на старыи ладъ, и скоро были забыты и сны и танцы, и все, что тогда случилось. У Босоножки же оставалось постоянное воспоминаніе объ этомъ времени.

Она все повѣряла черной Мараннѣ.

— Миѣ кажется, я согрѣшила, что тогда такъ радовалась, говорила она разъ.

— Передъ кѣмъ же ты согрѣшила?

— Я думаю, меня Богъ накажетъ за это.

— Охъ, дитя! что ты говоришь? Богъ любить людей и дѣтей своихъ. А есть ли для родителей удовольствіе вышедши видѣть дѣтей своихъ веселыми? Пусть люди говорятъ, что ты глупая! Когда воротится мой Юганъ, вотъ ужъ потанцуетъ бой! Ну, да объ этомъ нечего говорить. Вѣдь я одна отдаю за справедливость; чего же тебѣ больше?

Слова черной Маранны были утѣшительны; но Босоножка все же ей рассказала; но людскіе толки безпокоили ее, и правду говорила она, что довольна тѣмъ, что была счастлива.

нѣ разъ. Ее снова влекло къ человеку, явившемуся ей, твое видѣніе; онъ всю ее преобразилъ и вдругъ скрылся. Босоножка очень измѣнилась! Правда, она по прежнему занималась со всякой работой; ей нельзя было одѣлать никакихъ замѣчаній; но глубокое горе не покидало ее. У нея была и другая причина горевать, которую она могла отъ себя отвести. Дами не писалъ еще ни слова изъ Америки. Босоножка разъ такъ забылась, что сказала черной Ма-

сердце у меня выгорѣло.

Что съ тобой? спросила Маранна.

Мнѣ и Дами мой не пишетъ мнѣ! Ожиданіе—самое убійственное время; нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже ожиданія; нѣтъ ни минуты спокойной; все будто не дома ты, словно на

улицѣ, дитя! не говори ты этого! жалобно молвила Маранна. Ты ли говоришь объ ожиданіи? Вспомни ты обо мнѣ: вотъ я горько жду, и не перестану ждать до послѣдняго часа.

Иногда чужаго горя скорбь Босоножки выливалась въ слезы, она сказала:

Мнѣ такъ тяжело, что я теперь все думаю о смерти. Когда вода въ ведрѣ воды придется мнѣ еще носить, и сколько еще дней воскресній! Но правдѣ, не надо бы такъ много думать о смерти; вѣдь жизни есть же конецъ; иногда, когда бранится, я думаю: «да, бранись! а скоро мы оба умремъ, и тогда не будетъ конца!» Но тутъ на меня нападаетъ снова горе, и мнѣ страшно смерти. Ахъ, какъ страшно! Иногда лежу въ постели и думаю, какъ это, если бы я умерла: ничего бы не слыхала, ничего бы не видала, глаза бы были ослѣплены, и не было бы для меня ничего вокругъ; разсвѣтъ — не для меня, мнѣ и не знать бы объ этомъ; если бы, напали и жали, а меня бы тутъ не было. Къ чему же жить, если есть на свѣтѣ смерть!... А что будешь дѣлать! Другіе, говорятъ, и лучше тебя, должны же были умереть. Надо спешить, неси эту дою. Чу! сторожъ звонитъ.

Иногда Босоножка свои страшныя жалобы; она, только умирающая, желавшая умереть и потому снова не желавшая смерти, слышала, что слышала бы, зачѣмъ это звонитъ деревенскій

— Пусть его звонить, не для тебя вѣдь! сказала она грустно улыбаясь.—Что такое человекъ? Какъ всякому попробовать разкусить жосткій орѣхъ! а каждый долженъ жить его въ сторону неразкушеннымъ! Я скажу тебѣ, что съ тобой: ты теперь смертельно влюблена. Радуйся не многимъ такъ хорошо на свѣтъ, не многіе на столы стливы, чтобы чувствовать истинную любовь; не бери съ меня — не отгоняй отъ себя надежду. Знаешь ли, мой мертвецъ? Тотъ, кто не думаетъ о каждомъ днѣ и о каждой минутѣ о каждой веснѣ: «вотъ теперь—то только начавъ для меня жизнь, и наступаетъ то, чего никогда еще не было еще хорошо жить, ты только и дѣлала что доброе. то ты сдѣлала добра для брата своего, для меня, для Роделя, для всѣхъ людей! Хорошо, что ты сама не знаешь. Кто дѣлаетъ добро, но много о немъ думаетъ, и не пишываетъ ему цѣны, тому и молитва не поможетъ, скажи молись, а придется ему на томъ свѣтъ гусей пасти.

— Я ужь ихъ и здѣсь пасла! тамъ не придется, смѣялась Босоножка.

— Мнѣ говорить какой-то голосъ, продолжала старушка тотъ, что съ тобой танцевалъ, никто другой, какъ мой И вотъ что скажу я тебѣ: если онъ еще не женатъ, то взять тебя. Иоганъ мой вѣрно бродитъ теперь гдѣ нибудь ницы, ждетъ, чтобы умеръ нашъ король, тогда ему придется и онъ придетъ сюда; одно не хорошо—что онъ не мнѣ о себѣ вѣсти, а я такъ тоскую по немъ.

Босоножка удивилась этой неистребимой силѣ надеждшей въ черной Мараннѣ.

Она стала рѣдко упоминать о незнакомцѣ; только когда рила о надеждѣ свиданія и при этомъ называла Дами, да она удержаться, чтобы не думать о незнакомцѣ. Ей не за-моремъ и могъ бы снова явиться или хоть панисать чемъ онъ не спросилъ даже, откуда Амрея. «Сколько ты родовъ, деревень и домовъ на свѣтъ! можетъ быть онъ тебя—и не можетъ найти. Да нѣтъ! онъ могъ бы спросить Эндрингенъ. Стоитъ спросить только Доминика и Амей. скажутъ. Но я не знаю, гдѣ онъ, и ничего не могу сдѣлать».

Снова пришла весна, и снова стояла Амрея у своихъ у окна; вдругъ влетѣла пчела, и впиалась въ открытую цвѣтка. «Вотъ такъ и дѣвушка! думала Босоножка: и

плотно приросла къ мѣсту; она не можетъ идти и не должна ждать, пока не прилетятъ къ ней.»

Босоножка запѣла прелестную народную пѣсню, въ которую горюетъ, что она не птичка. «Еслибъ я птичкой оборотилась въ пѣсню) и были бъ у меня два крылышка, а бы я къ тебѣ! Но этому не бывать—и я остаюсь здѣсь. Я и далеко отъ тебя, а во снѣ я около тебя, и говорю тебѣ; проснусь—и опять одна. Нѣтъ часа въ ночи, чтобъ мое сердце не думало о тебѣ.» Чудное дѣло! все было будто сложено для Босоножки. И сколько тысячъ было ихъ, выражая ими свою душу, и сколько тысячъ было ихъ! Душа, стремящаяся къ другой душѣ и наконецъ соединяется съ нею, ты сливаешься въ тоже время съ любовью, и тогда либо любилъ или будетъ любить.

XII.

Онъ пришелъ.

Утромъ въ воскресенье, послѣ объѣда, Босоножка, по обыкновению своему, стояла въ дверяхъ дома, облокотившись на косякъ задумчиво смотрѣла вдаль. По улицѣ бѣжали, подпрыгивая, угольщики Матеса, и еще издали кивала ей и кричала:

«Онъ пришелъ, Босоножка! онъ пришелъ!»

Босоножки задрожали колѣна, и она воскликнула дрожащимъ голосомъ:

«Гдѣ онъ? гдѣ?»

«У моего дѣдушки, въ моховомъ болотѣ.»

«Кто? Кто послалъ тебя?»

«Мой Дами. Онъ тамъ въ лѣсу.»

Босоножка принуждена была сѣсть на каменную скамейку пѣшкомъ, чтобы не упасть; но она сѣла только на минуту, чтобы отдохнуть, и встала со словами:

«Кто? братъ мой?»

«Босоножкинъ Дами, добродушно сказалъ мальчикъ: — Скажи ему, что ты дашь мнѣ крейцеръ, если я пойду и скажу ему, дай же мнѣ мой крейцеръ.»

«Мой Дами дастъ тебѣ за это цѣлыхъ три крейцера.»

«Хорошо, нѣтъ! сказалъ мальчикъ:—вѣдь онъ плакался дѣдушкѣ, что у него нѣтъ ни крейцера.»

УХИИ. — От д.1.

— У меня теперь также нѣтъ; но я буду тебя его должна.

Она быстро вошла въ домъ и попросила сосѣднюю служанку подоить вмѣсто нея корову, если сама не будетъ къ вечеру домой. И съ бьющимся сердцемъ, то отъ досады на Дами, то отъ жалости къ нему, то отъ огорченія, зачѣмъ онъ опять тутъ (но въ тоже время Босоножка упрекала себя, что такъ встрѣчаетъ своего единственнаго брата), съ трепетнымъ сердцемъ шла Босоножка черезъ поле, черезъ долину, къ моховому болоту. Нельзя было не найти дороги къ угольщику Матесу, несмотря на то, что она шла въ сторону. Запахъ дыма каждаго привелъ бы къ нему. «Какъ поютъ птички на деревьяхъ! а подъ деревьями бредетъ плачущая дѣвушка. Горько должно быть Дами, когда онъ все это снова увидитъ, и вѣрно ужь очень плохо пришлось ему, что онъ не могъ найти другой дороги, какъ домой, чтобы опять свѣсть мнѣ на шею. У другихъ сестрамъ братья помогаютъ; а я... Ну, ужь теперь я покажу тебя себя, Дами: ты долженъ будешь сидѣть тамъ, гдѣ я помѣщу тебя, и глазомъ не смѣй моргнуть!»

Съ такими мыслями шла Босоножка, и пришла наконецъ къ угольщику Матесу. Но тутъ она не увидѣла никого, кромѣ Матеса, сидящаго у своей хижины, неподалеку отъ дровянаго костра; онъ держалъ обѣими руками трубку и курилъ ее: угольщики, какъ костры ихъ, вѣчно дымятъ.

«Неужели меня кто нибудь одурачилъ?» спрашивала себя Босоножка: «о, это было бы стыдно! Что сдѣлала я людямъ, что они смѣются надо мной? Но я узнаю, кто это сдѣлалъ, и рассчитаюсь съ нимъ!»

Съ сжатыми кулаками и пылающимъ лицомъ остановилась она передъ угольщикомъ. Онъ едва поднялъ глаза на нее и не сказалъ ни слова. Пока свѣтило солнце, онъ почти никогда не произносилъ ни звука, и только ночью, когда никто не могъ глядѣть ему въ глаза, говорилъ онъ много и съ удовольствіемъ.

Босоножка съ минуту смотрѣла въ черное лицо угольщика, и потомъ съ сердцемъ спросила:

— Гдѣ мой Дами?

Старикъ отрицательно покачалъ головой. Тогда Босоножка, топнувъ ногой, спросила еще разъ:

— У васъ мой Дами?

Старикъ развелъ руками, показывая на право и на лѣво, что его нѣтъ тутъ.

— Кто же послалъ ко мнѣ? все настоятельныя спрашивала Босоножка: — да говорите же!

Угольщикъ указалъ правой рукой на тропинку, ведущую за гору.

— Ради Бога, скажите хоть слово! просила Босоножка, плача съ досады:—только одно словечко! Тутъ ли мой Дами, или гдѣ онъ?

Наконецъ—то сказалъ старикъ:

— Онъ тамъ, пошелъ тебѣ на встрѣчу, по тропинкѣ.

И какъ будто сказавъ уже слишкомъ много, Матесъ быстро сжалъ губы и пошелъ за костеръ.

Босоножка стояла, и презрительно и горько смѣялась надъ глупымъ братомъ.

«Онъ посылаетъ за мной, и не ждетъ меня на мѣсть, гдѣ бы можно было его найти; и какъ могъ онъ предположить, что я пойду по тропинкѣ? теперь вѣрно онъ догадался, и идетъ по другой дорогѣ. Если и воротится, его не найдешь, и мы будемъ бѣгать другъ за другомъ, какъ въ туманъ.»

Босоножка молча съела на пень, и въ ней, какъ въ кострѣ, пламя не проступало наружу, а жгло ей сердце. Птицы пѣли, слышались шумѣль; но что въ этихъ звукахъ, когда имъ нѣтъ веселаго отклика въ дуплѣ? Какъ сонъ, припоминала теперь Босоножка, какъ увлекли ее когда-то мечты любви. Какъ могла она позволить имъ волновать себя? Развѣ мало ей было заботы о себѣ и о братѣ? а между тѣмъ мысль объ этой любви была для нея какъ память о свѣтломъ лѣтнемъ днѣ въ сумрачную зиму. Помнится, что было такъ тепло и хорошо, а теперь ничего не осталось! Амресъ приходилось узнавать теперь, что такое значить ждать...

Она вошла въ хижину угольщика: тамъ лежалъ до половины наполненный мѣшокъ, и на мѣшкѣ стояло имя ея отца.

«О, сколько ты скитался!» сказала она почти громко; но быстро побѣдила въ себѣ волненіе, и хотѣла посмотреть, съ чѣмъ воротился Дами. «У него, по-крайней-мѣрѣ, остались хорошія рубашки, которыя я сдѣлала ему изъ полотна черной Мараньи? а можетъ быть, онъ привезъ и подарокъ отъ дяди изъ Америки. Но если бы у него было что нибудь порядочное, развѣ онъ оставовился бы у угольщика въ лѣсу? Развѣ онъ не показался бы тотчасъ въ деревнѣ?»

У Босоножки было время для этихъ мыслей, потому что за-

вязки мѣшка были затянута крѣпкимъ узломъ, и только обычная ловкость и привычка ея помогли ей распутать ихъ. Она вынула изъ мѣшка все, что было въ немъ, и съ гнѣвнымъ взглядомъ сказала про себя: «Ахъ, бездомный, бездомный! ни одной рубашки цѣлой! Выбери теперь, какъ тебя звать, оборваннымъ нищимъ или нищимъ оборвышемъ?»

Не въ добромъ расположеніи духа приходилось ей встрѣтиться съ братомъ, и онъ можетъ быть чувствовалъ это, потому что стоялъ уже у входа въ хижину, поджидая только, чтобъ Амрея положила опять все въ мѣшокъ.

Тогда подошелъ онъ къ ней и сказалъ:

— Здравствуй, Амрея! я ничего съ собой не принесъ, кромѣ чернаго бѣлья; но ты вѣдь хозяйка, ты опять мнѣ...

— Милый мой Дами, какъ ты измѣнился! вскричала Босоножка, и бросилась ему на шею; но тотчасъ же отшатнулась, и сказала:—Боже мой! отъ тебя водкой пахнетъ. Ты ужъ и этому выучился?

— Нѣтъ; Матесъ далъ мнѣ немножко можжевеловаго спирту: я на ногахъ не могъ стоять отъ усталости. Плохо мнѣ было, но я не сдѣлался оттого плоше, вѣрь мнѣ! Только доказать этого нечѣмъ.

— Вѣрю. Вѣдь я одна у тебя на свѣтъ. Такъ станешь ли ты меня обманывать? А какой ты исхудалый и жалкій! Борода какая! Я этого не терплю,—ты ее сбрей! Ну, а здоровъ ли ты? Ничего у тебя не болитъ?

— Я здоровъ и хочу пойти въ солдаты.

— Чѣмъ ты теперь и чѣмъ ты будешь — мы еще подумаемъ объ этомъ; скажи теперь, что съ тобой было?

Дами оттолкнулъ ногой обгорѣлое полвно и сказалъ:

— Вотъ и я таковъ же, какъ это полвно: не совсѣмъ обгорѣлъ, а спаленъ-таки!

Босоножка просила его, чтобы онъ рассказывалъ безъ жалобъ, и Дами рассказалъ ей длинную, длинную исторію о томъ, какъ онъ не могъ выдержать у дяди, какъ дядя жестокосердъ и своекорыстенъ, какъ тетка попрекала его каждымъ кускомъ, какъ онъ потомъ долженъ былъ работать по разнымъ мѣстамъ и узнавать все больше и больше жестокосердіе людское. Въ Америкѣ люди видятъ, что гибнетъ человекъ, и пальцемъ не пошевеливать. Босоножка чуть не смѣялась, когда Дами, въ теченіи разсказа, повторялъ, какъ припѣвъ: «тутъ меня и выбросили на улицу».

не утерпѣла и сказала:

— Да ты всегда такой былъ: всегда позволялъ собой швы-
 и ребенку такой же былъ: бывало, чуть заннешься— и
 ся тотчасъ, какъ деревянный. Будь бодрѣе! знаешь ли,
 до дѣлать, если люди хотятъ дать толчекъ?

— Надо съ дороги прочь.

— Ну, надо мнѣ самимъ такой же дать, если можно, и
 являю ихъ хуже толчка, какъ самому остаться на ногахъ.
 — Конечно, всѣмъ себя подставляешь; всѣмъ говоришь: «дѣлай
 и что хочешь: добро мнѣ дѣлай, или зло; бей меня, или
 Не великъ трудъ. Не заботишься ни о чемъ, да потомъ
 и плачешься. Хорошо ли было бы мнѣ, еслибъ я такъ
 бь не заботилась? Но надо же и тебѣ быть осмотритель-
 — Не мало поскитался по бѣлу свѣту; пора и человѣкомъ

и наставленія часто кажутся несчастному человѣку не-
 — нной жестокостью: такъ принялъ и Дами слова сестры.
 — Конечно было, что сестра не видѣла въ немъ несчастнѣй-
 — всѣхъ людей на свѣтѣ. Она строго увѣщевала его, что-
 — не вѣрилъ своему несчастію; какъ не вѣришь, такъ и не-
 — какъ—будто вовсе нѣтъ. Но нѣтъ ничего труднѣе, какъ
 — въ человѣка вѣру въ себя: большею частію она утвер-
 — въ сердца въ слѣдствіе какой нибудь удачи.

— Не хотѣлъ больше ничего рассказывать своей безсердеч-
 — ности, и только въ послѣдствіи удалось ей услышать отъ не-
 — обный рассказъ о томъ, какъ онъ странствовалъ и стра-
 — какъ, наконецъ, воротился домой, исполняя должность
 — на пароходѣ. Упрекая брата въ излишнемъ отчаяніи,
 — не признавала, что сама неволью поддается ему.

— и постоянное общество черной Маранны пріучило Амрею
 — говорить и думать о себѣ, и она попала въ трудное по-
 — . Теперь, ободряя брата, ободряла она и себя; таинствен-
 — а, связующая людей, заключается въ томъ, что, помо-
 — гимъ, помогаемъ мы и себѣ.

— насъ четыре здоровыя руки, заключила она: — и вотъ
 — , что мы пробьемся—таки на свѣтъ, а пробиваться въ
 — разъ лучше, чѣмъ просить милостыню. Теперь пойдемъ,
 — ойдемъ со мной домой!

— совсемъ не хотѣлъ показываться въ деревнѣ; онъ тру-

силъ насмѣшекъ, что посыплются на него со всѣхъ сторонъ; онъ хотѣлъ покуда спрятаться, но Босоножка сказала ему:

— Нѣтъ, пойдѣмъ теперъ со мной, нынче воскресенье, много народу на улицъ и пусть всѣ насмѣются надъ тобой разомъ. Пусть ихъ говорятъ и указываютъ на тебя пальцами! Этакъ все будетъ кончено разомъ и тебѣ будетъ легче; ты проглотишь всю горечь сразу, а не станешь пить по капль.

Только послѣ долгаго и сильнаго сопротивленія (молчаливый угольщикъ Матесъ также сказалъ словечко въ подтвержденіе словъ Босоножки) Дами согласился идти. И въ самомъ дѣлѣ, на Босоножкина Дами сыпались со всѣхъ сторонъ то грубыя, то острыя слова; говорили, что онъ провѣхался для собственнаго удовольствія, на общій коштъ, въ Америку. Только черная Маранна приняла его ласково и вторымъ словомъ ея было: «Не слышалъ ли ты чего о моемъ Юганъ?»

Дами не зналъ ничего. Ему пришлось по неволѣ обрѣтись въ этотъ день, потому что Босоножка привела къ нему цирюльника, чтобы придать ему видъ мѣстныхъ жителей.

На слѣдующее же утро Дами былъ позванъ въ судъ, и такъ какъ онъ боялся, самъ не зная чего, то Босоножка обѣщала идти съ нимъ; это было пріятно Дами, хотя и не много принесло пользы.

Одинъ изъ совѣтниковъ сообщилъ Дами, что онъ выписанъ изъ деревни, и не имѣетъ права въ ней оставаться и еще, можетъ быть, снова обременять собой общество.

И всѣ совѣтники подтвердили это; тогда Босоножка возразила:

— Конечно, вы можете изгнать его; но знаете ли, когда? Когда пойдете на кладбище, гдѣ лежатъ нашъ отецъ и наша мать, и скажете похороненнымъ: «вставайте и убирайтесь отсюда вонъ съ вашимъ сыномъ!»—Тогда вы можете и его изгнать. Никого нельзя выгнать изъ мѣста, гдѣ похоронены его родители; тамъ онъ больше, чѣмъ дома; и хотя бы это тысячу и тысячу разъ было написано въ этихъ книгахъ (она указала на переплетенные законы) или еще гдѣ нибудь, это все—таки пустяки и вы сдѣлать ничего не можете.

Одинъ изъ совѣтниковъ сказалъ на ухо школьному учителю:

— Этимъ рвчамъ Босоножка не могла выучиться ни у кого, кромѣ черной Маранны!

А церковный староста наклонился къ судѣ и сказалъ:

— Къ чему ты позволяешь кричать этой замухрышкѣ? Позвони сторожа и пусть онъ сведетъ ее въ сумасшедшій домъ.

Судья же улыбнулся и объяснилъ Босоножкѣ, что совѣтъ откупился отъ всѣхъ заботъ о Дами тѣмъ, что заплатилъ большую часть денегъ за перевъздъ его.

— Да; но гдѣ же теперь родина его? спросила Босоножка.

— Гдѣ его примутъ; но только не здѣсь, а покуда и нигдѣ.

— Да, у меня нѣтъ родины! сказалъ Дами, которому было даже почти пріятно быть еще несчастнѣе.

Теперь онъ никому не лгалъ, говоря, что на свѣтъ нѣтъ чело-
вѣка несчастнѣе его.

Босоножка еще боролась, но скоро увидѣла, что это ни къ чему не ведетъ: законъ былъ противъ нея, и она поклялась, что скорѣе позволить выпустить всю кровь изъ жилъ своихъ, чѣмъ возьметъ что-нибудь для себя или для брата изъ совѣта, и обѣщала заплатить полученное прежде.

— Внести это въ протоколъ? спросилъ у засѣдающихъ писарь.

Босоножка отвѣчала:

— Да, запишите! у васъ только то и цѣнится, что написано.

Босоножка подписалась на протоколъ, но когда все было сдѣлано, Дами все-таки сказали, что ему, какъ иноземцу, позво-
ляется оставаться въ деревнѣ только три дня; если же онъ до
тѣхъ поръ не пристроится, то будетъ изгнанъ и, въ случаѣ на-
добности, его даже силой вывезутъ за границу.

Не говоря болѣе ни слова, Босоножка съ Дами вышли изъ су-
да, и Дами плакался, что она понапрасну принудила его возвра-
титься въ деревню; лучше было бы остаться въ лѣсу и тѣмъ из-
бгнуть насмѣшекъ; не было бы теперь и горя знать, что онъ
изгнанъ, какъ чужой, изъ мѣста своего рожденія. Босоножка хо-
тѣла возразить ему, что лучше все знать, хотя бы это было и
худое, чѣмъ оставаться въ невѣдѣніи; но она затаила эту мысль,
чувствуя, что ей надо собрать всю свою силу, чтобы остаться
твердой; Босоножка чувствовала также, что и она будто изгна-
на вмѣстѣ съ братомъ, что и противъ нея свѣтъ, опирающійся
на законы. У нея не было никакой опоры; но все-таки съ этихъ
поръ она стала тверже, чѣмъ когда-либо.

Неловкость и несчастіе Дами не сокрушали ее. Такъ ужъ ус-
троенъ человекъ: если у него есть уже горе, то другое огор-
ченіе, хотя бы оно было больше перваго, онъ переноситъ легче,
всегда еслибы оно пришло одно. И такъ какъ у Босоножки бы-

ло тайное горе, противъ котораго ей нечего было дѣлать, то она смѣлѣе и свободнѣе переносила открытое горе, противъ котораго могла дѣйствовать. Она не посвящала болѣе ни минуты мечтамъ и все ходила съ вытянутыми руками и съ сжатыми кулаками, какъ-будто хотѣла сказать: «гдѣ же работа? и какъ ни будь она тяжела, я возьму ее, только бы вывести себя и брата изъ зависимости и униженія.» Она думала теперь, не отправить ли ей самой вмѣстѣ съ Дами въ Эльзасъ, чтобы работать тамъ на фабрикѣ. Это казалось ей ужаснымъ; но она хотѣла принудить себя. Только бы лѣто прошло, а тамъ можно въ путь, и прощай родина! И на чужой сторонѣ можно жить все равно, какъ дома.

Самый лучший защитникъ сиротъ въ деревенскомъ судѣ былъ теперь безсиленъ. Старикъ Родель тяжело хворалъ и въ ночь послѣ бурнаго засѣданія умеръ.

Босоножка и черная Маранна всѣхъ сильнѣе плакали на кладбищѣ во время похоронъ. На возвратномъ пути черная Маранна привела, какъ особую причину горя, то, что Родель былъ послѣдній въ живыхъ, съ кѣмъ она танцевала въ молодости. «Послѣдній мой кавалеръ умеръ!» сказала она.

Скоро, впрочемъ, она заговорила объ немъ другое: оказалось, что Родель, нѣсколько лѣтъ утѣшавшій Босоножку своимъ завѣщаніемъ, не только не завѣщалъ ей ничего, но и не упомянулъ объ ней въ завѣщаніи. Черная Маранна не унималась жаловаться и браниться, и Босоножка сказала ей: «Теперь все противъ меня; но пусть будетъ такъ, пусть нападаютъ на меня со всѣхъ сторонъ. Будетъ время—проглянетъ солнышко.»

Наслѣдники Роделя подарили между тѣмъ Босоножкѣ кое-что изъ платья старика. Она готова была отказаться отъ него, но какъ бы посмѣла она выказать теперь еще больше упорства? Дами тоже не хотѣлъ брать платья, но принужденъ былъ согласиться. Казалось, ему судьбой было назначено всю жизнь носить одежду съ плеча покойниковъ.

Угольщикъ Матесъ взялъ Дами къ себѣ въ лѣсъ, и сплетники говорили Дами, что ему слѣдуетъ начать процессъ о томъ, что его нельзя исключить изъ міра, потому будто бы, что онъ не приписался еще ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; иначе молчаніе его могло быть принято за добровольное согласіе отказаться отъ своихъ правъ.

людей, казалось, радовало, что у бѣдныхъ спроть денегъ, ни времени заводить тяжбу.

По-видимому, правилось въ уединеніи лѣса. Ему было душно, что здѣсь не нужно ни одѣваться, ни раздѣваться, и всякая хлопота стоило Босоножкѣ заставить Дами послѣ воскресеньямъ привести себя въ болѣе опрятный видъ. Сидѣла она съ нимъ и съ Матесомъ, но они говорили мало. Босоножка не могла удержать своихъ мыслей, которыя приходило думать по свѣту, и искать того, кто сдѣлалъ ее на цѣль счастливой и перенесъ какъ будто въ рай. Зналъ ли кто нибудь еще про нее? Думалъ ли о ней когда нибудь? Не могъ ли человѣкъ забыть другаго, съ кѣмъ однажды былъ знакомъ?

Было въ воскресенье поутру, около конца мая. Вся была въ церкви. Наканунъ шелъ дождь. Свѣжее животворное дышало съ горъ и долинъ, потому что ясно свѣтило на лицахъ. И Босоножка хотѣла идти въ церковь; но ее какъ будто приковалъ къ окну во время благовѣста и она пробыла въ объѣмѣ. Это было странно и никогда еще не случалось. Такъ какъ было уже поздно, то она рѣшилась остаться и читать свой молитвенникъ дома. Она отворила свой шкафъ и изумилась, какое множество всякой всячины было у нее. Она сидѣла на полу и читала одну изъ молитвъ и тихо думала про себя, какъ вдругъ у окна послышался шорохъ. Она оглянулась; на подоконникъ сидѣлъ бѣлый голубь, и онъ смотрѣлъ на нее; но только что взглядъ дѣвушки встрѣтился съ глазами голубя, птица вспорхнула, и Босоножка смотрѣла за нею. Какъ летѣла она черезъ поле и тамъ опустилась. Это происшествіе, столь обыкновенное, вдругъ чрезвычайно ее обрадовало. Она долго кивала головой, словно кланялась кому въ горахъ, поляхъ и лѣсахъ. Цѣлый день была она необыкновенно весела. Она не могла объяснить, почему, но какъ будто радость жила у нея въ душѣ. И сколько ни думала она, не могла придумать, какъ уничтожить это странное волненіе. «Должно быть, кто нибудь хорошо знаетъ обо мнѣ, и можетъ быть этотъ голубь былъ для меня вѣстникомъ этой радости. Вѣдь животные живутъ въ томъ же мірѣ, по которому носятъ мысли человѣческія, и могутъ, можетъ быть они въ тиши улавляютъ ихъ.»

Люди, проходившіе мимо Босоножки, и не подозревали, какою странною жизнью была вся она полна.

ХІІІ.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ.

Въ то время, какъ Босоножка и въ деревнѣ, и въ полѣ, и въ лѣсу мечтала, заботилась и горевала, то чувствуя въ себѣ странную радость, то думая, что она брошена одна на бѣломъ свѣтѣ, родители провожали изъ дому своего сына—въпротиву чтобы онъ возвратился еще богаче.

Въ Альгей, въ большомъ крестьянскомъ домѣ, сидѣлъ крестьянинъ съ женой и съ младшимъ сыномъ своимъ; и крестьянинъ говорилъ:

— Послушай-ка, Юганъ! больше году прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты вернулся, и я не знаю, что съ тобой; тогда ты пріѣхалъ домой, какъ мокрая курица, и сказалъ, что лучше поискать себѣ жену здѣсь въ окрестностяхъ; но я не вижу, чтобы ты искалъ. Хочешь ты меня еще разъ послушаться? Я потому ужъ ни слова тебѣ не скажу.

— Хорошо, сказалъ молодой человекъ, не поднимая глазъ.

— Вотъ что—попробуй еще разъ! я говорю тебѣ, ты ослышишь и меня и мать твою, если возьмешь жену изъ нашихъ окрестностей, а лучше всего изъ родины твоей матери. Я могу въ глаза сказать тебѣ, жена, что на свѣтѣ есть только одна хорошая порода женщинъ; это тамъ у насъ. Но вѣдь ты умникъ, Юганъ, и найдешь себѣ честную жену, и на смертномъ одрѣ своемъ будешь потомъ благодаренъ намъ, что мы послали тебя за женой на нашу родину. Если бы я могъ вывзжать, я отправился бы съ тобой, и мы вдвоемъ нашли бы славную жену. Но я говорилъ съ нашимъ Юргомъ; онъ отправится съ тобой, если ты попросишь его. Отправляйся къ нему и скажи!

— А по моему, батюшка, отвѣчалъ сынъ:—если ужъ отправляться мнѣ, такъ я желалъ бы опять вхатъ одинъ. Ужъ разъ такъ было. Я не люблю лишнихъ людей, и не хотѣлъ бы объ этомъ ни съ кѣмъ говорить. Если можно, лучше бы я потихоньку и молча все разузналъ; а какъ пріѣдешь вдвоемъ, такъ это все равно, что разблаговѣтить всѣмъ. Вся такъ и нарываютъ въ невѣсты.

Какъ хочешь, сказалъ отецъ:—ты ужь, известно, всегда чудакомъ. Знаешь что? Приготовься тотчасъ же въ дорожку нашей лошади недостаетъ пары: пони-ка къ ней дружно не на рынокъ; и если ты такимъ образомъ будешь въ домъ, ты много чего увидишь; а на обратномъ пути купишь тележку. У Доминика въ Эндригенъ должно быть дочери; выбери одну изъ нихъ, мы рады бы были дочери въ домъ.

Да, добавила мать:—у Амейле вѣрно славныя дочери. Лучше было бы, продолжалъ отецъ:—если бы ты посмотрѣлъ въ Зибенгофенъ дочь «сдобнаго графа»; за той даютъ и домъ; его можно хорошо продать Зибенгофенскимъ мундиромъ; у нихъ давно чешутся на него руки, только бы земли ему прикупить; тутъ деньги на лицо; но я не буду болтать тебѣ объ этомъ: вѣдь у тебя есть свои глаза. Иди, собирайся въ дорогу. Я насыплю тебѣ поясъ деньгами. Это будетъ двухсотъ кроненталеровъ; а если не достанетъ, то и онъ снабдитъ тебя. Скажи ему только, кто ты. Я до сихъ поръ понять не могу, что ты тогда на свадьбѣ не сказалъ никому, кто ты, вѣрно съ тобой случилось что нибудь; но я не узнавалъ, что.

Потому не хочешь, что онъ не говорить, добавила мать, улыбаясь.

Потомъ естъянинъ отправился набить поясъ деньгами. Онъ прихватилъ два свертка, и видно было, какое доставляло ему удовольствіе перебрасывать тяжелыя монеты съ руки на руку. Онъ набивалъ кучки по десяти талеровъ, и пересчитывалъ ихъ раза по два по три, чтобы не ошибиться.

Хорошо, сказалъ молодой человекъ и вышелъ. Онъ былъ тотъ самый незнакомецъ, котораго мы видѣли на свадьбѣ въ Эндригенъ.

Потомъ онъ вывелъ изъ конюшни осѣдланную лошадь, и пошелъ на нее чемоданъ. При этомъ прыгала на него и лизала ему руки красивая собака.

Да, да, возьму и тебя съ собой, сказалъ парень, обращаясь къ ней и лицо его въ первый разъ приняло веселое выраженіе.—Батюшка! закричалъ онъ въ комнату отцу:—можно мнѣ идти съ собой Лукса?

Бери, если хочешь! послышалось изъ дому подъ звонъ колокола.

Собака, казалось, поняла разговоръ. Она съ лаемъ бѣгала и кружилась по двору.

Парень вошелъ въ домъ, и подвязывая поясъ съ деньгами, сказалъ:

— Вы правы, батюшка: мнѣ будетъ лучше, если я измѣню свою жизнь; конечно, не надо имѣть предразсудковъ, но мнѣ все-таки было пріятно, когда я входилъ въ конюшню, что лошадь обернулась ко мнѣ и заржала, и что собака хочетъ тоже отправиться со мной; это добрый знакъ, и если бы можно было спрашивать животныхъ, кто знаетъ, они дали бы, смотришь, одинъ изъ лучшихъ совѣтовъ.

Мать улыбнулась, а отецъ сказалъ:

— Не забудь, что ты зависишь отъ Крапенцахера, и потому не связывай себя, прежде чѣмъ спросишь его; онъ знаетъ всѣхъ людей на десять верстъ въ окружности, это ходячій адресъ-календарь. Теперь да храни тебѣ Господь, и дай тебѣ Богъ здоровья! ты можешь провѣздить десять дней.

Отецъ съ сыномъ пожали другъ другу руки, а мать сказала:

— Я тебя провожу не далеко.

Парень повелъ лошадь подъ устцы, а самъ молча пошелъ подлѣ матери; только на поворотъ дороги мать сказала ему уныло:

— Мнѣ хотѣлось бы дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ.

— Ахъ, это хорошо, воскликнулъ сынъ:—я съ радостью слушаю ихъ.

Мать, взявъ сына за руку, начала:

— Постоить на мѣстѣ: я не могу говорить на ходу.—Слушай! конечно прежде всего надо, чтобы она нравилась тебѣ; безъ любви нѣтъ счастья; я уже старуха, можно тебѣ все сказать?

— Да, да!

— Если ты не будешь радъ, и не будешь считать милостью небесной поцѣловать ее, это значить любовь твоя не истинная, но это еще не все: надо, чтобы кромѣ этой любви, было и еще кое-что. Повѣрь мнѣ...

Старуха остановилась и лицо у нея пылало.

— Надо, чтобъ было и истинное уваженіе, чтобъ радоваться на каждый ея поступокъ; иначе будетъ тяжело! Прежде всего замѣть, какъ она обращается съ прислугой.

— Я всегда слушался васъ, и постараюсь примѣнить къ дѣлу совѣты ваши, матушка; вамъ трудно говорить. Теперь я уже

понимаю. Она не должна быть ни слишкомъ горда, ни слишкомъ довърчива.

— Это конечно, но я вижу всегда по губамъ, произносили ль эти губы брань и ругательства, и привыкли ль къ нимъ. Вотъ если бы ты увидалъ дѣвушку плачущую отъ злости, или могъ бы застать ее въ досадѣ, тогда всего лучше узналъ бы ее; тутъ выходитъ наружу все скрытое въ человѣкѣ, вся душа его, и онъ иногда является, какъ дьяволъ, съ когтями. Ахъ, дитя мое! я много испытала, и много вглядывалась въ людей. Я вижу человѣка уже потому, какъ онъ задуваетъ свѣчу, и по лицу его вижу, какая душа у него. Та дѣвушка, что мимоходомъ задуваетъ свѣчу, не посмотрѣвъ, нагорѣла она или нѣтъ, та дѣлаетъ и все въ попыхахъ, все въ половину, и нѣтъ покоя въ ея душѣ.

— Матушка, вы только затрудняете мнѣ это дѣло; все же это лотерея и останется всегда лотереей.

— Да, да! тебѣ нечего запоминать все, что я говорю; только такъ, если случится, вспомни, что я говорила, и тогда замѣчай: хорошо ли она говоритъ, работая, беретъ ли она что нибудь въ руки, разговаривая съ тобой, и спокойны ли у нея руки, когда она говоритъ съ тобой, и не берется ли за ненужную работу. Трудолюбіе—это, я тебѣ скажу, главное для женщины. Матушка покойница всегда говорила: «у дѣвушки никогда не должны быть пустыя руки, и ей слѣдуетъ черезъ три плетня перелѣзть, чтобы перышко поднять.» А все-таки при каждой работѣ должна она быть спокойна и тиха, не хвататься за все кругомъ, не спѣшить, словно сумасшедшая. А какъ станеть она тебѣ рѣчь или отвѣтъ держать, замѣчай, не слишкомъ ли она робка, или не слишкомъ ли смѣла. Ты и не знаешь еще, что дѣвушки совсемъ другія, какъ видятъ мужскую шляпу, чѣмъ когда онъ между собой, а тѣ, что такъ глядятъ, будто каждому хотять сказать: «не укуси меня!» эти всего хуже; но которыя востры на языкъ и думаютъ, что какъ есть кто въ горницѣ, такъ надо молоть безъ умолку, эти еще хуже.

Парень засмѣялся и сказалъ:

— Вамъ бы, матушка, пойдти по всей землѣ проповѣдовать и дѣвушекъ учить.

— Да, это бы мнѣ по плечу, отвѣчала мать, тоже засмѣявшись: — только у меня конецъ все прежде начала. Разумвется, прежде всего надо тебѣ смотрѣть, какъ она съ родителями, съ

братьями и сестрами; вѣдь ты самъ добрый сынъ, такъ тутъ учить тебя нечего. Четвертую заповѣдь знаешь.

— Въ этомъ, матушка, будьте спокойны: у меня есть своя примѣта: если много показываютъ всѣмъ, что любятъ родителей, тутъ проку мало; дѣло въ дѣлѣ, а не въ словахъ; кто много болтаетъ, такъ, глядишь, дошло до дѣла—онъ ужъ и усталъ.

— Вѣдь ты у меня умникъ, сказала мать полушутливымъ тономъ, и въ голосъ ея звучало полное довольство. Она приложила руки къ груди своей и сказала:—Ужъ надо ли тебѣ еще то говорить?

— Говорите, матушка. Я люблю васъ слушать.

— Мнѣ кажется, что сегодня я въ первый разъ по настоящему говорю съ тобой, и когда я умру, за мной не останется ничего не высказаннаго тебѣ. Четвертая заповѣдь! Да, я вспомню, что говорилъ мой отецъ. Тотъ все понималъ и много книгъ читалъ; я разъ подслушала, какъ онъ говорилъ священнику, часто бывавшему у насъ: «Я знаю, говорилъ онъ: почему въ четвертой заповѣди выставлено вознагражденіе; тамъ сказано, что кто чтить отца и мать, долготѣнъ будетъ на землѣ... подъ этимъ не подразумѣвается, что добрый сынъ доживетъ до семидесяти или осмидесяти лѣтъ; нѣтъ, кто чтить отца и мать, тотъ живетъ долго иначе... Жизнь его родителей въ немъ, въ воспоминаніяхъ, въ мысляхъ его, и этого никто у него не отниметъ, и онъ долго живетъ на землѣ, старъ ли онъ, или молодъ. А кто не чтить отца и мать, тотъ будто сегодня родился, и завтра умереть.»

— Это добрыя слова, матушка, я понимаю ихъ, и никогда не забуду, и пусть дѣти мои выучатъ ихъ; но чѣмъ больше вы такъ говорите, тѣмъ труднѣе мнѣ кажется найти такую дѣвушку: она вѣдь должна быть такой, какъ вы.

— Ахъ, дитя мое, не будь такъ упрямъ! Въ девятнадцать и въ двадцать лѣтъ и я была совсѣмъ другая—дикая и своенравная, да и теперь не такова, какъ бы мнѣ хотѣлось. Но что бѣшь я хотѣла еще сказать тебѣ? да, все объ женѣ. Странно, отчего именно тебѣ это будетъ трудно. Но тебѣ и маленькому все трудно доставалось; ходить ты началъ только двухъ лѣтъ, а теперь вѣдь прыгаешь, какъ жеребенокъ. Ну, скажу еще кое-что о мелочахъ: по нимъ часто узнаешь и объ важномъ. Замѣть, какъ она смѣется; чтобы она не закатывалась отъ смѣха, и не смѣялась бы только кончиками губъ; нѣтъ, надо, чтобы она смѣялась

отъ души; мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты зналъ, какъ ты самъ живешь, тогда бы ты могъ разузнать.

Сынъ долженъ былъ громко захохотать и мать все говорила: «да, да! вотъ такъ, такъ! этакъ точно смѣялся и отецъ мой.»

Они съѣли на окраину дороги, а лошадь пустили на траву; и мать, сорвавъ цвѣтокъ и вертя его въ рукъ, сказала:

— Да, вотъ еще что много значить! Замѣть, хорошо ли растутъ у нея цвѣты: это важная примѣта, важнѣе, нежели думаютъ.

Вдали послышалось пѣніе дѣвушекъ, и мать сказала:

— Замѣть также, любитъ ли она пѣть второй голосъ; это ужъ плохо, когда хотятъ только запѣвать; вонъ идутъ дѣти изъ школы, они мнѣ напоминаютъ еще кое-что. Если бы ты могъ справиться, хранятся ли у ней ея школьныя тетради, это было бы славно.

— Да у васъ, матушка, на всемъ свои примѣты. Что значить теперь ея школьныя тетради?

— Изъ этого я вижу, что ты еще не совсѣмъ умнѣлъ. У дѣвушки, которая не любитъ прятать то, что ей служило прежде, нехорошее сердце.

Въ продолженіи этихъ рѣчей, сынъ старался развязать запутавшуюся веревочку у хлыстика; но тутъ досталъ ножикъ и разрывалъ узелъ пополамъ. Указывая на это пальцемъ, мать сказала:

— Видишь ли? тебѣ можно это сдѣлать, но дѣвушкѣ не должно. Замѣть, не разрываетъ ли она узелковъ, вмѣсто того, чтобы распутать.

— Это я могу понять, сказалъ сынъ.—Но у васъ развязался башмакъ, и намъ надо разстаться.

— Да, но ты мнѣ еще кое-что напоминаешь, сказала мать:—вотъ одна изъ самыхъ лучшихъ примѣтъ: посмотри, какъ она ставитъ башмаки: внутрь или снаружи, и шлепаетъ ли она ходя, и много ли носить башмаковъ?

— Тамъ мнѣ вѣдь придется бѣжать къ башмачнику? сказалъ, улыбаясь, сынъ:—ахъ, матушка! всего этого, о чемъ вы мнѣ напоминали, не найдешь въ другихъ.

— Да, да, я слишкомъ много говорю, и тебѣ не надо всего запоминать; ты вспомнишь тогда, какъ понадебится. Я такъ думаю: не то важно, что жена имѣетъ, а то, сколько она издерживаетъ. Теперь ты знаешь, и я спокойно могу отпустить тебя;

открой мнѣ свое сердце и скажи: что случилось съ тобой въ прошломъ году, когда ты прїѣхалъ домой со свадьбы изъ Эндриггена? ты былъ какъ околдованный и съ тѣхъ поръ ты не тотъ парень, что былъ прежде. Скажи мнѣ, можетъ, я могу помочь тебѣ?

— Ахъ, матушка! помочь вы не можете, но все-таки я скажу вамъ. Я видѣлъ тамъ одну, которая и пришлась мнѣ по сердцу и вмѣстѣ съ тѣмъ не пришлась.

— Ради Бога, дитя мое, ужь не влюбился ли ты въ замужнюю женщину?

— Нѣтъ, но она все-таки не приходится по мнѣ. Что много говорить? Она служанка.

Сынъ глубоко вздохнулъ; и мать, и онъ молчали нѣкоторое время; наконецъ мать положила руку на его плечо и сказала:

— Да, ты умникъ; я благодарю за это Бога. Ты хорошо сдѣлалъ, что выбросилъ эту мысль изъ головы. Отецъ твой никогда не согласился бы на это; а вѣдь ты знаешь, какъ важно родительское благословленіе.

— Нѣтъ, матушка, я не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть; мнѣ самому не понравилось, что она служанка; это нейдетъ, и потому я ее оставилъ. Но мнѣ было труднѣе выбросить это изъ головы, чѣмъ я думалъ; теперь впрочемъ это прошло, и я далъ себѣ слово, не справляться и никого не спрашивать, откуда и кто она; если Богу угодно, я привезу къ вамъ хорошую невѣстку.

— Но ты вѣдь честно поступилъ съ тою дѣвушкой, и не вскружилъ ей голову?

— Вотъ моя рука, матушка: я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя.

— Я вѣрю тебѣ, сказала мать, и нѣсколько разъ пожала его руку:—ну, счастливаго тебѣ пути!

Сынъ сѣлъ на лошадь, мать глядѣла ему вслѣдъ, и вдругъ вскричала:

— Стой! мнѣ надо еще тебѣ сказать кое-что: я самое-то главное и забыла.

Сынъ повернулъ лошадь и подѣхалъ къ матери и, улыбаясь, сказалъ:

— Но не правда ли, матушка, вѣдь это ужь будетъ послѣднее?

— Да, и самое лучшее. Спроси дѣвушку о мѣстныхъ бѣднѣхъ,

ди но нимъ, и послушай, что объ ней говорятъ. Ужь та крестьянка, у которой нѣтъ подъ рукой бѣдныхъ, которыя она помогала. Замѣть себя это, и теперь съ Богомъ ийся!

гда онъ поѣхалъ, мать долго шептала ему на дорогу; потомъ побрела домой.

нѣ надо бы было сказать ему, чтобы онъ справился объ псовыхъ дѣтяхъ: что изъ нихъ вышло? сказала про себя страннѣмъ волненіемъ...

знаеть, какими сокровенными путями идетъ наша душа, теченіе увлекаетъ наше сознаніе? Въ воспоминаніи прося порой давно прозвучавшая мелодія пѣсни или танца; жешь громко прощѣть ее, связать во едино ея звуки; душъ она звучитъ совершенно ясно, и, кажется, будто ея. Что пробудило въ старухѣ эти замолкшіе звуки? му думала она теперь объ этихъ дѣтяхъ, уже давно изъ нихъ изъ ея вопомишанія? Теперешнее благоговѣйное на не было ли воспоминаніемъ другаго, давно прошедша- только пробуждало сопровождавшія его обстоятельства? жеть понять эти невѣсомыя и незримыя стихіи, свя- чельовѣка съ чельовѣкомъ, воспоминаніе съ воспомина-

а мать возвратилась домой къ мужу, онъ сказалъ шутя: и вѣрно надавала ему много совѣтовъ, какъ лучше вы- я также позаботился объ этомъ, и заранѣе написалъ цахеру: онъ ужъ укажетъ ему хорошіе дома. Пусть онъ гь жену съ хорошими деньгами.

енги не дѣлають чельовѣка лучше, возразила мать.

а столько-то я умею, проворчалъ крестьянинъ:—и могу е, что жена можетъ быть и хороша, и имѣть хорошія

замолчала. Но черезъ минуту она сказала:

ы послалъ его къ Крапенцахеру? Вѣдь у Крапенцахера озенгансовъ мальчикъ.

ъ громко произнесенное имя связало мысль съ прежнимъ инаніемъ, и тутъ только сознала она, кого она вспом- и потомъ при послѣдующихъ происшествіяхъ, о которыхъ ро узнаемъ, часто еще возвращалась къ этому восноми-

— Не знаю, что ты говоришь! сказалъ крестьянинъ: — что тебѣ до мальчика? Скажи вотъ что: умно ли я это сдѣлалъ?

— Да, да, очень умно, подтвердила жена; но старикъ не удовольствовался позднимъ одобреніемъ, и отошелъ ворча.

Какой-то досадливый страхъ, что Югану будетъ не хорошо и что можетъ быть его слишкомъ поторопили, дѣлалъ старика недовольнымъ всѣмъ и всѣми.

XIV.

Всадникъ.

Вечеромъ того дня, какъ Юганъ выѣхалъ изъ Цузмарсгофена Краенцахеръ пришелъ въ домъ Роделя, и долго сидѣлъ съ нимъ въ задней комнатѣ, и тихо читалъ ему какое-то письмо.

— Если дѣло обдѣляется, ты долженъ мнѣ дать сто кроненталеровъ, и обещаю изволь написать на бумагѣ, сказалъ Краенцахеръ.

— Мнѣ кажется, довольно было бы и пятидесяти кроненталеровъ—и это хорошія деньги.

— Нѣтъ, ни полушки меньше — сотня и все тутъ: я еще даю тебѣ сотню; ну, да ужь это уступка только для тебя и сестры твоей; я дѣлаю удовольствіе тебѣ, потому что ты изъ нашей деревни. Въ Эндрингенъ и въ Зибенгофенъ я навѣрнѣе получалъ бы вдвое. Розель твоя дѣвушка славная: противъ этого нечего говорить; но въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Объ ней можно и то спросить: что стоитъ дюжина такихъ?

— Молчи, я этого не терплю.

— Хорошо, замолчу, и не буду тебѣ мѣшать писать. Пиши же!

Родель долженъ былъ согласиться съ Краенцахеромъ, и написавши, сказалъ:

— Какъ ты думаешь, надо ли говорить объ этомъ Розели?

— Конечно, надо сказать, но ни она, ни ты не должны въ виду показывать, что знаете; объ этомъ говорить нечего: у всѣхъ каго свои враги; и у тебя и у сестры твоей они есть. Можешь въ этомъ поверить мнѣ. Скажи Розели, чтобы она пріодѣвалась каждый день, и донла бы коровъ, когда онъ пріѣдетъ. Я пушу его одного къ тебѣ въ домъ: вѣдь ты читалъ, что пишетъ Ландфридъ: что у сына своя голова на плечахъ, и что

часъ же уѣдетъ оттуда, гдѣ замѣтитъ, что на него ѣзжаютъ. Скорѣй ищи, сегодня же вечеромъ, въ Лаутер-вели привести лошадь отъ зятя; я чрезъ посредника пошлю кѣ тебѣ посмотреть лошадь. Ты также не подай

Краненцахеръ ушелъ; а Родель позвалъ сестру и жену въ комнату, и сообщилъ имъ подѣ секретомъ, что завтра ѣдетъ къ Розели женихъ — и женихъ-то что твой принцъ, съ своимъ домомъ, и домомъ такимъ, что подобнаго нѣтъ — однимъ словомъ, Иоганъ Ландфридъ изъ Цузмарсгофена. Онъ отдалъ дальнѣйшія приказанія, какъ совѣтовалъ Краненцахеръ, и приказалъ держать все въ величайшей тайнѣ.

У тѣмъ Розель никакъ не могла утерпѣть, чтобы послѣдовать и спросить Босоножку, пойдеть ли она къ ней въ слухъ. Если Розель выйдеть замужъ; Розель говорила, что дастъ ей двѣ тысячи гульденовъ вдвое противъ теперешняго, и ей не надо будетъ ѣхать на фабрику. Босоножка отвѣчала ей уклончиво, что не расположена была ѣхать съ Розелью, и знала, что въ этомъ предложеніи у Розели были иные виды: прежде она хотѣла выказать свое торжество, что у нея будетъ женихъ да еще какой! и что тогда Босоножка должна будетъ оказать услугу, объ которомъ Розель, до сихъ поръ, не забо-

Босоножка конечно съ удовольствіемъ бы одѣлала все для сестры, но не для Розели, и если бы ей пришлось отойти отъ теперешней хозяйки, она не хотѣла больше идти въ услуженіе, а лучше отправилась бы на житье въ деревню съ братомъ.

Босоножка легла спать, ее кликнула къ себѣ хозяйка, и сообщила ей свою тайну.

Босоножка всегда было довольно терпѣлива съ Розелью, прибавляла: — а теперь надо тебѣ имѣть его вдвое, покуда женихъ не ѣдетъ сюда.

Босоножка, но мнѣ кажется, это худо, что она только теперь бунтуетъ противъ коровъ; вѣдь это значить надувать добрыхъ людей, и мнѣ она совсѣмъ не имѣетъ донть.

Босоножка съ тобой свѣта не передѣлаемъ, сказала хозяйка: — мнѣ кажется, тебѣ и о самой себѣ довольно заботы; оставь Розелью, пусть она дѣлаетъ, что они хотятъ.

Босоножка легла спать съ тяжелыми думами, что у людей

нѣтъ совѣсти и они всегда готовы обманывать другъ-друга; ты она не знала, кто будетъ на этотъ разъ обмануть; было ужасно жаль бѣднаго молодого чловека, и у ней наверло въ глазахъ, когда она подумала, что, можетъ быть проведетъ Розель такъ же, какъ она его.

На другой день Босоножка рано поутру смотрѣла въ оцѣ вдругъ отскочила, какъ будто ее кто ударилъ по лбу. «Ахъ, Боже! что это такое?» Она протирала себѣ глаза, снова глядя спрашивала себя, не спитъ ли она. «Вѣдь этотъ всадникъ на Эндрингенской свадьбѣ! онъ идетъ сюда въ деревню, въ бой; нѣтъ, онъ ничего не знаетъ; но надо, чтобы онъ нѣтъ, нѣтъ, чего тебѣ? Онъ подъѣзжаетъ ближе, все ближе и не смотритъ на верхъ....» Разцвѣтшая гвоздика ухала въ Босоножки, она задѣла за чемоданъ проѣзжаго, но онъ не дитъ и цвѣтокъ падаетъ на дорогу; Босоножка спѣшитъ чтобы взять предательскій цвѣтокъ, и теперь для нея начинается ужасный день: вѣдь это женихъ Розели, это онъ о немъ говорила она вчера вечеромъ. Она не назвала его, это не можетъ быть никто другой, никто, и его-то хотѣла обмануть? Опустясь на траву, на которой хотѣла донти въ Босоножка начала жарко молиться Богу, чтобы Онъ спастъ отъ женитьбы на Розели. Она не смѣла предаваться мечтамъ самой женой ему, но не смѣла и отогнать ее.

Только-что отдоила она корову, какъ поспѣшила къ черной Мараннѣ; ей хотѣлось спросить у старухи, что дѣлать въ черная Маранна лежала, тяжело больная: она почти онемѣла и еле понимала нѣкоторыя слова, а Босоножка не смѣла сказать о тайнѣ, въ половину вѣрившей ей и въ половину сомнѣвающейся, такъ громко, чтобы черная Маранна могла разслышать. Ее могли услышать и прохожіе на улицѣ. Она возвратилась домой, не получивъ совѣта.

Босоножка должна была цѣлый день провести въ полѣ, и хотѣла возвратиться, и сказать все чужестранцу, но повинности и какое-то особенное соображеніе подвигали ее въ рѣдъ къ ея обязанности. Если онъ такъ простъ и неразуменъ, что пускается на такое дѣло очертя голову, ты не можешь; онъ большаго не стоить. «Но впрочемъ свадьба вѣдь еще не свадьба!» утѣшала она себя подъ копецъ. И не меце цѣлый день чувствовала она безпокойство, и кон-

, возвратясь, дошла коровъ, а Розель сидѣла съ полнымъ
никомъ около выдоенной коровы и громко пѣла, Амрея
шла разговоръ чужестранца съ Роделемъ рядомъ въ ко-
. Дѣло шло о лошади. Но откуда попала лошадь въ
? Вѣдь у нихъ прежде ея не было.

«Что это тутъ рядомъ поеть?» спросилъ чужестранецъ.

«Это сестра моя, отвѣчалъ Родель.

ножка услышала эти слова и стала пѣть второй голосъ
громко и такъ сильно, будто хотѣла заставить его, чтобы
объ ней спросилъ; но пѣвнѣ помѣшало слышать, спраши-
и онъ объ этомъ.

а Розель шла съ полнымъ подойникомъ черезъ дворъ,
швели и осматривали лошадь, Родель сказалъ:

«Это вотъ сестра моя. Розель, приберись да приготовь
ужинать; сегодня у насъ дорогой гость, я приведу его
къ».

«А эта малютка, что пѣла второй голосъ, спросилъ прѣз-
же сестра?»

«Пѣтъ, она у насъ вродѣ пріемыша: батюшка былъ ея опе-

нѣ очень хорошо зналъ, что доброта служить лучшимъ
нѣмъ дому, и потому не назвалъ Босоножки служанкой.
ножка была въ душѣ довольна, что прѣзжій что нибудь
объ ней. «Если онъ благоразуменъ (разсчитывала она
по вѣрно), то онъ справится у меня о Розели: тогда на-
вѣдано, и онъ по-крайней-мѣрѣ будетъ предохраненъ отъ
нѣя.

нѣ принесла ужинъ и прѣзжій былъ изумленъ, что такъ
приготовили такое прекрасное угощеніе. Онъ не зналъ,
е было заранѣе приготовлено, а Розель извинялась въ
нѣ угощенія, говоря, что онъ вѣрно привыкъ дома къ
у. Она не глупо разсчитала, что повтореніе общей мол-
нѣтно каждому.

ножка должна была на этотъ разъ оставаться въ кухнѣ,
нѣвать все Розели. И безпрестанно спрашивала она ее: «Да
ты, ради Бога, кто это такой? какъ онъ прозывается?»
нѣль не давала отвѣта.

нѣнецъ хозяйка разрѣшила тайну.

«Теперь тебѣ можно сказать, проговорила она:—это Іоганъ,

сынъ Ландфрида изъ Цузмарсгофена. Не правда ли, Амрея, ты еще помнишь его мать?

— Ахъ, какже! отвѣчала Босоножка.

Она должна была състь, потому что у нея задрожали колѣни. Какъ это чудно! Значить, это сынъ ея первой благодѣтельницы? «Я должна помочь ему. Я этого не потерплю, хотя бы вся деревня закидала меня камнями», рѣшила она въ душѣ.

Пріѣзжіи уходилъ. Его провожали; но еще на лѣстницѣ воротился онъ и сказалъ: «У меня погасла трубка: надо ее зажечь уголькомъ—я это люблю.» Онъ, ввроятно, хотѣлъ посмотреть, каковъ порядокъ въ кухнѣ. Розель поспѣшила впередъ, и подала ему щипцами уголь. Она стала передъ Босоножкой, которая сидѣла у печки.

Уже поздней ночью, когда въ домъ все спало, вышла Босоножка изъ кухни, и стала бродить взадъ и впередъ по деревнѣ. Она искала когонибудь, кто могъ бы предупредить Югана; но никого не знала. Ба! вотъ домъ церковнаго старосты: онъ не терпитъ Роделя, онъ и всякаго умѣетъ очернить. Но ко врагу хозяина не слѣдуетъ идти, и особенно къ здѣшнему врагу. Довольно ужъ враговъ нажила Амрея въ общественномъ засѣданіи по случаю Дами. «А! да вотъ Дами можетъ! Отчего ему не мочь? Мужчинѣ легче переговорить о такомъ щекотливомъ дѣлѣ. И Юганъ — вѣдь его такъ зовутъ — онъ этого не забудетъ, да; и тогда будетъ у Дами покровитель, и какой еще! Какой человекъ! Изъ какой семьи! Все пойдетъ тогда у него удачнѣе. Нѣтъ, Дами не смѣетъ войти въ деревню. Боже мой! вѣдь его изгнали! Но угольщикъ Матесъ могъ бы... А все бы лучше Дами.»

Какъ блудящій огонекъ, то туда, то сюда металась ея мысли, и сама она блуждала по полямъ, не зная, куда идетъ. Ей было страшно, какъ человеку безпріютному и потерянному. Каждый звукъ пугалъ ее: лягушки въ пруду урчали такъ грозно, кузнечики въ поляхъ стрекотали такъ таинственно, деревья стояли такія черныя среди ночи. Сегодня была гроза у Эндрингена. Небо было закрыто летучими облаками и лишь изрѣдка проглядывали звѣзды. Босоножка побуждала полемъ къ лѣсу: она все-таки хотѣла къ Дами. Надо же хоть съ кѣмънибудь переговорить. Какъ темно въ лѣсу! Что это за птица щебечетъ ночью? Что-то похоже на дрозда. А вотъ и соловей залился, и духа не переводитъ, и поетъ, поетъ, журча и раскатываясь, какъ лѣсной ручей, прорывающійся изъ самой глубины земли!

Мысли Босоножки спутывались, какъ эти обмытые корни деревьевъ, змѣвившіеся по лѣсной дорогѣ. «Нѣтъ, я все пустяки выдумала! пойду назадъ», сказала она наконецъ, и вернулась. Но долго еще бродила она по полямъ. Она не вѣрила въ блудящіе огоньки, но въ эту ночь казалось ей, будто такой огонекъ водить ее то туда, то сюда, и въ первый разъ въ эту ночь почувствовала она, что долго бродила босикомъ по росѣ. Щеки у нея пылали. Вся мокрая отъ усталости воротилась она въ свою горенку.

XV.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Утромъ, когда Босоножка проснулась, она увидала на постели ожерелье, которое получила когда-то отъ Ландфридши. Не скоро припомнила она, что наканунѣ вечеромъ достала его и долго разсматривала.

Она хотѣла приподняться, но все члены были у нея какъ разбитые, и скрестивъ руки, она пролепетала: «Господи! ужь теверь-то не слѣдуетъ мнѣ хворать. Времени на это нѣтъ.» И какъ бы въ гнѣвъ, стараясь овладѣть собой, встала она; но какъ испугалась она, когда взглянула на себя въ маленькое зеркальцо! Щеки у нея опухли. «Вотъ тебѣ и наказанье за то, что вчера бродила ночью, и хотѣла звать на помощь себя чужихъ и даже злыхъ людей.» Она сердито ударила себя по большому лицу, обвязала его и пошла къ работѣ.

Хозяйка, увидя ее, хотѣла, чтобы она легла въ постель; но Розель брапилась и говорила, что Босоножка по злобѣ вздумала хворать, нарочно, потому что знаетъ, какая въ ней теперь нужда. Босоножка смолчала. Когда она несла сѣно коровамъ, громкій голосъ окликнулъ ее:

— Съ добрымъ утромъ. Ужь за работой?

Это былъ ея голосъ.

— Да, понемножку, отвѣчала Амрея, и стиснула зубы, сердясь на завистливаго чорта, который такъ околдовалъ и обезобразилъ ее, что Юганъ ее и узнать не можетъ.

Должна ли была она дать узнать себя теперь?

Надо подождать.

Когда она доила корову, Юганъ спрашивалъ о разныхъ раз-

постяхъ. Сначала о томъ, сколько даютъ коровы молока, о томъ продаютъ ли его, и какъ, и кто пахтаетъ масло, и не ведетъ ли въ домъ книга прихода и расхода.

Босоножка вся дрожала: теперь въ ея рукахъ было — устроить соперницу свою, показавъ, какова она. Но какъ страшно сплетены нити каждаго поступка! Она больше всего совѣтовалась сказать недоброе слово про своихъ хозяевъ, хотя задѣла бы собственно только Розель, потому что всѣ другіе были слабые люди. Но она знала, что стыдъ падаетъ и на слугу, если онъ говоритъ дурно про своихъ господъ, и потому сказала Іоганну, что не дѣло служанки обсуживать хозяевъ. «А всѣ они добрые», заключила она, не нарушая справедливости, потому что такова была въ самомъ дѣлѣ и Розель, не смотря на свой гордый видъ и рѣзкое обхожденіе. Тутъ пришла ей хорошая мысль. Еслибъ Амрею рассказала, какова Розель, то Іоганнъ тотчасъ же ухалъ бы; правда, онъ отдѣлялся бы отъ Розель, зато его и не было бы уже въ деревнѣ.

— Вы, кажется, такой же осмотрительный, сказала Босоножка:—какъ и ваши родители. Но вы знаете, что и корову одинъ день не узнаешь, не только что человека. По-моему, вамъ надо немножко пожить здѣсь. Потомъ и мы ближе познакомимся; тогда можно будетъ и рѣчь вести. Если я могу вамъ оказать какую услугу, за мною дѣло не станетъ. Только я не знаю право, зачѣмъ вы столько спрашиваете...

— О! да ты плутовка! но ты мнѣ нравишься, сказала Іоганнъ.

Босоножка вздрогнула, такъ что корова шатнулась въ сторону и чуть не опрокинула подойника.

— Надо тебѣ дать и хорошую на-водку, прибавилъ Іоганнъ, опустилъ опять къ себѣ въ карманъ талеръ, который держалъ уже въ рукѣ.

— Я вамъ еще кое-что скажу, продолжала Босоножка, подходя къ другой коровѣ.—Староста церковный—врагъ моему хвосту: это вы знайте, если онъ будетъ говорить съ вами.

— Да, я вижу съ тобой можно толковать! Но у тебя совсемъ опухло лицо: голову завязывать не поможетъ, а вотъ надо босикомъ ходить.

— Я ужъ такъ привыкла, сказала Босоножка:—впрочемъ вы слушаете васъ. Спасибо!

Послышались шаги.

Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, сказалъ Ю-
н отошелъ.

«Сиббо вамъ, толстыя щеки!» сказала Босоножка, когда
отошелъ, и потрепала себя по распухшему лицу. «Вы дали
егодня возможность поговорить съ нимъ будто заочно,
подъ маской на масляницъ. Ахъ, какъ это весело!»

душевная радость какъ будто почти побѣдила лихорадоч-
стояніе ея тѣла; только утомлена была она, страшно утом-
— и ей было частью любо, частью больно, когда работ-
сталъ подмазывать тележку, и она услышала, что хозяйнѣ
съ гостемъ прокатиться по полямъ. Амрею поспѣшила въ
, и слышала, какъ Родель сказалъ въ комнату Югану:

Славно бы, Юганъ, если бъ ты верхомъ вздиль! тогда я
илъ бы съ собой въ тележку Розель, а ты бы, Юганъ, ря-
повхаль.

Тогда и хозяйка, значить, съ нами повдеть, сказалъ Ю-
помолчавъ.

У меня грудной ребенокъ, сказала Родельша.

Да и мнѣ нельзя кататься въ будни, сказала Розель.

Вотъ еще! для такого гостя можно одинъ денекъ и по-
овать, возразилъ Родель.

хотѣлось, чтобы Юганъ завхаль вмѣстѣ съ Розелью къ
ну: пусть тотъ оставитъ надежду сосватать за Югана ко-
нибудъ изъ своихъ дочерей. Родель зналъ также, что
прогулка ближе сводитъ людей, нежели восемь дней, про-
ныхъ дома. Юганъ не отвѣчалъ, и Родель сказалъ шпо-
толкнувъ его рукой:

Да уговаривай ее! она можетъ быть тебя скорѣй послу-
я.

Я думаю, сказалъ Юганъ громко:—твоя сестра права, что
неть кататься въ рабочій день. Я припрягу свою лошадь
оей, и мы посмотримъ, дружно ли онъ пойдутъ вмѣстѣ; а
гину, если еще не раньше, мы будемъ дома.

оножка слышала все это, и закусила себѣ губы, чтобы не
котаться надъ словами Югана. «Да (подумала она), этотъ
не такъ-то скоро въ руки дастся! погодите, дастъ ли еще
адтъ на себя узду.»

пришлось развязать платокъ, такъ жарко стало ей отъ ра-

домъ былъ сегодня странный день, и Розель полусердито

разсказывала о странныхъ вопросахъ, которые предлагалъ ей сегодня Юганъ. Босоножка въ душѣ торжествовала, потому что все, чего онъ хотѣлъ отъ невѣсты, все было въ ней, Босоножкѣ. «Но къ чему все это? Онъ не знаетъ тебя; да еслибы и зналъ, вѣдь ты бѣдная сирота, живешь въ услуженіи. Онъ не знаетъ тебя, не спроситъ тебя!»

Вечеромъ, когда Роделъ и гость возвратились, Босоножка могла уже снять со лба платокъ, и нужно было оставить его только на подбородкѣ и щекахъ.

Юганъ теперь, казалось, не обращалъ на нее никакого вниманія. Собака же его, напротивъ, была у нея въ кухнѣ, и она давала ей вѣсть, ласкала ее, и говорила ей: «Да, если бы ты могла все сказать ему, ты вѣрно бы все передала.»

Собака положила голову свою на колѣни Босоножки, и глядя на нее умными глазами; потомъ замотала головой, какъ будто хотѣла сказать: «какъ грустно, что я не могу ни съ кѣмъ говорить!»

Босоножка пошла въ комнаты, и стала пѣть надъ снятыми дѣтьми разныя пѣсни, и преимущественно пѣла тотъ вальсъ, подъ который она когда-то танцевала съ Юганомъ. Юганъ въ смущеніи слушалъ его, и казался разсвѣяннымъ въ разговорѣ. Розель вошла въ комнату и велѣла замолчать Босоножкѣ.

Поздно ночью Босоножка пошла за водой для черной Мараньи, и се съ полнымъ ведромъ на головѣ встрѣтилъ Юганъ, сидѣвшій въ гостиницу. Дрожащимъ голосомъ сказала она:

— Добрый вечеръ!

— А! да это ты? сказалъ Юганъ:—куда это ты съ водой?

— Къ черной Мараньи.

— Кто это?

— Бѣдная, больная женщина.

— А Розель сказала мнѣ, что здѣсь нѣтъ бѣдныхъ.

— Господи! очень много; но Розель вѣрно это сказала только потому, что считасть бѣдныхъ стыдомъ деревни. Она добра, впрочемъ, повѣрьте мнѣ, и любить помогать.

— Ты хорошая защитница, но не стой съ тяжелымъ ведромъ. Можно мнѣ видти съ тобой?

— Почему же нѣтъ?

— Правда твоя, ты идешь на доброе дѣло, и такъ ты будешь подъ защитой, а меня тебѣ мечего бояться.

Я никого не боюсь, особенно васъ. Я сегодня видѣла, что брѣй.

Какъ это?

Вы посовѣтевали мнѣ, какъ вылечиться отъ опухоли на мнѣ вашъ совѣтъ помогъ, и на мнѣ теперь башмаки.

Хорошо, что ты послушалась, ласково сказалъ Юганъ, и, съ, эту ласковость къ Босоножкѣ замѣтила и собака, по-то принялась прыгать на нее и лизала ея незанятую руку Сюда, Луксъ! закричалъ Юганъ.

Нѣтъ, оставьте его, отвѣчала Босоножка:—мы уже хорошіе мы; онъ былъ у меня сегодня въ кухнѣ; мы съ братомъ съ собакъ.

Да? такъ у тебя есть еще братъ?

Есть, и я еще хотѣла просить васъ объ немъ: вы бы одвѣ-добное дѣло, если бы взяли его къ себѣ въ услуженіе; онъ всю жизнь будетъ вѣрно служить вамъ.

Гдѣ же братъ твой?

Гамъ, въ лѣсу; онъ покуда угольщикомъ.

Да у насъ мало лѣсу и мы совсѣмъ не жжемъ угля; мнѣ ррѣе понадобился пастухъ.

Онъ и на это согласится. Вотъ, я и пришла.

Я подожду, пока ты опять выйдешь, сказалъ Юганъ.

Божка пошла поставить воду, приготовить дровъ, и перест-постель Мараннъ.

Да она вышла изъ дому, Юганъ еще стоялъ тутъ, а со-апрыгала сѣ на встрѣчу; и долго стояла Амрея съ Юга-у рябины, которая тихо шептала, и качала вѣтвями; а они ли обо всякой всячинѣ; Юганъ хвалилъ умъ и здравый ѣ Амрей и наконецъ сказалъ:

Если ты когда нибудь захочешь перемѣнить мѣсто, то какъ ридеешься по сердцу моеѣ матери.

Это лучшая похвала въ свѣтъ, какую только могъ сказать словъкъ, сказала Босоножка:—а у меня еще есть и память

амрея рассказала происшествіе изъ своего дѣтства. Оба съ, когда Босоножка замѣтила, что Дами не можетъ за-что Ландфридша должна ему пару кожаныхъ панталонъ. Онъ получить ихъ, увѣрялъ Юганъ.

поняли вмѣстѣ по деревнѣ, и, прощаясь, Юганъ протянулъ у.

Босоножка хотѣла сказать, что онъ уже разъ протягивалъ ей руку; но, какъ будто испугавшись этой мысли, тотчасъ убѣжала въ домъ. Она не отвѣтила ему на его прощаніе. Іоганъ пошелъ задумчивый и смущенный въ гостиницу «Глухаго Тетерева».

На слѣдующее утро Босоножка увидѣла, что щеки ея опали, и никогда не раздавались пѣсни ея такъ весело по дому, и по двору, и въ комнату, какъ сегодня, а въ этотъ день Іоганъ долженъ былъ объясниться.

Родель не хотѣлъ, чтобы о сестрѣ его пошла худая слава.

Почти цѣлый день Іоганъ сидѣлъ въ комнатѣ Розель, шившей мужскую рубашку; а къ вечеру пришли тестъ, теща и другіе родственники Роделя. Дѣло должно было рѣшиться.

Въ кухнѣ шипѣло жаркое, и трещали словья дрова, щеки Босоножки горѣли отъ печнаго и отъ внутренняго жара. Крапец-цахеръ ходилъ взадъ и впередъ въ большихъ хлопотахъ; онъ распоряжался въ домъ, какъ у себя, и курилъ изъ трубки Роделя.

«И такъ все свершилось!» съ грустью прошептала Босоножка.

Наступилъ вечеръ; въ домъ горѣло множество свѣчей. Розель, разряженная, ходила между кухней и комнатами, и не умѣла ни за что взяться. Старуха, служившая прежде кухаркой въ городѣ, была приглашена теперь для стряпанья. Все было готово.

Молодая Родельна сказала Босоножкѣ:

— Поди на верхъ и одѣнься по праздничному.

— Зачѣмъ?

— Ты сегодня должна прислуживать; вотъ и ты также получишь за труды.

— Мнѣ бы хотѣлось остаться къ кухнѣ.

— Нѣтъ; дѣлай, что тебѣ говорятъ, да поскорѣе.

Амрея пошла въ свою горенку, и, смертельно усталая, села на сундукъ; ей было такъ страшно, такъ тяжело: если бы она могла теперь заснуть и никогда не просыпаться! Но ее призываютъ къ обязанности. Лишь только взяла она въ руки свое праздничное платье, какъ въ ней вспыхнула радость, и вечерній лучъ, пробившійся въ ея коморку, задрожалъ на разгорѣвшихся щекахъ Амрен.

«Одѣнься по праздничному!» У ней было только одно праздничное платье — то самое, что было на ней на свадьбѣ въ Эндригенъ, и каждый шорохъ и шелестъ его напоминалъ веселье и тотъ вальсъ, что она тогда танцевала; скоро однакожь совсѣмъ

стемнѣло и она была готова уже въ потьмахъ; Амрея говорила себѣ, что одѣвается въ честь Югана, и чтобы показать ему, какъ она уважаетъ все, что касается его семейства, она надѣла на себя и ожерелье.

Такъ разодѣтая, спустилась Босоножка внизъ, какъ тогда въ Эндрингенъ.

— Это что такое? Что съ тобою? что ты такъ расфрантилась? закричала Розель въ досадѣ и безпокойствѣ, что такъ долго нейдеть женныхъ. — Зачѣмъ это ты надѣла на себя все свое богатство? Гдѣ это служанки носить такія ожерелья? Что онъ подумаетъ объ этомъ! Сейчасъ сниму его съ себя.

— Нѣтъ, не сниму; это подарила мнѣ его мать, когда я была еще дитятей, и на мнѣ было оно, когда мы съ нимъ танцовали въ Эндрингенъ.

На лѣстницѣ что-то стукнуло, но никто не обратилъ на это вниманія, потому что Розель закричала:

— Ахъ ты, негодная, проклятая этакая! да ты бы сгнила въ лохмотьяхъ, если бы мы тебя не призрѣли; а ты хочешь еще отбить у меня моего жениха?

— Не называй его женихомъ, прежде чѣмъ онъ имъ не будетъ, отвѣчала Амрея.

Старая кухарка закричала изъ кухни:

— Босоножка права, и дитятю нельзя называть по имени прежде крещенія.

Амрея засмѣялась, а Розель закричала:

— Чему ты смѣешься?

— Что же мнѣ? плакать? сказала Босоножка:—и было бѣ о чемъ, да я не плачу.

— Постой же! закричала Розель:—вотъ тебѣ!

И она уронила Босоножку на полъ, и ударила ее по лицу.

— Вѣдь я раздвунусь; не тронь меня! закричала Босоножка; но Розель и безъ того уже не трогала ея, потому что передъ ней стоялъ Юганъ, какъ будто изъ земли выросъ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; губы его дрожали, и онъ не могъ произнести ни слова, и только въ видѣ защиты держалъ руку надъ Босоножкой, лежавшей еще на полу.

Босоножка первая начала говорить, и вскричала:

— Повѣрьте мнѣ, Юганъ! она еще никогда такой не была, во всю свою жизнь никогда; это я виновата...

— Да, ты виновата, и поэтому пойдѣмъ; теперъ ты отпра-

внисься со мной, и ты моя! Хочешь? Я нашель тебя, не вса и теперь ты у меня останешься, какъ жена моя. Это Богу у

Быстрая молнія радости пробъжала въ глазахъ Амрея; закрыла лицо руками, и слезы струились у нея между пальцевъ. Юганъ держалъ руку свою надъ ней.

Всѣ гости собрались тутъ, и смотрѣли съ удивленіемъ.

— Что это такое съ Босоножкой? Что тутъ такое? — кричалъ Родель.

— Такъ тебя зовутъ Босоножкой? вскричалъ Юганъ; онъ засмѣялся и снова вскричалъ:—такъ вдемъ же? Вѣдь ты за меня? Скажи сейчасъ же; тутъ и свидѣтели есть, они твердятъ. Скажи: да! и только смерть разлучить насъ.

— Да, и только смерть разлучить насъ! вскричала Босоножка, и бросилась къ нему на шею.

— Хорошо! такъ бери же ее сейчасъ вонъ изъ дому! кричалъ Родель, у котораго отъ злости была пѣна у рта.

— Да тебѣ нечего и говорить мнѣ объ этомъ; благодарю тебя за хорошее угощеніе; если когда нибудь прѣдешь къ намъ, мы осчитаемся съ тобой.

Юганъ схватился обѣими руками за голову, и вскричалъ:

— Господи! матушка-то! матушка-то какъ обрадуется!

— Иди на верхъ, Босоножка, и тотчасъ же бери съ собой свои вещи, чтобы и духу твоего не оставалось въ домѣ, кричалъ Родель.

— Да, но только прошу поменьше кричать! отвѣчалъ Юганъ.

— Пойдемъ со мной, Босоножка; скажи, какъ твое настоящее имя?

— Амрея!

— Меня разъ ужъ чуть не женили на Амреѣ, на Сидорѣ Графинѣ, а ты моя «соленая графиня». Югу! пойдемъ, посмотрѣть на твою горенку, гдѣ ты такъ долго жила; у тебя будетъ большой домъ.

Собака все ходила, оцѣтнннвшись, вокругъ Роделя; она хорошо видѣла, что Родель съ удовольствіемъ задушилъ Босоножку, и только когда Юганъ и Босоножка поднялись уже на крыльцо, собака пошла за ними.

Юганъ оставилъ сундукъ, потому что не могъ взять лошадь, и всѣ пожитки Босоножки уложилъ въ мѣшокъ, который она наслѣдовала еще отъ отца; Босоножка между тѣмъ и сказывала, сколько пропутешествовалъ этотъ мѣшокъ.

ниемъ смотрѣла, какъ Іоганъ радовался, видя ея дѣтскія, цыя тетради.

«Это я свезу матушкѣ, воскликнулъ онъ:—она словно пред-овала. Вѣдь бываютъ же на свѣтѣ чудеса!»

Босоножка не разспрашивала. Развѣ не все, случившееся съ было чудомъ? И какъ-будто чувствуя, что Розель оборветъ ея и выброситъ ихъ на улицу, она еще разъ провела руку по растеніямъ, и они смочили руку ея почвой росой; зашла она съ Іоганомъ внизъ; когда она выходила изъ до-кто-то въ потьмахъ пожалъ руку: это была хозяйка, же-ей счастья.

гостиницѣ, держась рукой за косякъ двери, у котораго онаасто мечтала, Босоножка искричала:

«Да наградитъ Богъ домъ этотъ всевозможнымъ счастьемъ, охранитъ его отъ всякаго зла!»

Идя нѣсколько шаговъ, она закричала:

«Ахъ, Господи! я позабыла все свои башмаки; они стоятъ наверху на полкѣ.»

«Что-то уснула она выговорить слова эти, какъ изъ окна ли на улицу все ея башмаки.»

«Убирайся къ чорту!» закричалъ голосъ изъ окна.

«Голосъ былъ грубъ, а между тѣмъ это былъ голосъ Розели.»

Босоножка собрала башмаки и пошла съ Іоганомъ, который несъ ной мѣшокъ въ гостиницу.

«Въ гостиницѣ ясно свѣтлѣло и въ деревнѣ все было уже тихо.»

Босоножка не хотѣла оставаться въ гостиницѣ.

«А мнѣ бы хотѣлось лучше сегодня же уехать, добавилъ

«Я останусь у Маранны, возразила Босоножка:—это мой домъ; а ты мнѣ оставишь собаку. Ты останешься со мной, Я боюсь, что они сдѣлаютъ со мной что-нибудь, если я останусь.»

«Я буду сторожить у дома, отвѣчала Іоганъ:—но лучше бы отравиться тотчасъ; чего тебѣ еще тутъ надо?»

«Прежде всего мнѣ надо къ Мараннѣ. Она заступила мнѣ матери; а я сегодня цѣлый день не видала ея и не позасъ объ ней; она же и больна. Ахъ, Господи! грустно, что кна оставить ее одну. Но что дѣлать? Пойдемъ къ ней со

пошли рука объ руку по сиящей, освѣщенной мѣсяцемъ

деревнѣ. Не вдалекѣ отъ роднаго дома, Босоножка остановилась и сказала:

— Вотъ на той площадкѣ мать твоя подарила мнѣ ожерелье и разъ поцѣловала меня.

— А! ну, вотъ тебѣ еще разъ, и еще.

— Ну, довольно теперь, и пойдѣмъ со мной къ Мараннѣ. Ахъ, Господи! я на седьмомъ небѣ! Какъ и она-то обрадуется!

Они подошли къ дому. Когда Босоножка отворила дверь, опять упалъ лунный свѣтъ, какъ некогда солнечный, на ангела, изображеннаго на ичкѣ, и ангелъ, казалось, теперь еще радостнѣе улыбался. Босоножка громкимъ голосомъ вскричала:

— Маранна! Маранна! проснитесь! Маранна! на меня спизошло счастье и благословеніе Божіе! Проснитесь!

Старуха приподнялась; свѣтъ мѣсяца облилъ ся лицо, она широко раскрыла глаза и вскрикнула:

— Что это? что это? Кто зоветъ?

— Радуйтесь! вотъ я привела къ вамъ моего Югана!

— Моего Югана! громко закричала старуха:—Господи! моего Югана! Какъ долго... какъ долго... я тебя... тебя... тысячу, тысячу разъ благодарю тебя, Господи! Ахъ, дитя мое! Вижу тебя... Ахъ, гдѣ ты?... гдѣ рука твоя?... Подойди ко мнѣ; тамъ въ сундукѣ приданое твое... Возьми платокъ... Сынъ мой! сынъ мой! Да, да, она твоя... Юганъ, сынъ мой! сынъ мой!

Она судорожно захохотала и упала навзничъ на постели. Амрея и Юганъ встали передъ ней на колѣни и тутъ увидали, что старуха уже не дышетъ.

— Господи! она умерла! радость убила ее! вскричала Босоножка:—она приняла тебя за своего сына. Она умерла счастливою. О! какъ все это устроено на свѣтъ! какъ все устроено!

Она снова опустилась на колѣни у постели и горько плакала и рыдала.

Наконецъ Юганъ поднялъ ее и Босоножка закрыла глаза умершей. Она долго стояла съ Юганомъ у постели и потомъ сказала:

— Пойдемъ; я разбужу людей, чтобы они посторожили покойницу. Богъ все это чудно устроилъ! У ней никого не останется ухаживать за ней, когда я уйду, и Богъ далъ ей высочайшее счастье въ послѣднія минуты. Какъ долго, какъ долго ждала она этого счастья!

— Да, теперь тебѣ нельзя оставаться здѣсь, сказалъ Юганъ:— пойдѣмъ отсюда и сегодня же увидѣмъ.

Босоножка разбудила жену могильщика и послала ее къ чер-
 мараннѣ; Босоножка сказала ей, чтобы цвѣты, что стоятъ
 на окнѣ, пересадили на могилу черной Маранны и чтобы
 плли, какъ она всегда желала; подѣ голову ея молитвен-
 ся сына.

Да она, наконецъ, всѣмъ распорядилась, она выпрямилась
 ала:

Вотъ теперь и все готово; но прости меня ты, хорошій
 къ, что тебѣ пришлось заглянуть со мной въ бѣду, и прости
 также, что я теперь не такая, какой бы мнѣ слѣдовало
 я вижу, что все хорошо и не могло бы сдѣлаться лучше;
 ась еще ходить у меня по душѣ: смерть—тяжелое дѣло;
 ли, я чуть не потеряла голову. Но теперь все ладно;
 буду веселье: вѣдь я счастливѣйшая невеста на землѣ.
 Да, правда твоя! Ёдемъ же! Хочешь съѣсть со мной на
 ? спросилъ Юганъ.

Да. Это та же лошадь, на которой ты призжалъ тогда на
 у въ Эндрингенъ?

Конечно.

А какъ Родель-то! Послалъ ночью наканунѣ призѣда тво-
 Лаутербахъ добыть лошадь, чтобы тебѣ было зачѣмъ
 къ нимъ въ домъ. Ахъ, ты, лошадка! повзжай-ка опять
 заключила она почти весело.

XVI.

Тропотунъ.

Не правда ли, вѣдь это не сонъ? Мы оба не спимъ, и зав-
 деть день, и опять день, и такъ дальше пойдетъ.

говорила Босоножка съ Луксомъ, который оставался при
 юга Юганъ ходилъ въ конюшню.

онъ вышелъ, положилъ на лошадь мѣшокъ и сказалъ:

Вотъ здѣсь я сяду, а передо мной на сѣдлѣ ты.

Итъ, пусти меня лучше съѣсть на мой мѣшокъ.

Какъ хочешь!

влезъ на лошадь и сказалъ:

Вотъ такъ-то! теперь встань мнѣ на ногу; встань только
 же и дай мнѣ объ руки.

Она легко влезла, а онъ приподнялъ ее, поцѣловалъ и ска- залъ:

— Теперь я могу съ тобой дѣлать, что хочу, ты въ моихъ рукахъ.

— Я не боюсь, сказала Босоножка: — ты также въ моихъ рукахъ.

Молча проехали они по деревнѣ. Въ послѣднемъ домикѣ вид- нѣлся огонекъ: тамъ не спала сидѣлка у тѣла покойной Маран- ны, и Юганъ далъ выплакаться Босоножкѣ.

Когда они проѣзжали по Бузинной Полянѣ, Босоножка сказала:

— Тутъ я когда-то пасла гусей и подавала пить отцу тво- ему изъ ключа. Да хранить тебя Богъ, лѣсная группа, и васъ, поля и лѣса, также! Мнѣ кажется, что все это я видѣла во снѣ; прости меня, милый Юганъ! мнѣ слѣдовало бы радоваться, но я не могу и не должна; когда я думаю, что тамъ лежитъ покой- ница, мнѣ кажется, грѣхъ радоваться... но грѣхъ и не радо- ваться! Мнѣ кажется, мы на небо ѣдемъ! Ахъ, какъ мечтала я тутъ, въ Бузинной Полянѣ! я мечтала, что кукушка, можетъ быть, заколдованный принцъ; а теперь вотъ ѣду я на лошади и сдѣлалась «соленой графиней»; меня радуетъ, что ты назвалъ меня «соленой графиней». Знаешь ли ты исторію о пословицѣ: «люблю тебя, какъ соль?»

— Нѣтъ; а что это такое?

— Жилъ былъ царь, и царь этотъ спрашиваетъ дочь свою: «какъ же ты любишь меня?» она отвѣчаетъ: «люблю васъ, какъ... какъ соль». Царь подумалъ, что это дерзкій отвѣтъ, и разсер- дился. Проходитъ много времени, царь задаетъ большой объѣдъ; а дочка приготовляетъ кушанье и подаетъ на столъ безъ соли. Все, конечно, не понравилось царю, и онъ спрашиваетъ дочку: «отчего все такъ дурно приготовлено, все какъ-то безвкусно?» Она и говоритъ ему: «Видите теперь. Все это оттого, что не- достаешь соли. И не правду ли я сказала, говоря, что люблю васъ, какъ соль?» Царь увидѣлъ, что она права, и потому до- сихъ-поръ говорятъ: «люблю тебя, какъ соль». Исторію эту рассказала мнѣ черная Маранна. Ахъ, Господи! она не можетъ ужъ теперь рассказывать. Тамъ въ деревнѣ лежитъ холодная. Чу! какъ словно свищетъ соловей! Но прочь все это. Я буду твоей «солёной графиней», Юганъ. Ты долженъ чувствовать это. Да, я также счастлива; Маранна вѣдь говорила: «Богъ радуется, когда люди веселятся, какъ радуются родители, когда дѣ-

ти ихъ танцуютъ и поютъ.» Мы уже танцовали, а теперь давай пѣть! Поверни-ка туда нальво въ лѣсъ, мы заведемъ къ брату; у нихъ теперь сложенъ костеръ тамъ, въ концѣ дороги. — Запой, сомовушка! и мы запоемъ вмѣстѣ съ тобой!

И пѣли они безъ устали всевозможныя пѣсни, и печальныя, и веселыя; Босоножка пѣла то второй, то первый голосъ. Преимущественно же пѣли они вальсъ, подъ который танцовали другъ съ другомъ на свадьбѣ въ Эндрингенъ; а въ промежуткахъ сообщали другъ другу, что думали они вдали другъ отъ друга, и Юганъ сказалъ:

— Трудно мнѣ было выбить изъ головы этотъ вальсъ, потому что ты вмѣстѣ съ нимъ кружилась у меня въ памяти. Я не хотѣлъ жениться на служанкѣ, потому что я, надо правду сказать, гордъ.

— Это хорошо: я также горда.

Тутъ Юганъ разсказалъ, какъ онъ боролся съ собой, и какъ хорошо теперь, что все это прошло. Онъ разсказалъ ей, какъ былъ посланъ въ первый и во второй разъ на родину своей матери, чтобы взять оттуда себѣ жену; какъ ему тогда Босоножка запала въ сердце, и услыхавши, что она служанка, онъ не сказалъ ей, кто онъ такой.

Босоножка же разсказала ему о поведеніи Розели: какъ тогда въ Эндрингенъ она въ первый разъ обидѣла ее тѣмъ, что сказала: «это просто наша служанка.» Послѣ долгихъ обоюдныхъ разсказовъ, Юганъ заключилъ:

— Я двлаюсь совсѣмъ дуракомъ, когда думаю, что все могло бы быть совсѣмъ не такъ. Какъ бы это было, если бы я ухалъ домой съ другой, а не съ тобой? Какъ бы это могло быть?

Босоножка сказала разсудительнымъ тономъ:

— Не думай слишкомъ много, какъ бы это было иначе; хорошо, какъ есть; на радость это или на горе, но такъ Богу угодно. Теперь ужь отъ насъ зависитъ хорошо продолжать начатое.

— Да, сказалъ Юганъ:—когда я закрываю глаза и слушаю тебя, мнѣ представляется, что я слышу матушкины рѣчи. Она сказала бы такъ точно. И голосъ твой почти такой же.

— Она, должно быть, теперь думаетъ объ насъ, сказала

*

Босоножка:—я совершенно въ этомъ увѣрена. А какъ зовуть лошадь твою?

— Никакъ.

— Нѣтъ, мы дадимъ ей имя, и знаешь какое? Тропотунъ.

И на напѣвъ того вальса, что они танцевали другъ съ другомъ, Юганъ все пѣлъ одно слово: «Тропотунъ! Тропотунъ!» Босоножка подпѣвала ему. Потомъ принялись они пѣть пѣсню за пѣсней.

Голоса ихъ громко раздавались по лѣсу, споря съ соловьемъ. Лучи мѣсяца обливали тихимъ свѣтомъ вершины и вѣтви деревьевъ.

Въ тиши и тѣмъ ночной сидѣлъ еще у костра Дами съ угольщикомъ Матесомъ, и угольщикъ, любившій говорить по ночамъ, рассказывалъ ему разныя чудныя исторіи о старинѣ, когда здѣшній лѣсъ былъ еще такъ густъ, что векши могли, перескакивая съ дерева на дерево, пробраться отъ Неккара до Боденскаго озера. Онъ только что кончилъ рассказъ объ одномъ всадникѣ, который былъ превращеніемъ древняго языческаго бога, и распространялъ всюду блескъ и пышность, и разливалъ счастье.

Есть преданія и сказки, которыя производятъ на душу такое же впечатлѣніе, какъ на глазъ долгій взглядъ на яркое пламя: огонь змѣится и играетъ въ пестрыхъ краскахъ, здѣсь погаснетъ, а тамъ снова воспламенится, и разливается багровыми волнами. Отворотись отъ пламени, и ночь вокругъ тебя еще темнѣе.

Дами, слушая, нѣсколько разъ оглядывался, а угольщикъ Матесъ продолжалъ протяжно рассказывать.

Но вотъ онъ пріостановился. Съ горы съѣзжала лошадь, оттуда неслись веселыя пѣсни. Не возвращается ли время чудесъ? Лошадь подъѣзжала все ближе, и на ней сидѣлъ дивный всадникъ, такой широкій и о двухъ головахъ! все это приближалось, и слышались восклицанія то мужскимъ, то женскимъ голосомъ: «Дами! Дами! Дами!» Оба отъ ужаса хотѣли бы провалиться сквозь землю; они не могли пошевелиться... «Дами, вѣдь это я!» вскричала Босоножка, сходя съ лошади, и рассказала все, что случилось. Дами нечего было говорить: онъ только ласкалъ то лошадь, то собаку; и кивалъ, когда Юганъ говорилъ, что хочетъ взять его къ себѣ и сдѣлать его пастухомъ, что у него будетъ подъ началомъ тридцать коровъ, и онъ будетъ дѣлать масло и сыръ.

Ты сдѣлаешься изъ чернаго бѣлымъ, сказала Босоножка:— того можно загадку сдѣлать.

и наконецъ собрался съ духомъ и сказалъ:

И кожаныя панталоны.

засмѣялись, а онъ объяснилъ, что ему должна еще Ланда кожаные панталоны.

А покуда я дамъ тебѣ трубку мою; вотъ, возьми! ска-
Юганъ, и подавай трубку свою Дами.

Какъ же ты будешь безъ трубки? шопотомъ спросила Бо-
ска.

Мнѣ теперь не надо.

Онъ весело прыгалъ Дами около хижины съ своей посере-
трубкой! Никто не подумалъ бы, что онъ выдумаетъ и
веселую шутку; черезъ нѣсколько минутъ онъ явился въ
угольщика Матеса и въ его длинномъ сюртукъ, и въ каж-
у у него было по факелу. Онъ приближался съ торже-
ымъ видомъ, и женихъ съ невестой спросили его:

Это что такое?

Вотъ, Юганъ, два факела, которыми я буду освѣщать путь
домой. Какъ это хочешь ты ни съ того, ни съ сего увез-
тру мою? Я старшій братъ, и ты долженъ выпросить се
; прежде, нежели я скажу «да», тебѣ и дѣлать нечего.
ея весело разохоталась, а Юганъ просилъ у Дами по
руки сестры его.

и хотѣлъ продолжать шутку, потому что ему понравилась
удавшаяся ему. Но Босоножка знала, что на него нельзя
тъся: онъ могъ наговорить разныхъ глупостей и превра-
шутку въ непріятность. Она замѣчала, что Дами нѣсколь-
къ протягивалъ руку къ цѣпочкѣ Югана, и снова отдерги-
е, и она строго сказала, какъ говорятъ глупому ребенку:
Ну, довольно теперь: ты пошутить—и ладно!

и разоблачился и сказалъ Югану:

Это правда! У тебя закаленная жена; а у меня посере-
трубка.

какъ какъ никто не смѣялся, то онъ прибавилъ:

ы, шуринъ, вѣрно не думалъ, что у тебя такой умный

Да, не она одна умна; мы вѣдь въ одномъ горшкѣ сва-

Да, шуринъ!

бленные опять усѣлись на лошадь, и когда отъѣхали, Да-
ричалъ изъ лѣсу:

— Шурши! не забудь моихъ кожаныхъ напталонъ!

Въ отвѣтъ ему раздался звонкій смѣхъ, и снова послышалось пѣніе, и влюбленные тихо подвигались впередъ, освѣщенные мѣсяцемъ.

XVII.

По горамъ и доламъ.

Все чередуется на свѣтѣ: мѣняются ночь и день, безмолвная тишина и дикій шумъ, и идутъ другъ за другомъ времена года. Какъ въ жизни природы, такъ и въ человѣческомъ сердцѣ! Но волненія сердца человѣческаго все — таки не сбиваютъ его съ пути.

Уже разсвѣтало, когда влюбленные подъѣхали къ городу; еще за нѣсколько минутъ до встрѣчи съ первымъ человѣкомъ, они сошли съ лошади. Они чувствовали, что повздъ ихъ покажется страннымъ, и первый человѣкъ былъ для нихъ напоминаніемъ, что они снова должны войти въ обыкновенный порядокъ человѣческихъ обычаевъ. Одной рукой Іоганъ велъ лошадь, а на другую опиралась Амрея; они шли безмолвно и только порой взглядывали другъ на друга, и лица ихъ тотчасъ оживлялись, какъ у дѣтей, пробудившихся отъ сна. Но какъ скоро опускали они глаза внизъ, тотчасъ же задумывались и беспокоились о томъ, что случится.

Амрея какъ будто уже говорила объ этомъ съ Іоганомъ; она была увѣрена, что онъ думалъ о томъ же самомъ, о чемъ и она, и сказала:

— Право, было бы умнѣе, если бы мы дѣлали все поспокойнѣе; ты бы прежде повхалъ домой, а я покуда осталась бы гдѣ нибудь, если не гдѣ въ другомъ мѣстѣ, такъ въ лѣсу у угольщика Матеса; ты бы пріѣхалъ за мной ужъ съ твоей матерью, или написалъ бы мнѣ, и я пріѣхала бы съ Дами. Знаешь, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я думаю, что нѣтъ ничего хуже раскаянія; хоть разбей себѣ голову, не превратишь же вчерашній день въ сегодняшний. Что мы сдѣлали въ счастливыя минуты, то хорошо, и должно хорошимъ остаться. Теперь, когда мы протрезвились немного, нельзя сердиться на это. Теперь намъ нужно думать, какъ даль-

не поступать; ты увидишь, что на меня можно положиться: скажи же мнѣ все откровенно. Можешь все мнѣ сказать, и не огорчишь меня; только если ты объ чемъ нибудь умолчишь, я очень огорчусь. Что? и ты не раскаяваешься?

— Есть объ чемъ спрашивать! Конечно, нѣтъ.

Они вошли въ первую гостиницу отъ городскихъ воротъ, и Амрея сказала, когда они съшли съ Юганомъ въ комнату и онъ заказалъ кофе:

— Какъ славно устроенъ свѣтъ! Тутъ вотъ люди поставили домъ, и въ немъ стулья, скамейки, столы, и кухню, гдѣ горитъ огонь, а въ кухнѣ и кофе, и молоко, и сахаръ, и посуда; и все принесутъ люди, что закажешь. Поведемъ мы дальше,— и опять будутъ тамъ люди, дома, и въ домахъ все это. Точно, право, какъ въ сказкѣ; самъ накрывается и является столъ.

— Но для этого надо вытаскать кругляшекъ изъ мѣшка, сказалъ Юганъ, опуская руку въ карманъ и вынимая пригоршню денегъ: — а безъ этого ничего не добудешь.

— Конечно, сказала Амрея:— у кого есть такія колеса, тотъ можетъ прокатиться по свѣту. Скажи, Юганъ, нравился ли тебѣ когда нибудь кофе такъ, какъ сегодня? И какой свѣжій хлѣбъ! Только ты велѣлъ подать слишкомъ много; мы не съядимъ всего этого; бѣлый хлѣбъ я возьму въ карманъ, но жаль кофе: ахъ! сколько бы бѣдныхъ могли напиться, а мы должны оставить его тутъ, и ты еще долженъ заплатить за него.

— Что за бѣда! нельзя же, чтобы все на свѣтъ въ обрѣзъ было.

— Да, да, твоя правда: я это привыкла, чтобы все было въ обрѣзъ; не сердись на меня, если я говорю такъ: это вѣдь отъ неразумія.

— Тебѣ легко это говорить: ты знаешь, что ты умница.

Амрея встала; лицо у нея горѣло; подойдя къ зеркалу, она громко вскричала:

— Господи! да я ли это? Я не узнаю себя.

— А я такъ узнаю тебя, сказалъ Юганъ:— тебя зовутъ Амреей, Босоножкой и «соленой графиней»; но этого мало: теперь у тебя будетъ еще имя: Ландфридша. Вѣдь это не дурно?

— Господи! можетъ ли это быть? Мнѣ теперь кажется это невозможно.

— Намъ еще предстоитъ тяжелое дѣло, но оно не беспокоитъ меня. Теперь ложись и сосни немного, а я покуда пойду

и поищу тележки; вѣдь днемъ намъ нельзя вѣхать верхомъ, а тележка намъ и безъ того пригодится.

— Спать я не могу; мнѣ надо еще написать письмо въ Гальденбрунъ; я такъ скоро ушла, а вѣдь тамъ мнѣ жилось хорошо. Да надо еще и распорядиться кой-чѣмъ.

— Хорошо, пиши, пока я не возвращусь.

Юганъ ушелъ, а Амрея съ странными мыслями смотрѣла ему вслѣдъ: «вотъ онъ уходитъ, а вѣдь онъ мой, и какъ гордо идетъ онъ! Можетъ ли это быть, правда ли это, что онъ мой?» Юганъ не оглядывался, но оглядывалась собака, пошедшая съ нимъ; Амрея поманила ее къ себѣ и она подбѣжала къ ней. Она вышла изъ дому къ ней на встрѣчу и сказала прыгающей собакѣ: «Да, да, хорошо, ты хорошо дѣлаешь, что остаешься со мной; я не буду теперь одна; пойдѣмъ въ комнаты; мнѣ надо писать.»

Она написала длинное письмо въ Гальденбрунъ, къ судѣ, и въ письмѣ благодарила все общество за его благодѣянія, и обѣщала взять когда нибудь къ себѣ, если ей будетъ возможно, ребенка изъ деревни, и наказывала еще разъ судѣ, чтобы положили подъ голову черной Маранны ея молитвенникъ. Запечатавъ письмо, она сжала губы и сказала: «Вотъ теперь я раздѣлалась со всеми живущими въ Гальденбрунъ.» Но она снова быстро распечатала письмо, потому что ей казалось долгомъ показать Югану, что она написала. Онъ очень долго не приходилъ, и Амрея покраснѣла, когда разговорчивая хозяйка сказала: «У вашего мужа вѣрно дѣло въ судѣ?» Сердце у нея дрогнуло, когда Югана назвали въ первый разъ ея мужемъ.

Она ничего не отвѣчала, и хозяйка съ удивленіемъ смотрѣла на нее. Амрея не знала, куда дѣться отъ ея странныхъ взглядовъ; она пошла изъ комнаты съ собакою, сѣла посредѣ домомъ, на сложенные тутъ доски, и стала ждать Югана. Она ласкала собаку и радостно смотрѣла въ ея кроткіе глаза. «Никакое животное не переноситъ пристальнаго взгляда чловѣка, кромѣ собаки; но и та скоро начинаетъ моргать.»

Какъ загадоченъ и въ тоже время ясенъ свѣтъ!

Амрея пошла съ собакой въ конюшню, посмотрѣла, какъ встѣ лошадь, и сказала: «Да, милый Тропотунъ, поѣшь хорошенько, и доведи насъ до дому! дай Богъ только, чтобы тамъ все пошло хорошо.»

Юганъ долго не возвращался, и когда наконецъ онъ пришелъ, Амрея подошла къ нему и сказала:

— Послушай, если тебѣ дорогѣ еще понадобится зачѣмъ нибудь уходить, возьми и меня съ собой.

— А развѣ тебѣ стало страшно одной? Ужъ ты не думала ли, что я совсѣмъ уйду? Ну, что было бы, если бы я оставилъ тебя тутъ и ухалъ одинъ?

Амрея вздрогнула, и потомъ строго сказала:

— Это нисколько не остро. Шутить подобными вещами — не хорошо. Мнѣ жаль, что ты это сдѣлалъ; дурно, если ты сказалъ это, не подумавъ, и дурно, если сказалъ, подумавъ. Ты хочешь ухвать и думаешь: вотъ потышнить, какъ станеть плакать! Или ты воображаешь, что если у тебя лошадь и деньги, такъ ты и господинъ? Нѣтъ, лошадь твоя взяла насъ обоихъ, и я съ тобой повхала. Что, если-бъ я вздумала такъ шутить и сказала: «Что бы мнѣ его на дорогѣ оставить!» Мнѣ жаль, что ты такъ пошутилъ.

— Да, да, твоя правда; но полно объ этомъ теперь!

— Нѣтъ, я должна выговорить все, всю свою обиду. Да и себя ты обидѣлъ: ты не такой и не долженъ быть такимъ; пусть бы кто другой говорилъ—мнѣ бы и горя мало; но на тебѣ не должно быть ни одного темнаго пятнышка, и повѣрь ты мнѣ, шутить такъ—все равно, что святою вещью вмѣсто куклы играть.

— Полно, это ужъ слишкомъ! Ты видно не понимаешь шутки.

— Нѣтъ, понимаю, и ты самъ это увидишь, но только не такія шутки. Ну, да теперь все ладно, я все высказала и все позабыла.

Эта маленькая размолвка во-время показала обонимъ, что, при всей любви своей, они должны стеречь свои чувства. Амрея сознавала, что была слишкомъ жестока, а Юганъ, что ему не слѣдовало такъ легко относиться къ преданности Амреи. Они чувствовали это; но не молвили ни слова.

Маленькое облачко, поднявшееся утромъ, скоро разсѣялось отъ яснаго солнца, и Амрея радовалась какъ дитя, когда подъехала маленькая зеленая тележка, съ высокою подушкой на сиденьѣ. Еще не запрягали лошадь, а она уже сѣла въ тележку, и отъ радости была въ ладоши.

— Теперь мнѣ только крыльевъ не достаетъ, сказала она Ю-

гану, впряганшему лошадей:—верхомъ я ѣхала съ тобой; теперь ѣду въ тележку; остается только летать.

Яркое утро озаряло ихъ путь. Лошадка легко было везти; Луксъ радостно лаялъ, забывая впередъ.

— А знаешь ли, Юганъ, сказала Амрея:—вѣдь хозяйка-то думала, что я ужъ жена твоя?

— Да развѣ ты не жена моя? И пусть ихъ говорятъ, что хотять, а я скажу и небу, и жаворонкамъ, и деревьямъ, и полямъ, и горамъ: «Смотрите! вотъ жена моя!» И если даже бранится она, то и жесткія слова ея милы мнѣ, какъ ласка. Ахъ, какая умная женщина моя матушка! Она это знала. Она говорила, какова жена въ гнѣвъ, такова и душа у ней. У тебя душа добрая, прекрасная, и такой жены на всемъ свѣтѣ нѣтъ ни у кого. Да, да, да!

Попадался ли кто на дорогѣ, Юганъ бралъ Амрею за руку, и восклицалъ: «вотъ у меня жена какая!» Амрея уговаривала его не дѣлать этого.

— Не могу, сказалъ онъ:—радость такъ и одолеваетъ меня. Я готовъ весь свѣтъ звать, чтобы радовался со мной, и не понимаю, какъ это ѣдутъ люди пахать, или дрова рубить, что-ли, и не знаютъ, что я такой счастливецъ.

Амрея увидала на дорогѣ бѣдную женщину, взяла пару своихъ любимыхъ башмаковъ и бросила ихъ ей. Бѣдная съ изумленіемъ глядела вслѣдъ провѣзжимъ, и благодарила. Амрея была очастлива: въ первый разъ въ жизни дарила она данную вещь, которую могла еще носить сама. Прежде всего, отдавъ башмаки, подумала она, сколько они стоятъ; ей не приходило на мысль, сколько сдѣлала она, напримѣръ, хоть для черной Маранны, и подарокъ башмаковъ казался ей первымъ ея благодѣяніемъ, и она была рада больше, чѣмъ получившая подарокъ. Амрея тихо улыбалась, и сердце въ ней прыгало отъ радости.

— Что съ тобой? спросилъ Юганъ:—ты улыбаешься, точно дитя во снѣ.

— Ахъ, Боже мой! сказала Амрея:—да не сонъ ли все это? И я могу теперь подарки дѣлать! У меня все не выходитъ изъ ума эта бѣдная: я рада ея радостью.

— Мнѣ нравится, что ты любишь дарить.

— Ахъ, дарить въ счастіи—это все равно, какъ переполнить стаканъ. Я такъ переполнена! я бы все отдала! Я тоже хотѣла

бы звать всѣхъ людей. Мнѣ кажется, я могла бы всѣхъ ихъ накормить и нанюхать. Мнѣ кажется, мы сидимъ съ тобою вдвоемъ за длиннымъ свадебнымъ столомъ, и у меня душа такъ полна, что я не могу встѣ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Іоганъ:—только въ другой разъ ты башмаковъ не дари. Когда я смотрю на нихъ, я думаю о многихъ славныхъ годахъ, которые прожиты въ этихъ башмакахъ; и еще много славныхъ годовъ можешь ты проходить въ нихъ, пока они не изорвутся!

— Какъ пришла тебѣ эта мысль? Я сама это думала, когда на нихъ глядѣла. Но расскажи мнѣ теперь про свой домъ, а то я все буду болтать про себя. Рассказывай!

Іоганъ съ удовольствіемъ принялся за рассказъ. Амрею олушала его, широко раскрывъ глаза, и передъ нею безпрестанно мелькалъ образъ бѣдной женщины въ новыхъ башмакахъ.

Іоганъ, рассказавъ про своихъ домочадцевъ, сталъ хвалить скотину, и говорилъ, что вся она такая здоровая и откормленная, что посмотреть любо-дорого.

— Я все не могу сродниться съ мыслью, что вдругъ такъ разбогатѣла, сказала Амрея.—Какъ подумаю, что у меня теперь столько своихъ полей, и коровъ, и муки, и масла, и овощей, и ящичковъ, и сундуковъ, мнѣ все кажется, будто я до-сихъ-поръ спала, и только теперь вдругъ проснулась. Нѣтъ, нѣтъ, это не такъ! Мнѣ страшно, что у меня будетъ столько всего на рукахъ. Послушай, вѣдь матушка твоя будетъ помогать мнѣ? Вѣдь она еще бодрая. Я не знаю, какъ это сдѣлать, чтобы не раздарить все бѣднымъ; но нѣтъ! это не годится: вѣдь это не мое. Это я такъ только теперь подарила.

— У матушки, возразилъ Іоганъ:—есть поговорка, что отъ милостыни не обѣднѣешь.

Не описать всей радости, которую чувствовали эти любящія сердца! Каждое слово счастливило ихъ. Когда Амрея спросила, есть ли въ домъ ласточки, и Іоганъ сказалъ, что да, и прибавилъ къ тому, что есть и журавлиное гнѣздо, Амрея была совершенно счастлива: она подражала журавлиному крику и, смѣясь, представляла, какъ журавль, стоя на одной ножкѣ, съ важнымъ видомъ заглядываетъ сверху въ свой домъ.

Сговорились ли они, или это сдѣлалось само собой, но ни слова не было сказано между ними о прѣздѣ домой и о вѣтупленіи подъ родительскую кровлю. Къ вечеру прѣехали они жѣ

округъ, къ которому принадлежалъ Цузмарсгофенъ. Только тутъ, когда Югану стали встрѣчаться люди, знавшіе его, и кланялись ему, съ изумленіемъ на него глядя, тутъ только объяснилъ онъ Амрею, что думалъ двойнымъ образомъ приступить къ устройству дѣла. Онъ хотѣлъ или отвезти Амрею къ сестрѣ своей, жившей по сю сторону (колокольня ихъ села виднѣлась изъ-за горы), и взать домой одному, чтобы объяснить все; или привезти Амрею домой, и въ такомъ случаѣ она должна была за четверть часа сойти съ тележки, и явиться въ домъ служанкой.

Амрея умно разсудила эти предположенія и ихъ послѣдствія. Если остановиться у сестры, то надо сначала понравиться женщннѣ, отъ которой не зависить рѣшеніе; и много могло произойти изъ этого неприятностей: на долго осталась бы во всемъ околоткѣ молва, что она не посмѣла явиться прямо въ домъ. Второй путь былъ лучше. Но и тутъ не нравилось Амрею начинать знакомство ложью. Хотя мать Югана и общала ей когда-то взять ее къ себѣ въ услуженіе, но вѣдь Амрея вдетъ къ ней не служить, и это то же воровство, что ей нужно поддѣлываться къ родителямъ. Амрею казалось, что все будетъ у ней выходить не ловко при этомъ обманѣ. «Я не могу смотрѣть прямо, и если придется подать отцу стулъ, я непременно уроню его, потому что при этомъ все буду думать, что хочу занскать въ старикъ. Но пусть бы это и такъ: что скажетъ прислуга, когда узнаетъ потомъ, что хозяйка втерлась въ домъ прислужницей? И съ тобой все время нельзя будетъ слова сказать.»

Все это разсужденіе заключила она такими словами:

— Я это тебѣ потому говорю, что ты хочешь мои мысли знать. Я все сказала, а ты теперь разсуди. Но все-таки, что по твоему слѣдуетъ, какъ тебѣ лучше кажется, такъ я и сдѣлаю. Я буду слѣдовать тебѣ безпрекословно, и сдѣлаю все, что ты хочешь.

— Да, да, твоя правда, сказалъ Юганъ, задумываясь:—и то, и другое — кривая дорога; первая еще лучше; мы ужъ теперь близко, надо намъ поскорѣе придумать. Видишь тамъ полянку въ перельскѣ, на горѣ, и избушку тамъ? А вонъ и коровы: отсюда маленькія, точно жучки. Это нашъ выгонъ. Тутъ я нашего Дами опредѣлю.

— Ахъ, Боже мой! сказала съ изумленіемъ Амрея:—на какую вышиину люди забираются! А должно быть тамъ хорошее пастбище.

— Да. Только когда отецъ передастъ мнѣ, нмѣнѣе, я больше буду скотъ въ стойлахъ держать: это полезнѣе. Но старики держутся старины. Ахъ, да что же мы болтаемъ? Вѣдь мы ужъ сейчасъ придемъ. Что это мы раньше-то не сговорились? У меня голова кругомъ идетъ.

— Успокойся! Надо это спокойно обдумать. Я придумала кое-что, да не совсѣмъ.

— Что такое?

— Нѣтъ, подумай самъ! можетъ и тебѣ это въ голову придеть.

— Вотъ что я думаю: тутъ вотъ будетъ скоро знакомый священникъ—съ нимъ посоветоваться. Или нѣтъ. Лучше вотъ что. Я останусь здѣсь въ долину, у мельника, а ты ступай одна домой, къ своимъ родителямъ, и скажи имъ все прямо, складно и ладно. Съ матушкой какъ-разъ поладишь. Впрочемъ, ты умница: какъ разъ побѣдишь и отца. Этакъ лучше. Нечего ждать помощи отъ чужихъ. Ладно такъ?

— Это и я думала. Но теперь нечего ужъ больше разсуждать. По сказанному, какъ по писаному. Такъ и сдѣлаемъ. Ахъ, какой ты милый, добрый, хорошій, честный парень!

— Нѣтъ, ты такая. Впрочемъ, теперь мы двое—одинъ человекъ, и надо намъ быть хорошимъ человекомъ. Вонъ тамъ и наше первое поле. Вотъ ты и дома, жена. А вонъ и нашъ журавль летитъ. Журавль! кричи: «здравствуй!» Новая хозяйка идетъ. Ну, Амрея, поскорѣ улаживай дѣло, и посылай за мной на мельницу. Если мальчикъ дома, такъ его: онъ зайцемъ примчится. Погляди-ка! видишь домъ? вонъ съ журавлинымъ-то гнздомъ—еще два амбара у горы—влзво-то отъ лѣсу? Еще липа у дома-то—видишь?

— Вижу.

— Теперь ступай! съ дороги не собьешься.

Юганъ слвзъ и помогъ Амрею сойти. Она держала свое ожерелье, которое вынула изъ кармана, какъ четки, и тихо молилась. Юганъ снялъ шляпу и тоже тихо шевелилъ губами.

Оба не сказали ни слова, и Амрея пошла впередъ. Долго еще стоялъ Юганъ, опершись на свою лошадь, и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Амрея оборотилась и гнала отъ себя собаку, которая пристала къ ней; но Луксъ не хотѣлъ отстать, бѣжалъ въ сторону и возвращался къ ней, пока Юганъ не засвисталъ и не заставилъ его вернуться къ себѣ.

Юганъ повкалъ . на мельницу и остановился тамъ . Ему сказали , что часъ тому назадъ былъ тутъ его отецъ : поджидалъ его , но опять ушелъ . Юганъ обрадовался , что старикъ опять на ногахъ и что Амрея застанетъ дома и отца и мать . Люди на мельницѣ не знали , что съ Юганомъ , почему остановился онъ тутъ . Онъ то входилъ въ домъ , то выходилъ , шелъ ко двору и возвращался назадъ . Юганъ былъ въ волненіи ; онъ считалъ шаги Амрен . Вотъ она на полъ , вотъ на другомъ , вотъ у околицы , вотъ дома , вотъ говорить съ родителями... Этого ужъ и не вообразишь!

XVIII.

ДѢМА!

Амрея между тѣмъ задумчиво шла . Она какъ бы вопросительно взглядывала на деревья : они стоятъ такъ споконно , и будутъ стоять и глядѣть на тебя года , десятки лѣтъ , въ продолженіи всей твоей жизни ; а что будешь испытывать ты въ это время?

Амрея уже на столько стала старше , что не хотѣла болѣе останавливаться на одномъ вѣшнемъ мѣрѣ . Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ , какъ Амрея разговаривала съ рябиной . Она хотѣла теперь отогнать отъ себя все мысли объ окружающемъ , а между тѣмъ все смотрѣла на поля , которыя будутъ принадлежать ей , и все старалась разгадать , что будетъ , какъ она войдетъ , и какъ ее примутъ , и какой будетъ разговоръ , и что станетъ она отвѣчать . Тысячи предположеній путались у нея въ головѣ , и она наконецъ почти громко сказала (а между тѣмъ въ головѣ у ней пѣлся все эндрингенскій вальсъ) : «Что это! зачѣмъ думать? Что заиграютъ , то и буду танцевать — галопъ или вальсъ . Я не знаю , какъ буду двигать ногами : онъ у меня сами ходятъ . Не могу я думать , и не хочу думать о томъ , что можетъ быть черезъ часъ буду возвращаться по этой же самой дорогѣ , но уже сердца во мнѣ не будетъ , а надо будетъ идти , шагъ за шагомъ . Полно! пусть случится , что случится ; я на все готова!»

Отойдя немного , она увидѣла крестьянина , съ толстой палкой , присѣвшаго отдохнуть близъ дороги ; облокотившись обѣими руками и подбородкомъ на палку , онъ смотрѣлъ на дорогу .

— Богъ помочь! сказала Амрея:—что , приятно отдохнуть?

— Да. Куда идешь?

— Вонъ туда въ домъ. Хотите идти со мной? Можете на меня опереться.

— Да, такъ и есть! сказалъ старикъ:—тридцать лѣтъ тому назадъ мнѣ было бы пріятно, если бы мнѣ сказала это такая хорошеенькая дѣвушка; я поскакалъ бы за тобой, какъ жеребенокъ.

— Тѣмъ, кто скачетъ, какъ жеребенокъ, этого не говорить! смѣясь, сказала Амрея.

— Ты богата, сказалъ старикъ, которому нравился досужій разговоръ въ жаркій полдень.

Онъ съ удовольствіемъ взялъ щепотку табаку изъ табакерки.

— Откуда видите вы, что я богата?

— Твои зубы стоятъ десять тысячъ гульденовъ; многіе дали бы десять тысячъ гульденовъ, чтобы зубы твои были у нихъ во рту.

— Теперь мнѣ нѣкогда шутить. Прощайте!

— Подожди, я пойду съ тобой; но только не бѣги такъ скоро. Амрея помогла старику встать, и старикъ сказалъ:

— Да ты сильная.

Онъ нарочно старался показаться тяжеле, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. По дорогѣ спросилъ онъ:

— Къ кому же ты идешь въ этотъ домъ?

— Къ хозяину и хозяйкѣ.

— Зачѣмъ тебѣ ихъ?

— Это ужъ я имъ самимъ скажу.

— Если ты хочешь, чтобы они подарили тебѣ что нибудь, такъ лучше вернись; хозяйка можетъ быть и дала бы тебѣ что нибудь, да она ничѣмъ не смѣетъ распоряжаться, а хозяинъ сердитый и зубастый.

— Мнѣ подарковъ не надо, я сама имъ несу кое-что, сказала Амрея.

Пѣшеходамъ нашимъ встрѣтился еще старикъ съ косою; и спутникъ Амреи закричалъ ему, странно моргая глазами:

— Не знаешь ты—дома старый Ландфридъ?

— Не знаю, вѣрно дома, сказалъ старикъ съ косою и пошелъ въ сторону, въ поле.

Лицо его какъ-то передернулось при вопросѣ, а когда онъ повернулся спиной, то весь трясся, очевидно отъ смѣха. Амрея пристально посмотрѣла въ лицо своего спутника и начала подозрѣвать какую-то плутню; но вдругъ узнала въ постарѣвшихъ

чертахъ его лица того, кому она когда-то дала напиться на Бузинной Полянѣ. Тихонько щелкнувъ пальцами, Амрею подумала: «Постой же! ты будешь мой!» Потомъ сказала вслухъ:

— Это съ вашей стороны дурно, что вы говорите такъ о Ландфридѣ постороннему чловѣку, который можетъ быть еще и родня ему; вы вѣрно сказали неправду; конечно Ландфридъ сердится только когда нужно, но у него вѣрно хорошее сердце и онъ только не благовѣститъ вездѣ о томъ, что дѣлаетъ хорошаго; у кого такія хорошія дѣти, тотъ вѣрно и самъ хорошъ. Легко можетъ быть, что онъ выказываетъ себя людямъ хуже, чѣмъ онъ есть, потому что не заботится о томъ, что думаютъ о немъ другіе; и я въ этомъ не вижу дурнаго.

— Ты, однако, съ языкомъ дѣвка! Откуда ты?

— Я издалека—изъ Шварцвальда.

— Какъ прозывается деревня?

— Гальденбрунъ.

— А! И пришла пѣшкомъ оттуда?

— Нѣтъ, меня взялъ по дорогѣ сынъ Ландфрида. Честный, славный такой чловѣкъ.

— А! Въ его года я также взялъ бы тебя съ собой.

Пришли домой, и старикъ повелъ Амрею въ комнату, и вскричалъ:

— Мать, гдѣ ты?

Хозяйка вышла изъ коморки, руки Амрею задрожали, она съ радостью бросилась бы ей на шею, но не могла, не смѣла; старикъ сказалъ съ добросердечнымъ смѣхомъ:

— Вотъ, хозяйка, дѣвушка изъ Гальденбруна; ей надо сказать кое-что Ландфриду и его женѣ; но мнѣ она не хочетъ того сообщить. Теперь скажи ей, какъ меня зовутъ.

— Да вѣдь это Ландфридъ и есть, сказала хозяйка.

Она сняла съ головы старика шляпу и повѣсила ее на гвоздикъ.

— Теперь знаешь, сказалъ старикъ, торжественно взглядывая на Амрею:—говори же, что тебѣ надобно.

— Садись, сказала мать, показывая ей на стулъ.

Съ трудомъ переводя дыханіе, начала Амрея:

— Повѣрьте мнѣ, никто не могъ думать объ васъ больше меня. Помните ли вы Юзенганса, что жилъ у пруда, на большой Эндрингенской дорогѣ?

— Какъ же, какъ же! сказали старики.

— Я дочь Йезенганса.

— Ахъ, Боже мой! сказала старуха:—то-то мнѣ все казалось, что я тебя знаю. Здравствуй, милая!

Она подала ей руку.

— Да, какая же ты стала большая, да славная! продолжала она.—Скажи же теперь, что тебя привело сюда изъ такой дали?

— Ее нашъ Юганъ подвезъ, замѣтилъ Ландфридъ:—онъ и самъ скоро будетъ.

Старуха испугалась; она предчувствовала что-то, и напомнила мужу, что думала о дѣтяхъ Йезенганса въ ту самую пору, какъ уязжалъ Юганъ.

— У меня есть еще и память отъ васъ обонхъ, сказала Амрея, и вынула изъ кармана ожерелье и завернутую въ бумажку монету.—Вы это мнѣ подарили, какъ были у насъ въ послѣдній разъ.

— Такъ ты, значить, мнѣ соврала, сказавши, что потеряла его? побранилъ Ландфридъ жену.

— А вотъ, продолжала Амрея, вынимая грошъ изъ бумажки:—вотъ и монета, которую вы подарили мнѣ, когда я пасла гусей на Бузинной Полянѣ, и зачерпнула вамъ воды.

— Такъ, такъ; но что жъ объ этомъ говорить! Можешь оставить у себя эти подарки, сказалъ Ландфридъ.

Амрея встала со стула.

— У меня есть еще просьба, сказала Амрея:—позвольте мнѣ съ вами свободно объясниться. Можно?

— Почему же нѣтъ!

— Вотъ видите ли, вашъ Юганъ хотѣлъ взять меня съ собой и привезти къ вамъ, какъ служанку, и въ другое время я охотно поступила бы къ вамъ въ услуженіе, охотнѣе, чѣмъ куда бы то ни было; но теперь это было бы безчестно, а противъ кого я хочу всю жизнь мою остаться честной, къ тѣмъ нечего являться съ обманомъ. Надо, чтобы все было ясно. Однимъ словомъ, Юганъ и я любимъ другъ друга отъ всей души, и онъ хочетъ взять меня за себя.

— Ого! сердито закричалъ Ландфридъ, и быстро всталъ:—ого!

Старуха взяла его за руку, и сказала:

— Дай ей договорить.

И Амрея продолжала:

— Вѣрьте мнѣ, я не такъ глупа, и знаю, что вы не возьмете меня въ дочери изъ состраданія; вы можете мнѣ подарить

чтонибудь, и много подарить, но не можете сделать меня дочерью изъ жалости; да и я не хочу этого. Дѣнегъ у меня нѣтъ ни гроша. Впрочемъ, грошъ-то есть — тотъ, что вы подарил мнѣ на Бузинной Полянѣ: онъ еще цѣль у меня, никто его за грошъ не бралъ, сказала она, обращаясь къ Ландориду, и онъ по-неволю улыбнулся.—У меня ничего нѣтъ, да притомъ есть у меня еще братъ, который хоть и здоровъ, и силенъ, но и объ немъ надо мнѣ заботиться; и потому я гусей посла и была самой послѣдней въ деревнѣ. Вотъ и воя моя бѣда; но никто не скажетъ, чтобы я сдѣлала чтонибудь дурное... Я бы желала, чтобы ктонибудь другой говорилъ за меня: сама я не умю. Но и всегда была сама себя помощницей и покровительницей, и сегодня въ послѣдній разъ говорю я за себя; сегодня ждетъ меня рѣшенье на жизнь и смерть. Не перетолковывайте меня; если вы не хотите меня, я уйду спокойно и не наложу на себя рукъ, не утоплюсь и не удавлюсь, сыщу себя опять службу и стану благодарить Бога, что на мнѣ хотѣлъ жениться хорошій человекъ; а что не женился, такъ это Его святая воля.

Голосъ Амрен задрожалъ, но она собрала всѣ силы, и слова ея зазвучали убѣжденіемъ, и сама она какъ будто выросла...

— По прежде испытайте себя, допросите свое сердце, точно ли Божья воля то, что вы сдѣлаете. Я все сказала.

Амрея съела. Всѣ трое молчали.

— Да ты что твой проповѣдникъ! сказалъ наконецъ старикъ.

Старуха обтерла глаза и сказала:

— Почему жъ и не такъ?

— Ну, ты! подсмѣялся старикъ:—ты и сама такая же. Заговори съ тобой покраснѣе, ты ужъ и растаяла.

— А ты, кажется, передъ концомъ-то своимъ все больше черствѣешь, сказала сердито жена.

— Полно ты! продолжалъ съ насмѣшкой старикъ. — Хорошій же миръ ты принесла къ намъ, гостя! Совсѣмъ возстановила противъ меня старуху. Скоро же забрала ее въ руки. Ну, можете погодить, пока я ноги не протяну; тогда и дѣлайте, что хотите.

— Нѣтъ, воскликнула Амрея:—этого не будетъ. Не хочу я, чтобы Юганъ женился на мнѣ безъ вашего благословенія, и не хочу, чтобъ былъ грѣхъ на нашей душѣ, чтобы мы оба желали вашей смерти. Я почти не знала своихъ родителей и совсѣмъ ихъ не помню, я люблю ихъ только, какъ Бога люблю, не видя Его. Но я знаю, что такое смерть. Вчера ночью закрыла я гла-

за черной Мараннъ; всю жизнь дѣлала я для нея, что она хотѣла, а теперь, какъ умерла она, мнѣ не разъ уже приходило въ голову, какъ я иногда досадовала на нее, и какъ могла бы одѣлать для нея больше добраго; а вотъ теперь лежитъ она въ землѣ, и все кончено: ничего не одѣлаешь, и ничего не попрашивъ. Я знаю, что такое смерть, и не хочу...

— Да я хочу! закричалъ старикъ, и сжалъ кулаки и стиснулъ зубы:— я хочу! ты останешься, и будешь наша. Будь, что будетъ, а ты будешь женой Югана, и никто другой.

Старуха бросилась къ мужу и обняла его. Онъ совсѣмъ къ этому не привыкъ, и невольно вскричалъ:

— Что ты!

— Хочу поцѣловатьъ тебя. Ты стоишь этого, ты лучше, чѣмъ хочешь казаться.

Старикъ, державшій все это время понюшку табаку между пальцами, не хотѣлъ бросить ее, наскоро вынюхалъ, и сказалъ:

— Пожалуй. Ну, а теперь можешь въ отставку! есть помоложе тебя; отъ нея будешь повкуснѣе. Ну, поди сюда, проповѣдница!

— Хорошо; но назовите меня сначала по имени.

— А какъ тебя зовутъ?

— Этого вамъ не нужно знать. Вы сами можете дать мнѣ имя,—знаете, какое?

— Да ты умница! Такъ поиди же сюда, дочка! Это, что ли, имя-то?

Вмѣсто отвѣта, Амрея бросилась къ нему въ объятія.

— А меня и не спрашиваютъ, сказала мать, вся сія счастлиемъ.

Старикъ взявъ Амрею за руку и сказалъ съ насмѣшливой важностью:

— Спрашиваю я васъ, достопочтенная Кордула Катарина, по мужъ Ландфридша, желаете ли вы эту... Да какъ же тебя зовутъ-то? спросилъ онъ двушку шопотомъ.

— Амрея.

И въ томъ же тонѣ старикъ продолжалъ:

— Желаете ли вы Амрею Юзенгансъ изъ Гальденбруна имѣть своею невѣсткой и не давать ей слова молвить, какъ своему мужу, и дурно кормить, и бранить, и притѣснять, и совсѣмъ, что называется, сгонять со свѣту? —

Старикъ былъ, какъ помѣшанный; въ немъ совершилось что-

то странное, и пока Амрею обнимала мать, и старуха не выпускала ее изъ рукъ, Ландфридъ стучалъ палкой по столу, и кричалъ во весь голосъ:

— Да гдѣ жъ этотъ негодий Юганъ? Прислалъ намъ невесту на шею, а самъ Богъ знаетъ гдѣ! Слыханое ли это дѣло?

Амрею вырвалась изъ объятій матери, и сказала, что надо сейчасъ же послать кого нибудь на мельницу, гдѣ ждетъ Юганъ.

Старикъ утверждалъ, что его надо поморить еще, по малой мѣрѣ, часа три, за то, что онъ трусь и спрятался за женскую юбку. А какъ придетъ, надо на него чепчикъ надѣть.

Ландфридина между тѣмъ ускользнула изъ комнаты, и послала гонца на мельницу.

Тутъ она вспомнила, что надо покормить Амрею, и хотѣла сдѣлать на-скоро яичницу; но Амрею просила, чтобы ей позволили развести первый огонь въ домъ, на которомъ она будетъ готовить себѣ что нибудь, и сварить что нибудь и для родителей.

Старики согласились, и оба пошли съ нею въ кухню. Амрею умѣла за все ловко взятыся; видѣла сразу, гдѣ что стоять, и ни объ чемъ почти не спрашивала. Все, что она дѣлала, было такъ ладно и складно, что старикъ все мигалъ овоей женой, и наконецъ сказалъ: «да она какъ по нотамъ дѣйствуетъ!»

Они стояли еще у яркаго огня, когда прїѣхалъ Юганъ. И ярче этого пламени горѣла въ глазахъ всѣхъ душевная радость. Очагъ съ разведеннымъ на немъ огнемъ казался священнымъ жертвенникомъ, къ которому собрались богомольцы. Они улыбались и кивали другъ другу.

XIX.

К л а д ъ.

Амрею скоро такъ сроднилась съ домомъ, что, казалось, выросла здѣсь и воспиталась съ дѣтства. Старикъ всюду ковылялъ за ней, и любовался, какъ ловко она бралась за все, и какъ славно все исполняла. Есть люди, которые каждымъ приготовленіемъ по хозяйству, каждой домашней работой безпокоятъ всѣхъ присутствующихъ. Амрею, напротивъ, хлопотами своими успокаивала всѣхъ. Какъ часто сердился Ландфридъ, что всякой разъ, когда нужна соль, кто нибудь долженъ былъ вставать изъ-за стола. Амрею накрывала на столъ, и прежде всего ставила

на разостланную скатерть солонку. Ландфридъ хвалилъ за это Амрею, и Юганъ разсказалъ, что прозвалъ Амрею «соленой графиней», и прибавилъ къ этому исторію о царь и его дочери.

Всѣ были счастливы новымъ житьемъ, и старикъ говорилъ, что давно уже объѣдъ ему не былъ такъ вкусно, какъ теперь; раза по три, по четыре, въ неурочное время дня, заставлялъ онъ Амрею готовить себѣ что нибудь, и она должна была сидѣть около него, пока онъ вѣтъ.

Ландфридша, сія отъ удовольствія, водила Амрею по своимъ кладовымъ и погребамъ. Открывая большой, пестро-раскрашенный шкафъ, наполненный бѣльемъ, она говорила: «Это твое приданое. Недостаетъ только башмаковъ. Я особенно рада, что ты сберегла свои домашніе башмаки. У меня на этотъ счетъ своя примѣта есть.»

Когда Амрея спрашивала ее о томъ, какъ велось все въ домъ до нея, старуха кивала головой и выражала свою радость не словами, а всѣмъ тономъ своей рѣчи. Передавая Босоножкѣ подробности о своемъ домашнемъ быту, она говорила: «Дитя мое! объ одномъ тебя прошу: если тебѣ не нравится что нибудь въ нашемъ домашнемъ порядкѣ, не стѣсняйся, и измѣняй, какъ тебѣ нравится. Я не въ числѣ тѣхъ, которыя думаютъ, что какъ разъ заведено, такъ должно и остаться на вѣки. Я даже рада буду, что въ домъ будетъ что нибудь свѣжее. Только одинъ тебѣ мой совѣтъ: дѣлай все не вдругъ, а постепенно.»

Въ этихъ словахъ сливались во-едино юношеская духомъ и тѣломъ и сохранившаяся до старости сила. Амрея отъ души говорила, что на ея взглядъ все въ домъ отлично устроено, и что она будетъ считать себя совершенно счастливой, если въ старости будетъ въ состояніи держать домъ въ такомъ порядкѣ.

— Ты далеко задумываешь, говорила старуха:—но это хорошо; кто думаетъ далеко о будущемъ, тотъ вспоминаетъ и далеко назадъ, и ты не забудешь меня, когда меня на свѣтъ не будетъ.

Разослали гонцевъ—сообщить сыновьямъ и зятю о семейномъ происшествіи, и звать ихъ въ Цузмарсгофенъ, въ ближайшее воскресенье. Съ этихъ поръ старикъ еще больше сталъ ходить за Амреей. Казалось, у него есть что-то на сердцѣ, что ему тяжело высказать. Есть повѣрье про зарытые клады, что ихъ сторожить черное чудовище, и въ святые ночи на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ, появляется голубой огонекъ, а тотъ, кто

родился въ воскресенье, можетъ видѣть его, а если при этомъ будетъ спокоенъ и неустрашимъ, то кладъ дастся ему въ руки. Не возмъ можно было знать, что такой же кладъ зарытъ въ старомъ Ландфридѣ; его сторожило черное упорство и презрѣніе къ людямъ; но Амрею видѣла надъ нимъ голубой огонекъ и умѣла такъ держать себя, что кладъ дался ей. Трудно сказать, какъ это сдѣлалось со старикомъ, что въ немъ явилось видимое желаніе казаться Амрею особенно добрымъ и благомыслящимъ. Почти чудомъ было и то, что онъ столько старался для бѣдной дѣвушки. Одно было ясно Амрею, что онъ не хотѣлъ, чтобы одна жена его казалась правой и любящей въ домъ, а его боялись, какъ сварливаго и злаго. И именно слова Амреи, сказанныя ею прежде, чѣмъ она узнала его, именно, что ему не должно стараться только казаться передъ людьми добрымъ, эти слова смягчили его сердце. Каждый разъ, какъ онъ заставлялъ ее одну, онъ говорилъ такъ много, какъ бы отрицалъ какой-то завѣтный ящикъ, изъ котораго одну за одной вынималъ свои мысли; тутъ выгружалось много странныхъ, старыхъ, потерявшихъ цѣну монетъ, большихъ медалей, не бывшихъ въ обращеніи, отчеканенныхъ только при великихъ событіяхъ; были и совсѣмъ новенькія монеты, и притомъ изъ чистаго серебра, безъ всякой примѣси мѣди. Онъ не умѣлъ говорить такъ складно, какъ говорила мать съ Іоганомъ. Его рѣчь была жестка и неуклюжа; но онъ все-таки умѣлъ все объяснить. Онъ принималъ на себя роль покровителя Амреи относительно матери.

— Старуха у меня добрая, говорилъ онъ:—но доброта еще не все. Вѣдь она все-таки женщина, а женщина только на половину человекъ. Я въ этомъ увѣренъ, и никто меня не забудитъ.

— Хорошо же вы насъ хвалите! отвѣчала Амрея.

— Да, это такъ! сказалъ старикъ:—я тебѣ говорю, что старуха добра, только ужъ черезъ чуръ добра. Она сейчасъ огорчается, когда что нибудь сдѣлаютъ не по ея, потому что она желаетъ всегда отъ добраго сердца, и думаетъ, что не знаютъ, какъ она добра, если не слушаютъ ея. Она не можетъ себя вообразить, что ея совѣтамъ не слѣдуютъ потому, что она требуетъ ненужнаго, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ. Особенно вотъ что замѣть, не дѣлай ничего точь въ точь, какъ она; дѣлай на свой ладъ, только какъ слѣдуетъ: это ей больше по ду-

из. Она вовсе не любитъ, когда показываютъ видъ, что со-всѣмъ подчиняются ей. Но это ты все сама заметишь. Ради Бога, только не сбивай мужа съ толку! Нѣтъ ничего хуже, какъ понасться между матерью и женой. Мать говоритъ: «я ужъ ничего не стою при невѣсткѣ!» а невѣстка говоритъ: «вотъ ты ка-ковъ! позволяешь дѣлать все съ женой!» Совѣтую тебѣ, если случится что нибудь подобное, и чего ты сама распутать не можешь, обращайся ко мнѣ, потихоньку, и ужъ я тебѣ помогу. Только не сбивай мужа съ толку! Онъ и такъ ужъ немножко избалованъ матерью; но онъ будетъ подтверже. Только ты дѣй-ствуй не торопись, и помни обо мнѣ; я тебѣ всегда защитникъ; къ тому жъ, какъ порасчестъ, я вѣдь приходился родней твоей матери.

И онъ принялся читать чуть не цѣлую родословную; но со-всѣмъ спутался и сбился, и кончилъ тѣмъ, что сказалъ:

— Ты можешь мнѣ и на-слово повѣрить. Мы родня были, да! родня. Только счестъ-то я не могу.

Пришло же ему наконецъ время, что онъ сталъ дарить не одни фальшивые гроши, и ему было пріятно почать что нибудь цѣнное изъ своего имущества. Однажды вечеромъ кликнулъ онъ Амрею и сказалъ ей потихоньку:

— Слушай, милая! хоть ты хороша и умна, а все мужа до подвоготной не узнаешь. У Югана моего доброе сердце, но все же можетъ ему придти въ голову, что онъ взялъ тебя безъ ничего. Поди-ка сюда, возьми это! только ни одной живой ду-ши не сказывай, откуда это у тебя. Скажи, что сама накопила. Вотъ, возьми!

И онъ подаль ей чулокъ, туго набитый кроненталерами.

— Я хотѣлъ, чтобы эти деньги нашли послѣ смерти моей, прибавилъ онъ:—но такъ будетъ лучше: Юганъ получитъ ихъ теперь же, и будетъ думать, что онъ отъ тебя. Вся ваша исто-рія такая странная: кстати ужъ будетъ и то, будто ты и по-таенный кладъ нашла. Не забудь, смотри, что тутъ есть трид-цать два талера съ орлами: эти стоятъ грошемъ больше обы-кновенныхъ. Береги ихъ хорошенько, спрячь въ шкафъ, въ тотъ, гдѣ бѣлье, и ключи держи при себѣ! А въ воскресенье, какъ соберется родня, ты высылешь ихъ на столъ.

— Мнѣ бы этого не хотѣлось; по моему пусть бы это луч-ше Юганъ сдѣлалъ, если ужъ это нужно.

— Нужно, нужно; ну хоть Юганъ—все равно. Сс... спрячь ихъ

поскорѣ въ передникъ. Это Юганъ: видно ревнуетъ тебя ко мнѣ.

Оба быстро разошлись.

Въ тотъ же вечеръ мать повела Амрею на чердакъ, и достала изъ сундука довольно тяжелый мѣшокъ, завязанный самымъ хитрымъ узломъ.

— Попробуй-ка развязать, сказала она Амрею.

Амрею принялась; дѣло было трудное.

— Погоди, я ножницы дамъ: лучше разрѣжемъ.

— Нѣтъ, сказала Амрею:—я этого не люблю; погодите немножко, матушка; вы увидите, что я развяжу.

Мать улыбалась, пока Амрею съ трудомъ, но искусно развязывала узелъ. Наконецъ она распутала его, и старуха сказала:

— Вотъ молодецъ! посмотри теперь, что въ мѣшкѣ.

Амрею увидала серебро и золото.

— Вотъ видишь ли, дитя мое, продолжала старуха:—ты сдѣлала чудо надъ моимъ мужемъ: я еще не могу понять, какъ онъ согласился; но все еще не совсѣмъ покорила ты его: онъ все горюетъ, зачѣмъ у тебя ничего нѣтъ, и все не вѣритъ—думаетъ, что у тебя есть хорошее имѣнье, и ты его таишь, чтобы насъ испытать, какъ мы примемъ тебя безо всего. Онъ этого не скажетъ; но я придумала одну штуку. Грѣхомъ это не будетъ. Это вотъ все я накопила въ тридцать шесть лѣтъ, какъ мы женаты; кое-что тутъ есть и отъ матери еще моей. Возьми деньги себѣ, и скажи, что они твои! Старикъ будетъ очень радъ; скажетъ: «вотъ я какой умный! заранее зналъ.» Что ты смотришь такъ странно? Вѣрь мнѣ, ужь если я тебѣ говорю, такъ можешь сдѣлать; тутъ нѣтъ ничего дурнаго; я ужь это все обдумала. Спрячь же деньги, и не говори мнѣ ни словечка, и не благодари меня. Въдь это все равно—теперь ли мой сынъ получить, или потомъ; а мужу моему еще живо сдѣлаешь радость. Теперь завяжи!

На другое утро Амрею все рассказала Югану. Юганъ торжествовалъ. «Господи Боже мой! говорилъ онъ: матушкѣ я не удивляюсь; но отъ батюшки этого бы мнѣ и не приснилось. Да ты просто колдунья! Ты такъ и сдѣлай, и не говори мнѣ ничего! Вотъ славно-то! они другъ друга провестя хотятъ. Такъ и будетъ; каждый будетъ думать, что остальные-то деньги твои. То-то лихо!»

Но посреди всей радости много было и хлопотъ въ домѣ.

XX.

НОВАЯ СЕМЬЯ.

Не нравственность управляетъ свѣтомъ, а обычай. Свѣтъ въ наше время скорѣй проститъ оскорбленіе нравственности, чѣмъ нарушеніе обычая. Счастливы времена и народы, гдѣ нравственность и обычай еще сливаются во-едино. Вся борьба нашей жизни имѣетъ одну цѣль—примирить ихъ противорѣчіе и растворить нравственностью застывшую форму обычая.

И здѣсь, въ мелкой жизни мелкихъ людей, далекой отъ шумнаго потока свѣта, совершалась эта борьба.

Мать больше всѣхъ была рада счастливому событію; но ее беспокоило, что скажутъ люди.

— Вы все-таки поступили легкомысленно, жаловалась она Амреву:—что пріѣхали въѣзть, и нельзя теперь послать за тобой къ свадьбѣ. Это не ладно и не въ обычай. Хоть бы мнѣ услать тебя куда нибудь на время, или Югана: это было бы приличнѣе.

Она жаловалась и Югану:

— Я ужъ знаю, какіе пойдутъ толки, если ты такъ скоро женишься. Десять разъ смѣрай, одинъ отрѣжь. А то все такъ скручено, какъ у беспорядочныхъ людей.

Скоро, впрочемъ, поддавалась она убѣжденіямъ и улыбалась, когда Юганъ говорилъ:

— Ахъ, матушка! вы еще такая умная, а говорите это! Неужели честнымъ людямъ не поступать честно потому, что безчестные заподозрятъ ихъ въ безчестномъ? А развѣ можно сказать про меня что нибудь дурное?

— Нѣтъ, ты всегда былъ честный малый.

— Ну, такъ на этотъ разъ можно мнѣ и повѣрить. Все случилось такъ странно. Мы сошлись съ Амреей, какъ рѣдко сходятся—не на большой дорогѣ. Неужто если не большая, то ужъ и дурная дорога? Въдь какъ подумаешь, все словно чудомъ случилось. Что же намъ за дѣло, что люди нынче никакихъ чудесъ не хотятъ и все готовы очернять? Надо быть смѣлѣе и не обо всемъ у людей спрашивать. Только бы самъ сознавалъ, что действуюешь честно, такъ и ломи себѣ прямо! Поглядятъ, пойдутся, да и замолчатъ.

Мать соглашалась, что могутъ люди чудомъ сходиться, но что свадьба должна быть сыграна по принятымъ обычаямъ.

— Въд чсъ этими людьми, говорила она:—на которыхъ ты смотришь теперь съ гордостью, потому что ноступаешь право, въдъ съ ними придется тебъ жить! Если хочешь отъ людей почета, дълай и имъ почетъ; нельзя же всъхъ заставить глядть на себя, какъ на исключеніе.

— Вотъ увидите, матушка, отвъчалъ Юганъ: — никто не будетъ противъ моей Амреи, только взглянетъ на нее.

Мать успокоилась. Въ субботу утромъ пришелъ Дами, но тотчасъ же долженъ былъ воротиться въ Гальденбрунъ, за необходимыми бумагами.

Воскресеніе былъ тяжелый день. Какъ-то взглянуть родные на Амрею? Родня сивсивая: въ нее надо възхатъ въ экипажъ и на лошадахъ, съ деньгами и полнымъ хозяйствомъ.

Повозка за повозкой възжали во дворъ Ландфрида. «Юганъ привезъ себъ жену и никому слова не сказалъ, ни родителямъ, ни священнику, никому. Хороша должна быть неввста! Верно, подобралъ ее гдъ-нибудь на дорогъ.» Такъ толковали всъ.

Вся семья собралась въ комнатахъ, кто въ высокихъ сапогахъ, кто въ подбитыхъ гвоздями башмакахъ, кто въ треугольной шляпъ, надвтой прямо или поперекъ. Женщины перешептывались между собой и перемигивались съ мужьями, или говорили имъ на ухо, что обдълаютъ, какъ слвдусть, эту залетную птицу. И какой смъхъ пошелъ, когда узнали, что Амрея была гусятницей!

Наконецъ вошла Амрея; но никому не могла подать руки: она несла большую бутылку вина, двъ тарелки съ печеньемъ и столько стакановъ, что, казалось, у нея было четыре руки. Она такъ спокойно и безъ шуму поставила все на столъ, на которомъ Ландфридша постлала бдую скатертъ, что всъ удивились. Спокойно налила она всъ стаканы и руки у ней не дрогнули; потомъ обратилась къ гостямъ и сказала:

— Родители приказали мнъ потчывать васъ. Кушайте!

— Мы не привыкли пить поутру, сказалъ одинъ тяжелоувъсный родственникъ, съ необыкновенно-длиннымъ носомъ, и развалился на стулъ.

Это былъ Юргъ, старшій братъ Югана.

— Мы ньемъ только гусиное впно, сказала одна изъ женщинъ, и всъ довольно безцеремонно засмъялись.

Амрея почувствовала обиду; но не мигнула глазомъ. Сестра Югана первая прекратила смъхъ, и взяла стаканъ. Она чек-

нудась сначала съ Юганомъ, и потомъ только чуть-чуть съ Амреей. Въ послѣдовади ея примѣру, и раздался звонъ стакановъ.

— Старикъ правъ, сказала наконецъ Ландфридша своей дочери:—Амрея очень на тебя похожа, а еще больше на покойницу Лизбету.

— Да, сказалъ старикъ:—а вѣдь будь Лизбета жива, вмѣнято у насъ было бы помельше.

— Теперь она опять съ нами, сказала старуха.

Ландфридъ завелъ рѣчь о томъ, что именно больше всего не нравилось родивъ въ невѣствъ; но пока Амрея говорила съ сестрой Югана, онъ шепнулъ своему старшему сыну:

— Вотъ, похоже ли, что у ней есть что нибудь?—А знаешь ли, что за ней цѣлый мѣшокъ талеровъ? Смотри, не сказывай только никому!

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ въ комнатахъ узнали секретъ. Юганъ вышелъ, и скоро воротился съ мѣшкомъ, на которомъ было написано: «Юзенгансъ изъ Гальденбруна.» Съ громомъ и звономъ посыпались изъ мѣшка на столъ серебряныя и золотыя монеты. Всѣ были изумлены—больше всего отецъ и мать.

Такъ у Амреи въ самомъ дѣлѣ былъ кладъ? такъ выходило по расчету каждаго.

Амрея не смѣла поднять глазъ, и всѣ хвалили ея безпримѣрную скромность. Она скоро сумѣла понравиться всѣмъ, и когда вечеромъ родивъ собралась домой, всякой говорилъ ей, на прощанье, потихоньку: «Это не я былъ противъ тебя, потому что у тебя ничего нѣтъ; а такой-то и такая-то. Я же говорю и теперь, какъ говорилъ тогда, что еслибъ у тебя и ничего не было, то ты все таки какъ-разъ подь-стать въ нашу семью. Лучшей жены Югану и лучшей невѣстки старикамъ и желать нечего!»

Легко было это говорить, ибо всѣ думали, что у Амреи славное приданое.

Долго еще толковали въ Альгей о чудесномъ приключеніи съ молодымъ Ландфридомъ, о томъ, какъ онъ привезъ себя жену, и какъ онъ съ женой прекрасно танцевалъ на своей свадьбѣ, особенно вальсъ, и какъ музыка была выписана издалека, изъ Эндриггена.

А Дами? Онъ теперь одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ пастуховъ въ Альгей. Онъ все еще холостъ, и съ нимъ кончатся

вѣроятно порода Юзенгансовъ. Онъ добрый дядя, лучше, чѣмъ многіе дяди изъ Америки. Въ зимнюю пору разсказываетъ оцѣ дѣтямъ сестры своей объ американской жизни, объ угольщикѣ Матесѣ на моховомъ болотѣ, и о своихъ пастушьихъ похожденияхъ въ Альгейскихъ горахъ. Особенно любитъ Дами старшаго племянника, очень похожаго на мать.

Югану хотѣлось окрестить свою первую дочку «Босоножкой»; но такого имени не было въ Святцахъ. Въ приходскихъ спискахъ дѣвочку вписали съ именемъ «Варвары,» но дома она была для всѣхъ—*Босоножка*.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

БОРРО,

АНГЛІЙСКАГО МИССИОНЕРА ВЪ ИСПАНИИ.

VIII.

Первый министр.—Казнь.—Искатель клада.—Новый министр.—Бунтъ въ Мадридѣ.

Такъ какъ главная цель моего путешествія по Испаніи состояла въ томъ, чтобы получить разрѣшеніе для напечатанія Новаго Завѣта на кастильскомъ языкѣ, то, прибывъ въ Мадридъ, въ началѣ февраля, я сейчасъ же и началъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ.

Первымъ министромъ былъ тогда Мендизабаль; я рѣшился обратиться прямо къ нему и просилъ Виліерса, нашего посланника въ Мадридъ, доставить мнѣ это свиданіе. Виліерсъ съ большою готовностію далъ мнѣ рекомендательное письмо къ министру, но сомнѣвался въ успѣхѣ, потому что Мендизабаль смотрѣлъ очень неблагопріятно на библейскія общества и былъ расположенъ скорѣе препятствовать, чѣмъ содѣйствовать его предпріятіямъ. Несмотря на то, я рано утромъ отправился во дворецъ министра. Холодъ былъ страшный, снѣгъ лежалъ на улицѣ. Я простоялъ бытыхъ три часа въ нетопленной приемной, между прочими просителями; наконецъ дверь кабинета открылась и изъ нея вышелъ секретарь министра. Обойдя прежде

другихъ, онъ подошелъ наконецъ ко мнѣ и спросилъ: кто я и чего желаю. Я отвѣчалъ на оба вопроса и замѣтилъ, что имѣю рекомендательное письмо къ министру.

— Если позволите, сказалъ секретарь, я самъ представлю его превосходительству ваше письмо.

Я отдалъ письмо и секретарь опять исчезъ въ кабинетъ. Потомъ просителей стали приглашать въ кабинетъ министра; наконецъ дошла очередь и до меня.

Когда я вошелъ, Мендизабаль стоялъ у стола, покрытаго бумагами, и внимательно смотрѣлъ на нихъ. На меня онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, такъ что я имѣлъ довольно времени разглядѣть его. Онъ былъ высокаго роста, плотнаго сложения, съ правильными чертами, орлинымъ носомъ и зубами, блестящими какъ снѣгъ. На лицѣ его замѣтно было здоровье и крепость, но волосы были почти сѣдые, хотя ему было едва пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ въ богатое утреннее платье; на шеѣ висѣла золотая цѣпь.

На другомъ концѣ стола, съ бумагами въ рукахъ, стоялъ его секретарь, человекъ съ умнымъ лицомъ, который, какъ я узналъ послѣ, сдѣлался извѣстнымъ въ англійской и испанской литературѣ.

Я простоялъ съ четверть часа; Мендизабаль вдругъ поднялъ голову и устремилъ на меня долгій, пронизательный взглядъ.

Аудіенція моя продолжалась съ часъ. Какъ предупредилъ меня Вилерсъ, министръ былъ совершенно противъ Библейскаго Общества и принялъ мое предложеніе очень холодно. Но я, не теряя надежды, продолжалъ упрашивать министра до-тѣхъ-поръ, пока не получилъ обѣщанія, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда, какъ онъ надѣется, война затихнетъ, мнѣ будетъ дозволено напечатать Священное Писаніе.

— Вы думаете, что вы первый просите меня объ этомъ? сказалъ Мендизабаль въ заключеніе, когда я уже собирался откланяться: — на этихъ дняхъ былъ у меня съ подобнымъ предложеніемъ одинъ господинъ въ то самое время, какъ я былъ страшно занятъ самыми запутанными дѣлами... На меня ужъ и такъ косо смотритъ духовенство, а вы хотите ихъ еще более возстановить противъ меня! И что за непостижимая страсть у васъ, госнода, вздѣтъ по цѣлому міру съ Библіей въ рукахъ?! Любезный другъ! намъ не Библия нужна, а ружья и порохъ,

чтобъ усмирять бунтовщиковъ, а главное—деньги, на содержаніе войска.

— Но... сказала я, междуособія никогда не кончатся, если народъ не будетъ свободно читать слово Божіе.

— Я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ, съ живостію перебилъ Менди-забаль, я не даромъ прожилъ въ Англіи 13-ть лѣтъ, знаю, какъ ваши соотечественники говорятъ въ подобныхъ случаяхъ. Оставьте меня теперь, вы видите, я страшно занятъ. Приходите послѣ, но не ранѣе, какъ чрезъ три мѣсяца.

Такъ кончилась моя аудіенція у перваго министра.

Въ ожиданіи назначеннаго мнѣ срока, который значительно сократился въ слѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ, я осматривалъ всѣ достопримѣчательности Мадрита. Въ одно прекрасное утро Бальтазаръ, сынъ моей хозяйки, повелъ меня на площадь, гдѣ должна была совершиться смертная казнь надъ двумя убійцами. Никогда не забуду я этого ужаснаго зрѣлища! Преступниковъ въ Испаніи не вѣшаютъ, какъ въ Англіи, и не гиліотируютъ, какъ во Франціи, но даютъ посредствомъ желѣзнаго ошейника съ винтомъ назади, укрѣпленнаго въ спинкѣ стула, на которой сажаютъ осужденнаго. Несчастный съ выбритой головой въхалъ на площадь на ослѣ, безъ сѣдла и стремянъ, въ желтой рубахѣ и остроконечной красной шапкѣ. Въ рукахъ у него была какая-то бумага. Два монаха вели осла, другіе два шли по бокамъ и пѣли молитвы. Преступникъ, безъ малѣйшаго страха, сошелъ съ осла и сѣлъ на стулъ. Роковой ошейникъ былъ надѣтъ на него и монахъ началъ читать Вѣрую. Осужденный повторялъ за нимъ слово за словомъ. Только что онъ окончилъ, палачъ въ одно мгновеніе повернулъ винтъ и монахъ произнесъ громко: *paх et misericordia et tranquillitas...* Голосъ его возвышался по мѣрѣ того, какъ въ груди преступника, уже искаженного муками смерти, замирало послѣднее дыханіе; тогда монахъ приникъ къ уху мертвеца и произнесъ: *Misericordia!... misericordia!...* какъ бы напутствуя душу его въ загробный міръ. Сцена эта была до того поразительна, что многіе, въ томъ числѣ и я, невольно повторили послѣднее слово утѣшенія.

Я не могъ видѣть второй казни. Гораздо спокойнѣе зрѣлище представлялъ для меня самъ Мадридъ съ его населеніемъ. Нигдѣ я не встрѣчалъ столько народности. Всѣ главные города Ибероны представляютъ смѣсь разныхъ національностей. Но въ Мадридѣ, за исключеніемъ небольшого числа ремесленниковъ фран-

цузовъ, все и вездѣ, чисто испанское. Тутъ нѣтъ ни нѣмецкихъ колоній, ни англійскихъ конторъ, какъ въ другихъ городахъ. Народъ странный, даже дикій, составленный изъ различныхъ элементовъ, не измѣняющійся ни въ чемъ, свято сохраняющій свою народность. Объ аристократіи испанской я ничего не скажу. Въ обществахъ аристократовъ я бывалъ очень рѣдко, и не могъ получить о нихъ правильнаго понятія, да и тѣ, немногіе, которыхъ удалось мнѣ видѣть, не слишкомъ расположили меня въ свою пользу.

Скоро я долженъ былъ оставить изученіе Мадрита и заняться дѣломъ, болѣе близкимъ моему сердцу, которое совершенно неожиданно подвинулось впередъ.

Какъ я сказалъ уже, Мендизабаль предложилъ мнѣ придти къ нему чрезъ три мѣсяца, увѣряя, что тогда не будетъ препятствовать напечатанію Новаго Завѣта. Но гораздо ранѣе этого срока первый министръ попалъ въ немилость и былъ отставленъ въ слѣдствіе происковъ и интригъ двухъ прежнихъ своихъ друзей: Истурица и Галіана. Мендизабаль заблаговременно удалился отъ дѣлъ, увидѣвъ, что обстоятельства ему не благоприятствуютъ, хотя у него была еще довольно сильная партія въ совѣтъ и въ народъ.

Не имѣя намѣренія пускаться въ политику, скажу только, что Истурицъ сдѣлался главою кабинета, Галіано морскимъ министромъ, а герцогъ Ривасъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Поддержанные только дворомъ и нѣкоторыми сановниками, они завербовали въ свою партію отважнаго, но недалковиднаго чело­вѣка, по имени Квезада, который начальствовалъ нѣкогда войскомъ и имѣлъ огромное вліяніе на народъ. Этотъ Квезада былъ назначенъ губернаторомъ Мадрита.

Всѣ эти представители новаго правительства дѣйствовали, разумѣется, совершенно противно прежнему министру, а потому и моя просьба была принята иначе.

Съ Галіано, который считался главнымъ изъ нихъ, я только что познакомился. Онъ былъ очень хорошо образованъ, особенно какъ литераторъ, отлично писалъ на своемъ языкѣ и на англійскомъ, но при всемъ томъ былъ непримиримый врагъ всякаго, кто стоялъ на его пути. Онъ ненавидѣлъ Мендизабаль и говорилъ о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Съ моей стороны было бы весьма неблагодарно не сознаться, что я многимъ обя-

занъ Галиано, который способствовалъ всеми силами моему важному предпріятію.

Вскорѣ по утвержденіи новаго министерства, я явился къ нему и сказалъ, что теперь настало время помочь мнѣ,—теперь или никогда.

— Я готовъ, отвѣчалъ Галиано своимъ сердитымъ голосомъ, которымъ онъ говорилъ со всеми безъ различія, но погодите нѣсколько дней, мы сегодня распускаемъ членовъ Кортеса. На случай сопротивленія со стороны этихъ разбойниковъ, Квезада будетъ стоять съ войскомъ у дверей. Подите со мной, вы можете все это видѣть...

Къ счастью, дѣло обошлось безъ геройскаго вмѣшательства Квезады. Послѣ громкихъ споровъ, продолжавшихся около часа, Кортесъ былъ распущенъ и Галиано тотчасъ же далъ мнѣ письмо къ своему собрату герцогу Ривасу, отъ котораго прямо зависило запретить или позволить мнѣ напечатаніе священныхъ книгъ. Герцогъ, Андалузскій уроженецъ, какъ и оба его собрата, былъ прекрасный молодой человекъ лѣтъ около 30-ти. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій, кажется драматическихъ, и пользовался нѣкотораго рода литературной извѣстностію. Принялъ онъ меня чрезвычайно учтиво и, выслушавъ мою просьбу, предложилъ обратиться съ этимъ дѣломъ къ своему секретарю, Олибану. Я отправился къ Олибану. Онъ былъ Арраговецъ, некрасивый собой и вовсе не любезенъ.

— Вамъ нужно позволеніе печатать Новый Заветъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ я.

— Вы за этимъ и пришли къ его превосходительству?

— Такъ точно.

— И вѣроятно желаете печатать книгу безъ примѣчаній?

— Безъ примѣчаній.

Въ такомъ случаѣ его превосходительство не можетъ вамъ разрѣшить, замѣтилъ секретарь очень спокойно. Соборъ постановилъ, чтобы никакая часть священнаго писанія не была напечатана безъ церковныхъ комментариевъ.

— А сколько лѣтъ тому назадъ положилъ это соборъ? спросилъ я.

— Не знаю сколько лѣтъ, отвѣчалъ Олибанъ, но это было положено. Теперь позвольте спросить, кто вы, и знаетъ ли васъ англійскій министръ?

— Очень знаетъ, воскликнулъ я, и принимаетъ огромное участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Право? въ такомъ случаѣ это совсѣмъ другое дѣло, сказалъ Олибанъ. Я съ своей стороны не буду препятствовать, если только министръ этого желаетъ.

Я откланялся и, не теряя времени, пошелъ къ нашему посланнику, который уже видѣлся съ герцогомъ и говорилъ о моемъ дѣлѣ; но все-таки находилъ нужнымъ дать мнѣ къ нему частное письмо и написалъ еще другое ко мнѣ, въ которомъ весьма ясно было выражено живѣйшее участіе посланника въ моемъ предпріятіи. Герцогъ меня принялъ еще любезнѣе, чѣмъ въ первый разъ; прочиталъ адресованное къ нему письмо, рассыпался въ учтивостяхъ и отправилъ меня опять къ секретарю. Секретарь по прежнему былъ холоденъ какъ ледъ. Я ему подалъ письмо нашего посланника ко мнѣ, въ доказательство участія. Олибанъ, прочтавъ письмо съ большимъ вниманіемъ и очень медленно, сказалъ наконецъ что дѣйствительно министръ принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Потомъ онъ опустился въ кресло, подвинулъ къ себѣ листъ бумаги и взялъ перо, какъ бы собираясь писать позволеніе. Я былъ въ восторгѣ. Вдругъ онъ задумался; приподнялъ голову и, заложивъ перо за ухо, произнесъ:—Однако въ числѣ постановленій Собора, находится одно...

— О, Боже мой! подумалъ я, опять постановленія Собора! Проговорили мы долго, и все безъ толку.

— Что за странный человекъ этотъ Олибанъ, сказалъ я, возвратясь къ Галиано. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ меня мучитъ своими соборными постановленіями.

— Какъ ему забредеть что-нибудь въ голову, такъ ни чѣмъ ужъ не выбьешь, отвѣчалъ смѣясь Галиано. Это ужъ такой человекъ. Пойдемте къ нему, онъ мой старый пріятель; я постараюсь уговорить его; надо поступать съ нимъ осторожно.

На слѣдующій день мы повхали въ великолѣпныя палаты министерства внутреннихъ дѣлъ на свиданіе съ Олибаномъ. Галиано, отвѣдя его въ сторону, говорилъ съ нимъ очень долго и тихо, такъ что я ничего не могъ слышать. По окончаніи разговора, Галиано обратился ко мнѣ:

— Въ вашемъ дѣлѣ есть нѣкоторыя затрудненія, сказалъ онъ, но г. Олибанъ, изъ дружбы ко мнѣ, все сдѣлаетъ, что отъ него зависитъ. Оставайтесь здѣсь, ваше дѣло устроится, прощайте!

Сказавъ это, Галиано уѣхалъ, а я остался съ Олибаномъ, ко-

торый продолжалъ писать что-то. Дописавъ, онъ досталъ ящикъ съ сигарами и предложилъ мнѣ. Я отказался, потому что не курю. Тогда онъ съ сигарой въ зубахъ, обратился ко мнѣ со слѣдующей рѣчью на французскомъ языкѣ:

— Мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть васъ въ нашей столицѣ, даже по дѣлу, которое васъ привело сюда. Я считаю большимъ несчастіемъ для Испаніи то, что здѣсь нѣтъ книгъ Священнаго Писанія, доступныхъ всемъ классамъ общества. Не сомнѣваюсь, чтобы эта книга, напечатанная просто, безъ всякихъ поясненій, могла произвести благотворное вліяніе на умы народа, не имѣющаго никакого понятія о своемъ духовномъ спасеніи. Я вполне увѣренъ, что даже наружное просвѣщеніе не можетъ существовать тамъ, гдѣ, такъ сказать, воспрещено свободное чтеніе божественнаго закона. Лучшимъ доказательствомъ тому служить ваше собственное отечество — счастливая Англія, одолженная всемъ своему духовному образованію. Я не могу во всемъ этомъ не сознаться; факты очевидны, но...

— Еще!! подумалъ я. И чтожъ? за этимъ *но* снова полилась дѣлая соборная диссертація. Я рѣшительно не добился ничего и наконецъ понялъ, что все эти приготовления, какъ-то: глубокомысленное писаніе бумаги, предложеніе сигаръ и вступительная рѣчь, имѣли омысль учтиваго отказа.

Я ушелъ отъ него, какъ легко себя представить, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Дѣло мое должно было остановиться еще на неопредѣленное время. Въ ожиданіи лучшаго, я сталъ осматривать окрестности.

Во время прогулокъ за городомъ, я часто останавливался у лавочки, гдѣ продавались апельсины и другіе фрукты. Лавочникъ, съ которымъ я успѣлъ свести тѣсную дружбу, покупая у него фрукты, занималъ меня не стоящими разсказами о всѣхъ проходящихъ тамъ лицахъ, которыхъ онъ, какъ постоянный житель Мадрида, зналъ на исречетъ. Однажды подошелъ къ намъ человекъ средняго роста, съдой, съ лицомъ, похожимъ на то, какъ будто бы оно было обожжено, большіе голубые глаза его останавливались на проходящихъ, съ выраженіемъ тревожнаго безпокойства, точно онъ ожидалъ отъ каждаго изъ нихъ какого нибудь важнаго извѣстія. Платье его было яркаго коричневаго цвѣта, на головѣ огромная пошошенная шляпа. Наружность этого человека привлекла мое вниманіе. Лавочникъ привѣтствовалъ его какъ стараго знакома, назвавъ по имени, на что тотъ отвѣчалъ

такой же учтивостію и, поклонившись мнѣ, предложилъ на ломаномъ испанскомъ языкѣ купить у него два куска душистаго мыла. Я спросилъ, кто онъ?

— Я Швейцарецъ изъ Люцерна, отвѣчалъ онъ; мое имя Бенедиктъ Моль, отставной солдатъ, а теперь мыловарникъ,—къ вашимъ услугамъ.

— Вы говорите по испански съ большими ошибками, сказалъ я:—какъ давно вы здѣсь?

— Сорокъ пять лѣтъ, отвѣчалъ Бенедиктъ. Когда гвардія была распущена, я отправился въ Минорку и позабылъ тамъ испанскій языкъ, хотя не выучился Каталонскому. Я хотѣлъ было бѣжать оттуда, служба была плохая, да женился на Каталонкѣ и двое дѣтей ужъ было; только это меня и удержало; потомъ, правда, жена умерла, дѣти разбрелись въ разные стороны, такъ что я и не знаю, гдѣ они! Думаю однако скоро возвратиться въ Люцернъ, тамъ я заживу по княжески.

— Такъ у васъ вѣроятно есть большія деньги, сказалъ я, глядя съ сомнѣніемъ на продранную шляпу и потертый костюмъ Швейцарца.

— Ни алтына! воскликнулъ онъ:—вотъ все мое богатство, прибавилъ онъ, показывая мнѣ два куска мыла.

— Ну, такъ у васъ есть земля, или богатые родственники?

— Ни того, ни другаго. Отецъ мой былъ бѣдный ремесленникъ; когда умеръ, тѣло его было взято за долги.

— Вы вѣроятно намѣрены заняться мыловареннымъ искусствомъ. Это точно прибыльное занятіе.

— Совсе нѣтъ! воскликнулъ Швейцарецъ. Но я вижу, вы почтенный измѣецъ; съ вами я могу говорить откровенно. Я также мало смыслю въ мыловаренномъ искусствѣ, какъ и въ портняжномъ или въ дѣлѣ коновода, хотя всѣмъ этимъ я занимаюсь... Даже, если сказать по правдѣ, и эти куски мыла не мои.

— Въ такомъ случаѣ, я право не понимаю на какомъ основаніи вы располагаете въ Люцернѣ жить по княжески; можетъ быть, вы рассчитываете, что люцернскіе граждане, во вниманіе къ вашимъ военнымъ заслугамъ, будутъ содержать васъ на своемъ иждивеніи.

— Гмъ! произнесъ Швейцарецъ, граждане Люцерна не извѣщаютъ большой готовности содержать кого бы то ни было на своемъ иждивеніи; многіе военные со славой возвратились въ отечество и до-сихъ-поръ еще запрашиваютъ кусокъ хлѣба по

улицамъ. Итъ! почтеннѣйшій, я прѣду туда не съ пустыми руками, а съ огромнымъ кладомъ, который лежитъ покуда въ церкви св. Іакова, въ Галиціи.

— Надѣюсь, однако, вы не собираетесь обобратъ церковь св. Іакова, сказалъ я, но если бы и была у васъ подобная мысль, то, кажется, вы онездали, потому что Мемдивабаль съ партіей либераловъ давно уже взяли оттуда все, что могли; сколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ испанскихъ церквахъ не осталось ничего, кроме самыхъ бѣдныхъ украшеній.

— Почтеннѣйшій господинъ мой! отвѣчалъ Швейцарецъ, это не церковное сокровище; ни одно живое существо не знаетъ о его существованіи. Слушайте! Лѣтъ 30 тому назадъ, въ число раненыхъ солдатъ, прибывшихъ также, какъ и я, въ Мадридъ съ французами, былъ одинъ, который вскорѣ и умеръ. Передъ смертію онъ призвалъ меня и объявлялъ тайну, что онъ, и еще двое его товарищей, которые были убиты, зарыли въ одной церкви въ Компостелло большую добычу, вывезенную изъ Португаліи. Тамъ было золото и бразильскіе брилліанты; все это заперто въ желѣзный ящикъ.... Съ этой минуты я день и ночь только объ этомъ и думаю.... Найти ящикъ легко, потому что умпрающій очень подробно описалъ его, и если бы я былъ въ Компостелло, нашель бы непременно. Я уже нѣсколько разъ порывался итти туда, да все что нибудь останавливало. Послѣ смерти жены, я было и отправился въ Компостелло, да въ Мадридъ, какъ на грѣхъ, связался съ одной бабой, та и проволочила меня за собой нѣсколько лѣтъ. Она, видите, была колдунья, грозила меня извести, если я ее брошу. Теперь къ счастью, ее скрючило; она попала въ больницу и вѣроятно скоро умретъ. Вотъ вся моя исторія! Lieber Herr!

Я съ намѣреніемъ передаю разговоръ мой съ Швейцарцемъ, потому что мнѣ придется еще вспомнить объ этомъ чловѣкѣ въ моихъ запискахъ.

Между тѣмъ новое министерство и партія королевы возстановили противъ себя народъ. Мадридъ волновался. Вѣрно было отнять оружіе у бунтовщиковъ, что еще болѣе усилило ненависть ихъ къ новому правительству и въ особенности къ Квезадъ, которому приписывали эту предохранительную мѣру.

Не смотря на политическія волненія, я не переставалъ хлопотать о моемъ дѣлѣ. Олибанъ на всѣ мои доказательства приводилъ постановленія собора и кончилъ тѣмъ, что отказалъ мнѣ

наотрѣзъ. Мало того, онъ старался внушить и герцогу уваженіе къ соборнымъ постановленіямъ. Герцогъ началъ принимать меня холодно, до того, что когда я однажды явился къ нему для объясненія, онъ тотчасъ же скрылся въ дверяхъ и я уже болѣе его не видѣлъ. Одинъ Галіано не измѣнилъ мнѣ, но и онъ объявилъ довольно наивно, что на герцога нельзя надѣяться. — Да и что вамъ въ письменномъ позволеніи, за исполненіе котораго никто не можетъ отвѣчать? спросилъ наконецъ Галіано. Печатайте съ Богомъ, повидайтесь только съ Истурицемъ. Я постараюсь, чтобъ онъ васъ хорошо принялъ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ у министра и благосклонный пріемъ его превзошелъ мои ожиданія.

— Я долго жилъ въ Англій, сказалъ онъ, и убѣдился, что Библия ни въ какомъ случаѣ не можетъ мѣшать народному благосостоянію. Печатайте и продавайте ее сколько вамъ угодно.

Я едва могъ опомниться отъ радости. Наконецъ я имѣлъ позволеніе, если не письменное, то по-крайней-мѣрѣ словесное, а главное, увѣренность, что испанское правительство не будетъ преслѣдовать распространенія Библии. За будущее я не боялся, даже если бы и перемѣнилось министерство, потому что посланникъ нашъ, вездѣ, гдѣ только могъ, сильно поддерживалъ это святое дѣло.

Свиданіе мое съ Истурицемъ поразило меня страннаго рода особенностію, и прежде всего—чрезвычайно легкимъ доступомъ. Тутъ не было ни ожиданій въ переднихъ, ни особенныхъ докладовъ, какъ у Мендизабала; за то не было и той дѣятельности, которая кишѣла во дворцѣ прежняго министра. Кромѣ меня и секретаря не было никого. Но всего болѣе изумило меня лицо и пріемъ самаго Истурица. Когда я вошелъ, онъ лежалъ на диванѣ, сложа руки, съ опущенными глазами. Во всей его наружности, въ голосѣ, когда онъ заговорилъ со мной, было такое глубокое выраженіе грусти, что онъ показался мнѣ точно приговореннымъ къ смерти, или человѣкомъ, чувствующимъ, что ему предстоитъ неизбѣжная борьба, превышающая его силы.

Предчувствіе это оказалось весьма справедливымъ: чрезъ недѣлю вспыхнулъ мятежъ въ загородномъ королевскомъ помѣстьи, называемомъ *La granja*. Бунтовщики вломились во дворецъ и, не смотря на долгое сопротивленіе королевы, угрожая смертію ея любимцу Мунносу, заставили ее подписать конституцію.

На другой день послѣ этого происшествія я отправился въ

Пуэрта-дель-соль. Тамъ слышались неистовые крики народа, который въ обыкновенное время тамъ мирно курить свои сигары. Теперь было не то! Среди этой шумной толпы, я увидѣлъ Бальтазара, сына моей хозяйки; онъ храбрился не менѣ другихъ и, поднимая ружье, кричалъ, что не боится никого, даже самаго Квезады. Между тѣмъ съ одной стороны показался отрядъ войска. Пріятель мой Д**, сотрудникъ газеты Morning Chronicle, и я, отыскали себѣ пристанище въ одномъ домѣ, отдававшемся въ наемъ, изъ оконъ котораго можно было видѣть всю площадь. Мы наняли тамъ комнату, завалили дверь и, обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ нападенія; стали глядѣть въ окно, ожидая, чѣмъ кончится волненіе. Д**, очинивъ свои карандаши, вынулъ бумагу и готовился рисовать съ натуры предстоящую картину.

Славный народъ наши газетные корреспонденты! Никто, кажется, больше ихъ не заслуживаетъ названія космополитовъ. Ихъ дѣятельность и отвага возвышается иногда до героизма. Во время парижскаго возстанія, я видѣлъ, какъ они, сидя за барикадами, подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, спокойно записывали свои замѣчанія. Въ Испаніи, многіе изъ нихъ отважно слѣдовали въ самыя трудныя экспедиціи за Карлистами и Кристинскими Гвериліасами, терпѣли голодъ и холодъ, подвергали опасности жизнь — и все это только для того, чтобы сообщить вѣрную новость!

Едва мы просидѣли нѣсколько минутъ у окна, какъ изъ улицы Калле де-Каррэтасъ показался скачущій отрядъ. По мѣрѣ приближенія его, дикіе крики толпы замѣтно начали стихать, будто панической страхъ овладѣлъ всеми. Вдругъ раздался восклицанія: Квезада! Квезада! Толпа, занимавшая входъ въ улицу Каррэтасъ, была мгновенно опрокинута; на площади показался храбрый Квезада въ генеральскомъ мундирѣ, на отличномъ англійскомъ конѣ. Возлѣ него скакали два офицера, а за ними въ нѣсколькихъ шагахъ вѣхалъ небольшой отрядъ драгунъ. Едва они появились, толпа, шумѣвшая на площади, обратилась въ бѣгство. Квезада носился какъ вихрь; въ нѣсколько минутъ площадь была очищена; мятежники столпились въ улицѣ Алькалы. Во время этого отступленія кто-то выстрѣлилъ по немъ. Пуля зацѣпила его шляпу; но генераль только посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ и продолжалъ хладнокровно отдавать приказанія. Выстрѣлившій скрылся въ толпѣ. День этотъ былъ знаменитъ въ жизни Квезады—это день его торжества.

Быстрымъ появленіемъ своимъ въ Пуэрта-дель-Соль онъ удержалъ на цѣлыя сутки возмущеніе въ Мадридѣ и если бы представители новаго правленія имѣли столько же характера, то вѣроятно мятежъ былъ бы уничтоженъ въ самомъ началѣ, потому что войско, приверженное королевѣ, было уже на дорогѣ къ Мадриду. Но вышло иначе. Правители сами были поражены ужасомъ. Истурицъ и Галиано бѣжали во Францію; герцогъ Ривосъ ускакалъ въ Гибралтаръ; Квезада, оставленный всеми, тоже бѣжалъ переодѣтый; но его поймали недалеко отъ Мадрита и засадили въ тюрьму. Несчастному не оставалось ничего больше, какъ приготовиться къ смерти.

Такимъ образомъ разыгралась революція, называемая *La granja*. Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ происшествій, я принужденъ былъ оставить Испанію на короткое время.

IX.

Дѣйствія миссіонера.—Старый инквизиторъ.—Удивительный лакей.

Споро я возвратился изъ Англій, куда ѣздилъ для совѣщанія объ открытіи библейскаго общества въ Испаніи. Мы положили немедленно печатать Новый Заветъ въ Мадридѣ; на мнѣ лежала обязанность разсылать экземпляры.

Въ Лиссабонѣ я встрѣтился съ добрымъ другомъ моимъ W*, который съ своей стороны употреблялъ все силы къ распространенію священныхъ книгъ въ Португаліи. Ревностное стараніе его въ этомъ случаѣ было достойно удивленія; но, къ несчастію, междоусобія, господствовавшія въ этой странѣ, мѣшали его благороднымъ стараніямъ. Все были такъ заняты политикой, что никто и не думалъ о потребностяхъ души.

Въ Кадиксѣ я зашелъ-было въ книжную лавку и осведомился, въ какомъ состояніи литература вообще и какъ раскупались книги. Отвѣчали: плохо. Я показалъ Новый Заветъ на испанскомъ языкѣ, изданный въ Лондонѣ. Купецъ похвалилъ печать и бумагу, но прибавилъ, что никто не спрашиваетъ подобныхъ книгъ. Заходить въ другія лавки было нечего; купцы не могли сочувствовать изданію, которое не приносило имъ пользы.

Утромъ, 24 ноября, я отправился въ Севиллу. Ни одинъ путешественникъ, прибывшій въ Севиллу, не оставитъ безъ вниманія знаменитаго Альказара, заключающаго въ себѣ нѣсколько ве-

линейныхъ залъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна зала нослѣтъ, затмѣвающая богатствомъ залу того же имени въ альгамброкомъ дворцѣ въ Гренадѣ. Альказаръ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ Петра Жестокаго, который сохранилъ его въ первоначальномъ видѣ, не измѣняя ни въ чемъ мавританской архитектуры. И теперь онъ еще стоитъ въ томъ же положеніи.

Недалеко отсюда я увидѣлъ древній римскій амфитеатръ, въ видѣ формы овала, съ двумя воротами, на югъ и на западъ. По обѣимъ сторонамъ видны разрушенныя, гранитныя скамьи, съ которыхъ некогда тысячи зрителей слѣдили за битвами гладиаторовъ, или дракой звѣрей. Внизу, подъ скамьями, видны углубленія, въ родъ келій, изъ которыхъ, съ разныхъ сторонъ, выускались на ристалище люди и звѣри. Я долго бродилъ по этимъ развалинамъ, поросшимъ травой и мохомъ; на каждомъ шагѣ слышалось ширшіе быстро убѣгающихъ животныхъ, которыя одни обитаютъ въ этихъ античныхъ палатахъ. Уходя, я увидѣлъ возлѣ одной кельи полуобъяденный лошадиный трупъ. Надъ нимъ стоялъ огромный ястребъ съ сверкающими глазами; едва онъ меня замѣтилъ, какъ поднялся на воздухъ, испустивъ дикій крикъ. Видъ этой хищной птицы какъ нельзя лучше соответствовалъ общей картинѣ разрушенія.

Вотъ все, что я видѣлъ любопытнаго въ Севильѣ. Заходилъ я тамъ и въ книжную лавку; нашелъ экземпляръ Новаго Завета, привезенный изъ Гибралтара два года тому назадъ. Съ этой поры, по словамъ книгопродавца, было продано всего шесть экземпляровъ. Впрочемъ, человекъ, сопровождавшій меня въ загородныхъ и городскихъ прогулкахъ, старый генуэзецъ, нечто въ родъ лакея въ трактирѣ, гдѣ я жилъ, узнавъ о моемъ намѣреніи печатать Новый Заветъ въ Мадридѣ, увѣрялъ меня, что я могу надѣяться на хорошій сбытъ въ Андалузін. — Я самъ торговалъ книгами, говорилъ онъ, и имѣлъ здѣсь лавку. Однажды я вывезъ изъ Гибралтара нѣсколько экземпляровъ этихъ книгъ; многіе, правда, были захвачены таможенными офицерами; но тѣ, которые остались, я продавалъ по весьма выгодной цѣнѣ. Это извѣстіе порадовало меня, разумѣется, не въ отношеніи къ прибыли, но къ требованію.

Я нанялъ пару лошадей и подрядилъ стараго генуэзца проводить меня до Кордовы: тамъ я остановился въ огромномъ домѣ, заключавшемъ необъятное количество комнатъ большихъ и малыхъ; многія изъ нихъ вовсе не были меблированы. Моя ком-

вата выходила въ концѣ предлиннаго корридора, въ родѣ тѣхъ, которыя описываются въ *Удольфскихъ Тайнахъ* г-жи Редклиффъ. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней я думалъ, что живу одинъ въ этомъ огромномъ зданіи. На третье утро однако я увидалъ въ корридорѣ у окна странную фигуру старика, читающаго съ большимъ вниманіемъ какую-то толстую книгу. Онъ былъ въ панталонахъ голубаго цвѣта, въ широкоемъ спензерѣ и въ жилетѣ, обшитомъ рядами маленькихъ перломутовыхъ пуговицъ. На носу у него были очки. Несмотря на то, что онъ сидѣлъ, я могъ видѣть, что это былъ человекъ гигантскаго роста.

— Кто это такой? спросилъ я хозяина, случившагося тутъ: это вашъ постоялецъ?

— Не совсѣмъ, донъ-Джорджъ (такъ меня тамъ называли), отвѣчалъ хозяинъ. Я собственно не могу назвать его моимъ жильцомъ, потому что онъ ничего мнѣ не платитъ, хотя постоянно здѣсь. Онъ и его товарищъ—священники, служатъ въ сосѣдней деревнѣ. Однажды, когда солдаты Гомеца вошли въ село, его преподобіе встрѣтилъ ихъ въ полномъ облаченіи и провозгласилъ Карлоса V. Другой же священникъ, напротивъ того, былъ отчаянный либераль, такъ что роялисты хотѣли его повѣсить и повѣсили бы непременно, еслибы его преподобіе не испросилъ помилованія своему собрату, съ условіемъ, чтобы онъ прокричалъ: *Vivo Carlos quinto!* что тотъ, разумется, и исполнилъ. Петля—то, какъ видно, не свой брать!

Разсказъ трактирщика мнѣ понравился, а лицо оригинальной духовной особы—еще болѣе. Я рѣшился заговорить.

На другой день, проходя по корридору и увидѣвъ старика на томъ же мѣстѣ, я поклонился ему. Онъ отвѣчалъ на мой поклонъ очень учтиво и, закрывъ книгу, положилъ ее къ себѣ на козъна, какъ бы выжидая моего вопроса. Сказавъ нѣсколько словъ, я протянулъ руку къ книгѣ.

— Вамъ, донъ-Джорджъ, эта книга не принесетъ пользы, произнесъ старикъ: вы не поймете ее, она не англійская.

— И не испанская, отвѣчалъ я: что же касается до пониманія ея, кажется, тутъ нѣтъ ничего особенно мудренаго. Это латинскія молитвы.

— Какъ! неужто англичанинъ знаетъ по-латинъ? воскликнулъ старикъ. А! кто бы могъ это подумать!.. Лютеране могутъ понимать языкъ церкви! Вотъ правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учишь!

— А который вамъ годъ, ваше преподобіе? спросилъ я.

— Семьдесятъ, донъ Джорджъ, семьдесятъ и еще слишкомъ.

Этимъ окончился мой первый разговоръ со священникомъ, которому, какъ видно, я очень понравился, потому что онъ часто искалъ моей бесѣды; но, въ противоположность трактирщику, избѣгалъ разговоровъ о политикѣ. Это меня крайне удивляло, особенно когда я вспоминалъ объ его отважномъ, рѣшительномъ поступкѣ при вторженіи карлистовъ въ сосѣднюю деревню. Но зато патеръ чрезвычайно любилъ толковать о священныхъ предметахъ, преимущественно о писаніи св. отцевъ.

— У меня дома есть небольшая библіотека, сказалъ онъ мнѣ однажды: всѣ мои книги — описанія дѣяній святыхъ угодниковъ. Я собираю ихъ вездѣ, гдѣ могъ. Чтеніе это чрезвычайно полезно и занимательно. Если теперешнія смутныя обстоятельства пройдутъ, донъ Джорджъ, и вы снова будете въ этихъ краяхъ, то, надѣюсь, посвятите меня. Тогда я вамъ покажу мою небольшую библіотеку и голубятню; я воспитываю разныя породы голубей; они доставляютъ мнѣ и удовольствіе и выгоды.

— Я думаю, возразилъ я, что подъ словомъ голубятни вы разумете вашу духовную паству и подъ кормленіемъ птицъ понимаете назиданіе душъ вѣрвннаго вамъ народа, который вы научаете страху Божьему, что, конечно, должно вамъ приносить душевное утѣшеніе и большую духовную прибыль.

— Я говорилъ не фигурально, хладнокровно отвѣчалъ старикъ: я точно держу голубей и продаю ихъ здѣсь на рынкѣ, или въ Севилль. Они у меня отличные—жирнѣе и пушистѣе не найти вамъ въ цѣломъ королевствѣ. Если вы остановитесь въ нашей деревнѣ, то, вѣроятно, вамъ подадутъ жаркое изъ нихъ, потому что кромѣ меня туда голубей никто не поставляетъ. Что же касается до душъ моей паствы, то, кажется, я исполняю мою обязанность по мѣрѣ возможности. Я всегда любилъ духовные предметы, и вотъ почему опредѣлился въ Санта-Каза, обязанности которой я исполнялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

— Какъ! вскричалъ я съ удивленіемъ:—вы были инквизиторомъ?

— Съ тридцати-лѣтняго возраста до закрытія священнаго судилища въ этой несчастной странѣ.

— Вы меня крайне удивили и обрадовали, сказалъ я. Ничего не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ бесѣдовать съ чело-вѣкомъ, принадлежавшимъ къ здѣшнему священному судилищу.

Старикъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и потомъ ска-

залъ, глядя на меня пристально:— Я понимаю васъ, донъ Джорджъ. Я давно вижу, что вы одинъ изъ нашихъ. Вы ученый и почтенный человекъ, и хотя называете себя лютераниномъ и англичаниномъ, но я вижу, кто вы истинно. Лютеранинъ не будетъ любопытствовать въ дѣлахъ, касающихся до нашей церкви, какъ вы, а что до вашего англійскаго происхожденія, то повѣрьте, никто изъ Англичанъ не говоритъ по-кастильски, еще менѣе по латыни. Я такъ думаю, что вы нашъ миссіонеръ, и догадываюсь это потому, что вы часто находитесь въ сношеніяхъ съ цыганами кажется; вы между ними и проповѣдуете. Но будьте осторожны, не доверяйте слишкомъ цыганамъ: они обманщики.

— Благодарю за совѣтъ, отвѣчалъ я:— въ денежныя дѣла я точно имъ не повѣрю; но оставимъ это, и позвольте мнѣ обратиться къ болѣе любопытному для меня предмету. Скажите мнѣ, какого рода преступленія судились здѣсь въ священномъ судилищѣ?

— Вамъ, вѣроятно, это извѣстно, отвѣчалъ старикъ: чародѣйство, іудейзмъ и нѣкоторые тѣлесные грѣхи.

— Вотъ позвольте, что касается до чародѣйства, перебилъ я, какое ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ? Точно ли существуетъ такое преступленіе?

— Que se io! почему я знаю! воскликнулъ монахъ, пожимая плечами. Наша церковь, донъ Джорджъ, имѣетъ власть, т. е. имѣла, наказывать всякіе грѣхи, дѣйствительные и недѣйствительные; и какъ приходилось судить для того только, чтобы доказать дѣйствительность этой власти, то не все ли равно наказывать за колдовство, или за чтонибудь другое?

Отвѣтъ этотъ поразилъ меня своей наивностью.

— А много бывало случаевъ осужденія за чародѣйство, собственно у васъ? спросилъ я опять.

— Одинъ или два. Вообще это случалось довольно рѣдко. Последнее происшествіе этого рода, я помню, было въ монастырѣ въ Севильѣ. Одинъ монахъ леталъ по ночамъ черезъ окно въ садъ, и садился на макушку деревъ. Собранны были показанія свидѣтелей и дѣло составили по формѣ: доказательства были достаточны и подсудимаго сожгли.

— Ну... а іудейзмъ васъ много беспокоилъ? спросилъ я вполне удовлетворенный объясненіемъ старика.

— Уфъ! Ничто такъ не беспокоило священное судилище, какъ

жидовство! Ихъ секты многочисленны вездѣ, особенно въ Испаніи. Ихъ раздѣляютъ на двѣ главныя: на черную и бѣлую. Къ первой принадлежатъ собственно послѣдователи закона Моисея; во второй принадлежатъ все ереси возхъ родовъ, какъ-то: лютеране, фармазоны и проч.

Рѣчь монаха, какъ видите, была довольно странная; однако я не спрашивалъ объясненія. Старикъ продолжалъ:

— Однажды, я помню, дѣлали обыскъ въ домъ одного духовнаго лица, обвиненнаго.—грѣхъ сказать—въ ереси. Во время обыска мы нашли подъ поломъ деревянный ящикъ, въ которомъ былъ другой—серебряный, заключавшій въ себѣ три книги въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ. Книги были духовнаго содержанія, написанныя на древнемъ еврейскомъ языкѣ. Подсудимый не дѣлалъ изъ этого тайны, а напротивъ еще гордился...

— Ну, а вы какого объ этомъ мнѣнія? спросилъ я.

— Какого мнѣнія? отвѣчалъ старикъ, пожимая плечами сильнѣе прежняго. Que se іо?

Слыша это выраженіе во второй разъ отъ почтеннаго монаха, я перемѣнилъ предметъ разговора и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ касательно умерщвленія и истязанія плоти, на что старикъ мнѣ отвѣчалъ тоже не совсѣмъ удовлетворительно:—Вотъ каковы были инквизиторы, подумалъ я, и этотъ, кажется, еще изъ добрейшихъ! Проведя еще нѣсколько дней въ Кордовѣ, я отправился въ Мадридъ, гдѣ меня ожидало печатаніе книгъ.

Не буду входить въ подробности, вовсе не любопытныя для читателя, а скажу только, что чрезъ три мѣсяца было опубликовано въ Мадридѣ о выходѣ въ свѣтъ 5000 экземпляровъ Новаго Завета. Изданіе было печатано въ типографіи г. Боррего, известнаго писателя по части политической экономіи.

Первый шагъ въ этомъ важномъ дѣлѣ былъ исполненъ; оставалось позаботиться о распространеніи книгъ въ народъ, потому что одно напечатаніе ихъ приносило еще мало пользы.

Я оставилъ нѣкоторое число экземпляровъ у мадритскихъ книгопродавцевъ, а самъ, съ Библіей въ рукахъ, рѣшился отправиться проповѣдывать Слово Божіе въ городахъ, деревняхъ и по большимъ дорогамъ, вездѣ, гдѣ только встрѣтятся слушатели. Я хотѣлъ пройти всю Старую Кастилю, Галицію, Астурію. Если придется терпѣть, думалъ я, будемъ и терпѣть. Мысли эти, какъ и всегда, поддерживали меня и я сталъ готовиться къ отъезду на эверъ.

Я досталъ себя отличнаго андалузскаго коня, который долженъ былъ нести на благородномъ хребтѣ своемъ чемоданъ съ святыми книгами.

Одного еще не доставало мнѣ, самого главнаго въ такомъ трудномъ путешествіи,—надежнаго слуги. Хотя Мадритъ особенно изобилуетъ наемными людьми, но такого человѣка, какой былъ мнѣ нуженъ,—расторопнаго, смышленаго, знающаго языки и дороги, потому что я намѣревался взать совершенно одинъ, и хотѣлъ говорить съ моимъ слугой такъ, чтобы не понимали другіе, найти такого человѣка было не легко, и я, можетъ быть, проискалъ бы его напрасно цѣлые годы, если бы не издатель моихъ книгъ, г. Боррего, который, услышавъ о моемъ горѣ, вызвался помочь.

— Вообразите себя, сказалъ онъ: полчаса тому назадъ вышелъ отъ меня именно такой челоѣкъ; главное—онъ проситъ мѣста. За его храбрость и честность я вамъ отвѣчаю: онъ служилъ у меня два раза. Одно не хорошо—это челоѣкъ престраннаго характера. У него есть своего рода симпатіи и антипатіи къ людямъ. Можетъ быть, вы придетесь ему по вкусу; въ такомъ случаѣ вы откроете въ немъ большія достоинства, потому что онъ, когда захочетъ, умѣетъ все. Говоритъ онъ не только на двухъ, но даже на шести языкахъ.

— Онъ Испанецъ? спросилъ я.

— Отъ него вы лучше все узнаете; я пришлю къ вамъ его завтра же, отвѣчалъ Боррего.

На слѣдующій день хозяйка моя доложила поутру, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ позвать его, и будущій спутникъ мой явился. Онъ былъ одѣтъ какъ французъ и казался очень моложавъ, хотя, какъ я послѣ узналъ, ему было около сорока. Росту онъ былъ небольшого, хорошо сложенъ, но замѣчательно худъ и съ предлинными руками. Вся его фигура выражала идею дѣятельности и достаточное развитіе силы. Волосы его были точно щетина и черны, какъ смоль; лобъ узкій; глаза свѣрые, маленькіе, пронизательные и насмѣшливые. Носъ довольно большой и ротъ необыкновенной величины.

Оригинальнѣе фізіономіи я не видывалъ во всю мою жизнь. Нѣсколько минутъ я глядѣлъ на него молча.

— Кто вы? спросилъ я наконецъ.

— Слуга, который ищетъ господина, отвѣчалъ онъ по французски, но съ примѣсью какого-то страннаго акцента.

и французъ или помянецъ? спросилъ я опять.

«Ибави Богъ отъ того и отъ другаго! воскликнулъ онъ:—
. J'ai l'honneur d'être de la nation Greque. Имя мое Антонъ
родился я въ Перъ, близъ Константинополя.

О же васъ привело сюда? сказалъ я.

вамъ сейчасъ расскажу, милордъ. Je vais vous raconter l'histoire du commencement jusqu'à la fin. Отецъ мой посланника въ Перъ, въ то время, когда вспыхнула между Англіей и Портой. Посланникъ, чтобы спасти жизнь, долженъ былъ бѣжать, оставя свое состояніе въ моего отца, который сохранилъ ему все до послѣдствія. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве затѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я происхожу отъ фамиліи, которая достояніемъ именована и которой можно доверяться. Отецъ мой женился въ Перъ, и я, единственный его сынъ — *fruit de ce mariage*. О матери моей я не знаю ничего; звезда меня на свѣтъ, вскорѣ умерла. Одно богатое еврейскаго происхожденія, сжалившись надъ моимъ сиротствомъ, предложило моему отцу взять меня на воспитаніе; онъ, разумѣется, согласился. Я прожилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ и вышелъ, что называется, *beau garçon*. Они любили меня и хотѣли даже усыновить, но только съ тѣмъ, чтобы я сдѣлался евреемъ. Это предложеніе мнѣ не понравилось. *La circoncision n'est guère à mon goût*; въ особенности, что я Грекъ и имѣю въ себѣ правила чести. Я, я, оставилъ ихъ домъ. Потомъ...

Слѣдующій Грекъ пустился рассказывать предлинную исторію скитальческой жизни, которую я повторять не напѣлъ былъ попеременно и лакеемъ и поваромъ, чаще по-
Антонъ говорилъ впрочемъ, что рѣдко удалось ему при дни на одномъ мѣстѣ, потому что съ появленіемъ войны бы то ни было домъ, тотчасъ же происходила бѣгство, что онъ приписываетъ навѣрное своему греческому и правиламъ непоколебимой честности. Въ числѣ городовъ которыхъ онъ находился въ услуженіи, былъ генералъ; генералъ плохо платилъ и къ тому еще имѣлъ привычку драться. «Онъ хотѣлъ было увезти меня съ собою, сказалъ въ заключеніе Бучини, да какъ бы не *lui ris au nez*, взялъ жалованье и былъ таковъ. И

хорошо сдѣлалъ, потому что человекъ, который повалъ на мое мѣсто, былъ очень скоро убитъ.

Антонъ все это проговорилъ довольно быстро и съ чувством самодовольствія. Я смотрѣлъ на него въ раздумьи и сказалъ наконецъ:

— Я, признаться, боюсь, любезный другъ, за вашу слишкомъ отважный и обидчивый характеръ.

— Что прикажете дѣлать, милостивый государь! *Moi je suis Grec, j'en suis fier et j'ai des principes d'honneur!* Я надѣюсь, вы будете обходиться со мною, какъ слѣдуетъ честному человеку, хотя я долженъ сознаться, что характеръ у меня дѣйствительно пылкій, и что когда я сердитъ, у меня летятъ горшки въ кухню и все, что ни попало—брррр... Впрочемъ, я все-таки думаю, что вамъ будетъ выгодно принять меня, а я съ своей стороны общаюсь удерживать свой нравъ сколько возможно. Есть одно обстоятельство, которое меня привлекаетъ къ вамъ—вы не женаты. Я лучше готовъ служить изъ одного расположенія и дружбы у неженатаго, чѣмъ за 50 долларовъ въ мѣсяцъ у г. Бенедикта, потому что г-жа Бенедиктъ меня терпѣть не можетъ; въ особенности ея служанка, и только за то, что я женатый человекъ. Но вамъ, кажется, я пришелъ по вкусу?

— Но какъ же, произнесъ я, останавливая этотъ безконечный потокъ веледичивости:—если вы женаты, какъ же вы оставите жену свою? Я вѣдь ѣду далеко.

— Ничего. Жена моя будетъ получать половину моего жалованья во время моего отсутствія, и потому не должна жаловаться. Жаловаться? что я говорю! Жена моя слишкомъ образована, чтобы позволить себѣ жалобу. Она никогда не сядетъ въ моемъ присутствіи безъ моего дозволенія. Развѣ я не греческой крови, и не умѣю управлять своимъ домомъ? Возьмите меня, милордъ, я человекъ способный на многое: скромный слуга, отличный поваръ, хороший грумъ и вздокъ. Чегожь вамъ больше?

Я спросилъ, какое онъ хочетъ получать жалованье; сумма оказалась страшная, не смотря на его увѣренія въ правилахъ чести. Впрочемъ, онъ тутъ же сбавилъ ровно на половину.

Только что я уговорился съ нимъ,—что произошло въ началъ моего обѣда,—онъ схватилъ со стола миску съ супомъ, и началъ вертѣть ее на оконечностяхъ пальцевъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и быстротою, не проливъ ни одной капли. Я съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣлъ на эту продѣлку; но

онъ, сдѣлавъ послѣдній вольтъ суповой миской надъ головою, исчезъ съ нею въ дверяхъ и чрезъ минуту показался съ блюдомъ *пучеро*, которое съ такимъ же искусствомъ ввернулъ на столъ; послѣ того сложилъ преспокоюно руки, прищурилъ глаза и сталъ на свое мѣсто, какъ будто бы двадцать лѣтъ служилъ у меня.

Такимъ образомъ Антонъ Бучини вступилъ ко мнѣ въ исполненіе своей обязанности. Многое увидѣли мы съ нимъ на бѣломъ свѣтѣ; не выдавалъ онъ меня ни гдѣ и разделялъ со мною всѣ трудности тяжелаго пути. Характеръ его по временамъ бывалъ немного страненъ, но служилъ онъ вѣрно и отважно. Подобнаго человѣка я никогда не видывалъ и, вѣроятно, не увижу.

X.

Саламанка. — Плохой пріемъ. — Странная супружеская любовь. — Паденіе съ лошади.

Мы выѣхали изъ Мадрита чрезъ С-тъ-Винсентскія ворота и отправились по направленію горъ, разделяющихъ Старую Кастилію отъ Новой. Ночь мы провели въ Гвадарамъ, большой деревнѣ, лежащей въ семи миляхъ отъ Мадрита.

За горами дорога въ Саламанку тянется по песчаной пустыни: только изрѣдка выбѣгаетъ на встрѣчу одинокое, печальное дерево. Грустенъ видъ Саламанки въ настоящее время. Дни ея ученой славы прошли безвозвратно, о чемъ однако нельзя много жалеть, потому что міръ ничего не могъ выиграть особеннаго отъ преподаванія схоластической философіи, а въ этомъ только и заключалась вся знаменитость Саламанки. Огромное зданіе, гдѣ ежедневно собирались до 7,000 студентовъ, углублявшихся въ классическія мудрости, теперь совершенно необитаемо и поросло травой; во всемъ городѣ едва осталось это число жителей. При всемъ томъ, Саламанка чудный, великолѣпный городъ! Сколько тамъ храмовъ и покинутыхъ монастырей, изумляющихъ взоръ своей архитектурой; сколько величія въ излучистыхъ стѣнахъ, стоящихъ надъ порогами Тормеса. Какъ жаль, что большая часть рѣкъ въ Испаніи не судоходна. Такъ живописный Тормесъ, вмѣсто обогащенія страны, вертитъ колеса бѣдныхъ мельницъ!

Въ Саламанкѣ чрезвычайно занимали меня нищія. Къ чести Испаніи должно сказать, что въ ней бѣдность не преслѣдуется

ни обидой, ни насмѣшкою. Въ трактиръ никогда не вытолкуютъ бѣдняка за дверь, и если не примутъ, то отпустить съ добрымъ словомъ, поручая судьбу его милосердію Бога и Богородицы. Мнѣ смѣшны кажутся ханжество и предрасудки Испанцевъ; я съ ужасомъ гляжу на ихъ исторію, наполненную примерами убійствъ и жестокости; но, съ другой стороны, никто такъ не уважаетъ человѣческаго достоинства въ ближнемъ, какъ Испанецъ. Въ Испаніи не только не презрѣна бѣдность, какъ я сказалъ, но, что еще болѣе, тамъ не поклоняются слѣпо богатству. Нищій ни сколько не чувствуетъ себя ниже другихъ и не унижается ни передъ кѣмъ, также, какъ и маркизь, или герцогъ, не слишкомъ гордится своимъ достоинствомъ, потому что никто не станетъ выставять его, кромѣ развѣ его лакея-француза.

Наблюденія эти не мѣшали мнѣ заниматься продажей книгъ, которая шла довольно порядочно. Посланникъ нашъ былъ такъ добръ, что, для облегченія трудовъ моихъ, предложилъ взять у меня нѣсколько экземпляровъ, которые обѣщаль разослать ко всемъ англійскимъ консуламъ, находившимся въ Испаніи, для того, чтобы они, въ свою очередь, пустили ихъ въ продажу; кромѣ того, приказаль имъ оказывать мнѣ покровительство и защиту въ случаѣ нужды. Мнѣ самому удалось продать нѣсколько книгъ, а чтобы дѣло шло скорѣе, я придумалъ печатныя объявленія, которыя прибывалъ на всѣхъ стѣнахъ Саламанки и намѣревался сдѣлать тоже и въ другихъ главныхъ городахъ: въ Валладолидъ, Леонъ, Сантъ-Яго и проч.

Въ субботу 10 іюня я выѣхалъ изъ Саламанки. Передъ полночью мы достигли небольшой деревни Педрозо, гдѣ и остановились ужинать. Я пошелъ бродить по улицѣ и заговорилъ съ нѣкоторыми простолюдинами, стоявшими у воротъ своихъ домовъ; но люди эти, къ великому моему удивленію, отступали назадъ, лишь только я подходилъ; на всѣ вопросы отвѣчали: *buena noche* (добрая ночь), и запирали двери. Не зная чему приписать такой холодный пріемъ, я прильпиль объявленіе на церковной стѣнѣ и возвратился въ трактиръ.

— Вы, вѣроятно, французскій купецъ, кабаллеро? спросилъ меня трактирный хозяинъ, котораго я только тутъ увидѣлъ. Вы, вѣроятно, французъ, повторилъ онъ, и отправляетесь на Медискую ярмарку?

— Я не французъ и не купецъ, отвѣчалъ я; я точно иду

через Медину, но не съ тѣмъ, чтобы оставаться до начала ярмарки.

— Въ такомъ случаѣ, вы шотландскій христіанинъ изъ Саламанки, кабаллеро? Я слышалъ, что вы прѣехали изъ этого города.

— Отъ чего же вы прибавляете названіе христіанина къ имени шотландца? спросилъ я: развѣ между ними есть язычники?

— Мы называемъ ихъ христіанами для отличія отъ шотландскихъ Англичанъ, которые хуже язычниковъ, потому что они жиды и еретики, произнесъ хозяинъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, поглядывая искоса на меня.

Я увидѣлъ, что лучше ничего не отвѣчать и пошелъ въ комнату, назначенную мнѣ для ночлега, чрезъ сквозную дверь которой услышалъ слѣдующій краткій разговоръ между трактирщикомъ и его женой:

— А что жена! говорилъ трактирщикъ, кажется у насъ остановились недобрые люди.

— Ты говоришь про тѣхъ, что прѣехали послѣдніе, про кабаллеро и его слугу? отвѣчала достойная супруга: точно, въ жизнь не видывала отвратительнѣе лицъ!

— И мнѣ, говорилъ мужъ, не понравился ни тотъ, ни другой. У барина никакихъ благородныхъ манеръ. Онъ не признаетъ себя Французомъ, а также шотландскимъ христіаниномъ. Я подозреваю, что онъ еретикъ или по-крайней-мѣрѣ жидъ.

— Можетъ быть то и другое, замѣтила жена. *Maria Santissima!* чѣмъ очистишь домъ, когда они увдуть?

— О, что до этого, не безпокойся. Я все сдѣлаю деньгами.

Далѣе я не слышалъ, потому что уснулъ. На другой день мнѣ поданъ былъ страшный счетъ, въ которомъ, какъ видно, не было забыто очищеніе.

Осѣдлавъ лошадей, мы наконецъ оставили этотъ гостепріимный кровъ и выѣхали на улицу, гдѣ нѣсколько человекъ, стоящихъ у дверей, начали смотрѣть на насъ, какъ на чудо.

— Это что значитъ? сказалъ я, обращаясь къ Антону.

— А то значитъ, что насъ считаютъ не христіанами, отвѣчалъ онъ. Вы не замѣтили, какъ они крестились, когда мы выѣжали?

И точно, не успѣли мы проѣхать нѣсколько шаговъ впередъ, какъ подлѣжныя рукъ поднялись ко лбамъ. Антонъ тотчасъ же повернулся къ нимъ и перекрестился по-гречески. Но это

*

еще болѣе утвердило худое мнѣніе, потому что они крестились по латинскому обычаю.

— Посмотри-ка! посмотри! каковъ крестья-то! А! прокричало нѣсколько голосовъ весьма не дружелюбно, въ то время какъ мы старались какъ можно скорѣй скрыться изъ виду.

День былъ необыкновенно жаркій и мы медленно подвигались по равнинамъ Старой Кастили. Всѣ виды въ Испаніи соединяютъ въ себѣ необъятность съ величіемъ: горы ея недосягаемы, равнины необозримы; но это не гладкія степи, какія удавалось мнѣ видѣть въ Россіи. Нѣтъ. Въ Испаніи грунтъ нигдѣ не бываетъ ровенъ: тутъ тянется глубокой оврагъ, тамъ вышибается съ брызгами рѣка; на краю неприступнаго утеса вдругъ выступаетъ живописное селеніе. Рѣдко встрѣтится посреди поля аріерось, здущій на телегъ, запряженной мулами съ звенящими колокольчиками; и посреди какого поля! гдѣ нѣтъ ни земли, ни деревьевъ, кромѣ рѣдкихъ сосенъ, печально воздвѣвшихъ къ небу свои вѣчно-зеленыя пирамиды. Эти темнолицыя аріеросы, съ надвинутыми шляпами, больше уважаются по испанскимъ дорогамъ, чѣмъ тамошніе графы и герцоги; они горды и не любятъ говорить, за то, иногда за милую слышатся ихъ грустныя пѣсни, или крики, которыми они понукають муловъ.

Уже поздно пріѣхали мы въ Медина-дель-Кампо; городъ этотъ былъ прежде знаменитымъ въ Испаніи; теперь не то. Вокругъ него по всѣмъ направленіямъ лежатъ развалины, единственные свидѣтели его прежней славы. Мы нашли въ Мединѣ множество народа, ожидающаго ярмарки, которая должна была начаться чрезъ нѣсколько дней. Мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто въ посадѣ, исключительно занятой Каталонцами, прибывшими изъ Валліадолида. Народъ этотъ собрался сюда не только съ таварами, но съ женами и дѣтьми. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ самому низкому сословію. Въ особенности поразилъ меня между ними человекъ лѣтъ 40-ка: дикій видъ его какъ нельзя болѣе соответствовалъ звѣрскому поступку, котораго я былъ свидѣтелемъ. Онъ сидѣлъ съ женой своей у воротъ комнаты, выходящей на дворъ, и безпрестанно произносилъ страшныя ругательства то по-испански, то по-каталонски. Женщина была очень хороша собой, плотно сложенная, но казалась такой же дикой, какъ и онъ самъ, потому что и ея разговоръ съ нимъ былъ не менѣе грубъ. Однимъ словомъ, оба они, казалось, находились въ состояніи, похожемъ на бѣшенство. На какое-то замѣчаніе

женщины, повелитель ея, которому вѣроятно оно не понравилось, вскочилъ, выхватилъ изъ-за-пазухи ножъ и направилъ его въ обнаженную грудь жены. Она едва успѣла заслониться рукою, въ которую онъ ее и ранилъ. Поглядѣвъ съ минуту на текущую изъ руки ея кровь, онъ страшнымъ голосомъ произнесъ новое проклятіе и бросился на дворъ. Тогда я подошелъ къ женщинѣ и спросилъ о причинѣ этого страшнаго поступка. «Надѣюсь, ска- залъ я, что онъ ранилъ тебя ненарочно.» На мой вопросъ она быстро обернулась ко мнѣ и, бросивъ истинно демонскій взглядъ, произнесла гордо:—Неужели каталонецъ не можетъ говорить съ своей женой, безъ того, чтобы посторонніе не мѣшались въ его дѣла?—Сказавъ эти слова, она перевязала руку платкомъ и возвратилась въ комнату. Черезъ минуту она принесла оттуда столъ съ различными яствами, поставила его въ дверяхъ и сама съ- ла, какъ-бы ожидая кого. Немного спустя явился каталонецъ и молча подселъ къ столу; потомъ, какъ бы ни въ чѣмъ не быва- ло, любезная чета принялась кушать съ большимъ аппетитомъ, подбавляя къ каждому блюду различнаго рода брани.

Каковы нравы и обычаи!? Что касается до нравовъ вообще, то я до-сихъ-поръ никакъ не могъ свыкнуться ни съ нравами цыганъ-барышниковъ, ни съ лошадинымъ. Какъ ни страненъ по- кажется этотъ переходъ, но я долженъ сдѣлать его, чтобъ опи- сать покупку лошади, что случилось очень скоро послѣ встрѣ- чи съ каталонскими супругами.

Мы остановились въ какой-то деревнѣ поить лошадей. Тутъ стояло нѣсколько конныхъ солдатъ, которые тотчасъ же нача- ли осматривать, какъ знатоки, моего андалузскаго коня.

— Славная бы лошадь для нашего полка! говорилъ одинъ, и по какому праву, позвольте васъ спросить, вы ѣдете на этой ло- шади, когда многіе изъ насъ нуждаются для службы королевы?

— Я ѣзжу на ней потому праву, что купилъ ее, отвѣчалъ я.

— Купилъ? гдѣ? а вы-то кто?

— Англичанинъ.

— А! въ такомъ случаѣ дѣло другое, замѣтилъ капраль. Англичанамъ дозволяется дѣлать со своимъ добромъ все, что угодно, не такъ, какъ намъ грѣшнымъ. А чудный конь! право! Позвольте-ка взглянуть въ зубы.

И, не дождавшись позволенія, онъ уткнулъ носъ свой въ морду моей лошади, въ то время, какъ остальные приступили тоже въ свою очередь; кто глядѣлъ копыта, кто щупалъ шерсть, кто

хвость. Наконецъ принялись сниматьъ сѣдло, вѣроятно, чтобы по-смотреть спину.

Тутъ я выбранилъ ихъ очень краснорѣчиво по-цыгански. Услыша этотъ языкъ, капраль и вся свита вдругъ остановились. Нѣсколько минутъ мы только смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Оказалось, что всѣ они были цыгане.

— Какъ это, произнесъ капраль на чистѣйшемъ цыганскомъ нарѣчїи, путешественникъ, еще Англичанинъ, знаетъ нашъ языкъ? Виновать, ваше благородіе! Увидѣвъ этого коня, мы подумали, что мы въ нашей благословенной Гренадѣ, а конь-то настоящій андалузецъ. Por Dios! продайте намъ коня! мы бѣдный народъ, а купить его все-таки можемъ.

— Изъ чего же солдату купить? спросилъ я.

— Да мы солдаты изъ цыганъ ваше благородіе; а цыгане, сами изволите знать, всѣ торгуютъ лошадьми. Мы и на войну когда ходимъ—не деремса; дерутся испанцы, а мы только деньгу наживаемъ.

При этихъ словахъ капраль вынулъ кашелекъ туго набитый золотомъ.

— А что, сказала я вдругъ, если бы мнѣ хотѣлось продать лошадь, сколько бы вы мнѣ дали?

— Вашему благородію угодно продать лошадь, тогда другое дѣло. Я даю 10 долларовъ; лошадь никуда не годится!

— Какъ же, перебилъ я, ты сейчасъ говорилъ: чудный конь! чистый андалузецъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, спокойно отвѣчалъ солдатъ. Это старая дряблая кляча.

— Если такъ, то мнѣ не зачѣмъ и продавать ее; я готовъ скорѣе купить.

— Ваше благородіе не продаетъ? позвольте... мы дадимъ 60 долларовъ.

Я видѣлъ, что этому разговору конца не будетъ.

— Полно морочить, сказала я. Знаю я васъ; я не возьму 2060, а ты мнѣ лучше самъ продай какую нибудь лошадь для багажа.

Не успѣлъ я вымолвить этихъ словъ, какъ явилась кляча.

— Вотъ, ваше благородіе, произнесъ цыганъ: лучший конь во всей Испанїи!

— Да это одеръ?

— А таковой одеръ, что ни ваше блалородіе, ни какой Англичанинъ не усидитъ на немъ. Не угодно ли попробовать?

Я посматрѣлъ съ сомнѣніемъ на щедрую лошадь и какъ мнѣ была необходима какая нибудь для помощи Антона, то я рѣшился взять эту, если только она можетъ идти. Цыганъ хотѣлъ вести ее подъ узцы, когда я сяду, увѣряя, что никто кромѣ его не можетъ усидѣть на ней. Но я съ самонадѣянностію вздока отвергъ это предохранительное средство и вскочилъ на лошадь. Но лишь только я очутился на хребтѣ коня, который до того времени стоялъ какъ убитый и только изрѣдка поводилъ ухомъ, какъ вдругъ откуда ни возмись у него прыть— онъ ринулся въ сторону и понесъ, удержать его не было никакой возможности, и усилія мои кончились тѣмъ, что, при одномъ крутомъ поворотѣ, поводъ лопнулъ и я полетѣлъ прямо въ грязь, что мнѣ весьма живо напомнило разсказъ, приведенный мною въ одной изъ предъидущихъ главъ, о проданной лошади, разувъшей только по-цыгански.

XI

Компостелло.—Дѣйствія миссіонера.— Бенедиктъ Моль.— Еще Бенедиктъ Моль.

Въ началѣ августа я отправился въ С-тъ-Яго-ди Компостелло. Сюда вздѣтъ черезъ Корунну съ недѣльной почтой, въ сопровожденіи конвоя, для предохраненія путешественниковъ отъ разбоевъ. Отъ Корунны до С-тъ-Яго не болѣе 10 миль, т. е. полтора дня вѣды. Мы вѣхали по прекрасной дорогѣ, идущей между чудными, роскошными деревьями, сквозь которыя открываются безпрестанно самые живописные виды. Насъ сопровождало множество путешественниковъ, одни были пѣшіе, другіе вѣхали верхомъ. Всѣ они, боясь разбойниковъ, искали покровительства нашего конвоя. Но, благодаря Бога, мы совершили путь вполне безопасно, хотя раза два ударили тревогу.

Монастырь Сантъ-Яго стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ передъ горъ. О самой замѣчательной изъ нихъ, по имени Священной горъ, существуетъ много любопытныхъ преданій. Въ прежнія времена мѣсто это было сборищемъ пилигримовъ со всего міра; католики увѣряли, будто бы въ церкви св. Іакова находились его мощи.

Въ этомъ городкѣ меня ожидали другаго рода пріятныя встрѣ-

чи. Тутъ я познакомился съ почтеннымъ книгопродавцемъ Рей Ромеро, который со всей готовностію принялся помогать мнѣ въ распространеніи книгъ священнаго писанія. Онъ былъ очень богатъ, пользовался общимъ уваженіемъ и имѣлъ огромный магазинъ, куда безпрестанно стекалось множество народа для покупки книгъ свѣтскаго содержанія. При этомъ случавъ, можетъ быть въ ущербъ своимъ интересамъ, онъ, движимый чувствомъ истинной вѣры, уговаривалъ безпрестанно всѣхъ оставить пустыя книги, не приносящія никакой пользы душѣ, а брать священное писаніе и читать его. Легко понять, какъ я подружился съ этимъ человекомъ; онъ проводилъ у меня всѣ вечера и занималъ меня своей умной и любезной бесѣдой. Ко всему этому онъ былъ хорошо образованъ; простъ, уменъ и подѣ часъ говорилъ чрезвычайно увлекательно.

Нигдѣ я не проводилъ такъ пріятно время, какъ въ Кампостелло. Всюду меня сопровождалъ мой новый пріятель, добрый старичокъ книгопродавецъ. Въ Сантъ-Яго много источниковъ; на зеленыхъ берегахъ ихъ мы обыкновенно проводили чудные лѣтніе вечера.

Но пора сказать о другой неожиданной встрѣчѣ. Однажды поздно ночью я шелъ одинъ по Аламедѣ. Луна давно уже взошла и освѣщала далеко дорогу. Въ Аламедѣ не было ни души— все спало. Я сѣлъ на скамейку; мысли проходили въ моей головѣ и я не останавливался ни на одной. Такъ прошло довольно долгое время, какъ вдругъ послышался мнѣ какой-то звукъ. Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда принесся этотъ звукъ, и замѣтилъ приближающуюся неясную фигуру. Фигура эта скоро приняла опредѣленные формы человека въ темномъ платьѣ и въ андалузской шляпѣ. Въ рукѣ онъ держалъ большую зеленую вѣтвь, которая служила ему вмѣсто палки. Поровнявшись со мною, прохожій вдругъ остановился и, снявъ шляпу, началъ просить милостыню на ломаномъ каталонскомъ языкѣ. Въ это мгновеніе мѣсяцъ освѣтилъ его сѣдые волосы и очень знакомыя черты.

— Бенедиктъ Моль! вскричалъ я:—какими судьбами въ Кампостелло?

— Och! mein Gott, es ist der Herr? отвѣчалъ онъ: — это вы? какое счастье, mein Herr, что вы первые попались мнѣ въ Кампостелло!

— Какъ первый, прервалъ я: — развѣ вы только что теперь пришли сюда?

— Сію минуту. Я изъ Мадрита.

— По какой причинѣ... такую даль?

— А... а, а вы забыли, *der Schatz*, кладъ? вѣдь это здѣсь.

— Какъ, все за тѣмъ же? удивительно! Ну, а чѣмъ же вы жили въ дорогѣ?

— Подаяніемъ, спокойно отвѣчалъ Моль. — Когда я дошелъ такимъ образомъ до Торо, мнѣ пришло въ голову сдѣлать нѣсколько кусковъ мыла, чтобы поддержать себя на время, но покупщики тотчасъ же увидѣли, что я ничего не знаю въ мыловаренномъ дѣлѣ и выпроводили меня изъ города. Оттуда, опять прося милостыню, я отправился въ Оренце. О! какая скверная сторона Галиція.

— Отъ чего же?

— Да тамъ столько нищихъ, что и на мою долю ничего не осталось, особливо когда они узнали, что я иностранецъ. Разъ я зашелъ на ихъ постоянный дворъ, называемый *яоссада*, и попросилъ, Христа ради, кусокъ хлѣба и пучокъ соломы, чтобы лечь спать; злодѣи отвѣчали мнѣ, что въ Галиціи нѣтъ ни соломы, ни хлѣба. И точно, я еще не видѣлъ ничего похожаго на хлѣбъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ вошелъ въ Галицію! О, какая сторона!!

— И, не смотря на это, вы пришли въ эту сторону искать со-гровища?

— А, это совсѣмъ другое; кладъ подъ землей, а не на зем-гѣ. Надо только отрыть. Когда я найду его, я тотчасъ найму ювозку съ шестью мулами и повѣду въ Лупернъ; и вы можете хать со мною, если хотите.

— Боюсь, прервалъ я, качая головою, — чтобы ваши труды е были напрасны. Есть ли у васъ по-крайней-мѣрѣ деньги?

— Ни гроша, но это пустое; главное, что я уже здѣсь! Кладъ лизко, и притомъ я васъ увидѣлъ, а это добрый признакъ. Я тправляюсь прямо въ трактиръ, заживу по-княжески, а какъ от-ю кладъ—расплачусь.

— Ну, ужъ этого я вамъ не совѣтую, сказалъ я очень серьез-о:—лучше найдите себѣ какую нибудь работу, а между тѣмъ озьмите немного денегъ на первый случай... Я далъ ему дол-аръ и простился.

Нѣсколько дней спустя, я сидѣлъ у себя и разговаривалъ съ 'ей Ромеро, какъ вошелъ Антонъ и доложилъ улыбаясь, что 'акой-то *джентльменъ* желаетъ меня видѣть.

Едва я успѣлъ вымолвить—проси, какъ въ ту же секунду явился Бенедиктъ Моль.

— Рекомендую вамъ удивительнаго челоуѣка, сказалъ я, обращаясь къ книгопродавцу: — вы, жители Галиціи, обыкновенно ѣздите въ другія земли для добыванія денегъ, а этотъ господинъ пришелъ сюда за ними.

— И онъ не ошибается, отвѣчалъ Рей Ромеро: Галиція богатѣйшая провинція въ Испаніи; жаль только, что народъ здѣсь глупъ и не умѣетъ пользоваться сокровищами, которыя его окружаютъ. Но посмотрите за то на Каталонцевъ, какъ они устроились—все богачи; богатство на землѣ и въ землѣ.

— О, да! въ землѣ, перебилъ Моль. Сколько сокровищъ здѣсь зарыто!

— А вамъ извѣстно настоящее мѣсто клада? спросилъ я.

— Какже, онъ зарытъ въ притворъ церкви св. Роха.

— Какъ вы это узнали?

— А вотъ какъ. На другой день послѣ моего пріѣзда, я началъ осматривать все церкви и искалъ той, въ которой, судя по описанію покойнаго товарища, зарыто сокровище. Но все труды мои были напрасны. Мнѣ посоветовали призвать на помощь ворожею.

— Ворожею?

— Да. Но какую же чертовку привели мнѣ! Отъ роду такой не видывалъ. Вообразите, баба огромнѣйшаго роста и съ лицомъ, краснымъ, какъ каленое желѣзо. Узнавъ въ чемъ дѣло, она вытащила колоду картъ и разложила ихъ на столѣ особеннымъ манеромъ, а потомъ сказала, что кладъ находится у церкви св. Роха. И точно, когда я пошелъ въ эту церковь, то увидѣлъ, что она была та самая, которую описывалъ покойникъ. О, эта баба удивительная колдунья! Ее знаютъ все въ околоселѣ. Я ей отдалъ за труды долларъ, который получилъ отъ васъ.

— Ну, а если она васъ надула? сказалъ я. Но если это и правда, то нужно еще знать, кто вамъ позволить рыть въ притворъ?

— Это дѣло устроено, отвѣчалъ спокойно Швейцарецъ. Вчера я видѣлся тамъ съ однимъ монахомъ, объявилъ ему все, прося его помощи, и предложилъ тутъ же участіе въ дѣлѣ. Вы посмотрѣли бы, съ какимъ жаромъ принялъ это монахъ. Онъ трясъ меня за руку и говорилъ, что я честный Швейцарецъ и добрый

католикъ. Но когда я попросился прожить у него въ ожиданіи удобнаго времени, чтобы начать съ нимъ вмѣстѣ работу, онъ отказался.

— Не сомнѣваюсь, замѣтилъ Рей Ромеро. Наши монахи не любятъ пускаться въ не совсѣмъ вѣрныя дѣла. Что же касается до зарытыхъ кладовъ, то эти сказки слышатся у насъ со временъ Мавровъ.

— Слушайте дальше, продолжалъ Бенедиктъ. Монахъ совѣтовалъ мнѣ выпросить у губернатора позволеніе копать, и въ такомъ случаѣ обѣщался помогать мнѣ всеми силами.

Сказавъ эти слова, Бенедиктъ Моль откланялся. Во все пребываніе мое въ Сантъ-Яго, я не видалъ и не слыхалъ ничего объ этомъ странномъ человѣкѣ, который съ увѣренностью фанатика шелъ на такое оомнительное дѣло. Я расскажу здѣсь еще объ одномъ, и не последнемъ, свиданіи съ Бенедиктомъ, весьма далеко отъ Компостелло. Это случилось гораздо послѣ и въ такую минуту, когда я менѣ всего предполагалъ встрѣтиться съ бѣднымъ Швейцарцемъ.

Новыя лица и происшествія вытѣснили изъ моей памяти до-вѣрчиваго кладовскаго. Прошло довольно времени со дня моего послѣдняго свиданія съ нимъ. Я отправлялся въ Овiedo. Антонъ вѣхалъ верхомъ, а я въ дилижансѣ, который ежедневно ходитъ между Овiedo и Гіономъ. Дорога шла черезъ горы. Я прибылъ совершенно благополучно въ столицу Астурии, но въ довольно неблагоприятное время. Овiedo былъ наполненъ вооруженными солдатами; клики войны раздавались со всѣхъ сторонъ. Кастилія находилась тогда во власти карлистовъ, которые заняли и разграбили Валладолидъ, точно также, какъ за нѣсколько времени передъ этимъ Сеговію. Нападенія ихъ ожидали ежедневно и потому всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что изъ Мадрита, который былъ занятъ шайкой Кабреры и Паллоса, не было никакихъ пзвѣстій.

Я помѣстился въ огромномъ зданіи—старомъ дворцѣ графовъ Санта-Круцъ, въ самой отдаленной части Овiedo. Однажды вечеромъ я сидѣлъ и писалъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Вдругъ сбѣгаетъ ко мнѣ Антонъ заныхавшись.

— Mon maître! вскричалъ онъ:—знаете ли, что случилось?

Я перепугался не на шутку.

— Не осада ли? провзнесъ я: — въ такомъ случаѣ мы въ лѣзну.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ разсмѣявшись Антонъ:— только васъ осаждаютъ ; все остальное обстоитъ благополучно. Какъ бы вы думали, кто здѣсь?—Швейцарецъ изъ Сантъ-Яго!

— Какъ? Бенедиктъ Мольтъ? ужь не нашель ли онъ дѣйствительно клада? Каковъ онъ на видъ?

— Онъ, кажется, пришель пѣшкомъ, судя по башмакамъ, изъ которыхъ выглядываютъ пальцы. Что касается до одежды, плоше, чѣмъ прежде.

— Удивительный человекъ! гдѣ же онъ?

— Внизу. Онъ отыскиваетъ насъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Мольтъ явился ко мнѣ, и точно, въ самомъ несчастномъ видѣ, почти босой. Огромныя промокшія поля его андалузской шляпы висѣли какъ огромныя крылья.

— Охъ, lieber Herr! сказалъ онъ, входя: — какъ я радъ, что вижу васъ опять. Одного взгляда на васъ достаточно, чтобы забыть все бѣдствія, которыя постигли меня со времени нашей разлуки.

— Я едва вѣрю, что вижу васъ здѣсь, въ Овьедо, произнесъ я. Что васъ занесло въ такую дальнюю сторону?

— Lieber Herr! позвольте мнѣ съестъ, я вамъ все расскажу. Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ я былъ у васъ, монахъ настояль, чтобы я отправился къ градоначальнику за позволеніемъ откопать кладъ. Губернаторъ принялъ меня сначала весьма радушно; спрашивалъ о многомъ и велѣлъ придти снова. Я былъ у него потомъ нѣсколько разъ, говорилъ о дѣлѣ; но вдругъ онъ пересталъ принимать меня. Монахъ между тѣмъ потерялъ терпѣніе, вѣроятно потому, что выдалъ мнѣ немного изъ церковнаго сбора. Онъ называлъ меня плутомъ и мошенникомъ. Наконецъ я сказалъ ему, что намѣренъ возвратиться въ Мадридъ и прибѣгнуть къ помощи правительства; для этого я просилъ монаха дать мнѣ свидѣтельство, что я точно ходилъ въ Сантъ-Яго. Я полагаю, что свидѣтельство это будетъ мнѣ полезно въ отношеніи предстательства къ государственнымъ лицамъ. Но, вообразите мое удивленіе: едва онъ выслушалъ меня, какъ вскочилъ, точно звѣрь, и прямо меня за горло. Но я, вы знаете, Швейцарецъ и притомъ старый солдатъ; поэтому мнѣ не трудно было одолѣть монаха. Я впрочемъ погрозилъ ему только палкой и пустился бѣжать.... онъ за мной, съ крикомъ и ругательствами, говоря, что если я вздумаю придти еще разъ, то онъ засадитъ меня въ тюрьму, какъ вора и еретика. Тогда

мнѣ пришло на мысль отыскать васъ, lieber Neut; но мнѣ сказали, что вы отправились въ Корунну; нечего дѣлать, и я пошелъ въ Корунну.

— Ну, что же случилось съ вами потомъ? прервалъ я.

— Все расскажу: на половинѣ дороги отъ Сантъ-Яго въ Корунну, въ то время, какъ я шелъ и думалъ о зарытомъ сокровищѣ, вдругъ послышался мнѣ конскій топотъ. Оглядываясь... двое всадниковъ несутся какъ вихрь по полю и прямо на меня. Lieber Gott, подумалъ я, вѣрно разбойники. Такъ и есть! Подскакавъ, они велѣли мнѣ остановиться. Я тотчасъ бросилъ палку, снялъ шляпу и поклонился.

— Мое почтеніе, господа кабалеросы! сказалъ я.

— Здравствуй, товарищъ, отвѣчали они. Потомъ мы стояли молча съ минуту и глядѣли другъ на друга. Lieber Himmel! я никогда не видѣлъ такихъ разбойниковъ. Какъ они были красиво одѣты и богато вооружены! а на какихъ коняхъ — чудо! Помолчавъ нѣсколько времени, одинъ изъ нихъ спросилъ меня: кто я, откуда, и куда иду.

— Джентельмены! отвѣчалъ я: я родомъ Швейцарецъ, ходилъ въ Сантъ-Яго для исполненія одного религіознаго обѣта и теперь возвращаюсь въ свое отечество... Вы понимаете, я не сказалъ ни слова о кладѣ; я боялся, что они убьютъ меня, вообразивъ, что я несу съ собой сокровище.

— Есть у тебя деньги? спросили они.

— Благородные джентельмены! возразилъ я, вы видите: я иду пышкомъ и башмаки мои развалились. Еслибы у меня были деньги, то, вѣроятно, я бы не путешествовалъ такимъ образомъ. Не хочу я обманывать, впрочемъ: у меня есть мелочь. Говоря эти слова, я высыпалъ все, что у меня было... нѣсколько грошей... и подаль имъ.

— Товарищъ! сказали они, мы галиційскіе кавалеры и не беремъ грошей. Скажи-ка лучше, каковы твои политическія мнѣнія; ты, пожалуй, за королеву?

— Нѣтъ, джентельмены! отвѣчалъ я смѣло: я не за королеву и, позвольте вамъ сказать, что я тоже и не за короля. Признаться, я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Я Швейцарецъ и иду на войну только тогда, когда мнѣ платятъ.

Тутъ они засмѣялись, начали меня разспрашивать о Сантъ Яго, о тамошнемъ войскѣ, о губернаторѣ. Я имъ рассказалъ все, что зналъ, даже многое, чего и не зналъ. По окончаніи мо-

его разказа, одинъ изъ нихъ, который казался позадорнѣе, уставлялъ въ меня ружье и сказалъ:

— Еслибы ты былъ Испанецъ, я бы тебѣ разможилъ голову сейчасъ же, потому что ты сбиваешь на шпіона; но мы видимъ, ты иностранецъ, и взрѣмъ тому, что ты говоришь. На, возьми нѣсколько мелкихъ монетъ и ступай своей дорогой, но смотри—ни слова о насъ! иначе, чортъ поберитъ!.. При этихъ словахъ онъ выстрѣлилъ; пуля пролетѣла на волосъ отъ моей головы, такъ что въ первую минуту я подумалъ, что я уже убитъ. Потомъ они ускакали, какъ будто за ними гнался цѣлый полкъ чертей.

— Ну, а что же съ вами случилось, когда вы пришли въ Корунну? спросилъ я.

— Я тотчасъ же освѣдомился о васъ, lieber Herr; мнѣ сказали, что вы только наканунѣ отправились въ Овiedo. Когда я это услышалъ, у меня сердце такъ и сжалось; я былъ въ самомъ дальнемъ концѣ Галиціи и никого, кто бы захотѣлъ помочь мнѣ! Дня два я рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, я рѣшился идти на французскую границу и мимоходомъ побывать въ Овiedo, въ надеждѣ, что встрѣчу васъ здѣсь и посоветуюсь. Я началъ опять просить милостыню въ Коруннѣ, но получалъ такую бездѣлицу... меньше, чѣмъ дали мнѣ разбойники; съ этимъ я и отправился изъ Астуріи по дорогѣ въ Мондонедо. Охъ! какой это городъ! все попы, да монахи, и такіе все отчаянные карлисты! больше, чѣмъ самъ донъ Карлосъ... Однажды я отправился тамъ во дворецъ къ епископу и сказалъ ему, что я пилигримъ изъ С-нтъ - Яго и прошу помощи. Епископъ отвѣчалъ, что не можетъ помочь, но весьма радуется, что я ходилъ въ С-нтъ - Яго, и надѣется, что это путешествіе послужитъ къ пользѣ моей души. Я оставилъ Мондонедо и отправился по дикимъ горамъ, прося милостыни по дорогѣ у каждой двери, мимо которыхъ проходилъ, и всемъ показывалъ паспортъ, въ доказательство, что точно иду изъ С-нтъ - Яго. Lieber Herr! вообразите, никто мнѣ не подаль ни гроша! напротивъ, все смѣялись и говорили, что путешествіе въ С-нтъ - Яго давно уже никого не кормитъ. Я питался разными растеніями и ягодами, которыя собиралъ по дорогѣ. Однажды попался мнѣ заблудившійся козленокъ; я поймалъ его, убилъ и началъ есть сыраго, такъ я былъ голоденъ. Все это меня до того расслабило и раздосадовало, что я два дня пролежалъ, не имѣя силъ подняться на ноги. Счастіе еще, что меня не съѣли дикіе звѣ-

ри. Не знаю, какъ мнѣ Богъ помогъ добраться до этого города; я шелъ точно во снѣ. Вчерашнюю ночь я провелъ въ пустомъ хлаву, за двѣ мили отъ Овiedo. Прежде чѣмъ я вышелъ оттуда, я сталъ на колѣна и просилъ Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ отыскать васъ, lieber Herr. Вы—моя единственная надежда.

— Чтожъ вы намѣрены дѣлать? спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать, lieber Herr? я в самъ не знаю. Я хочу слѣдовать вашему совету.

— Если такъ, сказалъ я, то я советую вамъ возвратиться въ свое отечество. Я завтра иду отсюда въ Сантандеръ...

— Ахъ, lieber Herr! повзжайте съ Богомъ, произнесъ Бенедиктъ со вздохомъ, я поплечусь по этой же дорогѣ; для меня будетъ утѣшеніемъ проходить тѣ мѣста, по которымъ вы проѣдете. Изъ Сантандера я, можетъ быть, проберусь во Францію, а оттуда домой. Прощайте!

Я далъ ему немного денегъ и мы разстались.

— Станный человекъ этотъ Бенедиктъ Моль, сказалъ мнѣ Антонъ на слѣдующее утро. Повѣрьте, этимъ его странствованіе не кончится. Ему ужъ такъ на роду написано. Онъ уйдетъ теперь изъ Испаніи; но я увѣренъ, онъ снова возвратится за кладомъ. Вчерашнюю ночь онъ посылалъ за гадальщицей; она при мнѣ сказала ему, что онъ найдетъ кладъ, но только прежде долженъ провзхатъ по морю. Она ему еще говорила о какой-то вражеской силѣ, которая ему мѣшала; онъ вообразилъ, что она говорить о монахѣ. Повѣрьте, исторія еще не кончилась.

Предсказаніе Антона сбылось.

XII.

Конецъ земли.—Чуть не разстрѣляли.—Ревностный поклонникъ Бентама.

Прізвавъ въ Падроссъ, я послалъ моего слугу съ лошадьми въ Сантъ-Яго, а самъ взялъ проводника, намѣреваясь посѣтить нынѣ Финнстерре.

Въ прекрасное осеннее утро мы отправились по дорогѣ въ Коркувиону. Скоро блеснуло вдали море; мы повернули къ сѣверо-западу и, вѣзхавъ на какое-то возвышеніе, остановились на минуту полюбоваться чудной картиной, которая развернулась предъ нашими глазами.

Не напрасно Римляне назвали это мѣсто *finis terræ* (конецъ

земли). Дѣйствительно, я увидѣлъ такой страшный берегъ, о которомъ еще дѣтское воображеніе мое составило понятіе какъ о крайнемъ предѣлѣ нашего міра, за которымъ была ужасающая пропасть и дикія, ревущія волны хаоса. Я видѣлъ вдали необъятный океанъ, а подъ ногами неправильный обрывъ, состоявшій изъ ряда голыхъ, гранитныхъ горъ, которыхъ основаніе терялось во мракъ. Вѣроятно, въ целомъ мірѣ нѣтъ подобнаго берега. Онъ поражаетъ воображеніе своимъ молчаливымъ, дикимъ величіемъ. Скалы эти первыя бросаются въ глаза путешественника, вѣдущаго съ сѣвера, и при взглядѣ на нихъ невольно воскликнешь: — да, это Испанія, мрачная, жестокая Испанія—живая эмблема порожденныхъ ею героевъ. Изъ какой земли, какъ не изъ этой, могли выйти люди, наполнившіе ужасомъ и кровью старыя и новыя свѣтъ: Альба, Филиппъ, Кортесъ, Пизарро,—эти типы жестокости, безчувственные, какъ холодный гранитъ ихъ родины.

Мы начали сходить съ горы и приближались къ мысу, отыскивая какую-нибудь гостиницу, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. Солнце стояло высоко на небѣ и ярко освѣщало тихое, едва колыхавшееся море. При взглядѣ на эти гигантскіе холмы и горы, я невольно вспомнилъ старинное преданіе о св. Іаковѣ, который первый пришелъ сюда проповѣдывать Слово Божіе между Испанцами—язычниками.

— Какая это деревушка? спросилъ я у попавшейся намъ женщины, указывая на нѣсколько бѣдныхъ лачугъ.

— Это не деревня, господинъ кавалеръ! отвѣчала женщина, гордо приподнявъ голову, это прежній Дуйо!

Точно, на этомъ пустынномъ мѣстѣ стоялъ когда-то знаменитый, обширный торговый городъ, Дуйо.

И вотъ все, что осталось отъ его богатства и славы.

Къ полудню мы достигли селенія, находящагося у Финистерре, и, закусивъ, отправились на высокій мысъ. Я взобрался туда съ величайшимъ трудомъ и то съ помощью проводника. Видъ съ верху былъ удивительный. Мы стояли надъ двумя бухтами такъ высоко, что не могли различить кораблей: все сливалось въ одну голубую массу. Съ сѣверной стороны виднѣлась небольшая бухта, окруженная скалами—страшное мѣсто во время бури; даже и въ тихое время оттуда слышится постоянный гулъ, наводящій невольную грусть.

Куда не обращаются взоры, вездѣ поражаетъ ихъ мрачное величіе... Черезъ часъ я возвратился на постоянный дворъ, гдѣ

идаль у нѣскольکو новыхъ лицъ. Они лежали на полу, пили вино изъ каменныхъ чашекъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ этой части Галиціи. Поклонившись имъ мимоходомъ, я отправился въ свою комнату и легъ на постель, измученный продолжительной ходьбой. Мнѣ хотѣлось отдохнуть, а вечеромъ собрать кружокъ слушателей и прочитатъ нѣскольکو главъ изъ св. писанія. Сонъ мой однако былъ очень тревожный; мнѣ показалося, будто бы я сбился съ дороги, идя по какой-то дикой путынкъ, гдѣ на меня напали страшные звѣри. Напрасно я звалъ проводника, голосъ его раздавался гдѣ-то далско, далеко, но я не могъ ничего разслушать. Я нарочно упоминаю объ этомъ онъ: онъ какъ нельзя лучше соответствовалъ непріятному пробужденію. Не знаю, сколько времени я проспалъ, какъ вдругъ кто-то схватилъ меня за плеча довольно грубо и почти стащилъ съ постели. Я, разумеется, проснулся и съ большимъ удивленіемъ увидѣлъ передъ собой страшное лице старика съ огромной бородой и съ бакенбардами. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ какъ рыбакъ и держалъ въ рукахъ ружье.

Признаюсь, фигура и обращеніе этого человѣка непріятно подействовали на меня.

— Кто вы и что вамъ надо? спросилъ я.

— Все равно, кто бы я ни былъ. Вставай и иди за мной; мнѣ тебя надо.

— Да по какому праву вы изволите распоряжаться мною спросилъ я, глядя на него.

— По праву здѣшней полиціи, отвѣчалъ онъ спокойно. Ступай добромъ, Карлосъ, а не то худо будетъ!

— Карлосъ? повторилъ я съ удивленіемъ, это что значитъ? Впрочемъ, видя, что разговоръ съ нимъ ни къ чему не поведетъ, я счелъ за лучшее повиноваться молча и, вставъ съ постели, сошелъ со старикомъ внизъ. Тутъ я увидѣлъ множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей; послѣдніе были почти голые: ихъ, вѣроятно, подняли съ постели также неожиданно, какъ и меня.

Посреди этой толпы, грубый старикъ выступалъ съ большою важностію. Выйдя на улицу, онъ положилъ мнѣ на плечо руку. Тогда раздались въ толпѣ голоса: — Вотъ Карлосъ! вотъ онъ! Наконецъ онъ явился въ Финистерре и попался въ руки юстиціи!...

Нисколько не понимая, чтобы все это могло значить, я шелъ молча за моимъ вожатымъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвига-

лись впередъ, толпа росла все болѣе и болѣе и слѣдовала за нами съ страшными криками. Желаніе посмотрѣть на меня, казалось, подняло на ноги все народонаселеніе Финнистерре.

Наконецъ, мы подошли къ какому-то жилью. Проводникъ ввелъ меня въ небольшую комнату и, оставивъ на серединѣ, кипудся къ двери, употребляя нечеловѣческія усилія, чтобъ отодвинуть толпу, готовую ворваться за нами. Усилія его скоро увѣичались полнымъ успѣхомъ, благодаря прикладу ружья, которымъ онъ щедро отсчитывалъ удары направо и налево. Въ это время я успѣлъ осмотрѣться. Комната была почти голая, въ ней стояло мачтовое бревно, нѣсколько бочекъ и три наруса. На бочкахъ сидѣли четыре челоуѣка, одѣтые по-рыбачьи. Главный изъ нихъ лѣтъ 30, пресердитой наружности, и какъ я узналъ, алькальдъ въ Финнистерре, былъ хозяинъ дома, въ которомъ мы находились. Въ углу я замѣтилъ нанятаго мною проводника; два рыбака, вооруженные ружьями и баграми, держали его подъ стражей. Спустя минуту, алькальдъ, погладивъ свои бакенбарды, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Кто вы, гдѣ вашъ паспортъ, и зачѣмъ вы пріѣхали въ Финнистерре?

Я отвѣчалъ на это такъ:

— Я Англичанинъ. Вотъ мой паспортъ. Пріѣхалъ я сюда, чтобы видѣть Финнистерре.

Положительный отвѣтъ мой, казалось, немного смутилъ всѣхъ. Я подалъ паспортъ. Они попеременно смотрѣли то на меня, то на паспортъ. Наконецъ алькальдъ, уставивъ на него палецъ, продолжалъ:

— Это не испанскій паспортъ; онъ, кажется, на французскомъ языкѣ?

— Очень естественно, отвѣчалъ я, потому что, какъ иностранецъ, я долженъ имѣть и иностранный паспортъ.

— Такъ; но этому вы рѣшительно утверждаете, что вы не король Карлъ?

— Я даже и не слыхивалъ о королѣ такого имени, отвѣчалъ я, весьма удивленный этимъ открытіемъ.

— Замѣьте! возразилъ алькальдъ, обращаясь къ слушателямъ, онъ имѣетъ еще смѣлость говорить, что никогда не слыхалъ о самозванцѣ Карлосѣ, который выдастъ себя за короля! Каковъ?

Тутъ только понялъ я, въ чемъ дѣло.

— Если вы разумеете донъ Карлоса, отвѣчалъ я:—то не понимаю, какъ вы можете говорить объ этомъ серьёзно. Послѣ этого вы, вѣроятно, готовы принять моего бѣднаго проводника, который, какъ я вижу, взять тоже подъ стражу, за его племянника, инфанта донъ Себастьяна.

— Вотъ видите, быстро проговорилъ алькальдъ: вы сами себя измѣнили, мы именно такъ и думали.

— Поздравляю! воскликнулъ я невольно засмѣялся:—Правда, оба они горбаты. Что же касается до меня, то, кажется, мнѣ не легко походить на донъ Карлоса. Во-первыхъ, я ничего не имѣю въ лицѣ испанскаго, во-вторыхъ, ростомъ я гораздо меньше донъ Карлоса.

— Это ничего, спокойно замѣтилъ алькальдъ: вы носите различныя платья, и потому кажетесь то меньше, то больше ростомъ, смотря по желанію.

Этотъ аргументъ былъ такъ силенъ, что я ничего не могъ сказать противъ него въ свою защиту. Алькальдъ смотрѣлъ вокругъ съ торжествомъ, какъ будто самъ удивлялся своей находчивости.

— Это Карлосъ! это Карлосъ! раздавалось въ толпѣ у дверей.

— Не лучше ли бы было сейчасъ застрѣвить ихъ обоихъ, сказалъ вдругъ алькальдъ: если они и точно не ты, о которыхъ мы думаемъ, то все же, вѣроятно, изъ числа бунтовщиковъ.

— А можетъ быть они и не ты и не другіе! произнесъ кто-то удручающимъ голосомъ. Фигура, олицетворяющая юстицію въ Финистерре, повернула взоры свои по тому направленію, откуда послышались эти слова; тоже сдѣлалъ и я; и глаза мои остановились на сумрачномъ лицѣ рыбака-воина, такъ неучтиво разбудившаго меня. Онъ стоялъ, опершись подбородкомъ на дуло ружья. Богъ знаетъ почему, вдругъ мнѣнне его перемѣнилось въ мою пользу.

— Я нѣсколько не увѣренъ, чтобъ они были люди, о которыхъ мы говоримъ, повторилъ онъ, сдѣлавъ шагъ впередъ. Я наблюдалъ надъ этимъ,—тутъ онъ указалъ на меня:—прислушавшійся какъ онъ говоритъ, и, вѣтъ ничего мудренаго, что онъ дѣлаетъ явно Англичанинъ; онъ даже и похожъ на Англичанина и лицомъ, и рѣчью. Разрѣшить вопросъ легко: Кто лучше знаетъ Англичанъ, какъ же Антоніо де ла Трава? Онъ былъ у нихъ во флотѣ и стоялъ возлѣ Нельсона, когда его убили.

— Но алькальдъ при этихъ словахъ вспыхнулъ негодованіемъ.

— Онъ такой же Англичанинъ, какъ и вы! воскликнулъ онъ. Если бы онъ былъ Англичанинъ, то на какой прахъ привнесло бы его сюда, и именно въ такомъ видѣ, какъ онъ явился? Онъ бы пріѣхалъ тогда на корабль, съ рекомендательнымъ письмомъ ко мнѣ, или къ Каталонцамъ. Онъ бы пріѣхалъ сюда для какой-нибудь цѣли: закупать или продавать что-нибудь... а то, чортъ побери, никто и не знаетъ его въ Финистерре, ни онъ никого... къ тому же, только что онъ явился сюда, сейчасъ осмотрѣлъ портъ, ползъ на укрѣпленія... повѣрьте, все это для того, чтобы снѣть позицію... зачѣмъ бы ему вхатъ сюда, еслибъ онъ не былъ Карлосъ Буптовщикъ!

Несмотря на весь комизмъ этой сцены, я однако не могъ не сознаться, что поступилъ довольно неосторожно, завхавъ въ эту дикую страну, не имѣя возможности объяснить причины моего путешествія такъ, чтобы это объясненіе для всѣхъ было понятно. Я пытался было представить алькальду, что я пріѣхалъ какъ путешественникъ, съ единственнымъ намѣреніемъ осмотрѣть все, что есть любопытнаго въ этомъ краѣ, познакомиться съ характеромъ туземцевъ; но почтенный алькальдъ не могъ этого понять.

— Для чего вы входили на горы? говорилъ онъ.

— Для того, чтобы любоваться видомъ.

— Видомъ!! да я сорокъ лѣтъ живу здѣсь, а еще ни разу не любовался видами! и въ такую страшную жару!.. Да залятите мнѣ цѣлую горсть золота, я не ползу на горы. Нѣтъ, батюшка! знаемъ мы васъ, охотниковъ до видовъ, вы ходили снимать позицію.

Что тутъ дѣлать! Одна моя надежда оставалась на Антонио де-ла-Трава, который, какъ говорили, зналъ по-англійски и, вѣроятно, могъ засвидѣтельствовать, что я точно Англичанинъ.

Позвали Антонио.

— Англичане, сказалъ онъ, не знаютъ, что дѣлать съ деньгами и потому развѣзжаютъ по бѣлому свѣту и платятъ въ тридорого за то, за что другой ничего не дастъ. Тутъ онъ пустился защищать меня, не смотря на мимическіе знаки алькальда, который хотѣлъ остановить его. Де-ла-Трава началъ экзаменовать меня по-англійски, но къ сожалѣнію, онъ самъ зналъ только два слова *Knife* и *fork*, которыя я перевелъ ему по-испански и тутъ же былъ признанъ за истаго Британца.

— Этотъ человекъ не Карлосъ, а точно Англичанинъ, произ-

весь онъ рѣшительно, и кто заговорить противное, будетъ имѣть дѣло со мной, а меня знаютъ въ Финистерре.

Такія явныя доказательства поколебали всѣхъ; рѣшено было отправить меня къ главному алькальду въ Коркувионъ для окончательнаго допроса. Но не такъ счастливо отдѣлялся мой бѣдный проводникъ, на котораго ревностный служитель юстиціи обратилъ особенное вниманіе.

— Ну, этотъ, по-крайней-мѣрѣ, не Англичанинъ, сказалъ онъ: — его можно допросить здѣсь. Ну-ка, любезный, кто ты, и кто твой господинъ?

— Я бѣдный матросъ изъ Падрона, отвѣчалъ тотъ: — теперешній господинъ мой богатый Англичанинъ, какъ онъ самъ сказалъ вамъ. Я все это объявилъ вамъ еще прежде, чѣмъ вы меня схватили.

— Гдѣ твой паспортъ? спросилъ алькальдъ.

— У меня нѣтъ паспорта; я включенъ въ паспортъ моего господина.

— Не слѣдуетъ, строго замѣтилъ алькальдъ. И такъ какъ у тебя нѣтъ вида, и какъ ты прозываешься Себастьянъ, то ты долженъ быть разстрѣлянъ. Антонио де-ла-Трава! ты съ солдатами можешь вывести этого челоуька на улицу и разстрѣлять передъ домомъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, синіоръ алькальдъ, отвѣчалъ хладнокровно де-ла-Трава. Что касается до этого челоуька, мнѣ совершенно все равно, онъ не Англичанинъ. На мой взглядъ онъ очень смахиваетъ на тѣхъ колдуновъ, что накликають дождь и вѣтеръ. Притомъ же, онъ самъ говоритъ, что изъ Падрона, а всѣ Падронцы, какъ извѣстно, воры и пьяницы. Одинъ изъ нихъ сооронилъ со мной штуку и я очень буду доволенъ подстрѣлять этого молодца.

Дѣло приняло весьма серьезный оборотъ, и я счелъ обязанностью вступить за бѣднаго Себастьяна.

— Если вы уже непременно хотите разстрѣлять моего проводника, то разстрѣляйте и меня, потому что онъ, какъ слуга, только исполнялъ мои приказанія, явился сюда по моему желанію и сдѣлался, какъ и я, жертвою неслыханнаго звѣрства и грубаго заблужденія.

— Самое лучшее, сказалъ алькальдъ, послѣ минутнаго недоумѣнія: — отправить васъ обоихъ въ Коркувионъ, къ главному алькальду, пускай онъ васъ разберетъ, какъ знаетъ. Однако, вы из-

вольте заплатить прежде за конвой, потому что ни на комъ не лежитъ обязанность провожать васъ.

— Что касается до этой обязанности, перебилъ де-ла-Трава:— то предоставьте се мнѣ одному. Я извѣстенъ въ Финистерре храбростью и не побоюсь вхаты одинъ съ двумя пльвинными, особенно съ Англичаниномъ, на честь котораго я вполне полагаюсь, иначе онъ бы не былъ Англичанинъ. Однако намъ пора.

Еще засвѣтло я очутился опять верхомъ, по дорогѣ въ Каркувiонъ, въ сопровожденiи Себастьяна. Антонио де-ла-Трава бодро вхалъ впереди съ ружьемъ на плечъ.

— Скажите, пожалуйста, отъ чего вы называєте себя храбрецомъ? спросилъ я Антонио. Мнѣ кажется, еслибы я и проводникъ мой вздумали освободиться отъ васъ здѣсь, на пустой дорогѣ, то намъ это не стоило бы большаго труда.

— Я ничего не боюсь, отвѣчалъ спокойно де-ла-Трава. Чтожъ касается до моего прозвища, меня всѣ такъ называютъ. Я одинъ прогналъ отсюда Французовъ, когда они разрушили фортъ, и за то прозванъ храбрецомъ въ Финистерре. Чтожъ касается до моего теперешняго поступка съ вами, признаюсь, еслибы вы не были Англичанинъ, я бы и не подумалъ спасти васъ. Но я долго служилъ въ англійскомъ флотѣ, видѣлъ смерть храбраго Нельсона,—вы мнѣ нѣсколько напоминаете его черты,—вотъ почему я за васъ, а то за какимъ чортомъ я бы сталъ тащиться по этому песку... Однако, капитанъ! мы прѣехали въ Дуйо; не подкрѣпиться ли?

Храбрецъ, не дожидаясь приглашенiя, слѣзъ съ лошади у дверей постоялаго двора, и такъ подкрѣпился, что выйдя оттуда, насилу могъ поставить ногу въ стремя.

— Каково! провзнесъ въ полголоса Себастьянъ: — я никогда такъ не напиваюсь; хотя онъ и увѣряетъ, что мы, Падронцы, всѣ отчаянные пьяницы.

Наконецъ герой нашъ нашелъ центръ тяжести и поскакалъ, проговоривъ, что намъ надо торопиться, чтобъ прѣхать засвѣтло.

— Ну, а что за человекъ—этотъ алькальдъ, къ которому мы ѡдемъ? спросилъ я дорогой.

— О, совсѣмъ другаго рода, отвѣчалъ покачиваясь де-ла-Трава. Прекрасный и преобразованный молодой человекъ; онъ недавно только изъ Мадрита. Вы увидите...

Мы уже ночью достигли Коркувiона. Антонио, проѣзжая мимо одного кабака, еще разъ подкрѣпился; послѣ чего мы отправи-

лечь въ домъ главнаго алькальда. Взойдя на крыльцо, онъ повалился, какъ снавъ, потомъ вскочилъ съ страшными ругательствами и началъ колотить въ двери, что есть силы.

— Кто тамъ? спросилъ тоненькій женскій голосъ.

— Храбрець! отвѣчалъ Антонио. Отвори!

Дверь тотчасъ же отворилась и мы увидѣли хорошенькую женщину со свѣчей въ рукахъ.

— Что такъ поздно? спросила она.

— А вотъ привелъ двухъ пльннхъ; за одного я отвѣчаю, онъ Англичанинъ, а другой—плуть и разбойникъ; онъ, вѣроятно, утонулъ не одинъ корабль!

— Ave Maria! воскликнула со страхомъ женщина, сложивъ руки.

— Не бойся, моя красотка, продолжалъ храбрець: — помоги мнѣ только дойти до алькальда, я что-то плохо вижу.

Де-ла-Трава ушелъ за нею, а мы остались въ потьмахъ.

Спустя нѣсколько минутъ снова блеснула свѣча и молодая женщина появилась на лѣстницѣ.

— Сеньоръ кавалеръ! сказала она по-испански, разсматривая васъ со свѣчей:—вашъ слуга самый красивый во всей Галиціи. Еслибы онъ былъ не босоногій и въ новомъ платьѣ, я бы взяла его въ мужья, но, къ несчастью, я дала себѣ обѣщаніе никогда не выходить замужъ за бѣдняка: а жаль!... Вы, кажется, карлисты... зачѣмъ же вы пріѣхали въ Финистерре, гдѣ все одни христіаносы! Лучше бы вы отправились въ нашу деревню; тамъ вамъ никто не сказалъ бы ни слова. А въ Финистерре все пьяницы, вотъ какъ и этотъ, вашъ проводникъ, котораго я не могу видѣть; еслибы не господинъ алькальдъ, я не отворила бы вамъ дверей, и даже вашему красавцу слугѣ.

Эта любезная рѣчь была прервана появленіемъ Антонио-де-ла Трава.

— Господинъ алькальдъ васъ проситъ къ себѣ, сказалъ онъ: — ступайте за мной.

Я и Себастьянъ поднялись по лѣстницѣ и въ сопровожденіи Антонио вошли въ комнату, гдѣ за столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣлъ главный алькальдъ. Это былъ молодой человекъ средняго роста, красивый собой. Онъ дописывалъ какое-то письмо и, передавъ его секретарю, обратился ко мнѣ:

— Вы Англичанинъ, началъ онъ, и васъ остановили въ Фи-

нистерре, какъ говорить мой другъ Антонио? Позвольте вашъ паспортъ.

Я подалъ паспортъ.

— Онъ въ совершенномъ порядкѣ, продолжалъ алькальдъ:— и я не понимаю, какъ васъ могли принять за карлиста.

— Не только за карлиста, но за самого Донъ Карлоса, перебилъ я смѣясь.

— Безтолковый народъ! принять за Карлоса соотечественника великаго Бентама! Вотъ вандалы!

— Извините, перебилъ я:—вы говорите о великомъ...

— Бентамъ, дополнилъ алькальдъ:— о томъ, который написалъ законы для цѣлаго свѣта. Я надѣюсь, они въ скоромъ времени будутъ приняты и въ нашемъ несчастномъ отечествѣ.

— А! вы говорите о Иеремѣ Бентамъ, сказалъ я. Онъ былъ точно замѣчательный человекъ въ своемъ родѣ.

— Въ своемъ родѣ? воскликнулъ съ удивленіемъ алькальдъ:— скажите: во всѣхъ родахъ! Замѣчательнѣйшій геній, котораго только произвелъ міръ. Это второй Солонъ, Платонъ, Лопецъ де Вега!

— Я никогда не читалъ его сочиненій, сказалъ я. Какъ философа, его точно можно сравнивать съ двумя первыми сочинителями, но для меня странно, что вы ставите его на ряду съ поэтомъ?

— Нисколько не странно, съ жаромъ возразилъ алькальдъ:— я только вижу, что вы вовсе не знаете, хотя вы и Англичанинъ. А я хоть простой алькальдъ въ Галиціи, а имѣю все его сочиненія и читаю ихъ ежедневно.

— Такъ, вѣроятно, вы хорошо владѣете англійскимъ языкомъ? спросилъ я.

— Да столько, чтобы понимать сочиненія Бентама. Какъ я радъ, что вижу у себя Англичанина. Надѣюсь, что васъ примутъ здѣсь не такъ, какъ у этихъ варваровъ въ Фанистерре. Вы свободны. Но надо вамъ приготовить ночлегъ; теперь поздно. Я сейчасъ распоряжусь. Позвольте, однако, какая это книга у васъ въ рукахъ?

— Новый Заветъ, отвѣчалъ я.

— Что это за книга? спросилъ онъ пренаивно.

— Последняя часть Библии.

— Къ чему же вы носите ее съ собой?

— Я только за тѣмъ и прѣехалъ въ Испанію, чтобы распро-
странить здѣсь Библію.

— А! а! Какъ странно! Такъ, я теперь припоминаю. Я точ-
но слышалъ, что Англичане очень высоко цѣнятъ эти книги.
Такъ, такъ. Кто бы подумалъ! соотечественники Бентама чита-
ютъ монашескія книги!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на алькальда. Этотъ молодой и
образованный человѣкъ не только никогда не читалъ священныхъ
книгъ, но вѣроятно и неслыхивалъ о нихъ! Не время и не мѣ-
сто мнѣ было пускаться съ нимъ въ религиозное преніе. Толь-
ко при прощаніи, я подарилъ въ его присутствіи храбрецу Но-
вый Заветъ, за одолженіе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ и, какъ
было уже поздно, отправился въ отведенную мнѣ квартиру, рѣ-
шившись на другой же день уѣхать оттуда.

XIII.

Гоненіе.—Тюрьма.—Антонъ Бучини.—Опять Бенедиктъ Моль.

Въ продолженіе моего путешествія, теперь быстро клоняща-
гося къ концу, всякій могъ замѣтить, какъ Провидѣніе устра-
няло передо мной все препятствія къ достиженію избранной мною
цѣли. И теперь, въ заключеніе этихъ записокъ, въ числѣ прои-
шествій то забавныхъ, то грустныхъ, мнѣ остается еще расска-
зать о послѣднемъ гоненіи, которое, впрочемъ, я вытерпѣлъ бо-
лее по своей охотѣ, чѣмъ по необходимости.

По возвращеніи въ Мадридъ, я нашелъ наши дѣла не совсѣмъ
въ цвѣтущемъ положеніи. Большое количество экземпляровъ бы-
ло, правда, распродано въ народъ по деревнямъ частными ли-
цами, но въ Мадридѣ продажа у книгопродавцевъ шла плохо.
Причиною этого были новые политическіе перевороты, случив-
шіеся во время моего отсутствія. Донъ Карлосъ съ сильной ар-
міей осаждалъ столицу. Ожидали кровопролитія и грабежа—не
мудрено, если продажа священныхъ книгъ, о которыхъ никто
не думалъ въ смутное время, должна была остановиться.

Между тѣмъ министерство еще разъ переменялось. Покрови-
тельствовавшая партія Галиано и Истурица была устранена; отъ
новыхъ же представителей ждать было нечего. Это были при-
верженцы короля Фердинанда, желавшіе сохранить мирныя от-
ношенія къ Риму и потому враждебные библейскому обществу. Къ
счастью моему, партія эта держалась только до окончанія войны.

Не смотря на неблагоприятныя обстоятельства, я действовалъ рѣшительно; нанялъ большой, прекрасный магазинъ на лучшей улицѣ, украсилъ его зеркальными стеклами и канделябрами и открылъ продажу моихъ книгъ, разославъ напередъ множество объявленій. Въ Парижъ или въ Лондонъ это средство помогло бы продать изданіе въ нѣсколько дней; но тутъ продажа шла медленно. Враги мои здѣлись и я долженъ былъ ожидать отъ нихъ всякаго рода непріятностей; хотя они боялись привязаться ко мнѣ явно, зная, что я находился подъ покровительствомъ нашего посланника.

Въ это же время, къ сожалѣнію, я разстался, хотя и не надолго, съ моимъ вѣрнымъ Антонио Бучини, который, въ слѣдствіе неудовольствія съ моею хозяйкой, перешелъ къ какому-то графу новаромъ, обзвѣвъ, впрочемъ, явиться ко мнѣ при первомъ удобномъ случаѣ.

Нечего дѣлать, надо было подчиниться необходимости и взять на время другаго. Скоро новыя происшествія принесли съ собою и новыя заботы. Торговля въ магазинѣ пошла живѣе и какъ у меня теперь оставалось болѣе времени, то я приступилъ къ печати Евангелія на испанско-цыганскомъ и ескаррескомъ нарѣчіяхъ. Это происходило въ 1828 г., въ самый замѣчательный періодъ изъ всего моего пребыванія въ Испаніи.

Въ половинѣ января, врагамъ моимъ удалось наконецъ вытребовать отъ губернатора запрещеніе продажи Новаго Завета. Я этого ожидалъ и отправился тотчасъ къ Виллерсу. Онъ, какъ и прежде, обзвѣвалъ употребить все свое вліяніе въ мою пользу, но, къ несчастію, какъ открытый противникъ новаго правительства, былъ въ настоящую минуту не въ ладахъ съ первымъ министромъ, графомъ Офаліей. Противники мои между тѣмъ не дремали и разпустили слухъ въ народѣ, что я занимаюсь колдовствомъ, имѣю частыя сношенія съ цыганами и предсказателями будущаго. Не смотря на все эти клеветы, они не могли достигъ главной цѣли—выслать меня изъ Испаніи. Графъ Офалія, котораго они сначала настроили-было противъ меня, не соглашался на эту крайнюю мѣру, и наконецъ, тронутый неоднократнымъ предстательствомъ Виллерса, обзвѣвалъ сдѣлать все, что ему угодно.

Черезъ нѣсколько дней, къ величайшему моему удивленію, графъ прислалъ ко мнѣ за Новымъ Заветомъ на цыганскомъ нарѣчіи. Я воспользовался этимъ благоприятнымъ случаемъ и лич-

но представилъ ему одинъ экземпляръ въ богатомъ переплетѣ. Министръ принялъ меня чрезвычайно учтиво и благодарилъ за подарокъ; но когда мы коснулись до дѣйствій библейскаго общества, онъ далъ мнѣ почувствовать, что со стороны тамошняго духовенства существуютъ разныя затрудненія, и совѣтовалъ потерпѣть немного, обѣщая со временемъ содѣйствіе моимъ предпріятіямъ. Я былъ чрезвычайно доволенъ приемомъ и мы разстались друзьями; но всѣ эти обѣщанія въ будущемъ, какъ видно, нисколько не стѣсняли моихъ противниковъ. Коррехидоръ, человекъ грубый и ограниченный, ненавидящій имѣотранцевъ вообще, благосклонно выслушивалъ все, что ему говорили обо мнѣ, и именно: будто бы я хотѣлъ обратить всѣхъ Испанцевъ въ цыганъ, въ еретиковъ, чародѣевъ и проч. Въ слѣдствіе этого, онъ наславъ на меня цѣлую толпу алгвазмовъ, съ повелѣніемъ немедленно захватить все книги. Этого мало: въ одно прекрасное утро, именно 1-го мая, когда я спокойно сидѣлъ за завтракомъ, мнѣ принесли учтливое приглашеніе явиться въ острогъ. Перспектива посидѣть въ тюрьмѣ меня нисколько не испугала. Нельзя же было и не потерпѣть, рѣшившись на отважное дѣло народнаго просвѣщенія. Не смотря однако на приглашеніе *явиться немедленно*, я рѣшился пойти въ острогъ на другой день, а теперь отправился въ самый многлюдный и модный трактиръ, въ надеждѣ, что тутъ всего менѣе станеть искать меня Коррехидоръ. Такъ и вышло. Вечеромъ, хозяйка моя, по имени Марія Діазъ, которая знала, куда я пошелъ, явилась въ трактиръ въ величайшемъ страхѣ, говоря, что алькальдъ и алгвазилы ищуть меня по всему городу, съ повелѣніемъ арестовать. Я успокоилъ ее тѣмъ, что если она не скажетъ гдѣ я, они никакъ не найдуть меня, и остался ночевать въ трактирѣ. На слѣдующее утро я отправился въ наше посольство. Виллерсъ и секретарь его, Сусернъ, не хотѣли вѣрить, что Коррехидоръ взялъ на себя смѣлость арестовать меня, когда это могъ сдѣлать только губернаторъ и то въ присутствіи нашего консула. Виллерсъ просилъ меня остаться нѣсколько дней у него въ домѣ, покуда онъ окончитъ мое дѣло; но я не согласился. Черезъ нѣсколько минутъ въбѣжалъ мой слуга, Францискъ, и объявилъ со страхомъ, что эти воры и мошенники дѣлають обыскъ въ моей квартирѣ и перебирають все бумаги, вѣроятно, въ надеждѣ найти между ними и меня. При этомъ извѣстіи, не смотря на всѣ просьбы Сусерна остаться въ посольствѣ, я простился и вышелъ.

Едва я успѣлъ отойти половину улицы, какъ два алгвазила, вѣроятно ожидавшіе моего появленія, остановили меня, объявляя, что я ихъ арестантъ, и приказали мнѣ идти за ними къ Коррехидору. Я молча повиновался. Коррехидоръ однако же не удостоилъ принять меня. Я просидѣлъ довольно долго въ приемной среди самой разнохарактерной толпы. Наконецъ Коррехидоръ выслалъ ко мнѣ полицейскаго служителя.

— Встаньте, сказалъ этотъ.

Я всталъ.

— Какъ ваше имя?

— Джорджъ Борро.

— Въ такомъ случаѣ, сеньоръ, произнесъ онъ, вынимая бумагу, его пр. Коррехидоръ приказалъ отвести васъ въ тюрьму.

И онъ бросилъ на меня мрачный взглядъ, полагая, вѣроятно, что я буду пораженъ, какъ громомъ, этими словами. Я не отвѣчалъ ни слова и мы вышли въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, которые повели меня черезъ плаца-маіоръ въ острогъ, называемый дворцовой тюрьмою.

Тюрьма эта, какъ и всѣ другія, имѣла довольно мрачную наружность и внутри пересѣкалась длинными темными корридорами. Въ концѣ одного изъ нихъ была комната въ родѣ службы. Мы вошли туда. Тамъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Алгвазилъ подошелъ къ одному изъ нихъ и, поговоривъ съ нимъ сперва тихо, передалъ ему бумагу о моемъ арестѣ. Этотъ, прочитавъ ее съ большимъ вниманіемъ, всталъ и подошелъ ко мнѣ. Боже, какая фигура! Онъ былъ тонокъ и высокъ какъ жердь, до того высокъ, что гнулся и постоянно принималъ форму французской буквы S. Довольно пріятныя черты лица этого человѣка исчезали въ поразительной худобѣ, которой черные глаза и волосы придавали какой-то страшный отблескъ. Безжизненная улыбка постоянно блуждала на его лицѣ. Онъ поклонился мнѣ весьма учтиво и сказалъ, что онъ тюремный смотритель и считаетъ за честь имѣть такого арестанта, какъ я, хотя на короткое время, что мнѣ не будетъ недостатка ни въ чемъ, и проч., и проч. Человѣкъ этотъ, какъ я узналъ потомъ, былъ одинъ изъ самыхъ отъявленныхъ мошенниковъ въ Испаніи. Своею скаредностію и звѣрскимъ обращеніемъ, онъ не разъ выводилъ изъ терпѣнія несчастныхъ заключенныхъ и часто бывалъ причиною жестокихъ наказаній. Смотритель повелъ меня по длиннымъ корридорамъ. Нѣсколько толстыхъ желѣзныхъ дверей, съ стоящими по обѣимъ

сторонамъ часовыми , затворялись за нами. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколькихъ политическихъ преступниковъ и множество другихъ лицъ. Наконецъ мы достигли назначенной мнѣ комнаты, которая была гола, какъ ладонь.

— Кабаллеро, сказалъ смотритель, теперь еще не поздно, и я вамъ советую послать за вашей постелью и за другими нужными вамъ вещами.

Я тотчасъ же написалъ записку Маріи Діазъ, и остался одинъ.

Вечеромъ, когда все нужное было принесено и я съѣлъ ужинъ, двери открылись и ко мнѣ вошелъ секретарь посольства Сусернь. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ, что я совершенно спокойно сижу за ужиномъ, и сказалъ, что Виллерсъ, какъ только меня посадили, послалъ спросить къ графу Офалин, по какому праву арестовали англійскаго подданнаго безъ вѣдома посланника, на что графъ отвѣчалъ, что все это пустяки и что я завтра же могу выйти изъ тюрьмы.

— Да я-то не хочу выйти отсюда, сказалъ я. Они меня посадили для своего удовольствія, а я для своего удовольствія хочу сидѣть здѣсь; и не выйду отсюда, пока не получу полного удовлетворенія.

— И неподобно, отвѣчалъ смѣясь Сусернь, если вы только не соскучитесь.

— Не беспокойтесь.

— Въ такомъ случаѣ, арестъ вашъ дастъ намъ возможность придаться къ этимъ господамъ; они не разъ намъ досаждали. Я тотчасъ же сообщу ваше намѣреніе посланнику.

Секретарь простился со мной и я легъ спать.

Настоящая причина моего желанія посидѣть въ тюрьмѣ была совсѣмъ другая. Мнѣ хотѣлось попробовать, разговаривая съ арестантами, обратить ихъ на путь истинны и добродѣтели, по крайней-мѣрѣ сколько возможно; къ несчастію, большая часть изъ нихъ были люди грубые, необразованные или закоренѣлые преступники, на которыхъ не могло дѣйствовать религіозное убѣжденіе.

Спустя нѣсколько дней, около обѣда, раздался стукъ въ мои двери.

— Кто тамъ? спросилъ я.

— C' est moi, mon maître, отвѣчалъ знакомый мнѣ голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ явился передо мной грекъ, Антонъ Бучини.

— *Bon jour, mon maître!* произнесъ онъ, оглядывая мое жилище: тутъ довольно порядочно; мы съ вами жилали хуже.

— Твоя правда, отвѣчалъ я. Однако, благодарю за то, что ты вспомнилъ о своемъ старомъ хозяинѣ и посвятилъ мени въ заключеніи. Лишь бы твой новый господинъ не сердился за твою отлучку во время обѣда.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, произнесъ спокойно Антонъ: о какомъ господинѣ вы изволите говорить? у меня нѣтъ другаго, кромѣ васъ.

— А графъ? сказалъ я. Какъ, ты уже успѣлъ оставить это мѣсто?

— Гмъ! воскликнулъ Антонъ, могъ ли я остаться тамъ хоть одну минуту, посудите сами. Лишь только меня утвердили въ званіи повара, я отправился на кухню. Кухня тамъ довольно порядочная, все стояло на своемъ мѣстѣ, только не знаю почему, мнѣ показалось, что этотъ домъ не для меня. Я повѣсилъ свой чемоданъ на гвоздь, а самъ сѣлъ въ уголь и началъ пѣть греческія пѣсни; это я всегда дѣлаю, когда бываю чѣмъ-нибудь недоволенъ. Нѣсколько лакеевъ подошли—было ко мнѣ съ вопросами, но я не отвѣчалъ ничего. Между тѣмъ приблизилось время обѣда. Тутъ я неволью воодушевился и принялся стряпать, не допуская никого къ этому важному дѣлу. Въ этотъ день ждали гостей; я, разумется, превзошелъ самого себя. Все шло какъ нельзя лучше. Вдругъ сынъ графа, большой болванъ, входитъ въ кухню съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Я ничего. Только онъ, постоявъ съ минуту надъ однимъ блюдомъ, гдѣ приготавлился самый топчайшій соусъ, и, не говоря ни слова опустилъ туда кусокъ хлѣба. Это меня взорвало. Вы знаете, *mon maître*, какъ я раздражителенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; я не Испанецъ, а Грекъ, и потому имѣю правило чести. Не колеблясь ни минуты, я схватилъ мальчишку за плеча и вытолкалъ вопъ изъ кухни. Поднялся страшный гвалтъ. Я все ничего. Черезъ нѣсколько минутъ является отецъ съ огромной палкой и кричитъ, что убьетъ меня какъ собаку; сбѣжались люди. Вижу, дѣло плохо, я схватилъ полную кастрюлю съ яичницей и сталъ въ оборонительное положеніе, одна нога впередъ, другая немного отступя. Минута была рѣшительная; приходилось искать спасенія въ быстромъ отступленіи. Я мгновенно персвернулъ кастрюлю и далъ ей сильнѣйшій толчекъ вверхъ, отъ чего всѣ яичицы полетѣли на осаждающихъ. Суматоха одѣлалась страшная, а я, пользуясь этимъ вре-

испешъ, снялъ потихоньку чемоданъ, да и былъ таковъ! Вотъ какимъ образомъ я оставилъ это мѣсто.

— Ну, признаюсь, сказала я, выслушавъ не безъ смѣха этотъ разговоръ: еслибы не твоя прежняя вѣрная служба, я бы тебя не пустила къ себѣ на глаза послѣ этой проделки. Ну, можно ли такъ поступать?

— *Qu' est ce que vous voulez, mon maître!* произнесъ Вучини, пожимая плечами. Это свыше силъ моихъ: я Грекъ и честь моя не могла стерпеть оскорбленія, нанесеннаго профаномъ, который проникъ въ святилище кулинарнаго искусства. Но оставимъ это. Знаете ли, я пришелъ къ вамъ не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Догадайтесь; съ человекомъ необыкновеннымъ, съ человекомъ, котораго преслѣдуетъ судьба, съ отыскивателемъ кладовъ!

— Какъ, неужели!... воскликнулъ я.

— Ja, mein Herr! произнесъ Бенедиктъ Моль, показавшись на порогъ. Я встрѣтилъ герръ Антоу на улицѣ и, узнавъ, что вы здѣсь, не могъ не посвятить васъ.

— Да скажите, какими судьбами вы опять въ Мадридъ! говорилъ я, глядя на него съ удивленіемъ; я такъ думалъ, что вы отправились въ свою сторону.

— Я—таки туда и отправлюсь въ свое время, но не пышкомъ, а въ покойномъ экипажѣ. Развѣ вы забыли о кладѣ? Онъ тутъ близко и я болѣе имѣю надежды, чѣмъ прежде. Друзей у меня теперь много. Развѣ вы не видите, какъ я одѣтъ?... И точно все на немъ было чисто и ново. Андалузская шляпа толстымъ конусомъ поднималась кверху и въ рукахъ у него была уже не жердь, а красивая палка съ рзынымъ набалдашникомъ.

— Вы точно похожи на человека, который нашелъ кладъ, сказала я съ улыбкою, глядя на него.

— Или, скажите лучше, на того, который ищетъ его не на свои деньги, отвачалъ Швейцарецъ.

Я, разумется, началъ разспрашивать, что съ нимъ случилось послѣ того, какъ мы расстались въ Овiedo и я нехалъ въ Сантандеръ. Онъ сказалъ мнѣ, что отправился за мною туда же; но путешествовалъ очень долго по причинѣ голода и разнаго рода лишеній. Въ Сантандеръ онъ не могъ узнать обо мнѣ ничего. Кошелекъ опять изсякъ и какъ никто не помогаль несчастному, то онъ отправился, прося милостыни, и такимъ обра-

зомъ дошелъ до какой-то провинціи въ Аррагоніи , которой и самъ не зналъ.

— Состояніе мое было до того ужасно, говорилъ Бенедиктъ, что я почти рехнулся. Идти по пустынямъ Испаніи безъ куска хлѣба и безъ надежды! Разъ, проходя голодный мимо дикихъ, гористыхъ скалъ, я слышу голосъ... и я точно слышалъ голосъ, голосъ выходящій изъ скалы. Этотъ голосъ произнесъ: Кладъ! кладъ! еще не тронуть; въ Мадридъ! въ Мадридъ!... Мысль о сокровищѣ тотчасъ оживила меня: что, если удастся откопать? Кончены тогда всѣ мученія; не нужно болѣе просить Христа ради, странствовать по голымъ пустынямъ. Я весело поднялъ мой странническій посохъ и почувствовалъ новыя силы во всемъ тѣлѣ. Бодро отправился я въ путь и вотъ дошелъ до Мадрида.

— Что же происходило съ вами въ Мадридѣ, спросилъ я: не нашли ли вы кладъ на улицѣ?

Швейцарецъ вдругъ одѣлся серьезнѣе и замолчалъ. Это меня крайне удивило, потому что, обыкновенно, онъ былъ весьма словоохотливъ, особливо когда дѣло шло о его любезной идѣе. Изъ сбивчивыхъ его отвѣтовъ я могъ однако понять, что, по прибытіи въ Мадридъ, онъ наткнулся на какихъ-то людей, которые его приласкали, снабдили деньгами и платьемъ, но не съ безкорыстной цѣлю, а въ надеждѣ на полученіе сокровища. Кто были эти люди, онъ не зналъ, или не хотѣлъ назвать ихъ; по некоторымъ словамъ его, мнѣ показалось, что онъ совершенно сошелъ съ ума; я не хотѣлъ его болѣе разспрашивать. Передъ прощаніемъ однако, онъ сказалъ: *Lieber Herr!* простите меня, я съ вами не откровененъ, хотя я вамъ долженъ многимъ, но я не смѣю говорить болѣе, я не принадлежу себѣ. Кромѣ того, говорить о кладѣ заранее—опасно. Я видѣлъ одного человека, который, подобно мнѣ, зная о существованіи клада въ одномъ мѣстѣ, началъ рыть землю и достигъ уже до желѣзнаго сундука. Въ радости схватилъ онъ за ручку и закричалъ: наконецъ онъ мой! И чтоже? Кладъ мгновенно ушелъ въ землю и въ рукахъ копателя осталась одна скобка отъ ларца — вотъ все, что онъ получилъ за трудъ. Прощайте, *lieber Herr!* я скоро отправлюсь въ С-вѣтъ Яго, но прежде еще разъ повидаясь съ вами.

XIV.

Освобожденіе.—Последнее свиданіе съ Бенедиктомъ и печальный конецъ его исторіи.—Дѣйствія миссіонера.

Я пробылъ въ моемъ добровольномъ заключеніи около трехъ недѣль, наблюдая нравы и слѣдя за чувствами преступниковъ, которые, къ сожалѣнію, были слишкомъ ожесточены, или закоренѣлы въ порокъ, чтобы понять весь ужасъ своего нравственнаго паденія. Меня всего болѣе поразило ихъ равнодушіе и совершенное отсутствіе въ нихъ идеи правды. Можетъ быть, постояннымъ усиленіемъ и ихъ можно было бы возвратитъ къ добру, потому что, кто можетъ положить предѣль огрубленію, или улучшенію нашего сердца, пока человекъ еще живъ? Мнѣ всегда казалось, и теперь, когда я видѣлъ тюрьму вблизи, я убѣжденъ, что тюремная жизнь, при обыкновенныхъ ея условіяхъ, весьма мало могла способствовать нравственному улучшенію.

Выходъ изъ этого зданія, которое по справедливости можно назвать «домомъ печали и скорби», былъ и для меня не радостенъ. Новый слуга мой, Франциско, служившій мнѣ съ необыкновенной вѣрностію и преданностію во все время моего заключенія, внезапно захворалъ тифусомъ и умеръ, спустя нѣсколько дней послѣ моего освобожденія.

Дѣла мои между тѣмъ пошли тоже не слишкомъ хорошо. Графъ Офалія, котораго я посвятилъ выйдя изъ тюрьмы, былъ недоволенъ, не смотря на мое торжественное освобожденіе по настоятельному предствательству нашего посланника.

— Кажется, любезная моя Марикита, мнѣ придется убраться отсюда, сказалъ я Маріи Діазъ, возвратясь домой. Въ Мадридѣ нечего долѣе оставаться, по-крайней мѣрѣ теперь. Я намеренъ снова сѣсть на коня и отправиться по деревнямъ. Какъ ты думаешь, моя милая?

— И съ Богомъ, сеньоръ! отвѣчала моя добрая хозяйка. Тамъ вамъ не пужно никакихъ позволеній. Я сама изъ Сагры, и знаю, какой тамъ славный народъ, гораздо лучше, чѣмъ здѣсь.

— Кстати о Сагрѣ, не начать ли мнѣ съ этой провинціи? сказалъ я.

— И прекрасно, отвѣчала Марикита: послушайте глупой бабы; остановитесь въ Вилла-сэка, въ домъ моего отца, тамъ живетъ и мужъ мой. Вы и сеньоръ Антоніо будете у нихъ какъ

у себя. А если пужно, возьмите оттуда моего мужа въ проводники. Съ Богомъ, донъ Джорджъ! Съ Богомъ!

Приготовленія къ отъезду были не долги. Достаточное количество экземпляровъ Новаго Завѣта я послалъ впередъ съ арріеро, а самъ выехалъ на другой день. Передъ самымъ отъездомъ однако ко мнѣ въ послѣдній разъ явился Бенедиктъ Моль.

— Я пришелъ съ вами проститься, lieber Herr! сказалъ отъ: завтра я возвращаюсь въ Компостелло.

— За чѣмъ?

— Копать, lieber Herr, копать! За чѣмъ же другимъ я пойду? Къ чему же я и жилъ до-сихъ-поръ, какъ не для того, чтобъ найти наконецъ этотъ кладъ.

— Ахъ, любезный другъ! сказалъ я со вздохомъ: лучше бы вы жили для чего-нибудь другаго! Во всякомъ случаѣ, желаю вамъ успѣха. Получили ли вы по-крайней-мѣрѣ позволеніе копать землю? вспомните вашу послѣднюю неудачу въ Галиціи.

— Я все помню, lieber Herr, спокойно отвѣчалъ Швейцарецъ: и мой путь въ Овiedo, и поданную вами милостыню, и борьбу мою съ голодомъ и со смертью, и пророческій голосъ въ снахъ... Я ничего не забылъ! Но... я долженъ исполнить, что мнѣ на роду написано. Я отправляюсь теперь въ Галицію на счетъ правительства, которое дастъ мнѣ средство прокопать землю хоть насквозь... Но я не смѣю говорить болѣе: я произнесъ страшную клятву.

— И такъ, любезный Бенедиктъ, мнѣ ничего болѣе не остается сказать вамъ, какъ пожелать успѣха.

— Благодарю, lieber Herr, благодарю! Вы желаете мнѣ успѣха? да, я долженъ имѣть успѣхъ! Я уопью! Сказавъ эти слова, онъ вдругъ остановился и, дико взглянувъ на меня, воскликнулъ:

— Однако, heiliger Gott! Я совсѣмъ позабылъ одно обстоятельство... Ну какъ я ничего не найду?

Я обрадовался этому возврату здраваго смысла и попробовалъ его уговорить:

— Весьма справедливо, сказалъ я. Жаль, что вы объ этомъ не подумали прежде. Откровенно скажу вамъ, любезный другъ, вы идете на весьма опасное дѣло. Можетъ быть, точно случится, что вы найдете кладъ, но всего вѣроятнѣе, что нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, который несравненно вѣроятнѣе перваго, по-

думайте, каково будетъ ваше положеніе? На васъ будутъ смотрѣть какъ на обманщика, и слѣдствія этого будутъ для васъ гибельны. Испанцы очень легковѣрны, но если они поймутъ, что они обмануты, или, чего Боже сохрани, осмѣяны, то мести ихъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ границъ. Ваша невинность не спасетъ васъ. Вы, можетъ быть, сами обманываетесь, но не обманываете, я въ этомъ увѣренъ, но они никогда не повѣрятъ. Еще есть время. Возвратите ваше новое платье тому, кто вамъ его далъ; возьмите вашъ странническій посохъ, ваше прежнее рубище и поѣдьте со мной въ Сагру, распространять Слово Божіе между бѣднымъ народомъ!

Бенедиктъ долго молчалъ, потомъ вдругъ качнулъ головою и произнесъ:—Нѣтъ! нѣтъ! Я долженъ исполнить, что мнѣ на роду написано. Кладъ еще не отысканъ, такъ говорилъ мнѣ голосъ въ пустынь. Завтра же иду въ Компостелло! Я найду кладъ! Онъ тамъ... онъ *долженъ быть тамъ!*

Это были послѣднія его слова; болѣе я его не видѣлъ. То, что я слышала потомъ объ этомъ странномъ чловѣкѣ, довольно удивительно. Правительство, какъ видно, повѣрило его сказкѣ и пламеннымъ разсказамъ о несмѣтныхъ сокровищахъ; нѣкоторыя лица до того были увлечены, что вообразили даже возможность обогатить этимъ кладомъ весь край и заплатить государственнй долгъ. Швейцарецъ возвратился въ Компостелло точно по-княжески, какъ онъ говаривалъ. Дѣло это, которое прежде содержалось въ глубокой тайнѣ, скоро было узнано всеми. Положили, чтобы отыскиваніе клада, который долженъ былъ принести такія важныя послѣдствія, происходило торжественно при народѣ. Для этого нарочно назначили праздничный день. Всѣ колокола въ Компостелло гудѣли съ самаго утра. Народъ густыми толпами валилъ со всѣхъ улицъ къ назначенному мѣсту, гдѣ уже собралось многочисленное войско. Любопытство всѣхъ было доведено до высочайшей степени. Наконецъ показалась процессія, медленно двигавшаяся къ церкви Св. Роха. Впереди шли командиръ войска и Швейцарецъ, гордо потряхивая своей палкой; за нимъ выступала ворожея, которая, какъ извѣстно, способствовала Бенедикту къ отысканію мѣста, гдѣ зарыто сокровище. Каменьщики съ лопатами и ломомъ за-ключали шествіе. Пройдя черезъ церковь въ крытую галерею, Бенедиктъ Молъ бросилъ взглядъ вокругъ себя и остановился:

Копайте тутъ, произнесъ онъ.—Да, копайте здѣсь! повторила колдунья.

Каменьщики дружно принялись за работу. Черезъ нѣсколько минутъ, отвратительное зловоніе поднялось изъ земли.

Но, довольно! не было найдено никакого клада, и предостереженія мои оправдались. Его схватили и засадили въ тюрьму между самыми злѣйшими преступниками. Но судьба его этимъ не кончилась. Недовольные настоящимъ правленіемъ, не упустивъ случая къ колкимъ насмѣшкамъ. Партія умеренныхъ должна была выслушать въ Кортесъ выговоръ за свое легковѣріе, а либералы напечатали въ газетахъ и распространили по всей Испаніи подробную исторію торжественнаго откапыванія клада въ Сентъ-Яго.

Желая узнать, что сдѣлалось съ бѣднымъ Швейцарцемъ, я, послѣ отъезда моего изъ Компостелло, написалъ туда къ Рей Ромеро, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Я видѣлъ Швейцарца въ тюрьмѣ, откуда онъ посылалъ за мной, прося помочь ему въ память моей дружбы къ вамъ. Потомъ его выслали, не зная куда, и, говорятъ, онъ пропалъ на дорогъ.»

Не правда ли, что истина бываетъ иногда невѣроятнѣе вымысла; въ какой повѣсти найдете вы что-нибудь страннѣе, неостижимѣе совершенно истиннаго лица, кладоконателя Бенедикта Моля?

Жаль мнѣ было бѣднаго Швейцарца, но обстоятельства не позволили сдѣлать мнѣ ничего въ его пользу.

Въ Сагрѣ, сверхъ моего ожиданія, распространеніе священныхъ книгъ пошло хорошо. Не смотря на страшные жары, я не сходилъ съ коня и объѣздилъ всю деревню. Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ о ревностныхъ трудахъ моего вѣрнаго Антона, котораго *правила чести* въ этомъ отношеніи совершенно согласовались съ моими, и который ѣздилъ со мною всюду и не мало способствовалъ распространенію истины. Вѣсть о появленіи священныхъ книгъ въ этомъ краю разлилась съ быстротою молніи и вездѣ, куда я ни пріѣзжалъ, народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ получить книги. Разъ ночью я купался въ Таго, сидя на своемъ конѣ. Толпа людей собралась на берегу, и кричала мнѣ:

— Выйди изъ воды, Англичанинъ, дай намъ книгъ; у насъ деньги въ рукахъ! и бѣдные протягивали ко мнѣ горсти мелкихъ монетъ. Къ сожалѣнію, со мной не было книгъ. Антонъ,

слѣдовавшій за мною въ нѣкоторомъ отдаленіи, подалъ мнѣ одинъ экземпляръ, изъ-за котораго началась драка. Таково было религіозное стремленіе въ этихъ простыхъ людяхъ. Часто случалось, что мужики изъ сосѣднихъ деревень приходили за Новымъ Заветомъ и, не имѣя денегъ, приносили въ замѣнъ натурой—кофе, фрукты, кто что могъ.

Въ Вилла-Сэка была школа для дѣтей. Однажды утромъ учитель ихъ, худощавый старикъ, лѣтъ 60, завернутый въ длинный плащъ, не смотря на нестерпимый жаръ, явился ко мнѣ, прося показать ему одну изъ нашихъ книгъ. Я ему подалъ экземпляръ. Онъ разсматривалъ его съ полчаса, не говоря ни слова, наконецъ положилъ его, сказавъ со вздохомъ, что ему очень хотѣлось бы имѣть эту книгу для школы; но, судя по красотѣ изданія и переплета, онъ, вѣроятно, не въ состояніи заплатить того, что она стоитъ, а еще меньше дѣти бѣдныхъ поселянъ.

Когда я объявилъ ему ничтожную сумму (три реала за экземпляръ), которое библейское общество съ намѣреніемъ назначило, чтобы сдѣлать покупку книгъ доступною для всѣхъ, учитель былъ внѣ себя отъ радости. Благодареніе Богу! воскликнулъ онъ: я едва вѣрю тому, что слышу! Онъ тутъ же купилъ у меня дюжину книгъ. И вотъ, въ концѣ моего путешествія, послѣ различныхъ препятствій и трудностей, удалось мнѣ наконецъ посвятить Слова Спасителя на богатой почвѣ воспріимчивыхъ дѣтскихъ сердець. Только съ этого времени книги мои начали пропихивать въ народныя школы.

Неожиданный успѣхъ въ Сагрѣ далъ мнѣ мысль объѣздить и другую провинцію, именно Ламанческую; непріатели мои не могли вредить мнѣ потому, что эта провинція находилась въ рукахъ Карлистовъ.

Не буду описывать подробностей моего путешествія. Довольно сказать, что, не смотря ни на какія препятствія, я продолжалъ ревностно мое дѣло. Когда до меня доходили слухи, что съ такой-то стороны угрожала опасность, я тотчасъ же собиралъ свои книги и отправлялся въ другое мѣсто, подвигаясь такимъ образомъ все впередъ и впередъ.

XV.

Опять разбойники.—Севилла.—Дѣйствіе миссіонера и сотрудники.

Въ половинѣ апрѣля было продано въ Мадридѣ довольно зна-

чительное число книгъ. Съ остальными экземплярами я отправился снова въ Севиллу. Дороги въ это время стали такъ опасны, по причинѣ появленія множества воровъ и разбойниковъ, что нужно было путешествовать не иначе, какъ съ конвоемъ. Я однако предпочелъ ѣхать въ почтовой каретѣ, потому что это сообщеніе гораздо быстрее, а Антона съ двумя лошадьми отправилъ съ конвоемъ, подъ прикрытіемъ котораго ѣхало множество пассажировъ. Счастливая звезда моя и тутъ не оставляла меня. Мы доехали удивительно благополучно. Говорю : удивительно, потому что весь край, по которому мы проѣзжали, за исключеніемъ немногихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, былъ въ рукахъ паллидосовъ и бандитовъ, которые постоянно грабили по дорогамъ, останавливали курьеровъ, сожигали экипажъ и письма, а пассажировъ вводили въ горы, гдѣ несчастныхъ ожидала неминуемая смерть, если они не могли дать огромный выкупъ. Последний мальпостъ былъ остановленъ 6-ю разбойниками въ Румблярскомъ дефилеѣ, не смотря на то, что шелъ подъ прикрытіемъ конвоя. Мошенники подъѣхали по песчаному грунту со стороны, такъ, что солдаты не слышали ихъ приближенія и были нечаянно атакованы сзади. Ихъ мгновенно обезоружили, привязали къ деревьямъ и потомъ разстрѣляли. Остальное сдѣлалось добычею огня и грабежа. Когда мы проѣзжали мимо этого мѣста, курьеръ нашъ заплакалъ и началъ бранить Испанію и Испанцевъ, хотя онъ самъ былъ чистый Испанецъ. Онъ указалъ намъ на дерево, гдѣ убили его товарища, и хотя съ того времени шли сильные дожди, земля вокругъ дерева была еще напитана кровью, и какая-то голодная собака сидѣла у корня и глодала полусгнившій черепъ. Этотъ печальный видъ и рассказъ курьера, напомнившій ужасныя подробности, произвели, разумется, на всѣхъ насъ самое грустное впечатлѣніе. Съ нами ѣхалъ католическій монахъ миссіонеръ: онъ отправлялся на Филиппинскіе острова. Во время путешествія монахъ былъ въ величайшемъ страхѣ, такъ что наконецъ захворалъ и мы были принуждены дважды останавливаться. Онъ твердилъ намъ безпрестанно, что если попадетъ въ руки разбойниковъ, или, лучше сказать, политическихъ бунтовщиковъ, то они его непременно разстрѣляютъ. Онъ былъ профессоромъ философіи въ Мадридѣ, въ какомъ-то монастырѣ, когда еще тамъ были монастыри, и при всемъ томъ имѣлъ такъ мало понятія о Св. Писаніи, что смѣшивалъ его съ произведеніями Виргилія!

Я хотѣлъ-было отъ нечего двалтъ пустяться съ патеромъ въ

религіозное преніе, но не успѣлъ, потому что мы, къ общему удовольствію, пріѣхали въ Севиллу, гдѣ каждый изъ насъ пошелъ своей дорогой.

Въ этотъ прозѣдъ черезъ Севиллу я имѣлъ довольно времени смотреть это восхитительное мѣсто. Къ сожалѣнію, въ первые дни, андалузское небо, всегда свѣтлое и голубое, было покрыто темными тучами. Шелъ такой проливной дождь, какого здѣсь не запомнить, отчего Гвадалквивиръ разлился и грозилъ наводненіемъ. Правда, выдавались демьки, когда солнце, выглянувъ изъ-за тучъ, весело позлащало своими жаркими лучами всю окрестность; я, разумеется не упускалъ случая и тотчасъ же выходилъ на улицу. Какая чудная картина открывается передъ вами, когда вы входите на берегъ Гвадалквивира! Недалеко отъ города, по теченію рѣки, находится крытая аллея, называемая Las Delicias (аллея наслажденій). Это любимое мѣсто прогулокъ лучшаго населенія Севиллы. При закатѣ солнца видъ съ этой аллеи изумительно прекрасенъ. Издали поднимается высокая золотая башня, бывшая бастиономъ во времена Мавровъ, а теперь обращенная въ таможеню. Она стоитъ на самомъ берегу, какъ сторожевой исполнитъ, и первая представляется глазамъ путешественника, подъѣзжающаго съ этой стороны.

На противоположномъ берегу находится Августинскій монастырь удивительной архитектуры. Далѣе виднѣнъ мостъ на плашкотахъ. Но первое мѣсто во всей картинѣ занимаетъ Золотая Башня, на которой, какъ въ фокусъ, сосредоточиваются лучи заходящаго солнца и обливаютъ ее всю своимъ яркимъ свѣтомъ, какъ золотомъ, отъ чего, вѣроятно, она и получила свое названіе. Холодно должно быть то сердце, которое не встрепенется при видѣ этого волшебнаго края и его великихъ памятниковъ. Сколько разъ по ночамъ слушалъ я страстное пѣніе соловья, раздававшееся среди благоухающихъ апельсиновыхъ садовъ и невольно повторялъ за пѣвцомъ Миніонны:

«Kennst du das Land wo die Citronen blühen?»

Внутренность Севиллы однако не соответствуетъ ей красивой наружности. Улицы узки, худо вымощены и наполнены нищими. Дома бѣльшую частію выстроены въ мавританскомъ вкусѣ, съ четырехугольнымъ дворомъ, посрединѣ котораго бьетъ фонтанъ. Въ все пространство двора покрыто сверху зеленью, и здѣсь, въ

жаркіе дни, обыкновенно отдыхаютъ подъ шумокъ фонтана водъ твѣнью апельсиновыхъ и померанцовыхъ деревьевъ.

Ничто такъ не привлекаетъ иностранца, какъ видъ съ улицы на эти дворы, сквозь мѣдную рѣшетку дверей. Сколько разъ оставался я передъ нею въ глубокомъ раздумьи : почему мнѣ не суждено проводить жизни въ этомъ тихомъ эдеме? Но съ другой стороны, я не долженъ былъ жаловаться на судьбу. У меня была своя дорога, исполненная тревогъ и опасностей, но за то ведущая къ благородной и высокой цѣли.

Эта мысль всегда и вездѣ поддерживавшая меня, помогла мнѣ и тутъ подавить въ себѣ грѣшное чувство самолюбія и лѣни.

Я не могъ еще начать своихъ дѣйствій въ Севильѣ, потому что мѣсто и люди были для меня совершенно новыя. Мой единственный помощникъ—Антонъ, также никого и ничего не зналъ. Скоро однако отыскались и помощники, самымъ неожиданнымъ образомъ.

Однажды я объѣхалъ въ Рейна Посада, какъ вошелъ въ залу челоуѣкъ, странно одѣтый, необыкновенно высокаго роста. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и спросилъ у трактирщика, кто этотъ господинъ. Трактирщикъ отвѣчалъ, что господинъ этотъ, иностранецъ, живетъ уже довольно долго въ Севильѣ и, кажется, Грекъ. Услыша это, я тотчасъ обратился къ вошедшему на греческомъ языкѣ, на которомъ я говорю хоть плохо, но довольно понятно. Онъ отвѣчалъ по-гречески, что ему чрезвычайно, лестно видѣть иностранца говорящаго съ нимъ на его родномъ языкѣ. Тутъ онъ разсказалъ, что его зовутъ Діонисіемъ, что онъ уроженецъ Кефалоніи и сначала имѣлъ намѣреніе поступить въ духовное званіе, но оставилъ это поприще, имѣя большую склонность къ морской жизни. Послѣ разныхъ тревоженій и перемѣнъ судьбы, онъ, претерпѣвъ бурю, лишившую его всего имущества и возхъ надеждъ, очутился—въ одно прекрасное утро—на испанскомъ берегу.

Стыдясь возвратиться бѣднякомъ въ свое отечество, онъ поселился въ Севильѣ и принялся торговать книгами. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени и замѣтивъ въ немъ обширныя познанія, я открылъ ему свои намѣренія и не раскаялся. Онъ былъ греческаго исповѣданія и пламенно приверженъ къ своей церкви. Узнавъ, что я протестантъ, онъ накинулся на Латинцевъ и бранилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, приписывая имъ, и справедливо, униженіе своихъ соотечественниковъ въ Турціи.

Когда я слушалъ Діонсія, мнѣ пришла мысль, что онъ можетъ сдѣлаться дѣятельнымъ моимъ помощникомъ. Онъ принялъ предложеніе мое съ рѣдкой готовностію, взялъ большое число экземпляровъ и предложилъ мнѣ еще продавать въ другихъ ближнихъ городахъ.

Другаго помощника я нашелъ также неожиданно въ старомъ учителѣ музыки. Этотъ почтенный старичекъ дѣйствовалъ по внушенію единственно христіанскаго чувства. На третій день нашего знакомства, онъ въ самый жаръ пошелъ бродить по улицамъ и продалъ нѣсколько экземпляровъ.

— Мои бѣдные соотечественники, говорилъ онъ:—воруютъ и грабятъ другъ друга. Можетъ быть, они сдѣлаются лучше, читая Св. Писаніе; многіе этимъ были исправлены, но никто не испортился.

У меня явился еще и третій удивительный агентъ, которому я могъ доверить мое святое дѣло въ огромномъ размѣрѣ, но, къ сожалѣнію, отъ изданія, назначеннаго къ продажѣ въ этомъ краю, оставалось немного книгъ и срокъ моего пребыванія въ Испаніи приближался къ концу. Этотъ человѣкъ, по имени Іоаннъ Хризостомъ, съ которымъ познакомилъ меня Діонсіей, былъ тоже Грекъ, уроженецъ Морен. Онъ прожилъ болѣе 30-ти лѣтъ въ Испаніи, такъ что позабылъ свой родной языкъ. Не смотря на это, привязанность его къ родинѣ была до того сильна, что онъ всѣхъ, кто не былъ греческаго происхожденія, считалъ варварами и скверными людьми. По какому-то особенному счастью, я былъ для него исключеніемъ. Не имѣя никакого образованія, Грекъ этотъ силою характера и простымъ краснорѣчіемъ искренняго слова пріобрѣлъ такую власть надъ рабочимъ классомъ въ Севильѣ, что ему слѣпо повиновались, не смотря на то, что онъ часто шелъ противъ ихъ убѣжденій и предразсудковъ. Я никогда не видѣлъ честнѣе человека и вполне могъ ему доверить продажу и распространеніе остальныхъ экземпляровъ. Такимъ образомъ вездѣ и всегда Провидѣніе посылало мнѣ неожиданную помощь въ людяхъ, которые какъ нарочно являлись на пути моемъ и дѣлали болѣе, чѣмъ я могъ исполнить самъ.

Я жилъ въ Севильѣ въ совершенномъ уединеніи. Большую часть времени проводилъ въ чтеніи или въ восхитительномъ бездѣйствіи, подѣ влияніемъ этого чуднаго климата. Знакомства я не заводилъ ни съ кѣмъ; одни сотрудники мои иногда меня навѣщали, да разъ какъ-то пожаловали ко мнѣ альгвазилы съ сво-

имъ начальникомъ, который, увидявъ у меня на столѣ Новый Заветъ, конфисковалъ его и, положивъ въ свой карманъ, отправился, не спрашивая ни о чемъ болѣе. Дня черезъ два я зашелъ къ этому господину за паспортомъ. Такъ какъ это былъ часъ отдохновенія, то я засталъ начальника альгвазиловъ лежащаго на диванѣ, къ великому моему удивленію, съ моей книгой въ рукахъ, ксторую онъ читалъ съ такимъ вниманіемъ, что даже не замѣтилъ моего прихода. Увидя меня, онъ вскочилъ въ чрезвычайномъ смущеніи и спряталъ поспѣшно книгу. Я, улыбаясь, сказалъ, чтобы онъ не беспокоился, и выказалъ удовольствіе, что засталъ его за добрымъ дѣломъ. Успокоившись, онъ признался мнѣ, что прочелъ всю книгу и никакъ не можетъ понять, почему изъ-за нея дѣлаютъ столько шума, когда въ книгѣ заключается только одно хорошее.

Въ половинѣ іюля всѣ дѣла мои въ Севильѣ были благополучно покончены и я приготовился къ отъезду въ Тангиръ. Автовъ не хотѣлъ оставить Испаніи, гдѣ у него были жена и дѣти, и отправился обратно въ Мадридъ. Цѣль моего переезда на африканскій берегъ была та же, что и путешествія по Испаніи: я хотѣлъ раздать тамошнимъ христіанамъ священныя книги, которыя еще прежде были нарочно перевезены для того въ Сентъ-Люкаръ.

XVI.

Гибралтаръ.—Удивительная исторія Иуды Либъ.—Заключеніе.

Приступаю наконецъ къ описанію моего выезда изъ Испаніи черезъ Гибралтаръ и этимъ закончу мои записки.

Какое чудное произведеніе человеческого искусства пароходъ и какъ чудна его исторія! Болѣе пятисотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ зародилась первая идея объ искусственномъ движеніи по водѣ и только въ началѣ нашего вѣка увидѣли полное осуществленіе этой идеи на шотландскихъ берегахъ. Пароходство, сблизая разстоянія и людей, начало быстро способствовать просвѣщенію. Въ Испаніи появленіе перваго парохода было очень забавно. Едва завидѣли его Севильцы бѣгущаго по волнамъ Гвадалquivира, какъ кинулись къ берегу съ криками: — колдовство! нечистая сила! Разумѣется, со временемъ они перестали бояться и сами начали вздирать, но довѣрїе все еще держится, гдѣ только можетъ. Напримѣръ, когда мы проѣзжали бухту мимо Кадикса, я стоялъ на палубѣ, опершись на бортъ, въ то вре-

мя, какъ капитанъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, разговаривая съ какимъ-то чело­вѣкомъ. Она остано­вилась недалеко отъ меня и я слышалъ, какъ капитанъ тихо спросилъ этого пасса­жира, на сколькихъ языкахъ онъ говоритъ? Пассажиръ отвѣчалъ: на одномъ.—Но этотъ одинъ, сказалъ капитанъ, вѣрно христіанскій? (Подъ этимъ именемъ они разумѣютъ только свой соб­ственный)...—А вотъ этотъ, продолжалъ онъ, мигнувъ на меня, знаетъ, кромѣ христіанскаго, и другіе. Онъ говоритъ по-ан­глійски и по-цыгански; теперь онъ ѣдетъ къ Маврамъ, и я увѣ­ренъ, что онъ будетъ говорить съ ними на ихъ проклятомъ на­рѣчій также свободно, какъ и на христіанскомъ. Впрочемъ, онъ самъ вѣроятно нехристь, онъ мнѣ что-то не нравится и везетъ онъ съ собой, кажется, что-то недоброе...

Вотъ какой панегирикъ былъ произнесенъ мнѣ, на прощаньи съ Испаніей.

Въѣхавъ изъ Кадикса, мы скоро увидѣли Тарифу, о которой такъ часто упоминается въ лѣтописяхъ Христіанъ и Мавровъ. Кто не слышалъ объ Алонзѣ Гусманѣ, прозванномъ «Вѣрнымъ», который дозволялъ распять своего сына передъ стѣнами горо­да, но не выдалъ ключей мавританскому царю, стоявшему съ полумилліоннымъ войскомъ на границѣ Андалузіи и имѣвшему въ своихъ рукахъ средства снова покорить всю Испанію? И между тѣмъ, если есть мѣсто на землѣ, гдѣ бы менѣ знали объ этомъ героѣ, такъ это именно то самое, гдѣ онъ себя просла­вилъ. Я слышалъ въ Даніи, какъ пѣли о немъ баллады; но когда я спросилъ жителей Тарифы о ихъ Вѣрномъ Алонзѣ Гусманѣ, они отвѣчали, что никогда не слыживали о Вѣрномъ Гусманѣ, но что у нихъ точно есть Гусманъ, по прозвищу Одноглазый, который былъ дряннымъ ямщикомъ на кадикской дорогѣ. Вотъ исторія этого жалкаго народа!

Съ восходомъ солнца мы перѣехали гибралтарскую бухту. Какъ чуденъ этотъ берегъ! Впереди насъ выдвинулась неприступная скала; направо, съ африканскаго берега, свдой Джибиль Муза, Цвѣтичскій утесъ, къ которому причаливала какая-то уединен­ная барка; влѣво тянулись берега Испаніи, а сзади медленно задерживались туманомъ горныя стѣны только-что оставленнаго нами Альжезира.

Море было тихо и мы быстро приближались къ страшной ска­лѣ Гибралтара, страшной не укрѣпленіями, но своимъ видомъ. Нигдѣ рука чело­вѣческая не воздвигла крѣпости, подобной этимъ

твердынямъ, созданнымъ самою природою. Какъ ничтожно кажется передъ этимъ гигантомъ все, что когда-либо строилъ человекъ для своей обороны!

На слѣдующій день я освѣдомился о средствахъ переезда въ Тангиръ, потому что не хотѣлъ долѣе оставаться въ Гибралтарѣ, хотя это мѣсто чрезвычайно любопытно для каждаго путешественника. Вечеромъ явился ко мнѣ африканскій жидъ, называя себя помощникомъ капитана небольшой генуезской барки, назначенной для транспорта между Тангиромъ и Гибралтаромъ. Такъ какъ судно это отправлялось въ слѣдующій вечеръ, то я и рѣшился съ нимъ ѣхать. Желая какъ можно лучше употребить свободное время, я послалъ просить позволенія осмотрѣть гибралтарскую пещеру.

Во вторникъ утромъ въ 6 часовъ я отправился съ расторопнымъ провожатымъ, котораго отыскалъ мнѣ жидъ между прислугой гостинницы, гдѣ я стоялъ. Утро было пасмурное и воздухъ удушливый. Мы шли по крутой улицѣ къ восточной сторонѣ и скоро достигли такъ называемаго мавританскаго замка—широкой башни, но до того избитой ядрами во время знаменитой осады, что теперь башня эта почти развалина. У подножія ея стоитъ маленькая избушка, изъ нея вышелъ къ намъ сержантъ-артиллеристъ, который долженъ былъ водить насъ по пещерамъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ отворилъ въ скаль дверь, ведущую въ темный корридоръ со сводомъ, откуда мы попали въ узкій проходъ, подъ открытымъ небомъ, или, лучше сказать, на лѣстницу, сдавленную съ обѣихъ сторонъ гранитными стѣнами. Мы шли очень тихо, потому что поспѣшность въ настоящемъ случаѣ могла бы утомить насъ въ нѣсколько минутъ. Сержантъ, совершенно знакомый съ мѣстностію, выступалъ мѣрными шагами впередъ, устремивъ глаза въ землю. Видъ этого молчаливаго, строгаго солдата былъ также въ своемъ родѣ замѣчательнъ, какъ и окружающія насъ скалы, которыя съ каждой минутой принимали болѣе и болѣе мрачный характеръ.

Наконецъ мы подошли къ страшному обрыву, находящемуся на сторонѣ къ Испаніи, и вошли въ пещеры. Онѣ состоятъ изъ галлерей, выбитыхъ въ гранитъ и отстоящихъ при входѣ футовъ на 12 одна отъ другой. Съ этого мѣста онѣ расходятся по разнымъ направленіямъ въ скаль. Въ стѣнахъ галлерей устроены широкія отверстія, гдѣ стоятъ пушки на небольшихъ каменныхъ возвышеніяхъ. Возлѣ каждой изъ нихъ съ одной стороны находится

пирамида ядеръ, а съ другой ящикъ съ снарядами, необходимыми для артиллериста. Каждая вещь была на своемъ мѣстѣ въ удивительномъ порядкѣ; каждое орудіе было готово встрѣтить какого бы ни было многочисленнаго врага и покрыть его тучей смертоносныхъ ядеръ.

Разнообразія тутъ нѣтъ: каждая пещера, каждая пушка похожи одна на другую; все онъ малаго калибра; выйдя однако отсюда, я замѣтилъ въ особой пещерѣ двѣ огромныя бомбическія пушки. Каждый выстрѣлъ изъ этихъ пушекъ можетъ положить сотню людей. Какое страшное чувство должно овладѣть человѣкомъ, когда, въ день осады, эта непреступная скала извергнетъ свои смертоносные громы!

Выйдя изъ пещеръ, мы начали осматривать прочія батареи. Я спросилъ сержанта, умѣетъ ли онъ и его товарищи свободно управляться съ этими орудіями. Онъ отвѣчалъ, что для нихъ пушки тоже самое, что ружье для охотника, и что они никогда не дадутъ промаха. Молчаливый вожатый нашъ только въ первый разъ заговорилъ и то потому, что я обратился къ нему съ вопросомъ. Отвѣты его были просты, но исполнены здраваго смысла. Осмотрѣвъ въ продолженіи двухъ часовъ все, достойное вниманія, я съ нимъ простился, заплативъ ему за труды и пожавъ съ сердечнымъ удовольствіемъ его руку.

Вечеромъ я приготовился перебраться на судно, которое, по увѣренію жида, должно было тотчасъ же отправиться. Но встрѣтивъ этаго жида на улицѣ, я узналъ, что мы отплывемъ только завтра утромъ. Отъ нечего дѣлать, я пошелъ бродить по улицамъ въ ожиданіи ночи, чтобы возвратиться въ трактиръ, какъ вдругъ, пробираясь черезъ толпу, я почувствовалъ, что кто-то дотронулся до моего плеча. Такъ какъ вокругъ меня была страшная тѣснота, то я сначала и не обратилъ на это вниманія; черезъ нѣсколько минутъ, опять кто-то прикоснулся ко мнѣ сильнѣе, чѣмъ прежде, и заговорилъ со мною, но на такомъ языкѣ, который я почти забылъ и никакъ не падѣлся услышать снова. Я быстро оглянулся и чтожь? за мною стояла высокая, длинная фигура, устремля на меня свои черные испытующіе глаза. Голова этого человѣка была покрыта мѣховою шапкой, которую носятъ сыны Израиля; одѣтъ онъ былъ въ длинную голубую мантию съ хвостомъ. Я, разумеется, началъ разсматривать этого чудака такимъ же испытующимъ взглядомъ, какъ и онъ меня. Сначала черты его лица показались мнѣ совершенно незнакомы,

но потомъ взглянувшись пристальнѣе, я невольно воскликнулъ, хотя и не совсѣмъ еще увѣренный въ истиннѣ:

— Если не ошибаюсь, Іуда Либъ?

Воспоминаніе объ этомъ чловѣкѣ относилось къ давно прошедшимъ временамъ и я теперь долженъ сказать, кто онъ и почему я едва узналъ его.

Въ тридцать четвертомъ году, если не ошибаюсь, ѣхалъ я на пароходъ по Балтійскому морю. Погода была дождливая, море сильно шумѣло; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоялъ молодой чловѣкъ, грустно прислонясь на бортъ. Я тотчасъ узналъ въ его наружности еврейскія черты; но меня чрезвычайно поразило и заинтересовало его благородство, какъ извѣстно, вовсе несвойственное этой породѣ. Я подошелъ къ нему и мы разговорились. Онъ говорилъ на польскомъ и на жидовско-нѣмецкомъ нарѣчій безъ разбора. Исторія его, которую онъ тутъ же разсказалъ, была весьма необыкновенна, и только глубокое выраженіе истины въ каждомъ словѣ, уничтожило во мнѣ сомнѣніе; впрочемъ, ему не къ чему было бы меня обманывать.

Вотъ его разсказъ въ такомъ видѣ, какъ я самъ отъ него слышалъ и сколько помню.

— Отецъ мой, говорилъ Іуда Либъ, урожденецъ Галатіи, принадлежалъ къ знаменитой еврейской кастѣ и былъ весьма ученый чловѣкъ, потому что зналъ книгу Цогаръ, и кромѣ того медицину. (Цогаръ—книга раввиновъ, написанная для изясненія темныхъ мѣстъ въ законѣ; но понимать ее весьма трудно). Когда мнѣ было лѣтъ семь, онъ оставилъ Галатію, и отправился въ Іерусалимъ. Тамъ онъ поселился какъ купецъ и велъ хорошо коммерческія дѣла, Іерусалимскіе раввины чрезвычайно его уважали за глубокое познаніе Цогара и многихъ другихъ тайнъ. Онъ часто ѣзжалъ по дѣламъ, иногда на нѣсколько недель, но никогда не оставался долѣе шести мѣсяцевъ. Отецъ очень любилъ меня и училъ въ свободное время, но никогда не бралъ съ собою въ отъездъ, хотя и помогалъ ему въ торговыхъ дѣлахъ. Въ Іерусалимѣ у насъ была лавка; мы скупили товары у христіанъ; этимъ дѣломъ занимался я, мать моя и маленькая сестра, которая родилась вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ этотъ городъ. Такъ прошло довольно времени, какъ однажды онъ позвалъ насъ и сказалъ, что ему нужно ѣхать по дѣлу, простился и уѣхалъ, а мы продолжали торговать въ Іерусалимѣ, ожидая его возвращенія. Но прошелъ мѣсяць, и два, и наконецъ

полгода, отецъ не возвращался. Намъ это крайне удивило. Наконецъ, прошелъ и годъ, а объ отцѣ никакого извѣстія. Сердца наши болѣли отъ печали. Но когда прошло два года, я сказалъ матери, что пойду искать отца. Иди, отвѣчала она, и дала мнѣ свое благословеніе. Я поцѣловалъ маленькую сестру и отправился прежде всего въ Египетъ. Тамъ я услышалъ вѣсти объ отцѣ. Мнѣ сказали, что точно онъ былъ въ Египтѣ въ такое-то время и поѣхалъ въ Турцію. Я тоже отправился въ Турцію и въ Константинополь опять услышалъ о моемъ отцѣ, потому что онъ былъ очень извѣстенъ между жидами. Мнѣ сказали, что онъ тутъ очень удачно велъ большія и выгодныя дѣла и чрезъ нѣсколько времени уѣхалъ, но куда, никто не зналъ. Тогда я подумалъ, что, можетъ быть, онъ захотѣлъ побывать на родинѣ въ Галатіи. Я рѣшился отправиться туда; пріѣхалъ, отыскалъ родныхъ; они очень обрадовались, увидѣвъ меня; но когда я спросилъ ихъ объ отцѣ, они качали головами и не могли дать никакого отвѣта. Они хотѣли, чтобы я остался съ ними, но мысль о пропавшемъ родителѣ, не давала мнѣ покоя. Я опять пошелъ уже въ другую сторону,—въ Россію и прошелъ ее до Казани. Съ кѣмъ я ни встрѣчался, съ жидами, русскими или татарами, у всѣхъ спрашивалъ о моемъ отцѣ, но никто не слыхалъ о немъ.

Послѣ этого неудачнаго путешествія, Иуда Либъ возвращался по Балтійскому морю на пароходѣ, гдѣ я его и увидѣлъ въ первый разъ. Намѣреніе его было искать отца въ Германіи и во Франціи. — Я обойду весь свѣтъ, говорилъ онъ, пока не узнаю объ отцѣ чего нибудь вѣрнаго; мысль о немъ горитъ въ моемъ сердцѣ, какъ огонь Джеггиннта!

Вотъ каковъ былъ человекъ, съ которымъ черезъ пять лѣтъ я снова встрѣтился на улицѣ Гибралтара.

— Да, сказалъ онъ, отвѣчая на мое восклицаніе: — я точно Иуда Либъ. Вы забыли черты моего лица, но я узналъ бы васъ среди милліона народа. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я думалъ объ васъ каждый день.

Говоря это, онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ какую-то лавочку, у порога которой сидѣли жиды и рѣзали кожу. Онъ сказалъ мнѣ что-то очень тихо. Они наклонили свои головы въ знакъ сѣгласія и не обращали болѣе на насъ вниманія. Мы вошли въ лавку.

Первый вопрос, который я сдвлялъ еврею, былъ разумѣется:—
Имѣете ли вы извѣстіе о вашемъ отцѣ?

— Какъ же, отвѣчалъ онъ. Когда мы разстались съ вами пять лѣтъ тому назадъ, я отправился черезъ Европу. Гдѣ я ни про-
взжалъ, вездѣ спрашивалъ нашихъ о моемъ отцѣ, но они въ от-
вѣтъ только качали головами. Такимъ образомъ я добрался до
Туниса. Тутъ я отыскалъ главнаго раввина, который, на вопросъ
объ отцѣ, отвѣчалъ, что онъ точно видѣлъ его въ Тунисѣ, но
онъ ухалъ въ землю Фецъ. Много еще раввинъ говорилъ мнѣ
о глубокихъ познаніяхъ моего отца въ темной книгѣ Цогаръ,
говорилъ также и о его богатствѣ, и о большой торговлѣ. Я
снова сѣлъ на корабль и поплылъ на Варварійскій берегъ въ землю
Фецъ; и тутъ я получилъ извѣстіе, но такое, котораго бы луч-
ше и не зналъ. Тамошніе жиды рассказали мнѣ, что отецъ мой
съ большимъ количествомъ золота и серебра захотѣлъ вхвать въ
какой-то городъ недалеко отъ Тафилалца, и для этого нанялъ
двухъ арабовъ, которые должны были въ дорогѣ охранять его
и его сокровища. Арабы поклялись ему въ вѣрности, но клятва
эта была наружная, потому что они имѣли злой умыселъ. До-
стигнувъ до одного пустыннаго мѣста, они подняли руки на
моего отца, убили его и, взявъ все золото, серебро и весь ос-
тальной товаръ, возвратились съ награбленнымъ имъніемъ въ свою
деревню и еще хвалились своимъ убійствомъ и грабежемъ.—Мы
убили невѣрнаго, говорили они: мы обобрали проклятаго жиды!
И это дѣло стало извѣстно по всей землѣ Фецъ. Когда я услы-
шалъ эти слова, сердце мое кровью облилось; я заплакалъ какъ
ребенокъ. Потомъ я началъ разсуждать самъ съ собою такъ:—
Лучше пойду я къ арабскому султану, поутребую, чтобы онъ
отомстилъ убійцамъ за смерть отца и возвратилъ мнѣ, какъ
сыну, ограбленное имъніе. Султанъ былъ тогда на войнѣ, я
отправился за нимъ туда, въ Арбатъ, что близъ моря. Но и
тутъ я нашелъ не его, а сына, который принялъ меня очень
ласково, а когда я, ставъ на колѣна, объявилъ ему мою прось-
бу, онъ отвѣчалъ мнѣ милостиво:

— Твое дѣло меня огорчаетъ. Твоя просьба справедлива; я
отомщу за смерть твоего отца и велю ограбить его грабителей.
Теперь я дамъ тебѣ письмо, которое напишу своей рукой;
ты самъ отвези Тафилалскому пашѣ, которому я приказываю
развѣдать это дѣло. При этихъ словахъ султана сердце
мое сжалось отъ страха, и я сказалъ: — Нѣтъ, Государь!

Хотѣ ты и шудро придумалъ написать царю; но я не могу нести письма, и даже не могу идти въ Тафилацъ. Тамъ арабы, узнавъ о моемъ прибытіи, либо явно или тайно, убьютъ меня, потому что и отца убилъ ты же арабы. Что я для нихъ, какъ не бѣдникъ, несчастный еврей?... И на это сынъ султана милостиво сказалъ:—Твоя правда. Я пошло письмо съ другимъ человекомъ; а ты не бойся ничего и не сомнивайся: если все, что ты говоришь справедливо, смерть твоего отца будетъ отомщена и тебѣ возматать все его имѣніе, или заплатятъ за него. Тутъ сынъ султана спросилъ меня еще, гдѣ я намеренъ жить до этого времени, и когда я сказалъ: въ Сузѣ, онъ обещалъ прислать мнѣ туда отвѣтъ. Такъ я отправился въ Сузу или въ Могадоре,—такъ тоже называютъ этотъ городъ,—и все ждалъ отвѣта отъ султанскаго сына, но отвѣта не было. Прошло три года съ тѣхъ поръ, и я не узналъ о немъ ничего. Вотъ я поселился въ Могадоре, взялъ себѣ жену изъ нашихъ, написалъ къ матери въ Іерусалимъ письмо; она мнѣ выслала денегъ и съ этимъ я началъ торгъ, какъ и отецъ мой, но мнѣ не было счастья въ торговль, такъ что я скоро потерялъ все, что имѣлъ. Недавно я прѣхалъ въ Гибралтаръ по торговымъ дѣламъ, но не для себя, а для другаго, для одного купца въ Могадоре. Но это дѣло мнѣ не нравится; купецъ меня обманулъ. Теперь я хочу взхатъ назадъ, нестерпиво увидать султана и буду просить, чтобы мнѣ возвратилъ имѣніе, отнятое у моего отца.

Я слушалъ съ нѣмымъ вниманіемъ этотъ странный разговоръ, и когда Іуда Лидъ окончилъ его, я долго не могъ произнести ни слова. Жизнь эта,—и такая жизнь!—добровольно обреченнаго преслѣдованію темной, несбыточной цѣли, напомнила мнѣ судьбу кладовокателя, Бенедикта Моля. На обоихъ тяготѣтъ тотъ же фатализмъ, таже непоколебимая сила воли, незнающая ни какъ препятствій, ни преградъ. Выслушавъ этого человека, я еще разъ увѣрился, что дѣйствительные люди бываютъ гораздо несчастливѣе вымышленныхъ. Іуда Лидъ самъ прервалъ долгое молчаніе вопросомъ: зачѣмъ я прѣхалъ въ Гибралтаръ? Я отвѣчалъ, что еду завтра въ Тенгиръ.

— Я буду тамъ недѣли черезъ двѣ, сказалъ онъ, и если увижу васъ, то скажу вамъ еще многое и могу вамъ быть полезнымъ. Когда я осмотрю на васъ, мнѣ все представляется ясное, потому что въ лицѣ вашемъ я вижу черты друга и брата.

Слова эти еще болѣе довершили сходство съ Бенедиктомъ.

Не такъ ли почти говаривалъ мнѣ бѣдный Швейцарецъ, находя во мнѣ какую-то родную душу?

Туть Іуда Лидъ простился со мной и ушелъ.

Это была послѣдняя ночь, которую я провелъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ четвергъ 8 августа, мы наконецъ начали сниматься съ якоря; говорю наконецъ, потому что морокія приготовления длились необыкновенно, такъ что я нѣсколько разъ думалъ сойти на берегъ. Между тѣмъ общество нашихъ пассажировъ увеличилось еще нѣсколькими довольно интересными лицами. Лежа въ каютѣ, я услышалъ причалившую къ намъ лодку. Черезъ минуту въ отверстіе люка показалась странная фигура, которую въ первую минуту можно было счесть за привидѣніе. Я проворно соскочилъ съ койки, когда человекъ этотъ подошелъ ко мнѣ. Это былъ старикъ атлетическихъ формъ, бронзоваго цвѣта и съ огромной бородой. Я впрочемъ тотчасъ же успокоился, узнавъ въ немъ одного изъ жидовъ, котораго я видѣлъ въ компаніи Іуды Либъ. Длинная борода тоже узналъ меня. Онъ оскалилъ зубы, съ желаніемъ улыбнуться, и закивалъ мнѣ головою. Вышедъ на палубу, я увидѣлъ еще другаго молодаго жида въ африканскомъ костюмѣ. Старикъ все смотрѣлъ на меня и улыбался, потомъ вынулъ еврейскую книгу, сълъ въ сторону и началъ со вниманіемъ читать ее, на что стоявшій туть испанскій матросъ выразился такъ: этотъ человекъ съ бородой и съ книгой долженъ быть мудрецъ.

Около 12 мы отчалили, а черезъ часъ обогнули Тарифу. Въ эту минуту мы были противъ самаго маяка и неслись прямо на африканскій берегъ. Вѣтеръ дулъ сильный, но попутный. Мы летѣли на всехъ парусахъ, повстрѣчали большой американскій корабль, на палубу котораго выбѣжалъ народъ, чтобъ поглядѣть на насъ, какъ на чудо. Дѣйствительно, группа нашихъ пассажировъ, своимъ восточнымъ характеромъ, представляла довольно разнообразную картину. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени разглядѣть другъ друга. Черезъ часъ мы были уже въ виду Альминарской крѣпости, которая стоитъ на краю Тангира съ востока. Скоро показался и абрисъ Тангира на двухъ холмахъ, обвитыхъ садами, изъ-за которыхъ возвышались позлащенные главы минаретовъ и мечетей. Солнце садилось и обливало своими розовыми лучами воздушную картину восточнаго города, медленно подымающагося надъ волнами.

О САМОЗВАНЦАХЪ,

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ:

«Episode de l'histoire de Russie — Les faux Démétrius.»

Ни одна эпоха въ исторіи до-Петровской Россіи не возбуждала такого интереса въ русскихъ и иностранныхъ писателяхъ, какъ эпоха самозванцевъ. Причиною тому новостъ и оригинальность событій, наполнявшихъ такъ называемое смутное время въ отечественной исторіи. Хотя явленіе самозванцевъ въ исторіи народовъ не можетъ похвастаться рѣдкостію, но нѣтъ примѣровъ, чтобы государство выстрадало изъ-за нихъ столько, сколько это вышло на долю Россіи, еще не окрѣпшей въ то время въ своемъ внутреннемъ организмѣ, не опредѣлившей достаточно мѣсть, какія должны были занимать отдѣльныя составныя части великаго государственнаго тѣла. Благодаря изслѣдованіямъ нашихъ новѣйшихъ писателей, смыслъ событій смутнаго времени для насъ теперь совершенно понятенъ. Явленіе перваго самозванца, смущавшее долгое время историковъ, не можетъ болѣе возбуждать сомнѣній и вести къ новымъ предположеніямъ на свой счетъ. Всякій, съ сочувствіемъ слѣдящій за успѣхами отечественной исторіи въ наше время, согласится съ нами, что только крайне раздражительное самолюбіе можетъ заподозривать живительность тѣхъ началъ, на которыхъ опирается вся наша современная историческая критика. Остается пожелать еще одного, чтобы и иностранные писатели, принимаясь за русскую исторію, обнаруживали болѣе знакомства съ новѣйшими трудами русскихъ ученыхъ по этой части. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ мы, усердивъ на-

Т. СХLVII. — Отд. II.

чала новѣйшей критики, быстро подвигаемся впередъ, три европейскіе ученые остаются при прежнихъ взглядахъ на историческія судьбы Россіи; по прежнему трактуютъ насъ съ-высока и, увлекаясь гордымъ самообольщеніемъ, полагають, что, пока они не примутся за нашу исторію, сами мы, безъ помощи ихъ, не далеко уйдемъ на этомъ, мало еще воздланномъ полѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно ближе ознамиться съ сочиненіемъ, выставленнымъ въ заглавіи нашей статьи и принадлежащимъ одному изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ намъ французскихъ писателей—Просперу Мериме. Въ первый разъ онъ напечаталъ это сочиненіе въ 1852 году, въ 1853 году оно было переведено на нѣмецкій языкъ *, а въ слѣдующемъ году вышло въ свѣтъ новымъ изданіемъ. Не довольствуясь простымъ изложеніемъ избраннаго предмета, авторъ въ 1852 г. помѣстилъ въ декабрьской книжкѣ *Revue des deux Mondes* нѣсколько драматическихъ сценъ, въ которыхъ главнымъ героемъ является нашъ первый Лжедмитрій. Съ этими-то двумя сочиненіями, находящимися въ тѣсной между собою связи, я и намѣренъ познакомить читателей въ настоящей статьѣ. Избранный мною предметъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что мы будемъ имѣть дѣло съ писателемъ даровитымъ, который, принимаясь за свой трудъ, обратился между прочимъ и къ русскимъ источникамъ, ознакомился нѣсколько съ нашими изданіями историческихъ матеріаловъ и нѣкоторыми изъ новѣйшихъ сочиненій по русской исторіи. Онъ даже въ концѣ своей книги приложилъ во французскомъ переводѣ извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія. Но прежде, нежели мы приступимъ къ разбору сочиненій П. Мериме, полагаю, не будетъ излишнимъ, если мы изложимъ въ общихъ чертахъ главные выводы, добытые наукою въ наше время касательно исторіи смутнаго времени вообще и перваго Лжедмитрія въ частности.

Рѣшительный переворотъ въ обработкѣ русской исторіи произошелъ съ того времени, когда идея о родовыхъ отношеніяхъ съ успѣхомъ проведена была чрезъ всю нашу древнюю исторію. Можно не соглашаться съ тѣмъ или другимъ выводомъ поборниковъ новой нашей исторической методы; но несомнѣнно то, что

* См. *Moderne Geschichtsschreiber*. Herausgeg. von Dr. Fr. Balan. Какой успѣхъ имѣло это сочиненіе въ Германіи, видно изъ рецензій, помѣщенной въ 1853 году въ *Leipziger Repertorium der deutschen und ausländischen Literatur* подъ № 4297.

никогда еще русская исторія не имѣла такой строгой научной формы, какая придава ей теперь, никогда не представлялась она такимъ оживленнымъ организмомъ, какимъ является она въ наше время. Слѣдуя этой методѣ, уясняемъ мы себѣ и явленіе самозванцевъ: оно становится совершенно понятнымъ только тогда, когда мы разсматриваемъ его въ связи съ прочими явленіями внутренней жизни Россіи въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій; а этого-то и недостаетъ въ прежнихъ воззрѣніяхъ: ибо историки наши, излагая событія смутнаго времени, почти вовсе не обращали вниманія на внутреннюю связь между ними. Исторію перваго самозванца излагали обыкновенно, держась буквально воззрѣнія на него лѣтописи. Если такой пріемъ чувствуется менѣе недостаточнымъ, пока идетъ рѣчь о первомъ Лжедмитріѣ, за то тѣмъ болѣе непонятными представляются событія, слѣдующія непосредственно за его низверженіемъ. Читатель остается въ полномъ недоумѣніи касательно того непостижимаго на первый взглядъ движенія, во главѣ котораго стояли Болотниковъ, Тушинскій воръ, Лжепетръ и стая другихъ самозванцевъ. Обманъ былъ слишкомъ нагль и очевиденъ, а между тѣмъ зло росло и увлекало своимъ потокомъ города и цѣлыя области. Москва, управлявшая жизнію сѣверо-восточной Руси въ теченіи трехъ столѣтій, являлась въ полномъ своемъ безсиліи посреди всеобщаго разлада и безурядицы. Непонятными остаются и послѣдующія народныя движенія, направленные къ спасенію отечества. Иначе поступаютъ при изложеніи событій смутнаго времени новѣйшіе наши писатели, между ними неоспоримо первое мѣсто принадлежитъ профессору Соловьеву. Начавъ въ 1848 году печатать свой обзоръ событій смутнаго времени, онъ рядомъ статей представилъ полную картину этой памятной эпохи въ исторіи отечества. Изложеніе его отчасти менѣе подробно, чѣмъ у Карамзина; а между тѣмъ, только прочитавъ его обзоръ, мы составляемъ себѣ ясную идею какъ о каждомъ отдѣльномъ явленіи смутнаго времени въ частности, такъ и въ заимодѣйствіи ихъ одного на другое Съ 1848 г. по настоящее время профессоръ Соловьевъ обогатилъ русскую историческую литературу, кромѣ отдѣльныхъ статей, заключающихъ въ себѣ изложеніе частныхъ историческихъ вопросовъ или отличающихся полемико-критическимъ содержаніемъ, обширнымъ трудомъ, обнимающимъ всю исторію Россіи, доведенію теперь до прекращенія Рюриковой династіи. Укажемъ здѣсь, не вдаваясь въ большія подробности, на главные выводы, которыми увели-

чился итогъ нашихъ историческихъ знаній, благодаря изслѣдованіямъ нашего трудолюбиваго ученаго. Представивъ картину органическаго развитія Россіи отъ первыхъ зачатковъ въ ней исторической жизни до прекращенія московскихъ Рюриковичей, ученый профессоръ вдаетъ въ слѣдующія общія соображенія касательно исторической роли этой знаменитой династїи:

«XVI вѣкъ исходилъ: съ его исходомъ прекращалась Рюрикова династїя. Въ двухъ различныхъ положенїяхъ, въ двухъ различныхъ странахъ слѣдили мы за дѣятельностію потомковъ Рюрика, и не могли не замѣтить основнаго различїя въ этой дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ громадной и рѣдко населенной странѣ, не имѣвшей до ихъ появленія исторїи. Съ необыкновенною быстротою Рюриковичи захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и подчиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія: эту быстроту объясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, малочисленность и особенность племенъ, которыя не могли выставить крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союзнаго дѣйствїя, каждое племя покорялось поодиначкѣ: ясный знакъ, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями и сознаніе о единствѣ народномъ и государственномъ явилось въ слѣдствїе ихъ дѣятельности. Они расплодили русскую землю и сами размножились въ ней съ необыкновенною силою: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго рода устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста, не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократїя. Князья разошлись въ обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство земли. Чтобъ не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это безпрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концевъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторїю: не даромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествїй. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностію князей въ это время: они строили города, давали имъ

жителей, передвигали народонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все что должно было дать племенамъ способность къ новой, высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся началомъ князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство; чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоитъ только вспомнить рассказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородъ: на вопросъ епископа: «кто идетъ къ кресту и кто къ волхву?» народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его стали на сторонѣ епископа. Скоро, при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы народной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ.

«Такова была начальная дѣятельность Рюриковичей. Понятно, что въ эпоху этой начальной дѣятельности, при началѣ государственной зиждательности въ странѣ, не имѣвшей прежде исторіи, не могло быть еще ничего прочнаго, опредѣленнаго, все было еще въ зародышѣ, начала, сѣмена вещей сопоставлялись другъ съ другомъ безъ внутренней связи, части, образовавшись, стремились еще жить особою жизнію; при сильномъ движеніи, просторѣ, возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ, ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство въ выгодахъ положенія для члена общества, для члена известнаго сословія, заключалось въ правѣ уйти, правѣ, которое основывалось на возможности ухода и прекращалось съ этою возможностью. Столкновенія интересовъ разрѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую, которая случайно, въ слѣдствіе своей особой жизни съ особымъ правительствомъ, на время представляла большія удобства; отсюда господство временнаго, мѣстнаго, личнаго случайнаго надъ общимъ, господство необходимое при слабости, младенчества государства.

«Но государство росло, и изъ младенчества оно переступило на высшую степень, которая знаменуется сосредоточеніемъ, ослѣдствію. Эта эпоха сосредоточенія необходима для утвержденія сознанія о государственномъ единствѣ, о единствѣ государствен-

наго интереса; здѣсь части, области, лица должны отказаться отъ своей особой, своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей и когда потомъ, при утвержденіи сознанія о государственномъ единствѣ, части получаютъ большую или меньшую самостоятельность, самоуправленіе, то эта самостоятельность является уже въ слѣдствіе государственныхъ требованій, является съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сосредоточивающей власти: такъ, напримѣръ, при Іоаннѣ IV даны были откупныя грамоты, устанавлившія самоуправленіе въ волостяхъ; но отношеніе этихъ волостей къ царю вовсе не было похоже на отношеніе Новгорода или Пскова къ прежнимъ великимъ князьямъ московскимъ.

«Въ эту эпоху сосредоточенія Рюриковичи, въ слѣдствіе новыхъ условій временныхъ и мѣстныхъ (ибо главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ), перемѣняютъ свой характеръ и неуклонно ведутъ общество по новому пути. Изъ расплодителей земли, они становятся собирателями земли, изъ храбрыхъ вождей дружинъ, любившихъ вездѣ честь свою брать, думавшихъ преимущественно объ этой чести, а не объ упроченіи себя движимыхъ и недвижимыхъ стяжаній, считавшихъ неприличнымъ копить имѣніе, но все раздававшихъ дружинъ—Рюриковичи становятся на сѣверѣ бережливими хозяевами, преимущественно заботившимися о промыслахъ, прибыткахъ, крайне осторожными, не охотниками до рѣшительныхъ битвъ. И все на сѣверѣ, въ эпоху сосредоточенія, принимаетъ характеръ прочности, осѣдлости, въ слѣдствіе чего земельныя отношенія, условливающія прочность, получаютъ важное значеніе; общество сознаетъ различіе *земскаго* человѣка, осѣдлаго собственника отъ вольнаго казака, представителя старины, старой эпохи безнравнаго движенія; этому представителю старины трудно въ новомъ обществѣ, онъ уходитъ на просторъ въ вольную степь и тамъ ждетъ случая вступить въ борьбу съ враждебнымъ ему новымъ порядкомъ вещей. Но эпоха сосредоточенія, но государи московскіе сдѣлали свое дѣло: государство крѣпко, и казаку не ослѣпить *земскаго* человѣка *.

* Это приводитъ на память одну изъ прекраснѣйшихъ народныхъ былинъ, извѣстную подъ названіемъ: *Ермакъ взялъ Сибирь*; въ ней невозможно долѣе держаться противъ *земскаго* человѣка, созданная закономъ, выражена слѣд. образомъ:

«Кончивши это второе дѣло свое, дѣло сосредоточенія земли, династія Рюрика сходитъ со сцены....»

Этотъ взглядъ представляется результатомъ тщательнаго разсмотрѣнія всего предшествовавшаго историческаго развитія Россіи.

Съ прекращеніемъ Рюриковой династіи начался періодъ смуть; три изложенія ихъ прежнія наши воззрѣнія являются теперь вполне не состоятельными сравнительно со взглядомъ на нихъ профессора Соловьева. Характеризуя положеніе Бориса Годунова и отношенія его къ царямъ Ивану Грозному и Феодору, онъ рядомъ интересныхъ картинъ изображаетъ намъ, какъ Годуновъ, поддерживаемый царскимъ расположеніемъ, успѣлъ отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Сдѣлавшись въ царствованіе Феодора начальнымъ челоушкомъ, которому была приказана отъ царя вся земля, Борисъ, тамъ, гдѣ дѣло не шло о личныхъ его выгодахъ, любилъ показывать свое попеченіе о благѣ общему, свою вражду къ злоупотребленіямъ лицъ правительственныхъ, свое милосердіе. Но въ дипломатическихъ сношеніяхъ, какъ скоро удовлетворялась его суетность, онъ не слишкомъ заботился о пользахъ государственныхъ.

Вспомнимъ только, что сдѣлалъ онъ для англійскихъ торговцевъ, какъ скоро королева Елизавета вступила съ нимъ въ пе-

...И стали они (атаманы) во единый кругъ,
 Какъ думати думушку за единое,
 Съ крѣпка ума, съ полна разума
 Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ,
 По имени Ермакъ Тимофеевичъ:
 Ай вы той еси, братцы атаманы казачіе!
 Не корыстна у насъ шутка зашучена;
 Гуляли мы по морю синему,
 И стояли на протокъ на Ахтубѣ,
 Убили мы посла персидскаго
 Со всѣми его солдатами и матросами,
 И всею животою его покорыстовались,
 И какъ намъ за то будетъ отвѣтствовать?

Въ Астрахани жить нельзя,
 На Волгѣ жить—ворами слыть,
 На Яикъ идти—переходъ великъ,
 Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
 Грозенъ царь, Государь Иванъ Васильевичъ;
 Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
 По разнымъ городамъ разосланнымъ,
 И по темнымъ тюрьмамъ рассаженнымъ....»

рениску и стала величать его *своимъ кровнымъ любительнымъ приятелемъ*, какъ переводили тогда въ Москвѣ—our most deare and loving cousin. Коснувшись самаго щекотливаго пункта въ жизни Бориса, участія его въ смерти царевича Димитрія, профессоръ Соловьевъ и тутъ остался вполне вѣренъ своей методѣ. Взвѣсивъ весь мнѣнія въ пользу и противъ Бориса, равно подвергнувъ критическому разбору летописное сказаніе и розыскъ объ убіеніи царевича, онъ пришелъ къ тому заключенію, что при настоящихъ средствахъ нашей науки, прежде отысканія новыхъ достоверныхъ извѣстій, нѣтъ возможности и нѣтъ права заподозрѣвать первое въ пользу извѣстій, помѣщенныхъ въ следственномъ дѣлѣ. Онъ говоритъ: «Достигнувъ первенства, Годуновъ долженъ былъ подумать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Θεодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по-крайней-мѣрѣ, прежнюю честь; преемникомъ бездѣтнаго Θεодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ при воцареніи старшаго брата, удаленный *«совѣтомъ всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ.»* Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ Нагихъ; понятно, какія чувства эти оцальные Нагіе питали къ людямъ, подвергнувшимъ ихъ опаль, съ какими чувствами дожидались прекращенія своихъ бѣдствій, своего изгнанія, въ какихъ чувствахъ къ Годунову и къ людямъ, ему близкимъ, воспитывали ребенка, который не умѣлъ скрывать этихъ чувствъ. За будущее долженъ былъ бояться не одинъ Годуновъ, за будущее должны были бояться всѣ тѣ люди, которые были обязаны выгодами своего положенія Годунову и лишались всего съ его паденіемъ, а такихъ людей было очень много; наконецъ за будущее должны были бояться тѣ люди, которыхъ судьба хотя и не была тѣсно соединена съ судьбою Годунова, но по совѣту которыхъ Димитрій подвергался изгнанію, а къ этимъ людямъ принадлежали всѣ начальнѣйшіе Россійскіе вельможи. И вотъ въ маѣ 1591 года разнеслась по государству вѣсть, что царевича Димитрія въ Угличѣ не стало, и понесся слухъ, что погибъ онъ насильственной смертію отъ убійцъ, подсланныхъ Годуновымъ.»

По смерти царя Θεодора Ивановича Борисъ вступилъ на престолъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, необходимыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь объ основаніи

новой династіи. Какъ ни уменъ былъ онъ и опытенъ въ дѣлѣ государственнаго управленія, все же положеніе его, какъ царя, было не въ уровень съ его средствами и силами. Ближайшее знакомство со внутреннимъ состояніемъ Россіи въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, убѣждаетъ насъ, что прямая причина бѣдствій находилась въ тѣсной связи съ прекращеніемъ династіи московскихъ Рюриковичей, ибо сдержатъ броженіе, открывшееся тогда во всѣхъ классахъ народонаселенія можно было только подъ условіемъ, чтобы хранителемъ верховной власти, а съ нею и государственнаго единства и внутренняго порядка, было лице, внушавшее къ себѣ благоговѣнное уваженіе; такимъ могъ быть только государь *прирожденный или излюбленный всею землею*. Борьба не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а, сопоставляя съ интересомъ государственнымъ свой частный династическій, побуждавшій его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя роили его въ глазахъ народа, онъ самъ былъ причиною, если сердца подданныхъ къ нему не лежали. Вспомнимъ только введенную имъ молитву для прочтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ *на трапезахъ и вечерахъ за чашами о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи слуги Божія царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго Самодержца всей восточной страны и сѣверной...* По этому едва только пронесся по Россіи слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ, какъ массы народа пришли въ движеніе, остановить которое не были въ силахъ ни правительство, ни самая церковь.

Взглядъ профессора Соловьева на причины, вызвавшія явленіе самозванца, глубже и опять научнѣе сравнительно съ прежними; ибо опирается не на случайностяхъ, которыя могли и не быть, но на разъясненіи внутренняго состоянія русскаго общества въ то время. «Пять вѣковъ борьбы, борьбы напряженной и кровавой, говоритъ онъ, не могли не оставить по себѣ слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобныя переломы, подобныя переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ; никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются позволительными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильнаго съ слабымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобъ спасти

отъ насилья сильного, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовить отраву; съ другой стороны, сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, при чемъ заставитъ слабого отать своимъ орудіемъ, и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, доверенность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякій начинаетъ опасаться другаго, особиться, начинаетъ думать только о самомъ себѣ, и при единствѣ внешнемъ, внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удальскихъ, вспомнимъ поведеніе бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго и средства его въ борьбѣ со старшиномъ, вспомнимъ крестоцѣлованную записку Годунова и разсказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ сюда еще нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время; вотъ слова автора Московской хроники: «Во всѣхъ сословіяхъ появились раздоры и несогласія; никто не доверялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимоверно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже, другъ соужалъ друга не иначе, какъ подѣ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, продался невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глумомъ высокомеріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это какъ наводненіе разлилось въ выснихъ и низшихъ сословіяхъ.» Мы могли бы и не повѣрить свидѣтельству иностранца, но почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ состояніе нравственности при Годуновѣ и Палицынѣ. Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіи пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжелой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только въ слѣдствіе сильного потрясенія всего организма. Нужно было, чтобы болѣзненный начала, развившись во всей полнотѣ, выбрали противоборство началъ жизненныхъ, и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнію, вышло изъ нечистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобы единство,

наданное Руси московскими государями, перешло какъ необходимо, въ народное сознание, чтобы это матеріальное единство стало духовнымъ, независимымъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточенія высшаго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать воимъ для ихъ соблюденія. Но кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI вѣка государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, усобицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій, враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому что побужденный всегда находилъ средство снова набрать войско. Но когда усобицы стихли, то что было дѣлать этимъ людямъ, безпристаннымъ, бездомнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ, что было дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобы безнаказанно жить на счетъ общества... они ждали предлога возмутить покой государства, но этого предлога не было: у единаго царя не было родичей соперниковъ; но если ихъ не было въ самомъ дѣлѣ, то надлежало ихъ выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому; однимъ словомъ, для казаковъ необходимъ былъ самозванецъ. Но не для однихъ казаковъ былъ необходимъ онъ. Мы знаемъ, что бояре, дружина княжеская, также сильно стояли за родовыя отношенія между князьями, потому что этими только отношеніями поддерживалось право отъезда; родовыя отношенія исчезли, исчезла и возможность отъезда, князья и бояре должны были безпрекословно подчиниться волѣ царя, и какого царя? Не прирожденнаго на престолъ Ивана III, но ихъ прежняго товарища и соперника, который и на престолъ продолжалъ питать къ нимъ прежнія подозрѣнія, прежнюю вражду; опала грозила ежеминутно, а средствъ къ спасенію не было: у новаго царя не было родича, не было соперника; но если не было на самомъ дѣлѣ соперника царю, то надобно было его выдумать, надлежало явиться сопернику мн-

тому: для бояръ былъ необходимъ самозванецъ. Такимъ образомъ самозванецъ былъ необходимъ для бояръ, для казаковъ; былъ нуженъ также для Польши, для іезуитовъ; сколько причтъ для его появленія и успѣховъ!...

Разбирая различныя мнѣнія о первомъ самозванцѣ, профессору Соловьевъ отдаетъ предпочтеніе тому, по которому явленіе его приписывается тайной крамоль бояръ. Онъ говоритъ: «Мы согласны принять это мнѣніе по многимъ причинамъ и особенно по авторитету лица, которое высказало его, потому что это мнѣніе принадлежитъ царю Борису. Вотъ что говоритъ авторъ Московской хроники: «Послѣ этого происшествія (доноса на Бѣльскаго и Романовыхъ) царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ; они должны были оберегать его во дворцѣ днемъ и ночью и провожать всюду, даже въ церковь. Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желззомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе,—убійство и отраву, прибѣгнули къ другому — коварству.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Царь, получая такія вѣсти (о самозванцѣ) со всѣхъ сторонъ, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія, и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре.» Наконецъ онъ говоритъ ясно: «Вѣсть объ этомъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола.» Но если даже предположить, что царь Борисъ не имѣлъ неоспоримыхъ доказательствъ крамолы боярской, что онъ только подозрѣвалъ, только догадывался, то и тутъ трудно не согласиться съ его догадкою, трудно не предпочесть ее всѣмъ прочимъ догадкамъ и мнѣніямъ. Для всякаго ясно, что перемѣна правителя въ Московскомъ государствѣ была гораздо нужнѣе для бояръ, чѣмъ для Польши или для іезуитовъ, но Годунова нельзя было свергнуть никакими другими средствами, кромѣ самозванца, нельзя было найти никакой другой причины къ возстанію, никакой формы для него, слѣдовательно нужно было придумать средство, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей, и только мысль, напряженная отысканіемъ этого средства, могла остановиться

на подстановкѣ самозванца, могла расчитать уопякъ, сообразить всѣ выгоды подобной подстановки. И вотъ отыскивается молодой человекъ, низкаго происхожденія, почти безродный, но съ талантами блестящими, мало того, имѣющій на тѣлѣ примѣты, которыми отличался и погибшій царевичъ; его убѣждаютъ въ томъ, что онъ сынъ Ивана Грознаго, ибо нельзя не замѣтить, что самозванецъ былъ убѣжденъ въ этомъ: въ противномъ случаѣ чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до безразсудности, эту открытость и свободу въ поведеніи; чѣмъ объяснить прекрасную мысль отдать свое дѣло на оудъ народа, когда онъ созвалъ выборныхъ для изслѣдованія обличій Шуйскаго, и чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты его жизни это трогательное обращеніе къ матери: на вопросъ разъяренной толпы: «точно ли онъ самозванецъ?» Димитрій отвѣчалъ: «спросите объ этомъ мать мою.» Всякій, кто изучитъ характеръ и поведеніе перваго Лжедимитрія, согласится, что такой человекъ могъ быть не обманщикомъ, но обманутымъ только *.

Полно высокаго драматическаго интереса изображеніе у профессора Соловьева похождения Отрепьева въ Литвѣ, вооруженія его на борьбу съ Борисомъ, хода этой борьбы, гибели Годуновыхъ и дальнѣйшихъ событій, которыми ознаменовалось царствованіе Лжедимитрія, наконецъ катастрофы, въ слѣдствіе которой онъ погибъ. Авторъ ~~вездѣ~~ ^{вездѣ} остается логически вѣренъ: основнымъ своимъ идеямъ. Читатель же, изучая его изложеніе, самъ собою приходитъ къ убѣжденію, что такое волненіе умовъ, какое произведено было явленіемъ перваго самозванца, не могло успокоиться только въ слѣдствіе его изложенія, но должно было достигнуть крайнихъ своихъ предѣловъ. И дѣйствительно все начало тогда приходитъ въ разладъ; а царь Василій, вступивши на престолъ *скопомъ и заговоромъ* и, одѣлавшись царемъ, остался въ душѣ бояриномъ. Но не даромъ трудился три столѣтія пріемники Калиты надъ собираніемъ земли сѣверо-восточной Руси въ одно цѣлое: органическая связь областей съ Москвою:

* Эта мысль очень оригинальна. Но спрашивается: какъ согласить съ нею то обстоятельство, что Лжедимитрій, прибывъ въ Москву, прежде нежели показался торжественно передъ народомъ съ своею мнимою матерію, царицею Марвою, имѣлъ съ нею предварительно свиданіе съ глазу на глазъ и потомъ постоянно держалъ ее подъ строгимъ надзоромъ, ибо приказано было:—*беречь накрѣпко, чтобы къ Марвѣ никто не приходилъ и не разговаривалъ съ нею о царѣ?*

была вѣрна и надежна; это всего лучше оправдалось надъ смутною эпохою. Области, наводненныя шайкою казаковъ и польскихъ выходцевъ, при всѣхъ разореніяхъ, которымъ подвергнуты, *потянули къ Москвѣ*. Первымъ знакомъ пробужденія въ народѣ сознательнаго стремленія къ единству и внутреннему наряду было то, что всѣ, поднявшіеся во имя этого наряда, прежде всего стали давать обоюдную клятву — *«вара, кто называется царевичемъ Димитріемъ на Московское государство не хотѣши; и мечь себя другъ надъ другомъ и надъ недругомъ никакого дурна не хотѣши, недружбы своей никому не мстими, и не убивати, и не грабити, и зла никому ни надъ кѣмъ не мысли, и въ измѣну во всякую ни кому никуда не хотѣши. А обрати государя на Московское государство имъ бояромъ и всякимъ людямъ всею землею.»* Событія показали, что слова эти были не пустымъ звукомъ или обыкновенною только формою. Доброе предначинаніе людей, дѣйствовавшихъ въ духъ единства и порядка, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Московское государство, по прекращеніи своихъ *приморженныхъ* государей, замѣнилось, но вышло изъ этого замѣнательства, какъ скоро народъ сознательно убѣдился, что спасеніе возможно только подъ условіемъ избранія такого государя, который былъ бы *излюбленъ всею землею*. Какъ понимали тогда событія смутнаго времени, это мы видимъ изъ отвѣта, даннаго посланнымъ отъ земскаго собора матери Михаила Феодоровича. Когда она съ крикомъ и плачемъ стала упрекать народъ въ непостоянствѣ, то они сказали ей: *«Царь Борисъ сѣлъ на престолъ, изведши царскій корень, и за то Богъ мстилъ ему Отрѣпьевымъ, который въ свою очередь принималъ мечь отъ Бога и погибъ страшною смертію... А царя Василія выбрали на государство не многіе люди, а по вѣрному дѣйству многіе города ему государю служить неохотѣли, и отъ Московскаго государства отложились, и то все дѣлалось волею Божіею, а всѣхъ православныхъ христіанъ грымъ во вѣкъ людемъ Московскаго государства были рознь и междусобство... а нынѣ Московскаго государства люди наказались всѣ, въ бѣдахъ поискусилась, въ чувство и правду пришли, за Божія и апостольскія церкви и за христіанскую вѣру хотѣтъ помереть, и сына твоего государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи на Владимірское и на Московское государство а и на всѣ государства Россійскаго царствія обрати всею землею и крестъ ему государю целовали служить и пра-*

мити хотѣть и головы свои за него государя класти и кровь свою лити безо великаго сумнѣнія до смерти живота своего.»

Профессоръ Соловьевъ своимъ обзоромъ уяснилъ общее значеніе смутнаго времени. Остается сдѣлать еще многое, между прочимъ, пока еще не вполне раскрыто у насъ и значеніе казачества, этого главнаго двигателя всѣхъ смуть. Новая эпоха настала и для него съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича. Бездомовные отверженники прежде, они съ этого времени стали членами общества. Самое имя казакъ получило юридическое значеніе, котораго прежде не имѣло. Такъ въ одномъ изъ правительственныхъ наказовъ, данныхъ по прибытіи царя Михаила Ѳеодоровича въ Москву, сказано: «А которые государю служити не учнутъ и отъ воровства и отъ убійства не отстануть — и государевымъ всякимъ людямъ *всею землею*, и атаманамъ и казакамъ, которые нынѣ государю служатъ и кровь свою проливають, на тѣхъ воровъ стоять, для того, что они пуще и грубѣе Литвы и Нѣмецъ... *а казаки тѣхъ воровъ не называть, чтобъ прямымъ атаманомъ, которые государю служатъ, тѣхъ воровъ казачьимъ именовъ безчестья не было.*»

И такъ, мы понимаемъ теперь надлежащимъ образомъ возможность явленія самозванцевъ и все великое значеніе эпохи смуть въ русской исторіи. — Посмотримъ, какъ изобразилъ ихъ П. Мериме.

Въ введеніи къ драматическому своему разсказу онъ, изложивъ въ краткихъ словахъ исторію перваго самозванца, вѣдается въ слѣдующія разсужденія: «Ни одинъ искатель приключеній не достигалъ такого успѣха, ниѣя средства, по-видимому, столь жадкія. Съ бородавкою на щекъ и алмазнымъ крестомъ онъ завоевалъ престолъ, и удержалъ бы его, безъ сомнѣнія, если бы былъ немного поблагоразумнѣе. Онъ многихъ обморочилъ, но сообщниковъ не имѣлъ, не было у него и довѣреннаго лица; умеръ, не достигнувъ 25 лѣтъ отъ роду. Я задумалъ написать исторію этого знаменитаго плута и его пріемника, ибо онъ имѣлъ преемника весьма посредственнаго, какими бываютъ всегда подражатели. Съ этою цѣлію я съ большимъ вниманіемъ перечиталъ всѣ современные мемуары и большое количество оффиціальныхъ бумагъ, которыми быть можетъ слишкомъ пренебрегли русскіе и польскіе летописцы. Полагаю, что я сдѣлалъ все возможное съ моей стороны для того, чтобы раскрыть истину и чтобы замѣнить предположенія болѣе или

меньше неправдоподобныя объясненіемъ, соответствующимъ исторической задачѣ, способной, по моему мнѣнію, возбудить большой интересъ. Было бы не ловко съ моей стороны приглашать любопытныхъ удостовѣряться и прочесть мой томикъ, который появился въ продажѣ у издателя Мишель Леві. Однако я не хочу дѣлать и тайны для читателей Обозрѣнія (*Revue des deux Mondes*) изъ моего рѣшенія, и отнынѣ хочу утверждать открыто, что Лжедмитріемъ былъ никто иной, по моему мнѣнію, какъ украинскій казакъ (*Cosaque de l'Ukraine*).

«Но, можетъ быть, спросятъ, какимъ образомъ идея столь смѣлаго обмана, могла запасть въ голову молодому человеку въ 20 лѣтъ, низкаго происхожденія, выросшему среди варваровъ. Отвѣчаю, что казакъ, вскормленный въ своей сѣчи (*dans sa sietche*), гдѣ отвага и краснорѣчіе пролагали дорогу къ почестямъ, гдѣ начальство давалось самому храброму и самому изворотливому, могъ вознѣмать мысль о похищеніи престола, которая утратила бы любого русскаго или польскаго дворянина. Развѣ въ прошломъ столѣтіи не простой казакъ Пугачевъ повергнулъ имперію въ опасность, а обманъ его былъ еще грубѣе?»

«Въ то время, какъ я изучалъ характеръ Лжедмитрія, я долженъ былъ провести 15 дней іюля въ мѣствѣ, гдѣ жаръ солнца не тревожилъ меня и гдѣ я наслаждался полнымъ уединеніемъ. Я воспользовался имъ для того, чтобы, такъ сказать, проникнуться моимъ героемъ, и по мѣрѣ того, какъ я читалъ его переписку, равно все, что только сказали современники объ его привычкахъ, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что разгадалъ его и что я его теперь знаю.

«Это убѣжденіе, къ которому я пришелъ, да позволено будетъ мнѣ сказать, со славою для меня, путемъ сознательнаго изученія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, навело меня на мысль: что если вмѣсто того, чтобы заставлятъ читателя углубляться въ мои изслѣдованія, представить ихъ ему въ очищенномъ результатѣ и вмѣсто сомнѣній посвятить его прямо въ мои убѣжденія? Я рассуждалъ самъ съ собою такъ: найдется много людей, которые бы не сказали мнѣ спасибо, если бы я вздумалъ состязаться со старыми русскими книжниками (*vieux bouquins Russes*); напротивъ того, они скорѣе найдутъ удовольствіе въ изображеніи оригинальнаго характера, который тѣ книжники описываютъ для того, кто умѣетъ читать ихъ.

Въ тоже время я сравнивалъ методу древнихъ писателей съ

нашею. Геродотъ , Плутархъ , полагаю , вдавались въ большія изысканія при разборъ, повѣркѣ и разсматриваніи преданій и свидѣтельствъ своихъ современниковъ и предшественниковъ. Убѣдившись, что наконецъ истина ими уловлена , они употребляли свое неподражаемое искусство для того, чтобы сдѣлать ее еще болѣе очевидною и понятною. Имъ мало было сказать : такой-то совершилъ такое-то дѣяніе;—они хотѣли еще доказать , почему онъ такъ поступилъ , какія чувства довели его до такого дѣйствія, какую цѣль имѣлъ онъ въ виду , совершая его?—И я не думаю, чтобы они заходили слишкомъ далеко, поступая такъ. Опытъ, который я теперь представляю, есть чистое произведеніе методы Грековъ. Въ этомъ заключается второй видъ труда, который я только что окончилъ. Если рвчи и даже нѣкоторыя дѣйствія , которыми я надвляю моихъ лицъ , вымышлены , все же я осмѣливаюсь сказать , что характеры , начерченные мною, отнюдь не вымыселъ , но сущность и какъ бы послѣднее слово въ очень важномъ трудѣ, который я сейчасъ рекомендовалъ моимъ читателямъ.»

Такъ какъ П. Мериме придаетъ особенное значеніе своему драматическому разсказу, то, полагаю , болѣе близкое знакомство съ этимъ разсказомъ не будетъ здѣсь излишнимъ.

Дѣйствіе открывается въ степи, ночью. Являются два казака, одинъ старый, лѣтъ 60, атаманъ Герасимъ Евангель, израненный, другой молодой лѣтъ 20, Юрій, ведущій свою лошадь въ поводу. Оба они покрыты пылью и кровью. Оказывается , что они наткнулись на Татаръ и по неволѣ должны были вступить съ ними въ бой, не смотря на неравенство силъ. Хотя они спаслись отъ хищниковъ, все же спасеніе обошлось имъ слишкомъ дорого : Евангель былъ раненъ смертельно. Чувствуя приближеніе кончины , онъ началъ каяться передъ своимъ товарищемъ , что много пролилъ человѣческой крови на своемъ вѣку, но что особенно мучить его пролитіе крови невиннаго десятилѣтняго мальчика. При этомъ онъ часто произноситъ имя Бориса , осыпая его проклятіями. Какъ истый запорожецъ, Юрій не могъ долго понять , почему его товарищъ такъ убивается изъ-за пролитія крови одного только мальчика. Недоумвеніе его скоро разъясняется: Евангель признался, что убитый былъ царевичъ Димитрій, и что онъ совершилъ это преступленіе, прельстившись золотомъ Бориса. Далѣе онъ говоритъ, какъ бы въ бреду: «онъ меня любилъ, Бѣдный малютка!... Онъ всегда игралъ со мною.... у него, какъ у

тебя, были голубые глаза.... такіе же бѣлокурые волосы.... такой же знакъ подѣ правымъ глазомъ. По этому, видишь ли, я и спасъ тебя изъ пламени.... Я усыновилъ тебя.... Я думалъ искупить мое преступленіе.... Я хотѣлъ назвать тебя Димитріемъ, но у меня не хватило духу».... Когда же Юрій сталъ просить Евангела успокоиться и уснуть, то онъ снова сталъ говорить: «Мнѣ спать?... Давно уже я вовсе не сплю.... Вечеромъ на стоянкахъ, когда гасятъ огонь, а туманъ растилается по степи, онъ подходитъ ко мнѣ.... Вотъ и теперь онъ дѣлаетъ мнѣ знаки... Тамъ, тамъ.... Изъ-за этого дерева.... Весь въ бѣломъ!—Юрій! сталъ онъ говорить, очнувшись: — я страшно страдаю.... скоро умру я.... Въ сѣдлѣ моемъ, между двумя кожами, зашито 120 дукатовъ. Возьми ихъ, и вотъ этотъ крестъ, надѣтый на него при крещеніи.... Тамъ что-то написано.... Вѣрно его имя... Я не смѣю продать его... Ты же можешь... На этомъ крестѣ есть кровь, но не ты пролилъ ее.... Если ты продашь этотъ крестъ, ты будешь богатъ. Ты дашь на поминъ по душѣ моей». За этимъ Юрій, по просьбѣ своего товарища, сталъ читать краткую молитву; Евангелъ повторялъ за нимъ послѣднія слова только. Но Юрій вдругъ заснулъ, остановившись на полсловѣ.

— «Онъ спитъ, онъ можетъ спать, сталъ говорить самъ съ собою Евангелъ:—Боже мой, Боже мой! Мнѣ кажется, что весь адъ поднялся на меня. Вонъ они черти, въ лѣсу, какъ стая вороновъ.... А онъ?... Онъ все тамъ!... Юрій!... Юшка!... проснись!... Защити меня!... Очнувшись, Юрій сталъ кликать Евангела. Но тутъ онъ увидѣлъ, что послѣдній уже умеръ. По краткомъ размышленіи о своемъ одиночествѣ и о дѣлахъ храбраго Евангела, онъ обратился къ болѣе существенному. «Сто двадцать дукатовъ въ этомъ сѣдлѣ, да это цѣлое богатство! А потому еще этотъ крестъ. Онъ изъ золота; да и камни горятъ въ немъ, какъ глаза у волка». Читаетъ надпись: «Димитрію, сыну царя Ивана, его крестный отецъ князь Иванъ Мстиславскій». «О! Я теперь богачъ! куплю себѣ добрую лошадь.... А что мнѣ дѣлать за Двѣпромъ? Въ свѣчи старики сочтутъ меня слишкомъ молодымъ для того, чтобы дать мнѣ какое-нибудь начальство. Если бы мнѣ пойти въ Москву? Царь Борисъ, можетъ быть, сдѣлалъ бы меня стрѣлецкимъ головою. Борисъ? Да онъ также ба-ловень счастья! Говорятъ, что дѣдушка его былъ простой Татаринъ. Право. Да здравствуетъ Москва! Говорятъ, что советъ,

задуманный на зорь, всегда удается. Еслибы у меня былъ хоть кусокъ хлѣба, чтобы немного перехватить теперь. Бѣдный Герасимъ-Евангелъ! При всѣхъ его недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ лучшихъ между днѣпровскими казаками. Прощай, мой старый атаманъ! Теперь ты спишь и, надѣюсь, не будешь болѣе бредить убитыми ребятами. Впрочемъ не нужно бросать его на съѣденіе волкамъ. Дадимъ ему въ руки оружіе, какъ слѣдуетъ атаману. Чортъ возьми, какъ онъ окоченѣлъ! Зароемъ его землею. А вотъ и ножъ, нужный для этого. Можетъ быть имъ онъ зарѣзалъ.... Помнится мнѣ, что онъ никогда не хотѣлъ рѣзать хлѣба этимъ ножомъ». Такъ размышлялъ Юрій. Потомъ онъ сталъ рыть землю и запѣлъ :

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце.... *

Тутъ является на сцену Угличскій купецъ Шубинъ. Онъ шель въ степи съ караваномъ и, наткнувшись на Татаръ, былъ ими ограбленъ. Спасаясь бѣгствомъ отъ нихъ, онъ очутился съ глазу на глазъ съ запорожцемъ. Однако страхъ его былъ напрасенъ! напугавшій его казакъ попросилъ у него только чего-нибудь поѣсть. Когда они разговорились и Юрій узналъ, что собесѣдникъ его изъ Углича, то рѣчь склонилась у нихъ на угличскія событія; Шубинъ, впрочемъ, боится произнести лишнее слово и съ осторожностію говоритъ о царѣ Борисѣ. Между тѣмъ онъ внимательно смотритъ на Юрія; тотъ замѣтилъ это и, спросивъ о причинѣ такого разглядыванія, узналъ, что вниманіе его собесѣдника привлекаетъ бородавка подъ правымъ глазомъ у него. Дѣло здѣсь оканчивается тѣмъ, что Юрій повѣхалъ провожать Шубина до Углича.

Слѣдующая сцена происходитъ уже въ Угличъ, въ домъ Шубина. Дѣйствующими лицами здѣсь, кромѣ Шубина и Юрія, жена перваго Акулина, Григорій Отрепѣевъ, шведскій принцъ Густавъ, Ирина Жданова, кормильница царевича Дмитрія. Бѣглый монахъ Григорій Отрепѣевъ, преслѣдуемый за неосторожныя рѣчи о царѣ Борисѣ, говоритъ о немъ неосторожно и теперь, негодуя на него преимущественно за запрещеніе свободнаго куренія водки. Во время разговора его съ женою Шубина, входятъ въ избу самъ Шубинъ и Юрій. Первый только теперь вспомнилъ, что не

* Эта прекрасная пѣсня такъ дурно передана по французски, что въ переводѣ нельзя даже узнать ее.

знаетъ еще имени своего товарища , и когда онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ Юрію , то послѣдній , подумавъ , съ улыбкою отвѣчалъ , что его зовутъ Димитріемъ Ивановымъ. Начинаютъ они пить водку , которая , оказывается , что курена была въ 1591 году. Юрій замѣтилъ , что въ этомъ году умеръ царевичъ Димитрій , а Отрепьевъ чуть было не сказалъ : «не умеръ , а предательски убить». Но Шубинъ остановилъ его на полсловъ и предложилъ обычную чашу о здравіи и долголетіи царя Бориса. Во время стола , Отрепьевъ безпощадно болтаетъ : вода совершенно развязала ему языкъ. Предметомъ разговора были тогдашнія московскія событія и особенно скорая смерть датскаго принца , жениха царевны Ксеніи Борисовны. Юрій во все это время ничего не пьетъ и сидитъ задумавшись , внимательно слушающая рассказы удалаго Григорія. Вдругъ жена Шубина даетъ знать , что идетъ принцъ Густавъ. Юрій изумился , узнавъ , что въ Угличѣ находится шведскій принцъ. Изъ недоумѣнія вывелъ его Григорій , рассказавъ ему своимъ безпощаднымъ языкомъ приключенія Густава. Когда вошелъ послѣдній , то хозяинъ прежде всего представилъ ему Дмитрія Иванова. Узнавъ , что Шубинъ возвратился изъ Астрахани , Густавъ сталъ разспрашивать его о чудесномъ баранѣ , описанномъ Герберштейномъ въ его комментаріяхъ. Юрій вмѣшался въ разговоръ и увѣрилъ его , что эта выдумка , пущенная въ ходъ казаками ; при этомъ онъ замѣтилъ , что два года тому назадъ онъ былъ на Яикѣ съ атаманомъ Евангеломъ , и что тамъ они зли калмыцкихъ барановъ , которые , какъ вездѣ , ходятъ по степямъ свободно и ноги у нихъ не приросшіе къ землѣ. «Сочинитель книги , на которую ты ссылаешься , безстыдный лгунъ , баранъ—растеніе—дѣло невозможное» , сказалъ онъ въ заключеніе.

Мысль о невозможномъ навела Густава на размышленіе , что для Бога все возможно.

— «Нѣтъ ничего невозможнаго , другъ мой , сказалъ онъ : — вотъ и я живу , говорю съ вами , друзья мои , все мнѣ послѣ этого кажется возможнымъ. Когда мой злосчастнѣйшій отецъ былъ свергнутъ съ престола , то мой дядя приказалъ бросить меня въ море. Мнѣ было тогда всего годъ ; не было никого , кто бы могъ защитить меня. Завязали меня въ мѣшокъ , привязали къ мѣшку ядро , потащили меня на валъ съ тѣмъ , чтобы бросить. И что же ? Вотъ я теперь въ добромъ городѣ Угличѣ сижу и

веду съ вами разговоръ. Такъ-то, сынъ мой, на что есть воля Божія, то возможно, на что—нѣтъ, то невозможно.

Тутъ завязывается разговоръ у Густава съ Юріемъ; передадимъ его буквально.

Юрїй.

А дядя вашъ живъ еще? Развѣ вы не могли отплатить ему?

Густавъ.

Онъ умеръ королемъ. Никогда мнѣ и въ голову не приходила мысль мстить ему. Напротивъ того, я часто отъ глубины души благодарилъ его, что онъ доставилъ мнѣ счастье, въ которомъ, казалось, судьба отказывала мнѣ.

Юрїй.

Что же это за счастье?

Густавъ.

Счастье быть свободнымъ и мирно предаваться занятіямъ, которыя составляютъ все мое наслажденіе. Если бы не дядя, я былъ бы теперь королемъ, обремененнымъ дѣлами, проклинаемымъ одними, преданнымъ другими. Стараясь дѣлать добро, я бы постоянно стремился къ этому.... Но король, къ несчастію, видитъ все глазами своихъ министровъ и дѣлаетъ ошибки. Будучи королемъ, я, можетъ быть, надѣлалъ бы и много зла. Тогда какъ теперь, я, бѣдный изгнанникъ, не могу вредить никому. Въ потъ лица я приобрѣлъ нѣсколько свѣдѣній, которыя когда-нибудь пригодятся моимъ ближнимъ. Во всѣхъ положеніяхъ, добрые мои прїатели, я только благодарилъ Господа.... Думаю, что я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда я находился въ Торнѣ и слушалъ лекціи ученаго профессора Рудбекіуса. У меня не было тогда ни гроша, и чтобы достать себѣ пропитаніе — смѣшно и вспомнить—я нанялся въ конюхи. Ночью я смотрѣлъ за лошадьми въ тавернѣ, днемъ бѣгалъ въ школу.... Тогда я считалъ себя гораздо свободнѣе, нежели мой дядя на его престолѣ въ Стокгольмѣ.... Тогда я также прощалъ ему, какъ прощаю теперь.

Юрїй.

Я не имѣлъ случая слушать лекціи профессора, о которыхъ говорить твое высочество.... Для меня было живѣйшею радостью,

когда я принесъ въ дивпровскій станъ, на концъ копья моего, голову татарскаго мурзы, который задѣлъ меня своею стрѣлою. Принцъ Густавъ! Еслибы я былъ запорожскимъ атаманомъ, я бы непременно возвратилъ тебя въ твою землю съ десятью тысячами нашихъ испытанныхъ дивпровскихъ пикъ.

Густавъ.

Очень благодаренъ за твое великодушiе, товарищъ! Только, дай Богъ, чтобы моя бѣдная Швеція никогда не видѣла запорожцевъ! Я не хочу быть королемъ.

Юрій.

А какъ прiятно сказать—*хочу*—и видѣть, что намъ повинуются!

Густавъ.

Я полагаю, тебѣ не болѣе 20 лѣтъ.

Юрій.

Я не болѣе, какъ бѣдный казакъ и ни разу въ жизни никѣмъ не начальствовалъ, кромѣ моей лошади. Но это, впрочемъ, что-нибудь уже значить. Я хлопну моею нагайкой—конь мой тотчасъ бросается подъ стрѣлы и пищали. Онъ боится меня болѣе смерти. А какой нибудь король можетъ сказать только людямъ: идите на смерть.

Густавъ.

Плачевныя обольщенiя, молодой человекъ! Убивать людей—дѣло не мудреное. Врожденная человекъ лютость не нуждается въ томъ, чтобы ее еще подстрекали. Но согласишься, не гораздо ли выше будетъ призванiе, если мы станемъ дѣйствовать на людей убѣжденiемъ и укажемъ имъ путь спасенiя, станемъ утѣшать ихъ въ скорбяхъ ихъ, просвѣщать ихъ нашимъ знанiемъ.... Не находишь ли ты все это истинно прекраснымъ? Сравни славу благочестивыхъ апостоловъ, которые принесли въ эту землю свѣтъ христіанства, со славою ратныхъ людей, распространившихъ ее предѣлы своими побѣдами.

Юрій.

Если бы я былъ царемъ!... ай, ай, ай!!

Густавъ (улыбался).

А почему же и не быть?... Развѣ мы не говорили сейчасъ, что нѣтъ ничего невозможнаго? Родился же я принцемъ крови. Теперь я не болѣе, какъ бѣдный философъ и алхимикъ. А ты живешь въ землѣ, гдѣ видали, какъ простые люди дѣлались царями...

Тутъ Шубинъ, видя, что разговоръ начинаетъ принимать щекотливый оборотъ, сталъ вмешиваться. Жена же его начала просить Густава погадать о будущности ихъ сына. Густавъ сталъ разсматривать черты на рукѣ подведеннаго къ нему мальчика и предсказалъ ему счастливую будущность. Юрій также протянулъ свою руку. Между ними снова завязался слѣдующій разговоръ:

Густавъ.

Рука твоя изумляетъ меня. Кто ты и откуда?

Юрій.

До сихъ поръ я былъ запорожцемъ. Но что ожидаетъ меня въ будущемъ.

Густавъ.

Ты, вѣрно, сынъ какого-нибудь атамана?

Юрій.

Пріемышъ. Родителей моихъ я никогда не зналъ.

Густавъ.

Линія жизни твоей коротка... но славна... по истинѣ! Впрочемъ хиромантія есть наука, лишенная всякаго положительнаго основанія, но... странно однако! Ты запорожець. Если бы ты былъ царскимъ сыномъ, я бы сказалъ тебѣ... глупости все это!...

Юрій.

Коротка, но славна! Да это жизнь, о которой я мечтаю!

Густавъ.

Посмотри на меня. Отвага во взглядѣ. У тебя глазъ, какъ у льва.

Юрій.

Слабы у меня были и когти, какъ у льва!

Густавъ.

Ты очень молодъ; однако у тебя есть уже морщины. Догадываюсь. Вѣрно ты много страдалъ. По этимъ признакамъ нельзя обмануться; я знаю бѣдность коротко.

Юрій.

Страдалъ? нѣтъ, я ничего не испыталъ. Развѣ—голодь, усталость.... Но развѣ это что-нибудь значитъ?

Густавъ.

Ты зналъ страданія другаго рода — страданія душевныя... хотѣть и не быть въ силахъ.

Юрій.

О, да, да!

Густавъ.

И однако въ глазахъ твоихъ и на устахъ, не имѣющихъ еще усомъ, читаю я рѣшимость, которую удержать ничто не въ силахъ. Люди, подобные тебѣ, Димитрій, достигаютъ того, чего желаютъ. Ты управлялъ только лошадей, но ты будешь управлять и людьми, если захочешь.

Шувинъ.

Онъ будетъ когда нибудь богатымъ атаманомъ или стрѣльцкимъ головою мясистымъ и жирнымъ.

Густавъ.

Атаманомъ? Нѣтъ, этого для него мало. Не правда ли, для тебя твѣсенъ островъ, которымъ ограничивается вашъ днѣпровскій станъ?

Юрій.

У насъ тамъ есть степь.

Густавъ.

Ты мнѣ нравишься и, въ тоже время, пугаешь меня. Дитя! ты презираешь людей; ты много презираешь ихъ—и все недостаточно. Ты считаешь ихъ трусами; но, можетъ быть, ты не

знаешь до какой степени они злобны. Лишняя доверчивость может погубить тебя... учился ли ты чемунибудь?

Юрій.

Немного. Когда-то въ семинаріи. Я знаю читать и писать; знаю по-польски; нѣсколько латинскихъ словъ; съ нашими рабами Татарами могу говорить на ихъ языкъ.

Густавъ.

И почему, начавъ учиться, не продолжать? Зачѣмъ ты бросилъ школу?—А! понимаю, ты любишь болѣе повелѣвать, чѣмъ повиноваться. Сабля для тебя приманиваетъ книги. Берегись! Можетъ найтись другая сабля, которая сломитъ твою.

Юрій.

Старикъ наши говорятъ: бей первый, тогда тебя не ударятъ.

Густавъ.

А писаніе говоритъ: кто поражаетъ мечемъ, отъ меча и погибнетъ.

Юрій.

Не все ли равно? Нужно же когда-нибудь умереть.

Густавъ.

Справедливо. Но, умирая, нужно быть въ состояніи сказать: добро, которое я могъ сдѣлать—я сдѣлалъ.

Юрій.

Безъ сомнѣнія, и я хочу сказать это въ часъ смертный. Но я желаю прибавить еще: то, что могло предпринять сердце мое, а рука выполнить, я выполнилъ.

Густавъ.

Господь наставитъ тебя, дитя мое! *Fata viam inveniunt*. Я бы желалъ, чтобы ты вмѣсто меня родился царскимъ сыномъ. Если ты пробудешь еще въ Угличѣ, то зайди къ бѣдному алхимику, изгнаннику. Прощайте, мои добрые друзья!...

По уходъ принца, Отрепьевъ сталъ поздравлять Юрія съ блестящею будущностію. Но тотъ ничего не слышитъ, и не ви-

дять происходящаго около него: мысли его заняты Густавомъ, а болѣе всего чудеснымъ его спасеніемъ. Въ послѣдующемъ разговорѣ съ Григоріемъ и Шубинимъ, онъ постоянно занятъ какою-то важною мыслию. Вдругъ онъ сталъ разспрашивать: не остался ли кто-нибудь въ Угличѣ изъ прислужниковъ царевича? Когда же Шубинъ объявилъ, что жива кормильница Дмитрія, Ирина Жданова и что у него есть одна изъ вещей, принадлежавшихъ царевичу—золотая его печать, то Юрій изъявилъ желаніе купить ее, но Шубинъ подарилъ ее ему на память. Вслѣдъ за этимъ Юрій уходитъ, разспросивъ напередъ гдѣ дорога къ церкви Спаса. По уходѣ его начинается разговоръ между Шубинимъ и Григоріемъ, послѣдній начинаетъ сперва высказывать свои подозрѣнія на счетъ загадочнаго запорожца и приходитъ къ заключенію: ужъ не царевичъ ли онъ Дмитрій?—Шубинъ, съ овоей стороны, предложилъ также нѣкоторыя догадки и соображенія. Онъ поступаетъ безъ всякой задней мысли; но въ головѣ его собесѣдника уже родилась идея о выгодной спекуляціи, когда онъ остался одинъ по уходѣ хозяина дома, рѣшившись разузнать обо всемъ отъ Ждановой обстоятельно. Шубинъ скоро возвратился вмѣстѣ съ Юріемъ, который тутъ же объявилъ ему о своемъ намѣреніи вѣхать въ Москву и, распрощавшись съ нимъ, дѣйствительно пустился въ дорогу. Но едва онъ ушелъ, какъ является Жданова, успѣвшая уже повидаться съ нимъ. Всѣ присутствующіе, видя ея восторгъ и не понимая сперва смысла ея словъ, думаютъ, что она болтаетъ въ припадкѣ помѣшательства. Однако, вслушиваясь въ говоренное ею, они убѣждаются, что она говоритъ не безсмыслицу. Они узнаютъ, что таинственный Юрій видѣлся съ нею и подарилъ ей 10 дукатовъ. Чтобы еще болѣе развязать языкъ Ждановой, Шубинъ сталъ подчивать ее водкою. Выпивъ нѣсколько чарокъ и прійдя въ восторгъ, она заговорила: «никто никогда ничего у меня не выпытаетъ... т.-с. вы скоро узнаете все. А ты, монахъ, (обращаясь къ Григорію), если ты родня или другъ тому чудовищу Татарину, что сидитъ на Москвѣ, то ступай и объяви ему, чтобы онъ покаялся, потому что не пройдетъ и года, какъ я буду носить его голову въ моемъ передникѣ. Какъ вѣрно то, что я называюсь Аршию Ждановой, такъ точно вѣрно и то, что я брошу его голову въ канаву на большой улицѣ.... Онъ обещалъ отдать мнѣ ее.... Милый мой вскормленникъ! Мнѣ ничего не нужно, дай только голову этого Татарина. А! Господа Москвичи! Собирайте мнѣ»

тежниковъ!... Жиды и язычники!... Вы цѣловали крестъ Борису и у васъ царемъ Татаринъ! Поставятъ васъ, жиды, на прямой путь!... Время уже близко!—Шубинъ, батюшка мой! Еще чарочку водки.... За здоровье нашего славнаго царя Дмитрія Ивановича!...» Съ этимъ словомъ она убѣгаетъ, сбивъ всякъ съ толку и окончательно озадачивъ.

Въ слѣдующихъ сценахъ П. Мериме переноситъ читателя въ Кремль. Исходнымъ пунктомъ взять тотъ моментъ, когда въ Москвѣ сталъ распространяться слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Князья: Мстиславскій и Василій Шуйскій получили подметныя письма за подписомъ царевича; такое же письмо, адресованное на имя патріарха Іова, найдено было въ соборной церкви. Сцена начинается разговоромъ между Мстиславскимъ и Шуйскимъ; первый, по природной своей простотѣ и недалекости, не знаетъ вѣрить или нѣтъ полученному письму. Но хитрый князь Василій прямо объявляетъ ему, что слухъ о царевичѣ Дмитрѣи сущій вздоръ и что письма подброшены какимъ-нибудь злымъ человекомъ для того, чтобы испытать ихъ. Тутъ являются передъ дворцомъ донскіе атаманы; они пришли объясниться съ царемъ Борисомъ, начавшимъ ограничивать ихъ вольности. Принужденные долго ждать, они съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

«Такъ не было при Грозномъ — говоритъ одинъ изъ нихъ. Я былъ въ числѣ выборныхъ, посланныхъ донскимъ войскомъ въ 7080 году вмѣстѣ съ твоимъ отцемъ, Пантелейко, и твоимъ, Сережка, (обращается къ своимъ товарищамъ); едва мы пришли тогда, какъ царь немедленно принялъ насъ. — «Наши казаки, сказалъ онъ, всегда передовыми въ нашемъ войскѣ; они вездѣ должны быть передовыми.»—А тутъ были послы папы Римскаго и поганова короля. Нужно было видѣть ихъ рожи, когда мы допущены были прежде нихъ. Ахъ, славный былъ царь Иванъ Грозный!»—Когда же другой атаманъ изъяснилъ свое сожалѣніе, что у Ивана Грознаго не осталось потомства, то первый продолжалъ: «Тише, братцы, мы въ степи у Татарина (тонкій намекъ на Бориса). Повѣрьте мнѣ, ребята, кровь Мономаха и св. Дмитрія не угасла. Кто доживетъ изъ насъ—увидитъ....» После этого у нихъ завязывается разговоръ съ Шуйскимъ и Мстиславскимъ, во время котораго выходитъ патріархъ Іовъ, сопровождаемый Юріемъ. Патріархъ начинаетъ упрекать кн. Мстиславскаго за то, что онъ обольстилъ какую-то Марью Алексан-

дровну, дочь одного московскаго дворянина, родотвенники которой обратились къ нему и требовали суда надъ оскорбителемъ. Мстиславскій извинялся своею молодостію и тѣмъ, что царь не позволяетъ ему жениться. Въ это время выходитъ царь, сопровождаемый Семеномъ Годуновымъ. Борисъ мраченъ и озлобченъ; онъ ждалъ прибытія изъ Углича дьяка Смирнаго-Отрепьева, но тотъ запоздалъ. Семень Годуновъ успокоиваетъ его и представляетъ ему донскую депутацію. Но приведемъ эту и слѣдующую за нею сцены въ точности.

ПЕРВЫЙ АТАМАНЪ.

Милосердый нашъ батюшка! Атаманы, старшины и все войско донское прислали насъ ударить тебѣ челомъ (*battre du front devant toi*). Войско донское—ты знаешь это и самъ — есть передовая отража Россіи противъ Татаръ, оно всегда съ вѣрностію охраняло твой престоль, охраняетъ теперь и будетъ охранять. Но недавно, батюшка нашъ, въ наши станицы прибыли какіе-то начальники, выдающіе себя за твоихъ посланцевъ. Они хулятъ обычай нашихъ отцовъ и говорятъ, что нужно измѣнить ихъ; они утверждаютъ, что казакъ не долженъ болѣе курить водки, подкрѣпляющей его въ святой брани, и что продажа ея должна принадлежать купцамъ, получившимъ на нее исключительное право. Старики же, батюшка нашъ, говорятъ, что всего этого прежде не бывало при славныхъ твоихъ предшественникахъ. По этому просимъ тебя смиренно: соблаговоли оставить вѣрному твоему донскому войску льготы, которыми оно пользовалось съ незапамятнаго времени.

Семень Годуновъ (*поговоривъ въ помолоса съ Борисомъ*).

Государь царь и великій князь всея Россіи, вашъ гбсударь и повелитель Борисъ Феодоровичъ выслушалъ просьбу своего донскаго войска. Онъ отвѣчаетъ вамъ, что его законы должны быть выполняемы всеми подданными его необъятнаго царства; что казаки злоупотребляютъ данными имъ преимуществами и что еще недавно, вопреки его указу, они сдѣлали нападеніе на земли хана татарскаго, союзника и подручника царскаго. Царь хочетъ, чтобы пльинные были возвращены и виновные наказаны.

ПЕРВЫЙ АТАМАНЪ.

Батюшка нашъ! когда блаженной памяти царь Иванъ Василье-

ничъ принималъ выборныхъ донскихъ атамановъ, то никогда не отвѣчалъ чрезъ своего слугу. Человѣкъ, который говоритъ теперь отъ твоего имени, вѣрно не слышалъ, когда ты, вступая на престолъ, давалъ обѣщаніе сохранить преимущества вѣрному твоему донскому войску. Человѣкъ этотъ вѣрно никогда не сражался съ Татарами; онъ не знаетъ, что эти поганцы понимаютъ вѣрность не лучше собакъ и что если мы принялись за оружіе, то къ этому насъ побудило то обстоятельство, что нагайцы увели у насъ шесть лошадей, двоихъ дѣтей и бабу, а этого они не должны были дѣлать изъ уваженія къ тебѣ. Почему же казакъ, ежедневно проливающей кровъ свою за вѣру, долженъ покупать водку у торговцевъ-мошенниковъ?

Борисъ.

Довольно, атаманъ! Я не спрашиваю у какого-нибудь казака уроковъ, какъ управлять мнѣ моими государствами. — Какъ твое имя?

Первый атаманъ.

Корела. Я изъ первыхъ вошелъ въ Казань и водрузилъ тамъ крестъ и двуглаваго орла. Подъ Москвою въ 7099 году служилъ я подъ личнымъ твоимъ начальствомъ. Тогда ты былъ еще правителемъ государства. Ты говаривалъ тогда, что безъ казакъ погубило бы и государство.

Борисъ.

Корела! Я прощаю только неразумію стараго солдата. Возвратись къ твоей ордѣ и объяви ей мои приказанія. Скажи своимъ казакамъ: если они задумаютъ курить водку, то я прощу скорѣе разбойнику и убійцѣ, чѣмъ тому, кто занимается заповѣднымъ промысломъ. Если Татары нарушаютъ условія, то въ такомъ случаѣ суда нужно искать у меня. Я заставлю уважать границы государства. — Пусть всѣ уйдутъ, кромѣ думныхъ бояръ. *(Казакъ уходитъ съ глухимъ ропотомъ).*

Іовъ *(обращаясь къ Юрію).*

Останься, сынъ мой! *(къ Борису)* Государь! позволь мнѣ представить тебѣ этого жалкаго земнаго червя *(set numble ver de terre)*; онъ бѣдный сирота, бѣжавшій изъ Украйны отъ свтей, разставленныхъ Латинами; они хотѣли принудить его отрѣчься

отъ православной вѣры. Провидѣнію угодно было, чтобы отъ открылъ заговоръ.

БОРИСЪ.

Заговоръ?

ІОВЪ.

На жизнь твою, можетъ быть; а навѣрное противъ спокойствія твоей державы. Утромъ этотъ молодой человекъ, исполняющій у меня должность писца, пошелъ въ соборъ съ тѣмъ, чтобы отнести священныя книги; но тамъ въ каедрѣ онъ нашелъ вотъ эту бумагу съ висячею печатью; пусть онъ прочтаетъ ее тебѣ. Давно уже зрѣніе мое ослабило и я не могу разобрать рукописи.

ЮРІЙ (*читаетъ*).

«Патріарху Іову для прочтенія въ соборъ послѣ божественной службы. Димитрій Ивановичъ царевичъ и князь всея Руси объявляемъ: такъ какъ божественное провидѣніе спасло насъ отъ смерти и козней злодѣевъ, то мы....»

БОРИСЪ (*вырывая бумагу*).

Что это за проклятое письмо? Подай.

В. ШУЙСКІЙ.

Я также получилъ не менѣ преступное письмо, адресованное на мое имя какимъ-то злодѣемъ, и пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы отдать его тебѣ. Да будутъ наказаны преступные!

МСТИСЛАВСКІЙ.

И я получилъ такое же письмо. Вотъ оно.

БОРИСЪ.

Семень, Семень! Измѣна со всехъ сторонъ! Ты думалъ, что измѣнники въ Угличѣ, а вотъ они здѣсь, въ Москвѣ. Такъ-то служишь мнѣ?

СЕМЕНЪ.

Государь! клянусь небомъ... я найду виновныхъ... (*уходитъ*).

БОРИСЪ.

Боже мой! Предатели! Когда они уймутся? Неужели нужно все казнить, казнить. Они хотятъ поднять на меня и мертвыхъ...

В. ШУЙСКІЙ.

Это грубый обманъ.

БОРИСЪ.

Коварство, самое черное коварство! Вы все бояре были свидетелями, какова была моя скорбь, когда царевичъ Димитрій покололся въ припадкѣ падучей болѣзни. Василій... кн. Шуйскій сто разъ рассказывалъ вамъ обстоятельства этого плачевнаго смертнаго случая. Не тебя ли, кн. Шуйскій, назначилъ я наказать виновныхъ, не оставлять въ Угличѣ ни одного изъ этихъ заговорщиковъ, готовыхъ всегда на пагубу Россіи. А ты что сдѣлалъ? Ты наказалъ нѣсколько неизвѣстныхъ рабовъ, ты отправилъ въ Сибирь нѣсколько сотенъ несчастныхъ жертвъ. Предатели же, настоящіе враги моего трона и моей святой Россіи.... ты оставилъ ихъ живыми. Они смѣло теперь поднимаютъ голову; они воскресили призракъ. Какой-то обманщикъ показался въ Угличѣ; нѣсколько мерзавцевъ объявили, что узнали его. Теперь же и въ Москвѣ подстрекаютъ они мой народъ къ бунту.

В. ШУЙСКІЙ.

Государь! позволь твоему рабу оправдаться. Великій Боже! Вспомни о страшныхъ козняхъ, совершенныхъ въ Угличѣ 14 лѣтъ тому назадъ. 200 головъ, выставленныхъ на главной площади, и 3000 семействъ, сосланныхъ въ Пелымъ, свидетельствуютъ тебѣ о моей ревности. Я истребилъ все до послѣдняго вещественнаго признака, могущаго напомнить собою о возмущеніи. Развѣ колоколъ, призывавшій мятежныхъ, не въ Сибири вмѣстѣ съ безумцами, дерзнувшими на призывъ его подняться противъ властей, тобою поставленныхъ? 14 лѣтъ я не видѣлъ стѣнъ Углича. Если этотъ проклятый городъ произвелъ новое поколѣніе мятежниковъ.... приказывай, — я готовъ снова итти очищать твое царство.

ІОВЪ.

Что же такое случилось въ Угличѣ?

Семенъ (*входитъ и говоритъ Борису*).

Пріѣхалъ наконецъ Смирной-Отрепьевъ, онъ ждетъ твоихъ приказаній.

Борисъ.

Пусть явится. Ну, что новаго, Смирной?

Смирной.

Государь, въ Угличъ все спокойно. Мнѣ достаточно было часу для того, чтобы перехватать нѣсколькихъ безумцевъ, способныхъ обольстить доверчивую толпу. Все похоже не болѣе какъ на бредни старыхъ бабъ, которыя могутъ развѣ разсвѣшить тебя. Торговецъ одинъ принялъ въ свой домъ какого-то молодого запорожца, и ему померещилось, что онъ имѣетъ черты покойнаго царевича Дмитрія. Старуха, кормильница царевича, помѣшанная, какъ кажется, утверждаетъ, что узнала его. А молодой монахъ наговорилъ въ кабакъ забавныхъ словъ....

Борисъ.

Забавныхъ?

Смирной.

Преступныхъ—хотѣлъ я сказать. Кормильница, торговецъ и нѣкоторые пьянчуги теперь уже на дорогъ въ Пельимъ... монахъ жестоко наказанъ, благодаря заботливости сергіевскаго настоятеля....

Борисъ.

А запорожецъ?

Смирной.

Пока еще не могутъ его отыскать. Узвѣжая изъ Углича, онъ говорилъ, что отправляется въ Москву. Но подобные ему, ты знаешь и самъ, имѣютъ всегда привычку лгать, для того, чтобы скрыть свои движенія. Что же касается до меня, то я подозреваю, что онъ отправился въ Литву или запорожье, но на границѣ строгій надзоръ, тамъ-то я его и накрою.

Борисъ.

Какъ имя торговца?

Смирной.

Это известный Шубинъ.

Борисъ.

Человѣкъ, облагодѣтельствованный мною... А монаха?

Смирной.

Это безумецъ, который въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ тысячу глупостей.

Борисъ.

Имя его, имя его?

Смирной.

Государь! пощади безумца... это мой племянникъ Григорій...

Борисъ.

Все равно—слабость тутъ не у мѣста.

Смирной.

Двѣсти розогъ... заключеніе на покаяніе... трогательное раскаяніе... Государь! развѣ этого не достаточно для того, чтобы смягчить твой гнѣвъ.

Борисъ.

Нѣтъ, я не хочу видѣть этого человѣка. Зачѣмъ онъ не здѣсь? Патриархъ! Что это за молодой человѣкъ, приведенный тобою? Въ какой семинаріи онъ учился? Съ той минуты, какъ я здѣсь, онъ не спускаетъ съ меня своихъ огненныхъ глазъ... они устремлены на меня, какъ глаза волка... Ужъ не думаетъ ли онъ очаровать меня по обычаю финскихъ колдуновъ? Молодой человѣкъ! Развѣ ты не знаешь, что въ присутствіи твоего государя ты долженъ потушить глаза и склонить голову къ землѣ?

Іовъ.

Милосердый государь!

Юрій.

Государь! глаза мои ни разу не видѣли вѣнценосца. Въ присутствіи единого подсолнечнаго христіанскаго государя, за-

щитника православной вѣры», глаза мои невольно обращаются къ тебѣ, какъ глаза умирающаго ко вратамъ царствія небеснаго.

Говѣ.

Онъ сирота, набожный и преданный, государь, скромность у него не по лѣтамъ.

Борисъ.

Молодой человекъ! По выходѣ изъ этого дворца, смотри, держи языкъ на привязи, если хочешь, чтобы онъ былъ у тебя цѣль. Семенъ, Патріархъ, ты, князь Шуйскій, и ты, князь Ѳедоръ, ступайте въ мой кабинетъ.

Юрій. (*въ сторону*).

Бѣдный Шубинъ! Чтожъ дѣлать... Правое дѣло должно имѣть своихъ мучениковъ...»

Въ слѣдующихъ сценахъ изображены похождения Юрія въ Литвѣ до объявленія его въ домъ князя Вишневецкаго; дальшѣ дѣйствія монаха Григорія у запорожцевъ, которыхъ онъ старался поднять. Въ заключеніе своего разсказа П. Мериме говоритъ: «съ этаго момента исторія Лжедмитрія не представляетъ болѣе таинственнаго и я сказалъ уже гдѣ можно прочесть дальнѣйшій ходъ его приключеній; пятнадцать дней моего отдыха кончились и я самъ побоялся продолжать эту драму, вспомнивъ о маркизѣ Маскориллѣ, который хотѣлъ переложить въ мадригалы всю Римскую исторію.»

Этотъ драматическій разсказъ имѣетъ еще нѣкоторое литературное значеніе и, не смотря на натяжки, доходящія подъ часть до смѣшнаго, отсутствіе естественности въ изложеніи и недостатокъ знакомства съ русскими нравами той эпохи, замѣчательны уже потому, что принадлежитъ иностранному писателю. Что же касается до главной цѣли, съ которою онъ написанъ, то всякій, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ русскими летописными сказаніями о первомъ самозванцѣ до той поры, когда онъ вступаетъ въ открытую борьбу съ царемъ Борисомъ, согласится съ нами, что изображеніе его дѣйствій въ томъ видѣ, какъ оно представляется въ лѣтописяхъ нашихъ, гораздо естественнѣе и скорѣе способно удовлетворить читателя, нежели искусственное истолкованіе П. Мериме, основанное на вымыслѣ. Мож-

но только подивиться стремленію автора доказывать, вопреки всемъ свидѣтельствамъ, что на смѣлое дѣло самозванства могъ рѣшиться никто другой, какъ запорожскій казакъ. Но примѣръ Проспера Мериме поучителенъ: онъ показываетъ, какъ легко чепуху, не усвоившему началъ исторической критики, увлечся фантазіей и внасть въ химеру. Такой приговоръ былъ бы слишкомъ рязокъ, если бы мы имѣли дѣло только съ литературнымъ произведеніемъ. Но авторъ самъ придалъ своему драматическому разсказу особенное значеніе, назвавъ его послѣднимъ словомъ въ своемъ историческомъ трудѣ. Обратимся теперь къ главному предмету нашей статьи — «эпизоду изъ Русской исторіи», и посмотримъ на сколько онъ оправдываетъ гордую мысль Проспера Мериме, что онъ разгадалъ наконецъ и узналъ нашего перваго самозванца.

Все сочиненіе, носящее заглавіе *les faux Démétrius*, раздѣлено на четырнадцать главъ; далѣе слѣдуютъ приложенія, заключающія въ себя: 1) извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія; 2) замѣтку касательно мнѣнія профессора Павлова объ уничтоженіи Борисомъ Юрьева дня; 3) извлеченіе изъ Болланова описанія Украйны, о казакахъ; 4) письмо Жолжевскаго къ Сигизмунду III о клушинской битвѣ; 5) извлеченіе изъ дневника Самуила Маскевича. Въ концѣ книги приложенъ перечень русскихъ и иностранныхъ источниковъ и сочиненій, которыми пользовался авторъ. Здѣсь не можетъ не показаться страннымъ, что П. Мериме знаетъ, напримѣръ, такія сочиненія, какъ Русская старина Корниловича, и мало обнаруживаетъ знакомства съ новѣйшими русскими изслѣдованіями: такъ сочиненія проф. Соловьева неизвѣстны ему и по имени. Положимъ, что уже и въ томъ прогрессѣ, что иностранный писатель, принимаясь за Русскую исторію, обнаружилъ хоть какое нибудь знакомство съ русскою историческою литературою. Но такое заключеніе будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, если мы станемъ оцѣнивать разсматриваемое нами сочиненіе по отношенію къ другимъ историческимъ иностраннымъ сочиненіямъ о Россіи; между послѣдними ему неоспоримо принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Просперъ же Мериме съ самоувѣренностію высказалъ мысль, что слава окончательнаго рѣшенія задачи о Лжедмитріѣ принадлежитъ ему. Слѣдовательно, всякое упущеніе и недостатокъ въ знакомствѣ съ русскою историческою литературою, извинительные для другаго иностраннаго писателя, не могутъ быть

извинительны для него. Какъ же воспользовался онъ тѣми матеріями, которые были у него подъ рукою?

Разсказъ начинается съ 1584 года, со смерти Царя Іоанна Васильевича Грознаго (le terrible). Представивъ характеристику царя Θεодора, авторъ переходитъ къ Борису Годунову, который «прежде всего хотѣлъ внушить страхъ къ себѣ и въ тоже время заботился о доставленіи своему роду нѣкоторой популярности, стараясь сдѣлать свою сестру, царицу Ирину, дорогою для русскаго народа. Крутыя мѣры принимаемы были во имя царя и по распоряженію правителя; дѣла же благотворительности и всякаго рода милости приписывались заступничеству царицы, которая была постоянно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ея брата. Она дѣйствовала и мыслила единственно по внушеніямъ послѣдняго: въ безхитросномъ ея сердцѣ уваженіе и удивленіе къ Борису соединялись съ страстною любовью къ Θεодору. Запуганные бояре должны были замолчать. Димитрій, бывшій еще ребенкомъ, не могъ внушать подозрѣній на свой счетъ, но мать его, вдовствующая царица Марія Θεодоровна и три его дяди Михайль, Григорій и Андрей Нагіе не могли не стараться объ увеличеніи своего значенія, опираясь на родство съ царствующимъ домомъ. Борисъ удалилъ ихъ въ Угличъ, назначенный въ удѣль (apanage) юному Димитрію по завѣщанію Іоанна; и, подъ предлогомъ порученія имъ воспитанія царевича, держали ихъ тамъ нѣкоторымъ образомъ въ ссылкѣ.»

Здѣсь авторъ разсказываетъ катастрофу, происшедшую въ Угличѣ, основываясь исключительно на данныхъ, почерпаемыхъ изъ слѣдственнаго дѣла, которому онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе надъ сказаніями русскихъ лѣтописей. Такъ какъ это мѣсто одно изъ самыхъ лучшихъ во всемъ сочиненіи, то передадимъ его въ цѣлости.

«Въ Угличѣ въ 1591 году Демитрій, достигшій тогда 10 лѣтъ отъ роду, имѣлъ свой дворъ, своихъ дядекъ и царедворцевъ, между которыми правитель безъ всякаго сомнѣнія содержалъ не одного шпіона. Издержки на содержаніе царевича и его родныхъ уплачивалъ и повѣрялъ дьякъ (secrétaire de chancellerie) по имени Михайль Битяговскій, креатура Бориса, и очень естественно, если между этимъ должностнымъ лицомъ и Нагими поднимались частыя распри, принимавшія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Опираясь на власть, данную правителемъ, дьякъ находилъ особенное удовольствіе

оскорблять родственниковъ царевича въ ихъ претензіяхъ. Рассказывали даже, что онъ разными мелкими придирками заставлялъ чувствовать и самого царевича Димитрія постепенное уменьшеніе содержанія, начиная съ самой смерти Ивана Грознаго. А когда на него жаловались царю, то онъ отвѣчалъ доносомъ, что Нагіе и въ ссылкѣ проговариваютъ безразсудныя рвчи. Если вѣрить донесеніямъ дьяка, то царевичъ уже обнаруживалъ дикіе норывы и жестокость отца. Говорили, что онъ находитъ удовольствіе бить животныхъ и мучить ихъ разными варварскими способами, весьма утонченными. Рассказывали, что однажды зимою, играя съ своими сверстниками, онъ надѣлалъ изъ снѣгу куколъ, каждую назвалъ именемъ котораго нибудь изъ высшихъ сановниковъ, а самую большую—Борисомъ. Потомъ, вооружившись деревянною саблею, сталъ онъ рубить имъ руки и головы. «Когда я вырасту, приговаривалъ онъ, то вотъ такъ стану поступать съ ними.» * Такіе и подобные анекдоты тщательно были собираемы и перетолковываемы въ Москвѣ. Можетъ быть все это было не болѣе, какъ выдумки Борисовыхъ клеветовъ, чтобы сдѣлать Нагихъ ненавистными русскому дворянству. А можетъ быть и то, что царевичъ, воспитываемый холопами и оцальными придворными, очень хорошо повторялъ преподанные ему уроки.

«Но надежды и опасенія, внушаемыя такимъ воспитаніемъ, скоро были разсѣяны внезапною смертію Димитрія. Конецъ его былъ страненъ, и трудно рѣшить: былъ ли онъ слѣдствіемъ случая или преступленія. 15 мая 1591 года, въ полдень, царевичъ, оставленный на минуту матерью, игралъ съ четырьмя своими сверстниками или пажами на обширномъ дворѣ своего дома, заключавшемъ въ своей оградѣ нѣсколько отдельныхъ жилыхъ помѣщеній, разбросанныхъ тамъ и сямъ безъ всякой правильности. При немъ были его мамка (*gouvernante*) Василиса Волохова, кормилица и постельница (*fille de chambre*). Вѣроятно онъ потерялъ его изъ виду. По единогласному свидѣтельству этихъ трехъ женщинъ, онъ держалъ въ рукахъ ножъ, которымъ забавлялся, роя землю, а можетъ быть, строгая лучину. Какъ вдругъ кормилица увидѣла, что онъ бьется на землѣ, обогрешный кровію. На горлѣ у него была широкая рана, и онъ умеръ, не произнеся ни слова. На голосъ кормилицы прибѣжала царица и,

* Здѣсь ссылка на сказаніе Авр. Палицина (*skazanie o osadѣ Troitskago Monastyra*, p. 2.) и Бера. 3.

въ первомъ порывѣ своего отчаянія , закричала , что сына ея зарѣзали. Она бросается на мамку , обязанную беречь царевича , и схвативъ полвно , начинаетъ наносить ей ударъ за ударомъ ; при этомъ она обвиняла ее , что она ввела убійцъ , зарѣзавшихъ царевича. Въ то же время , занятая безъ сомнѣнія мыслию о недавней еще стычкѣ съ Битяговскимъ , царица стала взывать объ отмщеніи ему къ братьямъ своимъ и дворцовымъ служителямъ. Приходитъ Михаилъ Нагой , выскочившій изъ-за стола и въ пьяномъ видѣ , какъ это явствуетъ изъ показаній многихъ свидѣтелей. Онъ , въ свою очередь , также сталъ бить мамку , приказавъ звонить тревогу на колокольнѣ церкви Спаса , находящейся по близости отъ дворца царевича. Въ минуту дворъ наполнился Угличанами и прислугою , прибѣжавшими съ рогаatinaми и топорами , въ предположеніи , что во дворецъ пожаръ. Вмѣстѣ съ прочими приходятъ Битяговскій , сынъ его и чиновники канцеляріи (*gentilshommes, attachés à la chancellerie*). Битяговскій силится говорить , стараясь унять волненіе и кричить , что ребенокъ убилъ самъ себя , упавъ на свой ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни , которой , какъ извѣстно , онъ былъ подверженъ. — «Вотъ убійца» , кричитъ царица. И въ мгновеніе поднимаются на него сотни рукъ. Онъ бѣжитъ въ одно изъ зданій , находящихся на дворѣ и тамъ загораживается на минуту , но дверь выламываютъ и его убиваютъ. Сынъ его былъ зарѣзанъ возлѣ него. Кто осмѣливался возвысить голосъ на защиту ихъ , въ комъ узнавали прислугу ихъ , тѣхъ всѣхъ тутъ же били и рвали на куски. Мамка Василиса , покрытая кровью , полумертвая валялась на землѣ возлѣ царицы , голова у ней была обнажена , волосы растрепаны , ибо слуги Нагихъ сорвали съ нея повойникъ , — оскорбленіе болѣе жестокое , нежели самые удары по понятіямъ Русскихъ въ то время. Одинъ изъ ея прислужниковъ , тронутый ея позоромъ , поднимаетъ ея повойникъ и надѣваетъ ей на голову * , но его тутъ же убиваютъ. Яростная толпа , преслѣдуя и убивая всѣхъ , на кого только указывали ей , несетъ наконецъ въ церковь окровавленное тѣло царевича. Туда же тащутъ и Данилу Волохова , сына мамки , про котораго знали , что онъ въ связяхъ съ Битяговскими. Не много нужно было для того , чтобы и его обвинить въ сообщничествѣ съ послѣдними и зарѣзать передъ глазами матеря его

* Въ показаніи Волоховой значится: «и онъ (человѣкъ Волоховой) на ней положилъ свою шапку.»

у тѣла царевича. И только съ большимъ трудомъ священники спаской церкви вырвали изъ рукъ толпы Василянсу и дочерей Битяговскаго. Всѣ оны однако были заперты въ церковномъ строеніи, у всѣхъ входовъ котораго приставили стражу. Человѣкъ съ 12 служащихъ въ царской канцеляріи и нѣсколько Угличанъ, подозрѣваемыхъ въ сообщничествѣ съ убійцами, также погибли въ этой внезапной смутѣ. Злодѣи были безъ разбору всѣхъ, кто только попадался имъ въ бѣшенствѣ ихъ: *за ними гонялись какъ за зайцами*—показалъ одинъ свидетель при допросѣ. * Черезъ два дня царица, первая указавшая на такъ называемыхъ убійцъ, измѣнила мысль овою и стала утверждать, что царевича портила (avait jeté un sort au tzarevitch) карлица, приходившая часто забавлять ее своими кривляньями. Она велѣла застрѣлить эту несчастную, а тѣло ея бросить въ воду безъ дальнѣйшаго суда и расправы.

«Съ своей стороны Nagie, протрезвившись, не безъ страха стали раздумывать о послѣдствіяхъ этой отвратительной рѣзни.

* On les pourchassait comme des lièvres... Волохова только про сына своего сказала: «а убили и прохолокали, что надъ зайцемъ», но-французски это передано такъ: ils se mettaient tous après lui (т. Волоховымъ) comme après un lièvre! — Вообще слѣдуетъ замѣтить, что французскій переводъ слѣдственнаго дѣла представляетъ много забавныхъ неправильностей, такъ напр.: черные люди — П. Мериме переводитъ словомъ *canaille*; *женочка уродливая*—une femme contrefaite; *жилицы*—menies; а *прибѣжалъ было къ нему въ колокольню М. Битяговскій и оны ея заперъ і въ колокольню его не пустилъ*—Que M. Bitiagofski était accouru à lui au bruit de la cloche et qu'il était demeuré avec lui dans le clocher; *казаки съ судовъ*—cossaque du tribunal; а на *Михайловъ дворъ Битяговскаго пошли міромъ все люди* — tout le monde s'en est allé tranquillement (mirom) à la maison de Bitiagofski; *за то, что М. Нагой не отпустилъ посолы подъ твою государевъ нарядъ*—parceque M. Nagoi exigeait des corvées contre ton ordre impérial; а *вельмъ, государь, убиты М. Нагой М. Битяговскаго и сына по недружбѣ, многожды съ нимъ бранивался про осударево дѣло, и въ тотъ день съ нимъ бранился о посолъ, что вельмъ государь съ нимъ влѣти посолы 50 человекъ подъ городъ подъ Гуляй, и оны, государь, посолы не далъ, и М. Нагой напился пьянъ, да вельмъ убить М. Битяговскаго и сына*—C'est pour la haine, qu'ils portaient à Bitiagofski, que les Nagoi l'ont fait assassiner; le même jour M. Nagoi s'était disputé avec Bitiagofski au sujet de certaines corvées. Le tzar avait fait retirer 50 corvées à Michel, et Bitiagofski voulait faire exécuter cet ordre, le jour de massacre Michel était ivre-mort (morto pian)... Если рядомъ съ этими и подобными ошибками и неправильностями поставить пропуски и сокращенія, то не трудно рѣшить, какое достоинство въ ученомъ отношеніи можетъ имѣть подобный переводъ.

Умерщвление дьяковъ и чиновниковъ царскихъ не могло остаться безъ наказанія при правитель, столь ревнивомъ къ своей власти, какимъ былъ Борисъ. Трупы жертвъ были разбросаны тамъ и сямъ безъ погребенія. Михайлъ и Григорій Нагіе, не имѣя несомнѣнныхъ доказательствъ тому, что царевичъ былъ убитъ, рѣшились ихъ придумать. Они велѣли собрать ножи, сабли и другое оружіе; все это вымазано было куриною кровью. Вместе съ этимъ они стали утверждать, что убитые чиновники захвачены были народомъ съ этимъ оружіемъ въ рукахъ, и что они имъ-то и убили царевича. Было доказано, что одинъ изъ Нагихъ далъ угличскому прикащику (bailli) татарскій кинжалъ съ тѣмъ, чтобы тотъ положилъ его на трупъ Битяговскаго или кого нибудь изъ его сообщниковъ; и также доказано было, что кинжалъ этотъ принадлежалъ Григорію Нагому. * Всѣ эти факты собраны были слѣдственною комиссіею, наряженною Борисомъ отъ имени царскаго непосредственно за самымъ событіемъ. Правитель назначилъ трехъ комиссаровъ, между которы-

* Здѣсь авторъ помѣщаетъ слѣдующее примѣчаніе:

«Это обстоятельство даетъ мѣсто заключенію, на которое, какъ кажется, не напали во время самого событія. Изъ слѣдствія, произведеннаго черезъ нѣсколько дней послѣ смерти царевича, видно, что у него была на горлѣ рана, но слѣдователи не постарались повѣрить — занесена ли она ножомъ, которымъ игралъ ребенокъ, или другимъ какимъ оружіемъ. А этотъ пунктъ былъ между тѣмъ самымъ важнымъ: обслѣдованія раны достаточно было для того, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли приписать смерть царевича случайности или преступленію? По касательному этому, слѣдствіе не представляетъ ни какихъ опредѣленныхъ показаній. Для того, чтобы Нагіемъ имѣть возможность приписать одному изъ убійцъ татарскій ножъ, для того, чтобы имъ имѣть возможность выложить сабли въ числѣ оружія, которымъ, какъ свидѣльствовали они, убійцы дѣйствовали противъ царевича, необходимо было, чтобы и рана царевича походила на такую, какую можно нанести подобнымъ оружіемъ. Татарскій нагайскій ножъ, какъ извѣстно, имѣлъ длинное лезвіе, обоюду острое; но свидѣтели происшествія: кормильница, мамка и жильцы говорили, что царевичъ игралъ маленькимъ ножикомъ. Да и похоже ли на правду, чтобы оставили длинный ножъ въ рукахъ ребенка, да еще подверженнаго надучей болѣзми? Нагіе, вынесшіе тѣло убитаго въ церковь Спаса, неужели до такой степени безумѣли, что вздумали положить сабли и ножи возлѣ тѣхъ, которыхъ они хотѣли выдать за убійцъ, если рана царевича показывала, что нанесена маленькимъ ножомъ? Съ другой стороны замѣтимъ: если три женщины и четверо жильцовъ свидѣльствуютъ, что Димитрій покололся своимъ ножомъ *на глазахъ у нихъ*, все же ихъ показаніе слишкомъ подозрительно уже и потому, что эти семь свидѣтелей, обязанныхъ наблюдать за ребенкомъ—обязанность, которую они выполнили безъ сомнѣнія очень дур-

ми князь Василій Шуйскій былъ главнымъ. Личность послѣдняго по рангу, рожденію, богатству и независимому характеру, нѣсколько склонному къ криволю, гарантировала если не полное

но—должны были по самому ихъ положенію гать для того, чтобы оправдаться. Впрочемъ и показанія-то ихъ, заключенныя почти въ однихъ и тѣхъ же терминахъ, походятъ болѣе на заученный урокъ. Прибавимъ къ этому, что показаніе свидѣтелей, обвинявшихъ Михаила и Григорія Нагихъ въ томъ, что по ихъ приказанію разложено было оружіе возлѣ тѣхъ, которыхъ считали виновными, было очень слабо опровергаемо Григоріемъ Нагимъ и подтверждено признаніемъ М. Нагова на сколько оно касалось татарскаго ножа. Развѣ нельзя изъ всего этого заключить, что смертельный ударъ нанесенъ былъ царевичу рукою посторонняго человѣка и страшнымъ оружіемъ убійцы? Ясно, что никто не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть какъ разыгралась трагедія, а свидѣтели, будучи запуганы, спѣшили повторять сказанное Битяговскимъ, т. е. что царевичъ самъ покололъ себя въ горло въ припадкѣ падучей болѣзни. Что онъ былъ дѣйствительно подверженъ этой болѣзни, это дѣло доказанное неотразимыми свидѣтельствами и особенно свидѣтельствомъ Андрея Нагова, сказавшаго, что ребенокъ, во время одного припадка, поранилъ ножомъ и мать свою въ руку, а въ другой разъ покусалъ руки одной изъ своихъ двоюродныхъ сестеръ. Слѣдствіе, которое произведено было въ Угличѣ и подлинный актъ котораго хранится въ Московскомъ государственномъ архивѣ, считается облыжнымъ болѣею частью русскихъ историковъ и даже знаменитымъ Карамзинымъ. По словамъ послѣдняго, всѣ показанія въ немъ или облыжны или исторгнуты страхомъ. Судьи и свидѣтели невольно поддались страху, внушенному имъ Борисомъ. Дѣйствительно, этотъ допросъ внушаетъ нѣкоторое недовѣріе, но я не думаю, что изъ-за этого слѣдуетъ отвергать безусловно единственныя обстоятельныя и достовѣрныя показанія, какія только существуютъ объ этомъ таинственномъ происшествіи. Нельзя искать въ актѣ 1591 года уютенныхъ и остроумныхъ формъ, которыя рядомъ продолжительнаго опыта вошли теперь въ употребленіе въ уголовной процедурѣ у всѣхъ образованныхъ націй, и я полагаю, что будетъ крайне ошибочно, если мы станемъ видѣть подлогъ тамъ, гдѣ могло быть на дѣлѣ одно только невѣдѣніе. Нечего удивляться, если мы не находимъ въ этомъ слѣдственномъ дѣлѣ ни донесенія врача, ни освидѣтельствванія трупа, ни сличенія раны съ оружіемъ, нанесшимъ ее. Можетъ ли кто-нибудь утверждать, что и въ остальной Европѣ иначе поступили бы при подобномъ изслѣдованіи? А-слѣдствіе произведено было въ такой землѣ и въ такое время, когда достаточно было одного подозрѣнія въ колдовствѣ для того, чтобы разстрѣлять женщину. Равнымъ образомъ мнѣ кажется совершенно невозможнымъ допускать, что всѣ свидѣтели были запуганы, и что они гали или изъ того, чтобы угодить Борису, или, руководствуясь стремленіемъ доказать его виновность. Многие изъ нихъ, особенно духовныя, исторгнувшіе нѣсколько несчастныхъ жертвъ изъ рукъ разъяренной толпы по своему положенію и поступкамъ во время катастрофы, не могли епасаться мщенія правителя. Всѣ въ одинъ голосъ обвинили Нагихъ.

безпристрастіе допроса, по-крайней-мѣрѣ свободную защиту обвиненныхъ. Слѣдуетъ наконецъ присоединить и то обстоятельство, что В. Шуйскій принадлежалъ къ роду, враждебному политикъ Бориса, и что ни прежде, ни послѣ слѣдствія онъ не пользовался какимъ нибудь особеннымъ расположеніемъ и оставался постоянно со всѣмъ своимъ родомъ въ подозрѣніи у правителя, даже подвергаемъ былъ преслѣдоваію. Такъ онъ нѣсколько разъ отпраляемъ былъ въ ссылку и ему постоянно запрещали жениться.

«Нагіе защищались очень дурно. Это были люди безъ энергій и дарованій. Ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ, какъ убили царевича. Григорій слабо защищался противъ обвиненія въ попыткѣ увлечь на свою сторону городского прикащика. Михаилъ сознался въ этомъ, и ни одинъ изъ двухъ братьевъ не могъ представить ощутительнаго доказательства противъ Битяговскаго, обвиняемаго въ преступленіи. Поднимая на послѣдняго народъ, они воспользовались случаемъ, чтобы отмстить человѣку, съ которымъ были въ постоянномъ разладѣ изъ-за личныхъ интересовъ. Правда, что царица первая указала на Битяговскаго, какъ на убійцу, но онъ въ роковую минуту не былъ во дворцѣ; и нѣсколько не удивительно, если мать въ порывѣ горести проговорпла случайно его имя. Дѣйствительно, она вскорѣ послѣ этого, забывъ свои подозрѣнія на несчастнаго дѣяка, обратила свой гнѣвъ на другую жертву. Спустя два дня, она и сама уже болѣе не взрала убійству, ибо стала обвинять одну бѣдную женщину, что та околдовала ея сына. Царица не была у допроса, безъ сомнѣнія, но она добровольно изъявила раскаяніе. Призвавъ къ себѣ митрополита Геласія, она призналась ему, что умерщвленіе Битяговскихъ *дѣло грѣшное виноватое* (un crime et un péché); вмѣстѣ съ этимъ она просила Геласія заступиться

«Если Димитрій былъ зарѣзанъ, какъ можно заключать объ этомъ по признакамъ самой раны, которую онъ имѣлъ на горѣ, то вѣроятно смертельный ударъ нанесенъ былъ однимъ какимъ-нибудь злодѣемъ, который, быть можетъ, успѣлъ скрыться. Несчастные же растерзанные жителями Углича не совершили другаго преступленія, кромѣ того, что они постоянно ограничивали Нагіихъ въ ихъ претензіяхъ, и, можетъ быть, слишкомъ строго повѣряли ихъ траты. *Нобоще въ Угличѣ было мщеніемъ незаконнымъ, но справедливымъ*, говоритъ Карамзинъ. Такой приговоръ онъ могъ бы предоставить Дантону и подобнымъ ему, а между тѣмъ не безъ удивленія находимъ мы его у историка столь просвѣщеннаго и обыкновенно столь безпристрастнаго».

за нее у царя и вымолить прощенье ей и жалкому червю брату ея Михаилу.

«Къ этимъ признаніямъ, увеличивающимъ вину, прибавились еще другія показанія, могущія теперь возбудить только смѣхъ; но въ то время они должны были произвестъ сильное впечатлѣніе при московскомъ дворѣ. Такъ М. Нагова обвинили, что онъ держитъ при себѣ волшебниковъ въ намѣреніи портить самого царя. Вся Европа тогда заражена была вѣрою въ колдовство, и немного прежде этого времени парижскіе лигисты утверждали, что Генрихъ III убитъ былъ при пособіи магическихъ заклинаній. Дѣйствительно, въ домъ М. Нагова жилъ астрологъ, и какъ бы онъ не пользовался знаніемъ этого жалкаго человека, обращенія съ нимъ достаточно было для того, чтобы возбудить негодованіе царя Феодора и его всемогущаго министра.»

Вслѣдъ за этимъ П. Мериме въ примѣчаніи высказываетъ взглядъ свой на лѣтописныя сказанія объ убіеніи царевича Дмитрія; онъ имъ рѣшительно не вѣритъ. «Многіе русскіе лѣтописцы, говоритъ онъ, описывая смерть царевича спустя долгое время послѣ этого событія, составили весьма различныя и очень обстоятельныя повѣствованія, но они не знакомятъ насъ съ авторитетами, которымъ слѣдовали. Самый Карамзинъ, какъ кажется, заботился болѣе о воспроизведеніи драматическаго колорита преданій, чѣмъ объ оцѣнкѣ ихъ исторической достоверности. Подумаешь, что ихъ продиктовалъ какой-то невидимый духъ, который то проникаетъ въ кабинетъ Бориса, чтобы подслушать самыя откровенныя объясненія, то слышитъ послѣднія слова невинной жертвы, оставшейся съ глазу на глазъ съ убійцами. По народному роману, а я не могу дать другаго названія разсказу лѣтописи, выходитъ, что царица заблаговременно постигла преступныя намѣренія правителя. Оберегая неусыпно жизнь своего сына, она открыла нѣсколько попытокъ отравленія, или, какъ рассказываетъ благоговѣйно *лѣтописецъ Никонъ* (!), ядъ не дѣйствовалъ на юнаго мученика. Тогда Борисъ рѣшается употребить железо, средство болѣе вѣрное и отыскиваетъ по всюду убійцъ. Напрасно обращается онъ къ своимъ самымъ преданнымъ крестурамъ и даже къ одному изъ своихъ родственниковъ. Наконецъ Клетшинъ (?) *дядька царя Феодора* (!), менѣе щекотливый сравнительно съ прочими, находитъ ему человека, готоваго на все, лишь бы ему хорошо заплатили...» Передавъ въ этомъ родѣ весь лѣтописный разсказъ,

онъ считаетъ безполезнымъ входить въ раскрытіе дальнѣйшихъ, по его мнѣнію, несообразностей.

Но заподозрѣвая повѣствованіе Никоновской лѣтописи, П. Мериме вѣрить въ тоже время извѣстіямъ въ родѣ тѣхъ, по которымъ самая смерть царя Феодора была дѣломъ Бориса. Онъ говоритъ: «Борисъ, устранивъ препятствія, удалявшія его отъ трона, истребивъ всю отрасли царской фамиліи, довершилъ свое дѣло лишеніемъ жизни слабаго государя, власть котораго давно уже похитилъ. Онъ хотѣлъ царствовать. Русскіе лѣтописцы, не знакомые съ шотландскиміи легендами, изображаютъ Бориса новымъ Макбетомъ, подвигнутымъ на преступленіе предсказаніями окружавшихъ его гадателей.»

— «Ты будешь царствовать!...» сказали они ему и остановились на полсловъ, какъ бы испугавшись прочитаннаго ими въ будущемъ. Но когда ихъ заставили договорить, то они продолжали дрожащимъ голосомъ: «Ты будешь царствовать, но только не болѣе семи лѣтъ.» — Хотя бы семь дней,—воскликнулъ Борисъ:—все равно, лишь бы царствовать!»—Народныя преданія во всѣхъ земляхъ имѣютъ одну и ту же поэтическую форму.»

— И далѣе: «мѣрнымъ, но твердымъ шагомъ подвигался онъ къ цѣли своей, внимательно вглядываясь, чтобы не оступиться, хотя бы то было и случайно. Но цѣль эта, по всему вѣроятію, сначала не представлялась ему во всей своей опредѣленности. Если и вѣрно то, что онъ приказалъ убить юнаго Дмитрія, все же нельзя заключать, чтобы онъ уже съ той минуты думалъ о престолѣ. Но законный наследникъ, воспитанный его врагами, при государѣ столь слабомъ, какъ Феодоръ, рано или поздно могъ проникнуть въ его замыслы и испровергнуть его власть. Владѣя безгранично умомъ царя, находясь въ тѣни за этимъ царственнымъ призракомъ, Борисъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы ускорять минуту, когда послѣдній царь изъ варяжской династіи долженъ былъ войти во гробъ. Впрочемъ, событіе это было давно предвидѣно, и можно только удивляться, что Феодоръ, недужный отъ колыбели, прожилъ такъ долго. Борисъ заблаговременно приготовился къ истребленію династіи.»

Извѣстно въ какой ясности представляются намъ теперь обстоятельства вступленія Бориса на престолъ, благодаря новымъ нашимъ историческимъ изданіямъ. Какъ онъ долго отказывался, укрывшись въ сестриной кельи, подъ окнами которой разыгрывалась комедія; какъ въ самую торжественную ми-

нугу въ его жизни во время столь желаннаго для него коронованія онъ не могъ совладать съ собою и потрясая себя за воротъ сказалъ: «последнюю рубашку раздѣлю со всѣми.» Такихъ и подобныхъ данныхъ сохранилось довольно въ нашихъ извѣстїяхъ, какъ скоро рѣчь заходила о царь Борисъ. Но П. Мериме, вмѣсто всего этого, представляетъ только самую поверхностную характеристику его дѣйствій и пользуется самыми разнохарактерными источниками совершенно безразлично. Такъ онъ говоритъ: «всякій въ ту минуту чувствовалъ необходимость засвидѣтельствованія своей преданности и, по словамъ одного русскаго лѣтописца *тѣ, которые не могли плакать, мочили себѣ глаза слюною.*» Самый народъ, встревоженный разнесшимся слухомъ о татарскомъ нашествїи, присоединилъ свои усиленные просьбы къ просьбамъ вельможъ, только бы смягчить баловня счастья * *Матери бросали на землю своихъ грудныхъ младенцевъ, не слушая воплей ихъ...* ** и такъ далѣе... Такимъ же характеромъ отличается изложеніе во второй и третьей главахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ изображеніи внешней и внутренней дѣятельности царя Бориса. Авторъ, какъ мы видѣли выше, высказалъ убѣжденіе, что совершенно разгадалъ нашего перваго самозванца. Но онъ затруднился, въ присканіи объясненія какимъ образомъ такая смѣлая мысль могла запасть въ голову простаго человека, кто бы онъ не былъ. Перебирая свидѣтельства и знакомясь съ главными дѣйствующими лицами той эпохи, онъ съ особеннымъ интересомъ остановился на шведскомъ принцѣ Густавѣ, которому Борисъ далъ прїютъ въ Россїи. Рѣзказавъ какъ неудачна была попытка царя относительно послѣдняго, онъ продолжаетъ: «Я привелъ этотъ случай не потому, что онъ показываетъ, какъ дѣятельно и въ тоже время какъ не смѣло было честолюбіе Бориса, но потому, что пребываніе Густава въ Россїи должно было поразить умы и приготовить къ романтическимъ

* Совсѣмъ другой выйдетъ смыслъ, если сюда прибавить извѣстіе въ родѣ слѣдующаго: «они же (бояре) возвѣстятъ тако же помаваніемъ рукъ своихъ приставомъ у народа приставленнымъ и повелѣваютъ народу пасти на землю ницъ къ позрѣнію ея, не хотящихъ же создаи въ шею пхающе и бююще, повелѣвающе на землю падати и воставъ неволею плакати...» и такъ далѣе.

** Эта фраза значится въ грамотѣ, объявляющей о вступленіи Бориса на престолъ и есть не болѣе, какъ реторическая фигура, часто встрѣчающаяся въ подобныхъ грамотахъ; П. Мериме принялъ ее за историческое свидѣтельство.

приключеніямъ принцевъ, преслѣдуемыхъ тиранами и чудно спасаемыхъ Провидѣніемъ. Не знаю я, было ли тогда известно въ Россіи имя португальскаго короля Себастьяна, но только въ концѣ XVI вѣка въ Европѣ явилось нѣсколько обманщиковъ, выдававшихъ себя за этого короля, будто бы спасагося послѣ пораженія при Алказаръ-Кебиръ. Густавъ же былъ прямымъ принцемъ и исторія его имѣла то преимущество, что въ ней примѣшивалось чудесное. Онъ легко говорилъ по-русски и находилъ удовольствіе разсказывать объ опасностяхъ, окружавшихъ его дѣтство. Разсказывалъ онъ, какъ схватили его изъ кровати для того, чтобы, зашивъ въ мѣшокъ, утопить еообразно съ приказаніемъ похитителя престола; какъ по смерти отца его Ерика убійцы, подкупленные его гонителемъ, нѣсколько разъ хотѣли погубить его. «Напрасно дѣйствовали они противъ меня и желѣзомъ и ядомъ, Богъ двадцать разъ спасалъ меня отъ смерти, по-видимому, неминуемой» — говаривалъ онъ. Говорилъ онъ о тяжкихъ испытаніяхъ, о превратностяхъ счастья, доставшихся ему въ удѣлъ, о грубой работѣ, за которую долженъ былъ взяться для того, чтобы имѣть насущный хлѣбъ и возможность учиться. Всѣ эти разсказы, подвергаясь перетолкованіямъ и разукрашеніямъ, переходили изъ устъ въ уста и дошли, безъ сомнѣнія, до человека, смѣлость котораго и честолюбіе нуждалось только въ опредѣленной формѣ для того, чтобы выразиться. Чудесное бываетъ всегда, но всякая эпоха выражаетъ его по своему.»

Исторія перваго самозванца начинается собственно съ четвертой главы. Авторъ не вѣритъ тождеству Лжедмитрія съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Изъ всѣхъ мнѣній о самозванцѣ онъ останавливается только на мнѣніи митрополита Платона, имѣя при этомъ въ виду главнѣйшимъ образомъ развитіе своей мысли, что Лжедмитріемъ былъ никто иной, какъ заворожскій казакъ. Онъ говоритъ: «Изслѣдовавъ характеръ и привычки Лжедмитрія, его презрѣніе или отвращеніе къ московскимъ обычаямъ, удивленіе къ обычаямъ иноземнымъ и преимущественно польскимъ, наконецъ ненависть его къ православной церкви и пристрастіе къ римской, ученый митрополитъ задаетъ себѣ вопросъ: не былъ ли этотъ необыкновенный человекъ орудіемъ іезуитовъ, подготовленнымъ ими съ дѣтства къ роли царя законнаго, словомъ сказать, чѣмъ нибудь въ родѣ католическаго Іоаса, воспитаннаго въ сокровенной части храма для того, чтобы испроверж-

нута національную вѣру въ Россіи? На этотъ вопросъ митрополитъ отвѣчаетъ утвердительно и заключаетъ, что Лжедмитрій былъ Полякъ или Русскій, похищенный отъ семейства въ раннемъ дѣтствѣ и настроенный ловкими наставниками къ роли претендента. Я не намѣренъ защищать іезуитовъ противъ обвиненія въ преступленіяхъ, которыя имъ приписываютъ; не стану оспаривать и рѣдкаго таланта ихъ ордена угадывать въ ребенкѣ качества, которыми онъ будетъ отличаться въ зрѣломъ возрастѣ, узнавать великаго человека въ смышленномъ ученикѣ, но я спрошу въ свою очередь: въ чемъ же выразилась ревность Дмитрія къ распространенію католичества въ его государствѣ, какія мѣры употребилъ онъ къ утверженію въ своей землѣ латинской вѣры? Лишенный средствъ, снискивая пропитаніе въ домѣ польскаго магната и имѣя всю надежду на покровительство государя, ревностнаго къ католичеству, онъ льститъ духовнымъ, которымъ поручено было испытать его; по первому требованію онъ обращается, но всеми силами старается держать свое обращеніе въ тайнѣ и публично продолжаетъ исповѣдовать греческую вѣру. Правда, онъ обѣщаетъ уничтожить въ Россіи національную церковь, но онъ также обѣщалося уступить Польшѣ одну изъ провинцій, и ни изъ чего не видно, чтобы онъ дѣйствительно думалъ о выполненіи хоть одного изъ данныхъ обѣщаній. Все въ немъ являетъ честолюбца, не слишкомъ разборчиваго въ средствахъ, и отнюдь не исполненнаго ревности вновь обращеннаго. Даже болѣе: онъ усиливается убѣждать своихъ подданныхъ, что католичка, на которой онъ женился, также исповѣдуетъ греческую вѣру и думаетъ достигнуть этого съ помощію какой-то комедіи, равно святотатственной и оскорбительной для обоехъ исповѣданій. Такъ называемая его ревность къ католичеству ограничивается подарками польскимъ іезуитамъ, дѣлившимъ съ нимъ опасности и также обѣщаніемъ, когда онъ восторжествуетъ, построить имъ капеллу рядомъ съ дворцомъ своимъ. Но такое же расположеніе оказываетъ онъ и нѣмецкимъ лютеранамъ и далѣе — по примѣру своихъ предшественниковъ — онъ предоставляетъ полную свободу вѣроисповѣданія всемъ своимъ мусульманскимъ подданнымъ. Однимъ словомъ, все его дѣйствія показываютъ въ немъ большую терпимость въ дѣлѣ вѣры, или лучше сказать, безразличіе честолюбца, который далѣе своихъ личныхъ интересовъ ничего не видитъ. Нужно сознаться, что если Дмитрій былъ іезуитскимъ питомцемъ, то онъ очень

душно отплатилъ своимъ наставникамъ за ихъ заботы, ибо отъ начала до конца своего поприща, исполненнаго приключеній, онъ трудился только для самого себя.

« Не изъ чего не видно, чтобы у него былъ кто-нибудь советникомъ или довереннымъ лицомъ ; не былъ такимъ и самый Отрепьевъ, бывший однимъ изъ первыхъ его агентовъ, отъ котораго онъ такъ легко отдѣлался и который по смерти обманщика продолжалъ утверждать, что онъ сынъ Ивана Грознаго. Басмановъ, открывшій ему дорогу къ престолу, порывшись измѣною войска, самъ не былъ увлеченъ обманомъ, но уступилъ, какъ кажется, настойчивымъ требованіямъ старшихъ и самъ не хотѣлъ зрѣло обсудить этого дѣла. Однажды пасторъ Беръ осмѣлился спросить у него: дѣйствительно ли славнѣйшій и всемилостивѣйшій царь имѣетъ законныя права на Мономахову корону? Басмановъ отвѣчалъ: для васъ Нѣмцевъ царь—братъ и отецъ; онъ любитъ васъ такъ, какъ не любилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Молите Бога о благоденствіи его державы. Онъ нашъ государь; мы присягнули ему; гдѣ же найдемъ мы подобнаго ему?»

« Многие изъ Поляковъ выражали свое невѣріе болѣе открыто, нежели Басмановъ. Князь Левъ Сапѣга говорилъ публично, что Димитрій незаконный сынъ Стефана Баторія. Но кто повѣрять, чтобы сынъ столь великаго короля оставался неизвѣстнымъ въ теченіи болѣе, чѣмъ двадцати лѣтъ, и чтобы самъ онъ или друзья его не попытались пустить въ ходъ столь знатное происхожденіе. Напротивъ, весьма правдоподобно, что Поляки, не хотѣвшіе показать, что ихъ одурачилъ самозванецъ, по своему природному тщеславію старались привести его въ соотношеніе съ однимъ изъ своихъ героевъ.

« По моему мнѣнію всѣ обстоятельства, совокупно взятыя, заставляютъ думать, что Димитрій былъ низкаго происхожденія, ибо въ противномъ случаѣ нѣтъ возможности объяснить тотъ полный мракъ, которымъ покрыты первые годы его жизни. Допускаю охотно, вмѣстѣ съ митрополитомъ Платономъ, что онъ не былъ русскимъ, ибо умъ его столь свободный отъ предразсудковъ, его любовь къ нововведеніямъ, горячее желаніе измѣнить народныя обычаи, все это было бы явленіемъ слишкомъ необычайнымъ по той эпохѣ въ Москвитнѣ низкаго происхожденія, какимъ, безъ сомнѣнія, отличался онъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, если допустить, что онъ былъ родомъ изъ какой-

нибудь провинціи, подвластной Польшѣ, гдѣ употреблялись одинаково польскій и русскій языки. Такою въ то время была Украина. Находясь между казаками, въ то время почти независимыми, которые были неизбежными свидѣтелями и участниками въ распряхъ Россіи съ Польшею, могъ онъ навикнуть ремеслу солдата и также усвоить болѣе трудное искусство управлять людьми. Свѣч или мѣстожителство казаковъ, эта малая республика, составленная изъ воинственныхъ кочевниковъ, гдѣ краснорѣчіе, отвага и изворотливость дѣлали начальникомъ, была лучшею школою для претендента, нежели какой-нибудь іезуитскій коллегіумъ. Можетъ быть найдутъ, что при такомъ предположеніи трудно объяснить, какимъ образомъ Димитрій могъ получить нѣкотораго рода школьное образованіе, если можно такъ выразиться. Известно, напримѣръ, что онъ свободно писалъ, на что въ то время способны были немногіе изъ казачьихъ атамановъ, и что почеркъ его русскій и польскій облѣчаетъ руку твердую и опытную. Но въ своихъ манифестахъ Димитрій признавался, что нѣкоторое время провелъ въ одномъ монастырѣ, укрываясь подъ рясою монаха; изъ этого можно заключить, что онъ сперва предназначался къ духовному званію и слѣдовательно наученъ былъ чтенію и письму. Чилли утверждаетъ, что онъ зналъ латинскій языкъ, а за нимъ тоже повторяютъ и новѣйшіе историки, не замѣчая, что въ немногихъ латинскихъ словахъ, которыя по-польскому обычаю Димитрій, сдѣлавшись царемъ, выставлялъ въ концѣ своихъ писемъ, находятся грубыя ошибки; такъ, напримѣръ, онъ подписывалъ двумя словами — *in perator*, титулъ, столь осбариваемый уже польскимъ королемъ. Въ день его коронаціи одинъ изъ іезуитовъ произнесъ передъ нимъ латинскую рѣчь, но не изъ чего невидно, чтобы онъ ее понималъ. Или если онъ и зналъ немного по латини, то все знаніе его, безъ сомнѣнія, ограничивалось нѣсколькими словами, которыя онъ могъ запомнить, разговаривая съ знатными поляками, ибо въ то время было въ модѣ мѣшкать въ разговорную рѣчь какъ можно болѣе латинскихъ словъ. Во всякомъ случаѣ ясно то, что онъ получилъ очень неполное образованіе, гдѣ-бы то ни было — въ коллегіумъ или монастырѣ. Подъ конецъ XVI вѣка не было рѣдкостью, если студенты кіевскаго университета, накучивъ школьными батогами и богословскими утонченностями, бросали книги для того, чтобы искать счастья у запорожцевъ, жизнь которыхъ, исполненная приключеній и свободная, обольщала ихъ горячія

головы. Русскіе, Поляки, разорившіеся дворяне, монахи-растриги, бѣглые холопы, люди, изгнанные отвсюду, находили убѣжище въ этомъ обширномъ станѣ хищниковъ, воевавшихъ противъ общества. Такovy, быть можетъ, были и первыя похождения Дмитрія, покинувшаго темную семью сначала въ надеждѣ сдѣлаться когда-нибудь казацкимъ атаманомъ. Потомъ онъ, по своему наблюдательному уму, замѣтилъ ненависть, которую питали русскіе къ царю, равно и слабость Борисова правленія, весьма дурно прикрытую личиною порядка. Онъ слышитъ обвиненія народа, считавшаго царя виновникомъ насильственной смерти Ивана сына и также рассказы путешественниковъ, видѣвшихъ шведскаго принца въ Россіи, который нѣсколько разъ ускользалъ отъ кинжала. Онъ имѣетъ, такъ сказать, передъ глазами на одной и той же картинѣ умерщвленіе юнаго Дмитрія и чудесное спасеніе Густава Ериксона. Съ этой минуты умъ его начинаетъ занимать идея совершенно новая. Воображенію его рисуется болѣе возвышенная роль. Онъ хватается за нее смѣло и разыгрываетъ съ непонятнымъ присутствіемъ духа, не имѣя ничего для поддержанія иллюзіи, кромѣ алмазнаго креста, который заставилъ кн. Вишневецкаго потерять голову и который, быть можетъ, достался ему въ добычу во время хищническаго набѣга. Вотъ какимъ образомъ представляю себя я самозванца, который съумѣлъ завоевать престолъ и который палъ въ самый разгаръ своего торжества единственно, быть можетъ, потому, что вмѣсто того, чтобы имѣть всѣ условія, свойственныя политителю, онъ обладалъ нѣкоторыми изъ пріятныхъ качествъ, которыя обыкновенно любятъ въ законномъ государѣ.»

Такими и подобными соображеніями думаетъ П. Мериме уяснить явленіе перваго Лжедмитрія, упуская при этомъ изъ виду весьма почтенную истину, что въ исторіи, какъ во всякой наукѣ, произвольное толкованіе, соединенное съ явнымъ пренебреженіемъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, не допускается. Неизвѣстно ему, какъ, видно и то, что ошибки и промахи неизбежны въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь историческое лицо изучается безъ достаточнаго знакомства съ исторіей народа, къ которому оно принадлежитъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что 4, 5, 6, 7, 8 и 9 главы, въ которыхъ излагается исторія перваго самозванца, должны почтяться лучшими во всемъ сочиненіи. Похождения Лжедмитрія въ Польшу, связь его съ казаками, далѣе борьба съ Борисомъ, воцареніе, равно прочія обстоятель-

ства его жизни до конечной катастрофы, все это представлено очень подробно, а главное—чрезвычайно живо, при всемъ томъ, что авторъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ духомъ и характеромъ русскихъ той эпохи. Считаю излишнимъ входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе того, какъ изложены у П. Мериме самыя событія Лжедмитріева царствованія. Для нашей цѣли достаточно указать только на нѣкоторыя сужденія автора, бросающіяся въ глаза по своей оригинальности.

Такъ, напримѣръ, на страницѣ 157 онъ говоритъ: «Русскіе историки строго порицали его (самозванца) поведеніе относительно патріарха Іова, и нѣтъ того жесткаго термина, котораго бы не позволяли себѣ особенно церковные летописцы при выраженіи ихъ негодованія. Что касается до меня, то я считаю совершенною невозможностію раздѣлять его. — Іовъ былъ креатурою его врага; да и самое патріаршество было слишкомъ новымъ учрежденіемъ; ввелъ его при царѣ Θεодорѣ Борисѣ, руководствуясь при этомъ чисто личными соображеніями. *Чтобы съ большею рѣшимостію преобладать надъ духовенствомъ, правитель захотѣлъ поставить надъ нимъ верховнаго начальника, создать нѣчто въ родѣ русскаго папы, которая бы утверждалъ царь и который бы имѣлъ постоянное пребываніе при дворѣ и былъ бы всегда готовъ подтверждать своимъ авторитетомъ царскіе указы (!).* Такъ-то Борисъ достигъ того, что въ его рукахъ сосредоточились всѣ власти въ государствѣ. Дмитрій постигъ выгоду этого учрежденія въ государственномъ отношеніи: онъ оставилъ патріаршество, но не могъ не смѣнить патріарха. Не былъ ли послѣднимъ тотъ самый Іовъ, который его проклялъ, огласилъ разстригою и который, быть можетъ, возбуждалъ на него убійць-фанатиковъ? Правда, что по примѣру всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей патріархъ, получившій власть свою отъ Бориса, покорился приговору Провидѣнія и тотчасъ по народномъ волненіи въ Москвѣ присягнулъ человѣку, противъ котораго за нѣсколько дней до этого гремѣлъ анаѣемою; но такой слабости мало было для того, чтобы забыть прежнее его поведеніе. Было бы неблагоразумно оставить во главѣ духовенства отъявленнаго приверженца навшаго дома. Дмитрій воспользовался властію, которою всегда пользовались русскіе цари: онъ низложилъ патріарха и сослалъ его въ одинъ монастырь» *.—

* Такой приговоръ основанъ единственно на томъ, что въ манифестѣ самозванца, которымъ онъ возвѣщалъ о своемъ вступленіи на престолъ,

Между тѣмъ авторъ признаетъ большою ошибкою поставленіе въ патриархи Игнатія, ибо назначеніе на такой важный постъ иностраннаго духовнаго могло только раздражить народныя предразсудки и служить подтвержденіемъ слуховъ, распущенныхъ еще Борисомъ на счетъ приверженности Димитрія къ ученію римской церкви. Во всемъ прочемъ онъ находитъ поведеніе Лжедимитрія ловкимъ и крайне обдуманнѣмъ. На стр. 160 и слѣд. мы находимъ такое разсужденіе: «Не знаю я, читалъ ли Димитрій Макиавелева Государя», но можно сказать, что онъ буквально слѣдовалъ наставленіямъ этого великаго политика. Вся мѣра строгости были приняты быстро и приведены въ исполненіе до въезда его въ Москву, и похитителю, послѣ того, какъ онъ отдѣлался отъ всѣхъ своихъ враговъ и овладѣлъ престоломъ, оставалось только разсыпать милости. Только тогда захотѣлъ онъ войти въ столицу съ триумфомъ. Бояре въ большемъ числѣ прибыли къ нему въ Тулу и стали просить его не лишать долге своихъ подданныхъ счастья видѣть своего государя. Онъ принялъ ихъ немного надмѣнно и съ нѣкоторою грубостію, свойственною военному челоуку, которая не понравилась русскому дворянству, привыкшему къ важности пріемовъ Ивана и Бориса...

Очень любопытно слѣдующее мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь о причинахъ помилованія кн. В. Шуйскаго, уличеннаго въ заговоръ противъ Лжедимитрія: «предавъ смерти председателя угличскаго слѣдствія, онъ подалъ бы поводъ думать, что желаетъ избавиться отъ слишкомъ опаснаго свидѣтеля. Напротивъ того — простить его значило дать доказательство, что показанія его нисколько не страшны. Впрочемъ онъ могъ льстить себя надеждою, что Шуйскій, изъ признательности или страха, станетъ еще болѣе утверждать, что царевичъ не погибъ въ Угличѣ. Слова Шуйскому ничего не стоили, а противорѣчіе его самому себѣ, какъ кажется, не возбуждало презрѣнія къ нему, какъ бы это было непременно въ наше время. Онъ снова появился при дворѣ безъ дальнѣйшаго смущенія и своею притворною покорностію разсвѣдъ всякія подозрѣнія, а между тѣмъ недовольныя видѣли въ немъ мученика и онъ продолжалъ руководить ими съ

сказано: «Богъ намъ, великому государю, наше московское государство поручилъ и Иевъ патриархъ московскій и всея Русіи и митрополиты.... всякіе люди, узнавъ прироженнаго намъ государя своего царя і в. князя Дмитрія Ивановича всея Русіи в своихъ винахъ добили челоукомъ».... Ср. Госуд. Гр. П. № 89, стр. 200.

большимъ, чѣмъ когда-либо, авторитетомъ. Между поляками наиболее осмотрительные и преданные Димитрію далеки были отъ мысли о пощады Шуйскому; они, напротивъ, совѣтовали держать его въ вѣчномъ заточеніи точно такъ, какъ Годуновыхъ. — «Эти люди, говорилъ Лжедимитріевъ секретарь Янъ Бучинскій, заставятъ васъ когда нибудь раскаяться въ вашемъ милосердіи, если вы имъ возвратите свободу.» — «Нѣтъ, — отвѣтствовала Димитрій, — я дамъ клятву не проливать христіанской крови, я сдержу мое слово. Повѣрь мнѣ, двоякимъ образомъ можно управлять государствомъ. Страхомъ?.. Но я не хочу быть мучителемъ... Великодушіемъ?.. Я не пожалю денегъ, я буду раздавать ихъ всемъ *. Тоже самое отъ слова до слова говорилъ и Цезарь своимъ довѣреннымъ друзьямъ, когда онъ въ нѣсколько дней сдѣлался владыкою Италиі ** . Ни Цезарь, ни Димитрій не обезоружили своихъ враговъ милосердіемъ, но за то потомство не смѣшаетъ ихъ съ тиранами, лишенными величія, умершими на ихъ ложь.»

Главную причину паденія Лжедимитрія П. Мериме приписываетъ тому, что онъ коснулся духовныхъ имуществъ. Онъ говоритъ: «Подобно Карлу Мартелу, онъ считалъ себя въ правѣ возложить на духовенство часть издержекъ похода, цѣлю котораго должны быть слава и торжество христіанства. Онъ хотѣлъ знать въ точности доходы многочисленныхъ монастырей въ государствѣ и объявилъ во всеуслышаніе, что не допуститъ, чтобы столько праздныхъ монаховъ жили въ изобиліи, когда идетъ

* Взято изъ письма Я. Бучинскаго къ самозванцу. См. Г. Г. II № 121, стр. 261. Вотъ какъ это мѣсто значится въ оригиналѣ: «Да и то язъ королю сказалъ, коли язъ билъ челомъ вашей царской милости о Шуйскихъ, чтобъ ихъ не отпуцалъ і не высвобожалъ потому, какъ ихъ выпустить і отъ нихъ будетъ страхъ; такъ же и Годуновыхъ, і вы мнѣ то отказали, что напередъ всего Богу ты обѣщалъ того ся беречи, чтобъ ни одной крестьянской крови не пролилося, і дѣлаешь такъ по своему обѣту, і не умѣлъ язъ того у васъ умолити; и сказалъ мнѣ ваша царская милость, что у тебя два образцы были, которыми бѣ царство удержати: единъ образецъ быть мучителемъ, а другой образецъ не жалѣть харчу великаго, всѣхъ жаловать».

** Для большаго удостовѣренія авторъ приводитъ здѣсь въ примѣчаніи слѣдующее мѣсто изъ письма цезаря къ Оппию и Бальбу: *tentemus modo si possumus omnium voluntatem recuperare et diuturna victoria uti: quoniam reliqui crudelitate odium effugere non potuerunt, neque victoriam diutius tenere, praeter unum L. Sullam, quem imitaturus non sum. Haec nova sit ratio vincendi: ut misericordia et liberalitate nos muniamus.*

речь объ освобожденіи цѣлой части христіанскаго міра отъ мусульманскаго ига. Начались преобразованія, а съ ними и конфискаціи. Многіе монастыри были упразднены; объявлено было, что и еще готовятся большія сокращенія въ ихъ мірскихъ доходахъ. Наконецъ царь, желая имѣть по близости всѣхъ своихъ придворныхъ служителей, особенно своихъ иностранныхъ музыкантовъ, приказалъ монахамъ выбратъся изъ монастырей на Арбатъ и Чертолы, находящихся по соседству съ его дворцомъ, для того, чтобы распространить службы послѣдняго*. Но вездѣ и всегда монахи заставляли дорого расплачиваться за покушенія на ихъ временныя блага. Послѣднія же распоряженія Дмитрія довершили ожесточеніе умовъ: составилъ заговоръ, имзощій цѣдію низложить новаго Юліана. Къ нему пристали многіе бояре; между послѣдними было нѣсколько и такихъ, которые съ особеннымъ рвеніемъ покинули сторону Бориса. На дѣль же большая часть русскоѣ знати мало заботилась о томъ: былъ ли Дмитрій законнымъ или незаконнымъ наслѣдникомъ Ивана Грознаго, лишь бы избавитъся отъ деспота, противъ котораго не осмѣливались открыто подняться. Умеръ Борисъ—и всякій началъ думать, что настало время поживитъся на его счетъ. Всякій претендовалъ управлять государствомъ по своему, и во имя царя, все еще неизвѣданнаго, котораго небо послало избавителемъ. Одни были бы довольны ролью правителя и даже наперстника; другіе, будучи свидѣтелями и завистниками великаго счастья Бориса и не ожидаемыхъ успѣховъ Дмитрія, мечтали не объ чемъ иномъ, какъ о томъ, чтобы самимъ овладѣть короною, которая въ столь короткое время такъ часто мѣняла обладателей. Новый царь разочаровалъ честолюбцевъ. Онъ не былъ празднымъ подобно Феодору, но былъ властелиномъ абсолютнымъ подобно Борису, къ счастью болѣе мягкимъ, менѣе подозрительнымъ, менѣе осмотрительнымъ. Онъ распустилъ многочисленныхъ шпионовъ, которыхъ съ такою заботливостію содержалъ его предшественникъ. Ниспровергнуть его, когда онъ не успѣлъ еще утвердितъся на престолѣ, казалось дѣломъ нетруднымъ, особенно съ поддержкою со стороны духовенства и фанатическаго народонаселенія...»

Въ такомъ духѣ авторъ излагаетъ обстоятельства паденія Лжедмитрія. Но новѣйшіе наши историки не допускаютъ извѣстія,

* Авторъ ссылается здѣсь на Московскую хроникку, но тамъ это изложено иначе; смичи моск. хрон. стр. 67.

по которому Лжедмитрій, ограничивая духовныхъ; возбудилъ ихъ противъ себя, не допускаютъ: во-первыхъ потому, что онъ подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; во-вторыхъ потому, что это извѣстіе находится только у Гревенбруха, автора Московской хроники и автора легенды: еслибы оно было справедливо, то какъ могло статься, что до насъ не дошло никакого акта объ этомъ важномъ событіи, чтобъ объ немъ не было упомянуто ни въ какомъ позднѣйшемъ актѣ; наконецъ, какъ могло случиться, что лѣтописцы русскіе, которые стараются всячески чернить память Лжедмитрія, пропустили безъ вниманія такой важный поступокъ*. Что же касается до изложенія самой последней катастрофы, въ слѣдствіе которой самозванецъ погибъ, оно чрезвычайно живо и увлекательно, не смотря на то, что авторъ нисколько не стѣсняется рамкою, какую даютъ намъ несомнѣнные свидетельства современныхъ наблюдателей. Въ манерѣ пользоваться историческими матеріалами онъ недалеко ушелъ отъ того времени, въ которое писалъ Карамзинъ; и если послѣдній могъ сказать, не навлекая на себя упрековъ въ произволь: «не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ»,—все же странно видѣть въ новѣйшемъ историческомъ сочиненіи совершенное пренебреженіе тѣхъ условій, которыя предписываетъ современная историческая критика. Изложеніе Проспера Мериме въ этомъ мѣстѣ можно назвать историческою импровизаціей на тему, заданную ему свидетельствами той отдаленной эпохи.

Для примѣра приведемъ здѣсь разсказъ Московской хроники о томъ, какъ составилъ второй заговоръ противъ Лжедмитрія и какъ воспользовался этимъ разсказомъ Пр. Мериме:

«Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Дмитрія къ полякамъ и нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который вмѣстѣ съ другими боярами разглашалъ, что сей царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: москвитяне жалели о Борисѣ и думали, что поляки и нѣмцы непременно ихъ перебьютъ. Шуйскій, котораго Дмитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ; купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что

* См. Обзоръ Соловьева. Соврем. 1848 года, $\frac{8}{2}$ стр. 74.

Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно сіе предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Дмитрій—полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь, впрочемъ, въ юномъ герояхъ найти защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но въ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ оныя некрещенымъ ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Латинамъ, а самъ женится на поганой полькѣ. «Если мы, продолжалъ Шуйскій, не примемъ раньше мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще больше бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію неизмѣнною: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ и что онъ замышляетъ злое съ своими поляками; пусть посоветуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ полковъ, да и то разсыянныхъ по разнымъ частямъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонцыхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ!» *

А вотъ какъ пустилъ въ дѣло это извѣстіе П. Мериме: описавъ праздники, бывшіе по случаю свадьбы Лжедмитрія, избразивъ народное негодованіе на Поляковъ и другихъ иностранцевъ, нагло оскорблявшихъ святыню, онъ говоритъ: «Чаша переполнилась, скоро она должна была пролиться. Настала наконецъ минута, которой Шуйскій терпѣливо дожидался уже многіе мѣсяцы. Онъ увидѣлъ, что возмущеніе готово разразиться, что иностранцы ожесточили народъ до бѣшенства, и что если онъ еще замедлитъ поданіемъ знака, то самъ будетъ виновникомъ потери плода своего долгаго притворства. Тайно собираетъ онъ въ своемъ домѣ нѣкоторыхъ бояръ, торговцевъ, головъ и пятидесятниковъ стрѣleckихъ; ненависть къ Полякамъ соединила на этомъ совѣщаніи всѣ классы, всѣ состоянія. «Православные христіане! сталъ говорить Шуйскій:—видите вы, что Москва, этотъ святой градъ, находится въ рукахъ иностранцевъ. Поляки

* Сказ. Современ., т. 1, стр. 73, 74, 75.

насъ одолювають и оскорбляютъ. Мало имъ нашихъ сокровищъ, предоставленныхъ въ жертву ихъ алчности: имъ нужны еще наши жены и наши дочери. Бродяга, приведенный ими, сказалъ намъ, что онъ сынъ Ивана. Ослепленные ненавистію къ Борису, вы признали его царевичемъ Димитріемъ, который умеръ въ Угличъ; вы думали найти въ немъ защитника въры, хранителя нашихъ святыхъ народныхъ обычаевъ. Я замѣтилъ опасность и хотѣлъ предотвратить ее. Одинъ я сдѣлалъ попытку разоблачить обманщика, и чуть было не погибъ отъ него. Теперь судите сами, справедлива ли была опасность, которую я предвидѣлъ. Всѣ вы видѣли этого человека, выдающаго себя за наследника нашихъ славныхъ царей! Онъ даже и не природный русскій. Не носитъ ли онъ польскаго платья? Одѣтый гусаромъ, величается онъ въ шутовскомъ нарядѣ нашихъ враговъ. Не женился ли онъ на полькѣ, на язычницѣ, которая привела за собою тысячи земляковъ, какъ собакъ на добычу. Вѣрите мнѣ, этотъ царь, котораго вы привѣтствовали вашими возгласами, самъ не болѣе какъ Полякъ. Можете ли еще сомнѣваться въ этомъ? Онъ любитъ только иноземцевъ. Онъ находитъ удовольствіе въ поруганіи нашихъ храмовъ. Онъ ввелъ своихъ некрещеныхъ Поляковъ и Литовцевъ въ церкви св. Николая и пресвятой Богоматери. Они входятъ туда съ нимъ съ саблями при бедрѣ, волоча ихъ по плитамъ; они вводятъ туда съ собою собакъ своихъ. Они садятся на гробницы святыхъ, опираются спиною на святыя иконы. Когда наши священники совершаютъ божественныя таинства, литовскіе трубачи заглушаютъ наше пѣніе своею нечестивою музыкою. Вашъ всероссійскій царь изгоняетъ служителей Божіихъ изъ ихъ домовъ для того, чтобы помѣстить тамъ своихъ скомороховъ, своихъ музыкантовъ, и, что еще хуже, своихъ латинскихъ поповъ. Нѣтъ, на подобное нечестіе не можетъ быть способенъ ни одинъ Русскій! По этой чертѣ вы уже узнаете въ немъ некрещенаго Поляка. Видѣлъ ли кто изъ васъ, что онъ когда-нибудь молился передъ святыми иконами. Спросите у тѣхъ, которые ему служатъ, молится ли онъ когда-нибудь св. Николаю? На канунъ праздника этого великаго угодника онъ задалъ пиръ, на которомъ подавали только телятину (*où il n'y avait que du veau!!!*), приготовленную польскими поварами, потому что онъ не нашелъ ни одного русскаго, который бы согласился приготовить это нечистое мясо. Съ самой своей свадьбы онъ не былъ въ банѣ, равно и его полька, которая между тѣмъ до поту лица кружится на

своихъ балахъ, концертахъ, маскарадахъ и тому подобныхъ проклятыхъ увеселенійхъ, заимствованныхъ у язычниковъ. Но то, что вы знаете и что вы видите, еще мало значить. Узнайте какія его намѣренія. Обманщикъ запродавъ святую Русь польскому королю. Всѣ эти гусары, закованные въ желѣзо, которыхъ вы видѣли на его свадьбѣ, все это оружіе, привезенное въ ихъ телегахъ, все это онъ собралъ для того, чтобы избить вашихъ бояръ и служителей нашей святой вѣры. Въ воскресенье польскіе паны садятся на коней для того, говорятъ они, чтобы каруселью отпраздновать свадьбу женщины, которую они привезли съ собою. Вся дума, всѣ бояре приглашены на этотъ праздникъ; и какъ скоро мы безоружные очутимся такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, предатель подастъ знакъ къ побовшу. Что же касается до васъ, то хотя онъ и оставляетъ вамъ жизнь, все же онъ оберетъ васъ до послѣдняго рубля, чтобы отдать забранное своимъ Литовцамъ. Онъ отниметъ у васъ вашихъ женъ, уничтожить вашу вѣру, ибо римскій папа Богъ для него, и онъ далъ обещаніе уничтожить въ Россіи православную вѣру, построить у насъ костелы, ввести кардиналовъ и епископовъ. Что касается до меня, то я не увижу подобнаго нечестія. Останусь ли я одинъ для того, чтобы еще разъ возстать на тирана, я погибну, если это нужно будетъ, и погибну славною смертію мученика. Я умру передъ глазами ста-тысячъ Русскихъ, которые позволяютъ пяти тысячамъ Поляковъ предписывать себя законы. Ахъ! Православные христіане, если вамъ стыдно вашего малодушія, то соединитесь со мною. Возстаньте и довольно будетъ часу для того, чтобы быть освобожденными отъ иноземцевъ, которые насъ утѣсняють *.»

* Просперъ Мериме собралъ здѣсь въ одно мѣсто всѣ обвиненія, которыя только взводили на самозванца Москвичи, дополнивъ ихъ собственными соображеніями и догадками и сославшись; для большаго удостовѣренія, на допросъ, сдѣланный боярами Яну Бучинскому (Гос. Грам. 11. № 440). По его мнѣнію Шуйскій могъ говорить въ собраніи своихъ сообщниковъ именно такъ, а не иначе. Но исторія не допускаетъ гаданій тамъ, гдѣ имѣются на лицо положительныя свидѣтельства. А здѣсь, кромѣ свидѣтельства автора Московской хроники, мы имѣемъ еще другое, занесенное въ извѣстное сказаніе «о Гришкѣ Отрпьевѣ и о похищеніи его». Въ немъ значится только слѣдующее: «И присовокупиша (болре) себѣ Православныя Вѣры воиновъ избранныхъ царскихъ дворянъ и служилыхъ людей изъ многихъ разныхъ городовъ, а паче всѣхъ бояръ радѣние за православную христіанскую вѣру и промыслъ на сретика на ростригу бояръ: князя Василія, да братьевъ его, князя Дмитрея, да князя Ивана Ивановичевъ

Краснорѣчиво и убѣдительно; только пусть судятъ читатели: былъ ли я въ правѣ, назвавъ изложеніе автора историческаго импровизаціей. Заклучивъ исторію перваго самозванца общими соображеніями, уже приведенными нами выше, авторъ переходитъ ко второму Лжедмитрію, котораго почему-то называетъ *пре-емникомъ* перваго. Въмѣстѣ съ этимъ онъ представляетъ обзоръ событій смутной эпохи до самаго вступленія на московскій престолъ Михаила Феодоровича, что и составляетъ содержаніе 10, 11, 12, 13 и 14 главъ. Но если, не взирая на ошибки и промахи, онъ подѣ-часъ очень остроумно рассуждаетъ о первомъ самозванцѣ, то все же этого нельзя сказать о дальнѣйшемъ его изложеніи: оно представлено бѣгло и поверхностно. И хотя по прежнему онъ почти постоянно ссылается на государственныя грамоты и договоры, исторію Карамзина, лѣтопись о мятежахъ и другія источники и пособія, однако не трудно усмотрѣть, что главнымъ для него источникомъ была московская хроника, и онъ, самъ не замѣчая того, повторилъ тѣ же ошибки, которыя встрѣчаются въ этомъ сочиненіи. Но что можно еще извинить иностранному писателю начала XVII столѣтія, то очевидно непростительно для писателя нашего времени, и тѣмъ болѣе непростительно, что онъ, принимаясь за рѣшеніе своей задачи съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, не думалъ написать только простой разсказъ, но надѣялся оказать важную услугу наукѣ и занять видное мѣсто въ ряду писателей, содѣйствующихъ своими трудами прогрессу исторіи.

Здѣсь также было бы излишне распространяться въ изложеніи самого содержанія разсказа, тѣмъ болѣе, что въ немъ ровно ничего нѣтъ новаго. По этому укажемъ только на тѣ мѣста,

Шуйскихъ. И прислаша они втайнѣ ко всему народу и торговымъ и чернымъ людямъ царствующаго града Москвы, глаголюще: мы убо готовы пострадати за святыя церкви и за православную христіанскую вѣру, а вамъ бы тако же съ нами быти готовымъ со оружіемъ на богоотступника и на еретинка Гришку такожде и на поганыхъ разоряющихъ православную христіанскую вѣру, въ тѣ поры какъ ударятъ въ колокола у церквей и въ набаты. Се нынѣ, братіе, смертію живота купимъ, да аще постраждемъ то и вѣнецъ непобѣдный воспримемъ; аще ли спасены будемъ, то вѣра христіанская непорочна и славима будетъ во вѣка».... (Чт. Мос. Об. И. 1847 г. № 9. стр. 33, 34). Другихъ, болѣе подробныхъ, сказаній мы не имѣемъ, а приведенныя не даютъ историку права дополнять событіе собственными соображеніями.

которые бросаются въ глаза по своей наивности и хоть сколько-нибудь замѣчательны.

Описывая новое народное движеніе, поднявшееся въ Сѣверской области во имя Лжедмитрія , авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на томъ , что казаки называли царя Василю *Шубникомъ* и толкуеть это прозвище слѣдующимъ образомъ: «Казаки такъ называли Шуйскаго или по причинѣ шубы, которую онъ, какъ царь, надѣвалъ въ торжественныхъ случаяхъ; или, можетъ быть, здѣсь только игра словъ, дурно основанная на созвучіи имени *Шуйскій* со словомъ *шубникъ* , правильнѣе прилагательнымъ *Шубскій* (*qui conserne la fourrure*)».

Тѣсныя отношенія Поляковъ ко второму самозванцу и то обстоятельство , что съ нимъ нахлынули на Россію цѣлыя толпы польскихъ искателей приключеній , П. Мериме объясняетъ съ слѣдующимъ образомъ: «Съ одной стороны кажется большая часть этихъ волонтеровъ были конфедераты (извѣстно, что этимъ названіемъ обозначали въ Польшѣ мятежниковъ) , которые подняли оружіе на Сигизмунда. Получивъ отвращеніе къ мятежу , или будучи довольны уступками своего государя , они думали употребить въ дѣло свое вооруженіе и свою организацію и пустились въ Россію, въ намѣреніи искать тамъ счастья. Съ другой стороны рассказы о московскомъ побоищѣ воспламенили старую народную ненависть. Рѣдкій дворянинъ не имѣлъ брата, за котораго нужно было отмстить, или родственника , котораго нужно было освободить изъ тюремъ Шуйскаго. Этимъ людямъ, одушевленнымъ столь различными чувствами, всѣ средства казались позволительными противъ царя, ихъ общаго врага, и они не задумались сдѣлаться участниками обмана, постыднаго и грубаго. Князь Шаховской, какъ извѣстно, былъ первымъ заводчикомъ, но неизвѣстно, кто выбралъ человека, долженствовавшаго замѣнить Дмитрія, и какія свойства, открытыя въ немъ показали достаточными для роли , назначенной для него. По всему вѣроятію Сигизмундъ зналъ эти интриги и, можетъ быть, участвовалъ въ нихъ болѣе , нежели сколько ему это приписываютъ. Полный честолюбія и мечты уже о громаднѣхъ завоеваніяхъ, онъ съ удовольствіемъ взиралъ на успѣхи этаго царя-призрака, котораго онъ могъ повергнуть снова въ неизвѣстность, какъ скоро Россія , истощенная междоусобною войною , не будетъ въ состояніи оборониться отъ внѣшняго нападенія».

Упомянувъ объ отношеніяхъ ц. Василю къ Тушинскому вору

(bandit de Touchino!), ихъ борьбѣ, сказавъ нѣсколько словъ объ осадѣ Тронцкой лавры, авторъ главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на замыслахъ Сигизмунда и вовсе упускаетъ изъ виду событія, совершившіяся въ Россіи въ слѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій кн. Скопина Шуйскаго. Отъ изображенія разстройства, происшедшаго въ Тушинѣ, переходитъ онъ къ бѣгству самованца и Марины въ Калугу. За тѣмъ слѣдуетъ такой очеркъ состоянія Россіи весною 1610 года: «три большихъ арміи, враждебныхъ между собою, опустошали Россію, какъ бы соревнуя одна передъ другою. На западѣ Сигизмундъ тѣснилъ Смоленскъ, на югѣ Лжедмитрій занималъ Калугу, Тулу и нѣкоторые другіе города. Часть Поляковъ, оставившихъ службу обманщиковъ, утвердилась на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной и не испытывавшей еще бѣдствій войны. Тамъ они, находясь подѣ начальствомъ своего новаго вождя Яна Сапѣги, вели торгъ о предложеніи своихъ услугъ то съ Сигизмундомъ, то съ самованцемъ. Это еще не все: одинъ князь Прокопій Ляпуновъ воспользовался общимъ замѣшательствомъ и поднялъ еще новое знамя. Ставъ во главѣ довольно значительной толпы, онъ провозгласилъ себя защитникомъ вѣры; его величали *Бѣлымъ царемъ*, титуломъ, который, какъ я думаю, носили древніе великіе князья московскіе. Онъ велъ войну на жизнь и смерть съ Поляками и Русскими, которые признавали или Дмитрія или Василія. *Гдѣ только проходилъ его конь, говорятъ одинъ лѣтописецъ, тамъ не росла уже трава.*» Наконецъ, какъ будто недостаточно было всѣхъ этихъ армій для разоренія земли, крымскіе Татары перешли за Оку, подѣ предлогомъ поданія помощи союзнику своему ц. Василю, на дѣль же ихъ легкіе отряды грабили села и уводили въ плѣнъ множество мужчинъ и женщинъ.»

Дальнѣйшее изложеніе событій до самаго занятія Москвы Поляками менѣе странно, но болѣе подробно и правдоподобно уже потому, что авторъ описывалъ ихъ, имѣя подѣ руками такъ называемую *рукопись Жолкъвскаго*. Наконецъ, упомянувъ о паденіи Смоленска, П. Мериме заключаетъ свой трудъ слѣдующимъ очеркомъ дѣйствій народныхъ ополченій:

«Провинціальныя ополченія, поднявшіеся по призыву Гермогена, устремились со всѣхъ сторонъ къ столицѣ. Поляки, подвергшіеся нападеніямъ въ улицахъ и вытѣсненные изъ многихъ предмѣстій, могли удержаться въ Кремль только тогда, когда все за стѣною его предано было пламени. Городъ истребленъ былъ почти весь,

но Кремль оставался въ рукахъ непріятеля и былъ неприступнымъ для полчищъ безъ дисциплины, собранныхъ около него. Войско союзныхъ областей было огромно, но беспорядокъ парализировалъ весь его дѣйствіе. Каждый вождь, преслѣдуя свой частный интересъ и свои собственные планы, вредилъ менѣе непріятелю, чѣмъ своимъ соотечественникамъ. Невѣжество начальниковъ или ихъ дурныя намѣренія равнялись отсутствію дисциплины въ солдатахъ. Вдругъ представилось около Кремля три арміи русскихъ, готовые болѣе биться между собою, чѣмъ нападать на Поляковъ въ ихъ укрѣпленіи; одна, составленная болѣею частію изъ бродягъ, покинувшихъ Тушинскій станъ, находилась подѣ начальствомъ князя Трубецкаго. Заруцкій командовалъ другою во имя сына Марины; третья, можетъ быть единственная, начальникъ которой искренно желалъ народной независимости, повиновалась князю Прокопію Ляпунову, по прозванію *Блѣму царю*, который, по свидѣтельству русскихъ историковъ, былъ истиннымъ патриотомъ — и свирѣпымъ разбойникомъ, если вѣрить польскимъ и нѣмецкимъ лѣтописцамъ.» Разказавъ о хитрости Гонсевскаго, погубившаго Ляпунова, о смерти патріарха Гермогена, П. Мериме продолжаетъ:

«Послѣ столькихъ пораженій, народъ отказалъ въ повиновеніи своимъ боярамъ. Тщетно послѣдніе возбуждали его вооружиться за православную вѣру и отечество. Одни изъ нихъ, испытывая постоянныя несчастія, были покинуты ихъ солдатами, другіе, унизивъ себя безстыдною угодливостію столькимъ и столь различнымъ владыкамъ, возбуждали только презрѣніе къ себѣ. Посреди этой изумительной анархіи, каждый городъ заботился о своей собственной цѣлости, предпринималъ рѣшенія во имя всего русскаго народа, назначалъ вождей, которыхъ черезъ нѣсколько дней низлагалъ. Казань и Вятка провозгласили сына Марины, Новгородъ, чтобы не пустить Поляковъ, призвалъ Шведовъ и предалъ себя одному изъ сыновей Карла IX. Бѣглый дьякомъ, по имени Исидоръ, въ третій разъ осмѣлился воскресить тѣмъ Дмитрія, и въ теченіи нѣсколькихъ дней имѣлъ онъ своихъ приверженцевъ, въ числѣ которыхъ находились честолюбивый Трубецкій и даже Заруцкій, безъ сомнѣнія разсорившійся на минуту съ Мариною. А между тѣмъ войско Сигизмунда нападало на одинъ за другимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ городовъ; казалось насиліе и подкупъ скоро предадутъ ему въ руки и всю Россію.

«Но эта несчастная земля сохраняла всю свою неодолимую силу: негиблущую привязанность къ вѣрѣ и національности. Стоило только появиться челоуѣку съ головою и сердцемъ, чуждымъ личнаго честолюбія, который поднялъ знамя не во имя какого-нибудь князя, но во имя Россіи и вѣры, находящихся въ угнѣтеніи и этотъ челоуѣкъ соединилъ около себя весь народъ. Такая славная задача выпала на долю неизвѣстнаго гражданина. Назывался онъ Козмою Мининымъ и былъ мясникомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ сталъ говорить жителямъ этого города языкомъ безыскусственнымъ, но увлекательнымъ: «Возстанемъ всѣ, молодые и старые, сказалъ онъ. Настало время жертвовать нашею жизнію за вѣру. Но это еще не все. Продадимъ наши дома; заложимъ нашихъ женъ и дѣтей, чтобы заплатить ратнымъ людямъ, но освободимъ землю.» Такъ говорилъ Мининъ, и какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Онъ отдалъ все свое имущество на жалованье ратнымъ людямъ, не требуя ничего лично для себя. Народъ, воодушевленный его словомъ и его примѣромъ, сдѣлалъ его своимъ вождемъ, назвавъ его *выборнымъ отъ всей русской земли*. Мининъ не имѣлъ ни талантовъ, ни опытности полководца, но онъ обладалъ здравымъ смысломъ, вѣрнымъ тактомъ, безкорыстіемъ почти безпримѣрнымъ по той эпохѣ. Оставляя себѣ заботу объ устройствѣ силъ народныхъ, о поддержаніи порядка и единства между союзниками изъ всѣхъ областей, онъ выбралъ въ полководцы челоуѣка столь же честнаго, какъ и самъ, столь же преданнаго отечеству. Въ то время, какъ сужденіе и твердость Минина управляли совѣтами, мечъ князя Дмитрія Пожарскаго очищалъ отъ Поляковъ одинъ городъ за другимъ. Весь народъ собрался около этихъ двухъ благородныхъ гражданъ. Совершивъ походъ, ознаменованный рядомъ побѣдъ, Мининъ, далекій о мысли объ удержаніи власти, которую онъ умѣлъ заставить любить и уважать, объявилъ, что для государства нуженъ царь и совѣтовалъ выбрать того, *кого Богъ дастъ и провозгласитъ русская земля*.

Третьяго марта 1613 года въ Москвѣ, освобожденной отъ польскаго ига, былъ избранъ Михайлъ Романовъ.

«По первымъ успѣхамъ князя Пожарскаго, тѣнь Дмитрія и всѣ второклассные претенденты исчезли, какъ будто по дѣйствию волшебной силы. Заруцкій понялъ, что ему приходится погибнуть отъ неодолимой силы, и съ этихъ поръ думалъ только о пріисканіи вѣрнаго убъжища. Влача за собою Марину съ сыномъ,

онъ сдѣлалъ бесполезную попытку взбунтовать Донскихъ казаковъ. Но потерпѣвъ пораженіе подъ Воронежемъ, онъ ушелъ на Волгу и овладѣлъ Астраханью, въ надеждѣ укрѣпиться тамъ, но полководцы Михаила Романова не допустили его до этого. Выгнанный изъ Астрахани и стѣсненный превосходными силами, онъ думалъ пробраться на восточную сторону Каспійскаго моря, какъ въ началѣ іюля 1614 года былъ схваченъ на берегахъ Яика и выданъ московскимъ воеводамъ вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея отъ втораго Дмитрія; ихъ отвезли въ Москву. Тамъ Заруцкаго посадили на колъ и онъ умеръ смертію измѣнника; юнаго Ивана, бывшаго тогда едва трехъ лѣтъ, повѣсили, до такой степени еще силенъ былъ страхъ, внушаемый именемъ Дмитрія. Марина заключена была въ темницу и тамъ умерла въ неизвестности, покинутая, какъ кажется, и своею землею и своими родными.

Таково содержаніе книги Проспера Мериме. Принимаясь за разборъ ея, я единственно имѣлъ въ виду ознакомленіе русскихъ читателей съ приемами и манерою иностранныхъ писателей при объясненіи русской исторіи. Съ этою цѣлю я и выбралъ такое сочиненіе, которое имѣло большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ Германіи. Мнѣ остается только замѣтить, что не мѣшало бы автору, при его доброй волѣ и взглядѣ на русскую исторію, значительно отрѣшившемся отъ предразсудковъ, обихихъ многимъ иностраннымъ писателямъ, какъ скоро рѣчь у нихъ заходитъ о Россіи, поближе познакомиться съ новѣйшими нашими историческими сочиненіями, которые пріобрѣли полное право на вниманіе всего образованнаго міра. Онъ увидѣлъ бы, что мы болѣе не нуждаемся въ иностранномъ водительство при объясненіи нашей собственной исторіи, и что мы съ успѣхомъ пользуемся результатами новѣйшей исторической критики. За всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что сочиненіе П. Мериме о Лжедмитріяхъ должно быть отнесено къ числу лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій о Россіи уже потому, что онъ не только чуждъ всякаго предубѣжденія, столь гибельнаго въ дѣлѣ науки, но проникнуть еще участіемъ къ предмету своей задачи.

А. ЗЕРНИНЪ.

Харьковъ.
1887 года.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О СИСТЕМѢ ОБЩАГО УМСТВЕННОГО ВОСПИТАНІЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

«Все ученіе должно составлять одно цѣлое, должно выходить изъ одного корня», говорилъ Коменій въ XVII вѣкѣ, и эта фраза стереотипно повторяется всеми мыслящими педагогами до нашего времени. Но отъ слова до дѣла весьма далеко и единство воспитанія составляетъ до-сихъ-поръ не болѣе, какъ *ria desideria* педагогій. Тѣмъ не менѣе въ теоретическихъ сочиненіяхъ о воспитаніи и въ практической организаціи общественнаго обученія въ разныхъ государствахъ существуетъ стремленіе къ этой цѣли, до-сихъ-поръ недостигнутой; но между первымъ и послѣднимъ стремленіемъ существуетъ цѣлая бѣздна. Если ученые педагоги путемъ психологическихъ наведеній и воспитательной практики уяснили себѣ основанія для системы воспитанія, въ которой въ частности сводились бы къ одной цѣли, то власти, отъ которыхъ зависѣло приведеніе педагогическихъ плановъ въ исполненіе, смотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія. Для однихъ государствъ финансовый вопросъ стоялъ на первомъ мѣстѣ; въ другихъ въ научныя теоріи разбивались объ утесъ историческаго преданія; въ третьихъ правительства смотрѣли на общественное воспитаніе какъ на средство для достиженія своихъ особенныхъ цѣлей, весьма отличныхъ отъ цѣли народнаго развитія въ нравственномъ, умственномъ и эстетическомъ отношеніи; наконецъ были примѣры, что однообразіе принимали за единство, въ формальной подчиненности видѣли цѣлость, въ фабричномъ изготовленіи молодыхъ людей по данному шаблону полагали государственную пользу. Всѣ эти препятствія не позволили полному осуществленію ни одного систематическаго плана воспитанія.

*

танія и кромѣ того надо прибавить, что самыя ученые педагоги приносили часто въ свое разсужденіе гипотезу, заранее принятую за непреложную истину, объ особенной важности той или другой стороны воспитанія. По этому ни въ одномъ государствѣ Европы организація воспитанія не выдерживаетъ строгой научной критики.

Въ Англіи, вся исторія которой состояла изъ взаимныхъ уступокъ между устарѣлымъ обычаемъ и новою мыслию, въ удержаніи старинныхъ формъ на ряду съ обновленнымъ содержаніемъ, въ Англіи воспитаніе носитъ на себѣ ту же печать средне-вѣковыхъ привычекъ, къ которымъ примѣнилось современное понятіе. Раздѣленіе сословій, преимущества богатства, тиранія старшихъ воспитанниковъ надъ новичками, недостатокъ дисциплины въ заведеніяхъ, совершенная независимость общественнаго воспитанія отъ правительства возбуждали въ Англіи обширную полемику противу Этонской и Вестминстерской школъ, противу Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ; эта полемика переходила изъ печати на кафедру парламента. Но Канингъ защищалъ Этонскую школу; желѣзный герцогъ защищалъ независимость университетовъ отъ всякаго вмѣшательства правительства; и, когда Россель хотѣлъ назначить комиссію для собранія свѣдѣній о преподаваніи въ университетахъ, общественное мнѣніе было противъ него. Можно ли же ожидать единства при подобномъ устройствѣ, гдѣ всякое учебное заведеніе есть заведеніе частное и связано съ цѣльнымъ организмомъ государства только тѣмъ, что выросло изъ того же общества.

Во Франціи духъ централизаціи придавалъ болѣе однообразную форму всему общественному воспитанію. Общее образованіе строго отдѣлено отъ спеціальнаго и ему дано однообразное устройство подъ руководствомъ университета. Но споръ формальнаго и реального направленія выразился раздвоеніемъ въ преподаваніи коллегій или лицеевъ, составляющихъ основу общаго французскаго воспитанія. Молодые люди, которые идутъ по словеснымъ предметамъ, получаютъ самыя недостаточныя свѣдѣнія по наукамъ естественнымъ, которыя своимъ непобѣдимымъ методомъ безпрестанно охватываютъ все болѣе и болѣе широкое поле знанія. Для остальныхъ воспитанниковъ лицей или коллегія составляютъ не самостоятельное, а приуготовительное учебное заведеніе, преимущественно для поступленія въ политехническую школу; но курсъ послѣдней есть чисто односторонній физико-

математическій курсъ. Вообще можно сказать, что во Франціи одни спеціальныя заведенія соответствуютъ вполне раціональнымъ требованіямъ, общес же образованіе односторонне и недостаточно.

Нигдѣ споръ между формальнымъ и реальнымъ направленіемъ воспитанія не былъ изслѣдованъ такъ глубоко, какъ въ Германіи. Можно составить длинный списокъ сочиненіямъ, писаннымъ за гимназій и за реальныя школы, въ защиту древнихъ языковъ и противъ нихъ. Кончилось тѣмъ, что гимназій принимаютъ по немногу въ себя элементъ живаго знанія природы, но древній міръ остается въ нихъ основою преподаванія. Реальныя школы, основанныя на болѣе раціональныхъ началахъ современной умственной жизни, еще не получили правильной организаціи, въ особенности потому, что онѣ не освободились отъ спеціальныхъ требованій, которыя мѣшаютъ ихъ правильному устройству.

Въ нашемъ обществѣ молодые люди имѣютъ два пути для общаго образованія: гимназій и военно-учебныя заведенія. Первые слѣдуютъ тому же пути, какъ германскія гимназій, и, начавъ съ классическаго направленія, понемногу переходятъ къ реальному; впрочемъ естествознаніе занимаетъ въ нихъ весьма незначительное мѣсто. Правда, что наши гимназій составляютъ только первую часть общаго курса, котораго дополненіе находится въ университетахъ. Послѣдніе, по своей организаціи, представляютъ нѣчто въ родъ высшихъ школъ, гдѣ воспитанники носятъ однообразную форму, переходятъ изъ низшаго курса въ высшій по экзамену, а есть преподаватели, которые ставили студентамъ отмѣтки за повтореніе уроковъ въ продолженіи года. Но факультетское раздѣленіе предметовъ дѣлаетъ преподаваніе въ университетахъ спеціальнымъ. Военно-учебныя заведенія съ самаго начала имѣли чисто спеціальную цѣль, но по необходимости, принимая въ свою среду дѣтей, должны были давать имъ общее образованіе, что послужило началомъ раздѣленія въ нихъ воспитанниковъ на классы общіе и спеціальныя. Нельзя сказать, чтобы какой-либо предметъ служилъ основнымъ въ преподаваніи этихъ заведеній и число отмѣтокъ, по разнымъ предметамъ выставленныхъ одновременно воспитаннику 4-го (последняго) общаго класса доходить до 12. Военная дисциплина и военное воспитаніе обще воспитанникамъ всѣхъ общихъ и спеціальныхъ классовъ.

Въ общихъ чертахъ развитіе воспитанія въ Европѣ можно очер-

титъ слѣдующимъ образомъ. Сначала средніе вѣка старались разрабатывать схоластически понятіе во всѣхъ его тонкостяхъ. Со времени великихъ гуманистовъ слово, преимущественно классическое слово, стало основнымъ предметомъ ученія, но на способъ его изслѣдованія перешло много схоластическихъ тонкостей. Съ прошлаго столѣтія отъ слова стремятся перейти къ самой вещи и связать ученіе съ дѣйствительною жизнью. Но легко смѣшать стремленіе къ дѣйствительности со стремленіемъ къ спеціальности. Съ другой стороны трудно отказаться отъ привычекъ къ распредѣленію преподаванія, заимствованныхъ отъ исторіи. Въ этомъ бореніи спеціальныхъ требованій съ общечеловѣческими, и въ боязни отказаться отъ старыхъ методовъ, заключаются главные недостатки обученія нашего времени.

Въ другомъ мѣстѣ * я говорилъ объ огромности вопроса о воспитаніи и о нравственной сторонѣ его. Здѣсь обращусь къ обученію и въ особенности къ обученію общему. Мнѣ кажется, что воспитаніе общее не должно быть нисколько смѣшано со спеціальнымъ. Странно, что родители, воспитатели или кто бы то ни былъ рѣшаютъ судьбу 11 лѣтняго мальчика. По моему убѣжденію, прежде, чѣмъ быть спеціалистомъ, должно быть человѣкомъ и гражданиномъ, прежде, чѣмъ думать о приложеніи знанія къ дѣлу, нужно выучиться этому знанію независимо отъ всякихъ приложеній, прежде, чѣмъ быть годнымъ на ту или другую службу, нужно себя развить и образовать. Впрочемъ, послѣ г. Пирогова, трудно сказать что-нибудь еще о вредѣ сліянія общечеловѣческаго образованія со спеціальнымъ. По этому считаю доказанною необходимость отдѣленія этихъ двухъ родовъ воспитанія.

Мнѣ кажется съ другой стороны, что университетъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить дополнительной, высшею школою для общаго развитія. Молодой чловѣкъ, поступающій въ университетъ, долженъ быть уже развитъ всесторонне на столько, сколько можно требовать отъ образованнаго члена общества, долженствующаго продолжать свое воспитаніе самостоятельнымъ трудомъ. Садясь на скамью университета, молодой чловѣкъ долженъ ясно сознавать свои наклонности, долженъ видѣть мѣсто, занимаемое избраннымъ имъ предметомъ въ ряду науки вообще, группировка же кафедръ по факультетамъ должна служить ему только указаніемъ на средство предметовъ, и

* Отечест. Записк. 1857, сентябрь.

способствовать болѣе специальной разработкѣ каждаго изъ нихъ. Можетъ быть, когда-нибудь я вернусь къ этому вопросу, но теперь считаю нужнымъ только сказать, что въ системѣ школъ, дающихъ общее развитіе молодымъ людямъ, университеты не должны имѣть мѣсто, но стоять надъ ними.

Такимъ образомъ цѣль этой статьи состоитъ въ очеркѣ умственнаго воспитанія молодыхъ людей, начиная съ той минуты, когда они начинаютъ систематическое обученіе, до той, когда они должны выбрать себѣ специальность, или идти въ университетъ.

Мнѣ представлялось два пути. На основаніи критики существующаго порядка вещей и существующихъ системъ преподаванія, я могъ попытаться найти путь для устраненія неудобствъ существующихъ или предложенныхъ системъ обученія; или могъ изложить мое мнѣніе на ряду съ другими, независимо отъ другихъ, предоставляя тѣмъ, въ рукахъ которыхъ находится возможность исполненія, сравнить мой проэктъ (если онъ того стоитъ), съ существующимъ порядкомъ вещей, и замѣтить, на сколько онъ уклоняется отъ послѣдняго. Все существующее имѣетъ свою историческую необходимость, но все созданное историческими потребностями, подлежитъ закону развитія и замѣненія новыми формами. Отрицать существующее странно: наука можетъ только объяснять его. Всякое измѣненіе и развитіе есть только стремленіе къ новому началу или къ прежнему, но иначе понятому; чтобы разбираться существующее, надо уяснить себѣ со всѣхъ сторонъ начало, во имя котораго происходитъ разборъ. Это въ особенности справедливо въ педагогикѣ, которая есть наука прикладная, заимствующая свои основанія изъ другихъ, болѣе общихъ воззрѣній.

Поэтому я рѣшился представить здѣсь проэктъ организаціи воспитанія молодыхъ людей, совершенно независимо отъ существующей организаціи школъ въ разныхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ я схожусь съ именами, извѣстными въ педагогикѣ, въ другихъ имѣю большинство противу себя, но не считаю нужнымъ скрываться за громкимъ авторитетомъ, или указывать читателю на имена, которыя онъ можетъ мнѣ противупоставить. Пусть читатель, который не поскучаетъ прочесть это разсужденіе, оспариваетъ мнѣніе, а не имя, и вооружается доводами, а не авторитетами. Очень вѣроятно, что я во многомъ ошибаюсь, потому что слишкомъ нехладнокровно смотрю на пред-

меть этой статьи, и слишком старался привести мою мысль къ стройному цѣлому. Предпріятіе мое дерзко, но повторю мысль, сказанную въ другомъ мѣстѣ: молчать о подобномъ вопросѣ не слѣдуетъ, если имѣешь что сказать о немъ; изъ обсуждения моихъ мнѣній, можетъ быть весьма несовершенныхъ, можетъ родиться мнѣніе болѣе зрѣлое: самые алхимики, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, оставили потомству нѣсколько истинъ и, цѣля немногія истины, ими прибрѣтенныя для науки, потомство находитъ, что ихъ произведенія не совсѣмъ бесполезны.

Но умственное воспитаніе составляетъ только одну составную часть воспитанія вообще. Для образованія чело­вѣка, оно должно быть дополнено воспитаніемъ нравственнымъ и эстетическимъ. О нравственномъ воспитаніи я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Объ эстетическомъ скажу въ другое время. Предѣлы статьи не позволяютъ мнѣ о самомъ умственномъ образованіи сказать все, что хотѣлось бы. Предоставляю себѣ еще когда нибудь поговорить съ читателями объ экзаменахъ, правахъ преподавателей и ихъ обязанностяхъ, объ управленіи школами, и т. п.; теперь же ограничиваюсь обсужденіемъ порядка, по которому, какъ мнѣ кажется, всего правильнѣе могло быть расположено ученіе молодыхъ людей. Я допускаю, что систематическое обученіе можетъ начинаться въ 12 лѣтъ и семилѣтній курсъ считаю необходимымъ для достаточнаго развитія общихъ предметовъ.

Условія умственнаго воспитанія или обученія, должны быть почерпнуты изъ трехъ началъ: умозрительнаго, наблюдательнаго и историческаго, которыя составляютъ основу всякаго чело­вѣческаго дѣла. Умозрительнымъ основаніемъ умственнаго воспитанія служитъ систематика наукъ; наблюдательное начало составляютъ тѣ факты развитія чело­вѣческихъ умственныхъ способностей, тѣ явленія умственной воспримчивости, которыя доставляетъ многолѣтній опытъ педагоговъ; историческое начало указываетъ, къ какимъ фактамъ, уже существующимъ въ обществѣ, привязать нить педагогическую, нить, которая должна руководить воспитателя и обуславливать его требованія отъ воспитанковъ, при началѣ ихъ систематическихъ занятій, и въ разныя эпохи перехода отъ одного періода ученія къ другому.

О систематикѣ наукъ пришлось бы сказать слишкомъ много, чтобы сказать достаточно. Можетъ быть, я когда нибудь вернусь къ этому предмету, но теперь скажу, что по моему мнѣнію, науки могутъ быть раздѣлены на умозрительныя, естественныя и историче-

скія , къ чему должно прибавить прикладныя знанія. Въ эти предметы, въ большемъ или меньшемъ объемъ, съ бѣльшею или меньшею подробностью должны войти въ курсъ умственнаго воспитанія, потому что только цѣльное знаніе составляетъ науку, и только цѣльный обзоръ науки, составляетъ образованность. Останавливаясь на словъ *цѣльное знаніе*, прося читателя принять это слово въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю. Всякая наука, по сущности своей, безконечна, но въ данную минуту жизни человечества, если выдѣлимъ гипотезы, то она представляется собраніемъ нѣкотораго количества истинъ, по сущности своей составляющихъ нѣкоторую систему, и, по способу размышленія объ нихъ, доказываемыхъ по известному методу. Только ученому специалисту нужно знаніе всехъ фактовъ данной науки, и всехъ методовъ, въ ней употребляемыхъ въ данное мгновеніе: большее или меньшее приближеніе къ этому предѣлу, составляетъ большую или меньшую ученость человека по какой-либо специальной наукѣ: это есть полное знаніе. Но всѣ факты науки и методы ея, располагаются въ различныхъ планахъ, если позволено такъ выразиться; зная всѣ факты и методы науки, находящіяся на первомъ планѣ, въ ихъ систематической зависимости, мы составляемъ себѣ цѣльное, хотя далеко не полное понятіе о наукѣ; если же нѣкоторые изъ этихъ фактовъ упущены изъ виду, знаніе теряетъ свою цѣлость и упущенные факты не могутъ быть замѣнены цѣлою грудой другихъ, взятыхъ изъ другихъ плановъ науки; въ последнемъ случаѣ, пожалуй, иной отдѣлъ науки можетъ быть известенъ полнѣе, чѣмъ въ первомъ, но цѣлость знанія нарушена. Такъ же точно систематическій обзоръ фактовъ и методовъ, составляющихъ первые три плана науки, доставитъ опять цѣльное, полнѣйшее прежняго, хотя опять-таки неполное знаніе науки и т. д. Полное знаніе есть цѣль жизни ученаго; возможно полное, по времени, есть цѣль специального образованія; но цѣлость знанія есть необходимое условіе всякаго образованія. Если какая либо отрасль науки не считается нужною, можно ее оставить безъ вниманія, но если она введена въ изученіе, то она должна быть пройдена цѣлостно, хотя можетъ быть и кратко, т. е. изученіе должно заключать систематическій обзоръ всехъ главнѣйшихъ фактовъ и методовъ этой отрасли; здѣсь слово *главнѣйшихъ* можетъ измѣнять свое значеніе, смотря по подробности и полнотѣ преподаванія, но опредѣливъ его въ какой либо одной ча-

сти, мы его обуславливаемъ и для прочихъ. Что сказано объ фактахъ одной отрасли науки, легко распространить и на всѣ части одной науки, и даже на всѣ науки одного отдѣла знаній: сказавъ, что такой-то отдѣлъ знаній необходимъ для образованія, мы тѣмъ самымъ налагаемъ на умственное воспитаніе обязанность пройти его въ цѣлости, хотя, можетъ быть, кратко, т. е. указать ученику сущность всѣхъ главныхъ наукъ его составляющихъ; опредѣливъ себѣ, что, по требуемой полнотѣ, такая-то наука войдетъ въ курсъ, мы обязуемся указать на существеннѣйшія ея части, отрасли, истины и методы. Такимъ образомъ систематика наукъ налагаетъ на педагогію обязанность доставить ученику, въ то время, какъ продолжается его общее образованіе, цѣльный систематическій обзоръ наукъ умозрительныхъ, естественныхъ, историческихъ и прикладныхъ знаній съ тою подробностью, которая найдена нужною въ общемъ направленіи воспитанія.

Изъ многочисленныхъ наблюденій, почерпнутыхъ въ педагогической опытности възовъ, замѣтимъ слѣдующія, на которыя читателю слѣдуетъ обратить вниманіе для уясненія себѣ послѣдующихъ выводовъ:

1) Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя ученику, должны быть ему представлены во время, т. е., тогда, когда онъ достаточно приготовленъ для ихъ воспринятія, не только по пройденнымъ частямъ науки, но и по возрасту, по общимъ свѣдѣніямъ, по общему развитію. Это почти аксіома.

2) Тѣ же свѣдѣнія должны повторяться нѣсколько разъ, но не въ одномъ и томъ же видѣ. Это важно потому, что выученная истина не всегда есть истина усвоенная: для усвоенія ея, ученикъ долженъ ее иногда встрѣтить нѣсколько разъ и разсмотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но повтореніе того же урока, въ той же формѣ, не достигаетъ нисколько этой цѣли, потому что это дѣло скучное для ученика, большію частію даже исполняемое не съ достаточнымъ вниманіемъ и стараніемъ; лучшіе ученики отвѣчаютъ урокъ, пройденный въ прежнихъ курсахъ, даже иногда не повторяя его, а слѣдовательно не усваивая нисколько болѣе, чѣмъ въ первый разъ.

3) Въ каждый моментъ воспитанія, все преподаваніе должно быть возможно болѣе сосредоточено на возможно мѣньшемъ числѣ разныхъ курсовъ. Это важно, потому что, при раздробленіи курса, раздробляется вниманіе воспитанника, воображеніе его

утомляется отъ пестроты преподаванія какихъ нибудь осьми (если не болѣе) разнородныхъ предметовъ, связь и подчиненность которыхъ ему не понятны; цѣлость знанія трудно сохранить; занятія ученика раздроблены, и онъ, отвѣчая прекрасно свои уроки и, пожалуй, выдерживая блистательно свои экзамены, собственно знаетъ очень мало и помнитъ въ слѣдующемъ курсѣ еще менѣе. Это правило тѣмъ болѣе должно быть принято въ соображеніе, чѣмъ ученикъ моложе, слѣдовательно, чѣмъ менѣе онъ понимаетъ зависимость между науками по недостаточности своихъ свѣдѣній. Въ семнадцать лѣтъ можно допустить болѣе параллельныхъ курсовъ, чѣмъ въ тринадцать лѣтъ.

4) Для яснаго пониманія какой-либо частности, необходимо выдѣлить ее отъ прочихъ и выказать ея различіе отъ того, что ее окружаетъ; для яснаго пониманія множества частности, особенно важно ихъ сгруппировать надлежащимъ образомъ, и выставить на видъ единство понятія ихъ связующаго. Поэтому, въ общемъ образованіи, при обзорѣ цѣлаго отдѣла знаній, важно и полезно ихъ группировать въ возможно мѣньшее число отдѣльныхъ курсовъ, и эти отдѣльные курсы необходимо строго согласовать между собою по времени, методу и т. п. Ученый специалистъ долженъ осмотрѣть свою специальность со всѣхъ сторонъ, потому что ея значеніе въ общей системѣ науки предполагается ему извѣстнымъ; чѣмъ дробнѣе его специальность, тѣмъ легче ему овладѣть ею: отсюда истекаетъ стремленіе науки раздробиться на мельчайшіе отдѣлы, изъ которыхъ каждый стремится рѣзко обособиться и сдѣлаться особою маленькою наукою. Но ученикъ еще не знаетъ мѣста и важности каждой подробности науки, имъ изучаемой, онъ легко приметъ истины двухъ близкихъ между собою наукъ или даже отдѣловъ одной науки за независящіе другъ отъ друга факты; поэтому въ самой формѣ преподаванія, на экзаменахъ, необходимо собирать въ одно цѣлое однородныя знанія для уясненія ученику ихъ связи.

5) Ученикъ долженъ постоянно имѣть достаточно времени какъ для собственной обработки задаваемыхъ ему уроковъ, такъ и для своей личной, неучебной жизни. Если это условіе не выполнено, то усвоеніе изучаемаго дѣлается весьма затруднительнымъ и неполнымъ, а главное — ученіе дѣлается рутиною, теряется самостоятельность и ослабляется значеніе человѣческой личности.

Наше общество доставляетъ въ 12 лѣтъ мальчиковъ съ весь-

ма разнообразнымъ развитіемъ, съ весьма различными свѣдѣніями; семейное же воспитаніе, обуславливаемое всеми прочими сторонами общественной жизни, есть историческій фактъ, который должно взять въ соображеніе, но которое передѣлывается только временемъ.

Но представляется вопросъ: что можно у насъ требовать отъ мальчика въ 12 лѣтъ, какъ необходимый minimum, и какъ опредѣлить его развитіе въ эту эпоху?

Начало, на которомъ воздвигается зданіе обученія, не должно предполагать исключительно хорошаго или исключительно слабаго ученика. Многіе въ 12 лѣтъ имѣютъ уже начальныя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, изъ географіи, исторіи; но, во всякомъ случаѣ, эти свѣдѣнія слишкомъ мало систематичны, чтобы можно было, принявъ ихъ за данныя, исключить ихъ изъ послѣдующаго преподаванія и только дополнять въ послѣдующихъ курсахъ. Съ другой стороны весьма многіе достигаютъ 12-ти лѣтняго возраста, получивъ самое небрежное образованіе: они, пожалуй, проходили и ариѳметику, и географію, и исторію, и грамматику, учились и по-русски, и по-французски, и по-немецки, но въ слѣдствіе раздробленія занятій, невниманія наставниковъ, неумѣнья родителей взяться за дѣло, по всемъ этимъ предметамъ они не сдѣлали никакихъ успѣховъ или успѣли весьма мало; они не только не знаютъ порядочно части исторіи, что въ 12 лѣтъ довольно трудно, но они не умѣютъ написать трехъ строкъ на родномъ языкѣ безъ важныхъ ошибокъ, не могутъ отдать отчетъ въ дѣленіи цѣлыхъ чиселъ. Чтобы избѣжать крайностей, и, не предполагая слишкомъ многого, имѣть какое-либо твердое основаніе для развитія обученія, я принимаю за необходимое въ 12 лѣтъ хорошее практическое знаніе отечественнаго языка и сознательное производство начальныхъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми числами. Въ семействахъ сколько нибудь образованномъ, какъ бы ни малы были средства, какъ бы велики занятія родителей, всегда есть возможность довести ребенка въ 12 лѣтъ до правильнаго употребленія роднаго языка и до знанія первыхъ четырехъ дѣйствій, особенно если занятія будутъ ограничены только этими предметами. Если есть средства, время, способности и возможность, то учите ребенка еще чему угодно, но никогда не во вредъ этимъ основнымъ занятіямъ; если вы видите, что вашъ воспитанникъ не успѣлъ научиться писать правильно по-русски, то не застав-

лейте его твердить походы Александра Македонскаго или замѣчательнѣйшіе города Пиренейскаго полуострова, но занимайтесь съ нимъ ежедневно диктовкой, перепиской и т. п., пока онъ не пріобрѣтетъ навыкъ и память уха и руки; если онъ не умѣетъ умножать и дѣлать, объясняя то, что дѣлаетъ, то не торопитесь его учить строенію и привычкамъ насѣкомыхъ и пауковъ, но, разнообразя примѣры, переходя отъ простѣйшихъ къ сложнѣйшимъ задачамъ и разлагая послѣднія на ихъ основныя начала, старайтесь ему уяснить не хитрый складъ ариметическаго доказательства. Въ отечественномъ языкѣ ученикъ получаетъ основной матеріалъ для всѣхъ знаній, въ ариметическихъ доказательствахъ онъ пріобрѣтаетъ первый зародышъ научнаго метода, сознательнаго усвоенія, правильной передачи словомъ ряда умозаключеній, не допускающихъ противорѣчій.

Но, кромѣ необходимыхъ фактическихъ знаній языка и начальной ариметики, въ ребенкѣ важно развитіе. Это развитіе относится какъ къ способностямъ ученика, такъ и къ обогащенію его памяти. Способности ученика очень обманчивы въ 12 лѣтъ: какъ часто ничего не выходитъ изъ мальчика много обѣщавшаго! Какъ часто воспитанникъ, признанный сначала тупымъ, вдругъ обгоняетъ товарищей! Къ тому же, способности бываютъ весьма и весьма разнообразны: я знаю примѣры учениковъ, очень способныхъ ко всѣмъ наукамъ, въ которыя входитъ разсужденіе, и неспособныхъ удержать въ памяти положеніе городовъ, сто разъ видѣнныхъ ими на картѣ, историческое мѣсто замѣчательныхъ личностей; другіе въ состояніи разобрать и прослѣдить составъ и дѣйствіе какого нибудь механизма на чертежъ и не понимаютъ его въ натурѣ на фабрикѣ; третьи могутъ прекрасно объяснить всѣ видоизмѣненія явленій, все доступное чувствамъ, осязательное, практическое, и неспособны прослѣдить за отвлеченнымъ размышленіемъ и т. д. Поэтому, способности ребенка составляютъ большую частью загадку для экзаменаторовъ, судящихъ односторонне, принимающихъ иногда ловкую подготовку къ извѣстному роду вопросовъ за понятливость, непривычку къ некоторымъ приемамъ за врожденную тупость. Способности въ ребенкѣ должно развивать: должно поощрять его къ размышленію; не надо подсказывать ему всегда готовой мысли, готоваго правила, но доставлять ему иногда случай дѣйствовать по своему, не опираясь на авторитетъ родителей и наставниковъ; слѣдуетъ выслушивать его разсужденія и разговаривать съ нимъ

серьёзно о предметахъ, поражающихъ его вниманіе: для этого развитія особенно важенъ періодъ отъ 10 до 12 лѣтъ. Но все это есть дѣло самихъ воспитателей. Что касается до опредѣленія способностей ребенка, достигшаго 12-ти-лѣтняго возраста, лицами, встрѣчающими его въ первый разъ, то едва ли это возможно съ какою-либо точностью. Правда, полудиотъ и исключительно талантливый мальчикъ выкажутся сейчасъ, но это рѣдкости. Для остальныхъ ошибка дѣлается весьма вѣроятною: какъ часто экзаменаторъ, или воспитатель, самъ того не замѣчая, беретъ за указателя способностей болѣе или менѣе живой взглядъ, болѣе или менѣе ловкія движенія, развязность разговора. Но все это указываетъ только болѣшую привычку къ обществу, болѣе свободное обращеніе въ дѣтствѣ со взрослыми, болѣшую самоувѣренность, — условія весьма отличныя отъ понятливости, привычки размышлять, способности удерживать въ памяти слышанное или прочитанное, и сосредоточить на немъ свое вниманіе, которыя составляютъ начтоящія требованія отъ хорошаго ученика. Обогащеніе памяти составляетъ вторую сторону развитія ребенка и ее легче узнать, хотя и тутъ нужна нѣкоторая ловкость со стороны экзаменатора, потому что робость, застычивость и разсѣянность въ присутствіи лица, которое воспитанникъ видитъ въ первый разъ, могутъ произвести тоже дѣйствіе, какъ незнаніе или непониманіе. Между тѣмъ, обогащеніе памяти есть необходимая подготовка къ учебнымъ занятіямъ; эти занятія должны быть всегда принаровлены къ степени развитія ученика въ этомъ отношеніи: иначе они сдѣлаются для него бесполезными. Прямое опредѣленіе предметовъ, о которыхъ ученикъ имѣетъ понятіе, весьма трудно по ихъ отрывочности и по чрезвычайному разнообразію первоначальнаго воспитанія; но рѣшенію этого вопроса можетъ способствовать рѣшеніе другаго ему близкаго: на сколько обращено было вниманіе на воспитаніе мальчика? Когда на ребенка, въ періодъ его дѣтства было обращено вниманіе, то можно заключить съ достаточной вѣроятностью, что старались обогатить его память разсказами, чтеніемъ, разговорами и при этомъ сообщали ему свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, вѣрныя на столько, на сколько они имѣютъ ходъ въ нашемъ обществѣ. Если же ребенокъ былъ представленъ случайностямъ жизни, то понятія его, болѣею частью, весьма недостаточны, и часто совершенно извращены, потому что почерпнуты изъ источниковъ совершенно случайныхъ. Зна-

ше роднаго языка и начальной арифметики есть уже въ ученикъ довольно вѣрное ручательство, что мальчикомъ занимались: если его выучили правильно выражаться словесно и письменно, и правильно считать, давая себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, то обыкновенно онъ и въ другихъ отношеніяхъ достаточно развитъ, чтобы начать систематическій курсъ; тѣ же, которые достигаютъ 12-ти-лѣтняго возраста съ небогащенною памятью и неразвитымъ соображеніемъ, обыкновенно не умѣютъ ни говорить, ни писать, ни считать порядочно. Такимъ образомъ, предъидущее условіе фактическаго знанія есть въ тоже время первый указатель развитія воспитанника. Второй указатель, менѣе точный, можно заимствовать изъ знанія иностранныхъ языковъ, которое, хотя не составляетъ существенной части общечеловѣческой или гражданской образованности, но, въ слѣдствіе историческаго развитія нашего общества, можетъ служить въ нѣкоторой степени къ подраздѣленію учениковъ на разряды по развитію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ не знаютъ ни одного иностраннаго языка только тѣ мальчики, родители или воспитатели которыхъ сами не знаютъ иностранныхъ языковъ; но это знаніе у насъ такъ распространено, что съ его отсутствіемъ связана ограниченность умственнаго горизонта во многихъ отношеніяхъ, а слѣдствіемъ этой ограниченности въ воспитателяхъ будетъ непремѣнно мѣньшее развитіе воспитанниковъ. Здѣсь необходимо сдѣлать двѣ оговорки: во-первыхъ знаніемъ языка я называю не умѣнье болтать на немъ, но умѣнье переводить съ него на Русскій языкъ, о чемъ я буду имѣть случай подробнѣе говорить въ послѣдствіи; во-вторыхъ, напомнимъ, что я уже назвалъ послѣдній критеріумъ менѣе точнымъ, потому что не только возможно теоретически, но и въ самомъ дѣлѣ встрѣчается обширное и многостороннее умственное развитіе въ чело­вѣкѣ не знающемъ ни одного иностраннаго языка: я здѣсь говорю только, что при нынѣшнемъ состояніи нашего общества можно, за неизмѣнимъ лучшимъ способомъ, воспользоваться этимъ средствомъ, для приближеннаго опредѣленія степени образованности воспитателей ученика, и вниманія, обращеннаго на это воспитаніе.

Допустивъ въ ученикъ знаніе роднаго языка и начальной арифметики, опредѣливъ приблизительно развитіе его по знанію иностранныхъ языковъ, слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какомъ порядкѣ и въ какой группировкѣ слѣдуетъ излагать ученику предметы обученія. Науки составляютъ не рядъ знаній одно за другимъ слѣ-

дующихъ, но сътъ, до такой степени перенасыщенную, что всяка наука предполагаетъ подготовку, состоящую изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ всѣхъ другихъ. Логика заимствуетъ формы выраженія мысли изъ грамматики, матеріалъ мысли изъ наукъ естественныхъ и историческихъ. Математика предполагаетъ извѣстныя логическія начала, постоянно беретъ примѣры изъ наукъ естественныхъ, упоминаетъ объ историческихъ лицахъ, принимавшихъ участіе въ ея развитіи. Естественныя науки имѣютъ необходимымъ пособіемъ математику, въ психологін * тѣсно связаны съ логикою, во многихъ мѣстахъ входятъ въ соприкосновеніе съ исторією. Прикладныя знанія основаны на естественныхъ наукахъ, связаны съ политическою экономією, должны иногда ссылаться на исторію. Политическія науки (я въ ихъ числѣ не считаю исторію) связаны съ естественными науками, еще тѣснѣе съ исторією, доставляющею примѣры для нихъ, и заключаютъ многіе вопросы, требующіе математическихъ изслѣдованій. Законы языкознанія основаны на логикѣ; упражненія въ языкахъ, чтобы не впасть въ пустое фразерство, должны заимствовать матеріалъ изъ положительныхъ наукъ; въ современномъ его состояніи, надлежащее знаніе роднаго языка невозможно безъ его историческаго изученія, и самое изученіе древнихъ языковъ связано съ исторією древняго міра. Наконецъ, исторія въ обширномъ значеніи предполагаетъ знаніе естественныхъ наукъ, языкознанія, политическихъ наукъ.

Ученый, излагая свою науку, или часть ея, можетъ сослаться на какое угодно сочиненіе по какому угодно предмету, и читателю остается только отыскать въ библіотекѣ это сочиненіе; но педагогъ находится въ другомъ положеніи: онъ можетъ сослаться только на положеніе, извѣстное въ самомъ дѣлѣ его слушателямъ, и потому расположеніе и группировка курсовъ составляетъ труднѣйшій вопросъ преподаванія. Если въ извѣстномъ возрастѣ ученикъ долженъ пройти такой-то предметъ съ некоторою полнотою, а этотъ предметъ предполагаетъ различныя предварительныя свѣдѣнія, то для доставленія ученику этихъ свѣдѣній можно употребить слѣдующіе способы: 1) можно прежде преподаванія разсматриваемаго предмета пройти одновременно нѣсколько курсовъ, заключающихъ предварительныя свѣ-

* Я здѣсь говорю о психологін какъ о наблюдательной наукѣ явленій душевныхъ и потому отношу ее къ наукамъ естественнымъ въ обширномъ значеніи.

двѣя; 2) можно эти курсы пройти послѣдовательно; 3) можно сообщить ученику свѣдѣнія изъ разныхъ наукъ, необходимыхъ для разсматриваемаго предмета, не систематически, а вкратцѣ, оставляя надлежащее ихъ развитіе на послѣдующее время. Первый способъ при большомъ числѣ параллельныхъ курсовъ, особенно въ раннемъ возрастѣ, раздробляетъ занятія ученика, о вредѣ чего было говорено выше; второй способъ требуетъ много времени, и оба они, въ слѣдствіе связи между науками, не избѣгаютъ ссылки на послѣдующее; третій способъ требуетъ много времени, если для него устроить особые пріготовительные курсы, и только возможенъ, если требуемыя свѣдѣнія будутъ доставлены ученику попутно, при занятіяхъ другимъ предметомъ, напримѣръ: при упражненіяхъ въ изученіи языковъ. Эти послѣднія занятія языками, при надлежащемъ ихъ устройствѣ, могутъ заключать необходимыя предварительныя свѣдѣнія изъ разныхъ отраслей знанія, могутъ обогащать память ученика, доставлять матерьялъ необходимыхъ ссылокъ и между тѣмъ преслѣдовать съ успѣхомъ свою цѣль. Устранивъ главное затрудненіе, слѣдуетъ разсмотрѣть: какія науки могутъ довольствоваться ссылками на предварительныя свѣдѣнія изъ другихъ; какія науки требуютъ основательнаго знанія другихъ; какія могутъ быть пройдены сначала систематическаго преподаванія, основываясь только на свѣдѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ.

Изъ всѣхъ наукъ исторія требуетъ наиболее основательнаго подготовленія, наиболее взрослому взгляду для своего пониманія. Ученикъ долженъ перенестись въ другія времена, въ другое устройство общества, прослѣдить вліяніе естественныхъ причинъ, техническихъ знаній, временныхъ привычекъ на людей и событія; онъ долженъ сочувствовать не явленіямъ, ежеминутно совершающимся около него въ природѣ и въ обществѣ, но формамъ давно отжившимъ и тѣмъ не менѣе присущимъ человѣческому духу и необходимымъ, какъ одна изъ ступеней развитія человечества. И здѣсь я не случайно поставилъ слово *сочувствовать*, потому что безъ нѣкотораго сочувствія къ предмету ученія, послѣднее безполезно, и польза его растеть вмѣстѣ съ сочувствіемъ, возбуждаемымъ предметомъ въ ученикѣ. Но для сказаннаго, необходимо не легкое упоминаніе о явленіяхъ природы и формахъ общества, но основательное ихъ изученіе; для изученія исторіи необходимъ не мальчикъ, начинающій систематическія занятія, но молодой человѣкъ, которому есть на

что оглянуться въ пройденныхъ курсахъ. На основаніи предвѣдущаго, я полагаю, что Исторія должна составлять послѣдній заключительный курсъ общаго образованія, что курсы естественныхъ и политическихъ наукъ должны ей предшествовать, а предварительныя историческія свѣдѣнія должны быть сообщены ученикамъ въ систематическомъ рядѣ занятій языками, начиная съ 12-ти-лѣтняго возраста. Последнее не представитъ затрудненія, потому что, если истинное значеніе исторіи какъ науки доступно только взрослому ученику, за то внѣшность ея и пестрый калейдоскопъ событій, великихъ людей и общественныхъ формъ легко усвоивается даже дѣтскою памятью, а именно эта-то внѣшность и нужна другимъ наукамъ, для необходимыхъ ссылокъ.

Естественныя и прикладныя знанія составляютъ тѣсно связанный кругъ наукъ, для изученія котораго математика необходима; но, чтобы не растянуть излишне время общаго образованія, и, въ то же время, не отнести курсъ математики къ возрасту слишкомъ раннему, необходимо вести курсъ математики параллельно съ курсомъ естественныхъ и прикладныхъ знаній. Но, начиная эти оба курса вмѣстѣ, мы не имѣемъ для начала естественныхъ знаній необходимаго математическаго основанія, и математика отдѣляется отъ начальной ариметики значительнымъ періодомъ времени, между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, она сама нуждается въ подготовленіи. Поэтому, періоду занятій естественными и прикладными знаніями и математикою, долженъ предшествовать приуготовительный курсъ общей ариметики и геометріи, сущность котораго будетъ указана ниже. Въ то же время предварительныя понятія изъ естествознанія и прикладныхъ знаній могутъ быть сообщены ученикамъ въ рядѣ занятій языками, начиная съ 12-ти-лѣтняго возраста. Математика нуждается въ повтореніи, которое, какъ сказано выше, должно представлять истинны науки въ новомъ видѣ. Всего лучше для этого ввести въ послѣдній періодъ воспитанія научное изслѣдованіе нѣсколькихъ наиболее обработанныхъ вопросовъ изъ физико-математическихъ наукъ.

Политическія науки могутъ быть раздѣлены по двумъ началамъ воспитанія—общечеловѣческому и гражданскому. Общечеловѣческое образованіе требуетъ курса, заключающаго очеркъ общественнаго устройства *; этотъ курсъ важенъ какъ самъ по

* О сущности этого курса скажу ниже.

себѣ, такъ и въ видѣ основанія для курса исторіи: онъ можетъ идти параллельно съ курсомъ естественныхъ и прикладныхъ знаній, и съ курсомъ математики. Гражданское образование требуетъ относительно подробнѣйшаго курса статистики отечества, — курса, который служитъ подготовкою въ практической жизни, и потому можетъ идти рядомъ съ курсомъ исторіи.

Такъ называемыя философскія науки могутъ быть подраздѣлены весьма разнообразно; не поднимая безконечнаго спора о ихъ существенномъ раздѣленіи, что относится къ систематикѣ наукъ, замѣтимъ, что для педагогическаго удобства легко внести исторію философскихъ системъ въ общую исторію; психологию и феноменологию духа можно разсмотреть въ ряду естественныхъ наукъ, такъ какъ явленія духовныя входятъ въ понятіе о природѣ въ ея обширнѣйшемъ смыслѣ. Логика составляетъ основной предметъ, который желательно внести въ преподаваніе возможно ранѣе, чтобы пользоваться его началами въ слѣдующихъ наукахъ, между тѣмъ отвлеченное изложеніе логики невозможно въ раннемъ возрастѣ. Остается вывести ея законы изъ наблюденія, и для этого представляется прекраснымъ матеріаломъ родной языкъ: ученикъ привыкъ въ дѣтствѣ къ правильному его употребленію, остается изъ наблюденія вывести сначала грамматическія формы языка, а изъ нихъ, отбрасывая временно уклоненія, имѣющія историческое происхожденіе, выдѣлать общія формы мышленія, откуда перейти къ общимъ логическимъ законамъ. Мы объ этомъ подробнѣе еще скажемъ ниже. Этика составляетъ въ педагогіи весьма важный пунктъ, но связи съ нравственнымъ воспитаніемъ, ея начала могутъ быть выведены какъ примѣръ логическаго разсужденія въ первый же періодъ воспитанія. Такимъ образомъ составитя курсъ грамматико-логическій съ приложеніемъ къ главнымъ вопросамъ этики; этотъ курсъ можетъ идти параллельно съ курсомъ общей ариеметики. Какъ философскія, такъ и политическія науки полезно повторять, группируя ихъ въ одно цѣлое, при чемъ онѣ могутъ быть дополнены нейрожденными еще отдѣлами. Эта группировка дѣлается доступною только въ послѣдній періодъ воспитанія и тогда эти свѣдѣнія могутъ составить, параллельно съ курсомъ исторіи, особый курсъ антропологіи.

Занятія языками имѣютъ, по существу своему, нѣсколько подраздѣленій. Занятія роднымъ языкомъ начинаются въ дѣтствѣ чисто-практически, продолжаютъ въ грамматическомъ изученіи

языка, что можетъ быть сдѣлано въ первый періодъ ученія, какъ сказано предъ этимъ, и заключаются историческимъ изученіемъ языка, возможнымъ только въ послѣдній періодъ воспитанія. Но практическія занятія роднымъ языкомъ продолжаются все время воспитанія и должны быть соединены съ практическимъ изученіемъ языковъ иностранныхъ. Древніе языки составляютъ при этомъ особую группу.

Допустимъ существованіе трехъ родовъ школъ или училищъ, подъ какимъ угодно названіемъ. Въ низшія заведенія поступаютъ мальчики около 12-ти лѣтняго возраста и проходятъ тамъ двухъ годовую курсъ. Отсюда они переходятъ въ среднія заведенія, гдѣ остаются 3 года. Наконецъ переходятъ въ высшія, въ которыхъ курсъ продолжается 2 года. Во всехъ этихъ заведеніяхъ обученіе не имѣетъ никакой спеціальной цѣли, но обнимаетъ общее образованіе.

Переводъ изъ одного заведенія въ другое полезенъ по многимъ причинамъ: а) съ мальчикомъ 13 и съ молодымъ человекомъ 19 лѣтъ, надо обращаться весьма различно, что, въ одномъ и томъ же заведеніи, имѣетъ видъ несправедливости, преимуществъ, превосходства однихъ предъ другими, а это влечетъ за собою часто весьма невыгодныя послѣдствія. б) Управленіе небольшими заведеніями удобнѣе. в) Ученики, переходя изъ одного заведенія въ другое, стараются болѣе пріобрѣсти, при новомъ начальствѣ и новыхъ преподавателей, такой же хорошій или еще лучшій отзывъ, чѣмъ въ прежнемъ заведеніи, между тѣмъ какъ въ многоклассныхъ заведеніяхъ случается, что ученики, захваленные въ началѣ, утомляются въ послѣдствіи и занимаются не такъ старательно, но все-таки поддерживаются уже пріобрѣтенною славою; другіе же, пріобрѣтѣя сначала невыгодное мнѣніе воспитателей и преподавателей, оставаясь все подѣ тѣмъ же начальствомъ, теряютъ надежду поправить мнѣніе о себѣ начальства и не стараются исправиться. Можно привести и еще причины, но я думаю, что довольно и этихъ.

Въ низшую школу поступаютъ воспитанники 12-лѣтняго возраста, при чемъ экзаменуются изъ Русскаго языка, начальной ариѳметики и языковъ иностранныхъ. Правильное употребленіе роднаго языка, какъ словесное, такъ и письменное, и сознательное производство начальныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, составляетъ необходимое условіе поступленія въ школу. Строгость въ этомъ случаѣ не опасна, потому что, при незначительности тре-

ній, всякое семейство въ состояніи представить ученика, удовлетворяющаго требованію экзаменаторовъ. Знаніе иностранныхъ языковъ не обязательно, но они служатъ къ раздѣленію на разряды, по степени въроятнаго ихъ развитія. Такомъ получаютъ три разряда учениковъ: 1) Ученики, знающіе на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и перешедшіе съ нихъ на Русскій; 2) Ученики, знающіе одинъ иностранный языкъ; 3) Ученики, не знающіе ни одного иностраннаго языка. Поступившіе ученики одного и того же разряда подраздѣляются на отдѣленія, изъ которыхъ каждое находится подъ вѣденіемъ особаго воспитателя и составлено изъ возможно мѣншаго числа воспитанниковъ. Весьма полезно, если воспитатель есть въ то же время и преподаватель основнаго курса и знаетъ иностранные языки. При раздѣленіи по отдѣленіямъ учениковъ одного и того же разряда должно принять въ соображеніе степень развитія ученика на столько, сколько можно ее узнать при поступленіи. Для этого во-первыхъ можетъ служить ловко и осторожно веденный разговоръ воспитателя съ каждымъ поступающимъ воспитанникомъ, а кромѣ того, ошибку, сдѣланную въ началѣ, можно исправить въ послѣдствіи, нѣсколько дней послѣ поступленія, переводомъ воспитанника изъ одного отдѣленія того же разряда въ другое. Впрочемъ, этого перевода надо избѣгать по возможности, когда занятія уже въ полномъ ходу. Такимъ образомъ ученики низшаго заведенія раздѣлены на отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ собраны ученики съ одинаковымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, и, по возможности, съ одинаковымъ развитіемъ. Чѣмъ менѣе знаютъ ученики и чѣмъ менѣе они развиты, тѣмъ искуснѣе долженъ быть воспитатель отдѣленія.

Въ каждомъ заведеніи идутъ параллельно и ежедневно два курса, изъ которыхъ одинъ основный, другой вспомогательный (въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ послѣдній состоитъ изъ двухъ курсовъ, поочередно смѣняющихся чрезъ день); кромѣ того, также ежедневно идутъ курсы: занятій языками, изящныхъ искусствъ и гимнастики. На всѣ эти занятія употребляется ежедневно 7 часовъ, распределенныхъ, примѣрно, слѣдующимъ образомъ:

Основный курсъ 1½

Вспомогательный курсъ 1

Гимнастика	1
Изящныя искусства	2
Языки	1 ¹ / ₂

Кромѣ того, четыре часа сряду ученикъ долженъ имѣть для самостоятельныхъ занятій, приготовленія уроковъ, повторенія ихъ, чтенія, размышленія и т. д. Считая, что ученики встаютъ въ 6 часовъ и ложатся въ 9, такимъ образомъ у нихъ заняты 11 часовъ изъ 15; часъ употребляется на рекреацию.

Всѣ эти курсы идутъ 5 дней въ недѣлю: шестой день назначенъ для религіознаго ученія, для добавочныхъ уроковъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность, для посѣщенія музеевъ, выставокъ, фабрикъ и т. п., наконецъ—для свободныхъ занятій воспитанниковъ. Въ высшихъ заведеніяхъ они имѣютъ и въ этотъ день одинъ урокъ.

Согласно цѣли предлагаемой статьи, я буду говорить только объ основныхъ, о вспомогательныхъ курсахъ и о занятіяхъ языками, предоставляя себѣ поговорить въ другое время объ эстетическомъ развитіи молодыхъ людей.

Основные курсы въ трехъ заведеніяхъ заимствуютъ свое начало изъ трехъ главныхъ отдѣловъ науки: двухъ-годовой курсъ низшаго заведенія уясняетъ мальчику начала и примѣненія логики, основывая ее на единственномъ извѣстномъ матерьялѣ для ученика, на законахъ его роднаго языка; трехъ-годовой курсъ средняго заведенія обнимаетъ естествознаніе и прикладныя знанія; двухъ-годовой курсъ высшаго заведенія—исторію.

Вспомогательные курсы служатъ приготовленіемъ къ послѣдующимъ основнымъ курсамъ и повтореніемъ предъидущихъ, включая въ то же время курсъ математики. Они подраздѣляются слѣдующимъ образомъ: въ низшихъ заведеніяхъ — курсъ общей ариѳметики и начальной геометріи; въ среднихъ заведеніяхъ — два курса: а) Математики, б) Общественнаго устройства; въ верхнихъ заведеніяхъ два курса: а) Астрономіи и б) Антропологии; въ послѣднихъ заведеніяхъ въ шестой день недѣли идетъ еще прибавочный курсъ, Статистики и Законодательства Россіи. Занятія языками имѣютъ двѣ отрасли: а) занятія языками, болѣе или менѣе извѣстными уже ученикамъ; во главѣ этихъ языковъ стоитъ родной языкъ: эти занятія имѣютъ постоянною цѣлью не побужденіе ученика употреблять чужой языкъ вмѣсто роднаго, но доставленіе ему возможности пользоваться иностран-

я литературамъ, какъ матеріалами для науки и сокровищницами изящныхъ произведеній. Но, кромѣ того, эти занятія весьма важны, какъ средства подготовки систематическаго изученія предметовъ, которые проходятся въ высшихъ заведеніяхъ; поэтому занятія языками должны быть ведены совершенно систематически, замѣняя въ низшихъ заведеніяхъ начальный курсъ естествознанія и исторіи. Въ низшихъ заведеніяхъ эти занятія состоятъ въ переводахъ и разсказахъ; въ среднихъ заведеніяхъ въ извлеченіяхъ; въ высшихъ переходятъ въ критическій разборъ. б) Изученіе языковъ неизвѣстныхъ еще. Сюда относятся въ слабѣйшихъ отдѣленіяхъ низшихъ заведеній занятія иностранными языками, въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ занятія древними языками и въ высшихъ заведеніяхъ курсъ славянскаго языка, соединенный съ исторической грамматикою отечественнаго языка.

Въ низшихъ заведеніяхъ идутъ, какъ сказано выше, ежедневно три курса: грамматико-логическій курсъ, общая ариѳметика съ начальной геометрией и занятія языками. Каждый изъ этихъ предметовъ долженъ имѣть свою цѣлость, независимо отъ полноты, съ которою проходится; всѣ три вмѣстѣ должны составлять нѣкоторый кругъ знаній, при чемъ ученикъ, котораго главный предметъ составляетъ грамматико-логическій курсъ, во всѣхъ остальныхъ предметахъ долженъ получить достаточное основаніе для курсовъ за тѣмъ слѣдующихъ. При этомъ не должны быть оставлены безъ употребленія, и забыты безъ пользы, тѣ разрозненные свѣдѣнія, которыя воспитанникъ получилъ разными путями въ дѣтствѣ, а напротивъ, эти свѣдѣнія должны быть въ нѣкоторой степени собраны, и необходимыя пробѣлы въ нихъ пополнены.

Предметъ грамматико-логическаго курса составляютъ законы мышленія, почерпнутыя изъ законовъ языка и приложенныя къ обязанностямъ чловѣка относительно себя, отдѣльныхъ людей, общества и отвлеченныхъ идей.

Воспитаннику знакомъ безсознательно родной языкъ; мальчикъ приученъ правильно его употреблять въ разговоръ и письмъ: вотъ основаніе, на которомъ созидается зданіе курса. Разборъ предложеній приводитъ ученика къ сознанію словъ какъ техническихъ частей рѣчи и какъ логическихъ частей мысли. Дальнѣйшій разборъ и сравненіе различныхъ предложеній приведутъ ученика къ сознанію, что элементы мысли чловѣка постоянны и опредѣленны по началу и по выраженію своему, и такимъ обра-

зомъ онъ отъ грамматическихъ формъ перейдетъ къ необходимымъ составнымъ частямъ мысли. Разборъ періодовъ и рчечей, за тѣмъ слѣдующій, приведетъ ученика къ изученію совокупности мыслей, замкнутаго сужденія, умозаключенія, выходящаго изъ основныхъ понятій, какъ слѣдствіе изъ причины. Различные роды доказательствъ, приводимыхъ въ рядъ примѣровъ, приучатъ ученика къ различнымъ способамъ сужденія, къ различнымъ методамъ достиженія истины. Тогда можно перейти къ изученію общихъ признаковъ истины, способовъ, употребляемыхъ для избѣжанія ошибки и къ раздѣленію истинъ, доступныхъ человѣку, на разряды по способу ихъ приобрѣтенія. Далѣе можно разсмотрѣть, въ видѣ примѣровъ для пройденнаго курса, обсужденіе обязанностей человѣка, относительно себя, другихъ людей, общества и отвлеченныхъ идей. Считаая въ первый годъ 42 недѣли занятій, во второй 38, потому что въ концѣ слѣдуетъ экзаменъ, и по пяти лекцій въ недѣлю, имѣемъ 400 лекцій, которыя, примѣрно, распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

- 1) Разборъ предложеній 90
- 2) Разборъ періодовъ и рчечей 90
- 3) Разборъ доказательствъ 80
- 4) Изслѣдованіе истинъ 80
- 5) Обязанности человѣка 60 *

Первые три отдѣла требуютъ многочисленныхъ практическихъ занятій, чтобы ученикъ дошелъ до результатовъ, на которыхъ основаны послѣдніе два отдѣла, путемъ собственнаго сознателнаго анализа, а не повторяя голословно правила, выводимыя учителемъ изъ нарочно выбранныхъ немногихъ примѣровъ, запоминаемыхъ ученикомъ. Въ одно и тоже время этотъ курсъ долженъ удовлетворять тремъ условіямъ: усвоенію ученикомъ всѣхъ формъ роднаго слова, систематическому обзору законовъ мысли и правильному взгляду на обязанности человѣка, не какъ предписанныя извнѣ, но обусловливаемые разумомъ.

* Само собою разумѣется, что во всѣхъ курсахъ, гдѣ обозначено число лекцій по отдѣламъ, это сдѣлано лишь примѣрно, не представляетъ никакой обязательности для курса, и я употребилъ эти числа только какъ кратчайшее средство для показанія внимательному читателю относительнаго объема, который можно дать, по моему мнѣнію, различнымъ частямъ курсовъ. Это можетъ служить къ уясненію подробностей моей мысли, что другимъ путемъ требовало бы гораздо длиннѣйшаго развитія. Это сдѣлано мною только въ трехъ курсахъ.

Много возраженій вѣроятно встрѣтитъ проектъ этого курса; займусь сначала самымъ важнымъ изъ нихъ, которое представляется первое, и которое заключало бы рѣшительный приговоръ противъ сказаннаго выше, еслибы оно было основательно: многіе найдутъ, что я требую невозможнаго, что законы логическаго разсужденія недоступны въ 14 лѣтъ. Для отвѣта обратимся къ наблюденію: въ эти годы мальчики дѣлають грамматическій и логическій анализъ предложенія, начинаютъ алгебру и геометрію проходятъ латинскую грамматику и при этомъ занимаются многими другими предметами: географіей, исторіей, натуральной исторіей и т. д. Отчего же мы встрѣтимъ неодолимые препятствія, концентрировавъ вниманіе учениковъ на одинъ предметъ, ведя ихъ постепенно путемъ наблюденія и разбора отъ предложенія къ мысли, отъ рѣчи къ сужденію, отъ сравненія доказательствъ къ законамъ доказательства и сознанія истины? Эти препятствія встрѣтятся, если мы захотимъ въ способъ ученія дѣлать скачки, если, не утвердившись въ предъидущемъ, захотимъ перейти къ послѣдующему; если курсъ будетъ составленъ изъ статей, легко понятныхъ ученику, но не заключенныхъ въ систематическій кругъ и не связанныхъ путеводною мыслию, достаточно ясною для ученика, чтобы онъ самъ видѣлъ необходимость такого именно перехода отъ одной статьи къ другой, какой ему предлагаютъ. Въ послѣднемъ случаѣ ученикъ также скоро позабудетъ выученное, какъ его усвоилъ.—Формы языка, извѣстныя уже ученику изъ практики, сообщаютъ въ предложенномъ планѣ логическимъ построеніямъ ту ясность и прочность, которыя доставятъ курсу истинно-педагогическій методъ, а примѣненія къ ежедневнымъ истинамъ нравственности внесутъ въ курсъ ту занимательность, которая возбуди́тъ вниманіе молодыхъ умовъ, и въ которой часто оказывается недостатокъ въ курсахъ чисто формальныхъ. Я уже не говорю о пользѣ научнаго изслѣдованія нравственныхъ истинъ для самаго нравственнаго воспитанія.—Мнѣ кажется, что постепенность перехода отъ началъ, извѣстныхъ ученику, къ изученію законовъ истины, практической методъ, занимательность окончательнаго отдѣла курса и въ особенности концентрировка вниманія ученика на одинъ ежедневный курсъ, дѣлають не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ успѣхъ преподаванія. Прочія возможные возраженія не такъ важны. 400 лекцій достаточны для хорошаго пракческаго и теоретическаго слѣдованія курса, особенно съ небольшимъ чис-

ломъ учениковъ, и занятія ихъ еще облегчатся, если преподавателемъ этого курса будетъ самъ воспитатель, который находится при нихъ во время приготовленія уроковъ. — Недостатокъ существующаго, готоваго курса, написаннаго по этой методъ, не есть еще непреодолимое препятствіе, потому что учебники пишутся всегда уже по принятіи новой методы, для учениковъ существующихъ, а не воображаемыхъ. Изученіе древнихъ языковъ съ тою цѣлью, для которой я предлагаю родной языкъ, не кажется мнѣ необходимымъ, потому что каждый человѣчскій языкъ построенъ по человеческой логикѣ, хотя, можетъ быть, и не одинаково строга, но ни въ одномъ логика не такъ близка уму ученика, какъ въ языкъ, на которомъ мальчикъ привыкъ думать съ колыбели. Указанія въ другихъ языкахъ формъ, замѣняющихъ русскіе обороты языка и мысли, можетъ быть полезно при искусномъ преподавателѣ, но обязательными быть не должны.

Параллельно съ основнымъ курсомъ идетъ въ это время вспомогательный курсъ Общей Ариѳметики и Начальной Геометріи, который, какъ вспомогательный, служитъ введеніемъ въ курсъ Математики слѣдующихъ заведеній, и въ курсъ естествознанія, но какъ самостоятельный курсъ имѣетъ свое особое, цѣлостное значеніе. Этотъ курсъ долженъ быть таковъ, чтобы ученикъ, прошедшій его хорошо, могъ понять главные математическія выраженія и знаки, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ не спеціально математическихъ. Поэтому, въ немъ долженъ заключаться обзоръ главныхъ математическихъ формъ и численнаго ихъ выраженія, необходимѣйшихъ геометрическихъ истинъ и сущности геометрическихъ методовъ. Къ этому прибавляется, въ видъ приготовленія къ математическому анализу и какъ примѣръ для основнаго курса логики, курсъ начальной геометріи по способу Эвклида, и въ видъ приготовленія къ другимъ прикладнымъ частямъ математики, систематическій рядъ вопросовъ изъ различныхъ прикладныхъ частей. Многимъ покажется, можетъ быть, весьма страннымъ подобный курсъ; но я думаю, что можно легко убѣдиться въ его пользѣ, если разсмотримъ внимательно сущность и цѣль математическаго преподаванія.

Всѣ согласны въ важности математики для преподаванія, а между тѣмъ ея значеніе въ современномъ общественномъ образованіи совершенно ничтожно. Практическая цѣль всякой науки состоитъ въ проникновеніи въ жизнь своими началами, въ усвое-

ніи обществу своей главной мысли, своихъ существеннѣйшихъ истинъ, своего отличительнаго характера. Науки естественныя, науки политико-историческія ближе подходятъ къ этой цѣли: большая часть образованныхъ читателей понимаетъ сознательно различныя намеки на эти предметы, намеки, разсѣянные въ книгахъ, написанныхъ не для специалистовъ, хотя немногіе изъ читателей въ состояніи замѣтить софизмъ и неточность приводимыхъ мнѣній. Но совершенно въ другомъ положеніи математика: весьма немногіе изъ образованныхъ людей въ состояніи сознательно прочесть напримѣръ хоть Элементарную Астрономію Гершеля, потому что въ ней говорится о синусахъ и косинусахъ; результаты трудовъ цѣлой жизни Лагранжа, Эйлера, Коши, Гаусса остаются доступными только специалистамъ-математикамъ; и образованный человѣкъ, который знаетъ мѣсто, занимаемое въ развитіи челоуѣчества Ньютономъ, Спинозой, Лейбницемъ, едва ли знаетъ имя Лагранжа. Между тѣмъ всѣ учатся Математикѣ, многіе даже очень хорошо; многіе проходятъ Начальную Алгебру и Геометрію съ большими подробностями, съ доказательствами, занимающими нѣсколько страницъ, но не имѣютъ понятія объ асимптотѣ гиперболы, не видали знака интеграла и потому не могутъ никогда отдать себѣ отчета въ современномъ состояніи Математики. Она для нихъ составляетъ не науку, а въ самомъ выгодномъ случаѣ умственную гимнастику, приучающую къ известнаго рода доказательствамъ. Нѣтъ предмета, который бы такъ трудно давался ученику; нѣтъ предмета, который бы такъ легко забывался, если имъ не занимаются постоянно, и потому нѣтъ предмета, который, въ нынѣшнемъ состояніи его преподаванія, приносилъ бы столь малую пользу. И это легко себѣ объяснить: болѣею частью преподаваніе Математики не имѣетъ ни цѣлости, ни подготовки и этотъ предметъ рѣдко повторяется надлежащимъ образомъ. Математика, какъ наука, имѣетъ превосходные методы, дающіе ей истинамъ ту степень достовѣрности, на которой сомнѣніе невозможно, и это-то, дѣлая Математику торжествомъ челоуѣческаго ума, ставитъ ее на первое мѣсто между науками. Но превосходство ученаго метода не всегда совпадаетъ съ превосходствомъ метода педагогическаго и въ послѣднемъ отношеніи Математика не только не выше, но едва ли не ниже всѣхъ прочихъ наукъ. Въ преподаваніи всѣхъ прочихъ наукъ существуетъ довольно ранняя подготовка, довольно цѣльный обзоръ науки и

довольно частое и разнообразное повторение. Въ дѣтствѣ знакомится мальчикъ съ предметами естественной исторіи, съ разными физическими явленіями, съ различными явленіями общественнаго устройства, съ именами, характеристиками разныхъ историческихъ лицъ, съ нѣкоторыми техническими производствами. Когда онъ начинаетъ систематическое изученіе естественной исторіи, физики, общественнаго порядка, исторіи и технологіи, то ему представляются не новые предметы, понятія и представленія, но уясняются, дополняются и группируются прежнія. Въ самомъ преподаваніи, не думаю, чтобы гдѣ-нибудь проходили физику безъ явленій гальванизма, естественную исторію безъ инфузорій, исторію, пропуская нѣкоторые періоды и т. п. Наконецъ, вступая въ жизнь, безпрестанно приходится припоминать въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ естественныя, историческія, техническія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ школѣ, и пополнять эти свѣдѣнія новыми. Но какъ проходитъ Математика? Въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкъ сознательно производить четыре первыя дѣйствія надъ цѣлыми числами; я сказалъ сознательно, но всякій согласится, что разсужденія тутъ требуется немного, а механизмъ составляетъ самое важное. Послѣ этого ученикъ приступаетъ къ алгебрѣ; здѣсь ему все ново: буквенныя выраженія для чиселъ, формулы, способъ доказательства, понятія; и его ведутъ шагъ за шагомъ, разсматривая подробно, научно, всякій шагъ, не давая ему иногда заглядывать впередъ. Выучивъ одинъ, два, три отдѣла, онъ все-таки не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ общемъ очеркѣ науки, онъ не можетъ даже иногда составить себѣ яснаго понятія о томъ, какой вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ слѣдующую лекцію. Еще до уравненій первой степени онъ встрѣчаетъ названіе дѣйствій ему извѣстныхъ; но потомъ, переходя постепенно къ уравненіямъ первой степени, къ радикальнымъ выраженіямъ, къ уравненіямъ квадратнымъ, наконецъ къ логарифмамъ, онъ встрѣчаетъ все новое, не знаетъ почему здѣсь именно останавливается курсъ, и даже о чемъ идетъ рѣчь въ отброшенной части. Геометрія находится почти въ томъ же положеніи: трудно пояснить ученику, почему въ каждой главѣ помѣщается именно столько теоремъ, очевидно не исчерпывающихъ предмета даже въ его существенныхъ частяхъ, и какъ часто ученикъ слышитъ отъ учителя, на вопросъ: для чего это? отвѣтъ: это нужно будетъ въ послѣдствіи. Часто математическія науки оканчиваются тѣми ча-

стями, о которыхъ сказано выше или къ этому прибавляется Тригонометрія, опять не связанная существенно съ прочими главами. Безспорно, ученикъ можетъ вполне себя отдать отчетъ, какимъ путемъ разсужденія онъ дошелъ до всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ истинъ; но даже приблизительное значеніе этихъ истинъ въ наукъ ему неизвѣстно. Онъ похожъ на путешественника, проникнувшаго въ неизвѣстную ему страну безъ астрономическихъ инструментовъ. Онъ можетъ отдать себя ясный отчетъ, гдѣ онъ шелъ и какимъ путемъ дошелъ до мѣста своего пребыванія, но не знаетъ гдѣ находится; не знаетъ, куда придетъ, пройдя еще нѣсколько; не знаетъ, гдѣ востокъ и гдѣ западъ, что лежитъ на право и на лѣво. Между тѣмъ какъ въ другихъ наукахъ ученикъ, въ болѣе части случаевъ, знаетъ общую карту мѣстности и положенія въ ней того, что имъ пройдено, хотя не отдаетъ себя яснаго отчета о препятствіяхъ и изворотахъ пути, которымъ онъ достигъ мѣстности, гдѣ находится. Математикъ учить въ наше время такъ, какъ будто каждый ученикъ долженъ въ свою очередь быть преподавателемъ той части, которую прошелъ, и какъ будто эта часть составляетъ въ наукъ особое цѣлое. Это произошло преимущественно отъ того, что различныя части науки Математики постепенно обрабатывались со всею точностью, ей одной доступной, и изящество методовъ первыхъ составителей побуждало педагоговъ перенести почти цѣликомъ части науки въ преподаваніе. Но со временемъ объемъ Математики росъ, и весьма трудно было внести всѣ главнѣйшія изслѣдованія съ ихъ длиннымъ путемъ въ преподаваніе, а потому ограничились прежнимъ объемомъ, назвавъ эту часть начальной или элементарной математикой. Въ слѣдствіе этого, преподаваніе отстало отъ науки, польза его въ общемъ образованіи уничтожилась, и самое названіе элементарнаго курса сдѣлалось не точно, потому что этотъ курсъ не заключалъ уже элементовъ, стихій, существенныхъ частей науки, но отрывочныя изслѣдованія о нѣкоторыхъ ея вопросахъ, изслѣдованія, чуждыя современныхъ интересовъ науки. Оттого примененіе или повтореніе знаній оказалось почти невозможнымъ: пришлось почти нарочно придумывать вопросы, рѣшеніе которыхъ ограничилось бы только пройденными частями Математики, и ученикъ, употребившій съ успѣхомъ часть учебнаго времени на курсъ Математики, не могъ даже приступить къ современнымъ трудамъ по этой наукѣ, къ ея живымъ вопросамъ, потому что онъ не ценилъ не только подробностей со-

временныхъ изслѣдованій, относящихся къ теоріи дифференціаль-ныхъ уравненій или къ теоріи чиселъ, но и самой сущности этихъ вопросовъ. Очевидно это отталкивало молодого человека отъ науки; онъ ограничивался ежедневной арифметической практикой четырехъ первыхъ дѣйствій, забывалъ что знаетъ, и говорилъ, что Математика превосходная, необходимая, но самая трудная и головоломная наука. А откровенные люди прямо говорятъ, что Математика не нужна ни къ чему въ общемъ образованіи, что, кромѣ начальной арифметики, все остальное есть бесполезная трата времени. И эта наука въ наше время осталась въ положеніи, которое было обще всѣмъ наукамъ за нѣсколько столѣтій: она доступна однимъ спеціалистамъ и совершенно чужда обществу.

Чтобы помочь нынѣшнему положенію дѣль, необходимо доставить Математику пригготовительный курсъ, въ которомъ ученикъ ознакомился бы, безъ строгаго научнаго метода, съ составомъ, сущностью и формалистикой Математики въ ея цѣлости. Этотъ обзоръ составить основаніе для болѣе строгаго курса Математики, проходимаго въ среднихъ заведеніяхъ. Въ одной части курса ученикъ ознакомится и съ строгимъ математическимъ методомъ, а для этого едва ли можно избрать что лучше Начальной Геометріи по методу Эвклида. Въ разнообразныхъ вопросахъ ученикъ ознакомится съ приложеніемъ Чистой Математики и Геометріи къ другимъ наукамъ.

Впрочемъ, въ иностранныхъ курсахъ Арифметики давно уже сдѣлано нѣсколько шаговъ по этому пути: извлеченіе радикаловъ и вычисленіе логарифмовъ введено въ курсъ Арифметики, но при этомъ еще осталось стремленіе строго доказать все, что проходитъ, стремленіе, поглощающее иногда много времени. Надо распространить это направленіе на весь объемъ Математики, выигрывая въ доказательствахъ время, которое употребляется на расширеніе самого объема курса. Трудности встрѣтятся не болѣе, какъ при вычисленіи логарифмовъ, а что касается до'строгости науки, то эта строгость еще впереди, въ курсъ математики среднихъ заведеній, гдѣ собственно начинается наука. Я не говорю, что всѣ доказательства должны быть выброшены; нѣтъ: простые доказательства могутъ войти въ курсъ на столько, какъ простые опыты входятъ въ курсъ начальной физики, и менѣе строгое доказательство должно быть предпочтено болѣе строгому, если первое короче. Отъ учениковъ же должно осо-

бенно требовать пониманія и употребленія математическихъ знаковъ, а не заочинанія всѣхъ изящныхъ приступовъ въ доказательствахъ. Другое дѣло въ курсѣ Начальной Геометріи, проходимою именно какъ умственная гимнастика: здѣсь не только необходимо заставлятъ ученика обращать вниманіе на всѣ повороты мысли, но полезно ему задавать, въ видѣ практики, теоремы, не входящія въ курсъ, для отысканія имъ доказательства; конечно, для этого надо выбирать теоремы самыя легкія, начная съ болѣе или менѣе прямыхъ слѣдствій выведенныхъ теоремъ. Ежедневный двухъ-годовой курсъ изъ 400 уроковъ я считаю вполне достаточнымъ для предметовъ мною указанныхъ, распредѣляя его слѣдующимъ образомъ:

А. Общая Арифметика.

- 1) Цѣлыя формулы и ихъ вычисленіе (20).
- 2) Дробныя формулы и ихъ вычисленіе (20).
- 3) Радикальныя формулы и ихъ вычисленіе (30).
- 4) Вычисленіе логарифмовъ и показательныхъ выраженій (30).
- 5) Рѣшеніе численныхъ уравненій (10).
- 6) Понятіе о безконечно-малыхъ величинахъ, дифференціалахъ, интегралахъ и дифференціальнымъ уравненіямъ (5).
- 7) Вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ по формулъ квадратуръ (15).
- 8) Вычисленіе величинъ, данныхъ таблицами (5).
- 9) Нѣкоторыя обозначенія и вопросы изъ теоріи чиселъ (5).

В. Начальныя геометрическія теоремы.

- 1) На плоскости (30).
- 2) Въ пространствѣ (30).

С. Обзоръ Геометріи.

- 1) Измѣреніе линій, дугъ, площадей и объемовъ (20).
- 2) Тригонометрическія линіи и дуги круга. Ихъ вычисленіе (20).
- 3) Выраженіе свойствъ точекъ формулами. Прямая линія и кругъ (30).
- 4) Коническія сѣченія и нѣкоторыя другія кривыя. Ихъ черченіе (30).
- 5) Понятіе о методѣ проэкцій (10).

- 6) Понятіе о различныхъ поверхностяхъ (10).
7) Разные геометрическіе вопросы (30).

D. Вопросы изъ различныхъ прикладныхъ наукъ (50).

Воспитатель, вмѣстѣ съ преподавателемъ, всего лучше могутъ опредѣлить, въ какомъ порядкѣ отдѣлы этого курса могутъ слѣдовать одинъ за другимъ. Мнѣ кажется, что лучше начать одновременно отдѣлы А и В, ведя преподаваніе черезъ день, такъ, чтобы въ первый годъ были пройдены 4 статьи отдѣла А, весь отдѣлъ В и двѣ статьи отдѣла С. Это будетъ выгодно и потому, что при рѣшеніи численныхъ уравненій можно будетъ ввести и тригонометрическія функціи. За тѣмъ, окончивъ отдѣлъ А, можно вести ежедневно отдѣлъ С и потомъ уже перейти къ отдѣлу D.

Занятія языками имѣютъ двойную цѣль: во-первыхъ, надо ознакомить воспитанниковъ, не знающихъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, съ этими языками, на столько, чтобы ученики умѣли читать, хотя неправильно выговаривая, но понимая читаемое и умѣя перевести его на русскій языкъ; ученикамъ, знающимъ эти языки, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и англійскій, должно доставить достаточную практику, для того, чтобы ихъ познанія развились и сдѣлались болѣе точными, болѣе практическими. Но, кромѣ того, занятія языками служатъ удобнѣйшимъ средствомъ для сообщенія молодымъ людямъ множества разнообразныхъ свѣдѣній, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ систематическихъ курсахъ послѣдующихъ лѣтъ, а здѣсь встрѣчаются какъ приготовительныя знанія. Эти свѣдѣнія не составляютъ особыхъ курсовъ, чтобы не развлечь вниманія ученика, концентрированное на два главные курса, но тѣмъ не менѣе обогащаютъ его память и развиваютъ его умъ.

Первой цѣли, предполагающей различныя занятія для учениковъ различнаго знанія, удовлетворяетъ раздѣленіе отдѣленій, по которому, какъ выше сказано, въ каждомъ отдѣленіи находятся ученики приблизительно одинаковаго развитія. Учителемъ долженъ быть русскій, знающій два или три иностранныхъ языка, и занятія, въ болѣе части отдѣленій, ограничиваются переводами словесными и письменными съ иностранныхъ языковъ на русскій, или рассказами на русскомъ же языкѣ, прочитаннаго, переведеннаго или слышаннаго отъ учителя. Только въ некото-

рыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ находятся мальчики особенно хорошо знающіе какъ русскій, такъ и иностранные языки, допускается переводъ на послѣдніе и разсказъ на этомъ языкѣ, при чемъ уже учитель должнъ быть выбранъ обладающій не только научнымъ знаніемъ; но и изящнымъ употребленіемъ иностраннаго языка. Все это потому, что должно смотрѣть на русскій языкъ всегда какъ на главный, существенный: ученикъ долженъ на немъ выражаться словесно и письменно не только правильно, но изящно; дол... обладать роднымъ словомъ, какъ всегда готовымъ орудіемъ. Между тѣмъ, иностранные языки должны служить русскому чловѣку только средствомъ для усвоенія иностранныхъ литературъ, для знакомства съ произведеніями науки и искусства. Русскій не долженъ имѣть въ виду необходимости говорить или писать на иностранныхъ языкахъ: если эта необходимость ему встрѣтится въ жизни, пусть доучивается тому, чему нужно; но общество не можетъ имѣть въ виду это специальное требованіе, которое, какъ выше сказано, не входитъ ни въ общечеловѣческія, ни въ гражданско-русскія потребности; точно также, какъ общество не имѣетъ въ виду specialнаго требованія того или другаго знанія, которое можетъ однако встрѣтиться въ жизни. Мнѣ возразятъ необходимостью говорить въ обществѣ по-французски, но эта необходимость искусственная, какъ это было повторено много уже разъ. Необходимость же говорить изящно на иностранномъ языкѣ при поездахъ за границу, не думаю, чтобы точно была необходимостью; по-крайней-мѣрѣ множество путешественниковъ-иностранцевъ обходятся безъ изящнаго произношенія языка, имъ чуждаго, но на которомъ они могутъ говорить понятно, зная его книжно. Весьма обманчиво тщеславное удовольствіе русскихъ, воображающихъ, что ихъ принимаютъ во Франціи за французовъ, въ Германіи за нѣмцевъ: очень часто продавцы въ Парижѣ, не показывая виду, что они слышали легкій иностранный отбѣнокъ выговора, доказываютъ баснословными цѣнами за все продаваемое, что они очень поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Да, наконецъ, велика слава, что иностранецъ не будетъ знать, что я русскій! Неужели это стыдно быть русскимъ? или иностранецъ, найдя, что русскій говоритъ дѣльно о разныхъ предметахъ, сочтетъ его менѣе образованнымъ, слыша не совсѣмъ чистый выговоръ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда русскій будетъ нести вздоръ и выказывать свое невежество на чистѣйшемъ парижскомъ діалектѣ или на са-

момъ звучномъ Hochdeutsch, или при самомъ безукоризненномъ выговорѣ англійскаго th?... Впрочемъ, объ этомъ много уже говорено и говорено гораздо лучше, чѣмъ я могъ бы сказать. Принимая, что иностранные языки суть только средства для знанія, а не цѣль, я считаю, что русскій можетъ удобнѣе учить иностраннымъ языкамъ, чѣмъ иностранецъ. Въ самомъ дѣлѣ, существеннѣйшее дѣло здѣсь есть переводъ, при которомъ учитель можетъ передать ученику самый ближайшій подстрочный переводъ, самый ближайшій переводъ фразы, согласный съ духомъ языка, на который переводить, и объяснить, почему изъ числа многихъ близкихъ выраженій надо въ данномъ случаѣ выбрать именно то, а не другое. Для этого нужно хорошо знать языкъ, съ котораго переводишь, и вполне обладать языкомъ, на который дѣлается переводъ, последнее потому, что въ оригиналь фразы, оборотъ и слова даны: ихъ надо только вполне понять; въ переводъ надо отыскать соответствующія слова, припомнить близкіе синонимы, разобрать ихъ и уложить фразу въ изящный оборотъ. Понять не особенно трудно иностранцу, достаточно занимающемуся языкомъ, съ котораго переводить, но найти точно близкій и изящный переводъ можно только на языкъ, на которомъ привыкъ думать. Къ тому же, можно найти гораздо большее число русскихъ, обладающихъ хорошимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, чѣмъ иностранцевъ, обладающихъ сноснымъ знаніемъ русскаго языка. Русскій учитель, знающій два или три иностранныхъ языка, гораздо легче укажетъ ученику общіе ихъ обороты, идиотизмы, слова, выходящія изъ одного корня и т. п., и это сравнительное изученіе, это сближеніе и сравненіе, освѣщенное въ особенности законами языка, роднаго ученикамъ и учителю, всего лучше уяснитъ ученику духъ роднаго языка, особенности иностраннаго, и придастъ занятіямъ занимательность, которую они едва-ли получаютъ подъ руководствомъ иностранца.—Занятія здѣсь могутъ быть слѣдующія: словесный переводъ читаемаго, письменный переводъ читаемаго, словесный рассказъ прочитаннаго, письменная передача своими словами прочитаннаго за нѣкоторое время предъ тѣмъ, передача словесная или письменная рассказа, сдѣланнаго учителемъ. Оригиналы для переводовъ, чтенія, могутъ быть сдѣланы на какомъ угодно языкъ, знакомомъ ученику, рассказы для передачи дѣлаются по-русски, точно также, какъ разборы переводовъ, передачь своими словами и рассказовъ воспитанниковъ. Сочиненій

дозволять не слѣдуетъ, потому что, при небольшихъ знаніяхъ учениковъ въ этомъ періодѣ, эти сочиненія могутъ только быть амплификаціей, и приучаютъ ученика играть словами, что вредно: ученіе языковъ должно развивать положительное знаніе; если же ученикъ выказываетъ признаки ранняго литературнаго или даже поэтическаго таланта—это дѣло занятій изящными искусствами, о чемъ скажемъ въ другое время. Все, что было сказано, относится къ ученикамъ, уже знающимъ иностранные языки; что же касается до тѣхъ, которыхъ нужно учить имъ, то для нихъ всѣ предъидущія занятія идутъ на русскомъ языкѣ, ограничиваются передачею словесно и письменно своими словами прочитаннаго или рассказаннаго, но съ этими занятіями перемеживается начальное изученіе иностранныхъ языковъ. Методы я не указываю, потому что всѣ методы даютъ прекрасные результаты, если онѣ вполне усвоены преподавателемъ, и если онъ любитъ свое дѣло. Когда ученики достигнутъ такого знанія, что могутъ переводить съ иностранныхъ языковъ, то занятія ихъ дополняются переводами. Конечно, въ отдѣленіяхъ, гдѣ помѣщены незнающіе иностранныхъ языковъ, долженъ находиться самый опытный и искусный преподаватель, потому что на немъ лежитъ двойное или тройное дѣло противъ прочихъ отдѣленій.

Для достиженія второй цѣли занятій языками долженъ быть составленъ сборникъ, заключающій:

- 1) Систематическій рядъ описаній и рассказовъ изъ естественныхъ наукъ.
- 2) Систематическій рядъ описаній и рассказовъ изъ общественной и государственной жизни.
- 3) Рядъ очерковъ главнѣйшихъ техническихъ производствъ.
- 4) Систематическій рядъ историческихъ картинъ и характеристикъ.

Этотъ сборникъ долженъ быть составленъ изъ статей, удовлетворяющихъ одновременно современному состоянію науки, изяществу языка, простотѣ изложенія и краткости. Статьи должны быть выбраны изъ сочиненій, написанныхъ на разныхъ языкахъ, и идти поперемѣнно, соответственно своему назначенію. Для перевода должны быть назначены статьи короткія, для чтенія и рассказа болѣе длинныя. Статьи особенно важныя, заключающія болѣе фактовъ, какъ-то: группировку однородныхъ физическихъ явленій, уясненіе важнѣйшихъ государственныхъ учреждений, осязательную характеристику историческихъ періодовъ, могутъ быть

*

последовательно избираемы предметомъ для перевода, разсказа, передачи своими словами и т. п. При разсказахъ и переводахъ словесныхъ, учитель обязанъ въ особенности обращать вниманіе на изящество языка, на точность употребленія словъ, на правильность выговора, на устраненіе дурной привычки приговаривать, перепутывать слова, не доканчивать фразъ и т. п. Весь рядъ занятій долженъ быть всегда пройденъ учениками и именно въ томъ порядкѣ, какъ онъ указанъ, потому что только тогда эти занятія будутъ служить истинно вспомогательнымъ средствомъ для слѣдующихъ курсовъ.

Если родители воспитанника желаютъ, чтобы онъ особенно занялся тѣмъ или другимъ языкомъ и имѣлъ для этого иностранца-учителя, то эти добавочныя занятія могутъ имѣть мѣсто въ шестой день недѣли, на который не назначено опредѣленныхъ учебныхъ занятій.

Такимъ образомъ, первые два года систематическаго ученія дадутъ ученику основательный взглядъ на родной языкъ и на сущность человѣческой логики, прилагая ее къ самымъ живымъ вопросамъ его жизни—къ вопросамъ о его обязанностяхъ. Далее дадутъ они ему очеркъ и матеріаль математическихъ наукъ, какъ вспомогательное и приуготовительное средство для курса анализа и естественныхъ наукъ. Наконецъ они обогатятъ его память систематическимъ рядомъ свѣдѣній, приобретенныхъ попутно, при занятіяхъ языками, нужными сами по себѣ въ послѣдствіи.—Курсъ этотъ имѣетъ свою цѣлость, и едва ли можно въ столь малое время, не затрудняя ученика раздробленіемъ и большимъ числомъ занятій, доставить ему другимъ путемъ болѣе свѣдѣній полезныхъ, какъ сами по себѣ, такъ и въ видѣ приуготовленія къ слѣдующему, и связать эти свѣдѣнія тѣснѣе между собою.

Въ общественномъ заведеніи все веденіе этого курса лежитъ на ближайшемъ воспитателѣ. Большое число лицъ, окружающихъ ученика, иногда можетъ быть вредно, потому что при этомъ болѣею частію теряется единство мысли, которое должно одушевлять воспитаніе; скорѣе могутъ явиться несогласія, интриги, ссоры между воспитателями и учителями, что самымъ вреднымъ образомъ отзывается на нравственномъ, а болѣею частію и на умственномъ воспитаніи. Къ тому же огромные труды воспитанія требуютъ хорошаго вознагражденія и гораздо удобнѣе можно имѣть немногихъ воспитателей и учителей, которые, при болѣ-

номъ содержаніи, совершенно посвящать нѣсколько лѣтъ своей жизни дѣлу воспитанія, чѣмъ многочисленныхъ наблюдателей и преподавателей, которые, получая небольшое содержаніе, будутъ искать пополненія его еще посторонними занятіями. Хорошо, если воспитатель, кромѣ своего нравственнаго значенія, имѣетъ еще въ глазахъ ученика этого возраста превосходство знанія и въ состояніи быть руководителемъ ученика, преподавателемъ и совѣтникомъ въ ученіи, какъ въ поведеніи. При достаточномъ содержаніи легко требовать отъ воспитателя, кромѣ нравственныхъ достоинствъ, знанія двухъ или трехъ языковъ, при этомъ самаго основательнаго знанія отечественнаго языка и логики. Тогда онъ можетъ принять на себя основной курсъ и занятія языками въ отдѣленіи, имъ руководимомъ, и это было бы тѣмъ полезнѣе, что эти курсы связались бы тѣсно съ ежечасными занятіями, разговорами учениковъ, наука вошла бы въ жизнь и не составляла для ученика въ эти годы того отталкивающаго страшилища, которое сидитъ за порогомъ классной комнаты, не имѣетъ ничего общаго съ жизнію и объ которомъ должно думать только въ особые часы, для того назначенные, да еще думать какъ-то особенно. Принявъ на себя на нѣсколько лѣтъ обязанность воспитателя, тотъ, кто ее принялъ, долженъ ей себя посвятить вполне. Окруженный небольшимъ числомъ воспитанниковъ, онъ съ ними живетъ, слѣдитъ за ихъ движеніями, словами, мыслями: онъ членъ ихъ общества; онъ не отгораживаетъ себя отъ нихъ никакою формальностью, никакими фразами; онъ отецъ семейства, но отецъ, который устранилъ отъ себя всю заботу, всю занятія, кромѣ воспитанія дѣтей своихъ. Съ утра до ночи онъ съ ними, занимается подлѣ нихъ, разговариваетъ, пожалуй, шутитъ съ ними; онъ ихъ совѣтникъ, онъ ихъ руководитель. Поэтому, его дѣйствія и его слова должны быть довольно чисты, чтобы никогда не подать воспитанникамъ дурнаго примѣра. Для отдохновенія и особенныхъ занятій ему служатъ часы, когда его воспитанники заняты другими предметами: математикой, изящными искусствами, религіозными занятіями, гимнастикой. Преподаватель математики есть въ то же время помощникъ воспитателя; онъ раздѣляетъ его воспитательныя занятія, смѣняетъ его на нѣкоторую часть времени, оставленнаго ученикамъ для свободныхъ занятій, на случай необходимаго объясненія, и замѣняетъ воспитателя въ случаѣ отлучки. Преподаватели изящныхъ искусствъ и гимнастики дѣйствуютъ подлѣ руководствомъ воспита-

теля, но могут заниматься поочередно въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ заведенія. Въ особенноти важно, чтобы каждое отдѣленіе составляло особое цѣлое подѣ главнымъ и единственнымъ руководствомъ своего воспитателя, который составляетъ его душу. Главный воспитатель заведенія, заботясь объ общемъ направленіи преподаваемыхъ въ немъ наукъ, наблюдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ за ходомъ воспитанія, но въ него не мѣшается. Мы въ другое время поговоримъ о порядкѣ управленія школою, теперь же ограничимся только указаннымъ замѣчаніемъ.

Если ученикъ живетъ дома, то онъ можетъ приходить въ заведеніе для занятій и даже, по желанію родителей, можетъ приходить только на шесть часовъ для слушанія основнаго курса, вспомогательнаго, для занятій изящными искусствами и гимнастикой. Если все воспитаніе идетъ дома, то весь курсъ для двухъ воспитанниковъ можетъ быть конченъ въ 1½ года и даже менѣе. Здѣсь особенно важно единство воспитанія; предоставлено ли оно гувернеру или взялъ его на себя отецъ — все равно; разъ избранное лицо должно быть облечено полною властію и никто въ семействѣ не долженъ мѣшаться въ его дѣяствія, развѣ для смѣны его. Здѣсь еще важнѣе, чтобы воспитанникъ никогда не слышалъ замѣчаній и порицаній его воспитателя, чтобы онъ зналъ, что нѣтъ лица, которое бы могло стать между нимъ и воспитателемъ и отмѣнить своимъ вліяніемъ рѣшеніе послѣдняго. Совѣстливый воспитатель, въ случаѣ подобнаго вѣзшательства, отъ кого бы оно ни происходило, не можетъ ожидать успѣха своему дѣлу и ему остается только оставить свою обязанность. Я бы желалъ, чтобы на послѣднія строки особенно обратили вниманіе женщины, и чтобы всѣ онѣ поняли, что въ этомъ случаѣ даже просьбы и заступничество матери вредны.

Въ среднихъ заведеніяхъ курсъ продолжается три года. Четыре курса идутъ параллельно: ежедневный основный курсъ естествознанія и техническихъ приложений; смѣняющіеся чрезъ день вспомогательные курсы: математики и общественнаго устройства, и ежедневные занятія языками. Всѣ эти курсы вмѣстѣ опять-таки должны составлять нѣкоторый кругъ знаній, ставящій ученика одною ступенью выше прежняго, группирующій разсѣянные знанія предъидущаго періода по нѣкоторымъ отдѣламъ, представляющій повтореніе этихъ знаній въ новомъ видѣ и подготовляющій къ слѣдующимъ высшимъ заведеніямъ.

Курсъ естествознанія и его техническихъ приложеній представляетъ цѣльную, систематическую картину природы въ главныхъ ея проявленіяхъ, и очеркъ главныхъ отраслей человеческой техники.

Трехъ-годовой ежедневный курсъ можетъ имѣть цѣлью не приготовленіе специалистовъ по естествознанію и технологіи, но молодыхъ людей, имѣющихъ ясное понятіе о современномъ состояніи знаній о природѣ, обладающихъ отчетливымъ пониманіемъ существенныхъ явленій, ихъ группировки, вопросовъ еще нерѣшенныхъ и общей картины природы; съ тѣмъ вмѣстѣ отдающихъ себѣ отчетъ въ началахъ и въ успѣхахъ современной техники. Единство курса, цѣлость воззрѣнія, соглашеніе всѣхъ частей составляетъ здѣсь главный и самый затруднительный педагогическій вопросъ. Въ наше время наука о природѣ получила такіе огромные размѣры, что потребовала специальныхъ дѣятелей, не только для главныхъ, но и для второстепенныхъ и третьестепенныхъ своихъ подраздѣленій; каждая частичка естествознанія стремится къ образованію особой науки. Къ тому же, подъ однимъ именемъ соединяются иногда отдѣлы, часто принадлежащіе разнымъ наукамъ. Такъ подъ названіемъ Химіи соединены отдѣлы: 1) общаго естествознанія: изслѣдованіе законовъ явленій химическаго сродства; 2) описательнаго естествознанія: описаніе физическихъ свойствъ простыхъ тѣлъ и сложныхъ тѣлъ, происходящихъ отъ химическаго соединенія простыхъ; 3) научной технологіи: аналитическая химія; 4) фабричной технологіи: различные способы добыванія простыхъ тѣлъ и ихъ химическихъ соединеній. При университетскомъ преподаваніи, имѣющемъ специальную цѣль изученія отдѣльной науки въ современномъ ея состояніи, или даже при преподаваніи въ специальномъ техническомъ заведеніи, можетъ быть весьма полезно одновременное преподаваніе всѣхъ отраслей химическихъ занятій; но въ заведеніи, имѣющемъ цѣлью образованіе молодыхъ людей и дать имъ ясное понятіе о природѣ въ ея различныхъ проявленіяхъ, подобное смѣшеніе вопросовъ, относящихся къ разнымъ наукамъ, можетъ только запутать ученика. Я привелъ химію, какъ довольно рѣзкій примѣръ, но подобныхъ примѣровъ можно найти не одинъ. Это доказываетъ, что не должно переносить въ преподаваніе общаго заведенія методъ науки, такъ какъ эта наука составила въ слѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ; но должно группировать понятія, взя-

тыя изъ различныхъ отдѣловъ естествознанія, систематически: только тогда ученику будетъ легко усвоить сущность явленій, разнообразіе предметовъ и ходъ техническихъ производствъ, когда все это содержаніе будетъ ему представлено въ систематическомъ порядкѣ, и въ стройной картинѣ. Въ послѣдствіи, при спеціальному занятіи тѣмъ или другимъ предметомъ, ученикъ узнаетъ, что въ современномъ состояніи науки, различнаго рода работы группируются вмѣстѣ, согласно практическимъ требованіемъ, и что факты, заимствованные изъ разныхъ отдѣловъ, составляютъ новое цѣлое. Можно даже указывать на эту связь въ самомъ курсѣ естествознанія, но это не должно мѣшать, въ основной нити изложенія курса, слѣдовать логической связи фактовъ, а не ихъ историческому соединенію. Поэтому желательно, чтобы курсъ естественныхъ наукъ и прикладныхъ знаній былъ раздѣленъ между возможно мѣньшимъ числомъ лицъ и, во всякомъ случаѣ, чтобъ эту отдѣльныя лица въ своемъ преподаваніи руководились одною мыслію, одною методою и постоянно согласовались одинъ съ другимъ. Мнѣ кажется, всего удобнѣе сдѣлать это такимъ образомъ, что одному преподавателю поручается составленіе общей программы и подробнаго конспекта курса; онъ беретъ на себя одну часть курса и для остальныхъ частей ищетъ самъ себѣ помощниковъ, выполнѣ согласныхъ съ его взглядомъ и съ его методою: вся отвѣтственность за веденіе цѣлаго курса лежитъ на главномъ преподавателѣ. Здѣсь мнѣ могутъ возразить, что невозможно найти человека, который былъ бы спеціалистомъ по всемъ частямъ естествознанія. Этого и не требуется: учитель можетъ спеціально заниматься лишь однимъ отдѣломъ естествознанія и быть прекраснымъ преподавателемъ цѣлой части его: для этого нужно только ясное пониманіе единства науки и слѣдованіе за общими ея успѣхами. Положимъ, учитель физиологъ и даже въ частности занимается микроскопическою анатоміею; положимъ, что онъ взялъ на себя чтеніе общаго естествознанія; ему нѣтъ необходимости прочесть немедленно по выходѣ всякій мемуаръ по механикѣ, физикѣ, и т. д., нѣтъ необходимости, чтобъ онъ былъ въ состояніи получить всѣ химическія тѣла, открываемыя ежегодно: — годовые отчеты о состояніи естественныхъ наукъ для него достаточны, потому что онъ готовить не спеціалистовъ; если же онъ своимъ дѣломъ занимается не по рутинѣ, а съ любовью, то онъ имѣетъ достаточ-

но практической сноровки для производства нужныхъ химическихъ манипуляцій съ учениками. Конечно, отъ него требуется большее знаніе предметовъ, соприкосновенныхъ съ его спеціальностью, чѣмъ отъ ученаго, себя исключительно ей посвятившаго, но это есть непремѣнная принадлежность педагогіи. При первоначальномъ изученіи предмета имѣется въ виду ознакомленіе съ общей картиною науки, приученіе къ надлежащему взгляду на нее, внушеніе любви къ наукѣ, а, уже по окончаніи общихъ занятій, начинаются спеціальныя, въ которыхъ конечно преподавателями по каждому предмету могутъ быть только спеціалисты. Выбравъ преподавателя достойнаго довѣрія и опредѣливъ предметы, входящіе въ программу курса естественныхъ наукъ и техническихъ знаній, можно предоставить ему полную свободу относительно распредѣленія предметовъ и методы изложенія, также относительно выбора помощниковъ. Можно преподавать одно и то же, и съ равнымъ успѣхомъ, по весьма различнымъ программамъ и методамъ, но, при хорошемъ преподавателѣ, тѣмъ вѣроятнѣе успѣхъ преподаванія, чѣмъ свободнѣе избираетъ преподаватель способъ расположенія предмета, и чѣмъ болѣе онъ усвоилъ методу своего преподаванія. Преподаваніе по программѣ, не вполне согласной со взглядомъ преподавателя, никогда не будетъ такъ хорошо, какъ по программѣ, имъ самимъ составленной. На начальствѣ заведенія, конечно, лежитъ контроль программы и конспекта, которые обязанъ представить преподаватель предъ началомъ курса, и единственныя условія, для него обязательныя, суть:

1) Курсъ долженъ заключаться въ данныхъ предѣлахъ времени (600 лекцій).

2) Предметы должны быть раздѣлены систематически, такъ, чтобы однородные предметы были сгруппированы самымъ удобнымъ образомъ для обзорнія цѣлости науки. Мнѣ кажется, что для этого всего удобнѣе раздѣлить курсъ на слѣдующія части и отдѣлы:

А. Описательное вѣдѣствованіе (Космологіи).

- а) Описаніе неорганическихъ тѣлъ.
- б) Описаніе организмовъ растительныхъ и животныхъ.
- в) Описаніе земли.
- г) Описаніе вселенной.

В. ОБЩЕЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. (Феноменология).

- а) Явленія движенія.
- б) Явленія физическія и химическія.
- в) Явленія физиологическія.
- г) Явленія психологическія.

С. ПРИКЛАДНЫЯ ЗНАНІЯ.

- а) Гигіена и медицина.
- б) Прикладная механика.
- в) Технологія.
- г) Агрономія.

3) Курсъ долженъ заключать всѣ существенные факты науки, и не долженъ заключать тѣхъ подробностей, которыя относятся только къ специальному изученію предмета.

4) Преподаваніе различныхъ частей курса должно быть такъ согласено между главнымъ преподавателемъ, его помощниками, а также преподавателемъ математики, чтобы никогда не встрѣтилась необходимость сослаться на часть другаго курса, еще не пройденную.

5) Въ преподаваніи должны быть строго отдѣлены факты, положительно пріобрѣтенные наукою, помощью наблюденія и опыта, отъ фактовъ гипотетическихъ, служащихъ лишь для удобнѣйшаго объясненія, или для кратчайшаго выраженія явленія. Къ несчастію, это условіе слишкомъ часто бываетъ нарушено, и слишкомъ часто, какъ въ ученыхъ диссертацияхъ, такъ и въ учебникахъ различныхъ частей естествознанія, гипотеза, пожалуй общепринятая и вошедшая въ языкъ науки, стоитъ рядомъ съ явленіемъ вполне достовернымъ. Это вредно въ особенности для ученика, потому что затемняетъ въ его воображеніи истину, запутываетъ понятія о средствахъ и предѣлахъ естественныхъ знаній, и создаетъ какую-то новую научную мифологию; иногда даже это вредно отзывается на чисто ученыхъ работахъ. Въ примѣръ приведемъ только безпрестанно употребляемое слово: гальваническій токъ, которое такъ часто, вмѣсто условнаго значенія, переходитъ въ чисто-матеріальное представленіе.

Курсъ математики хотя и названъ вспомогательнымъ, и точно служитъ опорой основному курсу естествознанія, но въ то же время имѣетъ самостоятельность и въ 300 лекціяхъ, на него назначенныхъ, заключаетъ систематическій и методическій обзоръ всѣхъ существенныхъ отдѣловъ чистаго анализа, геометріи, и

сущность теоріи вѣроятностей. Въ немъ закомится ученикъ со строгостью аналитическаго метода, съ неотразимой логикой математическаго разсужденія и въ стройной послѣдовательности переходитъ отъ начальнаго понятія о части и цѣломъ, къ сложнѣйшимъ математическимъ изслѣдованіямъ. Но здѣсь представляются многіе вопросы. Должна ли быть доказана всякая истина, предлагаемая ученику? Куда помѣстить истину, которая по своей сущности относится къ начальнымъ частямъ науки, а при современномъ состояніи знаній, доказывается только съ помощью высшихъ частей? Различныя методы изслѣдованія тѣхъ же вопросовъ должны ли быть разсмотрѣны особо? Дѣло общаго преподаванія заключается въ передачѣ ученику, въ данное и возможно мѣншее время, цѣльной и достаточно полной картины истинъ, составляющихъ науку. Эти истины могутъ быть пріобрѣтены разными путями, но сущность ихъ не измѣняется; по методу доказательства, каждый новый изслѣдователь можетъ ихъ отнести къ тому или другому отдѣлу науки, но всякая истина, какъ новая черта, дополняющая представленіе какаго-нибудь понятія, имѣетъ свое неизмѣнное мѣсто въ наукѣ, и если ученые не знаютъ куда помѣстить новую доказанную истину, тогда это служить только свидѣтельствомъ, что идея науки, ея существеннаго раздѣленія, еще не довольно уяснилась въ разсматриваемый періодъ: конечно, методы изслѣдованія составляютъ одну изъ весьма важныхъ сторонъ занятій наукою; въ исторіи послѣдней они стоятъ на первомъ мѣстѣ, но въ самую науку, какъ логическое построеніе готоваго знанія, относящагося къ извѣстному понятію, въ самую науку методы входятъ какъ вспомогательныя средства. Для спеціалиста отношеніе измѣняется: ему не такъ важна пріобрѣтенная истина, какъ способъ пріобрѣтенія, потому что онъ имѣетъ въ виду приложить этотъ способъ къ новымъ изслѣдованіямъ, и поэтому долженъ его вполне усвоить. Для ученика методъ науки исполняетъ двойное назначеніе: во-первыхъ, онъ вноситъ въ его умъ ту достовѣрность науки, при которой человекъ не только вѣритъ истинѣ, но и знаетъ ее; это убѣжденіе въ истинѣ ученія есть необходимая основа всякой педагогикі. Во-вторыхъ, изящество методы возбуждаетъ въ ученикѣ то удивленіе, которое привлекаетъ молодой умъ и при которомъ искусный педагогъ можетъ заставить хорошаго ученика полюбить предметъ своихъ занятій. Но объ эти цѣли достигаются для педагогикі не доказательствомъ неизмѣн-

но всего встречающагося, но искуснымъ выставленіемъ въ надлежащемъ свѣтъ тѣхъ доказательствъ, гдѣ методъ всего изящнѣе округлялся, всего ярче выказалъ свое могущество. Убѣжденный въ томъ, что на новомъ пути лежитъ истина, увлеченный ея яркимъ проявленіемъ, ученикъ безъ затрудненія пройдетъ и тамъ, гдѣ точность пути скрыта отъ глазъ его. Напротивъ, многочисленность длинныхъ, часто искусственныхъ доказательствъ, тамъ, гдѣ истина почти ощутительна, можетъ только утомить и внушить отвращеніе молодому уму, для котораго, повторяю, изслѣдуемая наука не составляетъ спеціальной цѣли жизни. Доказывать можно не все, но число истинъ, оставляемыхъ безъ доказательствъ при преподаваніи математики, должно быть возможно менше, и притомъ тѣмъ строже, ощутительнѣе, изящнѣе должны быть тѣ доказательства, которыя остаются, потому что они должны свидѣтельствовать не только за себя, но и за всю науку; кромѣ того, преподаватель долженъ всегда указать ученику автора и сочиненіе, гдѣ ученикъ можетъ найти доказательство, неприведенное въ курсъ. Отсюда же слѣдуетъ, что всякая истина должна имѣть свое мѣсто тамъ, гдѣ она дополняетъ собою группу смежныхъ ей истинъ, а не тамъ, гдѣ она всего удобнѣе доказывается. Въ случаѣ надобности, помѣстивъ истину въ надлежащемъ мѣствѣ, можно указать, что доказательство будетъ выведено ниже, и тамъ, гдѣ объ этомъ приходится говорить, пропущенное доказательство можетъ быть приведено, но при этомъ необходимо, чтобы преподаватель прослѣдилъ прохожденіе послѣдняго доказательства, и убѣдилъ ученика, что въ выводѣ не заключается тайнаго допущенія доказываемой истины. Изъ сказаннаго выше о значеніи метода, легко заключить также, что указаніе на различные методы разбора того же вопроса можетъ быть сдѣлано, но, по второстепенному значенію метода въ общей систематической картинѣ научныхъ истинъ, за нять должно принимать самую систему научныхъ истинъ, а не раздѣленіе методовъ. Время, которымъ располагаетъ преподаватель для того или другаго отдѣла науки, укажетъ ему, на сколько можно ввести въ преподаваніе разнообразіе методовъ; но система науки должна оставаться ненарушимою. Поэтому, едва ли полезно въ общемъ курсѣ геометріи, безъ спеціального назначенія его для строителей, существующее совершенное отдѣленіе метода проэкцій отъ способа аналитическаго; едва ли можно допустить для учениковъ, изучающихъ интегральное исчисле-

ніе, часто встрѣчающееся въ курсахъ отдѣленіе алгебраической части аналитической геометріи отъ геометрическихъ вопросовъ, рѣшаемыхъ помощью дифференціального и интегрального исчисленій. Вообще, 300 лекцій математическаго курса могли бы быть подраздѣлены слѣдующимъ образомъ:

А. ЧИСТАЯ МАТЕМАТИКА.

- 1) Функціи вообще (5).
- 2) Раціональныя функціи (20).
- 3) Радикальныя функціи (20).
- 4) Корни алгебраическихъ многочленовъ (10).
- 5) Производныя и первообразныя функціи (25).
- 6) Интегралы раціональныхъ функцій (10).
- 7) Трансцендентныя функціи (25).
- 8) Дифференціальныя уравненія (20).
- 9) Теорія конечныхъ разностей (5).
- 10) Начала варьяціоннаго исчисленія (5).
- 11) Неопредѣленный анализъ (20).

В. ГЕОМЕТРІЯ.

- 1) Построеніе постоянныхъ формулъ, теорія координатъ и проэкцій (10).
- 2) Прямая и плоскость (15).
- 3) Плоскія кривыя (20).
- 4) Поверхности и кривыя въ пространствѣ (30).
- 5) Геометрическіе вопросы и приложенія (40).

С. ТЕОРІЯ ВѢРОЯТНОСТЕЙ (15).

Весь курсъ долженъ сопровождаться многочисленными практическими задачами и приложеніями, а курсъ Общей Ариѳметики, пройденный въ предъидущихъ заведеніяхъ, будетъ служить прочной основой, такъ что ученикъ, не встрѣчая предмета вполнѣ новаго и зная общій очеркъ науки, всегда знаетъ, куда направлено ученіе и какое мѣсто занимаетъ въ наукѣ проходимый урокъ, между тѣмъ самыя простыя начала его не останавливаютъ, а могутъ быть только указаны; онъ имѣетъ полную возможность ясно понимать проходимое и выкатъ въ подробности, потому что не тѣлеть изъ виду уже знакомой картины цѣлаго. Между тѣмъ курсъ представляетъ новый интересъ научной строгости, и

формулы являются какъ развитіе основной мысли, тогда какъ въ первомъ курсѣ онѣ имѣли только практическое значеніе исходнаго пункта ариѳметической задачи. Этимъ путемъ скоро усвоятся математическія истины ученикомъ, чѣмъ при однократномъ и отрывочномъ курсѣ математики. Но въ слѣдующемъ заведеніи ему еще предстоитъ повторить и приложить эти истины къ нѣсколькимъ изъ наиболее обработанныхъ вопросовъ науки.

О курсѣ Общественнаго Устройства, который идетъ черезъ день, поочередно съ Математикою, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя объясненія. Хотя г. Бемъ указалъ на пользу его, но недостаточно развилъ свою мысль. Исторія и практическая жизнь предполагаютъ знаніе основныхъ началъ Общественнаго Устройства, и въ частности формъ, въ которыхъ эти начала выразились въ современномъ обществѣ. Законы матеріальнаго развитія обществъ составляютъ предметъ политической экономіи; юридическія начала гражданственности и формы, въ которыхъ эти начала выразились, изучаются въ юридическихъ наукахъ; политическая географія и статистика доставляютъ данныя для картины общественнаго устройства; наконецъ, есть явленія общественной жизни, которыя разсматриваются только въ эстетикѣ, въ исторіи. Между тѣмъ общество составляетъ органическое цѣлое, въ которомъ все отправленія связаны жизненнымъ единствомъ. Если ученому спеціалисту, занятому однимъ вопросомъ, не нужно соединять въ одно цѣлое воззрѣнія на общество, если это не важно для студента, слушающаго нѣсколько университетскихъ курсовъ, дополняющихъ ему строго-научнымъ методомъ общія свѣдѣнія, ему уже извѣстныя, то это соединеніе разрозненныхъ свѣдѣній объ обществѣ въ одно стройное цѣлое дѣлается педагогическою потребностью въ преподаваніи молодымъ людямъ, получающимъ общее систематическое развитіе. Въ этомъ періодѣ обученія молодому человѣку необходимо усвоить ясныя понятія о главныхъ явленіяхъ, изъ которыхъ состоитъ жизнь общества, и о формахъ, въ которыхъ эти явленія нашли себѣ выраженіе въ современности, а для усвоенія этихъ понятій необходимо ихъ сгруппировать въ самостоятельный и цѣльный курсъ *общественнаго устройства*. Не философское умозрѣніе, но наблюдательный методъ долженъ руководствовать при этомъ преподавателемъ. Указавъ основанія всякаго общества: промышленность, гражданское устройство, международныя отношенія, науки, искусства, религію,—онъ можетъ перейти къ разбору каждаго изъ этихъ

явленій отдѣльно, и способовъ ршенія вопросовъ, ими представляемыхъ. Для первыхъ трехъ явленій онъ будетъ заимствовать данныя изъ политической экономіи и наукъ юридическихъ, для послѣднихъ трехъ изъ сочиненій философскихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ преподаватель опишетъ при каждомъ явленіи учрежденія, охраняющія правильное его развитіе въ обществѣ. Наконецъ, онъ перейдетъ къ географико-статистической картинѣ современнаго міра и укажетъ формы, въ которыхъ разобранныя явленія находятъ себя выраженія. Мнѣ кажется, что этимъ способомъ ученику представится ясно единство и цѣлость общества и государства, а данныя политической географіи не будутъ отрывочными свѣдѣніями, обращающимися къ одной памяти, но свяжутся съ началами государственнаго устройства и общественнаго быта, какъ приближенное ршеніе вопроса о наилучшемъ развитіи этихъ началъ, при извѣстныхъ данныхъ физической географіи. Сдѣлавшись логическими слѣдствіями данныхъ причинъ, они легче улягутся въ голову ученика въ стройное цѣлое, и, слѣдовательно удобнѣе имъ усвоятся.

Этотъ курсъ имѣетъ большую практическую важность въ общественномъ образованіи, потому что въ немъ должна быть положена основа опредѣлительному и ясному взгляду ученика на общественную дѣятельность, на отношенія промышленности, науки къ государству, на отношенія лица къ обществу, на различныя ршенія однихъ и тѣхъ же общественныхъ и государственныхъ вопросовъ въ различныхъ мѣстностяхъ, въ различное время. Преподаватель долженъ имѣть въ виду, что на эти вопросы обращено наиболѣе современное вниманіе, что онъ поэтому обязанъ всего старательнѣе вооружить воспитанника противъ рутинныхъ положеній и вредныхъ софизмовъ, которыми окружена истина въ этихъ вопросахъ. Онъ долженъ помнить, что въ этомъ случаѣ, чѣмъ тщательнѣе вопросъ изслѣдованъ, чѣмъ многостороннѣе развитъ, чѣмъ истина представлена ощутительнѣе, тѣмъ лучше вооруженъ будущій гражданинъ на защиту этой истины, тѣмъ полезнѣе онъ для общества. Впрочемъ, не должно преподавателю впадать въ другое, противоположное первому заблужденіе. Не должно полагать, чтобы онъ могъ по произволу направить молодой умъ на службу того или другаго начала, искусно обставленнаго софизмами, начала, которое ему, преподавателю, хочется представить въ выгодномъ свѣтѣ. Конечно, онъ можетъ во время лекцій, безъ возраженія, преподавать что угод-

но; онъ можетъ, пожалуй, убѣдить до выхода изъ школы своихъ учениковъ, что его мнѣніе истинно, потому что гнетъ все факты въ одну сторону и не выказываетъ другой. Но какая отъ этого польза обществу? Молодой человѣкъ вступить въ жизнь, и скоро ему представятъ именно тѣ возраженія, которыхъ избѣгалъ преподаватель. Что отвѣтитъ молодой человѣкъ? Какъ онъ убѣдится самъ въ душѣ, что его мнѣніе, внушенное ему учителемъ, вѣрно, а противоположное ошибочно? Неужели на основаніи безспорнаго для него авторитета учителя? Въ такомъ случаѣ воспитываются не люди, а фанатики, и фанатики весьма вредные, потому что если учителю вздумается сказать: «рѣжь твоего ближняго, который не такъ думаетъ, какъ ты!» — то ученикъ его зарѣжетъ. Впрочемъ, подобный фанатизмъ невѣроятенъ, и молодой человѣкъ нашего времени не вѣритъ никогда такъ безусловно авторитету учителя. Какъ же онъ встрѣтитъ возраженіе? Онъ усомнится въ истинѣ ученія, если не найдетъ отвѣта въ собственномъ размышленіи, на что навѣрное рассчитывать нельзя. Онъ усомнится, и тогда не только спорное положеніе, но все ваше ученіе разсыплется въ прахъ. Ученикъ будетъ искать тайныхъ причинъ вашему мнѣнію; онъ станетъ искать самъ возраженій противъ всѣхъ вашихъ положеній и къ этому вы сами побудили его несвоевременнымъ умолчаніемъ. Наконецъ, можетъ быть, что ученикъ, потерявъ довѣріе къ вашему мнѣнію объ общественныхъ вопросахъ и не рѣшаясь вѣрить новымъ высказаннымъ мнѣніямъ, получить отвращеніе отъ этихъ вопросовъ, махнетъ рукою и скажетъ: да что мнѣ за дѣло? Къ чему мнѣ знать гдѣ истина? было бы мнѣ хорошо, было бы мнѣ выгодно... — Нѣтъ, нечего бояться затрогивать трудные вопросы: подымайте ихъ смѣло, если ваше убѣжденіе твердо, если ваши намѣренія чисты; убѣдите ученика въ шаткости мнѣнія ложнаго, опаснаго, которое ему выскажутъ другіе; убѣдите его въ невозможности современнаго рѣшенія такого-то вопроса по недостаточности данныхъ; убѣдите его въ временной необходимости зла, которое онъ ощутитъ самъ въ жизни, какъ вы не умалчивайте объ злѣ; убѣдите его въ неразрывной связи всего состава общества; главное, убѣдите въ необходимости науки и спокойствія, для разсмотрѣнія вопросовъ, слишкомъ часто рываемыхъ лишь съ помощью фантазіи и страсти. Вѣдь лучше преподавателю поднять опасный вопросъ, чтобъ указать надлежащее его рѣшеніе, чѣмъ предоставить случаю жизни развить этотъ вопросъ учени-

ку. Если вы вооружили ученика надлежащимъ образомъ, то онъ, зная опасность такого-то и такого-то вопроса, не испугается ихъ шаткости и не увлечется софизмомъ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что я требую слишкомъ многого отъ курса, ограниченнаго 300-ми лекціями и заключающаго, кромѣ основныхъ политическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, еще политическую географію и статистику. На это отвѣчу, что для надлежащаго образованія надо утвердить яснымъ развитіемъ въ умѣ ученика основныя истины, не вдаваясь въ подробности; развивъ не машину, но человека разсуждающаго, вы можете предоставить ему самому выводить слѣдствія изъ твердыхъ началъ, а начала эти не весьма многочисленны; главное дѣло, чтобы они не были шатки.

Такимъ образомъ курсъ Общественнаго Устройства заключить въ 300 лекцій слѣдующіе предметы:

- 1) Основанія общественнаго устройства.
- 2) Промышленность и торговля.
- 3) Личность, сословія, собственность.
- 4) Законъ и государство. Власти законодательная, судебная и исполнительная.
- 5) Система государствъ.
- 6) Просвѣщеніе.
- 7) Религіозныя учрежденія.
- 8) Описаніе современныхъ государствъ.

Въ каждомъ изъ первыхъ семи отдѣловъ должны быть указаны основныя логическія начала вопроса, точки зрѣнія, съ которыхъ на него смотрѣли главнѣйшія школы ученыхъ, фазисы его историческаго развитія и современныя учрежденія и постановленія въ разныхъ странахъ, опредѣляющія настоящее положеніе вопроса. Последний отдѣлъ заключаетъ политическую географію и статистику современнаго міра и въ связи съ нимъ находится пріученіе воспитанниковъ къ черченію картъ пяти частей свѣта отъ руки на память.

Всѣ три изложенные курса требуютъ библіографическихъ указаній на сочиненія, гдѣ наилучше и подробнѣе изложены вопросы, разсматриваемые учителемъ. Учебный курсъ можетъ только возбудить вниманіе и указать основы рѣшенія вопроса; пусть ученикъ имѣетъ возможность приступить къ болѣе подробному изученію вопроса, его интересующаго; пусть читаетъ и проситъ у учителя объясненія неясностей. Здѣсь начинается проявляться уже

будущая самостоятельность, будущая специальность, и за этия должны зорко слѣдить воспитатели, чтобы не заглушить развивающейся личности, дать ей пищу и возможность развиваться, но въ тоже время не дать ей заглушить другія стороны общечеловѣческаго развитія.

Занятія языками въ этихъ школахъ должны имѣть тройную цѣль: а) расширение средствъ знанія ученика изученіемъ древнихъ языковъ, б) упроченіе пріобрѣтеннаго знанія новѣйшихъ языковъ практикою, в) повтореніе предъидущаго основнаго курса и приготовленіе къ новому во время самихъ занятій языками.

Изученіе древнихъ языковъ, его значеніе, цѣль, развитыи составляютъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ педагогики новѣйшаго времени. Не могу взять на себя даже приблизительнаго рѣшенія à priori вопроса, который, по роду занятій, мнѣ чуждъ, но тѣмъ не менѣе не могу совершенно обойти его; такъ какъ онъ принадлежитъ къ основнымъ вопросамъ педагогики. Изложу свое мнѣніе, какъ приблизительное, какъ пріобрѣтенное разсмотрѣніемъ вопроса извнѣ, т. е. со стороны другихъ вопросовъ, къ нему прикасающихся, а не извнутри его. Специалисты могутъ найти неточность въ подобномъ рѣшеніи, но желательно, чтобы и они посмотрѣли на вопросъ не съ исключительной точки своего дѣла, но соединяя это воззрѣніе съ общими потребностями челоуѣческаго образованія.

Въ глазахъ гуманистовъ педагоговъ преподаванію классическихъ языковъ имѣетъ три цѣли: а) вспомогательное средство для изученія древняго классическаго міра, еще оказывающаго значительное вліяніе на состояніе современной науки, б) вспомогательное средство для расширенія круга изящныхъ произведеній, доступныхъ ученику и развивающихъ его вкусъ, в) самостоятельное изученіе, которое заставляетъ мыслить ученика, вводя во весь извороты языковъ строго логическихъ, соединяющихъ въ своей построеніи научную точность съ изящною гибкостью. Но двѣ первыя цѣли имѣютъ въ виду изученіе совершенно другаго рода и объема, чѣмъ послѣдняя; пониманіе языка на столько, чтобы цитать на немъ оригинальныя произведенія, даже, чтобы чувствовать грацію оборота и изящество стихотворнаго рисунка, это дѣло совершенно другое, чѣмъ прониканіе въ глубь законовъ его построенія, логическое возсозданіе его формы и, следовательно, привычка мыслить на этомъ языкѣ. Послѣднее изученіе требуетъ гораздо болѣе времени, гораздо точнѣйшаго и глубочайшаго из-

сладованія, чѣмъ первое. Но, требуя столь много времени, по своей пользе и важности, можетъ ли оно назваться незамѣн-нымъ? Едва ли. Хорошій курсъ логики, математики и правильное веденіе занятій изящными искусствами своимъ совокуннымъ дѣй-ствіемъ, вѣроятно, сообщать духу ученика тоже стремленіе къ строгости умственныхъ выводовъ, и къ изящному въ своей про-стотѣ обороту рѣчи, котораго можно ожидать отъ глубокаго изу-ченія древнихъ языковъ; а первое будетъ имѣть еще на своей сторонѣ обогащеніе памяти ученика данными, почерпнутыми не изъ одного древняго міра, но изъ послѣдующаго, ближайшаго намъ, человѣческаго развитія. Впрочемъ, это ультра-гуманисти-ческое направленіе, не видящее другаго пути для образованія, какъ изученіе древности, встрѣтило уже много искусныхъ про-тивниковъ въ собственномъ лагерѣ, и потому, можетъ быть, со-гласятся со мною, что подобное изученіе есть спеціальная по-требность филолога и историка древности, но не должно имѣть мѣсто въ общемъ образованіи.

Остается изученіе древнихъ языковъ, какъ пособіе къ изученію древняго міра и къ пониманію великихъ твореній древности. Съ пользою подобнаго изученія нельзя не согласиться, но оно имѣетъ свои ступени, изъ которыхъ низшая состоитъ въ разбираниіи съ трудомъ латинскихъ и греческихъ цитатъ съ помощью словаря, а высшая такъ мало разнится отъ требованія самыхъ строгихъ гуманистовъ, что требуетъ умѣнья отличить въ древнемъ авторѣ мѣста, вставленные или испорченные переписчиками, и даже воз-становить испорченное мѣсто. Первое почти бесполезно, послед-нее составляетъ потребность для однихъ специалистовъ. Но гдѣ остановиться между крайностями? Это самый трудный вопросъ. И спеціалистъ-филологъ и просто образованный читатель могутъ читать древняго автора съ целью проникнуть въ его особенность и отличіе отъ другихъ авторовъ того же времени, но между ними должна быть разница. Если второй дошелъ до того, что можетъ сказать: «здесь должна быть вставка или ошибка, по-тому что эта мысль не согласна съ общимъ характеромъ сочи-неній автора, или съ его временемъ»; если, читая эпиграммы двухъ поэтовъ, онъ, по болѣшей или меньшей картинности пред-ставленія, можетъ сказать, что вѣроятно такая-то эпиграмма при-надлежитъ такому-то; если онъ достигъ подобнаго знанія, то, имъ кажется, изученіе языка принесло ему всю требуемую пользу. Только спеціалисту предоставляется заключить о различіи изъ

самой формы, изъ оборота рѣчи. Образованный человекъ долженъ имѣть возможность читать мысль автора и отдать себѣ отчетъ въ красоту картины, имъ представляемой; но если онъ отдаетъ себѣ отчетъ и въ формальной сторонѣ фразы, въ болѣе или менѣе правильной и чистой языкѣ, онъ уже болѣе или менѣе специалистъ дѣла. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, изученіе древнихъ языковъ должно ограничиваться пониманіемъ мысли древняго автора и красоты его выраженія, но насколько изученіе правилъ языка необходимо, это дѣло преподавателя. Мнѣ кажется, онъ долженъ преимущественно имѣть въ виду, что особенно важное значеніе имѣютъ первыя цѣли, а послѣднія занимаютъ второстепенное мѣсто. На сколько время и искусство позволяютъ ему достигнуть и этой цѣли, какимъ образомъ дать первымъ возможное развитіе, это опять-таки дѣло преподавателя, какъ специалиста. Но изученіе древнихъ языковъ можетъ быть раздѣлено на двѣ ступени, какъ приуготовительное къ изученію исторіи, и какъ параллельное ей. Первая ступень заключается въ школахъ, о которыхъ теперь говоримъ, и въ 300 лекцій, на это назначенныхъ, надо здѣсь довести ученика до умѣнья переводить словесно и письменно и дѣлать извлеченія изъ легкихъ авторовъ, преимущественно историковъ, биографовъ, если можно и философовъ. О второй ступени скажемъ ниже при разсмотрѣніи высшихъ школъ.

Занятія живыми языками заключаются въ извлеченіяхъ, дѣлаемыхъ учениками изъ одного или нѣсколькихъ сочиненій по заданному плану, при чемъ цитаты должны быть переведены возможно точно, и постоянно имѣется въ виду, чтобы ученику приходилось дѣлать извлеченія изъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ, ему извѣстныхъ, языкахъ, и чтобы не упускалась изъ виду точность библиографическихъ указаній, вѣрность цитатъ и т. п. Преподавателемъ опять-таки полезно избрать русскаго, потому что особенно важна точность переводовъ цитатъ и извѣстество оборотовъ на русскомъ языкѣ.

Третья цѣль занятій языками удовлетворяется искуснымъ и систематическимъ выборомъ предметовъ для извлеченій, которыя составляютъ два ряда: одинъ служитъ повтореніемъ курса логики и ея приложений, другой — подготовленіемъ къ историческому курсу. Такъ, въ рядъ логическихъ занятій, ученики будутъ компилировать мнѣнія различныхъ авторовъ по вопросамъ нравственнымъ, политическимъ, метафизическимъ, при чемъ уч-

толь обязать пояснять выраженія неясныя и вмѣстѣ съ тѣмъ повторять и развивать предъидущій курсъ логики. Критика не должна имѣть мѣста и оставляется до слѣдующаго курса, потому что прежде нужно знать сказанное про и contra, а потомъ уже разбирать. Такимъ же точно образомъ, въ рядѣ историческихъ занятій, ученики компилируютъ изъ разныхъ авторовъ свѣдѣнія о какой нибудь личности, о какомъ-либо происшествіи историческомъ, о значеніи какого-либо событія или о характерѣ некотораго періода исторіи. Изъ предъидущихъ занятій языками они ознакомлены уже съ именами, характеристиками историческими, теперь это знакомство дѣлается ближе. Все относящееся къ древнему міру тѣсно связано съ занятіями древними языками. Два ряда занятій логическихъ и историческихъ должны слѣдовать опредѣленному порядку, такъ, чтобы, взявъ въ соображеніе время, которымъ можно располагать, ученики обозрѣли все главнѣйшіе вопросы прикладной логики и чтобы кругъ историческихъ занятій имѣлъ свою законченность.

Въ случаяхъ особеннаго желанія родителей, чтобы ученикъ занялся тѣмъ или другимъ языкомъ съ иностранцемъ, особенные уроки на этотъ предметъ могутъ быть назначены въ шестой день недели.

Такимъ образомъ, ученикъ въ среднихъ школахъ усвоилъ себѣ знаніе природы и техническихъ приложеній ея явленій къ потребностямъ человека, прошелъ математику, ознакомился съ устройствомъ общественнымъ, а съ помощью занятій языками; получилъ прочную канву исторіи и повторилъ логику съ приложеніями ея. Курсъ опять имѣетъ свою цѣлость, и состоитъ не изъ оторванныхъ кусковъ науки, но изъ цѣльныхъ картинъ природы и общества, изъ очерка исторіи, и изъ строгаго математическаго метода, распространеннаго на все части науки.

Для учениковъ, доходящихъ до 17 лѣтъ, воспитатель не можетъ и не долженъ быть тѣмъ же, какъ для воспитанниковъ мѣся 14 лѣтъ. Если онъ продолжаетъ слѣдить за ними, быть ихъ совѣтникомъ и руководителемъ, то его мѣсто между ними имѣетъ уже болѣе нравственное, чѣмъ педагогическое значеніе. Весьма полезно, если онъ можетъ на себя взять занятія языками, которые безпрестанно затрогиваютъ важнѣйшіе нравственные и политическіе вопросы, но вмѣшательство его въ жизнь воспитанниковъ должно быть весьма осторожно, чтобы не стѣснить ихъ развивающейся личности. Онъ не долженъ тре-

бовать полной откровенности, потому что въ эти годы мальчикъ не скажетъ всего, что думаетъ, но наставникъ долженъ уметь внушить довѣренность къ себѣ, долженъ пользоваться своею опытностью, чтобы угадать, устранить опасность, вредъ, не запугивая воспитанника, не оскорбляя его чувства, особенно не поубуждая къ скрытности. Въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи воспитатель есть уже не безусловный начальникъ, но одинъ изъ членовъ заведенія, вмѣстѣ дѣйствующихъ къ одной цѣли, къ обогащенію ума, къ возвышенію духа, къ облагороженію чувствъ воспитанника. Законъ, равный для всехъ, уже есть единственное правило; въ случаѣ проступка, ототуманеніе отъ признаннаго порядка не должно имѣть мѣста, чтобы приучить воспитанника къ законности; но порядокъ этотъ не долженъ быть такого рода, чтобы ученикъ былъ стѣсненъ во всехъ своихъ дѣйствіяхъ, словахъ и даже мысляхъ; ученика не должно вести какъ ребенка съ утра до вечера. Число воспитанниковъ не должно быть велико по той же причинѣ, какъ и прежде. О вредѣ ипотекства, о пользѣ дать самимъ ученикамъ право и обязанность измотораго надзора и суда надъ каждымъ, я говорилъ въ другомъ мѣстѣ.*

Если ученіе производится дома или ученикъ приходитъ только на лекціи въ школу, то въ это время родители должны заботиться объ устраниеніи искушеній, представляемыхъ развлеченіями, иногда безвредными, но слишкомъ отъемлющими время у молодаго человека. Въ семействѣ труднѣе, но особенно важне внушить въ этотъ періодъ мальчику понятіе о необходимости подчиняться установленнымъ правиламъ, иногда мелочнымъ, но обязательнымъ; конечно, эти правила должны быть, но возможности, осмыслены разумною причиною. Это тѣмъ труднѣе въ семействѣ, что часто самая семейная жизнь представляетъ мальчику примѣръ ежедневнаго отступленія отъ правилъ, громко названныхъ и безпрестанно нарушаемыхъ. Пусть подумаютъ родители, что въ этотъ періодъ, когда критика уже въ полной силѣ въ головѣ юноши, и критика не сногдойнаго ума, но горячаго увлеченія, что въ этотъ періодъ ихъ примѣръ можетъ внушить ихъ сыну и неуваженіе къ нимъ, и неуваженіе къ законности; пусть наложатъ сами на себя неизмѣнную обязанность подчиненія известнымъ правиламъ, разумно обусловленнымъ, если ко-

* См. Отеч. Зап. 1857. Сентябрь.

тять оставить сына у себя дома. Законность, и законность разумная, должна быть въ это время живымъ комментариемъ курса Общественнаго Устройства, объясняющаго мальчику порядокъ общества, и отраженіемъ курса естествознанія, излагающаго неизмѣнность законовъ природы.

Въ высшихъ заведеніяхъ идутъ въ продолженіе двухъ лѣтъ одновременно пять курсовъ: 1) Основной курсъ Исторіи—ежедневно; вспомогательные курсы: 2) Антропологии и 3) Астрономіи черезъ день, 4) дополнительный курсъ Статистики и Законодательства Россіи разъ въ недѣлю; наконецъ 5) занятія языками.

Исторія есть высшій результатъ всѣхъ наукъ человѣческихъ; она тѣмъ болѣе дѣлается ясною, чѣмъ лучше усвоены знанія физики земли, физиологіи, психологіи, политической экономіи, технологіи; безъ начальныкъ понятій объ этихъ предметахъ связанный разсказъ исторіи не имѣетъ никакого значенія и остаются только отдѣльные разказы, характеры, случайности, которые могутъ заинтересовать воображеніе, но не удовлетворить умъ. Поэтому, къ систематическому преподаванію исторіи должны быть сдѣланы двѣ разныя подготовки; во-первыхъ, науки вспомогательныя—а для нея всѣ науки суть вспомогательныя—должны быть доведены до той степени, когда на ихъ выведенные основныя законы легко сослаться, какъ на извѣстные уже факты; во-вторыхъ, воображеніе должно быть возбуждено рядомъ отрывочныхъ историческихъ характеристикъ и разказовъ, которые бы выставляли на видъ отличительныя черты частностей; на этихъ двухъ основаніяхъ должно систематическое преподаваніе исторіи построить стройную, связанную картину развитія челоуѣчества, въ которой бы всѣ переходы отъ одного періода къ другому, объясненные до-сихъ-поръ наукою, представляли логическую послѣдовательность. Мнѣ кажется, что этого всего удобнѣе достигъ той системой обученія, которая здѣсь изложена, относя преподаваніе исторіи къ высшимъ курсамъ, которыми предшествуетъ преподаваніе естественныхъ наукъ и общественнаго устройства; въ то же время, два систематическія ряда занятій языками, почерпнутые изъ исторіи и продолжающіеся пять лѣтъ, подготавливаютъ воображеніе къ историческимъ образамъ и явленіямъ, знакомятъ съ именами, съ хронологіей, чему помогаютъ еще поясненія преподавателя.

Курсъ Исторіи, обнимающій 400 лекцій, долженъ быть въ сущности дѣлать картину развитія челоуѣчества, а не только разска-

зомъ политическихъ событій. Представить въ каждую эпоху картину общества, современнаго этой эпохѣ и рассказать событія, объясняющія и характеризующія переходъ отъ одной исторической эпохи къ другой,—вотъ два существенныхъ вопроса Исторіи. А для цѣлости картины общества, его государственное устройство важно не болѣе промышленности, науки, искусства, литературы, религіи, нравовъ,—словомъ, всѣхъ основныхъ началъ образованности. Личность политическихъ дѣятелей характеризуетъ ту или другую эпоху не болѣе личностей ученыхъ, поэтовъ, философовъ, техниковъ, которыхъ даже значеніе въ исторіи человечества бываетъ иногда болѣе значенія первыхъ. Впрочемъ, я здѣсь повторяю мысль, почти общепринятую, и лишь потому, что никогда не лишнее повторить то, что истинно, а кромѣ того могутъ въ нашемъ обществѣ найтись читатели, которымъ и эта мысль можетъ показаться новою. Исторія Россіи, конечно, войдетъ въ общій очеркъ Всеобщей Исторіи, но, согласно съ особенными гражданскими требованіями, она должна быть рассмотрѣна подробно, чѣмъ одновременная и равно-значительная ей исторія событій въ другихъ странахъ. Въ особенности литературныя явленія въ отечествѣ должны быть рассмотрѣны подробно, чѣмъ иностранныя, и ихъ историческое значеніе должно быть преимущественно поставлено на видъ. Ни въ какомъ случаѣ историческій рассказъ не долженъ останавливаться на известной эпохѣ, не доходя до современности. Весьма странно, если ученикъ, знающій имена замѣчательныхъ калифовъ, не знаетъ кто такой Абдель-Кадеръ; весьма странно, что исторія оставитъ Брюссель городомъ одного королевства, а въ жизни окажется, что это столица другаго. Нечего надѣяться на то, что жизнь дополнить свѣдѣнія молодого человѣка, потому что жизнь дополнить ихъ отрывочно, а цѣль обученія есть именно уничтоженіе отрывочности, доставленіе цѣлости взгляду молодого человѣка. Трудность безпристрастнаго взгляда на современность неоспорима, но все-таки можно допустить, что взглядъ ученаго преподавателя безпристрастнѣе, чѣмъ взглядъ случайныхъ рассказчиковъ современныхъ дѣлъ, взглядъ журналистовъ разныхъ партій и т. п. Къ тому же, нигдѣ не встрѣчается нарочное искаженіе событій такъ часто, какъ въ исторіи современности. Поэтому, мнѣ кажется необходимымъ въ преподаваніи исторіи доводить рассказъ до послѣднихъ событій. Конечно, самый рассказъ долженъ имѣть совершенно другой характеръ, когда дѣло

идеть о новѣйшихъ временахъ: въ предыдущихъ отдѣлахъ преподаватель не только объяснитель критически изслѣдованнаго матеріала, но еще судья личностей и событій во имя истины, красоты и добра; современные дѣла не могутъ быть ни критически изслѣдованы по недостатку матеріаловъ, ни безпристрастно обсужены, потому что преподаватель самъ членъ общества, принадлежащаго къ некоторой партіи. Но этотъ переходъ отъ однихъ событій къ другимъ происходитъ постепенно: не легко про-извести судъ надъ событіями XVI и XVII столѣтій, а для конца XVIII это уже въ высшей степени трудно, можетъ быть труднѣе, чѣмъ для новыхъ явленій самой живой современности. Преподаватель, объяснивъ сложность вопроса, можетъ ограничиться однимъ рассказомъ, и самая сухость его не оттолкнетъ учениковъ, потому что событія сами собою будутъ для нихъ интересны, связываясь съ отдѣльными чертами, еще живыми въ воспоминаніи ихъ отцевъ, съ отрывочными свѣдѣніями, полученными въ домашней жизни и т. п. Самый очеркъ современныхъ событій, представляя ихъ въ связи, предохраняетъ молодыхъ людей отъ односторонности, отъ увлеченія и можетъ быть чрезвычайно полезенъ въ жизни.

Курсъ Антропологіи имѣетъ цѣлью повтореніе и собраніе во-едино всѣхъ знаній о человѣкѣ, разбросанныхъ въ логику, физиологію, психологію, физикъ земли, гигиену и медицину, политическую экономію, правовѣдѣнію, статистику, и дополненіе этихъ свѣдѣній метафизическими мнѣніями разныхъ временъ о значеніи, развитіи и цѣли человѣка, общою эстетикою, свѣдѣніями лингвистическими и систематикою наукъ. Такимъ образомъ, факты уже извѣстные съ другой точки зрѣнія соберутся въ цѣльную картину человѣка, повторятся съ занимательностью для ученика, усвоятся тѣмъ лучше, что встрѣчаются уже не въ первый разъ и, вмѣстѣ съ новыми, будутъ содѣйствовать научному утвержденію мысли, на которой основано нравственное воспитаніе—уваженію къ человѣку. Этотъ курсъ обниметъ 200 лекцій, и идетъ чрезъ день.

Курсъ Астрономіи представляетъ отличіе отъ того, что предполагалось въ среднихъ заведеніяхъ подъ рубрикою описанія вселенной. Первый имѣетъ цѣлью повтореніе не самыхъ фактовъ космографіи, которые входятъ попутно, но методовъ, которыми добываются эти факты и въ которыхъ соединяются лучшіе и совершеннѣйшіе результаты наблюденія и анализа.

Преподаватель, конечно, не можетъ въ 200 лекцій обнять весь предметъ, весьма обширный и требующій длинныхъ развитій, но онъ выбираетъ изъ него нѣсколько вопросовъ, именно такихъ, на которыхъ всего нагляднѣе можно видѣть необходимость точнаго наблюденія и предосторожностей, при этомъ принимаемыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ искусное приложеніе высшихъ аналитическихъ выкладокъ: нѣсколько такихъ вопросовъ должны быть развиты подробно, что составитъ одно изъ лучшихъ повтореній математики и физики; въ остальныхъ вопросахъ, которые время не позволяетъ развить, долженъ быть показанъ общій ходъ изслѣдованія безъ подробностей; наконецъ, нѣкоторые самыя простѣйшіе изъ нихъ, не требующіе особыхъ приѣмовъ, могутъ быть заданы какъ практическія, самостоятельныя занятія для учениковъ. Это повтореніе методовъ, кромѣ своего положительнаго, практическаго результата, должно быть направлено еще къ тому, чтобы оставить молодому человѣку, вступающему въ жизнь, самое блестящее воспоминаніе о могуществѣ и требованіяхъ науки, внушить ему стремленіе самостоятельно продолжать занятія или, по крайней мѣрѣ, хранить въ душѣ то уваженіе къ наукѣ, которое обязанъ имѣть всякій человѣкъ, куда бы ни бросили его обстоятельства и какъ бы высоко ни оставила его судьба въ общественной іерархіи.

Дополнительный курсъ Статистики и Законодательства Россіи выходитъ изъ требованій не общечеловѣческихъ, но гражданскихъ. Знаніе своего отечества есть спеціальная обязанность каждаго гражданина, и потому должно войти въ общее образованіе каждой страны особеннымъ, болѣе подробнымъ курсомъ, чѣмъ требуетъ того общее равновѣсіе между разными отраслями знанія. Въ курсѣ Общественнаго Устройства среднихъ школъ предметъ этотъ входилъ въ общій очеркъ, какъ часть въ цѣлое, и хотя, конечно, излагая статистическіе факты, указывая на законодательство, обезпечивающее промышленность, защищающее личность, развивающее образованность, учитель не пропуститъ указаній на Россію, но тѣмъ не менѣе въ числѣ прочихъ данныхъ науки, эти данныя терются, какъ разбросанныя. Изъ числа 300 лекцій, назначенныхъ на курсъ Общественнаго Устройства, едва ли, собирая все отрывки, касающіяся до Россіи, можно рассчитывать на 40 лекцій, между тѣмъ какъ здѣсь эти же факты явятся въ болѣе развитіи, съ болѣе большими подробностями, и особенно въ одной цѣльной картинѣ, на

что называется по одной лекціи въ неделю, въ шестой день; следовательно 80 лекцій. Къ тому же, чѣмъ ближе вступлено въ практическую жизнь, тѣмъ важнѣе и интереснѣе для ученика факты, относящіяся до обстоятельствъ, скоро получающихъ ежедневное вліяніе на него; это возвышаетъ вниманіе слушающаго, а следовательно и нѣльзу преподаванія.

Съ этимъ курсомъ нераздѣльно черченіе карты Россіи и ея раздѣленій, отъ руки, что уже легко знающему чертить карты пяти частей свѣта, а также знаніе формъ главнѣйшихъ дѣловыхъ бумагъ, встрѣчающихся въ практикѣ каждаго гражданина.

Я очень немного говорю объ этихъ курсахъ, потому что полагаю достаточно ясными ихъ направленіе, объемъ и цель, изъ того, что сказано, особенно для тѣхъ, кто согласился съ основаніями предъидущихъ курсовъ. Для тѣхъ же, которые со мной несогласны, конечно, и эти курсы не имѣютъ значенія, какъ тѣсно связанныя съ предъидущими. Преподаваніе ихъ, конечно, поручается преподавателямъ-специалистамъ, которые сами составляютъ программу, обнимающую предметъ и только утверждаемую начальствомъ заведенія. Внимательство начальства заведенія въ распредѣленіи предметовъ программы здѣсь было бы еще менѣе уместно, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ, потому что, какъ ни учено начальство заведенія, во всякомъ случаѣ для хорошаго преподаванія наукъ историческихъ и нравственныхъ надо преподавателю сжиться съ методомъ изложенія, съ перспективой научныхъ фактовъ, и принятіе по этимъ предметамъ подробной программы, не вполне согласной съ мнѣніями учителя, будетъ имѣть слѣдствіемъ совершенную воруку курса. Конечно, это менѣе ощутительно въ курсѣ Астрономіи, Статистики, Законовѣдѣнія, но и тутъ личность преподавателя важна, именно потому, что предстоитъ выборъ изъ огромнаго матеріала, который нельзя весь вмѣстить въ курсъ по недостатку времени; но въ этомъ выборѣ долженъ руководить преподавателя собственный взглядъ на вещи, а не привитый извнѣ; даже хорошо, если преподаватель нѣсколько измѣнитъ курсъ, читанный имъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ: это не даетъ ему самому впасть въ рутину и учениковъ заставляетъ живѣе следить за курсомъ, который имъ не могли сообщать товарищи, слушавшіе курсъ прежде ихъ.

Занятія языками состоятъ изъ трехъ отдѣловъ:

- а) Занятіе церковно-славянскимъ языкомъ съ курсомъ исторической русской грамматики (80 лекцій).
- б) Продолженіе занятій древними языками (160 лекцій).
- в) Критическія изслѣдованія данныхъ сочиненій и авторовъ (240 лекцій).

Первый курсъ есть дополненіе и вѣнецъ ученическихъ занятій роднымъ языкомъ. Какъ практическія занятія перваго возраста служили основою для выводовъ законовъ мысли изъ законовъ роднаго слова, такъ вся работа мысли, расширивши свою область естествознаніемъ и исторіей, приложится теперь къ историческому развитію роднаго языка и къ сознательному пониманію тѣхъ формъ, которыя представились прежде какъ отрывочныя явленія. Значеніе этого курса, для ученика, скоро вступающаго въ дѣйствительную жизнь, весьма велико, потому что даетъ некоторую законность правиламъ, до тѣхъ поръ употребляемымъ по привычкѣ и связываетъ грамматику съ исторіей. Но только въ этомъ возрастѣ, когда самое значеніе исторіи хорошо подготовлено и правильно уяснено ученику, этотъ курсъ можетъ быть полезенъ. Въ болѣе раннее время, когда курсъ ученія не заключенъ и ученику еще нельзя связать главныя отрасли знанія, въ это время подобный курсъ не можетъ имѣть особеннаго значенія, и ученику недоступно пониманіе законовъ историческаго развитія языка, такъ какъ и всякаго другаго историческаго развитія.

Занятія древними языками составляютъ продолженіе предшлагающаго курса, но теперь, параллельно съ курсомъ исторіи, получаютъ особенную самостоятельность; потому переводы и извлеченія дѣлаются изъ авторовъ, не только извѣстныхъ по краткому очерку учителя языка, но поставленныхъ исторіею въ рамки живой обстановки современныхъ имъ идей, и современнаго имъ общества. Въ отрывкахъ, назначаемыхъ для перевода или для извлечения, ученикъ можетъ уже, подъ руководствомъ учителя, схватить не только мысль, но и особенность мысли авторовъ, жившихъ въ разныя эпохи, и следовательно изученіе языка, связываясь съ исторіею народа, ею освѣщается и дѣлается самостоятельнѣе. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь главная цель состоитъ лишь въ возможности понять мысль, а не овладѣть всеми тонкостями формъ древнихъ языковъ.

Критическія изслѣдованія составляютъ подготовленіе къ самостоятельной работѣ, къ свободной дѣятельности мысли, въ

то же время какъ они суть занятія, приучающія къ выраженію этой мысли. Конечно, должно и здѣсь быть осторожнымъ. При заданіи вопроса учитель долженъ обставить его какъ должно, потому что нельзя требовать отъ ученика, не знакомаго хорошо съ библіографіей науки, знанія, къ какимъ именно сочиненіямъ должно обратиться для ршенія вопроса. Учитель долженъ указать на сочиненія, въ которыхъ ученикъ найдетъ доводы за и противъ, на сочиненія, по которымъ онъ можетъ озвѣтить свидѣтельство авторовъ обвѣхъ партій, а тогда предоставить ученику сдѣлать самому надлежащее заключеніе. Число источниковъ, конечно, не должно быть излишне велико, чтобы ученикъ, въ данное время, успѣлъ совладѣть съ ними. Всего такихъ сочиненій должно быть не менѣе трехъ въ два года; изъ нихъ одно должно разсматривать вопросъ физико-математическій или физиологическій, другое — вопросъ общественный или философскій, третье — вопросъ историческій.

Такимъ образомъ ученикъ доканчиваетъ свое общее воспитаніе, слетая его въ вѣнецъ исторіи; прилагаетъ физико-математическія знанія къ самымъ обработаннымъ вопросамъ науки, сосредоточиваетъ все известное ему о чловѣкѣ въ одну цельную идею, уясняетъ себѣ родной языкъ его исторію, и готовится къ гражданской дѣятельности ближайшимъ знакомствомъ съ отечествомъ. Критическія изслѣдованія суть для него первый опытъ самостоятельной дѣятельности.

Въ этомъ возрастѣ воспитаніе должно болѣе и болѣе скрывать свое дѣйствіе, чтобы сдѣлать менѣе рзнымъ переходъ къ дѣйствительной жизни. Самая обязанность ближайшаго воспитателя не имѣетъ мѣста, потому что, держась далеко отъ воспитанниковъ, онъ бесполезенъ; слишкомъ облизившись съ ними, онъ не болѣе, какъ старшій товарищъ, но не разделяющій ихъ занятій, следовательно чуждый молодымъ людямъ. Одно превосходство остается на сторонѣ начальника, это превосходство науки, составляющее особенность преподавателя или главнаго воспитателя. Не удобнѣе ли, для приученія къ самостоятельной дѣятельности, приучить молодыхъ людей этого возраста къ свободному выбору изъ среды себя старшихъ, около которыхъ составятся отдѣленія? При этомъ можетъ быть устроено постоянное дежурство преподавателей и ихъ помощниковъ въ заведеніи, такимъ образомъ, чтобы ученики могли найти совѣтъ въ своей работѣ, когда этотъ совѣтъ понадобится, и притомъ были свя-

заны не надзоромъ, во присутствіемъ лица, или уважаемаго за его знанія. Общество преподавателей и ихъ помощниковъ въ каждомъ отдѣленіи, подъ руководствомъ главнаго воспитателя заведенія, можетъ наблюдать за общимъ ходомъ преподаванія и воспитанія, и во имя закона судить виновныхъ или дѣлать другія внутреннія распоряженія. Молодые люди сами всего лучше будутъ наблюдать другъ за другомъ въ исполненіи обязанностей и всего меньше могутъ надѣяться нарушить ихъ безнаказанно, какъ объ этомъ было уже сказано мною. Взаимное наблюденіе за исполненіемъ закона можетъ быть внушить имъ и въ обществѣ обязанность уважать законность въ себѣ и въ другихъ и преслѣдовать проступокъ, а не проходить мимо его, говоря: это не мое дѣло. Безличность же начальства, управляющаго только чрезъ собраніе преподавателей во имя закона, приучитъ ихъ къ той безличной власти закона, которой долженъ подчиняться всякій гражданинъ, какъ бы далеко отъ него не находился надзоръ правительства.

Молодой человѣкъ, живущій дома въ этомъ возрастѣ, долженъ видѣть въ своемъ отцѣ старшаго совѣтника, но не начальника: они оба имѣютъ уже равныя права на взаимное уваженіе, какъ люди, и всѣ стѣснительныя формы, порядки, необходимыя въ общественномъ заведеніи могутъ быть устранены въ семействѣ. Во имя разума, во имя истины, добра и красоты можетъ только отецъ приказывать 18-ти лѣтнему сыну, а лучше даже, если бъ онъ и совѣтъ не приказывалъ, а совѣтовалъ, оставя употребленіе власти только на крайній случай заблужденія, которое можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для молодого человѣка и повлечь за собою его гибель. Должно помнить, — дома или въ общественномъ заведеніи воспитывается молодой человѣкъ, это все равно, — должно помнить, что онъ скоро выступитъ въ свѣтъ и сдѣлается самостоятельной личностью. Тѣмъ меньше рывокъ будетъ для него переходъ, тѣмъ меньше онъ будетъ и опасенъ для молодого человѣка, и тѣмъ больше немедленной пользы можетъ ожидать общество отъ своего новаго члена.

И. ДАВЫДОВЪ.

ОБЪ УСТРОЙСТВЪ СЕЛЬСКАГО ТРУДА ВЪ ПРУССІИ.

Земледѣліе принадлежитъ къ самымъ древнимъ промысламъ народовъ. Они не успѣютъ еще завести прочныхъ торговыхъ сношеній съ соседними, тѣмъ менѣе съ отдаленными странами; они не имѣютъ еще заводовъ, въ большомъ видѣ обрабатывающихъ сырые матеріалы,—а уже добываютъ болѣе или менѣе значительныя количества питательныхъ средствъ отъ земли и заводятъ усадьбы, на которыхъ сельскія работы производятся въ обширномъ размѣрѣ. По этой-то древности своего происхожденія и по этому значенію въ экономіи народовъ, сельское хозяйство рано дѣлается предметомъ законодательныхъ постановленій, именно же двѣ, совокупно въ немъ дѣйствующія силы, или правильные два орудія таковыхъ силъ—*человѣкъ* съ своимъ трудомъ и *земля* съ правомъ на нее собственности. Феодалское право, которое дѣйствовало въ средневѣковомъ періодѣ Западной Европы, подчиняло трудъ и земельную собственность большимъ ограниченіямъ, которыя, въ началѣ своего происхожденія, могли соответствовать требованіямъ эпохи, но въ послѣдствіи оказались несовременными. Явились новыя обстоятельства и отношенія, среди которыхъ отжившія экономическія формы не могли болѣе имѣть мѣста. Нужно было ихъ замѣнить новыми. Исторія законодательныхъ постановленій, издаваемыхъ съ этою цѣлю, правильныхъ и удавшихся, или ошибочныхъ и отмененныхъ по ихъ нецѣлесообразности, дѣлается весьма поучительною, и если когда нибудь, то именно въ такомъ случаѣ можно повторить слова нашего знаменитаго соотечественника: Исторія есть книга откровеній и правилъ, завѣщаніе предковъ потомству, дополненіе и изясненіе истиннаго. По этому опыту, которые едвамы были для уст-

ройства сельскаго труда и земельной собственности, сначала прусскимъ правительствомъ, а за нимъ и многими другими германскими, на всегда останутся существеннымъ достояніемъ исторіи, и мы постараемся изъ нея извлечь то, что она представляетъ въ этомъ отношеніи наиболее важнаго для изученія.

Извѣстно, какъ печально было положеніе Пруссіи въ 1806 году. Она находилась тогда въ войнѣ съ Франціею и претерпѣла жестокія пораженія. Довольно по этому случаю сказать, что Наполеонъ въ одинъ мѣсяць истребилъ прусскую армію, занялъ столицу Берлинъ, и овладѣлъ почти всею Пруссіею, кромѣ нѣсколькихъ крѣпостей въ Силезіи, неспособныхъ къ оборонѣ, и кромѣ восточной части государства, защищаемой разстояніемъ. Королевская фамилія и самъ король собирались выѣхать въ Россію, и дѣйствительно, когда непріятель въ 1807 году приближался къ Кенигсбергу, то королевская фамилія уже отправилась къ русской границѣ, въ городъ Мемель. Эта гибельная война кончилась въ 1807 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, тильзитскимъ миромъ, по которому Пруссія потеряла половину своихъ земель съ цілою половиною жителей. Да и остатки были сохранены Пруссіи, какъ сказано въ трактатѣ, изъ уваженія къ Россійскому Императору. Знаменитый баронъ фонъ-Штейнъ, находившійся тогда въ Нассау и принявшій предложенное ему министерство, долженъ былъ проѣхать чрезъ всѣ прусскія владѣнія, чтобъ явиться къ королю, находившемуся тогда въ Мемель. Въ своей біографіи, баронъ рассказываетъ что онъ видѣлъ на пути. Три французскихъ корпуса, расположенныхъ между Вислою и Эльбою, разоряли страну постоемъ, содержаніемъ и столовыми деньгами; французскія присутственные мѣста, особенно маршалъ Суэль, вели себя съ несноснымъ высокомеріемъ; французскіе коменданты своими требованіями угнетали города. Пруссія тогда только могла освободиться отъ иностраннаго войска, когда заплатитъ контрибуцію въ 25 милліоновъ руб. сер. Это было постановлено необходимымъ условіемъ. Баронъ Штейнъ, при проѣздѣ чрезъ Берлинъ, видѣлся съ Дарю, который завѣдывалъ тогда французскою административною частію, и хотѣлъ склонить его въ пользу Пруссіи, но нашелъ его непреклоннымъ: Дарю не допускалъ ни уменьшенія контрибуціонной суммы, ни разсрочки платежа. Прусская нація была раздражена непрестанными оскорбленіями, которыя ей дѣлали. Множество офицеровъ были лишены безъ жалованья и пришли въ большое затрудненіе, какъ

себя содержать. Они были унижены негодованіемъ на нихъ гражданъ за противозаконную сдачу крѣпостей и капитуляцію войска. Перевхавъ за Вислу, Штейнъ * нашель край очищеннымъ отъ непріятеля; но все носило слѣды опустошительной войны, здѣсь проходившей: скотъ погибъ, лошади тоже, много деревень и нѣсколько городовъ было сожжено; тысячи семействъ пришли въ нищету, и въ одномъ округѣ оказалось 500 дѣтей безъ вѣсти пропавшихъ, или умершихъ отъ гншлой горячки, родителей. Наконецъ въ Мемель Штейнъ увидѣлъ короля, который совершенно упалъ духомъ и былъ убѣжденъ, что его преслѣдуетъ неумолимая судьба и что никакія его предпріятія не могутъ удался. Онъ былъ даже готовъ сойдти съ престола и сдѣлаться частнымъ человекомъ, лишь бы умлостивить преслѣдовавшую его судьбу и отворотить ее отъ отечества.

Еще до прибытія Штейна, который имѣлъ въ своей головѣ большіе преобразовательные планы, нѣкоторые государственные люди, какъ только былъ заключонъ миръ, разсматривали по приказанію короля вопросъ, какими извраи можно возстановить Пруссію. Обработку этого предмета занимались провинціальній министръ фонъ-Шретеръ и непосредственная коммисія, учрежденная при бывшемъ министрѣ Гарденбергъ для общихъ государственныхъ дѣлъ и имѣвшая непосредственные доклады у короля. Министръ Шретеръ и самый дѣятельный членъ коммисіи, фонъ-Шенъ, имѣли почти одинакія убѣжденія, которыя внушены имъ были уроками кенигсбергскаго профессора Крауса, отличавшагося обширными познаніями и яснымъ, увлекательнымъ изложеніемъ своего предмета. Кенигсбергскій университетъ былъ тогда въ большой славѣ и привлекалъ многихъ слушателей, изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли отличные чиновники и даже извѣстные государственные люди. Высокія идеи философіи и права были переносимы изъ университетскихъ аудиторій въ служебную дѣятельность, и подготовили тѣ благія преобразования, въ которыхъ нуждалась Пруссія. Краусъ излагалъ съ своей кафедры ученія Ад. Смита. Начало свободнаго труда, которое Ад. Смитъ особенно приложилъ къ торговому законодательству и къ тарифнымъ преобразованіямъ, Краусъ распространялъ на сельскую промышленность, сообразно съ обстоятельствами

* См. *Das Leben des Ministers Freihorn vom Stein*. Von G. H. Periz. VI Band, Beilagen, p. 163.

своего отечества *. Эти убъждения раздѣляли многіе члены правительства и непосредственной комисіи, а Шенъ былъ такъ увлеченъ смитовыми ученіями, что поздерживалъ сосредоточеніе большихъ собственности, лишь бы отъ того увеличилось народное производство. Но съ такимъ воззрѣніемъ не соглашались другіе члены комисіи; они находили, что безусловное раздробленіе крестьянскихъ участковъ можетъ нанести большій вредъ крестьянскому сословію, которое собственно составляетъ зерно королевства. Непосредственная комисіи представила королю докладъ о преобразованіяхъ, полезныхъ по ея мнѣнію, а министръ фонъ-Шрѣтеръ представилъ таковой же съ своей стороны. Доклады эти получили 23 августа 1807 года одобреніе короля, съ нѣкоторыми ограниченіями, и скоро были, по устраненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, облечены въ проектъ закона, который и былъ присланъ на заключеніе министра Штейна.

Этотъ министръ, извѣстный своимъ высокимъ просвѣщеніемъ, и органическими идеями политическаго устройства, вошелъ въ управленіе дѣлами по предварительномъ обещаніи короля принять его планъ къ возстановленію государства. Онъ имѣлъ обширные виды: пробудить народный духъ, внушить готовность на всякое пожертвованіе для народной независимости, и воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ начать войну съ Франціей. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, предполагалось: 1) преобразовать устройство городскихъ общинъ, предоставить гражданамъ участіе въ городскихъ дѣлахъ, и такимъ образомъ возбудить любовь къ общинѣ; 2) превратить доменныхъ крестьянъ Восточной и Западной Пруссіи въ свободныхъ собственниковъ; 3) уничтожить личную зависимость жителей государства. Король изъявилъ на это свое согласіе и неоднократно призывалъ на совѣтъ существовавшихъ тогда провинціальныхъ депутатовъ.

Въ финансовомъ отношеніи имѣлись слѣдующія изъ важнѣйшихъ средствъ: 1) сокращеніе расходовъ. Оклады жалованья были уменьшены, придворный штатъ значительно ограниченъ и самъ король отказался отъ своихъ кабинетныхъ денегъ. 2) Заемъ въ Голландіи, для усиленія финансовыхъ способностей; 3) Россія за-

* Въ его *Vermischte Schriften, Königsb.* 8 Bände, 1808—1813, помѣщена большая статья, написанная въ 1802 году: *Ueber die Aufhebung der Privatunterthänigkeit*. Краусъ сообщилъ ее своему ученику, фонъ-Ауэрсвальду, въ послѣдствіи бывшему оберъ-президентомъ восточной Пруссіи и издавшему его посмертныя сочиненія.

должала королю и Пруссіи, по разнымъ предметамъ и военнымъ поставкамъ; во этому случаю заключена была конвенція въ С.-Петербургѣ объ уплатѣ долга ассигнаціями по курсу; эта сумма была употреблена на государственные расходы, съ вознагражденіемъ, въ послѣдствіи, частныхъ кредиторовъ.

Утѣнительно видѣть, какъ въ эту бѣдственную эпоху прусской исторіи любовь къ народной независимости пробуждаетъ всеобщій энтузіазмъ и какъ учрежденія, основанныя то на предоставляемыхъ выгодахъ, то на уступкахъ и пожертвованіяхъ—начиная отъ гражданина до самого короля, приведены были въ исполненіе съ увѣичавшимъ ихъ успѣхомъ. Среди многихъ проектовъ преобразованія, которые составляли цѣлую, глубоко задуманную систему, очень видное мѣсто занимала отъѣна личной зависимости. Оставимъ въ сторонѣ другія части системы; онѣ не касаются прямо нашего предмета и были сообщены только для того, чтобы мысль объ уничтоженіи личной зависимости поставить въ связь съ современными обстоятельствами и объяснить ея непосредственное происхожденіе. Изложеніе главныхъ идей Штейна, которыя имъ руководили въ предначертаніяхъ государственнаго устройства, показало, что проектъ непосредственной комиссіи о преобразовательныхъ мѣрахъ долженъ былъ встрѣтить его полное сочувствіе. Дѣйствительно, Штейнъ отдалъ проекту всю справедливость, пропустивъ его съ некоторыми измѣненіями. 8-го октября имѣлъ онъ по этому случаю докладъ у короля, испросилъ его разрѣшенія на свои предполагаемыя перемѣны и возвратилъ проектъ для исправленія. Оно немедленно было сдѣлано непосредственною комиссіею; 9-го октября былъ уже готовъ самый эдиктъ (законъ) и отосланъ для обнароданія министру и канцлеру. Такъ живо была ощущаема потребность новаго постановленія, такъ совершенно было оно подготовлено прошедшимъ и современными событіями, и такъ дружно соединила всѣхъ забота объ общественномъ благѣ. Въ іюль мѣсяцъ были дѣланы первые доклады комиссіею и министерствомъ, а въ концѣ октября дѣло уже вполне созрѣло и приведено въ исполненіе. Но прежде, чѣмъ мы представимъ сущность эдикта, постараемся познакомиться съ устройствомъ сельскаго труда и земельной собственности въ Пруссіи, до того существовавшимъ.

Сельскіе жители въ Пруссіи, до преобразованій 1807 года, имѣли въ отношеніи къ господскимъ имѣніямъ разныя повинности, простиравшія изъ принадлежности, или подвластности имѣ-

нию (Gutshörigkeit, Gutsunterthänigkeit) *. По этой принадлежности крестьяне обязывались: 1) исправлять на господское имѣніе работы, необходимыя для сельско-хозяйственнаго пользованія имѣ, но не какія-нибудь другія, относившіяся къ фабрикаціямъ, въ данной мѣстности неизвѣстнымъ. Крестьянъ нельзя было принуждать къ работѣ въ другихъ имѣніяхъ, которымъ они не были подчинены, хотя бы и принадлежавшихъ тому же господину. Безъ имѣнія, которому крестьяне были подчинены, они не могли быть отдѣльно продаваемы, или иначе какъ уступаемы, противъ ихъ воли. И вообще подвластное положеніе, по прусскому праву, было очень смягчено. Въ немъ было даже постановлено, что подчиненные крестьяне, кромѣ особаго отношенія, въ которомъ они состоятъ къ имѣнію, считаются во всѣхъ своихъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ свободными гражданами, и что ихъ состояніе не должно быть смѣшиваемо съ прежнимъ Leibeigenschaft, какою-то личною неволею (§ 147).

2. Дѣти подчиненныхъ крестьянъ, пока не находились въ брачномъ состояніи, обязывались, по требованію господъ, жить на господскомъ дворѣ въ качествѣ работниковъ, или работницъ, въ теченіе извѣстнаго времени, съ полученіемъ за то уменьшенной рабочей платы. Господинъ могъ отдавать ихъ и въ работу крестьянамъ своего имѣнія. Въ случаѣ же ихъ увольненія отъ службы на господскомъ дворѣ, равно какъ за дозволеніе наивматься въ работу вне имѣнія, взымалось съ нихъ денежное вознагражденіе.

3. Жениться подчиненные крестьяне могли только съ позволенія господина.

Современный этому положенію писатель Шмалъц ** полагалъ, что на дѣлѣ эти постановленія Земскаго Права оказывались стѣснительны. Плата, даваемая крестьянскимъ дѣтямъ за вы-

* Мы старались сколько возможно ближе передавать техническія выраженія прусскаго права и избѣгали замѣнять ихъ техническими словами изъ нашего юридическаго языка, потому что это могло бы подать поводъ къ смѣшенію понятій и что рассматриваемая прусская институція во многомъ представляетъ свои особенности и отличія. Для справокъ и подробностей см. служившее намъ основаніемъ Земское право Пруссія: Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten. Berlin 1796. Zweiter Theil, VII Titel, vom Bauerstande.

** См. его сочиненіе: Erbunterthänigkeit. Ein Commentar über das königl. preussische Edict vom 9 October 1807, ihre Aufhebung betreffend. Vom Geh. Justiz-Rathe Schmalz. Berlin. 1808, p. 18 et 19.

нужденную работу, была такъ мала, что на нее нельзя было приобрести даже бѣднѣйшей одежды. Въ дозволеніи на женитьбу господинъ по закону не могъ отказывать безъ особенныхъ важныхъ причинъ; но такъ какъ въ числѣ ихъ полагалось «слабое сложеніе для исправленія трудныхъ работъ», то господинъ всегда могъ ссылаться на это обстоятельство. При томъ крестьянинъ подлежалъ господскому умѣренному наказанію.

Изъ такого положенія водворенному крестьянину трудно было выдти. Ему для того предоставлялось просить объ отпускѣ изъ-подъ власти имѣнію, если только онъ могъ вмѣстѣ доказать въ судъ, что будетъ обезпеченъ относительно своего содержанія въ свободномъ состояніи, если онъ получалъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ крестьянскій дворъ, или наконецъ представлялъ вмѣсто себя другаго хорошаго хозяина. Однако же эти облегченія закона оставались на практикѣ мало дѣйствительными, потому что, въ случаѣ разбирательства дѣла судомъ, господинъ всегда имѣлъ перевѣсъ; при томъ ему было предоставлено удержать крестьянина, получавшаго въ другомъ мѣстѣ дворъ, предложивъ ему также дворъ, хотя бы и худшій; а что касается до представленія за себя другаго, хорошаго хозяина, то это и само по себѣ было затруднительно, и господинъ могъ всегда находить, что представляемый въ замѣнъ хозяинъ не благонадеженъ. Даже въ томъ случаѣ, когда господинъ не былъ въ состояніи кормить подчиненнаго ему крестьянина, этотъ не могъ освободиться изъ-подъ власти, а ему дозволялось только просить о разрѣшеніи снискивать въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ пропитаніе, съ обязанностію возвратиться по первому зову. Если же случалось, что кто увольнялся изъ принадлежности, то это распространялось только на его взрослыхъ дѣтей до 14-ти лѣтняго возраста; всѣ же другіе оставались въ прежнемъ своемъ состояніи.

Легче было получать увольненіе изъ подвластности имѣнію для неустроеннаго хозяйствомъ крестьянина. Онъ могъ требовать отпуска, когда изучилъ науку, искусство или ремесло не на господское иждивеніе, или имѣлъ случай улучшить свое положеніе городскою, церковною, или училищною службою. Также, когда онъ могъ чрезъ женитьбу получить участокъ земли, свободный отъ подчиненности и могущій содержать его съ семействомъ. Если же онъ получалъ внѣ имѣнія подвластный участокъ, а господинъ предлагалъ ему участокъ у себя въ имѣніи,

то онъ не могъ быть принужденъ къ принятію такого участка, когда жена его не согласилась на немъ жить.

Пользовались также господа нѣкоторыми правами относительно людей (Schutzunterthanen, Einlieger), которые, не принадлежа къ имѣнію, приходили въ него и жили тамъ въ занятіяхъ нѣкоторыми промыслами, напримѣръ тканьемъ, или же нанимались въ работу къ подчиненнымъ крестьянамъ. Изъ таковыхъ людей первые вносили за то особую подать, другіе же, какъ сами, такъ и ихъ дѣти, должны были, за низкую плату, отправлять работы по имѣнію, иногда даже даромъ исполнять нѣкоторые господскіе приказы, напримѣръ по ткачеству, или посылкамъ.

Наконецъ, господа имѣли въ своихъ имѣніяхъ судебную власть, хотя она была ограниченнаго вида.

Земельная собственность въ Пруссіи, до преобразованій 1807 года, находилась также въ совершенно особенномъ положеніи. Такъ называемые Rittergüter, дворянскія имѣнія, могли находиться въ собственности однихъ только дворянъ, съ исключеніемъ другихъ сословій; а земли, на которыхъ жили крестьяне, bäuerliche Stellen, Ackerhörungen, не принадлежали ни господамъ, ни крестьянамъ въ полную собственность, а въ раздѣльную. Право господина на крестьянскую землю или участки до того было ограничено, что онъ не только не могъ ихъ продавать или мѣнять, но даже не могъ уменьшать ихъ числа, отобраніемъ ихъ въ свою пользу, или соединеніемъ нѣсколькихъ въ одинъ. Напротивъ того, господинъ долженъ былъ всячески пещись о томъ, чтобы всѣ такіе участки были заняты крестьянами.

Прусское законодательство съ давнихъ временъ обращало на этотъ предметъ особое вниманіе и старалось противодействовать стремленію дворянства присоединять къ своимъ имѣніямъ участки, назначенные для крестьянъ, хотя бы они были и подвластны. Не упоминая о многихъ старыхъ эдиктахъ, изданныхъ съ этою цѣлю, приведемъ только тѣ, которые принадлежатъ къ XVIII столѣтію. Такъ въ 1739 году эдиктомъ 14 марта было постановлено *, чтобы впредь никто изъ государственныхъ вас-

* Смотри для справокъ и подробностей очень любопытное сочиненіе: Ueber die agrarische Gesetzgebung in Preussen, besonders in Rücksicht auf die Ausführung derselben durch die Generalcommissionen. Von H. L. Hering. Berlin. 1837. p. 22 et seq. Баронъ Гакстгаузенъ, въ статьѣ своей «объ отмѣненіи господскихъ правъ въ Пруссіи» (Русск. Вѣстникъ, 1857, № 22) приводитъ слѣдующее капитальное мѣсто изъ сочиненія знаменитаго Нибура: «Только лю-

саловъ, начная отъ маркграфа до самого мелкаго вассала, не могъ, подъ тяжкою отвѣтственностію, самовластно смѣщать крестьянъ съ ихъ участковъ, не имѣя на то основательныхъ причинъ и не замѣщая пустаго двора тотчасъ же другимъ крестьяниномъ. Эдиктомъ 1749 года августа 12 это было вновь подтверждено, подъ опасеніемъ штрафа во сто дукатовъ, съ тѣмъ, чтобы и чиновники, допускаяшіе такія противозаконныя дѣйствія, подвергались взысканію во сто талеровъ. Опустѣніе многихъ крестьянскихъ дворовъ послѣ семилѣтней войны, побудило прусское правительство издать эдиктъ 12 іюля 1764 года, которымъ повелѣвалось, въ теченіе годичнаго срока, непремѣнное возстановленіе крестьянскихъ дворовъ, опустѣвшихъ съ 1740 года, а особенно въ войну 1756 года, подъ опасеніемъ штрафа въ 1000 талеровъ за всякій невозстановленнѣй крестьянскій дворъ. Присутственнымъ мѣстамъ было предписано доставлять свѣдѣнія объ успѣхахъ возстановленія.

Это охраненіе интересовъ земледѣльческаго класса было постоянно удерживаемо, такъ что и въ послѣднія времена, до преобразованій 1807 года, господину воспрещалось подвластнаго крестьянина лишить его участка безъ судейскаго приговора. Онъ однако же могъ крестьянина принудить къ продажѣ участка, если крестьянинъ разорилъ землю своимъ худымъ хозяйствомъ, или былъ приговоренъ за свои преступленія къ наказаніямъ. Впрочемъ, подвластные крестьяне во всѣхъ представлявшихся обстоятельствахъ разсматривались какъ *дѣйствительные собственники* своихъ участковъ *. Только этихъ участковъ они не могли передавать и уступать безъ господскаго на то согласія. Такое же господское дозволеніе требовалось и для залога крестьянномъ земли.

Земля, на которой жилъ человекъ *свободнаго* состоянія, по которая находилась въ подвластномъ отношеніи къ имѣнію, состояла по прусскому уложенію, на особыхъ условіяхъ. Она могла быть потомственно-ценсовою землею, Erbzinsgut, называвшеюся такъ отъ ценса (оброка), съ нея вносимаго, или потомственно-арендною, Erbpacht. Хотя, судя по названію, эти роды земель должны были бы составлять одно и тоже, но мы увиди, незнакомые съ туземнымъ стариннымъ правомъ, могли сомнѣваться въ томъ, что крестьянская земля у всѣхъ нѣмецкихъ народовъ искони была совершенно отдѣлена отъ господской и неприкосновенна.»

* Allg. Landr. II Th., VII Tit. § 246.

димъ отличавшую ихъ разницу. Какъ ценсовыя, такъ и арендныя земли не предоставляли права полной собственности, а только раздѣльной, получившей начало въ феодальныхъ учрежденіяхъ среднихъ вѣковъ. По этимъ учрежденіямъ господинъ имѣлъ на землю главное право собственности (*Obereigenthum, dominium directum*), а кто жилъ на землѣ, тоже имѣлъ право пользоваться ея плодами (*dominium utile*). По смыслу своего главнаго права, господинъ въ *ценсовыхъ* земляхъ * получалъ съ владѣвшаго ею ежегодный, неизмѣнный оброкъ и, кромѣ того, всякій разъ, какъ земля переходила къ другому владѣльцу, получалъ денежную сумму, *laudemium*. Исключеніе относительно платежа этой суммы существовало только тогда, когда участокъ переходилъ къ наследникамъ по нисходящей линіи. Если о величинѣ *laudemium*'а не сдѣлано никакого постановленія между господиномъ и владѣльцемъ, то она не могла превышать двухъ процентовъ покупной цѣны земли. Съ земель *арендовыхъ* господинъ также получалъ годовой оброкъ, котораго величина не могла измѣняться; *laudemium* совсѣмъ не платился.

Потомственный владѣлецъ какъ ценсовой, такъ и арендовой земли, могъ при жизни передавать свой участокъ, но для того долженъ былъ испросить согласія господина, имѣвшаго главное право собственности.

Если потомственный ценсооброчникъ уклонялся отъ платежа оброка, или за нимъ состояла трехлѣтняя недоимка, тогда онъ могъ лишиться земли. Ценсовая земля возвращалась также къ главному собственнику, когда умиралъ ея оброчникъ безъ наследниковъ, или самъ отъ нея добровольно отказывался, или, наконецъ, истекалъ срокъ, на который земля была отдана. Ценсовая земля была отдаваема оброчнику и его потомству; однако же право на нее могло быть ограничено нѣсколькими поколѣніями, или извѣстными степенями родства.

Если наследственный арендаторъ былъ не въ состояніи платить оброка, тогда главный собственникъ имѣлъ право требовать судебнымъ порядкомъ продажи земли и былъ удовлетворяемъ изъ вырученныхъ за то денегъ.

Такова была организація сельскаго труда и таково юридическое положеніе земельной собственности, когда въ 1807 году воспослѣдовалъ эдиктъ, произведшій существенныя перемѣны въ отношеніяхъ подвластныхъ крестьянъ и имѣній, къ которымъ они

* Allg. Landr. Theil II, Tit. 18. Также I Theil, Tit. 21.

были приписаны. Эдиктомъ этимъ даровано было господамъ право присоединять къ своимъ имѣнямъ тѣ упразднанныя крестьянскіе участки; которые они не желали опять замѣщать крестьянами. Впрочемъ, для присоединенія требовалось разрѣшеніе присутственнаго мѣста; и это право присоединенія не относилось до участковъ, отданныхъ въ потомственно-ценсовое или арендовое содержаніе. Таковые подвергались ему развѣ въ томъ только случаѣ, когда главный собственникъ пріобрѣталъ ихъ отъ потомственнаго оброчника покупкою, или другимъ законнымъ способомъ. Но за то на всѣхъ земляхъ должно было прекратиться подвластное состояніе крестьянъ, со всеми истекавшими изъ него послѣдствіями. Полицейская власть господина на исправительныя наказанія осталась по прежнему. И обязанность поселенъ, занимавшихъ крестьянскіе участки, подчиненные имѣнямъ, исправлять на эти имѣнія барщину и повинности, осталась также на прежнему основаніи *. Но крестьянинъ получалъ право перехода и еще другое, чрезвычайно важное право—пріобрѣтать всякія земли. Въ 1 § эдикта было сказано, что дворяне допускаются къ пріобрѣтенію въ собственность дворянскихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ земель всякаго рода, а граждане и крестьяне къ пріобрѣтенію всякихъ дворянскихъ и недворянскихъ земель.

Однакоже новый порядокъ вещей не былъ окончательно установленъ закономъ, котораго существенное содержаніе было представлено **. Земленая собственность все-таки оставалась связанною, несмотря на нѣкоторыя облегченія, дарованныя ея владель-

* Въ эдиктѣ о полицейской власти не упомянуто; но въ объяснительномъ къ нему циркулярѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи силезскимъ областнымъ коллегіямъ, ст. 16, она допущена временно. Этотъ циркуляръ напечатанъ въ *Lette und Rönne, Landes-Kultur-Gesetzgebung des preussischen Staates*, 1, 44.—Въ эдиктѣ сказано неясно объ исполненіи крестьянами ихъ повинностей; потому въ королевскомъ повелѣніи, изданномъ 8 апр. 1809 г. для Силезіи, въ послѣдствіи распространенномъ на всѣ области, было положительно указано (§ 1), что всякій житель, занимающій крестьянскую землю, обязанъ, по уничтоженіи подданства, исправлять по прежнему всѣ лежащія на нихъ помѣщичьи службы, тягости и подати, какъ: пѣшая и конная барщина, денежные, хлѣбные и прочіе натуральные оброки (*Lette und Rönne* 1. 79).

** Эдиктъ этотъ напечатанъ въ систематическомъ собраніи прусскихъ сельско-хозяйственныхъ законовъ, подъ заглавіемъ: *Die agrarischen Gesetze des preussischen Staates seit dem Jahre 1806. Systematisch zusammengestellt und bearbeitet von C. G. W. Dantz. Leipzig. 1836—1838. 4. vol. 8.* Также: *Lette und Rönne, Landes-Cultur-Gesetzgebung. Berlin. 1853. 1. 33.*

цамъ. Главнѣйшія неудобства происекали отъ раздѣльности права на землю; которая въ извѣстныхъ отношеніяхъ принадлежала главному собственнику, а въ другихъ принадлежала оброчнику. Это отеченіе правъ двухъ лицъ на одинъ и тотъ же предметъ, которое мѣшало успѣхамъ хозяйства, надлежало прекратить. При томъ и барщинная повинность съ разными оброками, остававшаяся на крестьянахъ, не смотря на дарованную имъ свободу перехода, не была болѣе находима соответствующею современному развитію. По счастью была возможность достигнуть этихъ двухъ цѣлей: 1) вознаградить главнаго собственника (господина) за право его на барщинную работу, равно какъ за право его на ценсъ, *laudemium* и другія выгоды, и 2) освободить землю отъ лежавшихъ на ней ограниченій въ пользованіи. Возможность эта состояла въ томъ, чтобъ отъ крестьянской земли отдѣлить одну часть и предоставить ее главному собственнику въ единственную и полную собственность, а другую, остальную за тѣмъ часть, предоставить въ такую же крестьянину. Этотъ раздѣлъ крестьянской земли между главнымъ собственникомъ и крестьяниномъ, сообразно съ выгодами, которыя каждый изъ нея извлекалъ, дѣйствительно былъ произведенъ эдиктомъ 14 сентября 1811 года. * Эдиктъ этотъ раздѣленъ на два отдѣла:

Въ первомъ отдѣлѣ постановленія касались тѣхъ крестьянскихъ земель, которыя состояли въ *потомственномъ владѣніи крестьянъ*, то-есть которыя переходили отъ нихъ къ ихъ прямымъ, или боковымъ родственникамъ и въ которыхъ господинъ обязывался замѣщать сдѣлавшійся праздымъ дворъ не иначе, какъ наследниками послѣдняго владѣльца. Таковыя земли предоставлялись въ собственность крестьянамъ, которые, сверхъ того, увольнялись отъ натуральныхъ службъ (съ исключеніемъ нѣсколькихъ дней для помощи при жнитвѣ и посѣвѣ хлѣба). Какъ за то, такъ и за другое, крестьяне обязывались сдѣлать господамъ вознагражденіе и въ свою очередь отказаться отъ права требовать у господъ вспоможенія. Для договора между господиномъ и крестьяниномъ предоставлялось три года. Если же онъ, въ теченіе сего времени, полюбовно не составлялся, тогда правительство, безъ всякой о томъ просьбы, само, по опредѣленнымъ правиламъ, должно было устроить это соглашеніе, для чего, смотря по провинціямъ, назначалось времени отъ 4 до 6 лѣтъ.

* Онъ напечатанъ въ книгѣ *Dantz*, I. с. 1 В.

Только тогда, когда сдѣлка уже совершена, право полной собственности имѣло вступить въ законное дѣйствіе и господинъ освобождался отъ лежавшей на немъ обязанности замѣщать крестьянскій дворъ способнымъ лицомъ и поддерживать въ состояніи нести подати. По праву же полной собственности, крестьянинъ, получившій участокъ, могъ его увеличивать, уменьшать, мѣнять, дарить и дѣлать всякія распоряженія, не испрашивая болѣе на то разрѣшенія.

Отношенія, которыя должны были сдѣлаться предметомъ договора и вознагражденія, слѣдующія. Господинъ имѣлъ: 1) право собственности, 2) право на службы; 3) на денежные и натуральныя повинности; 4) на инвентарь, 5) сервитуты. Крестьянинъ же имѣлъ право: 1) на вспоможеніе въ случаѣ несчастій, 2) на сборъ валежника и другіе лѣсные продукты. 3) Сюда же принадлежатъ обязанность господина выстроить и починять строенія; 4) отвѣтственность его, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, отбывать подати и повинности. Изъ этихъ отношеній нѣкоторыя подлежали довольно точной оцѣнкѣ, какъ денежные и натуральныя оброки, инвентарь и сервитуты; другія же допускали одну произвольную оцѣнку, какъ право собственности, службы и вспоможеніе господина. Въ такомъ положеніи вопроса, эдиктъ находилъ, что начала для вознагражденія господъ могутъ быть почерпнуты только изъ государственнаго права. А по этому праву принято, что земли должны быть поддерживаемы въ такомъ состояніи, чтобъ крестьянинъ былъ въ состояніи платить государственныя подати, и что оброки съ крестьянскихъ участковъ должны быть уменьшасмы, если онъ при такихъ оброкахъ не можетъ существовать. Когда возможно то и другое, именно уплачивать государственныя подати и за ихъ очисткою имѣть довольно способовъ къ существованію, закономъ до тѣхъ поръ не было опредѣлено: восполнить этотъ недостатокъ эдиктъ принялъ на себя. Онъ постановилъ для всѣхъ возможныхъ случаевъ то единственное начало, что оба эти условия возможны только тогда, когда господскіе оброки и повинности не превышаютъ одной трети всѣхъ выгодъ, получаемыхъ отъ земли ея потомственнымъ владѣльцемъ. Сообразно съ этимъ началомъ принято за общее правило, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, господа исполнѣ вознаграждаются за свои права, когда крестьяне, потомственно владѣющіе, уступаютъ имъ третью часть всякаго рода земель и вмѣстѣ съ тѣмъ господа освобож-

даются отъ обязанности оказывать въ особыхъ случаяхъ вспоможеніе, снабжать инвентаремъ и отвѣчать за подати. *

Отъ уговаривающихся сторонъ зависѣло согласиться, чтобы вознагражденіе было сдѣлано не землею, а денежнымъ капиталомъ, или ежегодно уплачиваемою рентою, натуральною (продуктами) или денежною.

Во второмъ отдѣлѣ содержатся постановленія о *непотомственныхныхъ крестьянскихъ земляхъ*. Подъ ними разумѣлись такія земли, которыя отдавались господами крестьянамъ въ пользованіе на опредѣленное, или неопредѣленное число лѣтъ, пожизненно, въ аренду, или за службу и повинности. Эти земли законъ отличалъ отъ потомственныхъ тѣмъ, что господинъ могъ замѣнять отшедшаго земледѣльца всякимъ лицомъ по произволу и притомъ возвышать подати и повинности (последнее право, впрочемъ, существовало не во всѣхъ областяхъ). • Собственность господина ограничивалось, также какъ и въ наследственныхъ крестьянскихъ участкахъ, тѣмъ условіемъ, что онъ не могъ присоединять участковъ къ своему имѣнію, а долженъ былъ ихъ замѣщать крестьянами. Онъ также долженъ былъ поддерживать участки въ состояніи нести подати и отвѣчать какъ за нихъ, такъ и за другія повинности.

Объ этихъ земляхъ было постановлено, что относительно ихъ получаетъ силу тоже начало, которое принято для наследственныхъ земель, съ тѣмъ однако же различіемъ, что господа получали право присоединить къ своему участку половину ** кре-

* Въ § 30 эдикта сдѣлано изъ этого общаго правила исключеніе для тѣхъ крестьянскихъ владѣній, въ которыхъ повинности господамъ не столь значительны, а потому вознагражденіе одною третью земли было бы несоизмѣрно велико, по словамъ закона. Это имѣетъ мѣсто именно въ тѣхъ случаяхъ, когда уже, послѣ опредѣленія службъ и повинностей, сдѣланы были новыя распахивки. Тогда можно было просить о меньшемъ вознагражденіи, впрочемъ если на это было одобреніе двухъ окружныхъ депутатовъ.

** Это важно различіе не объяснено въ законѣ и потому осталось темнымъ. Для наследственныхъ владѣльцевъ принято, что они могутъ сами существовать и нести подати, при отдѣленіи только одной трети земли. Между тѣмъ, какъ для ненаследственныхъ владѣльцевъ это считалось возможнымъ при отдѣленіи цѣлой половины земли. Такимъ образомъ въ законѣ встрѣчается противорѣчіе. И вообще, единственная норма для всѣхъ случаевъ, на практикѣ должна была оказаться неравноизмѣрною, потому что одни земледѣльцы могли владѣть довольно значительными участками, а другіе малыми. Первымъ могли оставаться, по выдѣлѣ $\frac{1}{3}$, или $\frac{1}{2}$, достаточные участки и доходы, чтобы на нихъ жить и нести подати, а по-

стьянской земли въ поляхъ, выгонахъ и лѣсахъ. Остальная же за тѣмъ половина предоставлялась въ полную собственность крестьянъ, если только ихъ, по какимъ нибудь уваженіямъ, нельзя было смѣстить, или если они сами добровольно не отказывались отъ принятія собственности.

Вмѣсто земли, вознагражденіе могло быть произведено *натуральною* рентою (хлѣбомъ), или оно могло быть *смѣшанное*, то-есть изъ $\frac{3}{6}$ (половины) принадлежащей земли, $\frac{2}{6}$ могли быть взяты землею, а вмѣсто остальной $\frac{1}{6}$ могла быть назначена ежегодная рента хлѣбомъ. Платежъ налоговъ распределялся сообразно достающейся землѣ. Но общинныя подати и повинности возлагались на однихъ крестьянъ.

Для приведенія въ исполненіе изложенныхъ постановленій, предполагалось въ каждой провинціи королевства учредить особую генеральную комиссію, которая должна была заниматься исключительно этимъ предметомъ*.

Личная эманципация не встрѣтила практическихъ затрудненій и была осуществлена въ положенный законами срокъ; но другая важная мѣра—надѣленіе крестьянъ землею, принадлежащею имъ въ полную собственность, не могла быть немедленно и безъ препятствій приведена въ исполненіе; потребовалось много дополнительныхъ постановленій и разъясненій, чтобъ удовлетворить всѣ стороны. Эта отрасль законодательства сдѣлалась въ Пруссіи столь обширною, что названа особымъ именемъ—аграрныхъ законовъ. Они впрочемъ имѣютъ мало общаго съ знаменитымъ *lex agraria* римской исторіи, потому что дѣло шло не о государственныхъ земляхъ и не объ отдачѣ ихъ въ аренду бѣднымъ классамъ жителей, какъ предлагалъ Тиберій Гракхъ, въ ущербъ интересовъ богатыхъ людей, которыя держали земли эти на откупъ.

Когда, по изданіи эдикта 1811 года, приступили къ обращенію крестьянскихъ участковъ или мѣстъ въ полную собственность крестьянъ, то въ слѣдъ за тѣмъ поданы были жалобы со стороны господъ изъ восточной и западной Пруссіи, Померанскія могли придти, по такомъ выдѣлѣ, въ недостаточное и затруднительное положеніе.

* Мнѣнія современниковъ объ этомъ эдиктѣ 1811 года были весьма различны. Штейнъ, въ приведенномъ мѣстѣ своей біографіи, выражается о немъ довольно сухо и приписывая его канцлеру Гарденбергу, отрывается отъ всякаго въ немъ участія.

ни и Верхней Силезии. Для рассмотрения этих жалоб была учреждена особая комиссия, работы которой послужили основанием нового закона (29 мая 1816), значительно ограничивавшего понятие «Крестьянского Места» (Bäuerliche Stelle). Закон, сохраняя Крестьянскому Месту право собственности, объяснял однакоже, что подъ таковымъ местомъ разумются только тѣ земли, которыя могутъ доставлять полное пропитаніе земледельцу, которыя были уже заняты крестьянами-хозяевами въ разные, принятые за норму, отдаленные годы (напримѣръ для некоторыхъ областей 1749 годъ) и наконецъ которыя, при изданіи закона 1821 года, существовали съ обязанностію для господина замѣщать ихъ крестьянами. Такимъ образомъ отъ пріобрѣтенія въ собственность были исключены служительскія усадьбы, на которыхъ, для обработки, не содержится упряжного скота; также крестьянскія мѣста, образовавшіяся послѣ нормальныхъ годовъ изъ помѣщичьихъ земель и тѣ, которыхъ присоединеніе къ господскому имѣнію дозволено правительствомъ. Въ силу этихъ постановленій множество мелкихъ усадебъ крестьянъ уничтожилось, а земля ихъ досталась господамъ. Во многихъ же случаяхъ возникли нескончаемыя тяжбы, и рѣшенія судебныхъ мѣстъ, по различному толкованію законовъ объ обращеніи участковъ въ собственность, противорѣчили другъ другу. При такомъ шаткомъ положеніи собственности и юриспруденціи, оказалось еще то обстоятельство, что некоторые крестьяне-хозяева отказывались, прежде чѣмъ былъ оконченъ раздѣлъ между ними и господами, отъ исполненія службъ и повинностей. И судьи разрѣшали неправильно публичную продажу, за долги, тѣхъ участковъ, которые еще не были окончательно отданы крестьянамъ въ полную собственность.

Среди этихъ-то сомнѣній и поводовъ къ неудовольствію, изданъ былъ законъ въ 1823 году, по которому, между прочимъ, полное право собственности, съ наследствомъ по общему гражданскому праву и съ увольненіемъ отъ взаимныхъ обязанностей, должно было вступить въ силу только по окончательномъ соглашеніи. А по закону 1836 года іюля 10, изданному по случаю жалобъ и представленій Провинціального Собранія Познанія и Пруссіи, былъ вновь опредѣленъ смыслъ Крестьянскаго Места. Подъ нимъ должно было разумѣться такое мѣсто, съ котораго отбывалась конная барщина, или на которомъ прежде держали двухъ лошадей, двухъ быковъ для хозяйственныхъ работъ; за отсутствіемъ

же этихъ признаковъ , оно могло имѣть землю и лугами не менѣе 25 моргеновъ (=6 десятинамъ). За тѣмъ исключены были отъ обращенія въ собственность тѣ мѣста, которыя, принадлежа владѣніямъ , присоединеннымъ Пруссіею въ 1773 году , были устроены на помѣщичьихъ земляхъ; тѣ, которые состояли изъ участковъ, прибавленныхъ отъ господскаго имѣнія, и тѣ, которые даны помѣщикомъ домашнимъ, или хозяйственнымъ служителямъ, вмѣсто жалованья, или мельнику, кузнецу, корчмарю и другимъ промышленникамъ, въ вознагражденіе за ихъ промышленныя службы.

Другой предметъ, разъясненіе котораго потребовало также нѣсколькихъ дополнительныхъ постановленій, былъ *выкупъ службъ*. По эдикту 14 сентября 1811 года было оставлено по нѣскольку конныхъ и пѣшихъ дней службы въ спѣшныхъ работахъ жнитва, или посѣва. Для выкупа ихъ назначены были нормальныя цѣны: въ провинціи Помераніи 11 декабря 1831 года, Браунсбургіи 26 октября 1835 года, въ провинціи Пруссіи 17 февраля 1838 года. Но выкупъ другихъ, конныхъ и пѣшихъ службъ былъ, послѣ закона 1811 года, ограниченъ новымъ закономъ 7 іюля 1821 года , когда къ выкупу были допущены крестьяне только на такихъ земляхъ , которыя могли быть почитаемы Крестьянскими Мѣстами, а исключены отъ выкупа пѣшихъ службъ крестьяне, проживавшіе на служительскихъ усадьбахъ. Это было поводомъ къ безконечнымъ процессамъ , которые удовлетворительно разрешить было тѣмъ труднѣе , что несмотря на всѣ подробности законодательства невозможно было постановить точныхъ признаковъ для истиннаго отличія Крестьянскаго Мѣста и служительской усадьбы (Dienstfamilienstelle). Ибо достаточно ли было, или нѣтъ, для всѣхъ хозяйственныхъ работъ, однѣхъ силъ хозяина и его жены съ дѣтьми, безъ посторонней помощи и безъ упряжнаго скота, это зависѣло отъ сметливости и расчета хозяина, равно какъ отъ рода заведеннаго хозяйства и возможности, при обработкѣ земли , ограничиться одною ручною работою. Можетъ быть отчасти по этимъ законамъ 1 августа 1835 года было постановлено , что и служительскія усадьбы могутъ выкупаться отъ пѣшихъ службъ, лишь бы оны величينوю своею подходили къ Крестьянскимъ Мѣстамъ. А какъ введеніе разныхъ улучшеній въ помѣщичьихъ имѣніяхъ давало возможность все болѣе и болѣе обходиться безъ барщины, то желаніе ее выкупить сдѣлалось поводомъ къ изданію въ 1845 году

(18 іюня) законівъ въ саксонской и прусской провинціяхъ. Этими законами опредѣлялось, что всѣ роды службъ, конныхъ и пѣшихъ, могутъ быть выкупаемы, безъ всякаго различія между крестьянскимъ мѣстомъ и служительскою усадьбою, также перемѣнныя службы, соображаемыя съ обстоятельствами хозяйства, и повинность жнитвы и молотбы, встрѣчающаяся на мелкихъ усадьбахъ.

Третій предметъ, который послужилъ къ развитію аграрнаго законодательства, былъ *раздробленіе крестьянскихъ земель и переходъ ихъ въ другія руки*. Земли эти могли выходить изъ собственности крестьянъ по случаю продажи и обремененію долгами, которые были допускаемы до одной четверти цѣнности земли; по случаю выкупа отъ службъ и повинностей и по случаю отдачи части земли господину для полученія остатка въ полную собственность. Раздробляема земля могла быть неограниченнымъ раздѣломъ между сонаследниками, по общему дѣйствующему праву. Многіе крестьяне, состоявшіе на ежегодной рентѣ помѣщикамъ, по приведеніи въ силу новаго положенія, оказались несостоятельными въ слѣдствіе упадка хлѣбныхъ цѣнъ, обнаружившагося въ двадцатыхъ годахъ; потому участки ихъ были проданы съ публичнаго торга на удовлетвореніе претензій господъ и перешли въ ихъ руки. Эти обстоятельства породили вообще опасенія на счетъ благосостоянія крестьянъ, такъ что провинціальныя сословія Бранденбургинъ, Помераніи и Пруссіи подали прошенія, въ которыхъ излагали, какъ необходимо издать постановленія, обезпечивающія лучшей порядокъ наслѣдованія, ограничивающія право дѣлать займы и раздроблять участки. На этомъ основаніи прусское правительство спросило мнѣнія провинціальныя сословія о слѣдующихъ предметахъ: запретить ли уменьшеніе крестьянскихъ участковъ ниже известной мѣры, опредѣляемой количествомъ земли, достаточнымъ для обработки двумя лошадьми? Постановитъ ли необходимымъ согласіе начальства на дробленіе въ связи лежащей полевой земли? Ограничить ли займы подъ крестьянскіе участки? Когда провинціальныя сословія приступили къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, то большинство отвѣчало отрицательно. Особенно же выборные отъ сельскихъ общинъ объявили себя противъ всякаго ограниченія свободы ихъ согражданъ располагать земельною собственностію.

Не смотря на то, по королевскому повелѣнію, 28 октября 1834

года, министерство вновь вошло въ разсмотрѣніе предмета о сохраненіи крестьянскаго сословія отъ упадка и въ этихъ видахъ въ 1837 году произвело обширныя изысканія, какъ о состояніи собственности у разныхъ классовъ землевладѣльцевъ, такъ и о происшедшихъ въ ней дробленіяхъ *. Тогда оказалось, что въ саксонской провинціи, на лѣвой сторонѣ Эльбы, съ давнихъ временъ большая часть крестьянскихъ земель могутъ подлежать раздѣлу и существуютъ рядомъ съ нераздѣльными участками. Что же касается до дробленій, обнаруженныхъ изысканіемъ, то для объясненія ихъ приводили недостатокъ кредита и даже самое ограниченіе займа эдиктомъ 1811 года. Вообще же не было замѣчено, чтобы право располагать собственностью, дарованное крестьянамъ, произвело для нихъ какія нибудь вредныя послѣдствія. Оно можетъ повлечь въ будущемъ къ уменьшенію участковъ, но это неизбежно въ слѣдствіе успѣховъ населенія и при увеличивающемся стремленіи фабричнаго класса пріобрѣтатъ недвижимую собственность. Несправедливо было бы фабричныхъ хозяевъ и мастеровыхъ исключать отъ владѣнія землею. Притомъ однѣ запретительныя мѣры скорѣе для крестьянскаго сословія вредны, чѣмъ полезны, ибо онѣ могутъ имѣть послѣдствіемъ сохраненіе земли у людей, которые не имѣютъ ни средствъ, ни охоты ее воздѣлывать.

По разсмотрѣніи различныхъ проектовъ закона въ присутственныхъ мѣстахъ, на провинціальныхъ собраніяхъ и въ государственномъ совѣтѣ, изданы были: постановленіе 29 октября 1843 года, которымъ ограниченіе займа подъ земли четвертою частью ихъ цѣнности, было отмѣнено; постановленіе 3 января 1845 г., которымъ, между прочимъ, стѣсненіе права располагать землею собственностью, было отвергнуто.

Нѣкоторые изъ писателей, разсматривавшихъ ходъ и развитіе прусскаго аграрнаго законодательства, полагаютъ **, что оно съ 1811 года оставило начатое дѣло отчасти неоконченнымъ, отчасти даже обнаружило реакціонное движеніе, въ слѣдствіе чего много крестьянъ, занимавшихъ мелкіе участки, а въ Верхней Силезіи даже большинство крестьянъ-хозяевъ, были исключены отъ пріобрѣтенія земляной собственности и отъ выкупа барщины.

Административныя мѣста, учрежденныя для разбора и устрой-

* Для справки см. «Lette und von Rönne», I. c. Einleitung.

** «Lette und von Rönne», I. c. Einleitung.

ства крестьянскихъ отношеній, долгое время не были замѣчаемы удовлетворительнымъ образомъ; толкованіе законовъ не было одинаково; оцѣночныя правила примѣнялись различно, и отъ такой шаткости юриспруденціи, справедливость иногда должна была страдать. Мы находимъ, къ большому сожалѣнію, мало историковъ этого замѣчательнаго періода, которые представили бы положеніе господъ и крестьянъ и перемѣны, происшедшія въ этомъ положеніи, въ слѣдствіе новаго порядка, или которые съ точностью изложили бы операцію раздѣловъ и вознагражденій. Много было издано сборниковъ вышедшихъ постановленій, ученыхъ и практическихъ комментаріевъ къ нимъ, также брошюры объ отдѣльныхъ предметахъ аграрной юриспруденціи; но во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ почти нѣтъ статистики и современной исторіи. Однако же приведенная нами уже прежде книга Херинга дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключеніе и сообщаетъ нѣкоторыя живыя подробности, доставленныя автору его собственною наблюдательностію. Изъ этого сочиненія, между прочимъ, видно, какъ различны были оцѣночныя правила, которыя наблюдались въ Познаніи. Тамъ нѣкоторые господа, которыя предпочли ренту (ежегодный платежъ) землѣ, получили за моргенъ (=4,3 десятины) хорошей земли, конфектъ по 30 ринтою; нѣкоторые должны были удовольствоваться копѣйками тремя; и даже были примѣры, что по нормальному вычисленію господамъ не только ничего не приходилось получать за уступаемую землю, а они сами еще должны были платить ежегодную ренту крестьянамъ. Также расходы иногда выходили ошибкомъ значительны и безъ всякой соразмѣрности съ цѣнностію раздѣляемаго предмета. Коммиссару за его работу платилось ежедневно по 3 талера (=276 коп.), протоколисту по 20 зильбергрошей (=61 коп.), землемѣру по 1½—2 талеровъ (=138—184 коп.), а по стольку же боинтѣру. Кромъ того считались издержки на прогонны, за разноску повѣстокъ, перенеску и почтовую отправку бумагъ. Въ нѣкоторыхъ генеральныхъ коммиссіяхъ формальности дѣла и перенеска были чрезвычайно велики *. Одинъ договорные акты занимали по пяти и по шести сотъ листовъ; отсюда можно заключить, изъ какого множества бумагъ дѣлались извлеченія. При такой сложности дѣловаго механизма, въ которомъ прикосновенные къ дѣлу за все должны были платить пошлины, расходы чрезвычайно возрастали. Были примѣры по выкупу отъ

* Hering, l. c. p. 269.

повинности пастбы и по другимъ подобнымъ случаямъ, что повинность, составлявшая предметъ договора, оцѣливалась талеровъ въ 38, а расходы на производство дѣла, до совершенія договора, едва занимавшаго одинъ листъ, доходили до 75 талеровъ. Ходъ дѣлъ, при недостаточномъ числѣ должностныхъ лицъ и при обширности переписки, очень замедлялся, что служило источникомъ неудовольствія всѣхъ прикосновенныхъ сторонъ.

О помѣщикахъ извѣстно, что многіе изъ нихъ были разорены войною 1806 года и никакія вспоможенія деньгами и разсрочки платежей не могли поправить ихъ дѣлъ *. При заведеніи же новаго порядка владѣнія, помѣщики сдѣлали, по мнѣнію нѣкоторыхъ **, еще ту ошибку, что рентъ предпочли вознагражденіе землею. По этой причинѣ имъ надобно было увеличить капиталъ на обработку земли, а они находились въ такомъ положеніи, что и прежнія свои земли обрабатывали съ недостаточными средствами. Это вовлекло ихъ въ новыя затрудненія и долги, послѣдствіемъ которыхъ была продажа имѣній. Земли упали въ цѣнѣ ***. Какъ часто были переходы собственности, видно изъ того, что съ 1 января 1829 по 1 января 1832 года въ кенигсбергскомъ округѣ 256 помѣстьевъ перешло къ новымъ владѣльцамъ. Изъ этихъ помѣстій 91 продано добровольно, 111 съ публичнаго торга, остальные достались по наследству. Впрочемъ есть основаніе думать, что помѣщики, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сами находили выгоднымъ и желали превращенія земледѣльцевъ въ свободныхъ собственниковъ, а отъ барщины предоставляли имъ откупаться. Въ Верхней Силезіи сначала провинціальное собраніе представляло, что при убыточномъ положеніи сельско-хозяйственныхъ дѣлъ и недостатокъ народа прибавка земли отъ крестьянъ къ помѣщичьимъ имѣніямъ, для вознагражденія ихъ за отнимаемую барщину, имѣла бы послѣдствіемъ совершенный упадокъ имѣній, которыя и безъ того нуждаются въ рабочихъ, часто предпочитающихъ горный промыселъ. Когда же по этому представленію закономъ 1827 года была ограничена вознаградительная операція, то свезскіе помѣщики, по истеченіи не очень продолжительнаго времени, сами убѣдились въ малой цѣнности барщинной работы, они имѣли возможность сравнить ее съ воль-

* Haxthausen, die ländliche Verfassung in den Provinzen Ost und West-Preussen. Königsberg. 1839. p. 182, 185.

** Hering, l. c. p. 108.

*** Haxthausen, Ibid. p. 182.

нопаемнымъ трудомъ, который, при уснѣхахъ выкупа, часто встрѣчался. Тогда они стали заключать съ крестьянами добровольныя условія. Подобный же фактъ встрѣчается и послѣ закона, ограничившаго въ 1835 году выкупъ повинностей: помѣщики Силезіи и Саксоніи стали находить для себя выгоднымъ допускать этотъ выкупъ.

Самыя большія выгоды получили крестьяне, которые изъ прикрьпленныхъ къ землѣ и подвластныхъ имънню превратились въ свободныхъ собственниковъ и настоящихъ гражданъ. Они выигрывали, не смотря на всѣ трудности дѣла. Не удавалось имъ только, во всѣхъ случаяхъ, устроить при пособіи банковыхъ учрежденій выкупъ. Общинныя сословія Верхняго Лаузица напрасно просили лѣтъ десять объ устройствѣ рентнаго банка для облегченія выкуповъ. Болѣе счастливы были Падеборнъ и Эйхфельдъ, которые завели погасительныя кассы. Но въ другихъ странахъ находились въ стѣсненномъ положеніи именно мелкіе крестьяне-хозяева, не имѣвшіе кредита, потому что для нихъ дворянскія кредитныя учрежденія не были открыты, областныя конторы королевскаго банка также не были доступны, да онѣ долгое время и совсѣмъ не существовали. Только Собраніе Восточной Пруссіи въ 1847 году открыло кредитъ и малымъ земельнымъ участкамъ, имѣвшимъ 500 талеровъ (=460 руб. сер.) цѣнности.

Статистическій обзоръ дѣйствій, предпринятыхъ для освобожденія земли отъ лежавшихъ на ней повинностей, показываетъ, что по 1848 годъ Пруссія въ этомъ отношеніи совсѣмъ не сдѣлала такихъ уснѣховъ, какъ прежде полагали. * Въ этотъ періодъ времени: 70,582 крестьянъ-наимателей превращено въ собственниковъ; 289,651 собственникъ, потомственный ценщикъ и потомственный арендаторъ освобождены отъ службъ, натуральныхъ оброковъ и лаудеміа; 42,819,769 моргеновъ земли, или около 2000 квадратныхъ миль, принадлежащей 985,636 участникамъ, были, посредствомъ раздѣла общинной земли, отдѣлены и освобождены отъ разныхъ повинностей.

* Такъ говоритъ *baronъ фонъ-Реденъ* въ своемъ сочиненіи: *Erwerbs- und Verkehrs-Statistik des Königstaats Preussen*, p. 49: Hieraus erhellt, dass für die weitere Ausbildung der ursprünglichen Gesetze noch Manches zu thun blieb und dass folgeweise die Entfesselung der Grundbesitzes keineswegs so weit vorgeschritten war, als man bis auf die neueste Zeit glaubte. Но чрезъ странницу почит онъ противорѣчитъ самъ себѣ: *Erwägt man.... so leuchtet ein, dass Preussen in der gesetzlichen Lösung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse und den hem-*

Выкуплено было 22 милліона барщинныхъ дней.

Вознагражденія, которыя приняли на себя подлежащіе повинностямъ, по выкупу службъ, натуральныхъ оброковъ и сборовъ, составили:

Капиталомъ 18,544,766 талеровъ (=17,061,184 руб. сер.)

Годовою денежною платою, или рентою, 1,599,992 талера (=1,471,992 руб. сер.)

Годовою хлѣбною платою, или рентою, 200,699 шеффелей (=419,460 четвериковъ).

Землю, 1,533,050 моргеновъ (=356,520 десятин.)

Измѣрено было, въ шести только провинціяхъ, 49,637,777 мергеновъ, или около 2,234 кв. миль. Рейнская же провинція и Вестфалія измѣрены уже были прежде, при производствѣ тамъ кадастра.

Въ такомъ положеніи было дѣло освобожденія земельной собственности до 1848 года, хотя въ послѣднее время оно шло съ большимъ успѣхомъ. Наступилъ роковой 1848 годъ, исполненный потрясеній и тягостныхъ испытаній для многихъ странъ Европейскаго Запада. Въ Пруссіи нѣкоторыя неудовольствія по случаю медленнаго дѣлопроизводства и ограниченія права превращать земли въ собственность, еще не изгладились изъ воспоминанія классовъ, которые считали себя обиженными. Этимъ расположеніемъ умовъ воспользовались нѣкоторые злонамѣренные люди, которые своими льстивыми представленіями возбудили народъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Саксоніи народъ возсталъ противъ обремененія господскими оброками и рентами; въ Верхней Силезіи стали требовать безденежнаго увольненія отъ службъ и повинностей, даже отъ назначенныхъ по заключеннымъ договорамъ рентъ и вознаградительныхъ капиталовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне насиліемъ вынудили отъ господъ акты, въ которыхъ они отрекались отъ своихъ правъ на оброки, ренты и повинности.

Министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Ауэрсвальдъ, въ объявленіи своемъ отъ 27 марта 1848 года, объяснилъ, что все такое отреченія, какъ вынужденныя, не имѣютъ никакой закон-

menden Servituten schon weit vorgeschritten ist und mehr geleistet hat, als andere deutsche Staaten (P. 51). Мы соглашаемся съ первымъ изъ этихъ мнѣній, что оправдывается необходимостію, въ послѣдствіи обнаружившеюся, издать новыя улучшенныя правила для облегченія способовъ достигнуть предположенной цѣли.

ной силы предъ судомъ, а что обличенные въ вымогательства подобныхъ актовъ будутъ преданы уголовному суду и наказаны по всей строгости законовъ. Почти въ то же время, 20 апрѣля 1848 года, министры Фонъ-Ауэрсвальдъ и Фонъ-Патовъ, въ циркуляръ ко всемъ сельскимъ жителямъ объявили, что правительство озабочено пересмотромъ существующихъ постановленийъ объ освобожденіи земельной собственности и что оно имѣетъ въ виду устранить всѣ тягости, лежащія на землѣ и препятствующія успѣхамъ сельскаго хозяйства. Между тѣмъ и сами лица, которые пользовались рептами и повинностями, изъ которыхъ мѣсть, особенно изъ Силезіи, находя свое положеніе опаснымъ, настаивали предъ начальствами объ ускореніи этого пересмотра и вмѣстѣ предлагали значительное смягченіе въ вознагражденіяхъ. Тогда въ іюнь мѣсяцъ представлена была народному собранію министромъ Патовымъ записка о средствахъ, какими можно произвести преобразованіе отношеній между господами и крестьянами, согласное съ современными обстоятельствами. Но разсмотрѣніе столь важнаго предмета и составленіе о немъ новаго закона не могли быть произведены съ такою успешностію, какъ требовали некоторые заинтересованныя лица, пришедшія въ затруднительное положеніе. Проектъ закона былъ вновь предлагаемъ на обсужденіе административныхъ мѣсть, производившихъ разборъ крестьянскихъ отношеній, передѣланъ сообразно съ ихъ указаніями и въ августъ 1849 года представленъ созванымъ камерамъ. А чтобъ успокоить волненіе, еще продолжавшееся въ некоторыхъ мѣстахъ, были изданы временныя постановленія, производшія хорошее дѣйствіе. Упомянутый проектъ скоро былъ превращенъ въ законъ, обнародованный 2 марта 1850 года; къ нему былъ присоединенъ другой законъ, изданный въ тотъ же день, о рептныхъ банкахъ. По большому значенію этихъ законовъ для разрѣшенія всѣхъ, долговъ бывшихъ аграрныхъ затрудненій, постараемся изложить ихъ существенное содержаніе.

Первый законъ * касается тягостей, лежащихъ на крестьянскихъ земляхъ. Имъ отмѣнены 33 закона объ этомъ предметѣ, изданныхъ отъ 1811 года по 1849. Имъ уничтожено безвозмездно 24 рода разныхъ тягостей и оброковъ, еще лежавшихъ

* Gesetz vom 2 März, betreffend die Ablösung der Reallasten und Begulirung der gutherrlichen und bäuerlichen Verhältnisse. Напечатанъ въ собраніи Лette и Фонъ-Ренне, съ весьма обширнымъ комментариемъ.

на крестьянскихъ земляхъ то въ тѣхъ, то въ другихъ мѣстахъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ повинностей. Право господина на землю потомственно-ценоваго владѣльца, въ случаѣ трехлѣтней недонки ценса; также право давать и не давать согласіе на продажу земли. Право перекупать крестьянскую землю, въ случаѣ ея продажи. Обязанность; лежащая на землѣ, чтобъ ея владѣлецъ работалъ господину за плату, обычную въ краѣ. Право потребовать какую нибудь вещь, оставшуюся послѣ умершаго владѣльца, существовавшее въ Саксоніи. Разныя пособія господину для его полицейскаго надзора, напримѣръ введенныя въ 30-ти-лѣтнюю войну въ Силезіи и съ тѣхъ поръ тамъ существовавшія, такъ называемыя мускетныя деньги, для покупки господиномъ тогда употреблявшагося оружія — мускетовъ на защиту отъ бродившихъ тогда распущенныхъ солдатъ. Обязанности крестьянина, относящіяся къ охотѣ господина, какъ кормить его собакъ и давать квартиру его псарямъ. Службы и повинности крестьянина для караула господскаго дома, для личныхъ его нуждъ, или его служителей, какъ: очищать дома и дворы, стеречь мертвое тѣло, давать подводы. Сборы по случаю брака или рожденія лицъ, принадлежащихъ къ семейству господина; также встрѣчавшеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ право ошенивать гусей, принадлежавшихъ крестьянамъ. Подати за позволеніе держать на своей землѣ нѣкоторыхъ животныхъ, или пчель. Обязанность продавать господину воскъ и другія сельскія произведенія.

За тѣмъ, относительно остававшихся тягостей на землѣ, даровано было право выкупа, по определеннымъ въ законѣ правиламъ.

1) *Службы.* Если вмѣсто службъ, ежегодно исправляемыхъ, было платимо и безирекословно принимаемо, въ теченіе десяти лѣтъ, до подачи вызова на заключеніе условія, денежное вознагражденіе, а вмѣсто службъ, не ежегодно исправляемыхъ, таковое же вознагражденіе въ теченіе двадцати лѣтъ, — то имъ опредѣляется величина выкупнаго капитала. Но если между временемъ вызова и изданіемъ закона 9 октября 1848 года (о прекращеніи тяжбъ, возникшихъ по случаю устройства отношеній между господами и крестьянами), произошло измѣненіе въ денежной суммѣ вознагражденія, то средняя величина должна быть вычислена также по десятилѣтію, или по двадцатилѣтію, предшествовавшему упомянутому закону. Также и въ случаѣ,

когда бы денежное вознаграждение измѣнялось, берется средняя изъ разныхъ величинъ.

Цѣнность работъ, опредѣляемыхъ количествомъ дней, вычисляется по нормальнымъ цѣнамъ рабочихъ дней, положеннымъ для каждой мѣстности. При положеніи нормальныхъ цѣвъ, имѣютъ въ виду продолженіе, родъ работъ; время года, когда она должна быть отправляема; свойство рабочихъ въ край.

Цѣнность службъ, опредѣляемыхъ обширностію работъ, или вовсе неопредѣленной, исчисляется добросовѣстными потому, сколько расходовъ потратилъ бы имѣющій право повинности, еслибъ долженъ былъ произвести работу своими, или наемными лошадьми, своими служителями, или поденщиками. При этомъ еще берется въ соображеніе худшее свойство служебной работы, сравнительно съ вольнонаемною.

Для особыхъ родовъ службъ положены особыя правила.

2) *Оброкъ хлѣбомъ.* Подъ нимъ разумется ежегодно, или въ другіе сроки, вносимый оброкъ, состоящій въ опредѣленномъ количествѣ зерноваго хлѣба, или другихъ полевыхъ плодовъ, имѣющихъ рыночную цѣну. Величина этого obroka опредѣляется по рыночной Мартиновской цѣвѣ хлѣба, бывшей среднимъ числомъ въ теченіи 24 послѣднихъ лѣтъ, съ исключеніемъ изъ вычисленія двухъ самыхъ дорогихъ и двухъ самыхъ дешевыхъ годовъ. Эта рыночная цѣна есть средняя величина, существовавшая въ 15 дневный періодъ времени, на средину котораго падаетъ Мартиновъ день (11 ноября). Впрочемъ для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ хлѣбный торгъ производится не около Мартинова дня, а въ другое время, можетъ быть назначенъ другой день для вывода средней цѣны. Таковая цѣна ежегодно публикуется въ официальныхъ ведомостяхъ.

Если въ какой нибудь странѣ нѣтъ правильной торговли хлѣбомъ, тогда для нея назначается ближайшій настоящій рынокъ. Цѣны этого рынка сравниваются съ цѣнами той страны, въ теченіе 24 лѣтняго періода, съ выпускомъ двухъ самыхъ дорогихъ и двухъ самыхъ дешевыхъ годовъ, и такимъ образомъ получается нормальное отношеніе обихъ цѣвъ. При вычисленіи среднихъ цѣвъ принимается за основаніе цѣна того ближайшаго рынка, которая возвышается или понижается, смотря по постоянно выведенному нормальному отношенію.

Если округъ, въ которомъ находится рынокъ, такъ обширенъ, что въ отдаленныхъ его частяхъ цѣны обыкновенно бываютъ

выше или ниже противу рыночныхъ, то округъ раздѣляется на нѣсколько частей и для каждой изъ нихъ устанавливается нормальное отношеніе къ цвнъ рыночнаго мѣста.

Когда по этимъ правиламъ средняя цвнность оброка опредѣлена, то изъ нея вычитается 5 процентовъ, по причинѣ худшаго качества оброчнаго хлѣба, сравнительно съ продажнымъ.

Для тѣхъ натуральныхъ рентъ (хлѣбомъ), которыя законнымъ образомъ положены по прежде-бывшимъ правиламъ о выкупѣ, но которыя уплачивались деньгами по десятилтней, или болѣе сложной хлѣбныхъ цвнъ, величина годичной цвнности оброка опредѣляется по денежной суммѣ, слѣдовавшей къ платежу въ послѣдней срокъ. Если же натуральная рента уплачивалась по меньшей, а не по десятилтней сложности хлѣбныхъ цвнъ, то опредѣленіе денежной ея величины производится по средней того рыночнаго мѣста, котораго цвны приняты за основаніе. Для этой средней берутся цвны въ 24-лѣтній періодъ времени, предшествовавшій подачѣ вызова къ совершенію условія, съ исключеніемъ двухъ, самыхъ дешевыхъ, и столько же самыхъ дорогихъ годовъ.

3) *Опредѣленіе, не въ хлѣбъ состояще, натуральныя оброки.* Если вмѣсто таковыхъ оброковъ, ежегодно получаемыхъ, взымалось непрекословно въ цѣлое десятилѣтіе денежное вознагражденіе, а не ежегодно получаемыхъ, взымалось непрекословно въ цѣлое двадцатилѣтіе; то это вознагражденіе служить къ опредѣленію денежной цвнности оброковъ. Исключеніе сдѣлано за тотъ случай, когда между вызовомъ къ условію и закономъ 9 октября 1858 года, произошло измѣненіе въ денежномъ вознагражденіи: тогда берется десятилтній, или двадцатилѣтній періодъ, предшествовавшій изданію этого закона. А если денежные вознагражденія измѣнялись, то изъ нихъ вычисляется средняя.

Для тѣхъ натуральныхъ оброковъ, которыхъ цвнность не можетъ быть вычислена по этимъ правиламъ, берутся нормальныя цвны, на основаніи существовавшихъ въ послѣднее двадцатилѣтіе цвнъ. Въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, которыхъ достоинство различно, предполагается, что для оброка вносятся они худшаго качества.

О натуральномъ оброкѣ, состоящемъ въ виноградномъ винѣ, постановлено, что его ежегодная денежная цвнность должна быть назначена по приговору добросовѣстныхъ, причѣмъ надлежитъ принять въ соображеніе мѣсто производствъ и цвны, су-

ществовавшія въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, до вызова на заключеніе условія.

4) *Подать, взимаемая по случаю перехода владѣнія.* Эта подать, называвшаяся *Laudemium*, *Lehnwaare*, *Antrittsgeld*, и другими мѣстными именами, отменяется безъ всякаго вознагражденія для ея получателя, если она взималась по случаю перемены господина. Отменяются также все таковыя, неопредѣленныя извѣстною величиною, подати, которыя возникли по изданіи эдикта 14-го сентября 1811 года (его содержаніе изложено было въ нашей статьѣ). Но это не касается лаудеміальныхъ податей, означенныхъ разъ навсегда определенною суммою. За тѣмъ въ земли не могло быть, на будущее время, получасмо болѣе одного рода этой подати; такъ что въ случаѣ существованія нѣсколькихъ родовъ ея, оставляется только одинъ, высшій родъ.

Для определенія цѣнности этой подати, надлежитъ определить *число случаевъ* перемены владѣнія и *сумму* всякій разъ вносимой подати.

Если подать платится при отчужденіи наследникамъ владѣльца, или же при приобрѣтеніи наследникомъ, то полагается по два случая перемены владѣнія на столѣтіе. Если подать платится только при извѣстныхъ видахъ отчужденія ненаследникамъ, или только при извѣстныхъ родахъ приобрѣтенія наследникомъ, то полагается по одному случаю перемены владѣнія на столѣтіе. Если подать платится исключительно въ названныхъ, или и другихъ случаяхъ (например, при женитьбѣ владѣльца); то на всякій изъ таковыхъ предметовъ полагается по одному случаю перемены владѣнія. Вообще же болѣе 3 случаевъ перемены въ одно столѣтіе не можетъ быть допускаемо.

Если сумма подати не была определена разъ навсегда, также не была законнымъ образомъ означена въ процентахъ продажной цѣны за, подлежащую повинности, землю; то берется за основаніе расчета средняя тѣхъ суммъ, которыя дѣйствительно были уплачены, или слѣдовали къ уплатѣ, въ шести послѣднихъ случаяхъ перемены владѣнія. За недостаткомъ свѣдѣній о нихъ, берется средняя изъ суммъ, которыя приведены въ извѣстность.

Если сумма подати обозначена въ процентахъ стоимости, или продажной цѣны земли, то определеніе стоимости, или цѣны, потребное для производства выкупа, дѣлается общимъ образомъ добросовѣстными. Строеніе и инвентарь принимаются въ соображеніе только въ такомъ случаѣ, когда обязанность нести подать простирается и на нихъ.

По выводѣ продажной цѣны участка, вычитаются изъ нея: 1) 20 процентовъ цѣнности принадлежащихъ къ участку земель; 2) 50 процентовъ цѣнности строеній и инвентаря.

Сотая часть итога всѣхъ суммъ, которыя должны быть, по одѣланному расчету, получены въ одно столѣтіе, составляетъ годичную ренту выкупнаго капитала.

Съ того времени, какъ представленъ вызовъ къ производству выкупа, не можетъ уже быть болѣе взимаема подать, въ случаѣ перемѣны владѣнія, съ того участка, до котораго выкупъ касается. Напротивъ, съ того времени должна быть платима выкупная рента лицомъ, подлежащимъ подати.

5) *Постоянные денежныя оброки.* Таковыя принимаются въ расчетъ по ихъ годовой суммѣ. Если же они платятся не ежегодно, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то сумма ихъ дѣлится на число лѣтъ; получаемое частное выражаетъ годичную величину оброка.

И тѣ годовыя ренты, которыхъ капиталъ, слѣдующій къ уплатѣ въ случаѣ выкупа, исчисленъ по прежнимъ правиламъ, по 4 процента, разсматриваются какъ постоянныя денежныя оброки. Тоже разумется объ условенныхъ впередъ процентахъ съ выкупныхъ капиталовъ, которые назначены по прежнему законному проценту выкупа и которыхъ погашеніе зависитъ только отъ воли подлежащаго повинности. Но если въ этихъ случаяхъ законнымъ образомъ опредѣленъ срокъ платежа выкупнаго капитала, или дано право получателю оброка назначить срокъ такого платежа или выкупной ренты, тогда дѣло остается при этихъ условіяхъ и настоящій законъ не имѣетъ къ нимъ примѣненія.

По этимъ правиламъ главнымъ образомъ вычисляется денежная цѣнность ежегодныхъ службъ, оброковъ и платежей. Изъ нихъ вычитается цѣнность взаимныхъ обязанностей, которыя въ свою очередь могутъ нести господинъ. Получаемый остатокъ окончательно составляетъ денежную сумму, которая можетъ подлежать выкупу. Но прежде, чѣмъ сообщимъ мы, какъ производится выкупъ, изложимъ содержащіяся въ законѣ правила относительно назначенія нормальныхъ цѣвъ и нормальныхъ рынковъ.

На этотъ предметъ, особое разбирательное ведомство, завѣдывающее всѣми дѣлами, относящимися къ устройству господскихъ и крестьянскихъ отношеній, назначаетъ округа и въ каждомъ

изъ нихъ открываетъ комиссію , которая составляется , по выбору , изъ нѣсколькихъ свѣдущихъ людей , имѣющихъ тамъ свою осѣдлость , и изъ председательствующаго безъ права голоса , по назначенію отъ правительства . Комиссія , на основаніи своихъ изысканій , дѣлаетъ представленіе разбирательному вѣдомству о назначеніи округовъ для цѣнъ , о нормальныхъ цѣнахъ для каждаго округа , и объ установленіи нормальныхъ рыночныхъ мѣстъ . Разбирательное вѣдомство утверждаетъ эти представленія , или рѣшаетъ , въ случаѣ несогласій между членами комиссіи . На это рѣшеніе члены могутъ приносить просьбу въ ревизионную коллегію , которая рѣшаетъ уже окончательно .

Выборъ въ комиссію производится слѣдующимъ образомъ . Число членовъ назначается на одну половину стѣ землевладѣльцевъ , подлежащихъ повинностямъ , а на другую половину отъ пользующихся правомъ на нихъ . Если постановленный округъ состоитъ только изъ одного узда , то въ каждой его общинѣ , подлежащія повинностямъ , подъ руководствомъ общиннаго старшины , избираютъ отъ себя одного выборнаго . Всѣ эти выборные созываются потомъ начальникомъ узда и подъ его председательствомъ вновь избираютъ , изъ своей среды , двухъ или нѣсколькихъ членовъ комиссіи , смотря по требованію разбирательнаго вѣдомства . Пользующіеся правомъ повинности , съ своей стороны , прямо избираютъ такое же число членовъ комиссіи , подъ председательствомъ начальника узда . Въ округахъ , которые состоятъ изъ нѣсколькихъ уздовъ , избираются въ каждомъ уздѣ по два члена комиссіи отъ того и другаго класса жителей . Выборы производятся по абсолютному большинству голосовъ . Испытаніе и утвержденіе членовъ зависитъ отъ разбирательнаго вѣдомства . Ему же принадлежитъ право избирать членовъ комиссіи для тѣхъ мѣстностей , которыя отказались сами отъ выбора , или пропустили его .

Всякіе десять лѣтъ производится пересмотръ нормальныхъ цѣнъ и нормальныхъ рыночныхъ мѣстъ .

Избранные члены комиссіи получаютъ изъ государственнаго казначейства : суточныхъ по 1½ талера (= 138 коп. сер.) и прогонныхъ по 10 зильбергрозшей на милю (= 7 коп. сер. на версту) .

Возвратимся теперь къ операціи выкупа . Владѣлецъ крестьянскаго мѣста имѣетъ право требовать , чтобъ ему , при определеніи выкупной суммы , оставалась одна треть чистаго дохода ;

сообразно съ этимъ выкупная сумма должна быть уменьшаема. Чистый доходъ вычисляется такимъ образомъ: назначается мѣсту добросовѣстными примѣрная цѣна, принимаемая въ соображеніе какъ всѣ, лежащія на немъ тягости, такъ и состоящія въ его пользованіи права. Тогда берутся 4 процента этой цѣны, и къ нимъ прилагается годичная цѣнность всѣхъ выкупаемыхъ тягостей, за отчисленіемъ обоюдныхъ повинностей господина. Полученная сумма составляетъ чистый доходъ мѣста.

Опредѣленная по вышеприведеннымъ правиламъ денежная величина можетъ быть лицомъ, подлежащимъ повинности, выкуплена уплатою *осмнадцатикратной ея суммы* имѣющему право повинности. Уплата должна быть произведена, принимая то за самый поздній срокъ, въ теченіе времени, назначеннаго для окончательнаго исполненія дѣла. Впрочемъ и въ такомъ случаѣ имѣющему право повинности предоставляется на выборъ получить *двадцатикратную сумму* годичной ренты рентными билетами. Если онъ предпочитаетъ этотъ родъ уплаты, то подлежащій повинности вноситъ осмнадцатикратную сумму въ государственное казначейство, которое будетъ уплачивать вмѣсто него, подлежащія суммы рентному банку.

Когда же подлежащій повинности не желаетъ внести осмнадцатикратной суммы, то выкупъ производится рентнымъ банкомъ.

Эти правила выкупа не имѣютъ силы въ томъ случаѣ, когда годовый оброкъ получается вѣдъ всякаго господскаго отношенія, по письменному, до изданія настоящаго закона, заключенному договору, съ земли, отданной въ собственность, или потомственное владѣніе. Тогда выкупъ оброка можетъ произойти только двадцатикратною суммою: при посредствѣ банка, если выкупа желаетъ имѣющій право повинности; или наличнымъ платежемъ, по предварительномъ, шестимѣсячномъ заявленіи, если выкупа желаетъ подлежащій праву повинности. Онъ можетъ внести всю сумму равными долями въ 4 годичныхъ срока, слѣдующихъ другъ за другомъ, считая отъ времени заявленія. Впрочемъ имѣющій право повинности обязывается принимать только такія частичныя платежи, которые составляютъ не менѣе ста талеровъ (= 92 рубл. сер.).

Въ разсматриваемомъ законѣ содержатся также правила объ устройствѣ господскихъ и крестьянскихъ отношеній по случаю *обращенія земли въ полную собственность*. Этому обращенію подлежатъ всѣ крестьянскіе участки, которые не принадлежали

владѣльцамъ въ собственность, не состояли у нихъ на правѣ котомственно-оброчномъ, а были отданы въ наемъ для распашки и пользованія, или обложены податями и службами господскому имѣнію, впрочемъ на такомъ основаніи, что по открытіи владѣнія, господинъ по закону или обычаю, обязанъ былъ отдавать землю хозяину-крестьянину. Вся таковыя мѣста могутъ дѣлаться собственностію, безъ всякаго различія ихъ величины, или свойства, именно—суть ли они большіе участки въ прежнемъ смыслѣ, *Ackernahrungen*, или мелкія усадьбы, *Dreschgärtnerstellen*; соединены ли они съ мельницами, кузницами, корчмами, или нѣтъ. Однако же тѣ земли не могутъ быть обращаемы въ собственность крестьянъ, которые были отданы, не утверждая и не продолжая подвластнаго положенія, во временную аренду по договору; равно какъ земли, предоставленныя въ пользованіе домашнимъ, лѣснымъ, заводскимъ и хозяйственнымъ служителямъ, поденщикамъ или горнозаводскимъ рабочимъ.

Тѣмъ, которые имѣли, въ силу прежнихъ или теперешнихъ законовъ, претензіи на обращеніе въ собственность земель, кои прежде занимали они сами, или ихъ завѣщатели; или намѣревались искать вознагражденія по случаю присоединенія таковыхъ земель господами, предоставлялось заявить о томъ до 1 января 1852 года, подъ опасеніемъ лишиться своихъ правъ чрезъ просрочку.

При постановленіи договора, входятъ въ соображеніе, относительно господина, слѣдующіе предметы: 1) его право собственности, 2) право на инвентарь. Эти права оба отменяются безъ всякаго вознагражденія на томъ основаніи, что господинъ съ своей стороны также освобождается отъ обязанности помогать крестьянину въ случаѣ несчастій и отвѣчать за правильнѣйшій вносъ имъ государственныхъ податей. 3) Право на службы, денежные и натуральные оброки и повинности всякаго рода, должно быть переложено на деньги, по правиламъ настоящаго закона. Равнымъ образомъ должны быть исчислены и приведены къ денежному выраженію обязанности господина относительно постройки и починки строеній; выдача строеваго лѣса. Въ этомъ исчисленіи надлежитъ основываться на среднихъ величинахъ, а въ случаѣ несогласія о нихъ, на приговоръ добросовѣстныхъ. Тоже разумѣется о повинности господской земли доставлять крестьянамъ выгонъ, дровамъ лѣсъ и пр.; эти же повинности исчисляются по тѣмъ же основаніямъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

окажутся для того, по мѣнѣнью комиссіи, надобность, могутъ быть послѣднею, съ совѣта приглашаемыхъ знающихъ людей, устанавливаемы для подобныхъ расчетовъ нормальныя числа.

Наконецъ, когда права господина съ одной стороны и его обязанности съ другой, приведены въ ясность и къ положительному денежному выраженію, тогда они сравниваются между собою. Если оказывается излишекъ на сторонѣ правъ господина, тогда владѣлецъ мѣста обязанъ его вознаградить по правиламъ закона. А если на сторонѣ обязанностей господина, тогда владѣлецъ не имѣетъ права требовать вознагражденія, а долженъ удовлетвориться уравниваніемъ правъ и обязанностей. Но владѣлецъ мѣста имѣетъ право, чтобы при опредѣленіи выкупнаго капитала оставлена была треть чистаго дохода и чтобы, сообразно съ этимъ, въ случаѣ нужды была уменьшена сумма самаго капитала.

Мы пропускаемъ нѣкоторыя частности, имѣющія особенно мѣстный интересъ и представивъ, въ изложеніи закона 2 марта, какія повинности еще связывали землю въ Пруссіи, во время европейскаго революціоннаго движенія 1848 года, и какими правилами для выкупа назначалось освобожденіе отъ этихъ повинностей, переходимъ теперь къ разсмотрѣнію другаго закона, о *рентныхъ банкахъ*, который былъ издавъ въ тотъ же день 2 марта, и который можетъ быть почитаемъ какъ необходимое дополненіе перваго. Этимъ первымъ закономъ обезпечивалось, подлежащему повинностямъ, право отъ нихъ откупаться; а вторымъ закономъ предоставляемаго возможность осуществить это право, при помощи банковъ. Вотъ существенное содержаніе закона о банкахъ.

Исполнительныя мѣста. Назначеніе денежныхъ рентъ, вмѣсто службъ и повинностей, переводъ этихъ рентъ на рентабныя банки, ровно какъ опредѣленіе величины слѣдующаго къ выдачѣ изъ банка вознагражденія, принадлежитъ разбирательному ведомству. Вся другія, при операціяхъ рентныхъ банковъ встречающіяся дѣла, возлагаются на дирекціи рентныхъ банковъ, которыя должны быть открыты въ каждой провинціи королевства.

Опредѣленіе рентъ. Во всехъ случаяхъ, въ которыхъ выкупъ рентъ производится банкомъ, плательщикъ ея обязывается вносить въ банкъ только *десять десятыхъ* съ цѣлой суммы, а *одна десятая* съ него снимается съ того дня, какъ платежъ рентъ переведенъ на банкъ. Онъ можетъ вносить и *всю десятую*

десятымъ ренты, если того пожелаетъ; тогда, разумется, сокращается срокъ выкупа.

Но если на банкъ переведены недонмочныя деньги, должны плательщикомъ, то сей послѣдній вносомъ полной ренты уже не можетъ сократить погасительнаго или выкупнаго періода времени, а долженъ сверхъ того вносить въ банкъ еще особую годовую ренту, состоящую въ одной двадцатой части недонки, для ея уплаты.

Въ договорномъ актѣ, который составляется о выкупъ, пишутъ быть изложены отношенія какъ между плательщикомъ ренты и банкомъ, такъ между первымъ и получателемъ ренты, между этимъ и банкомъ.

Эти договорные акты утверждаются разбирательнымъ вѣдомствомъ и сообщаются имъ дирекціи рентнаго банка, въ особомъ документѣ. Только по такому договорному акту можетъ быть переведена рента на рентный банкъ.

Время, съ котораго рента переведена на банкъ и когда она должна быть въ него въ первый разъ внесена, опредѣляется дирекціею банка. Переводъ ренты долженъ быть произведенъ только 1 апрѣля и 1 октября. До времени этого перевода, если исполненіе договора уже наступило, плательщикъ ренты вноситъ ее прямо получателю.

Вносъ, обезпеченіе и прекращеніе рентъ. Ренты вносятся коммунально вмѣстѣ съ государственными податями. Въ отношеніи къ ихъ взысканію, дирекція банка имѣетъ тѣ же права, какія предоставлены законами правительственнымъ мѣстамъ для взысканія государственныхъ податей. При отеченіи долговыхъ претензій на землѣ, подчиненной повинностямъ, ренты банка пользуются тѣмъ же преимущественнымъ правомъ, какъ и государственныя подати.

Плательщикъ, послѣ платежа въ теченіи $56\frac{1}{12}$ лѣтъ, или 673 мѣсяцевъ, девяти десятымъ ренты, или въ теченіи $42\frac{1}{12}$ лѣтъ, или 493 мѣсяцевъ, полной ренты, смотря по его выбору, объявленному при началѣ операціи, освобождается отъ дальнѣйшаго вноса ренты.

Плательщику предоставляется право и во время этихъ періодовъ погасить всю ренту или часть ея вносомъ капитала. Таковыя вносы должны быть, по заявленіи за 6 мѣсяцевъ впередъ, произведены 31 марта и 30 сентября. А рента, по уменьшенной величинѣ, вносятся въ первый разъ въ тотъ срокъ ея платежа,

который слѣдуетъ по происшедшей въ надлежащее время уплатѣ капитала. На всякій вносъ капитала дирекція банка выдаетъ квитанцію, въ которой обозначается, сколько на будущее время составляетъ уменьшившаяся рента и когда въ первый разъ она должна быть заплачена.

Удовлетвореніе получателя ренты. Получателю выплачивается рентнымъ банкомъ, въ погашеніе ренты, двадцатикратная ея сумма *, а въ потребномъ случаѣ, кромѣ того, двадцатикратная сумма ренты, переведенной на банкъ, для погашенія недоимки плательщика. Этотъ платежъ производится рентными билетами, по ихъ нарицательной цѣнности **.

Рентные билеты и процентные купоны. Дирекція банка выдаетъ рентные билеты цѣнностію въ 1000, 500, 100, 25 и 10 талеровъ (=920 руб. сер., 460, 92, 23 и 9 р. 20 коп. сер.), съ платежемъ по нимъ 4 процентовъ въ полугодичные сроки, 1 апрѣля и 1 октября. Владѣльцы рентныхъ билетовъ не имѣютъ права требовать по нимъ капитала.

Вмѣстѣ съ билетами выдаются процентные купоны на 8 лѣтъ, по истеченіи каковаго срока выдаются новые купоны.

По всякому купону, съ наступленіемъ ему срока, платится подлежащая сумма наличными деньгами изъ казначейства рентныхъ банковъ. Купоны дѣлаются недѣйствительными, въ пользу банка, за непредставленіе ихъ къ платежу въ теченіе 4 лѣтъ, считая это время отъ послѣдняго декабря мѣсяца, слѣдовавшаго за наступившимъ срокомъ.

Купоны, которымъ наступилъ срокъ, принимаются къ платежу всеми казначействами королевства. Рентные билеты могутъ быть покупасмы для вклада судебныхъ, или опекунскихъ денегъ, фондовъ общественныхъ заведеній, и также принимаемы по законамъ.

Дирекціи рентныхъ банковъ имѣютъ полпроцента, или и цѣлый процентъ сбереженія; ибо онъ получаютъ, смотря по выбору плательщика, или девять десятыхъ ренты, или всю; то-есть или $4\frac{1}{2}$, или 5 процентовъ на билеты, выданные въ двадцатикратной суммѣ ренты; сами же онъ платятъ только 4 процента. Это сбереженіе употребляется на погашеніе рентныхъ билетовъ.

* То-есть при этомъ обращеніи ренты въ капиталъ расчетъ сдѣланъ по 5 на сто, а процентовъ рентный банкъ платитъ только по 4 на сто.

** Они теперь значительно упали въ курсѣ.

Погашеніе происходитъ такимъ образомъ. Всякое полугодіе рентный банкъ вынимаетъ по жребію столько рентныхъ билетовъ, сколько, по ихъ нарицательной цѣнности, можетъ быть погашено изъ суммъ, которыя составляются чрезъ платежъ ренты и выкупныхъ капиталовъ и поступаютъ въ фондъ погашенія. Владѣльцамъ вынутыхъ по жребію билетовъ платится ихъ нарицательная цѣнность. Билеты вынимаются въ маз и ноябрь мѣсяцахъ, а платежъ по билетамъ, вынутымъ въ маз, производится изъ банковаго казначейства въ слѣдующемъ октябрѣ, 1 числа; по билетамъ, вынутымъ въ ноябрѣ, производится въ слѣдующемъ апрѣлѣ, 1 числа. Вынутые билеты, не предъявленные къ платежу въ теченіи 2 лѣтъ, считая съ послѣдняго декабря, послѣ наступленія срока, теряютъ силу и остаются въ пользу банка. Вынутые и уплаченные наличными деньгами билеты уничтожаются. Билеты вынимаются и уничтожаются публично, подъ руководствомъ дирекціи банка, въ присутствіи 2 депутатовъ провинціального представительства и нотаріуса.

Резервный фондъ. Суммы, которыя дирекція выручаетъ процентами отъ денегъ, у нея находящихся, или отъ просроченныхъ процентныхъ купоновъ и вынутыхъ рентныхъ билетовъ, идутъ на составленіе резервнаго фонда. Этотъ фондъ употребляется на покрытіе дефицитовъ, которые могутъ оказаться по платежу ренты. Если онъ недостаточенъ, то недостатокъ восполняется изъ государственнаго казначейства. За то въ пользу его достается резервный фондъ, если таковой останется по окончаніи рентными банками погасительныхъ операцій.

Случаи, когда удовлетвореніе получателя ренты происходитъ при посредствѣ правительства. Если плательщикъ ренты желаетъ погасить ее внесомъ осьмнадцатикратной суммы наличными деньгами, а получатель требуетъ для своего удовлетворенія двадцатикратной суммы рентными билетами, тогда получатель ренты заявляетъ свои требованія до совершенія договорнаго акта, въ каковомъ оно и вносится.

Получателю ренты выдаются рентные билеты на двадцатикратную сумму его ренты, разумется, на сколько это возможно, ибо билеты ниже 10 талеровъ не существуютъ. Поэтому для додачи суммъ ниже 9 талеровъ употребляются наличныя деньги.

Выкупные капиталы, внесенные въ казначейство, идутъ на погашеніе государственныхъ долговъ, а именно пятипроцентнаго займа, произведеннаго по закону 25 апрѣля 1848 года.

Читатель имѣть теперь предъ собою главнѣйшіе факты, которые относятся къ законодательству Пруссіи объ устройствѣ сельскаго труда и земельной собственности, съ 1807 года по настоящее время. Представляя эти факты, мы не имѣли никакой предвзятой мысли, избегали безнолезныхъ умствованій и неумотныхъ вставокъ общественной сентиментальности, которыми такъ изобилуетъ политическая философія новаго времени. Эта дешевая филантропія, которой всѣ расходы и самопожертваніе состоятъ въ однихъ словахъ, не можетъ имѣть значенія въ глазахъ человека просвѣщеннаго и истинно любящаго; онъ предпочтетъ всѣмъ чувствительнымъ и великолѣпнымъ возгласамъ простое дѣйствіе того, кто, не мудрствуя лукаво, творитъ своему ближнему добро, по изъ собственныхъ средствъ, а не на чужой счетъ. Еще менѣе имѣли мы въ виду представить прусское законодательство какъ идеаль, достойный подражанія во всѣхъ обстоятельствахъ: учрежденія не тогда бываютъ прочны и истинно народны, когда нечаянно переносятся съ чужой, совершенно другой почвы, а тогда, когда выработаны народнымъ духомъ и имѣютъ корни въ народномъ сознаніи и исторической дѣятельности. На этой-то исторической почвѣ должны оставаться всѣ, съ любовію отыскивающіе петину и преданные своему отечеству. Разсматривая сельско-хозяйственное законодательство Пруссіи съ этой точки зрѣнія историческаго безпристрастія, остерегаясь равно увлеченій и предубѣжденія, нельзя не убѣдиться, что законодательство это богато уроками какъ въ своемъ принципѣ, такъ и въ его постепенномъ осуществленіи. Мыслящій читатель, который познакомился съ главнѣйшими направленіями и основными идеями разсмотрѣнныхъ законовъ, конечно, найдетъ въ нихъ достойное всякаго одобренія, хотя много и таково, что должно быть отвергнуто.

Мы видѣли, что сельско-хозяйственное законодательство Пруссіи съ 1807 года имѣло двѣ цѣли — личную эманципацію подвластнаго класса жителей и земельную собственность. Первая цѣль достигнута была безъ затрудненій: эманципація не могла ихъ встрѣтить при томъ образованіи, на которомъ тогда стояла Пруссія. Неприкосновенность права людей на ихъ личность и на трудъ была весьма распространенною идеею, и при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ она могла быть весьма легко приведена въ исполненіе. Но аграрный вопросъ, поставленный на виду особенно съ 1811 года, не былъ вполне разрѣшенъ до

самаго 1848 года и законы, которымъ онъ подалъ поводъ въ этомъ году, приводятся въ исполненіе по сіе время. И такъ съ 1811 по 1858 годъ, почти полстолѣтія, аграрный вопросъ былъ возбуждаемъ то въ тѣхъ, то въ другихъ мѣстахъ Пруссіи и постоянно представлялся попечительности законодателя.

Въ настоящее время, при помощи рентныхъ банковъ, аграрные законы приводятся дѣятельно въ исполненіе. Къ 1855 году было кончено (за все время) дѣлъ по превращенію земли въ собственность, 79,162 собственниковъ, по выкупу повинностей 848,564 подлежащихъ повинности. Отмѣнено барщинныхъ дней: конныхъ 6,211,745, пѣшихъ 22,110,477 *.

Число выданныхъ рентными банками рентныхъ билетовъ по выкупной операціи было:

1850 года на.	252,195 тал.
1851	8,947,930 —
1852	19,900,670 —
1853 г.	
1 апрѣля	9,446,687 —
1 октября	7,205,946 —
1854 г.	
1 апрѣля	6,545,662 —
1 октября	5,197,221 —
1855 г.	
1 апрѣля	3,638,401 —
1 октября	3,221,145 —
	Всего 64,367,738 тал.

Курсъ рентныхъ билетовъ значительно упалъ. Онъ составлялъ на берлинской биржѣ, 28 декабря нов. ст., 1857 года:

Бранденбургскіе рент. бил.	89 ¹ / ₂
Померанскіе	89 ¹ / ₂
Познанскіе	88 ³ / ₄
Прусскіе	88 ¹ / ₄
Рейнскіе и вестфальскіе	—

* Roden, Allgemeine vergleichende Finanz-Statistik, Darmstadt. 1856. 11 Band. p. 445 et 199.

Саксонскіе	89 ¹ / ₂
Силезскіе	89 ¹ / ₄

(Числа показываютъ процентъ нарицательной цѣнности).

Однакоже это паденіе курса кажется должно быть приписано величинѣ процента, приносимаго рентными билетами; ибо въ то же время государственныя бумаги, приносящія 4¹/₂ процента, стояли на 98¹/₂. Слѣдя за успѣхами выкупной операціи и погашеніемъ рентъ посредствомъ банковъ, мы надеемся представить читателю, въ свое время, новыя дополнителныя свѣдѣнія.

Въ заключеніи представимъ извѣстіе барона фонъ-Редена о распределеніи земельной собственности въ Пруссіи, съ его замѣчаніемъ, что въ нихъ, относительно Силезіи и Рейнской провинціи, остались нѣкоторыя пробѣлы, по неудовлетворительности свѣдѣній:

Владѣльцевъ дворянскихъ и другихъ имѣній свыше 75 десятинъ — 12,352.

257,347 владѣльцевъ, которые держатъ для полевыхъ работъ по 4 и по-крайней-мѣрѣ по двѣ лошади и владѣютъ отъ 60 до 12 десятинъ. Они называются Vollbauern, Vollspanner, Ganzbauern, grosse Hallbauern и такъ далѣе.

314,533 владѣльцевъ, которые держатъ по 1 лошади (въ восточныхъ провинціяхъ также и по 2 на участкахъ ниже 12 десятинъ), или помогаютъ лошадьми другъ другу и употребляютъ коровъ и быковъ, какъ для полевыхъ работъ, такъ и для развоза сельскихъ продуктовъ. Они называются Halbspanner, Cosäthen, kleine Hallbauern и такъ далѣе.

629,551 владѣльцевъ, которые большею частію не держатъ рабочаго скота. Они или имѣютъ въ собственность маленькій домикъ, или живутъ въ домахъ, которые имъ не принадлежатъ; отправляютъ разныя службы у другихъ владѣльцевъ, получаютъ для пользованія небольшое поле и выгонъ для нѣсколькихъ штукъ крупнаго и мелкаго скота. Это такъ называемые Häusler, Eigenkätner, Budner, Gärtner, Inseute, Komorniks и т. д.

Число всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ 1,201,431. * Это число конечно неполно; но оно по-крайней-мѣрѣ показываетъ, что въ Пруссіи, не смотря на свободное обращеніе земли и ея раздроб-

* Reden, Erwerb- und Verkens-Statistik, Erste Abth. p. 63.

ленность, не всякій имѣеть землю, и что изъ самихъ означенныхъ владѣльцевъ цѣлая половнина имѣють столь мелкіе участки, что не держать скота для обработки земли. Населеніе Пруссіи въ 1849 году составляло 8,163,000 душъ мужескаго пола.

И. ГОРЛОВЪ.

1857 г. Декабря 24.

О ГОСПОДСКИХЪ ПОМѢСТЯХЪ ВЪ АНГЛІИ.

Идеаль, который себѣ составляютъ объ Англіи образованные читатели и даже мыслители, не бывшіе на этомъ любопытномъ островѣ и не повѣрившіе составленныхъ въ кабинетъ своихъ мнѣній на мѣсть, можетъ быть только въ некоторой степени справедливъ, но вообще недостаточно вѣренъ. — Не ошибается тотъ, кто воображаетъ себѣ въ Англіи, при огромномъ стеченіи народа, неусыпающую ни днемъ, ни ночью, и только по Воскресеньямъ отдыхающую дѣятельность, городу, въ которыхъ дома тѣсятся однообразными высокими, кирпичными линиями, съ улицами, гдѣ экипажи непрерывно обгоняютъ другъ друга, съ тротуарами, наполненными проходящими, которые все одѣты прилично и можно сказать даже по модѣ, рѣкѣ, по которымъ пароходы сплываютъ, какъ дрожки на нашемъ Невскомъ проспектѣ, воздухъ, отуманенный угольнымъ дымомъ и мрачный, какъ ни въ какой другой странѣ на свѣтѣ.

Все знаютъ, что въ Англіи, какъ въ главномъ складочномъ мѣстѣ, сосредоточена торговля всего земнаго шара, что изъ нея, какъ изъ центральной фабрики, развозятся по всемъ частямъ свѣта массы издѣлій бумажныхъ, шерстяныхъ, желѣзныхъ; и всякій заключаетъ, что несудивительно, что несмѣтное богатство попало въ удѣлъ народу, населяющему островѣ, на которомъ соединены все условія, благоприятствующія торговлѣ и промышленности. — Торгаши! люди занятые преимущественно денежными расчетами, смотрящіе на весь міръ единственно какъ на рынокъ для своихъ издѣлій, и первые эгоисты на свѣтѣ! — вотъ Англичане, какъ мы вообще ихъ себѣ представляемъ. Можно пополнить этотъ очеркъ замѣченными на мѣсть подробностями, которыя вполне оправдываютъ его и усиливаютъ впечатлѣніе, полученное

изъ книгъ и газетъ. Такъ, нигдѣ на свѣтъ вы не встрѣтите столько чугунныхъ рѣшетокъ въ городахъ, а внѣ городовъ столько ствнѣ и заборовъ изъ колючихъ кустовъ; открытыхъ полей тамъ нѣтъ, — однѣ дороги составляютъ общенародную собственность, да и тутъ часто поставлены заставы для сбора шоссейныхъ денегъ, а огромныя, заходящія за ствны, письменныя объявленія угрожаютъ строгостью законовъ всѣмъ нищимъ, а также всѣмъ осмѣливающимся ломать сучья отъ заборовъ, и марать ствны. Здѣсь собственность святыня, и кто посягаетъ на чужую собственность и своей не имѣетъ, тому худо. Чтобъ видѣть безлюдное мѣсто въ Англїи и въ Шотландїи, чтобы избавиться отъ заборовъ и ствнѣ, надо забраться на самыя высокія горы, гдѣ нѣтъ пастбища для овецъ; въ равнинахъ же, хотя бы путешественникъ довхалъ до сѣверной оконечности острова, вездѣ онъ найдетъ общежитіе и гражданственность, вмѣстѣ съ промышленностью и торговлею.

Въ самыхъ мелкихъ городахъ мостовая, газовое освѣщеніе и магазины. Гдѣ же можетъ найти себя мѣсто жизнь не чисто промышленная? Куда уйти хотя на короткое время отъ людей? Но люди въ Англїи до того размножились, что нигдѣ на свѣтъ нѣтъ такого малаго разстоянія между городами, ни столь густо населенныхъ городовъ. Сверхъ того, жители производятъ не одною природною силою своихъ рукъ, они увеличили во сто кратъ эту силу. Говорятъ, что сила машинъ въ Великобританскихъ фабрикахъ равняется силѣ 600 милліоновъ людей, и что производительность каждаго челоука увеличена въ 250 разъ. Сорокъ тысячъ кораблей записаны въ торговомъ спискѣ Лойда, тысяча милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ въ шестеро эту сумму рублями серебромъ, вотъ денежный оборотъ торговли Англїи. Все это можно узнать изъ книгъ, изъ чужихъ путешествій, изъ парламентскихъ отчетовъ, изъ статистикъ. Но изъ того, что въ Англїи много денегъ, слѣдуетъ ли заключить, что она не что другое, какъ денежный мѣшокъ? Взглядъ на фizioномїю челоука, который былъ намъ прежде извѣстенъ лишь по одной наслышкѣ, открываетъ намъ множество вещей, которыхъ мы не подозрѣвали: странная сжатость губъ не согласна съ предполагаемою нами неограниченною щедростью, задумчивый взглядъ противорѣчитъ рѣзвости, которую мы считали безразсудною и безконечною, цвѣтъ волосъ, морщины, брови, самая поступь даютъ намъ поводъ ко множеству

догадокъ, не всегда ошибочныхъ, и до которыхъ мы никогда не дошли бы, не взглянувъ на самое лице. Такъ бываетъ не только съ отдѣльнымъ человекомъ, но и съ цѣлымъ народомъ, такъ же, какъ и съ мѣстомъ, которое онъ себѣ пригрѣлъ, и въ которомъ долго жилъ.

Англія давно населена нынѣшнимъ родомъ своимъ и сохраняетъ много памятниковъ прежней своей жизни. Какъ слонъ разнородныхъ минераловъ, взваленныхъ горами одинъ надъ другимъ и кроющихся остовы допотопныхъ животныхъ, свидѣлствуютъ о бывшихъ доисторическихъ переворотахъ земнаго шара, такъ въ меньшемъ объемѣ времени Египетскія пирамиды свидѣлствуютъ о дѣятельности человека на земли за нѣсколько тысячъ лѣтъ; такъ, еще въ болѣе ограниченномъ масштабѣ *столичный*, слѣды архитектуры саксонской, готической и итальянской свидѣлствуютъ въ Англіи о проявленіи на сѣверѣ человѣческой дѣятельности. Не въ одной Англіи остаются памятники чело-вѣческаго искусства. Ихъ можно найти въ Греціи, въ Италіи, во Франціи, на Рейнѣ и въ Россіи.

Въ Греціи они свидѣлствуютъ о поклоненіи язычества богамъ радости и красоты, въ Римѣ о преобладаніи императоровъ и папъ, во Франціи о бывшемъ богатствѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ родовъ, на Рейнѣ о рыцарскихъ временахъ, въ Россіи о войнахъ съ Татарами и проявленіи каменной кладки во вкусъ нашихъ порабитителей. Древнія строенія въ Англіи имѣютъ особый отъ всѣхъ поименованныхъ здѣсь характеръ. Они особенно отличаются тѣмъ, что существуютъ и въ настоящее время не на показъ одинъ, какъ въ другихъ странахъ, а на употребленіе, что большая часть стараго нашло свое примѣненіе къ потребностямъ измѣнившагося времени, и даже такое примѣненіе, которое имѣетъ нѣкоторое сходство съ первоначальною своею цѣлью. Межъ тѣмъ какъ во Франціи замки превращены въ казармы, въ хутора, въ винные подвалы; въ Англіи такія превращенія хотя бывають, но въ видѣ исключеній. Рейнскіе замки—въ развалинахъ, кромѣ трехъ или четырехъ, возобновленныхъ въ наше время съ большимъ вкусомъ и благоговѣніемъ къ любимымъ преданіямъ о рыцарствѣ. Въ Англіи замки Саксонцевъ и Нормановъ никогда не были брошены, и въ нихъ живутъ до сихъ поръ представители англійскаго дворянства. Не говоримъ, чтобы не было развалинъ въ Англіи. Въ Англіи болѣе всѣхъ пользуются извѣстностію развалины, Melrose Abbey и

Kenilworth, потому что эти древнія обители описаны съ такимъ глубокимъ чувствомъ, которое едва ли какой либо писатель на свѣтѣ имѣлъ въ равной степени съ Вальтеръ Скоттомъ. Есть еще въ Англии другія развалины храмовъ и церквей самыхъ прекрасныхъ, заросшихъ плющемъ, которыя природа какъ-бы усвоила, окруживъ ихъ растительностью, и которыя только потому менѣе извѣстны, что никакой гонимъ не вызвалъ еще на сцену героевъ и красавицъ изъ ихъ промежуднаго времени. Но кромѣ развалинъ, причисленныхъ не столько дѣйствіемъ времени, сколько опустошеніемъ, нанесеннымъ въ религіозныя и междусобныя войны разрушительною рукою пуританъ и республиканцевъ, Джонъ Ноксовъ и Кромвелей, есть множество во всей Англии старинныхъ церквей, дворцовъ, городскихъ и особенно сельскихъ зданій, которыя сохраняютъ по сию пору всю красоту и всю цѣльность первобытную. Нѣтъ ни одного почти стариннаго города, въ которомъ бы не было какого нибудь прекраснаго готическаго собора. Эти зданія даютъ какую-то святость, какое-то обаяніе древности и спокойствія городамъ, не смотря на то, что желѣзныя дороги къ нимъ примыкаютъ, и что паровая сила и послѣднія изобрѣтенія людей получили въ нихъ право гражданства. Приведемъ отрывокъ изъ Макколея, этаго писателя самаго взыскательнаго, этаго судьи самаго неуклоннаго, но въствѣ съ тѣмъ этого патріота самаго гордаго и истиннымъ величіемъ своего отечества. Слова его объясняютъ разительно, сколько Англія отличается своимъ умѣніемъ сберечь все древнее. Онъ не говоритъ тутъ вовсе объ архитектурѣ, но о формахъ правленія, —мы же приводимъ эти слова, потому что они такъ хорошо объясняютъ косвенно не только тщательное и почетное сохраненіе старинныхъ зданій, но и употребленіе ихъ въ пользу и въ настоящее время. «Какъ ни велики перемены, происшедшія въ нашемъ правительствѣ въ теченіе прошедшихъ шести столѣтій, онъ все простекли отъ постепеннаго развитія, а не отъ разрушенія и перестроенія. Нынѣшняя конституція Англіи относится къ конституціи ея за 500 лѣтъ, какъ дерево въ полномъ развитіи къ молодому побѣгу, какъ мужчина къ мальчику. Перемены велики. Но не было никогда такого времени, когда бы главная часть существующаго не была старая. И потому, ни въ какомъ другомъ обществѣ на свѣтѣ не соединены превращенія съ давностью, движеніе съ спокойствіемъ, энергія молодости съ величіемъ незапамятной древности.»

Кто-то сказалъ, что при желѣзныхъ дорогахъ люди не ѣздятъ, а только призжаютъ. (Слова Россини, который всегда ѣздитъ на почтовыхъ, что ему обходится иногда очень дорого и причиняетъ большія затрудненія всемъ распорядителямъ его путешествій). При такомъ образѣ путешествія мудрено все усмотрѣть. Но мы помнимъ еще то время, когда ѣздили по Англїи на верьху дилижансовъ и мель-кочей, когда ландшафты развивались постепенно, когда долина являлась за горой, и гора за долиной, когда видны были издалика сѣрыя стѣны высокаго зданія, когда еще существовали деревенскіе трактиры, такъ часто и заманчиво описанные Фильдингомъ и Уалтономъ. Мы бы преувеличили, еслибъ сказали, что путешествіе по Англїи въ то время было изученіемъ англійской исторїи. Но по истинѣ, оно было прекрасно и занимательно до-нельзя,—и можно смѣло сказать, что иностранецъ, путешествуя по Англїи, долженъ былъ замѣтить, что эта земля устроена издавна, что порядокъ въ ней заведенъ давно, и что въ ней богатства накопились не со вчерашняго дня, и теперь разсыпаны съ удивительной уравнилельностию по всему пространству земли. Давно ли это такъ? Давно или нѣтъ, смотря потому, какъ мы принимаемъ слово давно. Въ 1685 году, напримѣръ, видъ Англїи былъ совершенно иной, но этотъ годъ не такой древній въ Англїи, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ весьма мало сохраняется и слѣдовъ политическихъ, и памятниковъ того же самаго года. Въ 1685 году существовали многія строенія. не толькок азныя (такихъ въ Англїи не много) и церковныя, но и частныя, которыя и нынѣ обитаемы. Изъ нихъ многія были и тогда стары, нѣкоторыя оставались отъ временъ норманскихъ завоевателей, нѣкоторыя изъ основанныхъ при Плантагенетахъ, т. е. въ XII столѣтїи, и т. д. до пышныхъ строеній послѣднихъ королей Тюдорскаго племени, уже не бывшаго въ то время (въ 1685 г.) на престолѣ. Разный характеръ зданій показывалъ тогда, какъ и теперь показываетъ, разный характеръ временъ. Здѣсь ровъ и укрѣпленныя башни, тамъ ихъ нѣтъ; здѣсь остроконечныя, узкія, высокія окна, тутъ напротивъ широкія, выходящія изъ стѣнъ полустеклянными балконами. Такъ въ 1685 году, какъ мы сказали, видъ Англїи не былъ такой, какъ теперь во всемъ прочемъ, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ зданій, которыя остались по сю пору такими, какъ были. Мы выпишемъ изъ Маколея отрывки пагляднаго описанія Англїи того времени. «Еслибъ, говоритъ онъ,

можно было какнмъ нибудь волшебнымъ маиёмъ представить глазамъ Англию 1685 года, мы бы изо ста мѣстностей не узнали ни одной. Все измѣнилось, кромѣ большихъ очертаній природы и нѣкоторыхъ громадныхъ произведеній человеческого искусства. Народонаселеніе съ того времени болѣе чѣмъ утроилось. Тогдашній государственный доходъ равнялся $\frac{3}{4}$ нидерландскаго, и одной пятой части французскаго. Многія старинныя баронскія твердыни были разбиты пушками республиканской арміи. Уцѣлѣвшія изъ нихъ потеряли свое воинственное значеніе, ихъ трапези были запружены для разведенія карпій и щукъ, а валы обсажены душистыми кустами, между которыми извилистыя дорожки вели къ бесѣдкамъ, украшеннымъ зеркалами и картинами. Большинство должностныхъ служило даромъ, или за самую ничтожную плату. Любимцы короля, его министры и любимцы министровъ были обильно награждаемы казенными деньгами. Это объясняетъ безсовѣстное въ то время искательство важныхъ государственныхъ должностей. Кажется страннымъ, и могло бы съ перваго взгляда показаться ужаснымъ, что подати съ того времени увеличались въ 30 разъ! Но можно утѣшиться состояніемъ общественныхъ доходовъ, увеличившихся еще болѣе. Изъ ландкартъ того времени видно, что дороги, проходящія нынѣ безостановочно, посреди огородовъ, воздушныхъ садовъ и пастбищъ, были въ то время проведены по дикимъ пустырямъ и болотамъ. Многіе роды дикихъ звѣрей, на которыхъ нынѣ смотрятъ съ удивленіемъ, какъ на бенгальскаго тигра, рыскали на свободѣ. Орлы, съ крыльями въ девять футовъ отъ одного конца до другаго, питались рыбою вдоль морскихъ береговъ. Съ того времени, въ теченіи столѣтія съ небольшимъ, четвертая часть Англій превращена изъ дикаго мѣста въ садъ. Годовой урожай составлялъ третью часть нынѣшняго. Въ то время не знали способа произведенія овощей для прокормленія зимою скота, котораго большую часть колоди и солили съ осени. Цѣна лошади въ круглой сложности была 55 шиллинговъ (менѣе 20 р. с.), испанскія, голландскія и много позже арабскія лошади бывали выписываемы для употребленія дворянства. Увеличеніе минеральной производительности, сборъ соли, желѣза и камешаго угля много еще превышаетъ успѣхи въ прозябаномъ и животномъ царствахъ: помѣщики XVII столѣтія должны были рѣзко отлнчаться отъ своихъ потомковъ. Нѣтъ можетъ быть на свѣтѣ жилищъ, столь пріятныхъ, какъ сельскія жидища англійскаго

дворянства. Нигдѣ природа такъ не привлекательна, какъ въ паркахъ и садахъ, гдѣ она украшена, но не разряжена искусствомъ. Благоразуміе и вкусъ соединяють въ строеніяхъ самымъ приятнымъ образомъ спокойное съ красивымъ. Картины, музыкальные инструменты, бібліотека показываютъ образованность хозяина. Помѣщикъ того времени получалъ только весьма малую часть тѣхъ доходовъ, которые получаетъ его потомство отъ того же самаго количества земель. Его воспитаніе было немногимъ выше воспитанія, служителей, товарищей его молодости, отъ которыхъ онъ научался цѣнить зерно по образцамъ, щупать свиней, и въ базарные дни продавать ихъ, за кружку пива, мясникамъ. Онъ тѣшился полевыми увеселеніями и низкою чувственностію. Изъ этого описанія можно бы заключить, что помѣщикъ XVII столѣтія немного отличался отъ мельника или трактирщика. Но надо добавить еще нѣкоторыя черты его характера, которыя весьма измѣняютъ таковое мнѣніе. Какъ бы онъ ни былъ безграмотенъ и неотесанъ, онъ оставался благороденъ во многихъ, весьма важныхъ, отношеніяхъ. Будучи самъ членомъ гордаго и сильнаго дворянства, онъ отличался многими хорошими и дурными качествами аристократа. Его фамиліальная гордость не уступала ни какой на свѣтъ. Онъ безденежно бралъ на себя родъ грубаго, патриархальнаго судопроизводства, которое, не смотря на многія ошибки и случайныя жестокости, было все — таки лучше отсутствія всякаго суда. Онъ былъ офицеромъ милиціи, и его военный чинъ, хотя и смѣшилъ кавалеровъ, отслужившихъ кампанію въ Нидерландахъ, возвышалъ его достоинство въ собственныхъ его глазахъ и предъ соседями. Одинъ показывалъ рану, полученную имъ въ сраженіи Незби, другой рассказывалъ, какъ онъ защищалъ свой старый домъ, пока Ферфаксъ не разбилъ пушкою его ворота. При всемъ своемъ невѣжествѣ и неловкости, онъ былъ патрищемъ; чувствовалъ свое достоинство, и внушалъ уваженіе. Преданные отъ души наследственной монархіи, помѣщики, когда опасность угрожала трону, какъ бы ни казались угрюмы въ счастливое его время, дружно окружали короля своими тѣлами. Было тогда гораздо больше, чѣмъ теперь, земледѣльцевъ, пашущихъ собственную свою землю; нынѣ шестая часть всего народонаселенія набита въ городахъ, имѣющихъ болѣе тридцати тысячъ жителей. Въ то время провинціальныхъ городовъ съ такимъ числомъ жителей не было, и только было четыре города съ насе-

леніемъ въ десять тысячъ душъ. Четыре нятыхъ всего народонаселенія было занято земледѣліемъ, и производило, между тѣмъ, въ нѣсколько разъ менше плодовъ противъ нынѣшняго времени, когда такая огромная масса рукъ обращена на заводскую промышленность. Главные промышленные города съ двумя и тремястами тысячъ жителей, возникли только послѣ того времени, и далеко опередили богатствомъ и промышленностью болѣе древніе города. Самый Лондонъ не былъ освѣщенъ ночью. Никто Нешингъ получилъ привилегію на исключительное освѣщеніе лондонскихъ улицъ. Ревнителіи улучшеній провозносили его какъ величайшаго благодѣтеля; но нашлись и поборники темноты, возставшіе противъ, такъ называемаго въ насмѣлку, новаго свѣта, также уперно, какъ глупцы нашего вѣка возстаютъ противъ оскопчиваній и желѣзныхъ дорогъ. Дороги были изрѣзаны глубокими рытвинами, и каждый день случалось, что кареты вали и дожидались помощи воловъ, отъ сосѣднихъ хуторовъ, чтобы вывезти ихъ изъ грязи. Сборъ денегъ на содержаніе дорогъ возбуждалъ негодованіе, и былъ поводомъ къ кровопролитію. Точно также возставали и на учрежденіе дежжансовъ, предвѣщая отъ нихъ упадокъ каретникамъ, извозчикамъ и трактирамъ. Подобнаго рода заключенія были представляемы въ прошеніяхъ въ королевскій советъ разными компаніями, лондонскими и провинціальными. Одинъ предприимчивый спекулянтъ въ Лондонѣ устроилъ, съ большими издержками, отъ себя городскую почту для раздачи писемъ и пакетовъ шесть разъ въ день въ самой промышленной части города. Носильщики возстали противъ такого подрыва ихъ интересовъ, и содрали объявленія о новомъ устройствѣ. Стали говорить, что если розыскать мышки, то въ нихъ найдутъ заговоры; но дѣло оказалось до того полезнымъ, что сопротивленіе утихло. Когда же герцогъ іоркскій, узнавъ о доходности городской почты, просилъ о прекращеніи этого нарушенія принадлежавшей ему почтовой монополіи, онъ получилъ удовлетвореніе отъ судебныхъ мѣстъ, и желаніе его было исполнено. Намъ это кажется смѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иныя потомки будутъ смѣяться въ свою очередь надъ сопротивленіемъ алчности и предрасудковъ къ улучшеніямъ девятнадцатаго столѣтія. По разнымъ вычисленіямъ видно, что пропорція людей, пользовавшихся подащеніемъ отъ приходскихъ денегъ, была значительно нынѣшней. Надо сознаться, что физическое благосостояніе нечестныхъ бѣднякаго класса людей, потеряло отъ

распространенія проевъщенія. На многихъ тысячахъ квадратныхъ миль, нынѣ обгороженныхъ и обработанныхъ, въ то время покрытыхъ болотами и кустарникомъ, и принадлежащихъ по закону общинамъ, крестьяне могли добывать себѣ грубую пищу, содержать гусей, ловить дикихъ птицъ, рубить дрова и рзать торфъ на зиму. Съ развитіемъ земледѣлія, они лишились этихъ преимуществъ, но сколько пріобрѣтено за то такихъ удобствъ, которыя теперь равно доступны работнику и лорду! Поселянинъ можетъ теперь довхаться въ своей телегѣ черезъ часъ до рынка, въ который, за сто шестьдесятъ лѣтъ, ему должно было ѣхать цѣлый день. Улицы нынѣ вымощены, освѣщены и безопасны. Здоровье сохраняется, съ облегченіемъ отношеній между людьми. Въ 1685 году, который не считался болѣзненнымъ, умирало въ столицѣ по одному изъ двадцати трехъ. Нынѣ въ Лондонѣ умираетъ ежегодно по одному изъ сорока. Разница между Лондономъ здоровымъ и Лондономъ въ холерѣ въ XIX столѣтіи не такъ велика, какъ между состояніемъ ея въ девятнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ. Срокъ человеческой жизни продолжился по всему королевству и особенно въ городахъ. Характеръ народный смягчился, и челоуколюбіе снижаетъ средства къ облегченію участи даже преступниковъ. Всякій классъ народа, безъ сомнѣнія, подвергся чрезъ это большому нравственному измѣненію; но болѣе всего пріобрѣлъ классъ бѣднѣйшій.»

Сими словами знаменитый представитель демократической партіи въ Англіи, защитникъ ея правъ равно въ литературѣ и въ парламентѣ, гдѣ онъ, много лѣтъ, сидѣлъ на скамьяхъ вѣтовъ, оцѣниваетъ перемены, бывшіяся съ 1685 года въ общественномъ положеніи своего отечества. Огромная его начитанность документовъ всякаго рода, народныхъ пѣсней, газетъ, писемъ и семейныхъ хроникъ, и особенное, часто выраженное имъ влеченіе къ изученію преимущественно народнаго, домашняго, внутренняго быта, даютъ его исторіи особенно живописный характеръ. Если Риттера можно назвать Микель-Анжело географіи, мы осмѣлимся назвать Маколея Рембрантомъ исторіи и Рюиздалемъ статистики. Онъ бываетъ подчасъ чрезвычайно разсѣянъ, вь когда находитъ какое нибудь общепринятое мнѣніе ложнымъ, его негодованіе не знаетъ предела и доводитъ его до ярости. Кротость и благо нравіе, самыя несчастія описанныхъ имъ людей не могутъ склонить его къ снисхожденію, иъ ихъ порокамъ. Онъ ихъ караетъ безпощадно и не прощая ничего, боится

хвалить людей. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ ослепительный контрастъ другому, еще болѣе знаменитому Шотландцу, который умѣлъ находить свѣтлую искупительную сторону въ людяхъ, и гнушаяся всякой лжи не менѣе Маколея, умѣлъ жалеть о слабостяхъ человѣческаго характера и восхищаться его добродѣтелями, не оставя каждое похвальное слово, между двумя порицаніями. Намъ возразятъ, что критика—элементъ нераздѣльный съ исторіею. Это такъ. Но мы дозволяемъ себѣ представить одно замѣчаніе въ отвѣтъ. Отъ безпрестанныхъ напоминаній о дурномъ при хорошемъ, читатель не знаетъ какое сдѣлать заключеніе рѣшительное о человѣкѣ, теряется въ своей оцѣнкѣ его характера, и становится скептикомъ ко всему благородному. Мы удалились немного отъ нашего предмета сравненіемъ достоинствъ двухъ авторовъ: знаменитаго историка и перваго изъ сочинителей въ области вымысла. Но они оба являются намъ на память при рѣчи объ англійскихъ замкахъ и дополняютъ наши понятія объ нихъ. Они притомъ много имѣютъ взаимнаго чувства. Историкъ Вигъ явно любитъ звукъ высокихъ именъ: Тальботовъ, Русселей, Девиroy, и др. и великолѣпше ихъ образа жизни и гордая осанка для него не безъ прелестей; а поэтъ Тори, который такъ любилъ вспоминать о великой потрясающей минутѣ, когда всѣ собранные на коронацію короля пэры, вдругъ надѣвали на головы свои короны, этотъ самый Тори, въ оставленной имъ перенискѣ и въ журналѣ ежедневныхъ происшествій, изливаетъ всю нѣжность своего широкаго сердца въ заботливости о неизвѣстныхъ мелкихъ людяхъ, арендаторахъ его фермъ, домашнихъ служителейхъ, и любимыхъ работникахъ въ его лѣсахъ. И поэтъ, и историкъ вводятъ насъ во внутренность живописныхъ помѣстій Англій и Шотландіи, и знакомятъ насъ съ нравами и обхожденіемъ прежнихъ и теперешнихъ ихъ жителей.

Съ давнихъ временъ Англичане прозвали свою родину: веселою, «тепу», такъ какъ мы называемъ Россію «святою». Эта веселость выражалась особенно въ гостепримствѣ, которое путешественникъ замѣчаетъ и теперь при измѣнившемся отъ времени родѣ угощенія. Хозяева замка не сидятъ теперь, какъ некогда сидѣли, на возвышенномъ одною ступенькою мѣстѣ —

* Извѣстно нашимъ читателямъ, что Маколей былъ въ прошломъ 1857 году возведенъ въ достоинство пэра, и получилъ титулъ отъ имени своего помѣстья.

«orgie» — подъ балдахномъ, пока гости, менѣ почетные, расположены за длиннымъ столомъ въ томъ же залѣ. Не слышать теперь во все продолженіе пиршества пѣсни за арфою министреля. Наряжаніе и игры «stumping», съ великаномъ и дикаремъ, «the salvage man», обычныя въ рождественскіе праздники, уступили мѣсто болѣ тихому роду увеселеній въ тоже время года. Дворянъ болѣ не вооружается по внезапному призыву въ брони, которыя висятъ до сихъ поръ на прежнемъ мѣстѣ въ прихожемъ залѣ. Служители болѣ не стелятъ подстилки передъ монументальнымъ крыльцомъ, къ пріезду знатнаго гостя, котораго самъ хозяинъ ожидаетъ, одѣтый въ богатое платье. Церемонія уменьшилась до уровня вѣка реформы, но реформа не могла изгладить всѣхъ слѣдовъ великолѣпія, и до сихъ поръ наблюдается болѣ церемонія въ туалетѣ къ обѣденному столу въ англійскихъ деревенскихъ чертогахъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ краѣ.

Хотя шоссеыя дороги безчисленны и безостановочно доводятъ путешественника изъ Лондона до любого пункта въ Великобританіи, ни одинъ почти господскій домъ не попадается расположенный на самой дорогѣ. Они всѣ болѣ или менѣ скрываются отъ глазъ проходящаго народа, и находятся въ центрѣ огромныхъ парковъ. Дорога проходитъ мимо парковыхъ воротъ, «lodge», постоянно запертыхъ привратникомъ, и отворяемыхъ только для гостей и людей, имѣющихъ нужду проходить въ домъ. Гладкая, укатанная дорога ведетъ отъ воротъ къ господскому дому, проходя по самымъ живописнымъ мѣстамъ, подъ густыми аллеями, но болѣ между единичными деревьями, а иногда по великолѣпнымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ рѣки. Домъ то показывается издали приближающимся гостямъ, то скрывается за деревьями, и наконецъ вблизи является, смотря по своему характеру, великолѣпнымъ, прекраснымъ, или уютнымъ. Замки и cottages, вещи извѣстныя, преимущественно въ Англии. Первые отличаются всѣми родами архитектуры, и хотя готическая, кажется самою свойственною Англии, и самою любимою, всѣ образцы вкуса, такъ называемаго «singuesnto», постройки итальянскія по рисункамъ Палладія и особенно англійскія, извѣстныя подъ названіемъ тюдоровой архитектуры, въ большемъ употребленіи. Коттеджи представляютъ типъ скромности, часто покрыты соломой, и будучи выстроены какъ бы въ подражаніе крестьянскихъ жилищъ, имѣютъ особенный свой родъ архитектуры:

нать ничего прелестнѣе въ мирѣ. Описанія, напечатъ совер-
 прекрасными картинами парковъ, строеній и главныхъ ~~отдѣловъ~~
 ихъ покоевъ, даютъ довольно вѣрное понятіе объ англійскихъ
 загородныхъ домахъ всѣхъ временъ, размѣровъ и характеровъ.
 Коллекція раскрашенныхъ видовъ Joseph Nash: Mansions of En-
 gland in the olden time, и Richardson: Studies from English Mansi-
 ones посвящены большею частью историческимъ и монументаль-
 нымъ зданіямъ. Множество другихъ сочиненій посвящено англій-
 скимъ коттеджамъ, съ описаніемъ господскаго и хозяйственнаго
 устройства и всѣхъ его принадлежностей. Много зданій постро-
 ено изъ тесанаго камня, много изъ кирпича съ каменными уг-
 лами и рѣзбою, некоторые, такъ называемыя «half timbered hou-
 ses», составлены изъ деревянныхъ стоячихъ и лежащихъ брусъ
 евъ и между ними кирпичной кладки, съ фризомъ и рѣзными де-
 ревянными украшеніями. Эти книги очень интересны для архи-
 текторовъ и для любителей сельской жизни. Главное украшеніе
 этихъ домовъ заключается въ ихъ древности, въ преданіяхъ, въ
 тысячелѣтнихъ деревьяхъ, и въ художественныхъ произведені-
 яхъ, наполняющихъ покои. Вензеля и гербы королей, вырѣзан-
 ные на воротахъ, напоминаютъ о королевскихъ посещеніяхъ.
 Первая на свѣтѣ частная библіотека Лорда Спенсера находится
 въ его фамильномъ замкѣ. Телескопъ лорда Росса поставленъ так-
 же въ его имѣніи. Дорогихъ древнихъ картинъ можетъ быть
 столько же въ Англии, какъ въ Италіи. Онѣ разсыпаны по до-
 мамъ, болѣе же по фамильнымъ замкамъ. Изъ нихъ некоторыя
 имѣютъ для хозяевъ болѣе цѣнности, чѣмъ для кого либо изъ
 постороннихъ, принадлежатъ къ исторіи самой фамиліи. Таковы, на-
 примѣръ, вставленные въ стѣны фамильные портреты, писанные
 Рубенсомъ, Вагдвкомъ, и другими знаменитыми живописцами.
 Въ Англии нѣтъ лѣсовъ, но множество деревьевъ, даже корабель-
 ныхъ, разсыпано отдѣльно по паркамъ. Точно также и съ кар-
 тинами. Національная лондонская галлероя незначительна въ срав-
 неніи съ дрездонскою и петербургскимъ Эрмитажемъ. Но за то
 картины разсыпаны по всей Англии. Два или три, а часто и од-
 но только какое нибудь превосходное художественное произве-
 деніе попадаетъ въ домахъ средняго состоянія; но оно такъ
 цѣнится какъ единственный кладъ во всемъ домѣ, и переходитъ
 по наследству изъ одного поколѣнія въ другое. Уже какъ нѣтъ
 любятъ и дорожатъ! Его никакъ не рѣшатся продать, развѣ
 въ случаѣ угрожающаго разоренія. Такіе случаи бывали: любя-

«*organs*» — пну выносяди изъ дома при вздохахъ и скрытыхъ слеположены зноенны своего многолѣтняго друга, хозяева навѣдывались у новаго пріобрѣтателя объ его участи, и утѣшались, что онъ попалъ въ хорошія руки.

Время проводится разнo въ описываемыхъ нами усадьбахъ, смотря по временамъ года. Одного занятія, господствующаго у насъ, именно — распоряженія сельскими работами, недостаетъ въ Англіи у большихъ господъ, развѣ лишь въ видѣ хуторовъ для особенныхъ любителей земледѣлія. Большая часть англійскихъ помѣстій отдается фермерамъ на сроки, вообще длинныя, отъ 21-го до 99-ти лѣтъ. Поэтому, заключенія контрактовъ суть пріоншества, раздѣляемыя большими періодами, и не занимающія много времени. Богатые помѣщики прибѣгаютъ на эти случаи къ советамъ законниковъ — *attorney*, которые въ тяжбахъ исполняютъ должность повѣренныхъ, не исключительно для одного помѣщика, а для многихъ. Дѣло поства, удобренія, и т. д., предоставлено земледѣльческой промышленности. Поземельная аристократія входитъ въ дѣла и въ интересы земледѣльческаго класса, только политическимъ своимъ вліяніемъ, стараясь защищать права поселянъ, и поддерживать цѣны произведеніямъ. Отмѣненія высокихъ пошлинъ на ввозъ заграничнаго хлѣба было, въ продолженіе многихъ лѣтъ, однимъ главнымъ предметомъ раздора между земледѣльческой и промышленной партіями въ Англіи, и наконецъ рѣшено къ удовольствію последней, но смотря на всѣ усилія поземельныхъ собственниковъ, фермеровъ, парламентскихъ членовъ и экономистовъ приверженцевъ этой партіи. Сельская жизнь, столько любимая въ Англіи, кажется заимствуетъ прелесть свою наиболее отъ любви къ фамиліной жизни и къ независимой собственности. Далекo отъ шума городовъ, нигдѣ такъ не шумныхъ, какъ въ Англіи, Англичане чувствуютъ, что они особенно дома въ своихъ усадьбахъ, *quasi patria in patria*. О большихъ замкахъ, каковы, наиримаръ, готическій *Warwick*, величественный *Blenheim*, историческій *Inverary* Аргайльскаго герцогскаго дома и другихъ, надо сказать, что ихъ содержаніе такъ дорого, и такъ дорого было бы постоянное въ нихъ жителство большаго семейства, что эти дома остаются большую часть года не занятыми и показываются ключницей вутѣшественникамъ. Более скромные дома чаще и постоянно заняты своими хозяевами. Лѣтомъ, когда ружейная и дрoвая охоты запрещены, бываетъ въ Лондонѣ *сезонъ*, т. е.

съездъ парламента, итальянская опера и общества. Тогда столица наполняется, и молодежь ѣздитъ по городскимъ паркамъ, таскается по клубамъ, и засыпаетъ въ мягкихъ креслахъ съ газетой въ рукахъ. Проходитъ это время, и не вся ѣдутъ въ свои помѣстья, а многіе разлетаются стаями по Европѣ, наводняютъ весь трактиры, задаютъ страшные тоны (какъ говорить Курдюкова), и являютъ все причуды своего характера. Такъ, напримеръ, одинъ путешественникъ, явившійся внезапно, и Богъ знаетъ для чего, въ Константинополѣ, рассуждаетъ вслухъ, что онъ не знаетъ ѣхать ли ему на святые мѣста, въ Египетъ, или на Триестъ, или отправиться въ Россію, а что ему во всякомъ случаѣ необходимо быть въ Норвегіи ко времени форельной ловли. Утомимые рисовальщики и писатели писемъ, они встрѣчаются на всѣхъ водопадахъ, табель-дотахъ, балахъ и придворныхъ приемахъ. Рассказываютъ, что одинъ англійскій министръ во Флоренціи, въ отчаяніи отъ докучливости своихъ соотечественниковъ, представилъ ихъ гуртомъ герцогу тосканскому во дворцѣ, сказавъ его высочеству: «вотъ г. Смитъ и девяносто девять его пріятелей.» Вездѣ слышенъ говоръ на англійскомъ или на ломанномъ по-англійски иностранномъ языкѣ. Но они все время рассуждаютъ о своихъ политическихъ дѣлахъ, и особенно о томъ, устоитъ ли министерство или нѣтъ, и мысли о родномъ жилищѣ не уходятъ никогда у нихъ изъ сердца. Тамъ все идетъ, или лучше сказать, тамъ все пребываетъ по старому, при постоянныхъ частныхъ измѣненіяхъ. Тамъ заводятся новыя, неизвѣстныя еще растенія, новыя постройки, но измѣненія относятся вообще въ такой пропорціи къ неизмѣнному, какъ въ англійской конституціи, гдѣ, говоритъ Маколей, при всѣхъ переворотахъ всегда три четверти стараго остается. Когда приходитъ срокъ рыбной ловли, тогда по всѣмъ ручьямъ и горнымъ источникамъ ходятъ охотники ловли съ удочкою въ рукахъ. Эта ловля не въ родѣ извѣстной въ Россіи, на червяка съ поплавкомъ, а съ искусственною мухою, которую ловець закидываетъ въ воду и спускаетъ по ея теченію. Поэтому надо безпрестанно вынимать и закидывать уду, и рыба попадаетъ въ этомъ короткомъ промежуткѣ времени. Знаменитый Валтонъ, лучший руководитель въ искусствѣ уженія, и его книжка даютъ охотникамъ понятіе о сильномъ біеніи, происходящемъ въ груди ловца, когда пятнадцатифунтовая лососина клонула, и погибаетъ уду въ дугу. Объ охотѣ ружейной есть также книжки. Разведено дичи въ такихъ

большихъ размѣрахъ, въ слѣдствіе строгаго наблюденія законовъ и правъ собственности, что изобиліе оной удивительно. Одинъ охотникъ убиваетъ въ день до ста пятидесяти куропатокъ, и проходить пѣшкомъ за ними отъ двадцати до тридцати верстъ въ одно утро. Рыцарская псовая охота на лисицъ доступна однимъ самымъ ловкимъ и смѣлымъ вѣдокамъ, довольно притомъ богатымъ, чтобы содержать лошадей, охотничьихъ hunter, передвигающихся черезъ всякія полевые препятствія. Самая стая содержится по подпискѣ цѣлаго клуба или общества, подъ предводительствомъ одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ округъ. Этотъ краткій намекъ на нѣкоторыя изъ полевыхъ занятій, къ которымъ Англичане такъ пристрастны, не излишенъ при рѣчи объ ихъ помѣстьяхъ. Но большая часть ихъ времени посвящена умственнымъ занятіямъ, которымъ тишина уединенныхъ въ паркахъ домовъ особенно благопріятствуетъ. Въ дворянскомъ спискѣ «despage» находятся имена не только генераловъ, адмираловъ, министровъ, но и поэтовъ, философовъ, химиковъ, астрономовъ. The lake poets—озерные поэты, такъ названы отъ расположенія ихъ дачъ въ окружности Кумберландскихъ озеръ въ сѣверной Англіи. Newstead abbey принадлежало Байрону, посвятившему нѣсколько строкъ прекрасной обители своихъ предковъ; но онъ не входитъ въ число домовитыхъ авторовъ. Его пылкій, печальный характеръ влекъ его далеко отъ семейства, съ которымъ онъ не ладилъ, и смерть постигла его въ Греціи въ молодости. Абботсфордъ былъ любимымъ жилищемъ Вальтеръ-Скотта, который, скрывая въ глубокой тайнѣ сочиненіе своихъ романовъ, проводилъ все свободное время въ готическомъ замкѣ, выстроенномъ имъ самимъ на берегахъ исторической и прославленной въ пѣсняхъ рѣки Tweed. Здѣсь онъ писалъ, здѣсь принималъ охотно гостей, и очаровывалъ ихъ своею бесѣдою, въ которой нельзя было не узнавать автора безыменныхъ романовъ, читаемыхъ цѣлымъ свѣтомъ. Изъ бывшихъ гостей нѣкоторые еще живы, и пока они живы, не забудутъ его увлекательныхъ, то забавныхъ, то трогательныхъ разсказовъ и восторженнаго чтенія наизусть стиховъ современнаго поэта, или шотландской баллады. Съ какою радостью онъ опускалъ глаза на того, который уже зналъ этотъ стихъ и цѣнилъ его значеніе. На гуляньи по роцамъ, имъ посаженнымъ, или въ столовой, за сигаркой послѣ обѣда, разговоръ не прекращался, и всѣ въ немъ участвовали, потому что онъ умѣлъ навести всякаго на люби-

мый его предмет. Онъ говорилъ, что онъ не встрѣчалъ тако-го челоуька, отъ котораго нельзя было бы научиться чему нибудь. Онъ ошибался, можетъ быть, отъ большой описходительности на счетъ людей, съ которыми обращался, и описываетъ иногда въ своемъ дневникѣ, какъ особенно умныхъ, такихъ людей, которые другимъ, и внѣ общества поэта, показывались самыми обыкновенными людьми, или блѣдными подражателями самому волшебнику. Бывали иногда у аббатсфордскихъ гостей минуты тяжелыя. Это бывало въ тѣ часы, когда поэтъ еще не являлся. Ходя по берегамъ рѣки и глядя на замокъ, случалось имъ размышлять: что будетъ съ этимъ мѣстомъ, нынѣшней на-стерскою геніа, когда самага геніа не станетъ? Печальныя предчувствія обились, какъ знаютъ теперь всѣ, читавшіе жизнеописание Вальтеръ-Скотта, писанное его зятемъ Локкартемъ. Ни-кой сынъ не понималъ такъ своего отца, какъ этотъ зять по-нималъ и обожалъ своего тестя. Онъ описалъ вою его, пово-ненную литературною деятельностью жизнь, разореніе отъ бан-кротства его книгопродавца, и наконецъ смерть въ этомъ самомъ Аббатсфордѣ. Всѣ его дѣти скоро за нимъ умерли; его помѣстье перешло въ другой родъ, и одна его внучка еще ос-тается въ живыхъ. Правду сказалъ биографъ въ своей книгѣ, которая трогательно всякаго романа, что семейства подворже-ны такой же колдоватности, какъ и государства, что они так-же возникаютъ, блаженствуютъ, борются съ несчастіемъ и упа-даютъ.

Многіе говорятъ о пріятномъ препровожденіи времени въ го-сподскихъ помѣстьяхъ, *vie de chateau*, но едва ли гдѣ нибудь, кромѣ въ Англіи, можетъ быть и въ Австріи, имѣютъ настоящее понятіе объ этомъ образѣ жизни. Кто воображаетъ себя, что онъ состоитъ въ безпрестанномъ соединеніи домашнихъ и го-стей въ обществѣ съ утра до вечера, за биліардомъ, за прогул-ками, играми, представленіемъ шарадъ, и выдумкою разнаго рода шалостей, мистификацій и шаржавій для общаго увесе-ленія, тотъ совершенно ошибается на счетъ характера до-машней жизни въ англійскихъ помѣстьяхъ. Нѣтъ ничего скуч-нѣе такой постоянной гонки за удовольствіемъ, нѣтъ также притворства тягостнѣе старанія казаться веселымъ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ умираешь со скуки, нѣтъ наконецъ ни-чего несноснѣе для всѣхъ, безпрерывнаго старанія другъ дру-га увеселять. Но это все не входитъ въ составъ англійскаго

гостепріимства, которое, при всемъ своемъ благоволеніи къ пріѣзжимъ, сохраняетъ однако все достоинство и приличіе семейной жизни. Звонъ колокола сзываетъ около 10 часовъ утра всѣхъ, и домашнихъ и чужихъ къ чаю, среди которыхъ бываетъ во многихъ домахъ обычай, что отецъ семейства или хозяинъ читаетъ всему обществу главу священнаго писанія и молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Въ Англіи эти молитвы читаются изъ молитвенника, *book of common prayes*, сохранившаго литургію и многія молитвы нашего молитвенника. Въ Шотландіи хозяинъ читаетъ молитву собственнаго сочиненія о благословеніи всѣхъ присутствующихъ и дарованіи имъ жизни благосчастливой, полезной и благополучной. Въ некоторыхъ домахъ имѣютъ обыкновеніе кончать также вечеръ общественною молитвою, но это не встрѣчается такъ часто, какъ утренняя молитва. По воскресеньямъ всѣ, со включеніемъ служителей, собираются въ домашнюю церковь, когда таковая есть, а при неимѣніи ея, въ столовой, для слушанія молитвъ и чтенія, произвѣждаемаго также хозяиномъ дома. За чаемъ нѣтъ никакой церемоніи. Всякій садится, какъ попадется, за общимъ столомъ, и если онъ недоволяется чаемъ, кофе и ягодами, онъ обращается къ боковому столу, на которомъ разставлены болѣе солидныя яства. После этого завтрака, всѣ расходятся въ разныя стороны. Кто идетъ стрѣлять, кто рыбу удить, кто въ свою комнату или въ библіотеку писать письма. Библіотека составляетъ всегда одну изъ комнатъ гостинныхъ и всѣмъ доступныхъ. Два звонка объявляютъ о приближающемся часу обѣда, изъ нихъ первый призываетъ къ туалету, второй къ собранію въ гостинную. Мужчины одѣты во фракахъ и въ башмакахъ съ шелковыми чулками; дамы одѣты въ вырезныхъ платьяхъ—*décolletés*. Такъ по-крайней-мѣрѣ бывало нѣтъ двадцать тому назадъ. Большаго безпорочства нѣтъ отъ такового платья, такъ какъ обѣдъ бываетъ поздно, и вечеръ проводится не выходя изъ дома. За обѣдомъ дамы сидятъ до конца десерта, и уходятъ въ это время въ гостинную, оставляя кавалеровъ, которые продолжаютъ сидѣть за столомъ и разговаривать за рюмкою лафита (*claret*) и сигаркой. Науки, литература, богословіе и современныя политическія происшествія составляютъ предметъ разговора, который длится часъ или два, и прекращается обыкновенно тѣмъ, что хозяинъ, видя, что гости вяло передвигаютъ бутылки (*pass the bottle*), предлагаетъ имъ присоединиться къ дамамъ, собраннымъ въ гостинной. Вечеръ про-

водится такимъ образомъ въ полномъ обществѣ всѣхъ домашнихъ и пріѣзжихъ, въ разговорахъ, въ танцахъ или въ слушаніи музыки, которая довольно пріятна, когда одинъ кто нибудь поетъ за клавикордами или за арфою народныя баллады, но бываетъ невыносимо дурна, когда нѣсколько лицъ принимаются хоромъ за ораторію. Вечера бываютъ очень веселы и даже шумны, нѣтъ ни какой принужденности между членами общества, пока окончательно не разойдутся на ночлегъ. Въ двѣнадцать часовъ приносятъ въ гостиную подносъ съ устрицами и вигусомъ (напиткомъ изъ портвейна съ горячей водой, сахаромъ и корицей). Это называется ужиномъ и вслѣдъ за нимъ все желаютъ другъ другу пріятную ночь, каждый беретъ свѣчку и идетъ въ свою спальню. Время посѣщенія въ деревни длится розно, смотря по отношеніямъ между людьми, и по выраженію, употребленному въ приглашеніи. Просятъ къ себѣ и на нѣсколько дней, и на время рыбной ловли, и на стрѣльбу. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ гостятъ цѣлый мѣсяцъ и до шести недѣль, въ первомъ отъ 2 до 10 дней. Къ Рождеству преимущественно, Англичане спѣшатъ въ помѣстья—to the country, и дома ихъ полны домашнихъ и пріятелей. Мальчики возвращаются домой изъ учебныхъ заведеній, министры, члены парламента, адвокаты, судьи, офицеры, все почти члены высокаго общества оставляютъ столицу и ѣдутъ въ деревню—for the holidays. Угощенія особенно изобильны къ этому времени года. Домашніе служители получаютъ усиленную порцію говядины и пива, и значительные вельможи даютъ обѣды своимъ фермерамъ, и балы, на которыхъ дѣти господскія и служительскія веселятся безъ разбора чиновъ.

Чтобы дать нашей статьѣ нѣкоторый интересъ современности, мы приведемъ замѣчанія извѣстнаго американскаго республиканца о томъ же предметѣ *. Онъ очень золъ на все остатки феодальныхъ учреждений, говоритъ, что родоначальники, и то мнимые, англійскихъ фамилій, были норвежскіе морскіе разбойники, и что нормандскіе дворяне только переименованные Норвежцы, и совѣтуетъ отложить въ пыльный архивъ титулы и гербы, какъ парики, пудру и румяны, могущіе быть по вкусу однимъ дикарямъ Полинезіи. Ему очень нравится насмѣшка, по нашему мнѣнію, довольно пошлая, доктора Джонсона, что въ правахъ первородства одно то хорошо, что при нихъ не выходитъ болѣе одного дурака по-фамильно. Развратъ придворныхъ въ по-

* English Traits by R. W. Emerson 1857.

слѣдніе года Стюартовъ даетъ ему справедливый поводъ къ негодованію. Изъ современныхъ вельможъ онъ считаетъ многихъ щеголями и жокеями, и наконецъ призываетъ общія насмѣлки на надменность герцога Веллингтона и другихъ лордовъ, которые, на данныхъ у себя въ домъ концертахъ, отдѣляли бичевой особенное мѣсто въ комнатахъ артистамъ M-me Grisi и Mario. Но этотъ самый республиканецъ, слѣдуя уже упомянутому выше обычаю новѣйшей школы, описывать объ стороны лица и предмета, пишетъ еще слѣдующее:

«Феодальный характеръ англійскаго, нынѣ обветшавшаго правленія, противенъ нашему демократическому направленію умовъ. Впрочемъ я думаю, что всякій путешественникъ скажетъ какъ я: хорошо было попасть сюда, пока это все еще существуетъ. Неравенство во власти и собственности очень оскорбительно всякому республиканцу. Народъ вѣренъ и преданъ (loyal) по вкусу, но въ вліяніемъ блеска именъ и обходительности лордовъ. Установленный образъ правленія, поддерживаемый старинными имениями, согласный съ самыми старинными преданіями въ мірѣ для народа, мечта (a vision) такая пріятная, что при ней можно вытерпѣть и нѣсколько несправедливыхъ вещей. Надежды плебеевъ направлены въ ту же сторону съ интересами патриціевъ. Каждый богатыя закупаетъ земли, и стараясь попасть въ люди, уже беретъ сторону вельможъ. Время и законъ, университеты и народныя пѣсни поддерживаютъ аристократію, которую однако современная политика подрываетъ. Большія помѣстья не беззаботны (no sinecures), если ихъ поддерживаютъ. Для великолѣпія нужна экономія, какъ топливо для паровика. Народный вкусъ Англичанъ не призываетъ ихъ ко двору, но къ устроению своихъ деревенскихъ независимыхъ жилищъ. По пословицѣ: въ пятидесяти мѣляхъ отъ Лондона живутъ столѣтнія фамиліи, во сто мѣляхъ двухсотлѣтнія, и т. д. но я полагаю, что паровая сила, сокрушительная равно для времени и пространства, разстроитъ эти устарѣлыя правила. Объ одной герцогской фамиліи въ исторіи сказано, что она прожила на томъ же мѣстѣ четыреста лѣтъ безъ стыда, а не то, чтобъ со славой. Въ этой въковой привязанности фамилій къ одному мѣсту, рождается связь между лицами и мѣстами. Нѣтъ преданія стариннѣе и благозвучнѣе самаго имени, этой ближайшей къ тѣлу рубашки. Лорды не называютъ свои помѣстья по своимъ именамъ, а себя самихъ по помѣстьямъ. Скалы Аргайльскія, равнины Девоншира, глина Стаф-

барда не забываютъ, кто на нихъ родился, и имъ не забыть. Они его обязываютъ къ чести. Сохранность помѣстій обезпечена не только любовью къ нимъ помѣщиковъ, но и благосостояніемъ помещающаго. Мирабо писалъ пророчески въ 1784 году, что англійскій помещикъ не то, что французскій, и защититъ своего барина до послѣдней капли крови. Англичане выказываютъ свою щирность въ имѣніяхъ, а Французы прожигаютъ свои деньги при двери, и только за экономіей вздять въ свои имѣнія.

«Большая дорога проходитъ двадцать три мили (30 верстъ) по одному имѣнію герцога Кливландъ, сто милей (125 верстъ) по имѣнію маркиза Бредольбена, въ прямую линію отъ его замка до моря. Эти просторныя владѣнія находятъ собою место въ узенькой Англій, и еще увеличиваются, какъ доказывается тѣмъ, что въ 1786 году было 250,000 помѣщиковъ, а въ 1822 году только 32,000; народъ все стекается болѣе къ порабельнымъ вероямъ, фабрикамъ и рудникамъ, гдѣ шумъ промышленности съ каждымъ годомъ увеличивается.

«Лорды получаютъ черезъ политическое значеніе на роднѣ большое уваженіе во всей Европѣ, и когда ихъ чувства отячаютъ ихъ сану, они являютъ лучшіе примѣры благороднаго поведения. Ихъ обхожденіе отзывается благотворительной властью — *le talent de bien faire* *. Они не могутъ скрыть въ себѣ этой силы, и никто ся не осморяетъ. Ихъ величіе обнаруживается въ простотѣ и обыкновенномъ спокойствіи.

«Вѣрность и преданность (*loyalty*) нижній слой англійскихъ правовъ (а *subreligia*), учтивость главная связь ихъ общества, и чувство собственнаго достоинства лучшій поводъ къ наблюденію политическихъ отношеній между людьми.

«Я гляжу съ почтеніемъ на дома, стоявшіе девятьсотъ лѣтъ, какъ Варвикъ. Я прощаю заборы, когда вспоминаю, что въ нихъ предѣлахъ хранятся не только олени и фазаны, но и коллекціи Арундельскихъ мраморовъ, картинъ, деревныхъ вазъ, рѣкошней, монастырскіе хоромы, тысячелѣтніе дубы, и цоронъ животныхъ, исчезнувшихъ въ другихъ странахъ свѣта. Эти лорды завербованы своею гордостью быть казначеями и библиотекарями человеческого рода.

«Но этого мало. Они выучили насъ садоводству и земледѣлію, они завели овчарни, дренажъ, разсадъ лѣсовъ, они усво-

* По французски въ подлинникѣ.

вероятствовало почву, и шесть миллионѣвъ людей живутъ теперь въ увеличенномъ довольствѣ тамъ, гдѣ жило прежде только три миліона. Портреты добраго герцога Гумфрей, Нортумберланда, и Тальбота написаны въѣрмо Шежсонромъ. Эти портреты и другіе, написанныя нозже, не украшены, и похожи на своихъ подлинниковъ.»

Мы видимъ, что Американецъ не осуждаетъ всего, что онъ даже до того забываетъ, что сочувствуетъ многому. Потомукъ англійской фамиліи, онъ не могъ искоренить изъ себя всѣхъ вкусовъ, преобладающихъ въ нервной его родинѣ. Попродомъ вощей нами описанный, найдеть можетъ быть мнѣе сочувствія между нашими читателями, чѣмъ за Атлантическимъ моремъ. У насъ нѣтъ феодальныхъ воспоминаній, и въ нашихъ понятіяхъ деревенская жизнь и великолѣпію не совмѣстныя вещи. Однакожъ въ царствованіе великой Екатерины, возникло у насъ несколько богатыхъ помѣстій. Княжескія фамиліи Ланукиныхъ, Воронцовыхъ, Барятинскихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Кочубеевъ, Бѣлосельскихъ, Юсуповыхъ имѣютъ истинно вельможескія помѣстья. Дачи на южномъ берегу Крыма, устроенныя на омыхъ очаровательныхъ мѣстахъ, не уступаютъ никакимъ на свѣтѣ по природной красотѣ своего мѣстоположенія. Нѣкоторыя подмосковныя отличаются своимъ устройствомъ, и обязаны своему создателю съ древней столицей тѣмъ преимуществомъ надъ болѣе отдаленными имѣніями, что помѣщики навѣщаютъ ихъ часто, и проводятъ въ нихъ по нѣсколькѣ мѣсяцевъ лѣта. Въ шель подмосковныхъ, Марино возобновлено съ богатствомъ и нусомъ покойнымъ графомъ Иваномъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. Но много помѣстій самыхъ прекрасныхъ, каковы Гатчино князей Орловыхъ, Островъ графа Орлова-Чесменскаго, Батурино, Петровское-Разумовкое, и Горшки Разумовскихъ вышли изъ рода первыхъ своихъ дачниковъ, и были куплены казною или частными спекулянтами. Нѣкоторыя помѣстья, принадлежащія еще тѣмъ же фамиліямъ, запущены или передѣланы въ фабрики. Раздѣлы имѣній по равнымъ частямъ между наследниками препятствуютъ, не только устройству новыхъ большихъ заведеній, но и приличной поддержкѣ старыхъ. Нѣкоторыя однако поддерживаются съ благоговѣніемъ живущими въ нихъ семействами. Они обильны воспоминаніями не политическими, но домашними. Здѣсь совершился бракъ сына, здѣсь отпраздновано много веселыхъ праздниковъ, здѣсь покоятся предки, и

возлѣ нихъ должны лечь въ свое время потомки. Устарѣлые служители, доживающіе на поковъ вѣкъ свой, рассказываютъ молодымъ господамъ, какъ ихъ родители вели дѣла, и ихъ совѣты бывають иногда драгоцѣнны. Хотя одинъ, передъ закопомъ, всему имѣнію хозяинъ, но многіе живутъ подъ его крышей, какъ подъ своей. Самыя домашнія животныя наслаждаются чувствомъ собственности. Собаки лежатъ на дворѣ и машутъ хвостомъ всвѣкъ своимъ пріятелямъ, отъ господина до поваренка, и верховыя лошади, отпущенныя съ вѣды безъ проводника, идутъ себѣ однѣ въ стойла. Большая прелесть въ этихъ мѣстахъ, и образъ жизни не бесполезной, при натуральномъ въ такомъ мѣствѣ желаніи устроить вокругъ себя все къ лучшему, и не оставлять за собою дурной памяти послѣ смерти. Нельзя сказать, чтобы литература благоволила къ помѣщикамъ, Пушкинъ осмивалъ ихъ въ графѣ Нулинѣ, Гоголь окарикатурилъ ихъ, Державинъ писалъ оды придворнымъ и государственнымъ людямъ, но не обратилъ вниманія на вельможъ, живущихъ въ деревнѣ, если таковыя и были въ его время.

Не смотря однако на такое расположеніе умовъ, и на предпочтеніе, оказываемое у насъ вообще столичной жизни передъ сельскою, замѣтно, что вліяніе (*prestige*) нѣкоторыхъ именъ большихъ поземельныхъ владѣльцевъ не утратилось въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ вотчины находятся, хотя они сами тамъ не живутъ. Имена графовъ Шереметева и Строгановыхъ пользуются на Волгѣ большимъ и заслуженнымъ уваженіемъ, переходящимъ отъ господъ на самихъ крестьянъ, имъ подчиненныхъ. Представители этихъ фамилій въ томъ убѣдятся, когда съѣздятъ на Нижегородскую ярмарку, и провдуть по рядамъ желѣзныхъ издѣлій и красныхъ товаровъ, гдѣ множество промышленцевъ людей, благоденствующихъ подъ щедрымъ покровительствомъ этихъ знаменитыхъ фамилій. Имена Демидовыхъ не менѣе извѣстны въ Пермской губерніи, Бѣлосельскихъ и Пашковыхъ въ Оренбургской, Браницкихъ въ Кіевской, Апраксиныхъ въ Орловской. Это вліяніе должно приписать благодѣтельному дѣйствию умѣренныхъ сборовъ, возможныхъ только при значительныхъ имѣніяхъ, а вліяніе собственно помѣщичьяго лица, возможно только тамъ, гдѣ онъ самъ и его семейство имѣють постоянное пребываніе.

Въ числѣ богатыхъ помѣщиковъ, живущихъ постоянно въ Петербургѣ, нѣкоторые, тратящіе только часть своихъ доходовъ,

и накаплиющіе капиталы, считаются, по нашему мнѣнію, ложно хорошими хозяевами. Ихъ капиталы не обращены въ пользу роднаго края, изъ котораго происстекли. Они лежатъ въ банкъ, или пущены въ оборотъ на спекуляціи, на постройку доходныхъ домовъ, или въ ссуду подъ залогъ имъній. Нѣкоторые слѣдятъ въ газетахъ за состояніемъ цѣнъ иностранныхъ фондовъ, и пользуясь оскуднѣніемъ денегъ за границей, бросаюся въ биржевую игру. Еслибъ часть этого капитала была прожита въ господскихъ имъніяхъ, она способствовала бы къ усиленію промышленности въ родномъ краю. Помѣстья, въ которыхъ помѣщикъ и его семейство постоянно живутъ, не принадлежатъ къ разряду недвижимыхъ имъній, которыя сегодня закладываются въ банкъ, а завтра продаются въ видахъ болѣе выгоднаго употребленія капитала. Помѣстья, освященные памятью прожившихъ въ нихъ нѣсколькихъ поколѣній, слишкомъ дороги сердцу, чтобъ ихъ возможно было продавать изъ денежныхъ расчетовъ, развѣ по самой крайней необходимости. Они составляютъ святыню, какъ отечество, отъ котораго никакой человѣкъ, не лишешій всякаго высокаго чувства, не можетъ отказаться. Но, какъ сказано выше, разныя обстоятельства въковаго дѣйствія препятствовали размноженію въ Россіи большихъ господскихъ заведеній. Изъ тѣхъ, которыя не такъ давно существовали, нѣкоторыя уже сравнились съ землей. Въ деревняхъ опытный глазъ можетъ узнать по куртинамъ лигъ, стоящихъ за крестьянскими избами, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда была господская усадьба, не оставившая за собою никакого другаго слѣда. Сперва вынута была, вѣроятно, самими господами самая дорогая движимость: портреты, мебель; за тѣмъ оконныя рамы, двери, замки, петли, гвозди растасканы были мужиками, наконецъ самыя стѣны погнили, или были употреблены въ топливо. Дѣло разрушенія и упадка какъ-то очень у насъ быстро, и суровость климата не столько тому причиною, сколько непостоянство людей. Предки будто бы не завѣщали цѣли настоящему поколѣнію, которое, не будучи связано само ничѣмъ, въ свою очередь не связываетъ потомство. Мало однако благотельныхъ хозяйственныхъ предприятий, которыя бы могли созрѣть во время жизни одного поколѣнія. Устройство, напримѣръ, лѣсовъ требуетъ стольнлаго періода наблюденія одной и той же порубочной системы. По многимъ другимъ отраслямъ хозяйства нужно пожертвованіе капитала, въ видахъ возврата не въ близкомъ будущемъ. Если мы

не привязаны къ мѣстности по воспоминаніямъ, намъ должно бы изъ ней привязаться по-крайней-мѣрѣ изъ расчета, для будущей пользы нашихъ семействъ и отечества. Въ Англій старое не умираетъ, въ Россіи новое не доживаетъ до старости.

Дворяне, удержанные обязанностью службы въ Петербургѣ, привыкаютъ проводить лѣто на дачахъ въ городскихъ окрестностяхъ, разводять гесоргинны въ миниатюрныхъ садахъ, и слушать музыку оркестровъ и цыганъ въ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ. Тамъ болѣе людкости, и, по мнѣнію некоторыхъ людей, даже болѣе безопасности для жизни, и много болѣе спокойствія, чѣмъ въ большомъ отдаленномъ отъ столицы помѣстьѣ. Таковыя помѣстья дѣйствительно уступаютъ часто своимъ убранствомъ ничтожнымъ Петербургскимъ дачамъ. Причина тому—рѣдкое пребываніе въ нихъ господъ, и недоступность помѣстій, отдаленныхъ не только отъ столицъ, но по большей части и отъ шоссеиныхъ дорогъ. Живущій же у себя помѣщикъ, долженъ отказываться отъ всякаго общества, и знаетъ по опыту, какъ мало можно полагаться на постоянно возобновляемыя обѣщанія пріятелей посвятить его въ будущее лѣто. Комнаты для гостей всегда готовы: куда рѣдко онъ занятъ! Такимъ образомъ помѣщики лишены одного большаго побужденія украшать мѣстность, которую никто не навѣщаетъ. Одинъ постоянный сосѣди—крестьяне, роищутъ, если имъ не дозволено будетъ проходить и проѣзжать во всякое время по паркамъ, когда парки расположены поперекъ ближайшей дороги отъ деревни до деревни. Вообще парки не обгорожены у насъ стѣнами, и мимоходящіе любятъ захаживать въ нихъ и оставлять въ видѣ визитной карточки какую нибудь пакость, напримѣръ срубить молодое дерево, или бросать въ прудъ склянку, или отломать украшеніе въ бесѣдкѣ. Становые любятъ прогромѣть съ колокольчиками по господскому двору или по парку и напоминать о своей важности, и мужики бродятъ кругомъ съ ружьями, стрѣляютъ во всякую дичь и истребляютъ ее безпринятственно. Хорошо, еслибы помѣщики ладили между собою для устройства общей полиціи, улучшенія дорогъ, учрежденія больницъ и другихъ полезныхъ цѣлей. Увы! этого нѣтъ. Большой помѣщикъ прозывается сосѣдами аристократомъ, а малые считаются у большихъ демократами. Этотъ обманъ пріятнѣй, вообще ложно данныхъ, а часто не вноднѣ помятыхъ, очевъ достоинъ сожалѣнія, и удаляютъ другъ отъ друга людей, до-

стойныя взаимнаго уваженія. Хотя бы были у людей разные взгляды на тѣ же предметы, это не должно было бы вести ихъ къ страсти и непріязненнымъ сужденіямъ. Ни демократы, ни аристократы не должны быть судимы по недостаткамъ, которые имъ приписываются, ни по тѣмъ даже, которые действительно вышлагаются въ болѣе высокія качества. Тотъ, напримеръ, не есть добросовѣстный демократъ, кто возбуждаетъ народныя страсти, кто говоритъ, что богатство малаго числа есть разореніе многихъ, что равенство должно преобладать на земли, что покорность есть слабость, и что религія есть одна вымысль богатыхъ для усыпленія въ покорности недостаточныхъ. Точно также вельможа, хотя бы съ самымъ высокимъ именемъ, который считаетъ народъ однимъ орудіемъ удовольствія верхняго класса, кто собираетъ весь доходъ съ имѣнія, не употребляя никакой части въ пользу самихъ рабочихъ, кто тратитъ свой доходъ за границами своего отечества, или въ самой столицѣ, что немного лучше, или даже въ деревнѣ, тяготя на крестьянъ, кто находитъ, что опасно провѣщать народъ, кто разсуждаетъ, что прегрѣшенія дворянъ должны быть прикрыты и негласно обсуждены во избѣжаніе облазна, кто о самой религіи думаетъ, что одна зря для господъ, а другая для престолюдина, и что мужикъ можетъ исповѣдываться священнику съ бородой, а что дворянинъ можетъ обращаться за совѣтами по произволу къ аббату или къ пастору, или обходиться вовсе безъ всякаго духовнаго наставленія. Тотъ вельможа не есть аристократъ. Оба вредятъ націямъ, къ которымъ они ошибочно думаютъ, что принадлежатъ. Напротивъ, желающій искренно *народнаго блага* — и желающій управленія обществомъ, посредствомъ власти *лучшихъ людей*, могутъ быть друзьями и работать въ одномъ виноградникѣ. Такія мысли со временемъ разойдутся болѣе и много смягчатъ взаимныя расположенія людей. Мы считали не излишнимъ выразить ихъ въ окончаніи нашего очерка вѣковыхъ англійскихъ помѣстій.

Не можемъ не примолвить, въ видѣ постъ-скриптума къ оконченной статьѣ, нѣкоторыя надежды, что съ распространеніемъ между нами просвѣщенія и благосостоянія во всехъ классахъ, послѣдуетъ большее противъ настоящаго сближеніе въ Россіи господъ съ крестьянами, и что помѣщики найдутъ не только пользу, но и наслажденіе въ продолжительномъ пребываніи въ своихъ имѣніяхъ. Благотворительность не найдетъ нигдѣ столь обширнаго поля для дѣйствій, ни болѣе благодарной почвы. Самыя

потребности и прихоти роскоши, когда онъ удовлетворяются во вольной торговой цѣнѣ, должны обогащать окружность, и чѣмъ болѣе онъ переведутся изъ городовъ въ сельскія жилища вельможъ, тѣмъ лучше будетъ для поселянъ. Мы не въ состоянн импровизировать готическіе замки, богатые картинныя галлерей, мѣстныя воспоминанія о временахъ намъ неизвѣстныхъ. Мы живемъ со временемъ и замки, и галлерей, и мѣстныя воспоминанія, но мы уже съ нынѣшняго дня свободны начать образъ жизни самый пріятный для сердца, самый выгодный для кошелька, самый достойный для челоуѣка, не хотащаго жить вотще, самый благоразумный во всѣхъ отношеніяхъ, ибо ничье уваженіе, ничье довѣріе, ничья любовь не нужны никому изъ насъ столько, сколько уваженіе, довѣріе и любовь ближайшихъ къ намъ.

Пусть насъ уважаютъ русскіе, пусть намъ довѣряютъ люди, видящіе насъ каждый день, пусть насъ любятъ крестьяне, для насъ работающіе. Дѣло будущаго писателя описать Россійскія господскія повѣстия, изъ которыхъ распространится на окружность благосостояніе, примѣръ справедливости, благочестія, порядка. Дай Богъ, чтобъ онъ, переходя отъ подробностей къ общему характеру народонаселенія, могъ разсказать, какъ дороги устроились тамъ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ, какъ гибельныя падежи прекратились, какъ лѣса стали сохраняться, какъ крестьяне стали обогащаться, какъ языкъ правдивый и искренній водворился между крестьянами и господами. Дай Богъ, наконецъ, чтобы онъ могъ сказать, какъ современный Августу римскій историкъ о своемъ отечествѣ: «о, счастливая страна, гдѣ всѣ покорные закону благоденствуютъ!»

ГРАФЪ ОРЛОВЪ-ДАВЫДОВЪ.

О П Е Ч А Т К И:

Поправки къ статьѣ подъ заглавіемъ: «О самозванцахъ», по поводу селенія П. Мериме: „Episode de l'histoire de Russie—les faux Démétrius“.

Напечатано:

Читай:

Стр. 2. Три европ. ученые

Зап. европ. ученые

Стр. 17. произведеніе.

воспроизведеніе.

Стр. 29. humble

humble

Стр. 39. менсис

menius

— — ся

ся

— — сесацке

сесацкес

Стр. 42. послѣ словъ—безъ сомнѣнія—пропущено: изъ уваженія къ имени

Ивана Грознаго

Стр. 43. откровенныя

сокровенныя

Стр. 53. дамъ

дагъ

КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на основы, значеніе и приемы современной критики искусства.

(Посвящено А. Н. Майкову.)

Die im innern des Bewusstseyns wieder aufstehenden und als theogonisch sich erweisenden Mächte, können keine anderen als des erzeugenden selbst seyn.

Шеллингъ.

I.

Критику нашу, и въ особенности критику послѣдняго двадцатилѣтія, упрекали, отчасти не безъ основаній, въ длинныхъ разсужденіяхъ по поводу явленій, очень часто маловажныхъ или по-крайней-мѣрѣ гораздо менѣе важныхъ, чѣмъ вопросы, поднимаемые длинными разсужденіями.

Между тѣмъ, — весьма странное обстоятельство! — какъ ни дивны были эти предисловія, какъ, по-видимому, ни важны были вопросы, которые такъ или иначе поднимала, затрогивала, разрѣшала критика, — досель еще невозможно избѣжать новыхъ, не менѣе длинныхъ предисловій, новыхъ разсужденій о новыхъ, ежеминутно возникающихъ вопросахъ, за чтобы ни взялась въ настоящую минуту критика. Замѣчательно, что оговорки, въ родѣ того, что о такомъ-то произведеніи нечего сказать болѣе сказаннаго уже критикою сороковыхъ годовъ или ссылки на прежнія статьи, встрѣчаемы были съ одинаковымъ негодованіемъ всеми серьезными литературными направленіями.

Я говорю это не о такихъ критическихъ статьяхъ, которыя пишутся о произведеніяхъ первостепенныхъ въ нашей словесности. Въ первостепенныхъ произведеніяхъ всякой словесности, а стало быть и нашей, сколь ихъ въ ней ни мало, есть та неувядающая красота, та прелесть вѣчной свѣжести, которая будитъ мысль къ новой дѣятельности, къ новымъ размышленіямъ о жизненныхъ вопросахъ, къ новымъ проникновеніямъ въ тайны художественнаго творчества. Въ созерцаніи первостепенныхъ, т. е. *рожденныхъ*, а не *дѣланныхъ* созданій искусства, можно безъ конца потеряться, какъ теряется мысль въ созерцаніи жизни и живыхъ явленій. Какъ *рожденные* и притомъ рожденные лучшими соками, могущественнѣйшими силами жизни, они сами порождаютъ и вѣчно будутъ порождать новые вопросы, о той же жизни, которой они были цвѣтомъ, о той же, въ которую они бросили сѣмена. Безконечныя и неизслѣдимыя проявленія силы творческой, они не имѣютъ дна, они глубоки и вмѣстѣ прозрачны: за ними есть еще что-то безпредельное, въ нихъ сквозитъ ихъ идеальное содержаніе, вѣчно какъ душа человѣческая; ихъ не исключить изъ общей цѣпи человѣческихъ созерцаній, какъ не исключить изъ общей цѣпи судебъ чловѣчества ту жизнь, которую они отразили въ вѣчномъ типѣ и съ которой связаны они сплетеніемъ тончайшихъ нервовъ. Ихъ значеніе въ міровой жизни столь же велико, какъ значеніе ея самой, и нечему удивляться, что они могутъ служить предметомъ постоянныхъ и во всякое время имѣющихъ значеніе и важность созерцаній мысли: какъ художественныя отраженія неперемѣннаго, кореннаго въ жизни, они не умираютъ: у нихъ есть корни въ прошедшемъ, вѣтви въ будущемъ. Я не о нихъ говорю, а говорю о второстепенныхъ, о третьестепенныхъ явленіяхъ, порождаемыхъ уже не столько самою жизнью, сколько первостепенными созерцаніями искусства, разъясняющихъ, развивающихъ въ подробномъ, такъ сказать, мѣтническомъ анализѣ, тотъ цѣльный, непосредственный и сжатый синтезъ новыхъ отношеній мысли къ жизни, который дается таинственнымъ откровеніемъ великой, художественной силы. Какъ части огромной распавшейся планеты, они образуютъ новые міры: міры эти живутъ и, какъ все живое, озаряются мыслью.

Отсюда и происходитъ то, что никакое явленіе словесности или, лучше сказать, письменности, не можетъ почти никогда быть разсматриваемо въ одной его замкнутой отдѣльности; я сказалъ:

письменности, потому что часто и дюжинныя произведенія возбуждаютъ въ мыслителя вопросы, весьма важныя своею связью съ органическими плодами жизни. Отразило произведение дѣйствительныя, живыя потребности общественнаго организма — вы, конечно, уже задаете себѣ вопросы о значеніи этихъ потребностей; выразило оно собою насильственныя и болѣзненныя напряженія или наносныя, извнѣ пришедшіе и искусственно привитые или искусственно подогрѣтые вопросы, вы спрашиваете съ невольнымъ изумленіемъ: какимъ образомъ искусственное такъ вълосось въ натуру представителей и глашатаевъ мысли и какимъ образомъ оно такъ добродушно принимается за настоящее обществомъ? Такимъ образомъ, вы невольно, отъ внѣшняго вида растенія идете къ корнямъ, невольно роетесь въ глубь, справедливо не удовлетворяясь поверхностнымъ разсматриваніемъ. Отсюда очевидная, часто чудовищная несоразмѣрность критическихъ статей съ предметами въ нихъ разсматриваемыми; отсюда—явленіе, впрочемъ общее теперь во всѣхъ литературахъ, что критика пишется не о произведеніяхъ, а по поводу произведеній—или о тѣхъ типическихъ художественныхъ силахъ, къ которымъ они возводятся по происхожденію, т. е. о первостепенныхъ созданіяхъ искусства, или уже прямо о самыхъ жизненныхъ вопросахъ, поднятыхъ болѣе или менѣе живо, задѣтыхъ болѣе или менѣе чувствительно тѣми или другими произведеніями.

Но сказать: *отсюда* не значитъ еще дорыться до коренной причины явленія, а указать только на ближайшій его источникъ. Это есть простое освидѣтельствованіе и засвидѣтельствованіе факта (констатированіе). Чтобы такое засвидѣтельствованіе было полно, должно указать еще на внѣшнюю причину, тѣсно связанную уже съ *нашею*, особеннымъ образомъ сложившеюся, общественною жизнью: на непочатость всего въ этойъ жизни и на обиліе оной вопросами, безирестанно и на каждомъ шагу возникающими и задѣваемыми всякою, мало-мальски не бездарною дѣятельностью письменною. Маловажны часто произведенія, но важны и глубоко-значительны вопросы, ими затрогиваемые или обнаруживаемые, попытки разрѣшенія которыхъ получаютъ значеніе положительное или отрицательное: важны и знаменательны эти отклики многообразной жизни, какъ самая жизнь многообразныя, отклики мѣстностей, сословія, кастъ, толковъ, различныхъ слоевъ образованности, отклики самобытныя или съ чужаго голоса, туземныя или навѣянные извнѣ, важны и значительны для

мыслителя, внимательно прислушивающагося къ подземной работѣ зндительныхъ силъ жизни.

II.

Ясно, что критика перестала быть чисто художественною, что съ произведеніями искусства связываются для нея общественные, психологическіе, историческіе интересы, — однимъ словомъ интересы самой жизни. Попытки удержаться въ предѣлахъ отрѣшенно-художественной критики, остаются ни болѣе, ни менѣе, какъ попытками: пемногіе изъ рѣшающихся на такія попытки, сами не могутъ долго удержаться въ предѣлахъ чисто-техническихъ задачъ и впадаютъ или въ нравственное отношеніе къ искусству или въ изслѣдованіе вопросовъ, касающихся уже не художества, какъ техники, а опытной психологіи, ищутъ напримѣръ разложить художественную способность на составныя части, опредѣлить, изъ какихъ потенцій души слагается наблюдательность или другія свойства, входящія въ представленіе о дарованіи, изслѣдуютъ вопросы, конечно весьма важные, но важныя въ отношеніи психологическомъ, а не въ художественномъ.

Вопросъ въ томъ: хорошо это или дурно, правильно или неправильно?

Если это дурно и неправильно, то въ чемъ же заключается хорошее и правильное, т. е. законы чисто-художественной критики?

Если это хорошо и правильно, то какъ назвать это хорошее и правильное, чѣмъ оправдать поставленіе его на мѣсто чисто-художественной критики, какъ опредѣлить мѣру и границы правильности этого правильного, въ чемъ, однимъ словомъ, заключаются законы этой критики?

Нельзя не видать, что на первый разъ представляется только беззаконіе.

Не говорю объ отсутствіи всякой соразмѣрности содержанія съ формою, хотя начинанія всего отъ яиць Леды, безъ сомнѣнія, пресытили всѣхъ и cadaго, въ томъ числѣ и самого меня, повиннаго во многихъ статьяхъ съ такими начинаніями и тѣмъ болѣе имѣющаго право суда надъ фактомъ явной несоразмѣрности. Кто знаетъ сколько нибудь по собственному опыту, и здѣсь я становлюсь адвокатомъ не своего дѣла, но дѣятельности энергичнаго и даровитаго челоуѣка, память о великомъ художественномъ чувствѣ котораго, пламенной любви къ правдѣ и рѣдкой, самоотверженной неспособности натуры устоять передъ правдою

мысли—дороги мнѣ, не смотря на всю существенную разницу моихъ убѣжденій, нравственныхъ и общественныхъ съ его убѣжденіями; кто знаетъ по собственному опыту, какъ легко затеряться мысли въ добросовѣстномъ отыскиваніи корней извѣстнаго явленія, какъ ближайшіе пласты поднимаемаго грунта соприкасаются съ дальнѣйшими, тотъ можетъ еще простить и, пожалуй, оправдать безобразіе формъ за добросовѣстность анализа.

Есть другое беззаконіе, гораздо существеннѣйшее, въ слѣдствіе котораго слышится справедливое негодованіе на критику, переставшую быть чисто-художественною, и которымъ обусловлено желаніе ея возврата.

Явился взглядъ, который въ художественныхъ произведеніяхъ постоянно ищетъ преднамѣренныхъ теоретическихъ цѣлей, въ ихъ лежащихъ; варварскій взглядъ, который цѣнитъ значеніе живыхъ созданій вѣчнаго искусства по столько, по сколько они служатъ той или другой, поставленной теорію, цѣли. Связь такой аномалии съ засвидѣтельствованнымъ фактомъ несомнѣнна. Когда разсматриваешь искусство въ связи съ существенными вопросами жизни, то не мудро, при извѣстной степени страстности натуры, увлечься вихремъ этихъ вопросовъ до поглощающаго всю жизнь сочувствія къ онимъ. Затѣмъ, болѣе мудро, конечно, невозможно, при развившемся уже фанатизмѣ, насиловать въ себя любовь къ искусству и къ вѣчной правдѣ человѣческой души до подчиненія ихъ обаянію временнаго; при недостаткѣ же органическомъ, т. е. при отсутствіи чувства красоты и мѣры, чрезвычайно легко обратить искусство въ орудіе готовой теоріи. Въ двухъ первыхъ ошибкахъ могутъ быть виноваты и призванные критики, каковъ былъ покойный Бѣлинскій, и благороднѣйшіе представители мысли и даже самыя великіе художники, какъ Зандъ съ одной стороны и Гоголь съ другой; но послѣдняго рода ошибки предполагаютъ или яростное тупоуміе, готовое на все, хоть бы напримѣръ на такое положеніе, что яблоко нарисованное никогда не можетъ быть такъ *вкусно*, какъ яблоко настоящее» и что «писанная красавица никогда не удовлетворитъ чловѣка, какъ живая», или показываютъ просто, что критика мѣшается не въ свою область, оставляя области ей свойственныя: исторію, мораль, политическую экономію и статистику, государственное право и психологію. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее десятилѣтіе являлось множество статей, въ которыхъ фанатизмъ теоріи, желчное раздраженіе или яростное тупоуміе

замѣнили всякое художественное пониманіе, всякое чувство красоты и мѣры. Мы видѣли, какъ ставила и низвергала критика кумиры и кумирчики, какъ клала она всю русскую литературу къ подножію одного, хоть и дѣйствительно превосходнаго произведенія; видѣли, и видѣли недавно, какъ заданная напередъ мысль, вышедшая изъ самаго благороднаго источника, изъ страстной любви къ народу и къ народной жизни, ослабляла критика до того, что, обозрѣвая современную словесность нашу, онъ заблагоразсудилъ поставить на первомъ планѣ литературныя явленія, весьма мелко понимающія народную жизнь и народную сущность, и отстранить на задній планъ лучшія произведенія современнаго искусства.

Все это мы видѣли, все это мы до-сихъ-поръ видимъ, и понятно, что все это насъ пресытило, понятно, что поднялись голоса за художественную критику, что многими начало дорого цѣниться поэтическое пониманіе и эстетическое чувство.

Да и въ самомъ дѣлѣ, двѣ вещи оказались несомнѣнными: *первое*, что только *рожденными* художественными произведеніями вносятся новое въ жизнь, только въ плоть и кровь облеченная правда сильна и сильна притомъ такъ, что никакой теоретической критикѣ не удастся представить ее неправдою: свидѣтельство на лицо, во всемъ новомъ: въ Островскомъ, Семейной хроникѣ, Писемскомъ, Толстомъ; *второе*—то, что критика безъ поэтическаго пониманія не растолкуетъ никакихъ жизненныхъ вопросовъ художественнаго озданія, что ея толкованія жизнь и масса не принимаютъ, оставаясь при своемъ инстинктивномъ впечатленіи къ прекраснымъ живымъ созданіямъ, и что, съ другой стороны, критикъ, обнаруживающей какъ бы то ни было задатки поэтическаго пониманія, вѣрятъ, прощая ей даже ея увлеченія и недостатки.

Но тутъ и грань вопроса о чисто-художественной критикѣ. Требованіе ея въ настоящую минуту есть только отрицательное и можетъ быть право только какъ отрицательное, какъ законное противодѣйствіе губительному фанатизму теорій и яроственному тупоумію. Какъ только высказываются положительные требованія во имя художественной критики, такъ они тотчасъ же впадаютъ въ одностороннія крайности. А всего то забавнѣе, что подъ этими односторонними крайностями возрѣнія чисто художественнаго, все-таки сокрыты вопросы философскіе, общественные, историческіе, психологическіе. Поясню мысль

примѣромъ и довольно яркимъ. Въ послѣднее время , у критиковъ , взявшихъ въ основаніе чисто-художественную точку зрѣнія, вошло въ пѣвоторую манію говорить легкимъ тономъ о Зандѣ. Не ясно ли, что въ этой незаконной маніи , съ законными причинами, маіи, порожденной какъ реакція бѣснованіемъ теоретиковъ , лежитъ на днѣ, подѣ ярлыкомъ художественной точки зрѣнія общественно-нравственная основа , болѣе уже англійская, чѣмъ французская , болѣе уже спокойная, чѣмъ тревожная, лежитъ любовь къ инымъ жизненнымъ идеаламъ, къ инымъ жизненнымъ созерцаніямъ. Или возьмемъ фактъ не столь крупный, но тоже въ своемъ родѣ знаменательный : не ясно ли , почему къ поэту, глубокому по чувству и искреннему, какъ слишкомъ немногіе изъ поэтовъ, къ Огареву, вдругъ и совершенно несправедливо охладѣла критика, принимающая чисто-художественную точку зрѣнія? Разумется, но по эстетическимъ основамъ, а по измѣнившемуся нравственному взгляду или даже просто по нѣкоторому пресыщенію чувствомъ тоски и грусти. Это—дѣло ясное!

Не только въ каждомъ вопросѣ искусства, въ каждомъ вопросѣ науки, лежитъ на днѣ его вопросъ, плотию и кровію связанный съ существенными сторонами жизни, и только такіе вопросы науки важны , только въ такіе вопросы вносятъ плоть и кровь могучіе силами борцы. Человѣкъ столь великой души и великой жизненной энергіи, какъ Ломоносовъ, не писалъ бы доноса на Миллера за выводъ нашихъ Варяговъ изъ чужой земли и не клалъ бы въ этотъ вопросъ души своей люди, какъ Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Венелинъ, если бы это былъ только ученый, а не живой вопросъ. *Родъ и община* не дѣлили бы такъ враждебно насъ всѣхъ , служащихъ знанію и слову, если бы корнями своими они не вросли въ живую жизнь. Борьба за мысль главную невозможна (развѣ только для Триссотина и Вадіуса). Только за ту, главную мысль борятся , которой корни въ сердцахъ , въ его сочувствіяхъ и отвращеніяхъ , въ его горячихъ вѣрованіяхъ или таинственныхъ, смутныхъ, но неотразимыхъ и какъ нѣкая сила могущественныхъ предчувствіяхъ ! Вотъ почему вопросъ о безразличіи или отсутствіи народности въ знаніи точно такъ же не имѣетъ существеннаго содержанія, какъ требованія чисто-художественной точки въ критикѣ искусства.

Возвращаясь собственно къ вопросу о чисто-художественной критикѣ, должно прежде всего сказать, что такой, чисто-худож-

жественной критики, т. е. критики, которая смотрѣла бы на явленія письменности, какъ на нѣчто замкнутое, цѣнила бы только эстетически, т. е. обсуживала бы напримѣръ планъ созданія, красоту или безобразіе подробностей въ ихъ отношеніи къ цѣлому и къ замыслу цѣлаго, любовалась бы архитектурой или рисункомъ произведенія, не только въ настоящую минуту нѣтъ, да и быть не можетъ. Какъ ни хотѣлъ бы критикъ, рожденный даже съ самымъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, стать на отрѣшенно-художественную точку, — живая, или, правильнѣе сказать, жизненная сторона созданія увлечетъ его въ положеніе невольнаго судьи надъ образами, являющимися въ созданіи, или надъ однимъ образомъ, выразившимся въ немъ своею внутреннею нравственною жизнію, если дѣло идетъ о кругъ лирическихъ произведеній.

Позволяю сказать себѣ еще болѣе: критики отрѣшенно-художественной, чисто-технической, никогда и не было въ отношеніи къ произведеніямъ слова. Она возможна только въ отношеніи къ произведеніямъ пластики или звука, да и въ эти области критики искусства начинаетъ уже закрадываться разѣдающая мысль о значеніи въ искусствѣ созерцанія, о связи свободной повидимому кисти живописца, свободнаго рѣзца ваятеля, свободной мысли зодчаго съ общою мыслию ихъ эпохи, съ ея религіознымъ и нравственнымъ настроеніемъ; даже и въ критику искусства звуковъ, нѣкоторые смѣлые люди начинаютъ вносить мысль о жизни музыканта, о душѣ чловѣка.

Дурно это или хорошо, правильно это или неправильно? возвращаюсь я опять къ поставленному мною вопросу.

Для того, чтобы я имѣлъ право сказать, что это дурно и неправильно, укажите мнѣ въ исторіи критики народовъ блестящую минуту отрѣшенно-художественной критики.

Вы не найдете ее, конечно, въ исторіи критики англійской, всегда, отъ Джонсона и до нашихъ дней, до Маколея (статья его напримѣръ о Байронѣ), отправляющейся съ нравственной точки зрѣнія, за исключеніемъ философа-мечтателя Кольриджа и великаго мечтателя поэта-философа-историка-пророка Карлейля, которые оба тоже не могутъ быть названы поборниками отрѣшенно-художественной точки зрѣнія, и изъ которыхъ послѣдній есть творецъ совершенно новой критики, той, которую называю я, какъ читатели увидятъ въ концѣ моего разсужденія, критикою органическою. Другіе же постоянно кладутъ или довольно узкую

нравственную подкладку подъ свои статьи или исключительно-народную, англійскую, какъ напримѣръ Джеффри, въ своей знаменитой статьѣ о Гётевскомъ «Вильгельмъ Мейстеръ».

Вы не найдете ее и въ критикѣ немецкой, хотя никто больше Ньмцевъ не толковалъ объ отрѣшенно-художественной критикѣ.

Начнемте съ Лессинга (въ Славянскомъ происхожденіи котораго, я, ей Богу, не виновать: онъ произошелъ отъ Славянской семьи совершенно помимо моего вѣдома), съ этого отца настоящей германской критики и, можно сказать, дѣда настоящей германской литературы, съ этого человѣка, въ которомъ художническое чутье развилось на счетъ художественнаго таланта, въ которомъ критикъ убилъ поэта, но за то сталъ идеаломъ критика и въ которомъ не знаешь по истинѣ, чему болѣе дивиться—тонкости ли чутья или ясности пониманія. Величайшая заслуга Лессинга въ томъ, что онъ разбилъ своимъ Лаокоономъ идею о приложимости къ произведеніямъ искусства словеснаго той же мѣрки, которая прилагается къ произведеніямъ пластическимъ, идею Винкельманна. Художественныя тонкости, которыхъ онъ былъ глубочайшій знатокъ и которыми дорого всякому истинному художнику его безсмертное твореніе, суть только оболочка живой мысли, жизненно-нравственнаго вопроса. Принципъ красоты въ движеніи, принятый имъ для искусствъ словесныхъ, со всеми послѣдствіями изъ этого принципа простирающимися, въ противоположность принципу красоты въ установленныхъ, успокоивающихъ моментахъ, не есть результатъ однихъ умственныхъ соображеній, а формула, въ которой выразилась вся сущность его нравственной натуры, дѣло его сердца, его страстей столько же, какъ и дѣло его ума, протестъ новаго противъ исключительно-античнаго, германскаго начала противъ романтизма.

Но и въ солнцѣ есть пятна, и въ великомъ Лессингѣ былъ недостатокъ. Натура, живая до того, что на каждомъ шагу она переходила изъ созерцательной въ практическую, — критикъ до возможности художника (Эмилія Галотти, миссъ Сара Сампсонъ, Наваанъ Мудрый) жаркій поклонникъ той зари, которая во второй половинѣ XVIII вѣка занялась свѣтло и радостно подъ видомъ Aufklärung и окончилась багровымъ заревомъ пожара; весь полный надежъ и горячихъ взрваній, онъ видитъ въ своемъ настоящемъ послѣднія формы красоты и правды.

И вотъ, почему другой, столь же великій и призванный критикъ, только съ инымъ призваніемъ, возстаетъ противъ тонкостей его Лаокоона не менѣе удивительными тонкостями, противъ его исполнскихъ знаній, своими исполнскими же знаніями. Смысль полемики Гердера противъ Лессингова Лаокоона, опять-таки есть смыслъ живой, а не научный: борьба была и здѣсь не за мысль головную, а за мысль сердечную.

Человѣкъ настоящаго и будущаго, Лессингъ мало уважалъ красоту прошедшаго, которая такъ дорога была Гердеру, обнимающему своєю любовью все памятники первобытной жизни народовъ. Гердеръ вводитъ чувство массы, притупленное и пресыщенное искусственнымъ и условнымъ, въ пониманіе непосредственнаго, народнаго и первобытнаго, вводитъ, такъ сказать, въ наслажденіе запахомъ и цвѣтомъ прошедшей, не мертвой, а вѣчно живущей жизни, посвящая современниковъ въ міросозерцаніе, въ жизнь, породившую эти свѣжіе, могучіе отзвывы. Онъ ведетъ ихъ въ пастушьи шалаши норвезданнаго міра, заставляетъ ихъ прежде всего понять, какъ самое небо представляется юному человѣку шатромъ великаго Домовладыки, чтобы дать вкусить всю красоту первобытной поэзіи; и это великое дѣло совершаетъ въ эпоху господства самыхъ порывистыхъ, самыхъ раздѣленныхъ съ прошедшимъ стремленій.

Трогательно, соображая все обстоятельства эпохи, видѣть, какъ робко, уклончиво, въ нашсмъ смыслѣ страшно—приступаетъ онъ къ подвигу въ своихъ нервныхъ разговорахъ «О духъ еврейской поэзіи». Увы! онъ вынужденъ еще защищать пользу изученія первобытнѣйшей и возвышеннѣйшей поэзіи! И какъ слышится, что вопросъ есть его сердечное, его кровное дѣло. Съ этимъ вопросомъ слиты его взрванія въ прошедшее, въ исторію, въ цѣлость человѣчества: этотъ вопросъ развернется, въ послѣдующей его дѣятельности, стремленіями обнять все народы міра любовью, привѣтствовать всѣхъ ихъ не простодушными и могучими голосами (*Stimmen der Völkern in Liedern*) и наконецъ успокоится въ цѣльномъ, широкомъ созерцаніи судебъ человечества (*Ideen zur Geschichte der Menschheit*).

Технической критики нѣтъ и у втораго величайшаго критика Германіи, хотя разумніе техники у него столь же тонкое и изощренное, какъ у перваго, а чутье, если и не столь пронзительно и отчетливо, за то шире объемомъ.

Нѣтъ ея и у братьевъ Шлегелей, которыхъ, несмотря на все

ихъ странности, никоимъ образомъ нельзя миновать, говоря о Германской критикѣ. Они *разумѣли* Шекспира и *открыли* Кальдерона; но самое предпочтеніе Кальдерона, такъ очевидное въ нихъ, въ особенности въ Фридрихъ, связано съ ихъ искусственнымъ католичествомъ и подогрѣтымъ романтизмомъ, а искусственное католичество и подогрѣтый романтизмъ съ вопросами плоти и крови!

Наконецъ, новые германскіе критики, наиболее извѣстные (какъ напримѣръ Гервинусъ) идутъ вовсе не по пути отрѣшенно-художественной критики, и преимущественно стремятся (и не всегда, надобно сказать, успѣшно) пояснять геній того или другаго поэта общеою жизнію его эпохи и вмѣстѣ вывести исторію его произведешій изъ исторіи его души.

Минуту господства отрѣшенно-художественной критики найдете вы едва ли не въ одной исторіи критики французской, той самой критики, изъ-подъ устарѣвшей опеки которой освободили мышление Лессингъ и Гердеръ, дружно, хотя и не преднамѣренно, хотя и въ некоторомъ полемическомъ отношеніи между собою совершившіе великое дѣло замѣны критики формъ критикою духа созданій. Точно: въ Баттѣ, въ Ролленъ (*traité des études*), въ толкахъ академіи французской, по поводу Корнелеса «Спда», пожалуй въ толкахъ итальянской академіи della Crusca, найдете вы много разсужденій о планѣ созданій, о соразмѣрности частей, и т. п.

Но, *во первыхъ*, эти разсужденія бесполезны и для художниковъ, которые, если только—они художники истинные—сами рождаются съ чувствомъ красоты и мѣры, а если не истинные, то никакими толками не втолкуете имъ чувства красоты и мѣры.

Во вторыхъ, эти разсужденія бесполезны и для массы, которой они нисколько не уясняютъ смысла художественныхъ произведеній и которую нисколько не приближать къ ихъ пониманію, къ проникновенію ихъ содержанія и къ оживотворенію себя ихъ содержаніемъ, а въ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, заключается важнѣйшее назначеніе критики.

Кромѣ того, все такія разсужденія суть въ сущности не что иное, какъ повтореніе мыслей древнихъ, писавшихъ о поэзіи и краснорѣчіи, древнихъ, которыхъ міросозерцаніе сводилось все, кромѣ прозрачныхъ гаданій божественнаго Платона, въ красоту формъ и которые притомъ, сами наивные, непосредственные, эмпирическіе, слишкомъ мало жили жизнію анализа для того,

чтобы вникать въ духъ своего, какъ они же сами, наивнаго, непосредственнаго, синтетическаго искусства, да и не имѣли въ этомъ никакой нужды, ибо искусство шло у нихъ рука объ руку, въ ничемъ невозмущаемомъ сляніи съ религіозными празднествами (*трагедія*), съ общественными играми (*лиризмъ*), съ воспоминаніями, вѣчно живыми о предкахъ и единствѣ эллинскаго племени (*эпосъ*), съ великими борьбами отчизны (*исторія*), съ интересами агоры (*комедія*). Древняя критика имѣла задачей растолковывать только *красоту* своего искусства, не имѣя нужды посвящать въ духъ его, въ его созерцанія, тождественныя съ созерцаніями самаго народа. Есть нечто праздничное, нѣчто ликующее въ древнемъ греческомъ искусствѣ—и комедія Аристофана, последнее, заключительное слово его есть горькій плачь по разбитомъ анализомъ единствѣ созерцанія и жизни. Замѣчательно, что въ приложеніи къ Аристофану уже недостаточна отрывочно-художественная критика (отчасти даже и въ отношеніи къ Еврипиду). Взглядъ Аристофана на жизнь, какъ уже разъединенный съ жизнію, какъ уже поставившій идеалъ свой не въ центръ ея, не въ настоящемъ, а вѣвъ ея, въ прошедшемъ, долженъ уже быть объясняемъ. Его отношенія къ лицамъ, имъ создаваемымъ, нуждаются въ оправданіяхъ, тогда какъ ни въ какихъ оправданіяхъ не нуждаются Гомеровъ эпосъ, или Эсхилова и Софоклова трагедія.

Въ новомъ мірѣ, съ самаго начала своего разъединенномъ, отношеніе мысли къ произведеніямъ искусства не могло, и не можетъ, остаться спокойно техническимъ. Нельзя взять на себя сказать: дурно это или хорошо! Кто-то изъ англійскихъ мыслителей прошлаго столѣтія, кажется Браунъ, высказалъ мысль, остроумную по формѣ выраженія, глубокую по смыслу. «Положимъ, что въ сравненіи съ древними, мы и карлики — говоритъ онъ—но карликъ на плечахъ гиганта видитъ болѣе, нежели самъ гигантъ.» Нашъ взглядъ на искусство расширился тѣмъ, что привелъ искусство въ связь съ жизнію. Критика новая, т. е. не повторявшая задовъ, не могла быть и не была отрывочно-художественною.

III.

Еще менѣе въ настоящую минуту критика можетъ обратиться въ чисто-техническую. И сущность искусства раскрылась намъ,

такъ что не подлежитъ уже суду чистой техники, и значеніе критики опредѣлилось безповоротно.

Что касается до искусства, то оно всегда остается тѣмъ же, чѣмъ предназначено быть на землѣ, т. е. идеальнымъ отраженіемъ жизни, *положительнымъ*, когда въ жизни нѣтъ разъединенія, *отрицательнымъ*, когда оно есть. Развивать эту мысль я считаю здѣсь излишнимъ, ибо сколько могъ, уже развивалъ ее въ письмѣ къ А. С. Х. «О правдѣ и искренности въ искусствѣ», напечатанномъ въ III-й книгѣ «Русской Бесѣды» за прошлый годъ, да здѣсь и нѣтъ намъ прямаго дѣла до сущности искусства. Дѣло въ томъ, что сущность эта *раскрылась* намъ совершенно иначе, нежели раскрыта была прежде.

Вообще, уже иначе нежели прежде раскрылась намъ сущность всего того, что называется идеальнымъ.

Мы перестали вѣрить, чтобы идеальное было нѣчто отъ жизни отвлеченное. Мы знаемъ все, какъ знаетъ даже Печоринъ, что идея есть явленіе органическое, что она носится въ воздухъ, которымъ мы дышимъ, что она имѣетъ силу, кривую какъ обоюдоострый мечъ. Все идеальное есть не что иное, какъ аромать и цвѣтъ реальнаго. (Но, разумется, не все реальное есть идеальное и въ этомъ-то сущность различія воззрѣнія идеальнаго отъ панэстетическаго). Мы въ исторіи добрались до того, что борьбу гальскаго племени съ франкскимъ видимъ и видимъ вѣрно и осязательно въ событіяхъ послѣдней половины XVIII столѣтія, совершившихся повидному чисто подъ вліяніемъ идей. Мы во всемъ стараемся ухватить и во многомъ уже ухватили живое тѣло съ его больными мѣстами. Одна мысль проникаетъ въ стремленія вѣка научныя или художественныя: созданія Вальтера Скотта, который слѣдитъ, какъ нѣчто живое, борьбу Англосаксовъ и Норманновъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, и созданія Тьерри и Маколея, — да и напрасно еще разграничиваемъ мы такъ рѣзко эти созданія.

Только то живо и дорого въ наукѣ, что есть плоть и кровь; только то вносится въ сокровищницу души нашей, что приняло художественный образъ: все другое есть необходимая конечно, но черновая работа. Какъ скоро знаніе вырветъ до жизненной полноты, оно стремится принять литыя художественныя формы: есть возможность художественной красоты даже въ логическомъ развитіи отвлеченной мысли, когда въ самой мысли есть начало плоти и крови. Но указываю на творенія, завѣщанныя намъ древ-

ностью. Поэтическая, страстная и тревожная или все равно
койная и мърная струя бѣжитъ по многимъ страницамъ, и
вѣрю уже поэта Карлейля и великихъ художниковъ Ть
Маколея, но по абстрактной феноменологiи Гегеля, но по ст
логическому, почти неизслѣдимому въ своемъ отвлеченномъ
вѣтн изложенiю Шеллинга.

Велико значенiе художества. Оно одно, не устану повт
я, вносить въ мiръ новос, органическое, нужное жизни. Да
го, чтобы въ мысль повѣрили, нужно, чтобы мысль приняла
ло, и съ другой стороны, мысль не можетъ принять тѣла,
она не рождена, а сдѣлана искусственно. Мысль, сдѣлани
частямъ, подобна Гомункулусу Вагнера: мысль случаемъ
напряженiемъ порожденная, хотя бы и могучей натурой
порождена она—Эвфорiону Фауста—и такъвъ кажется прост
смыслъ этихъ фигуръ во второй части Фауста.

Мы равно не вѣримъ теперь какъ въ неопредѣленное вдо
венiе, порождающее мысль облеченную въ плоть т. е. созд
искусства, такъ и въ то, чтобы по частямъ слагалась жи
мысль, т. е. не вѣримъ и въ одно личное творчество, да не
римъ и въ безучастное, безличное.

Вдохновенiе есть, но какое?

Художникъ прежде всего человекъ, т. е. существо изъ пл
и крови, потомокъ такихъ или другихъ предковъ, сынъ изве
ной эпохи, известной страны, известной мѣстности страны, и
нечто наиболее даровитый изъ всѣхъ другихъ своихъ собрать
наибодѣ чуткiй и отзывчивый на кровь, на мѣстность, на вс
рiю, однимъ словомъ, онъ принадлежитъ къ известному тип
самъ есть полнѣйшее или одно изъ полнѣйшихъ выраженiй т
па; да кромѣ того, у него есть своя, личная натура и своя ли
ная жизнь; есть наконецъ сила ему данная, или, лучше сказа
самъ онъ есть великая зиждительная сила, дѣйствующая
высшему закону. Въ тѣ минуты, когда по зову сего закона

Бѣжитъ онъ дикiй и суровый,
И звуковъ и сматенья полнъ,
На берега далекихъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы,

въ тѣ минуты, когда у него

холодъ вдохновенья
Власы подѣмлетъ на челъ;

сриваетъ съ нимъ дѣйствительно нѣчто таинственное. Но эти пути, въ которыя, по слову одного изъ таковыхъ, не Богъ вѣтъ какъ надълеянныхъ силами, но глубокихъ и искреннихъ, «стоятъ бы можно», въ которыя «легко умереть», — подготовлено можетъ быть множествомъ наблюдений, раскрывавшихъ проивому наблюдателю смыслъ жизни, хотя никогда непреднаенныхъ и душевныхъ страданій и умственныхъ соображеній. Да запасъ всего этого накопится до известной нужной мѣры, да пѣвая молнія освѣщаетъ художнику его душевный мѣръ и отношенія къ жизни и начнется творчество. Оно и начнется и совершается въ состоянн дѣйствительно близкомъ къ очевиднн, но и въ это состоянн художникъ вноситъ все томъ данныя ему средства: и свой общнй типъ, и свою мѣстность, и свою эпоху, и свою личную жизнь; однимъ словомъ, гутъ онъ творить не одинъ и творчество его не есть только нное, хотя съ другой стороны и не безличное, но безъ учаего души совершающееся.

Но этому-то и художество есть дѣло общее, жизненное, наенное, даже мѣстное: какъ же мы отнесемъ къ нему съ равнншнюю технику? Этого нельзя!

Съ другой стороны, самая критика, со времени Лессинга, получила иное значенн въ жизни.

Критикъ (я разумю здѣсь настоящаго, призваннаго критика, таковыхъ было немного) есть половина художника, можетъ быть же въ своемъ родѣ тоже художникъ, но у котораго судящая, анализирующая сила перевѣшиваетъ силу творящую. Вопросы жизни, ея тайныя стремленн, ея явныя болѣзни, близки впечатлительной организаціи критика, такъ же какъ творящей организаціи художника. Выразить свое созерцанн въ полномъ и цѣльномъ художественномъ созданн онъ не въ силахъ; но, обладая въ высшей степени отрицательнымъ сознаннмъ идеала, онъ чувствуетъ (не только знаетъ, но и чувствуетъ, что гораздо важнее), гдѣ что не такъ, гдѣ есть фальшь въ отношенн къ міру души или къ жизненному вопросу, гдѣ не досоздалось или гдѣ испорчено ложью возсозданн живаго отношенн.

Всякій ударъ въ живую жилу современности, производимый художественнымъ созданнмъ, отозвавшись въ его сердце, прояснивши для него его собственыя предчувствн, сообщивши плоть и кровь его логическимъ выводамъ, отражается потомъ въ его дѣятельности цѣлымъ рядомъ поясненн, толкованн, раз-

витій живой мысли, вырванной изъ сердца жизни поэтической творчествомъ.

Что искусство въ отношеніи къ жизни, то критика въ отношеніи къ искусству: разъясненіе и толкованіе мысли, распространеніе свѣта и тепла, таящихся въ прекрасномъ созданіи. Естественно поэтому, что, связывая художественное произведеніе съ почвою, на которой оно родилось, разсматривая положительное или отрицательное отношеніе художника къ жизни, критика углубляется въ самый жизненный вопросъ, ибо иначе что же ей дѣлать? Исполнять весьма мизерное назначеніе, т. е. указывать на техническіе промахи? Но свои техническіе промахи каждый художникъ самъ непременно знаетъ, ибо великаго искусства безъ великаго разума я не понимаю, да и критикъ, поколику онъ есть существо мыслящее и чувствующее и поколику пульсъ его бьется въ одинъ тактъ съ пульсомъ эпохи, знаетъ, что такъ называемые техническіе промахи художника (разумѣется, рѣчь идетъ о художникъ серьезномъ, а не о борзопицѣ и поставщикъ товаровъ на литературный рынокъ) происходятъ изъ какого-либо нравственнаго источника, изъ несовершенно прямого и яснаго отношенія къ вопросу. Въ этихъ промахахъ выражаются или неполнота взгляда на жизнь, или колебаніе его, или смутное, но упорное предчувствіе инаго разрѣшенія психологическаго или общественнаго вопроса, не похожаго на обычныя разрѣшенія. Душа художника весьма часто не подчиняется ни такому обычному разрѣшенію, ни сухому логическому выводу, ищетъ болѣе жизненнаго исхода и позволяетъ себѣ въ созданіи сдѣлать техническій промахъ, въ видѣ намека на какое-то особенное рѣшеніе.

Критикъ въ такомъ и въ подобныхъ этому случаяхъ, обязанъ только засвидѣтельствовать фактъ съ точки, указанной художническимъ намекомъ, и затѣмъ, имѣетъ право опять пойти путемъ жизненнаго вопроса, т.-е. можетъ углубляться въ корни, въ причины того, почему не полно разрѣшенъ вопросъ или почему уклонилось отъ обычнаго рѣшенія искусство, которое одно имѣетъ право и полномочіе разрѣшать, т.-е. воплощать вопросы. Тѣмъ болѣе долженъ идти такимъ путемъ критикъ, что обязанъ помнить, какъ техническія требованія, требованія вкуса въ разныя эпохи измѣнялись, какъ многое, что современники считали у великихъ мастеровъ ошибками, потомки признали за достоинства, и наоборотъ.

Естественно такъ же, что когда произведенія второстепенныя, говоря геологически: вторичнаго образованія, правильно или неправильно развиваютъ задачи, перешедшія къ нимъ отъ *рожденныхъ* созданій искусства или когда задѣваютъ они еще не тронутыя стороны жизненнаго вопроса, критика или возводитъ ихъ къ настоящимъ источникамъ, къ идеямъ первостепенныхъ произведеній и говоритъ о нихъ не иначе, какъ связывая съ сими послѣдними, или, силами отрицательными ей данными, борется съ ихъ ложью въ поставленіи и разрѣшеніи живыхъ вопросовъ. Въ этомъ случаѣ, не будучи въ силахъ создать сама ясное художественное представленіе вопроса (единственная форма его разрѣшенія), критика дѣлаетъ по-крайней-мѣрѣ то, что можетъ, указывая, почему жизненно-художественный вопросъ поставленъ или разрѣшенъ неправильно.

На это она имѣетъ полномочіе, ибо пульсъ ея бьется въ одинъ тактъ съ пульсомъ жизни и всякая разладица съ этимъ тактомъ ей слышна. Только руководить жизнь она не можетъ, ибо руководить жизнь единое творчество, этотъ живой фокусъ высшихъ законовъ самой жизни.

Такое значеніе критики, какъ одной изъ жизненныхъ силъ, было бы совершенно несовмѣстно съ понятіемъ о чисто-техническихъ задачахъ.

IV.

И такъ, нѣтъ, по видимому, ни малѣйшаго сомнѣнія, что господствующею и единственно-важною по значенію, остается въ наше время критика, которой присвоено названіе исторической.

Между тѣмъ, недостатки, обнаружившіеся въ наше же время въ этой единственной, имѣющей важность и значеніе, критикѣ, вызвали требованіе критики художественной.

Положимъ, что устранится еще какъ-нибудь внѣшній недостатокъ: безобразіе формъ,—хотя трудно представить себѣ, что бы онъ устранился безъ радикальной перемѣны самаго метода. Предположимъ такъ же, что внутренній недостатокъ, заключающійся въ поставленіи искусства орудіемъ теорій, служебнымъ органомъ внѣшнихъ цѣлей, не лежитъ въ сущности исторической критики, а принадлежитъ къ уклоненіямъ ея отъ истинныхъ началъ, все-таки остается въ ней порокъ существенный, съ самими началами связанный, порокъ, отъ котораго и происходятъ оба ея недостатка, внѣшній и внутренній.

Этотъ порокъ есть порокъ самаго такъ называемаго историческаго воззрѣнія.

На днѣ этого воззрѣнія, въ какія бы формы оно ни облекалось, лежитъ совершенное равнодушіе, совершенное безразличіе нравственныхъ понятій. Таковое сопряжено необходимо съ мыслию о безграничномъ развитіи, развитіи *безначальномъ*, ибо историческое воззрѣніе всякое начало отъ себя скрываетъ, и *безконечномъ*, ибо идеаль постоянно находится въ будущемъ (*im Werden*). Безотраднѣйшее изъ созерцаній, въ которомъ всякая минута міровой жизни является переходною формою къ другой, переходной же формѣ; бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль, безъ малѣйшей надежды за что-либо ухватиться, въ чемъ-либо найти точку опоры.

И такъ какъ человѣческой натурѣ, при стремленіи ея къ идеалу, прожжено неперемѣнное же стремленіе воображать себя идеаль въ какихъ-либо видимыхъ формахъ, то мысль невольно становится тутъ нелогичною, невольно останавливаетъ безгранично-несущееся будущее на какой-либо минутѣ и говоритъ, какъ Гегель: *hic locus, hic saltus*. Вотъ тутъ-то, при такой произвольной остановкѣ, начинается ломка всего прошедшаго по законамъ произвольно выбранной минуты: тутъ-то и совершается, напримѣръ, то, удивительное по своей непослѣдовательности, явленіе, что человѣкъ, провозгласившій законъ вѣчнаго развитія, останавливаетъ все развитіе на германскомъ племени, яко на крайнемъ его предѣлѣ; тутъ-то и начинается деспотизмъ теоріи, доходящій до того, что все прошедшее человечество, не жившее по теоретическому идеалу, провозглашается чуть-чуть что не въ звѣриномъ состояніи или, по-крайней-мѣрѣ, въ вѣчно переходномъ. Душа человѣка, всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви, какъ будто забывается. Отвлеченный духъ человечества съ постепенно расширяющимся сознаниемъ поглощаетъ ее въ себя. Последнее слово этого отвлеченнаго бытія, яснѣйшее его сознаніе есть готовая къ услугамъ теорія, — хотя, по сущности воззрѣнія, если бы въ человѣческихъ силахъ было быть вѣрнымъ такому воззрѣнію, — выходитъ, что и это яснѣйшее воззрѣніе поглотится еще яонѣйшимъ, и т. д. до безконечности.

Непечслимыя, мучительнѣйшія противорѣчія порождаются таковымъ воззрѣніемъ.

Выходя изъ принципа стремленія къ безконечному, оно кон-

часть грубымъ матеріализмомъ; желая объяснить общественный организмъ, скрываетъ отъ себя и отъ другихъ въ непроницаемомъ туманѣ точку его начала: бытіе человечества, пока оно не развѣтвилось на народы; требуя специализма, уничтожаетъ безграничностью обобщенія вопросовъ возможность всякаго спеціальнаго изслѣдованія.

И все это происходитъ отъ того, что вмѣсто дѣйствительной точки опоры—души человеческой, берется точка воображаемая, предполагается чѣмъ-то дѣйствительнымъ отвлеченный духъ человечества. Ему, этому духу, отравляются требы идольскія, приносятся жертвы неслыханныя, жертвы незаконныя, ибо онъ есть всегда кумирь, поставляемый произвольно, всегда только теорія.

Вотъ существенный порокъ историческаго воззрѣнія и вотъ существенный же порокъ такъ называемой исторической критики. Она не имѣетъ критериума и не вноситъ въ созерцаемое свѣта идеала по существу воззрѣнія, — а съ другой стороны, по невозможности обусловленной человеческою природою жить безъ идеала и обходиться безъ критериума, создаетъ ихъ произвольно и прилагаетъ безпощадно.

Когда идеаль лежитъ въ душѣ человеческой, тогда онъ не требуетъ никакой ломки фактовъ: онъ ко всемъ равно приложимъ и все равно судить. Но когда идеаль поставленъ произвольно, тогда онъ гнетъ факты подъ свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьягоднеишее и все представляется только ступенями къ нему. Прилагая это положеніе къ исторіи нашихъ критическихъ воззрѣній, не мудрено понять, напримѣръ, въ силу чего Гоголю становится монументъ на обломкахъ статуй Пушкина, въ силу чего завтра столкнутъ Гоголя и скажутъ ему, какъ предки наши Перуну: «выдыбай боже, выдыбай!» въ силу чего всякая статья бывалыхъ годовъ начиналась съ постоянного уничтоженія всей литературы въ пользу одного кумирчика. Все это—было и есть не что иное, какъ послѣдовательно проведенное историческое воззрѣніе, въ крайнемъ и наиболѣе послѣдовательномъ проявленіи его, въ Гегелизмъ.

Собственно говоря, словомъ: *историческая школа*, *историческое направленіе*, обозначается нечто другое; ни Савиньи, ни Тьерри, напримѣръ, не дѣляютъ историческаго воззрѣнія въ вышеозначенномъ смыслѣ; но имъ, какъ и другимъ подобнымъ худо-

* .

жественнымъ натурамъ, въ наукѣ должно быть приписано не историческое воззрѣніе, а *историческое чувство*. Это чувство еще не вызрѣло до полнаго, всеохватывающаго принципа и само не можетъ успокоиться на принципѣ произвольно поставленномъ; оно есть непосредственное, цѣлому вѣку данное и въ даровитѣйшихъ представителяхъ развитое до тонкости, но еще не формулированное. Историческое воззрѣніе въ той логической послѣдовательности, въ какой проведено оно выше, есть одна изъ попытокъ опредѣлить, узаконить, формулировать эту новую силу, открывшуюся въ концѣ послѣдняго столѣтія, силу, открытіе которой въ мѣрѣ разумнѣянія столь же важно по своимъ послѣдствіямъ, какъ открытіе Фальтона въ мѣрѣ матеріальнаго благосостоянія.

Но открытіе этой силы нисколько не есть прозрѣніе отвлеченнаго духа человечества и нисколько не подвигаетъ душу человека къ нравственному, т.-е. *цѣльному* совершенству. Для души всегда существуетъ единый идеалъ и душа развиваться не можетъ. Развивается, т.-е. обогащается новыми точками зрѣнія и богатствомъ данныхъ мѣрѣ ея опыта, мѣрѣ ея знанія; но обогащеніе и расширеніе этого міра не подвигаетъ душу къ правдѣ, красотѣ и любви, независимо отъ собственныхъ ея стремленій, тогда какъ по историческому воззрѣнію, проведенному послѣдовательно, каждая новая минута прогресса должна быть новымъ, отъ стремленій души независимымъ торжествомъ идеи, т.-е. духа. И такъ какъ кто-то весьма справедливо замѣтилъ, что для говорящаго: «все вздоръ въ сравненіи съ вѣчностью», самая вѣчность есть вздоръ, то очевидно, что въ сущности историческаго воззрѣнія лежитъ совершеннѣйшее безразличіе нравственное, соединенное съ фатализмомъ, по которому ничто, ни народы, ни лица не имѣютъ своего *замкнутого, самоотвѣтственнаго* бытія и являются только орудіями отвлеченной идеи, переходящими, призрачными формами.

Самое *чувство* историческое нисколько неисчерпано этой ложной формулой. Чувство, пока оно не перейдетъ въ слѣпое, рабское пристрастіе, всегда справедливо, какъ указатель новыхъ сторонъ жизни.

Историческое чувство открылось какъ реагентъ противъ ломки всего существующаго и существовавшаго, обнаружилось какъ боль отъ прикосновенія хирургическаго инструмента къ живому тѣлу. Это было въ послѣдней четверти XVIII столѣтія.

Едва ли нужно напоминать о тѣхъ странныхъ симптомахъ,

которые открылись при первом приближеніи ножа теоріи къ живымъ народнымъ организмамъ, сложившимся въками. Спору нѣтъ, что болѣзненные наросты образовались на этихъ тѣлахъ; спору нѣтъ, что покрылись мохомъ или даже окаменѣли многіе изъ этихъ наростовъ,—но историческія отработки отозвались въ часъ своего разрушенія, ибо въ нихъ, хотя и покрытыхъ отвердѣлымъ или поросшимъ мохомъ струпами, таилась жизнь по сильнѣе жизни личной мысли, личной теоріи — и вотъ явилась реакція, отпоръ всѣхъ живыхъ элементовъ, выразившійся рѣзко и безобразно въ романтизмъ, законопно и правильно въ исторической школѣ, дико въ Гёрресъ (не смотря на безспорное глубокомысліе этого философа реакціи), въ Овербекъ, въ романтикахъ—поэтахъ: полно и жизненно въ Вальтеръ-Скоттъ, въ Августинъ Тьерри.

Всѣ сіи явленія, какъ отрицательныя, такъ и положительныя, произошли въ слѣдствіе пробужденія историческаго чувства. Историческое же чувство пробудилось въ свою очередь въ слѣдствіе того, что коснулись живыхъ мѣстъ ножомъ теоріи. Пока идея *der Aufklärung* развивалась только въ умственномъ мірѣ, явленія реакціи не могли быть столь рѣзки, хотя Гердеръ уже носитъ въ себѣ историческое и романтическое чувство. Пока продолжалось еще упоеніе, произведенное первымъ торжествомъ теоріи надъ жизнью, явленія реакціи не были еще сознательны, хотя сумеречное мерцаніе, сообщающее поэтической колоритъ дѣятельности Шатобріана, граничитъ уже съ утреннею зарею историческаго чувства и весь этотъ замѣчательный писатель есть ни что иное, какъ его Рене, отравленный настоящимъ и глубоко, хотя безнадежно и бессознательно грустящій по прошедшемъ. Всѣ явленія, какъ предварительныя и тревожно-смутныя, такъ послѣдовательно—противоположныя и рѣзко опредѣленныя, суть обнаруженія новой силы, *силы историческаго чувства*.

Эта сила открылась, эта сила дѣйствуетъ, отъ нея не куда уйти сознанию, да и не зачѣмъ уходить. Пусть не удалась ея формула, т. е. историческое воззрѣніе,—это ничего не значитъ. Можетъ быть, еще нѣсколько попытокъ формулированія не удадутся, какъ не удалось даже Шеллингу формулировать окончательно; но за то, этотъ Платонъ новаго міра разбилъ старую формулу и она рухнула въ бездну подъ молотомъ его логики.

Вотъ почему слова сего, величайшаго изъ мірскихъ мыслите-

лей, дозволилъ я себѣ избрать эниграфомъ къ моему разсужденію.

Высшее значеніе формулы Шеллинга, по скольку обозначается она въ доселѣ изданныхъ послѣднихъ его сочиненіяхъ, заключается въ томъ, что всему: и народамъ, и лицамъ возвращается ихъ *цѣльное, самоотвѣтственное* значеніе, что разбить кумирь, которому приносились требы идольскія, кумирь отвлеченнаго духа челоѵчества и его развитія.

Развиваются—если можно уже употребить теперь это слово—народные организмы, нося въ себѣ слѣды болѣе или менѣе отдаленной принадлежности къ первоначальному единству рода челоѵческаго, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему.

Каждый таковой организмъ, такъ или иначе сложившійся, такъ или иначе видоизмѣнившій первоначальное преданіе въ своихъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, вноситъ свой организескій принципъ въ міровую жизнь. Естественно, что нѣсколько такихъ *однородныхъ* организмовъ, имѣя сходство въ однородности принциповъ, образуютъ циклы древняго, средняго, новаго міра.

Каждый таковой организмъ самъ въ себѣ замкнутъ, самъ по себѣ необходимъ, самъ по себѣ имѣетъ полномочіе жить по законамъ, ему свойственнымъ, а не обязанъ служить переходною формою для другаго: единство же между этими организмами, единство неизмѣненное, никакому развитію не подлежащее, отъ начала одинаковое, есть правда души челоѵческой.

Чистѣйшая форма ея, хранившаяся подъ спудомъ сврейства, смутно-доступная интуитивной силѣ души, опережавшей иногда многосложную операцію полиэсизма и наконецъ во плоти пришедшая въ міръ,—идеаль, однимъ словомъ, пребывалъ и пребываетъ отъ вѣка.

Онъ есть вѣчная правда, неизмѣнный критеріумъ различенія добра и зла, права и не-права. Не онъ стало быть, не вѣчная правда судится и пзмѣряется вѣками, эпохами и народами, а вѣка, эпохи и народы судятся и размѣряются по мѣрѣ храненія вѣчной правды души челоѵческой и по мѣрѣ приближенія къ ней.

V.

Вотъ то, что уже, можно сказать, завоевано у историческаго воззрѣнія и притомъ завоевано при посредствѣ того же историческаго чувства, которое неправильно, незаконно сформулировано

историческимъ воззрѣніемъ. Что само это чувство указало здѣсь на незаконность, это едва ли требуетъ большихъ доказательствъ. Доказательство наилучшее—въ тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ дошла исторія, въ тѣхъ безпрестанныхъ противорѣчіяхъ, въ которыя она впадала на нашихъ глазахъ въ своей исторической критикѣ.

Историческая критика искусства родилась подъ вліяніемъ историческаго чувства и подчинилась вліянію историческаго воззрѣнія. *Пріемъ* ся совершенно правильный, какъ нѣчто непосредственно ей данное: *выводы*—совершенно ложны, какъ подчиненные неправильной формулѣ.

Первая и главная ложь ся состояла въ мысли, *что въ каждой ложѣ есть часть истины*, или иначе, *что каждая ложь есть форма истины*; или наконецъ еще проще, *что каждая ложь есть относительная истина*.

Прямое послѣдствіе такого положенія есть, конечно, то, *что нѣтъ истины абсолютной* (при идеи о безконечномъ развитіи), т. е. проще же говоря, *что нѣтъ истины*. Нѣтъ стало быть и красоты безусловной и добра безусловнаго.

Такъ какъ на этомъ душа человѣческая никомъ образомъ успокоиться не можетъ; такъ какъ ей нуженъ идеаль, нужна критическая основа, то *послѣднее звѣно развитія, послѣдняя относительная истина признается за критеріумъ*. Является теорія, построенная на произвольномъ критеріумѣ и на основаніи ея произносятся *окончательные* приговоры, смѣняющіеся другими *окончательными*, ожидающими на смѣну третьихъ, четвертыхъ *окончательныхъ* и т. д. usque ad infinitum!

Такъ на нашихъ глазахъ, напримѣръ, самыя уродливыя произведенія Занда принимались за послѣднее слово красоты и правды: прежде же этого и притомъ весьма не за долго до этого—одинъ Гёте въ его величавомъ олімпійскомъ спокойствіи былъ предметомъ поколѣнія, а все другое уничтожалось—презрительно говорилось о Зандѣ, Шяллеру отказывали въ имени художника и т. д., а еще того прежде, въ тридцатыхъ годахъ, Notre dame de Paris являлась вѣнцомъ искусства, Бальзаковъ Феррагусъ и другія ходульные лица возносимы были выше облаковъ. Затѣмъ, какъ змѣй кусающей хвостъ, критика принималась за старое—и мы видимъ теперь Зандъ сводимою съ пьедестала и развѣнчиваемою; мы читали статьи весьма тонкія и писанныя цѣпителемъ замѣчательнымъ о французскихъ классическихъ трагедіяхъ

и объ играть 1-жи Рашель въ этихъ проклятыхъ истинною критикою искусства трагедіяхъ, читали серьезныя толкованія о томъ, что въ сущности есть пляска на канатъ, читали восторженныя похвалы и этимъ нелпыимъ произведеніямъ страны, лишенной истиннаго художественнаго чувства и вкуса, извращавшаго всякое, не только художественное, чувство.

Публикъ оставалось или вовсе не вѣрить критикъ или вѣрить послѣдне-сказанному ей; но такъ какъ послѣдне-сказанное начало все болѣе и болѣе становиться неуловимо, то публика предпочла не вѣрить критикъ и поступила весьма законно. Что это—такъ,—это фактъ неоспоримый.

Прежде, *во дни дни*, въ тѣ дни, когда мы (я тогда былъ еще публика—счастливое время юности!) пламенно вѣрили и величію Феррагуса (*Histoire de treize*) и потомъ столь же пламенно чистому художеству *зеленаю* Наблюдателя и за тѣмъ всему, что говорилъ намъ непрерывно волновавшійся и насъ непрерывно волновавшій голосъ великаго, даровитаго критика: прежде, я говорю, первое, что жадно разрывалъ читатель въ новой книжкѣ журнала, былъ отдѣлъ критики и библиографіи. Теперь, онъ, болѣею частію, остается неразрваннымъ и критикъ пишетъ для собственнаго удовольствія и для удовольствія редакціи журнала: скоро, вѣроятно, и самыя редакціи не будутъ читать критическихъ статей, ни въ собственныхъ, ни въ чужихъ журналахъ помѣщаемыхъ.

Что этотъ фактъ имѣетъ причины не въ одномъ отсутствіи настоящаго критическаго дарованія, каково было дарованіе Блвинскаго; что не одни только литературное торгашество и постыдная продажа мнѣнія на всѣхъ вещественныхъ выгодъ и во имя отношеній писателей къ журналамъ подорвали кредитъ критики (хотя послѣднее обстоятельство и принадлежитъ къ числу *волиющихъ*), а что въ самыхъ принципахъ критики лежитъ уже несостоятельность,—это несомнѣнно.

Фраза: *относительная истина*, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ фраза. Отсутствіе прочнаго, не условнаго идеала, отсутствіе убѣжденія, — вотъ въ чемъ заключается болѣзнь исторической критики, причина ея упадка, причина реакціи противъ нея критики отрѣшенно-художественной.

Въ самомъ дѣлѣ, добросовѣстное мышленіе вправъ наконецъ сказать: дайте же намъ какой нибудь критеріумъ, какую нибудь основу! Будетъ вамъ низвергать насъ изъ эмпирея въ тартаръ и изъ

тартара подымать въ эмпирей, а то, вѣдь въ самомъ дѣлѣ придется повзрѣть мысли, которую нѣкоторые смѣльчаки уже и высказывали, что оцѣнка изящнаго есть дѣло личнаго вкуса. Помилуйте! вы скоро будете приглашать насъ восторгаться опять и Марлинскимъ и метафорическою поэзіею! Все вѣдь относительно и реакціи мысли неумовимы. Вы ужь успѣли забыть напримѣръ, что при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, при множествѣ безобразныхъ произведеній, Зандъ какъ поэтъ, все-таки одинъ изъ великихъ поэтовъ и одинъ изъ величайшихъ во всей исторіи литературы сердецвѣдцевъ; вы позабыли, какъ благоухаютъ свѣжестью и страстью многія цѣлыя ея созданія, какъ благоухаютъ въ самыхъ безобразныхъ ея произведеніяхъ многія страницы, какъ иногда, при всей дикости навязанной ей чужою теоріею мысли, постановлены у нея правильно, глубоко и тонко нѣкоторыя отношенія... Вы уже все это успѣли позабыть, но мы, публика, этого не позабыли—и не отдадимъ вамъ поэтому того Занда, съ которымъ мы прожили такъ много, весьма любя Теккерея и Диккенса и тоже живя съ ними, какъ не отдадимъ никому и ничему Пушкина, хотя воспитывались потомъ и подъ вліяніемъ Гоголя, хоть увиди потомъ оцѣнить и Островскаго! Всему свое мѣсто: не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія.

Дѣло въ томъ, что публика, масса не взрѣтъ уже болѣе критикъ именно потому, что критика сама въ себя не взрѣтъ.

Кому же нужна теперь критика?

Публикѣ она, въ настоящемъ своемъ видѣ, не нужна—это фактъ. Горе въ томъ, что она не нужна и литературѣ.

Въ отношеніи къ литературѣ; у критики вообще двѣ обязанности: изучать и истолковывать рожденныя, органическія созданія и отрицать фальшь и неправду всего дѣланнаго. Въ отношеніи ко всему *рожденному*, критика въ наше время оказывалась болѣею частію несостоятельною. Были блестящія исключенія, есть они и до-сихъ-поръ (ибо иначе, трудно было бы объяснить самое появленіе моей, чисто-отрицательной статьи въ журналѣ, въ которомъ она является, и стало быть известную степень симпатіи мнѣній автора съ мнѣніемъ редакціи), но такія исключенія рѣдки. Съ другой стороны, и въ отношеніи ко всему обыденному, критика потеряла право суда, утратила то полномочіе, которое дается ей правильнымъ отношеніемъ къ рожденнымъ созданіямъ искусства.

Историческая критика, слѣпо отдавши формуль, потеряла

самое дорогое: *вѣру въ исторію*. Счастливы, трижды счастливы тѣ, которые вѣрують въ исторію; еще счастливѣе тѣ, которые чувствуютъ ея дуновение; но многіе ли способны дѣйствительно въ нее вѣрвать и еще не меньше ли количество тѣхъ, которые чувствуютъ ее по непосредственному наитію? Неужели *тѣ* въ нее вѣрують, которые понимаютъ послѣдовательность историческаго развитія литературы *только* въ проведеніи своихъ мыслей? неужели *тѣ* ее чувствуютъ, которые способны закидать камнями все ново-возникающее въ литературѣ, потому только, что оно возникло безъ ихъ вѣдома и позволенія?

Нѣтъ! не вѣрують они въ исторію, ибо неспособны сознать исторически необходимости, неспособны сознать иной исторической и литературной задачи, кромѣ ихъ собственной; не чувствуютъ они исторіи, ибо не въ силахъ встать выше преходящихъ явленій, выше самихъ себя, въ уровень съ вѣчными началами правды. Вѣрить въ исторію, значитъ, вѣрить въ вѣчную и неперемѣнную правду. Тѣ, которые вѣрятъ въ произвольно-принятую теорію—неспособны, ради правды, отрыватья отъ своихъ личныхъ, узкихъ идеаловъ. Теорія знаетъ и видитъ только себя, помнитъ только то, что она по своему убѣжденію дѣлала хорошаго, всякія возраженія зоветъ ограниченностью, всякое противодѣйствіе ея противо-естественнымъ прихотлямъ—обскурантизмомъ. Такимъ образомъ, выходя изъ идеи вѣчнаго развитія, она впадаетъ въ совершенно китайскій застой. Она забываетъ, что, какъ любовь къ людямъ, разумно воспитанная, состоитъ не въ томъ, чтобы беречь, холить и гладить въ личностяхъ ихъ порочныя, слабыя или смѣшныя стороны,—такъ равномѣрно, и уваженіе къ дѣлу, до насъ совершенному, къ слову, до насъ сказанному, заключается въ томъ, чтобы принимать дѣло со всеми его неорганическими наростами, повторять слово какъ мертвую букву, но въ томъ, чтобы дѣло оцѣнить по заслугамъ, ни выше, ни ниже того, что оно дѣйствительно стоитъ, чтобы слово очистить отъ шелухи и воспользоваться имъ заключаящимся въ немъ ядромъ.

VI.

Во всякой произвольной теоріи, какъ бы безотраднa она ни была, есть своя увлекающая сторона: неправда ея и крайнія ея послѣдствія обнаруживаются уже послѣ. Первые теоретики и первые прозелиты теоріи обыкновенно суть люди самообманыва-

вающіеся, пламенно стремящіеся къ идеалу и сами не видящіе крайнихъ граней своей мысли: въ дѣятельности ихъ увлекаетъ другихъ ихъ натура, ихъ даровитость, ихъ убѣжденіе. Слабости теорій обнаруживаются уже тогда, когда пламенные поборники замолкли, когда остались одни нагіе результаты, лишённые того живаго и безграничнаго, что жило, что горѣло въ даровитой и могучей натурѣ, что ослѣпляло своимъ яркимъ блескомъ и влекло за собою сочувствія массы. Тогда начинается реакція жизни противъ теорій.

Видали вы, какъ трава пробивается сквозь скважины кладбищенныхъ памятниковъ, вѣгшающихъ и распадающихся, не смотря на то, что они каменные, по мудрому закону природы, которая не любитъ трутней, превращая ихъ въ прахъ и тлѣніе и изъ праха выводя жизнь? Такъ отпоры духа жизни пробиваются сквозь трещины теорій, надгробнаго памятника, имѣющаго значеніе только какъ напоминаніе о томъ, что когда-то жило и волновалось.

Подобныя явленія совершались всегда и теперь совершаются. Позволяю себѣ остановиться на нихъ.

Что такое въ сущности эти, поднявшіяся отвсюду, требованія художественной критики? Реакція живаго, требующаго живыхъ опоръ и ничего болѣе! Чтò значать въ самой литературѣ, потому—что литература идетъ объ руку съ жизнью, стало быть и съ критикою, явленія, діаметрально противоположныя явленіямъ, которыхъ слово разъяснено историческою критикою? Я разумѣю не такія явленія, которыя суть нѣчто совсѣмъ новое, стало быть *рожденное, живое*, а такія, которыхъ появленіе на свѣтъ обусловлено однимъ только отрицаніемъ, которыя имѣютъ значеніе только какъ свидѣтельство жизненнаго отпора, разрушающаго послѣдніе остатки отжившаго и тлѣющаго. Отпоръ всегда бываетъ рззокъ, какъ чистая противоположность, грубъ и сухъ, какъ голая мысль; въ отпоръ все бываетъ пересолено, все *сдѣлано*, а не рождено; но отпоръ правъ въ своемъ источникѣ, т. е. въ отрицаніи, и потому сухія порожденія правой и честной мысли имѣютъ иногда успѣхъ и притомъ довольно значительный, какъ свидѣтельство реакціи *.

* Посмотрите, напримѣръ, въ современной письменности на довольно энергическую и потому замѣчательную дѣятельность писателя, проникнутаго весьма честно и благородно, но явно отрицательною, явно рожденною однимъ отпоромъ мыслью; на повѣсти г. Крестовскаго. Припомнимъ

Что же дѣлать тутъ критикъ? Самой удариться въ реакцію? (что она часто и дѣлаетъ въ послѣднѣе время.) Но реакція права только въ своемъ отрицаніи, а у критики должна быть положительная основа, живыя начала. Что же признать ей за такія положительныя, живыя начала, откуда взять ихъ? Не въ реакціи! Реакція сама не имѣетъ положительныхъ основъ; реакція знаетъ, что она *не хочетъ*, но не знаетъ чего *хочетъ*: она не болѣе, какъ трава, пробивающаяся сквозь расщелины плесивъющихъ надгробныхъ камней, слѣпое орудіе жизни, естественное отвращеніе къ мертвечинѣ, — вотъ что такое реакція. На ней вы не построите началъ и, повинуваясь ей, не выйдете изъ заколдованнаго круга старой мысли и отрицанія старой мысли, пойдете не впередъ; а назадъ, сочтете отрицательныя требованія жизни за причудливый возвратъ къ старому, дойдете до школъ порчи вкуса, порчи здраваго чувства изящнаго, поставите на одну доску вѣчнаго, всечеловѣческаго Шекспира съ жеманнымъ Расиномъ и ходульнымъ Корнелемъ, или по-крайней-мѣрѣ, станете находить въ нихъ большой *смакъ*. До всего можно дойти, если отпоры жизни принимать за первые крики живыхъ, законо-рождающихся чадъ ея.

На мѣсто отжившаго можетъ стать не теорія, извлеченная логически изъ отпоровъ, созданная а *contra* (по противоположеніямъ), а новый живой принципъ.

Разсматривая явленія литературы, мы можемъ убѣдиться, что произведенія, сочиненныя съ извѣстными отрицательными цѣлями, только свидѣтельствуютъ объ отпорѣ, но никакихъ цѣлей те въ особенности его повѣсть: «Фразы». Жестче, рѣзче, безжизненнѣе трудно себѣ что-нибудь представить, а между тѣмъ отпоръ, породившій ее, правдивъ и честенъ.

Посмотрите съ другой стороны, какой отпоръ порождаетъ анализъ мелочныхъ существованій, пошлѣйшихъ чувствъ и обиднѣйшихъ промещствій: доведенный до *non plus ultra* въ продуктахъ умирающей, или даже, можно сказать, умершей натуральной школы. Во первыхъ, начали уже толковать объ Аннѣ Радклифъ и повѣстяхъ Марлинскаго, а во вторыхъ начали являться даже и произведенія, радикально противоположныя *натуральнымъ*. Не говорю о такихъ, въ которыхъ, при любви къ эксцентрическому, проглядывало нѣчто большее: талантъ и душа писателя, укажу напримѣръ на такое, какъ недавно появившаяся «Портретная галерея» Данковскаго. Несмотря на фальшивую грандіозность основной темы, на поддѣльность главнаго героя, на несообразную, ни съ чѣмъ и достойную Поля Феваля янтригу, романъ имѣлъ въ публикѣ нѣкоторый успѣхъ.

не достигаютъ: одно отрицаніе не создаетъ живаго убѣжденія, безъ котораго творчество невозможно.

Только живое, только рожденное, только принявшее плоть и кровь, живетъ и дѣйствуетъ. Только взрваніе, принципъ сердца, можетъ наполнить жизнь содержаніемъ. Взрваніе, предшественницей котораго бываетъ всегда реакція, обыкновенно растеть незамѣтно, выходитъ наружу тихо, зрѣеть въ уединеніи, но самымъ первымъ свѣдѣмъ появленіемъ уже оскорбляетъ и раздражаетъ какъ теорію, т. е. то, что жило и отжило, такъ и реакцію, т. е. то, что мечтаетъ жить на основаніи рязкой противоположности своей отжившему.

Принципъ, вносимый въ жизнь взрваніемъ, есть сначала безсознательное, но крепкое и коренное чувство *, а никогда не формула, ибо формула есть не что иное, какъ

Schall und Rauch,
Umnebelnd Himmels-Gluth.

звукъ и дымъ
Вокругъ огня и небесъ!

Принципъ этотъ никогда не есть только отрицательный, потому что онъ данъ самую жизнь, какъ свободный продуктъ ея, а не какъ орудіе противъ отжившаго.

Принципъ этотъ есть, однимъ словомъ, *новое слово* жизни и искусства, болѣе или менѣе обширное объемомъ, но всегда *рожденное*, а не искусственно сдѣланное, всегда *гениальное*, т. е. съ мировыми силами связанное.

Первый признакъ истинно-новаго или гениальнаго есть присутствіе въ немъ собственнаго, ему только принадлежащаго содержанія: оно всегда носитъ, такъ сказать, во чревѣ нѣчто такое, о чемъ и не грезилось реакціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все предшествовавшее ему есть его законное достояніе. Оно всему родное и притомъ кровное родное, и прошедшему, и настоящему, и будущему, но ни съ чѣмъ не разрывая связи, все себѣ усвоивая, все обнимая любовью, оно никогда не теряетъ своего, особеннаго, потому что есть нѣчто въ высшей степени сознатель-

* Убѣжденье, хотъ не скоро
Возникаетъ, — но за то
Кто Колумба Христофора
Переспорить могъ? Никто!

Я. Полонскій.

ное. Оба эти послѣдствія, два этихъ другихъ признака выводятся изъ одного источника.

У гениальныхъ натуръ (потому что о нихъ говорится: когда говорится о новомъ словѣ жизни и искусства) созерцаніе не разорванное, а цѣльное. Нося въ себѣ будущее, они однако видятъ обязательно живую связь этого будущаго съ настоящимъ и прошедшимъ, знаютъ, что послѣдній шагъ прошедшаго ведетъ къ настоящему, что этого шага миновать нельзя, но нельзя на немъ и остановиться. Мѣрно, тихо, осторожно, чуждая сльаго бунта противъ формъ, идетъ впередъ творческая сила. Она осмыслить только послѣдній шагъ стараго, выжметъ изъ него весь оставшійся сокъ и уловивши въ старыхъ формахъ совершенно новые эффекты, послѣдніе, которые могутъ быть даны ими и которые, какъ звѣнья, связываютъ ихъ съ новыми формами, раскрываетъ новый міръ. Напротивъ, дѣятельность метеоровъ въ жизни и въ искусствѣ начинается прямо съ сльаго разрушенія формъ, прямо съ «Кромвеля», «Гана Исландца» и положенія: «*le beau c'est le laid*», или съ «Макара Алексѣевича Дзвущкина» и его жалобъ на безжалостное, по его мнѣнію, представленіе Акакія Акакіевича, и какъ метеоръ исчезаетъ въ воздухъ. «И память его погibe съ шумомъ» или, какъ говоритъ Гораций: «*Vis consili expers, mole ruit sua.*»

Съ другой стороны, гениальная, творческая сила, есть всегда сила въ высшей степени сознательная. Много толковали о томъ, что творческая сила творитъ бессознательно; много приводили даже примѣровъ, что произведенія бываютъ выше силъ производящихъ. Но это фальшивое мнѣніе не выдержи-

* Такъ Пушкинъ, отъ Руслана и Людмилы, обработки единственнаго живаго, что онъ засталъ въ старомъ, единственнаго такого, въ чемъ, не оскорбля старыхъ формъ, освещенныхъ Аріостовымъ именемъ, восходитъ постепенно до «Напитанской Дочки» и «Бориса». Такъ Гоголь отъ «Вечеромъ на Хуторѣ», обработки опять-таки единственнаго живаго, что засталъ онъ въ направленіи историческихъ романовъ, доходитъ до «Шинели». Такъ въ наше время Островскій начинается съ «Свои люди сочтемся», гдѣ гоголевскій приѣмъ приложенъ въ послѣдній разъ къ дѣйствительности и переходитъ въ мягкое, свободное и вполне разумное, истинно поэтическое отношеніе къ великорусской жизни. Такъ Брюловъ, по словамъ одного изъ своихъ биографовъ, избираетъ сюжетъ Помпей, потому что этотъ сюжетъ «соединялъ фантазіи новой романтической школы со строгими этюдами почтеннаго классицизма». Такъ Мейерберъ раздѣляется съ старымъ направленіемъ своихъ «Crocato» и затѣмъ уже открываетъ новый міръ въ «Робертѣ».

знаетъ никакой критики, недостойно даже серьезнаго опроверженія. Многимъ удивительно кажется, какимъ образомъ человекъ, гораздо меньше, чѣмъ они, ученый и образованный, творитъ гениальное; многимъ обидно, что гениальная сила открываетъ съ простодушнѣйшимъ убѣжденіемъ такія вещи, которыхъ они не читали въ книгахъ—и сколько обвиненій въ безмврномъ самолюбіи, въ чевъжествѣ, даже въ тупости пониманія, падало и до-сихъ-поръ падаетъ на гениальныя силы за ихъ простодушіе! а между тѣмъ, только на такихъ обвиненіяхъ и основывается дикая мысль о безсознательности творческой силы. На дѣлѣ же выходитъ совершенно противное. О томъ, что великая творческая сила знаетъ свое дѣло, и говорить нечего: въ *своемъ* дѣлѣ, она воспитываетъ даже собственныхъ своихъ судей, а сначала ихъ не имѣетъ, ибо то *новое*, что вноситъ она въ міръ искусства или жизни, разъясняется (т. е. воплощается) ея же творчествомъ. Гений есть нечто всестороннее; взглядъ гениальной силы дорогъ даже и тогда, когда не касается собственно сѣ принадлежащаго дѣла. Шекспиръ могъ бы быть величайшимъ изъ государственныхъ людей Англіи. Брюловъ въ Дарданеллахъ, руководимый однимъ зоркимъ взглядомъ, безъ малѣйшаго знанія морскаго дѣла, удивилъ корабельнымъ манѣвромъ опытнѣйшихъ моряковъ и замѣчательнѣе всего то, что съ упорствомъ истиннаго, сознательнаго убѣжденія, отстаивалъ возможность тѣкаго манѣвра. Великая творческая сила есть сила сознательная, сила практическая, сила рождающая, потому что она не могла бы внести во плоти въ міръ врученное ей новое слово жизни или искусства.

Самое слово творческой силы, какъ приходящее во плоти, только сначала оскорбляетъ и раздражаетъ, или, лучше сказать ослѣпляетъ очи своимъ появленіемъ. Оно не есть поглощающее весь прежнія до него сказанныя и столь же многозначительныя, по скольку удовлетворяли они вѣчнымъ потребностямъ души человѣческой и нисколько не исключаетъ возможности будущихъ, ибо неисчерпаемо богатство сочувствія и пониманія, дарованнаго Вѣчною Любовію душѣ человѣческой!

VII.

Результатъ всего доселѣ развитаго разсужденіемъ—тотъ, что историческое воззрѣніе, какъ формулированная теорія, неправо, но, что право тѣмъ не менѣе и право въ высшей степени *исто-*

рическое чувство, котораго было оно неудачною формулою. Это историческое чувство есть наше, нами помимо нашего вѣдома приобритенное, въ насъ живущее, проникающее въ наши созерцанія и въ наши сочувствія.

Что же оно такое, это историческое чувство?

Для того, чтобы не вдаваться въ отвлеченныя опредѣленія, чтобы имѣть какую-либо твердую точку опоры на какомъ-либо грунть, всего лучше поискать опредѣленія его въ тѣхъ приемахъ, въ какихъ оно выразилось въ исторической критикѣ.

Первый и главнѣйшій приемъ исторической критики заключается въ томъ, что литература и вообще всякая духовная дѣятельность разсматриваются ею какъ органической плодъ вѣка и народа, въ связи съ развитіемъ общественныхъ понятій — и всякое литературное произведеніе, если только оно подвергается суду ея, представляется на этотъ судъ какъ живой отголосокъ времени, его умственныхъ и нравственныхъ созерцаній. *При томъ*: явленія разсматриваетъ она въ ихъ преемственной связи и послѣдовательности, вывода ихъ, такъ сказать, одно изъ другаго, сопоставляя и сличая ихъ между собою. *Наконецъ*: историческая критика опредѣляетъ: что произведеніе принесло съ собою въ міръ, что въ жизни оно угадало, что изъ жизни отразило, что оно присовокупило своимъ содержаніемъ и его развитіемъ къ общему богатству содержанія души человѣческой.

Что этотъ приемъ обусловленъ историческимъ чувствомъ, этого кажется нечего доказывать. Изъ него для опредѣленія историческаго чувства выводится то, что это чувство есть *чувство органической связи между явленіями жизни, чувство чуждости и единства жизни*.

Истина, кажется, очень простая, что жизнь есть нечто органическое и что всѣ явленія ея связаны между собою, а между тѣмъ, эта истина была рѣшительно Колумбовымъ яйцомъ. Чтобы понять, какимъ откровеніемъ была идея органическаго единства, стоитъ только перенестись въ прошлое столѣтіе и его воззрѣнія.

Не касаясь вообще философіи XVIII вѣка, я обращаю только ваше вниманіе на исторію мышленія объ изначномъ, на понятія литературныя.

Шекспиръ, передъ которымъ всѣ народы міра нынѣ равно благоговѣютъ (даже и Французы, по прежнему впрочемъ не понимая его), долгое время былъ почти забытъ и заброшенъ въ собственномъ его отечествѣ, во имя условной образованности фран-

цузской или, лучше сказать, романской, как теперь напримѣръ, во имя конечно болѣе широкой, но все-таки условной формулы образованности романо-германской, уничтожается нѣкоторыми цѣлый миръ самобытной, органической жизни. Эпитеты, которыми угощаль Шекспира Вольтеръ извѣстны (*Gilles de la foire, sauvage ivre*), а между тѣмъ, Вольтеръ же первый, създвнши въ Англію и по великому уму своему догадавшись, что можетъ быть жизнь съ другими условіями, чѣмъ та, которая въ понятіи его современниковъ стояла высшимъ идеаломъ, началъ говорить съ нѣкоторымъ восторгомъ о величіи этого *грубаго* генія, котораго послѣ испугался и принялся честить вышеозначенными эпитетами.

Въ лицѣ Вольтера цѣлый вѣкъ, цѣлое тогдашнее человѣчество, привыкшіе жить по условнымъ формамъ, испугались раскрывающейся новой силы. Есть великій смыслъ въ томъ, что пароль и лозунгъ философовъ: «*extérminéz l'infame*» равновѣрно обращенъ и на феодально-католическій миръ и на Шекспира съ его переводчикомъ, честнымъ и робкимъ Лётурнёромъ. Узкая разсудочная формула, созданная чисто аналитическимъ взглядомъ, чувствуетъ тревожно и смутно, что жизнь ее разобьетъ.

Чтобы понять весь страхъ формулы передъ жизнью, перенеситесь нѣсколько въ эту минуту исторіи.

У Франціи былъ такъ называемый классическій вѣкъ, съ такъ называемыми великими писателями; по понятіямъ этого вѣка, по произведеніямъ этихъ писателей сложились эстетическія понятія. По странному стеченію обстоятельствъ, этимъ эстетическимъ понятіямъ подчинились: и *Италія*, забывши, что образцы вышли изъ реставраціи, а реставрація началась въ ней, и забывши, что подъ реставраціей у нея лежитъ Дантъ; и *Испанія*, хотя первое движеніе французской литературы, Корнелевъ Сидъ, пошло отъ ея богатой и самостоятельной литературы; и Англія— въ эпоху ея реставраціи Стюартовъ, и *Германія*, въ которой сознаніе самостоятельной жизни было убито отсутствіемъ германскаго единства. Я беру только факты, не углубляясь въ причины, ибо факты только мнѣ и нужны. Дѣло въ томъ, однимъ словомъ, что идея Франціи, или яснѣе сказать, идея романизма, идея реставраціи есть идея не только преобладающая, но все уничтожающая, есть идея все-человѣческаго образованія и все-человѣческаго эстетическаго чувства. Передъ этой идеею все другое есть *невѣжество*, обскурантизмъ (точно такъ же, какъ въ наше время для многихъ все есть *невѣжество* передъ иде-

аломъ романо-германскимъ, что только найдеть подъ его уровнемъ).

Да и въ самомъ дѣлѣ: все уже кажется сдѣлано для блага человечества образованностью реставраціи. Вкусъ изощренъ и утонченъ, нравы доведены до возможной степени свободы: все это такъ блестяще и благопрістойно. По мѣстамъ только слышенъ запахъ гніющаго трупа въ тайныхъ оргіяхъ разврата: иногда только выбѣется наружу грязная лава въ произведеніяхъ Вольтера или хлынетъ цѣлымъ омутомъ въ романахъ маркиза de Saig; порою только, чѣмъ-то зловѣщимъ отзываются медовыя рвчи философовъ, но никому и въ голову не приходитъ усомниться въ томъ, чтобы слово эпохи не было послѣднимъ словомъ мысли и чувства. Какъ усомниться въ формуль, когда она такъ раціональна? какъ усомниться въ формуль, когда всякій уже знаетъ, что человечество по прямой линіи происходитъ отъ обезьянъ и не связано никакимъ единствомъ, кромѣ единства тѣлеснаго состава и его органовъ, когда философія исторіи аббата Базена разоблачила всю грубость, дикость, ложь, левѣжество прошедшаго?

Правда, что хранительное начало жизни, сознание вѣчныхъ требованій души, сказывается въ некоторыхъ уединенныхъ мыслителяхъ, въ особенности въ Англии; правда, что здоровенный умъ какого-нибудь дикаря фонъ-Визина, признакъ того же хранительнаго вѣчнаго начала, со смѣхомъ указываетъ на *жизнь* этой пышной одежды, но одного хранительнаго начала было бы мало для того, чтобы испугать эту, вооруженную всеми пріобрѣтеніями ума, всѣмъ блескомъ образованія, теорію. Новую силу чувствуетъ же въ трепетъ; приближеніе новаго *жиздательнаго* начала жизни повергаетъ ее съ первой минуты появленія въ озлобленіе и ужасъ, доходяще до остервененія. Бѣдный Лётурнёръ съ его робкой, но глубокой любовью къ Шекспиру, повака тутъ, какъ куръ во щи: совсѣмъ не до того тутъ дѣло! тутъ тронута больное мѣсто блестящей и условной образованности, тутъ впервые обнаружилась близость пробужденія новаго чувства, *чувства историческаго*.

Вотъ какъ оно родилось, а что оно сдѣлало—вы знаете!

Живая, связная трава пробилась сквозь надгробные камни, — жизнь охватила тлѣющее. То, что считали умершимъ—воскресло; иное, какъ Шекспиръ, поднялось на вѣчную жизнь: другое, какъ подавленные народности или подъ спудомъ лежащіе памятники ихъ поэзіи, ожило на время, боролось, хотѣло жить снова, какъ

хотѣла жить, напримѣръ, романтическая реакція, совершенно честно дѣло борьбы и улеглось на вѣчный покой. Но дѣло въ томъ, что оно улеглось уже съ почетомъ, на своемъ законномъ мѣстѣ, окруженное подобающимъ уваженіемъ всего роднаго, сознаваемаго свое органическое съ нимъ родство. Муміи не могли конечно остаться въ мѣрѣ; при первомъ прикосновеніи къ нимъ воздуха жизни, они распались прахомъ и тлѣніемъ, но изъ праха и тлѣнія поднялася жизнь, жизнь, которой слово есть историческое чувство. Какъ всякое чувство, оно пробудилось отъ толчка, отъ прикосновенія мысли къ живому тѣлу. Почувствовалась боль и данъ былъ отпоръ.

Отпоръ выражается всегда на первый разъ въ крайностяхъ. Такъ и здѣсь выражался онъ, напримѣръ, въ клятвахъ Клопштока и его друзей передъ *Irmensäule*, въ новыхъ бардахъ и бардитахъ, въ поддѣлкахъ Макферсона и проч. Затѣмъ является ясный умъ, сначала слишкомъ отрицательный, какъ умъ Лессинга. Отпоръ формулируется, но въ сущности разбивается только то, противъ чего онъ борется; собственная же его формула разъѣдается живымъ историческимъ чувствомъ Гердера. Гердеръ великъ тѣмъ, что онъ весь проникнутъ чувствомъ; его общей мысли не достаетъ связности и ясности, но на чувствахъ его до-сихъ-поръ и можно и должно воспитываться.

За симъ, идеи, получившія плоть, быстро переходятъ въ событія. Медовыя рѣчи философовъ раздражаются рѣчами Дантона; утопія Кондорсета гибнетъ подъ съкирою утопіи монтаньяровъ; утопія монтаньяровъ грозитъ въ свою очередь подземная утопія Марата и Гебертистовъ. Является личность, въ которой анти-историческое получаетъ свое рѣзкое опредѣленіе (я беру только одну сторону Наполеона, часть его задачи) и начинается всеобщая ломка исторіи—громовая, напряженная, вызывающая отпоръ, столь же напряженный, отпоръ судорожный.

Отпоръ, какъ орудіе жизни, одерживаетъ побѣду—и замѣчательно то, что одерживаетъ эту побѣду не собственными однако силами, а силами новаго, свѣжаго элемента, неповиннаго въ грѣхахъ всего прошедшаго европейской исторіи. Мумія романтизма поднимается изъ гроба и облакается въ торжественную одежду.

Но, увы! торжественная одежда оказывается тою смѣшною мантиею «доктора любви», въ которой Захарія Вернеръ являлся передъ *m-me de Staël*, не потому смѣшною, что она старая (есть и старыя одежды, которыя нѣсколько не смѣшны, ибо онѣ стары

только относительно условнаго идеала образованности), а потому, что подъ нею не бьется пульса живой жизни, потому что мушн поднята изъ гроба только для освидѣтельствованія и сама распадается прахомъ.

А между тѣмъ, вызовъ прошедшаго на освидѣтельствованіе, обусловенный и порожденный въ свою очередь тѣмъ, что слышались крики боли прошедшаго въ настоящемъ, утверждаетъ, узакониваетъ чувство органической любви, связующей прошлое съ настоящимъ, умершее съ живымъ. Идея смерти, мертвымъ идея—побѣждена. Жизнь и любовь несетъ съ собою историческое чувство. Въ органическую связь приводятся всѣ явленія жизни, всѣ звѣнья великой цѣпи — и понятно, какимъ лирическимъ чувствомъ проникнуть былъ одинъ изъ борцовъ новаго дѣла, Шиллеръ, въ своей «Пѣсни къ радости», какая вѣра въ будущее наполняла его душу, душу, которая вынесла всѣ адскія муки, всѣ сомнѣнія XVIII вѣка и которая жила всеми его утопіями. Поэтъ, быть можетъ, самъ себя олицетворилъ въ старомъ, годами и жизнью измученномъ баронѣ Аттинггаузенѣ, благословляющемъ новое племя великими словами:

Es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

(т.-е. «перемѣняется время и новая жизнь цвѣтетъ изъ-подъ развалинъ»).

Глубокую и пламенную вѣру въ исторію дало на первый разъ историческое чувство. Эта вѣра, но только чисто какъ вѣра, а никакимъ образомъ не формула, и есть его первое, законное опредѣленіе. Въ правильномъ приѣмѣ исторической критики, заключается только *вѣра въ то, что жизнь есть органическое единство.*

VIII.

Для того, чтобы вѣра была *живою* вѣрою, нужно *вѣрить въ* непреложность, непремѣнность, единство того, во что *вѣришь*. Даже и *сегодня* нельзя *вѣрить въ то, что по собственному нашему познанію окончитъ бытіе свое завтра*, т.-е. *вѣрить какъ въ нѣчто непреложное.*

Само историческое *чувство* возстаетъ противъ формулы *вѣчнаго развитія*, въ которую втѣснило его историческое *воззваніе.*

Историческое чувство разбило тотъ условный, *раціональный* идеалъ, до котораго *развилося* человечество въ XVIII вѣкъ, разбило послѣднія грани этого разсудочнаго мышленія, разбило въ

той области, которой въ особенности касается это разсужденіе—*искусственно сложившіяся* эстетическія требованія, но это нисколько не значитъ, чтобы на мѣсто ихъ, оно поставило *эстетическое безразличіе*, чтобы оно признало напримвръ одинаковость правъ китайской драмы и Шекспира или (что почти все равно) ходульнаго французскаго классицизма и Шекспира. Оно возвратило только всему прекрасному его законное мѣсто, во имя того, что во все времена и у всехъ народовъ (кроме Китая и племень безъ памяти, безъ преданій и безъ законовъ) душа человѣческая постоянно высказывала одни и тѣже требованія, одни и тѣже стремленія. * Оно засвидѣтельствовало, что искусство всегда являлось съ своими отзывами на эти требованія и стремленія, отзывами или лучшими въ простотѣ своей, въ безличномъ, растительномъ творчествѣ народныхъ пѣсень, полныхъ силы, красоты и свѣжаго благоуханія, или глубоко обдуманнми и, хотя менѣ яркими, но столь же вдохновенными, въ поэзіи художественной. Оно вывело однимъ словомъ то положеніе, что вездѣ, гдѣ была жизнь, была и поэзія: вездѣ, гдѣ была поэзія, была она настоящая, высказывавшая стремленія души человѣческой къ высшему, совершенному, прекрасному, всегда, какъ нравственно, такъ и эстетически одинаково понимаемому, что идеаль, однимъ словомъ, не развивается. Идеаль можетъ быть затерянъ, хранимъ подъ спудомъ въ ожиданіи его яркаго разсвѣта и тогда: «сидящіе во тмѣ и снни смертной» ищутъ его ошупью и возвращаются къ сознанію его многотруднымъ путемъ отрицаній всего того, что не есть онъ (путь такъ сказать мифологическій), но самъ остается всегда одинъ и тотъ же, всегда составляетъ *единицу*, норму души человѣческой.

Иначе,—нѣтъ *исторіи*, а есть какое-то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней.

Иначе—нѣтъ *искусства*, а есть только раболовное служеніе всякой жизни и повтореніе ея случайныхъ явленій на полотнѣ ли, въ мраморѣ ли, въ словѣ ли, повтореніе, которое какъ таковое

• Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden:
Das alte Wahre fass es an.

Гете.

т. е. «Истина найдена отъ вѣка: она связывала всегда благородное духовное братство. *Старую истину усвой твоей душѣ.*»

и не нужно, повтореніе , которое дѣйствительно не можетъ ни быть такъ *вкусно*, ни такъ *удовлетворять*, какъ живое явленіе, ибо его нельзя съѣсть, оцупать и т. д.

А между тѣмъ, именно къ таковой, постыдной точки созерцанія приводится формула, признающая развитіе идеала, т. е. откровеніе говоря, несуществованіе идеала.

Къ результатамъ не менѣе безотраднымъ и , хотя не столь постыднымъ, но узкимъ и ограниченнымъ, приводитъ формула, когда не въ силахъ вынести вѣчнаго вращанія, вѣчнаго развитія, она ставитъ геркулесовы столпы въ *данную послѣднюю минуту*, говоря «*hic locus — hic saltus!* то, что есть, то разумно!» (*was ist—ist vernünftig*).

Начать съ того, что тутъ есть явное самообманываніе, хотя, какъ уже было показано, такое самообманываніе свойственно душѣ человеческой. Послѣдствіемъ условно принятаго идеала будетъ казнь всего того, что не есть онъ, т.-е. всего того, что не есть произвольно остановленная минута, а потомъ, разумеется, казнь его самого, этого условно принятаго новымъ столь же условно принятымъ. Стало быть, это *sub aliâ formâ*—также точка зрѣнія XVIII столѣтія, также теорія, разбитая тогда, разбиваемая и теперь историческимъ чувствомъ.

Отсюда мы можемъ вывести опредѣленіе историческаго чувства уже какъ *сознанія цѣльности души человеческой и единства ея идеала*, сознанія, которымъ обусловлена въра въ органическое единство жизни, въра въ исторію.

IX.

Вотъ опредѣленіе, извлекаемое изъ перваго совершенно-правильнаго пріема исторической критики, пріема, изъ основъ котораго не исключается эстетическое чувство , и передъ которымъ Шекспиръ напимвръ великъ, не только какъ представитель обще-германскаго міра, но какъ великій поэтъ души человеческой, французская трагедія остается фальшью передъ искусствомъ и ложью на душу человеческую, хотя она и отражала потребности известной минуты, хотя на эффектныхъ тирадахъ ея, несомнѣнно воспитывались известныя героическія движенія души.

Не исключается равномерно изъ основъ этого пріема способность равнаго сочувствія всему прекрасному , въ какія бы времена и у какихъ бы народовъ оно ни явилось , разумеется съ приложеніемъ общаго критеріума души человеческой и съ нача-

лами суда по степени приближенія къ этому критериуму или удаленія отъ него.

1) Однимъ словомъ, жизнь, съ которою историческое чувство привело въ органическую связь всю духовную дѣятельность, принимается за *поясненіе*, а не за *законъ* изящнаго. Искусство, по сущности своей идеальное, судится съ точки зрѣнія идеала жизни, а не явленій ея, ибо оно, какъ уже достаточно развивалъ я въ статьѣ: «О правдѣ и искренности въ искусствѣ», само есть свѣтъ въ отношеніи къ явленіямъ. Озарить своимъ свѣтомъ сферу болѣе широкую, нежели сфера самыхъ явленій, оно не можетъ, или, другими словами говоря: оно какъ дѣло человеческое, отражаетъ въ идеальномъ просвѣтленіи только то, что жизнь сама даетъ и дать можетъ—но какъ лучшее изъ дѣлъ человеческихъ, стало быть наиболѣе руководимое сознаниемъ вѣчнаго критериума, вѣчной душевной единицы, оно становится въ отрицательное или положительное отношеніе къ жизни, смотря по отношенію самой жизни къ вѣчнымъ законамъ.

2) Созданія искусства, какъ видимыя выраженія внутренняго міра, являются или прямыми отраженіями жизни ихъ творцевъ, съ печатью ихъ личности или отраженіями вѣншей дѣйствительности, тоже впрочемъ съ печатью воззрѣнія творящей личности. Во всякомъ случаѣ — субъективное ли, объективное ли, такъ называемое творчество есть въ творящей силѣ результатъ внутренняго побужденія творить т. е. выражать въ образахъ врожденныя стремленія или благопріобрѣтенныя созерцанія своего внутренняго міра и даже границы между творчествомъ субъективнымъ и творчествомъ объективнымъ не могутъ быть резко опредѣлены: наблюденіями біографовъ и изслѣдованіями критиковъ психологовъ доказана во многихъ уже случаяхъ связь созданій съ личною жизнью творцевъ, да оно иначе и быть не можетъ: чтобъ не выражалъ человекъ, онъ выражаетъ только самого себя, чтобъ не созерцалъ онъ — онъ созерцаетъ не иначе, какъ чрезъ призму своего внутренняго міра. Субъективнѣйшія ли изъ созданій Байрона, объективнѣйшіе ли изъ типовъ Шекспира равно обязаны бытіемъ своимъ внутреннему побужденію творчества. Тѣ и другія равно не хотятъ собою что-либо намъренно сказать, а если и говорятъ, такъ вотъ что: «Берите насъ, каковы мы родились, берите насъ какъ примете вы орла, любящаго скалы и утесы, какъ примете вы голубой василекъ въ широкомъ желтоводномъ морѣ колыхающейся ржѣ; мы васъ

ничему не учимъ, и ни въ чемъ не виноваты ; мы дѣти любви нашихъ творцевъ, плоть отъ плоти ихъ, кровь отъ крови; насъ какъ мать выносила въ себѣ ихъ натура и мы рождены, какъ рождены вы сами, а не сдѣланы, какъ сдѣланы предметы вашей роскоши и вашего испорченнаго вкуса. Примите насъ, если мы родились и несовсѣмъ доношенные, примите насъ, если мы родились даже съ какими-либо органическими недостатками, примите насъ, потому что и такими-то насъ вамъ не сдѣлать, по тому что есть тайна въ нашемъ рожденіи, тайна, которой вы не изслѣдуете. Мы не то, что сама жизнь, ибо мы не сколки съ нея: жизнь сама по себѣ — но мы также самостоятельны и необходимы и живы, какъ самостоятельны и необходимы и живы ея явленія. Вы насъ не встрѣчали нигдѣ, а между тѣмъ вы насъ знаете, и это — единственный признакъ нашего таинственнаго происхожденія. Мы ваши старые знакомцы, насъ цѣлый міръ, міръ явно видимый, безспорно существующій, чуть что не осязаемый.»

3) Не говоря ничего *напередъ*, произведенія искусства, какъ живыя порожденія жизни творцевъ и жизни эпохи, выражаютъ собою то, что есть живаго въ эпохѣ, часто какъ бы предугадываютъ вдаль, разъясняютъ или опредѣляютъ смутные вопросы. Дознано, кажется, несомнѣнными опытами, что все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ своихъ созданіяхъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ. Искусство заранее чувствуетъ приближающееся будущее, какъ птицы заранее чувствуютъ грозу или вѣдро; все, что есть въ воздухѣ эпохи, свое или наносное, постоянное или преходящее, отразится въ фокусъ искусства и отразится такъ, что всякій почувствуетъ правду отраженія, всякій будетъ дивиться, какъ ему самому эта правда не предстала такъ же ярко.

4) Въ міръ искусства есть такія же допотопныя образованія и такія же допотопныя творенія, какъ въ міръ органическомъ. Мысль до своего полнаго художественнаго воплощенія проходитъ нѣсколько индійскихъ аватаръ, и потомъ уже отливається въ цѣльную, соразмѣрную, живую и могущую жить форму. Элементы цѣльнаго художественнаго міра сличаются задолго прежде*.

* На сколько мысль эта (требующая впрочемъ особаго, цѣльнаго развитія) вѣрна, можно убѣдиться даже на близкихъ къ намъ явленіяхъ. Въ отношеніи къ *Лермонтову* на примѣръ, *Полежаевъ* и *Марлинскій* суть до

5) Когда искусство уловить окончательно въчнотекущую струю жизни и оттолкнетъ извѣстный моментъ ея въ вѣковѣчную форму, эта отлитая искусствомъ форма, по идеальной красотѣ своей, нивѣтъ въ себѣ неотразимое обаяніе, покоряетъ себѣ почти деспотически сочувствія, такъ, что цѣлыя эпохи живутъ, такъ сказать, подъ ярмомъ тѣхъ или другихъ произведеній искусства, съ которыми связываются для нихъ идеалы красоты, добра и правды. Естественно, что, съ одной стороны, влияніе отлитыхъ художествомъ формъ выразится во множествѣ подражаній, въ работѣ по этимъ формамъ. Естественно съ другой стороны и то, что анализъ идеаловъ доведетъ многихъ до одязъ голыхъ, отвлеченныхъ мыслей, которыя извлекаются анатомическимъ ножомъ изъ живыхъ произведеній, что самыя эти отвлеченныя мысли станутъ въ свою очередь основами для работъ. Являются, однимъ словомъ, или копировки съ натуры въ манеръ извѣстнаго художника съ его приемами, съ его красками, или варіаціи на темы, извлеченныя анализомъ изъ созданій искусства. Такъ бываетъ всегда. Долгіи слѣды оставляютъ по себѣ произведенія искусства, долгіи слѣды въ письменности, въ чувствованіяхъ, въ нравахъ общества, долгіи до того, что почти всегда бываетъ минута застарѣлаго тяготѣнія, не ихъ самихъ конечно, ибо они ни въ чемъ не виноваты, а мертвой копировки въ ихъ манеръ или варіацій на сухія темы, изъ нихъ извлеченныя, и такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока новаго міра не вызоветъ изъ небытія искусства, новаго слова не скажетъ, новаго толчка не сообщитъ.

X.

Какъ грани критики чисто-эстетической заключаются въ требованіи отъ критики поэтическаго пониманія и такта, такъ грани критики исторической опредѣляются историческимъ чувствомъ, т. е. критика должна глубоко понимать, что *живые* голоса жизни слышитъ она въ художественныхъ отзывахъ, что великія тайны міра души и народныхъ организмовъ открываются ей въ созданіяхъ искусства. Какимъ же образомъ жизнь сама можетъ быть принята за судебный критеріумъ надъ тѣмъ, что въ отношеніи къ ней есть откровеніе, озареніе всего въ ней случайнаго, фокусь, въ который сводятся ея высшія законы?

потопныя образованія; Лажечниковъ съ его вдохновенными прозрѣніями въ сущность народной жизни, перемѣшанными съ романтизмомъ, допотопный міръ въ отношеніи къ тому стройному и живому міру, который создаетъ Островскій.

Между тѣмъ, историческая критика пошла именно этимъ дѣльнымъ путемъ, т. е. приняла жизнь какъ *явленіе* за норму искусства, и правильный пріемъ видѣть въ искусствѣ вообще, искусствѣ словесномъ, въ особенности, отраженіе жизни, обратившись весьма быстро въ пріемъ совершенно неправильный: видѣть искусствѣ рабское служеніе жизни. Такое отношеніе критики искусству не похоже даже на отношеніе слѣпца къ слѣпцу нѣтъ! тутъ слѣпой хочеть вести зрячаго. Именно это самое дѣлалось и дѣлается въ критику, когда она принимаетъ фальшивый пріемъ. Искусство всегда опережаетъ ее, всегда захватываетъ жизнь шире той минуты, на которой произвольно останавливается критика.

Какой же выходъ изъ этого? Неужели же рабское служеніе искусству и *слѣпая* вѣра въ него?... Это было бы весьма дѣлительнѣе, хотя надобно согласиться, что слѣпая вѣра въ искусство и рабское служеніе ему выше, нежели такое же рабское только дикой гордости исполненное служеніе теоріи, котораю хочеть задержать, остановить на данной минутѣ открывеніи жизни и поставить имъ Геркулесовы столбы.

Критикѣ нѣтъ повидимому никакого выхода изъ слѣдующей дилеммы, обнажаемой логическимъ мышленіемъ:

Или критика вовсе не самостоятельна, а подчинена искусству

Или критика ложно самостоятельна, т. е. самостоятельность вредна или бесполезна.

Такъ и выходитъ, если критериумъ для критики берется въ *явленіяхъ* жизни или *явленіяхъ* же искусства.

Но дѣло-то въ томъ, что какъ *искусство*, такъ и *критика искусства* подчиняются одному критериуму. Одно есть отраженіе идеальнаго, другая—разъясненіе отраженія. Законы, которыми отраженіе разъясняется, извлекаются не изъ отраженія всегда, какъ *явленіе*, болѣе или менѣе ограниченнаго, а изъ сущности самаго идеальнаго. Между искусствомъ и критикою, естествоисловцеское родство въ сознаніи идеальнаго, и критика и этому, не можетъ и не должна быть слѣпо-историческою, должна быть, или по-крайней-мѣрѣ стремиться быть, столь же *органическою*, какъ само искусство, осмысливая анализомъ: же органическія начала жизни, которымъ синтетически сообщаетъ плоть и кровь искусство.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Сочиненія Пушкина. Седьмой, дополнительный томъ.
Изданіе П. В. Анненкова. Спб. 1857 г.

«...Мы почитаемъ себя счастливыми, сказалъ Пушкинъ (въ примѣчаніи къ отрывку изъ рукописи Карамзина: «О древней и новой Россіи»), имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней-мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса».

Нѣсколько разъ потомъ подобныя слова сопровождали опубликованіе неизданныхъ произведеній другихъ нашихъ великихъ поэтовъ, голоса которыхъ также умолкли, и публика всегда принимала ихъ съ живымъ участіемъ и благодарностію къ тѣмъ, кто доставлялъ ей случай еще разъ услышать любимые и, по одному уже имени, симпатичные звуки. Но ни одинъ изъ этихъ умолкнувшихъ голосовъ, когда онъ снова, изрѣдко, раздается, не встрѣчаетъ, конечно, такого жаднаго любопытства, такого благоговѣйнаго вниманія, какъ голосъ Пушкина, и не одинъ издатель не можетъ съ большею истинностію примѣнять вышеназванныхъ поэтическихъ словъ его, обратившихся уже теперь въ обыкновенную риторическую фразу. Въ отношеніи пѣвца «Бахчисарайскаго фонтана» слова эти перестаютъ быть метафорою: голосъ Пушкина, пушкинскіе звуки — это почти тоже, что голосъ Рубина, россинивскіе звуки. Съ другой стороны, то, что сказалося въ этой музыкальной рѣчи, даетъ нашему великому поэту завидное право и на имя великаго соотечественника. Народная слава Пушкина давно уже (прежде, чѣмъ критическая оцѣнка его произведеній сдѣлалась возможною) достигла своего апогея: она была быстрымъ результатомъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя производили на публику его произведенія при ихъ появленіи въ свѣтъ. И теперь, по мѣрѣ того, какъ поколѣнія, возрастающая и научаясь грамотѣ, вступаютъ въ кругъ читателей, любовь къ Пушкину и его слава увеличиваются и упрочиваются сами собою. Критика мало прибавила и прибавитъ къ этой живой на-

Т. СХLVII. — Отд. V,
1

родной славѣ. Самыя глубокія ея положенія, ведущія читателей къ сознательному наслажденію изящнымъ и опредѣляющія важность заслуги писателя, не усилятъ блеска, окружающаго имя Пушкина. Безъ ея помощи онъ занялъ уже отчасти и со временемъ (по мѣрѣ распространенія просвѣщенія или даже, просто, грамотности) вполне займетъ то мѣсто, которое досталось Шиллеру въ Германіи, Беранже—во Франціи. Такова завидная участь и несомнѣнный признакъ поэтовъ народныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова!..

Приступая къ обзору послѣдняго тома «Сочиненій Пушкина», мы начали съ мысли о народномъ значеніи нашего любимѣйшаго поэта, для того, чтобы во имя чистыхъ и непосредственныхъ наслажденій, которыя образуютъ столь многочисленный и постоянно увеличивающійся кругъ его поклонниковъ и дѣлаютъ его народнымъ, поблагодарить издателя за окончанный имъ нѣтъ трудъ. Въ этомъ изданіи была такая настоятельная и столь долго неудовлетворявшаяся потребность, что нельзя не благодарить того, кто удовлетворилъ ей, и при томъ такъ умно и добросовѣстно. Эти послѣднія достоинства составляютъ, впрочемъ, особую заслугу г. Анненкова и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему право на особую благодарность.

Такое право издатели вездѣ приобретаютъ рѣдко, а у насъ оно представляетъ едва ли не единственный примѣръ.

Заслуга г. Анненкова состоитъ въ библиографическомъ и критическомъ трудѣ, который онъ приложилъ къ своему изданію, и въ системѣ, по которой оно сдѣлано. Эта заслуга, можетъ быть, еще не вполне оценена и требуетъ подробнаго критическаго разбора. Мы не намѣрены теперь входить въ подобный разборъ, но, говоря о вновь вышедшемъ, послѣднемъ томѣ изданія «Сочиненія Пушкина», считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на глубокообдуманнѣйшій трудъ издателя, безъ чего большая часть пьесъ, составляющихъ этотъ томъ, теряютъ самое важное свое значеніе: какъ ни понятно чувство, возбуждаемое даже слабыми «звуками умолкнувшаго голоса» великаго пѣвца, но одно только это сантиментальное чувство бесплодно. Въ трудѣ г. Анненкова превосходно определено и на дѣлѣ доказано, какое важное значеніе могутъ имѣть отрывистыя, недоконченныя и еще слабыя произведенія великаго писателя въ дѣлѣ искусства, въ изученіи законовъ творчества и самаго его процесса.

Г. Анненковъ, въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина» (помѣщенныхъ въ первомъ томѣ), съ искусствомъ тонкаго аналитика и напряженнымъ вниманіемъ ученаго наблюдателя, слѣдятъ за постепеннымъ развитіемъ творческихъ силъ Пушкина. Онъ вводитъ васъ въ мастерскую художника и старается посвятить въ тайны его творческой производительности. Трудъ его, названный имъ «Матеріалами для біографіи», прежде всего есть исторія созданія произведеній нашего великаго поэта. Не дозволяя себѣ ни одного, хоть сколько нибудь гадательнаго, положенія и основываясь вездѣ на тщательномъ изученіи предмета, на фактахъ и самой строгой, ученой ихъ повѣркѣ, онъ скупъ на выводы и приговоры, но за то выведенныя имъ положенія драгоценны, какъ твердыя и точныя опредѣленія науки. Въ его эстетическихъ изслѣдованіяхъ о Пушкинѣ заключается зерно будущей полной эстетической оцѣнки произведеній творца «Вориса Годунова».

До сихъ поръ наша критика, при всей чистотѣ стремленій и талантливости ея главныхъ представителей, отличается именно недостаткомъ точности и опредѣленности положеній. Она руководствуется личными соображеніями (обличающими часто рѣдкій эстетическій вкусъ, остроуміе и глубокомысліе), а не изслѣдованіями и наукой. Въ настоящее же время, въ критику нашей, къ произволу гадательныхъ сужденій присоединяется еще равнодушіе къ существеннымъ вопросамъ, подлежащимъ ея разрѣшенію; и усердіе къ разрѣшенію вопросовъ, постороннихъ или второстепенныхъ въ дѣлѣ искусства. Такимъ образомъ, не заключая въ себѣ внутреннихъ силъ—знанія, науки, и перенесенная на чуждую ей почву, она чахнетъ и все болѣе и болѣе теряетъ значеніе.

Критическая дѣятельность П. В. Анненкова представляетъ въ этомъ особеннѣйшій рядкое и пріятное исключеніе. Она имѣетъ преимущественно характеръ изслѣдованій, но изслѣдованій, основанныхъ, какъ мы сказали, на тщательномъ изученіи предмета, на неуклонномъ стремленіи къ разрѣшенію существенныхъ въ искусствѣ вопросовъ, на строгихъ и точныхъ опредѣленіяхъ науки. Нельзя не уважать этой скромной, но трудной и прочной критической дѣятельности, которая, при всей ея *незаметности*, становится все болѣе и болѣе замѣтною. Замѣтною для всѣхъ тѣхъ, кто смотритъ на критику эстетическихъ произведеній съ серьезной стороны; кто желаетъ видѣть въ ней не

одни красноречивыя тирады или остроумныя замѣтки о разныхъ предметахъ, по поводу эстетическихъ произведеній; кто ищетъ въ ней результатовъ изслѣдованій, обдуманнхъ и неуклоняющихся (для потѣхи публики или въ видахъ ея назиданія) чему бы то ни было) отъ главнаго предмета.

Современная критика слишкомъ много заботится объ удовольствіи или матеріальной пользѣ публики. Все рѣже и рѣже встрѣчаются статьи, въ которыхъ обнаруживалась бы, если не полная подготовка къ разрѣшенію эстетическихъ и литературныхъ вопросовъ, то по крайней мѣрѣ искреннее и добросовѣстное къ тому стремленіе. Самое слово: *эстетическая критика* возбуждаетъ почти насмѣшку. Пустыяшя критическая болтовня о предметахъ, съ которыми образованный человѣкъ знакомится на школьной скамьѣ, проходитъ спокойно и даже часто съ эффектомъ. Тоже бываетъ и съ циническими выходками завистливой бездарности, разрѣшающей, обыкновенно, *мелкой* критической дѣятельностію, т. е. грубыми нападками и придирками. Между тѣмъ, всякая критическая попытка во имя чистаго искусства, при нѣкоторой слабости, подвергается гоненію, какъ позорный поступокъ. Очень часто произведенія даже лучшихъ нашихъ писателей остаются безъ своевременной и надлежащей эстетической оцѣнки: за недосугомъ талантливой критики, занимающейся, какъ мы сказали, рѣшеніемъ разныхъ постороннихъ вопросовъ, они дѣлаются добычей площадной оцѣнки *мелкой* критики, завистливой или тупой. Слѣдуетъ, кажется, обратить вниманіе на то, что литературныя обстоятельства измѣнились, что кругъ литературной дѣятельности замѣтно увеличивается, что въ этотъ кругъ входятъ новые дѣятели, незнакомые ни съ литературнымъ преданіемъ, ни съ дѣйствительными условіями, въ которыхъ находится наша умственная дѣятельность, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, единство литературныхъ мнѣній должно все болѣе и болѣе разрушаться, и что прежній способъ рѣшать вопросы домашнимъ образомъ, дѣйствовать сообща и представлять публикѣ одни только результаты своихъ домашнихъ соображеній, одни только бездоказательные приговоры—становится невозможнымъ. Чтобы имѣть все въ глазахъ публики, современная критика болѣе, чѣмъ когда нибудь, должна обнаружить прямое и рѣшительное участіе къ эстетическимъ вопросамъ и основывать свои приговоры на тщательныхъ изслѣдованіяхъ и положеніяхъ науки.

Критическая деятельность г. Анненкова стремится удовлетворить этимъ требованіямъ и потому заслуживаетъ полного уваженія и вниманія. Ознакомясь ближайшимъ образомъ съ трудомъ издателя-критика и руководствуясь его указаніями, читатель найдетъ въ отрывкахъ и дополненіяхъ, собранныхъ въ послѣднемъ томѣ «Сочиненій Пушкина», рядъ полезныхъ уроковъ и обильную пищу для ума и эстетическихъ соображеній.

Седьмой и послѣдній томъ настоящаго изданія содержитъ въ себѣ нѣсколько пьесъ Пушкина, не бывшихъ еще въ печати, нѣсколько произведеній, уже опубликованныхъ прежде, и дополненія къ статьямъ и стихотвореніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ при его жизни. «Мы имѣли, говоритъ издатель, намѣреніе собрать все, что ходитъ еще по рукамъ изъ записокъ, посланій, экспромтовъ поэта и можетъ быть сообщено публикѣ, но усилія наши не вполне увѣнчались успѣхомъ. Правда, мы приобрѣли убѣжденіе, что количество и качество остающихся еще отрывковъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть велико, но сознаемся, что читатель можетъ еще встрѣтиться и послѣ нашего изданія съ посланіемъ, экспромтомъ или стихотворной запиской поэта, тщательно сбереженными отъ извѣстности. Скажемъ однако же здѣсь, что всякое изданіе классическаго писателя должно соответствовать времени своего выхода и потому неизбѣжно имѣть своего рода ограниченія и условія: задача изданія состоятъ въ томъ, чтобы не быть ниже потребностей и возможностей современности....»

Всякій, кто знакомъ съ изданіемъ г. Анненкова, согласится, что оно никакъ не ниже потребностей и возможности современности. Послѣдній томъ убѣждаетъ въ этомъ еще болѣе.

Произведенія, вошедшія въ эту книгу, размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, указывающемъ настоящія ихъ мѣста въ изданіи 1855 г., на которое при томъ сдѣланы всѣ необходимыя ссылки. Въ концѣ книги приложены подробные алфавитные указатели ко всѣмъ стихотвореніямъ и статьямъ Пушкина, заключающимся въ семи томахъ настоящаго изданія, а также и указатель къ «Матеріаламъ для біографіи» поэта, помѣщеннымъ въ 1 томѣ.

Прежде всего мы приведемъ нѣсколько пьесъ и отрывковъ, составляющихъ драгоценное украшеніе вновь вышедшаго тома. Читатели, неимѣющіе еще въ рукахъ, вѣроятно, будутъ намъ за это благодарны. Начнемъ съ отрывка, взятаго изъ

тетрадей поэта 1830—1831 г. По свидѣтельству г. Анненкина, эта пьеса не докончена; а между тѣмъ чего, кажется, еще недостаетъ для полноты этого поэтическаго выраженія идеальнаго порыва души: этой жажды возрожденія, являющейся отъ прикосновенія молодого и свѣжаго чувства къ увядающей душѣ? Вотъ этотъ отрывокъ:

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи вѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участія и вниманья—
Уныло слушаешь меня.
Клянупо коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвн. ночей;
Клянупо рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

Слѣдующее стихотвореніе («Аріонъ 1830 г.»), кромѣ обольстительной красоты пластическихъ образовъ, которые придаютъ ему видъ какъ будто бы брелъефа, кромѣ мелодіи почти музыкальной, кромѣ лирическаго чувства таинственной грусти, возбуждаетъ еще рядъ идей по своей аналогіи съ событіями, которыя представляетъ исторія почти каждаго общества:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощныя веслы. Въ тишинѣ
На руль склоняясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,

КРЕЩЕНА.

На берег выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Стихотвореніе: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу» — мнительно по разнообразію красокъ, по противоположности зовъ, которые, затронувъ два различныхъ мотива духа, сходятся въ одно поэтическое представленіе, образуютъ единое и ясное чувство. Само по себѣ это чувство очень трудно путь, которымъ поэтъ приводитъ къ нему изумительнѣ

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніють всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолей,
(Дешеваго рѣзца мелѣпная затѣя!)
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня умыслѣ находятъ,
Хоть плюнуть да бѣжать.

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лезетъ блѣдный воръ.
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
Колелебля и шумя...

(14-го марта 1836 года).

Въ этихъ двухъ картинахъ исчерпана поэзія кладбищ идеальная и отрицательная стороны. Рядъ образовъ, возмущающихъ душу до желчи нелѣпностью, нугающихъ воображенію дѣйствительностію, переходитъ въ картину, тихая и

чаявая красота которой успокоиваетъ и нѣжитъ. Крайняя дѣйствительность съ ея отрицаніемъ и идеаль поставлены здѣсь лицомъ къ лицу и находятъ равно поэтическое выраженіе... Поэзія представляетъ мало примѣровъ такого гармоническаго сочетанія совершенно противоположныхъ началъ: оно требуетъ отъ поэта великихъ творческихъ силъ и полнаго обладанія ими. Неувядающая прелесть и новизна такихъ произведеній, какъ Фаустъ или Гамлетъ, заключается именно въ глубокомъ сочетаніи этихъ двухъ главныхъ и противоположныхъ мотивовъ нашего духа. Не даромъ Пушкинъ рѣшился на попытку создать «новую сцену изъ Фауста»: какъ ни легка эта сцена, но въ ней повторяется одинъ изъ самыхъ поэтическихъ мотивовъ Фауста, тотъ мотивъ, который образуется изъ сочетанія рѣчей Мефистофеля, полныхъ отрицанія, съ рѣчами Фауста, исполненными идеальныхъ стремленій. Не даромъ также могъ Пушкинъ написать слѣдующее стихотвореніе на тему изъ Гамлета (Мысль этого стихотворенія парадоксъ, но чувство, въ которое облечена эта мысль, придаетъ ему глубокую истинность шекспировскихъ парадоксовъ):

Не дорого цѣню я громкія права,
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали Боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,

 Все это, видитель—*слова, слова, слова!*
 Иная, лучшія мнѣ дороги права;
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Ни кому
 Отчета не давать; себѣ лишь одному
 Служить и угождать
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
 Вотъ счастье! вотъ права!...

Закончимъ выписки изъ стихотвореній еще двумя пьесами:

С т а н с ы (1826 г.)

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю
 Хвалу свободную слагаю:
 Я смѣло чувства выражаю,
 Языкомъ сердца говорю.

* Hamlet Пр. Пушкина.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами!
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипить,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творить.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я.

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалой не воспую?

Я лстець! нѣтъ, братья, лстець лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голось нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Страстей и воли духъ мятежный!

Бѣда странѣ гдѣ рабъ и лстець,
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупивъ очи долу.

«Цыганы» (1824 г.)

Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ;
Алеко съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:

«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

«Останься по среди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ раняго гоненья
Надъ дикою люлькою твоей.

«Рости на волѣ безъ уроковъ,

Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣтъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

»Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой, мести.

«О Боже! Если бь мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой Остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса...»

Приведенныя нами пьесы составляютъ, какъ мы сказали, драгоценное украшеніе послѣдняго тома настоящаго изданія, но кромѣ ихъ есть еще нѣсколько другихъ, въ стихахъ и прозѣ, уступающихъ имъ въ достоинствахъ, но все-таки прекрасныхъ и имѣющихъ самостоятельное поэтическое или литературное значеніе. Имѣя въ виду ограничиться по возможности краткимъ обзоромъ, мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые въ первый разъ явились въ печать и особенно замѣчательны.

Прозаическія статьи, вошедшія въ составъ VII тома, раздѣлены на три отдѣла: историческій, полемическій и чисто литературный. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены: «матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго», «камчатокія дѣла (сводъ сказаній о завоеваніи Камчатки, взятыхъ изъ известной книги Крашенинникова) и біографическая статья: «Александръ Радищевъ.» Въ бібліографическихъ и критическихъ замѣткахъ, сопровождающихъ каждый отдѣлъ изданія, г. Анненковъ предупреждаетъ тѣ вопросы, которые рождаются въ читатель при первомъ взглядѣ на означенныя статьи, и опредѣляетъ ихъ значеніе. Первые двѣ даютъ понятіе о методѣ, принятой Пушкинымъ для историческихъ своихъ работъ и могутъ составить матеріалъ для критическаго изслѣдованія, послѣдняя же, какъ исторически критическій этюдъ, представляетъ образецъ изящества. По справедливому замѣчанію издателя-критика, она есть плодъ того зрѣлаго, здраваго и пронзательнаго критическаго такта, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ не задолго до его смерти. Больше шестидесяти лѣтъ (говоритъ

г. Анненковъ) протекло послѣ единственнаго примѣра *арестуаментя печати* въ Россіи, совершеннаго Радищевымъ, и Дудкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намеренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій и никакія злоупотребленія, столь неизбежныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ cadaго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ закона, и это составляетъ высокую нравственную мысль его дальной и строгой статьи.

Въ статьѣ «матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», г. Анненковъ только слегка касается нравственнаго развитія нашего великаго поэта. Понятно, что предметъ этотъ требовалъ крайней осторожности, да и самые матеріалы, находившіеся у него подъ рукою, если это были только произведенія поэта, не представляли къ тому надлежащихъ данныхъ. Жизнь и личность Пушкина, какъ чловѣка, до сихъ поръ намъ слишкомъ еще мало известны, и, вѣроятно, еще не скоро будутъ доступны для полной оцѣнки уже потому, что слишкомъ еще живы и горячи слѣды, имъ оставленные. Для полнаго ихъ уразумѣнія и изображенія необходима и полная картина общественныхъ, нравственныхъ и умственныхъ интересовъ пушкинской эпохи. А много ли сдѣлано у насъ по этой части? Одни только очерки общества въ отношеніи его эстетическаго развитія, набросанные критикою при оцѣнкѣ литературной дѣятельности прошедшаго времени, слишкомъ недостаточны. Единственная, можетъ быть, да и то, очевидно, преждевременная попытка опредѣлить степень нравственнаго и умственнаго развитія этой еще близкой къ намъ по времени, но уже далекой по развитію эпохи, сдѣлано почти на дняхъ («критикомъ Современника» по поводу писемъ Гоголя). Но и она есть только плодъ остроумныхъ и тонкихъ соображеній смѣлаго и ретиваго мыслителя, не подкрѣпленныхъ надлежащими фактами.

Впрочемъ внимательное изученіе однихъ только произведеній Пушкина убѣждаетъ въ неосновательности того мнѣнія, что будто бы въ немъ нравственное развитіе не шло въ уровень съ развитіемъ эстетическимъ. Отсутствіе, въ его зрѣлой дѣятельности, *либерализма*, отличавшаго его юношескіе годы, не только не подтверждаетъ, а скорѣе опровергаетъ это мнѣніе. Что такое подобный либерализмъ? поклоненіе формамъ безъ надле-

жащаго пониманія существа ихъ содержанія; стремленіе къ другому порядку вещей безъ истинной потребности въ тѣхъ вещахъ, для которыхъ онъ необходимъ; теоретическія мечты, дружно уживающіяся со всемъ, что имъ прямо противорѣчитъ въ жизни, въ практикѣ!... Что такое, напримѣръ, по современнымъ понятіямъ, нравственныя убѣжденія Чацкаго, недостатокъ котораго, въ художественномъ отношеніи, Пушкинъ такъ быстро и мѣтко опредѣлилъ, но слова котораго назвалъ бисеромъ, котораго не слѣдуетъ метать?.. Точно ли нравственный смыслъ этихъ словъ такой драгоценный бисеръ? кажется, нѣтъ...

По этому отсутствіе идеальнаго, но безплоднаго и бессознательнаго направленія не составляетъ никакой потери для Пушкина въ нравственномъ отношеніи и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуемъ о зрѣлости его развитія умственнаго. Въмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ этого великаго и пракческаго ума отпадаютъ отъ него и тѣ предрасудки, которые такъ хорошо уживаются съ незрѣлыми убѣжденіями, съ бессознательнымъ либерализмомъ. Мы видимъ подтверженіе этого въ чертѣ, указываемой г. Анненковымъ: «кто нѣсколько ближе вникалъ, говоритъ онъ, («матер. для біограф. А. С. Пушкина»), — въ характеръ Пушкина, того не удивить мнѣніе, которое съ особенною настойчивостью долго онъ старался укоренить въ друзьяхъ и знакомыхъ, что онъ пишетъ и печатаетъ *единственно* для денегъ. Это увѣреніе, расточаемое упорно и съ какой-то претензіей, уже показывало тѣмъ самымъ не твердость своего основанія. Дѣло въ томъ, что оно, поясняется, съ одной стороны—теоріей творчества про самаго себя, о которой недавно говорили, а съ другой—жизненнымъ противорѣчіемъ, въ которомъ долго находился нашъ поэтъ. Известно, что онъ всего болѣе опасался, въ виду свѣта, своего настоящаго призванія и титула поэта. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ и считала помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Увѣреніемъ, что пишетъ изъ расчета, какъ другой заводитъ фабрику или занимается агрономіей, старался онъ передъ свѣтомъ закрыть свое достоинство писателя, въ которомъ никакъ не хотѣлъ явиться передъ нимъ, хотя доброй частію своихъ успѣховъ обязанъ былъ именно блеску, сопровождающему необыкновенный талантъ. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ и является въ свѣтъ уже какъ писатель.

Важные труды, принятые имъ на себя, и знаменитость самого имени освобождаютъ его отъ предубѣжденія, отличавшаго его молодые годы. Въ эпоху, которой занимаемся, всякое смѣшеніе свѣтскаго чловѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Съ одушевленіемъ читалъ онъ свои произведенія людямъ, занимающимся литературою, но когда въ одномъ, и весьма любимомъ имъ, домѣ высшаго круга, просили его прочесть что-нибудь, онъ съ жаромъ и негодованіемъ прочелъ только-что написанное стихотвореніе: «Чернь», и говорилъ потомъ: «въ другой разъ не будутъ просить у меня стишковъ.» Это двойственное положеніе въ обществѣ превосходно выражено имъ самимъ въ томъ отрывкѣ, который, со многими другими, предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей.»

Съ сознаніемъ своихъ силъ и истиннаго достоинства, чувство законности, столь свойственное гармонически развитымъ уму и душѣ, обнаруживается сильнѣе въ произведеніяхъ Пушкина и ясно выражается тамъ, гдѣ оно касается общественныхъ вопросовъ. Изъ его произведеній видно, что онъ всегда глубоко принималъ къ сердцу тѣ изъ нихъ, которыя имѣли непосредственную связь съ его назначеніемъ...

Въ VII томѣ помѣщены два посланія къ Аристарху, вѣроятно уже извѣстные многимъ изъ читателей. Приведемъ здѣсь только окончаніе втораго посланія, украшеннаго глубоко-поэтическимъ и неожиданнымъ обращеніемъ къ Шишкову — (Пусть читатели припомнятъ воспоминанія г. Аксакова о Шишковѣ: его мастерской очеркъ этого героя двѣнадцатаго года, простодушнаго ученаго, министра и друга просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ наивнаго противника Карамзина, и тогда они увидятъ въ этомъ обращеніи одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ нравственной глупины симпатій нашего поэта):

Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ.
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дѣтъ сберегъ онъ завръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины!..

.....
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить.
Будь строгъ, но будь ученъ. Не просятъ отъ тебя,

Чтобъ всё законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему:
 Но скромной истинѣ, но мирному уму,
 И даже глупости невинной и невольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной.
 И если ты въ плодахъ досужаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и правовъ сопостата,
 То славы автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и съяло подпиши.

Тонъ шутки, необходимой уже для того, чтобъ умѣрить дидактическій характеръ мысли, высказанной въ этихъ стихахъ,— характеръ вовсе несвойственный такой живой и поэтической натурѣ, какъ Пушкинъ,—очевидно, не мѣшаетъ здѣсь силѣ нравственнаго убѣжденія. Въ эпоху своего полнаго развитія, въ статьѣ противу мнѣнія Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной, Пушкинъ высказываетъ свое убѣжденіе о настоящемъ предметѣ рѣшительнѣе и прямѣе. Не смотря на умѣренность тона, въ которомъ написана эта академическая статья, она ясно выражаетъ глубокое и заботливое участіе къ дѣлу умственаго развитія. Съ неотразимой силой убѣжденія онъ опровергаетъ мнѣніе о гибельности западнаго вліянія на нашу литературу, тогда какъ еще такъ недавно одинъ изъ нашихъ журналовъ, желавшій встать въ главѣ умственаго нашего движенія, разразился такой филиппикой противу этого вліянія.

Возраженіе Пушкина противу «Мнѣнія Лобанова» помѣщено во второмъ отдѣлѣ VII тома, гдѣ собраны статьи полемическаго содержанія, какъ назвалъ ихъ издатель. Дѣйствительно таковъ ихъ общій и главный характеръ. Но въ статьяхъ этихъ на ряду съ выходками, которыя при всей ихъ изящной остротѣ, имѣютъ все-таки видъ перебранки, попадаются драгоценнѣйшія замѣтки. Укажемъ, или, лучше сказать, напомнимъ читателямъ хоть слѣдующее мѣсто изъ первой статьи «Исторія Русскаго Народа»:

«Карамзинъ, говоритъ Пушкинъ, есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своєю критикою онъ принадлежитъ исторіи, просто-душіемъ и апофеозами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ слѣченіи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ

изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единого важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его не удовлетворителенъ, тамъ не доставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ свосвольными догадками. Нравственный его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употребляетъ, какъ краски, но не полагаетъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы», говорятъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя «не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характера ровъ». Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, въ другое, г. Полевой никакого: *вольному воля*, какъ говорили наши предки.

«Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава VIТ тома была еще не дописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: когда же думалъ историкъ?»

«На сіе отвѣствуемъ:

«Когда первые труды Карамзина были съ жадностью принимаемы публикою, имъ образуемой, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ Исторіи Россіи и мысленно обнималъ все будущее зданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ еще имъ начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть захватила послѣднюю его мысль... Г. Полевой, немного подумавъ, конечно самъ удивится своему легкомысленному вопросу.»

Такъ въ легкой и шутилой формѣ журнальнаго спора, среди смутныхъ еще понятій объ истинахъ исторіи и ея значеніи, Пушкинъ въ двухъ, трехъ словахъ опредѣляетъ высокую творческую сторону произведенія Карамзина.

Вообще было бы до крайности жалко и ошибочно, еслибы издатель-критикъ не отказался отъ первоначальнаго намѣренія своего — исключить «полемическія» статьи изъ собранія сочиненій Пушкина, въ слѣдствіе личностей, которыя въ нихъ встрѣчаются. Такая деликатность и осторожность были бы щепетильностью, литературнымъ *pruderie*, особливо въ его изданіи. Настоящее изданіе не есть изданіе простое, популярное: оно расположено по строгому, критически-обдуманному плану, и удовлетворяетъ спеціальнымъ цѣлямъ. Помѣстивъ въ немъ самыя слабыя, отрывочныя и не имѣющія самостоятельной цѣпы произведенія великаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ указавъ средства къ уразумѣнію ихъ важности, издатель, безъ причинъ, отъ него

независящихъ, не долженъ былъ исключать изъ этого изданія такихъ произведеній, которыя, не смотря на ихъ уклоненіе отъ прямого литературнаго пути, все-таки принадлежать величайшему художнику и изящнѣйшему уму. Если бы произведенія эти и не имѣли значенія въ искусствѣ, то все-таки они составляютъ прямое достояніе исторіи литературы, которая излагаетъ не одни только нормальныя явленія литературной дѣятельности, но все ея характеристическія явленія. Для нея важны: и глубокая оцѣнка эстетической стороны Исторіи Карамзина, сдѣланная Пушкинымъ, и его натянутые упреки Полевому за то, что тотъ рѣшился провозгласить Нибура первымъ историкомъ своего времени, упреки, обнаруживающіе, по-видимому, неопредѣленный взглядъ на значеніе этого Лютера науки исторіи...

Не безплодно также выикнуть въ постройку слѣдующихъ пьесокъ, дѣтскихъ сказокъ, которыя въ первый разъ являются въ печати. (Остальныя «полемическія» статьи, кромѣ «Альманашика», напечатаны и перепечатывались въ отрывкахъ и цитатахъ.)

Маленькій лжець.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ участвовалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ—астрономъ, фрейторъ—историкъ и что птички—Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случилось ему сказать и правду.

Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчишками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо его порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ ему кричалъ: «пьяница, уродъ, развратникъ, писака, безбожникъ»—и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и поймавъ его за вихорь, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячокъ сказалъ ему: «по дѣломъ тебѣ, негодий, дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя.» Ванюша сталъ очень печаленъ и почувствовалъ свою вину, исправился.

Въ первой изъ этихъ граціозныхъ пародій есть очевидное преувеличеніе карикатуры; но вторая проникнута тѣмъ простоду-

шіемъ, полнымъ неуловимаго юмора, которое нашло болѣе достойное примѣненіе въ «Лѣтописи села Горохина». Только неправдоподобная брань мальчика обнаруживаетъ сатирическую цѣль этой творческой шалости, наименовавшей простодушный разсказъ горохинскаго лѣтописца, который сообщаетъ драгоценное извѣстіе о томъ, что бабы переходили рѣку въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до коленъ.

Обратимся теперь къ послѣднему отдѣлу, заключающему въ себѣ «статьи чисто-литературнаго содержанія».

«Въ этомъ отдѣлѣ, говоритъ издатель, мы предлагаемъ нынѣ разобранный нами и совокупленный въ одно цѣлое—планъ романа въ письмахъ, которымъ занялся Пушкинъ около 1830 г. Объ немъ мы упоминали въ «Матеріалахъ для біографіи поэта», и прибавимъ къ сказанному тамъ, что, не смотря на бѣглый, поверхностный очеркъ, данный роману — въ немъ заключено нѣсколько чертъ, чисто автобіографическаго характера, которыя и дѣлаютъ его весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для литературы. Намъ кажется, что мысль романа зародилась у Пушкина послѣ чтенія «Монастырки» Погорѣльскаго, которую онъ очень любилъ. Въ противоположность съ наивной героиней его хотѣлъ онъ изобразить умную, хотя и бѣдную компаньонку, надѣленную сердцемъ и страстями. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что съ 1830 года Пушкина постоянно занимала мысль изобразить свѣтское общество съ тѣми заключеніями и выводами, которое оно ему само внушало—и плодомъ этой мысли остаются, вмѣстѣ съ нашимъ отрывкомъ, и всѣ тѣ неоконченныя повѣсти и романы, которые находятся въ собраніи его сочиненій 1855 года, томъ V. За тѣмъ, кромѣ «Разговора вечеромъ, на раутъ», принадлежащаго къ тому же направленію и конецъ котораго, выпущенный нами, заключаетъ тѣ же жалобы на невниманіе къ старымъ дворянскимъ родамъ, какіе проявляются въ пьесахъ: «Родословная моего Героя», мы помѣщаемъ въ болѣе полномъ видѣ два отрывка, уже данные прежде въ «Матеріалахъ для біографіи».

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены «Драматическій этюдъ» (одна сцена) и статейка «Анекдотъ о Байронѣ».

Пользуясь вышеприведенными указаніями и замѣтками издателя-критика, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

То, что унесъ съ собой Пушкинъ въ преждевременную могилу, составляетъ не только потерю эстетическихъ наслажденій, но и драгоценныхъ уроковъ въ дѣлѣ искусства. Послѣ него многіе

доставляли намъ эти высокія наслажденія , но тѣ пробѣды въ нашей литературѣ, которые онъ могъ пополнить, давъ образцы для изученія и подражанія, до сихъ поръ остаются не пополненными. Прямой преемникъ поэтическихъ идей Пушкина—Лермонтовъ, не успѣлъ выполнить своего назначенія, и былъ уже чуждъ его бодрыхъ, успокоительно-мудрыхъ воззрѣній на жизнь; а между тѣмъ литература приняла другое направленіе: другія явленія и типы привлекли ея вниманіе, и преимущественно отрицательные. Явилась сознательная и настоящая потребность въ томъ, что было мечтою, отвлеченной теоріею, въ эпоху Пушкина. То, что было зарею въ его время и выражалось въ жизни и въ его произведеніяхъ, какъ мотивъ—разсвѣло и обратилось въ тему. Это новое, исключительно-отрицательное направленіе, сосредоточило на себѣ лучшія силы послѣдующихъ дѣятелей нашей литературы—и *свѣтское общество*, жизнь общественная по преимуществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ *женщина* не нашли себѣ ни полного идеальнаго выраженія, ни вполне достойнаго представителя. Ужъ конечно къ нимъ никакъ нельзя отнести ни Марлинскаго съ его балами у посланниковъ и героями, сбрасывающими бархатные плащи при входѣ въ маскарадную залу, ни остроумныхъ очерковъ изъ жизни Большаго свѣта Графа Сологуба, ни велико-свѣтскихъ фантазмагорій Вонлярларскаго.

Въ чемъ же заключается причина такого явленія: въ литературной ли дѣятельности и ея представителяхъ или въ той почвѣ, изъ которой она беретъ матеріалы—въ нашей жизни?

Рѣшеніе этого вопроса не есть дѣло праздное и безплодное, при настоящемъ положеніи нашей поэзіи. Она, очевидно, затрудняется, по зависящимъ и независящимъ отъ нея причинамъ, въ матеріалахъ для своего содержанія. Отрицательная сторона нашей жизни, въ той мѣрѣ и въ тѣхъ сферахъ, какъ она доступна для изображенія, значительно исчерпана. Провинціальная жизнь, чиновническій міръ, крестьянскій бытъ, по возможности, разобраны по косточкамъ. Каждый шагъ впередъ на этомъ поприщѣ требуетъ величайшихъ усилій, необыкновеннаго таланта, или есть шагъ назадъ, т. е. повтореніе. Если обличительное направленіе, образовавшееся въ нашей литературѣ, и будетъ идти все выше и глубже, то и тогда оно не доставитъ большихъ приобретѣній искусству. Оно только примѣняетъ то, что уже въ немъ одѣлано, къ практической цѣли; а такое примѣненіе, при всей его цѣль-

зѣ, не можетъ быть окончательною цѣлью искусства, его послѣднимъ словомъ, ибо, иначе Гомеръ, Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Пушкинъ и Гоголь творили бы только для того, чтобы приготовить г-ну NN средства для литературнаго изобличенія квартальнаго надзирателя въ злоупотребленіяхъ.

И такъ, обращаясь къ вышеозначенному вопросу, мы скажемъ, что, по нашему мнѣнію, данныя для его разрѣшенія можно найти въ сравнительномъ разборѣ произведеній представителей нашей поэзіи въ ея положительныхъ и отрицательныхъ стремленіяхъ къ идеалу. Но нѣкоторыя данныя для этого можно найти и въ разсмотрѣніи тѣхъ произведеній Пушкина, которые были, какъ говоритъ г. Анненковъ, *плодомъ его мысли изобразить свѣтское общество.*

Извѣстно, что Пушкинъ положилъ прочныя начала сближенія нашей поэзіи съ дѣйствительностію, которая послѣ него и не сходила съ перваго плана въ искусствѣ. Но онъ владелъ такъ же тайною находить въ этой дѣйствительности прекрасныя стороны. Могла ли же послѣ него наша жизнь и воззрѣніе на нее измѣниться до такой степени, чтобы для насъ сдѣлались невозможными въ ней положительно-идеальныя черты? Разумется, нѣтъ; нужно только стараться и умѣть ихъ находить. Не отвергая безусловно строгихъ требованій теоріи искусства, можно сказать, что красота поэтическихъ образовъ заключается не въ томъ, что они удовлетворяютъ вполне нашимъ эстетическимъ и нравственнымъ требованіямъ: такіе чисто-идеальные, вѣчно прекрасные образы слишкомъ рѣдки въ поэзіи каждой эпохи и нужно отойти отъ нея далеко, чтобы они ясно обозначились, какъ нужно быть на огромномъ разстояніи отъ горы, чтобы замѣтить ея очертаніе. Идея красоты и добра имѣетъ свою исторію, и при оцѣнкѣ ея выраженія въ произведеніяхъ искусства нужно принимать въ соображеніе время и мѣсто. По современнымъ понятіямъ и съ извѣстной точки зрѣнія, можно найти Татьяну Пушкина и его Онегина пустыми людьми, а Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ, почти такими же варварами, какъ Тарасъ Бульба, но всѣ эти лица все-таки образы идеальные. Не вдаваясь далѣе въ эти теоретическія и общія соображенія, перейдемъ къ фактамъ, которые, надѣемся, пояснятъ нашу мысль, если она выражена не ясно или не точно.

Конечно, Пушкинъ видѣлъ отрицательныя стороны *свѣтской жизни* и *свѣтскихъ* людей. Но это не мѣшало ему сочувствовать ихъ изящной и прекрасной сторонѣ и отыскивать въ нихъ

прекрасныя черты. Пушкинъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ обществу и въ особенности къ тому, которое называется *светомъ*. Это влеченіе, столь естественное въ каждомъ нормально развитомъ человѣкѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ поэтѣ, котораго дикая жизнь цыганскаго табора плывила до того, что онъ прожилъ въ немъ нѣкоторое время, и который первый воспѣлъ прелесть тихой сельской жизни. Жизнь въ *светѣ* не осталась для Пушкина безплодною: ей обязанъ онъ болѣе всего познаніемъ женщины. Въ произведеніяхъ его чувство любви и поклоненія красотѣ замечательны такой реальностію ощущеній страсти, нѣги и тоски, которыя въ тысячу разъ живѣе и поэтичнѣе теоретическаго ей поклоненія, признаки котораго — холодность и натянутость, такъ ощутительны въ произведеніяхъ нашихъ современныхъ поэтовъ, не убѣгающихъ въ дебри Аполлона, а постоянно въ нихъ, по-видимому, пребывающихъ.

Пушкинъ и его эпоха не были чужды крайностей и предрасудковъ. Но и мы вовсе не такъ далеко ушли впередъ, чтобы отрѣшиться отъ нихъ вполне: они въ насъ есть и доказательствомъ тому служить то, что мы впадаемъ въ противоположную крайность, въ своего рода *ханжество*, вытекающее изъ претензіи на высшее развитіе, на отрѣшеніе отъ всякихъ предрасудковъ. Если Пушкинъ стыдился передъ глазами общества своего *ремесла*, какъ исключительности, и старался смѣшаться съ толпою, надъ которой господствовалъ въ своихъ произведеніяхъ, то мы до смерти боимся, чтобы насъ не смѣшали съ нею, чтобы не приняли за обыкновенныхъ смертныхъ, чтобы не подумали, что мы стыдимся своего призванія. Аристократизмъ ума и рабьинное ему поклоненіе, въ которомъ Гоголь такъ справедливо обвинилъ наше время, выражаются у насъ въ своего рода предрасудкахъ и ложномъ стыдѣ.

Мы наслаждаемся тѣмъ, что даетъ *светская* жизнь, мы наслаждаемся, на примѣръ, тѣми поэтическими сторонами, которыя развиваются въ женщинѣ, подчиненной ея условіямъ, но мы какъ будто бы стыдимся сознаться въ этомъ и стараемся смотреть на эту жизнь, на свои къ ней отношенія и наслажденія ею съ высока и съ отрицательной точки зрѣнія. Слово *светскій*, соединенное съ понятіемъ общежительности, сдѣлалось теперь синонимомъ *пошлости, пустоты, ничтожества*. Однимъ изъ условій высшаго развитія считается почти презрѣніе къ условіямъ *светской* жизни. Въ изображеніи *света*, да и вообще общества,

всѣ художественныя средства, которыми располагаетъ писатель, какъ будто мельчаютъ: юморъ часто становится только насмѣшливостію, *цыганствомъ*; жизненный опытъ скептической недо-вѣрчивостію ко всему, что дѣлается на глазахъ общества; а вся драма, весь паеосъ—въ противорѣчій условій общественной жизни съ человѣческимъ достоинствомъ, которое приносится имъ въ жертву. Какъ будто бы человекъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и безъ чьей нибудь вины не можетъ страдать! Тѣ крайности *отрицательнаго направленія*, въ которыя впадаютъ нѣкоторые изъ современныхъ нашихъ писателей, происходятъ отчасти изъ тщеславнаго желанія казаться *умнымъ* и *развитымъ*. Этотъ своего рода аристократизмъ ума и образованія удовлетворяется на счетъ ближняго и общества. Въ господствующихъ нынѣ литературныхъ направленіяхъ и, особенно, въ направленіи *отрицательномъ* есть бездна аффектацій и своего рода *fatuité*. Вглядитесь въ положеніе, которое видимо или невидимо занимаетъ у насъ писатель въ обществѣ, изображая его. Это положеніе нравственно философскаго недоτροги, неданта, Донкихота. Все его оскорбляетъ, все ему глупо, смѣшно, жалко, все ложь, обманъ, суета-суеть, а то, что возбуждаетъ его нравственно-философское сочувствіе, непременно жертва всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ общественной жизни. Вглядитесь въ физиономію тѣхъ образовъ, которые многіе изъ современныхъ писателей дѣлаютъ представителями нашей свѣтской и общественной жизни, и увидите, что въ этой коллекціи чудаковъ, карриатуръ, ословъ, плутовъ, негодяевъ и жертвъ, есть такая же натяжка, такое же антихудожественное преувеличеніе, какъ въ балахъ у испанскихъ посланниковъ Марлинскаго и въ его герояхъ, бросающихъ бархатные плащи. Если ложное стремленіе къ изображенію идеальныхъ сторонъ свѣтской и общественной жизни привело пылкій и энергическій талантъ Марлинскаго къ изображенію чудовищныхъ образовъ, отъ которыхъ его современники приходили въ восторгъ, а мы, отрезвленные отрицательной *поэзіей Гоголя*, въ негодованіе, то и стремленіе къ изображенію отрицательныхъ сторонъ общества, доведенное до послѣдней крайности, должно произвести подобное же явленіе.

Обратимъ вниманіе на слѣдующій фактъ. Графъ Сологубъ сочинилъ хорошенякую пьеску «Чиновникъ», гдѣ вывелъ на сцену графиню и еще нѣсколько свѣтскихъ людей. Г. Павловъ, по этому поводу, написалъ прекрасную критическую статью, гдѣ

разрѣшая нѣсколько важныхъ вопросовъ, доказываетъ, что выведенная авторомъ графиня совершенно невѣрна современной дѣйствительности. Съ удивительнымъ знаніемъ жизни и проникаемостью глубоко-образованнаго наблюдателя, рисуетъ онъ другой планъ графини, вполне согласный съ современными понятіями. Но есть ли хоть одна идеальная, симпатичная черта въ этой мастерской программѣ свѣтской женщины? Дѣйствительная и современная графиня, составленная критикомъ по рецепту отрицательнаго направленія, возбуждаетъ столько же сочувствія, сколько Собакевичъ, и гораздо меньше той вѣдьмы, которая была причиной преждевременной смерти Хомы Брута. Слѣдуетъ ли заключить, что въ нашей свѣтской женщинѣ нѣтъ ничего симпатичнаго, ничего положительно-прекраснаго изъ того, что графъ Сологубъ, знающій свѣтскую жизнь очень хорошо, и г. Павловъ, которому она такъ же прекрасно извѣстна, и который при томъ такъ наблюдателенъ и уменъ, не нашли въ ней ничего подобнаго? Слѣдуетъ ли это заключить изъ того, что Гоголь такъ же не нашелъ идеала русской женщины и что его Улинька—*этотъ образецъ совершенства*, великолѣпная кукла? Если слѣдуетъ, то какъ же объяснить такое странное явленіе: идеальныя черты есть въ какой нибудь деревенской нянь, въ Пульхеріи Ивановнѣ, въ Хорѣ и Колиничѣ, а ихъ нѣтъ въ нашей свѣтской женщинѣ и въ русской женщинѣ вообще!.. Не объясняется ли это, напротивъ, отсутствіемъ идеала въ авторѣ. Вѣдь идеаль чловѣка въ немъ самомъ и тѣ идеалы, которые онъ находитъ, въ дѣйствительности суть только явленія, соответствующія его внутреннему идеалу.

Пушкинъ видѣлъ отрицательныя стороны нашей жизни: онъ нашелъ въ его произведеніяхъ вѣрный и краснорѣчивый отголосокъ, но онъ и находилъ въ ней также положительно идеальныя явленія, потому что явленія эти соответствовали идеальнымъ настроеніямъ его души. Гоголь нашелъ мало такихъ явленій въ нашей жизни: они противорѣчили его идеаламъ и это противорѣчіе выразилось у него рядомъ отрицательныхъ образовъ. И тотъ и другой были искренны и самостоятельны въ своихъ стремленіяхъ, и тотъ, и другой дѣйствовали съ «простодушіемъ гениевъ». Ни Пушкинъ, ни Гоголь (до извѣстной поры) не рисовались передъ современниками, не фарисействовали, не потворствовали общественному мнѣнію. Одинъ созидалъ, другой разрушалъ, уступая потребности поэтическаго творчества, каждый сообразно тому, что ему было дано. Пушкинъ не боялся быть ниже своего времени, со-

чувствуя, поклоняясь и благоговѣя передъ явленіями окружавшей его жизни: онъ былъ высокъ въ этомъ поклоненіи, какъ жрецъ, склоняющійся съ искреннимъ благоговѣніемъ передъ своимъ истуканомъ. Гоголь не думалъ быть выше, раскрывая наши общественныя и духовныя язвы, какъ не думаетъ врачъ быть выше больного, вонзая въ него спасительный ножъ. Пушкинъ и умеръ не испытать этого опасенія, потому что онъ до последней минуты былъ искренъ и естественъ въ своихъ стремленіяхъ. Гоголь пережилъ свою цвѣтущую эпоху—эпоху простодушнаго, свободнаго творчества: онъ почувствовалъ, что время ушло впередъ, хотѣлъ догнать опередившее его развитіемъ поколѣніе, хотѣлъ стать выше его—учить, пересоздавать, *созидать* и съ этой минуты, не смотря на всю нравственную высоту такихъ стремленій, уже не творилъ, а сочинялъ. Ибо зародышъ творчества заключается не въ желаніи создать, что нужно для даннаго времени или мѣста, а въ потребности создавать. Подобное желаніе можетъ быть только побужденіемъ, а не источникомъ творчества. Отъ того произведенія людей, одаренныхъ великимъ гениемъ, такъ часто не признаются ихъ современниками, которымъ они кажутся вовсе не нужными и которымъ они дѣйствительно бываютъ не нужны. Если бы спросить Шекспира и Гёте, за чѣмъ одинъ создалъ Гамлета, а другой Фауста, то, конечно, они не указали бы какой нибудь практической или современной цѣли. Нельзя не вспомнить при этомъ того математика, который, прослушавъ Федру, спросилъ: что же это доказываетъ? Почтенный ученый не сдѣлалъ бы этого вопроса, прочтя многія изъ современныхъ намъ поэтическихъ произведеній. Но что же доказываютъ эти произведенія въ искусствѣ?

Несостоятельность въ дѣлѣ искусства всякаго *сознаннаго* уже направленія, каково у насъ направленіе отрицательное съ разными его видоизмѣненіями, заключается именно въ томъ, что оно, насилуя таланты, выводитъ ихъ изъ условій свободнаго творчества, что оно заставляетъ ихъ видѣть, думать и изображать то, что признается хорошимъ или нужнымъ по установленнымъ понятіямъ. Прямое и непосредственное примѣненіе искусства къ практической цѣли не подвигаетъ его ни на волосъ впередъ: оно приготовляетъ только для чего будущихъ дѣятелей и цѣнителей. Искусство успѣваетъ не отъ того, что по художественнымъ образцамъ приготовляются красивыя галантерейныя вещи и изящная мебель: оно выигрываетъ отъ этого только тогда,

когда означенные предметы, обращаясь въ употребленіи, зарождаютъ въ массу, не приготовленной къ пониманію произведеній чистаго искусства, съмена будущаго эстетическаго развитія. Воздадимъ же должную благодарность каждому полезному дятелю въ дѣлѣ нравственнаго, умственнаго и эстетическаго развитія, но не будемъ смѣшивать дятелей только полезныхъ съ истинными художниками и поэтами и ихъ произведеній, облеченныхъ только въ поэтическія формы, съ произведеніями чистаго искусства, для котораго они имѣютъ значеніе не болѣе красивыхъ или полезныхъ вещей. Поэзія не исправительное заведеніе, не больница, не богодѣльня, не синагога! Одно только служеніе добру, пользы, человечеству не дастъ права на мѣсто въ ея области, гдѣ какая нибудь бонапартіійская пѣсенка Беранже стоитъ выже философіи Вольтера, и имя Петрарки выше имени Ньютона, не говоря уже объ именахъ гг. З... или Щ..., или К..., которые, по-видимому, такъ хлопчутъ о пользы общей. Никогда писатель не создастъ ничего истинно великаго или прекраснаго въ искусствѣ, если его побуждаетъ одна только потребность быть полезнымъ и современнымъ... Къ сожалѣнію, творчество заключается не въ этой прекрасной потребности. Пушкинъ, по свидѣтельству г. Анненкова, кончалъ своего «Бориса Годунова» съ увѣренностію, что публика не оцѣнитъ его и приметъ холодно. Онъ хотѣлъ создать народную драму въ то время, когда въ ней не было потребности. Этой потребности нѣтъ еще и теперь: доказательствомъ этому служить то, что гениальныя сцены «Бориса Годунова», по прекрасному выраженію издателя — критика, до-сихъ-поръ стоятъ въ уединенномъ величіи въ русской литературѣ.

Теперь посмотримъ, какъ создавалъ Пушкинъ свои идеальныя образы, какъ находилъ онъ положительно-идеальныя черты въ тѣхъ явленіяхъ и сферахъ нашей жизни, которыя послѣ него возбуждаютъ исключительно чувство отрицанія.

Въ произведеніяхъ Пушкина всюду разсыяны черты его собственной идеальной личности: его зиждущаго, а не разрушающаго ума, его гармонически-развитой души, чуждой болѣзненныхъ потрясеній, его несистоцной вѣры въ успѣхъ, въ благо, въ красоту жизни. Чувство сомнѣнія, отрицанія, нравственнаго гнѣва и вражды не преграждали теченія его творческой мысли къ осуществленію въ искусствѣ положительныхъ идеаловъ; они иногда только возмущали это, столь могущественное въ своемъ

спокойствіи, теченіе, и являютя въ его произведеніяхъ, какъ тѣнь, какъ унымый мотивъ, стройно сливаясь съ ихъ общимъ, свѣтлымъ и оживляющимъ тономъ. Пушкинъ не нанесъ намъ ни одной раны, которую бы самъ не изцѣлилъ, не вынулъ ни одного камня изъ зданія нашей жизни, не указавъ другаго, которымъ можно было бы его замѣнить. Какъ въ приведенномъ нами стихотвореніи (кладбище), такъ и во всѣхъ его произведеніяхъ, *отрицаніе* является у него только, какъ противоположность идеалу, для полноты его выраженія, какъ тѣнь, для свѣта — въ картинахъ. (Можно допустить отрицаніе, тѣнь играть первостепенную роль въ произведеніи искусства; но одно отрицаніе, одна тѣнь, одно безобразіе и мракъ, это — неполнота, односторонность, несовершенство.) Пушкинъ былъ чуждъ всякой односторонности, всякаго исключительнаго воззрѣнія на жизнь, всѣ явленія которой, доступныя для него, были ему равно близки. Онъ пѣвецъ жизни со всеми ея сторонами: положительными и отрицательными, съ ея перлами и грязью, съ ея нравственными и матеріальными стремленіями, съ ея явленіями національными и общечеловѣческими. До сихъ поръ онъ нашъ Беранже и вмѣстѣ съ тѣмъ Шиллеръ. Вмѣстѣ съ стукомъ шампанскихъ пробокъ (за которыя на него такъ нападали) и мотивами русскихъ пѣсенъ, въ его поэзіи слышатся торжественные звуки гимновъ человеческой любви и народной славы... Но Пушкинъ не держался буквы дѣйствительности, не былъ привязанъ къ ея грязному хвосту, какъ это случилось со многими изъ послѣдующихъ писателей, образовавшихъ натуральную школу и вызвавшихъ столько грубыхъ и глухихъ, но не лишенныхъ истины упрековъ. Онъ щедрою рукою надѣлялъ свои образы и своихъ героевъ чертами своей собственной, далеко возвысившейся надъ общимъ уровнемъ личности, частицами своего ума и души, не боясь быть невѣрнымъ дѣйствительности и впасть въ идеализацію. Онъ не боялся, скажемъ мы теперь (обращаясь къ вышепоставленному вопросу объ изображеніи свѣтской жизни и женщины), вложить въ уста господина, дремлющаго въ *ямбовомъ* креслѣ, на дачѣ у княгини Д., свою собственную глубокую мысль о простодушіи геніевъ; онъ не считалъ за нарушеніе истины обнаружить въ одномъ изъ присутствовавшихъ въ салонѣ знакомства съ Тацитомъ, а другому приписать свою собственную мысль о *египетскихъ ночахъ*, точно также какъ не боялся онъ сдѣлать Евгенія Онегина идеальнымъ и невѣрнымъ дѣйствительности, удѣлявъ

ему лучшую долю своей изящной и тонкой природы и смѣшать его личность съ своею до такой степени, что лицо дѣйствующаго героя какъ бы сливается съ лицомъ самаго поэта.

Приведемъ здѣсь дополненіе къ отрывку изъ повѣсти, помещенному въ «Матеріалахъ для біографіи поэта», на который сдѣлали выше ссылки. Наша мысль тогда станетъ яснѣе:

«Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д*.

Разговоръ какъ-то коснулся до *m-me Stael*. Баронъ Д* на дурномъ французскомъ языкѣ очень дурно разсказалъ извѣстный анекдотъ—вопросъ ея Бонапарту: «кого почитаетъ онъ первою женщиною въ свѣтѣ?» и забавный его отвѣтъ: «ту, которая народила болѣе дѣтей — *celle qui a fait le plus d'enfants*».

Какая славная эпиграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по дѣламъ ей, сказала одна дама. Какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты.

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамсовыхъ креслахъ, мнѣ такъ кажется, что ни *m-me de Stael* не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпиграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ единаго лобопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію гениевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка: кого почитаете вы первою женщиною въ свѣтѣ?

— Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплиментъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки: иные называли *m-me de Stael*, другіе Орлеанскую дѣву, третью Елисавету, англійскую королеву, *m-me de Maintenon*, *m-me Roland* и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишнее) въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ.

— Для меня, сказалъ онъ: женщина самая удивительная—Клеопатра.

— Клеопатра, сказали гости—да конечно!... однако почему же?

— Есть черта въ ея жизни, которая такъ врѣзалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобъ тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ.

— Чтожъ это за черта?

— Не могу; мудроно разсказать.

— А что? развѣ неблагопристойно.

— Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.

— Ахъ, разскажите, разскажите.

— Ахъ, нѣтъ—не разсказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ. *Qui est-ce donc que Tom trompe ici*. Вчера мы смотрѣли *Antoine*, а вонъ тамъ у меня на каминѣ влѣдается *la Physiologie du mariage*. Нашли чѣмъ насъ пугать... Перестаньте насъ пугать... Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! Вы не жур-

наисть... Расскажите, что знаете про Клеопатру, однако будьте благопристойны, если можно...

Вся разобъясилась.—Ей Богу, сказалъ молодой человекъ, я робью, я сталъ стыдливъ, какъ... Ну такъ и быть. Надо знать, что въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали.

— *Aurelius Victor*? прервалъ Вершневъ, который учился нѣкогда у Езуитовъ. Аврелій Викторъ — писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію... Онъ написалъ книгу: *de Viris Illustri*—о знаменитыхъ мужахъ Рима. Знаю!

— Точно такъ, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе о Клеопатрѣ, которое такъ меня поразило... и, что замѣчательно! въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силою выраженія равняется Тациту: «*Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostituerit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emebant*».

— Прекрасно, воскликнулъ Вершневъ; это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните? *Tantae...*

— Что же это, господа? сказала хозяйка, ужъ вы изволите разговаривать по латыни! Какъ это весело! Скажите, что значитъ ваша латинская фраза?

— Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотой и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни.

— Какой ужасъ! сказали дамы:—что же вы нашли тутъ удивительнаго?

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка... кажется одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такой цѣною... Я предлагалъ Пушкину сдѣлать изъ этого поэмю: онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, замѣтила одна дама. Чтожъ хотѣлъ онъ извлечь изъ этого? Какая тутъ главная идея? не помните ли?

— Онъ начинаетъ описаніемъ праздника въ садахъ египетской царицы. Клеопатра угощаетъ поклонниковъ своихъ... гремитъ музыка... Евнухи разносятъ вины... народъ тѣснится на порфиновыхъ ступеняхъ... и вдругъ она надъ чашей золотой задумалась. Поникла дивною главой... пиръ утихъ... и дремлетъ...»

Г. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи» объясняетъ происхождение этого отрывка: онъ назначался къ тому, чтобы служить рамкой для поэтической мысли Пушкина о *Egyptischen Nочахъ*. Но какая отдылка въ этой рамкѣ и какъ въ ея легкихъ и неоконченныхъ арабескахъ чувствуется нравоописательный характеръ. Это тѣ нравы, та сфера нашей жизни и тѣ ея формы, которыя плѣнили Марлинскаго, Вережкина и другихъ его послѣдователей до Воллярярскаго включительно. Но ихъ прельщали исключительно и даже однѣ только формы, для которыхъ они придумывали или приписывали содержаніе, вовсе имъ не свойственное. То зерно истины и прекраснаго, которое у Пуш-

кина должно было развиться въ стройное растение и пустить корни въ нашей литературѣ, было отброшено съ презрѣніемъ послѣдующими писателями, какъ зародышъ однихъ только предрасудковъ и устарѣлыхъ повятій, а у другихъ разрослось дико и утратило свой истинный характеръ. Довольно того, что то общество, языку котораго Пушкинъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ обязанъ окончательнымъ отрѣшеніемъ отъ княжескихъ формъ и неслыханной дотоле простотой и смѣлостью выраженій, у Марлинскаго и его ближайшихъ послѣдователей,—заговорило какими-то кудрявымъ и напыщеннымъ слогомъ, несвойственнымъ даже семинаристу, не только свѣтскому чловѣку.

«Отрывокъ изъ романа въ письмахъ» представляетъ, съ настоящей точки зрѣнія, также предметъ для любопытныхъ изслѣдованій. Не забудьте, что это *планъ* романа, а не оконченное произведеніе, и что въ немъ заключаются только матеріалы, данныя для поэтическихъ образовъ и характеровъ. Но и они показываютъ, изъ какихъ разнородныхъ элементовъ слагались у Пушкина типы и очерки того общества, которое потомъ выражалось у насъ вѣчно въ одномъ и томъ же типѣ эгоизма, предрасудковъ и пустоты. Мы видимъ, что Пушкинъ и сюда вносилъ все богатство своего ума и души, вмѣсто того, чтобы отыскивать и избирать только черты, противорѣчившія внутреннему идеалу. Словомъ, онъ и здѣсь стремился къ осуществленію положительныхъ, а не отрицательныхъ идеаловъ и находилъ ихъ источникъ въ самомъ себѣ.

Вотъ письмо Лизы, бѣдной дѣвушки, жившей въ домѣ князя К*, къ своей свѣтской подругѣ, названной Пушкинымъ Сашей:

«Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣчныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь,—не правда ли? Успокойся, милая. Я похожа на геронню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

«Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшней зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на чтожь переписка? Пиши ко мнѣ все, что замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все касающееся до него для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ ***. Отецъ хлѣбосолъ, мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша: стройная,

меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцать, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгой въ рукахъ, окружена дворными собаками, говоритъ о погодѣ на распѣвъ и съ чувствомъ, подчуешь варенье. У нея наша я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я благословясь, начала съ предисловія переводчика и увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть частей скучненьки, за то послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаграждать терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій—скучно, мочи нѣтъ, наконецъ добилась до шестаго. Ну, думаю я, теперь буду я награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Что есть общаго между Ловласомъ и Адольфомъ *? Между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все жъ походитъ на героиню новѣйшихъ романовъ, потому-ли, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь: я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе — ты не можешь вообразить, что значить ожиданіе почтового дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравняться.»

Нетрудно замѣтить, что письмо это болѣе принадлежитъ Пушкину, нежели молодой дѣвушкѣ. Пушкинъ вноситъ въ сознаніе героини романа результаты своихъ собственныхъ наблюденій, и заставляетъ ее мыслить и чувствовать съ крайней утонченностію. Но если этотъ образъ, при настоящихъ его чертахъ, не совсѣмъ еще взрѣнь дѣйствительности, то онъ уже приближается къ ней: мысль и чувство самого поэта принимаетъ уже нѣжный, женственный оттѣнокъ. Нижеслѣдующее письмо той же Лизы еще яснѣе обнаруживаетъ настоящую методу Пушкина:

«Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на свадьбу. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z мнѣ нравился, но никогда я не предполагала вытти за него. Онъ аристократъ, а я смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостію замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному Рускому дворянству, а что мой рыцарь внукъ бородатаго миллионщика. Какъ бы то ни было, Z человекъ свѣтскій, я могла ему понравиться, но онъ для меня не жертвуетъ ни богатой невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда нибудь и выду замужъ, то выберу здѣсь какого нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься сахарнымъ заводомъ своимъ,

* Героиня извѣстнаго романа Бенжаме-Констана.

а я буду счастлива, не танцую на балѣ у К. К. и не имѣю у себя субботы на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ *c'est un événement*. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками, все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой *** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z' близкій родня Маши. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто и Маша безпрестанно рассказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ былъ тогда ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ бы онъ теперь смѣяться; по-крайней-мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 775. Кажется, будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садись въ атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, одважкожъ знакомыя платья и лица и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частію эти романы не имѣютъ другаго достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человекъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки и вышелъ бы прекрасный оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П! Полно ему тратить умъ на разговоры съ Англчанками! Пусть онъ по старой канѣ выщепетъ новыя узоры и представитъ намъ въ мадьянской рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу. Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностію, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, попеременно вѣрятъ обвинъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяз. и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотроги.»

Намъ даже кажется, что въ тонкой характеристикѣ французскихъ романовъ второй половины прошедшаго столѣтія, которую дѣлаетъ Пушкинъ перомъ молодой дѣвушки, заключается зародышъ его настоящаго романа. По-крайней-мѣрѣ въ письмахъ его героя есть что-то родственное съ известными романами де-Ла-Кло, на которыхъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ воспитанъ. Вотъ одно изъ писемъ этого русскаго виконта:

«Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отстаѣлъ отъ сво-

его вѣка и дѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежать къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ. намъ не прилично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честно мнѣ довести тебѣ, что это все переменялось. Французская кадрили замѣнила Адама Смита. Всякій волочитя и веселится какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты не подвиженъ, ты *si-devant un homme* стереотипъ. Охота тебѣ сидѣть сидѣть одному на оппозиціонной скамѣчкѣ и глазѣть по сторонамъ. Надѣюсь, что Ж обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея Ватиканскому кокетству.

Что касается до меня, я совершенно предался патриархальной жизни, ложусь спать въ 10 часовъ, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщиками, играю съ старухами въ бостонъ по копѣчкѣ и сержусь, когда проигрываю. Съ Лизой вижу каждый день и часъ отъ часу болѣе въ нее влюбляюсь. Въ ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи главная прелесть высшаго Петербургскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то живое, свисходительное, добродушное. Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жестваго. Она не морщится передъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ передъ принятіемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ васъ. Рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Часто удивляли меня дамы, впрочемъ очень милыя, тупостью ихъ понятія и нечистотой ихъ воображенія. Часто самое тонкое поэтическое привѣтствіе онѣ принимаютъ или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, нми принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ, что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой ***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ ей какую-то нѣжность, она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей пріятельницѣ.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлечения одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между сквердами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ одвообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы мнѣнія мужьевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ!»

Мы не считаемъ приведенныхъ отрывковъ образцами совершенства, но изъ нихъ и вышеизложенныхъ соображеній нашихъ, кажется, можно вывести заключеніе, что причина отсутствія положительно-идеальныхъ образовъ въ литературныхъ произведеніяхъ данной эпохи заключается не въ дѣйствительности, которую они изображаютъ, а въ тѣхъ, кто ея изображаетъ; что нѣтъ такой сферы жизни, которая не заключала бы въ себѣ прекрасныхъ явленій и что воспроизведеніе однихъ только отрицательныхъ сторонъ общества, есть односторонность, которая не оправдывается, а только объясняется преобладаніемъ извѣстнаго направленія. Основаніе этого направленія лежитъ не въ са-

момъ искусствъ, условія и стремленія котораго постоянны, а въ господствующихъ въ данное время убъжденіяхъ и потребностяхъ, которымъ приносятся въ жертву эти постоянныя условія и стремленія. Успѣхъ нѣкоторыхъ современныхъ произведеній отрицательнаго направленія объясняется только настоятельною потребностью въ нравственномъ и общественномъ усовершенствованіи и не даетъ имъ права на названіе произведеній искусства. Удовлетворивъ въ извѣстной мѣрѣ этой настоятельной и торопливой потребности, вызванной временными и мѣстными обстоятельствами, общество съ отвращеніемъ отвернется отъ тѣхъ грубыхъ и безобразныхъ отрицательныхъ образовъ, въ созданіи которыхъ поэтическое творчество или вовсе не участвуетъ, или принимаетъ такое слабое участіе. Есть минуты, когда общество, какъ человѣкъ, находитъ удовольствіе въ самоуниженіи. Это минуты нравственнаго кризиса. Кризисъ пройдетъ, и тогда то, что было необходимо во время его, сдѣлается совершенно не нужно. Общество снова почувствуетъ потребность въ созерцаніи всѣхъ сторонъ своей жизни, всей полноты ея явленій и съ наслажденіемъ остановится на тѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя удовлетворяютъ въ немъ чувству самодостоинства. Мы больны, замѣчаемъ это и бросаема на лекарства, въ которыхъ, благодаря усердію нашихъ литературныхъ эскулаповъ, нѣтъ у насъ недостатка. Мудрено ли же, что въ такомъ состояніи мы равнодушны къ произведеніямъ, заключающимъ въ себя здоровую пищу и для наслажденія которыми необходимо нормальное состояніе духа. Мудрено ли, что отсутствіе въ этихъ произведеніяхъ безобразныхъ образовъ, полезныхъ, но отвратительныхъ, какъ микстура, принимается многими за недостатокъ и что при оцѣнкѣ произведеній литературныхъ дѣятелей даже прошедшей эпохи, чуждой настоящихъ потребностей, дѣлаются имъ упреки въ томъ, что они не удовлетворяютъ этимъ потребностямъ. Поэзія самого Пушкина должна казаться отсталюю нашимъ доктринарамъ, предпочитающимъ ея всесторонней полнотѣ, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ его эпохи и постояннымъ условіямъ искусства, односторонность многихъ произведеній текущей литературы, отвѣчающую исключительнымъ требованіямъ настоящаго времени.

И. Л.

**ШИЛЛЕРЪ ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, издан-
ный подъ редакціей Н. Гербеля,—томы 2 и 3.**

Еще недавно отдавали мы краткій отчетъ о «Шиллеръ въ переводъ русскихъ поэтовъ», по случаю появленія перваго тома этаго изданія г. Гербеля. Мы искренно желали успѣха этому предпріятію, вполне признавали его пользу для русскихъ читателей, но, теперь мы можемъ сознаться откровенно, нѣсколько опасались за его дальнѣйшій ходъ. Намъ казалось, что публика холодно встрѣтитъ собраніе переводовъ изъ поэта, всѣми чтимаго, но уже не живущаго между нами, восхищавшаго нашихъ отцовъ и даже дѣдовъ, да ко всему этому еще поэта германскаго. За послѣдніе годы мы сдѣлали много шаговъ впередъ по всѣмъ отраслямъ познаній, только не по части знанія германской литературы. Мало того, мы даже какъ будто привыкли глядѣть на нее косо, свысока, какъ глядитъ иной петербургскій путешественникъ хорошаго сана на старыя, средневѣковыя строенія нѣмецкаго университетскаго города. По мнѣнію многихъ, даже весьма не глупыхъ людей, изучать германскихъ мыслителей, значить отрывать себя отъ современности и здравыхъ интересовъ жизни, восхищаться нѣмецкимъ поэтомъ—почти тоже, что рвать желтые цвѣты, въ лѣтній вечеръ, въ деревенской прогулкѣ съ дѣвухой сантиментальнаго свойства. Кромѣ этихъ предрасудковъ, невыгодныхъ для шиллеровой поэзіи на Руси, другія соображенія насъ заставляли опасаться за трудъ, предпринятый г. Гербелемъ. Не одинъ печальный примѣръ, за времена весьма къ намъ близкія, говорилъ о томъ, какъ у насъ идутъ и принимаются переводы знаменитѣйшихъ писателей. Изданіе Шекспира, добросовѣстное и крайне доступное по цѣнѣ, остановилось на пол-дорогѣ. Изъ обѣщаннаго намъ собранія романовъ Вальтеръ Скотта, вышло лишь самое небольшое число книжекъ. Въ то самое время, когда вся Европа наводнялась опрятными и дешевыми переводами классическихъ писателей, у насъ Вильгельмъ Мейстеръ Гёте печатался по журналамъ и ни разу не былъ доведенъ до половины, не только что до окончанія первой части.

Вѣчный Жидъ и Парижскія Тайны появлялись и въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, между тѣмъ какъ лучшій романъ Фильдинга почти возмущалъ читателей и былъ признанъ за скучнѣйшее произведеніе скучной старины. Не говоря уже про переводы писателей ученыхъ и не всѣмъ доступныхъ, въ нашей книжной торговлѣ не шли съ рукъ переводы поэтовъ и прозаиковъ самыхъ знаменитыхъ, самыхъ популярныхъ въ Европѣ, и мы можемъ себя вообразить, какой лестной встрѣчѣ подвергся бы у нашихъ книгопродавцевъ-издателей человекъ, который бы вздумалъ предложить имъ для покупки переводъ Сервантеса, Кальдерона, Мильтона, Монтеня, Мольера!

Французы говорятъ, что «начатое дѣло есть уже дѣло въ половину конченное», поговорка такого рода едва ли подходитъ къ литературнымъ предпріятіямъ. Получивъ первый томъ Шиллера въ переводъ русскихъ писателей, и намъ хотѣлось было сказать: «la chose commencée est à moitié faite». Однако мы этого не сказали, воспоминанія о безчисленныхъ изданіяхъ, которыя стали на первыхъ томахъ, первыхъ пьсахъ, первыхъ отдѣлахъ и первыхъ тетрадахъ, возникли передъ нами нестройною и скротливою толпою. Цѣлую бібліотеку легко составить изъ этихъ начинаній, предисловія, которымъ не суждено было видѣть за собою послѣсловія, очерковъ, прерванныхъ въ самомъ началѣ, начальныхъ главъ, на вѣки оставшихся безъ продолженія! У кого изъ насъ, на полкахъ шкафовъ, не торчатъ эти бѣдные литературные недоноски, оскорбляя собою зрѣніе и возбуждая печальныя мысли о незрѣлости русской словесности? Къ счастью, трудъ г. Гербея, насъ заинтересовавшій собою, не остановился на первомъ томѣ. Издатель словно чувствовалъ, что долго остановиться на первой книжкѣ опасно, чѣмъ равно ничего не дѣлать. Онъ не далъ отдыха ни себѣ, ни своимъ даровитымъ сотрудникамъ по переводу Шиллера. Второй и третій томы онъ выпустилъ въ свѣтъ гораздо скорѣе, чѣмъ могъ того желать самый нетерпѣливый изъ провинціальныхъ читателей. Онъ даже не дождался присылки переводовъ нѣсколькихъ мелкихъ пьесъ, обзанныхъ ему нашими извѣстными поэтами. И онъ былъ совершенно правъ: задерживать изданія, подобныя имъ предпріятому, никогда не слѣдуетъ. Малое число недостающихъ переводовъ всегда будетъ легко дать въ отдѣльномъ приложеніи. Чѣмъ многосложнѣе и новѣе задача, тѣмъ живѣе должна она исполняться. Нужно, чтобъ читатель, слѣдя за дѣ-

тельностью издателей, видяль, что дѣло, имъ предпринятое, кинуть и быстро двигается.

Быстрота и усердіе, съ которыми г. Гербель ведетъ свое изданіе Шиллера въ переводъ русскихъ писателей, уже награждены успѣхомъ книги, «далеко превзошедшимъ скромныя ожиданія издателя», какъ сказано въ предисловіи ко второму тому. Успѣхъ перваго тома обусловливаетъ собою хорошее распространеніе слѣдующихъ томовъ, потому что лица, добывшія себѣ половину лирическихъ произведеній Шиллера въ русскомъ переводѣ, конечно захотятъ купить и остальную половину, и драматическія произведенія поэта, одинаково лирическаго, одинаково идеальнаго, одинаково возвышеннаго во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Вторая книга изданія, передъ нами лежащаго, замыкаетъ собою собраніе всѣхъ лирическихъ стихотвореній Шиллера, тогда какъ въ третьей уже начинаются драматическія его вещи. Разбойники и Донъ-Карлосъ, въ отчетливомъ и изящномъ переводѣ г. Достоевскаго, занимаютъ собою весь этотъ томъ; въ четвертомъ же, пятомъ и шестомъ томахъ изданія будутъ напечатаны «Фіеско» (въ переводѣ издателя), Коварство и Любовь (въ новомъ переводѣ М. [М. Достоевскаго]), Вильгельмъ Тель (пер. Ѳ. Б. Миллера), Валленштейнъ (пер. В. Н. Лялина и А. А. Шишкова 2-го), Мессинская Невѣста (пер. Ѳ. Б. Миллера), Марія Стюартъ (А. А. Шишкова 2-го) и наконецъ «Дава Орлеанская», въ такъ извѣстномъ, пьзнительно-поэтическомъ переводѣ Жуковскаго.

Вотъ планъ шести томовъ твореній Шиллера—и теперь можно сказать утвердительно, на основаніи трехъ томовъ, уже отпечатанныхъ, что за будущность предпріятія бояться нечего. Люди, плохо знающіе по нѣмецки (а сколько такихъ людей находится въ самыхъ образованныхъ слояхъ нашего общества!), могутъ быть увѣрены, что въ скоромъ времени для нихъ будетъ доступенъ великій поэтъ Германіи, болѣе доступенъ, нежели онъ доступенъ теперь для Француза, для Англичанина, для Поляка, для Итальянца, незнакомыхъ съ германской литературой. Для издателя, умѣвшаго въ довольно короткое время издать мелкія вещи изъ Шиллера, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ стихотвореній, переведенныхъ пятидесятью лицами, не будетъ большимъ трудомъ отпечатаніе большихъ произведеній того же поэта, при чемъ вся работа по необходимости сосредоточивается въ рукахъ небольшого числа переводчиковъ, дополнителей и комментато-

ровъ. Къ тому же, большая часть трагедій Шиллера, какъ показано выше, уже переведена на русскій языкъ, переведена такъ, что въ новыхъ переложенияхъ не настоятъ никакой надобности. О «Разбойникахъ» и «Донъ-Карлосъ» мы поговоримъ, когда выйдутъ въ свѣтъ остальные переводы драматическихъ произведеній Шиллера, въ настоящее же время достаточно будетъ сказать, что объ пьесы, нами названныя, переведены умно и добросовѣстно. О второй же части лирическихъ стихотвореній Шиллера, какъ оканчивающей собою цѣлый отдѣлъ изданія, мы считаемъ долгомъ отозваться подробнѣе. Оно заключается въ себѣ отъ двадцать переводовъ, сдѣланныхъ разными авторами, начиная отъ Державина, Мерзлякова и Милонова и кончая Майковымъ, Миномъ, Полонскимъ. Изъ этихъ ста двадцати, только *сорокъ пять* перепечатаны безъ измѣненій изъ разныхъ журналовъ, сборниковъ и такъ далѣе, за тѣмъ *девятнадцать* — исправлены переводчиками, *пятьдесятъ четыре* — переведены вновь и напечатаны въ первый разъ, а *два* переведены нарочно для изданія, предпринятаго г. Гербелемъ, но уже были помѣщены въ періодическихъ современныхъ изданіяхъ. И такъ, почти половина 2-го тома лирическихъ твореній Шиллера состоитъ изъ переводовъ новыхъ, исполненныхъ талантливыми людьми, изъ переводовъ, которымъ, можетъ быть, и не пришлось бы явиться въ свѣтъ безъ мысли издателя — дать русской литературѣ всего Шиллера въ возможно-хорошемъ переводѣ.

Очень понятно, что при пересмотрѣ книжки, мы обращали особенное вниманіе на стихотворенія, вновь переведенныя или переведенныя въ первый разъ русскими поэтами. Результатъ чтенія былъ самый утѣшительный. Смѣло говоримъ, что въ настоящее время мы имѣемъ въ нашей литературѣ переводчиковъ, которымъ будетъ по силамъ трудъ надъ какимъ угодно иностраннымъ поэтомъ. Въ последнее время, прочитывая переложенія А. Н. Майкова изъ Гейне, начало Краббовой поэмы «Приходскіе Списки», въ переводѣ г. Мина, мы много думали о той пользѣ, какую могутъ принести словесности эти поэтически-живыя слѣды, направленные въ должную сторону — теперь мы убѣждены въ справедливости нашихъ предположеній. Взгляните, напримѣръ, какъ художественно вышли у г. Бенедиктова его три перевода изъ Шиллера, переводы произведеній, исполненныхъ великой трудности. Сличите съ подлинникомъ стихотвореніе «Художники» въ переводѣ г. Мина и вы удивитесь точности, гибкости,

даровитости, съ которыми выполнена эта задача, конечно, одна изъ труднѣйшихъ во всей книгѣ. Персчитайте со вниманіемъ переводы за подписью г. Мея, Мейснера, Миллера, Полонскаго, вы увидите въ нихъ и правильность пріемовъ, и гармонію стиха, условіе весьма рѣдкое у переводчиковъ прежняго времени, но безъ котораго, по нашему времени, нечего и подходить къ Шиллеру. Упомянуть о всѣхъ переводахъ, которые нами прочтаны съ истиннымъ удовольствіемъ, мы никакъ не можемъ, потому что ихъ уже слишкомъ много; въ подтвержденіе же отзывовъ нашихъ, лучше будетъ привести нѣсколько отрывковъ изъ втораго тома лирическихъ произведеній Шиллера. Возьмемъ, на примѣръ, переводъ военной пѣсни о графѣ Эбергардѣ Грейнерѣ, сдѣланный г. Меемъ, и напечатанный въ изданіи г. Гербеля, съ поправками переводчика.

Ну что вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерете носъ подъ часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабин у насъ.

У васъ и Карлъ, и Эдуардъ,
И Фрицъ... и кто потѣмъ?
И Карлъ, и Фрицъ и Эдуардъ...
У насъ—одинъ: графъ Эбергардъ,
Въ сраженіи Божій громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ
Любилъ желѣза звонъ:
Бывало, врагъ громить и жжётъ —
Сынъ графа Ульрихъ не вздрогнётъ,
И вспать ни-пяди онъ.

Рейтлингцы, съ зависти, не разъ
Ковали тайный ковъ...
И препоясались на насъ
Они мечомъ, въ не добрый часъ, —
А графъ — не ждётъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ!...
Вернулся недобрѣмъ...
Отецъ свою досаду скрывъ,
А сыну Божій свѣтъ не милъ,
И плачетъ онъ тайкомъ.

Змѣя подъ сердцемъ... «А! постой!»
Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ;

И клялся отчей бородой —
Омыть кровавою рѣкой
Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... давно пора!...
И людямъ и конямъ
Пришлось подъ Деффингенъ, съ утра,
Сойдтись на поле, — и — «ура!» —
Ужь жарко было тамъ!

Нашъ лозунгъ былъ: «врага топчи
За прежній бой!» Потомъ,
Съ утра до поздней до ночи,
Трещали копыя и мечи,
И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ?... львенка не серди:
Къ врагамъ домчался онъ —
И страхъ и ужасъ впереди,
И крикъ и стоны позади,
И смерть со всѣхъ сторонъ!

Но съ смертію не спорятъ львы:
Сверкнула сабля въ тылъ —
Всѣ разомъ къ Ульриху — увы! —
Не опустилъ онъ головы,
Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ ссѣкъ,
Самъ врагъ заплакалъ... Га!
Нашъ графъ не плакалъ весь свой вѣкъ:
«Мой сынъ такой же человекъ! —
«Маршъ, дѣти, на врага!»

И сердце жолчью облилось,
И копыя гнѣвъ навелъ,
И много труповъ улеглось;
А врагъ бѣжалъ, и вкривъ и вкось,
На горы, въ лѣсъ и въ долъ.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ
Вернулись потомъ, —
И пяръ-горой у поселянъ:
И вальсъ и пѣсни — и стаканъ
Закрился виномъ...

А гдѣ жъ нашъ старый графъ?... Сидитъ
Въ шатрѣ однимъ одинъ, —
Слеза въ глазахъ его блеститъ:
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ.

Затѣмъ при графѣ мы своѣмъ
 И тѣломъ и душой:
 Въ его рукѣ не мечъ, а громъ,
 Онъ — буря въ полѣ боевомъ,
 Звѣзда земли родной!

Такъ чтò жь вы тамъ, въ землѣ своей,
 Дерете носъ подъ часъ?
 Не мало доблестныхъ мужей,
 Не мало есть богатырей
 И въ Швабіи у насъ!

Прочитавши это энергическое и исполненное поэзіи переложеніе, какъ не пожалеть о томъ, что г. Мей, обладая всіми качествами, нужными для поэта-переводчика, слишкомъ рѣдко берется за трудъ, изъ котораго ему всегда почти приходится выходить побѣдителемъ. Тоже самое, и еще въ бѣльшей степени, можемъ мы сказать и о г. Бенедиктовѣ, который до-сихъ-поръ такъ рѣдко занимался переводами изъ иностранныхъ поэтовъ. Можетъ быть, безъ изданія, предпринятаго г. Гербелемъ, онъ и не подумалъ бы о переложеніи лирическихъ стихотвореній Шиллера, а между тѣмъ и поэтическая воспримчивость г. Бенедиктова, и складъ его дарованія, и его свѣтлое воззрѣніе на все высокое въ жизни нашей, какъ нельзя болѣе подходять къ труду такого рода. Мы многого ждали отъ небольшого числа нѣсколькихъ стихотвореній Шиллера, имъ переведенныхъ, и нисколько не ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ. Не боясь упрека въ пристрастіи, мы скажемъ, что пьеса «Боги Греціи», какъ переводъ, достойна стать рядомъ съ лучшими переводами Жуковскаго; для тѣхъ, кто назоветъ нашъ отзывъ преувеличеннымъ, мы можемъ только выписать нѣсколько строфъ изъ этого произведенія, строфъ исполненныхъ прелести, пропитанныхъ тѣмъ великимъ поэтическимъ *Sehnsucht*, для опредѣленія котораго нѣтъ ясныхъ названій на языкъ нашемъ.

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
 Когда-то вы, о, боги древнихъ лѣтъ,
 Руководя земныя поколѣнья,
 Делѣли младенчественный свѣтъ!
 И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ:
 Воздвигнуть былъ тамъ Афродиты храмъ,
 Гдѣ пламенныхъ сердець увѣнчанной богинѣ
 Курился еиміамъ.

Природа тамъ была сестрой искусству;
 Т. СXLVII. — Отд. VI.

Тамъ истина была сродни мечтамъ;
 И что теперь такъ недоступно чувству,
 До глубины прочувствовано тамъ;
 Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
 Уразумленъ былъ образъ естества;
 По всюду и во всемъ былъ явный слѣдъ промъженъ
 Живаго божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
 Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
 Тамъ Гелиосъ на пышной колесницѣ
 Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней;
 Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный,
 Дриадами одушевленъ былъ садъ,
 И свѣтлый водный ключъ былъ брызгами изъ урны
 Смѣющихся наядъ.

.....

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда
 Подъ сѣнью Медузина щита,
 И прелестью цвѣтущей Ганимеда
 Тамъ юноши блистала красота.
 Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою,
 Была плотнѣй сердцецъ союзныхъ связь,
 И мягче и вѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
 Жизнь смертнаго прялась.

Обычнаго земнаго поклоненья
 И тяжкихъ жертвъ не требовалось тамъ;
 Тамъ счастья искали всѣ творенья:
 Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ;
 Прекрасное одно лишь было свято,
 Отъ пиршества не уклонялся богъ,
 И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
 Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
 Неслись съ огнемъ и громомъ въ перегонъ;
 Привѣтнѣй кликъ былъ слышимъ у границы
 И сыпались вѣнки со всѣхъ сторонъ.
 Блаженъ — за кѣмъ побѣда оставалась:
 Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
 Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
 Святыня алтаря.

.....

Сухой скелетъ — страшилище твореній
 Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ:
 Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній
 Съ улыбкою свой факелъ опускалъ,
 И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньи,

Склоняся надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ, средь всеразящей бури,
Надъ страждущимъ порою бичъ суда
Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій
Небесная давалась иногда;
И грозный судъ бывалъ небезсердеченъ:
Поставленъ былъ при орковыхъ вѣсахъ
Внукъ человѣческой, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ
И въ самыхъ небесахъ.

Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчь;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣнній
И лиры звань и родственная рѣчь;
Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,
Шли юноши въ объятія невѣстъ,
Шелъ къ другу вѣрный другъ и встрѣчею съ Пиладомъ
Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полубогъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой — свершитель славныхъ дѣлъ.
Онъ мертвыхъ звалъ — и мертвые вставали!
Сбивались ли въ пути морскомъ пловцы:
Касторъ и Плутокъ ихъ съ Олимпа ободрали —
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ! Весна со всей любовью,
Всей прелестью, — исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
О, возвратись!... Но временамъ нѣтъ ходу
Обратнаго, — и для меня мертва
Природа нашихъ дней, гдѣ вижу я природу,
Не видя божества.

Отъ души желаемъ, чтобы каждый читатель поскорѣ ознакомился съ такими переводами. Отъ души желаемъ и того, чтобъ даровитые поэты наши, такъ радушно отозвавшіеся на приглашеніе участвовать въ переложеніи на русскій языкъ еще не переведенныхъ твореній Шиллера, не ограничивались однимъ Шиллеромъ. Въ настоящее время, поэтамъ грѣшно оставаться въ бездѣйствіи. При всѣхъ утѣшительныхъ сторонахъ нашей литературы за послѣдніе годы, при всемъ сочувствіи нашего обще-

ства къ дѣлу поэзіи и просвѣщенія, русскіе современные поэты не совсѣмъ еще вышли изъ того сантиментальнаго періода, когда значеніе ихъ трудовъ отрицалось съ холодностью, когда наши журналы неохотно давали мѣсто этимъ трудамъ на своихъ страницахъ, когда грубый реализмъ властвовалъ въ области изящнаго и глушилъ собою все наши поэтическія стремленія. Нынѣ реализмъ въ искусствѣ не грубъ и не возмутителенъ, онъ имѣетъ свою законность и свою похвальную сторону, а отъ того съ нимъ и борются труднѣе. Развѣ наши поэты и художники не начинаютъ слышать съ нѣкотораго времени такихъ литературныхъ фразъ: «какое намъ дѣло до красотъ слога въ такомъ-то поэтѣ, — какую насущную пользу получить современное общество отъ всѣхъ этихъ стихотвореній, — впрочемъ весьма хорошихъ?» Подобныя фразы нынче мелькаютъ чуть не въ газетныхъ фельетонахъ; одну изъ нихъ мы сами изловили, въ какомъ-то объявленіи даже. Для людей зоркихъ и преданныхъ дѣлу поэзіи, такіе отзывы должны имѣть важное значеніе при частомъ ихъ повтореніи; значеніе, указанное нами, надо искать не въ самихъ фразахъ, фразы пусты и однообразны, но въ причинѣ, ихъ породившей. Текущая словесность наша, устремляясь по новымъ и когда-то не существовавшимъ для нея путямъ, принесла свою пользу для общества, а многіе члены общества, чрезъ мѣру увлекшись означенной пользою, готовы требовать практической, всѣмъ доступной полезности отъ всякаго литературнаго явленія. Этимъ явленіемъ готовы пользоваться цѣнители слишкомъ положительные и неодаренные сочувствіемъ къ поэзіи, его же радостно приветствуютъ слабые дѣятели по части художественной, дѣятели, неспособные основать свою славу на дѣйствительномъ, отъ природы имъ данномъ дарованіи. Все симптомы, указанные нами, могутъ породить въ литературѣ новыя видоизмѣненія дидактизма, а если поэты наши, когда-то такъ терпѣвшіе отъ старой дидактики, способны безъ отвращенія и противодѣйствія перенести дидактику исправленную и дополненную, то пусть ужъ упрекъ въ бездѣйствіи ляжетъ на нихъ самихъ за это. Говоримъ нашимъ поэтамъ съ полной искренностью: современное направленіе словесности и реализмъ въ ней укореняющійся, нуждаются въ противодѣйствіи или, вѣрнѣе, въ *противовѣснiи* (слово противодѣйствіе кажется намъ враждебнымъ по смыслу). Какъ человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, такъ и просвѣщенное общество не можетъ питаться однимъ указаніемъ его

недостатковъ и разумныхъ средствъ къ его исправленію. Исправьте это общество до послѣдней степени, дайте ему возможные матеріальныя усовершенствованія, для него все-таки окажется глухимъ и недоступнымъ тотъ міръ, у воротъ котораго вы, жрецы поэзіи, стоите въ бездѣйствіи. Не дремите и трудитесь, трудитесь для своей и общей пользы. Если судьба отказала вамъ въ даръ міроваго и могучаго слова, передавайте на всѣмъ понятную и доступную рѣчь слова міровыхъ гениевъ, въ свое время просвѣщавшихъ общество, не низшее того общества, въ которомъ вы теперь живете. Соединяйтесь между собой на общее дѣло, говорите съ нами рѣчью поэтовъ древности, знакомьте насъ съ воззрѣніями поэтовъ, почти современныхъ, но до сихъ поръ знакомыхъ русскому человеку лишь по имени. На такое дѣло вамъ дана способность, торопитесь же ею пользоваться. И послѣдствіемъ усилій вашихъ будетъ то противовѣсіе реализму въ искусствѣ, въ которомъ мы такъ пуждаемся, и голоса будущихъ вашихъ хулителей замолкнуть при видѣ той ослѣпительно-поэтической области, которую вашъ совокупный трудъ откроетъ передъ мыслящимъ читателемъ.

Стихотворенія Л. Мея. С. Ш.-бургъ. 1857

Слово о полку Игоревѣ, сына Святослава, внука Олгова. Переводъ Л. Мея. С. Ш.-бургъ. 1856

Едва ли о комъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ слышатся такія разнорѣчивыя, а часто и прямо противорѣчащія одно другому мнѣнія, какъ о г. Мев. Не только въ публикѣ, но и въ литературныхъ кругахъ значеніе его, какъ поэта, совсѣмъ не опредѣлилось, несмотря на то, что имя г. Мея давно уже имя всѣмъ знакомое. Эта неопредѣленность перешла и въ печатную критку. До-сихъ-поръ г. Мею не приходилось еще слышать хоть сколько-нибудь полной оцѣнки своей поэтической дѣятельности. Его или безусловно бранили, или такъ же безусловно хвалили. Можетъ быть, причиною тому была невозможность прослѣдить разомъ все, написанное г. Меемъ. Отдѣльно появлявшіяся въ журналахъ стихотворенія его иногда оцѣнивались; но оцѣнивались безъ всякаго отношенія къ другимъ, предшествовавшимъ или являвшимся одновременно произведеніямъ его. Неудивительно, что судъ выходилъ односторонній—и часто совсѣмъ несправедливый. Отъ поэта требовали того, чего онъ дать не

въ силахъ, или не замѣчали лучшихъ свойствъ его дарованія, потому что этимъ свойствамъ невозможно было проявиться въ одной какой-нибудь пьесѣ. Поэтому отзывъ, иногда вѣрный относительно одного отдѣльнаго стихотворенія, становился совершенно фальшивымъ, когда имъ хотѣли характеризовать все дарованіе поэта. А такія характеристики нерѣдко встрѣчались. Теперь, когда всѣ стихотворенія г. Мея собраны воедино, неопредѣленности сужденій о немъ, разумеется, положится конецъ.

Пересматривая книгу г. Мея, мы нашли, что, кромѣ разновременности и одинокости появленія отдѣльныхъ стихотвореній его въ печати, сбивчивости въ сужденіяхъ о немъ много содѣйствовало также разнообразіе, разнохарактерность этихъ стихотвореній. Г. Мей то ищетъ вдохновенія въ древнемъ классическомъ мірѣ, то откликается пѣсней старому русскому быту; то возсоздаетъ библейскія сказанія, то переводитъ новыхъ европейскихъ поэтовъ; одно стихотвореніе все проникнуто нѣгой и страстью Востока, другое говоритъ языкомъ новаго, утонченнаго чувства, въ третьемъ, наконецъ, слышатся русская удаль и родная кручина. Не всѣ струны, затронутыя г. Меемъ, звучатъ одинаково полно и стройно; не на все съ равнымъ сочувствіемъ отзывается его муза. Подробный разборъ нашъ покажетъ, что болѣе всего цѣнимъ мы въ талантѣ г. Мея, и въ чемъ видимъ главную его силу.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ его книгѣ занимаютъ пьесы, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ Библии, этого вѣчнаго источника поэтическихъ вдохновеній. Г. Мей отчасти является здѣсь переводчикомъ, отчасти обрабатываетъ самостоятельно библейскія сказанія. Такъ обработана имъ книга Юдиои. Высокое поэтическое достоинство этой книги внушило еще Пушкину мысль передать ее русскими стихами, и въ бумагахъ поэта найденъ отрывокъ, которымъ должна была начинаться поэма. Изъ этого превосходнаго приступа видно, что Пушкинъ хотѣлъ неуклонно держаться въ ней хода подлиннаго сказанія. Г. Мей, въ поэмѣ своей, напротивъ, взялъ не строгую эпическую форму, въ которой такъ постепенно, такъ торжественно развивается дѣйствіе, а отрывочную форму новыхъ поэмъ; это, по нашему мнѣнію, большая ошибка, и поэтому поэма, несмотря на вѣрность частей, не производитъ впечатлѣнія. Вспомнимъ ходъ повѣствованія въ подлинникѣ. Страшное шествіе войска Навуходносорова, войска, покрывшаго все лицо земли ногами своими; страхъ и

трепетъ, гибель и пламя всѣхъ странъ, по которымъ движутся эти неомытные силы: вотъ начало еврейскаго разсказа. Какъ велико и славно послѣ этого всеобщаго разгрома сопротивленіе горнаго еврейскаго городка, родины Юдееи! Пушкинъ такъ и началъ своею поэмю.

Когда Владыко Ассирійскій
 Народы казню казнилъ,
 И Олофернъ весь край Азіискій
 Его десницѣ покорилъ, —
 Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
 И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
 Передъ сатрапомъ горделивымъ
 Израиль выи не склонилъ.
 Во всѣ предѣлы Іудеи
 Проникнулъ трепеть... Іерен
 Одѣли вретичемъ алтарь;
 Главу покрывъ золой и прахомъ,
 Народъ завылъ, объятый страхомъ,
 И внялъ ему Всевышній Царь.

Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
 И зреть: ихъ узкія врата
 Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
 Грозой грозитъ высота,
 И надъ тѣсниной торжествуя,
 Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
 Стоитъ, бѣгаясь, Ветилуя
 Въ недостижимой вышинѣ.
 Сатрапъ смутился...

Въ нѣзъмъ г. Мея мы тоже находимъ описаніе похода Олофернова, но оно вставлено послѣ вступленія, какъ-будто только для характеристики Олоферна: начало же у г. Мея вотъ какое:

*Недавно, ночью, ассирійской стражей
 Къ шатру вождя была приведена
 Изъ Ветилуи бѣглая жена...*

Эти три стиха придаютъ событію, которое взято предметомъ поэмы, характеръ какой-то случайности. Эта «бѣглая жена» попала во вражій станъ какъ-будто ненарокомъ; какъ-будто появленію ея не предшествовало могучаго рѣшенія спасти свой угрожаемый народъ. Не говоримъ уже о странномъ «недавно». И какими красками, какими чудно-поэтическими мотивами пожертвовалъ поэтъ, уклоняясь отъ послѣдовательности подлинника! Напримѣръ, молитва Юдееи передъ сборами въ путь, уборъ ея...

«И сложи (Юдиѣ) вретнице, имъ же одѣвашеся, и совлече ризы вдовства своего, и обмы тѣло водою, и помазася миромъ богатымъ, и расчеса власы главы своея, и возложи увясло на ню, и облечеса въ ризы веселія своего, ими же одѣвашеся во дни живота мужа своего Манассин. И взя сандалія на ноги своя и положи мониста, и цепки, и перстни, и усерязи, и все украшеніе свое: и украсися зѣло на прельщеніе очесъ мужескихъ, елицы аще увидятъ ю.» Въ этомъ всеоружіи женской красоты торжественно идетъ Юдиѣ во вражескій станъ, въ сопровожденіи рабыни. Жители города слѣдятъ за нею глазами: вотъ спускается она съ горы, вотъ идетъ долиной; вотъ и совсѣмъ не стало видно ея. Тутъ встрѣчаетъ ее стража ассирійская, и пораженная чуднымъ видомъ еврейки и словами ея, ведетъ Юдиѣ къ шатру Олоферна не какъ простую перебѣжницу, а съ невольнымъ благоговѣніемъ, какъ бы смутно чуя въ ней совершительницу чего-то великаго. Подробности удивленія стражи полны высокой поэзіи въ библейскомъ разсказѣ.

Всѣми этими чертами, неоцѣненными для поэмы, пожертвовалъ г. Мей. Даже о красотѣ Юдиѣи говоритъ онъ какъ будто мимоходомъ. Правда, въ поэмѣ передана часть описанія убора Юдиѣи (съ сохраненіемъ даже непонятнаго и неупотребительнаго на русскомъ «увясла»); но описаніе это помѣщено въ послѣдній монологъ Юдиѣи, завершающій поэмѣ. Г. Мей, по-видимому, не уклонился отъ подлинника, потому что и тамъ Юдиѣ разсказываетъ о своемъ убранствѣ въ рѣчи къ согражданамъ; но разсказъ этотъ составляетъ только часть ея рѣчи, въ которой она повторяетъ главныя подробности своего великаго дѣла. У г. Мей вставка вышла совершенно неумѣстной: Юдиѣ какъ будто хвастается своею отвагой, потому что тутъ только въ первый разъ узнаетъ читатель, что дѣло ея не было случайностью, а слѣдствіемъ вдохновенія свыше и твердаго рѣшенія стать павильницей своего народа.

Вообще, шаткость и неопредѣленность замысла сказываются въ поэмѣ г. Мей на каждомъ шагѣ. При созданіи ея, онъ какъ будто не обнималъ мыслью всего величія картины, невольчо возникающей передъ глазами при чтеніи библейскаго повѣствованія и не видалъ чудной соразмѣрности всѣхъ частей ея. Его какъ будто плѣнили только нѣкоторыя частности; онъ ихъ только и передалъ, связавъ произвольно. Намъ кажется, самый характеръ Юдиѣи понятъ г. Меемъ не такъ, какъ изображенъ въ Библии.

Сатрапъ возсталъ отъ пышнаго одра
 И, въ сонмищѣ вельможъ подобострастныхъ,
 Въ предшествіи серебряныхъ лампадъ,
 Предсталъ передъ еврейскою женою...
 Смутилася Юдиень передъ толпою
 И трепетомъ былъ духъ ея объять,
 И пала въ прахъ она, исполненная страха.
 И подняли ее невольники изъ праха.

Этотъ страхъ и трепеть совсѣмъ измѣняетъ для насъ образъ библейской Юдиени. Не отъ страха пала она передъ Олоферномъ: притворное покорство было необходимо для успѣха ея дѣла. Посмотрите, какъ скупъ на слова подлинникъ въ описаніи ихъ встрѣчи, и какъ много сказано этими непогими словами. Вотъ строки, перефразированныя г. Месмъ: «И бѣ Олофернъ опочивая на одрѣ свосмъ подъ завѣсою, яже бѣ отъ порфиры и злата и смарагда и каменій многоцѣнныхъ втканныхъ. И возвѣстиша ему о ней (о Юдиени), и изыде въ предсѣніе, и лампы серебряныя предъидяху ему. Егда же прійде предъ лице его Юднень, и слугъ его, дивишася вси о красотѣ лица ея. И падши на лице поклонися ему, и воздвигоша ю раба его.» Дальше, при описаніи убійства, г. Мей опять поражаетъ насъ рѣзкою несообразностью. Олофернъ упился до безчувствія, до безобразія, какъ метко говорится по-русски; а какъ рисуется его г. Мей!

Спитъ Олофернъ... Полуденною кровью
 Горять его ланиты и уста,
 И все въ немъ — мощь, желанье, красота.

Какая тутъ мощь, какое желаніе, какая красота? Мертвое безсиліе, тупая безчувственность, отвратительное безобразіе — вотъ настоящія слова.

Двѣ другія библейскія поэмы г. Мея: *Отойди отъ меня, Сатана!* и *Сльпорожденный*, по жизненности изложенія нѣсколько выше *Юдиени*, хотя и въ нихъ нѣтъ того стройнаго сліянія во едино всѣхъ частей, той цѣлостности, которыя одни даютъ полное удовлетвореніе эстетическому чувству. Такъ первая поэма проводитъ передъ глазами читателя рядъ картинъ, которыя кажутся чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ главной мысли поэмы. Подробности картинъ, сгруппированныя иногда довольно искусно, слишкомъ мелки для йсполинской по дерзости цѣли Сатаны. Разнохарактерныя, смѣняющіяся какъ въ калейдоскопѣ картины дѣйствуютъ на чувство только яркостью и пестротой

красокъ, изъ-за которыхъ не видно того внутренняго смысла, какого мы въ правѣ требовать отъ каждой изъ этихъ картинъ, помня главный мотивъ поэмы. Вниманіе читателя такъ размечено, что слова Сатаны, заканчивающія поэму, представляются неожиданными и странными, не смотря на эффектное: «мяно!» повторявшееся послѣ каждой картины. «Въ чемъ тутъ искушеніе?» спрашиваетъ по неволѣ читатель. Онъ видѣлъ не всю необъятную ширь земли съ ея странами, царствами и народами, а только красивые ландшафты, говорящіе не душѣ, а глазу. Намъ невольно приходитъ на память очень слабое по замыслу, но поразительное по красотѣ нѣкоторыхъ частностей стихотвореніе Лермонтова—*Споръ*. Картины разныхъ странъ, очеркнутыя поэтомъ, не представляются намъ каждая порознь, онъ соединяются въ одно цѣльное представленіе. И въ этомъ тайна ихъ дѣйствія на сердце.

Вотъ какъ г. Мей рисуетъ Египетъ:

...Сърой, гремучей змѣю,
 Безконечныя кольца влача черезъ иль,
 Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
 Города многочисленной семьей
 Улеглись на значныхъ его берегахъ;
 Блещутъ синія воды Мерида;
 Пирамида, еще пирамида,
 И еще, и еще, — на широкихъ стопахъ
 Опершись, поднялися высоко;
 Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
 Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
 Устремляя гранитное око.

Мы упомянули Лермонтова. Четыре строки его объясняютъ лучше всего изысканность и излишнюю дробность картины г. Мея, напоминающей отрывокъ изъ руководства ко всеобщей исторіи.

А тамъ дальше, чуждый тѣни,
 Мостъ желтый Нилъ
 Раскаленные ступени
 Царственныхъ могиль.

Не все ли сказано здѣсь, что и у г. Мея, и не все ли сказано полнѣе? Два эпитета *Исла*, «желтый» и «чуждый тѣни», представляютъ намъ характеръ всей страны; эти «раскаленные ступени царственныхъ могиль» говорятъ и о былой ея жизни. Напротивъ, въ стихахъ г. Мея, пирамиды, обелиски и сфинксы

сбиваются на подробное исчисленіе вышнихъ примѣтъ. Мы приведемъ здѣсь лучшее мѣсто изъ стихотворенія; но и оно отличается только вышней, ландшафтной живописью.

...Индъ и Гангъ среброводной четой
 Катятъ волны въ далекое море;
 Вѣковые лѣса на просторѣ
 Разрослися вездѣ непроглядной стѣной:
 Мелкой сътью заткали лианы
 Всѣ проросѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
 Попуган порхають; съ тяжелыхъ вѣтвей
 Съ визгомъ прыгають внизъ обезьяны;
 Полосатую матку тигренокъ сосеть;
 Птичекъ носится яркая стая;
 Осторожно сучки раздвигая,
 Сдвонъ тяжелою поступью мѣрно бредеть;
 На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
 Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
 И свозъ темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
 Выдвигаются куполы пагодъ.
 Подъ навѣшнымъ ихъ сводомъ во мракѣ блеститъ
 Въ драгоценныхъ каменьяхъ божница;
 Безобразныя идоловъ лица
 Лучъ священной лампы слегка золотитъ;
 Предъ богами жрецы-изувѣры,
 Преклоняся во прахъ, благсонія жгутъ,
 И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
 Свой молитвенный гимнъ баядеры.»

Если не ошибаемся, эта поэма принадлежитъ къ числу юношескихъ произведеній г. Мея: на ней ясны свѣжія впечатлѣнія Виктора Гюго, который былъ тогда въ большомъ ходу. Позже, кажется, написанъ *Сльборожденный*; здѣсь картины больше оживлены мыслію, но тоже изобилуютъ лишними подробностями. Г. Мей какъ-будто боится, что пропускъ одной, двухъ примѣтъ лишитъ точности его описаніе. Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь, какъ вездѣ, все заключается въ качествахъ, а не въ количествахъ. Часто одинъ эпитетъ рисуетъ предметъ гораздо полнѣе и ярче, нежели цѣлыя страницы, перечисляющія его черты. Г. Мей питаеть напротивъ особенную привязанность къ подобнымъ перечнямъ, которыхъ не могутъ спасти даже мастерскіе стихи, и этимъ охлаждаетъ лучшія свои произведенія. Такъ, напримеръ, въ *Цвѣтахъ*, самомъ удачномъ изъ эническихъ опытовъ г. Мея, всякого неприятно поразитъ странное мѣсто, исчисляющее вина на прѣу Нерона:

Въ разгарѣ пирь. Мѣняются чредой
 Неслыханно-затѣйливыя блюда;
 Финифтью расцвѣченная посуда
 Вездѣ блистаетъ грудой золотой;
 Прельщая вкусъ и удивляя взоры,
 Обходятъ избалованныхъ гостей
 Завѣтныя потѣры и амфоры,
 Безцѣпныя и рѣдкостью своей,
 И нектаромъ, заботливо хранимымъ:
Спокойное фалерское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хюсскимъ благовоннымъ,
Хюсское—вазосскимъ золотымъ,
Фазосское—коринѣскимъ вѣковымъ.

Самый стихъ тянется вяло и тяжело подъ бременемъ этихъ прозаическихъ подробностей. А какая сила, какая звучность и емкость въ немъ, когда онъ сбрасываетъ съ себя эти оковы и отдается лирическому порыву. Пьесы изъ того же восточнаго міра: *Еврейскія пѣсни*, *Подражаніе восточнымъ* и *Псаломъ Давида на единоборство съ Голиафомъ* — лучшее доказательство тому. Сколько страсти и огня въ этой чудной пьесѣ, которую нельзя не запомнить послѣ перваго же прочтенія!

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
 За дверями голосъ милаго звучитъ:
 «Отвори, моя невѣста, отвори!
 Догорѣло пламя алое зари;
 Надъ лугами надъ шелковыми
 Бродитъ бѣлая роса
 И слезинками перловыми,
 Миѣ смочила волоса;
 Сходить съ неба ночь прохладная...
 Отвори миѣ, ненаглядная!»

Я одежды легкотканныя сняла,
 Я омыла мои ноги и легла,
 Я на ложѣ, цѣпенѣю и горю...
 Какъ я встану? какъ я двери отворю?
 Милый въ дверь мою кедровую
 Стукнулъ смѣлою рукой:
 Всколыхнуло грудь пуховую
 Перекатною волной,
 И, полна желанья знойнаго,
 Встала съ ложа я покойнаго.
 Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользнуть;
 Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ;

Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчать.

Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ...
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моею мѣтежною.

Столько же жизни и движенія въ пьесахъ: «Поцалуй же меня!» «Хороша я и смугла» (которую не дурно перевелъ и г. Фетъ), «Я цвѣтокъ полевой», «На ложь двѣичемъ». Выпишемъ первую изъ нихъ:

Поцалуй же меня, выше душу до дна...
Жарки перси твои и хмѣльяѣ вина;
Запахъ черныхъ кудрей чище мирры стократъ;
Скажутъ имя твое—пролитой аромать!

Оттого—отроковица—
Полюбила я тебя...
Царь мой, гдѣ твоя ложница?
Я сгорѣла, люблю...

Милый мой, возлюбленный, желанный!
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?

Но верхомъ совершенства въ числѣ еврейскихъ подражаній г. Мея кажется намъ пьеса: «Храни поученье отцово!» Строгая простота тона сообщаетъ ей особенную силу. Съ такою простотою желали бы мы встрѣчаться все чаще и чаще въ произведешяхъ г. Мея. Намъ случалось слышать упреки ему въ виртуозности, въ склонности къ излишней выработкѣ стиха, вообще въ чрезмерной заботѣ о внѣшней сторонѣ его произведеній. Въ литературѣ, недавно выработавшей себѣ изящество литературной формы, можетъ быть и понятно кокетничанье фразой и стихомъ, какое не рѣдко замѣчаемъ мы въ г. Мевъ и котораго не совсѣмъ чужды и другіе современные наши поэты; но едва ли оно извинительно. Неужели и намъ доводить до такой крайности и изысканности нашъ стихъ, до какой довели свой стихъ нѣмецкіе поэты при господствѣ романтической школы? Поэты съ громаднымъ дарованіемъ, какъ напримѣръ Рюккертъ, измелъчились въ этихъ заботахъ о формѣ. Этотъ недавній примѣръ долженъ удерживать насъ отъ подобныхъ излишествъ. Отъ манерности въ стихъ недалеко до манерности и во всемъ стрѣ стихотворенія. Пора намъ сознать, что тройными созвучіями, періодическими

повтореніями одной и той же рѣмы и тому подобными хитростями можно только стѣснить свою мысль и ослабить ея силу. У г. Мея такая изысканность отличаетъ, напримѣръ, переложеніе псалма: «На рѣкахъ Вавилонскихъ». А послушайте, какою свободой и высокой поэзіей можетъ дышать каждый стихъ г. Мея, когда онъ хочетъ быть простымъ:

Храни поученье отцово,
 Мой сынъ, и въ скрижали души
 Мое заповѣдное слово
 Отнынѣ на вѣки впиши:
 Пребудь безбоязненъ душою,
 Но Господа бойся и чти;
 Премудрость зови ты сестрою
 И разумъ себѣ просвѣти.
 И рѣчи грѣха и обмана
 Не будутъ надъ мудрымъ властны,
 И въ разумъ будетъ охрана
 Тебѣ отъ лукавой жены.

Взгляни!.. не находить на ложѣ
 Она ни покоя, ни сна,
 И ночью сидитъ на сторожѣ,
 Сидитъ и глядитъ изъ окна—
 Не бродить-ли гдѣ въ околоткѣ
 Случайно глупецъ молодой?
 Не слышно-ли праздною походки?
 Не слышно-ли пѣсни ночной?
 Увидитъ, услышитъ далече,
 И выйдетъ, и станетъ ласкать,
 И станетъ коварныя рѣчи
 Съ безстыднымъ лицомъ лепетать:
 «Сегодня должна по обѣту
 «Я мирную жертву свершить,
 «А гостя любимаго нѣту—
 «Трапезу мою раздѣлить.
 «Тебя я ждала и искала—
 «Ждала отъ вечерней поры:
 «Завѣсила одръ, и постлала
 «Египта двойные ковры,
 «Посыпала ложе шафраномъ,
 «Корицей посыпала полъ...
 «Войди, и въ весельѣ желанномъ
 «Возляжемъ за трапезный столъ.
 «Мой мужъ отлучился далеко
 «И много унесъ серебра—
 «Унесъ и ревнивое око...

«Пробудь у меня до утра!»
 Прельстила бесѣдою грѣшной,
 Тенетами усть привлекла,
 И вслѣдъ за женою поспѣшно
 Безумная жертва пошла.
 Идетъ онъ, какъ волъ на закланье,
 Идетъ онъ, какъ къ привязи пестъ,
 Забывъ, что души достоянье
 На жертву блудницъ принесъ.

Въ поэтъ, способномъ написать подобное стихотвореніе, не-
 пріятно видѣть такую вычурность, какъ въ помянутомъ пере-
 ложеніи или въ пьесъ: *Вихорь*, гдѣ строфа построена такъ:

При дорогѣ нива...
 Доня смуглоличка
 День-деньской трудится,
 Неустанно жнетъ;
 Видно не лѣнива,
 А что Божья птичка—
 На зарѣ ложится,
 На зарѣ встаетъ.

Нельзя не замѣтить также, что г. Мей любить часто упо-
 треблять странныя и изысканныя слова, часто даже неупотре-
 бительныя и непонятныя. Такъ въ рассмотрѣнныхъ нами вос-
 точныхъ стихотвореніяхъ попадаются слова: *увясло*, *повой* (вмѣ-
 сто повязки), эпитеты: *смолекудрый*, *бьлолонная*.

Изъ міра классической древности г. Мей заимствовалъ содер-
 жаніе для двухъ оригинальныхъ стихотвореній своихъ: *Фрине*
 и *Цепты*. Первая пьеса передаетъ римованнымъ гекзаметромъ
 извѣстное преданіе о купавшейся гетерѣ, послужившей Пракси-
 телю образцомъ для изваянія Киприды. Разсказъ объ этомъ про-
 исшествіи вложенъ въ уста другой гетеры, Гнатены. Когда-то
 Пракситель любилъ Гнатену, и новый любовникъ ея ревнуетъ
 ее къ своему предшественнику. Гнатена говоритъ, что это на-
 прасно, что она любила въ Пракситель только художника....
 «Онъ потому мнѣ казался хорошъ, что искусство прекрасно...»
 Гнатена увѣряетъ, что забыла Праксителя, но въ словахъ ея
 слышна едва сдерживаемая ревность. Гетера рассказываетъ, что
 ваятель хотѣлъ взять ее за образецъ для статуй Киприды; но
 вдохновеніе не освняло его, и онъ жаловался Гнатень: «О,
 для чего въ тебѣ женщина образъ богини затмила?» Но вотъ
 наступили элевзинскія празднества. Толпы коринескихъ жи-

телей обступили оконечность пологого мыса, против которого по преданію вышла изъ моря Киприда. Изъ толпы выдѣлилась женщина, раздѣлась и погрузилась въ волны. Всѣ ахнули, думая видѣть въ незнакомкѣ самоѣ богиню любви. Описаніе торжественнаго шествія народа, раздѣванья гетеры и ея погруженія въ волны моря, прекрасно въ стихотвореніи г. Мея. Кажется, будто читаешь страницу древняго поэта. Съ этого утра Гнатена разсталась съ ваятелемъ. Припоминая свою разлуку съ Праксителемъ, она кончаетъ рассказъ, который начала по поводу ревности своего любовника, ревнивой досадою на Праксителя. Последнія строки поэмы г. Мея производятъ глубокое впечатлѣніе. Гнатена кончаетъ свой рассказъ такими словами:

Что же сказать мнѣ еще? Изваянье богини Киоеры
 Кончилъ давно Пракситель, и давно повторяетъ Эллада
 Имя ваятеля съ именемъ мнѣ ненавистой гетеры;
 Но—да хранить меня боги!—теперь я спокойна, я рада....
 Рада свободѣ....

Взгляни—потемнѣли высокія горы....

Тихо въ вѣнцахъ многозвѣздныхъ проносятся вѣчныя оры....

Ночь и природѣ и людямъ завѣтное слово шепнула:

«Спите!»

О! если бы ревность.... твоя, чужеземецъ, заснула!

Вообще, все стихотвореніе замѣчательно стройностью созданія, чувствомъ мѣры въ выборъ подробностей и истинно-поэтическимъ движеніемъ, достоинствами, въ отсутствіи которыхъ мы обвиняли три еврейскія поэмы г. Мея: *Фрине*, какъ нельзя лучше показываетъ, что мы имѣли на то полное право. Какъ скоро г. Мей не увлекается желаніемъ придать картинамъ своимъ возможную полноту и не пестритъ ихъ ненужными деталями, онъ выходитъ и рельефны, и прекрасны. Въ этомъ случаѣ мы опять-таки укажемъ на рассказъ о купаньи Фрине. Еще ярче выступаетъ это качество таланта г. Мея въ двухъ стихотвореніяхъ его изъ русской жизни, *Русалка* и *Хозяинъ*. Мы будемъ говорить о нихъ дальше, а теперь обратимся къ поэмамъ изъ римской жизни: *Цвѣты*.

До-сихъ-поръ въ поэмахъ г. Мея мы видѣли преобладающимъ чисто описательный характеръ. «Пиръ въ золотыхъ чертогахъ у Нерона», служащій содержаніемъ «Цвѣтовъ», далъ возможность г. Мею представить нѣсколько характерныхъ лицъ въ драматическихъ положеніяхъ. И надо отдать справедливость г. Мею,

всѣ эти лица передъ нами какъ живыя: и гнусный приспѣшникъ Кессаря Тигеллинъ, и Поппея, и неуклюжій британецъ Генгитъ, заснувшій при чтеніи Нерона, и самъ Неронъ. Всѣ они вѣрны въ каждой чертѣ и жизни, и исторіи. Вопреки «строгимъ цѣнителямъ и судьямъ», которые по одному промаху (и то замѣченному прежде всего самимъ авторомъ) отказываютъ поэту въ знаніи избраннаго имъ предмета *, мы должны сказать, что строгое и добросовѣстное изученіе ясно изъ каждой строки поэмы г. Мея. Кромѣ изученія, важно еще и живое пониманіе изучаемаго; а до какой степени оно есть въ г. Мея, лучше всего можно видѣть изъ сравненія XLV и XLVI параграфовъ XIII книги Тацитовой лѣтописи съ изображеніемъ Поппеи въ *Целтагъ*. Эта красавица, одаренная по словамъ Тацита, всѣмъ, кромѣ честной души, *procter honestum animum*, представляется намъ еще яснѣе послѣ стиховъ г. Мея. Вотъ какъ описываетъ онъ ее, явившуюся на вечерній пиръ:

Прекрасна, неизмѣнно молода,
 Какъ томная вечерняя звѣзда.
 Подъ складками лазурнаго хитона,
 Прозрачнаго, какъ утренній туманъ,
 Сквозить ся полуразвитый станъ,
 Сквозить волна встревоженнаго лона.
 Гибка, стройна, какъ тонкая лоза,
 Съ приемами застѣнчивой дѣвицы,
 Поппсея на стыдливые глаза
 Склонила бѣлокуроыя рѣсницы.
 Казалось, эти дѣтскія уста
 Одни привѣты лепетать умѣли,
 И въ этомъ взорѣ дѣвственномъ свѣтлѣли
 Одна любовь, невинность, чистота.
 Но кто знавалъ Поппсею покороче —
 Не вѣрилъ ни въ уста ея, ни въ очи.

Образъ британца Генгита, исторія его ильна, потомъ пріѣздъ въ Римъ и любовь къ Максимиллѣ, представлены съ такою же жизнью, какъ и Поппея. Къ немногимъ чертамъ, которыми обозначены въ поэмѣ отношенія грубаго дикаря къ утонченной красавицѣ, нечего прибавить: такъ онъ мѣткн. Любовь Генгита къ Максимиллѣ есть собственно внутренняя основа всей поэмы. На пирѣ у этой яркой звѣзды, только-что появившейся въ мірѣ

* Любопытно было бы слышать судъ этихъ господъ надъ «Дмитріемъ Самозванцемъ» Шиллера.

римскихъ престлницъ, Неронъ читаетъ свои стихи, и на самомъ патетическомъ мѣстѣ ихъ вдругъ слышится хланъ неуклюжаго любовника Максимиллы. Никто изъ слушателей не можетъ удержаться отъ смѣха.

Въ душѣ Нерона вспыхнула гроза:
Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;
Подъ бѣшено нахмуренною бровью
Метнули искры вышле глаза,
И змерь на устахъ оледенѣлыхъ
До половины вылившейся стихъ,
И вздрогнулъ кругъ гостей оцѣпенѣлыхъ;
Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
«Живи во вѣки!» молвить Максимилла:
«Напрасно, Кесарь, разсыпашь ты
«Предъ варваромъ поэзи цвѣты:
«Въ немъ духа мощь убила плоти сила!»
Неронъ смѣялся, варвара обнялъ —
И тутъ же всѣхъ присутствующихъ звалъ
Къ себѣ на пирь....

Этотъ пирь долженъ былъ окончиться печально. Въ самомъ разгарѣ веселья Неронъ въ сопровожденіи Тигелина и Поппен ушелъ изъ залы. Двери за нимъ заперлись. Вдругъ раздвинулся потолокъ надъ пирующими и на нихъ сталъ падать дождь цвѣтовъ. Заключеніе поэмы г. Мея давно извѣстно наизусть всемъ любителямъ поэзи.

Всѣ девять музъ украшены вѣнками,
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ,
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Устланы, усыпаны цвѣтами....
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой.
Генгитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой;
Рванулся песь, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ.... И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады....
Кой-гдѣ погасли пирныя лампы....
Веселый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные слитые разговоры;
Замолкнулъ кляръ, и потемнѣли хоры...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
И сыплются дождемъ неудержимымъ....
Въ лугахъ и значныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты

Селянки загорѣлыя и дѣти ..
 И падаютъ, и падаютъ цвѣты,
 И зыблятся, какъ радужныя сѣти.
 Спущенныя на землю съ высоты.
 Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
 Корзинами, ковшами: ароматъ
 Вливаетъ въ воздухъ смертоносный ядъ;
 Клокочетъ кровь, и сердце заморасть
 Отъ жара и несносной духоты....
 И падаютъ, и падаютъ цвѣты. ..
 Напрасенъ крикъ пирующихъ: «Пощады!
 «Мы умираемъ!»! Падаютъ цвѣты —
 Пощады нѣтъ; всѣ двери заперты;
 Потухли всюду пирныя лампы....
 Въ отвѣтъ на вопль предсмертный и на стонъ
 Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри
 И за дверями хохоталъ Перонъ.

Поэма г. Мея была оценена при первомъ появленіи своею
 весьма понимающими дѣло; развитіе поэмы полно жизни, но на-
 рушено только въ двухъ-трехъ мѣстахъ прозаическими вставками,
 и потѣму *Цвѣты* заслужили отъ нѣкоторыхъ упрекъ въ холодно-
 сти. Этотъ упрекъ былъ бы совершенно несправедливъ, еслибъ
 г. Мей выбросилъ изъ поэмы или слегка измѣнилъ два-три мѣ-
 ста. Выше былъ приведенъ отрывокъ о винахъ; не говоря уже о
 прозаичности, онъ неумѣстенъ и потому, что пространство, не-
 жели описаніе шума и веселья пира, которое заключено все въ
 двухъ стихахъ. Не было бы ничего легче, какъ измѣнить это мѣ-
 сто. Стоило послѣ стиха: «Завѣтныя потѣры и амфоры», начать
 прямо стихомъ: «Шумнѣ пиръ, смѣлѣ разговоры». Послѣ преле-
 стнаго портрета Поппеи сѣтъ перерывъ, который также не мало
 вредитъ ходу пьесы, и наконецъ заключительныя строки о Ке-
 сарѣ, забывающемъ обиду, нанесенную ему, какъ поэту, и о
 Гелиогабалѣ, очень охлаждають превосходную картину оргіи и
 паденія цвѣтовъ. Если мы укажемъ на три-четыре вялыхъ сти-
 ха на страницѣ 124 *, то вотъ и всѣ недостатки поэмы г. Мея—
 недостатки, которыхъ пріятно было бы не встрѣтить въ буду-

* Вотъ эти стихи:

И волею боговъ метаморфоза
 Свершалась очевидно.....

словъ не находя,
 Что-бъ выразить всю силу пзумленья.....

*

щемъ изданіи поэмы, но которые не мѣшаютъ намъ считать ее прекраснымъ, стройнымъ и художественнымъ воспроизведеніемъ римской жизни.

Въ книгѣ г. Мея мы находимъ и переводы изъ двухъ древнихъ поэтовъ—*Θεокрита* и *Анакрона*. До-сихъ-поръ, ни тотъ, ни другой не были еще сколько нибудь удовлетворительно переведены на русскій языкъ. Все знакомство наше съ *Θεокритомъ* ограничилось идилліями: *Циклопъ*, *Рыбаки* и *Друзья*, переведенными *Мерзляковымъ*, *Сиракузянки*, или *Праздникъ Адониса*, въ переводѣ *Гвѣдича*, и *Волшебница*, въ переводѣ *Лобанова*. Вотъ, кажется, и все, если не считать полного перевода въ прозѣ, изданнаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія *Егоромъ Сфернымъ*. Изъ переводовъ *Мерзлякова* наиболее извѣстны *Рыбаки*. Эта идиллія переведена имъ удачнѣе двухъ другихъ, хотя и въ ней стихи часто прозаичны и по множеству усѣченій и неправильной постройки фразъ устарѣли для нашего времени; притомъ въ переводѣ есть и невѣрности подлиннику. Перевода *Лобанова*, напечатаннаго (если не ошибаемся, въ сороковыхъ годахъ) въ «Сынъ Отечества», у насъ нѣтъ теперь подъ рукою, и мы можемъ только сказать, что онъ сдѣланъ гекзаметромъ и, помнится, довольно вѣрно. Прелестная юмористическая картинка древнихъ нравовъ: *Сиракузянки*, переведена съ образцовой вѣрностью и изяществомъ *Гвѣдичемъ*. Нельзя не жалеть, что этотъ тонкій знатокъ греческаго языка и авторъ до нынѣ лучшей русской идилліи ограничился переводомъ одной пьесы *Θεокрита*. Г. Мей перевелъ пять идиллій: *Рыбаки*, *Амариллина*, *Дѣтство Алкида*, *Алкидъ—побѣдитель льва*, или *Богатства Авіаса* и *Волшебница*, и одну надпись: *Обѣтъ*. Двѣ идилліи объ *Алкидѣ*, составлявшія вѣроятно одно цѣлое, но дошедшія до насъ въ полномъ видѣ, переведены г. Меемъ рифмованнымъ гекзаметромъ, остальные три—вольнымъ ямбомъ, тоже съ рифмами. Намъ кажется, такая уступка въ пользу современнаго уха только повредила труду г. Мея. Переводъ его, не смотря на буквальную часто близость къ подлиннику, далекъ отъ него по тону; въ немъ слышна искусственность, которой нигдѣ нѣтъ у *Θεокрита*. Рифма, которая мѣстами такъ удачно введена г. Меемъ въ его переводы изъ *Анакрона*, въ *Θεокритѣ* кажется излишней натяжкой—особенно въ гекзаметрѣ. Г. Мей такъ мастерски владѣетъ стихомъ, что его не могла слишкомъ стѣснить или отклонить отъ вѣрности подлиннику избранная имъ форма; но именно по-

этому—то и желательнѣе было бы видѣть идиллин Эсокрита переведенными просто размеромъ подлинника, безъ всякихъ нововведеній. Намъ не для чего обзгать безрѣменнаго гекзаметра при переводѣ древнихъ эпиковъ и дидактиковъ, послѣ прѣмѣра Гнѣдича и Жуковскаго. Не уклоняясь отъ размѣра подлинника, г. Мей не имѣлъ бы надобности мѣстами растягивать, мѣстами сокращать выраженія Эсокрита, что нерѣдко встрѣчается въ его переводѣ. Вообще, переводы г. Мей изъ Эсокрита напоминаютъ характеромъ своимъ французскіе переводы въ стихахъ, вѣчно богатые распространеніями мыслей и выраженій подлинника, хотя и не оставляющіе ничего желать относительно гладкости и текучести выраженія.

Изъ пѣсень Анакрона, переведенныхъ, какъ намъ извѣстно, г. Меемъ вполнѣ, онъ помѣстилъ въ книгу стихотвореній своихъ всего двѣнадцать. Едва ли есть другой поэтъ, представляющій такія трудности для переводчика, какъ Анакреонъ. Грація подлинника такъ тонка, простота его такъ изящна, что одинъ неловкій оборотъ, одна неточная фраза, даже одно неумѣстное слово могутъ все погубить. Г. Мей вышелъ побѣдоносно изъ этихъ трудностей: онъ сохранилъ каждый эпитетъ, каждый оборотъ подлинника, не лишивъ ихъ и того нѣжнаго колорита, который составляетъ прелесть анакреоновыхъ пѣсень. Анакреонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которыхъ совершенно нельзя понять по буквальному переводу: въ такомъ переводѣ простота его является грубостью, строгая умѣренность рѣчи—бѣдностью; и въ тоже время измѣнить хотя одно слово — значитъ измѣнить его тонъ и характеръ. Изъ двѣнадцати пѣсень, напечатанныхъ г. Меемъ, трудно отдать которой нибудь преимущество. Все онѣ прелестны, и изданіе г. Меемъ полнаго перевода будетъ драгоценнѣйшимъ приобрѣтеніемъ русской литературы. Мы не знаемъ ни на одномъ языкѣ перевода Анакрона, который передавалъ бы съ такою близостью всю прелесть теосскаго пѣвца. Вотъ напримѣръ ода *На дискѣ съ изображеніемъ Афродиты*. Можно ли было лучше воспроизвести всю тонкую живопись подлинника?

Чей рѣзецъ на этомъ дискѣ
Такъ искусно и отважно
Прошилъ море, поднялъ волны
Надъ хребтомъ равнины влажной?
Кто, къ богамъ вознесшись духомъ.

Начерталъ средѣ волнъ смятенныхъ
 Нѣжно-бѣлую Киприду,
 Первородную блаженныхъ,
*Начерталъ ее наюю,
 Но красы младаю лона
 Скрылъ прозрачною волною?*
 Какъ въ затишьѣ галыціона,
 На зыбяхъ морскихъ качаясь,
 Афродита разсѣкаетъ
 Тѣломъ пѣнистую воду,
*И широко отступаетъ
 Передъ ней волна морская,
 Выше персей окруженныхъ,
 Ниже тѣи отбывая.*
 Плавно движется Киприда,
 Межъ пурпурныхъ струй бѣгя,
 Какъ бѣлѣтъ межъ вѣлокъ
 Серебристалъ лилел.
 Вотъ, смѣясь людскому страху,
 Смѣло мчатся вездѣ богинѣ
 Гимэротъ съ Эротомъ рѣзвымъ
 На порывистомъ дельфинѣ.
*Стаи рыбъ широкоплѣсыхъ
 Станъ боини стройно гибкой,
 Подъ водою рывясь, щекочутьъ,
 Чтобъ плыла она съ улыбкой.*

Въ этой чудной пѣснѣ передана вся кажущаяся непередаваемою прелесть подлинника. Таковы и всѣ переводы г. Мея изъ Анакреона. Въ подтвержденіе словъ нашихъ, мы позволяемъ себѣ выписать здѣсь еще двѣ пѣсни. Вотъ прелестная картинка весны:

Посмотри, весна вернулась—
 Сыплютъ розами хариты;
 Посмотри, на тихомъ морѣ
 Волны дремою повиты;
 Посмотри, ныряютъ утки,
 Журавлей летить станица;
 Посмотри, Титана-Солнца
 Въ полномъ блескѣ колесница.
*Тучи тихо улываются,
 Унося ненастья пору;
 На поляхъ труды людскіе
 Говорятъ привѣтно взору.
 Гля тыжныя поспѣвы
 На груди своей лелѣтъ;*

*Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленѣетъ;
Лозы пламенной Вакха
Кровь листа молодая,
И плоды румяныя завязь
Расцвѣла, благоухал.*

Только люди, совершенно лишенные эстетическаго чувства, не увидать тончайшей прелесть въ стихахъ, отмѣченныхъ нами курсивомъ. Въ слѣдующей пьескѣ, названной у г. Мея *Беззаботностью*, съ такою же граціей переданы мысли Анакреона, съ какою въ двухъ первыхъ воспропзведены его очаровательныя картины.

Не учи меня законамъ
Скучныхъ риторовъ твоихъ:
Что мнѣ въ словѣ бесполезномъ
И въ софизмахъ ихъ пустыхъ?
Научи меня ты лучше
Сладкій сокъ Ліоза пить,
И съ Киридой бѣлокурой
Игры рѣзвыя дѣлать.
Погляди, какъ эти кудри
Увѣчала сѣдина...
Усыпи мой разумъ, отрокъ,
Дай воды, неси вина!
Скоро, скоро покрывало
На меня набросишь ты...
А у смертнаго за гробомъ
И желанья отняты!

Достаточно было бы разсмотрѣнныхъ нами произведеній, чтобы упрочить за г. Меемъ, какъ за поэтомъ высоко-даровитымъ, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ современной русской литературѣ; но мы разсмотрѣли только первый отдѣлъ его книги. Пьесы изъ русской жизни, помѣщенные во второмъ отдѣлѣ, представляютъ самую яркую, самую драгоценную сторону таланта г. Мея. Но прежде чѣмъ будемъ говорить о нихъ, скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ изъ новыхъ европейскихъ поэтовъ, отнесенныхъ г. Меемъ къ этому же второму отдѣлу.

Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ переводы изъ Шиллера. *Прощаніе Гектора съ Андромахой, Амалія, Вечеръ, Альпійскій стрѣлокъ, Ожиданіе*, переданы прекрасно, особенно двѣ первыя пьесы. Но верхомъ мастерства, по силѣ и мѣткости стиха, слѣдуетъ назвать великолѣпный переводъ шиллеровой

пѣсни: *Графъ Эбергардъ Грейнера*, который напечатанъ въ собраніи г. Гербеля «Лирическія стихотворенія Шиллера», но не вошелъ въ книгу г. Мея, такъ же, какъ и пѣсы: *Пушьева пѣсня* («Vier Elemente»), *Руссо* и *Пушьева пѣсня для свѣтра*, которыя переведены тоже безукоризненно. Нельзя особенно не замѣтить необыкновенно трудной для перевода, знаменитой пѣсни: «Vier Elemente»; впрочемъ, послѣ пѣсень Анакрона съ чѣмъ не совладѣтъ г. Мей? Выписываемъ для примѣра *Руссо*, какъ наиболее краткую пѣсню.

Монументъ, возникшій злымъ укоромъ
Нашимъ дьямъ и Франціи позоромъ,
Гробъ Руссо, склоняюсь предъ тобой!—
Миръ тебѣ, мудрецъ, уже бездасной!
Мира въ жизни ты искалъ напрасно:
Миръ намель ты, но въ землѣ сырой.

Язвы міра вѣкъ не заживали:
Ветарь былъ мракъ—и мудрыхъ убивали,
Пыльце—свѣтъ, а меньше—ль палачей?
Наль Сократъ отъ рукъ невѣждъ суровыхъ,
Наль Руссо—но отъ рабовъ Христовыхъ.
За порывъ—создать изъ нихъ людей.

Переводы изъ Мицкевича: *Свитезянка*, *Вилія*, *Pieszczotka moja*, *Разговоръ*, *Пани Твардовская* и *Ренеатъ* принадлежать къ первому періоду поэтической дѣятельности г. Мея, и во многомъ уступаютъ послѣднимъ его переводамъ. Въ нихъ мелькаютъ мѣстами полонизмы и встрѣчаются неловкіе и негладкіе стихи. Лучше другихъ пѣснь переведены *Пани Твардовская* и *Ренеатъ*, но онѣ очень слабы въ подлинникѣ. Первая пѣсня — пустая сказка, вторая—прекрасна по замыслу, но въ исполненіи ея бездна вычурности; переводя ее, следовало бы, по нашему мнѣнію, выкинуть «тѣпъ Эвлеса», «порогъ блаженства» и проч., вопреки намѣренію автора вовсе не придающія пѣснь восточнаго колорита. Въ *Свитезянцѣ* у г. Мея есть превосходныя мѣста, но они гибнутъ посреди множества небрежныхъ стиховъ. Эта баллада Мицкевича была переведена и г. Фетомъ, но тоже очень неудачно. Недавно читали мы небольшую пѣсенку Мицкевича, переведенную г. Меемъ послѣ уже изданія собранія его стихотвореній, и убѣдились, что виною слабости упомянутыхъ нами пѣснь была только неопытность переводчика. При той художнической силѣ, которою владѣтъ онъ теперь, г. Мей могъ бы передать превосходно лучшія произведенія польскаго поэта.

По одному стихотворенію пера г. Мея із Гёте (*Пісня Миньона*: «Kennst du das Land?»), із Шенье (*Амимона*) и із Виктора Гюгё («Самка?... поцалася въ клятку»), первое и последнее—не дурно, второе—очень хорошо. Пять славянскихъ пёсенъ, двѣ руснацкія и три моравскія, переданныя удачно, служатъ по тону и манеру какъ-бы переходною ступенію къ стихотвореніямъ въ русскомъ народномъ духу, заключающимъ собою книгу г. Мея.

Стихотвореній этихъ не много — всего десять; но половина ихъ суждено остаться навсегда въ числѣ лучшихъ украшеній русской поэзіи. Глубокое сочувствіе къ народной жизни, глубокое сердечное пониманіе ея выразились у г. Мея прекрасными, истинно-народными звуками. Не самъ ли народъ пропѣлъ, на-примѣръ, эту *Заньвку*?

Охъ, пора тебѣ на волю, пёсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, поселная, попольная,
Непогодюю-невзгодюю повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пёсня русская!
Не сама-собою ты снѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Напесло тебя съ пожарницъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

При такомъ проикновеніи въ самую сущность народнаго духа, какъ было г. Мею не создать произведеній, которыя кажутся записанными изъ устъ народа? Пёсню его не поддѣлка подъ простонародную русскую пёсню, не мозаика пёсенныхъ выраженій, искусственно сложенныхъ въ одно цѣлое. Нѣтъ, эти пёсни снѣлись отъ души, какъ и пёсни Кольцова, и потѣму все въ нихъ похоже на народную пёсню, и въ то же время нельзя указать ни одного выраженія, которое было бы взято оттуда-то. Мотивы пёсенъ г. Мея, конечно, тоже народные, потому что иначе и самыхъ пёсенъ не было-бы. Какая потрясающая душу драма заключена въ простыхъ словахъ слѣдующей пёсни!

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
Дехъ великой—поминь по родителямъ,
Только я, спротивка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вѣчоръ отиросилася:
«Отпусти, осударь—похристосуюсь»

На могилѣ со свекоромъ-батюшкой.»
 Идучи, я съ дороженьки сбился,
 Во темномъ во лѣсу запутался,
 У оврага въ лѣсу опознался.
 Въ томъ оврагѣ могила безкrestная:
 Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
 Размело—разнесло непогодушкой...
 Подошла я къ могилѣ—шатнулася,
 Бѣлой грудью о землю ударилась...
 «Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
 Таково ли легко было молодцу
 Загубить свою душеньку грѣшную,
 Каково-то легко было дѣвицѣ
 Подъ невольный вѣнецъ снаряжати?»

Какъ прологъ этой драмы, есть у г. Мея другая пѣсня, полная такой же силы отчаянія. Это—обращеніе къ матери дѣвушки, сосватанной за пемиллаго:

Снаряжай скорѣй, матушка родимая,
 Подъ вѣнецъ свое дитяtko любимое!
 Я гнѣвить тебя нынче зарекалася—
 Отъ сердечнаго друга отказалася...
 Расплетай же мнѣ косыньку шелковую,
 Уложи меня на кровать тесовую,
 Пелену набрось мнѣ на груди бѣлая,
 И скрести подъ ней руки помертвѣлымъ,
 Въ головахъ зажги свѣчи воску ярова
 И зови ко мнѣ жениха-то старова:
 Пусть войдетъ старикъ—смотреть да дивуется,
 На красу-ль мою дѣвичью любится...

Послѣ *Русалки* и *Хозяина*, двухъ прелестныхъ эпическихъ пьесъ, мы вправѣ ожидать отъ г. Мея большой поэмы изъ народнаго быта, въ которой онъ далъ бы просторъ своему сочувствію къ русской жизни. Въ талантѣ г. Мея есть все, чтобы подарить насъ такою поэмой: задаткомъ служатъ намъ двѣ упомянутыя пьесы. Въ нихъ мы видимъ, независимо отъ усвоенія общаго духа народной поэзіи, тѣсно, родственное знакомство и съ формальною стороною русской жизни. Ничто поэтическое въ скромной обстановкѣ нашего народнаго быта не ускользнуло отъ г. Мея, и картины, нарисованныя имъ, дышатъ поэзіей. Чуткимъ сердцемъ понялъ онъ и завѣтныя вѣрованія, и сокровенныя печали этой жизни, и отозвался на нихъ теплымъ словомъ. *Русалка* пзвѣстна читателямъ «Библіотеки для Читенія» и

вѣроятно оценена всеми по достоинству *. *Хозяйка* мы позво-
ляемъ себѣ выписать здѣсь цѣликомъ.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна;
Полъ отструганъ гладко; ровень потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ—укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеная пѣльца съ стуломъ раздвижнымъ,
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховникъ!
Крѣпко спитъ—не слышитъ сонный старина,
Что во снѣ ленечетъ подь ухомъ жена.
Душно ей, неловко возлѣ старика;
Свѣсилась съ кровати полная рука;
Губы раскраснѣлись, словно корольки;
Кинули рѣсницы тѣнь на полщеки;
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ;
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ ходенемъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.
А за печкой кто-то нехотя ворчить:
Знать другой хозяинъ по ночамъ не спитъ.

На мужа съ женою смотреть Домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
«Сладко имъ соснулось: полночь на дворѣ . .
«Жучка призатихла въ темной конурѣ.
«Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ:
«Весело хозяйитъ въ домикѣ такомъ...
«Погреба набиты, закрома полны,
«И на сѣновалѣ сѣна съ три конны.
«Отъ конюшни кучки снѣга отгребешь,
«Корму дашь лошадамъ, гривы заплетешь,
«Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки—

* Мы замѣтили въ ней только одинъ изысканный стихъ, который было
бы легко измѣнить г. Мею. Это:

«Огонькомъ подь пепломъ щески половѣють.»

Самый образъ, по нашему мнѣнiю, не граціозенъ.

«Клади дорогія ломять сундуки.
 «Все-бы было ладно, все мнѣ понутру...
 «Только вот хозяйка намъ не ко двору:
 «Больно чернوبرва, больно молода, —
 «На сердце тревога, въ головѣ—бѣда!
 «Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
 «Мигомъ одурачить мужа-старика...
 «Знать и Домовому не сплести порой
 «Бороду съдую съ черною косою.
 «При людяхъ смѣется, а—гляднись—тайкомъ
 «Плачетъ, да вздыхаетъ—знаю я, по комъ!
 «Погоди-жь, я съ нею шуточку шучу
 «И отъ черной думы разомъ отучу:
 «Только обойдется съ грезой горячо,
 «Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,
 «За косу поймаю, сдерну простыню —
 «Волей аль неволей грезу отгною...
 «Этимъ не проймется,—пропадай она,
 «Баба-переметка, мужняя жена!
 «Всей косматой грудью лягу ей на грудь
 «И не дамъ ни разу палцовой вздохнуть,
 «Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски:
 «Скажутъ, что за чахлая сгоря да съ тоски» ...

Изъ остальныхъ стихотвореній въ этомъ родѣ недурны также двѣ пѣсни («Охъ вы годы мои, годы торопливые» и «Ты краса ли моя дѣвичья») и рассказъ: *Спаситель*. Нѣсколько прекрасныхъ стиховъ не могутъ искупить вычурности *Вихря*, о которомъ мы уже упоминали.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о переложеніи *Слова о Полку Игоревѣ*. Изъ множества стихотворныхъ подражаній этому намятнику, переводъ г. Мея рѣшительно лучший. Мы не раздѣляемъ только мнѣнія, что «Слово» можно переводить цѣликомъ стихами. Оно дошло до насъ, вѣроятно, въ весьма искаженномъ видѣ. Въ немъ нѣтъ строгаго эпическаго развитія, мѣрная рѣчь слышится только изрѣдка, какъ ни стараются разбить ее на стихи. Если не суждено намъ имѣть этого произведенія въ другомъ спискѣ, то и переводить его слѣдуетъ прозой: стихи же не дадутъ о немъ настоящаго понятія.

Для полноты нашего разбора намъ слѣдовало бы поговорить о прозаическихъ произведеніяхъ г. Мея и о его драмахъ, но мы слышали, что г. Мей занятъ теперь окончаніемъ драмы *Исконитянка*, известной публикѣ по напечатанному отрывку, и на-

дѣмся, что эта драма вскорѣ дастъ намъ поводъ возвратиться къ прерываемой на этотъ разъ бесѣдѣ.

РАЗСКАЗЫ Н. ОСНОВСКАГО. Москва, 1857.

Г. Основскій возбудилъ нѣкоторое вниманіе публики своимъ произведеніемъ «Порода хищниковъ», поэтому, говоря о его «Разказахъ», мы начнемъ съ этого произведенія.

Въ происхожденіи «Породы хищниковъ» есть нѣчто общее съ созданіемъ «Илліады», если справедливо мнѣніе, что въ «Илліадѣ» слился въ одно цѣлое рядъ отдѣльныхъ поэтическихъ сказаній народа. Говоря проще: «Порода хищниковъ» — компиляція, а еще проще — сводъ того, что было писано, и что, обыкновенно, разсказывается о карточныхъ игрокахъ и игрѣ.

Но изъ какихъ разнородныхъ и дурно связанныхъ частей состоитъ эта современная эпопея!

Начать съ того, что авторъ не разъяснилъ себѣ еще вполнѣ психологической стороны настоящей страсти. Иначе не написалъ бы объ этомъ предметѣ нижеслѣдующихъ строкъ, полныхъ простодушныхъ сомнѣній и не относящихся къ дѣлу подробностей:

«Войдя въ залы клуба, почти безошибочно можно узнать, гдѣ идетъ большая игра: тамъ всегда находится куча зрителей, по большей части не участвующихъ въ игрѣ.

«Что влечетъ ихъ? Какія пружины ими двигаютъ? спрашивалъ я себя часто: — вѣдь денегъ имъ не дадутъ, они не въ дѣль, а игра сама по себѣ, напримѣръ хоть *палки*, вовсе незанимательна, не коммерческая, не требующая размышленій, соображеній, памяти. Видно, человекъ устроилъ такъ, что его затрогиваетъ и интересуетъ все чрезвычайное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда вещей — будь оно глупо или умно. Или въ немъ дѣйствительно находится злой, враждебный духъ, который ищетъ себѣ нищѣ, алчетъ насладиться злополучіемъ другаго. Посмотрите, съ какою радостью многіе изъ смертныхъ торонятся сообщить какую-нибудь непріятную новость. Всѣхъ людей можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на три категоріи: а) на любящихъ вообще повости (это корпорація самая многочисленная), б) на охотниковъ вообще сообщать непріятныя новости (здѣсь исключеніе рѣдкость) (?), и с) на любителей разсказать пріятную по-

вость (этихъ меньше двухъ первыхъ классовъ и притомъ многіе изъ этой послѣдней категоріи охотники до сочинсній: это, конечно, для красоты слога). «Слышали вы, говоритъ, положимъ, хоть Петръ Николаевичъ: — слышали, что Софронъ Марковичъ умираетъ? Вчера уже масломъ соборовалъ. Плохо бѣдняку, куча дѣтей и больная жена!» Или: «Скажите, какое несчастіе постигло Кузьму Ивановича! у него все гунно сгорѣло, ни единого снапа не успѣли спасти; а Марья Карловна старшаго сына отдала въ солдаты, что въ корпусъ былъ.» Разсказчикъ вовсе не зомъ и вовсе никакого участія не принимаетъ въ пострадавшихъ, не рѣдко даже и въ глаза ихъ не выдывалъ; а такъ ему это, просто, доставляетъ удовольствіе, пріятно, въ некоторомъ родѣ, разсказать новость и притомъ новость поражающую. Да, именно въ чловѣкъ бываетъ злой духъ!..»

Авторъ, какъ видите, рѣшаетъ психологическіе вопросы посредствомъ злаго духа. Напвный способъ, болѣе приличный простодушному лѣтонищу древнихъ событій, чѣмъ современному писателю!.. Послѣ этого, кажется, нечего и искать психологической тонкости или глубины въ настоящемъ произведеніи. Отложимъ же ихъ въ сторону и посмотримъ, не удовлетворяетъ ли произведеніе г. Основскаго какимъ нибудь другимъ требованіямъ.

Можетъ быть, напврмѣрь, авторъ хотѣлъ собрать только все факты, касающіеся безчестной азартной игры, чтобы предупредить людей слабыхъ отъ опасности, показавъ имъ, какъ все уловки, посредствомъ которыхъ бѣдныхъ «ремонтеровъ» и «купеческихъ сынковъ» приводятъ къ краю пропасти, такъ и глубину той бездны, въ которую они падаютъ. Подобное сочиненіе, написанное съ полнымъ знаніемъ *дѣла* и строгой истинной (безъ литературныхъ украшеній и прибавленій), могло бы принести, пожалуй, пользу.

Къ сожалѣнію, авторъ въ изложеніи самыхъ фактовъ является болѣе поэтомъ, нежели историкомъ и специалистомъ. Для возбужденія любопытства, онъ поэтизируетъ ихъ, принимаетъ эпическій тонъ и не открываетъ намъ тайны, какъ распознавать *вольты*, мѣченныя карты и другіе приемы. Напротивъ, съ горестью узнаемъ мы, что есть *художники*, которые, практикуясь передъ зеркаломъ, сами не замѣчаютъ своихъ вольтовъ... И такъ порокъ торжествуетъ, а добродѣтель должна страдать: умные

и благородные люди, играющие въ азартныя игры въ клубахъ или въ порядочныхъ домахъ, въ которыхъ собираются жидаы: *Швенкелли*, *Аричи*, *Миловы* (Ахиллы и Аяксы настоящей эпопеи), всегда будутъ проигрывать, точно также, какъ джентльмены, имвующіе обыкновеніе напиваться до смерти, всегда будутъ валяться въ грязи!.. Хотя бы авторъ объяснилъ, по-крайней-мѣрѣ, что такое *вольтъ*, *абцугъ*, *не* и пр. Почему многочисленный классъ читателей, скромныхъ чиновниковъ, и мы, мирные рецензенты, можемъ знать, что такое *абцугъ*? Впрочемъ, авторъ едва ли допускаетъ въ комъ нибудь подобное невѣжество. Это видно изъ слѣдующихъ ядовитыхъ словъ, сказанныхъ имъ въ другомъ разсказѣ, гдѣ онъ является уже не Гомеромъ, а Немвродомъ: «Для нашего же брата охотника, говоритъ онъ — да если онъ къ тому еще не любитъ вальсовъ, полекъ, мазурокъ и *ералаша*, *этихъ двигателей большинства человечества* — зима, просто сущее наказаніе.»

Понятно, что при такомъ невыгодномъ мнѣніи автора о большинствѣ человечества, читатели не могутъ ожидать отъ него большаго уваженія. Они не должны оскорбляться, если бы онъ даже обратился къ нимъ прямо съ слѣдующею рѣчью, которая блестяще подіотизмами языка трактирныхъ геросовъ:

«— Ну что, сударикъ, пробубенился и носъ повѣсилъ; говорилъ давеча не играй! не связывайся съ этими зубодергами. Не послушалъ! Самъ виноватъ! Кто тебя на галеры-то тащилъ? добро бы молоденькій; вѣдь зубы съѣлъ, поддюжины дѣтей; пора, кажется, и образумиться. Эхъ, вы!..» и пр.

Нѣтъ! мы, современные читатели, мы должны переносить подобныя вещи спокойно, «не въшая носовъ». Вѣдь мы отказались въ искусствѣ отъ *pruderie* и щепетильности нашихъ предковъ. Мы сознали, что все равно, изъ чего художникъ творитъ свои произведенія, изъ чистаго мрамора или мутной бронзы, изъ блестящихъ красокъ или грязи. Мы и въ поэзіи, какъ въ живописи, умѣемъ теперь равно наслаждаться чистотой линій Рафаэля и грязными красками Рембрандта. Можемъ ли же мы, понимающіе значеніе грязи въ творческихъ рукахъ великихъ художниковъ, оскорбляться и въшать носы отъ того, что въ рукахъ пигмеевъ литературы изъ нея не выходитъ ничего, кромѣ безобразныхъ мазанокъ. Конечно нѣтъ, но нельзя не пожелать, чтобы въ литературѣ нашей являлось поменьше такого мусора, какъ

эти «зубодерги», «пробубенился», Швенкель, Аригъ и т. п. Эта грязь жизни годится только для такихъ Рембрандтовъ и Гогартовъ поэзии, какъ Гоголь.

Но оставимъ сравненія и метафоры и обратимся къ нашему предмету. Мы сказали уже, что «Порода хищниковъ» не удовлетворяетъ даже специальной и полезной цели *руководства* къ распознаюио всѣхъ ухищреній, употребляемыхъ плутами для обыгрыванія честныхъ людей, ведущихъ азартную игру, какъ на собственные, такъ и чужія и, преимущественно, казенныя деньги. Не удовлетворяетъ потому, что въ ней мало техническихъ, такъ сказать, свѣдѣній и строгой истины. Для тѣхъ, кто играетъ, существенно новаго и полезнаго тутъ нѣтъ ничего, для неиграющихъ много еще непонятнаго, а для тѣхъ и другихъ немало оскорбляющаго даже снисходительный вкусъ. Вѣрный современному направленію, авторъ всячески старался придать отличительный характеръ своему произведенію, какъ это видно, напримѣръ, изъ нижеслѣдующей сцены, исполненной такого грубаго юмора и такихъ слабыхъ тенденцій:

«Между тѣмъ, какъ частный докторъ въ квартирѣ Маслобеева, отыскивалъ причины смерти безвременно погибшаго купеческаго сына, и, разумѣется, не находилъ ихъ, потому что причины спокойно, а можетъ быть и не совсѣмъ спокойно завтракали въ домѣ графа, слѣдователь, очень похожій, какъ наружностію, такъ и характеромъ на американскаго бульдога, готовый вцѣпиться въ горло каждому, творилъ (?) допросъ камердинеру и еще молоденькой дѣвушкѣ.

«Послѣ тщетно-предлагаемыхъ вопросовъ, увѣщаній и, какъ объяснялъ слѣдователь, заипрательствъ со стороны допрашиваемыхъ, подобіе бульдога обратилось къ находившемуся тутъ же мѣстному квартальному надзирателю съ слѣдующими словами:

«— Ну, Иванъ Кузьмичъ, отиравьте этихъ двухъ певпныхъ пока по принадлежности и разсадте врозь, не забудьте также крендельки надѣть.

«— Что угодно дѣлайте съ нами, ваше высокоблагородіе. воля ваша, только мы тутъ ни въ чемъ не виноваты.

«— Знаю, знаю, любезный, отвѣчалъ слѣдователь, и, обратившись опять къ квартальному, прибавилъ:—а эту старую шельму посадите въ угольную, знаете?»

«— Знаю-съ, отвѣчалъ надзиратель, улыбнувшись.

«— Это, братъ, похлеще следокъ-то будетъ! замѣтилъ шопотомъ и безъ всякой улыбки сторожъ своему товарищу.

«— А что такое?

«— Да меня однажды частный пьянаго вельвъ запереть въ угольную, такъ, даромъ, что я безъ памяти былъ, а черезъ полчаса вскочилъ, какъ встрепанный, куда и хмѣль дѣвался, рубаху словно кто въ клюквенный морсъ окунулъ.

«— Да отчего же?

«— Да клопы такъ кишма и кишать.

«— И вы, моя красоточка, прибавилъ слѣдователь: извольте отправляться. Оно хоть и жалко на такія бѣленькія и нѣжныя ручки ваши браслетки надѣвать, а дѣлать нечего.

«Дѣвушка, испуганная, блѣдная, съ ужасомъ въ глазахъ, упала на колѣни и залпла слезами.

«— Что, хочешь покаяться, моя милочка, правду сказать? Давно бы такъ; это похвально! признаніе уменьшаетъ вину, стало быть и мѣру наказанія.

«— Боже милосердый! Да за что же это. Я ни въ чемъ тутъ не виновата, могла только проговорить осужденная, зарыдавъ какъ ребенокъ.

«— Невиновата, такъ и оправдаешься, а пока нужно еще собрать о тебѣ справки. Не пустить же мнѣ тебя, мою крошечку, гулять по бѣлѣ свѣту съ сорока тысячами; ты даромъ что принадлежишь къ породѣ длиннохвостыхъ, а шмыгаешь такъ, что тебя и самъ чортъ не отыщетъ: такъ-то, сударыня-барыня!»

Остается теперь рѣшить вопросъ: удовлетворяетъ ли «Порода хищниковъ» хоть какому нибудь требованію? Нѣтъ ли въ этомъ произведеніи, кромѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ фактовъ и грязныхъ образовъ, художественныхъ подробностей? Нѣтъ ли алмазовъ въ этой кучѣ, какъ это часто у насъ бываетъ? Есть, но только слишкомъ мелкіе и притомъ нельзя поручиться за ихъ неподдѣльность.

Въ повѣсти графа Толстаго «Гусаръ» есть одна сцена, поразительная по своей психологической вѣрности: въ ней изображено положеніе очень молодаго человѣка, который, проигравъ казенныя деньги, лежитъ на диванѣ и вытаскиваетъ изъ него зубами

волосы. Въ другомъ произведеніи того же писателя изображено положеніе чловѣка, размышляющаго въ ожиданіи, когда разорветъ бомбу, близъ него упавшую. Читатели, вѣроятно, помнятъ эти мастерскія подробности, которыми талантливые писатели умѣютъ оживлять даже избитые уже и пошлые предметы. Въ «Разсказъ» г. Основскаго есть одно мѣсто, въ которомъ выражаются тѣ же глубокія психологическія черты. Положимъ даже, что онѣ не заимствованы, но какъ блѣдны и слабы онѣ у него, какъ разведены общими мѣстами и теряются въ другихъ, ничего не выражающихъ чертахъ, принадлежащихъ несомнѣнно самому автору. Читатели едва ли узнаютъ ихъ въ нижеприводимомъ отрывкѣ, если не познакомились съ ними въ разсказѣ графа Толстаго:

«Всѣ предметы казались ему (Широкову, проигравшемуся въ карты) какъ-будто бы въ туманѣ. Проходившій въ это время мимо его квартальный надзиратель представлялся ему пиковымъ валетомъ, и онъ ругнулъ квартальнаго надзирателя; блеснувшее созвздіе Большой Медвѣдицы принялъ онъ за червонную семерку и подумалъ: вотъ хорошо бы перегнуть на *пе*. Широковъ съѣлъ въ сани и приказалъ вести себя домой.»

«Какъ однакожь, подумалъ онъ, счастливо металъ Андрей Андреевичъ! отъ чего бы это? Иванъ Карловичъ посадилъ вчерашній свой выигрышъ весь до-чиста и пять тысячъ остался долженъ. Почему я не остался долженъ?.. Еще бы!.. Я не Карлъ Ивановичъ какой-нибудь, я чловѣкъ честный, благородный, играю на чистое, да, на чистое играю, а не на мѣлокъ. Желалъ бы я однакожь знать, сколько помѣстится двухсотенныхъ или, пожалуй, хоть сотенныхъ въ портфель Андрея Андреевича? я думаю, тысячъ на двѣсти войдетъ. Поставъ я кавича валета; только валета, разбойника, поставъ на двѣнадцать кушей отъ 1,500 руб., а не на двойку—было бы лихо! Это составило бы осьмнадцать тысячъ; въ слѣдующую талію дана была тройка, слѣдовательно тридцать шесть, да своихъ оставалось четыре, и того сорокъ. Тридцать въ Опекунскій, двѣ Варваръ Александровнѣ, восемь въ остаткѣ: вотъ прелесть-то! Завтра я угостилъ бы Ивана Карловича и Костю Лемохина въ Новотроицкомъ трактирѣ ухой изъ живыхъ стерледей, кулебякой съ свѣжей икрой и жаренымъ поросенкомъ. Хорошо, чортъ возьми, подадутъ по-

росяты въ Новотроицкомъ: корочка такъ и хруститъ. Стоило бы это съ виномъ рублей сто, не больше. Эка важность удѣлить отъ осьмнадцати тысячъ! Не душно послѣ и къ цыганамъ завхаты! Славно Танюшка поетъ эту... какъ бишь ее?.. да! «Вспомни, вспомни моя любезная!» И Широковъ запѣлъ.—По моему мнѣнію, продолжалъ думать Сергѣй Петровичъ, Соня не можетъ быть счастлива съ Ульяновымъ; онъ, мнѣ кажется.... да чего тутъ кажется, просто дрянь! сквалыжникъ! Понравился сестрѣ потому, что получше никого тамъ въ степи не встрѣчала, а маменькѣ за то, что солидный человекъ. Съ матушкой, я думаю, удара быть не можетъ, она не короткошея... Такъ предметы и мысли мѣнялись въ головѣ Широкова. А Осекунскій Совѣтъ, Иванъ Карловичъ, Андрей Андреевичъ, Мурзановъ, аукціонистъ съ молоткомъ въ рукахъ и съ послѣдней для многихъ страшной фразой: «за вами осталось», какъ грозныя тѣни носились въ воображеніи Сергѣя Петровича и прерывали веселыя и невеселыя думы его. Тѣни эти давили его, какъ кошмаръ, какъ гробовая крыша. Чтожь? умереть, такъ умереть!.. Умереть—уснуть, уснуть не болѣе, сказала Шекспиръ («сквалыжникъ» и «Шекспиръ»!) ему можно, кажется, повѣрить. Заряжу ружье, двойнымъ, разумеется, зарядомъ, и бацъ. Только мозгъ брызгнетъ... Но каковъ этотъ моментъ? Кто можетъ сказать, каковъ онъ? И Сергѣю Петровичу начали представляться послѣднія страданья, мучительныя, ужасныя, невыносимыя... Можетъ быть, думалъ онъ, боль эта продлится долго, очень долго, до тѣхъ поръ, пока не разложатся на первоначальные элементы азотъ и кислородъ,—а можетъ быть даже цѣлую вѣчность! И кто знаетъ, кто можетъ убѣдить меня, что съ смертію кончится все земное, кто поручится, что каждая частица меня не будетъ слышать, видѣть, чувствовать! и т. д.

«Странно покажется, продолжастъ авторъ, иному читателю, что человекъ, бывшій въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ былъ Широковъ, могъ мечтать о пустякахъ. Дѣйствительно странно, но большю частію такъ бываетъ. Взгляните на умирающаго, онъ менѣ другихъ думаетъ о смерти, и болѣе окружающихъ его надѣется на выздоровленіе. Преступникъ на эшафотъ, подъ занесенною уже съкирой палача, все еще надѣется: «вотъ думаетъ онъ, сейчасъ будетъ землетрясеніе, или наводненіе; вотъ сію секунду прискачетъ отъ короля посланный съ помилованіемъ

и т. п.» Глупо! а на дѣль такъ. Да и вообще, въ жизни мы все на что-то надѣмся и ждемъ, ждемъ и надѣмся... И всѣхъ насъ гробъ, зѣвая, ждетъ!»

Странно не то, на что указываетъ авторъ, а то, что онъ какъ будто бы самъ не понимаетъ причины и смысла тѣхъ простыхъ явленій, которыя описываетъ иногда довольно искусно. Широковъ думаетъ о пустякахъ вовсе не потому, почему преступникъ думаетъ о королевской милости. Въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ ничего общаго: потому, во-первыхъ, что помилованіе отъ смерти вовсе не то, что Танюша, или поросенокъ Новотроицкаго трактира, какъ бы тамъ хорошо его ни подавали; во-вторыхъ—думать о пустякахъ вовсе не то, что надѣяться, а въ-третьихъ — надѣяться вовсе не глупо, а особенно въ такую минуту, когда ничего другаго нельзя предпринять.

Странно можетъ показаться пному читателю то, что шагъ авторъ, такъ слабо и несознательно воспользовался двумя глупо-психологическими чертами, подмѣченными и мастерски изображенными другимъ авторомъ, вывелъ изъ нихъ свое собственное нелогическое и невѣрное заключеніе и прибавилъ къ нему еще чужую мысль—стихи Пушкина.

Лучшаго доказательства наклонности и способности автора къ компиляціи нельзя, кажется, представить, и потому мы считаемъ себя въ правѣ съ этой точки зрѣнія взглянуть и на остальные его рассказы.

Талантъ г. Основскаго необыкновенно впечатлительнъ и выражаетъ принимаемыя имъ впечатлѣнія во всемъ, что производить. Какъ въ «Породѣ хпщниковъ», такъ и въ остальныхъ «Охотничьихъ» рассказахъ нашего автора, слышатся безпрестанно отголоски произведеній болѣе его талантливыхъ и самыхъ талантливыхъ нашихъ писателей. Въ этомъ заключается самая пріятная (относительно) сторона этихъ весьма слабыхъ рассказовъ, но это же обнаруживаетъ такую несамостоятельность, которая заставляетъ насъ сильно сомнѣваться въ возможности для него дальнѣйшаго успѣха. Если г. Основскій желаетъ сохранить хоть малѣйшую оригинальность, то долженъ остерегаться чужихъ произведеній. Они для него опасны: онъ не подражаетъ имъ, а повторяетъ, по своему уразумѣнію, то, что въ нихъ на него подѣйствуетъ. Мы не думаемъ упрекать автора въ похи-

щеніяхъ: онъ чуждъ этой, почти невозможной въ наше время, слабости. Онъ только заимствуетъ у другихъ удачные образы, приемы и воспроизводитъ ихъ съ крайнею слабостію, такъ что почти всякое сходство съ подлинникомъ исчезаетъ: остается *faux air* оригиналовъ. Мы полагаемъ даже, что авторъ дѣлаетъ это безсознательно, что онъ не чувствуетъ исключительнаго влеченія ни къ одному изъ тѣхъ образцовъ, которымъ подражаетъ, потому что въ его «Разсказахъ» слышатся отголоски совершенно противоположныхъ талантовъ. «Записки Охотника» г. Тургенева отражаются въ нихъ на столько же, на сколько и «Записки Щедрина». Разказы графа Толстаго и «Записки Ружейнаго охотника» также равно оказываютъ на него свое вліяніе. Мудрено ли же, что изъ всего этого выходитъ такая странная и неопредѣленная смѣсь?

Мы можемъ сравнить нашего автора съ тѣми не имѣющими музыкальнаго слуха и незнающими музыки дилетантами, которые напѣвають (иногда не безъ пріятности) оперные мотивы, путая ихъ между собою, сбиваясь на романсы и украшая все это своими собственными варіаціями. Мы дѣлаемъ это сравненіе не шутя и не ради остроумія, а потому, что оно, по нашему мнѣнію, вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы не отвергаемъ безусловно подражанія: оно неизбежно, не исключаетъ совершенно оригинальности и ведетъ часто къ усовершенствованію. Примѣры совершенно самостоятельнаго развитія таланта рѣдки и обнаруживаютъ необыкновенную силу дарованія, которой нельзя требовать отъ всякаго литературнаго дѣятеля. Обыкновенно талантъ возбуждается къ дѣятельности путемъ подражанія, но подражаніе это ни въ какомъ случаѣ не должно быть, такъ сказать, *внѣшнее*. Оно должно вытекать изъ пониманія существенныхъ достоинствъ образцовъ и изъ сходства самыхъ талантовъ. Тогда только, даже при слабости дарованія, оно можетъ дать хоть сколько нибудь удовлетворительные результаты.

Все это, вѣроятно, извѣстно г. Основскому, а между тѣмъ въ его произведеніяхъ видна только *внѣшняя* подражательность. Какъ онъ изображаетъ довольно удачно факты, не вникая въ ихъ смыслъ и причины (примѣры этому мы привели выше), такъ точно, онъ заимствуетъ поэтическіе образы и приемы у другихъ,

не понимая, по-видимому, ихъ существеннаго достоинства, ихъ настоящаго поэтическаго смысла. Отъ этого все наиболее удачныя мѣста въ «Разсказахъ» г. Основскаго не только лишены всякой оригинальности, но при томъ еще случайны и, потому, ничего не объщаютъ въ будущемъ.

Разсказы г. Основскаго однообразны до крайности, не смотря на разообразіе содержанія, т. е. тѣхъ случаевъ, лицъ и впечатлѣній, которые онъ описываетъ. Это—живая и легкая, но пустая болтовня объ удовольствіяхъ охотничьей жизни и разныхъ курьезныхъ и чувствительныхъ приключеніяхъ. Болтовня эта не отъемлемо принадлежитъ самому автору, равно какъ и довольно частыя выходки остроумія, которыя могли бы возбудить желчь—такъ, большею частью, онъ неудачны—если бы не обезоруживали своимъ простодушіемъ. По этому блѣдному фону, разбросаны, какъ беспорядочный узоръ, подробности: мѣста, навязанныя произведеніями нашихъ талантливыхъ писателей. Эти мѣста, при всей ихъ слабости и очевидномъ противорѣчіи психологическомъ и даже логическомъ съ общей канвой разсказовъ г. Основскаго, все-таки сообщаютъ имъ нѣкоторую пріятность. Такъ пѣніе вышешоянутаго дилетанта, въ тѣ минуты, когда ему дается хоть слабо приблизиться къ любому мотиву, становится пріятнѣе его собственныхъ варіацій.

Лучшія мѣста, гдѣ авторъ, не переставая быть слабымъ, достигаетъ нѣкотораго изящества, это — описанія природы и вообще все тѣ мѣста, гдѣ обнаруживается вліяніе «Записокъ Охотника». Да будетъ благословенна возвышенная и благотворная муза г. Тургенева. Его образы, мягкіе и нѣжные, какъ головки Грѣза, разгоняютъ порой сонмъ чудовищъ, создаваемыхъ слабыми представителями *ультра-отрицательнаго* направленія, и своей идеальной красотой успокаиваютъ раздраженные нервы! Его благородному вліянію приписываемъ мы лучшія страницы разсказовъ г. Основскаго.

Приведемъ два такія мѣста, какъ образцы тѣхъ скромныхъ достоинствъ, надъ которыми авторъ нигдѣ не возвышается:

«А ночь въ самомъ дѣлѣ чудная. Синій сводъ неба обрызганъ звѣздами. Мѣсяцъ, по временамъ застилаемый рябью полупрозрачныхъ, легкихъ облаковъ, обливаетъ окрестность слабымъ, покойнымъ свѣтомъ. Изрѣдка лишь послышится гдѣ-ни-

будь вдали голосъ лъниво лающей , полусонной сторожевой собаки , или прогремитъ почтовый колокольчикъ , мотаясь подъ дугой бѣшено промчавшейся мимо васъ тройки съ какимъ-нибудь лихимъ фельдъегеремъ. Временемъ раздается грустный , меланхолическій свистъ кулика. Одни лишь неугомонные перепела и каростели , любители ночныхъ походовъ , вавакая и треща , нарушаютъ тишину ночи ; но ихъ голосъ пріятенъ для слуха охотника.

«Но вотъ въ воздухъ становится замѣтно свѣже, лѣсъ зашелестилъ листьями ; потянулъ вътерокъ , предвѣстникъ разсвѣта; вы пріятно вздрагиваете. Начинаетъ брезжить, на горизонтъ блеснула свѣтлая полоса и раздѣлила небо съ землею. Первымъ подымается пѣвецъ полей — жаворонокъ , и оглашаетъ еще дремлющую окрестность своими трелями. Солнце выкатывается ; въ это время можно на него смотреть и не въ закопченное стекло. Листы и стволы деревьевъ обливаются краснымъ свѣтомъ , постепенно переходящимъ въ болѣе яркій и свѣтлый. Все оживляется. Повсюду раздаются веселые голоса беззаботныхъ пернатыхъ пѣвцевъ; полевые цвѣты, послѣ ночнаго покоя, поднявши расписанныя головки свои , омытыя утренней росой , дышать на васъ благоуханьемъ. Отраднo, легко, свободно подымается грудь ; куда ни взглянешь, все улыбается, все весело... и невольно приходитъ на мысль : какъ могъ бы быть счастливъ человекъ на землѣ, если-бъ !... Читатель, вѣроятно, такъ и думаетъ , что я скажу : если было бы побольше дичи ! извините, ошиблись... если бы поменьше ея было...»

Это описаніе природы , оканчивающееся такъ неожиданно вспышкой остроумія (о чемъ мы упомянули выше) , по своей изящной простотѣ и подробности живо напоминаетъ *Записки ружейнаго охотника* и просто охотника.

Вотъ другой примѣръ страннаго соединенія подражательной простоты и истинности съ самостоятельной претензією автора на остроуміе и юморъ , который заключается у него въ фальшивомъ преувеличеніи :

«Покойница лежала одѣтая въ новенькое, обшитое дорогими кружевами платье, присланное наканунѣ изъ Петербурга. Она и въ гробу какъ будто бы не измѣнила себѣ. Въ головахъ уснувшей стоялъ дьячекъ и читалъ самымъ могильнымъ голосомъ псал-

тырь ; канарейка , повѣшенная подь окномъ , весело посвистывала и по временамъ разсыпалась трелями; въ углу стояла старушка съ сморщеннымъ личкомъ, повѣся голову, она тихою плакала и молилась. Это была кормилица покойницы. Легкія отрывистыя облака неслись по голубому небу. Со двора въяло запахомъ недавно скошенной травы. Джорджъ и Джемсъ (дворовые мальчики , обращенные покойницею въ грумовъ) подмигивали другъ другу , дѣлая гримасы и ципаясь ; а хорошенькая горничная Жени шла себѣ траурное платье, которое подарилъ ей неутѣшимый вдовецъ.

«Любитель процесій остался недоволенъ рыбой на поминкахъ и клялся, что впредь ни за что не свѣтъ въ домъ Петруневича на похороны не поѣдетъ.»

«Биографъ кончилъ.

«Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ поэта (мужа покойницы) на Гороховомъ полѣ.

«Въ одной рукѣ держалъ онъ записную книжку , а въ другой карандашъ.

«— Куда вы? спросилъ меня Петруневичъ.

«— На охоту, на дупелей; а вы что здѣсь подвываете?

«— По хозяйству; нельзя же, знаете вѣдь: «Хозяйскій глазъ повсюду нуженъ.»

«— Когда я обозрѣваю мѣстность моихъ владѣній, то ношу съ собою книжку, въ которую я вписываю всѣ впечатлѣнія , а также открытія и изысканія по части сельскаго хозяйства. Да кстати, завѣжайте-ка на минуту ко мнѣ; я сейчасъ явлюсь, мы выпьемъ по стаканчику китайскаго нектара и я вамъ прочту одно мѣсто изъ Гёте, которое меня ужасно поразило, что за...

«— Покорно благодарю, отвѣчалъ я, прервавъ потокъ восторженныхъ словъ поэта: съ удовольствіемъ бы, но мнѣ некогда, товарищи ждутъ.

«Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, я обернулся, агрономъ стоялъ на горохѣ съ поднятыми къ верху руками, и что-то громко декламировалъ; лягавая собака съ лаемъ бѣгала по полю и гоняла воробьевъ, которые, по словамъ поэта, парили надъ его головою.»

Не знаемъ, самъ ли авторъ въ дѣйствительности встрѣтилъ такого поэта, какъ его Петруневичъ, но если бы и встрѣтилъ, то вѣроятно, не обратилъ бы на него своего авторскаго вниманія и не

рѣшился бы описывать такую личность, если бы его не поощрялъ къ тому «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда».

Изъ вышезложеннаго мы можемъ вывести нижеслѣдующее заключеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ автору, который, впрочемъ, по всей вѣроятности, ему не послѣдуетъ. Шутливый и мѣстами нѣсколько рѣзкій тонъ, которымъ мы позволяли себѣ высказать свое мнѣніе о его книгѣ, можетъ быть вооружать его противъ этого мнѣнія. Но какъ же требовать отъ публики, чтобы она прочла серьезный и важный разборъ того, что вовсе не важно, и скорѣе располагаетъ къ шуткѣ. Пусть авторъ извѣститъ намъ эту уступку въ пользу читателей, этотъ общій почти всѣмъ рецензентамъ пріемъ, и дастъ себѣ трудъ понять что мы хотѣли сказать для взаимной пользы—его и читателей его будущихъ произведеній.

При отсутствіи всякой самостоятельности, авторъ «Разказовъ» не произведетъ ничего оригинальнаго. Но, при надлежащихъ усиліяхъ онъ можетъ достигнуть результатовъ болѣе удачныхъ, нежели настоящія его произведенія. Ему предстоитъ два пути: онъ можетъ сдѣлаться скромнымъ, но пріятнымъ отголоскомъ тѣхъ чисто-поэтическихъ произведеній, которыя у насъ, слава Богу, не переводятся; или дѣйствительно полезнымъ отголоскомъ того ультра-отрицательнаго и практическаго направленія, которое заставило его отъ охотничьихъ разказовъ, гдѣ онъ такъ мирно и порой такъ мило «слѣдитъ за веселымъ поискомъ собаки и быстрымъ, игривымъ полетомъ бекаса», перейти къ такому воинственному и мрачному роду литературныхъ произведеній, какъ «Порода хищниковъ». Но въ томъ и другомъ случаѣ ему необходимо удерживаться отъ порывовъ къ легкому и игривому изложенію *глубокихъ* мыслей, примѣръ которыхъ мы видѣли въ его рѣзкомъ приговорѣ на счетъ надежды; необходимо подражать сознательно и обдуманно, не одной внѣшней сторонѣ произведеній вліяющихъ на него писателей, заимствуя у нихъ только эпитеты, пріемы и т. п., а вникать въ настоящій смыслъ ихъ поэтическихъ чувствъ и мыслей; наконецъ необходимо соразмѣрять свои силы съ тѣми предметами, которые берется описывать. Это послѣднее условіе въ особенности необходимо для нашего автора, если онъ намѣренъ продолжать писать въ такомъ родѣ, какъ «Порода хищниковъ», гдѣ онъ такъ легко и грубо ка-

сается предметовъ, требующихъ самого тщательнаго изученія, повѣрки и великаго искусства въ изображеніи. Нетрудно заставить проговориться какого нибудь будочника и узнать отъ него любопытный фактъ. Но, Боже мой! какъ трудно сдѣлать изъ него полезный нравственный или практическій урокъ и при томъ, еще удовлетворить требованіямъ эстетическаго вкуса и вообще искусства.

Въ заключеніе повторяемъ то, что мы сказали выше: есть предметы, есть такія стороны жизни, до которыхъ смѣло можетъ касаться только рука великаго художника и умъ глубокаго мыслителя.

СТАРАЯ ЩЕГОЛИХА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. КОРЖЕНЕВСКАГО.

(Переводъ съ польскаго.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЭРАЗМЪ.

ЯДВИГА, его жена.

КАЗИМИРЪ, ея братъ.

ФИГТИЦКАЯ, сосѣдка Эразма.

ЛАКЕЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Эразма.

—

Сцена представляетъ садъ; на лѣво фасадъ дома съ дверью; въ глубинѣ сцены и по правой сторонѣ деревья и клумбы; съ лѣвой стороны нѣсколько стульевъ; возлѣ одного изъ нихъ рабочій столикъ, на которомъ разбросаны дамскія работы, книги, газеты и т. д.

(Ядвига сидитъ у стола и шьетъ; на право, поодаль, сидитъ ЭРАЗМЪ съ газетой въ рукахъ, и куритъ трубку).

ЭРАЗМЪ (послѣ нѣкотораго молчанія, смотря на жену, въ сторону). Кажется, у насъ голова не совсѣмъ здорова. Ну, это еще не бѣда: лишь бы сердце не страдало. Стоитъ только лов-
Т. СХЛVII. — Отд. VII.

ко взяться за дѣло,—и эта хорошенькая головка будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

(Ядвига, *спустя немного, кладетъ работу на колѣни и зѣваетъ. Эразмъ кладетъ газету на колѣни и тоже зѣваетъ.*)

Ядвига (*отворачиваясь немного со стуломъ отъ мужа, шьетъ прилежнѣе и говоритъ въ сторону*). Чудесная жизнь, нечего сказать.

Эразмъ (*смотритъ на нее, улыбается и, спустя немного, говоритъ*). Ядвига!

Ядвига. Эразмъ!

Эразмъ. У насъ чудесная весна.

Ядвига. Прелестная.

Эразмъ. Къ вечеру здѣсь такая пріятная прохлада.

Ядвига (*зѣвая*). Очень пріятная.

Эразмъ (*поправляясь на стулѣ*). Позавтракавши хорошенько, я очень люблю сидѣть здѣсь и читать газету.

Ядвига (*шьетъ прилежнѣе*). И я очень люблю заниматься здѣсь работою.

Эразмъ (*встаетъ и разсматриваетъ кусты*). Сколько бутоновъ на твоихъ розахъ!

Ядвига (*не смотря на него*). Множество.

Эразмъ (*въ сторону*). Трудненько! (*садится и говоритъ въ слухъ*). Какъ это все разцвѣтаетъ, здѣсь будетъ чудный видъ!

Ядвига. Превосходный!

Эразмъ. А еще какъ разцвѣтутъ липы и запахъ ихъ соединится съ запахомъ розъ и резеды, у насъ здѣсь будетъ райскій уголокъ.

Ядвига. Настоящій райскій.

Эразмъ (*зѣвая*). Какая свобода въ деревнѣ.

Ядвига. Большая.

Эразмъ. Ты сегодня не выспалась, Ядвига?

Ядвига. Напротивъ, я спала слишкомъ много.

Эразмъ. А такъ часто зѣвашь, что и меня заразила зѣвотой.

Ядвига. Я слишкомъ много спала оттого, что я болѣе ничего не дѣлаю, какъ сплю и ѣмъ, а выспавшись и снова поѣвши, я жду сна и обѣда. (*Бросаетъ работу на столъ и встаетъ.*)

Эразмъ. Итакъ, ты скучаешь?

Ядвига (*громко зѣвая*). Какъ видишь. (*Идетъ къ двери дома*).

Эразмъ. Ядвига!

Ядвига (*оборачиваясь къ нему*). Чего ты хочешь?

Эразмъ. Поди сюда, жизнь моя; я хочу тебѣ кое-что сказать.

Ядвига. Я и отсюда слышу.

Эразмъ. Да я не могу говорить на такомъ разстояніи.

Ядвига. Тайна, что ли? Въдь здѣсь никого нѣтъ, никто насъ не услышитъ.

Эразмъ. Искренній разговоръ не ведутъ на разстояніи двадцати шаговъ.

Ядвига. Ты можешь потрудиться подойти ко мнѣ.

Эразмъ. Я усталъ, ходилъ много.

Ядвига. Два шага ты можешь еще пройти.

Эразмъ. Да тяжело встать (*поправляется на стуль*). Я такъ превосходно усься.

Ядвига. Ты хочешь поставить на своемъ.

Эразмъ. А если хочу?

Ядвига. Ничего изъ этого не будетъ, я здѣсь останусь.

Эразмъ. Тогда я ничего не скажу.

Ядвига. Для все меня равно. (*Приближается немного.*)

Эразмъ. О! не все равно, — то, что я тебѣ хотѣлъ сказать, очень любопытно.

Ядвига. Да я не любопытна.

Эразмъ (*читая*). Жаль,—это бы тебя очень заинтересовало.

Ядвига (*спустя немного, совсѣмъ подходитъ къ мужу*). Ну, что же такое?

Эразмъ. А вотъ видишь, ты пришла. (*Беретъ ее за руку*). Нѣтъ, жизнь моя, я хотѣлъ только поцѣловать тебѣ руку и увѣриться, что ты не упряма.

Ядвига (*отворачиваясь*). Шутка безъ вкуса, придуманная не кстати.

Эразмъ (*держитъ ее руку*). Неужели ты думаешь, что будетъ лучше, когда я перестану шутить и начну говорить серьезно. (*Ядвига смотритъ на него съ любопытствомъ.*) Перестанемъ шутить. Садись здѣсь, со мною, Ядвига, и поговоримъ серьезно. Твой умъ и твое сердце ручаются мнѣ въ томъ, что ты меня выслушаешь терпѣливо и со вниманіемъ.

Ядвига. Это похоже на проповѣдь. Я должна признаться тебѣ, Эразмъ, что, не смотря на умъ и сердце, которые ты признаешь во мнѣ, я не расположена теперь ни быть терпѣливою, ни слушать со вниманіемъ. Впрочемъ, говори, я слушаю (*садится*).

Эразмъ. Какъ бы то ни было, я попробую, авось я съумю возбудить въ тебѣ и терпѣніе и вниманіе.

Ядвига. Посмотримъ.

Эразмъ (*ируя ея рукой*). Уже пять лѣтъ прошло, моя Ядвига, какъ это сокровище, котораго я долго добивался, принадлежить мнѣ.

Ядвига (*зввая*). Пять лѣтъ уже?

Эразмъ. Прошли они для меня скоро, незамѣтно, а теперь я начинаю замѣчать, что они прошли.

Ядвига (*отдергивая руку*). Такъ ты начинаешь замѣчать это?

Эразмъ. Еслибъ мы имѣли дѣтей, можетъ быть и до-сихъ-поръ я бы этого не примѣтилъ. Но Богъ отказалъ мнѣ въ этомъ счастіи. Мы должны довольствоваться собою только. А это гораздо труднѣе.

Ядвига. Это правда, труднѣе.

Эразмъ. Или еслибъ мы должны были биться, работать изъ-за куска хлѣба, тогда, въ трудахъ и заботахъ, время прошло бы для насъ скорѣе. И минуты отдохновенія, минуты свободного разговора и сладкаго изліянія чувствъ, еще менѣе замѣтно и милѣе сокращали бы намъ часы и годы: но что же дѣлать! Богъ намъ далъ состояніе, далъ намъ довольство, и мы имѣемъ все, не думая много и не ломая себѣ головы.

Ядвига (*съ ироніей*). Увы, это большое несчастье.

Эразмъ. Напротивъ, это было бы счастье, если бы мы умѣли пользоваться этими дарами; и будучи довольны тѣмъ, что имѣемъ, довольны были бы другъ другомъ. Но я вижу, что и это трудно. Едва пять лѣтъ провели мы безъ заботъ, безъ борьбы, безъ усиленнаго труда, а когда мы вмѣстѣ, мы то и дѣло что зѣваемъ.

Ядвига. Да, это такъ.

Эразмъ. Есть одно средство измѣнить это.

Ядвига. Какое же, скажи?

Эразмъ. Очень простое, жизнь моя: еслибъ ты любила то, что я люблю.

Ядвига. А!

Эразмъ. Я, напримѣръ, люблю деревню, а ты любишь городъ. Я люблю этотъ трудъ постоянный и столь разнообразный, эти шансы прибыли и убытка, увеличенія и уменьшенія имуществъ, но мѣръ присмотра и прилежанія. Я люблю этотъ воздухъ, которымъ я дышу здѣсь полною грудью; при захожденіи солнца

меня прельщаетъ эта тишина, величественная и краснорѣчивая, этотъ отдаленный горизонтъ, котораго я не вижу въ городѣ по причинѣ закоптившихъ крышъ и дымящихся трубъ. Однимъ словомъ, каждое время года имѣетъ здѣсь для меня особыя прелести: весной роскошная зелень, разнообразныя до безконечности краски цвѣтовъ; свѣжее дыханіе земли, и надежда на ея дары; лѣтомъ чудное утро, прохлада во время жаровъ, купанье въ рѣкѣ, которая въ недалекомъ шумитъ, и увѣренность въ будущемъ изобиліи и достаткѣ. (*Ядвига зѣваетъ.*) Осенью грустный колоритъ неба, яркія краски листьевъ, охота и обильная жатва; зимой, наконецъ, поэтической свистъ вѣтра, чудный видъ вьюги, катанье на саняхъ, и безцѣнный каминъ; а во всякое время — покой, увѣренность въ довольствѣ завтрашняго дня и истинная независимость. Прежде и ты любила деревню; съ нѣкотораго времени я замѣчаю, что она болѣе не нравится тебѣ.

Ядвига. Ты ошибаешься, она мнѣ нравится и теперь. Особенно занимаетъ меня весной этотъ холодъ, отъ котораго получаешь лихорадку, и дождикъ со снѣгомъ; лѣтомъ пыль, покрывающая траву, и рой мухъ и комаровъ; осенью — мягкая грязь по колѣна; зимою эти очаровательныя бугры снѣгу и двадцати градусный морозъ; а во всякое время — крикъ гусей, пискъ поросятъ, блянье телятъ и овецъ. У меня не было бы ни души, ни сердца, еслибы я не сочувствовала этимъ прелестямъ.

Эразмъ. Шутя на здоровье, но я вижу, что твой вкусъ, съ нѣкотораго времени, совсѣмъ перемѣнился и не согласуется съ моимъ. Я, напримѣръ, люблю чтеніе. И ты когда-то любила тоже: ты помнишь сколько сладостныхъ вечеровъ провели мы, читая вмѣстѣ. Теперь, когда я читаю, ты зѣваешь: читая сама, ты только перелистываешь книгу, часто даже неразрѣзывая листовъ. Чтеніе теперь наводитъ на тебя скуку.

Ядвига. Оттого, что теперь книги ужасно скучны.

Эразмъ. Это неправда. Литература не перемѣнилась къ худшему, только въ тебѣ я замѣчаю перемѣну.

Ядвига. Къ худшему?

Эразмъ. Для меня точно къ худшему, потому, что я хотѣлъ бы видѣть тебя веселою и счастливою, какою ты была прежде.

Ядвига. На это есть средство.

Эразмъ. Помилуй, какое же?

Ядвига (*ирая лентою*). Чтобы ты любилъ то, что я люблю.

Эразмъ. А !! (*въ сторону*). Она поражаетъ меня моимъ же оружіемъ.

Ядвига. Мнѣ кажется, я въ правѣ требовать отъ тебя того, чего ты отъ меня требуешь.

Эразмъ. Точно такъ; только видишь ли, жизнь моя, я имѣю преимущество предъ тобою.

Ядвига (*скороговоркой*). Преимущество мужа?

Эразмъ. Нѣтъ, не въ правахъ, сохрани Богъ; объ этомъ я и не думалъ; но я выше тебя относительно того, что мнѣ нравится. Иной разъ я никакъ не могу согласиться съ тобою во вкусахъ. Напримѣръ, я не люблю сосѣдки нашей, Фертицкой; и ты прежде не любила ее, смѣялась надъ нею, чего она и стоитъ; а теперь, Богъ знаетъ почему, ты не замѣчаешь уже въ ней ни дурнаго, ни смѣшнаго, и принимаешь ее чаще, чѣмъ бы я желалъ.

Ядвига. Ты предубѣжденъ противъ нея.

Эразмъ. Совсѣмъ нѣтъ; но можетъ ли быть что несноснѣе и отвратительнѣе старой кокетки! Всякаго рода претензіи бросаются въ глаза; а тебѣ нравится претензія старой бабы, набѣленной, нарумяненной, съ искусственными зубами, и со всѣмъ поддѣльнымъ до того, что я не ручаюсь, не вставные ли глаза у нея.

Ядвига (*смѣясь*). Ты преувеличиваешь.

Эразмъ. Эти кольца и жемчугъ на морщинахъ, эти серьги въ обвисшихъ ушахъ, эти перья на шляпкѣ, открытой и надвѣтой кокетливо; нѣсколько локоновъ, закрывающихъ лобъ, смятый и истертый этотъ чепчикъ, подвязанный крѣпко на самомъ подбородкѣ, чтобы лицо казалось круглѣе; этотъ туалетъ, несоответствующій ея лѣтамъ; смѣшеніе старыхъ тряпокъ съ новыми причудами; эти вертлявость и любезничаніе, дѣлають ее въ высшей степени несочною. Повѣрь мнѣ, проѣхавши всю Европу вдоль и поперекъ, нельзя найти ничего подобнаго. Да изъ исчезнувшихъ уже въ другихъ мѣстахъ породъ остались двѣ—только у насъ.

Ядвига. Какія же это?

Эразмъ. Зубры и старыя кокетки. Ей-Богу, моя Ядвига, я не понимаю, какъ у тебя достало духу сблизиться съ этимъ чучеломъ.

Ядвига. Въдѣ я не очень коротка съ нею. Но она единственная наша сосѣдка; я ее принимаю, чтобы поболтать, узнать что дѣлается въ Варшавѣ, куда она ѣздитъ всякія двѣ недѣли. Фер-

тицкая имѣеть свои недостатки, свои смѣшныя стороны, но она забавна, по-крайней-мѣрѣ хорошо говоритъ по-французски; а и это для меня развлеченіе, здѣсь, гдѣ ты меня заперъ.

Эразмъ (*въ сторону*). Гдѣ я се заперъ: скажите пожалуйста! (*Въ слухъ*). Поздравляю тебя, что это тебя занимаетъ. Но знаешь ли ты, что она интригантка, что, не будучи въ состояніи грѣшить сама...

Ядвига (*съ живостью*). Не боишься ли ты, что она меня вовлечетъ въ грѣхъ?

Эразмъ (*въ сторону*). Ого! я тронулъ чувствительную струнку. (*Въ слухъ*). О! я этого не говорю. Не увѣренъ ли я въ твоихъ правилахъ, въ твоей привязанности ко мнѣ, въ этомъ уваженіи, которое ты питала сама къ себѣ, и къ нашему имени. (*Беретъ трубку и осматриваетъ ее*). Но видишь ли, другъ мой, такія связи компрометируютъ невольно. Этотъ старый хламъ покрываетъ себя шелкомъ и позолотою; а это стоитъ денегъ. Кредитомъ не покроешь всего этого франтовства; одной деревни тоже не хватитъ. Это меня заставляетъ думать, что она щиплетъ молодыхъ баричей, которыхъ научаетъ и наставляетъ въ любовныхъ интригахъ.

Ядвига. Это ужъ не по христіански, Эразмъ.

Эразмъ. Быть можетъ я ошибаюсь — но какъ бы то ни было, она существо загадочное и для молодой женщины опасное. И по этимъ причинамъ, не безъ основанія, твоей симпатіи къ Фертицкой я раздѣлять не могу. Извини меня, но и другой твоей симпатіи я тоже не раздѣляю.

Ядвига. Другой? какой?

Эразмъ (*вытряхивая трубку и не смотря на жену*). Графъ Августъ тоже совсѣмъ мнѣ не нравится.

Ядвига (*въ сторону*). А! этого я никакъ не ожидала.

Эразмъ (*занятый трубкою, продолжаетъ гладкокровно*). Онъ молодецъ, это такъ, очень хорошъ собою, старинной фамиліи, богатъ. Да это все пойдетъ съ дымомъ сигаръ, шампанскаго и закулисныхъ интригъ. Послѣ этого не дивись, что я морщился немного, когда ты принимала его такъ въжливо и такъ часто.

Ядвига (*съ болѣею живостью*). Я принимала его такъ, какъ и другихъ — не иначе; я не могла запереть передъ нимъ двери, когда онъ принадлежитъ къ высшему обществу и былъ представленъ мнѣ особой, которую я должна уважать. Ты обижаешь меня, Эразмъ.

Эразмъ (*въ сторону*). Она измѣняетъ себя, бѣдняжка; — еще не умѣетъ притвориться хладнокровною. Слава Богу! (*Въ слухъ, закуривая трубку*). Стоитъ ли тебѣ обижаться, что я не имѣю никакой склонности къ этому баричу, который мнѣ кажется еще ничтожнѣе своихъ товарищей? Мотъ, распутный, не бережетъ ни имени, ни кармана — притомъ лѣнтая, трусь... (*останавливаясь, смотритъ на жену, которая сидитъ, опустивъ голову*).

Ядвига (*спустя не много, въ сторону*). Какое преувеличеніе! неужели онъ нарочно его унижаетъ.

Эразмъ. Вотъ по этимъ причинамъ, тоже не безъ основанія, я не разделяю съ тобою и этой симпатіи.

Ядвига (*поднимая голову*). Эразмъ!

Эразмъ. Я такъ называю этотъ радушный приемъ, которымъ онъ отъ тебя всегда пользовался; одолженіе книгъ, которыхъ онъ не читалъ, (*все больше и больше занятый трубкою*) ежедневное провъдываніе о его здоровьи, когда онъ гдѣ-то простудился и заболѣлъ лихорадкою; эти частые разговоры объ немъ съ Фертицкою, которая, кажется, съ нимъ въ перепискѣ, и всегда можетъ сообщить послѣднія новости; эти, эти... да чортъ возьми эту трубку, что съ нею сдѣлалось — не курится совсѣмъ! (*встаетъ; уходя и посмотрѣвъ на жену, которая задумалась, говоритъ въ сторону*). Теперь не зываетъ (*уходитъ въ садъ, на право*).

Ядвига (*встаетъ*). Значить, онъ замѣтилъ, что Августъ интересуется меня немного? что я любила поговорить съ нимъ, что меня не оскорбляли его болѣе нѣжные взгляды, совсѣмъ непритворные, что... Я не знаю, что худое могъ найти мужъ въ этомъ? неужели разговоръ, нѣсколько часовъ проведенныхъ вмѣстѣ, одолженіе книги, подача руки изъ кареты, провъдываніе о здоровьи, можно считать преступленіемъ? Неужели это можетъ компрометировать, привести къ какому нибудь чувству болѣе сильному, къ потерѣ чести, къ забвенію обязанности! Какъ это смѣшно? будто бы всякая улыбка, всякая вѣжливость съ нашей стороны, уже доказываетъ что нибудь? Но всѣ мужья таковы. Они скучны, а какъ только найдется кто поразвѣзше, и постарается доставить бѣдной женѣ нѣсколько минутъ удовольствія, они бьютъ въ набатъ. Вотъ, откуда это отвращеніе къ Варшавѣ и такая поэтическая любовь къ деревнѣ. Скажите, пожалуйста, я думала, что только женщины умѣютъ ловко находить ложныя причины? Прекрасно, ты не любишь того, что я люблю, а я не люблю

того, что тебѣ нравится, найдемъ средство, которое все согласить. А все же я не останусь здѣсь, нѣтъ. Ни за что.

Эразмъ (*входитъ улыбаясь*). Наконецъ—то я поправилъ трубку.

Ядвига. Знаешь ли, Эразмъ, что нашъ разговоръ былъ очень интересенъ.

Эразмъ. Не говорилъ ли я?

Ядвига. Съ разу я не полагала, чтобы я могла слушать тебя съ такимъ вниманіемъ.

Эразмъ. Я это предвидѣлъ.

Ядвига (*съ намъреніемъ*). Теперь, когда ты вышелъ, не знаю зачѣмъ, кажется, чтобы поправить трубку...

Эразмъ. Да, ес нельзя было курить.

Ядвига. Ну, это время я думала о томъ, что ты говорилъ, и замѣтила, что ты правъ.

Эразмъ (*въ сторону*). Мужъ правъ, съ разу! не быть добру! (*въ слухъ*) Я этому очень радъ.

Ядвига. Я убѣдилась, что ты правъ, что раздѣлять моихъ симпатій ты не можешь. Фертицкая именно не пара для меня—и ты ею очень скучаешь; а графа Августа, котораго ты представляешь гораздо хуже, чѣмъ онъ есть, ты боишься немного (*кладетъ ему руку на плечо*), не правда ли, Эразмъ?

Эразмъ. О, я этого не говорилъ. (*въ сторону*) Куда она мѣтитъ?

Ядвига. И такъ, послушай, Эразмъ.

Эразмъ (*ставитъ трубку возль стола*). Я слушаю тебя, жизнь моя, со всевозможнымъ вниманіемъ.

Ядвига. Я оставляю эти знакомства.

Эразмъ (*цѣлуя ея руку*). Отъ всего сердца благодарю тебя, моя Ядвига.

Ядвига. Но и отъ тебя я требую извѣстныхъ уступокъ.

Эразмъ. Уступокъ? (*въ сторону*) Я предвидѣлъ, что быть бѣдъ. (*Беретъ трубку и говоритъ*) Посмотримъ, я слушаю.

Ядвига. Вотъ и ваше мужнее: посмотримъ,—и вы все таковы. Отъ жены вы требуете всевозможныхъ пожертвованій и безусловнаго соглашенія. А если жена у васъ чего просить, вы, призвавъ трубку въ помощь, придаете лицу дипломатическое выраженіе, и отправляете насъ съ тѣмъ, съ чѣмъ мы пришли, сказавъ: посмотримъ.

Эразмъ (*снова оставляетъ трубку*). Теперь я слушаю тебя совсѣмъ не дипломатически. Въ чемъ же дѣло?

Ядвига. Хочешь ли, чтобъ я была весела и очастлива какъ прежде?

Эразмъ. Хочу ли? Какой мужъ не хочетъ этого?

Ядвига. Эразмъ, мнѣ деревня ужасъ, какъ надѣла!

Эразмъ (*въ сторону*). А! вотъ почему я былъ правъ. (*въ слухъ*) Мнѣ очень жаль, что я этому помочь не въ силахъ. Я съ своей стороны, не люблю Варшавы, и не безъ основанія.

Ядвига. Да не въ Варшавѣ дѣло.

Эразмъ. Не въ Варшавѣ? Снова иное. Въ чемъ же?

Ядвига. Мы богаты, дѣтей у насъ нѣтъ, всѣ доходы мы можемъ истратить безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Поѣдемъ за границу.

Эразмъ. За границу? за границу... (*потираетъ лобъ*) Мнѣ здѣсь такъ хорошо...

Ядвига. Но я здѣсь скучаю, страдаю. (*Эразмъ беретъ трубку и начинаетъ прохаживаться*). Меня не успокоитъ ни какое «посмотримъ». Я хочу рѣшительнаго отвѣта. Поѣдешь или нѣтъ? поскупишься ли для меня или нѣтъ?

Эразмъ. По разсуду, жизнь моя, сколько намъ нужно перенести безпокойства, сколько хлопотъ, скитаясь по чужимъ краямъ. Еслибы что нибудь вознаградило за это.... Но теперь, льтомъ, льтомъ, которое вѣроятно будетъ прекрасно, здѣсь такіе ты найдешь красивые цветы, приятную зелень, прохладную рѣчку, удобный домъ...

Ядвига. Все это, правда, но мнѣ это надѣло.

Эразмъ. Однако, еслибъ ты хотѣла подумать корошенько.

Ядвига (*съ притворнымъ оторченіемъ*). Я бы замѣтила, что ты не хочешь, что для тебя все равно, занята ли я чѣмъ или скучаю, радуюсь или грущу, счастлива ли я или страдаю. Ну, чтоже дѣлать!—пусть будетъ по твоему. Прикажи мнѣ къ завтрашнему дню приготовить экипажъ. Я поведу въ Варшаву недѣли на двѣ, кстати туда въ это время прїѣзжаетъ моя тетка, которую я давно уже не видала...

Эразмъ (*въ сторону*). А, вотъ чего вы хотѣли! Ничего изъ этого не будетъ. (*въ слухъ*) Жизнь моя, ты принимаешь слишкомъ серьезно то, что я сказала,—я тебѣ не отказала еще—да и напротивъ, такъ какъ это развеселить тебя, сдѣлаетъ тебя снова счастливою, то поѣдемъ, поѣдемъ, жизнь моя, я соглашаюсь съ радостью. (*въ сторону*) Богъ видитъ съ какою радостью.

Ядвига (*съ удивленіемъ*). Что? ты согласенъ.

Эразмъ. Да чтоже , мнѣ дѣлать согласенъ—съ радостью — только не знаю, куда ты хочешь вхаться.

Ядвига. Вѣдь тебѣ все равно, въ Дрезденъ ли, во Флоренцію, или на воды.

Эразмъ. Все равно, только съ условіемъ—не пересѣзжать границъ Европы.

Ядвига. О, будь покосенъ, мы воротимся домой изъ Бреславля, быть можетъ.

Эразмъ. И прекрасно бы мы сдѣлали...

Ядвига (*жметъ ему руку*). Покаместъ , спасибо, дорогой Эразмъ, что ты согласился (*отступаетъ и смотритъ на него можно*). Теперь посмотри на меня. Находишь ли ты во мнѣ какую перемену?

Эразмъ. Во-первыхъ, я вижу, что ты не зѣвасшь.

Ядвига. А во-вторыхъ....

Эразмъ. А во-вторыхъ, что твои глаза блестятъ радостью, а на устахъ прелестная улыбка.

Ядвига. Смотри же , я всегда такая , когда мнѣ стараются угодить. Теперь пошли за паспортомъ , а я начну собираться. Кстати! напиши, Эразмъ, къ моему брату, онъ похлопочетъ о томъ, чтобы мы скорѣе получили паспортъ.

Эразмъ. Хорошо , жизнь моя. Добрый Казимиръ и безъ того хлопочетъ объ одномъ нашемъ дѣлѣ, и, повѣрь мнѣ, хлопочетъ очень усердно. Да, Ядвига, твой братъ старается о твоёмъ счастьи; я его за это очень люблю.*

Ядвига (*въ сторону*). Это что? (*въ слухъ*) Съ чего ты взялъ хвалить Казимира?

Эразмъ. Да такъ, при удобномъ случаѣ, я высказалъ то, что о немъ думаю. Еще сегодня напишу. Да кто это приѣхалъ? (*смотритъ въ садъ*) Чортъ возьми, это Фертицкая.

Ядвига. А, чудесно; у меня есть передъ кѣмъ похвастаться, какой у меня въжливый мужъ. Но не морщись , Эразмъ, и послѣдній разъ прими ее радушно.

Эразмъ. И это принадлежитъ къ числу уступокъ съ моей стороны?

Ядвига (*цѣлуетъ его*). Разумѣется, что принадлежитъ; даже къ числу важныхъ, потому что это тяжело для тебя.

Эразмъ. О! если ты такъ просишь, я готовъ строить куры этой бабѣ.

(Фертицкая входитъ скоро, изъ дверей дома, она очень набылена и нарумянена. Локоны светлорусые, накладка на лбу и на вискахъ потемнѣе, чепчикъ подвязанъ розовою лентою очень крѣпко, на самомъ подбородкѣ. Шляпка розовая, съ одной стороны она украшена перомъ, которое падаетъ на плечо; съ другой игрива цвѣтвозъ. Колье надѣто высоко и тѣсно, по-ниже жемчужь. Платье короткое, красноватую цвѣту, съ короткими рукавами и съ короткою тальею; сзади оно оттопырено; шаль изъ блонды, пожелтѣвшая и немною старая, — онахало, браслеты и т. д.).

ФЕРТИЦКАЯ (ударяетъ себя онахаломъ по руку). Ахъ! ахъ! c'est charmant! въ прохлада, въ тѣни деревьевъ, какъ пара голубей. Однажды между дубами... n'est ce pas! примѣрно! parole d'honneur!

ЯДВИГА (идетъ къ ней на встрѣчу). Здравствуйте.

ФЕРТИЦКАЯ (жметъ ей объ руки). Chère, bonne! Какъ мнѣ пріятно видѣть тебя! Какъ мнѣ пріятно смотрѣть на ваше согласіе и любовь; (шепотомъ къ Ядвигѣ) интересная новость.

ЭРАЗМЪ. Поэтому она старается разрушить это согласіе.

ФЕРТИЦКАЯ. Votre main, voisin! (жметъ ему руку). И спрашивать не нужно, здоровы ли вы. Дорогой сосѣдь со всякимъ днемъ румянѣе, полнѣе; какъ сыръ въ маслѣ катается — жена холить, лелѣетъ, балуетъ, покамѣстъ совсѣмъ не избалуесть.

ЭРАЗМЪ. Да и васъ нечего спрашивать о здоровьѣ — вы настоящая роза.

ФЕРТИЦКАЯ (улыбается). Слышите ли? Merci pour le compliment. Меня зовутъ Роза, вы знаете?

ЯДВИГА. Въ самомъ дѣлѣ, вы такая свѣжая.

ФЕРТИЦКАЯ. Мнѣ всѣ это говорятъ, (скромно) хотя мнѣ тридцать четыре года bien sonnées.

ЭРАЗМЪ (въ сторону). Плюсъ двадцать шесть.

ЯДВИГА. Сядемъ-те.

ФЕРТИЦКАЯ. Благодарствуйте. Merci, ma chère. Я сидѣла, сидѣла до усталости. Возвращаюсь изъ Варшавы—вы знаете.

ЭРАЗМЪ (скоро). Нѣтъ, мы этого не знали.

ФЕРТИЦКАЯ. Прямо изъ Варшавы, parole d'honneur. Я была дома лишь одну минуту, чтобы помыться и переодѣться, и сейчасъ же пріѣхала къ вамъ. (шепотомъ Ядвигѣ) J'ai bien de

choses à vous dire (*вдругъ обращается къ Эразму и ротмиваетъ пальцы за табакомъ*). Позвольте.

Эразмъ. Извините, я не нюхаю табаку.

Фертицкая. Жаль, своей табакерки я не ношу, на это хватить времени.

Эразмъ (*въ сторону*). Развѣ на томъ свѣтъ.

Фертицкая. А нюхнуть я люблю иной разъ, разумѣется, если табакъ французскій. Что же, сядемте.

Ядвига. Сдѣлайте одолженіе.

(*Садятся: Ядвига устолика, Фертицкая подлѣ нея, Эразмъ садится на прежнемъ мѣстѣ; подлѣ незанятый стулъ*).

Фертицкая. Чтоже вы такъ удалились отъ насъ, сосѣдъ?

Эразмъ (*беретъ трубку*). Потому что, если вы позволите, я бы хотѣлъ....

Фертицкая. Ахъ! почему же, на открытомъ воздухѣ. (*Эразмъ благодаритъ*). Повѣрите ли, что три дня тому назадъ, въ это время, я была еще у Шленкера. У него пропасть хорошенькихъ вещицъ. Какія материн, какіе бархаты, какія ленты! Въ самомъ дѣлѣ ils ont du goût ces gens là. Но, представъ себя, роух de soie glacée у Штурмера гораздо красивѣе. О! безъ сравненія; и потому я у него...

Эразмъ (*перебывая*). Купили?

Фертицкая. Нѣтъ, смотрѣла. Я имъ поставила весь магазинъ вверхъ дномъ. Но сколько дамъ бываетъ въ магазинахъ! О! эта дорогая Варшава! движеніе безпрестанное, прогулки безконечныя, покупки ежеминутныя; пріятно видѣть такое довольство, раголе d'honneur. — У Адели я видѣла съ десятокъ знакомыхъ и еще болѣе тѣхъ...

Эразмъ. Которыхъ вы не знаете?

Фертицкая. Съ которыми я встрѣчаюсь у Чабана, у Зельта, у Пикеля, у Лота. А p'goros, Лоть...

Эразмъ. Позвольте: не тотъ ли, у котораго были двѣ дочери?

Фертицкая (*смыется*). Quelle idée! (*Садится ближе Эразма и говоритъ ему тихо*). Но, вы шалите, любезный сосѣдъ. Со мной это еще ничего.

Эразмъ (*еще тише*). Разумѣется, вблизи розы не мудрено сдѣлаться мотылькомъ. Не такъ ли?

Фертицкая (*дотронулась до него опаздаломъ*). Taisez-vous. Прізжайте ко мнѣ, будете говорить сколько вамъ угодно. Je

ne suis pas rude. Но въ присутствіи молодой жены est ce qu'on dix de choses comme ça? (*Протлииваетъ руку за табакомъ*) Позвольте!

Эразмъ. Не нюхаю. (*Подаетъ ей трубку*) Если вамъ угодно...

Фертицкая. Fi donc! (*Опять приближается къ Ядвига*) Но что я хотѣла сказать? А прогос, многіе вамъ кланялись: напрямъръ, почтенный предсѣдатель. Ужасно, какъ я измучила его! Вообразите, я водила его съ собой изъ магазина въ магазинъ. Онъ много совѣтовала мнѣ...

Ядвига (*съ улыбкой*). Предсѣдатель?

Фертицкая. Собственно говоря не онъ, но длинный хвостъ, который я имѣла за собой.

Эразмъ. Развѣ вы носите еще платья со шлейфомъ? вѣдь нынѣ это не въ модѣ.

Фертицкая (*смѣясь*). Quelle naïveté! Это былъ хвостъ изъ мужиннѣ, cher voisin. И потому люди смотрѣли на насъ во всѣ глаза. Правда,—мой костюмъ шелъ мнѣ очень къ лицу, какъ и теперь... Что скажете вы объ этомъ платьѣ? il est charmant n'est ce pas? И такъ мы странствовали по магазинамъ, а знакомые все къ намъ присоединялись. J'avais l'air d'une lionne. Мнѣ не доставало сигары!...

Эразмъ (*въ сторону*). И зубовъ...

Фертицкая. У Гросса я повстрѣчалась съ Густавомъ. (*Къ Эразму*) А прогос. Онъ шлетъ вамъ задушевный поклонъ. (*Ядвига шепотомъ и сжимая ея руки*). Rauve jeune homme! онъ чакнетъ! (*Ядвига освобождаетъ свою руку и беретъ за работу*).

Эразмъ (*смотря пристально на жену; въ сторону*). Она что-то ей сказала. (*Громко*) О какомъ Густавѣ вы изволите говорить?

Фертицкая. Развѣ вы забыли графа Густава?!

Эразмъ. А! очень благодаренъ графу, что онъ вспомнилъ обо мнѣ; право, я хуже его: я совершенно забылъ объ немъ.

Фертицкая. Быть не можетъ? вѣдь это не хорошо! Il est extrêmement de vos amis.

Эразмъ (*недовольный*). Въ самомъ дѣлѣ? я и не предполагалъ этого.

Ядвига (*въ сторону*). Безразсудная! Она какъ нарочно, наводитъ его на дорогу.

Фертицкая. А прогос. Сообщу вамъ интересную новость; вы знаете, cher voisin, что графъ другъ вашего дома. Вамъ изъ-

вѣстно, что въ Августовской губерніи онъ имѣетъ прекрасное имѣніе съ пышнымъ дворцомъ, а все-таки не станетъ тамъ жить. Онъ хочетъ провести лѣто съ нами, и потому онъ взялъ Заборово въ арендное содержаніе.

Эразмъ (*въ сторону*). Вотъ дьявольщина!

Ядвига (*будто бы ищетъ чего-нибудь на столъ. Въ сторону*). Они безъ причины компрометируютъ меня.

Эразмъ. Вы говорите, что графъ взялъ Заборово въ администрацію?

Фертицкая. И даже на всегда, cher voisin! Видите, какъ это хорошо?...

Эразмъ. Отлично! (*Въ сторону*) Чортъ бы васъ побралъ!

Фертицкая. Вотъ вамъ и доказательство, что графъ вашъ другъ!

Эразмъ (*встаетъ*). Это такъ! но жаль, что мы не можемъ воспользоваться пріятнымъ соседствомъ графа.

Фертицкая. А это почему? развѣ вы его не знаете? c'est un charmant jeune homme! Вы не поверите, какъ это извѣстіе меня обрадовало. Сказать правду,—у насъ становилось скучно. Только вашъ домъ оживлялъ нашъ уголокъ. Но теперь все будетъ иначе! Графъ такой веселый, предупредительный; не скуится для себя; любить общество. Въ короткое время страна наша наполнится отборной молодежью. (*Садится ближе къ Эразму*). Вы на вѣрное не захотите отстать отъ другихъ: иной разъ и вы пригласите. Мы попляшемъ, повеселимся. (*Эразмъ оказываетъ нетерпѣніе*) Въ свою очередь, молодежь устроитъ намъ музыку въ лѣсу; къ тому еще приготовить иллюминацію, или сожгутъ фейерверкъ.

Эразмъ (*въ сторону*). Слышите! она еще мечтаетъ объ фейерверкѣ! Ахъ, ты старая ракета!

Фертицкая (*опять садится возлѣ Эразма*). Все это оживитъ нашу страну. Даже, если вамъ вздумается поохотиться, *partout d'honneur*, — мы не оставимъ васъ. Я даже думала уже объ этомъ.... какъ бы приличнѣе одѣться къ такому случаю.

Эразмъ. Я бы вамъ совѣтовалъ надѣть охотничью куртку, на лисьемъ мѣху.

Фертицкая. *Fi donc!* (*Приближается къ Ядвигѣ*) У тебя вѣдь есть костюмъ амазонки? И такъ, мы будемъ одѣты, какъ амазонки. Увидишь, какъ чудно проведемъ мы лѣто! (*Шепотомъ*

Ядвига). Показывай, что это ни чуть не радуешь тебя; *c'est de la bonne politique!*

Ядвига (бросаетъ работу. Въ сторону). Она сама не знаетъ, чего хочетъ!

Эразмъ (въ сторону). Эти секреты нисколько не радуютъ меня. *(Громко)*. И я вамъ намѣренъ сообщить новость, которая именно и не дозволяетъ намъ пользоваться всеми этими удовольствіями. Мы увѣжаемъ.

Фертицкая. Куда?

Эразмъ. За границу.

Фертицкая (садится на друмомъ стуль). Серьезно?

Эразмъ. И очень!

Фертицкая. Кто это предложилъ?

Эразмъ. Моя жена.

Фертицкая (опять садится на друмомъ стуль). Твой мужъ не шутить?

Ядвига. Нѣтъ; это я предложила ему. *(Въ сторону)* Какъ я довольна теперь собою, что сдѣлала это предложеніе.

Фертицкая (въ сторону). Но это ужасно; что будетъ тогда съ моими долгами? *(Громко)* Какая мысль? бросать лѣтомъ такую красивую деревню...

Эразмъ. И столь любезныхъ сосѣдей. Но что же дѣлать? Хорошій мужъ всегда долженъ, если можетъ, исполнять желанія жены.

Фертицкая (садится возль Эразма). Но развѣ не стыдно вамъ покорствовать такъ волѣ жены? Я знаю, *cher voisin*, что вамъ не очень хочется странствовать, и что вы согласились, *bon gré malgré*, лишь бы не спорить съ женой. Не такъ ли? Хотите: она откажется отъ этой повздки?

Эразмъ. Сомнѣваюсь.

Фертицкая. Погодите! *(Садится возль Ядвиги)*. *Ecoutez, chère, bonne!* Твой мужъ не хочетъ вѣхать; ты знаешь его привязанность къ дому и хозяйству. Ты должна, въ этомъ случаѣ, уступить желанію мужа, а не стараться дѣлать по-своему.

Эразмъ (въ сторону). Какая нравственная женщина!

Фертицкая (тише). Подумай только объ томъ, какъ мы проведемъ лѣто! Скажи ему на-отрѣзъ, что ты не хочешь вѣхать; вѣдь и женѣ дана же свободная воля. Увидишь, что будетъ хорошо!

Ядвига. (качая головою). Нѣтъ, такъ нельзя.

ФЕРТИЦКАЯ. Погоди только! (*Садится возль Эразма*). Видите, cher voisin, она сама не знаетъ хочетъ ли, или нѣтъ; скажите рѣшительно: быть по сему, — и дѣло кончено.

ЭРАЗМЪ. Сомнѣваюсь.

ФЕРТИЦКАЯ. Но я вамъ говорю, je suis d'un bon conseil; найду и доказательства.

ЭРАЗМЪ. Любопытно знать; (*въ сторону*) да, это будетъ доказательство, до какой степени они ее свели съ прямого пути.

ФЕРТИЦКАЯ. Погодите. (*Садится возль Ядвиги и начинаетъ говорить ей шепотомъ; въ это время лакей подаетъ письмо*).

ЛАКЕЙ. По почтѣ; больше ничего нѣтъ.

ЭРАЗМЪ (*встаетъ*). Отъ Казимира! хорошо! ступай. (*Лакей идетъ на льво; Фертицкая заступаетъ ему дорогу и протягиваетъ пальцы за табакомъ*).

ЛАКЕЙ. Не нюхаю — съ. (*Фертицкая, не довольная, садится возль Ядвиги, которая огорчена и задумалась, и говоритъ ей что-то шепотомъ*).

ЭРАЗМЪ (*читая письмо; въ сторону*). Такъ это правда! Такъ вотъ куда зашли дѣла. Ахъ! если Ядвига знала объ этомъ! Но, нѣтъ; это невозможно. Теперь намъ необходимо пужно вѣхать. Проклятая интригантка: это ея дѣло! (*Проходитъ и говоритъ серьезно*). По выраженію лица моей жены, я могу заключить, что ваши совѣты, сударыня, не подѣйствовали на нее и доказательства ваши ее не убѣдили. Я въ томъ былъ увѣренъ: потому что разсудительная женщина и хорошая, любящая мужа, жена, не предлагаетъ мужу ничего, не пораздумавши хорошенько; особенно, если знаетъ, какою властью пользуется надъ нимъ, по причинѣ своей вѣрности и любви. Это было бы не простибельное легкомысліе съ ея стороны, если бы она по малодушію, по капризу только, испрашивала у мужа позволеніе сдѣлать что нибудь важное, рѣшительное, а потомъ, послушавшись чьего бы то ни было совѣта, рѣшилась бы снова на что иное, какъ бы для того, чтобы мужъ показался только орудіемъ ея воли и низжайшимъ слугою. Жена моя не оскорбитъ до такой степени ни меня, ни себя. И потому я вамъ совѣтую, сударыня, не тратиться напрасно на убѣжденія, которыхъ моя жена не пріиметъ. А что гораздо важнѣе, — я этого не позволю. Что я одинъ разъ сказалъ, держу свято. Я сказалъ, что мы уѣзжаемъ, и мы уѣдемъ. Собирайся, Ядвига, а я пойду писать просьбу, чтобы намъ выдали паспортъ (*идетъ въ льво*).

ФЕРТИЦКАЯ (*заступаетъ ему дорогу и протягиваетъ пальцы за табакомъ*). Позвольте.

Эразмъ (*иньвио*). Не нюхаю. (*Въ сторону*) Безсовѣтная! лакированный хламъ! (*уходитъ*).

Ядвига (*съ прискорбіемъ*). Боже мой! онъ никогда не говорилъ со мною такъ серьезно! (*закрываетъ лицо*).

Фертицкая. Но это настоящее тиранство! Не поддавайся—ты уходишь его, и сдѣлаешь по-своему. Не съ однимъ были у меня такія сцены! Я бы тебѣ могла назвать цѣлый десятокъ такихъ, которые хотели тиранствовать надо мною, и между тѣмъ по моей дудкѣ плясали. Il faut seulement savoir s'y prendre.

Ядвига (*встаетъ*). Я не знала, что невинное, какъ казалось, легкомысліе и безъ цѣли, можетъ завести такъ далеко. Обо мнѣ начать говорить дурно. Это ужасно.

Фертицкая. Не бойся; онъ останется. Это фальшивая тревога.

Ядвига. Оставьте меня. Я боюсь только того, чтобы онъ моего малодушія не почиталъ дѣйствительною и преступною склонностью. Вы слышали какимъ тономъ говорилъ онъ. Онъ страдаетъ; онъ оскорбленъ, и все это скрываетъ подъ видомъ увѣренности во мнѣ, которой ужь кажется не имѣть. О! если это такъ, — я никогда этого не прощу себѣ.

Фертицкая. Mais vous prenez cela au tragique; si donc! Развѣ нельзя любить мужа, быть вѣрною своему долгу и въ тоже время помучить влюбленнаго молодаго человека. Общай ему все, а свое дѣло дѣлай. Cela vous amuseга. У меня бывало такихъ интригъ нѣсколько de front, а все же я удержалась въ предѣлахъ приличія и добродѣтели; parole d'honneur. Никто не упрекнетъ тебя въ этомъ. Это нравственность du monde élégant, къ которому ты принадлежишь.

Ядвига (*обиженная*). Я слишкомъ надѣялась на свои силы, позволивши себѣ пококетничать немного; это не въ моей природѣ. Я не хочу принадлежать къ этому свѣту, если его нравственность такая, какую вы ему приписываете. Слава Богу, это не правда. Я вижу только, что я пошла въ худыя руки.

Фертицкая. Вотъ благодарность за пріятельскія услуги! (*Въ сторону*). Но это ужасно, ахъ, мои долги!

Ядвига. Если вы старались предложить этому господину переселиться сюда, чтобы безпокоить моего мужа и дѣлать меня посмѣшищемъ людей, то вы жестоко обидѣли меня, и не ждите отъ меня никакой благодарности. Вы, должно быть, повѣренная

его, и потому скажите... (*Слышенъ звукъ почтовой трубы*). Но это что? кто это приѣхалъ?

Фертицкая. Я готова держать пари, что это онъ. Должно быть, у него не хватило терпѣнія, раувге гагсон! Будьте добры.

Ядвига (*въ безпокойствѣ*). О! Боже мой, Боже мой, какое безпокойство, какое несносное положеніе; я умру со стыда, если это онъ, и тѣмъ все объяснится. Такой добрый мужъ, такой вѣрный и умный другъ, и я причиной его грусти! О! этого я не должна себя простить!

Фертицкая (*въ сторону*). Въ самомъ дѣль, если это онъ, то очень рано; ему не слѣдовало такъ торопиться. (*Входитъ Казиміръ*).

Ядвига (*съ радостью*). Казиміръ! (*бѣжитъ къ нему*). Ахъ, любезный братецъ! ты не повѣришь, какъ я рада твоему приѣзду!

Казиміръ. Здравствуй, сестрица!

Ядвига. Ты на почтовыхъ?

Казиміръ. Да; къ тому же я ѣхалъ днемъ и ночью.

Ядвига (*обнимаетъ брата*). Слава Богу, что это ты!

Казиміръ. Это что? Развѣ ты ждала кого другаго?

Ядвига. Нѣтъ; но... но мнѣ очень пріятно, что ты здѣсь.

Фертицкая (*въ сторону*). Теленокъ! зачѣмъ онъ сюда приѣхалъ?

Казиміръ. Гдѣ Эразмъ?

Ядвига. Сейчасъ ушелъ отсюда. Но у тебя, должно быть, важныя дѣла: ты такъ спѣшилъ къ намъ.

Казиміръ. Очень важныя, а главное—не терпящія отлагательства.

Фертицкая (*кланяется Казиміру*). Что это съ вами? и кланяться не хотите. Неужели теперь дамы должны вамъ прежде кланяться. (*Подаетъ руку*). Comment va donc'ingrat!

Казиміръ (*не пожимая ея руки*). Благодарю васъ. Что же касается до поклоновъ... но вотъ и Эразмъ. (*Идетъ на встрѣчу Эразму, который вошелъ съ правой стороны*).

Фертицкая. Еще секунда и навѣрное сказалъ бы мнѣ какую-нибудь колкость. Удивительно, какіе нынче они грубіяны.

Эразмъ (*беретъ его подъ руку*). Какъ поживаешь? у тебя должно важное ко мнѣ дѣло?

Казиміръ. Здравствуй, братъ! (*Тише*). Очень важное: мы должны быть на-единѣ.

Эразмъ. Ядвися! оставь насъ на минутку, и прикажи дать брату закуску. Онъ не откажется, я думаю, съ дороги.

Казимиръ. Напротивъ, у меня порядочный теперь аппетитъ.

Ядвига (*смотритъ на нихъ съ безпокойствомъ*). Что это такое? Какая переменна въ лицъ Эразма! О! я сама наклкала на себя бѣду. (*Уходитъ*).

Фертицкая. Attendez, chère bonne, пѣйдемте вмѣстѣ. (*Въ сторону*) Я должна снабдить ее нужною инструкціей. Она ужасно неопытна, а онъ вѣдь не напрасно прѣвхаль. (*Проходя мимо Казимира, протягиваетъ пальцы за табакомъ*) Позвольте.

Казимиръ. Не нюхаю. (*Фертицкая уходитъ, пожимая плечами*).

Эразмъ. Ну, что тамъ? говори скорѣе: твое нисьмо опечалило меня ужасно.

Казимиръ (*вынимаетъ нисьмо*). Читай!

Эразмъ. (*сжимаетъ нисьмо въ руку*). Такъ уже и переписки завелась!

Казимиръ. Ты удивительно подозрителенъ. Посмотри прежде.

Эразмъ. О, еслибъ ты зналъ, что я долженъ былъ вынести; какъ я боролся съ собою, какъ безпокоился о чести и спокойствіи женщины, которую я такъ люблю! Неизвѣстность хуже всего. Я бы желалъ узнать все съ разу.

Казимиръ. Читай, и будешь знать.

Эразмъ (*смотритъ адресъ*). 'A monsieur le Comte Auguste. Чей это почеркъ... (*Носильшино смотритъ подпись*). Твоя неизмѣнная Роза... Неизмѣнная Роза!

Казимиръ. Не удивляйся, засушенная Роза!

Эразмъ. Такъ это писала эта баба?

Казимиръ. А ты думалъ...

Эразмъ. О! чего уже я не передумалъ! Ну, посмотримъ (*читаетъ*). «Любозный Графъ! Все пойдетъ отлично. Я прыгала отъ радости». (*говоритъ, пожимая плечами*) Она прыгала... Тьфу!

Казимиръ. Шестидесятилтняя ласточка! Читай дадѣе, тамъ есть вещи полюбопытнѣе.

Эразмъ (*читаетъ*). «Я прыгала отъ радости, узнавъ, что вы «покончили дѣло объ арендѣ Заборова. Это моя мысль, и мысль «геніальная. Я опытна въ этихъ дѣлахъ. И если вы и дадѣе «будете меня слушать, то покончите съ нею очень скоро.» (*Говоритъ*) Проклятая баба. «Представьте себѣ, вы будете жить

«въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея имѣнія; мой домъ прійдется на половинѣ дороги. Онъ открытъ для васъ. Я позволяю во всякое время видѣться вамъ съ собою.» (*Хватается за голову*). Ахъ!

Казиміръ. Не правда ли, братецъ?

Эразмъ. Она стоитъ того, чтобы ей выбили зубы.

Казиміръ. Да, еслибъ были.

Эразмъ (*читаетъ*). «Я говорила ей объ этомъ прекрасномъ планѣ. Будто бы не соглашастся; будто бы совѣсть ей не позволяетъ. Но это обыкновенное дѣло у неопытныхъ женщинъ. И я сначала была такова. Но не безпокойтесь: отчего же любовь и я? *Car elle vous aime, mon cher comte!* У меня есть на это доказательства.» (*Эразмъ ломаетъ руки*). О, я несчастный!

Казиміръ. И ты ввришь этому?

Эразмъ. Такъ ты думаешь, что это неправда? Что бѣдная Ядвися!... О, еслибъ меня кто увѣрилъ въ этомъ!

Казиміръ. Я тебѣ ручаюсь, что это минутное увлеченіе, немного легкомыслія, немного кокетства, и болѣе ничего. Баба дурачить молодца, и общается ему тары-бары, а почему, сейчасъ и это увидишь. Читай же!

Эразмъ (*читаетъ*). «Мужа вы не бойтесь; это ужъ моя забота. Однако будьте съ нимъ вѣжливы, пускайте ему пыль въ глаза вашею дружбою: *c'est de la bonne politique*. Вамъ это будетъ легко, при вашемъ умѣ; онъ также слѣпъ, какъ и всѣ мужья. Въ этихъ дѣлахъ я опытна, слава Богу.» (*Казиміръ смѣется*).

Эразмъ. Ты смѣешься, когда я стою на горячихъ угольяхъ. А здѣсь еще что?

Казиміръ. Очень просто: объясненіе всего вышесказаннаго.

Эразмъ (*читаетъ*). «Теперь, любезный графъ, маленькая просьба. Ради вашего счастья я ломаю себѣ голову, и тружусь ревностно и усердно. Потому я имѣю право требовать отъ васъ дружеской услуги. Заплатите за меня Шленкеру 2000 золотыхъ, Штурмеру 1700, Лоту 700, или 800, я забыла сколько, и купите отъ Пикеля мои бронзы и браслеты; они мнѣ очень нужны. Дня черезъ три я буду въ Варшавѣ, и желаю привести мои счета въ порядокъ. Я должна пополнить свой гардеробъ, и кредитъ этихъ господъ мнѣ необходимъ. Разумвется, что я считаю это, *comme une dette d'honneur*, который я свято упла-

«чу; дѣло идетъ только о настоящей минутѣ. Впрочемъ, я преду-
«преждаю васъ, с'ег comte, что, если вы не сдѣлаете того, о
«чемъ я васъ прошу, я оставлю все, и вы найдете препятствія,
«о которыхъ и не думали. Ваша неизмѣнная Роза.» (*Говоритъ,
складывая письмо*). Такъ въ этомъ дѣло; я могу вздохнуть
свободнѣе.

Казимиръ. Ну, что? Не такъ чортъ страшень, какъ ты его
представлялъ себѣ.

Эразмъ. Однако это подлость!

Казимиръ. Мой другъ! Старая женщина, которая не любитъ
чернаго платья, чистаго и скромнаго чепчика и темной мантильи,
которая не занимается домою и молитвой, но думаетъ о на-
рядахъ и интригѣ, — не чувствуетъ что подло, а что нѣтъ, какъ
тотъ, кто давно уже нюхаетъ, не чихаетъ отъ чемерицы.

Эразмъ. Но какъ ты получилъ этотъ драгоценный документъ?

Казимиръ. Всѣми средствами: не то страхомъ, не то просьбой,
въ трезвомъ видѣ и въ хмѣльномъ, отчасти собственными тру-
дами, но болѣе всего чрезъ посредничество ревнивой актрисы,
которая уже стоитъ графчику нѣсколько десятковъ тысячъ. Ко-
роче: исторія его полученія длинна; но главное, — онъ въ
нашихъ рукахъ.

Эразмъ. Такъ я опять спокоенъ! Но нѣтъ; еще аренда!

Казимиръ. И она моя: графъ уступилъ мнѣ ее!

Эразмъ. Ты шутишь?

Казимиръ. Честное слово, что такъ. Я вашъ сосѣдъ теперь!

Эразмъ (*бросается на шею Казимира*). О, безцвѣнный Казимиръ!
ты возвращаешь меня къ жизни. Теперь я опять, слава Богу,
дождусь тѣхъ спокойныхъ, безъ болести проводимыхъ дней,
какіе я имѣлъ прежде, живя съ твоей сестрой (*подходитъ къ
дверямъ*).

Казимиръ. Что же ты намъ ренъ дѣлать теперь?

Эразмъ. Сейчасъ увидишь. Это дѣло не терпитъ отлагатель-
ства.

Казимиръ. Прощу тебя, будь уменъ.

Эразмъ. О! безъ сомнѣнія. (*Зоветъ*) Ядвися, Ядвися (*Ядвися
входитъ, за нею Фертицкая*).

Фертицкая. Слава Богу, что можно хотъ войти сюда, а те-
тамъ такая жара, а я такъ полнокровна, что, *ragole d'honneur*,
кровь мнѣ бросилась въ лице.

Эразмъ. Что это такое, ты плакала!

Ядвига. Ничего, это такъ... мнѣ очень грустно; я бы хотѣла поговорить съ тобою.

Эразмъ. Хорошо, дитя мое, но ступай и прочти вотъ это письмо (*дастъ ей письмо Г-жи Фертицкой*).

Ядвига (*смотритъ въ недоумѣніи на письмо*). Что это такое?

Эразмъ (*съ достоинствомъ*). Прочти, и будешь знать.

Фертицкая (*хочетъ посмотреть*). Какая это депеша?

Эразмъ (*становится между женой и Фертицкой*). Извините! я просилъ только мою жену прочесть это. (*Ядвига въ замѣшательствѣ смотритъ на мужа и уходитъ*).

Фертицкая (*въ сторону*). Это безпокоитъ меня; боюсь, чтобы онъ не сдѣлалъ глупости. (*Громко къ Казимиру*) Ну, что новаго въ этой прелестной Варшавѣ?

Казимиръ. Чрезвычайно много: тамъ все теперь вверхъ-дномъ. Публика оставила теперь ненужныя прогулки, а гуляетъ только по воскресеньямъ и праздникамъ; молодежь не смотритъ подъ шляпки женщинамъ, и, проходя мимо старшихъ и дамъ, не толкаетъ первыхъ и уступаетъ дорогу послѣднимъ. Дамы тожѣ не ходятъ изъ магазина въ магазинъ, одеваются скромно и прилично лѣтамъ своимъ и состоянію, и не входятъ въ долги на счетъ чужихъ мужей и любовниковъ. Мужчины не теряютъ здоровья по гуляньямъ и у Марѣ; не посѣщаютъ пьяные театра и не говорятъ тамъ громче актѣровъ. Матери не учатъ кокетству своихъ дочерей, и, разряженныхъ какъ куклы, не водятъ въ Саксонскій садъ. Чиновники не пропиваютъ половины жалованья, но все отдаютъ женамъ. И даже молодые графы не уплачиваютъ долговъ старыхъ кокетокъ; видятъ, что это нелѣзно, и слѣдуютъ внушеніямъ совѣсти.

Фертицкая. Что съ вами, что съ вами? Два дня, какъ я изъ Варшавы и ничего этого при мнѣ не было.

Казимиръ. А я оставилъ Варшаву вчера вечеромъ, и потому могу васъ увѣрить, что все это такъ, а не иначе.

Фертицкая (*въ сторону*). Que veut dire ceci? Это меня безпокоитъ (*вертится и машетъ она-паломъ*). Ядвига, должно быть, читаетъ что-то предлинное.

Казимиръ. Она читаетъ импровизацію, которая стоитъ, знаете чего? (*увидѣвъ Ядвигу*) Видишь, Эразмъ, ты поступилъ худо:

(*Ядвига въплетъ заплаканная, дрожа отъ гнѣва*).

Фертицкая. О, mon Dieu, что это такое! (*Ядвига приближается къ ней и показываетъ ей письмо*).

Ядвига. Это вы писали?

Фертицкая. Mais ma chère...

Ядвига. Это ваша рука, спрашиваю васъ?

Фертицкая. Но это наглость. Прошу тебя, не забывай, что я здѣсь гостья. Покажи, покажи (*въ сторону*). Откуда они его взяли, это ужасно. (*Къ Ядвигѣ*) Это шутка, мой другъ (*тише*). Чтобы его обмануть; vous concevez (*хочетъ взять письмо*).

Ядвига (*не отдавая письма*). Спрашиваю васъ, какъ вы смѣли писать такія низости? Гдѣ ваши доказательства, что я его люблю? когда вы мнѣ говорили о свиданіяхъ съ нимъ и такъ подло предлагали для этого свой домъ? Развѣ вы не чувствуете, что это подлость, обида, преступленіе?

Фертицкая. Но вы вѣдъ себя!

Ядвига. И неудивительно, видя себя обиженною, оклеветанною и къмъ же? старой интриганткой, которой нога не должна была переступить порогъ моего дома.

Фертицкая (*махая опахаломъ*). Вотъ странная шутка.

Ядвига. Вы хотѣли продать мою честь и имя; и маловажное легкомысліе и кокетство безъ цѣли, вы хотѣли превратить въ чудовище грѣха и безнравственности. О! Эразмъ! клянусь тебѣ той минутой, въ которую впервые я сказала тебѣ: «люблю», что все здѣсь написанное ложь и клевета (*приближается къ нему и цѣлуетъ у него руку*). Прости мнѣ, Эразмъ, минуту заблужденія головы, но не сердца; прости, если ты страдалъ; если, хоть на минуту, чувствовалъ себя обиженнымъ (*прижимаясь къ груди мужа*), и защити меня своею властью отъ этого дьявола.

Фертицкая (*въ сторону*). Значить, мнѣ нечего здѣсь оставаться, они съ ума сошли.

Эразмъ (*прижимая Ядвигу*). Вы слышите? Экипажъ вашъ у крыльца.

Фертицкая. Въ самомъ дѣлѣ? C'est justement á propos. Но кто же распорядился?

Эразмъ. Я, сударыня, и кромѣ того сказалъ вашему кучеру, чтобъ онъ забылъ навсегда дорогу ко мнѣ; въ противномъ случаѣ, онъ могъ бы имѣть непріятную встрѣчу съ моею палкою.

Фертицкая (*собираясь уйдти*). C'est bien; катати мнѣ должно сдѣлать визита два. Прощайте, господа (*проходя мимо Эразма, протягиваетъ пальцы за табакомъ*). Позвольте.

Эразмъ. Не нюхаю. Убирайтесь съ Богомъ отсюда.

ФЕРТИЦКАЯ (*къ Казиміру, тихо*). Это вы всему виной. Пойдите: я отомщу вамъ. (*Протягиваетъ пальцы за табакомъ*)
Позвольте.

КАЗИМІРЪ (*кланяясь*). Не нюхаю, сударыня! (*Фертицкая уходитъ*).

ЭРАЗМЪ (*Ядвига, которая плачетъ, опершись на его плечо*). Утѣшься, Ядвига! и благодари Казиміра. Это онъ виновникъ этого.

ЯДВИГА. Добрый братъ! Эразмъ, вѣрь моему сердцу и прости меня.

ЭРАЗМЪ. Я вѣрю тебѣ, и благословляю минуту, которая показала мнѣ, что ты уважаешь себя; она научила тебя беречься самаго невиннаго легкомыслія и избѣгать подозрительныхъ связей. Теперь ты уже знаешь, что, если ты дѣлаешь шагъ, то твои продажные друзья сдѣлаютъ десять на твой счетъ. Знай, что первый другъ твой — это мужъ, а первый сосѣдъ — это братъ.

ЯДВИГА. Развѣ ты нашъ сосѣдъ, Казиміръ?

КАЗИМІРЪ. Да: графъ уступилъ мнѣ Заборово.

ЯДВИГА. О, какое счастье; теперь мы не поведемъ за-границу.

ЭРАЗМЪ. Къ чему же? Домъ, родина и семейство—вотъ храмъ счастья и спокойствія.

ЯДВИГА. О, я чувствую это вдвойнѣ. Я получила хорошій урокъ.

КАЗИМІРЪ. Приключеніе это полезно и для меня. Теперь, если я женюсь и поселюсь гдѣ-нибудь, прежде всего буду стараться узнать кто мои сосѣди. И если, чего сохрани Боже, между нами будетъ старая щеголиха, я продаю деревню и уѣзжаю, какъ можно скорее.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОХОТНИКЪ.

Лѣтъ двадцать тому, а можетъ быть и больше, на публичномъ экзаменѣ въ пансіонѣ Р....., не могъ я довольно надобоваться паружностью одного воспитанника. Этотъ мальчикъ, лѣтъ сорокати, собой хотя былъ далеко не такъ хорошъ, какъ нѣкоторые его товарищи, но не знаю почему, я видѣлъ въ немъ что-то необыкновенное: съ черными, волнистыми волосами, большими карими глазами, съ сильно означенными ресницами и бровями, онъ постоянно привлекалъ мое вниманіе. Впрочемъ, на экзаменѣ мальчикъ этотъ отличался въ однихъ только гимнастическихъ упражненіяхъ: сила и ловкость его были поразительны.

Спустя нѣсколько лѣтъ встрѣтилъ я его уже молодымъ человекомъ, возмужалымъ и во всей силѣ слова красавцемъ; онъ былъ въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ юнкеромъ. Познакомившись съ нимъ коротко, узналъ я, что страсть къ охотѣ превышала у него всякое воображеніе, и не смотря на молодость, онъ былъ уже вполне развитымъ охотникомъ.

Отецъ его хотѣлъ, чтобъ онъ служилъ по дипломатической части, но, не имѣя ни малѣйшаго призванія къ службѣ и въ особенности къ статской, онъ вступилъ въ военную службу единственно въ угожденіе своему престарѣлому отцу.

Появленіе юнкера въ полкъ было очень эффектно: солдаты говорили: «вотъ юнкеръ такъ юнкеръ.»—Видѣлъ ты его? спрашивали они, какой же онъ славный малый! долженъ быть хорошей фамиліи и богачъ! да и бульдогъ у него диковинный, такой мордасъ!» Полковой командиръ, будучи самъ одиннадцативершковымъ дѣтшиной и болѣе всего обращая вниманіе на телосложеніе, былъ въ восторгѣ отъ своего новаго юнкера. Ходя по комнатѣ, пачальникъ думалъ объ немъ, потирая ладони: какой же онъ молодчина! на майскомъ парадѣ поставлю его на флангъ.

Хотя молодой человекъ по своему характеру въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ всякое уваженіе, но въ полку еще объ этомъ могли только догадываться инстинктивно; а между тѣмъ на него уже смотрѣли, какъ на героя, совершившаго величайшій подвигъ, и всякое упущеніе по службѣ сходило ему съ рукъ, какъ съ гуся вода.

Нашъ юнкеръ находился уже нѣсколько лѣтъ въ полку, но едва ли случилось ему хоть разъ отдежурить или быть въ караулѣ; онъ всегда нанималъ за себя какого нибудь унтеръ-офицера. Въ манежѣ ходилъ онъ рѣдко, устава и въ руки не бралъ и правилъ верховой ѣзды почти не зналъ. Не смотря на то, едва ли былъ въ полку наѣздникъ, который могъ бы равняться съ нимъ. Случалось, что попадалась какая нибудь злая лошадь, съ которой никто не могъ сладить. Тогда нашъ юнкеръ за особенное удовольствіе считалъ поѣздить на ней, и она не успѣвала повести ухомъ, какъ чувствовала уже на себѣ мощнаго всадника. Бѣшенство ея было страшно: съ налившимися кровью глазами, оскала зубы, съ визгомъ и ржаніемъ, она, то взвывается, то бросится въ сторону, лягая задомъ и передомъ, и наконецъ, какъ бы въ испугъ, понесетъ всадника, какъ вихрь. При этомъ солдаты говаривали: «ну, дастъ же она ему трепку!» Но когда, спустя нѣсколько времени, юнкеръ возвращался верхомъ, и бѣшеная лошадь вся въ пѣны шла шагомъ, то тѣ же солдаты съ разинутыми ртами посматривали другъ на друга и не могли надивиться удали молодого человѣка.

Въ полку называли его заколдованнымъ, и дѣйствительно въ немъ было что-то непостижимое: нерадѣніе къ службѣ доходило до того, что онъ, бывало, пропадалъ на охотѣ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду. Въ этомъ случаѣ всѣ, начиная съ младшаго вахмистра и до полковаго командира, скрывали эти отлучки, какъ полковую тайну, какъ собственное преступленіе. Рѣдкія качества юнкера не даромъ пріобрѣли ему любовь цѣлаго полка.

Послѣ долговременнаго юнкерства, онъ былъ представленъ въ офицеры. Это его крайне огорчило; онъ хорошо понималъ, что офицеру нельзя уже самовольно отлучаться на долгое время, а потому употреблялъ всѣ возможные средства продлить юнкерство. Когда, наконецъ, производство сдѣлалось неизбѣжнымъ, и его поздравили съ эполетами, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и уѣхалъ на охоту.

Съ лягавой собакою охотился онъ, какъ бы отъ нечего дѣлать, и то, по большей части, лазилъ въ лѣсахъ по валезянку за глухарями: «эту птицу, говаривалъ онъ, по крайней мѣрѣ добывать трудно, не то, что дупеля, который держится только что не въ саду, глупъ такъ, что на него наступить можно, а когда вылетаетъ, то бей его, хоть ногой, какъ мячикъ.»

Этотъ охотникъ, одаренный непомерной энергіей и терпѣніемъ,

искалъ въ охотѣ больше всего препятствій, и чѣмъ болѣе встрѣчалъ ихъ, тѣмъ сильнѣе ощущалъ наслажденіе охоты. Вотъ почему онъ любилъ болѣе всего звѣриную охоту и преимущественно медвѣжью. Но когда предлагали ему ѣхать на найденную берлогу, то онъ всегда отказывался наотрѣзъ, замѣчая, что не находитъ ни малѣйшаго удовольствія отправляться ватагою на медвѣдя и находится подѣ прикрытіемъ чужихъ рогатинъ и пуль. Онъ любилъ встрѣчаться съ медвѣдемъ глазъ на глазъ и былъ совершенно правъ: у медвѣдя сила и когти, у охотника желаніе его убить и два выстрѣла; тутъ, по крайней мѣрѣ, бой нѣсколько равный. Впрочемъ, перевѣсъ все-таки на сторону охотника: медвѣдь трусъ, охотникъ отваженъ, и пули его спльзѣ всякой звѣриной силы и опаснѣе когтей.

«Скажи, пожалуйста, спросилъ кто-то нашего охотника, какъ ты не боишься ходить одинъ на медвѣдя?»—А развѣ онъ страшенъ?—«Какъ не страшенъ? да я бы ни за какія блага въ мірѣ не пошелъ на него одинъ.» — «А я такъ не люблю ходить съ товарищами. Товарищъ на охотѣ опаснѣе самаго лютаго звѣря: того и гляди подстрѣлитъ тебя. Если бы можно навести справки, сколькохъ дураковъ поцарапалъ медвѣдь и сколько дураковъ переранили своихъ пріятелей, ты убѣдился бы, что ходить на медвѣдя лучше одному. Я называю глушцами людей, которыхъ коверкалъ медвѣдь потому, что это всегда бываесть отъ ихъ вины.—Они часто стрѣляютъ, чортъ знаетъ изъ какихъ ружей и какими зарядами, да не выждавъ звѣря, на авось выпускаютъ свои выстрѣлы, и онъ раненый кидается на обезоруженнаго охотника. Нѣтъ, съ медвѣдемъ шутить нечего, подойди, или подпусти его на пятнадцать шаговъ и бей на вѣрняка. А если не надѣешься на себя, то лучше сиди дома.»

По первому снѣгу нашъ охотникъ, обходя медвѣдсей, мимоходомъ охотился на лосей, волковъ, рысей, лисицъ и другихъ звѣрей. Странствуя такимъ образомъ по недѣлямъ, онъ отлучался за сотни верстъ отъ постоянной своей квартиры, въ которой иногда случалось ему ночевывать. И, не смотря ни на какіе морозы, спальня его не только не топилась, но еще на ночь открывалась въ ней форточка, и онъ, покрытый легкимъ шерстянымъ одѣяломъ, утромъ прямо изъ постели садился въ холодную со льдомъ ванну. Однажды, въ ноябрьскій морозъ, онъ отправился на голубицую стрѣльбу, одѣтый совершенно по лѣтнему. Когда кто-то замѣтилъ ему, что платье его слишкомъ легко, онъ пресерьезно показалъ свою руку съ вязаннымъ брас-

летомъ изъ красной шероти , который онъ называлъ не иначе, какъ фуфайкой. И на даль нашъ охотникъ доказывалъ, что ему не было холодно. Онъ выигрывалъ постоянно пульки *, принималъ самыя невыгодныя пари, и, не смотря на то, обстреливалъ лучшихъ стрѣлковъ.

Однажды этотъ удивительный охотникъ, въ декабрьскіе трескучіе морозы нападаетъ на слѣдъ выдры. Подъ открытымъ небомъ, ночью, садится онъ стеречь звѣря. Выдра подходитъ къ нему довольно близко, но, желая убить ее на вѣрняка, охотникъ выжидаетъ, чтобъ она подошла еще ближе. Выдра однакожь скрылась и въ эту ночь не показывалась болѣе. На завтра таже исторія, наконецъ нашъ охотникъ, послѣ 23-хъ ночей, проведенныхъ имъ подъ открытымъ небомъ съ ружьемъ въ рукахъ, выстрѣливаетъ и убиваетъ звѣря на-поваль.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, онъ обыкновенно являлся въ Петербургъ, гдѣ, сдѣлавъ необходимыя запасы, садился въ свои похожія на лодку шведскія сани, запряженныя одной лошадыю, и такимъ образомъ по скрипучему снѣгу отправлялся трускомъ къ ближайшему обойденному имъ медвѣдю. За охотникомъ слѣдовалъ въ такихъ же точно саняхъ и въ одну лошадь, окруженный нѣсколькими огромными на цѣпяхъ собаками, неизменный его товарищъ, мужикъ изъ окрестностей Г....

На этотъ разъ, проѣхавъ всю ночь, рано утромъ сани останавливаются въ лѣсу, гдѣ находилась берлога. Охотникъ спускаетъ съ цѣпей собакъ и самъ идетъ за ними на лыжахъ съ винтовкою Ланкастера за плечами.

Въ лѣсу царствуетъ совершенная тишина: только кое-гдѣ постукиваетъ дятель, вскакиваетъ съ карканьемъ испуганная ворона, да по временамъ отъ вѣтра шевелятся густыя макушки елей и сосенъ, и снѣгъ падаетъ съ нихъ серебристой пылью.

Собаки рыщутъ въ-разбродъ далеко отъ охотника, но вдругъ одна изъ нихъ, почувявъ берлогу, кидается къ ней опрометью съ визгомъ и ласмъ. Медвѣдь испуганный выскакиваетъ изъ своего жилья и, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣжитъ скоро и неуклюже. Собака то и дѣло хватаетъ его сзади. Онъ всякій разъ останавливается, кидаясь на собаку, но она ловко увертывается отъ его когтей и опять догоняетъ его. Тѣмъ временемъ охотникъ, мелькая между деревьями, нападаетъ на медвѣжій слѣдъ и съ радостию видитъ, что за нимъ прошла и собака,

* На голубиной стрѣльбѣ, послѣ условнаго числа выстрѣловъ, кто сдѣлаетъ меньше промаховъ, тотъ выигрываетъ пульку.

ускоряетъ свой ходъ и скоро слышится ему ревъ медвѣдя и лай и грызня собакъ. Но вотъ полянка, и на ней, приложивъ къ въковой соснѣ, огромный медвѣдь съ остервененіемъ грызетъ и отбрасываетъ отъ себя съ яростію кидającychся на него собакъ. Онъ съ всплосомъ надають въ помятый и мѣстами окровавленный снѣгъ и слова бросаются на звяря. Клочки шерсти летаютъ въ воздухъ, и во временахъ ревъ медвѣдя такъ силенъ, что заглушаетъ свистъ и вой вѣтра. Кажется, самыя деревья трепещутъ отъ этого рева. Но тутъ, съ шитовкою въ рукахъ, показался охотникъ и остановился шагахъ въ пятнадцать отъ медвѣдя. Выстрѣлъ раздался. Звѣрь грянулся безъ чувствъ, облако дыма медленно проходитъ надъ нимъ, собаки терзаютъ жертвеца, но послушныя голосу охотника сейчасъ же бросаютъ убитаго и подходятъ окровавленные къ своему хозяину. Нѣкоторые изъ нихъ съ оторваннымъ ухомъ, съ вырваннымъ бокомъ, но и эти собаки не жалуются на свои раны, напротивъ, виляя хвостомъ, смотрятъ весело на хозяина и словно довольны, что услужили ему.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ непрерывной ходьбы, поздно вечеромъ охотникъ подходитъ съ собаками къ пылающему съ трескомъ костру, надъ которымъ клубится облако дыма и звездами летятъ къ небу искры. У огня сидитъ знакомый намъ мужикъ и щепкой помѣшываетъ въ котелкѣ кормъ для собакъ. Тутъ же въ мѣдномъ чайникѣ кипитъ смѣжная вода. Собаки подбѣгаютъ къ мужику, одинъ ласкаясь прыгаютъ на него, другія, проголодавшись вѣроятно болѣе, лукаво посматриваютъ на котелокъ. Мужикъ крикнулъ на нихъ, и всѣ чинно улеглись около огня. Изъ мрака, какъ привидѣніе, выдвинулась фигура охотника и вдругъ озарилась потокомъ свѣта.—Ну, что, помогъ ли Богъ? спросилъ мужикъ.—Убилъ.—Далече?—Нѣтъ, не будетъ и пятнадцати верстъ: знаешь, тамъ, за большой моховинной, у сосны?—Какъ не знать! сосну-то въ прошломъ году обожгла гроза. — Ну, да, та самая. А звѣрь-то дрянной. — Что такъ! маловатъ что ли?—Нѣтъ, большущій, но скоро дался, и попортить-то не далъ порядкомъ. — «Вишь ты какой неугомонъ; не бось, лучше было въ прошломъ году, когда напалъ на такого диковиннаго, что замучилъ всѣхъ собакъ, а я промаялся на одномъ мѣстѣ почитай съ недѣлю, думалъ, что ты положишь свою головушку.» — «Разумѣется лучше: тотъ, молодецъ, потѣшилъ меня, а это что? дрянъ, видно больно зажирѣлъ.»—Между тѣмъ костеръ, ярко пылая во мракѣ ночи, сильно освѣщала неболь-

шую охотничью картину. Свѣтъ, надая на выразительныя фигуры пріятелей, на угрюмыхъ, разношерстныхъ собакъ, на лошадей, привязанныхъ неподалеку къ санямъ, на стволы и нижніе сучья окружающихъ деревьевъ, постепенно слабѣлъ и наконецъ совершенно исчезалъ въ потемкахъ.

Накормивъ собакъ и напившись чаю, два пріятеля плотно завернулись въ дубленые тулупы и тутъ же заснули молодецкимъ сномъ. Тѣмъ временемъ вылъ вѣтеръ, трещалъ костеръ, да слышно было, какъ лошади жевали кормъ.

Еще не каркнулъ воронъ, и лиса не отправилась на промыселъ, а наши лѣсные жители уже были на погахъ. Мужикъ, получа наставленіе, гдѣ пристать на ночлегъ, отправился за убитымъ медвѣдемъ, а охотникъ опять на лыжахъ, слѣдуя за собаками, пошелъ къ другой извѣстной ему берлогѣ. Такимъ образомъ, перебивъ всѣхъ заблаговременно найденныхъ медвѣдей, отправлялся онъ отыскивать другихъ, но уже набумъ и всегда находилъ ихъ много.

Однажды убилъ онъ медвѣдя и въ то же время, по несчастію, ранилъ пулею любимую свою собаку. Съ-тѣхъ-поръ, вмѣсто винтовки, началъ онъ употреблять небольшую рогатину, которой въ послѣднюю свою экспедицію закололъ 32 медвѣдя. Воякая его экспедиція продолжалась отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ, обыкновенно, какое нибудь дерево служило ему кровомъ, а костеръ печью.

Хотя я и не назвалъ по имени этого знаменитаго медвѣжатника, но многіе по моему разсказу догадаются, о комъ идетъ рѣчь; а тѣ, которые знаютъ его коротко, согласятся безъ сомнѣнія, что онъ такой же отличный человекъ, какъ и хорошій охотникъ, и до того правдивъ, что ему во всемъ можно вѣрить безусловно. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, и на этотъ разъ что-то не въ духъ Я заговорилъ о будущей его экспедиціи на медвѣдей и узнаю съ величайшимъ удивленіемъ, что онъ болѣе и не помышляетъ о ней. — «Право, совѣстно, сказалъ онъ:—да признаться, какъ-то и надоело мнѣ, бить такого беззащитнаго звѣря, какъ медвѣдь. Надо отправиться въ Африку на тигровъ и львовъ.»—Но, вѣроятно, пріятель мой въ послѣдствіи убѣдился, что и эта охота не доставитъ ему довольно сильнаго ощущенія, а потому, вмѣсто тигра и льва, онъ выбралъ женщину, женился на ней и съ этимъ бросилъ всякаго рода охоту. Какъ жаль, что онъ не поѣхалъ въ Африку.

ОПЫТЪ ДОКТОРА ГЕЙДЭГГЕРА.

(Разсказъ Готторна).

Этотъ престранный человекъ, старикъ докторъ Гейдразъ пригласилъ четверыхъ достопочтенныхъ знакомыхъ вать у него въ кабинетъ. То были трое съдыхъ джентлы мистеръ Медборнъ, полковникъ Киллигру и мистеръ Га и увядшая лэди, вдовушка Вичерли. Все четверо были жалкіе, не знавшіе во всю жизнь счастья; ихъ величайш ствіе состояло въ томъ, что они давнымъ давно не сомогилу. Медборнъ, въ цвѣтущую пору жизни, былъ богат пецъ, но лишился всего состоянія отъ безразсудной спен и теперь былъ не многимъ лучше нищаго; Киллигр тратилъ лучшіе свои годы, здоровье и достояніе на гудовольствія, которыя породили въ немъ разные недут томъ числѣ подагру, и другія муки душевныя и тѣлесны койнъ былъ пропащій политикъ, человекъ дурной репутац по-крайней-мѣрѣ, когда-то былъ такимъ, пока время не ло его отъ глазъ молодаго поколѣнія и не сдѣлало его (нымъ, вмѣсто безчестнаго. Что касается до вдовушки Е то преданіе гласитъ, что она жила въ совершенномъ о нии отъ свѣта, въ слѣдствіе какихъ-то скандалѣзныхъ которыя возстановили противъ нея все порядочное общес рода. Стѣнтъ замѣтить, что трое стариковъ, Медборнъ, ру и Гайскойнъ, въ молодости были влюблены во вдову черли, и разъ чуть не перерзались изъ-за нея. Презд, продолжать разсказъ, я только мимоходомъ упомяну, чтора Гейдэггера и четырехъ его знакомыхъ считали въ за помѣшанныхъ немножко, какъ часто случается со людьми, когда ихъ терзаютъ или настоящія тревоги плія воспоминанія.

— Любезные мои друзья! сказалъ докторъ, пригласадиться: — я желаю вашего содѣйствія въ одномъ пѣ

маленькихъ опытовъ, которыми я забавляюсь здѣсь, у себя въ кабинетѣ.

Если вѣрить всему, что говорятъ, то кабинетъ доктора Гейдэггера былъ вещь прелюбопытная. То была сумрачная, старомодная комната, убранная фестонами изъ паутины и осыпанная античной пылью. По стѣнамъ стояло нѣсколько дубовыхъ книжныхъ шкаповъ, въ которыхъ нижнія полки были уставлены рядами громадныхъ фоліантовъ и старопечатныхъ in-quarto, а верхнія—маленькими duodesimo, въ пергаментныхъ переплетахъ. Надъ среднимъ шкапомъ стоялъ бюстъ Иппократа, съ которымъ, по свидѣтельству многихъ вѣродостойныхъ особъ, докторъ Гейдэггеръ обыкновенно совѣщался во всѣхъ затруднительныхъ казусахъ своей практики. Въ самомъ темномъ углу комнаты стоялъ высокій и узкій дубовый шкафъ, съ растворенными дверцами, въ которыя виднѣлся скелетъ. Между двухъ книжныхъ шкаповъ висѣло большое, пыльное зеркало въ закопѣтой золотой рамѣ. Въ числѣ прочихъ волшебныхъ разсказовъ ходилъ слухъ, что духи всѣхъ умершихъ паціентовъ доктора являлись въ этомъ зеркалѣ и глядѣли ему прямо въ лицо, всякій разъ, какъ онъ заглядывалъ въ стекло. Противоположная стѣна комнаты украшалась портретомъ, во весь ростъ, молодой дамы, облаченной увядшимъ великолѣпнѣмъ изъ атласу и парчи, съ лицомъ, увядшимъ, какъ и одѣяніе. Больше полустолѣтія назадъ, докторъ Гейдэггеръ былъ помолвленъ съ этой молодой лэди; но наканунѣ свадьбы, почувствовавъ себя не совсѣмъ здоровою, она выпила прописанное ей женихомъ лекарство и умерла. Но мы не сказали еще о величайшей рѣдкости въ этомъ кабинетѣ: то былъ увѣсистый фоліантъ, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, съ массивными серебряными застежками. На корешкѣ не было надписи, и никто не зналъ названія книги; но всѣмъ было извѣстно, что эта книга магін; и разъ, когда служанка приподняла ее, для того только, чтобъ смести пыль, скелетъ въ шкапу застучалъ костями, портретъ молодой лэди ступилъ одной ногой на полъ, и многія лица мертвецовъ выглянули въ зеркалѣ; мѣдная голова Иппократа сдѣлала суровую мину и сказала: «Не тронь!»

Вотъ каковъ былъ кабинетъ доктора Гейдэггера. Въ тотъ вечеръ, о которомъ повѣствуетъ нашъ разсказъ, среди комнаты стоялъ круглый, черный столикъ, съ граненой хрустальной вазой прекрасной формы и тщательной отделки. Солнечные

лучи, пробираясь въ окно, между тяжелыми фестонами двухъ полныхъ занавѣсъ, пронизывали эту вазу, и бросали нѣжный отблескъ на пепельныя лица сидѣвшихъ вокругъ нея стариковъ и старухи. На столѣ приготовлены были четыре шампанскихъ бокала.

— Любезные мои друзья! говорилъ докторъ Гейдэггеръ:— могу ли я рассчитывать на ваше содѣйствіе при производствѣ одного чрезвычайно-любопытнаго опыта?

А надо знать, что докторъ Гейдэггеръ былъ пристрастный старикъ, и его эксцентричность служила поводомъ къ тысячѣ самыхъ фантастическихъ разсказовъ. Многія изъ этихъ сказокъ, къ стыду моему, могутъ быть приписаны мнѣ—правдивому историку; и если нѣкоторыя мѣста настоящей повѣсти возбуждаютъ недовѣріе въ читатель, то предоставляю ему заклеить меня прозваніемъ пустослова и выдумщика.

Когда четверо гостей услышали слова доктора о предполагаемомъ опытѣ, они не предвидѣли ничего чудеснаго, какъ умерщвление мыши подѣ воздушнымъ насосомъ, или изслѣдованіе паутины посредствомъ микроскопа, или какой-нибудь подобный вздоръ, какимъ онъ обыкновенно терзалъ своихъ пріятелей. Но, не дожидаясь отвѣта, докторъ Гейдэггеръ побрелъ, прихрамывая, черезъ комнату, и воротился съ тѣмъ самымъ увѣсистымъ фоліантомъ, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, который, по всеобщему убѣжденію, былъ книгой магіи. Отстегнувъ серебряныя застежки, докторъ раскрылъ фоліантъ и вынулъ изъ него стиснутую между старопечатными страницами розу, или то, что было когда-то розой, хотя теперь зеленые ея листья и алыя лепестки имѣли одинаковый бурый цвѣтъ, и ветхій цвѣтокъ, кажется, готовъ былъ распасться въ прахъ въ рукахъ доктора.

— Эта роза, сказалъ со вздохомъ докторъ Гейдэггеръ: этотъ самый увядшій и высохшій цвѣтокъ цвѣлъ пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ; онъ подаренъ мнѣ Сильвіей Вардъ, чей портретъ вы видите вонъ тамъ; я предполагалъ приколотъ его къ петлицѣ въ день моей свадьбы. Пятьдесятъ пять лѣтъ онъ сохранялся между листьями этого стариннаго фоліанта. Ну, какъ вы думаете, возможно ли, чтобъ эта полувѣковая роза разцвѣла снова?

— Вздоръ! сказала вдовушка Вичерли, брюзгливо качнувъ головой:—это тоже, что еслибъ вы спросили: можетъ ли снова разцвѣсть увядшее лицо старухи.

*

— Смотрите! отвѣчалъ докторъ Гейдэггеръ.

Онъ снялъ крышку съ вазы, и въ воду, которая въ ней со- держалась, опустил увядшую розу. Сначала, роза легко лежала поверхъ воды, и, казалось, не впитывала ни капли влаги; скоро, однакожъ, стала замѣтна въ ней удивительная перемена. Сстиснутые, сухіе лепестки зашевелились и поднялись, какъ будто цвѣтокъ воскресалъ отъ мертваго сна; тонкій стебель и листочки позеленѣли; и вотъ роза, распутившаяся полвѣка назадъ, явилась такою же свѣжею, какъ въ ту минуту, когда Сильвія Вардъ подарила ее своему жениху.

— Правда, прекрасный оптическій обманъ! сказали друзья доктора; но слова эти были произнесены небрежно, потому что имъ случалось видѣть у фокусниковъ и не такія чудеса.— Скажите, пожалуйста, какъ это вы сдѣлали?

— Слыхали ли вы когда нибудь объ Источникъ Юности? спросилъ докторъ:— котораго отыскивалъ по всему свѣту одинъ испанскій авантюристъ, Понсъ де-Леонъ, два или три столѣтія назадъ?

— Но нашелъ ли его Понсъ де-Леонъ? спросила вдовушка Вичерли.

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ:— потому что онъ искалъ его не тамъ, гдѣ слѣдовало. Знаменитый Источникъ Юности, если я не ошибаюсь, находится въ южной части полуострова Флориды, не подалеку отъ озера Макако; источникъ его осыненъ гигантскими магноліями, которыя, существуя несчетные вѣка, сохранились свѣжими и бодрыми какъ фіалки, благодаря свойствамъ этой чудотворной воды. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, которому извѣстна моя любознательность въ подобныхъ вещахъ, прислалъ мнѣ, что вы видите въ вазѣ.

— Вотъ что! сказалъ полковникъ Килигру, не ввѣрившій ни одному слову въ рассказъ доктора:— а какое бы дѣйствіе произвела эта жидкость на человѣческое тѣло?

— Сами можете убѣдиться, любезнѣйшій полковникъ, отвѣчалъ докторъ:— и возьмъ васъ, мои достопочтенные друзья, прошу иснить этой жидкости сколько потребуется, чтобъ возвратить вамъ цвѣтъ молодости. Что до меня, то я столько перетерпѣлъ горя до своей старости, что мнѣ ужъ нѣтъ охоты помолодѣть. И такъ, съ вашего позволенія, я ограничусь наблюдениемъ за успѣхомъ опыта.

Говоря это, докторъ Гейдэггеръ наливалъ четыре бокала во-

дой изъ Источника Юности. Должно полагать, что вода была насыщена шишучимъ газомъ, потому что со дна бокаловъ безпрерывно поднимались мелкіе пузырьки и разсыпались на поверхности серебристыми брызгами. Какъ напитокъ распространялъ пріятный запахъ, то старики не сомнѣвались, что онъ имѣеть свойство укрѣплять и развеселять, и при всемъ скептицизмѣ на счетъ омолаживающей его силы, готовы были проглотить его съ разу. Но докторъ попросилъ ихъ обождать минутку.

— Прежде чѣмъ станете пить, мои почтеннѣйшіе, старые друзья, сказалъ онъ:—не лишнее было бѣ, еслибъ вы, по указаніямъ опыта пережитыхъ лѣтъ, предназначтали себѣ немногія общія правила, которыми вы могли бы руководствоваться проходя во второй разъ среди опасностей молодости; подумайте: какой бы былъ и грѣхъ и срамъ, если бы вы, при вашихъ особенныхъ преимуществахъ, не явились образцами добродѣтели и мудрости для молодыхъ людей вашего вѣка.

Четверо друзей почтеннаго доктора отвѣчали на это вступленіе одною только слабою улыбкой; такую смѣшную представлялась имъ мысль, чтобъ они, зная, какъ близко раскаяніе идетъ по слѣдамъ заблужденія, могли заблуждаться снова.

— Послѣ этого, пейте, если угодно, сказалъ докторъ кланяясь:—я восхищаюсь, что такъ удачно выбралъ сюжетовъ для моего опыта.

Немощными руками подняли они бокалы къ губамъ. Напитокъ, если только онъ дѣйствительно обладалъ такими свойствами, какія ему приписывалъ докторъ Гейдэггеръ, не могъ быть предложенъ человѣческимъ существамъ, болѣе нуждавшимся въ немъ. Казалось, они никогда не знавали, что такое юность или удовольствіе, и, какъ порожденіе природы въ припадкѣ безумія, вѣчно были тѣми свѣдыми, немощными, сухими, черствыми, жалкими созданіями, какими сидѣли они теперь, сгорбясь, вокругъ стола доктора, до того лишеныя жизни и въ душѣ и въ тѣлѣ, что даже надежда помолодѣть снова не животворила ихъ. Они выпили воду, и поставили бокалы на столъ.

Правда, въ наружности гостей произошла почти внезапная перемѣна, но совсѣмъ не похожая на ту, какую производитъ стаканъ благороднаго вина, и лица всѣхъ засіяли какимъ-то веселымъ свѣтомъ. По щекамъ разлился здоровый румянецъ, вмѣсто того непельнаго цвѣту, отъ котораго они имѣли прежде видъ трупа. Гости взглянули другъ на друга, и вообразили, что ка-

какая-то волшебная сила начала сглаживать глубокія и горестныя надписи, которыя дѣдушка время такъ долго начертывало на ихъ чель. Вдовушка Вичерли поправила на себѣ чепчикъ: она почувствовала себя снова женщиной.

— Дайте намъ еще этой дивной воды! вскричали гости, съ истерпнѣемъ: Мы стали моложе; но вы еще стары! Скорѣе! давайте еще!

— Терпѣнія, терпѣнія! сказалъ докторъ, который сидѣлъ, наблюдая за опытомъ, съ философскимъ хладнокровіемъ:—Вы долго старѣлись, навѣрно можете быть довольны, если помолодѣете въ полчаса. Но вода къ вашимъ услугамъ.

Снова наполнилъ онъ бокалы водою юности, которой оставалось въ вазѣ столько, что можно бы было половину стариковъ и старухъ со всего города омолодить до лѣтъ ихъ внуковъ. Пока пузырьки еще сверкали въ бокалахъ, четверо гостей схватили ихъ со стола, и проглотили напитокъ однимъ глоткомъ. Было ли это обманомъ чувствъ? Напитокъ еще не успѣлъ пройти чрезъ глотку, а во всей системѣ счастливецевъ произошла великая перемѣна. Глаза ихъ стали яснѣе и ярче; черная тѣнь подернула ихъ серебристыя кудри, и вотъ вокругъ стола очутилось трое джентельменовъ среднихъ лѣтъ, и женщина чуть не въ лучшей порѣ жизни.

— Милая вдовушка, вы прелестны! вскричалъ полковникъ Киллигру, который не сводилъ глазъ съ ея лица, наблюдая, какъ тѣни старости исчезали съ него словно ночь съ румянаго разсвѣта.

Прекрасная вдовушка, изстари, знала, что комплименты полковника не всегда умѣрялись строгою истиной; поэтому, она вскочила и побѣжала къ зеркалу, все еще опасаясь встрѣтить въ немъ безобразное лице старухи. Между тѣмъ и трое джентельменовъ поведеніемъ своимъ доказывали, что вода Источника Юности имѣетъ какія-то охмѣляющія свойства, если только это охмѣленіе не было просто веселостью и бодростью въ-слѣдствіе внезапнаго облегченія бремени лѣтъ. Умъ мистера Гаскойна перебѣгалъ отъ одного вопроса политики къ другому, хотя не легко было опредѣлять, имѣлъ ли онъ въ виду прошедшее, или настоящее, или будущее, такъ-какъ въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ были въ ходу одиѣ и тѣ же мысли и фразы. То онъ разсыпался трескучими сентенціями о патріотизмѣ, о національной чести; то невнятно и сомнительно бормоталъ какія-то

завирательныя идеи, и притомъ съ такою осторожностью, что, кажется, для собственнаго его сознанія онъ оставались тайною; то начиналъ говорить умеренно и самымъ почтительнымъ тономъ, какъ будто королевскія уши слушали его цicerоновскіе періоды. Полковникъ Киллигру, во все это время, напѣвалъ веселую застольную пѣсню, аккомпанируя свое пѣніе постукиваніемъ бокала, и поминутно поглядывая на милую вдовушку Вичерли. По другую сторону стола, мистеръ Медборнъ погруженъ былъ въ исчисленіе долларовъ и центовъ, съ чѣмъ какими-то судьбами мѣшался проектъ снабженія Восточной Индіи льдомъ, посредствомъ китовъ, приращенныхъ къ полярнымъ ледянымъ горамъ.

Что касается до вдовушки Вичерли, то она стояла у зеркала, самодовольно улыбаясь собственной своей особѣ и дѣлая ей ручки какъ другу, котораго она любила больше всего на свѣтѣ. Она приблизила лицо къ самому зеркалу, чтобъ рассмотреть, дѣйствительно ли исчезли давнишнія морщины на лбу и вокругъ глазъ, и до такой ли степени снѣгъ растаялъ у ней на головѣ, что можно безъ опасенія сбросить долой почтенный чепецъ. Наконецъ, быстро отворотясь отъ зеркала, она, чуть не танцуя, подошла къ столу.

— Любезный, старый докторъ! вскричала она: будьте такъ добры, дайте мнѣ еще стаканъ!

— Извольте, милая madame, извольте! отвѣчалъ угодливый докторъ: смотрите! бокалы уже полны.

Дѣйствительно, четыре бокала уже искрились чудотворной водой, и брызги на поверхности шипучей влаги трепетно сверкали будто брильянты. Солнце уже совсѣмъ съло, такъ-что въ комнатѣ стало совершенно темно; но кроткое, подобное лунному, мерцанье разливалось отъ вазы и играло на лицѣ четверыхъ гостей и самого доктора. Онъ сидѣлъ въ дубовыхъ креслахъ, искусной рѣзбы, съ высокой спинкой, и въ лицѣ его замѣтна была старческакая важность, которая какъ нельзя лучше пристала бы къ дѣдушкѣ Времени, чьей силы никто еще не оспаривалъ, кромѣ этой счастливой компаніи. Гости, испивая третій бокалъ изъ Источника Юности, чувствовали какой-то благоговѣйный ужасъ, при видѣ этого таинственнаго лица: такъ поразительно было его выраженіе.

Но, не больше, какъ чрезъ минуту, бодрость и веселье юной жизни пробѣжали по жиламъ гостей. Они были теперь въ первой порѣ молодости. Старость, со всѣмъ своимъ кортежемъ за-

боть, скорбей и недуговъ, припоминалась только, какъ тяжелый сонъ, отъ котораго они радостно пробудились. Свежий лоскъ души, такъ давно утраченный, безъ котораго послѣдующія сцены земнаго бытія проходили предъ глазами не больше, какъ галерея блѣдныхъ картинъ, снова набросилъ волшебную дымку на весь ихъ виды въ будущемъ. Они почувствовали себя какъ бы вновь созданными существами въ ново-созданной вселенной.

— Мы молоды! мы молоды! кричали они восторженно.

Юность, подобно глубокой старости, сгладила рѣзкія характеристическія черты среднихъ лѣтъ, и сравняла всѣхъ, уподобивъ одного другому. Они составляли группу веселой молодёжи, чуть не безумствующей отъ избытка безопасности, свойственной ихъ лѣтамъ. Самымъ страннымъ слѣдствіемъ ихъ веселости было желаніе издѣваться надъ слабостью и дряхлостью, которыхъ они были недавно жертвами. Они громко смѣялись надъ старомодностью своего костюма, надъ длиннополыми сюртуками и мѣшковатыми жилетами молодыхъ людей, и старушечьимъ цепцомъ и канотомъ цвѣтущей дѣвушки. Одинъ брель по комнатъ, прихрамывая, словно дѣдушка-подагрикъ; другой надѣлъ на носъ очки, и представлялъ будто разбираетъ сторо-печатныя страницы книги магіи; третій усялся въ кресла, и старался передразнивать почтенную важность доктора Гейдэггера. Потомъ, все они весело вскрикнули и запрыгали по комнатъ. Вдовушка Вичерли — если только можно было назвать вдовушкой такую свѣженькую барышню — подбѣжала къ кресламъ доктора, съ злою улыбкою на розовомъ личикѣ.

— Докторъ, душечка-старичокъ, вскричала она: вставайте и танцуйте со мной! Тутъ молодые люди расхохотались пуще прешняго, воображая, какую странную фигуру скорчилъ бы старикъ-докторъ, если бы рѣшился танцовать.

— Пожалуйста, извините меня, хладнокровно отвѣчалъ докторъ: я старъ и дряхль; моя танцевальная пора прошла давнымъ давно. Но вы не въ потерь: любой изъ этихъ ловкихъ и веселыхъ джентельменовъ готовъ быть кавалеромъ такой прелестной особы.

— Танцуйте со мной, Клара! вскричалъ полковникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я буду ея кавалеромъ! заревѣлъ Гаскойнь.

— Она обѣщала мнѣ свою руку пятьдесятъ лѣтъ назадъ! воскликнулъ Медборнъ.

Все трое обступили ее. Одинъ страстно сжалъ ея руки; другой обхватилъ ея талию; третій потопилъ свою руку въ лосни-

стыхъ локонахъ, чернѣвшихъ изъ-подъ чепчика вдовушки; краснѣя, блѣднѣя, сопротивляясь, порицая, улыбаясь, обдавая поочередно лицо каждаго своимъ горячимъ дыханіемъ, она старалась высвободиться, и, не смотря на усилія, оставалась въ трюмъ въ трюмъ въ трюмъ. Нѣтъ картины, которая бы такъ живо изображала состязаніе юношей изъ-за подобной очаровательной красавицы. Между тѣмъ, по какому-то странному оптическому обману, вѣроятно въ слѣдствіе темноты въ комнатахъ и старомодности костюмовъ на гостяхъ, высокое зеркало, говорятъ, отражало фигуры трехъ старыхъ, свѣдѣхъ, дряхлыхъ дѣдушекъ, забавно спорившихъ изъ-за безобразной, костлявой, дряхлой бабушки.

Но они были молоды: это доказывали кипучія ихъ страсти, воспламененныя до безумія кокетствомъ дѣвушки-вдовы, которая ни принимала, ни отвергала ихъ искательства; трое соперниковъ начали обмѣниваться грозными взглядами. Не выпуская изъ рукъ своей прекрасной добычи, они съ бѣшенствомъ ухватили другъ друга за глотку. Во время этой схватки, столъ опрокинулся, ваза полетѣла на полъ и разбилась на тысячу черепковъ. Драгоценная вода Юности разлилась свѣтлымъ потокомъ, омочивъ крылья мотылка, который, устарѣвъ подъ конецъ лѣта, спустился на полъ, чтобъ умереть. Насѣкомое ободрилось, легко полетѣло по комнатамъ, и съло на съдую голову доктора Гейдэггера.

— Полноте, полноте, господа! полноте мадамъ Вичерли, воскликнулъ докторъ: я рѣшительно протестую противъ этого безчинства.

Они остановились; дрожь пробѣжала у нихъ по тѣлу; казалось, будто съдое время отзывало ихъ отъ свѣтозарной юности въ холодную, темную юдоль старости. Они взглянули на старика доктора, который сидѣлъ въ своихъ рѣзныхъ креслахъ, держа полувѣковую розу, спасенную изъ-подъ развалинъ вазы. По мановенію его руки, всѣ четверо мятежниковъ ушли на свои мѣста, и тѣмъ съ бѣльшею готовностью, что напряженныя усилія утомили ихъ, не смотря на всю ихъ молодость.

— Бѣдная роза моей Сильвіи! вскричалъ докторъ Гейдэггеръ, рассматривая ее при мерцаніи алаго заката: она, кажется, вянетъ опять.

Такъ и было. Роза, въ глазахъ всей компаніи, продолжала вянуть, сохнуть, и наконецъ стала такою сухою и ломкою, какъ въ ту минуту, когда докторъ опустилъ ее въ вазу. Онъ страх-

пулъ послѣднія немногія капли влаги, державшіяся на ея лепесткахъ.

— Я и въ этомъ видѣ люблю ее также, какъ въ блесткахъ свѣжей росы, замѣтилъ докторъ, прижавъ изсохшую розу къ своимъ изсохшимъ устамъ. При этихъ словахъ, мотылекъ слетѣлъ съ съдой головы доктора, и упалъ на полъ.

Гости снова почувствовали дрожь. Какой-то холодъ, душевный или тѣлесный, они не могли дать себѣ отчета, постепенно охватывалъ ихъ. Они посмотрѣли другъ на друга, и имъ показалось, что каждая минута, улетаая, уносила съ собой часть ихъ прелестей, и оставляла глубокую борозду тамъ, гдѣ ее прежде не было. Былъ ли это простой обманъ чувствъ? Уже ли событія и перемены цѣлой жизни стѣснились въ такой короткій періодъ, и всѣ четверо очутились, по прежнему, стариками, у своего стариннаго друга, доктора Гейдэггера?

— Уже ли мы постарѣли снова, и такъ скоро? вскричали они съ уныніемъ.

Дѣйствительно, постарѣли: вода Юности имѣла силу, проходящую скорѣй, чѣмъ дѣйствіе вина. Охмѣльніе, произведенное ею, испарилось. Да! они постарѣли снова! Съ содроганіемъ, доказывавшимъ, что она все еще женщина, вдовушка закрыла лицо своими костлявыми руками, и пожалѣла, зачѣмъ гробовая крышка не затворилась надъ нимъ, когда оно не могло долже оставаться прекраснымъ.

— Да, друзья, вы снова стали стариками, сказалъ докторъ Гейдэггеръ: и смотрите! вода Юности разлита по полу. Но я не жалю объ ней: еслибъ источникъ ея бѣжалъ у моего порога, я и тогда не сдѣлалъ бы шагу, чтобъ омочить ею губы; да, не сдѣлалъ бы, хоть бы охмѣльніе отъ нея продолжалось не минуту, а цѣлые годы. Вотъ урокъ, которымъ я вамъ обязанъ.

Но друзья доктора не почерпнули для себя урока въ его опытѣ. Они рѣшились предпринять странствіе во Флориду, и упиваться изъ Источника Юности днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ТОРГОВАИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОБЩЕЖИТІЯ.

Горный промыселъ въ Пруссіи. — Индѣйскія дѣла. — Китайская эмиграція. — Вѣшняя торговля Франціи.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, Пруссія, въ минералогическомъ отношеніи, занимала самое второстепенное мѣсто между государствами. Въ 1824 году, цѣнность добытыхъ металловъ на прусскихъ горныхъ заводахъ простиралась едва до 11 милліоновъ франковъ; въ 1834, она не превосходила 15 милліоновъ; но начиная съ этого времени, промыселъ горный въ Пруссіи быстро развивается. Въ 1844, Пруссія добываетъ изъ своихъ рудниковъ на 32 милліона франковъ, а въ 1854 году, производство горное до того совершенствуется, что цѣнность ежегоднаго добыванія становится въ 80 милліоновъ франковъ. Такое быстрое развитіе и успѣхъ горнаго промысла въ Пруссіи составляетъ экономическое явленіе, въ высшей степени замѣчательное и важное, которое заставляетъ ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ горнаго промысла въ этомъ государствѣ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ объ административномъ раздѣленіи Пруссіи въ минералогическомъ отношеніи. Пруссія раздѣляется на пять округовъ минералогическихъ: 1) округъ прусско-бранденбургскій (центръ—Берлинъ), заключающій области Бранденбургъ, Померанію, Пруссію и часть Познани (Бромбергъ); 2) округъ силезскій (центръ—Бреславль), заключающій провинцію Силезію и Познань; 3) округъ саксо-тюрингенскій (центръ—Галь), заключающій саксонскую провинцію; 4) округъ вестфальскій (центръ—Дортмундъ), заключающій владѣнія Миנדенъ, Мюнстеръ и нѣкоторыя части округовъ арнсбергскаго и дюссельдорфскаго; 5) округъ рейнскій, заключающій рейнскую провинцію и часть владѣнія арнсбергскаго. Каждый изъ пяти округовъ подраздѣляется на многія отдѣленія или инспекціи горнаго вѣдомства: бранденбургское и ридерсдорфское въ первомъ округѣ, вальденбургское и тарновпцкое въ Силезіи, Эйзелебенъ и Гальберштадтъ въ

Саксоніи, Бохумъ, Эссенъ и Иббенгорнъ въ Вестфаліи, и Зигенъ Дюрешъ и Сарребрюкъ—въ рейнской Пруссіи.

Теперь разсмотримъ въ частности горное производство въ различныхъ его видахъ:

І. Каменный уголь.

Мы начнемъ съ угля, добываніе котораго въ цѣлой массѣ производства горнаго составляетъ почти двѣ трети. Каменно-угольные ломки находятся главнымъ образомъ въ Силезіи, Вестфаліи, рейнской провинціи и частью въ саксонской. Изслѣдуемъ теперь каждую изъ этихъ мѣстностей.

Верхняя Силезія (тарновицкій округъ). Уголь находится въ этой области во многихъ слояхъ, заключенныхъ во второй формации. Самое главное вмѣстилище его и богатое углемъ, простирается отъ Глейвица до границъ Царства Польскаго и Кракова, въ длину отъ 30 до 34 килограммовъ (около 31 версты) и занимаетъ поверхность отъ 430 до 500 квадратныхъ килограммовъ. Здѣсь находятъ ряды отъ 7 до 8,33 густоты и, по всей вѣроятности, существуютъ другіе ряды ниже тѣхъ, которые въ настоящее время разрабатываются. Большая часть этихъ слоевъ совершенно горизонтальны. Въ этомъ бассейнѣ расположены всѣ заводы цинка въ Верхней Силезіи и большая часть заводовъ желѣзныхъ, которые употребляютъ каменный уголь при своемъ производствѣ; онъ пересѣкается во всю его длину желѣзною дорогою Верхней Силезіи (отъ Бреслау до Вьны) и вѣтвями ея, соединяющими дорогу съ желѣзными рудниками и рудниками галмея (*salamine*), расположенными въ этой же мѣстности. Другой бассейнъ, занимающій только нѣкоторые слои минерала въ незначительномъ числѣ, но весьма правильные, распространяются къ югу отъ Глейвица на поверхности 112 квадратныхъ килограммовъ и сообщается чрезъ отдѣленіе желѣзной дороги съ Ратиборомъ. Третій бассейнъ, расположенный также вѣль желѣзной дороги и вмѣщающій поверхность около 50 квадратныхъ килограммовъ, идетъ между Рибникомъ и Лозлау. Эти три вмѣстилища и три другихъ, менѣе значительныхъ, находятся въ настоящее время въ разработкѣ и составляютъ вмѣстѣ пространство около 675 квадратныхъ килограммовъ. Кажется, приблизительно можно заключить, что земля и между этими тремя бассейнами, въ пространствѣ около 4,000 квадратныхъ килограммовъ, заключаетъ каменный уголь въ нѣдрахъ, которыя могутъ быть разрабатываемы. Каменный уголь Верхней Силезіи

лезія вообще довольно твердъ, но рѣдко попадаетъ жирный, вотъ почему онъ считается низкаго качества. Въ началѣ этого столѣтія, добываніе угольное въ Верхней Силезіи не превосходило 100,000 тоннъ, въ 1822 г. оно достигло милліона тоннъ, въ 1824 и 1825 — двухъ милліоновъ; уменьшилось въ 1831 въ слѣдствіе пониженія добыванія цинка, и въ 1854 г. дошло до 8,650,273 тоннъ. Треть этого количества была поглощена на выдѣлку цинка, пятая часть ушла въ кузницы и горны и употреблена желѣзными дорогами; остатокъ былъ вывезенъ за границу.

Нижняя Силезія (округъ вальденбургскій). Въмѣстѣ каменугольное этой мѣстности распространяется отъ Либбау, на границѣ Богеміи, до Экерсдорфа, въ округъ Глаца. Оно начинается сначала слоями и рядами довольно мягкими, становятся болѣе богатымъ у Шварцвальда и Готтесберга и достигаетъ самой сильной густоты у Вальденбурга, гдѣ считаютъ до шестидесяти слоевъ, другъ надъ другомъ лежащихъ. За Вальденбургомъ слои становятся рѣже и мягче; дѣлаясь снова гуще въ округъ Глаца, гдѣ каменноугольная земля исчезаетъ подъ вторичною-формаціею. Поверхность этого бассейна на столько, сколько это дознано въ настоящее время, можетъ быть вычислена до 280 квад. килогр. Добываніе каменнаго угля въ Вальденбургъ начато весьма давно. Производство его въ 1785 г. уже доходило до 200,000 тоннъ, возвысилось къ концу XVIII столѣтія на 800,000 тоннъ, а въ 1802 г. на 802,000 тоннъ; нѣсколько замедленное войнами 1806 и 1807 г. оно воспріяло свой прогрессивный ходъ лишь въ 1814 г. и въ продолженіе отъ 1817 до 1838 г. ежегодно доходило до 1 милліона тоннъ, а въ 1838 г. стало въ 2 милліона и достигло, въ 1854 г., считая въ томъ числѣ и руды Левенберга, цифры 2,484,842 тоннъ. Въ числѣ причинъ столь скорого увеличенія производства, нужно въ особенности замѣтить учрежденіе желѣзной дороги отъ Бреслау къ Фрибургу и отъ Вальденбурга, съ которыми теперь соединяются линіи отъ Фрибурга до Лигница и Гиршберга. Каменный уголь Нижней Силезіи вообще жиренъ, и по этому свойству составляетъ превосходный продуктъ для горныхъ печей.

Саксонская провинція (округъ эйзлебенскій). Въ этой части округа, каменный уголь добывается въ Лобеюнь и Веттинъ, къ рудникамъ которыхъ присоединенъ еще въ 1853 году рудникъ въ Плѣцъ и нѣкоторыя пробныя мины въ владѣніяхъ шлезинген-

скомъ и экертсбергскомъ. Общая сложность производства была въ 1854 г. 196,919 тоннъ. Если мины Лобеюна и Веттгна, открытыя уже нѣсколько вѣковъ, не произвели лучшихъ результатовъ, то главную причину тому нужно искать въ образованіи слоевъ, которые не имѣютъ достаточной продолжительности. Однако, сверленія послѣдняго времени не даютъ сомнѣнія въ томъ, что въ глубинѣ, довольно значительной правда, слои имѣютъ характеръ болѣе правильный.

Вестфалія (округъ иббенбюренскій). Возлѣ Миндена добываютъ пласты каменнаго угля довольно слабые, которые дали въ 1854 году 65,504 тонны. Возлѣ Иббенбюрена есть одинъ пластъ около 15 килограммовъ пространства съ слоями каменнаго угля на метръ густоты.

Производство этихъ минъ измѣняется: отъ 1838 года между 50,000 и 100,000 тоннъ, возвысилось въ 1854 до 177,372 тоннъ. Можно предвидѣть еще большой успѣхъ для этой разработки, въ слѣдствіе учрежденія желѣзной дороги изъ Оснабрюка къ Рейну, которая далѣе соединится съ голландскими линіями желѣзныхъ дорогъ.

Округи Бохумъ и Эссенъ. Въмѣстипеще каменноугольное этихъ округовъ распространяется отъ Дунсбурга и Рурорта до Ушны, на пространство 75 килограммовъ. Оно заключаетъ пласты угля въ формѣ круглыхъ чашъ и уступовъ, въ превосходной степени удобныя для добыванія, потому что они занимаютъ болѣе частыя возвышенія слоевъ.

Уголь этихъ мѣстъ жиренъ по краямъ слоевъ, сухъ въ глубинѣ пластовъ, и полу-жиренъ въ срединѣ. Добываніе изъ Бохума возвышается съ конца прошедшаго столѣтія до 1 милліона тоннъ, достигло въ 1830 до 1,500,000 тоннъ, и съ этой эпохи, все возрастаетъ въ слѣдствіе отдѣленія Голландіи отъ Бельгіи, обстоятельство, которое открыло рудникамъ Вестфальскимъ голландскіе рынки. Въ 1835 и 1836, производство возвысилось уже до 2 милліоновъ тоннъ, оно возвысилось еще болѣе въ слѣдствіи развитія пароходства по Рейну и учрежденія желѣзныхъ дорогъ отъ Кельна до Миндена, отъ Дортмунда до Эльберфельда, отъ Дортмунда до Созста и отъ Гамло до Мюнстера. Всѣ эти дороги пересѣкаютъ эти округи. Надо сюда прибавить многочисленныя заводы, горныя плавильни, кузницы и тысячу другихъ промышленныхъ заведеній, которые устроены въ этихъ мѣстахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ломки Бохума доставили въ 1854 году

6,312,592 тоннъ. Что касается до округа Эссенскаго, котораго продукты суть тѣ же, какъ и Бохума, производство, бывшее до 1827 г. отъ 700,000 до 1 милліона тоннъ, въ 1830 г. 1 милліона, въ 1838 г. 2 милліона, а въ 1854 году достигло 7,037,904 тоннъ. Изъ числа всего добытаго въ этихъ двухъ округахъ—27 на 100 продано на суда Рера, 33 на 100—на желѣзныя дороги, 33,5 на 100 пошли на разныя заведенія, а 6,5 на 100 употреблено въ самыхъ минахъ.

Округъ Дюрескій. Мины, обрабатываемыя въ этомъ округѣ, расположены въ Эшвейлеръ, Стольбергъ и возлѣ Ахена. Слои многочисленны, но малой густоты, они добываются на 366 метровъ глубины. Все вмѣстѣ занимаетъ пространство около 170 квадратныхъ килограммовъ. Здѣшній уголь вообще сухъ, исключая того, который добывается на минахъ въ Центрумъ, возлѣ Эшвейлера и Анна, близъ Ахена. Производство этихъ минъ, измѣнявшееся до 1828 года между 600,000 и 800,000 также было въ 1854 г. 2,767,405 тоннъ. Наибольшая часть изъ этого числа была поглощена заводами и фабриками окружающей мѣстности. Употребленіе на желѣзной дорогѣ отъ Ахена до Дюссельдорфа и Кельна оставалось постояннымъ, по причинѣ соперничества, которое встрѣчено со стороны минъ Рера; вывозъ въ Голландію даже уменьшился, потому что Маастритъ можетъ получать бельгійскій уголь по сходящей цѣлѣ.

Округъ Саррбрукскій. Бассейнъ угольный этого округа расположенъ между Баварскимъ Палатинатомъ и Франціею, не включаетъ менѣе 77 слоевъ въ ширину всего 80 метровъ. Онъ включаетъ, въ слояхъ горизонтальныхъ—жирный, а въ слояхъ висячихъ—сухой каменный уголь. Наибольше значительные изъ этихъ минъ, которыя почти все принадлежатъ государству, суть слѣдующія: Дуттвейлеръ, Зульцбахъ, Гейницъ, Реденъ, фонъ-деръ-Гейдтъ, Гергардъ. Вся сумма производствъ, бывшая послѣ 1815 г. отъ 500,000 до 600,000 тоннъ въ годъ, возвысилась отъ 1825 до 1830 на 1 милліонъ, отъ 1837 до 1839 на 2 милліона, въ 1847 до 3 милліоновъ, въ 1854 до 6,071,400 тоннъ. Изъ этого количества 35,68 на 100 отдано желѣзнымъ дорогамъ изъ Саррбрука и Бексбаха, 22,65 на 100 на различныя фабрики и заводы, 18,64 на 100 на общее употребленіе 12,75 на 100 частными заводами, при самыхъ горнахъ 10,23 на 100 продано еготеціантамъ Саррскимъ, а остатокъ поглощенъ самими минами.

Вывезено за границу, во Францію и Баварію, 59,5 на 100 всего производства угля—и 65,9 на 100 кокса.

Приводя въ общую сложность результаты добыванія въ 1854 г. каменноугольнаго производства въ Пруссіи, мы получимъ слѣдующія данныя:

Округи.	Число минь.	Число рабочихъ.	Добытый уголь.	Цѣнность.
Тарновицъ	90	9,873	8,650,273 тоннъ.	7,592,276 фран.
Вальденбургъ	41	3,417	2,484,842 —	3,381,652 —
Эйзелебенъ	6	556	196,919 —	582,431 —
Иббенбюренъ	6	650	242,876 —	499,556 —
Бохумъ	133	10,302	6,312,592 —	10,835,846 —
Эссенъ	66	9,025	7,037,904 —	11,741,493 —
Дюренъ	20	4,963	2,767,405 —	6,017,467 —
Саррбрюкъ	30	9,787	6,363,463 —	11,511,750 —
Всего:	392	48,573	34,056,274 —	52,162,171 —
Въ 1851 году	358	33,442	22,672,566 —	31,225,582 —
Въ 1854 болѣе	34	15,131	11,383,708 —	20,936,589 —

Нижеслѣдующія данныя показываютъ увеличеніе угольнаго производства въ теченіе тридцати лѣтъ. Все производство было въ 1824—6,089,283 тонны, въ 1834—7,937,504 тонны, въ 1844—15,543,687 тоннъ, въ 1854—34,056,274 тонны. Поверхность каменноугольныхъ ломокъ въ 1854 занимала 2,870 квадратныхъ килограммовъ. Единственное обстоятельство, о которомъ Пруссія въ этомъ отношеніи можетъ сожалѣть, это то, что большая часть ея каменноугольныхъ бассейновъ находятся на оконечностяхъ королевства, а провинціи: Брандбургъ, Померанія, Пруссія и Позенъ совсѣмъ почти не имѣютъ этого богатства, которое въ особенности для Балтійскихъ областей имѣетъ неоцѣненную цѣну.

II. Лигнитъ.

Разработка лигнита занимаетъ также важное мѣсто въ горномъ промыслѣ Пруссіи. По самому свойству этого продукта, его разработка не можетъ производиться съ выгодой, какъ только въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ нѣтъ каменнаго угля и которыя довольно отдѣлены отъ угольныхъ копей, и въ особенности въ сосѣдствѣ съ большими центрами населенія. Области Брандбургъ и Саксонія находятся въ особенности въ этихъ обстоятельствахъ, и здѣсь—то разработка лигнита достигла самой болѣе значительности; затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя части Рейнской про-

винціи и Силезіи. Вычислено, что земля, гдѣ лигнитъ быть въ настоящее время съ пользою въ Пруссіи разиваемъ, занимаетъ пространство 5,600 квадратныхъ килограммъ и что слои имѣютъ среднимъ числомъ 5 метровъ толщины, что эти богатства неистощимы. Въ 1824 году все водство лигнитное не возвышалось болѣе 1 милліона тоннъ, въ 1834 достигло 2 милліоновъ, въ 1844—4,750,000, въ 1854—12,500,000, тоннъ. Такое увеличеніе въ особенности относительнаго въ области Бранденбургъ, и вообще къ тѣмъ частямъ королевства, которыя лишены угля, какъ это мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго:

Округъ Рюдерадорфскій (Бранденбургъ). Лигнитъ, поимену, существуетъ во всемъ этомъ округѣ, хотя часто въ обстановкѣ, которая дѣлаетъ его добываніе невозможнымъ богатѣйшія бассейны существуютъ около Франкфурта и Фюрстенвальда, а также Висфельда, Букау, Френенвальда, Цюллихау, Губена и близъ Перлеберга, и съ невременіи въ Бромбергъ. Потребленіе лигнита увеличилось тельно въ послѣдніе годы, и добываніе его было бы ещешимъ, если бы не чувствовался недостатокъ иногда въ ра Большая часть добытаго лигнита употреблена земледѣльбриками и заводами. Одинъ Берлинъ поглощаетъ его знаное количество.

Округъ Тарновицкій, въ 1854 году, имѣлъ только одлигнита. *Округъ Вальденбургскій* имѣетъ много значитрудъ въ Грюнбергъ, Стрслень, Фрейштадтъ и Мускау.

Округъ Гальберштадтъ. Этотъ округъ одинъ изъ назначительныхъ для разработки лигнита. Бассейнъ, заклего, распространяется отъ юга на сѣверо-востокъ, междуи герцогствомъ Брауншвейгскимъ.

Округъ Эйзелебена, наибогатѣйшій по добыванію лБассейнъ начинается отъ Галля и простирается дона пространство 60 килограммовъ. Нѣкоторыя изъ этихнаходятъ вѣрный сбытъ въ фабричныхъ и заводскихъ унїяхъ и въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ населенія; а часть малыхъ рудниковъ сбываютъ его на земледѣльчеситребности, на фермы и ближайшія деревни.

Въ *Вестфалии* мало лигнита, и здѣсь нѣтъ никакой еработки. Что касается до Рейнской провинціи, то зднаходится въ особенности на лѣвомъ берегу Рейна межд

номъ и Бонномъ, откуда идутъ двѣ вѣтви, одна на Цюлихъ и Дюрень, другая въ направленіи къ сѣверу до желѣзной дороги отъ Кельна въ Ахенъ. Большая часть рудъ сосредоточена въ окрестностяхъ Брюля. На правомъ берегу Рейна, лигнитъ находится у Гардта, противъ Бонна, и оттуда до Гладбаха. Въ этой послѣдней мѣстности слои имѣютъ толщину болѣе 33 метровъ, тогда какъ вообще они въ этой странѣ имѣютъ отъ 3 до 7 метровъ толщины.

Округъ Зигенъ. Большая часть рудниковъ расположена у Гардта и Гладбаха. Фабрики квасцовыя и печи известковыя употребляютъ его въ значительномъ количествѣ.

Округъ Дюренскій. Руды этого округа находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и Зигенскіе.

Вотъ выводы общей сложности добытаго лигнита въ 1854 году:

Округи.	Число рудъ.	Рабочіе.	Число тоннъ.	Цѣнность.
Рюдерсдорфъ . . .	71	1,018	1,544,157	704,160 франк.
Тарновитцъ . . .	1	33	735	456 —
Вальденбургъ . . .	23	533	486,757	204,601 —
Галберштадтъ . . .	44	1,806	3,376,425	2,369,340 —
Эйзлебенъ . . .	184	3,678	6,051,110	2,536,750 —
Зигенъ . . .	19	383	397,744	115,601 —
Дюрень . . .	42	763	709,924	315,161 —
Всего . . .	384	8,181	12,566,852	6,046,078 —
Въ 1851 . . .	423	6,645	10,043,190	4,606,515 —
Въ 1854 болѣе . . .	»	1,536	2,523,652	1,639,563 —
Менѣе . . .	39			

Цѣнность добытаго чистаго дохода въ 1854 г. за лигнитъ составляетъ 750,000 франковъ.

По послѣднимъ вычисленіямъ г. Whitney, въ сочиненіи его: *The metallic wealth the United-States*, и проч., 1854 г. угольное добываніе разнаго рода, въ различныхъ частяхъ свѣта было приблизительно въ 1854 году слѣдующее:

Великобританія	1,000,000,000
Сѣверная Америка съ англійскими владѣніями	250,000,000
Пруссія	168,000,000
Бельгія	150,000,000
Франція	140,000,000
Австрія	50,000,000
Германскія владѣнія	30,000,000
Испанія, Португалія и Италия	20,000,000
Прочія части свѣта	192,000,000

Всего 2,000,000,000 *en quintaux*.

Изъ этого вычисленія слѣдуетъ, что въ Европѣ Пруссія въ производствѣ этого рода занимаетъ первое мѣсто послѣ Англій.

III. ЖЕЛѢЗО.

Добываніе желѣза въ Пруссіи, не смотря на то, что оно сдѣлало съ 1840 г. быстрые успѣхи, не достигло однако до той степени, чтобъ удовлетворять вполне потребностямъ народной промышленности. Запрещеніе тарифа къ привозу иностраннаго желѣза въ Пруссію, на определенной срокъ времени, ослабило многія предпріятія. Въ настоящее время, Рейнская провинція, Силезія и Вестфалія суть центры желѣзнаго производства; другія области въ малой мѣрѣ содѣйствуютъ общему его добыванію.

Округъ бранденбургско-прусскій имѣетъ нѣсколько желѣза въ наносной отъ рѣкъ землѣ и въ 1854 г. на 18 рудникахъ добыто 12,731 тоннъ минерала.

Округъ силезскій. Во владѣніяхъ Лигница добыто въ 1854 г. 4,260 тоннъ наноснаго желѣза, а во владѣніяхъ Бреслау 976 тоннъ магнитнаго желѣза, равно какъ и малое количество красной окиси желѣза. Въ особенности въ Верхней Силезіи изобильно желѣзо. Въ владѣніяхъ Ошельне, въ окрестностяхъ Тарновица и Батена, добываютъ желѣзо и углекислую соль, заключающіяся въ каменноугольной землѣ. Его находятъ на незначительной глубинѣ, что весьма благопріяетствуетъ извлеченію его. Число рудъ было въ 1854 г. 27, а добытаго на нихъ желѣза 475,062 тоннъ. Къ сѣверу, въ долину Малапанской, существуетъ этотъ минералъ въ кускахъ, заключающихся въ слояхъ сланцевыхъ; ихъ добываютъ въ 39 рудникахъ и добываніе возвышалось въ 1851 году до 151,344 тоннъ. Тотъ же видъ желѣза находятъ также въ земляхъ каменноугольных; въ 1854 году было 9 рудниковъ этой категоріи, которыя произвели 18,727 тоннъ минерала. Всѣ эти минералы содержатъ среднимъ числомъ 30—32 на 100 металла. Горны и плавильни Верхней Силезіи встрѣчаютъ серьезныя затрудненія въ бѣдности минераловъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ также въ низкомъ качествѣ угля, который не даетъ довольно твердаго кокса. Вотъ почему до-сихъ-поръ не могутъ дойти до того, чтобъ производить болѣе 1,000 или 1,100 центнеровъ въ недѣлю. Издержки перевозки минераловъ уменьшились съ нѣкотораго времени, въ слѣдствіе учрежденія желѣзныхъ дорогъ; однако, издержки эти все-таки еще значительны, ибо вѣтви дорогъ, проведенныя къ рудникамъ, болѣею частью желѣзнодорожныя дороги. Такимъ образомъ, еще кое-что нужно сдѣ-

лать для большаго развитія этой важной отрасли горнаго промысла.

Округъ саксоно-тюрингенскій. Въ этомъ округѣ добываютъ минеральное желѣзо въ наносахъ, также, какъ горные минералы, находимые въ рудныхъ жилахъ и пластахъ въ Нижнемъ Гарцѣ. Все производство было въ 1854 г. до 70,676 тоннъ.

Округъ вестфальскій. Въ нижнихъ частяхъ этого округа есть слои наноснаго желѣза. Близъ желѣзной дороги отъ Мюнстера въ Гаммъ находятся руды желѣза въ окаменѣlostяхъ, а въ горахъ между Гагеномъ и Элберфельдомъ существуютъ значительные пласты и слои темной и красной окисей и шпата. Но на первомъ планѣ стоитъ желѣзо и углекислыя соли, заключающіяся въ каменноугольныхъ слояхъ Вестфалии. Значительное число плавильнь устроено для минераловъ въ рудахъ Рейнскихъ и Нассаускихъ. Производство вестфальскихъ рудниковъ возвышалось въ 1854 г. на 330,015 тоннъ, изъ числа которыхъ 56,963 тоннъ наноснаго желѣза, 182,156 тоннъ углекислаго желѣза, 83,627 тоннъ темной окиси, 8,351 тоннъ сланца и наконецъ 1,915 тоннъ красной окиси желѣза. Всѣ руды вестфальскія находятся въ превосходномъ состоянн, въ особенности касательно углекислаго желѣза, выработка котораго почти вездѣ идетъ наравнѣ съ угольнымъ.

Округъ Рейнскій. Округъ этотъ владѣетъ почти всеми видами минераловъ во всѣхъ родахъ слоевъ и пластовъ, нѣтъ только наноснаго желѣза. Округъ Зигенскій заключаетъ, въ особенности въ горахъ своихъ, аспидъ, богатая нити желѣза сланцоваго, темнаго и краснаго нѣтъ. Въ 1854 г. считали въ округѣ Зигена 750 рудниковъ, которые давали 774,245 тоннъ минералу, въ округѣ Дюрена девяносто пять рудъ съ производствомъ въ 164,801 тоннъ, въ округѣ Сарребрукскомъ, семьдесятъ четыре руды, съ производствомъ 129,610 тоннъ. Вся сумма производствъ рейнскихъ рудниковъ возвысилась въ 1854 году до 1,068,656 тоннъ, изъ числа которыхъ, 440,770 тоннъ темной окиси, 288,307 шпата, 216,746 красной окиси, 122,021 тоннъ сеероидовъ и сланца, и наконецъ 812 тоннъ песчанаго минерала.

Развитію желѣзнаго промысла въ округѣ рейнскомъ вредитъ то, что оно чрезвычайно раздроблено на мелкіе рудники. Въ округѣ Зигена, рудники чувствуютъ немного стѣсненія отъ пра-

виль, ограничивающихъ ихъ добываніе известными періодами въ году; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ препятствуютъ полному развитію и худыя дороги. Въ нѣкоторыхъ округахъ недостаетъ лѣса, и въ известное время года воды, для питанія кузницъ. Несмотря на все это, богатые пласты округовъ Зигенскаго и Ветцларскаго объщаютъ промыслу горному въ рейнской области блестящую будущность, въ особенности, когда желѣзная дорога отъ Деутца къ Ветцлару и Гиссену чрезъ долины Рейна и Зига облегчитъ перевозку минерала. Въ числѣ рудниковъ этой области надо упомянуть также о Гогенцоллерискихъ, которые снабжаютъ промышленность фабричную желѣзомъ.

Всего въ 6 округахъ бранденбургско-прусскомъ, силезскомъ, саксоно-тюрингенскомъ, вестфальскомъ, рейскомъ и гогенцоллернскомъ считается 1248 рудниковъ желѣзныхъ минераловъ и 227 желѣза; число рабочихъ на первыхъ и вторыхъ 12,581, количество добываемыхъ минераловъ 2,144,509 тоннъ минераловъ, и 4,938,558 центнеровъ желѣза, и 144,764 стали. Общая сложность цѣнности, всего этого производства въ 1854 на сумму 41,218 франковъ. Общая сложность добытаго желѣза, въ 1854, во всѣхъ частяхъ свѣта усматривается изъ нижеслѣдующаго:

		Добытаго древеснымъ углемъ.
Великобританія	58,000,000	центнеровъ.
Франція	11,000,000	— и 5,000,000
Пруссія	5,083,422	— 2,600,000
Бельгія	5,017,285	— 300,000
Австрія	5,000,000	— 4,850,000
Швеція и Норвегія	4,000,000	— 4,000,000
Таможенный Союзъ Германіи	2,500,000	— 2,250,000
Испанія, Італія и Швейцарія	2,000,000	— 1,400,000
Россія	5,000,000	— 4,500,000
Соединенные Штаты	20,000,000	— 14,000,000
Другія страны	2,399,293	— 2,100,000
	<hr/>	
Всего	120,000,000	— 41,000,000

IV. Цинкъ.

Цинкъ, одинъ изъ главнѣйшихъ минеральныхъ продуктовъ Пруссіи, находится въ состояніи галмея (calamine) въ Силезіи, Вестфаліи и Рейнской провинціи; въ состояніи чистомъ въ этой послѣдней только области. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, благодаря стараніямъ инженера Рухберга, начали въ Силезіи добывать цинкъ въ галмѣ. Это производство развивалось весьма

быстро до 1830 года, въ которомъ оно понизилось и снова возвысилось въ 1834, въ слѣдствіе значительнаго вывоза во Францію. Цѣна центнеру цинка, бывшая въ 1816—въ 21 франкъ 50 сантимовъ, и упавшая въ 1830 году до 8 франковъ 85 сант., возвысилась въ 1841 и 1842 до 34 франковъ, и упала снова до 11 франковъ въ 1848, когда торговля цинкомъ была какъ бы остановлена. Въ 1849 производство и цѣнность этого металла снова возвысились до 1852. Съ этого времени снова чувствительно въ некоторое уменьшеніе въ его производствѣ.

Округъ Тарновицкій. Въ этомъ округѣ существовало въ 1854 году двадцать-девять рудниковъ галмея, производство которыхъ возвысилось до 3,159,445 квинталовъ. Вообще, издержки добыванія въ рудникахъ столь возвысились, что владѣльцы ихъ извлекали бы весьма мало выгодъ отъ своихъ разработокъ, еслибы, въ одно и то же время, они не были въ большей или меньшей части владѣльцы рудъ, такъ что они могутъ совокупить выгоды двухъ родовъ производства. Наиболее значительныя руды суть въ Шарно, Маріи и Терезіи, изъ которыхъ каждая производитъ ежегодно 600,000 центнеровъ, а въ Апфель и Вильгельминъ добывается половина этого количества. Недавно открыли возлѣ рудниковъ Бейгенскихъ каменный уголь, что дозволяетъ устроить цинковыя рудники возлѣ угольныхъ, обстоятельство, которое понизитъ цѣну перевозки галмея. Мы показали выше, что успѣхи каменно-угольныхъ ломокъ въ Верхней Силезіи тѣсно связаны съ успѣхами цинковыхъ рудниковъ.

Округъ Болумъ. Производство галмея не весьма значительно въ этомъ округѣ; оно не возвышается, въ 1854, болѣе, какъ на 47,820 центнеровъ.

Округъ Зигенъ. Этотъ округъ производитъ весьма мало галмея; въ замѣнъ того, онъ вмѣщаетъ богатая жилы цинка, извлеченныя въ 1854 въ 73 рудникахъ, которыя дали 162,607 центнеровъ минерала. Между этими рудниками замѣчательныя въ особенности въ Юно, близъ Рамсбека, Фрюлингскій и Бергзегенской близъ Бенеберга, и Нейглюкскій близъ Ункеля. Съ котораго времени находятъ цинкъ въ слояхъ свинца, что объясняетъ въ скоромъ времени увеличеніе добываемаго цинка.

Округъ Дюренскій. Цинкъ находится въ этомъ округѣ преимущественно въ состояніи галмея и въ маломъ количествѣ только (въ 1854 въ $\frac{1}{9}$ части) въ состояніи чистомъ. Какъ въ округѣ Зигенскомъ, такъ и въ Дюренскомъ, находятъ въ свинцо-

СНѢСЬ.

выхъ рудахъ цинкъ и преимущественно въ этихъ послѣднихъ находятъ въ округѣ Саррбрунскомъ.

Общая сложность производства добыванія цинка въ 1854, видна изъ нижеслѣдующаго:

Округи.	Число руды.	Число рабоч.	Цинковые минералы:			
			Галмей.	Цинкъ.	Цѣн. центнеры	
Тарновицкій . . .	29	4,260	3,159,445	—	—	6,6
Бохумской . . .	4	67	47,820	—	—	—
Зигенскій . . .	73	1,563	16,765	162,607	—	2
Дюренскій . . .	11	1,624	160,426	22,918	—	3
Саррбрунскій . . .	—	—	—	8,596	—	—
Всего . . .	117	7,514	3,384,456	194,121	—	7,2

Средняя цѣнность центнера минерала была въ 1854 около 87 сантимовъ, въ 1854 возвысилась до 2 франк. сантимовъ, т. е. увеличилась около 135 на 100.

Добываніе цинка въ полосахъ дало въ 1854 слѣдующіе результаты: въ 46 горныхъ заводахъ 3,420 рабочихъ дали 604,690 центнеровъ цинка, на сумму 9,282,735 франковъ. Плющеніе цинка въ Пруссіи, не слѣдовало тому же развитію, какъ добываніе оного составляло въ 1854 количество 159,217 квинталовъ; сдается до фабрикаціи blanc de zinc, то считалось въ 1854 заводахъ, которые добыли его на 21,000 квинталовъ. Замѣтимъ еще, что двѣ трети этого количества ежегодно добывается цинка, вывозится за границу.

Всеобщее производство цинка въ различныхъ частяхъ въ 1854 году, было слѣдующее: Пруссія 737,458 квинталовъ, Бельгія 547,152, Соединенные Штаты 100,000, Россія 30,000, Австрія 30,000, Великобританія 15,000, Испанія, Швеція страны 1,390. — Всего 1,506,000.

V. Свинецъ.

Свинецъ находится въ Пруссіи въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ добываютъ и цинкъ, т. е. въ Силезіи, Вестфальской Рейнской провинціи и въ маломъ количествѣ въ Саксонской провинціи.

Въ Силезіи, въ округѣ и близъ Карновитца, встрѣчается свинцовый блескъ, въ низшихъ слояхъ доломита; его находятъ же въ верхнихъ слояхъ, въ окрестностяхъ Бейтена, гдѣ минералъ заключаетъ значительное число серебра. Руды свинца, открытыя еще въ XVI вѣкѣ, были замедлены въ

водствѣ тридцати-лѣтнею войною, и стали развиваться въ царствованіе Фридриха Великаго. Эти мины были не только значительны въ финансовомъ отношеніи для Пруссіи, они сдѣлались школою, гдѣ образовывались горные инженеры, которымъ Верхняя Силезія обязана цвѣтущимъ положеніемъ своей металлургической производительности.

Горы Нижней Силезіи заключаютъ также многія жилы свинцоваго блеска, въ особенности близъ Купферберга, у Готтесбера и близъ Зильберберга. — Каменные слои свинцоваго блеска находятся также въ прусской части Нижняго Гарца и въ Вестфалии, хотя они и не даютъ мѣста постоянной разработкѣ.

Округъ Зигенскій. Въ этомъ округѣ добываютъ уже нѣсколько въковъ руды свинцоваго блеска, заключенные въ многочисленныхъ жилахъ въ землѣ сланцовой. Эти ископаемые вообще сереброносны. Наибольше значительные изъ нихъ суть въ Рамсбеикѣ, Мюзенѣ, Зигенѣ, Бурбахѣ, Обербергѣ и Бенсбергѣ. Производство въ этихъ рудоконьяхъ удвоилось въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и все предвѣщаетъ въ будущемъ еще значительнѣйшее возвышеніе.

Округъ Дюренскій. Въ этомъ округѣ есть нѣкоторыя жилы довольно незначительныя свинцоваго блеска въ Энфельскихъ горахъ. Довольно богатые пласты и слои находятся тоже близъ Стольберга. Но свинцовыя руды самыя богатыя въ Пруссіи — находятся въ горахъ Коммернскихъ; они вмѣщаютъ сокровища въ полномъ смыслѣ неистощимыя и которыя стали извлекать лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Часть этихъ минераловъ преобразуется, чрезъ промываніе и другіе виды производства, остальное отдается на плавку, въ рудоконьяхъ Коммерна и Стольберга. Изъ 12,179 квинталовъ свинца, добытыхъ въ этомъ округѣ въ 1847, оно возвысилось, въ 1854, до 172,290 квинталовъ. Замѣтимъ наконецъ, что округъ Саррбрукскій заключаетъ нѣкоторыя жилы свинца; рудоконья въ Верлау есть наибольше значительная въ этомъ округѣ.

Въ 1854 году въ 7 округахъ * всего считалось 150 рудоконней свинцовыхъ съ 6,456 рабочими, и добыто было 416,741 квинталовъ свинца, на сумму 4,353,129 франковъ. Къ этому надо присоединить еще добываніе свинца, котораго считалось въ другихъ округахъ, за исключеніемъ Вальденбурга и

* Тарновицкомъ, вельденбургскомъ, эйзелебенскомъ, бохумскомъ, зигенскомъ, дюренскомъ и саррбурскомъ.

Бохума, гдѣ ихъ нѣтъ, всего 22 завода съ 1,129 рабочими, дали свинцу 191,932 квинталовъ и 15,890 квинталовъ свинцовой окиси, всего 207,822 квинталовъ, на сумму 5,648,632 франка. Производство свинцовой окиси въ 1854 нѣсколько уменьшилось противъ прежняго, именно противъ 1851, на 3,210 квинталовъ, но это произошло отъ возвышенія цѣны на свинецъ, которое сдѣлало болѣе выгоднымъ добываніе этого послѣдняго.

Вообще, Силезія даетъ мало надеждъ на значительное возвышеніе добыванія свинца. Въ замѣнъ того, округъ Зигенскій, и въ особенности Коммернская гора, повидимому объщаютъ въ будущемъ результаты все болѣе и болѣе блестящіе. Что же касается до количества серебра, заключающагося въ ископаемыхъ свинцовыхъ, то объ этомъ мы скажемъ ниже.

Если пожелаемъ сравнить результаты добыванія свинца во всемъ свѣтѣ въ 1854 году, то будемъ имѣть слѣдующія данныя: Свинецъ и свинцовая окись. (Plomb et litharge.)

Великобританія	1,280,000	квинталовъ.
Испанія	592,000	— —
Соединенные Штаты Сѣверной Америки	296,000	— —
Пруссія	230,000	— —
Германскія владѣнія	158,000	— —
Австрія	145,000	— —
Франція	50,000	— —
Бельгія	41,000	— —
Россія	16,000	— —
Италія	10,000	— —
Другія части свѣта	81,000	— —
	2,900,000	— —

VI Мѣдь.

Мѣдь занимаетъ второстепенное мѣсто въ ряду богатствъ минералогическихъ Пруссіи. Металлъ этотъ находятъ въ особенности въ округѣ Эйзелебенскомъ т. е. въ окружности Мансфельда. Это слои колчедана бѣдные, извлеченіе которыхъ весьма мало производительно было бы, если бы эти ископаемыя не заключали въ себѣ также значительное количество серебра (1 марку на 1 квинталь ископаемыхъ веществъ.) Въ округѣ зигенскомъ существуютъ жилы — мѣднаго минерала близъ Штѣдтберга. Это бѣдные пласты колчедана. Округъ Дюренскій имѣетъ колчеданъ въ Коммернской горѣ. Въ Купфербергѣ, въ округѣ Вальденбурга, снова стали разрабатывать древніе пласты, но до-сихъ-поръ не дошли до значительныхъ результатовъ. Округъ Зигенскій, по-

слѣ Эйзелебенскаго, есть самый богатый въ отношеніи мѣди. Ес находятъ здѣсь въ болѣеи части жѣлезныхъ слоевъ. Близъ Рейн-брейтбаха есть руды чистой мѣди, а возлѣ Мюзена добываютъ ископаемые минералы мѣди съ серебромъ. Въ сущности, главнымъ образомъ въ рудоконьяхъ Менсфельдта и Зигена сосредоточивается будущность добыванія мѣди въ Пруссіи. Вотъ результаты добыванія ея въ 1854 году. Въ шести округахъ (Вальдешбургъ, Эйзелебенъ, Бохумъ, Зигенъ, Дюрень и Саррбругъ) всего 80 рудоконень съ 4,348 рабочими, добыли въ этомъ году 1,244,781 квинталъ мѣдныхъ минераловъ на сумму 2,483,517 франковъ. Въ сравненіи съ 1851 годомъ, добываніе мѣди въ Пруссіи увеличилось на 33 рудоконни, 810 человекъ рабочихъ, 256,497 квинталовъ и на 1,165,891 цѣнности добытой мѣди.

Вотъ результаты добытой мѣди въ разныхъ частяхъ свѣта въ 1854 году.

Великобританія	310,006	квинталовъ.
Чили	280,000	— —
Россія	130,000	— —
Соединенные Штаты Сѣверной Америки	70,000	— —
Австралія	70,000	— —
Южная Азія и Восточная Индія	60,000	— —
Австрія	48,000	— —
Швеція и Норвегія	41,000	— —
Куба	40,000	— —
Франція	38,000	— —
Пруссія	32,468	— —
Южная Америка, безъ Чили	30,000	— —
Африка	12,000	— —
Бельгія	1,924	— —
Другія страны	36,608	— —

VII. СЕРЕБРО.

Пруссія не имѣетъ серебра въ рудахъ. Какъ мы сказали уже выше, болѣеи часть ископаемыхъ свинцовыхъ, равно какъ и ископаемые мѣдные минералы въ Мансфельдѣ заключаютъ болѣе или менѣе серебра. Отсюда слѣдуетъ, что добываніе этого металла идетъ всегда на ряду съ добываніемъ свинца и мѣди. Вотъ каково было количество добытаго серебра въ Пруссіи въ 1854 году: въ пяти округахъ (Тарновицкомъ, Эйзелебенскомъ, Зигенскомъ, Дюренскомъ и Саррбрукскомъ): въ первомъ 2,014 марокъ серебра, во второмъ 33,597, въ третьемъ 8,755, въ четвертомъ 8,366, въ пятомъ 139, а всего 52,871 марки, на сумму 2,761,933

франка. Въ 1854 году, въ сравненіи съ 1851 годомъ, добыто серебра болѣе на 10,536 марокъ или 566,533 франка. Во всѣхъ частяхъ свѣта добытаго серебра въ 1854 году было 255 милліоновъ франковъ; въ этомъ общемъ числѣ Пруссія составляетъ 1 на 100.

VIII Соль.

Соляные источники, откуда добывается соль, существуютъ въ довольно большомъ числѣ въ Саксонской провинціи, и, кромѣ того, въ областяхъ Вестфальской, Рейнской и Померанской. Съ усвѣхомъ идетъ разработка соли близъ Стассфурта, въ владѣніяхъ Магдебургскихъ. За всѣмъ тѣмъ, работы этого рода не достаточно еще развиты для того, чтобъ можно было назвать ихъ цвѣтущими. Добываютъ соль также во владѣніяхъ Гогенцоллернскихъ, близъ Гегерлоха.

Соляныя копи, въ настоящее время разрабатываемыя въ Пруссіи, въ числѣ 22; изъ нихъ 9 находятся въ Саксонской провинціи, 5 въ Вестфалии, 6 въ Рейнской области и 2 въ Помераніи. Наиболѣе значительныя копи суть: Шенебенская, Артехисская, Дюрренбергская, Галльская, Кезенская (въ Саксонской области). Въ Вестфалии особенно важны соляныя копи въ Кенигсборнъ и Нейзальцвернъ; въ Саксонской области—въ Верль, есть замѣчательныя копи, а въ Помераніи близъ Кольберга. Изъ 22 соляныхъ копей, только въ 4, именно: Артехиской, Стассфуртской, Галльской и Верле, источники соли достаточно богаты ею, въ другихъ надо отдѣлять соль и постепенно очищать ее. Добываніе соли въ Пруссіи въ 1854 г. достигло 2,221,054 квинталовъ (на 139,091 квин. болѣе противъ 1851 года); число рабочихъ, употребленныхъ на копи, было 2,462, а цѣнность добытой соли на 5,513,482 франка, среднимъ числомъ 2½ франка на квинталь. Это количество соли, однако, недостаточно въ Пруссіи, для народнаго употребленія. Правда, что изъ некоторыхъ соляныхъ копей Саксонской области, продаютъ соль въ сосѣднія государства; но въ замѣнъ того, въ Пруссію ввозятъ значительное количество соли изъ Англіи, Франціи, Голландіи, Австріи и др. По-этому для Пруссіи весьма важно, чтобы дальнѣйшіе успѣхи добыванія соли могли вполне удовлетворить народному потребленію, и одѣлать ненужнымъ ввозъ соли изъ другихъ государствъ.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ вышеизложеннаго, можно заключить, что горный промыселъ достигъ въ Пруссіи высокой степени развитія, и во всѣхъ отношеніяхъ идетъ все болѣе и болѣе возрастающа. Соединивъ частныя выводы, мы получимъ слѣдующій выводъ:

Рудокопень . . .	2,821,	рабочихъ 90,913,	цѣнность добытаго	79,830,178
Заводовъ	295,	— — — 17,013,	— — — —	73,924,560
Соляныхъ копей	22,	— — — 2,462,	— — — —	5,513,482
	<u>Всего. 3,138</u>	<u>110,388</u>		<u>159,268,220</u>

Если къ этому присоединить заводы, выдѣлывающіе проволочное желѣзо, стальные издѣлія, а также изъ жести и мѣди, то получимъ общую цифру—3,971 заведенія, цѣнность производства которыхъ 301,345,661 франкъ, и которыя занимаютъ 144,896 рабочихъ. Считая женщинъ и дѣтей рабочихъ, въ числѣ ихъ всего 437,396 человекъ, т.-е. 2¹/₂ на 100 всего населенія Пруссіи занято горнымъ дѣломъ, которое доставляетъ имъ средства къ жизни.

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о рабочихъ.

Плата рабочимъ въ рудокопняхъ, копяхъ и ломкахъ, въ послѣдніе годы значительно возвысилась, какъ въ слѣдствіе общей дороговизны жизненныхъ припасовъ, такъ и потому, что владѣльцы рудокопень и пр., для того, чтобъ привлечь известное число рабочихъ изъ другихъ странъ, или чтобы получить болѣе усилій отъ своихъ рабочихъ, возвысили цѣну жалованья. Такое увеличеніе рабочей платы въ 3 или 4 послѣдніе года, возвысилось отъ 25 или 30 на 100, такъ что, вмѣсто того, какъ три года тому назадъ, годовая плата горному работнику была среднимъ числомъ 375 франковъ въ годъ, теперь около 470 франковъ. Естественно, что и эта послѣдняя плата измѣняется по различію мѣстности: есть мѣста, гдѣ работники получаютъ до 675 франковъ и даже до 900 франковъ. Принимая среднюю цѣну платы 470 франковъ на 90,913 рабочихъ, употребленныхъ въ 1854 году на горные промыслы въ Пруссіи, выходитъ, что они заработали сумму 42,729,000 франковъ, что составляетъ немного болѣе половины цѣнности добытыхъ ими минераловъ; присоединя къ этому заработанную сумму въ заводахъ, что составитъ вмѣстѣ съ предъидущею около 68 милліоновъ франковъ, то, раздѣливъ эту сумму между 437,396 людьми, составляющими семейство рабочихъ, получимъ 150 франковъ на каждыя

го человека. Вообще горный работникъ серьезенъ и бережливъ. Замѣчаютъ, что значительное число рабочихъ горныхъ стараются сберегать деньги и покупать земли. Эти цѣли ихъ поощряются во многихъ мѣстахъ самими владѣльцами рудъ, которые часто даже способствуютъ сами къ тому своимъ рабочимъ, давая имъ деньги впередъ, или награждая, кромѣ платы, хорошихъ работниковъ.

Уже нѣсколько вѣковъ, какъ между горными рабочими Германіи существуютъ общества взаимнаго вспоможенія (Knappschaft). Общества эти сдѣлались потомъ обязательнымъ учрежденіемъ, установленнымъ горными законами. Въ 1854 году, въ Пруссіи было 53 подобныхъ общества, число членовъ которыхъ было 60,000 человекъ. Обществамъ принадлежалъ капиталъ около 5 милліоновъ, и ежегодный бюджетъ ихъ около 1,850,000 франковъ. Эти общества доставляютъ своимъ членамъ пользованіе и медикаменты въ случаѣ болѣзни, пенсіоны для увѣчныхъ и вдовъ, издержки воспитанія для сиротъ, и наконецъ, единовременныя выдачи денегъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Закономъ 18 апрѣля 1851 года преобразованы вновь Knappschaft и сдѣланы обязательными учрежденіями для всѣхъ рудокопцевъ, копей и ломковъ. Законъ этотъ обезпечиваетъ рабочимъ minimumъ благодѣяній со стороны общества вспоможенія, устанавливая общимъ правиломъ, что вспоможенія должны быть пропорціональны жалованью рабочихъ, и что владѣльцы обязаны платить по крайней-мѣрѣ половину всей суммы, взятой съ рабочихъ. Когда законъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе, во всѣхъ его частностяхъ, общества горныхъ работниковъ, будутъ имѣть 100,000 членовъ, и годовой бюджетъ прибудетъ до 3,750,000 франковъ, т.-е. 8 на 100 изъ суммы ихъ жалованья.

Горное управленіе въ Пруссіи заботится въ особенности объ охраненіи горныхъ работниковъ различными мѣрами отъ несчастныхъ случаевъ, неизбѣжныхъ въ этомъ производствѣ.

Благодаря этимъ стараніямъ, число несчастныхъ случаевъ въ прусскихъ рудникахъ относительно малозначительно. Такъ, въ 1854 году, 139 работниковъ погибло отъ несчастныхъ случаевъ въ рудникахъ, что составляетъ 1,53 на 1000 рабочихъ, если принять въ соображеніе увеличеніе числа рудокопцевъ, ломней и копей въ эти послѣдніе годы, и въ особенности числа каменноугольныхъ ломковъ, гдѣ эти случаи чаще встрѣчаются, то цифра эта оказывается незначительною. Во Франціи и Бельгіи, число

неочастныхъ случаевъ въ рудникахъ обыкновенно 4 и 5, а въ некоторыхъ случаяхъ даже 6 и 7 на 1000 рабочихъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи дѣятельности, равно какъ и въ администраціи, горный промыселъ Пруссіи осуществляетъ огромные успѣхи. Для полноты цвѣтущаго состоянія ея горной промышленности, нужны еще некоторые измѣненія въ тарифѣ, которыя могли бы породить полезную конкуренцію въ некоторыхъ видахъ производства, и могли бы доставить заводамъ некоторые матеріалы, которыхъ имъ теперь совершенно недостаетъ; тогда нѣтъ сомнѣнія, что горный промыселъ ея достигнетъ цвѣтущаго благосостоянія, которое отразится въ развитіи народнаго ея богатства.

—Огромная торговля—болѣе чѣмъ на 1300 милліоновъ, политическіе интересы притомъ Англій въ отношеніи Индіи, не даютъ никакого основанія сомнѣваться въ энергіи, которую употребитъ Великобританія въ войнѣ, предпринятой для обезпеченія полнаго ея владычества въ Индіи. Какъ бы ни были дороги усилія, они будутъ употреблены. Бюджетъ Индіи, хотя и представляетъ дефициты, но въ состояніи поддерживать борьбу. По официальнымъ документамъ за 1855—1856 г., общій доходъ вычисленъ въ 28,812,097 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ 720,302,425 франковъ. Чистый доходъ составляетъ 22,147,347 фунтовъ стерлинговъ. Расходы составляютъ 23,120,258 фунтовъ стерлинговъ (578,004,950 фран.), разница между доходами и расходомъ составляла въ 1855—56 дефицитъ въ 972,781 ф. стер. (24,316,525 франковъ), которыя такимъ образомъ прибавились къ суммѣ долга правительства Индіи. Весь долгъ Индійской Компаніи простирается до 62,095,175 фунтовъ стерлинговъ (1,552,359,375 франковъ), ежегодные проценты съ него 2,824,577 ф. ст. (73,114,325 франковъ). Положеніе это въ сравненіи съ долгомъ другихъ Государствъ столь еще хорошо, что оно даетъ возможность правительству Индіи—въ значительной степени увеличить долгъ, еслибы пришлось Компаніи прибѣгнуть къ новымъ займамъ. Съ другой стороны, Компанія наряду съ значительными расходами будетъ имѣть и значительную экономию чрезъ прекращеніе платежа пенсіоновъ прежнимъ властителямъ страны, принявшимъ участіе въ возмущеніи; сумма этихъ пенсіоновъ не менѣе 44 лаковъ (laks) рупій, и какъ каждая рупія

равна 1000 фунтамъ стерлинговъ, то это составитъ 440,000 фун. стерлинговъ (11,000,000 фр.); къ ней нужно присоединить еще 1 миллионъ фунтовъ стер. (25,000,000 фр.)—жалованья за шесть мѣсяцевъ полкамъ возмущившихся спаевъ. Индѣйскую Компанію упрекаютъ въ прежней незаботливости объ улучшеніи сообщеній въ этой странѣ: изъ 2,896 предположенныхъ миль желѣзныхъ дорогъ, окончены только 330 миль; дороги едва проложены не смотря на пятьдесятъ лѣтъ мирнаго времени; это важный недостатокъ для Индіи въ настоящей войнѣ: дороги, и желѣзныя дороги, оказали бы Компаніи въ настоящее время значительную услугу при транспортѣ и перевозкѣ войскъ.

— Негостепримство Китайцевъ и затрудненія, ноставляемые ими водворенію въ Китаѣ Европейцевъ, въ особенности въ торговыхъ приморскихъ городахъ, тѣмъ болѣе несправедливы, что сами они переселяются и въ значительномъ числѣ поселяются въ Америкѣ и Австраліи. Нѣтъ никакого основанія конечно сътовать на эти переселенія, ибо болѣею частью Китайцы переселенцы мирнаго характера и свѣдуши въ промышленныхъ занятіяхъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣдствій быстро увеличенія числа ихъ въ Калифорніи—было возвышеніе цѣны на опиумъ и увеличеніе его потребленія. Въ Австраліи, въ Мельбурнѣ, на 420,000 жителей, 50,000 Китайцевъ. Они хорошо работаютъ въ рудникахъ, ведутъ образъ жизни умеренный, экономный и обыкновенно довольствуются разработкой плацеровъ, покинутыхъ уже Европейцами. Купцы очень ихъ любятъ, потому что они много закупаютъ и употребляютъ. Вездѣ, главный ихъ порокъ—курение опиума. Одни только рабочіе въ рудникахъ совсѣмъ его не любятъ. Часто бываютъ кровавыя схватки между Китайцами и колонистами—въ рудникахъ, за добываніе драгоценнаго металла.

— Въ Мадридѣ учреждена королевскимъ декретомъ Академія Наукъ нравственныхъ и политическихъ; уставъ ея и, следовательно, устройство сходны съ Парижскою Академіею.

— Въ продолженіе 1856 года, вишняя торговля Франціи по таможеннымъ отчетамъ этой страны, находилась въ слѣдующемъ положеніи. Вообще торговые обороты возвысились въ этомъ году до 4,587 миллионѣвъ франковъ. Изъ этой суммы приморскіе порты Франціи получили товаровъ и отправили на 3,296 миллионѣвъ, сухопутная торговля танимъ образомъ выражается суммою 1,291 миллионѣвъ франковъ, составляющею немного бо-

лве одной четверти общей сложности торговых оборотовъ. Въ этомъ преобладаніи морскихъ торговыхъ оборотовъ предъ сухопутными нтъ впрочемъ ничего не нормальнаго. Если бросимъ взглядъ на карту Европы, то увидимъ, что между пятидесятью шестью государствами, съ которыми Франція имѣетъ сношенія, только пять находятся въ непосредственной съ нею смежности, и могутъ вести торговлю прямымъ сухопутнымъ направлениемъ. Но и эти пять владѣній (Таможенный Союзъ, Нидерланды, Бельгія, Испанія, Сардинскія владѣнія) предпочитаютъ во многихъ случаяхъ морской путь сухопутному, такъ, что около $\frac{3}{4}$ всѣхъ торговыхъ оборотовъ съ этими странами идетъ морскимъ путемъ. Что касается до того, какимъ образомъ общая вышеупомянутая цифра торговли, распределяется въ географическихъ направленіяхъ, то по послѣднимъ вычисленіямъ экономистовъ выходитъ слѣдующее: изъ 4,587 милліоновъ франковъ—на долю Европы приходится 2,954 милліона, на Америку—1009, на Африку 133, и на Азію 119. Французскія колоніи всѣ вмѣстѣ ведутъ торговые обороты на 372 милліона, Европа такимъ образомъ объемлетъ большую часть движенія внѣшней торговли Франціи, въ особенности же центральная часть ея, а именно Таможенный Союзъ, Швейцарія и Бельгія, занимаютъ первое мѣсто въ сношеніяхъ торговыхъ Франціи. Сѣверная часть Европы для Франціи занимаетъ второстепенное мѣсто по торговлѣ, ибо здѣсь сильнѣе дѣятельность торговая Англій съ Государствами этой части. Въ южной части Европы первое мѣсто по отношеніямъ торговымъ Франціи занимаетъ Испанія, за тѣмъ Сардинскія владѣнія, Турція и обѣ Сициліи.

Въ торговыхъ отношеніяхъ Франціи съ Америкой—первое мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, за тѣмъ Бразиліи и Испанскимъ Антильскимъ владѣніямъ. Если, обращаясь къ статистическимъ вычисленіямъ, пожелаемъ знать относительное мѣсто каждаго Государства, въ торговыхъ отношеніяхъ съ ними Франціи, то получимъ слѣдующій рядъ Государствъ, съ указаніемъ суммы ежегодныхъ торговыхъ оборотовъ его съ Франціею: Англія—на 763 милліона франковъ, Соединенные Штаты—660 мил. фр., Бельгія—447 м. ф., Швейцарія—399 м. ф., Таможенный Союзъ Германіи—261 м. ф., Испанія—246 м. ф., Сардинскія владѣнія и Монако—220 м. ф., Турція 177 м. ф., Россія—126 м. ф., Англійскія владѣнія въ Индіи—100 м. ф., Бразилія—91 м. ф., обѣ Сициліи—88 м. ф., Египетъ—57 м. ф.,

Колоніи все вмѣстѣ ведутъ торговые обороты съ Франціей на 372 мильона франковъ. Онѣ, по значительности своего торговаго участія въ этой суммѣ находится въ слѣдующей постепенности: Алжирія—179 м. ф., за тѣмъ Мартиника, Гваделуна, Сенегаль, Индѣйскія французскія колоніи, Сень-Пьерре, Микелонъ, Каэнъ, и проч. Эти указанія обозначаютъ уже сами по себѣ торговые интересы Франціи и тѣ части и пункты общаго географическаго положенія, на которые устремлено наибольшее развитіе ея торговыхъ сношеній. Посмотримъ теперь на предметы этой торговли, обозрѣвъ денежное ея значеніе.

Таможенное управленіе дѣлитъ во Франціи товары на два главные отдѣла: предметы, необходимые для мануфактурной и вообще всякаго рода промышленности, и предметы потребленія (*les matieres nécessaires a l'industrie et les objets de consommation*.) Эти послѣднія подраздѣляются на два отдѣла: предметы естественныя (*objets naturels*) и фабричныя (*objets fabriqués*.) Мы разсмотримъ каждое изъ этихъ подраздѣленій. Въ общей суммѣ торговыхъ оборотовъ, предметы, необходимые для мануфактурной и вообще заводской и фабричной промышленности, составляютъ статью на 964 мильона франка. Они суть: шелкъ, хлопчатая бумага, шерсть, каменный уголь, дерево, кожи, разные металлы, какъ-то желѣзо, мѣдь, олово, цинкъ, составляющія двѣ трети упомянутой суммы. Предметы потребленія (*objets de consommation*), какъ статьи привозной торговли суть слѣдующія: скотъ, рыба, сыръ, масло, хлѣбъ, рисъ, плоды, сахаръ, изъ французскихъ колоній и изъ другихъ государствъ, кофе, какао, перецъ, чай, вина. За исключеніемъ сахара, рыбы, сыра и масла, все остальные предметы возвысились по количеству ихъ привоза въ 1856 въ сравненіи съ предшествовавшими годами. Предметы фабричныя — въ слѣдствіе запретительной системы, которой держится Франція въ этомъ отношеніи составляютъ въ привозной торговлѣ лишь сумму 82 милліона, т. е. $\frac{5}{100}$ общей суммы привозной торговли. Эти статьи привоза суть: ткани льняныя и пеньковыя, шелковыя, часы, машины и механическія принадлежности, соломенные шляпы, мелкія издѣлія (*mercerie*) земледѣльческія орудія, оружіе. Предметы вывоза: шелка, выдѣланныя кожи, шелкъ для шляпъ, спиртъ, лошади, мулы и скотъ вообще, рыба, хлѣбъ и плоды, масло, яйца, шерсть. Главное назначеніе ихъ, какъ предметовъ вывоза изъ Франціи, направлено на слѣдующія страны: Россія, Норвегія, Англія, Таможен-

Т. СXLVII. — Отд. VII.

ный Союзъ, Ганзейскія города, Нидерланды, Бельгія, Швейцарія, Испанія, Сардинскія владѣнія, Греція, Турція, Соединенные Штаты, Мексика, Бразилія и Французскія колоніи. Предметы мануфактурныя, какъ статьи вывоза, суть: различныя ткани, шелковыя, шерстяныя, нитяныя, льняныя и пеньковыя, пуховыя, мелкія вещи, столовыя принадлежности, выдѣланныя кожи, рафинированный сахаръ, всего на 967 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ сахаръ (на 28,670,000 франковъ) идетъ преимущественно въ Россію, Англію, Австрію, Сицилію, Сардинію, Тоскану, Швейцарію, Папскія владѣнія, Грецію, Турцію, Алжиръ. Шерстяныя ткани на 8,520,000 ф. въ Таможенный Союзъ, Бельгію, Англію, Испанію, Швейцарію, Турцію, Соединенные Штаты и Алжиръ. Нитяныя ткани, на 2,100,000 ф., въ Англію, Испанію, Швейцарію, Соединенные Штаты, Алжиръ и другія французскія колоніи. Въ Гавръ, Марсель, Нантъ, Бордо и Парижъ собирается значительнѣйшее число таможенныхъ пошлинъ. Движеніе торговаго судоходства въ теченіе 1856 года было слѣдующее: пришло кораблей 25,673, грузомъ въ 4,069,000 тоннъ, на сумму 1,533,000,000 франковъ. Вышло кораблей 14,333, грузомъ въ 2,307,000 тоннъ, на сумму 1,763,000,000. Изъ этого общаго количества кораблей 40,000 — французскихъ кораблей было 16,262 и иностранныхъ 23,744. Вообще купеческій флотъ Франціи въ послѣдніе пять лѣтъ значительно увеличился.

Ж—ВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Логическіе выводы ничтожности прошлаго и прямая обязанность пользоваться только настоящимъ.—Счастливыя предсказанія, основанныя на вѣрныхъ данныхъ.—Многочисленныя блага настоящаго года.—Способъ вѣрнаго употребленія капиталовъ.—Пріятыя ожиданія.—Дѣвица Пастрена и волшебникъ де-Кастень.—Компанія продовольствія Невскою водою и открытіе дѣйстви Компаніи заготовленія жизненныхъ продуктовъ.—Человѣколюбивое распределение капиталовъ Демидовскаго дома призрѣнія бѣдныхъ.—Театральная хроника.—Еще нѣсколько словъ о комедіи г. Львова: Свѣтъ не безъ добрыхъ людей: выполненіе ея на сценѣ.—О бенефисахъ вообще и бенефисѣ г-жи Владиміровой въ особенности.—Новыя и позорно-взвѣсныя пьесы.—Первое представленіе оперы: Іоанна да Гусманъ.—Успѣхи петербургскаго композитора за границей.

И вотъ еще *одинъ* нырнулъ, безъ возврата, въ *рыку* времени, сгинулъ въ безднѣ, называемой *вѣчностью*, говоря по правиламъ реторики, которыя всегда помогаютъ выражаться прилично предметамъ нѣкоторой важности. 1857 годъ разстался съ нами. Можно ли послѣ этого не выразить сожалѣнія,—что послѣ такого блистательнаго существованія на бѣломъ свѣтѣ, послѣ столькихъ чествованій, пожеланій всего лучшаго, нераздѣльныхъ со шмыганіемъ во всѣхъ необходимыхъ прихожпихъ, послѣ всего, что предстоитъ испытать новорожденному, еще дѣвственному отъ наноса разныхъ пошлостей брату, старый годъ совершенно уже забыть и каждый заботится о немъ столько же, сколько сталъ бы заботиться о старой изношенной вѣтошн. Скончался докучный старый годъ, да здравствуетъ новый! *Le roi est mort, vive le roi!* какъ выражаются французы.

Всѣ думы, чувства, обѣты, попеченія устремлены къ новому году; да что же тутъ и удивительнаго? Не всегда ли бываетъ пріятые взору встрѣчать разсвѣтъ восходящей зарн, чѣмъ смотреть на померцаніе заходящаго солнца? И что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ заключаться важнаго въ послѣднемъ нѣскольконедневномъ срокѣ? Это тоже, что сановникъ предъ полною отставкой, тоже, что идолъ, въ котораго утрачена уже вѣра, тоже, что красавица, которую есть уже у насъ на примѣтъ замѣнить новою, болѣе

любящую, свѣженькою и молоденькою. Какая намъ нужда, что и прежній начальникъ былъ къ намъ расположенъ и внимателенъ, и уволенная красавица нѣжна и предупредительна — вѣдь имъ осталось только нѣсколько дней — вѣдь они оба скоро будутъ для насъ единой мечтой, не имѣющей болѣе никакого вліянія на перемену нашего быта; такъ Богъ съ ними, вмѣстѣ съ пожеланіемъ всего лучше за ничего уже незначущее прошлое.

Дѣти, юноши, старцы, вы также люди разсудительные, или по-крайней-мѣрѣ, которымъ не мѣшало бы быть разсудительными, неправда ли, что только одному единому новому году подобаетъ намъ поручать все наши предположенія, проекты, надежды и наши будущіе радостныя, предполагаемые, счастливыя дни? Если кто нибудь изъ насъ былъ обмануть новопредставленнымъ *тысяча восемь сотъ пятьдесятъ седьмымъ*, если онъ въ чемъ-нибудь оказался предъ нами несостоятельнымъ, если онъ чѣмъ-нибудь прибавилъ намъ и желчи, и свданиъ, и, и... да что пересчитывать чего еще—и;

Что въ минувшемъ,

Обманувшемъ!...

Что прошло не будетъ вновь!...

Простимъ все, забудемъ обо всемъ, махнемъ на все великодушно рукою, какъ истые философы; утѣшимся и станемъ надвѣяться, надвѣяться твердо, положительно, безошибочно, вопреки всей пошлой теоріи, проповѣдующей о шаткости человеческихъ надеждъ. Повѣсьте только ухо свое на гвоздь терпѣнія, и вѣруйте:

Будущій *тысяча восемь сотъ пятьдесятъ восьмой* будетъ къ намъ внимательнѣе, честнѣе, сострадательнѣе и постарается заглядать предъ нами все дурныя поступки *того*, котораго онъ состоитъ прямымъ и законнымъ наследникомъ, на всехъ правахъ неограниченной собственности, на всехъ правахъ жизни, смерти и милости. Всѣмъ намъ—жизнедавецъ и милостивецъ—откроетъ онъ обширное поле дѣйствій; всѣмъ намъ предоставитъ онъ пространную дорогу, для всякого рода преуспѣянія, барышей и честолюбія: гений и безталантность, зрѣло обдуманныя полезныя проекты и спекуляціи, честная промышленность и торговля процвѣтутъ вполнѣ въ триста шестьдесятъ пятьуточное его вѣствованіе. Счастія, здоровья, удовольствій мы не оберемся. Станемъ готовить только карманы, портфели, сундуки, кладо-

выя, амбары, сумы — все, что только у кого имѣется въ за-
пасѣ, для сбора будущихъ благъ, да не слишкомъ жадничать,
какъ Нищій съ Фортуной, въ баснѣ Крылова, а то все пойдетъ
благополучно.

Быть можетъ, нѣкоторые выразятъ при этомъ маловѣріе и
пожелаютъ усумниться.—Въ такомъ случаѣ, что бы не брать
на себя слишкомъ рискованной обязанности, я обращусь прямо
къ непреложнымъ фактамъ—поставлю сомнѣвающимся глазъ на
глазъ, лицомъ къ лицу хоть съ газетными объявленіями, и то-
гда, я увѣрю, что самые закоренѣлые скептики покраснѣютъ
за свое недовѣріе. Пусть только, повторяю, они потрудятся
пробвѣжать все газетныя объявленія, которыя (какъ то и мнѣ,
и вамъ, вѣроятно, извѣстно) никогда не лгутъ и справедливы, какъ
самъ Катонъ. О, читатель, читатель! какъ все мы будемъ сча-
стливы, судя по всемъ этимъ объявленіямъ; мы все будемъ стра-
дать одышкой, приливами крови, можетъ быть даже нѣкоторые
аноплексическими ударами, отъ полноты счастья.

Если у кого нибудь изъ васъ есть мертвыя, залежалыя, не-
подвижныя капиталы, скорѣе, скорѣе пускайте ихъ въ оборотъ;
помѣщайте ихъ, ради самого Господа, какъ можно поснѣжше.
Все предпріятія будутъ также вѣрны, какъ то, что минувшій
годъ не вернется. Не будетъ ни злонамѣренныхъ, ни неосторож-
ныхъ, ни даже несчастныхъ банкротствъ; не нужно будетъ она-
саться обмановъ, такъ называемыхъ *affers*, и недоброжелательствъ.
Въ нынѣшнемъ году совершенно не будетъ слышно о плутахъ и
мошеничествахъ, что сдѣлаетъ благополучный *рокъ* тысяча во
семьсотъ пятьдесятъ восьмой, въ особенности достопримѣчатель-
нымъ и рожденнымъ, какъ говорится «*вс сорокъ*». Все воз-
можныя проекты обогащенія будутъ глубокомысленно и основа-
тельно обезужены, обезпечены непреложнымъ успѣхомъ и гаран-
тированы вѣрною прибылью на двадцать, тридцать лѣтъ впередъ.
Всѣмъ намъ, какъ вращающимъ милліонами, такъ и потряхиваю-
щимъ лишь кровью и потомъ приобретенными рублевиками, оста-
нется только затрудненіе въ выборѣ, «*embarras du choix*»: въ ка-
кую компанію на акціяхъ, внести свою алчную лепту—въ ком-
панію ли желѣзныхъ дорогъ, Золотаго Руна, Саламандры, Са-
молета, рвчныхъ пароходовъ, заготовленія жизненныхъ прина-
совъ, компаніи мужскихъ нарядовъ, компаніи уничтоженія зло-
вопія, страхованія отъ огня и застрахованія жизни, въ компа-
нію ли лѣсной торговли и малоцѣннаго заготовленія дровъ... (въ

последней, впрочемъ, виноватъ: она прекратилась именно въ то самое время, когда поминутно возвышающаяся цѣнность на дрова дѣлается все болѣе и болѣе ощутительной). Сдѣлайтесь только вкладчикомъ какой нибудь изъ этихъ компаній и каждый вашъ рубль принесетъ вамъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ процентовъ, а почему знать, чѣмъ бѣсъ не шутить,—при отсутствіи у насъ компаній умѣренности и враговъ Бахуса—даже рубль на рубль, двадцать копѣекъ на какую-нибудь ничтожную копѣйку, которою—какъ вы полагаете—нужно или не нужно будетъ намъ съ вами, въ настоящемъ году, ссужать въ помощь немущимъ братьямъ по Адаму?

Но долгъ состраданія и чловѣколюбія! воскликнуть можетъ быть, нѣкоторые... Долгъ состраданія и чловѣколюбія? Я первый, душой и тѣломъ, помышленіемъ и дѣйствіемъ, готовъ стоять за него, проповѣдывать о немъ, но только также сообразно повѣйшимъ утонченнымъ понятіямъ о правильномъ, выгодно и съ пользою употребленномъ капиталѣ. Я, изволите видѣть, въ отношеніи благотворительности и чловѣколюбія, успокоиваю свою совѣсть систематически и она дремлетъ у меня безмятежно, какъ здоровый годовалый младенецъ, не упрекая меня ни въ чемъ, но еще болѣе радуя за употребленіе моего избытка такъ, что и овцы цѣлы, и волки сыты, говоря мѣткой русской пословицей. Я, изволите видѣть, поступаю вотъ какимъ образомъ (что совѣтую и вамъ дѣлать—по своей готовности на всякую послугу для пользы ближняго): я жертвую, замѣтьте *жертвую* (и это провозглашается такъ и газетами, и безъ этого не далъ бы я ни ржавой полушки) семь рублей серебромъ предъ Новымъ годомъ и столько же предъ Пасхою, для напечатанія моего имени въ средѣ первоклассныхъ знатныхъ заслугами и рожденіемъ именъ, вмѣсто обычной докучной развозки визитныхъ билетовъ, и тѣмъ окончателъно, на цѣлый годъ, отдаю свой христіанскій долгъ чловѣчеству. Мои семь рублей раздѣляются на тѣ же копѣйки, только не мной, а другими, что гораздо спокойнѣе и удобнѣе, и поступаютъ въ пользу тѣхъ же самыхъ немущихъ моихъ собратій по Адаму. Я остаюсь правъ: я одновременно совершилъ то, что долженъ бы былъ дѣлать по утомительнымъ мелочамъ, ежедневно.

Но довольно о моихъ собственныхъ непріятностяхъ. Я хотѣлъ вамъ пере считать только общія, ожидающія всѣхъ насъ пріятно-

СТИ я потому опять стану продолжать мои предсказания на несомнѣнныхъ фактахъ:

Тревожило ли васъ въ прошедшемъ году ваше здоровье! въ настоящемъ году это обстоятельство не будетъ даже выдвѣнной скорлупы, по своей ничтожности. Соронъ будутъ вамъ предложены всевозможныя средства ить или похудѣть по вашему желанію и сообразно внятію о физической красотѣ и о здоровьи. Въ нынѣшн за исключеніемъ нездоровыхъ—*злонамьренно*, никто боленъ. Если вы страдаете отсутствіемъ аппетита, есл ный обѣдъ вашъ дурно переваривается, васъ снабдятъ желѣзнымъ желудкомъ. Въ особености никто не буде дать насморкомъ п, паче того, кашлять, потому что в щемъ году, вѣроятно, еще болѣе прибавится различныхъ тѣствъ, настплекъ, сыроповъ, предотвращающихъ и у щихъ это истинное зло, мѣшающее быть на раутахъ снектакляхъ и маскерадахъ. Страдать насморкомъ и к настоящемъ году будутъ развѣ только изъ кокетства, счетовъ и упрямства. Иныхъ причинъ я не признаю — наю да и только.

Невозможно пересчитать всѣхъ наслажденій, которыя ся всѣмъ намъ въ этомъ благополучномъ году.

Во первыхъ, вы прочтете премилыя поздравительныя поднесенныя вамъ швейцарами клубовъ, на которыхъ, вѣстно, точно какъ на древнихъ Пифій, нисходить од году поэтическое вдохновеніе.

Во вторыхъ, вы накатаетесь, накланяетесь, а моя *инде* и наобызастесь вдоволь. Но это только два м ныя, суточные блага—прислушайтесь какія ожидаютъ цостоянныя.

Концерты составятся изъ самыхъ замѣчательныхъ тыхъ артистовъ, и все, что только способно издавал превратится въ инструменты и войдетъ въ оркестров стровъ Павловска, Виллы Боргезе, Минеральныхъ вод родъ, желѣзныхъ листовъ, свистковъ, бутылочныхъ окажется мало. Для усиленія эффекта гармоній п мел пойдетъ въ дѣло, начиная отъ дрожательнаго нис ку до введенія пушекъ.

Остряки содѣлаются любезными, безъ претензій,

люди основательными, барышни и дамы примѣрными, во всѣхъ отношеніяхъ.

Издатели разныхъ книгъ будутъ разсчитываться съ своими темными сотрудниками честно и аккуратно. Небольшой народъ Синавъ, о несчастіи котораго мы уже говорили, будетъ въ нынѣшнемъ году непременно вытасненъ изъ воды.

Публика скоро увидитъ прибудущее изъ Берлина чудо женскаго безобразія, *возведенное въ пер.л-ь-созданіа*, дѣвицу Емилію Пастрапа, найденную ребенкомъ въ оврагахъ Мекенки, близъ пустыннаго обиталища обезьянъ, слѣдовательно происхожденія загадочнаго, наперекоръ всемъ натуралистамъ. Профиль этой мексиканской красавицы совершенно обезьяній. Носъ, оконечности ушей и подбородокъ покрыты густыми волосами, равно какъ и все тѣло; лобъ, снабженный жирнымъ лоснящимся желвакомъ, едва ли имѣетъ пространства на два пальца, губы до безобразности толсты, уши велики до чрезмѣрности. И, что же? о корыстолюбіи и расчетѣ положительныхъ Американцевъ! и этому женскому существу предложено было двадцать разъ и рука и сердце, которыя, впрочемъ, были отвергнуты невѣстой съ подобающимъ достоинствомъ, но небогатству соискателей брачнаго союза. Женихи разсчитывали въ этомъ случаѣ на выгоду, которую они могли бы извлечь изъ оригинальнаго безобразія ихъ супруги, и, увы, по гордости Мексиканки, должны были проститься съ пріятными надеждами обогащенія. Дѣвица Пастрапа говоритъ по-англійски и по-испански, поетъ и танцуетъ, но видъ ея выражаетъ всегда постоянное уныніе—одно можетъ быть говорящее нѣсколько въ ея пользу, при страшной игрѣ природы, въ отношенія къ ея наружности.

Нынѣшнюю же зиму ожидаютъ въ Петербургъ новаго чудодѣя, предъ которымъ ничто вся заслуженная слава Пинетти, Боско и Германа. Этотъ чудодѣй, привлекающій въ настоящее время всю брюссельскую публику, никто иной, какъ г. де Кастанъ, бывшій воспитаникъ французской политехнической школы, самый ловкій изъ всѣхъ новѣйшихъ фокусниковъ, человекъ серьезнаго, прочнаго, многосторонняго образованія, собравшій въ головѣ своей все богатства полной энциклопедіи, разговаривающій весьма любезно и умно, и въ добавокъ ко всему этому, еще *Виконтъ*. Пишутъ, что Monsieur le Vicomte напоминаетъ собою знаменитаго Калиостро и производитъ самыя непостижимыя чудеса ловкости, магнетизма и памяти, какія только можно себя вообразить. По

всѣмъ вышепозложеннымъ причинамъ, можно также и ему предсказать огромный, полный успѣхъ въ нашемъ гостепріимномъ Петербургѣ.

Но довольно наобъщали уже мы для только-что родившагося новаго года, не хочу далѣе пересчитывать всѣхъ пріятныхъ его неожиданностей, которыя вы, вѣроятно, пересчитали уже безъ меня, — въ полной увѣренности, что ни одна изъ нихъ не минетъ васъ мимо; не хочу болѣе увеличивать массы всѣхъ вашихъ пріятныхъ предположеній, столькихъ предположеній, какъ будто настоящій годъ долженъ длиться вѣчно. Съ этимъ вмѣстѣ въ особенности не желаю я, въ чемъ бы то ни было, разочаровывать васъ, но изъ всего этого все-таки не слѣдуетъ намъ быть совершенно неблагодарными къ прошлому: благодаренія оказанныя намъ умирающимъ старцомъ, менѣе ли отъ этого должны имѣть цѣны въ нашихъ глазахъ? Полагаю, что нѣтъ и потому, прощаясь безъ возврата съ старымъ годомъ, не помня зла, воздадимъ ему за благо послѣднихъ совершившихся въ немъ особенностей общественной жизни, а пхъ-таки наберется довольно. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе важности.

Въ концѣ прошедшаго года опять возникъ вопросъ объ осуществленіи полезной и даже необходимой компаніи на акціяхъ о снабженіи Петербурга невскою водою.

Водою! воскликните, можетъ быть, въ удивленіи, вы мой, провинціальныи читатель. «Петербургъ, стоящій между переплетомъ трехъ рѣкъ, носящихъ одно названіе Невы, рѣки-Фонтанки и нѣсколькихъ каналовъ, представляетъ необходимость снабжать водою — это, что за извѣстіе?» Странно-то, въ самомъ дѣлѣ странно, а межъ тѣмъ справедливо. Большая часть жителей, несмотря на изобиліе водъ, напоятся водою почти стоячею Лиговки, Мойки, въ особенности бѣдный и рабочій классъ народа. Воды этихъ каналовъ, принимающія въ себя, чрезъ подземныя трубы, всѣ нечистоты города, производятъ весьма вредное вліяніе на здоровье, особенно при вѣсномъ разливѣ водъ. Благодаря этой компаніи, такому важному недостатку будетъ сдѣлано необходимое улучшеніе. Чистая невская вода проведется по всѣмъ улицамъ, подыметъ до крышъ самыхъ высокихъ домовъ; на всемъ протяженіи Петербурга, въ малыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, возвысятся красивые фонтаны и, за самую ничтожную плату, уничтожится большая часть пожаровъ, разныхъ болѣзней, и прочая, и прочая. Воды мы не оберемъ, и всѣ, даже

самыя судомойки , пребудуть съ того времени «чистіи аки голубицы.»

Кстати при этомъ о другой полезной Компаніи. Компанія заготовленія жизненныхъ продуктовъ открыла уже свои дѣйствія и у Пяти Угловъ, въ домъ, гдѣ помѣщается цѣлая колонія другихъ компаній, продаются уже въ плиточкахъ *супы, котлеты* и тому подобное. За какія-нибудь 20, 25 копѣекъ серебромъ, вы отдѣляете на каждый проголодавшійся желудокъ десятую часть пресованной плитки , опускаете эту часть въ кипятокъ и черезъ пять минутъ вамъ уже готовъ супъ съ разными приправами, стоящій вамъ не болѣе двухъ, трехъ копѣекъ серебромъ. Неправда ли, что эта компанія, если она разовьется, въ предполагаемыхъ размѣрахъ , будетъ самою благодѣтельною для путешествующихъ, небогатыхъ семейныхъ людей и холостяковъ и самою сокрушительною для корыстолюбія всѣхъ существующихъ трактирщиковъ, кухмистеровъ и такъ называемыхъ вольнонаемныхъ экономокъ. Имъ просто настанетъ гибель, потому что, каждый превратясь, безъ помощи поваренной книги г-жи Авдѣевой, въ совершеннаго повара , будетъ самъ себѣ, за какую-нибудь гривну, готовить чуть ли не *quasi* Лукулловскій объѣдъ. Но этимъ ли еще только можно помянуть прошлый годъ. Еще не очень наторѣлый въ правильномъ , выгодномъ распределеніи своихъ капиталовъ, онъ , по примѣру своихъ предшествовавшихъ собратьевъ, былъ въ особенности замѣчательнъ благотвореніями, безъ всякой задней мысли получить за свои благодѣянія публичную извѣстность черезъ газеты. За примѣромъ ходить не далеко; стоитъ только пробѣжать хоть годичный отчетъ Демидовскаго дома Призрѣнія Трудящихся, находящагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Изъ отчета этого челолюбиваго заведенія видно, что въ прошедшемъ году однихъ столовыхъ объеденныхъ порцій роздано исчисляемъ , за плату одного рубля серебромъ, 255,780 и *бесплатно* 151,869 порцій. Каждодневно отпускаемо было бѣднымъ пищи, среднимъ числомъ, 700 порцій.

Число призрѣваемыхъ Демидовскимъ Домомъ Трудящихся , простиралось каждодневно до 1100 челоубкъ и общее содержаніе ихъ , со включеніемъ разныхъ расходовъ по Дому, стоило 52,483 руб. сер., а со дня открытія отдѣленія снабженія бѣд-

ныхъ пищею въ 1839 году, въ тринадцать лтъ, какъ видно это изъ отчета, до 1857 года было роздано 4,710,329 порцій.

Бѣдныхъ женщинъ разнаго званія призрѣвается каждагодно на жительство 70. Издѣлій, произведенныхъ ими съ 1836 года считается на 144,612 р.

Бѣдныхъ женщинъ, производящихъ работы отъ заведенія на своихъ квартирахъ, простирается въ настоящее время до 26. Задѣльной платы выдано имъ и приходящимъ для трудовъ на 21,817 руб.

Въ магазинъ при заведеніи продано съ 1836 года работъ бѣдныхъ женщинъ, какъ живущихъ въ заведеніи, такъ и приносящихъ свои издѣлія для продажи со стороны — на 121,257 р. сер.

Руководлій воспитанницъ заведенія на 16,236 р.

Бѣдныхъ дѣвицъ воспитывается въ настоящее время 189; изъ нихъ на иждивеніи учредителя Дома 92 и пансіонерокъ разныхъ вѣдомствъ и лицъ 97. Съ 1840 года выпущено, по окончаніи курса ученія 390 дѣвицъ, и при выпускѣ ихъ выдано имъ заработной суммѣ съ причитающимися процентами на 16,174 руб. сер.

Въ отдѣленіи для призрѣнія малолѣтнихъ призиалось 36 дѣвицъ; изъ нихъ 30 на иждивеніи учредителя Дома и 6 пансіонерокъ разныхъ лицъ.

На жительство въ Домъ состояло: благороднаго званія 50, разночинцевъ 20.

Приносившихъ въ магазинъ свои издѣлія для продажи считалось 126 человекъ.

Благотворителей, какъ то — почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ старшинъ и комиссаровъ, считалось въ прошломъ году 113 человекъ.

Полный годовой расходъ по Демядовскому Дому Трудящихся простирается, по послѣднему отчету, до 60,246 руб. сер.

Это человеколюбивое заведеніе въ особенности благодѣтельно для малолѣтнихъ дѣвицъ и вполне обезпечиваетъ ихъ будущность. Ихъ учатъ Закону Божію, Священной Исторіи, Русскому Языку, Ариметикѣ, Русской Исторіи и Географіи, Правописанію, Чистописанію, Церковному чтенію и пѣнію, но преимущественное вниманіе обращается на усовершенствованіе ихъ въ руководліяхъ, рисованіи цвѣтовъ и узоровъ; ихъ занимаютъ кройкою, шитьемъ; отдѣлкою, мытьемъ и глаженіемъ платьевъ, бѣлья и

дамскихъ парядовъ, вышиванью по тюлю, канвъ и гладью. Для полученія свѣдѣній въ домашнемъ хозяйствѣ ученицы ежедневно дежурятъ поочереди въ общей кухнѣ заведенія. Въ залахъ главнаго Дома заведенія и въ магазинѣ открывается ежегодно особенная большая выставка и вырученныя за издѣлія воспитанницъ суммы вносятся въ Сберегательную кассу для приращенія процентами въ пользу работавшихъ.

Послѣ ежегоднаго публичнаго испытанія въ наукахъ, производится выпускъ, и нѣкоторыя изъ воспитанницъ, согласно своему назначенію, помѣщаются для услуженія въ частные дома и при этомъ выдаются имъ книжки Сберегательной Кассы съ хранящимися деньгами. На воспитаніе дѣвицъ употребляется ежегодно до девяти тысячъ руб. сер.

Въ нашемъ журналѣ нѣтъ постоянной театральнаго хроникъ; слѣдить за всѣми бенефисами, пересказывать содержаніе всѣхъ водевилчиковъ, въ которыхъ, зачастую, нѣтъ не только содержанія, даже внѣшняго смысла—задача непріятная, темная... Мы не беремся за ся разрѣшеніе—боимся или быть рѣзкими въ нашихъ сужденіяхъ, и слѣдовательно непріятными для гг. авторовъ и актеровъ, или подъ влияніемъ водевилей съ передѣлываніями, комедій съ маршами и тушами, и драмъ съ наводненіями, разрушеніемъ хижинъ и воскресною конъечною моралью, впадать въ унылыя размышленія и, слѣдовательно, быть скучными, непріятными для читателей...

Но говорить о замѣчательныхъ *въ какомъ бы то ни было* отношеніи пьесахъ—наша прямая обязанность передъ читателями—и обязанность эта вовсе не тяжела, а потому окончимъ нашъ перечень замѣчательныхъ явленій прошлаго года, подробнымъ отчетомъ сценическаго исполненія прекраснаго, благородно-задуманнаго произведенія, г. Львова, о которомъ мы вскользь упоминали уже въ нашемъ фельетонѣ и которому въ нашемъ журналѣ, въ свое время, была уже сдѣлана справедливая оцѣнка въ отношеніи литературномъ.

Разскажемъ содержаніе пьесы, въ самыхъ короткихъ словахъ, чтобъ только быть понятными тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые и не видали и не читали ея.

У бѣднаго канцелярскаго чиновника, Волкова, украдено уголовное дѣло, которое ему поручилъ начальникъ отдѣленія, для составленія докладной записки (бываютъ канцелярскіе чиновники, которымъ поручаютъ работы и поважнѣе докладовъ; ни-

кто не знаетъ о ихъ существованіи — по они бываютъ...) ему предлагали за продажу этого дѣла десять тысячъ; обстоятельство это извѣстно ближайшему начальству и Волковъ обвиненъ въ протавозаконныхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ...

Ему угрожаетъ отставка, съ тѣмъ, чтобы *впредь ни куда не принимать*, и на десять лѣтъ слѣдствіе...

У него болны дѣти, не заплачено за нѣсколько мѣсяцевъ за квартиру, все его имущество присуждено описать за долги, и, въ довершеніе бѣдствій, его жену, при посредствѣ квартирной хозяйки, получившей воспитаніе тамъ, «куда еще не всякая и попадетъ», пытается оболъстить человекъ, который долженъ Волкову 500 рублей, который честному труду его обязанъ повышеніемъ по службѣ, наградами...

Положеніе Волкова безнадежно, ужасно, и, къ сожалѣнію, возможно въ дѣйствительности...

Но—*святъ не безъ добрыхъ людей*, говоритъ авторъ, въ третьемъ дѣйствіи. Добрый человекъ—журналистъ того же департамента. Дѣло отыскивается, и результаты всей исторіи позволяютъ надѣяться, что обстоятельства Волкова поправятся...

Разборъ комедіи, какъ это видно изъ краткаго ея содержанія, необходимо распадается на двѣ части: на разборъ *собственно комедіи*, по отношенію ея къ искусству и на оцѣнку общественнаго значенія ея, по отношенію къ дѣйствительности.

Последнему разбору комедія подлежитъ только до половинны третьяго дѣйствія, до тѣхъ поръ, пока журналистъ, Простота, не отыскиваетъ дѣла. Дѣло началось—и общественное значеніе комедіи кончилось: внѣшній интересъ пьесы поддерживается разсказомъ журналиста и комедія получаетъ развязку, въ которой, по старинному правилу, добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказаны; но развязка эта, не вытекающая изъ общаго хода пьесы, плохо клеится съ ея содержаніемъ: длинный разсказъ журналиста, замѣняя собою драматическія пружины дѣйствія, даетъ пьесѣ искусственное, насильственно-благополучное окончаніе.

Вопросъ о томъ, до какой степени необходимо въ произведеніяхъ искусства примирительное начало, еще далеко не рѣшенъ и мы колеблемся, поставить ли въ вина автору нѣсколько несестественное окончаніе его пьесы. Позволяемъ себѣ только замѣтить: если примиряющая развязка необходима, она все-таки должна вытекать изъ основныхъ положеній пьесы, изъ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и, главное, изъ условій

жизни, изъ изображаемой авторомъ среды; иначе просто сочиненная авторомъ для приведенія мысли, задуманной имъ наперекоръ всему содержанію пьесы, она всегда будетъ чъмъ-то произвольнымъ, случайнымъ и, слѣдовательно, ничего не доказывающимъ.

Высказавъ это необходимое, по нашему мнѣнію, замѣчаніе, обратимся къ общественному значенію пьесы и къ ея неоспоримымъ достоинствамъ.

Быть департаментскихъ чиновниковъ изображенъ авторомъ превосходно; всѣ характеры почти до мельчайшихъ подробностей вѣрны дѣйствительности. Они, какъ вѣрные типы передъ глазами зрителей, ходятъ, дѣйствуютъ, разсуждаютъ; разсуждаютъ даже слишкомъ много, но мы далеки отъ того, чтобы ставить въ упрекъ автору обиліе монологовъ въ его пьесѣ. Правда, частые монологи нарушаютъ основные законы современнаго драматическаго искусства, сглаживаютъ, дѣлаютъ незамѣтною рѣзкую черту между драмой и эпосомъ. Употребляемые вмѣсто развитія дѣйствія и не всегда кстати, въ моментъ сильныхъ душевныхъ движеній дѣйствующихъ лицъ, они вредятъ пьесѣ, растягиваютъ ее и расхолаживаютъ общее впечатлѣніе; но — мы предупредили нашихъ читателей — мы преимущественно цѣнимъ комедію г. Львова за ея общественное значеніе, уважаемъ благородную мысль автора и глубоко сочувствуемъ его намѣренію — какъ можно полнѣе выставить передъ тысячами различно-образованныхъ, различно-понимающихъ всѣхъ зрителей, бѣдствія цѣлаго сословія, съ одной стороны, съ другой какъ начало этихъ бѣдствій — злоупотребленія, опутавшія собой всю Россію.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не сказать искренняго, горячаго спасибо автору за его монологи, а актерамъ — за мастерское чтеніе этихъ монологовъ.

Монологи никогда не переводились на нашихъ театрахъ и публики наша къ нимъ привыкла, не говоря уже о водевиляхъ, въ которыхъ зачастую, если отнять отъ нихъ забавные монологи, ничего не останется. Бывало, въ драмъ или въ такъ называемой высокой комедіи, актеръ цѣлый часъ объяснялъ публикѣ всѣ тонкости своихъ отношеній къ обожаемой женщинѣ, развивалъ цѣлую теорію любви, состоявшую преимущественно изъ громкихъ, ничего не выражающихъ фразъ; бывало, цѣлыя реляціи въ стихахъ раздавались со сцены, самыя дюжинныя, банальныя наставленія и дешевыя нравственныя сентенціи обдавали образованныхъ

зрителей скукою и уныніемъ и, къ сожалѣнію, вызывающаго плесканія перазвитаго большинства... Монологи, какъ и всѣ мысли автора, не вполне выразившейся въ дѣйствіи заслуживали одобреніе публики, если она сочувствовала мысли и понимала ее. По драматическимъ монологамъ мыслей публикою пьесъ, можно почти всегда безошибочно о степени развитія публики и о занимающихъ ее. Сравните монологи нѣкоторыхъ, возьмъ еще памятныхъ патріотическихъ пьесъ, хоть бы съ монологами г-на оглушающій шумъ рукоплесканій убедить васъ, что публика въ послѣднее время значительно двинулась впередъ.

Конечно, лучше, если правильно развивающееся дѣйствіе вызываетъ и разрѣшаетъ всѣ вызываемыя его содержаніемъ; но, укажите, много ли, не только у насъ, но и въ мірѣ, такихъ высоко-художественныхъ пьесъ; согласны длинныя, но умныя и страстныя монологи, оставляющія зрителя, выходящаго изъ театра, вопросомъ, неизмѣримыхъ конечныхъ, эффектныхъ и въ высшей степени ценныхъ ставленій съ наводненіями, разрушеніями жилищъ, и послѣ которыхъ утомленному пустотою содержанія чудесами зрителю остается только подумать и лечь.

А въ театрѣ, во всякомъ случаѣ, какъ ни устаивать, это выраженіе,—школа нравовъ. Въ театръ образованные и необразованные, грамотные и безграмотные и безчестные... Подѣйствовать силою слова и на другихъ, и на третьихъ—дѣло великое и задача большая. Мало взять въ основаніе пьесы благородную мысль, вынуть ее на столько, чтобы она выходила изъ содержанія только для литературно-образованнаго зрителя. Дѣйствіе общихъ интересовъ, нужно стремиться быть также доступнымъ, понятнымъ—иначе, и это иногда случалось, камень осужденія въ автора бросаютъ именно тѣ, которые мечтали быть адвокатомъ передъ общественнымъ судомъ, за льстивыя грубыя инстинктамъ толпы, противоположныя для объясненія истинной мысли прибѣгать къ ложнымъ идеямъ и поставить идею такъ, чтобы и полуграмотное население и безграмотное населеніе райка видѣло и поняло въ отношеніи искусства, законно и необходимо. Вотъ истинныя чудеса монологовъ въ пьесѣ, не лишеной общественной

нологовъ, объясняющихъ смыслъ положенной въ основаніе пьесы фабулы и задерживающихъ дѣйствіе во имя идеи...

Но все эти монологи ни что иное, какъ риторическая мораль, дидактика, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ нашихъ читателей. Да, это мораль! Безъ морали не обходится ни одна серьезная пьеса; но это не та мораль, которую мы привыкли слушать съ театральнахъ подмостокъ, и настоящее мѣсто которой въ приходской школѣ; это мораль современная, для взрослыхъ, таже мораль, что въ Губернскихъ Очеркахъ Щедрина и въ патристическихъ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, мораль, впадающая въ *лиризмъ*, призванный въ наше время необходимымъ.

Говоримъ смѣло: это лиризмъ, а не дидактика.

Дай Богъ, чтобы чаще и громче раздавалась со сцены такая мораль: мы бы много отъ этого выиграли, общее дѣло подвинулось бы впередъ значительно.

Говорить ли еще о нѣкоторыхъ недостаткахъ пьесы, объ общей почти всекъ нашимъ писателямъ неопредѣленности въ изображеніи женскихъ характеровъ и идеаловъ, по поводу туманной личности жены Волкова, о лишнемъ и нисколько не украшающемъ пьесу эпизодъ любви барона Лихтенгаля и скоровоспламенной Лизаветы Ивановны, эпизодъ, необходимомъ развѣ только затѣмъ, чтобы сколько-нибудь оживить умирающее содержаніе вообще искусственнаго третьяго дѣйствія, о вводныхъ и мало-объясненныхъ личностяхъ?... Мы не разбираемъ пьесы; мы сообщаемъ наши личныя впечатлѣнія. Скажемъ еще разъ спасибо автору за его прекрасную, благородную, умную пьесу и обратимся къ выполнению ея на сценѣ—къ игрѣ актеровъ.

Хорошія, умныя пьесы изъ современнаго быта вообще разыгрываются нашими актерами согласно; это было уже замѣчено нѣсколько разъ; но мы давно уже не видали ни одной пьесы, которая бы разыгрывалась такъ согласно, какъ *Свѣтъ не безъ добрыхъ людей*. Все, рѣшительно все, начиная отъ г. Мартынова—Иваньчиковъ, до г. Яблочкина—баронъ Лихтенгаль, появились свои роли и передали ихъ вѣрно. Развѣ только актеръ, игравшій *темное* лицо, такъ его темнымъ для публики и оставилъ; впрочемъ, и его нельзя обвинять безусловно: Темное лицо, вообще, не изъ удачныхъ персонажей въ пьесѣ, значительное сокращеніе перваго дѣйствія отняло у него многія характеристическія черты; исполнить его хорошо могъ бы только артистъ, создающій роли—такого артиста для этой роли не случилось,

и Темное лицо пропало на сценѣ. Г. Мартыновъ — Иванъчиковъ игралъ безукоризненно. Наивный и лаконическій отвѣтъ закаленного въ плутняхъ подъячаго, на вопросъ, бралъ ли онъ взятки: *бралъ-съ*, вызываетъ несдержимыя, оглушительныя рукоплесканія. Нѣсколько неестественную сцену покражи дѣла, онъ сѣмъль сдѣлать естественною въ высшей степенн, мимикою онъ дополнилъ недосказанное авторомъ, и испугъ мошенника при внезапномъ шумѣ (указанія на этотъ испугъ даже нѣтъ въ напечатанной пьесѣ) передалъ какъ нельзя болѣе вѣрно. Зритель при всемъ отвращеніи къ личности Иванъчикова, боится, что ему помѣшаютъ украсть дѣло: такова сила игры г. Мартынова. Г. Мартынову слѣдовало бы только говорить нѣсколько громче, а то превосходная его игра для половины публики пропадаетъ. Г. *Максимова*—Волковъ, можно упрекнуть развѣ только за нѣкоторую аффектацію въ игрѣ; немножко болѣе простоты и роль выиграла бы значительно. Впрочемъ, декламации въ этой роли требуютъ отчасти самая пьеса. Длинные монологи были прочтаны имъ увлекательно. Послѣ патетическихъ сценъ въ театрѣ раздавался извѣстный шумъ, происходящій отъ общаго сморканія: дамы и вообще слабонервные плакали... Г-нъ Самойловъ, превосходно игравшій Лисицкаго, по нашему мнѣнію, не совсемъ такъ передалъ роль, какъ се задумалъ авторъ: Лисицкій вышелъ у него какъ будто взяточникомъ, тогда какъ Лисицкій взятокъ еще не беретъ, хотя и будетъ брать ихъ со временемъ. Оттого сцена съ Иванъчиковымъ, оканчивающая третье дѣйствіе и его изумленіе по уходѣ послѣдняго и восклицаніе: *Но послушайте! возьмите ваши деньги!* вышло не совсемъ такъ, какъ передаетъ зритель, читавшій комедію. Мы судимъ по своему впечатлѣнію—и потому, очень можетъ быть, ошибаемся. Повторяемъ еще разъ: создавъ роль, какъ ему показалось лучшимъ, г-нъ Самойловъ выполнилъ ее превосходно. Г-жѣ Линской публика давно не апплодировала съ такимъ справедливымъ увлеченіемъ, какъ за роль Лизаветы Ивановны. Разсказъ объ ея замужествѣ передавъ ей съ неподражаемымъ комизмомъ. Въ сценѣ ея съ барономъ Лихтенталемъ, г-нъ Яблочкинъ, игравшій, какъ мы замѣтили выше, очень хорошо, выразилъ уже слишкомъ много стремительности и оттого вся сцена вышла смѣшною болѣе, чѣмъ нужно. Баронъ Лихтенталь, господинъ, *который держится такъ, какъ будто вотъ-вотъ сейчасъ упадетъ* въ самыхъ своихъ любовныхъ похожденияхъ (особен-

но, какъ онъ полагаетъ, съ женою канцелярскаго чиновника) не можетъ быть очень суетливымъ. Это следовало бы принять въ соображеніе г-ну Яблочкинѣ. Г-нъ Каратыгинъ прекрасно исполнялъ небольшую роль Евлампія Ермоланча; г-нъ Зубровъ очень хорошо выполнилъ умно задуманную авторомъ, но не совсемъ естественную, роль журналиста Простоты. Г-жа Сивткова играла просто и благородно—главные монологи прочла она съ большимъ чувствомъ и нѣкоторыя черезъ чуръ наивныя выходки жены канцелярскаго чиновника, при ея игрѣ, вышли какъ будто естественны.

Общее впечатлѣніе выполненія пьесы самое пріятное.

Мы говорили въ началѣ нашего фельетона, что слѣдить за всеми бенефисами—задача непріятная, темная... Чтобы читатели не считали словъ нашихъ бездоказательными, подѣлимся съ ними впечатлѣніями, которыя мы вынесли изъ бенефиса г-жи Владиміровой. Пусть они рѣшаютъ сами—слѣдуетъ ли на будущее время говорить о всѣхъ бенефисахъ.

Три новыя пьесы, двѣ возобновленныя, живыя картины, новыя и старыя танцы, исполненныя лучшими танцовщицами, квартеты, дуэты и романсы, и при нихъ имена г. Тамберлика и другихъ извѣстныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ — болѣе въ одинъ вечеръ и дать нельзя. Если хоть одна изъ новыхъ пьесъ не совсемъ лишена достоинствъ, хоть одинъ квартетъ, хоть одинъ романсъ произведетъ пріятное впечатлѣніе, зритель выйдетъ изъ театра, вознагражденный и за скуку остальныхъ пьесъ, и за непомерно-дорогія бенефисныя цѣны.

Но бываютъ несчастія непредвидимыя. Г-жа Владимірова сдѣлала все, чтобы бенефисъ ея былъ разнообразенъ и занимателенъ, и вотъ что мы видѣли.

Мы не видѣли и не слышали, во первыхъ, г-на Тамберлика. Случись же такое несчастіе—онъ заболѣлъ какъ разъ въ этотъ день! Не было, стало быть, ни квартета изъ оперы *il Giuramento*, ни дуэта изъ оперы *Robert Devereux*, а и тотъ и другой такъ красиво и крупно стояли на афишѣ. Г-жа Шоберлехнеръ была какъ будто не въ голосъ. Романсъ *Соловей* былъ ею исполненъ при какихъ-то странныхъ манифестаціяхъ публики. Вокальная часть бенефиса была вообще неудовлетворительна,—но вѣдь это и не главное въ бенефисѣ драматической актрисы: концертовъ нельзя и требовать; танцы пли своимъ чередомъ,

шли очень успѣшно, хотя вовсе не въ томъ порядкѣ, какъ было назначено на афишѣ.

Главное въ бенефисѣ—пѣсы, новыя пѣсы!...

Барыня скучно, называется новая комедія, или, нѣтъ: сцены изъ свѣтской жизни. соч. графини Ростопчиной. Барыня выходитъ на сцену и звать, звать, что называется, во весь ротъ, говорить, *скучно*. Мужъ (г-нъ Яблочкинъ) хочетъ ее вылечить отъ скуки, и возбуждаетъ въ ней ревность, или кажется, она возбуждаетъ въ немъ ревность, право, хорошенько не запомнимъ, только мужъ все хохочетъ, хохочетъ тѣмъ неестественнымъ театральнымъ смѣхомъ, который такъ дико раздается всегда въ ухахъ публики. Тутъ еще есть какой-то поклонникъ барыни. Онъ ей объясняется въ любви, а она все звать, все звать... и звота, конечно, сообщается и публикѣ. Потомъ все это какъ-то устроивается—какъ ужь, мы не знаемъ, потому что, по известной симпатіи, прозвали всю пѣсу. *Петербургская барышня*, комедія въ одномъ дѣйствіи, г. Иванова. Петербургскую барышню играетъ г-жа Владимірова, очень много одѣтая амазонкою. Горничную играетъ г-жа Стрѣльская и играетъ очень не дурно. Пѣсса эта очень длинная... Больше мы о ней ничего не можемъ сказать. Содержаніе ея состоитъ вотъ въ чемъ: за петербургскою барышнею ухаживаетъ провинціальный франтъ (г-нъ Мартыновъ) и столичный, образованный, и занимающій хорошее мѣсто молодой человекъ (г-нъ М. Максимовъ). Послѣдній, при общемъ чиханіи и сморканіи публики, сяется что-то доказать петербургской барышнѣ, а провинціальный фатъ увѣряетъ всѣхъ, что барышня выйдетъ за него замужъ. Черезъ полчаса по поднятіи занавѣса, барышня объявляетъ, что выйдетъ замужъ за петербургскаго молодого человека. Занавѣсъ опускается.

Капитальною пѣсою бенефиса былъ фарсъ, передѣланный съ французскаго: *Милые бранятся, только тѣшатся*. Фарсъ этотъ, по-крайней-мѣрѣ безъ претензій и при порядочной игрѣ г-жи Самойловой и г-на Марковецкаго, за исключеніемъ кое-какихъ двусмысленностей, довольно забавенъ.

Главная роль, въ которой публика видѣла бенефициантку — въ старой комедіи: *Соль суицидства*, была роль ничтожная, неестественная: жена въ первый же день послѣ брака дуется на мужа, гримасничаетъ и потомъ мирится съ нимъ.... Въ комедіи князя Шаховскаго живыя картины были очень хороши, по

зачѣмъ было возобновлять всю піесу? Можетъ быть, въ старину находились люди, которые принимали живыя картины за произведенія русскихъ живописцевъ, но въ наше время такія напвности устарѣли... Г. Мартыновъ играетъ роль Хренча, учителя: въ роли всего десять словъ и ни одного намека для мимики. Подобную роль могли бы очень удобно выполнить и другіе артисты, особенно въ двѣнадцатомъ часу ночи....

Вотъ и весь бенефисъ.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о первомъ представленіи новой оперы Верди: *Іоанна да Гусманнъ*, и такъ какъ судить объ оперѣ по первому впечатлѣнію нельзя, то до подробнаго разбора замѣтимъ только, что, не смотря на блестящую обстановку, она не произвела на нашу публику такого впечатлѣнія, какъ *Трубадуръ* и другія любимыя сю оперы.

Коснувшись новой оперы, можемъ прибавить нѣсколько словъ о блестящемъ успѣхѣ за границей нашего молодого композитора, піаниста г. Антона Рубинштейна. Въ Лейпцигѣ первый абониментный концертъ въ Геандгаузѣ открылся его произведеніемъ—его тріо для фортепіано, скрипки и віолончели, которое было исполнено имъ самимъ и другими артистами; тріо такъ понравилось публикѣ, что Рубинштейнъ былъ нѣсколько разъ вызванъ, и какъ композиторъ, и какъ исполнитель. Ораторія Рубинштейна «Потерянный Рай» будетъ въ скоромъ времени исполнена въ Веймарѣ полнымъ оркестромъ, подъ управленіемъ знаменитаго Листа.

ВВѢСТІЯ.

ь, которую мы можемъ сообщать въ основаніи новаго періода Высочайшему повелѣнію при рпуса. Съ 1-го мая настоящаго « Военный Сборникъ », ежемѣсячныхъ листовъ (около 320 страницъ), какъ значится въ программѣ оставить офицерамъ всѣхъ оруженіе и въ тоже время каждому щей пользы офицеру дать средь по оружію наблюденія и записки, касающихся матеріальнаго и т.д.

« Сборникъ » будетъ журналомъ *литературнымъ*. Каждая книжечка программы, будетъ имѣть

содержаніе изъ Высочайшихъ приказовъ, указовъ, военнаго министра, генералъ-фельдцейхмейстера, начальниковъ введеній и командировъ отдѣльныхъ объявленій департаментовъ, общихъ узаконеній, которыя имѣютъ бытовое значеніе.

Содержать все, относящееся до измѣненій въ вооруженіи, формы одежды и проч., и т.д. это каждому офицеру. Такимъ образомъ подручнымъ сборникомъ всѣхъ т.д.

а) Военная исторія. б) Военная географія. в) Фортификація и артиллерія. г) Записки изъ военного быта. д) Записки о дѣлахъ, имѣющія военный интересъ. е) Записки о дѣлахъ военныхъ людей.

ж) Доклады Коммиссіи Улучшеній по военному Ученаго Комитета. з) Открытія и изобретенія въ Россіи произведенные. и) Открытія и изобретенія иностранныхъ. к) Библиографическія свѣдѣнія о различныхъ журналахъ, выходящихъ въ русскомъ и англійскомъ языкахъ. л) Доклады о дѣлахъ активной и строевой части во всѣхъ

Чтобы соответствовать своему назначенію, «Военный Сборникъ» будетъ стараться изложеніе **всѣхъ статей** сдѣлать общедоступнымъ и общеинтереснымъ, заботясь о соединеніи ученыхъ достоинствъ ихъ съ популярностію. Редакція употребитъ всѣ усилія, чтобы наполнять журналъ по преимуществу такими статьями, которыя имѣли бы живое значеніе для нашего **военнаго быта** и возбуждали бы въ читателяхъ дѣятельность мысли. Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ будетъ первою обязанностию журнала.

Сознавая всю важность этой обязанности, всю трудность ея исполненія, редакція надѣется преодолѣть эту трудность только при помощи **всѣхъ образованныхъ и заботящихся объ общемъ благѣ русскихъ офицеровъ**; поэтому и обращается ко **всѣмъ служащимъ и служившимъ въ рядахъ нашей арміи офицерамъ** съ просьбою содѣйствовать ей въ дѣлѣ изученія нашего **военнаго быта** и распространенія въ войскахъ **всѣхъ свѣдѣній**, до **военнаго дѣла** относящихся.

Въ какой бы **формѣ** ни была написана статья, основательно излагающая состояніе того или другаго **отдѣла нашихъ войскъ**, той или другой **половины нашей жизни**, она будетъ съ равною признательностію принята «Военнымъ Сборникомъ». Систематическое изслѣдованіе, простой разсказъ, замѣтки въ **формѣ воспоминаній или наблюденій**,—все можетъ быть равно прекрасно и полезно, лишь бы только было **дѣльно и правдиво**. Многие изъ **опытнѣйшихъ и достояннѣйшихъ людей**, въ совершенствѣ знающихъ свою часть, затрудняются передавать на общую пользу, посредствомъ печати, **плоды своихъ наблюденій** только потому, что ихъ останавливаютъ требованія такъ называемой **литературной формы**; но знаніе дѣла и здравый взглядъ на него—достоинства болѣе важныя, нежели изящество языка, и если статья написана **человѣкомъ дѣльнымъ, ясно понимающимъ свой предметъ и излагающимъ мысли основательно обдуманныя**, она всегда будетъ **оцѣнена по ея внутреннему достоинству**. Такія статьи «Сборникъ» будетъ считать лучшимъ своимъ украшеніемъ.

Желая сколь возможно избѣгнуть **односторонности воззрѣній**, редакція будетъ охотно помѣщать въ «Сборникъ» **всѣ возраженія и замѣчанія** на статьи, въ немъ же напечатанныя.»

Редакцію «Военнаго Сборника» завѣдываютъ: генеральнаго штаба **подполковникъ В. М. Аничковъ**, гвард. генеральнаго штаба капитанъ **Н. И. Обручевъ** и **Н. Г. Чернышевскій**, хорошо известный русскимъ читателямъ своими трудами въ журналъ «Современникъ». Имена редакторовъ служатъ лучшимъ ручательствомъ за **тщательность и добросовѣтность исполненія трудной задачи**, ими на себя принятой. Хорошо зная средства новаго журнала и искренно сочувствуя **благу и цѣли его основанія**, мы совершенно убѣждены въ его **успѣхъ**, который будетъ и **быстръ и прочепъ**. Извѣстность, которою пользуется въ русской публицѣ «Морской Сборникъ», хорошо доказала, что у насъ изданія **подобнаго**

рода цѣнятся не одними спеціалистами. Съ нетерпѣніемъ станемъ ожидать первыхъ книжекъ «Военнаго Сборника», какъ изданія, которому, мы въ томъ твердо увѣрены, суждена блистательная будущность въ наше время дѣльнаго труда и благихъ начинаній.

— Въ Москвѣ вышла книга «Николай Владиміровичъ Станкевичъ», составленная П. В. Анненковымъ и отчасти знакомая всякому, кто читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» замѣчательную біографію Станкевича. Книга, о которой говоримъ мы, не есть однако же простая перепечатка статей г. Анненкова; эти статьи, соединенныя въ одно цѣлое, не составляютъ ея половины. Большая же часть изданія занята корреспонденціею Станкевича, небольшимъ числомъ его стихотвореній и отрывковъ, писанныхъ имъ въ прозѣ. О трудѣ біографа распространяться нѣтъ надобности, онъ уже давно всеми оцѣненъ по достоинству. Но мы должны сказать, что переписка Станкевича составляетъ нѣчто чрезвычайно привлекательное для тонкихъ любителей чтенія. Вся душа этого свѣтлаго, симпатическаго, высокообразованнаго юноши выразилась въ его письмахъ, изъ которыхъ многія истинно прелестны. Мы надѣемся въ самомъ непродолжительномъ времени подробнѣе поговорить о Станкевичѣ и его письмахъ.

— Обыкновенная исторія И. А. Гончарова вышла вторымъ изданіемъ. Обѣ части заключены въ одной книжкѣ, четко и очѣнь чисто изданной. Изъ другихъ книгъ, вышедшихъ за последнее время, можемъ указать читателямъ, на «Сочиненія г. Лажечникова» (въ новомъ изданіи), «Записки объ осадѣ Севастополя» Н. В. Берга, о которыхъ мы упоминали еще до ихъ выхода въ свѣтъ и «Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера», хорошо знакомыя читателямъ Библіотеки для Чтенія за прошлый 1857 годъ.

— Заключаемъ наши замѣтки печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ благороднаго дѣятеля, много потрудившагося для русской литературы, и предназначеннаго, какъ мы все думали, для большихъ и новыхъ трудовъ на ея пользу. 18 января, въ четвертомъ часу утра, скончался въ Москвѣ преподаватель Всеобщей Исторіи въ Московскомъ университетѣ и одинъ изъ редакторовъ журнала «Русскій Вѣстникъ», *Петръ Николаевичъ Кудрявцовъ*. Долгая и изнурительная болѣзнь, усиленная местными семейными утратами, свела его въ могилу на 42 году отъ рожденія. Заслуги П. Н. Кудрявцова, какъ ученаго писателя, профессора, журналиста и писателя въ повѣствовательномъ родѣ (Кудрявцову при-

надлежали замѣчательныя повѣсти, подписанныя псевдонимомъ Нестроева), слишкомъ известны каждому образованному человеку нашего поколѣнія; сухой перечень этихъ заслугъ не будетъ умѣстенъ въ настоящемъ случаѣ. Въмѣсто такого перечня, мы считаемъ за лучшее выписать нѣсколько строкъ, изображающихъ личный характеръ покойнаго профессора; слова эти сказаны его другомъ и товарищемъ, М. Н. Катковымъ.

«Во глубинѣ сосредоточенной и крѣпко замкнутой души Кудрявцова таилось много сокровищъ, и какъ ни обильна была его дѣятельность, недосказаннаго было болѣе, чѣмъ высказаннаго. Черта глубокой меланхоли была господствующею въ его характерѣ; чувство сосредоточенной грусти отзывалось уже въ первыхъ литературныхъ опытахъ его юности, оно проходило черезъ всю жизнь его, но не омрачало ея радостей, не возмущало его душевной ясности. Менѣе всего былъ онъ подверженъ апатіи; никто не видалъ его въ нравственномъ застоѣ; никому не случалось застигнуть въ немъ умственный упадокъ. Внутри души его всегда горѣлъ огонь, который поддерживалъ непрерывное обращеніе его нравственныхъ силъ, и согрѣвалъ его во всѣхъ занятіяхъ. Впечатлѣнія не обнаруживались въ немъ порывами, но шли всегда внутрь души, дѣйствуя неухватимо, продолжительно и глубоко. Всю жизнь свою онъ отличался высокою независимостью характера, чистою и непоколебимою твердостью правилъ.

«Кромѣ многочисленныхъ трудовъ, извѣстныхъ публикѣ подъ его именемъ, много разнородныхъ сочиненій его появлялось въ періодическихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ или безъ имени. Высокія достоинства его историческихъ трудовъ признаны въ нашей литературѣ. Они принадлежатъ къ лучшему, что произвела у насъ наука, и составляютъ значительную долю нашего небольшого ученаго капитала. Онъ никогда не довольствовался тѣмъ поверхностнымъ и фальшивымъ знаніемъ, которое приобретается безъ самостоятельной умственной работы. Онъ не любилъ искусственной оригинальности, но мысль его была самобытна на дѣлѣ. Никогда онъ не слѣдовалъ слѣпо чужому указанію, и успокоивался только тогда, когда проникалъ въ живую глубину источниковъ. Писалъ онъ сразу, тщательно выработывая мысль и фразу подъ перомъ, но никогда не переделывая и не поправляя написаннаго. Обыкновенно молчаливый, не любившій споровъ, которые слишкомъ сильно волновали его воспримчивую натуру, онъ отличался, тѣмъ не менѣе, блестящимъ даромъ слова на кафедрѣ, живостью и изворотливостью мысли на публичныхъ диспутахъ. Въ зрѣломъ умѣ его выработались опредѣленныя убѣжденія по всѣмъ вопросамъ жизни, убѣжденія неуступчивыя и непреклонныя. Что было въ умѣ его, то было и въ его сердцѣ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые дорожатъ мнѣніями только какъ предметомъ для разговоровъ, и легко мѣняютъ ихъ; онъ ненавидѣлъ *праздныхъ* мнѣвій, и умственный интересъ былъ для него дѣломъ жизни. Событія текущей исторіи чувствовалъ онъ съ энергіею личнаго дѣла. Его антипатіи и симпатіи были рѣшительны и неизмѣнны. Въ комъ разъ онъ убѣдился, тотъ могъ быть спокоенъ за себя въ его мнѣніи. Дружба его была исполнена ничѣмъ невозмутимаго довѣрія и преданности. На своихъ слушателей онъ производилъ симпатическое и глубокое дѣйствіе. Невольно чувствовалось, что онъ былъ весь въ своемъ словѣ, безъ утайки. Благородный образъ его сохранится навѣки въ сердцахъ его друзей и многочисленныхъ слушателей, на ряду съ образомъ незабвеннаго Грановскаго.»

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

СИМПЛОНСКАЯ ДОРОГА И ИТАЛЬЯНОСКІЯ ОЗЕРА.

I.

Нашъ Швейцарскій пансіонъ подь-конецъ походилъ на русскую колонію и надо намъ отдать справедливость, мы его порядкомъ передѣляли на свой ладъ. Но, несмотря на то, что кухарка Жаннета усовершенствовалась въ вареніи налимной ухи, что дамы пріобрѣли привычку уходить тотчасъ изъ-за стола, чтобы дать намъ возможность курить безъ нихъ, что хорошенькая Маргарита болве болтала съ нами, чѣмъ исполняла другія свои обязанности—надо было наконецъ покинуть мирный край отелей и пансіоновъ. Мы соединились въ четверомъ и обсудивъ все шансы различныхъ дорогъ и способовъ переезда, рѣшились ѣхать на почтовыхъ по Симплонской дорогѣ.

Изъ всѣхъ дорогъ, которыя перерезываютъ Альпы и соединяютъ Швейцарію съ Италіей, дорога черезъ Симплонъ самая живописная. Она построена по приказанію Наполеона. Пять тысячъ рабочихъ трудились надъ нею восемь лѣтъ, болве шестисотъ мостовъ и трубъ перекинуто черезъ ручьи, овраги и пропасти; восемнадцать милліоновъ франковъ стоила она французамъ и Цизальпинской республикѣ, — какъ же послѣ этого не отдать было ей чести предпочтенія.

И вотъ, въ одно въ самомъ дѣлѣ прекрасное утро, подьвхала къ нашему крыльцу коляска въ двѣ лошади, къ запяткамъ привязали наши четыре чемодана, кучеръ обльпился на козлахъ саками и шляпниками. М-г Деспаллонъ, имьющій привычку обыкновенно напиваться къ обѣду, напился къ завтраку, угостилъ насъ какимъ-то пирогомъ изъ сыру и яшпицы и, не убьдивъ никого спуститься въ его погребокъ — гдѣ хранятся болве имъ опорожненныхъ, нежели цѣльныхъ бутылей, — спустился съ горя одинъ — и мы отправились.

По карнизу Женевского озера, мимо Шильонскаго замка, мы дохали до городка Вильнева, выстроеннаго на мѣстѣ Римскаго Пенникулуса, уничтоженнаго въ 563 году паденіемъ горы Тав-

ретунумъ , — повернули влѣво и простились съ голубой равниной Лемана. По бокамъ стояли двѣ угрюмыя стѣны горъ, глубокая темная долина вилась между ними, постепенно повышаясь, и изъ глубины ея виднѣлись вершины, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, на насъ пахнуло холодкомъ роднаго первопутья и мы въѣхали въ долину Роны.

Рона насъ встрѣтила у Портъ-Валие, который въ то счастливое время, когда назывался Portus-Vallesiae, стоялъ на берегу озера, а теперь, къ крайнему огорченію, очутился версты за три отъ него. Рона здѣсь грозна и мутна; не даромъ Руссо сказалъ про нее, что она будто боится замарать собою воды Лемана; однако, судя по быстротѣ, не видно, чтобы она очень этого боялась.

Дорога по болотистой Ронской долинѣ не лишена своего рода суровой прелести: то, при поворотѣ выгляетъ, сверкая бѣлымъ снѣгомъ, какая-нибудь горища, то водопадъ бѣжитъ изъ узенькой или широкой щели и, падая, разсыпается на воздухъ брызгами.

— Какой это водопадъ? спрашиваемъ мы у почтаря, и получаемъ въ отвѣтъ названіе, которое можно видѣть на Подъ-Поттеровской картинѣ въ Эрмитажѣ, но неудобно напечатать. Иногда горы сходятся, какъ двѣ стѣны, и оставляютъ между собою узенькій корридоръ, въ который такъ и хочется заглянуть, а видишь только бѣлую цѣну воды, которая несется, можетъ быть, съ Монблана; иногда по ущелью дѣвственный снѣгъ спускается низко и видно цѣлое покатоѣ рѣдкое сосенъ, засмѣянныхъ имъ.

— Экая пороша-то, пороша-то, говоритъ одинъ мой спутникъ, истый руссакъ.

— А у насъ теперь этого виду-то! прибавляетъ другой — и странное дѣло: этотъ видъ веселилъ насъ! Точно встрѣчаешь какую нибудь знакомую и надоевшую физиономію при выѣздѣ изъ надоевшаго города; тройка бѣжитъ шибко.

— Прощайте, Иванъ Семенычъ, кричитъ знакомая физиономія.

— Прощайте, Семенъ Ивановичъ, улыбаясь кричишь ему, обращаясь изъ тарантаса, — и вамъ становится еще веселѣе отъ сознанія, что эту глущую фигуру Семена Ивановича догло не увидишь.

Переходъ изъ кантона Во въ Вале чувствуется резко: позади, жизнь, движеніе, предприимчивость, впереди болота, оборванные нищія, кретины съ безобразными зобами и сморщенными какъ отъ собачьей старости, лицами — и что еще безобразнѣе,

крестьяне въ короткошолыхъ фракахъ и съ ломани-
кимъ языкомъ. Изрѣдка попадающіеся кресты и
говорять о присутствіи католицизма.

Этотъ переходъ дѣлается на живописномъ мѣсту
риса; солдатъ остановилъ насъ и спросилъ паспортъ

— Нѣтъ у насъ паспортъ, говоримъ мы, наученіе

— Не можетъ быть, чтобы вы путешествовали безъ
товъ, возражаетъ солдатъ.

— Да зачѣмъ же паспорта по Швейцаріи? они
чемодавахъ.

— Если вы не пропишете ихъ, то вамъ нельзя
вернуться.

— Да мы и не желаемъ возвращаться!

— Гм! не желаете! ну, такъ повзжайте, коль не
ворить отражъ.

Утромъ при отъѣздѣ изъ пансіона, одинъ прусскій
комый и сожитель, узнавъ, что мы ѣдемъ по экстрена
нерекладныхъ, съ увѣренностью сказалъ намъ:

— Вы, вѣроятно, будете ночевать въ Домо д'Осс

— Какъ въ Домо д'Оссоло? Вѣдь это не та сторо-
на, на которой подниматься только нужно одиннадцатъ
дай Богъ дѣхать туда въ два дня.

— Помните, я пѣшкомъ пришелъ въ полторы с

Однако, мы все-таки проехали трѣе сутокъ, хотъ
тоже былъ правъ. Дѣло въ томъ, во первыхъ, что
шеходъ не далеко отстанетъ отъ здѣшнихъ почтовыхъ
дей, а во вторыхъ, что пѣшеходныя тропинки гораз
ниже и много сокращаютъ путь; мы же ѣхали только
разными вольными и невольными остановками.

Прѣзжаемъ въ сумерки въ какой-нибудь городокъ

— А что, поздно вѣдь, господя: не остановитесь
ночевать? говорить одинъ.

— Разумѣется поздно! По дорогѣ ничего не увидъ
рять другой.

— Да и холодно! говорю обыкновенно я.

— Да и голодно, говоритъ обыкновенно Я., имѣю
привычку *перекустить* на каждой станціи.

И мы останавливаемся, спрашиваемъ чаю, сырой
тѣтѣи Quanté, разводимъ сильный огонь въ каминѣ и
вечера до ночи и съ просенья до отъѣзда.

Первую ночь мы ночевали въ Мартиньи, гдѣ особенно много кретиновъ и Англичанъ, первыхъ потому, что живутъ въ горахъ и сырости, а вторыхъ потому, что отсюда дорога въ знаменитую долину Шамуни, столь известную по опереткамъ и Монблану.

— А хорошо бы, господа, въ Шамуни заглянуть, разумеется черезъ *Tête-Noire*, потому-что *Col-de-Balme* завесенъ, я думаю снѣгомъ, говорю я.

— Помилуйте, какая теперъ Шамуни, когда въ ней и лѣтомъ холодно, — а вы въ каминъ чуть ногъ не жжете, съ гнѣвомъ возражаютъ мнѣ спутники.

И я очень доволенъ, потому что совѣстно не побывать въ Шамуни—и невозможно въ этотъ холодъ.

Два дня мы вѣхали до поворота на Симплонъ и каждую ночь болѣе и болѣе зябли, наконецъ на третье утро рано прѣехали въ Бригъ. Пока ждали переменны—потому что не на однихъ нашихъ станціяхъ слышишь отвѣтъ «нѣтъ лошадей»,—я пошелъ въ лавченку и купилъ какіе-то чоботы изъ покровокъ, въ родѣ валенокъ, и хорошо сдѣлалъ; наконецъ намъ заложили четверку и мы пустились подниматься.

Собственно Симплонская дорога начинается съ Брига. Говорятъ, что Наполеонъ задумалъ ее послѣ сраженія подъ Марейго. Трудный переходъ черезъ С-тъ Бернаръ заставилъ его желать лучшей военной дороги и онъ часто во время работъ спрашивалъ инженеровъ: «когда же черезъ Симплонъ можно будетъ перевозить пушки?»

Дорога отлично шоссирована, широка и вездѣ ограждена каменнымъ барьеромъ. Подъемъ довольно отлогъ, но почти непрерывенъ. Часа четыре мы поднимались шагомъ—то пѣшкомъ, то въ экипажѣ, по зигзагамъ, которые дѣлаетъ дорога, огибая гору и то вдаваясь, то выдаваясь изъ нея вслѣдъ за ущельями и ребрами. День былъ ясный и видъ превосходенъ. Внизу видѣлась Ронская долина; Бригъ постоянно то прятался, то выглядывалъ на насъ изъ глубины; рядомъ еще зеленыя покатоги, покрытыя перельсками, по которымъ паслись стройныя горныя козы и коровы съ цѣлымъ колоколомъ на ремешкѣ подъ шей, а сверху вблизи и вдали то полузакутанныя облаками, то вырзываясь изъ нихъ и ослѣпительно блестя на солнцѣ, смотрѣли блоснѣжныя массы Альпійскихъ аристократовъ: сумрачнаго «Монаха», стройной «Барышни» (Юнг-Фрау).

Мѣстами скалы были взорваны для дороги и обнаженыя ребра камней прямо и грозно висѣли надъ нами; холодныя воды ручьевъ и каскадовъ прорывались подъ дорогу и шумѣли внизу; льсь сталь ниже, растительность бѣднѣе, избушки, разсыяныя по горѣ—рѣже.

— Отъ чего никого не видать въ этихъ избушкахъ? спросили мы.

— Здѣсь живутъ только лѣтомъ во время пастбищъ, отвѣчалъ почтальонъ, а теперь онѣ пусты вплоть до весны.

Видъ становился сумрачнѣе, погода хуже; два одинокія каменные пріюта (maison d'asile) остались позади; наконецъ переѣздяшіе и голодные, мы пріѣхали въ третій «Беризаль», гдѣ помещается станція и гостинница.

— Пожалуйста, поскорѣе обѣдать!

— И огня въ каминъ!

— И потомъ лошадей!

Говорили мы хоромъ встрѣтившему насъ хозяину.

— Обѣдать и огня сію минуту, но лошадей не могу, послѣднія взяты почтовымъ дилижансомъ, а первыя воротятся не ранѣе, какъ черезъ два часа.

— Дѣлать нечего, подождемъ!

Пообѣдали; яркій огонь затрещалъ въ каминъ и мы съ сигарами усѣлись вкругъ него. А на дворъ спустилось облако, моросилъ дождь, шумѣлъ ввтеръ.

— Что, нѣтъ еще лошадей?

— Скоро, я думаю, будутъ, отвѣчалъ отселье.

— А что, господа, вѣдь ужъ поздно и по дорогѣ ничего не будетъ видно, началъ опять одинъ.

— И холодно, сказалъ я.

— И голодно, сказалъ П., допивая свой послѣ-обѣденный кофе.

И мы остались.

Вскорѣ хозяинъ вбѣжалъ въ поныхахъ и сказалъ, что вѣдутъ дамы. Это было русское семейство, вхавшее изъ С-тъ Мориса за нами—и мы поспѣшили обратиться съ своими сигарами.

Перебѣжали по деревянной галлерей въ другой флигель; входимъ въ номера. Боже! что это за холодъ!

— Огня, огня скорѣй въ каминны! кричали мы.

— Да отчего вы не заведете двойныхъ рамъ,—вѣдь дуть во всю щели! сказалъ я.

— Зимой здѣсь никто не живетъ! отвѣчалъ трактирщикъ; пре-

взжихъ почти нѣтъ, я живу въ томъ домѣ. Да и я бы не оставался, если бы не содержалъ лошадей.

— Хотя бы солнцемъ нагрѣвало здѣсь.

— Сѣлица мы теперь не увидимъ четыре мѣсяца: оно постоянно заслонено Симплономъ.

— Признаюсь, житье не завидное, подумалъ я.—Можно быть снисходительну къ счету, въ которомъ, кажется, франковъ шесть стояло за огонь въ каминнахъ.

На сыромъ снѣгѣ, подъ кучей одѣяль, провели мы кой-какъ ночь и чуть свѣтъ позавтракали и пустились въ путь. Утро было холодное, туманное. Густыя облака толпились у ногъ нашихъ, ползая по ущельямъ, часто задввали насъ и покрывали, то сырой изморосью, то мелкимъ снѣгомъ. — Внизу, кромѣ клубовъ мглы, ничего не было видно, надъ нами ближе и суровѣе стояли горныя вершины, покрытыя густыми пуховиками снѣга, сквозь который какъ-то холодно прорывывались голые и острые камни. Растительности становилось все меньше и меньше, сосны долго слѣдили за нами, наконецъ начали рѣдѣть, отставать—и исчезли. Въ замѣнъ ихъ снѣгъ по горамъ спускался все ниже, ниже, захрустѣлъ подъ колесами и мы очутились среди молчаго царства зимы.

Часа черезъ три утомительной ѣзды, экипажъ вѣзхалъ подъ высѣченный изъ скалы тоннель.

— Сосульки-то! сосульки-то! замѣтилъ одинъ. Какъ у насъ великимъ постомъ.

— Экъ, не видали чего! говоритъ Р. и стоило забираться сюда, чтобы видѣть сосульки.

Миновавъ пятый пріютъ, мы выѣхали на самую опасную часть дороги. Вираво виднѣлся не вдалекъ крестъ, обозначающій грань перевала; но до него, на пространство трехъ верстъ, стоятъ шесть пріютовъ: такъ часто бываютъ здѣсь обвалы. Снѣгъ былъ по ступицу. Мы, то вѣзжали подъ галлерею, сдѣланную въ защиту отъ снѣга, то подъ водопроводы, на которыхъ собирается горная вода и падаетъ каскадомъ. При перевѣздѣ черезъ одинъ мостъ, мы увидали съ одной стороны груды накиданнаго снѣгу, съ другой, по оврагу, глубокую, изрытую полосу.

— Что это за снѣгъ? спросили мы почтальона.

— Восемь дней назадъ, здѣсь упалъ обвалъ, отвѣчалъ онъ.

Мы взглянули вверхъ и увидѣли такую же широкую полосу, которая шла вплоть до верху.

Наконецъ проглянуло солнце, облака поубрались немного и мѣстами начали проступать удивительныя виды. Вотъ внизу Брегъ, надъ которымъ мы идемъ другою дою, докъ Юнгъ-Фрау выглядываетъ черезъ облака, кругомъ опять благодать такъ, что больно глазамъ, и изъ него порой выглядываютъ снѣговатыя холмныя массы: это груды вѣчнаго льда, такъ называемыя ледники (glaciers).

Морозный воздухъ былъ рѣдокъ и ясенъ, какъ у насъ въ декабрѣ. Не смотря на благословеніа, которыми я осыпала судьбу, внушившую мнѣ мысль купить валенки, и мою шинель, доставлявшую пищу остроумію спутниковъ, я начинала костенѣть, наконецъ вправо явился желанный крестъ, слѣва длинное трехэтажное каменное зданіе: это былъ страннопріимный домъ, «Hospice».

Домъ этотъ былъ построенъ по приказанію Наполеона, чтобы въ немъ, какъ на С.-Бернардѣ, учредить пріютъ для путешественниковъ, но онъ остался неоконченнымъ за немзніемъ средствъ. Къ счастью, въ 1825 году, монастырь Августинцевъ въ Мартинии купилъ его и учредилъ въ немъ пріютъ.

— Угодно будетъ здѣсь остановиться? спросилъ почтальонъ.

— А до станціи далеко?

— Еще съ часъ взды.

— Стой! стой! что тутъ разговаривать, кричалъ я. Я начинаю костенѣть!

— А мнѣ, такъ смерть, какъ вѣтъ хочется.

— Эхъ, коньякъ-то забылъ я въ той коляскѣ! прибавилъ П.

И мы, по-кодану въ снагу, бросились бѣгомъ къ крыльцу, противъ котораго остановился нашъ измученный четверикъ.

Насъ встрѣтилъ сытный монахъ-экономъ и провелъ въ теплую столовую. Мы попросили чего-нибудь закусить. Онъ извинился, что у нихъ ностъ (это было въ ятницу), и предложилъ намъ сыру и вина.

Хотя мы не понимали, по какому отношенію мы должны соблюдать католическій постъ, когда его обязаны соблюдать монахи, но съ радостью приняли предложеніе. Вскорѣ по подъемной машинѣ подали порядочнаго сыру (кстати сказать, что и въ Швейцаріи онъ бываетъ не всегда хорошъ) и съ полдюжины бутылочекъ краснаго вина. Мы насытились, отогрѣлись, почтальонъ категорично началъ похлопывать бичомъ, и мы вышли, при-

неся посильную ленту въ пользу монастыря, потому что за угощенье у нихъ брать плату не полагается.

У насъ было тепло на сердцѣ и въ желудкѣ. Трудный перевздъ былъ конченъ. На другой сторонѣ насъ ждало солнце и у ногъ лежала Италия.

Мы обогнули гору и стали быстро спускаться, снѣгъ на солнечной сторонѣ не лежалъ такъ упорно и мы скоро оставили его назадъ. Насъ не встрѣтилъ, противъ ожиданія, быстрый переходъ къ пышной южной растительности, какъ бываетъ на перевалѣ черезъ Крестовую, на Кавказѣ, но солнце грѣло тепле, воды весело шумѣли и падали со всѣхъ сторонъ. Мы перемѣнили лошадей въ д. Симплонъ и опять начали спускаться между грозными и величественно-сдвинувшимися скалами «Гандскаго горла»; наконецъ камни такъ столкнулись, что, казалось, не можетъ быть далѣе дороги, но мы нырнули въ тоннель, выехали изъ него и увидели столбъ съ надписью:

Italia.

Stato Sardo.

Сердце невольно забилося въ груди и мы весело переглянулись; мы были въ Италиі.

II.

Скажите, ради Бога, что за странную власть имѣютъ надъ нами нѣкоторыя слова? Отчего, переступивши аршинъ земли изъ Швейцарской республики въ Сардинію, вдругъ вамъ ужъ кажется, что и воздухъ сталъ тепле, и небо голубѣе, сердце бьется, какъ при встрѣчѣ съ желанной женщиной, и уста отъ удовольствія готовы раздвинуться вплоть до ушей? Что невѣдомое шевелилось и радостно трепетало у насъ въ груди, когда мы прочли первое слово пограничной надписи, и отчего насъ неприятно подернуло отъ послѣдняго? Отчего языкъ Шиллера и Гёте, услышанный вами отъ нѣмецкаго почтальона, заставитъ васъ насмѣшливо улыбнуться, а языкъ Данта и Тасса съ грубымъ піемонтскимъ акцентомъ, звучитъ чѣмъ-то поэтическимъ, даже съ козель?

Есть въ насъ какая-то жилка, которой матеріалистъ не найдетъ ни названія, ни мѣста.

Въ Изелли насъ встрѣтила Сардинская таможня и, къ удивленію нашему, необыкновенно снисходительная. Изъ четырехъ

чемодановъ, попросили открыть одинъ , и то чисто для профор-мы. Върте послѣ этого расскажем о здѣшнихъ таможнякъ.

Въ числѣ моихъ спутниковъ двое были съ совершенно различ-ными взглядами. Одинъ коренной руссакъ , съ напущенной на себя, какъ часто дѣлають люди этого сорта, грубоватостью и нелюбовью къ иноземному, все осматриваль, казалось, для того только, чтобы гдѣ можно выбрать; это не мѣшало ему одна-коже вѣрно цѣнить и наслаждаться въ душѣ хорошими вещами не менѣе нашего; другой былъ истый прогрессистъ, съ идеями, вычитанными въ послѣдней книгѣ, съ взглядомъ, заготовленнымъ по первому авторитету.

Къ намъ подошла дѣвочка лѣтъ четырнадцати , блѣдная , съ голубыми глазами, свѣтлорусая; въ коробочкѣ у нея было раз-ложено нѣсколько кристалловъ изъ сосѣднихъ горъ, и она намъ предложила ихъ.

— Итальянка-то ! Итальянка-то ! сейчасъ видно ! посмотрите на эту томную блѣдность, на эту *morbidezza!* Гдѣ вы ее встрѣ-тите, кромѣ Италіи? сказалъ И'.

— Никакой *morbidezze*'ы я тутъ не вижу, просто болзненная дѣвочка, отвѣчалъ Р'. Вотъ ужъ и въ двичей-немочи теперь Италія завидѣлась!

Однакожъ купилъ какой-то зеленый камешекъ. У насъ болели шеи отъ безпрестаннаго выглядыванья изъ полузакрытыхъ ко-лясокъ и когда въ Изелли тоже сказали, что верхъ у коляски не снимается, то мы выбрали какой-то легонькій шарабанчикъ для чемодановъ, взяли одно-конную тележку и повхали далѣе.

Я давно уже не испытывалъ такихъ славныхъ минутъ ! На душѣ было какъ-то всеело и ясно. Солнце, ударяясь въ отвѣсныя стѣны скалъ, играло, какъ и подобаетъ Италіанскому солнцу, горы громоздились одна на другую и стояли кругомъ непрерывно мняющимися величественными декораціями, воды журчали съ права влѣво, внизу и вверху, то падая каскадами, то разлетаясь пѣной, то вися въ воздухѣ большими нитями, сливались и об-разовывали бойкую рѣчку Диверію; часто стали попадаться жи-вописныя смуглыя фигуры, точно все оперные баритоны или басы, а наконецъ женщины.

Ба, да что это такое? Гдѣ же блѣднлицыя смуглыя Италіанки? Можно ли такъ обманывать почтенную публику! Это ходять на-ши бабы! Совершенно наши круглолицыя, румяныя, подмосков-ныя бабы и дѣвки. И костюмъ точъ въ точъ такой! Родъ сара-

фана, подвязанный подъ мышкой, какой-то шушунъ съ уборкой назади и красный платокъ на головѣ!

— Ну, гдѣ же ваши хваленныя Италиянки, сердито говорилъ Р., пристава по обыкновенію къ И*.:—гдѣ же тутъ morbidezza-то? Вздѣ это Акулины ходятъ; ну, чѣмъ не Акулины?

— Однакожь; посмотрите, какія хорошенькія, отзывчалъ И*.

— Спору нѣтъ, не дурны! да развѣ у насъ нѣтъ хорошенькихъ деревенскихъ дѣвокъ? Гдѣ же нѣга-то и владострастье? Гдѣ глаза, пронзающіе насквозь, и нѣжація, и маняція, и тамъ чортъ знаетъ что такое! Гдѣ же morbidezza-то на этихъ красныхъ щекахъ? однакожь этого нельзя! Давайте же мнѣ morbidezza'y?

— Отстаньте вы съ вашей morbidezz'ой, вздѣ хорошенькія! Ну и будетъ съ васъ!

Мы быстро спускались внизъ, а грозныя, оживленныя и шумныя водами скалы все толпились около насъ, все словно хотѣли загородить намъ путь и стать непреступной стѣной. Начинало уже вечереть. Вдругъ мы подвѣхали къ мосту, повернули направо и вскрикнули отъ удовольствія.

Представьте себѣ прѣлестивѣйшую цвѣтущую долину, усіянную деревьями, и оживленную горными рѣчками, обсыпанную блоками и живописными домами, деревушками, весело растянутыми по горѣ и проглядывающими сквозь зелень плота и виноградя. Прямое какъ отъѣздъ бѣлобыльное шоссе лежало передъ нами и замыкалось вдали городомъ на пригоркѣ. Кампановыя и туговыя деревья разсыпаны кругомъ точно въ паркѣ, между зеленою майса и камнями; разметанными рѣчками. Виноградъ не стоялъ бритой бородой, рядами, по колышкамъ, какъ въ Швейцаріи, но вилел по изгородямъ и по перекладинамъ, образуя большія аллеи и бесѣдки; а сзади, точно отступивъ и сердито грозя, высились горы и тамъ въ самой глубинѣ долины вылазали бѣлыя верхушки.

Это была извѣстная по живописности Val d'ossola.

Вечеромъ прѣехали мы въ Домо д'оссолу; но улицамъ жизни и движеніе, но не торопливое, трудящееся движеніе средне-европейскихъ городовъ, а живое, веселящееся, работающее на улицѣ посреди шутокъ и прогулки. Все начало принимать живописныя формы и яркія краски. Дома росписаны, костюмы, падчые какъ драпировка, лица, если не все прекрасныя, то оригинальныя и болѣею частью красивыя, и наконецъ—хорошенькія горожанки;

лively прогуливающіяся и кокетливо выглядывающія изъ-подъ классическаго чернаго вуаля.

— Ну вотъ вамъ и Италія! Это какво? съ торжествомъ спрашивалъ въ свою очередь И* у Р* за нашимъ позднимъ обѣдомъ.

— Ну, чтожъ? конечно не дурна, на то она и Италія! только что это у нихъ за глупое обыкновеніе—къ дрянному супу подавать тертый сыръ.

Но тутъ уже вступился и я, и старался доказать, что сыръ нѣкогда и ничего не портить.

— А впрочемъ, правда! все хоть какойнибудь вкусъ да выходитъ, не то, что у Нѣмцевъ, проворчалъ Р*.

Мы переночевали въ Домод'оссоло, наняли коляску прямо до Бовено и къ полдню передъ нами открылось Лаго-Маджіоре.

Бовено стоитъ на краю озера прямо противъ знаменитыхъ Борромейскихъ острововъ. Съ террасы нашей гостиницы посреди голубой глади озера, на ясномъ и мягкомъ фонѣ неба, четко вырисовывались: прямо Изола-Мадре, съ купами экзотическихъ деревьевъ, правѣе—крошечный Пискаторе, вплоть застроенный каменными домами рыбаковъ, и еще правѣе Изола-Белла, съ дворцомъ Борромеевъ и выглядывающимъ изъ-за него садомъ.

Мы пообедали, взяли большую лодку, и отправились.

Признаться, видъ острововъ совершенно не соответствовалъ нашимъ понятіямъ о нихъ и перевернулъ все предположенія. Мы думали, что знаменитые острова, какъ и быть острова; что мы появимся на одномъ изъ нихъ на нѣсколько дней и потомъ исподволь въ прогулкахъ осмотримъ и другіе. Представьте же наше удивленіе, когда оказалось, что на этихъ островахъ негдѣ жить, потому что одинъ изъ нихъ (Пискаторе) вплоть застроенъ рыбацкими домами (впрочемъ, домами каменными и двухъ-этажными), а два другіе все заняты домомъ владѣльца и садомъ, да еще и садомъ такой величины, какой не удовольствовался бы у насъ помѣщикъ средней руки въ своей деревнѣ. Это были прелестныя цвѣтушія родинки на... ну, гдѣ бы то ни было на тѣлѣ красавицы. На ихъ осмотръ достаточно двухъ часовъ времени.

Хотя бы, судя по имени, надо было начать съ матери (Madre), но мы предпочли прекрасную дочку. Лодка подвезла насъ прямо къ крыльцу палаццо Борромеевъ и мы взошли на Изола-Белла.

Ливрейный лакей встрѣтилъ насъ и повелъ во дворецъ; во дворецъ насъ не интересовалъ и мы попросили провести насъ въ

садъ. Онъ провелъ чрезъ нѣсколько прекрасно меблированныхъ комнатъ, отворилъ дверь въ прелестный павильонъ, осыпанный раковинами и уставленный статуями и зеленью, позвонилъ — и сдалъ съ рукъ на руки садовнику.

Борромейскіе острова славятся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, климатомъ, въ которомъ уживается даже тропическая флора. До 1670 года они были бесплодными скалами, когда одному изъ графовъ Борромео, которыхъ Isolo-Bella и Madre составляютъ собственность, пришла фантазія основать на нихъ сады: скалы были спланированы, земля навезена и составились тѣ прелестныя игрушки, которыми мы любуемся теперь и про которыя чичероне съ гордостью говорятъ, что ежегодная поддержка ихъ стоитъ до 30-ти тыс. франковъ.

— Семь тысячъ рублей! говорилъ Р': нашли чѣмъ удивить! Острова получили названіе фамиліи владѣльцевъ, и съ этого мѣста имя Борромеевъ начинаетъ преслѣдовать васъ по всей сѣверной Италіи. Въ Аронѣ вы можете влѣзть въ носъ девяти-саженной статуи св. Карла Борромейскаго; въ каждомъ городѣ найдете храмъ, или предѣлъ въ его честь, и наконецъ даже знаменитую статую ободраннаго чловѣка съ собственной кожей, накиннутой на плечи, въ Миланскомъ соборѣ, и ту называютъ св. Борромеемъ, хотя покойный кардиналъ архіепископъ Миланскій кажется до смерти не имѣлъ удовольствія драпироваться своей кожей, въ видѣ альмавивы; а носилъ ее стыдливо подъ одеждой, какъ и всѣ мы грѣшныя.

Про Борромейскіе острова слишкомъ много кричали и потому отъ нихъ ожидаешь гораздо большаго, но въ сущности — это два прелестные садика съ удивительными видами на горы и озера, полные самой разнообразной растительности. Тутъ вы увидите и ливанскіе кедры, и безкожее — какъ св. Борромей — какое-то виргинское дерево, и чайный кустъ, и цѣлую рощу апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, огромныя аллоэ съ цвѣтками съ добрую сосну, нависли надъ водой, камеліи растутъ не въ видѣ кустиковъ, а большими деревьями. Перѣхавъ на Изола-Мадре, мы часа два гуляли посреди этой тропической растительности и любовались на озеро, берега, усыянные домами и городами, словно купающимися въ водѣ, на горы, вверху которыхъ снѣгъ, а внизу цвѣтутъ лимоны.

— Ну, не дивно ли это хорошо! восторженно говорилъ И': вѣдь вчера еще мы вѣхали по-колѣно въ снѣгу, а сегодня чуть не подъ

тропиками! Въдь у насъ нынче 18-е октября! Грязь замерзла, а можетъ начало первопутья и рвки становятся, а здѣсь, понюхайте-ка, запахи-то, запахи-то какіе! вотъ гдѣ бы желалъ я пожить!

— На то она и Италія, бормоталъ Р*, потягивая съ наслажденіемъ въ себя душистый воздухъ. А это что? спросилъ онъ, увидавъ пазы передъ апельсиновыми деревьями.

— Здѣсь ставятся рамы на зиму въ предохраненіе отъ холода, отвѣчалъ садовникъ.

— Ну, вотъ вамъ и тропики! Апельсины въ оранжереяхъ. Этакъ и у насъ въ Елабугѣ они расти будутъ! Bravo! bravo! Ай-да Борромейскіе острова, говорилъ Р*, потирая руки отъ удовольствія.

— Да въдь здѣсь сѣверная Италія! Въдь мы возлѣ альпъ, замѣтилъ И*, нѣсколько разочарованный.

— Сѣверная Италія! Да въдь это бессмысліе! Въдь это нонсансъ, говоря по вашему! Развѣ можетъ быть сѣверный югъ! Хорошо сказать: южная Россія, потому что у насъ есть и востокъ и западъ, и вдоволь сѣвера, и немного юга, а здѣсь югъ! Такъ будь онъ весь югъ, какъ и слѣдуетъ югу.

Погулявъ по садамъ, мы сторговались съ гребцами и вѣзли себя въ Лавено, чтобы оттуда проѣхать прямо на Комо.

Лавено стоитъ противъ Бавено, на противоположномъ берегу, который принадлежитъ уже Ломбардіи и, слѣдовательно, Австріи.

Перевздъ былъ довольно дологъ. Два гребца, по обыкновенію стоя упираясь въ весла, везли насъ долѣе часа. Солнце садилось и мы вдоволь могли налюбоваться чудными переливами всѣхъ цвѣтовъ, сліяніемъ свѣта и тѣни. Вотъ сзади, берегъ уже потонулъ во мракъ, и горы, за которыя заходитъ солнце, вырываются чернымъ силуэтомъ на золотомъ фонѣ заката; вотъ влѣво промышленный городокъ Паланца, отражающійся въ озерѣ своими бѣлыми домами, тоже подернулся синеватымъ туманомъ и словно началъ тонуть въ засыпающихъ водахъ. А прямо передъ нами берегъ еще свѣтился въ малиновыхъ лучахъ солища, и видно было, какъ тѣнь отъ противоположныхъ горъ быстро поднималась по немъ. Еще нѣсколько минутъ, и онъ покрывся синеватой дымкой сумерекъ. За горами стало точно зарево пожара, южный горизонтъ покрывался мелкими переливами фіолетовыхъ и сиреневыхъ тѣней, небо надъ нами засіяло темной синевкою, а влѣво снѣговья вершущки, точно отдѣляясь

отъ земли, блестяли еще въ воздухѣ ярко-розовой облачной грядюю.

— Экая прелесть! говорилъ И* меланхолически. И этотъ чудный край объднѣлъ, разграбленъ. Что, скажите по правдѣ, вы крѣпко не любите своихъ сосѣдѣй, Австрійцевъ? спросилъ И* у гребцовъ.

— За что же намъ не любить Австрійцевъ, синьоръ? отвѣчалъ старикъ. Австрійцы, Французы, Турки, Русскіе, — все хороши нашему брату, бѣдному переводчику! Только одни Англичане не хороши! На ихъ слова нельзя положиться, у нихъ только нѣтъ состраданія къ намъ, бѣднымъ людямъ!

— Вотъ и разсуждай съ ними о политикѣ, сказалъ Р*: — вотъ тебѣ и мнѣніе итальянцевъ, о либеральнѣйшемъ изъ народовъ, да и мнѣніе не безъ своего рода правды!

Мы пріѣхали въ Лавено когда уже смерклося. Насъ привели сначала въ таможенную, тамъ оставили вещи и велѣли идти въ полицію; въ полиціи прописали паспорта, отобрали, по австрійскому обычаю, разныя свѣдѣнія о лѣтахъ и характерахъ, и отправили назадъ. Но австрійская таможня отличалась неожиданной снисходительностью: не только не осматривала чемодановъ, но и не приняла ленты, которою хотѣли мы засвидѣтельствовать наше удовольствіе. Мы изумились!

— Не безпокойтесь, синьоры, замѣтилъ хозяинъ гостинницы, встрѣтившій насъ чуть не у прѣстани: — къ вамъ придутъ на домъ.

И дѣйствительно, таможенный солдатъ явился поздравить насъ съ пріездомъ.

Должно полагать, Лавено не избалованъ путешественниками. При нашемъ пріездѣ, цѣлая толпа собралась глязѣть на насъ и половина ея вторглась вмѣстѣ съ нами, неся что попало. Маленькая гостинница, кажется, назначалась для другаго рода гостепримства. Насъ помѣстили чуть не въ общей залѣ, съ какой-то семейной фамиллярностью и съ полдюжины горничныхъ начали готовить намъ постели. Мнѣ этотъ нецеремонный пріемъ очень понравился: точно завѣхалъ въ какое-то добродушное и безцеремонное семейство.

Мы наняли коляску прямо до Комо и на другой день рано отправились.

Я не помню пути пріятнѣе того, который мы сдѣлали въ этотъ день. Погода была отличная. Если лошади порой едва ввозили насъ въ гору, за то доставляли намъ случай пройтись вѣтхомъ

по прелестной мѣстности. Казалось, мы входи какимъ-то садомъ. Было воскресенье. Пропасть пѣшеходовъ попадалось намъ. То женщины, уже большей частью брюнетки, въ деревянныхъ башмакахъ, на подобіе скамеечекъ, и съ наковдой изъ серебряныхъ булавокъ, прищипденныхъ, въ видѣ парашюта хвоста, къ косъ, то драпирующіеся даже въ тряпки мужчины, муды, ослы, попы и семинаристы въ черныхъ чулкахъ, мантии или пальто и треугольной съ загнутыми полями шляпъ. Бой часовъ и звонъ колоколовъ доносился отсюду; дома, башни, съ вертящимися на нихъ колоколами, запахъ травы, недарно скошенной по оврагамъ и цѣлыя плантаціи тутовыхъ, фиговыхъ и фряховыхъ деревьевъ. Съ горы близъ Варезо открывается прелестнѣйшій видъ на пять озеръ, изъ которыхъ Варезское лежало у ногъ нашихъ, въ привольѣ луговъ, рощъ и долинъ; одно мѣсто до-правилось едва ли не болѣе всѣхъ озеръ: въ немъ много свободнаго, дикаго; оно не такъ облыщено городами, виллами и дорогами, какъ другія.

— Вотъ пожить-то бы гдѣ! говорилъ меланхолически И*: — умирать не надо!

Къ обѣду мы были въ Комо, остановившись въ гостинницѣ на берегу озера. посмотрѣли городъ и рано на другое утро отправились на пароходъ по озеру, отъ котораго онъ получилъ свое имя.

Утро было пасмурное, пренеприятное. Холодъ пробиралъ до костей; мы бѣгали до падубъ, чтобы согрѣться.

— Вотъ и Италия! Ай да Италия! говорилъ Р*, потирая руки и съ здобной радостью приставая къ И*.

— Чтожъ, вѣдь это сѣверная! Или: Вѣдь теперь ноябрь мѣсяцъ, тихо говорилъ полузамершій Р.

— Выпейте-ка коньячку, такъ у васъ въ желудкѣ сейчасъ тяжелой будетъ югъ— что предель, замѣтилъ И*, прикладываясь къ дорожной фляжкѣ.

Комское озеро резко отличается отъ другихъ. Оно все загромождено высокими горами, которыя прямо спускаются въ него, не оставляя почти берега; города, дачи и деревни все построены въ долугорьѣ.

Мы проѣхали мимо хорошецкихъ виллъ Трубецкаго, Тальони, Шувалова, сумрачной Пидрианы, построенной однимъ изъ убійцъ герцога Фарнеза, съ перемежающимся источникомъ, описаннымъ Плиніемъ Младшимъ, и великолѣпной виллы Пасты. На это озеро

*

сошедшія со сцены знаменитости прѣзжаютъ отдыхать на лаврахъ. Въ полдень мы пристали къ городку Белладжіо и вышли на берегъ.

Судьба, кажется, сжалилась надъ нами: солнце и тепло сошло вмѣстѣ съ нами на твердую землю и мы бодро начали взбираться вверхъ на виллу Сербеллони.

Вилла Сербеллони построена на томъ мѣстѣ, гдѣ въ прежнія времена жили разбойники. Домъ, въ которомъ теперь живетъ герцогъ, кажется, остался въ первоначальномъ видѣ— такъ онъ не казистъ и нейдетъ къ прелестной мѣстности; на звонокъ у рѣшотки, вышла дѣвочка и мимо гротовъ, кедровъ, кипарисовъ и лимоновъ повела по запустѣлому саду, прямо на гору: оттуда видны всѣ три рукава или, лучше сказать, три озера, которыя составляютъ Комское.

— Экая прелесть! говорилъ И*: и здѣсь жили разбойники!

— Для нихъ видъ былъ еще лучше, замѣтилъ Р*: онъ соединялъ пріятное съ полезнымъ.

Мы спустились внизъ и проѣхали въ лежащую рядомъ виллу Мельци, въ церкви которой стоитъ прекрасный памятникъ отцу владѣльца, сдѣланнаго Наполеономъ—герцогомъ Лоби, прошлись по отлично содержанному саду, и переправились въ лодкѣ поперекъ озера въ знаменитую виллу Соммарива.

Вилла Соммарива, или Карлотта, купленная лѣтъ десять назадъ принцессой прусской, принадлежитъ теперь наследному герцогу Саксенъ-Мейрингевскому. Террасы, усаженные сквозными крытыми аллеями апельсинновъ и лимоновъ, съ висящими на нихъ плодами, орошаемыя пылью мелкихъ фонтановъ, въ которыхъ играла радуга, высились одна надъ другою; надъ ними, въ развѣсистыхъ кедрахъ и стройныхъ, художавыхъ, словно закутавшихся въ свою темную зелень, кипарисовъ, стоялъ прекрасный палаццо. Насъ ввели въ нижній этажъ, открытый для посѣтителей и украшенный произведеніями великихъ рѣзцовъ.

Вотъ знаменитый фризъ Торвальдсена, изображающій торжество Александра. По правдѣ сказать, мнѣ этотъ фризъ не понравился. Другое дѣло «Амуръ и Психея» Кановы* и его же «Магдалина». Психея, прелестная, какъ и подобаетъ Психею, сладострастно лежитъ, закинувъ голову для поцѣлуя; Амуръ, выросшій изъ дѣтей до добраго юноши—что и пріличнѣе для подоб-

* По Форстеру—Аппіани.

наго рода продѣлокъ—залетѣлъ съ головы, обхватилъ Психею подѣ грудь и, распутивъ отъ удовольствія крылья, страстно ее цѣлуетъ.

Прогулка наша была кончена. Мы отправились рядомъ въ гостиницу Каденаббинъ, пообедали тамъ и, въ ожиданіи парохода, курили въ саду сигары. Лодки и щегольскія англійскія гички, полныя катающимися, непрерывно скользили мимо насъ по озеру; во многихъ дамы и дѣвицы сами гребли раскрашенными веслами.

— Мѣсто-то, мѣсто-то какое, говорилъ И*, грѣясь на солнцѣ и выдвинувъ для этого свой стулъ на самую средину набережной. Вотъ бы жить-то гдѣ! умирать не надо!

— Да ужъ вы выберите себѣ гдѣ-нибудь одно мѣсто, возражалъ ему по своему обыкновенію Р*: а то вы и на Маджіоре, и на Варезо—вездѣ жить хотите. А не лучше ли бы всего въ саратовской деревнѣ? Вѣдь есть деревня въ Саратовѣ? А то бы вы не видали и Италіи, ну, и живите въ ней, да благодарите Господа!

Вскорѣ подѣхалъ пароходъ и мы возвратились въ Комо. На другое утро въ коляскѣ или, лучше сказать, почти пѣшкомъ перребрались мы до Камерлата, сѣли въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ два часа, какъ вкопанные, стояли передъ Миланскимъ соборомъ.

3/4 Ноября.
Венеція.

МНХ. АВДѢЕВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХРОНИКА.

Русскія ученыя собранія. — Годичное празднованіе основанія Московскаго Университета и рѣчи на немъ. — Годичное празднованіе Студентовъ Харьковскаго Университета. — Масляничное препровожденіе времени. — Новый балетъ Корсаръ. — Типъ одного изъ многихъ Петербургскихъ театраловъ и его восторги и злоключенія. — Спектакль во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. — Балы и Маскарады. — Троечные поѣзды и пикники.

Я говорилъ вамъ, почтенные читатели, сколько добраго можно ожидать отъ новаго года и вы сами увидите, что я не ошибся. Стремленіе къ общей пользѣ, къ добру, къ благороднымъ обязанностямъ и чувствамъ развивается все болѣе и болѣе, во всѣхъ класахъ общества, и обнаруживается громко и гласно. Науки, литература, художества, гражданственность общими силами сдѣлать впередъ по благородному пути. Всѣ сословія начинаютъ соединяться вмѣстѣ, чтобы составить стройное цѣлое, достойное Русскаго Царства и Царя, открывающаго имъ новыя обширныя поприща для ихъ дѣятельности, для ихъ талантовъ, для ихъ самобытности. Начнемъ разсматривать по порядку эти важныя проявленія, прежде обычныхъ пересказовъ объ обыденной жизни.

Въ прошедшемъ году нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Университета, находящихся въ С.-Петербургѣ, праздновали обѣдомъ день основанія Университета. Въ нынѣшнемъ году желающихъ принять участіе въ обѣдѣ оказалось почти вдвое болѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ; къ воспитанникамъ Московскаго Университета присоединились воспитанники бывшаго Университетскаго Пансіона, существовавшаго нѣкоторое время при Московскомъ Университетѣ.

Для обѣда избрана была зала Знаменской Гостиницы. Всѣхъ участвовавшихъ, бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Университета и Университетскаго Пансіона, собралось на этотъ обѣдъ около 200. Въ числѣ ихъ находились . министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, тайный совѣтникъ В. П. Титовъ, и нѣсколько другихъ лицъ, занимающихъ значительныя должно-

сти въ государственной администраціи. За недѣлю предъ тѣмъ, собравшіеся праздновать день основанія Московскаго Университета, намятуя услуги, оказанныя Университету бывшимъ его попечителемъ, графомъ С. Г. Строгоновымъ, сочли долгомъ пригласить графа принять участіе въ ихъ празднествѣ и отиравили къ нему нисъмо слѣдующаго содержанія, подписанное пятьюдесятью лицами изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Университета:

«Милостивый государь
«Графъ Сергій Григорьевичъ.

«Бывшіе воспитанники Московскаго Университета, находящіеся въ Петербургѣ, намърены 12 января помянуть дружескимъ семейнымъ обѣдомъ день основанія дорогаго для нихъ Университета, признательность къ которому за лучшій даръ въ жизни—образованіе, всегда живеть въ сердцѣ каждаго изъ нихъ. Съ именемъ вашего сіятельства соединено воспоминаніе объ одной изъ самыхъ отраднѣхъ эпохъ существованія Московскаго Университета. Глубоко уважая науку, цѣня просвѣщеніе въ его истинномъ, внутреннемъ значеніи, а не по внѣшнему лоску и формализму, признавая, что только принятое свободно и сознательно, оно можетъ творить полезныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной жизни, вы, въ тоже самое время, искренно сочувствовали каждому представителю науки, каждому ея питомцу, которыхъ судьба послала подъ ваше попечительство. Оживляемая вашимъ участіемъ университетская семья трудилась дружно; полезная мысль находила себѣ поддержку, доброе слово—защиту. Въ минувшемъ году бывшіе воспитанники Московскаго Университета, на обѣдѣ, первомъ въ Петербургѣ въ память основанія Университета и составившемся неожиданно, безъ всякихъ приготовленій, сочли своимъ долгомъ предложить тостъ за ваше здоровье; нынѣ они просятъ ваше сіятельство почтить предстоящій обѣдъ вашимъ присутствіемъ. Они надѣются, что, любя и помня Университетъ, во имя котораго они собираются, вы не откажете въ ихъ просьбѣ, вызванной не официальными отношеніями, а искреннимъ уваженіемъ къ вашей дѣятельности на пользу того учрежденія, жизнь котораго такъ близка ихъ сердцу.»

Графъ Строгоновъ поспѣшилъ отвѣтить на это приглашеніе привѣдомъ въ Петербургъ и былъ почетнымъ гостемъ 12-го января.

Въ срединѣ объѣда министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома. Этотъ тостъ принять былъ съ неописаннымъ восторгомъ.

Далѣе слѣдовалъ тостъ за процвѣтаніе Московскаго Университета, предложенный любимымъ попечителемъ этого Университета, графомъ С. Г. Строгоновымъ, и вызвавшій столь же громкое и продолжительное «ура!» Непосредственно за этимъ тостомъ, А. Д. Галаховъ произнесъ:

«Господа! Нѣтъ сомнѣнія, что каждымъ изъ насъ будетъ высоко поднятъ и радушно выпить бокаль за преподавателей и воспитанниковъ Московскаго Университета—по времени старѣйшаго, по значенію всерусскаго. Если справедливо называютъ Университетъ *alma mater*, то изъ русскихъ Университетовъ названіе это всего приличнѣе нашему Московскому: онъ былъ самымъ щедрымъ въковымъ питателемъ юношества; онъ воспиталъ нѣсколько поколѣній. Вліяніе его на образованіе нашего отечества, на развитіе просвѣщенныхъ мыслей, на возбужденіе благородныхъ чувствованій было такъ велико, что самая искренняя благодарность затруднится исполнить его представить. Я могу только указать главные направленія, которыя на моемъ вѣку совершались въ исторіи Московскаго Университета и которыя служатъ какъ бы блистательными пунктами прогресса.

«Въ эпоху образованія преимущественно литературнаго, литературный интересъ былъ господствующимъ и въ Университетѣ. Разные факультеты его соединялись общою любовью къ слову. Литераторы вообще, поэты въ особенности обращали на себя главное вниманіе, какъ люди передовые. Московское общество любителей русской словесности, при Университетѣ состоявшее, пользовалось наибольшою извѣстностью между другими учеными обществами. Представителемъ этого направленія былъ Мерзляковъ, памятный своимъ краснорѣчивымъ словомъ, своимъ врожденнымъ чувствомъ изящнаго, своимъ сильнымъ вліяніемъ на слушателей; которые живо воспринимали его лекціи и которыхъ поэтому онъ называлъ своими живыми, одушевленными лекціями.

«Въ двадцатыхъ годахъ — эпоху перваго нашего знакомства съ нѣмецкой философійей, наука приняла направленіе умозрительное. Идеализмъ выступилъ впередъ, чтобы возобладать надъ нестроеннымъ эмпиризмомъ. Главнымъ предметомъ любознательности сдѣлалось стремленіе отыскивать общее въ частномъ, сво-

дять многообразіе къ единству, въ явленіяхъ обнаруживать законъ. Этимъ прекраснымъ стремленіемъ, отразившимся и въ литературной дятельности, и въ поэтическомъ творчествѣ, одолжены мы впервые профессору Павлову. Онъ, первый, внушилъ намъ уваженіе къ мысли, довѣренность къ ея силѣ, увѣренность въ ея неизбѣжномъ торжествѣ. Онъ, первый, научилъ насъ цѣнить сущность, а не форму, преклоняться предъ началомъ, а не предъ случаемъ, благоговѣть предъ идеею, а не предъ явленіемъ идеи. Если для насъ, слушателей его, разумное, сознательное, необходимое значить все; если бессмысленное, бессознательное, случайное, ничего для насъ не значить — этимъ мы впервые одолжены Павлову.

«Наконецъ въ третью, современную намъ, эпоху, наука выступила изъ Университета съ своимъ могучимъ дѣйствіемъ на общественную нравственность. Она приобрѣла себѣ такое значеніе, при которомъ уже не допускается разногласія между достоинствомъ знанія и достоинствомъ жизни. На высотѣ такого значенія, профессоръ становится почетнымъ, не только какъ служитель науки, но и какъ образователь благородныхъ убѣждений. Память о немъ сохраняется не въ однихъ лѣтописяхъ Университета, но и въ исторіи гражданскихъ доблестей. Труды его — не простыя дѣйствія университетскія, но и общенародныя, высоко-патріотическія. Его лекція — урокъ для всѣхъ. Его голосъ въ аудиторіи — общественное мнѣніе. Его слово — благородный лозунгъ, видное знамя, около котораго собираются всѣ благомыслящіе. Его имя — не ихъ лица, а цѣлаго образа мыслей, цѣлой нравственной системы. Это имя — Грановскій.

«Московскій Университетъ твердо сталъ на высотѣ общественнаго и нравственнаго значенія науки и не сойдетъ съ нея болѣе. Это — его заслуженный санъ, его законный постъ. Во всѣ эпохи важно быть почетной стражей такого поста; особенно важно быть ею въ эпоху настоящую, которая требуетъ самаго высокаго патріотизма, самой дятельной любви къ согражданамъ; въ ту эпоху, когда высоко-просвѣщенный, великодушный, обожаемый Монархъ нашъ, благоволившій Самъ принять званіе почетнаго члена Московскаго Университета, совершаетъ такія дѣйствія, которыми приобретаются пламенная преданность народа и бессмертіе въ потомствѣ.

«Господа, пожелаемъ воспитанникамъ Московскаго Университета, чтобы для нихъ безнравственное и невозможное было бы

одно и то же. Пусть каждый изъ нихъ запасаетъ для своей жизни силу убѣжденія — тотъ надежный щитъ, о которомъ въ древности говорили: «съ нимъ или на цѣмъ!» Пусть каждый изъ нихъ стоитъ за свое убѣжденіе — этотъ нравственный Севастополь — такъ же крѣпко, какъ стояли крѣпко наши братья за твердыни каменнаго Севастополя. Итакъ, за здоровье преподавателей и воспитанниковъ Московскаго Университета!»

Послѣ этой рѣчи, одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона, *И. И. Юркевичъ*, сказалъ нѣсколько словъ въ воспоминаніе этого учебнаго заведенія, существованіе котораго тоже не осталось безъ значенія въ лѣтописяхъ отечественной литературы.

Въ теченіе полу столѣтія, изъ трехъ поколѣній воспитанниковъ своихъ Благородный Пансіонъ образовалъ много полезныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы, науки, литературы. Имена Жуковскаго, Озерова, Тургенева, Оленина и многихъ другихъ недаромъ блестяли на почетной золотой доскѣ пансіона. Жуковскому выпалъ завидный жребій быть руководителемъ Царствсннаго Питомца, въ прекрасной душѣ Котораго, открытой для всего высокаго и благаго, Жуковскій развилъ и взлелеялъ благородную любовь къ родному слову, сочувствіе къ русской литературѣ. Въ настоящее счастливое царствованіе проявилось исполнѣ это сочувствіе.

Затѣмъ произнесъ *Ө. И. Гильфердингъ*:

«Сейчасъ, отъ всей души мы желали процвѣтанія Московскому Университету. Одинъ изъ сановниковъ, много содѣйствовавшій этому процвѣтанію, сдѣлалъ намъ честь явиться въ нашъ дружескій кружокъ. Намъ всѣмъ памятно его покровительство наукъ и просвѣщенію. Выпьемъ же, господа, новый бокалъ за здоровье бывшаго попечителя Императорскаго Московскаго Университета, графа Сергія Григорьевича Строгомова...» Говорить ли, съ какимъ единодушнымъ сочувствіемъ встрѣчемъ былъ этотъ гость за того, кто еще разъ доказалъ свою любовь къ Московскому Университету готовностью, съ которою принялъ приглашеніе присутствовать на этомъ университетскомъ праздникѣ? Выраженіе общаго сочувствія было столь же шумно и продолжительно, сколько и искренно. Графъ былъ видимо тронутъ. «Милостивые государи!» сказалъ онъ: «я получалъ въ Москвѣ приглашеніе на нынѣшній обѣдъ; приглашеніе это, подписанное пятьюдесятью воспитанниками Московскаго Университета, нзлѣ-

жсно въ выраженіяхъ столь для меня лестныхъ , что ну-ло меня до глубины сердца, и я снвшіиъ явиться ср

«Вы знаете, господа, какъ я всегда гордился сочувствіемъ московскихъ студентовъ ; но теперь по прошестіи лтъ , я , какъ бывшій преподаватель , вридаю особое уваженіе къ прошедшему. Оно доказываетъ мнѣ, что и въ гражданствѣ вы сохранили начала историческаго направленія , и въ наукѣ историческаго школоу, процвѣтавшаю въ Московскомъ Университетѣ. Въ нихъ я вижу залогъ будущихъ успѣховъ на службѣ любезному нашему отечеству!

«Позвольте мнѣ, господа, предложить вамъ тостъ: въ честь почтенныхъ преподавателей , положившихъ въ Московскомъ Университетѣ основаніе исторической школы.»

Общее «ура!» было отвѣтомъ и на этотъ тостъ.

За смѣхъ слѣдовала рѣчь *К. Д. Кавелина*:

«Господа! Мы соединились въ прошломъ году въ самый день, почти нечаянно, но съ такимъ радостнымъ настроеніемъ души, которое отразилось и на сншемъ праздникѣ. Для меня онъ былъ однимъ изъ лучшійхъ дней жизни.

«Отчего же сердце наше такъ сладостно трепещетъ при мысли объ Университетѣ , въ которомъ мы росли? Что жъ, развѣ все мы были счастливы во все время , проведенное нами въ Университетѣ? Конечно нѣтъ! Для многихъ университетскаго курса было временемъ тяжелаго истражденія въ нравственномъ, и въ матеріальномъ смыслѣ. Не уничили ли далѣ намъ патентъ на счастье и успѣхъ по выходѣ изъ университета? Мы хранимъ къ нему за то благодарное воспоминаніе? Мы жуть на это «да», а многіе скажутъ и «нѣтъ». Такіе не гордимся ли мы званіемъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Университета, потому, что онъ двигалъ и двигаетъ впередъ науку , обогатилъ область знанія новыми истинами , снабдилъ необходимымъ для практической жизни запасомъ житейскихъ свѣдѣній?... Какъ бы мы ни были ослѣплены въ отношеніи къ мѣсту воспитанія , какъ бы ни были проникнуты чувствомъ народной гордости, мы не можемъ, однако, не сказать, что въ дѣлѣ науки мы до-сихъ-поръ еще ученики болѣе насъ просвѣщенныхъ народовъ, и должно еще будить себя; что самостоятельность наша отъ недавно ступившихъ, и притомъ покаместъ только въ болѣе и

удачныхъ попыткахъ примѣнить готовые результаты науки къ условіямъ и особенностямъ нашей жизни и быта.

«Нѣтъ, тайна любви нашей къ Университету скрывается не во всемъ этомъ, а въ высокомъ, нравственномъ и человѣческомъ значеніи вообще нашихъ Университетовъ. Въ мірѣ нравственномъ Университеты дѣлаютъ у насъ то же, что государство дѣлаетъ въ жизни общественной. Виродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, государство собирало разорванныя и разобщенныя части теперешней Россіи, неутомимо сводило ихъ къ единству, сперва политическому, потомъ административному. Рядомъ съ тѣмъ упрядились постепенно и учрежденія, напоминавшія прежнюю разрозненность. Когда это великое дѣло въ главныхъ чертахъ совершилось въ жизни, появляется Московскій Университетъ и продолжаетъ его въ головахъ и сердцахъ людей, сводя базконечное разнообразіе мѣстныхъ и сословныхъ привычекъ, различій и предрасудковъ подъ одинъ умственный и нравственный типъ, чуждый тѣхъ особенностей, которыя противорѣчатъ всенародному, общему человѣческому типу. По странной, но многозначительной игрѣ случая, основаніе Московскаго Университета совершилось чрезъ два года послѣ уничтоженія въ Россіи внутреннихъ таможенъ....»

Великое призваніе и значеніе Университета отразилось, болѣе или менѣе, на каждомъ изъ насъ. Вся мы испытали на себѣ его силу и власть, а потому вся носимъ на себѣ его печать. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе переродился и перевоспитался, войдя въ ту особенную университетскую атмосферу, которая складывается изъ присущей этому учрежденію великой государственной и человѣческой идеи, изъ великихъ истинъ науки, стремящейся къ общему и единому, наконецъ изъ живаго дыханія молодой жизни со всей ея благодатной, поэтической обстановкой — дружбой, вдохновеніемъ, порывами, шутками и добродушнымъ остроуміемъ. Изъ тѣсныхъ рамокъ ежедневности умъ нашъ вышелъ тогда въ широкій міръ мысли и науки; сердце приучилось биться не отъ однихъ личныхъ вѣтровъ, но и отъ горячаго сочувствія къ добру, истинѣ и прекрасному; нѣсколько дурныхъ привычекъ ума и сердца отброшено нами во время университетскаго курса; нѣсколько благородныхъ чувствъ и мыслей залегли глубоко на днѣ души и стали краеугольнымъ камнемъ всей жизни, стали—если позволено такъ выразиться—тѣмъ внутреннимъ камертономъ, который въ важныя минуты громко раздается въ

насъ и отъ котораго каждый невольно вострепетаетъ , какъ бы ни отучали людей прислушиваться къ этимъ внутреннимъ , задушевнымъ звукамъ заботы и тягости жизни, соблазны, паде-нія или излишніе успѣхи. Вотъ отчего мы навѣки орослись съ Университетомъ, гдѣ воспитывались. Воспоминаніе о немъ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о нашемъ умственномъ и нравственномъ обновленіи; ибо Университеты творятъ не чиновниковъ, не ученыхъ, не художниковъ, не военныхъ, не купцовъ: они творятъ людей съ человеческими сердцами, съ умомъ раскрытымъ и чуткимъ къ голосу истины. Университеты закаляютъ молодыя души на тяжкій подвигъ жизни, въ любви къ природѣ. Куда ни обратитесь — на всевозможныхъ поприщахъ, во всевозможныхъ общественныхъ положеніяхъ, вездѣ работаютъ питомцы Университетовъ, и работаютъ съ честью, устремленные на заслугу, для разрѣшенія которой Университеты существуютъ. Въ вѣрности службы, въ любви къ отечеству, въ способностяхъ, въ знаніи, они никому не уступятъ. Господа! да здравствуютъ всѣ наши Университеты! Начавшись послѣ уничтоженія внутреннихъ таможенъ, да процвѣтутъ они съ новымъ блескомъ послѣ уничтоженія внутреннихъ заставъ!»

Шумные аплодисменты и крики «браво!» ежеминутно прерывали оратора, а заключеніе рѣчи вызвало громкій взрывъ рукоплесканій.

По настоящему требованію присутствующихъ, бывшій профессоръ *П. Г. Рѣдкинъ* произнесъ слѣдующее:

«И въ этотъ разъ, по примѣру прошедшаго года, не могу не уступить настойчивымъ требованіямъ вашимъ, мм. гг., хотя и не имѣю чести принадлежать къ числу лицъ, которыя соглашались между собою выразить, въ этомъ торжественномъ собраніи, наши единодушныя чувства, желанія и надежды.

«Къ блестящимъ ихъ рычагамъ мнѣ остается присоединить скромное, но тѣмъ не менѣе живое и искренное слово, съ пожеланіемъ, да процвѣтаетъ Императорскій московскій Университетъ — этотъ могучій представитель русскаго могущества. Дѣ, мм. гг.,—могущества, ибо науки, знаніе, просвѣщеніе есть могущество. Эта истина, общепринятая всеми образованными народами, такъ несомнѣнна, что еслибы враги наши замыслили ослабить наше могущество, вырвать съ корнемъ его развитіе, то они не могли бы ничего лучше придумать для достиженія своей

цѣли, какъ противодействовать, явными и тайными путями, преуспѣянію, въ нашемъ отечествѣ, науки, знанія, просвѣщенія.

«Слава Богу, подобныхъ враговъ не отыщется между нами. Дружно, мирно и неуклонно свершимъ мы, съ Божіею помощію, путь нашего возрожденія, съ оружіемъ оцѣта, поборающаго тьму, подъ сѣнью священныхъ знаменъ Того, Кто дастъ давно-желанный просторъ русской мысли, русскому слову и русской жизни. Предъ нами Царь, съ нами Богъ — кого убоямся?»

«Да здравствуетъ же русскій Царь, съ Августѣйшими участниками и наследниками Его славы, озарившей востокъ нашъ свѣтомъ неугасимымъ, съ благородными сподвижниками Его великихъ дѣлъ и благихъ намѣреній!»

«Да здравствуетъ русскій народъ, спокойно, благоговѣйно внемлющій гласу свыше, взывающему его къ новой жизни!»

«Да здравствуетъ московскій Университетъ, воспитывающій вѣщи подъ кровомъ науки, юношей, готовыхъ служить Царю и отечеству върою и правдою въ эту великую эпоху всеобщаго нашего очищенія и обновленія!»

«Да здравствуетъ удостоившій своимъ присутствіемъ наше собраніе сановникъ, котораго имя сольется въ исторію съ именемъ московскаго Университета!»

«Да здравствуютъ всѣ присутствующіе и отсутствующіе члены крѣпкаго нашего союза!»

«И да будетъ вѣчно жива память тѣхъ, кому Провидѣніе не судило дожить до радостной зари восходящаго надъ главами нашими солнца!»

А. П. Заблоцкій предложилъ тостъ за благоденствіе Россіи.

Въ заключеніе объѣда обратился къ присутствующимъ *А. А. Краевскій* съ слѣдующими словами:

«Только-что предложенный тостъ за благоденствіе возмъ намъ дорогаго отечества принять нами съ такимъ единодушнымъ восторгомъ, который понятенъ только Русскому, и особенно въ ту минуту, которую переживаетъ теперь Россія. Въ громкихъ, задумевныхъ восклицаніяхъ нашихъ слышится и сознаніе счастливаго настоящаго, и твердое упованіе на еще болѣе счастливое будущее... Сердце говоритъ намъ, что упованіе наше не тщетно, что надежда не обманетъ насъ — и это убѣжденіе разделяютъ съ нами всѣ истинные сыны Россіи на всемъ ея необъятномъ пространствѣ.

«Солнце милости и правды свѣтитъ теперь надъ нашимъ оте-

чествомъ... Согрѣваемая имъ, пробуждаются дремлющія силы и выходятъ на поприще общественной дѣятельности, на историческое дѣяніе.

«Три года только прошло... что я говорю? не прошло еще и трехъ лѣтъ, какъ Россія вступила на новую стезю своей государственной жизни—и исторія вписала уже въ свою летопись не одно дѣяніе этой святой правды и милости, не одно благое начинаніе, не одинъ подвигъ искренней, теплой любви къ странѣ и народу.

«Счастливос, благодатнос время! Честная, просвѣщенная мысль не прячется нынѣ подъ спудомъ, но смѣло выступаетъ на свѣтъ Божій и получаетъ доступъ въ такія сферы, куда она, робкая, долго не рѣшалась показываться. Посмотрите: съ каждымъ днемъ возрастаетъ число органовъ гласности, и гласность готовится быть уже не пустымъ звукомъ, а открытымъ, общепольнымъ дѣломъ; идея гражданской доблести съ каждымъ днемъ выясняется болѣе и болѣе, потому что противоположныя ей свойства выводятся наружу литературою, становятся прямо передъ лицомъ общественнаго мнѣнія и отъ него получаютъ заслуженное ими возмездіе; наконецъ, тяжкому труду развязываются руки, и онъ скоро станетъ свободнымъ, плодотворнымъ; человѣческое достоинство получаетъ подобающее ему значеніе и святость, признается во всеуслышаніе... Мы присутствуемъ, господа, при вторичномъ, великомъ преобразованіи Россіи — преобразованіи, можетъ быть, болѣе многозначительномъ и болѣе прочномъ, нежели первое, потому что основанія для него развивались впродолженіе слишкомъ полуторасти лѣтъ и нынѣ начинаютъ проявляться въ полномъ своемъ блескъ. Царственный разумъ угадалъ время, и, руководимый обильнымъ любовію сердцемъ, ведетъ насъ къ великой будущности... Счастливы мы, что Провидѣніе дозволило намъ быть свидѣтелями и дѣятелями этой эпохи, а Университетъ научилъ понимать всю великость ея значенія!»

Аплодисменты и крики «браво!» покрыли эти послѣднія слова.

«Господа! продолжалъ А. А. Краевскій: въ вашихъ восклицаніяхъ, въ вашемъ сочувствіи къ словамъ моимъ позвольте мнѣ угадать мысль, всѣхъ насъ одушевляющую въ эту торжественную минуту: позвольте заключить нашъ семейный праздникъ тѣмъ же тостомъ, которымъ мы его начали: за здравіе благодѣтеля и просвѣтителя Россіи — Государя Императора!»

При этомъ предложеніи университетская семья съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и въ первый разъ, дружно подняла бокалы и снова продолжительное «ура!» огласило залу.

По окончаніи объѣда, присутствующіе раздѣлились на дружескіе кружки, и изъ среды ихъ явились новые импровизированные ораторы.

Въ то же время, въ соседней комнатѣ, продолжалась подписка на денежныя пожертвованія, начатая на объѣдъ минувшаго года, и прочтенъ былъ А. А. Краевскимъ слѣдующій отчетъ о суммахъ, собранныхъ на этотъ предметъ, въ теченіе года:

«Въ прошломъ году, въ этотъ же самый день, на нашемъ тогда импровизированномъ университетскомъ праздникѣ, возникла мысль сдѣлать подписку въ пользу нуждающихся воспитанниковъ московскаго Университета. Эта подписка предложена была уже послѣ объѣда, когда нѣкоторые разѣхались и, слѣдственно, не успѣли внести свои пожертвованія въ общую кассу. Поэтому единогласно положено было продолжать подписку до мая мѣсяца, а въ маѣ коммисіи, составленной, по общему избранію, изъ Кавелина, Рѣдкина, Чивилева и меня, рѣшить, какое дать назначеніе собраннымъ деньгамъ, т. е. отправить ли ихъ въ Университетъ для немедленной раздачи нуждающимся студентамъ, или, присоединяя къ нимъ суммы, имѣющія быть собранными въ слѣдующіе наши университетскіе праздники, образовать капиталъ, изъ процентовъ съ котораго могла бы составиться на вѣчныя времена стипендія для годичнаго содержанія одного студента.

«Къ маю собрано было всего 1,247 р., которые внесены въ Санктпетербургскую сохранныю казну и находятся теперь у насъ въ билетахъ на имя неизвѣстнаго. Къ нимъ въ последнее время присоединились еще 58 р., которые также внесутся въ сохранныю казну.

«Такимъ образомъ, всего по нынѣшній день собрано 1,305 р.

«Въ маѣ же мѣсяцъ мы рѣшили между собою оставить собранныя деньги безъ употребленія, и ждать, пока капиталъ возрастетъ до той суммы, которая нужна для означенной стипендіи.

«Впослѣдствіи произошло измѣненіе въ процентахъ съ капиталовъ, хранящихся въ кредитныхъ учрежденіяхъ; а между тѣмъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, оказывается, что, для содержанія одного стипендіата потребно отъ 250 до 300 р. въ

годъ; слѣдственно, нужно собрать капиталъ отъ 8,400 до 10,000 р.

«Вѣроятно, не скоро соберется такая сумма.

«И такъ, чтобъ не оставлять жертвуемыхъ нами денегъ на долго безъ употребленія, не угодно ли будетъ принять слѣдующее предложеніе:

«Собираемыя 12-го января по подпискѣ деньги отсылать въ Совѣтъ Императорскаго московскаго Университета, съ тѣмъ, чтобъ онѣ назначаемы были на посылку за границу лучшихъ воспитанниковъ Университета, изъявившихъ желаніе приготовить себя къ занятію въ немъ профессорскихъ кафедръ; при чемъ просить Совѣтъ Университета извѣщать насъ объ употребленіи посланныхъ ему денегъ, для того, чтобъ такія извѣщенія могли быть объявляемы.»

17 января былъ еще дружескій обѣдъ бывшихъ студентовъ харьковскаго Университета, въ числѣ которыхъ имя одного: академика Остроградскаго получило европейскую ученую знаменитость... Но предвѣлы нашего фельетона не позволяютъ намъ распространяться о немъ.

Теперь обратимся къ обычнымъ, ежегоднымъ событіямъ этого времени. На дворъ масляница, слѣдовательно на дворцовой площади балаганы, толпы народу, нескончаемый повоздъ экипажей, неумолкаемая музыка до самыхъ сумерекъ и многочисленные зрители и слушатели во всѣхъ театрахъ. Въ особенности привлекаетъ теперь большинство балетъ *Korsarz*, сюжетъ котораго взятъ изъ извѣстной поэмы лорда Байрона.

И я былъ тамъ, и видѣлъ я
Балетъ тотъ, обстановокъ полный,
И я былъ тамъ, тамъ и меня
Страшили крашенныя волны...

Пусть говорятъ, что говорить о балетѣ значитъ повторять общія мвста, но умолчать объ обстановкѣ этого балета будетъ недобросовѣстно. Възмъ извѣстно, что хореографическое искусство въ особенности процвѣтаетъ въ Россіи и что никакой театръ въ Европѣ не представляетъ такого богатаго *ensemble*—солистокъ, корифеекъ, *corps de ballet* и декораций, какъ нашъ петербургскій. Наша дирекція прилагаетъ особенное стараніе о послѣднихъ и, можно сказать, нитаетъ даже нѣкоторую слабость къ этой отрасли своего управленія, не щадя очень немаловажныхъ суммъ. Въ накладѣ, разумется, дирекція наша

никогда не остается потому, что прекрасное всегда имѣетъ своихъ поклонниковъ и слѣдовательно и цѣнителей, а поклонники и истинные цѣнители никогда не скупы. Юноши, великосвятскіе старцы « съ душистыми свднями » и глубокомысленные политики, послѣ мудрыхъ заботъ по разнымъ отраслямъ гражданскихъ потребностей, призываютъ отдыхать въ созерцаніи своихъ балетныхъ любимицъ во все время театральнаго сезона, по вечерамъ, а на масляницъ поутрамъ и по вечерамъ. Какой-то софистъ распустилъ нелицое мнѣніе — что въ балетахъ не говорить... Это совершенно несправедливо! Въ балетахъ, пользующихся у насъ особенною гласностію, какою не пользуется ни одинъ изъ прочихъ талантовъ, говорятъ — глазами, руками, ногами, коротельскими юбками, укороченными кринолинами и всемъ прочимъ, что подобно молніи мслкаетъ въ глазахъ изумленнаго зрителя. И этотъ разговоръ тѣмъ болѣе сладостенъ, что говоритъ прямо сердцу и понятенъ всемъ возрастамъ, начиная съ шестнадцатилѣтняго и низходя чуть ли не до лѣтъ Мафусаэльскихъ. И это не одно мое личное, собственное замѣчаніе; это громко провозглашаетъ одинъ изъ самыхъ истыхъ, заслуженныхъ петербургскихъ театраловъ, который пожертвовалъ спектаклямъ всемъ: долгомъ, привязанностями, обязанностями, умственными способностями и житейскими средствами. Чуть только пробьетъ бывало шесть часовъ, имъ уже овладѣваетъ страшное безпокойство; но тѣлу его начинаютъ пробѣгать будто мурашки, въ ушахъ раздаваться легкій звонъ и онъ говоритъ своей почтенной сожительницѣ, мѣшаясь мыслями, отъ нетерпѣнія:

— Уже шесть съ четвертью!.. Нужно торониться, а то я лшусь мѣста. Прощай, Мумочка. Не позабудь накормить оглодками костей, что я поставилъ подъ столъ, Николеньку, и пожалуйста уложи пораньше спать Барбоса, потому что онъ жаловался на головную боль.

Однимъ словомъ, почтенный театраль, постоянно завирался въ эти часы. Такъ боялся онъ недоставъ мѣста въ партеръ, чуть только давали какую нибудь новую пьесу. Въ продолженіи тринадцати лѣтъ, онъ пересмотрѣлъ все *первыя* представленія трагедій, комедій, мелодрамъ, балетовъ и прочихъ театральныхъ прелестей. Въ особенности поражали его мелодрамы и балеты. Послѣ представленія первыхъ, онъ выступалъ изъ театра, по образу ишаго хожденія, точь-въ-точь какъ какой нибудь Діонисій тиранъ Сиракузскій, унитывая съ ожесточеніемъ табаконъ носъ

важъ будто желая отравить эту невинную часть цыкутой, и пырлялъ воздухъ палкой словно кнвжаломъ. Послѣ балета, ему чудилось, что въ ручнымъ его лопаткамъ и пяткамъ его приросли крылья и онъ скользилъ, окользилъ по тротуарамъ, часто попадая на фонарные столбы, въ овоемъ увлеченіи. По приходѣ въ квартиру, почтенная сожительница, по женскому любопытству, начинала его спрашивать о содержаніи пьесы; но, неизвѣстно отъ чего — отъ полноты ли накопившихся ощущеній или отъ чего другаго, театраль мой никогда не могъ объясниться иначе, какъ словами:

— Однимъ словомъ, совершенство было! Интрига преужасная... злодѣй такой, которыхъ тебѣ не посчастливится увидѣть... Дурандалии потомъ одинъ еще, и такой, что заставлялъ меня смѣяться, въ мѣстахъ самыхъ печальныхъ... Пожаръ, конская скачка... Ножки вотъ такъ и заплетались, канашки!.. Женщина топталась съ искусствомъ изумительнымъ!... Совершенство, совершенство!

И вотъ, послѣ оффиціальныхъ прощаній съ семействомъ, театраль, достигаетъ театрального подвѣзда, въ поту, въ грязи, въ пыли, въ снѣгу — смотря по времени года — едва переводя дыханіе. У кассы замѣчаетъ онъ извивы толпы, по всемъ возможнымъ геометрическимъ фигурамъ, и ласково улыбаясь жандармамъ, чтобы какъ нибудь добиться ихъ протекціи, старается проскользнуть, какъ угорь, впередъ. Но несмотря на всю любезности, его оттягиваютъ назадъ. Чтобы чѣмъ нибудь да утѣшиться въ обманутомъ ожиданіи, театраль бормочетъ:

— Должно быть, что пьеса разпрекрасная... Такъ вотъ бока другъ другу и толкаютъ! Видно нынче вполнѣ придется потѣшиться... Ай! на самую мозоль! Да! пьеса видно стоитъ того, чтобы помучиться изъ-за нея...

Извѣстно: чѣмъ труднѣе препятствія, тѣмъ больше удовольствіе.

— А ужъ добыюсь! продолжаетъ мыслить театраль. Не поерамлю земли русской; лягу костями, а выдерну билетикъ даже изъ челюстей самого сатаны, если пойдетъ на перекорь!

И точно, нерѣдко приходилось театралу доставать себѣ билетъ, съ немалыми физическими и матеріальными пожертвованіями. При *Блокадѣ Ахты* ему подбили глазъ; желая попасть въ *Раабойники Шиллера* онъ получилъ пресильный ударъ по затылку; стараясь насладиться *Жизнію широка* онъ лишился платка; въ *Венерской хижинѣ* ему оторвали капюшонъ у шинели;

въ *Свѣтъ не безъ добрыхъ людей*, выругали его—самымъ нагнуснѣйшимъ образомъ. Но вся подобныя случайности были ему ни почемъ; онъ былъ упрямъ и безчувственъ, какъ гранитъ, если касалось первыхъ представлений. Увлекаемый, смятый, потертый живымъ потокомъ, театраль всегда достигалъ своей цѣли, хотя часто приходилось ему, какъ Танталу, испускать глухой вопль отчаянія, и испытывать истину басни: око видитъ да зубъ не ѣметъ. Бывало рука его уже касалась завѣтнаго билета; бывало онъ уже осязалъ его своими дрожащими отъ услій перстами, какъ вдругъ, иная, болѣе проворная рука похищала въ его глазахъ его сокровище. Бывало, десять разъ уже протягивалъ онъ такъ одну руку, придерживая другою шляпу, которой удары кулаками придали форму картуза, и десять разъ толпа отбрасывала его назадъ въ полулежачемъ, полуподнятомъ на воздухъ положеніи. Но онъ опять шелъ, какъ герой на приступъ. Жизнь самая въ тѣ минуты казалась ему копейкой и вотъ билетъ уже у него, деньги уже отданы; нужна только одача, какъ вдругъ снова чья-то сильная рука хватается его за воротникъ и повертываетъ, произнося сердито:

— Что это въ самомъ дѣлѣ? Надо кажется и честь знать; получилъ билетъ, такъ и проваливай; пора другимъ мѣсто дать...

— Двадцать пять копѣекъ мнѣ слѣдуетъ! восклицаетъ театраль, вращая отупѣлыми глазами. Двадцать пять копѣекъ!...

— Не миллионы! можешь безъ нихъ обойдтись; ишь гусь какой! отвѣтствуютъ ему на это сотни голосовъ...

— Что же это? Бразилія, что ли! восклицаетъ снова театраль; но его не слушаютъ; надъ нимъ смѣются, придаютъ ему разныя смѣшныя прозвища...

Театраль наконецъ отступается.

— Нечего дѣлать! думаетъ театраль. Предположу нынѣшній разъ, что взялъ билетъ двадцатью пятью копѣйками дороже.— Скажу жень, что почувствовалъ разстройство желудка и выннѣ былъ принужденъ пуншикъ.

Театраль подымается наконецъ по ступенямъ, ведущимъ на самую вершину и достигаетъ пристанища, пыхня отъ усталости. Покуда настраиваютъ инструменты и слышится въ разныхъ мѣстахъ его прибѣжища откупорка кислыхъ щей, театраль никогда не преминетъ завести разговоръ съ своими сосѣдами, разговоръ, разумеется, единственно касающійся театра. Если онъ не вполне

удовлетворенъ желаемыми свѣдѣніями, онъ обращается къ капель-директору, не гнушается даже ламповщиками...

— Не можешь ли ты сообщить что нибудь на счетъ сюжета? взываетъ онъ ласкательно.

— Какъ же, отвѣчаютъ ему иногда; какъ не знать, на то и на службу состоимъ... Развѣ что нибудь перемѣнить, а на репетиціи куда какъ хорошо дѣло шло... Первый актъ, такъ сказать, еще увертюра. Такъ спустя рукава, значить, идетъ, а ужъ за то второй—объядене! Главное вотъ что: не позабудьте сцену между сыномъ, который нашелъ своего отца, который бросилъ его по совѣтамъ одного *измѣнщика*, который сдѣлалъ это нарочно, чтобы эдакъ, такъ сказать, подумали, что это сдѣлалъ другой, который принцемъ въ пьесѣ значится, понимаете, который потомъ, разумеется, оправдывается передъ отцомъ, который *измѣнщика* удалить, разумеется... Не будете жалеть, что деньги заплатили... Пальба будетъ... Деньги на пропаціи...

— О, безъ всякаго сомнѣнія! подтверждаетъ театраль, удовлетворенный изложеніемъ и впередъ уже утирая носъ отъ предвкусія истиннаго наслажденія, которос его ожидаетъ.

Оркестръ начинаетъ играть. Зрители райка отмаркиваются послѣднимъ усиленнымъ сморканіемъ, чтобы потомъ вполне превратиться въ одинъ слухъ и зрѣніе.

— Нельзя ли немного пожатся? предлагаютъ театралу съ одной стороны, а театраль и безъ того чуть не сплюснуть, какъ блинъ...

— Да что вы, какъ дама какая, наваливаетесь! замѣчаютъ ему съ другой стороны.

— Почтеннѣйшій, вѣдь театръ не для васъ однихъ, слышится театралу и съ той и съ другой стороны.

Театраль только пожимается, покряхтываетъ но твердо защищаетъ занятую мѣстность.

Пьеса начинается и различныя партіи приготовляются дѣйствовать различно, смотря по своимъ драматическимъ понятіямъ о достоинствѣ спектакля и по своему вкусу. Раздаются хлопанья, шканья, такъ-что приходится иногда такъ, что хлопающіе, приведенные въ негодованіе, сами начинаютъ шикать, чтобы унять недобросовѣстныхъ шикальщиковъ.

Къ несчастію театраль мой за частую попадалъ въ самую сердцевину такихъ разнородныхъ цѣнителей драматическихъ произведеній.

Драматическій судья, съ правой стороны спрашиваетъ его:

— А? какво идетъ! интрига то какая! Костюмы-то, костюмы-то каковы... Господи, чалма-то, чалма-то какая на принцессе! А ножомъ-то какъ ловко нырнули, по Каратыгински!

Театраль, не смѣющій разборчиво выразить свое мнѣніе, только что мумыкаетъ...

— Что за каша! просто, кажется, не глядѣль бы, неправда ли? спрашиваютъ его съ лѣвой стороны...

Театраль тоже что-то мумыкаетъ.

Но вотъ опять раздаются и браво и шиканье. Занавѣсъ опускается и различные возгласы достигаютъ до предѣла своего критическаго выраженія: всѣ поднимаются съ мѣсть, всѣ спѣшатъ къ выходнымъ дверямъ, споря, шумя. Невинную жертву между двумя мнѣніями, театрала, опять мнутъ, трутъ, потчуютъ пинками и онъ выходитъ, потерявъ совсѣмъ шляпу, преобразованную при входѣ, насиліемъ, въ образъ картуза. Театраль возвращается домой истымъ капуциномъ, прикрывъ лысую голову капюшономъ шинели.

— Гдѣ же твоя шляпа? спрашиваетъ его сожительница.

— Ахъ, душка, ужь лучше не припоминай! возражаетъ театраль. Во всемъ *Корсаръ* виноватъ; но я не жалью о шляпѣ. Шляпа дѣло нажитое, а втораго корсара не скоро увидишь. Какъ одна бѣдняжка мило тонула, въ какой естественной рѣзкѣ; какая натуральная молнія. Костюмы какіе. А декорациі! подобныхъ декорациій я еще не видѣлъ. Да! истинно сказать, что наслаждался! Въ первый разъ спать всю ночь не буду, а ужь доставу себѣ билетъ.

И точно за постановку такого великолѣпнаго по декорациямъ балета можно искренно поблагодарить дирекцію. Танцы также очень хороши и новы.

Про частные спектакли слышно нынче очень мало и все представленія ограничились лишь однимъ впрочемъ необыкновенно прекраснымъ представленіемъ въ домѣ Г. Шлегтингъ.

Былъ еще въ субботу 26 числа спектакль во 2-мъ Петербургскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, удостоенный присутствіемъ Его Императорскаго Величества. Сколько воспоминаній вызываютъ подобные кадетскіе спектакли; они подарили Россіи Сумарокова, а вмѣстѣ съ нимъ, и чрезъ него, знаменитаго въ свое время актера Дмитревскаго.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ театральныхъ представленій усладились

1. Маскарады большого театра, общества, дворянского собранія, что и *самому городничему*, говоря словами Гоголевскаго, ды на тройкахъ, благодаря снѣга, опять возобновились и Средней Рогаткѣ, въ обширномъ чаемъ пикники.

**НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОБЩЕ-
ЖИТІЯ.**

Мендельсонъ-Бартольди.—Результаты ученой экспедиціи братьевъ Шлагинвейтъ въ Индіи.—Наблюденія надъ количествомъ воздуха, вдыхаемаго человѣкомъ.—Калифорнское золото.—О путешествіи капитана Буртона.

Наиболѣе замѣчательное явленіе въ исторіи музыки есть, безъ сомнѣнія, появленіе и послѣдовательный непрерывающійся рядъ композиторовъ, сдѣлавшихъ изъ Германіи прошедшаго вѣка и половины нынѣшняго центръ музыкальнаго міра. — Блестящіе періоды германской поэзіи и музыки появились почти одновременно.—Слава, съ которою Бахъ, громовыми аккордами своей оргіи обновилъ торжество своего искусства, можетъ быть сравнена съ величіемъ одъ Клопштока, которыми онъ обогатилъ поэзію.—Едва поэзія достигла своего апогея величія въ Гёте, гений котораго заключилъ въ себя все сдѣланное до него, какъ въ то же время нѣмцы могли сказать, что Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди соединилъ въ необъятномъ своемъ творчествѣ все величіе музыкальной славы его предшественниковъ.—Начиная съ Баха до Бетховена не было ни одного великаго композитора, съ которымъ Мендельсонъ не имѣлъ бы чего-либо общаго, сохраняя всегда свою гениальную исключительно ему принадлежащую особенность и врожденную самобытность. Мы не думаемъ этимъ сказать, чтобъ между Гёте и Мендельсономъ было совершенное сходство. Къ несчастію, для композитора эта истина, выражающаяся аксіомой *Ars longa, vita brevis*—болѣе примѣнима, нежели къ поэту, хотя Мендельсонъ и слишкомъ рано сталъ композировать и неутомимо посвящалъ себя труду въ продолженіи кратковременной своей карьеры, при всемъ томъ однако недостаетъ значительнаго числа колець въ той цѣпи, которою мы могли бы измѣрить его гений.

Въ одномъ только отношеніи, параллель не точна между музыкой и поэзіею въ Германіи.—Другія страны подобно Германіи имѣли гениальныхъ поэтовъ, тогда какъ музыка германская затмила собою музыкальность всего свѣта. — Франція и Англія

могутъ гордиться великими именами писателей; но они, безъ сомнѣнія, убѣждены въ томъ, что никогда не было другаго Гайдна, Моцарта и Бетховена.—Какъ бы то ни было, Мендельсонъ былъ прямымъ преемникомъ славы Бетховена. Доказательствомъ его музыкальнаго величія служитъ то, что нѣтъ въ Европѣ концерта, въ программѣ котораго не было бы имени Мендельсона.—Изслѣдованіе обстоятельствъ и средствъ, которыми онъ достигъ до этого высокаго положенія, можетъ быть не безъ интереса для читателя.

Колыбель Мендельсона окружали благопріятныя обстоятельства, повидимому предсказывавшія его блестящую будущность, и семейство его было для него первымъ источникомъ, откуда онъ почерпнулъ свои вдохновенныя мелодіи.—Генеалогія его не лишена замѣчательности. Въ то время, когда развивался въ Германіи литературный духъ, дѣдъ его, Моисей Мендельсонъ,—нѣчто въ родъ еврейскаго и нѣмецкаго Платона,—счумълъ своими замѣчательными философскими трудами занять въ литературѣ мѣсто на ряду съ Лессингомъ, Виландомъ и Клопштокомъ, уступая конечно этимъ знаменитымъ своимъ современникамъ. Если дѣдъ Мендельсона композиторъ былъ замѣчательнымъ евреемъ—философомъ, то и отецъ его былъ полезнымъ практическимъ человекомъ: это былъ богатый банкиръ, давшій своему сыну блестящее воспитаніе и способный оцѣнить его счастливыя способности. Онъ гордился своимъ сыномъ и любилъ говорить слѣдующія слова: Когда я былъ дитятей, обыкновенно меня называли сыномъ великаго Мендельсона, теперь же меня зовутъ отцомъ великаго Мендельсона.—Мендельсонъ имѣлъ также вѣжную мать: она происходила изъ благородной фамиліи Бартольди, и считала величайшимъ счастіемъ—передать любимому сыну свое имя и свои первыя музыкальныя впечатлѣнія.

Мендельсонъ—второй изъ четырехъ дѣтей—родился въ Гамбургѣ 3 Февраля 1609, въ домъ, находящемся сзади церкви св. Михаила. Расположеніе его къ музыкѣ обнаружилось весьма рано,—но къ счастью, ничто не мѣшало ему въ развитіи его музыкальныхъ наклонностей; онъ не былъ принужденъ—подобно бѣдному Генделю—скрывать фортепьяно на чердакъ, куда онъ могъ уходить только тайкомъ ночью; ему не приходилось также—подобно Баху—копировать цѣлыя партіици при одномъ лунномъ свѣтѣ. Дѣтство и юность его представляютъ картину воспитанія полнаго и благоразумнаго,—онъ выросъ въ сферѣ образованныхъ

и достаточныхъ людей.—Когда ему было 3 или 4 года, семейство Мендельсона поселилось въ Берлинѣ, гдѣ онъ началъ брать уроки у Бетхера и скоро приобрѣлъ талантъ музыкальнаго исполненія.—Затѣмъ онъ сталъ изучать теорію и сдѣлалъ въ ней большіе успѣхи, подъ руководствомъ старика Цельтера, весьма извѣстнаго друга и корреспондента Гёте. Цельтеръ часто повторялъ съ улыбкой, что дитя нашло въ концертѣ Баха шесть ошибокъ противъ музыкальной грамматики.—Онъ играетъ на фортепiano, какъ демонъ, писалъ Цельтеръ къ Гёте, извѣщая его о первыхъ успѣхахъ Мендельсона.—Наконецъ, въ 1821 году онъ привезъ съ визитомъ своего ученика къ Гёте въ Веймаръ, и съ этого времени возникла между поэтомъ и музыкантомъ долгая корреспонденція. — Въ легкихъ стихотвореніяхъ Гёте, находятся стансы, обращенныя къ Мендельсону въ воспоминаніе этого перваго посѣщенія. — Сначала молодой музыкантъ возбудилъ въ поэтѣ болѣе любопытство, чѣмъ расположеніе; но вскорѣ Гёте узналъ въ немъ возвышенныя способности и развитый умъ, и съ тѣхъ поръ съ нимъ сблизился дружбой. Драгоценный талантъ Мендельсона не былъ ему данъ Творцомъ въ ущербъ другихъ способностей. Онъ весьма усердно кончилъ вообще свое образованіе, и въ 1826 году Гёте могъ хвалить въ немъ автора перевода *Адриены Теренція*. Онъ имѣлъ также способность живописи,—и она служила ему самымъ пріятнымъ развлеченіемъ. Вообще онъ заслуживалъ уваженіе, которое имѣлъ къ нему Гёте.—Когда молодой композиторъ, возвращаясь изъ своего перваго путешествія въ Лондонъ въ 1829 г., упалъ изъ кареты и былъ раненъ въ колено,—поэтъ писалъ къ Цельтеру: Я желаю знать, имѣете ли вы благоприятныя новости о нашемъ дорогомъ Феликсѣ.—Я люблю и сочувствую ему, принимая живой интересъ во всемъ до него касающемся, и былъ бы въ отчаяніи, если бы человекъ, сдѣлавшій уже столько, былъ бы остановленъ въ своемъ развитіи несчастнымъ приключеніемъ. Напишите о немъ хоть слово для моего спокойствія.—А когда, въ 1830, Мендельсонъ провелъ двѣ недѣли въ Веймарѣ у Гёте, поэтъ писалъ объ этомъ посѣщеніи: Его присутствіе чрезвычайно выгодно для меня; онъ возбуждалъ во мнѣ вкусъ музыкальный; я слушалъ его съ самой важной симпатіей, но и объясненія его были для меня не менѣе драгоценны. Какъ въ самомъ дѣлѣ, понять феноменъ,—если не знаемъ его во время переходовъ его развитія. Для меня потому

было весьма важно найти въ Феликсѣ глубокое знаніе постепеннаго музыкальнаго развитія, а счастливая его память сообщала мнѣ всю эпоху музыкальной исторіи. Начиная съ Баха онъ оживилъ для меня воспоминаніемъ Гайдна, Моцарта и Глука; онъ далъ мнѣ въ тоже время понятіе о теористахъ новѣйшей высшей музыки; онъ далъ мнѣ истинное понятіе о собственныхъ его композиціяхъ и наконецъ, оставляя меня, унесъ съ собою всю мою ему благословенія.

Едва имѣя двадцать лѣтъ отъ-роду, Мендельсонъ составилъ своего *Отелло*, три *quatuor* для фортепiano и скрипки, двѣ сонаты, двѣ симфоніи, большое число варьированныхъ пѣсней и безсмертное твореніе *Songe d'une nuit d'été*. Если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній проглядываетъ еще неопытность юности, зато въ большей части, и въ особенности въ большой увертюрѣ драмы Шекспира, замѣчательна сила юнаго полета, возносящагося къ облакамъ и осмѣливающагося смотрѣть прямо въ солнце, безъ боязни быть спаленнымъ. Въ этомъ произведеніи молодой человекъ выказалъ себя композиторомъ, умѣющимъ соединить все средства новѣйшей оркестровки. Вдохновеніе—диктуется, наука—пишетъ, и старый Цельтеръ не обманулся, замѣтя въ этомъ *chef d'oeuvre*, залогъ достоинства всехъ другихъ произведеній, поставившихъ Мендельсона въ рядъ первыхъ артистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ *Songe d'une nuit d'été*, слава Мендельсона постоянно возрастала. Не живя постоянно въ Англіи, гдѣ онъ находилъ всегда новую славу и новыя удовольствія, онъ такъ часто посѣщалъ эту страну, что имя и слава его принадлежатъ Великобританіи на столько же, какъ и имя Генделя. Девять разъ онъ былъ въ Англіи, куда театръ и общество призывали его безпрестанно. Артистъ не отказывался жить въ Германіи и посѣщать другія страны: въ Италіи, напримѣръ, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ благоуханный климатъ, и обозрѣвалъ памятники древности. Римъ былъ для него, какъ и для всехъ гениальныхъ людей, предметъ изученія и воспоминаній священныхъ; будучи еще молодъ, онъ встрѣтилъ здѣсь общество Верне, Бунзена, Листа и Берліоза, произведшее на него большее впечатлѣніе. Но во многихъ отношеніяхъ, Лондонъ и Бирмингамъ нравились болѣе Мендельсону, чѣмъ Римъ и Неаполь. Парижъ, въ которомъ онъ былъ два раза, повидимому, для него имѣлъ тоже значеніе, какъ Дюссельдорфъ, Лейпцигъ и Берлинъ, гдѣ онъ провелъ

четырнадцать лѣтъ, трудолюбиво употребленныхъ на рядъ композицій.

Благодаря своему положенію въ свѣтъ, счастливому характеру и счастью симпатической любви, Мендельсонъ былъ менше подверженъ, нежели другіе артисты, влиянію мѣстности. Сравнительно онъ былъ подверженъ меньшимъ случайностямъ, потрясшимъ жизнь большей части великихъ композиторовъ.—Въ Дюссельдорфѣ, напримѣръ, затрудненія театральныя были причиной холодности и окончательнаго разрыва между Мендельсономъ и потомъ Иммерманномъ. — Лейпцигъ съ энтузіазмомъ встрѣтилъ его и Мендельсонъ былъ его любимцемъ; но онъ имѣлъ соперника: композиторъ Шумманъ, былъ также любимцемъ публики и онъ старался оправдать злобное замѣчаніе Вагнера, что Мендельсонъ былъ механическимъ музыкантомъ. — Мендельсону тяжело было здѣсь удерживать свое первенство между собраніями, до тѣхъ поръ, пока онъ не написалъ свое *Elijah*, — наизамѣчательнѣйшее, чудное твореніе.—Въ Берлинѣ, покровительство короля дало ему всѣ матеріальныя средства блестящей жизни; но Мендельсонъ съ трудомъ переносилъ злобу критиковъ и здѣсь ему завидовавшихъ. — Пребываніе Мендельсона въ Англіи не сопряжено было съ подобными неудовольствіями. Увертюра *Songe d'une nuit d'été*—есть поэтическій, музыкальный переводъ идей шекспировскихъ — и она-то сдѣлала Англію вторымъ отечествомъ для Мендельсона.—Послѣ этого опыта, нельзя было опасаться болѣе, по крайней мѣрѣ, за то, что въ Англіи не назовутъ его *musicien mécanique*. Увертюра *Hébrides* и симфонія *la mineur* поставили выше всѣхъ музыкальныхъ произведеній редигозную музыку.—Вообще, хотя артистъ много сдѣлалъ для Англіи, но и Англія не была къ нему неблагодарною, и изъ Лондона всѣ его капитальныя труды—распространились со славою по всему свѣту.—Всеобщее сочувствіе, которое онъ возбуждалъ въ Лондонѣ и большихъ городахъ Англіи, было электрическимъ токомъ, а журналы телеграфическимъ проводникомъ, распространившими славу его повсюду, не исключая и Германіи.

Нужно сообразить при томъ, что Мендельсонъ пашелъ въ Англію публику приготовленную къ его композиціямъ, постояннымъ музыкальнымъ выполненіемъ произведеній его великихъ предшественниковъ. Превосходныя композиціи Генделя, его Миротвореніе (*Création*) съ давнихъ временъ были часто исполняемы въ концертахъ Англіи, и болѣе чѣмъ въ другихъ

странахъ , а удивительные хоры этихъ произведеній сдѣлались столь народными , что можно иногда слышать мотивы ихъ въ хорахъ крестьянъ въ селеніяхъ.

Въ городахъ, работникъ привыкъ соединять съ монотоннымъ стукомъ своего ремесла пѣснь нѣжныхъ мелодій Гайдна. Но до Мендельсона, репертуаръ этихъ хоровъ и пѣсней народныхъ въ Англии былъ весьма скуденъ. Гендель притомъ былъ не только первый великій творецъ религиозной музыки, но и единственный въ этомъ родѣ; за исключеніемъ его, не было другаго композитора, который бы составилъ себѣ знаменитое имя въ этомъ родѣ музыкальной композиціи.

Одинъ отрывокъ изъ *Jesus Christ au mont des Oliviers*, *Aleluia* Бетховена были *chef d'oeuvre* въ томъ же родѣ; что же касается до композиціи Спора (*Spohr*), *Crucifiement* и *Le jugement dernier*, то они были столь сложны, при всемъ ихъ достоинствѣ, что не могли удерживаться въ памяти слушателей, и казалось весьма сомнительнымъ, чтобъ кто-либо изъ композиторовъ попытался еще соединить стиль и идеи Гайдна съ необъятными средствами, развитыми послѣ него наукой и оркестровкой; Мендельсонъ разсвѣялъ это сомнѣніе. Его *Saint Paul*, *Hymne de gloire* и *Elijah* появились послѣдовательно и въ этихъ композиціяхъ нашли столько самобытнаго творчества, что ихъ и не сравнивали съ превосходными произведеніями того же рода, слава которыхъ была упрочена вѣковымъ успѣхомъ. Это было истинною славою для Мендельсона — приобрести торжество своихъ композицій въ странѣ, гдѣ гений его подлежалъ неминуемому сравненію съ гениемъ Генделя.

Мендельсонъ управлялъ самъ своимъ оркестромъ. Чтобъ доказать, до какой степени Англичане сочувствуютъ этой музыкѣ высшаго рода, достаточно привести здѣсь сцену, бывшую въ большой залѣ одного изъ первыхъ городовъ англійскихъ въ апрѣль 1847 года. Мендельсонъ дирижировалъ исполненіемъ своего *Elijah* въ присутствіи шестисотъ слушателей, которымъ весьма хорошо были памяты ораторіи Генделя. Одушевленіе ихъ возрастало и доходило до изступленія. Исполнители, начиная отъ прима-донны до послѣдняго инструментиста, казалось, составляли одну душу съ самимъ композиторомъ. Драматическій интересъ сцены—засухи и дождя увеличился еще какъ бы аналогіею атмосферы, какъ будто сама природа хотѣла участвовать въ этомъ чудномъ музыкаль-

ность торжества. Мрачное, облачное небо, внезапно разразилось ливнемъ въ ту самую минуту, когда раздался хоръ молитвы и гимнъ благодарственный, исторгнувшіеся, повидимому, заразъ изъ глубины души всѣхъ, и исполнителей, и слушателей.

Но, къ сожалѣнію, Мендельсонъ, этотъ великій Мендельсонъ, который, по словамъ принца Альберта, къ нему обращеннымъ, умѣлъ посреди произведеній матеріальнаго искусства, своимъ гениемъ и наукой поддержать достоинство истиннаго искусства, возвратился послѣ этого, послѣдняго своего пребыванія въ Англіи, больнымъ и слабымъ въ Германію.

Въ Франкфуртѣ его застигла вѣсть о внезапной кончинѣ его сестры, г-жи Гейзелъ, которую онъ горячо любилъ и это его глубоко поразило. При всемъ томъ, оправившись, онъ энергично принялся за работу, потому — какъ говорилъ онъ часто своей женѣ — что приближается и для меня время послѣдняго отдохновенія. Въ самомъ дѣлѣ, нервная его система была разотресса и онъ получилъ первый припадокъ болѣзни, долженствовавшей свести его въ могилу. Въ октябрь мѣсяцъ онъ написалъ послѣднюю свою композицію, торжественную мелодію на Нунне à la nuit Эйхендорфа, и это было его прощаніемъ съ жизнью: 4 ноября онъ умеръ на тридцать девятомъ году отъ рожденія.

Событіе это не осталось не замѣченнымъ въ Европѣ, несмотря на восное время. Въ Англіи смерть Мендельсона была какъ бы народнымъ трауромъ.

Мендельсонъ умеръ молодымъ, почти столь же молодымъ, какъ Моцартъ. И въ томъ и другомъ великомъ композиторѣ, преждевременная кончина можетъ быть приписана излишнему напряженію труда; но сомнительно, чтобы было суждено тому и другому превзойти себя еще болѣе въ композиціяхъ, если бы жизнь ихъ и продлилась. Elijah для Мендельсона было тѣмъ же, чѣмъ Реквиемъ для Моцарта, — то есть капитальнымъ произведеніемъ, въ которомъ блещутъ все великія способности богатаго воображенія, и все средства глубокаго знанія теоріи музыки. Потеря Мендельсона столь значительна, что многіе безотрадно объявляютъ, что великая школа ораторіи навсегда погребена въ могилѣ Мендельсона. Безотрадно дѣйствительно потому, что нуженъ гений, столь же возвышенный, для продолженія трудовъ Мендельсона, гений, который открылъ бы собою новую эру въ

исторіи музыки,—музыки, въ одно и то же время, и серьезной и страстной, религіозной и драматической. Въ музыкѣ, какъ и въ литературѣ, подобныя потери гениальныхъ дѣятелей глубоко грустны.

Такъ кончилась жизнь и труды Мендельсона-Бартольди. Сравнивая его произведенія съ продолжительностію его существованія, поражасья прежде всего ихъ численностію. Сто композицій, почти все первостепеннаго достоинства, свидѣлствуютъ могучее творчество почти безпримѣрное. Но для Мендельсона, композиція была не задачею, а инстинктивнымъ занятіемъ; вездѣ и повсюду, во всякое время, онъ былъ занятъ ображеніями, комбинаціею или развитіемъ музыкальной идеи, онъ преследовалъ ее въ своихъ путешествіяхъ, и каждый разъ за отдыхомъ, выходя изъ экипажа, первымъ требованіемъ композитора туриста было—подать ему столъ и бумагу, на которой онъ набрасывалъ результатъ своихъ музыкальныхъ мыслей во время дороги. — Музыка была для него средствомъ выраженія его мыслей и она исторгалась изъ души его и ума съ необычайною легкостью, симметрией и глубокою силою чувства. Утверждаютъ, что его *Анти-па* была работою одиннадцати дней, — при одинаковой силѣ, которую приписываютъ Генделю, написавшему *Messie* въ три недели. Однажды, надо было въ Бирмингемѣ исполнить вмѣстѣ съ другими пьесами, *L'Antienne du couronnement* Гендели. Мендельсонъ находился при этомъ и концертъ уже начался, какъ замѣтили, что недостаетъ речитатива, слова котораго находились въ напечатанномъ либретто, розданномъ публикѣ. Мендельсонъ, замѣтя замѣшательство распорядителей концерта, говоритъ имъ тихо: Идите за мной, я васъ выручу, и въ самомъ дѣлѣ: въ полчаса онъ написалъ композицію со всеми аккомпаньементами оркестра для речитатива, которая была на скоро переписана на нѣсколько экземпляровъ, роздана въ оркестръ и исполнена прежде нежели, высохли чернила пера композитора. Не только мысли и чувства его принимали въ произведеніяхъ его музыкальное выраженіе, но даже впечатлѣнія какаго либо случая или сцены воспринимали въ его творческой фантазіи выраженія въ мелодическихъ формахъ. Когда онъ возвратился изъ Шотландіи въ 1829 году, сестры его просили объявить имъ нѣкоторыя подробности о *Hebrides*. Этого нельзя выразить, словами отвѣчалъ онъ, но должно играть, и сѣвъ за рояль, онъ импровизировалъ эту восхитительную тѣму, которую

развилъ послѣ того въ увертюру *Grotte de-Fingal*. Его пѣсни безъ словъ: *Chants sans paroles* раздающіеся теперь во всѣхъ садахъ, имѣли тѣ же источники, ту же привычку Мендельсона замѣнять часто музыкальнымъ выраженіемъ слова рѣчи; онъ-то собственно были естественнымъ языкомъ композитора, гармоническимъ выраженіемъ его оригинальныхъ въ высокомъ значеніи этого слова мыслей, этой страсти и даже этой сатиры, которая характеризуетъ Генриха Гейнс.

Не нужно думать однако чтобы потому, что музыка Мендельсона прежде всего была эхомъ его внутренней жизни, чтобы онъ былъ неспособенъ воспроизводить чувства другихъ; онъ не принадлежалъ къ той школѣ не понятыхъ, не узнаваемыхъ поэтовъ, которые блуждаютъ по свѣту, подобно безнадежнымъ тѣнямъ; онъ принадлежалъ къ болѣе возвышенному классу поэтовъ, подобныхъ Шекспиру и Гёте, синтетическій гений которыхъ почерпаетъ во всей природѣ и въ сердцѣ человеческомъ, какъ въ открытой книгѣ, элементы своего творчества. Произведенія Мендельсона столь же разнообразны, какъ многочисленны и принадлежатъ ко всѣмъ родамъ музыкальныхъ композицій, за исключеніемъ оперъ. Даже въ этомъ послѣднемъ родѣ, остались послѣ его отрывки которые если бы были окончены, стали бы на ряду лучшихъ произведеній Глюка, Моцарта и Вебера. Въ отрывочной сценѣ, названной *Malheureux* и въ изданныхъ отрывкахъ *Le Fils et l'étranger*, драматическое чувство блестятъ съ той же силой какъ въ *Fidelio* и въ *Flûte enchantée*. Инстинктъ, которымъ была одарена музыкальная натура Мендельсона проявляется особенно въ легкости, съ которой онъ одинаково творилъ произведенія, принадлежащія по стилю ихъ къ двумъ противоположнымъ музыкальнымъ школамъ: классической и романтической. Гармонія его инстинктивно приравнялась къ мѣстности и характеру побудительной причины, начиная отъ пѣсни съ словами или безъ словъ до *quatuor*, симфоній, псалмовъ и ораторій. Въ его произведеніяхъ встрѣчаются иногда снова музыкальныя фразы и формы, которыя узнаются съ перваго раза потому что встрѣчались въ другихъ его произведеніяхъ и повторяются опять въ слѣдующихъ его композиціяхъ; но это нисколько не вредитъ особенному характеру каждой композиціи отдѣльно. Симфонія итальянская не походитъ на симфонию шотландскую, такъ точно какъ *Childe Harold* на *Marmion*, какъ поэзія мечтательная на поэзію рыцарскаго характера. Первая пол-

на блеска, веселости и страсти, вторая, напротивъ, какъ будто подернута облаками; она строго исполнена торжественныхъ и воинственныхъ воспоминаній. Въ произведенія Мендельсона представляютъ одно цѣлое доконченное и согласное во всѣхъ частяхъ выполненіе музыкальной идеи.

Мендельсонъ первый между артистами, послѣ Генделя, обогатилъ религіозную музыку своими произведеніями, и хотя нельзя сказать, чтобы онъ превзошелъ въ нихъ бессмертное музыкальное произведеніе *Messie* Генделя, хотя нельзя также сказать, чтобы онъ превзошелъ или даже сравнился съ Генделемъ и въ его хорахъ, однако *Hymne d'actions de grâces*, финальный хоръ *Hymne de gloire* и сорокъ-второй псаломъ заставляютъ многихъ сомнѣваться въ томъ, ниже ли онъ Генделя въ этомъ высокомъ родѣ музыки. Онъ сумѣлъ, при всемъ веселіи своей композиціи, вложить въ нее чувство любви и преданности въ самыхъ потрясающихъ, впечатлительныхъ для сердца звукахъ. Въ его гармоніи, Божественное и человеческое, повидимому слито, соединено вмѣстѣ: таковъ характеръ его композицій: *Orepose dans le Seigneur* и хоры *Heureux et bénis soient ils* и *l'aisez le Seigneur*. Тѣ же чувствованія встрѣчаются со всею силою гармоническихъ созвучій въ ораторіяхъ и псалмахъ Мендельсона, и о нихъ можно судить по отрывкамъ *Oratorio du Christ*, которую онъ не окончилъ и въ которой достигъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, самыхъ великолѣпныхъ музыкальныхъ выраженій. Произведенія Мендельсона заключаютъ также красоту самаго строгаго стиля; такъ большая часть мѣста *Elijah* и хоръ преслѣдователей евреевъ въ *Saint Paul* и *le Christ*, представляютъ самое страшное выраженіе фанатической злобы. Хоры евреевъ суть самое вѣрное изображеніе безчеловѣчной злобной ярости этого народа, распявшаго Спасителя и побившаго камнями Св. Стефана. Хоръ *Qu'il soit lapidé jusqu'à la mort* дышетъ дикой свирѣпостью во всѣхъ частяхъ своего сложнаго рима; но всѣ эти удивительныя музыкальныя отрывки, хотя они сами по себѣ суть высокія драматическія музыкальныя произведенія не достигаютъ своихъ могучихъ эффектовъ, такъ какъ тѣ музыкальныя вполне небесныя созвучія Мендельсона, которыми онъ возбуждаетъ въ христіанской душѣ чувства вѣры и любви. Послѣ страшнаго шума предшествующаго побіенію камнями Св. Стефана, нѣжное, сладостное пѣніе раздается въ музыкальныхъ созвучіяхъ и влечетъ влечь къ небу съ душой мученика. Гимны Мендель-

сона, заключая въ себѣ самыя красоты какъ и его большія музыкально-религіозныя сочиненія, доказываютъ также силу его таланта въ этомъ важномъ родѣ музыки.

Жизнь Мендельсона до-сихъ-поръ не имѣетъ біографіи. Есть нѣкоторыя частныя свѣдѣнія о его жизни, но индивидуальныя особенности его юности, до-сихъ-поръ сохраняются лишь въ памяти его корреспондентовъ. Лучшія изъ біографическихъ хотя и неполныхъ очерковъ его жизни изложены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Jules Benedict Sketch of the Life and Works of the late Felix Mendelssohn-Bartholdy—Felix Mendelssohn-Bartholdy. Ein Denkmal für seine Freunde von W. A. Lampadius. Leipzig. Modern German music. recollections and criticism By Henry Chorley. Les Musiciens contemporains; par M. H. Blaze de Bury, но въ первыхъ двухъ болѣе рядъ чиселъ и событій, чѣмъ рассказъ о жизни Мендельсона; книга Chorley о новѣйшей германской музыкѣ доказываетъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ посвященныхъ памяти его знаменитаго друга, что онъ способенъ написать біографію, достойную Мендельсона, подобную той, которую имѣетъ Моцартъ. Когда появится такая біографія, гдѣ мы увидимъ Мендельсона въ его ежедневной жизни, его письма, тогда еще болѣе будетъ понятенъ для насъ этотъ энергичный, самообытный, музыкальный гениі; Мендельсонъ будетъ тогда понятъ не только какъ артистъ, но и какъ человекъ.

— Калифорнія. Добываніе золота въ 1856 году. Массы золота, добытыя въ Калифорніи, весьма значительны и при всемъ томъ, по-видимому, онъ будутъ еще болѣе значительны въ будущемъ. Это замѣчаніе съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, но оно основано на богатствѣ страны, съ каждымъ днемъ лучше узнаваемомъ, на богатствѣ рудниковъ и золотосодержащихъ земель, а также на устройствѣ ихъ разработки. Предпріятіе это въ настоящее время находится въ рукахъ компаній, располагающихъ значительными капиталами, которыя занимаются добываніемъ золота на огромномъ пространствѣ и различными работами, произведенными съ той же цѣлью, какъ-то: постройкою водопроводовъ, каналовъ, прорытіемъ горъ—туннелями, открытіе которыхъ стоитъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и иногда нѣсколькихъ лѣтъ труда. Въ 1856 году, изъ Санъ-Франциско вывезено золота: на пароходахъ: въ Нью-Йоркъ—39,765,274 долларовъ, въ Англію 8,666,289, въ Панаму 253,268, въ Нью-Орлеанъ 130,000, всего 48,814,854 долларъ; на парусныхъ судахъ: въ Китай

1,308,852, въ Сандвичевы Острова 241,450, въ Манцлгу 133,265, въ Перу 69,750, въ Австралію 56,518, въ Калькутту 47,050, въ Чили 11,398, въ Коста-Рика 9,000 и на мелкіе острова 5,300, всего 1,882,582 доллара. Всего 50,697,583 доллара. Въ 1855 г. вывезено золота 45,182,631 долларъ. Такимъ образомъ, вывозъ 1856 г. превзошелъ на 5,514,803 доллара. Вотъ таблица прогрессивнаго вывоза золота изъ Калифорніи, на основаніи вѣрныхъ официальныхъ свѣдѣній за девять лѣтъ:

1848	15,000,000	долларовъ.
1849	30,000,000	— —
1850	36,250,000	— —
1851	34,492,000	— —
1852	45,779,000	— —
1853	54,965,000	— —
1854	51,427,000	— —
1855	45,183,000	— —
1856	50,697,000	— —

363,795,000 долларовъ, то-есть
1,818,975,000 франковъ.

Ученая экспедиція въ Индію. По повелѣнію короля прусскаго и распоряженіемъ индійской компаніи, предпринята была въ 1854 году ученая экспедиція въ Индію братьями Германомъ, Адольфомъ и Робертомъ Шлагинвейтами, съ цѣлью наблюденій земнаго магнетизма, физическихъ и геологическихъ. Двое братьевъ возвратились изъ этого путешествія въ половинѣ прошедшаго года; третій, Адольфъ, остался еще на некоторое время въ Гималазъ и возвратится въ началъ нынѣшняго года, чрезъ Пунжабъ и Бомбей. Вотъ результаты этой экспедиціи: путешественники еще въ 1854 году изслѣдовали въ различныхъ направленіяхъ страну между Бомбэемъ и Мадрасомъ и прибыли моремъ изъ Мадраса въ Калькутту. Въ продолженіи лѣта 1855 года, Германъ Шлагинвейтъ осмотрѣлъ восточныя части Гималая, Сиккимъ, Рутанъ и горы Кооси. Онъ имѣлъ часто случай измѣрять высоту восточныхъ частей Гималая, —рядъ возвышенностей, составляющихъ наиболее высокія мѣстности земнаго шара. Одна изъ этихъ возвышенностей, наивысочайшая есть гора *Гаурисанга*, находящаяся въ восточной части Непала; это та самая гора, о которой въ томъ же значеніи упоминаетъ полковникъ Вогъ, ученый путешественникъ этихъ мѣсть. Не зная ея мѣстнаго на-

званія въ Индустанъ, Вогъ назвалъ ее горою *Эверестъ*. Высота ея около 29,000 футовъ англійскихъ; Шлагинвейтъ могъ ее измѣрить подь угломъ болѣе $4\frac{1}{2}$ градусовъ и узналъ что она имѣеть два названія, одно индѣйское *Гауриханка*, другое тибетское *Чимопамари*. Адольфъ и Робертъ Шлагинвейты, съ своей стороны, обозрѣли въ различныхъ направленіяхъ другъ отъ друга центральныя части Гималая, Кумаона и Гурвкаля; они проникли затѣмъ въ собственно такъ называемый Тибетъ и осмотрѣли значительное по торговль мѣсто *Гартокъ*, окрестности озера *Манзараура* и *Бархампутру*. Немного на востокъ отъ этой мѣстности они могли достигнуть на *Ибъ-Гаминь* высоты около 22,260 англійскихъ футовъ. Въ 1855 и 1856 годахъ Германъ Шлагинвейтъ путешествовалъ по Ассаму, Гангу и Бархампутрѣ, а затѣмъ посѣтилъ сѣверо-восточныя области Бенгала, начиная отъ Калькутты до Симлы. Адольфъ, между тѣмъ, былъ въ Мадрасъ, слѣдуя сначала теченію Годавери; затѣмъ онъ достигъ южной оконечности, идя чрезъ Пондишери и Трихинополи и послѣ экскурзій въ горахъ Нилгерійскихъ, онъ возвратился въ Симлу чрезъ Калькутту. Робертъ провелъ это время въ центрѣ Индіи, гдѣ онъ имѣлъ случай определить между прочимъ положеніе равнины Амаркантака. Онъ нашель, что высота ея едва доходитъ до 3,300 футовъ англійскихъ, тогда какъ, по неточнымъ наблюденіямъ, ей приписывали высоту 8,000 футъ. Послѣ четырнадцати мѣсяцевъ разлуки, три брата сошлись на короткое свиданіе въ Симлѣ, предъ началомъ новыхъ экскурзій въ теченіе лѣта 1856 года. Адольфъ Шлагинвейтъ отправился затѣмъ изъ Симлы къ сѣверо-востоку, чрезъ Гималай, Тибетъ, Балтистанъ къ Инду-Куху и затѣмъ возвратился въ Пушжабъ чрезъ Кашмирскую-Долину; Робертъ и Германъ отправились различными дорогами въ Ладакъ; совершенно утомленные, они были однако такъ удачны въ своихъ предпріятіяхъ, что могли продолжать свои изслѣдованія въ Туркестанъ, спускаясь изъ Каракарума и Куэнлуэна въ большую долину Ярканда. Это обширное углубленіе отъ 4,000, до 3,000 англійскихъ футовъ, раздѣляющее Куэнлуэнь отъ Саянь-Хана, т. е. горы верхней Азіи на сѣверѣ Индіи отъ горъ центральной Азіи на югъ російскихъ владѣній. Эта мѣстность никѣмъ еще не была изслѣдована; даже здѣсь не былъ Марко Спада, проходившій на сѣверѣ Куэнлуэна; но она тѣмъ болѣе представляетъ интересъ для изслѣдователя, что кромѣ наблюденій магнитныхъ, температуры, влажности и проч., здѣсь

можно изучитъ формацію, высоту и направленіе горъ но еще неизвѣстныхъ. Опять свидѣвшись въ Ладаіа туда по различнымъ дорогамъ, чрезъ Кашемиръ братья Шлагинвейтъ составили себѣ для 1857 годъ маршрутъ экскурзій: Германъ Шлагинвейтъ, послѣ переговоровъ о дозволеніи ему обозрѣть Непаль, получилъ доступъ. Съ точки зрѣнія географической, экскурзіи то преимущество, что представляла возможность дополнитъ измѣреніе высотъ Гауриханки и опредѣлить другія возвышенности—Мачинутча и горъ Яосанность которыхъ была нѣкогда известна подъ инымъ названіемъ, слишкомъ общимъ — *Давалаги Давалагири* означаетъ покрытые снѣгомъ гребни горы относятся ко всемъ вершинамъ горнымъ, покрытымъ Роберту Шлагинвейту предстояло большое претразслѣдованій; онъ спустился чрезъ Пунджабъ въ Сикхда чрезъ Кутчъ и Гузерать въ Бомбей. Между наресными предметами его наблюденій, было изслѣдованіе мало извѣстныхъ горъ Сальтъ-Рангъ и опредѣленіе теченія различныхъ рѣкъ Пунджаба, начиная съ и времени. До возвращенія своего въ Европу, онъ протого, три недѣли на Цейланъ. Адольфъ, сдѣлавъ эилицъ Пунджаба и Кабула, возвратился еще разъ в отсюда уже отправился въ Европу, въ концѣ 1857

Наблюденія этихъ путешественниковъ обратили маніе академій; наблюденія эти оказались совершенно съ ученымъ ихъ интересомъ соединилось ожиданіе хода въ свѣтъ въ скоромъ времени сочиненія ихъ, дѣтъ имѣть названіе: Результаты ученой экспедиціи братьями Шлагинвейтъ въ Индіи и верхней Азіи, короля прусскаго и распоряженію индѣйской компаніи, которыя свѣдѣнія о самыхъ замѣчательнѣйшихъ ихъ нѣяхъ, о которыхъ они уже сообщили до выхода в мянутаго полнаго описанія ихъ ученыхъ трудовъ. земнаго магнетизма, они открыли, что Гималаи протщее вліяніе, весьма точно ими опредѣленное на магнитной силы. Уклопеніе представляетъ вездѣ леніе, однако замѣтно сводящее стрѣлку къ центральнои этой громадной массы; а внутренняя сила магнит болѣе значительна, въ сравненіи ея съ другими мѣ

ковой широты. Это явление въ особенности оказывалось въ Тибетъ и северной части Кузисгуэна въ Туркестанѣ. На югъ Индiи, увеличеніе внутренней магнитной силы, отъ юга къ северу, было весьма быстро. Многочисленныя наблюденія температуры почвы, сдѣланные посредствомъ мало-чувствительныхъ термометровъ и геотермометровъ дали имъ возможность определять изофермическія подземныя линіи и сравнить ихъ съ линіями одинаковой внутренней магнитной силы. Неправильныя мѣстныя измѣненія земнаго магнетизма въ этихъ странахъ суть случайности, болѣе рѣдкія и ограниченныя, нежели какъ это можно определять à priori. Въ одномъ только пунктѣ горы *Хриза*, стрѣлка уклоненія отдалается на четыре градуса къ востоку отъ нормального направленія. Въ отношеніи метеорологiи, независимо отъ собственныхъ наблюденій, братья Шлагинвейты воспользовались, какъ они сами доносятъ академіи, наблюденіями термометрическими, сдѣланными весьма тщательно офицерами службы индiйской компаніи. Съ помощью этихъ двойныхъ наблюденій, они составили карту изофермическихъ линій Индiи. Правильныя и постоянныя наблюденія ихъ электрической атмосферы были произведены преимущественно въ восточныхъ частяхъ Гималаевъ. На Гималаевъ, при высотъ 17,000 до 20,000 футовъ, максимум и минимум ежедневныхъ измѣненій барометра, оказывались въ часы весьма близкіе къ времени тѣхъ же измѣненій въ равнинахъ; но различіе между перепадами крайняго максимума и минимума, были менѣе значительны. Братья Шлагинвейты на этомъ основаніи утверждаютъ, что на Гималаевъ, при высотъ 5,200 метровъ не встрѣчается та перепада, которую теорія указываетъ какъ необходимо долженствующую быть въ атмосферѣ Европы на высотъ отъ 2,700 до 3,000 метровъ и которая дѣйствительно существуетъ на всехъ возвышенныхъ оконечностяхъ Альпъ. Это различіе между Альпами и Гималаемъ весьма замѣчательно; они объясняютъ его различіемъ пропорціональности высоты оконечностей къ цѣлой массѣ горъ въ Альпахъ и Гималаевъ. Прозрачность атмосферы была измѣряема помощью *диафонометра*, подобнаго тому, который употребляли они же съ той цѣлю и на Альпійскихъ горахъ. *Диафонометръ* состоитъ изъ двухъ черныхъ кружковъ различнаго діаметра, нарисованныхъ на беломъ фонѣ. На возвышеніяхъ свыше 17,000 футовъ, оба круга исчезали постоянно подъ однимъ угломъ, что указываетъ на то, что при этой высотѣ, уменьшеніе прозрачно-

сти, производимое слоемъ воздуха въ 1000 метровъ, недоступно болѣе глазу. Во время бурь несквозь, часто случающихся въ Индіи, они всегда замѣчали, что солнце окрашивалось особеннымъ образомъ. Кругъ его принималъ голубоватый цвѣтъ, какъ будто на него смотрѣли чрезъ стекло того же цвѣта. Это явленіе въ особенности было замѣчаемо тогда, когда солнце спускалось довольно низко, такъ, что лучи его должны были проникать чрезъ облака пыли. Шлагинвейты дѣлали также наблюденія надъ прозрачностью воды въ различныхъ мѣстахъ. Для этого они опускали въ воду бѣлый камень, иногда окрашенный различными красками въ разныхъ частяхъ его поверхности и наблюдали, на какой глубинѣ исчезали отъ глаза, то бѣлая его части, то окрашенныя. Наибольшую прозрачность воды они замѣтили въ морской водѣ, именно въ окрестности острова Корфу, гдѣ камень погруженный оставался замѣтнымъ для глаза до глубины 16 метровъ. Въ тропическихъ моряхъ, онъ исчезалъ постоянно на глубинѣ 10 метровъ, въ рѣкахъ же Индіи, Гангъ, Брахманутръ, Индусъ, воды которыхъ заключаютъ значительное число постороннихъ веществъ, камень дѣлался невидимымъ отъ 12 до 15 сантиметровъ.

— Нѣкто Эдвардъ Смитъ представилъ интересныя наблюденія надъ количествомъ воздуха, вдыхаемымъ человекомъ въ теченіе дня и ночи, прибавивъ къ этому замѣчанія о измѣненіяхъ этого климата подъ вліяніемъ движенія, пищи, медикаментовъ, температуры, — наблюденія его напечатаны въ одномъ изъ иностранныхъ ученыхъ журналовъ откуда мы ихъ и сообщаемъ. Наблюденія эти онъ дѣлалъ надъ собою множество разъ и вотъ результаты. Ему тридцать-восемь лѣтъ, ростъ его шесть футовъ англійскихъ, онъ здоровъ и силенъ. Количество воздуха, вдыхаемаго въ продолженіи 24 часовъ оказалось въ 711,060 кубическихъ дюймовъ; среднимъ числомъ 29,627 — въ часъ, или 493,6 въ минуту. Количество это было менѣе ночью чѣмъ днемъ. Увеличеніе вдыханія замѣтнѣе утромъ, чувствительное уменьшеніе около половины девятого часа вечеромъ, затѣмъ быстрое или внезапное уменьшеніе къ одиннадцати часамъ вечера. Въ продолженіе дня количество вдыхаемаго воздуха увеличивалось немедленно послѣ каждаго приема пищи, завтрака, обѣда и проч., и затѣмъ тотчасъ уменьшалось, возвышаясь опять передъ слѣдующимъ приемомъ пищи. Число скорости вдыханія соответствовало вообще количеству вдыхаемаго воздуха, но цифры крайнихъ предѣловъ дня и ночи болѣе

значительны для скорости вдыханія, чѣмъ для количества вдыхаемаго воздуха. Время наиболѣе сходное въ отношеніи количества и скорости вдыханія между чаемъ и ужиномъ. Средній объемъ вдыханія $26\frac{1}{2}$ кубическихъ дюймовъ, постоянный minimum его въ 18,1 кубическихъ дюйма ночью, а maximum въ 32,2 кубическихъ дюйма, въ половинѣ втораго часа по полудни. Число біеній пульса, среднее, въ минуту семьдесятъ-пять разъ; minimum бываетъ въ половинѣ четвертаго по полудни, maximum въ три четверти девятаго по полудни; различіе между числомъ maximum и числомъ minimum равно третьей части послѣдняго, т. е. minimum. Сонъ приходитъ въ тотъ самый моментъ, когда наступаетъ minimum количества вдыхаемаго воздуха. Количество вдыхаемаго воздуха значительнѣе, когда человекъ стоитъ, и менѣе когда онъ сидитъ, еще менѣе когда лежитъ; оно увеличивается при верховой ѣздѣ, болѣе или менѣе, смотря по скорости лошадинаго бѣга; оно увеличивается также при поѣздѣ въ omnibusъ. Въ путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, увеличеніе вдыханія болѣе въ вагонахъ втораго класса, чѣмъ въ вагонахъ перваго класса, и еще болѣе въ вагонахъ третьаго класса и на локомотивѣ. Равнымъ, образомъ увеличеніе вдыханія имѣютъ мѣсто при плаваніи, ходьбѣ, бѣгѣ, ношеніи тяжестей, восхожденіи и нисхожденіи съ лѣстницы, и въ болѣе части этихъ случаевъ дознано, что пропорціональность увеличенія измѣняется смотря по усилію болѣшаго или мѣншаго движенія. Оно увеличивается также при громкомъ чтеніи и пѣніи, и уменьшается при наклонномъ сидѣніи. Количество воздуха, поглощаемаго дыханіемъ, увеличивается, когда человекъ подверженъ дѣйствию теплоты и солнечныхъ лучей; оно уменьшается въ тѣни и сумеркахъ. Увеличеніе или уменьшеніе искусственной теплоты производитъ соответствующіе результаты; сильный жаръ увеличиваетъ значительно глубину вдыханія. Увеличеніе имѣетъ также мѣсто подѣ влияніемъ холодной ванны, омовенія холодной губкой, при холодныхъ духахъ, во время завтрака, обѣда и чая, если пьютъ только чай, ибо кофе производитъ уменьшеніе вдыханія, также какъ ужинъ, состоящій изъ хлѣба съ молокомъ; одно молоко или молочный супъ производитъ увеличеніе, а также слѣдующіе предметы: яйца, биштекъ, холодное, каши, картофель, сахаръ, чай, ромъ. Уменьшеніе вдыханія бываетъ когда употребляютъ въ пищу: масло, жиръ, оливковое масло, араруть, водку. Эфиръ, аммоніакъ, опиумъ, морфинъ, содистый хлоръ производятъ уменьше-

ніи. Хлороформъ, принятый желудкомъ въ приемъ изводитъ сначала увеличеніе среднимъ числомъ въ 2 мовъ, а затѣмъ уменьшеніе до 20 куб. дюймовъ.

— Недавно вышло въ свѣтъ описаніе путешествія ктона въ восточныхъ странахъ Африки. Онъ знакомъ съ малоизвѣстною мѣстностью, въ формѣ разсказа впечатлѣній, изъ Адена въ Занлу, пребыванія въ Эшестивіи въ Гараръ и Берберахъ. Авторъ, какъ опытный разсказываетъ весьма интересно о своихъ приключеніяхъ, обычаяхъ и мѣстности, имъ посещенной; въ говоритъ между прочимъ о началѣ своего странствія.

«Многіе, безъ сомнѣнія не знаютъ, что въ разотнѣбудь сто лѣтъ отъ Адена, существуетъ городъ, восточныхъ странахъ Африки тоже самое значеніе, какъ и на западѣ. Тщетно смѣлые путешественники, шіе Абиссинію, напрасно многочисленныя и неустрашіонеры католическіе, покушались приблизиться Фанатическій народъ и подозрительный Шейхъ, обътому отважному невѣрному, который осмѣлился бы своимъ присутствіемъ стѣны этого святаго города, котораго, по уважаемому преданію, зависитъ отъ и вѣчнаго отстраненія отъ него франковъ. Вотъ поубѣдилась, что предпріятіе подобнаго рода было бы и съ-тѣхъ-поръ перестали объ немъ и думать. Ани путешественнику Буртону принадлежитъ честь — какъ называется—первыхъ шаговъ въ восточной Африкѣ. странника по священнымъ городамъ Аравіи, Бурсебя за истиннаго мусульманина, и покусился первыищидецъ проникнуть въ городъ, запрещенный невѣрнитить властителя, имъ управляющаго. Какъ будто мусульманинъ—говоритъ онъ—я хотѣлъ отправиться и шестой день мѣсяца Сафара, потому что этотъ день у пророка, какъ день начала исламизма, но не вѣдѣлся ранѣе, какъ на другой день, 29 октября. Пооставивъ паруса, мы вышли изъ порта и вхопроизносили молитву — fat-hah, въ честь Шейха-Мбрѣтателя компаса моряковъ. Еще нѣсколько мгновкорабль скользилъ по тѣмъ магическимъ волнамъ, словамъ Эль-Массуди, этого арабскаго Геродота, слуха путешественника тихое пѣніе сиренъ. Но мнѣ

ворить Буртонъ — познакомить читателя съ моими спутниками. Прежде всего упомяну о Могаммедъ Махмудъ, котораго обыкновенно называютъ Эль-Гаммаль, т. е. носильщикъ: онъ сержантъ (havildar) въ военномъ полицейскомъ отрядѣ Адама, и дѣлъ былъ мнѣ въ спутники властями этого города. Эль-Гаммаль темперамента лимфатическаго; цвѣтъ кожи его чернѣй, оваломія его одушевлена и черты его правильны. Эти два качества столь радки между его соотечественниками, что его сравниваютъ съ Индѣйцемъ. Сирота отъ малыхъ лѣтъ, онъ бѣжалъ изъ своего племени въ молодые годы и нанялся простымъ восточникомъ на военный корабль Индѣйской компаніи. Возвышаясь постепенно въ своемъ званіи, дошелъ онъ до того, что былъ капитаномъ и служилъ переводчикомъ для путешественниковъ; онъ посетилъ отдаленныя страны, какъ напримеръ Бомаль и Египеть, и наконецъ опредѣлился на службу въ аденской полиціи. Онъ не умѣетъ ни читать, ни писать, но онъ обладаетъ знаніемъ пятнадцати или двадцати-лѣтней опытности не легко добытой, а въ случаѣ нужды, способенъ говорить долго и свободно. Превосходный mimicъ, онъ подражаетъ намъ когда хочется представлять Египетскихъ танцовщиковъ, или церемонныя манеры Индѣйцевъ, гнѣвъ Арабовъ, сооры Персіянъ, живость Европейцевъ или занальчивость Турокъ. Одаренный особеннаго рода необратительною, покусной въ дѣтствѣ, онъ могъ бы назваться дожимъ человекомъ, если бы не имѣлъ того общаго характеристическаго всемъ Самаламъ недостатка, что оваломія ихъ никогда не скрываетъ то, что ими чувствуется. Другой мой служитель, выбранный также изъ полиціи аденской, изъ имени Гуледъ. Это молодой человекъ хорошаго семейства той же самой трибы, къ которой принадлежитъ и Могаммедъ. Отецъ его владѣлъ большимъ имуществомъ и братья его богатые бедуны, живущіе въ окрестностяхъ Бербера. Не смотря на это, онъ покинулъ свою родину семи лѣтъ, чтобъ сдѣлаться слугою князя Моккесскаго. Изъ Мокки онъ пришелъ въ Адень, гдѣ поступилъ въ полицію. Онъ высокаго роста и худъ какъ скелетъ, что впрочемъ довольно обыкновенно между Самалами. Мы его называемъ длиннымъ Гуледомъ. Онъ отваженъ и безъ размысленія бросается въ опасность, но способность его тогда и его первое сложеніе ему измѣняютъ; изъ его трясущихся рукъ выпадаетъ капсуль или картузь. Онъ не можетъ спосить ни голода, ни жажды, ни холода. Третіе лице моей свиты, Абди-

Абокрь (сокращенное отъ Абдуллахъ и Абубокрь) — принадле-
жащій къ тому же племени Хабръ-Герхарисъ, какъ и два пер-
вые. Это человекъ около сорока лѣтъ, но кажущійся гораздо
старше, съ малыми пронизательными глазами, вдавшимися и весь-
ма оближенными другъ съ другомъ. Походка его вертлявая,
какъ у кошки, и выраженіе его лица — злобное; онъ не знаетъ
ни читать, ни писать, никогда не молится, но знаетъ наизусть
нѣсколько главъ Корана и можетъ ихъ нѣтъ отъ вечера до
утра. Отецъ его былъ некогда богатымъ арматоромъ, но, поки-
нутый своими двумя сыновьями послѣ потери своего состоянія,
живетъ теперь благодѣяніями властителя Завлы. Абди истратилъ
значительныя суммы во время своихъ долгихъ странствованій,
доведшихъ его даже въ Индію. Вездѣ гдѣ онъ ни былъ, онъ
сдѣлалъ какой нибудь худой поступокъ. Впрочемъ, онъ забав-
венъ, по привычкѣ восточной вѣжливости, говоритъ при каждомъ
случаѣ стихами поэта. Если онъ видитъ напримѣръ, что вы спѣ-
шите, онъ вамъ замѣтитъ, что терзніе есть дочь неба, а по-
спѣшность — порождена адомъ. Если онъ слышитъ грубое слово,
онъ напоминаетъ, что раны, нанесенныя свинцовою сталью, из-
лечимы, но противъ тѣхъ, которыя нанесены языкомъ — нѣтъ
никакого лекарства. Если зернышко риса останется на бородѣ,
во время завтрака или обѣда, онъ осторожно замѣтитъ, что въ
саду есть газель. Не смотря на все это, я съ трудомъ рѣшил-
ся взять съ собою Абди-Абокра, и только склонился на это
по увѣренію властителя Зейлы, который мнѣ сказалъ, что я
могу на него положиться какъ на сына.

Солнце восходящее указало намъ двѣ гигантскія горы, охра-
няющія входъ въ Красное море — это Эбель-Мейюмъ въ Африкѣ
и Эбель-Зубахъ въ Аравіи. Черезъ нѣсколько часовъ мы были
уже въ виду берега Барръ-Эль-Ажамъ, землю *Варваровъ*, т. е.
народовъ не арабскаго происхожденія, какъ ихъ называютъ
Зомалы. Это равнина желтаго песка, обнаженная и палящая, она
зависитъ отъ владѣнія *Еза*; къ полудню мы замѣтили мысъ
Разъ-Эль-Биръ, которымъ оканчивается гряда горъ Таюррса.
31 октября, рано утромъ, мы вошли въ проливъ Зейлы, плаваніе
по которому признано весьма опаснымъ между моряками.
Къ полудню мы замѣтили городъ. Настоящій типъ африканска-
го порта, онъ расположенъ на песчаной равнинѣ; зданія его,
возвышенность которыхъ увеличивается рефракцію, кажутся какъ

бы вышедшими изъ воды. После всѣхъ неблагопріятныхъ разсказовъ о *Замль*, Буртонъ былъ хорошо принятъ губернаторомъ, *Замлы Шамаркаемъ*, съ которымъ видѣлся еще въ Адень и поселился на нѣкоторое время въ этомъ городѣ, откуда отправился въ дальнѣйшее путешествіе къ Гарару. Мы сообщимъ подробности его путешествія.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-СОРОКЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ✓ **Боярщина.** Романъ. Часть первая. *А. Ф. Писемскаго.*
Антики въ Парижѣ. Стих. *Б. А. Алмазова.*
- ✓ **Босоножка.** Повѣсть. Часть первая (Ауэрбаха).
Два стихотворенія *А. А. Фета.*
Изъ Гейне. Стих. *М. Л. Михайлова.*
- ✓ **Очерки быта уральскихъ казаковъ.** *И. Желънова.*
- ✓ **Путевыя записки Борро,** англійскаго миссіонера въ Испаніи. Гл. I—VIII.
- ✓ **Боярщина.** Романъ. Часть вторая. *А. Ф. Писемскаго.*
- ✓ **Губернскіе честолюбцы.** I. Утро у Хрептюгина. Драматическій очеркъ.
Н. Щедрина.
Изъ первой пѣсни Потеряннаго Рая. Стих. *Л. Мея.*
Ваня-голая котомка. (Сербская пѣсня.) *Н. Берга.*
- ✓ **Босоножка.** Повѣсть. Часть вторая. (Ауэрбаха).
- ✓ **Путевыя записки Борро,** англійскаго миссіонера въ Испаніи. Гл. VIII — XVI.

III.—IV.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- ✓ **О самозванцахъ.** *А. А. Зеркина.*
Нѣсколько мыслей о системѣ общаго умственнаго воспитанія молодыхъ людей. *И. Лаврова.*
Объ устройствѣ сельскаго труда въ Пруссіи. *И. Горлова.*
- ✓ **О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи.** *Графа Орлова-Давыдова.*

V.

КРИТИКА.

Критическій взглядъ на современную критику искусства. *А. А. Григорьева.*
Сочиненія Пушкина. Седьмой дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова *И. Л.*

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей, Н. Гербеля.— Стихотворенія Л. Мея.— Слово о полку Игоревѣ, сына Святъ-слава, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея.— Разказы Н. Основскаго.

VII.

СМѢСЬ.

✓ Старая щеголиха. Комедія въ одномъ дѣйствіи, *Корженевскаго*. (Переводъ съ польскаго).

Необыкновенный охотникъ. Разсказъ *А. Н. Вакселя*.

Опытъ доктора Гейдэггера. Разсказъ *Готторпа*.

Новости наукъ, искусствъ и проч. — Горный промыселъ въ Пруссіи. — Индѣйскія дѣла.—Китайская эмиграція.—Внѣшняя торговля Франціи.

Петербургская хроника. Логическіе выводы ничтожности прошлаго и прямая обязанность пользоваться только настоящимъ. — Счастливыя предсказанія, основанныя на вѣрныхъ данныхъ.—Многочисленныя блага настоящаго года.—Способъ вѣрнаго употребленія капиталовъ. — Приятныя ожиданія.—Дѣвица Пастрена и волшебникъ де-Костень.—Компанія продовольствія Невскою водою и открытіе дѣйствій Компаніи зготовленія жизненныхъ продуктовъ. — Человѣколюбивое распределеніе капиталовъ Демидовскаго дома призрѣнія бѣдныхъ.—Театральная хроника. — Еще нѣсколько словъ о комедіи г. Львова: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей»; выполненіе ея на сценѣ.—О бенефисахъ вообще и бенефисѣ г-жи Владиміровой въ особенности.—Новыя и возобновленныя пьесы. — Первое представленіе оперы: Іоанна де-Гусманъ.—Успѣхи петербургскаго композитора за границей.

Моды, съ парижскою раскрашенною картинкою.

Разныя извѣстія.

Письма изъ-за границы. *М. Авдѣева*.

Петербургская хроника. Русскія ученая Собранія.—Годичное празднованіе основанія Московскаго Университета и рѣчи на немъ.—Годичное празднованіе студентовъ Харьковскаго Университета.—Масляничное препровожденіе времени.—Новый балетъ: Корсаръ. — Типъ одного изъ многихъ петербургскихъ театраловъ и его вѣсторги и зюкдюченія. — Спектакль во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. — Балы и маскарады.—Троечные поѣзды и пикники.

Новости наукъ, искусствъ и проч. Мендельсонъ-Бартольди. — Результаты ученой экспедиціи братьевъ Шлагинвейтъ въ Индію.—Наблюденія надъ количествомъ воздуха, вдыхаемаго человѣкомъ —Калифориское золото. — О путешествіи капитана Буртона.

Моды, съ парижскою раскрашенною картинкою.

